ЛОБАЧЕВСКИЙ

ЛОБАЧЕВСКИЙ

Н. И. ЛОБАЧЕВСКИЙ
Портрет маслом Л. Крюкова, 1839 г.
Президиум Академии Наук СССР, Москва

А К А Д Е М И Я Н А У К
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
Под общей редакцией академика С. И. Вавилова

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ
Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Собрал и редактировал
Л. Б. МОДЗАЛЕВСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
академик *С. И. Вавилов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы еще плохо знаем историю нашей науки. Сложная, многосторонняя жизнь и деятельность даже наиболее замечательных ученых нередко излагается в виде упрощенных схем, иногда искаженных в самом главном по сравнению с исторической действительностью.

В отдельных случаях причина этого кроется в небрежности и поспешности историков и биографов, не потрудившихся ознакомиться с подлинными напечатанными и собранными трудами и материалами, касающимися тех деятелей науки, о которых они пишут. Чаще основание более серьезно и состоит в том, что научные труды в значительной части не опубликованы, не собраны, а материалов никто не искал.

Можно заметить, что итог сопоставления научных трудов, опубликованных и оставшихся ненапечатанными (или забытыми), писем, воспоминаний и других документов может оказаться совершенно своеобразным. Восстанавливается духовный образ человека, который оставался неизвестным ему самому и, конечно, другим современникам. Правильное, умелое собрание научных и архивных материалов, касающихся ученого, равносильно интегрированию по времени и по разным точкам зрения, представляющему образ ученого иной раз совсем в новом свете. Работа такого рода может иметь очень большое значение не только как восстановление забытого образа, но, в сущности, как его создание.

Необходимо, впрочем, еще раз подчеркнуть, что собирание и публикация материалов должны быть искусными и осторожными. Жизнь каждого интеллигентного человека, в том числе и ученого, в наше время отпечатлевается в необъятном количестве всякого рода документов. Собирание их в архивах, а тем более печатная публикация, даже в отношении выдающихся деятелей науки, возможна лишь в ограниченных рамках. Иначе угрожает совершенно реальная опасность документального потопа. В установлении таких рамок и сказывается мастерство историка и собирателя материалов. При этом, конечно, работа по воссозданию истинного образа ученого налагает на нее специальные условия, вытекающие из особенностей научной деятельности.

Большой труд проф. Л. Б. Модзалевского возник по инициативе Комиссии по истории Академии Наук СССР (КИАН) во время эвакуации значительной части Академии в г. Казань в 1942 г. В это время в городе Лобачевского в связи с обстоятельствами войны жили и работали многие советские математики, физики и астрономы. Общий единодушный патрио

тический подъем во время войны имел следствием повышенный интерес к истории отечественной культуры и, в частности, науки.

Находясь в Казани, члены КИАН считали долгом Комиссии помочь делу изучения жизни и деятельности создателя неэвклидовой геометрии. Смысл и значение математических работ Н. И. Лобачевского в свое время не был понят Академией в лице даже такого выдающегося математика, каковым был М. В. Остроградский. Эта роковая ошибка, вытекавшая из того, что идеи Лобачевского слишком опережали свое время, болезненно отозвалась на развитии гения великого русского геометра, и советская Академия обязана сделать все от нее зависящее для восстановления истинного характера и размеров деятельности Н. И. Лобачевского перед родиной и всем миром.

Материалы, собранные, избранные и комментированные Л. Б. Модзалевским, во многом по-новому освещают научную, педагогическую, организационную и личную жизнь Н. И. Лобачевского. В вводной статье Л. Б. Модзалевский дает подробный обзор опубликованных в книге материалов. Этот обзор позволит читателю предварительно ориентироваться в разнообразном содержании книги. По опубликованным в книге материалам становятся доступными глубокие, почти неизвестные, мысли Н. И. Лобачевского о началах геометрии, об аксиоматике, о преподавании математики. На основании ряда документов удается восстановить образ Н. И. Лобачевского как профессора физики, его взгляды на отдельные важные спорные физические проблемы (например теорию света), на существо математической физики. В книге опубликована весьма интересная программа курса физики, составленная Н. И. Лобачевским, и документы, связанные с оборудованием физического кабинета Казанского университета. Приходится менять распространенные представления о некоторых биографических моментах в жизни Лобачевского, о его административной деятельности, об отношении к нему министерства просвещения.

Есть основания думать, что настоящая книга с материалами о Н. И. Лобачевском далеко не исчерпывает все интересное и важное о нем, что можно еще разыскать в государственных архивах и у частных лиц, и мы надеемся, что Л. Б. Модзалевский продолжит свою работу.

С. Вавилов

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Если за последние десятилетия значение математических идей Н. И. Лобачевского получило мировое признание и подробно изучено в специальных работах как русских, так и западноевропейских ученых, то до самого последнего времени жизненный путь его остается во многом неясным и необследованным. И в этом отношении позволительно сравнивать Лобачевского с Ломоносовым. Если многие научные идеи Ломоносова были погребены в его рукописях до их опубликования и исследования в начале XX в. проф. Б. Н. Меншуткиным, который буквально «открыл» миру Ломоносова-ученого, то и Лобачевский также оставался непризнанным как ученый еще долгие годы после своей смерти, несмотря на то, что свои основные труды по неэвклидовой геометрии он напечатал сам в расцвете своих творческих сил. С другой стороны, подробности биографии Ломоносова всегда привлекали исследователей, и более чем за 150 лет, прошедших со дня его смерти, наука обогатилась крупнейшими исследованиями в этой области вплоть до выпуска специальных сборников, посвященных изучению его жизни и трудов.[1] Жизненный путь Н. И. Лобачевского остается неизученным; в современных работах о нем повторяются по традиции, установившейся еще с конца 60-х годов XIX в., ошибки и неправильные толкования отдельных фактов его жизни, основанные на отсутствии достаточного количества собранных документальных материалов. Это будет показано на целом ряде примеров.

Сходство исторических судеб Ломоносова и Лобачевского как бы повторяется и в их биографиях. Оба они отдали свои жизни народному просвещению: первый в стенах Академии Наук, второй — в стенах Казанского университета. Без кипучей страстной деятельности на пользу народа они не мыслили своего существования, и оба кончили свои дни, отдав ему свои силы и здоровье, — Ломоносов сравнительно быстро, а Лобачевский, постепенно угасая. И среда, в которой им пришлось действовать и бороться, была средою неблагоприятною. Ломоносов работал в Академии Наук в эпоху засилья чиновников от науки Шумахеров-Таубертов, а Лобачевский — в эпоху сперва мрачного периода деятельности ханжи и мракобеса Магницкого, душившего всякое проявление самостоятельной

---

[1] Например, известный сборник академика П. С. Билярского: «Материалы для биографии Ломоносова», СПб., 1865, и сборники 1911 и 1940 годов.

живой мысли, а затем — в душной атмосфере николаевской реакции. Борьба Ломоносова со средой окончилась его преждевременной смертью в расцвете творческих сил; борьба Лобачевского — его преждевременной дряхлостью, слепотой и увяданием. Даже начала их самостоятельной общественной жизни имеют удивительное совпадение: оба гения в юношеском возрасте отдали дань проявлению страстных, иногда буйных порывов молодости, оба вынуждены были в какой-то, каждому в отдельности присущий, момент стать более сдержанными — Ломоносов в 33 года, когда он публично и письменно принес извинение перед Конференцией Академии Наук, а Лобачевский — в 18 лет, когда также публично перед Советом Казанского университета должен был «оказать совершенное признание и раскаяние в прежних своих поступках». Впрочем, исключительно страстные натуры, и Ломоносов и Лобачевский, не могли уложиться в установленные средой и этикетом рамки; их порывы проявлялись внезапно под влиянием общественного гнева. Так, Ломоносов позволял себе и в дальнейшем резкие выражения, полные гнева и обличения против «гонителей наук». Лобачевский проявлял свой гнев против Магницкого протестом в присутственном месте или, по его выражению, в «буйстве», или, охваченный гневом против лиц, портивших общественное имущество, позволил себе однажды наказать их палочными ударами. В этом проявлялась, может быть и в нежелательной для каждого из них форме, особенность их натур, свойство их характеров, и в этих необузданных порывах заключалась их цельность и прямолинейность. Эти свойства, эти качества, их целеустремленность, направленные на общественное благо, на борьбу с отсталостью и с косностью, окружавшими каждого из них в разные эпохи, — драгоценный для нас, их потомков, материал для изучения тончайших проявлений их гения.

Чтобы правильно понять и изучить деятельность и Ломоносова и Лобачевского, необходимо прежде всего знать обстановку и общественную среду, в которой она протекала. Если для Ломоносова в этом отношении уже многое сделано, разысканы и изучены подлинные документы о его плодотворной работе в Академии Наук, исследованы многие стороны истории самой Академии, — а жизнь Ломоносова нельзя отделить от истории Академии, так они тесно переплетаются, — то для Лобачевского, повторяю, сделано до сих пор было очень мало.

Жизнь и деятельность Лобачевского тесно связаны с историей Казанского университета на протяжении более полустолетия, поэтому естественно, что они не могут быть оторваны от него, не могут изучаться без привлечения документов и материалов, характеризующих историю университета в целом. Предлагаемый вниманию исследователей сборник материалов для биографии Лобачевского с соответствующим аппаратом примечаний, построенных в конце сборника как словарь-указатель преимущественно лиц университетского окружения Лобачевского, а также лиц, связанных с казанской жизнью того времени, и ставит своей задачей

в пределах возможного и допустимого объема книги дать материал о Лобачевском на фоне казанской университетской жизни. Еще первые биографы Лобачевского именно так понимали свою задачу. Уже первый биограф Лобачевского проф. Э. П. Янишевский [1] включил в свой труд, ставший на долгие годы единственным источником изучения жизни Лобачевского, подлинные документы архива Казанского университета. Затем проф. Н. Н. Булич в своей книге, напечатанной через двадцать лет, [2] дал за ранний период истории Казанского университета много нового, свежего документального материала, воссоздав тот необходимый фон казанской университетской жизни, на котором проходила деятельность Н. И. Лобачевского в 1805—1819 гг. Монументальный труд проф. Н. П. Загоскина [3] охватывает уже более значительный хронологический период времени до 1827 г. В нем история университета доведена до 1826 г. включительно, т. е. до важного в его истории года, когда произошло падение М. Л. Магницкого и когда наступила в университете новая эра деятельности М. Н. Мусина-Пушкина и Н. И. Лобачевского. Таким образом, до настоящего времени историк университета и биограф Лобачевского располагал материалами, характеризующими лишь первый, начальный период как истории университета, так и биографии Лобачевского, и притом, как это будет видно из последующего изложения, далеко не исчерпавшими колоссальных богатств архива Казанского университета, в особенности в отношении деятельности в нем Н. И. Лобачевского.

Последующие биографы Лобачевского вносили некоторые дополнительные черты в его жизнь и деятельность, но не ставили перед собой задачу всестороннего привлечения материалов. Таковы биографии, написанные проф. А. В. Васильевым.[4] Им же написана не утратившая своего значения и для нашего времени биография Лобачевского для «Русского биографического словаря» [5] и собраны материалы для книги проф. Ф. Энгеля, [6] который в основу своей работы взял все же первую биографию Лоба-

---

[1] Э. П. Янишевский. Историческая записка о жизни и деятельности Н. И. Лобачевского, Казань, 1868.

[2] Н. Н. Булич. Из первых лет Казанского университета (1805—1819), Казань, ч. I, 1887; ч. II, 1891.

[3] Н. П. Загоскин. История императорского Казанского университета, Казань, т. I, 1902; т. II, 1903; т. III, 1904, и т. IV, 1906.

[4] А. В. Васильев. Николай Иванович Лобачевский. Речь, опубликованная в юбилейном издании: «Празднование Казанским университетом столетней годовщины дня рождения Н. И. Лобачевского», Казань, 1894, и отдельно в виде брошюры. А. В. Васильев. Значение Н. И. Лобачевского для Казанского университета, Казань, 1896.

[5] Том Лабзина—Ляшенко, СПб., 1914, и отд. оттиск, а также в книге: А. В. Васильев. Математика, вып. I, П., 1921 (серия Русская наука. Отдел второй), стр. 17—26.

[6] «Nikolaj Iwanowitsch Lobatschefsky. Zwei geometrische Abhandlungen. Aus dem russischen übersetzt, mit Anmerkungen und mit einer Biographie des Verfassers von Fr. Engel», Leipzig, 1898.

чевского, написанную проф. Э. П. Янишевским. В этот же период (1868—1914) были опубликованы некоторые воспоминания о Лобачевском его учеников, А. Ф. Попова, Н. П. Вагнера и др., а также воспоминания сына его, Н. Н. Лобачевского, которые неоднократно привлекались биографами для своих работ. Я не буду перечислять других многочисленных биографий Лобачевского, написанных, главным образом, на основании вышеуказанных книг и воспоминаний и преимущественно к юбилейным дням и по другим поводам, вплоть до последнего юбилея 1943 г.[1] Это дело специальной библиографии о Лобачевском, которой, к сожалению, до сих пор еще не имеется.[2] Отмечу лишь, что последней наиболее полной и достоверной биографией Лобачевского является книга проф. В. Ф. Кагана «Лобачевский».[3] В. Ф. Каган с исключительной добросовестностью изучил и привлек все ранее известные документы и материалы о Лобачевском, а также неопубликованный последний труд проф. А. В. Васильева «Жизнь и научное дело Лобачевского», оставшийся мне недоступным и содержавший некоторые новые материалы о Лобачевском, повидимому, все же ставшие мне известными и включенными в настоящий сборник по первоисточникам.

Настоящий сборник документов и материалов для биографии Н. И. Лобачевского, конечно, не является новой биографией Лобачевского. Это прежде всего сборник текстов рукописных и печатных документов, подвергшихся археографической обработке и снабженных примечаниями, о которых я упоминал выше. Трудность составления подобного сборника теперь, когда прошло уже более 90 лет со дня смерти Лобачевского, очевидна. В этом отношении приходится очень пожалеть о том, что ни друзья Лобачевского, ни его ученики, ни его вдова и дети, собственно говоря, ничего не сделали для того, чтобы сохранить для нас его обширное некогда рукописное наследие. Пушкин, изучая жизнь Вольтера, писал: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записки к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов». Советская наука стремится к изучению деяний наших великих предшественников. Теперь, как никогда прежде, предоставляются неисчерпаемые возмож-

---

[1] См., напр., сборник Академии Наук СССР «Николай Иванович Лобачевский (1793—1856)», М.—Л., 1943, со статьями Б. Л. Лаптева, П. А. Широкова и Н. Г. Чеботарева. Другие издания цитируются мною в примечаниях.

[2] См. новейший справочник Э. Файдель и К. Шафрановского: «Николай Иванович Лобачевский. Перечень трудов и биографических материалов», М.—Л., 1944, 24 стр.

[3] В. Ф. Каган. Лобачевский, изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1944, Научно-популярная серия.

ности не только к сохранению архивного наследия наших великих современников, но и для углубленного изучения и опубликования всего необходимого документального материала, фиксирующего на долгие времена их труды и их высокую полезную деятельность. К сожалению, мы не можем сказать, что такие благоприятные условия существовали у нас еще несколько десятилетий тому назад. И теперь нам приходится иногда по отдельным сохранившимся фрагментам воссоздавать облики давно ушедшего, великого прошлого нашей родины и ее крупнейших представителей, лучших людей, имена которых составляют нашу национальную гордость.

С прискорбием приходится говорить о том, что Н. И. Лобачевский — наша гордость, наша слава — еще не изучен так, как он этого заслуживает. Личный его архив, который содержал в свое время не только рукописи его замечательных работ, может быть и неизданных, но и его обширную переписку со многими крупнейшими современниками, не сохранился. Драгоценный обычно материал, вскрывающий внутренний мир человека, — его письма к родным и близким друзьям — до нас не дошли. А Лобачевский переписывался со многими родными своей жены (Л. Е. Растовской, Ф. Е. Нератовой, Колбецкими, Моисеевыми и др.). Нет его писем к друзьям, к ученикам... Почти никто из них не пожелал сохранить для нас его писем, живых свидетелей его мыслей, планов, его мировоззрения, его отношения к людям, его радостей и горестей. Лобачевский-человек, Лобачевский в жизни — во многом остается еще неразгаданным и непонятным. Некоторые черты его внутреннего мира приоткрывают его письма к его другу И. Е. Великопольскому, случайно уцелевшие в архиве последнего и опубликованные еще в 1903 г. Б. Л. Модзалевским [1] и включенные полностью в настоящий сборник; сохранилось также несколько писем Лобачевского к Ф. Е. Нератовой и некоторым другим, и это все, чем мы располагаем. Вот почему представляют интерес некоторые письма, извлеченные мною впервые из большого архива И. Е. Великопольского, письма как его самого, так и его жены и ближайших родных В. А. Лобачевской. Эти письма печатаются в выдержках, имеющих отношение к Лобачевскому, и отчасти приоткрывают его интимную жизнь и отношения к родным его будущей жены. Они относятся главным образом к 1832 г., когда произошла женитьба Лобачевского на В. А. Моисеевой.

Более значительный материал мне удалось собрать об университетской деятельности Лобачевского. На первом месте здесь необходимо поставить частные письма Н. И. Лобачевского к его начальнику и близкому человеку, попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину. Известные уже давно специалистам, письма эти только теперь полностью печатаются в настоящем сборнике и дают за 1827—1832 гг. значительный материал для характеристики деятельности Лобачевского как

[1] Известия Казанского физико-математического общества, ч. XII, 1903, стр. 86—101.

администратора на первом этапе его работы на посту ректора Казанского университета.

Из других материалов, имеющих частное происхождение, идущих из частных архивов и поэтому не предназначавшихся для печати, я должен указать на переписку попечителя Казанского учебного округа Магницкого с ректором университета проф. Г. Б. Никольским за 1821—1823 гг., *впервые привлеченную для изучения биографии Лобачевского. Она хра*нится в Библиотеке Казанского университета, повидимому, с давних пор, не была использована лишь по странной случайности и представляет собою исключительно важный материал для истории университетской жизни и, в частности, для биографии Лобачевского за период попечительства Магницкого. К сожалению, из-за большого объема этой переписки пришлось ограничиться для настоящего сборника лишь отдельными выдержками из нее, касающимися Н. И. Лобачевского. Переписка эта ярко характеризует ту растлевающую атмосферу ханжеского благочестия и морального разложения и ту систему политических доносов и полицейского сыска, которые пронизывали при Магницком не только весь административный аппарат Казанского университета, но в какой-то степени и часть университетской профессуры. Прежде всего, конечно, во весь рост встает перед нами неприглядная и отталкивающая фигура самого попечителя, а затем и фигура беспринципного и подхалимствующего ректора, Г. Б. Никольского. Выдержки из переписки показывают и истинное отношение авторов переписки к Лобачевскому, которого и Магницкий и Никольский пытались заставить «смириться», выражаясь их языком. После опубликования этой переписки делаются понятными исключительно трудные условия работы Лобачевского в университете в это «глухое» для него время; по-новому осмысляется теперь и привлечение Лобачевского к делу о проверке тетрадей профессоров Петербургского университета Э. В. Раупаха и К. Ф. Германа, а также привлечение его к делу проф. Г. И. Солнцева, из которых, нужно прямо сказать, Лобачевский вышел с честью.[1] Но эта полоса его жизни несомненно наложила на него свой отпечаток и отразилась на его характере, сделавшемся впоследствии нелюдимым и замкнутым. Переписка эта указывает на один новый важный факт: участие Лобачевского в 1822 г. в конкурсе на премию Парижской Академии Наук. Мои поиски материалов для более точного освещения этого факта остались, однако, тщетными.

Разысканы и привлечены мною и новые материалы частной переписки Н. И. Лобачевского с П. А. Плетневым, И. М. Симоновым и др., поскольку эта переписка сохранилась, но, конечно, приходится еще раз пожалеть, что всё это жалкие остатки того драгоценного материала, который когда-

---

[1] См. подробнее об этом в новом изложении в книге проф. В. Ф. Кагана, «Лобачевский», М.—Л., 1944, стр. 73—77.

то существовал в бо́льшем количестве и несомненно был более значителен по своему внутреннему содержанию.

Основное содержание сборника занимают и по количеству, и по качеству документы и материалы, извлеченные из официальной переписки и делопроизводства Казанского университета и канцелярии попечителя Казанского учебного округа, а также департамента народного просвещения министерства народного просвещения, департамента герольдии Правительствующего Сената и Конференции Академии Наук.

Большинство материалов впервые документально иллюстрируют основные факты прохождения Н. И. Лобачевским службы по Казанскому университету и вообще по Казанскому учебному округу, годы его учения в Казанской гимназии и в университете, его избрания в адъюнкты, магистры, экстраординарные и ординарные профессоры, наконец в ректоры, его переизбрания в эту должность, избрание заслуженным профессором, его назначение сперва управляющим Казанским учебным округом, затем помощником попечителя Казанского учебного округа и увольнение из университета, наконец его увольнение от должности помощника попечителя с причислением к министерству народного просвещения и его смерть 12 февраля 1856 г. Одновременно эти материалы освещают и уточняют отдельные моменты деятельности Лобачевского в университете в качестве декана физико-математического факультета, члена Училищного комитета, председателя Издательного комитета, многолетнего члена и председателя Строительных комитетов при университете и тому подобных разносторонних и многообразных его обязанностей. Эти факты, в значительной степени уже известные в печати в изложении биографов, дают, однако, много отдельных деталей и характеристик, еще неизвестных и дающих более подробную картину обширной профессорской и административной деятельности Лобачевского, которыми несомненно воспользуется будущий новый его биограф, и на которых я не буду останавливаться подробнее.

Более крупный интерес представляют, несомненно, новые материалы, освещающие методы преподавательской работы Лобачевского и его мировоззрение, а также те материалы, которые освещают более подробно, чем это было сделано ранее, попытки Лобачевского оповестить ученый мир о своих научных трудах по алгебре и в особенности по неэвклидовой геометрии.

По первому вопросу имеют первостепенное значение впервые публикуемые мною составленные Лобачевским конспекты или обозрения преподаваний, дающие представление о задачах университетского преподавания анализа, геометрии, механики и математической физики, и характеризующие философские и естественно-научные взгляды Лобачевского. «Эти манускрипты, — пишет покойный профессор Н. Н. Парфентьев, который впервые их обнаружил и обследовал, — являющиеся в сущности объяснительными записками к тем программам, по коим Лобачевский вел

свои курсы, поражают читателя своей глубиной: почти каждая строка носит на себе следы величайшей гениальности глубоко проникновенного ума автора».[1] В дальнейшем, излагая естественно-научные взгляды Лобачевского, Н. Н. Парфентьев цитирует некоторые отдельные места этих конспектов. «Я думаю, — пишет он, — можно определенно сказать, что Лобачевский по своим воззрениям на геометрию, механику и даже физику стоял не только на уровне идей таких мировых колоссов, как Лаплас, Лагранж, Пуассон, Ампер, Фурье, Гаусс, но в части, касающейся принципиальной обоснованности геометрии, механики или тех или других отделов физики, он смотрел дальше, чем они: он дал первый раньше других начало аксиоматического обоснования основ геометрии и эвклидовой, и неэвклидовой, синтетически создав последнюю, но нужно отметить, что из рассыпанных и в разных местах оставленных им рукописей с очевидностью видно, что он думал о таком же строгом обосновании и аналитической механики, ибо, как он сам пишет, ни Лагранж, ни Лаплас его неудовлетворяли. ,,Пуассон и Фурье, — говорит он, — сделали более и даже все необходимое: они рассмотрели все случаи, какие могут встретиться в природе! Я думаю, что могу пополнить недостаток, однакож хочу ожидать прежде суждения других и до времени следовать в преподавании примеру знаменитых математиков Пуассона и Фурье". Лобачевский не осуществил по этому пути своих глубоких замыслов». Относительно философских воззрений Лобачевского, Н. Н. Парфентьев приходит к выводу, что «он был, понятно, истым натурфилософом в истинном смысле этого слова, и всякое философствование без натуралистической опытной базы считал бесполезным». «В лице Лобачевского славный Казанский университет имел и великого мыслителя-философа и блестящего и искусного аналиста, и геометра-синтетика, и ученого, глубоко понимавшего тогдашние течения и в области механики, и физики, и астрономии». Теперь, после опубликования этих памятников философско-математической мысли, каждый специалист сможет более решительно делать свои выводы о научном мировоззрении Лобачевского, чем это было возможно ранее.

По второму вопросу мною полностью печатаются те документы, которые дают материал для суждения о печальной истории с попыткой опубликования Лобачевским своего учебника геометрии в 1823 г. Уточняет во-

---

[1] См. его статью «Натурфилософия Н. И. Лобачевского» в сборнике «К 125-летию Казанского Государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина», 1930, стр. 33—42. Эта статья покойного ученого, к сожалению, прошла незамеченной и ни разу не была использована специалистами в многочисленных работах о Лобачевском в юбилейный 1943 год. Она представляет собою видоизменение французских работ того же автора, в том числе его доклада, сделанного им на Международном Конгрессе математиков в Болонье в 1928 г.; другая его работа должна была появиться в Миланском журнале «Scientia». Появилась ли она в действительности — мне неизвестно.

прос о судьбе рукописи доклада, прочтенного Лобачевским на заседании физико-математического факультета 11—23 февраля 1826 г., «Exposition succinte des principes de la Géometrie avec une démonstration rigoureuse du théoreme des parallèles», впервые прочитанная мною помета на препроводительном письме Лобачевского в факультет. Она устанавливает, что спустя восемь лет, на основании постановления физико-математического отделения от 13 июля 1834 г., всё дело об этой рукописи было сдано в архив университета. Таким образом, в течение восьми лет комиссия, образованная в составе И. М. Симонова, А. Я. Купфера и Н. Д. Брашмана, никакого решения не вынесла и отзыва о труде Лобачевского не представила.[1] Рукопись самого доклада Лобачевского, очевидно, осталась на руках у кого-либо из членов этой комиссии.

Некоторые интересные детали дают также материалы о представлении Лобачевским через Совет Казанского университета в 1832 г. своего мемуара «О началах геометрии» в Академию Наук. Официальный ответ Конференции Академии Наук от 13 сентября 1832 г., писанный частью рукою непременного секретаря П. Н. Фуса, показывает, что ответ этот в первоначальной редакции был составлен с указанием на передачу мемуара на отзыв академику М. В. Остроградскому, а затем изменен в связи с полученным от последнего отрицательным отзывом. В ответе осталось лишь выражение благодарности Академии Наук Лобачевскому за представление этого мемуара. Этот факт устанавливает, что отрицательный отзыв Остроградского послан Лобачевскому не был. Таким образом, мнение о том, что Академия Наук в целом отнеслась отрицательно к труду Лобачевского, оказывается неправильным. В свете критики журнала «Сына Отечества» на этот мемуар представляет важное значение публикуемый мною впервые подлинный отзыв Остроградского,[2] в котором последний точно указывает, о каких двух интегралах, из коих один был назван в рецензии «нелепым», шла речь. Отзыв Остроградского указывает, как мне кажется, на более тесную связь его с рецензией «Сына Отечества» и даст, несомненно, в руки биографа новый материал для суждения о роли академика М. В. Остроградского в пасквильной истории с травлей гениальной работы Лобачевского в Булгаринском «Сыне Отечества».

Характерно, что через 10 лет, в 1842 г., когда Лобачевский снова представил в Академию Наук свою очередную работу о сочетании рядов, и на этот раз, уже через министра народного просвещения С. С. Уварова, она также попала на отзыв академику М. В. Остроградскому, который и в этом случае оказался верным себе и забраковал ее, указав на то, что

---

[1] Ср. цитированную выше книгу проф. В. Ф. Кагана, стр. 137.

[2] В. Ф. Кагану этот документ остался неизвестным (см. стр. 189—191). Он оперирует лишь изложением его содержания по протоколу заседания Конференции от 7 ноября 1832 г. (у В. Ф. Кагана ошибочно: 31 октября).

«она не заслуживает внимания Академии». Этого отзыва Лобачевский также не знал.[1]

По-новому могут быть переосмыслены и факты, заключенные в новых документах, извлеченных из дела о представлении Лобачевским в 1825 г. в Физико-математический факультет Казанского университета своего труда «Алгебра или вычисление конечных», хотя они и были в руках проф. В. Ф. Кагана.[2] Мне удалось впервые прочитать составленные Лобачевским карандашом официальные ответы от имени университета и иначе понять значение нескольких редакций этих ответов. Дело в данном случае заключалось в том, что баллотирование «Алгебры» в Совете университета происходило, несомненно, в силу указания попечителя М. Л. Магницкого, которому важно было мнение Совета о труде Лобачевского. Когда же мнение это оказалось для Лобачевского благоприятным и, казалось, рукопись «Алгебры» было возможно по благоприятному же отзыву проф. Г. Б. Никольского разрешить к печати, встретились другие затруднения, и уже со стороны Н. И. Лобачевского, который добивался предоставления ему некоторых материальных выгод от продажи издания учебника. Его рукою карандашом и составлена вторичная, также неотправленная редакция письма университета попечителю именно в этом смысле. Остается всё же неясным вопрос, почему ректор университета К. Ф. Фукс не нашел возможным согласиться с справедливым желанием Лобачевского и не подписал представления на имя Магницкого в той редакции, которая Лобачевским была предложена.

Из других новых документов, на которых необходимо остановиться, следует указать на серию их, освещающую впервые хлопоты Лобачевского об утверждении его в правах дворянства, по материалам департамента герольдии Правительствующего Сената и Казанской родословной книги. В этом отношении энергичная деятельность Лобачевского вполне понятна и объяснима, если принять во внимание исторические условия той эпохи.

В эпоху Лобачевского в России во времена Николаевской реакции роль дворянства и чиновной бюрократии получила большое значение вследствие усиления бюрократического государственного аппарата и чинопочитания, вошедшего в государственную жизнь настолько глубоко, что создало особые условия «государства в государстве», которыми так возмущались революционно-демократические мыслители, ученые и писатели — Герцен, Белинский, Добролюбов, Чернышевский и др. Положение Лобачевского, поскольку он был в глазах университетского и министерского начальства прежде всего исполнительным чиновником, выходцем из разночинной семьи мелкого землемера обер-офицерского звания, было безусловно трудным и двусмысленным в университетской среде. Получе-

[1] Ср. В. Ф. Каган, назв. соч., стр. 235. Самый отзыв М. В. Остроградского также печатается впервые.

[2] Назв. соч., стр. 230 и сл.

ние Лобачевским чинов за выслугу лет, а также награждение его орденами сглаживало до известной степени его социальное неравенство с окружавшей его средой, но требовало закрепления достигнутых позиций в чиновной карьере, а таким закреплением позиций по установившейся традиции являлось получение дворянства, дававшее необходимые права не только самому Лобачевскому, но и его детям. Лобачевский рос и формировался в определенную историческую эпоху, и поэтому не приходится удивляться, что он поступил в данном случае так, как это установилось с давних времен и прочно вошло в жизнь и быт той эпохи. Впрочем, Лобачевский имел основания хлопотать о получении дворянства, может быть, более кого-либо другого, находившегося в подобных условиях службы, так как можно предполагать, что род Лобачевских имел древнее дворянское происхождение, представители которого, являвшиеся прямыми предками отца Лобачевского Ивана Максимовича, утратили к концу XVIII в. свои имения, измельчали и попали в разряд разночинцев. Об этом свидетельствуют эмблемы герба, присвоенного Лобачевскому в 1838 г. при утверждении его в дворянстве. Известный знаток геральдики проф. В. К. Лукомский прямо указывает, что эмблемы эти говорят о том, что род Лобачевских происходил из Волынской губернии и принадлежал к древнему дворянству.[1] К этому роду принадлежал, между прочим, известный епископ Иерофей, в мире Яков Федорович Лобачевский (1783—1871). В семье И. М. Лобачевского, возможно, сохранялись об этом некоторые предания, но утрата к концу XVIII в. дворянских привилегий давала основания причислять уже детей И. М. Лобачевского при поступлении их в Казанскую гимназию к «разночинцам». Это мое предположение требует, однако, дополнительного обоснования. Документальных материалов для этого пока не имеется.

Мне удалось разыскать также очень важные для биографии Лобачевского документы, освещающие избрание его в члены-корреспонденты Гёттингенского королевского общества наук. Среди них впервые печатается копия письма секретаря этого общества И. Л. Гауссмана к Н. И. Лобачевскому от 1 декабря 1842 г. с извещением об избрании, а также копия диплома на латинском языке, выданного Лобачевскому от имени Общества 23 ноября 1842 г. за подписью К. Ф. Гаусса, по предложению которого и состоялось самое избрание. Избрание свое членом этого общества, являвшегося в те времена собственно Академиею Наук, пользовавшейся мировой славою, Лобачевский восприянял как должное признание своих ученых заслуг. К этим документам я впервые присоединяю и ответ Лобачевского К. Ф. Гауссу, мало известный до сих пор по малой распространенности книги проф. Ф. Энгеля,

---

[1] См. статью В. В. Егерева, «Н. И. Лобачевский в памятниках зодчества» в сборнике «Н. И. Лобачевский в Казани. Памятка к 100-летию со дня открытия им неэвклидовой геометрии 1826. 25. II. 1926», Казань, 1926, стр. 29—30, примеч. 2.

в которой он был впервые опубликован по подлиннику из архива Общества. Ответ этот поражает своей скромностью; он писан с большим тактом и чувством собственного достоинства. Нужно сказать, что личные сношения Лобачевского и Гаусса, которые, конечно, не ограничились указанной перепиской, были более значительными. Следовало бы разыскать в личном архиве Гаусса письма к нему Н. И. Лобачевского; они должны храниться где-нибудь в Германии. О существовании этой переписки наводит на мысль впервые привлеченная мною фраза из письма Гаусса к И. М. Симонову, относящегося к 1848 г., и включенная в общую хронологическую цепь документов и материалов сборника. Фраза эта, обращенная к Лобачевскому, свидетельствует о том, что Гаусс не переставал думать о нем и в последующие годы после его избрания. Перепечатываю я и все выдержки из писем Гаусса, касающиеся признания им неэвклидовой геометрии Н. И. Лобачевского.

Я не имею возможности останавливаться на других новых фактах для биографии Лобачевского, разбросанных среди печатаемых материалов сборника, например о новых документах об избрании Лобачевского почетным членом Московского университета в 1855 г., о попытках Лобачевского участвовать в поставках хлеба для государственных военных магазинов, о деятельности его в Казанском попечительстве о бедных и т. п.

Особенно нужно остановиться на последних годах его жизни и, в частности, на известном увольнении Лобачевского из университета и назначении его управляющим Казанским учебным округом в 1846 г. с последующим утверждением его помощником попечителя этого округа. Новые документы дают новое, отличное от общепринятого в его биографиях, освещение этих важных фактов и до некоторой степени разрушают легенду о гонениях на Лобачевского в последние годы его жизни. Современный биограф Лобачевского проф. В. Ф. Каган, например, отводит этому вопросу значительное место [1] и говорит, основываясь на не всегда достоверных воспоминаниях проф. Н. П. Вагнера, о некоей интриге, которая разыгралась будто бы вокруг увольнения Лобачевского из университета и назначения его помощником попечителя Казанского учебного округа. В. Ф. Каган считает, что «прямой и самостоятельный Лобачевский был уже мало угоден министерству. Гораздо более подходящим казался покладистый профессор И. М. Симонов, избрание которого, нужно думать, было предрешено. Незначительным большинством он, действительно, был избран, но продержался недолго. При следующих выборах он был забаллотирован» и т. д. [2]

В действительности, как свидетельствуют новые документы и в особенности впервые прочтенный мною писанный карандашом черновой

---

[1] Назв. соч., стр. 238—242.

[2] Назв. соч., стр. 239—240. Это утверждение неверно. И. М. Симонов оставался ректором университета до последних дней своей жизни и умер 10 января 1855 г.

текст представления Лобачевского как управляющего Казанским учебным округом министру народного просвещения С. С. Уварову от 3 июля 1846 г., дело обстояло совсем иначе.

Будучи управляющим округом, Лобачевский получил ходатайство Казанского университета от 11 июня 1846 г. об оставлении своем и И. М. Симонова за истечением пятилетнего срока нахождения их в звании заслуженных профессоров в занимаемых должностях еще на пять лет. И вот оказывается, что как управляющий округом Лобачевский в отношении И. М. Симонова полностью поддержал ходатайство университета, но в отношении себя не счел возможным удовлетворить это ходатайство. Благородная личность Лобачевского выразилась здесь во всей своей красоте. Он нашел нужным предоставить свою кафедру в университете своему ученику профессору А. Ф. Попову, мотивируя это тем, что необходимо предоставить профессуру более молодым научным силам, тем более, что незадолго перед этим А. Ф. Попов защитил диссертацию на степень доктора физико-математических наук, т. е. степень, которой сам Лобачевский никогда не был удостоен, и в этом смысле он написал свое представление С. С. Уварову. Последний как министр народного просвещения согласился с представлением Лобачевского и независимо от его желания назначил его помощником попечителя. Вряд ли Лобачевский, составляя свое представление, мог и хотел рассчитывать на получение должности попечителя. Другие печатаемые мною документы, напротив, свидетельствуют о том, что он желал действительно уйти в отставку и отдаться своему любимому делу — сельскому хозяйству в приобретенном им имении Беловежской слободке. В этом отношении важно свидетельство В. А. Лобачевской в письме к И. Е. Великопольскому от 18 июня 1844 г., впервые появляющемся в печати. Из этого письма видно, что Лобачевский, после перевода в Петербург попечителя М. Н. Мусина-Пушкина, которое фактически произошло в 1845 г ., не мыслил продолжения своей работы в университете, а, с другой стороны, сознавая наступающую старость, увеличение семьи и другие обязанности, связанные с необходимостью дать образование подраставшим сыновьям, хотел вовсе удалиться от дел, предполагая, что забота по имению доставит ему необходимые средства к существованию при наличии получавшейся уже пенсии за многолетнюю профессорскую службу в университете. При этих обстоятельствах назначение Лобачевского помощником попечителя округа оказалось для него действительно полной неожиданностью и свидетельствует во всяком случае о том, что Лобачевский как опытный педагог и чиновник с многолетним стажем был ценим в министерстве, которое не пожелало лишиться опытного сотрудника. Лобачевский зарекомендовал себя в глазах правительства как точный выполнитель его предначертаний, и преследовать его и подвергать репрессиям было собственно не за что. Нам остается лишь констатировать тот факт, что Лобачевский, собираясь уйти от дел и посвятить себя мирной сельской жизни, ошибся в своих

расчетах. Вместо вожделенного отдыха в семейном кругу и на лоне природы, ему пришлось нести обязанности помощника попечителя, быть по этой должности в гуще университетской жизни. Дела по имениям оказались расстроенными; пришлось заложить как Беловежскую слободку, так и имения жены и ее каменный дом в Казани (о чем свидетельствуют впервые привлеченные мною материалы «С.-Петербургских Сенатских Ведомостей о запрещениях на недвижимые имения»). Запутанность личных денежных дел в сочетании с возросшими расходами по содержанию семьи поставила Лобачевского в тяжелые условия существования, из которых не находилось выхода. Эти обстоятельства обусловили увеличение забот, преждевременную старость и дряхлость, которая усилилась со времени смерти его сына Алексея в 1852 г., а с ними вместе и грозный призрак — слепоту (безусловно на нервной почве), превратившуюся затем из призрака в мучительную реальность.

Последующая серия документов от момента посещения Казани новым министром народного просвещения А. С. Норовым до смерти Лобачевского, т. е. от 21 сентября 1855 г. до 12 февраля 1856 г., показывает, что собственно для Лобачевского как заслуженного чиновника, с точки зрения министерства народного просвещения николаевской эпохи, было если не всё, то многое сделано для того, чтобы обеспечить его дряхлеющую старость. Проф. В. Ф. Каган, не располагая этими документами, сделал неправильный вывод о том, что «Лобачевский скоро убедился, что с Молоствовым (т. е. новым попечителем Казанского учебного округа, — *Л. М.*) у него не могут установиться такие отношения, которые его связывали с Мусиным-Пушкиным. Подчиненное положение при глубоких расхождениях во взглядах было для него невыносимо. Повидимому, не слишком дорожил его участием в управлении округом и Молоствов. Лобачевский постепенно стал уклоняться от ответственной работы; оставаясь, правда, на службе, он стал играть роль скорее консультанта, нежели действительного помощника попечителя, который с этим охотно мирился. Это, конечно, снижало авторитет Лобачевского; только небольшое число товарищей и главным образом студенты поддерживали тот авторитет, с которым к Лобачевскому относились в годы, когда он управлял университетом». [1]

Сделанные мною разыскания показывают, что ни о каких принципиальных расхождениях между В. П. Молоствовым и Лобачевским говорить не приходится. Напротив, нет ни одного свидетельства, которое говорило бы о том, что Молоствов не ценил знаний и опыта своего помощника. Вследствие своей преждевременной старости и слепоты Лобачевский не мог тяготиться ролью консультанта при Молоствове. Наоборот, именно эти обязанности, несмотря на старческую дряхлость, и создавали Лобачевскому как помощнику попечителя тот необходимый авторитет, которым он, по отзывам современников, пользовался до конца своей жизни. Если

[1] Назв. соч., стр. 241—242.

даже и имела место фраза Молоствова при представлении Н. И. Лобачевского А. С. Норову: «Вот мой помощник, ничего не делающий», о чем свидетельствует Н. П. Вагнер, в чем я сильно сомневаюсь, ибо Вагнер не принадлежал к числу близких к Лобачевскому лиц по своему возрасту, то во всяком случае она не может быть воспринята нами как клевета на Лобачевского. Если принять во внимание, что он находился в это время (1855 г.) почти накануне своей смерти в состоянии полной старческой дряхлости и слепоты, то эта фраза несомненно имела уже в то время под собою некоторую долю истины. С другой стороны, приезд А. С. Норова в Казань убедил его в том, что Лобачевский по состоянию своего здоровья не может более выполнять своих обязанностей. По возвращении в Петербург Норов отдал распоряжение об увольнении Лобачевского от должности помощника попечителя, но не полностью в отставку, как это можно было бы ожидать и что вполне могло бы иметь место, а с сохранением его на службе в качестве причисленного к министерству народного просвещения. В то же время Норов добился получения для Лобачевского единовременного пособия в 1500 рублей — помощь, которая, правда, пришла к Лобачевскому уже после его смерти и была использована его семьей. Попытки В. П. Молоствова увеличить перед этим размеры получавшегося им жалованья не увенчались успехом лишь только потому, как это видно из новых документов, что государственные финансы находились в то время, в период тяжелой Крымской войны, в состоянии большого расстройства, и Норов как министр официально не мог итти против общего решения правительства о сокращении казенных расходов. Обстоятельства военного времени несомненно ухудшили денежные дела Лобачевского и его жены, пришлось вновь и вновь закладывать имения. Как свидетельствуют новые документы, семья Лобачевского оказалась накануне полного краха и банкротства, заложены и перезаложены были все недвижимые материальные ценности, а денежного капитала не было. В таких тяжелых условиях находился великий ученый перед смертью, и эти условия, наравне с другими, несомненно способствовали его сравнительно ранней смерти, 63 лет от роду.

Помимо привлеченного мною рукописного материала, я использовал для настоящего сборника обширный, уже опубликованный печатный материал, в большинстве своем погребенный в старых забытых изданиях, которые никогда еще систематически не привлекались для биографии Лобачевского. Пересмотр особенно ведомственных изданий, выпущенных Казанским университетом на протяжении многих десятилетий, совпадающих с деятельностью Лобачевского, дал исключительно важный материал для характеристики его как профессора и педагога. На первом месте здесь необходимо поставить так называемые «каталоги преподаваний» или обозрения действий университета за многие годы, а также программы преподаваний и отчеты Казанского университета. Эти издания дают фактические сведения о преподавательской работе Лобачевского с точным

указанием читавшихся им ежегодно лекций студентам, распорядка этих лекций и источников, откуда он черпал сведения для построения своих курсов. В этих печатных источниках, которые я даю в выдержках, в части, касающейся Лобачевского, найдется много нового материала и о публичных лекциях Лоба' евского, о его научных докладах, о создании, по мысли Лобачевского, при университете специального научного общества или собрания для прочтения докладов из среды профессоров университета, о чем говорит впервые привлеченная мною статья проф. Н. А. Иванова «Ученые собрания профессоров Казанского университета», опубликованная в ряде номеров «Северной Пчелы» 1843 г.

Этот ценный материал позволяет решительно опровергнуть утверждение В. Ф. Кагана о том, что общество это «функционировало полулегально».[1] Уже из первой статьи Н. А. Иванова видно, что общество получило официальное утверждение, и о существовании и деятельности его было напечатано в официальном отчете университета.

Привлечен мною материал печатных протоколов и отчетов Казанского экономического общества, в котором Лобачевский в течение многих лет состоял не только действительным членом, но и председателем одного из отделений. Из этих источников мною извлечены все сведения о Лобачевском и о его разносторонней деятельности в обществе вплоть до избрания под председательством Лобачевского в члены Общества знаменитого писателя-сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Много нового дают печатные материалы и о созданной Лобачевским в Казанском университете математической школе, в которую входили как получивший впоследствии известность ученик и преемник его по кафедре А. Ф. Попов, так и другие его ученики: Н. О. Юферов, Э. П. Янишевский, М. И. Мельников и другие, которые, еще будучи адъюнктами, вели в университете преподавание математики, руководствуясь написанными Лобачевским курсами алгебры и геометрии. Под конец жизни Лобачевский получил большое удовлетворение, видя в печатных программах преподаваний, что его ученики пользовались для чтения студентам лекций, наряду с руководствами крупнейших математиков и в том числе академика М. В. Остроградского, и его собственными руководствами. Эти данные впервые и совершенно по-иному характеризуют не только закат научно-педагогической работы Лобачевского, но и расцвет его преподавательской работы: несмотря на неудачу с изданием учебных курсов алгебры и геометрии, они были еще в 20—30-х годах XIX в. введены в учебные программы физико-математического факультета. Только после смерти ученого эти курсы исчезают из официальных программ факультета.

Чтобы исчерпать фактические материалы для биографии Лобачевского из печатных источников, в сущности, так же как рукописные, являющихся одновременно и первоисточниками, я счел совершенно необходимым

[1] Назв. соч., стр. 212—213.

включить в сборник и те из опубликованных сочинений самого Лобачевского, которые, не являясь его учеными математическими трудами, дают особой важности материалы для понимания его общественно-политических и философских взглядов и убеждений. Я имею в виду такие его сочинения, как его речь о важнейших предметах воспитания, 1828 г., опубликованная лишь в 1832 г., его предисловие к 1-й книжке созданных им «Ученых Записок Казанского университета», 1834 г., записку или особое мнение его о преподавании в университете сельскохозяйственных наук и некоторые другие. Перепечатываю я и отчет Лобачевского о полном затмении солнца в Пензе 26 июня 1842 г., еще ни разу не переизданный, но представляющий немаловажный источник для изучения астрономических воззрений Лобачевского. Ни одно из перечисленных сочинений не вошло, естественно, в «Полное собрание сочинений Н. И. Лобачевского по геометрии», изданное в 2 томах в Казани в 1883 и 1886 гг.; разыскание их в старых и редких изданиях затруднительно и недоступно для многих читателей. Понятно, что я оставил в стороне все другие сочинения Лобачевского как по геометрии, так и по другим разделам математики, так как это дело нового полного собрания сочинений Лобачевского, которое уже предпринято под общей редакцией В. Ф. Кагана, А. П. Котельникова, В. В. Степанова и покойных Н. Г. Чеботарева и П. А. Широкова.

Включил я в сборник и все немногочисленные рецензии на труды Лобачевского, появившиеся в периодической печати, как в русской, так и иностранной, еще при его жизни и вскоре после его смерти, в 1857 г. Эти рецензии, за исключением последней, которой Лобачевский не читал, и в особенности упоминавшаяся уже выше рецензия «Сына Отечества», несомненно инспирированная акад. М. В. Остроградским, причинили Лобачевскому немало огорчений и тяжелых переживаний. Все они затрагивают преимущественно его работы по неэвклидовой геометрии и показывают полное непонимание и недооценку великих геометрических идей Лобачевского.

Наконец, следует отметить, что я включил в сборник и все найденные мною некрологи Н. И. Лобачевского, которые дают первые опыты его биографии и оценки его научной деятельности. Из некрологов еще раз видно, что современники не смогли достойно оценить жизненный подвиг ученого, нет в них и намека на его великие идеи; если проф. Н. Н. Булич, как филолог, не мог дать подобной оценки, то кажется странным, что подобной оценки не дал и ближайший ученик Лобачевского и преемник его по кафедре математики в Казанском университете профессор А. Ф. Попов, который, еще будучи преподавателем в Казанской гимназии, по свидетельству проф. П. И. Котельникова (28 декабря 1837 г.), «приняв за образец творения г. ректора Лобачевского, старался в духе этого автора быть по возможности систематическим и строгим». Недооценка трудов Лобачевского показывает, что время для правильной характеристики созданной Лобачевским неэвклидовой геометрии тогда еще не наступило.

Я фиксировал внимание исследователей на особенно важных новых материалах, включенных в этот сборник, изменяющих по существу ряд отдельных этапов биографии Лобачевского или вносящих ряд существенных поправок и дополнений в эту биографию. Будущему новому биографу Лобачевского предстоит вновь суммировать весь привлеченный материал и заново его изложить. Это особая задача, которая передо мною не стояла.

Теперь я должен коснуться другого раздела сборника, включающего воспоминания современников о Лобачевском. Эти воспоминания, как и всякие другие документы, отделенные от происходивших событий бóльшим или меньшим хронологическим отрезком времени и притом прошедшие через призму человеческой мало совершенной памяти и отражающие особенности социального бытия того или иного мемуариста, имеют меньшее значение как источник для биографии, чем подлинные документы первого раздела сборника. Тем не менее они содержат в себе такие своеобразные черты, характеристики и подробности, которых исследователь не может найти в других источниках. Поэтому я счел возможным включить в сборник и эти воспоминания, подчеркнув, что они имеют разную степень достоверности. Биограф, вооруженный бесспорными фактическими материалами, сможет без особого труда откинуть в том или ином случае явный вымысел мемуариста и привлечь к исследованию и выводам лишь тот мемуарный материал, который будет критически обследован и будет приближаться к истине. В этом отношении будущий биограф будет находиться в наиболее благоприятных условиях для своей работы, так как будет располагать одновременно не только уже прочно вошедшими в литературу воспоминаниями Н. Н. Лобачевского, И. И. Михайлова, Н. П. Вагнера и некоторых других, но и целым рядом новых воспоминаний о великом ученом как затерянных в старых изданиях и впервые мною извлеченных, так и впервые разысканных мною в рукописях и еще не бывших в печати вообще. К первым относятся воспоминания В. Н. Ахлопковой — дочери Н. И. Лобачевского, писателя П. И. Мельникова-Печерского, проф. Н. Н. Булича, акад. А. Н. Пыпина, проф. Э. П. Янишевского, А. М. Полиновского, В. А. Лебедева и др. Ко второй группе относятся воспоминания П. П. Перцова, М. П. Веселовского и А. С. Ешевской. Все они разнятся по объему и по степени достоверности, но несомненно имеют значение для биографии Лобачевского. За исключением воспоминаний сына и дочери Лобачевского, а также трех воспоминаний — И. А. Второва, И. И. Лажечникова и А. С. Ешевской, — они писаны в основном бывшими студентами Казанского университета и расположены в хронологическом порядке окончания ими университета, начиная с 1837 г. и кончая 1877 г. Последние воспоминания бывших студентов выпусков 1857—1877 гг. наименее достоверны, так как авторы их лично с Лобачевским уже не встречались. Однако их показания интересны как материал, свидетельствующий о жизни Лобачевского в памяти последующих поколений студентов университета, отзывавшихся о нем с благоговением как об исключительном

человеке и педагоге. Всего вошло во второй раздел 20 отдельных воспоминаний, из коих более половины неизвестны исследователям.

Наконец в приложениях к сборнику я даю несколько статей и материалов, еще более хронологически отдаленных от времени жизни и деятельности Лобачевского, но имеющих ту или иную степень достоверности и характер первоисточника. Здесь я даю статью С. Богодина, ставящего вопрос о месте и времени рождения Лобачевского, по материалам Нижегородского краевого архивного бюро, которые оказались мне в подлинниках недоступны. Не имея возможности проверить по подлинникам документы, на основании которых автор статьи приходит к некоторым ошеломляющим выводам, я лично остаюсь при установившемся по традиции мнении, что Лобачевский был сыном своего отца Ивана Максимовича Лобачевского. Выводы Богодина о будто бы незаконном рождении Н. И. Лобачевского от некоего С. С. Шебаршина мне представляются неубедительными и требующими дальнейшей проверки.[1] Приходится однако признать новую дату рождения Лобачевского в г. Нижнем-Новгороде, 20 ноября 1792 г., что подтверждается выпиской из метрической книги Алексеевской церкви г. Нижнего-Новгорода, любезно предоставленной мне в копии для сборника проф. В. Ф. Каганом (см. документ № 1).[2]

Представляют интерес для биографии Лобачевского и записи П. А. Пономарева, сделанные со слов современников, лично знавших Лобачевского. Статья Пономарева, в настоящее время уже забытая, наполнена некоторыми рассуждениями и сопоставлениями автора, прямо не относящимися к делу и только увеличивающими ее объем. Поэтому она дается здесь в сокращенном виде, с сохранением, однако, всего материала, не утратившего своего научного значения. Статья неизвестного автора, скрывшегося под буквами В. М., «К биографии Лобачевского» содержит некоторые подробности об имении его Беловежской слободке и освещает малоизвестные стороны его деревенской жизни. Она совершенно забыта и никогда не привлекалась биографами. Из статьи Н. Я. Агафонова «К столетнему юбилею Лобачевского» я извлек только те сведения, которые касаются семейной обстановки дома Лобачевского. Автор ее, долго живший в Казани и собиравший всю жизнь материалы о Казани и ее деятелях, располагал такими данными, которых нет ни в каких других источниках, а эти данные являются ценными для биографа, так как дают некоторые дополнительные черты семейной обстановки в доме Лобачевского. Другие две заметки касаются судьбы детей Н. И. Лобачевского и их потомства. При скудости фактического материала о потомстве Лобачевского заметка «Волжского Вестника» и выписка из дворянской родословной книги Казанской губернии

---

[1] Того же мнения придерживается и проф. В. Ф. Каган в назв. соч., стр. 9—10.

[2] Проф. В. Ф. Каган в назв. соч. (стр. 10) считает, что «поскольку фамилии Лобачевского в записи Алексеевской церкви за этот год нет (она появляется позже), дату рождения Лобачевского еще нельзя считать окончательно установленной».

дают этот необходимый фактический материал. Наконец, извлеченные мною из записей Н. Я. Агафонова выписки из архивных дел Казанской палаты гражданского суда о духовном завещании матери жены Лобачевского Н. С. Моисеевой 1810—1823 гг. раскрывают имущественное положение как самой В. А. Лобачевской, так и ее ближайших родственников. Этот материал имеет также значение для определения общего жизненного материального уровня Н. И. Лобачевского и его семьи. В заключение я даю новый пополненный список трудов Н. И. Лобачевского, составленный на основании editio princeps.

Данный мною в конце сборника специальный словарь-указатель упоминаемых в сборнике личных имен представляет собою, с одной стороны, краткий биографический словарь лиц, окружавших Лобачевского на протяжении более полувека его сознательной жизни и, с другой стороны, является своеобразным комментарием к документам и другим материалам сборника. *По существу он представляет опыт* первой энциклопедии «Лобачевскиана» и построен применительно к жизни и деятельности Лобачевского. Я старался в этом словаре дать в кратком изложении по возможности исчерпывающие сведения о казанских деятелях первой половины XIX в. с указанием основных источников для каждого из них в отдельности для более углубленного изучения их деятельности, если в таком изучении может встретиться необходимость. Не приходится удивляться, что этот словарь-указатель оказался довольно значительным по объему, но нужно принять во внимание и то обстоятельство, что велик был и самый круг личных знакомств Лобачевского по Казани, начиная от чисто семейных его отношений с многочисленными родственниками его жены и кончая служебными и деловыми отношениями его с обширным кругом профессоров, адъюнктов, преподавателей, студентов и служащих чиновников Казанского университета, и преподавателей, учащихся и чиновников всего Казанского учебного округа за целое полустолетие. Вошло в словарь и много имен ученых как мирового значения, так и менее крупных, научными трудами которых постоянно пользовался Лобачевский и в целях преподавания и в своих исследованиях, речах, статьях и докладах. Нашли свое место в словаре и некоторые исторические деятели, имена которых упоминает Лобачевский в этих же сочинениях. В отдельные статьи словаря я включил и ряд чисто генеалогических сведений, вскрывающих родственные отношения между собою многих казанских деятелей. Это сделано с целью облегчить будущему исследователю разработку детальной биографии Лобачевского и его взаимоотношений со многими из них, так как родство между собою представителей казанской культуры может иногда объяснять и более важные факты общественной жизни Казани эпохи Лобачевского. Смею надеяться, что такой подробный первый словарь даст необходимые сведения не только биографу Лобачевского, но и любому исследователю, занимающемуся историей казанской культурной жизни первой половины XIX в., тем более, что многие сведения для

отдельных статей словаря извлечены мною из многочисленных малоизвестных и забытых печатных источников и из источников неизданных. В словарь вошло свыше 800 имен.

Задача, которую я поставил перед собою, собирая как изданные, так и неизданные материалы для биографии Н. И. Лобачевского, заключалась в том, чтобы возможно полнее представить, во-первых, все главнейшие рукописные источники для его биографии, а во-вторых, исчерпать по возможности все сведения о Лобачевском, появлявшиеся о нем в печати от момента первого печатного упоминания его имени (1811 г.) и до последних некрологов, характеризовавших его деятельность непосредственно после его смерти (первый раздел сборника), а также воспоминания всех лиц, знавших его лично, вплоть до более поздних высказываний о нем в мемуарном повествовании (второй раздел сборника).

Вопрос о полноте рукописного материала для данной задачи является сложным и трудным, так как собственно критерия для решения его нет. Большой жизненный путь Лобачевского на протяжении более полувека и его разносторонняя деятельность, заключенная преимущественно в сфере жизни Казанского университета, не дают возможности четко отграничить материал собственно биографический от материала по истории Казанского университета, ибо, повторяю, жизнь Лобачевского неотделима от истории университета. Поэтому нужен был известный такт для того, чтобы в сборник материалов для биографии величайшего ученого включить только те документы, которые имеют непосредственное отношение к его биографии, а не те документы, которые имеют уже на какой-то грани интерес для истории университета, иначе такой сборник мог бы перерасти первоначальную задачу и сделаться сборником документов и материалов для истории Казанского университета. Предвидя эти трудности, я, перечитывая многие тысячи листов документов, постоянно ограничивал себя в отборе материала и старался отобрать лишь то, что имело непосредственное отношение к теме, отметая иной раз очень любопытные и важные факты, в которых Лобачевский выступал уже только как администратор университета. Не надо забывать, что на протяжении 1827—1845 гг., т. е. в расцвете своей жизни, он подписал как ректор университета не одну тысячу официальных бумаг. Справился ли я с этой задачей, — судить не мне, но об этих трудностях я счел нужным сказать несколько слов. Для того чтобы осветить в известной полноте и эту сторону деятельности Лобачевского, потребовалось бы издать еще не один, а несколько подобных же сборников документов, т. е. по существу дать сборники для истории Казанского университета. Нужно думать, что в будущем такую работу сумеет организовать и довести до конца сам университет, который должен быть заинтересован в осуществлении подобной задачи.

Что касается второго вопроса, то он разрешался и легче и труднее, чем первый. Легче потому, что предстояло из сравнительно ограниченных,

преимущественно казанских печатных источников извлечь по возможности всё самое существенное для биографии Лобачевского — упоминания имени его в печати, т. е. организовать работу на тему «Лобачевский в печати»; труднее потому, что работа подобного характера всё же велика по своему объему и потребовала пересмотра многих сотен, а может быть и тысяч номеров газет и журналов и отдельных изданий преимущественно казанской печати. Работа эта мною выполнена, но я, конечно, далек от мысли, что я извлек и включил в сборник абсолютно все, что связано с именем Лобачевского. Некоторые случайные упоминания я сознательно опустил, но полагаю, что всё самое существенное не ускользнуло от моего внимания. Должен оговориться, что именно из-за большой трудоемкости подобной работы, конечно, возможны и досадные пропуски, но на каком-то этапе работы всегда следует поставить точку, иначе работа может оказаться бесконечной.

В первый раздел сборника вошло более 600 документов и материалов. Для этого раздела мною принят единый хронологический принцип. Все документы и материалы расположены в строгой хронологической последовательности, начиная с 1792 г. — даты первого документа, вплоть до 1859 г. — даты последнего документа. При этом нужно иметь в виду, что для документов и материалов, извлеченных из отдельных книг и периодических изданий дается дата появления их в печати, или точная, если она может быть установлена из самого источника, или в пределах данного года; в последнем случае, как правило, эти документы и материалы отнесены к концу данного года. При приблизительной датировке в рамках нескольких лет они располагаются по последней крайней дате. Для документов и материалов, которые устанавливают какие-либо факты из деятельности Лобачевского к определенному моменту, но сведения о них появлялись в печати несколько позже, принято помещение их в общей хронологической цепи по дате появления их в печати. Так, например, речь Лобачевского «О важнейших предметах воспитания», произнесенная им в 1828 г., но опубликованная лишь через четыре года, в 1832 г., помещена под этим 1832 годом. Иногда документы, извлеченные из архивов, дают те же факты, которые затем, несколько позже, появлялись в печати. В этих случаях они всё же повторяются в новом и опубликованном при жизни Лобачевского виде вторично под другой датой. Такой порядок принят для всех документов и материалов, опубликованных при жизни Лобачевского, так как в этом случае факты из его жизни и деятельности выходили уже из сравнительно узкого университетского или иного круга, и делались достоянием гласности, входя в сознание широкого круга читателей. Таким образом, данный факт мог уже влиять на общественное мнение. Появление того или и иного материала из жизни Лобачевского в печати в этих случаях дает новую дату, которая иногда может получить свой особый характер и новое осмысление.

О втором разделе сборника и приложениях я говорил уже выше.

Материалы для настоящего сборника, к составлению которого я приступил по предложению академика С. И. Вавилова, собирались мною преимущественно в Казани — городе, в котором протекала вся многообразная жизнь и деятельность Лобачевского, — в течение 1943—1945 гг. Мною были пересмотрены прежде всего материалы богатейших архивов Казанского университета и попечителя Казанского учебного округа, а также остатки архива Казанского экономического общества; все они были сосредоточены еще до войны в Главном архивном управлении НКВД Татарской АССР, в Центральном Государственном архиве. Для извлечения нужных документов из нескольких тысяч дел делопроизводства указанных учреждений потребовалось много времени и труда. Работа затруднялась тем, что я вынужден был разыскивать материалы по очень несовершенным описям и только затем уже получать для работы самые архивные материалы. Несовершенство описей не дает возможности по заголовкам точно определить в той или иной единице хранения наличие или отсутствие рукописей самого Лобачевского и документов о нем, поэтому у меня нет уверенности в том, что я исчерпал в этом отношении все возможности. Напротив, при такой постановке работы многие документы, обнаруженные в свое время моими предшественниками по работе и ими опубликованные уже в выдержках, например в трудах Н. Н. Булича и особенно Н. П. Загоскина и др., мною не были разысканы, и пришлось подобные, иногда очень важные, документы включать в сборник без новой проверки их по оригиналам, а иногда только в извлечении, в том виде, как они были уже опубликованы ранее. Следует отметить также, что архивы университета и попечителя и особенно архив Казанской гимназии в настоящее время вообще не содержат многих дел, которыми пользовались мои предшественники по работе, когда эти архивы находились еще в этих учреждениях до концентрации их в Главном архивном управлении. В те далекие времена материалами этих архивов свободно распоряжалась администрация этих учреждений и выдавала подлинные дела на руки прежним исследователям, у которых некоторые из них и оставались, а затем, возможно, и погибали после их смерти. Нужно сказать также, что, когда я приступил к работе в Центральном Государственном архиве Татарской АССР, там уже было организовано выявление документов и дел о Лобачевском и о ряде других знаменитых деятелей Казанского университета — А. М. Бутлерове, Н. Н. Зинине и др. Администрация Архива, однако, нашла возможным пойти навстречу моим разысканиям и предоставила в мое распоряжение на известных условиях выявленный материал. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Центральный Государственный архив за его большую помощь и внимание. Однако повторяю, что целый ряд вопросов, возникших во время работы, остался по независящим от меня обстоятельствам неразъясненным, и поэтому это несомненно отразилось на качестве всей работы. Собственно говоря, для того чтобы исчерпать для поставленной задачи полностью все

архивы университета, гимназии и попечителя Казанского учебного округа, потребовалось бы еще несколько лет кропотливых розысков, что, конечно, отодвинуло бы издание настоящего сборника ad calendas graecas.

В самое последнее время научными сотрудниками Центрального Государственного архива Татарской АССР была обнаружена рукопись воспоминаний о Н. И. Лобачевском его сына Н. Н. Лобачевского, написанных им в 1897—1898 гг. и состоящих из 5 тетрадей, «содержащих чрезвычайно ценный материал. В них приводятся также воспоминания профессоров Казанского университета 40—60-х годов о своем коллеге». Там же была найдена «неизвестная фотография Лобачевского, запечатлевшая великого ученого за две недели до смерти».[1] На мое обращение в Государственный Архив с просьбою предоставить этот материал для настоящего сборника я получил лишь снимок с нового фотопортрета, который и воспроизводится в сборнике. Он оказался тем фотопортретом, о котором упоминает Н. Н. Лобачевский в печатной редакции своих воспоминаний (стр. 596 и 597), и который в другом экземпляре хранится в Архиве Академии Наук СССР (воспроизводящемся также в сборнике).[2] Что же касается до неизвестной рукописи воспоминаний Н. Н. Лобачевского о своем отце, то Архив принял намерение эти воспоминания выпустить в своем издании. Я не имел возможности сличить их текст с печатной редакцией «Исторического Вестника» 1895 г., где они впервые были опубликованы, и вынужден был ограничиться перепечаткой уже известного текста их в отделе «Воспоминаний о Н. И. Лобачевском».

Благодаря содействию проф. В. Ф. Кагана и ныне покойных члена-корреспондента Академии Наук проф. Н. Г. Чеботарева и проф. П. А. Широкова, я получил возможность ознакомиться с материалами о Лобачевском, собранными в Геометрическом кабинете Казанского университета и находившимися одно время в Библиотеке Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова, когда над ними работал проф. В. Ф. Каган, подготовлявший тогда к печати уже не раз цитированную мною книгу о Лобачевском. Эти материалы я использовал для сборника полностью. Выражаю ему мою глубокую благодарность за содействие моим розыскам и приношу дань признательности и уважения светлой памяти проф. Н. Г. Чеботарева (ум. в Москве 2 июля 1947 г.) и проф. П. А. Широкова, скончавшегося в Казани 26 февраля 1944 г.

Много внимания и предупредительности оказал мне ученый секретарь Государственной Научной библиотеки при Казанском университете

---

[1] Об этом сообщалось в заметке «Новые документы о Н. И. Лобачевском» в газете «Правда», 24 ноября 1945 г., № 280 (10051).

[2] Между ними есть, однако, значительная разница: один по сравнению с другим отпечатан негативно, в одном отсутствует нижняя часть фигуры, а также сюртук застегнут. Между ними также есть разница и в масштабах (один увеличен по отношению к другому).

В. Г. Киселева, предоставившая мне материалы и переписку, хранящуюся в Отделе рукописей и редких книг названной Библиотеки. Благодаря ее содействию я смог включить в сборник много ценных новых документальных сведений о Лобачевском и, в частности, выдержки из переписки М. Л. Магницкого с Г. Б. Никольским, о которой я упоминал выше, и записи Н. Я. Агафонова.

Благодаря содействию директора Центрального музея краеведения Татарской АССР (ныне Государственного Музея Татарской АССР) В. М. Дьяконова я имел возможность сфотографировать и впервые воспроизвести в сборнике неопубликованный портрет-зарисовку Н. И. Лобачевского работы студента Казанского университета Ф. Ф. Залеского.

Многочисленные печатные материалы для биографии Лобачевского я смог включить в сборник вследствие неизменного внимания к моей работе со стороны заведующего библиографическим отделом Государственной Научной библиотеки при Казанском университете Г. А. Скопина, который своими обширными знаниями прошлой Казанской культурной жизни оказал мне существенную помощь в работе и указал мне на ряд источников, бывших мне неизвестными ранее. Он предоставил мне для использования также редчайшие казанские издания, в том числе газеты и журналы: «Казанские Известия», «Казанский Вестник», «Ученые Записки Казанского университета», «Заволжский Муравей», «Казанские губернские Ведомости», отчеты и учебные программы университета и другие издания почти в полных комплектах, которые я смог пересмотреть и извлечь из них всё главнейшее для биографии Лобачевского. Так как эти и некоторые другие казанские издания никто из прежних его биографов систематически не привлекал для изучения, то многие интересные и даже важные факты его биографии оставались погребенными в этих ценных источниках на протяжении более столетия. Смею надеяться, что после проделанной мною работы эти источники теперь исчерпаны. Если возможны отдельные случайные пропуски, то новые находки, надеюсь, не внесут в дальнейшем каких-либо существенных поправок в биографию ученого. Впрочем, количество номеров этих изданий, которых я не видал, весьма незначительно, так как дополнительно я некоторые недостающие номера разыскал в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и в Библиотеке Академии Наук СССР в Ленинграде.

Особо я должен отметить громадную работу, которую произвел для настоящего сборника Ленинградский центральный исторический архив. Несмотря на тяжелые условия блокады Ленинграда, Архив, по моей просьбе, не только разыскал документы и материалы о Лобачевском по архивному фонду департамента народного просвещения министерства народного просвещения, но и счел возможным снять с них копии и выслать их мне в Казань. Считаю своим долгом выразить мою особую благодарность научным сотрудникам этого Архива за их самоотверженный труд, значительно ускоривший окончание моей работы для сборника. Полученные мною

копии с документов от Ленинградского архива я позволяю себе включить в сборник без новой их проверки по оригиналам, так как они были безусловно скопированы со всею тщательностью и заверены подписями и печатью Архива. Должен, однако, оговорить, что Архив при копировании не учел необходимости отмечать наличие всех служебных помет на каждом документе, поэтому в отличие от общих археографических правил, принятых мною для настоящего сборника, документы, полученные от Ленинградского архива, печатаются без воспроизведения указанных помет.

Также особо я должен оговорить самоотверженную работу Архива Академии Наук СССР в лице уполномоченного Архива М. В. Крутиковой, которая организовала, также в условиях блокады Ленинграда, выявление и копирование документов о Лобачевском, хранящихся в названном Архиве; копии с них мне были также присланы для работы в Казань. Несколько позже я имел возможность проверить все присланные копии с документов вновь по оригиналам и разыскать дополнительно некоторые новые. Выражаю М. В. Крутиковой мою глубокую благодарность за ее содействие и помощь в моей работе.

Благодаря содействию дирекции Отдела письменных источников Государственного Исторического музея в Москве я имел возможность ознакомиться с архивом А. С. Ешевской, откуда извлек для сборника отрывок из ее неопубликованных воспоминаний и две записи П. С. Кондырева из его дневника. Оба эти источника дают свежий материал для понимания отношений студентов Казанского университета и в том числе Н. И. Лобачевского к названному помощнику инспектора студентов.

Профессор И. Я. Депман любезно предоставил мне, уже в процессе производства книги, два важных документа, извлеченных из архива Главного управления цензуры и касающихся ходатайства попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина перед министром народного просвещения С. С. Уваровым в ноябре 1834 г. в связи с рецензией «Сына Отечества» на «Геометрию» Лобачевского. Как это ходатайство, так и ответ С. С. Уварова показывают, что, несмотря на распоряжение самого министра, ответ Лобачевского на критику «Сына Отечества» не был помещен в этом журнале. Эти документы по-новому освещают отношение министерства народного просвещения и С. С. Уварова к Лобачевскому, а также характеризуют исключительную наглость и силу Булгарина, позволившего себе пренебречь распоряжением министра, и «нравы» николаевской реакции.

При работе в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде над хранящейся там частью архива Н. И. Второва выяснилось, что наиболее ценная часть переписки Второва в этом архиве отсутствует: из предварительной описи, составленной во время поступления этой части архива в Библиотеку, видно, что другая часть его владельцами архива была передана в Москву в Центральный литературный музей, откуда затем материалы поступили в Цен-

тральный литературный архив. Мои поиски в этом архиве не увенчались успехом. Удалось обнаружить лишь дневник Н. И. Второва, над которым в свое время работал М. Ф. Де Пуле. Для сборника оказалось возможным использовать из дневника только одну запись, относящуюся к встрече Н. И. Второва с В. А. Лобачевской (стр. 384). Никаких записей о Н. И. Лобачевском в дневнике не оказалось. Между тем в Центральном литературном архиве должны были находиться следующие материалы, интересные для сборника: 1) письмо Н. И. Лобачевского к Н. И. Второву от 26 марта 1842 г., 2) упоминания о Лобачевском в письмах профессоров Казанского университета И. Н. Березина (12 писем) и К. К. Фойгта (5 писем) к Н. И. Второву и 3) упоминания о Лобачевском в воспоминаниях известного исследователя Казанского и Воронежского края К. О. Александрова-Дольника. К сожалению, эти материалы не были разысканы в Литературном архиве и поэтому не могли быть включены в сборник.

Остался невыясненным вопрос о времени избрания Н. И. Лобачевского членом Северного общества антиквариев, о чем свидетельствует надгробная надпись на его могиле. Никаких документов об этом избрании найти пока не удалось.

За ряд отдельных советов и указаний, содействовавших улучшению работы, и за оказанную в том или ином виде помощь выражаю благодарность Д. С. Гутману (Казань), заслуженному деятелю искусств Татарской АССР П. М. Дульскому (Казань), В. М. Дьяконову (Казань), В. В. Егереву (Казань), Г. М. Залкинду (Москва), И. С. Зильберштейну (Москва), проф. Н. И. Идельсону (Ленинград), проф. В. Ф. Кагану (Москва), Н. Ф. Калинину (Казань), С. А. Кирсанову (Казань), В. Г. Киселевой (Казань), Б. Л. Лаптеву (Казань), проф. И. Я. Депману (Ленинград), В. С. Любимовой-Дороватовской (Москва), В. А. Мануйлову (Ленинград), А. П. Могилянскому (Ленинград), М. Н. Олимповой (Казань), М. И. Радовскому (Ленинград), Л. М. Рогалину (Москва), А. А. Сиверсу (Москва), Г. А. Скопину (Казань), акад. С. Л. Соболеву (Москва), проф. Б. В. Томашевскому (Ленинград), Т. К. Ухмыловой (Ленинград), А. И. Ямпольской (Казань) и проф. М. Э. Янишевскому (Ленинград).

Переводы французских и немецких текстов любезно выполнены для издания В. А. Казакевич, переводы латинских текстов — М. Е. Сергеенко, которым также приношу мою благодарность

Л. Б. Модзалевский

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ БИОГРАФИИ Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО
(1792—1857)

1

Выписка из метрической книги Алексеевской церкви г. Нижнего-Новгорода за 1792 год о рождении Н. И. Лобачевского.

20 ноября 1792. Нижний-Новгород

Часть первая. О родившихся.
В ноябре

№№	рожд.	крещ.	
5	20	25	Нижегородского Наместнического Правления у регистратора Ивана Максимова сын Николай, восприемником был Нижегородской Межевой конторы секретарь Петр Григорьевич Лошкин.

Горьковский областной государственный архив. Метрическая книга Алексеевской церкви г. Нижнего-Новгорода за 1792 год.

2

Выписка из исповедной росписи Сретенской церкви г. Нижнего-Новгорода за 1794 год

1794. Нижний-Новгород

Казенной палаты губернский казначей надворный советник Егор Алексеев Аверкиев	42
Жена его Настасья Алексеева	37
Дети их: Агриппина	5
Александр	4
Елена	2
Племянник его регистратор Иван Максимов Лобачевский	34
Жена Прасковья Александрова	21

Горьковский областной государственный архив. Исповедные росписи Сретенской церкви г. Нижнего-Новгорода за 1794 год.

3

Из протокола заседания Совета Казанской гимназии о приеме братьев Лобачевских на казенное содержание

5 ноября 1802

5) Слушали прошение коллежской регистраторши Прасковьи Александровой дочери, жены *Лобачевской*, о принятии трех сыновей: Александра 11-ти, Николая 9-ти и Алексея 7-ми лет, детей губернского регистратора Ивана Максимова *Лобачевского*, в гимназию для обучения на казенное разночинское содержание, а когда нет вакансии, на собственное, со включением их в число кандидатов. Еще представляет сия просительница, что по бедности своей не может ничего взнести единовременно в пользу

гимназии. *Определено:* понеже просительница представила свидетельство на состояние детей своих и притом также инспекторское и докторское, то удовлетворить ее просьбу, о чем институту объявить словесно в Совете, [подписали]: Никита *Куклин*,[1] Илья *Яковкин*, Иван *Эрих*, Григорий *Карташевский*, Иван *Запольский*, Лев *Левицкий* и Богдан *Линкер*.

Копия Н. Я. Агафонова. Из дела архива Казанской первой гимназии № 15. Протоколы 1802 года (на 86 листах), л. 71 об.; в рукописи Н. Я. Агафонова «Материалы для истории, топографии и генеалогии Казани».

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета, № 226, стр. 272—273.

4

Из «Ведомости императорской Казанской гимназии о поведении питомцев и прилежании их за месяц декабрь 1804-го года» со сведениями о Н. И. Лобачевском

4 января 1805

№	Имена и фамилии	Поведение	Прилежание
	Разночинцы		
	Николай Лобачевский	благонравен	прилежен

Инспектор Яковкин

«Ведомость по части главного надзирателя о поведении и прилежании питомцев Казанской гимназии, также и об отличившихся с хорошей и худой стороны за минувший декабрь месяц, генваря 4-го дня 1805-го года» — ЦГАТ, Ф. 977, № 8364, по описи Б, № 21, л. 2 об.

5

Из «Ведомости императорской Казанской гимназии о питомцах, показующей прилежание, успехи и поведение в классах, равно как и отсудствие их в течение месяца декабря сего 1804 года», со сведениями о Н. И. Лобачевском

Начало января 1805

№		Имена и фамилии	Арифметика нижний	Российский нижний	Немецкий нижний	Французский нижний	Катихизис и священ. история	Рисование	Чистописание
65	31	*Казенные разночинцы*	*в выш. ариф.*	*в среднем*			в истории и географ.		
65	31	Николай Лобачевский	Прилежен Хорош.	Прилежен Хорош.			Прилежен. Хорош.	Прилежен. Хорош.	

Инспектор гимназии Яковкин

ЦГАТ, Ф. 977, № 8364, лл. 11 об. — 12.

[1] Куклин правил должность директора. — *Прим. Н. Я. Агафонова.*

6

Письмо П. А. Лобачевской И. Ф. Яковкину
19 марта 1805. Нижний-Новгород

Милостивейший государь,
Илья Феодорович!

Два письма из Совета Гимназии от имени вашего имела честь получить. Извините меня, что я по причине болезни долго не отвечала. Вы изволите писать, чтоб я уведомила вас о своем намерении, желаю ли я чтобы дети мои остались казенными с тем, дабы, окончив ученической и студентской курсы, быть шесть лет учителем. Я охотно соглашаюсь на оное и желаю детям как можно прилагать свои старания за величайшую государя милость, особливо для нас бедных. — Остаться честь имею с должным моим к вам почтением,

Милостивый государь!
Покорная ваша слуга
Прасковья Лобачевская

Ч. 19-го марта
1805-го года.

Помета: «Получено 22 марта 1805 года. Приобщить к прочим».

Дело Гимназии № 27. «Собрание писем от родственников учеников и студентов с 6 марта по 9 октября 1805 года», на 78 (67) листах, ЦГАТ, Ф. 977, № 8352, л 41.
Впервые опубликовано в речи Э. П. Янишевского «Историческая записка о жизни и деятельности Н. И. Лобачевского», Казань, 1868, стр. 3; вторично: Загоскин. История, I, стр. 84—85.

7

Определение Совета Казанской гимназии о допущении Н. И. Лобачевского к слушанию лекций

9 января 1807

1807-го года генваря 9-го дня в собрании Совета Казанской гимназии рассматриваем был список учеников гимназии, которые испытываемы были в собрании Совета 22-го прошедшего декабря и удостоены к слушанию профессорских и адъюнктских лекций, они суть следующие: [...]

14. 802
9. Николай Лобачевский . . . . . dignus [. . .]
. . . .
. . . .

Определено: допустить оных учеников к слушанию упомянутых лекций; представить особым рапортом его превосходительству на началь-

ственное благорассмотрение. — Подлинной подписали гг. профессоры и адъюнкты.

Рапорт г-ну Попечителю
послан 15 числа, за № 9-м.

ЦГАТ, Ф. 977, № 8462, л. 15.
Точки, цифры и помета «dignus» писаны разными почерками.

Ср.: Загоскин. История, I, стр. 164, 303; в списке учеников гимназии, выпущенных в 1807 г., показан: «Николай Лобачевский», впоследствии: «В унив[ерситете]. Действительный статский советник, кавалер, был ректором в Казанском университете, а потом помощником попечителя Казанского учебного округа». (В. Владимиров. Историческая записка о 1-ой Казанской гимназии, часть 3, Казань, 1868, приложение, стр. 5).

8

Из дневника П. С. Кондырева

15 января 1808

Ссора[1] с некоторыми из студентов, как то с Д. Перевощиковым, Алек. Княжевичем, Шабровым, Гундоровым и Лобачевским; поданной рапорт мне не отдается; хотят завести черную доску.

ГИМ, Отдел письменных источников. Фонд 31 (архив А. С. Ешевской), № 16 (48932), л. 1.

9

Донесение директора Казанской гимназии И. Ф. Яковкина в Совет гимназии

22 августа 1808

В Совет Казанской гимназии

Сего августа 13 дня в десятом часу вечера на дворе гимназическом пущена была ракета, разорвавшаяся с большим треском и упавшая позади прачешной. На шум сей немедленно выбежал я и как удостоверился от часового, что пустившие оную побежали в студентские комнаты прямо; то вошед в них и нашед многих еще из них занимающихся или чтением книг, или письмом, расспрашивал о виноватом; но при всех моих усилиях оного открыть не мог; посему 14 дня тем, которые не спали или незадолго пред тем были на крыльце, приказал поставить во время стола вместо кушанья в миске и соусниках воду, а прочих всех сравнил в числе блюд с гимназистами, дабы чрез то принудить открыть виноватого. 17 дня поутру студент Стрелков признался мне, что он пустил ракету, что получил ее от студента старшего Лобачевского, который ее и составлял, и что знали о сем назначенный в студенты Филиповской и некоторые другие, почему, приказав с того времени довольствовать студентов столом по прежнему,

[1] Об этом см. ниже в воспоминаниях А. С. Ешевской, стр. 664—665. — *Л. М.*

долгом моим поставляю обстоятельства сии предложить на рассмотрение Совета. *Профессор студентов инспектор гимназии Директор Якозкин.*

№ 107.
Августа 22 дня
1808 года.

Пометы: «№ 263», «слушано 22 августа».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА ГИМНАЗИИ

1808 года августа 22 числа в собрании совета Казанской гимназии по сему определено: за поступок обоих оных студентов заслуживает особенное внимание Совета по притчине от леностей, то посадить их обоих на три дни на хлеб да на воду в карцер, а прочим студентам сделать напоминание, что утаение виновного есть сам по себе проступок и соучастие в оном; исполнение же всего сего представить; подлинное подписали гг. профессоры и адъюнкты.

ЦГАТ, Ф. 977, № 8483, л. 5.
Изложение дела у Н. Н. Булича, Из первых лет, ч. I, стр. 245. и Загоскин, История, II, стр. 570, 596; ср. I, стр. 303 и в «Краткой записке о поступках студентов с 1804 до 1819 года», там же, II, стр. 596.

10

Рапорт помощника инспектора студентов П. С. Кондырева директору гимназии И. Ф. Яковкину о поведении студентов

9 июля 1809

Его высокоблагородию
Императорского Казанского университета господину публичному ординарному профессору, студентов инспектору и гимназии директору Илье Федоровичу Яковкину

Помощника инспектора студентов магистра Кондырева

Рапорт

Ободрение есть одно из действительнейших средств к возбуждению делать всё доброе, честное и должное. Обнаруженное внимание начальства каким бы то ни было способом поощряет подчиненных к дальнейшим успехам в предпринятом, возбуждает ревность в других сравняться с ними и совращает многих с противного пути благоразумию. К употребленным доселе ощутительным ободрениям для улучшения поведения студентов еще, может быть, потребны некоторые прибавления, хотя впрочем и положено в уставе университета отличных поведением награждать медалями, но по несовершенному открытию университета сделать сего всеконечно не было возможности. В уставе университета и вообще во всех постановлениях и правилах правительства на поведение столь обращено великое внимание, что оно всему предпочитается. Попечительное начальство с заботою попечительностию беспрекословно старается изыскивать случаи к

ободрению и средства; утвердившийся в таковом мнении о начальстве и осмеливаюсь представить на благоусмотрение Вашего высокоблагородия об отличившихся в течение года похвальным своим поведением и отдать при сем должное должному. Особенно отличившиеся своим благонравием в течение года суть: Семен Кручинин и Гаврила Панкратов, за ними следуют Михайло Юнаков, Петр Максутов, Владимир Булыгин и Сергей Граздовский и заслуживают внимание и открытую похвалу начальства; отличившиеся очень хорошим поведением, принимая в рассуждение целой год, а не части: Николай Лобачевский, Доримедонт Самсонов, Алексей Пятов, отчасти также очень хорошим Осип Линдегрен и Николай Алехин и заслуживают быть упомянутыми пред начальством; но из всех их г. Кручинин отличился особенно, и многие, к общему удовольствию сказать надобно, под конец года показали знаки исправления, из них заслуживает быть упомянут г. Манассеин; большая часть прочих студентов была поведения хорошего, а весьма малое число изрядного. Помощник инспектора студентов, магистр Петр Кондырев.

Помета: «Подан 9 июля 1809 года»; «Слу[шано] 9 июля».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА ГИМНАЗИИ

1809 года июля 9 дня в собрании Совета Казанской гимназии по слушании сего определено: записать о сем в протокол, и после собрав всех студентов, в присутствии всего Совета отдать справедливость отличившимся, о чем и донести особым рапортом его превосходительству г. попечителю и кавалеру. Подлинное подписали гг. профессоры и адъюнкты.

Помета: «Донесено г. попечителю от 12 ч[исла] июля, за № 212».
ЦГАТ, Ф. 977, № 8483, лл. 7 и 10.

11

Рапорт Совета Казанской гимназии попечителю Казанского учебного округа С. Я. Румовскому о поведении студентов
12 июля 1809

Рапорт г. попечителю и кавалеру

Совет гимназии, рассмотрев предложенный г-м профессором инспектором-директором поданный к нему от помощника его при студентах магистра Кондырева рапорт об отличившихся студентах в течение года похвальным своим поведением, находит, что особенно отличившиеся своим благонравием в течение минувшего года учения суть: Семен Кручинин и Гаврила Панкратов, за ними следуют Михайло Юнаков, Петр Максутов, Владимир Булыгин и Сергей Граздовский, заслуживающие внимание и похвалу начальства; также отличившиеся очень хорошим поведением в целый год: Николай Лобачевской, Доримедонт Самсонов, Алексей Пятов, отчасти также очень хорошим Осип Линдегрен и Николай Алехин; но из всех их Кручинин отличился особенно. Многие под конец года показали

знаки исправления, из них заслуживает быть упомянут Манассеин. Почему в Совете определено при собрании всех студентов в присутствии С вета отдать справедливость отличившимся, о чем Совет имеет честь донести и Вашему Превос[ходительству] на начальственное благоусмотрение.

ЦГАТ, Ф. 977, № 8483, л. 8. Отпуск.

12

Характеристика Н. И. Лобачевского, данная ему инспектором университета в связи с его утверждением камерным студентом

Около (не позднее) 5 ноября 1809

Лобачевский, слушая разные лекции, почти на всех отличался, в комнатах с примерным прилежанием и охотою занимался, большею частью ходил на лекции порядочно, особливо с некоторого времени. В рассуждении поведения можно сказать в настоящем, что он ведет себя примерно хорошо и отчасти благонравно; да и в прошедшее время, со вступления в студенты, часто вел себя очень хорошо, выключая иногда случавшихся проступков, в коих однако же, к чести его сказать, оказывал после чистосердечное, кажется, признание и исправлялся, почему и уничтожал их. Будущее однако же должно показать еще более настоящую постоянную степень его поведения, и г. Лобачевский может быть одобрен как по заслуге в занятиях и успехах в некоторых науках, так и по надежде от него впредь исправления всего должного ожидаемого начальством и для поощрения в поведении быть камерным студентом и до некоторого времени править его должность.

РБС, Биография Н. И. Лобачевского, составленная А. В. Васильевым, стр. 531; о датировке см. М, I, 1, стр. 21. Н. И. Лобачевский стал получать с 5 ноября 1809 г. по 23 марта 1811 г. жалованье по 60 рублей в год, или по 5 рублей в месяц, как камерный студент (М, I, 1, стр. 25).

13

Из дневника П. С. Кондырева

Декабрь 1809

Большие неудовольствия от студентов Данкова, Ярцова, Филиповского, Лобачевских, Николаева, двух Агафи: сколь люди неблагодарны и несправедливы. Причиною многих упущений был товарищ мой Перевощиков. Прошусь в другой раз от позднощничества (ибо просился еще до отъезда), не отпускают, и происшествие, в коем хотели меня бить, убить и разбили окошко, прошло в шутках.[1]

ГИМ, Отдел письменных источников, Ф. 31 (архив А. С. Ешевской), № 16 (48932), л. 8 об.

[1] Об этом см. ниже в воспоминаниях А. С. Ешевской, стр. 664—665. — *Л. М.*

14

Из донесений директора Казанской гимназии и инспектора студентов И. Ф. Яковкина попечителю Казанского учебного округа С. Я. Румовскому о Н. И. Лобачевском

1809 — 1810 гг.

Он [Н. И. Лобачевский] приметно предъуготовляет себя для медицинского факультета.

Н. Н. Булич. Из первых лет, ч. I, стр. 245.

15

Из записи в инспекторском журнале Казанской гимназии о поведении Н. И. Лобачевского

Январь 1810

В генваре месяце Лобачевский первый оказался самого худого поведения. Несмотря на приказание начальства не отлучаться из университета, он в новый год, а потом еще раз, ходил в маскарад и многократно в гости, за что опять наказан написанием имени на черной доске и выставлением оной в студентских комнатах на неделю. Несмотря на сие, он после того снова еще был в маскараде.

Н. Н. Булич. Из первых лет, ч. I, стр. 245—246; ср. Загоскин. История, II, стр. 570.

16

Из донесения директора Казанской гимназии и инспектора студентов И. Ф. Яковкина попечителю Казанского учебного округа С. Я. Румовскому о рекомендации проф. И. А. Литтрову трех студентов для производства астрономических наблюдений

18 апреля 1810

Г. Литтров просил меня дать ему несколько слушателей для предварительного приготовления их и приобучения к деланию наблюдений. Для сего избрал я троих студентов: старшего Лобачевского, Линдегрена и Симонова. Сверх того, просил было он еще представить на благоусмотрение Вашего превосходительства о покупке некоторых инструментов из Мюнхена от Рейхенбаха — но я препоручил ему самому отнестись о том к Вашему превосходительству.

Загоскин. История, III, стр. 69; ср. I, стр. 259.

17

Из официального письма инспектора Казанского университета И. Ф. Яковкина к Казанскому полицеймейстеру Г. Е. Симонову о задержании полицией студентов Николая и Алексея Лобачевских

23 апреля 1810

Милостивый государь мой
Григорий Егорович!

Вчерашнего дня, т. е. 22-го сего апреля, двое студентов Казанского университета Лобачевские, из коих старшему (Николаю) особенно рекомен-

довано от доктора пользоваться свежим воздухом по причине продолжающейся в нем слабости здоровья, прохаживавшись прежде по нижней стороне Неяловской рощи, прошли в Болховскую рощу, дабы чрез нее выйти на улицу. Но посторонние люди, назвавшиеся сторожами той рощи, задержали их, говоря, что не велено гулять в той роще, говорили и обошлись с ними весьма грубо без всякой причины и, не взирая на уверения их, что они — студенты, насильно приневолены были идти прежде к Вашему высокоблагородию, а потом отведены в полицию, где и задержаны. Запрещения прохаживаться по Болховской роще никакого не было публиковано, да и роща сия, как и мне известно, ничем не отгорожена от Неяловской, и сверх того выздоравливающий больной с братом своим, оба студенты, не только не нанесли никому никакого оскорбления, но даже не учинили никакой неблагопристойности.

Таковое насилие двум студентам оказано в предосуждение прав Казанского университета, всемилостивейше ему пожалованных по грамоте и уставу, а сверх того оба студента обижены, отведены в полицию и задержаны в ней совершенно невинно. Почему, имея начальство в университете, обязанностью моею поставляю покорно просить Вас, милостивый государь мой, как начальника градской Казанской полиции, дабы соблаговолили поступить по законам как с назвавшимися стражами рощи, яко с нарушителями общественной безопасности и прав университета, так и с теми, кои, в предосуждение всемилостивейше пожалованной университету привиллегии, осмелились, приняв обоих помянутых студентов в полицию, задержать их в оной до приезда присланного от меня офицера и до получения от Вас приказания о выпуске их.

Загоскин. История, II, стр. 552—553.

18

Из донесения инспектора студентов Казанского университета И. Ф. Яковкина попечителю Казанского учебного округа С. Я. Румовскому в связи с задержанием студентов Николая и Алексея Лобачевских

25 апреля 1810

Праздничная светлая неделя препровождаема была спокойно со стороны подчиненных, особливо по причине дурной погоды и непроходимой грязи. Но в пятницу с двумя студентами Лобачевскими произошли некоторые неприятности, о коих Ваше превосходительство соблаговолите усмотреть из прилагаемого при сем сношения моего к Казанскому полицеймейстеру. Вчера поутру заезжал он ко мне дружески посоветоваться, как бы лучше поступить в сем щекотливом деле, особливо со стороны казанской игуменьи, которой кичливости они боятся, стараются избегать иметь с нею каковое либо дело. О последствии обещал он уведомить, а полицейских своих наказал уже всех, кто в задержании Лобачевских виноват оказался.

Загоскин. История, II, стр. 553.

19

Из материалов помощника инспектора студентов П. С. Кондырева о поведении камерного студента Н. И. Лобачевского и лишении его этого звания

Около (не ранее) 23 марта 1811

Замечен в соучаствовании и потачке проступкам студентов, грубости и ослушании, за что и наказан публичным выговором, лишением звания камерного студента, права получать 60 рублей в год на книги и отпуска.

В изложении Н. Н. Булича, «Из первых лет», ч. 1, стр. 245; полнее: Загоскин. История, II, стр. 543. Булич сообщает, что 60 рублей на книги и учебные пособия только что были Лобачевскому назначены «за особенные успехи в науках и благонравие» и датирует эти сведения «святками» 1810 г. (там же). На самом деле лишение Лобачевского звания камерного студента состоялось 23 марта 1811 г. (М, I, 1, стр. 25).

20

Из рапорта помощника инспектора студентов П. С. Кондырева директору гимназии и инспектору студентов И. Ф. Яковкину, «заключающего в себе историческое изображение поведения Лобачевского 1-го, из журнальной тетради и, отчасти, шнуровой книги извлеченное, показующее качество поведения сего студента»

27 мая 1811

Лобачевский 1-й в течение трех последних лет был, по большей части, весьма дурного поведения, оказывался иногда в проступках достопримечательных, многократно подавал худые примеры для своих сотоварищей, за проступки свои неоднократно был наказываем, но не всегда исправлялся; в характере оказался упрямым, нераскаянным, часто ослушным и весьма много мечтательным о самом себе, в мнении получившем многие ложные понятия; в течение сего времени только по особым замечаниям записан в журнальную тетрадь и шнуровую книгу 33 раза.

Если исправление сего студента должно воспоследовать для соделания его общеполезным, — ибо нельзя отрицать, чтобы он не мог быть таковым по его способностям и успехам в науках математических, — то сие должно воспоследовать ныне же и притом самыми побудительными средствами со стороны милосердия или строгости, каковые найдет благоразумие начальства.

В отрывках и изложении у Н. Н. Булича, «Из первых лет», ч. I стр. 246. Полнее: Загоскин. История, II, стр. 570—571. То же в иной редакции в «Краткой записке о поступках студентов с 1804 до 1819 года», там же, стр. 596.

21

Из рапорта помощника инспектора студентов П. С. Кондырева директору Казанской гимназии и инспектору студентов И. Ф. Яковкину о поведении Н. И. Лобачевского

До 5 июля 1811

Худое поведение студента Николая Лобачевского, мечтательное о себе самомнение, упорство, неповиновение, грубости, нарушения порядка и,

отчасти, возмутительные поступки; оказывая их, в значительной степени явил признаки безбожия.

Отрывок в статье Е. М. Феоктистова «Магницкий» в «Русском Вестнике», т. LII, 1864, № 7, стр. 21, и в его же книге «Магницкий (Материалы для истории просвещения в России, I)», СПб., 1865, стр. 91; Н. Н. Булич. Из первых лет, ч. I, стр. 246; полнее: Загоскин. История, II, стр. 571. В иной редакции в «Краткой записке о поступках студентов с 1804 до 1819 года», там же, стр. 596.

22

Рапорт помощника инспектора студентов П. С. Кондырева директору гимназии И. Ф. Яковкину о поведении студентов

5 июля 1811

Его высокоблагородию

Императорского Казанского университета публичному ординарному профессору, студентов инспектору и гимназии директору и кавалеру Илье Федоровичу господину Яковкину

Помощника инспектора студентов
адъюнкта Кондырева

Рапорт

Подобно прошедшим годам, честь имею представить Вашему высокоблагородию о поведении и занятии студентов и назначенных в студенты в течение прошедшего академического года.

В рассуждении поведения должно вообще сказать, что гг. студенты и назначенные в студенты вели себя и поступали лучше и благоразумнее прежнего. Не могу сказать сего обо всех, по крайней мере не более только следует исключить из оного, и в сем случае Николай Лобачевской занимает первое место по своему худому поведению. К великому моему удовольствию видел я во многих начала основательности как в поведении, так и в занятиях.

Студенты, отличившиеся 1) своим благонравием, поведением и отлично хорошими занятиями: Михайло Юнаков, Владимир Булыгин, Доримедонт Самсонов; 2) благонравным поведением и очень хорошим занятием: Петр Максутов, Владимир Панаев, Гаврило Панкратов, Сергей Граздовской (более по поведению); 3) очень хорошим поведением и отлично хорошими занятиями: Александр Шабров, Алексей Лобачевской, Эльпидифор Манассеин, Николай Алехин, Дмитрий Сидоров, Виктор Агафи; 4) очень хорошим поведением и хорошим занятием: Иван Попов; 5) довольно хорошим поведением и отличным занятием: Януарий Ярцов; 6) отличным занятием в математических науках: Николай Лобачевской. Прочие занимались и вели себя хорошо, а о некоторых из них должно

сказать, что желательно, дабы они либо в том, либо в другом соделались лучшими. — *Помощник инспектора студентов адъюнкт Петр Кондырев.*

Июля 5-го дня
1811-го года.

Пометы: «№ 290»; «Подан 5 июля 1811 года»; «слушано 5-го июля».

ЦГАТ, Ф. 977, № 8687, л. 98; ср. Загоскин. История, I, стр. 303 и II, стр. 605.

23

Из протокола заседания Совета Казанского университета о поведении студента Николая Лобачевского

7 июля 1811

Некоторыми из гг. членов замечено, что Николай Лобачевский по отличным успехам своим и дарованиям в науках математических мог бы быть удостоен звания студента кандидата, если бы худое его поведение не препятствовало сему, почему он и неодобрен, причем особенно профессор инспектор студентов и кавалер [т. е. И. Ф. Яковкин] и некоторые другие из членов подтвердили, что сделать сего в настоящее время, согласно с справедливостию и узаконениями, никак невозможно, а лучше подождать его исправления.

ЦГАТ, Ф. 977, № 8727, л. 70.

«Историческая записка о жизни и деятельности Н. И. Лобачевского. Речь, произнесенная в торжественном собрании университета 5 ноября 1868 г. Е. Янишевским», Казань, 1868, стр. 7.

24

Из протокола заседания Совета Казанской гимназии о повышении Н. И. Лобачевского и других студентов в степень магистра

10 июля 1811

Гг. профессоры Бартельс, Герман, Литтров и Броннер представили, что чрезвычайные успехи и таковые же дарования Николая Лобачевского в науках математических и физических могут рекомендовать его к повышению в степень магистра. [1]

Определено: Как Совет одобряемых находит к повышению в сию степень достойными, то и представить о сем на начальственное благоусмотрение и утверждение его превосходительства г. попечителя и кавалера, с означением им жалованья из суммы на студентов кандидатов получаемой.

За секретаря Совета адъюнкт Петр Кондырев.

ЦГАТ, Ф. 977, № 8727, л. 78.

Цитировано в «Исторической записке о жизни и деятельности Н. И. Лобачевского. Речь, произнесенная в торжественном собрании университета 5 ноября 1868 г. Е. Янишевским», Казань, 1868, стр. 7 и у Н. Н. Булича, «Из первых лет», ч. I, стр. 519; Загоскин. История, I, стр. 304 и II, стр. 571.

---

[1] Наравне с студентами Юнаковым, Самсоновым, Булыгиным и Алексеем Лобачевским. — *Л. М.*

25

Из записи в инспекторском журнале Казанской гимназии об обещании, данном Н. И. Лобачевским Совету гимназии

10 июля 1811

В сие же собрание Совета призываем был студент Николай Лобачевский, получив выговор; увещеваясь к исправлению и признаваясь в весьма многих своих проступках, дал обещание и честное слово, с подпискою в сей книге, исправиться и не доводить до начальства впредь жалоб на его дурное поведение, в надежде чего и представлен в магистры.

Загоскин. История, II, стр. 571. То же в иной редакции в «Краткой записке о поступках студентов с 1804 до 1819 года», там же, стр. 596.

26

Из донесения М. Ф. Бартельса попечителю Казанского учебного округа С. Я. Румовскому об успехах Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова

Около 11 июля 1811

Последние два [И. М. Симонов и Н. И. Лобачевский], особливо же Лобачевский, оказали столько успехов, что они даже на всяком немецком университете были бы отличными, и я льщусь надеждою, что если они продолжать будут упражняться в усовершенствовании своем, то займут значущие места в математическом кругу. О искусстве последнего предложу хотя один пример. Лекции свои располагаю я так, что студенты мои в одно и то же время бывают слушателями и преподавателями. По сему правилу поручил я пред окончанием курса старшему Лобачевскому предложить под моим руководством пространную и трудную задачу о кругообращении (Rotation), которая мною для себя уже была по Лагранжу в удобопонятном виде обработана. В тоже время Симонову приказано было записывать течение преподавания, которое я в четыре приема кончил, дабы сообщить его прочим слушателям. Но Лобачевский, не пользовавшись сею запискою, при окончании последней лекции подал мне решение сей столь запутанной задачи на нескольких листочках, в четвертку написанное. Г. академик Вишневский, бывший тогда здесь, неожиданно восхищен был сим небольшим опытом знаний наших студентов.

Н. Н. Булич. Из первых лет, ч. I, стр. 246—247; современный перевод, сделанный С. Я. Румовским с латинского языка и представленный им министру народного просвещения гр. А. К. Разумовскому. Изложено: Загоскин. История, I, стр. 304.

27

Из донесения директора Казанской гимназии инспектора студентов Л. Ф. Яковкина попечителю Казанского учебного округа С. Я. Румовскому о данном Н. И. Лобачевском обещании Совету гимназии

12 июля 1811

Вчера [1] по позволению явившись в Совет [Н. И. Лобачевский] оказал совершенное признание и раскаяние в прежних своих поступках; пу-

---

[1] Т. е. 10 июля. — *Л. М.*

блично обещавши совершенно исправиться, а посему Совет и решился его поместить в число представляемых к удостоению звания магистров, дабы излишнею строгостью не привести его, как весьма лестную надежду дарованиями и успехами подающего для университета, в отчаяние и не убить дух его.

Н. Н. Булич. Из первых лет, ч. I, стр. 247.

28

Предписание попечителя Казанского учебного округа С. Я. Румовского в Совет Казанской гимназии с предупреждением Н. И. Лобачевскому о необходимости исправления

7 августа 1811

В Совет Казанской гимназии

По засвидетельствовании Совета № 274, основанному на рапорте г. адъюнкта Кондырева, поручено объявить мою благодарность гг. студентам, отличившимся в течение прошедшего времени как благонравным поведением, так и прилежным занятием в комнатах, вне классов; а именно: 1) Михайлу Юнакову, 2) Владимиру Булыгину, 3) Доримедонту Самсонову, 4) Петру Максутову, 5) Владимиру Панаеву, 6) Гаврилу Панкратову, 7) Сергею Граздовскому, 8) Александру Шаброву, 9) Алексею Лобачевскому, 10) Эльпидифору Манассеину, 11) Николаю Алехину, 12) Дмитрию Сидорову, 13) Ивану Попову, 14) Януарию Ярцову и 15) на пансионерном содержании Виктору Агафи.

А студенту Николаю Лобачевскому, занимающему первое место по худому поведению, объявить мое сожаление о том, что он отличные свои способности помрачает несоответственным поведением и для того, чтобы он постарался переменить и исправить оное: в противном случае есть ли он советом моим не захочет воспользоваться, и опять принесена будет жалоба на то, тогда я принужден буду довести о том до сведения г. министра просвещения. Подлинное подписал Степан Румовской. С подлинным верно: письмоводитель Климов.

№ 787.
7-го августа 1811-го.

Пометы: «№ 379»; «Получено 22 августа 1811 года»; «Слушано 23-го августа».

ЦГАТ, Ф. 977, № 8687, л. 110. Копия.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА КАЗАНСКОЙ ГИМНАЗИИ 23 АВГУСТА 1811

1811-го года августа 23-го дня при слушании сего предложения в собрании Совета определено: призвав всех студентов в присудствие Совета, объявить им о сем предписании. С подлинною резолюциею верно: письмоводитель Климов.

ЦГАТ, Ф. 977, № 8687, л. 110.

Вторая половина предписания впервые опубликована в «Исторической записке о жизни и деятельности Н. И. Лобачевского. Речь, произнесенная в торжественном

Казанская первая гимназия. С литографии В. Турина.
(Пушкинский Дом Академии Наук СССР)

собрании университета 5 ноября 1868 г. Е. Янишевским», Казань, 1868, стр. 7; то же Н. Н. Булич, Из первых лет, ч. I, стр. 247—248; Загоскин. История, I, стр. 303; II, стр. 571—572.

29

Из сообщения проф. И. А. Литтрова о наблюдениях над кометою 1811 года (Первое упоминание имени Н. И. Лобачевского в печати)
6 сентября 1811

Казань

Комета, ныне видимая, находится между звездами (*омега* и *пси греч. букв.*) Большой медведицы. Она удаляется уже от Солнца. При ее приближении к оному, перьвой ее наблюдал г. Фложерк в Вивие[1] 25 марта (*нового шти.*) сего года; но тогда она была гораздо менее. Можно надеяться, что она будет видима и в ноябре; свет ее и величина станут в продолжение месяца умножаться; она теперь в Казани уже не заходит, а бывает и днем над горизонтом.

Наблюдения, деланные над сею кометою гг. магистром Лобачевским 1-м и студ. Симоновым под руководством и в присутствии г. проф. Литрова, здесь сообщаются [...]

(Сообщено от г. профессора Литрова).

Казанские Известия, среда, 6 сентября 1811, № 21, стр. 1—2 (самые наблюдения не приводятся нами); Ср.: Загоскин. История, II, стр. 646 и 647 (с опечаткой в годе издания: 1812, № 21); III, стр. 79; Н. Н. Булич. Из первых лет, ч. II, стр. 134.

30

Сообщение в печати о приведении Н. И. Лобачевского к присяге на звание магистра математико-физических наук
27 сентября 1811

Казань
15 сентября

По получении предписания высшего начальства об отделении императорской Казанской гимназии от Университета и помещении ее в новоустроенное для нее здание, минувшего августа 29 дня слушана была чиновниками и учащимися в обоих заведениях всенощная в зале прежнего главного гимназического, а ныне университетского корпуса. 30 числа, в день тезоименитства государя императора, по прослушании обедни в ближайшей к новому гимназическому зданию церкви Воздвижения креста, в присудствии членов Университета и Гимназии и многих почетных чиновников совершено было в зале сего здания молебствие с водоосвящением и возглашением многолетия государю императору и всему августейшему дому, а потом окроплены святою водою все учебные и жилые для учащихся покои. — С сего времени в оном новом здании начали

[1] Город во Франции под 44° 28′ 57″ северной широты, 22°20′55″ долготы от Парижского меридиана.

быть приготовляемы все потребности к совершенному перемещению Гимназии, так что 10 числа сего сентября переведены в оное все учащиеся с их чиновниками и 11 числа открыты классы по прежнему порядку и расположению. 14 числа прослушана была членами обоих заведений всенощная в зале нового гимназического здания, а 15 числа, как в присно-памятной для блаженства всей России коронования государя императора, по прослушании божественной литургии в помянутой, ближайшей к гимназии Воздвиженской церкви, совершено было в зале Гимназии благодарственное молебствие с коленопреклонением и с возглашением многолетия государю императору и всему августейшему дому, в присутствии некоторых из генералитета и почетнейших гражданских чиновных особ, всех членов Университета и Гимназии и многих чиновников. — Потом профессором, студентов инспектором, Гимназии директором и кавалером Яковкиным прочитаны были статьи из высочайше пожалованной Казанскому Университету грамоты о правах магистров, студентов кандидатов и студентов; из них удостоенные высшим начальством в классные звания приведены к присяге, удостоенным в действительные студенты Университета розданы от имени государя императора шпаги и провозглашены имена удостоенных, после бывших летних экзаменов, к переводу в Университет и к слушанию университетских преподаваний. Наконец все присудствовавшие угощаемы были завтраком. — В вечеру все здания гимназические и университетские были иллюминованы.

Магистры, приведенные к присяге.

1. Иван Дунаев — магистр химии и технологии.
2. Михайло Юнаков — магистр исторических наук.
3. Владимир Булыгин — магистр исторических наук и политической экономии.
4. Доримедонт Самсонов — магистр российской, греческой и латинской словесности.
5. Алексей Лобачевский — м. химии и технологии
6. Николай Лобачевский — м. математико-физических наук.

Казанские Известия, среда 27 сентября 1811, № 24, стр. 1—2.

31

Предписание попечителя Казанского учебного округа С. Я. Румовского в Совет Казанской гимназии с выражением похвалы Н. И. Лобачевскому и другим магистрам от имени министра народного просвещения

28 сентября 1811

В Совет Казанской гимназии

Его сиятельство г. министр просвещения, усмотрев из представленного мною письма г. профессора Бартельса об успехах в математике Линдегрена, Кайсарова, Лобачевских и Симонова, поручил мне от имени его изъявить им должную похвалу, что сим исполняя, препровождаю при сем копию

самого отношения его сиятельства для объявления им в Совете. Подлинное подписал: Степан Румовской. С подлинным верно письмоводитель Климов.

№ 1033.
Сентября 28 дня 1811-го.

Пометы: «Получено 11 октября 1811 года»; «№ 573»; «Слушано 11 октября».

ЦГАТ, Ф. 977, № 8687, л. 154. Копия.
Ср.: Загоскин. История, I, стр. 304; II, стр. 516.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо министра народного просвещения гр. А. К. Разумовского попечителю Казанского учебного округа С. Я. Румовскому о выражении похвалы Н. И. Лобачевскому и другим магистрам
19 сентября 1811

Милостивый государь мой Степан Яковлевич!

С удовольствием читал я сообщенное мне Вашим превосходительством письмо г. профессора Бартельса об успехах в математике Линдегрена, Кайсарова, Лобачевских и Симонова, и потому прошу Вас от имени моего изъявить им должную похвалу, которую они рачением своим заслужили.

Пребываю с истинным почтением
Вашего превосходительства
покорным слугою

Подлинное подписал: Г. Алексей Разумовский.
С подлинным читал: надворный советник Соколов
С копиею верно: письмоводитель Климов.

№ 2953.
Сентября 19-го 1811-го
Его пр-ву С. Я. Румовскому.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА КАЗАНСКОЙ ГИМНАЗИИ
11 ОКТЯБРЯ 1811

1811-го года октября 11-го дня при слушании сего предложения в собрание Совета призываемы были гг. упомянутые в предписании и объявлено им было о сем благоволении. Определено: исполнить предписание его превосходительства г. попечителя и кавалера. С подлинною резолюциею верно. Письмоводитель Климов.

ЦГАТ, Ф. 977, № 8687, лл. 154 об.—155. Копия.

32

Из представления М. Ф. Бартельса Совету Казанской гимназии о занятиях своих с Н. И. Лобачевским на дому
Октябрь 1811

С г. Лобачевским будет особенно на дому у себя заниматься четыре часа в неделю, по четвергам и субботам от девяти до одиннадцати часов пополудни, арифметикою Гауса и изъяснением первого тома небесной

*

механики г. Лапласа и, сверх того, г. Лобачевский будет объяснять слушателям его, г. профессора, чего они неудоразумевают.

Загоскин. История, II, стр. 528—529.

33

Из сообщения в печати об участии Н. И. Лобачевского в открытых чтениях в Казанском университете для чиновников, обязанных службою 20 апреля 1812

Извещение

Открытые чтения в императорском Казанском университете для чиновников, службою обязанных вследствие высочайшего указа от 6-го августа 1809 года, начнутся с 1 мая и продолжаться будут по октябрь месяц 1812 года [...]

III. По части математических и физических наук [. . .]

8) Арифметику и геометрию — физико-математических наук магистр *Николай Лобачевский* — на *российском языке*.

9) физику — химии и технологии магистр *Алексей Лобачевский* —на *российском языке* [. . .]

Чтения сии будут происходить в следующие по полудни часы:

Дни	*Пятый час*	*Шестой час*
Понедельник	м. Николай Лобачевский	
Вторник	м. Николай Лобачевский	
Суббота	м. Алексей Лобачевский	м. Алексей Лобачевский

Желающие из обязанных службою чиновников пользоваться оными преподаваниями должны явиться к надзирателю курсов г. адьюнкту врачебного веществословия и фармации *Ренарду*, который, записав их имя и время вступления, сообщает о сем желании начальнику места, где он служит. Начальник же по сему сообщению выдает желающим билеты для посещения.

Казанские Известия, суббота, 20 апреля 1812, № 16, стр. 1—3.
Об этих чтениях см.: Загоскин. История, II, стр. 361—380.

34

Донесение Конторы Казанской гимназии в Совет той же гимназии о рапорте Н. И. Лобачевского об исчезновении его брата А. И. Лобачевского

31 мая 1812

Казанской гимназии в Совет оной же гимназии из Конторы

Ведение

Сего маия 31-го числа г. профессор директор гимназии и кавалер предложил поданный на имя его рапорт магистра Николая Лобачевского,

в котором доносит, что сего 1812-го года, маия 29-го дня в 6-ть часов утра, брат его магистр Алексей Лобачевский вышел прогуляться, как он это делал обыкновенно по своей болезни, и не возвращался назад до сего маия 31-го дня; на нем был серой сертук, белой жилет, желтые нанковые панталоны, сверх темносерой капот и круглая шляпа; росту он высокого, волосом черн, открытые глаза и на правой щеке черная небольшая бородавка с волосами, причем — он г. директор и кавалер объявил, что чрез посредство гимназической — инвалидной команды и студентов — сего майя 30-го дня сыскиван был он Лобачевский по всем окресным города Казани рощам, но нигде не найден, о чем для принятия законных мер со стороны градской и земской полиции сообщено от него г-на директора в Казанскую градскую полицию и в Казанский земский суд. Определено: о сем сообщить ведением в Совет, а его превосходительству г-ну попечителю Казанского учебного округа отрапортовать (и отрапортовано) майя 31 дня 1812 года.

Казначей коллежский советник *Петр Баннер*
Секретарь *Осип Юферов*
№ 904 Губернский секретарь *Сырчин*

Пометы: «№ 293»; «5 июня», «слушано 5 июня»; «1812 года июня 5 дня в собрании Совета по слушании сего определено: взять к сведению. С подлинным верно: Письмоводитель *Виногр адов*».

ЦГАТ, Ф. 977, № 8739, л. 122 и 149.
Ср.: Загоскин. История, II, стр. 52, 596.

35

Из постановления Совета Казанской гимназии о нахождении А. И. Лобачевского в Нижнем-Новгороде

18 июня 1812

Ст. 9. 1812 года июня 18 дня в собрании Совета г. профессор инспектор студентов и кавалер предложил Совету, что магистр Алексей Лобачевский явился в дом своей матери из Нижнего-Новгорода, о чем он с сею же почтою и донес рапортом его прев[осходительств]у г. попечителю и кавалеру. Определено: взять к сведению. С подлинным верно: Письмоводитель *Виноградов*.

Помета: «Слушано 18 июня».

ЦГАТ, Ф. 977, № 8739, л. 130.
Ср.: Загоскин. История, II, стр. 52, 596, где сообщается из «Краткой записки о поступках студентов с 1804 до 1819 года», что «магистр Лобачевский 2-ой пропал без вести и очутился в Нижнем-Новгороде у матери, быв, как беспаспортный, задержан и представлен гражданскому губернатору, а от него отдан под расписку профессору Аргнгольдту, который и привез его в Казань» (стр. 596).

36

Рапорт Совета Казанского университета попечителю Казанского учебного округа С. Я. Румовскому с представлением сочинения Н. И. Лобачевского «Теория эллиптического движения небесных тел» с отзывом профессора М. Ф. Бартельса

15 июня 1812

Его превосходительству
господину действительному статскому советнику, Казанского университета и учебного его округа попечителю и кавалеру Степану Яковлевичу Румовскому

Совета при Казанском университете
Рапорт

Сего июля 10 дня в собрании Совета слушано было представление г. профессора Бартельса с представленными при нем сочинениями гг. магистров: Николая Лобачевского под названием *Теория еллиптического движения небесных тел* и Ивана Симонова под названием *О притяжении однородных сфероидов, ограниченных поверхностями второй степени*, которые просит представить вместе с его представлением Вашему превосходительству. А Совет оные в подлиннике с сим в копии представлением г. профессора Бартельса честь имеет представить при сем Вашему превосходительству на рассмотрение. *Профессор Илья Яковкин.*

Секретарь Совета профессор п. э. *Барон Врангель*

Письмоводитель Совета *Виноградов.*

№ 498.
июня «15» дня
1812 года.

Пометы: «22-го июня 1812-го»; «Сочинения взяты гг. магистрами ноября 26 1813».

ЦГАТ, Ф. 92, 1812, № 15, л. 1.

37

Представление М. Ф. Бартельса в Совет Казанского университета с отзывом о занятиях Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова

10 июля 1812

Concilio Honoratissimo Universitatis Casanensis
Professor Bartels

Nemo Vestrum, Viri clarissimi et honoratissimi, nescit me initio hujus cursus praeteriti academici officium D-orum Magistrorum Lobatschevsky et Simonov in scientiis mathematicis amplius excolendorum et hac de re nonnunquam ad Vos referendi suscepisse. Quam relationem jam eo libentius facio, quo felicior meae operae successus fuit. Praelectionibus meis privatis, in quibus maximam partem 1[mi] et aliquam 2[di] tomi egregii illius operis, cujus auctor Celeberrimus la Plase est, explicavi, D-ni Magistri non solum

cum singulari diligentia interfuerunt, sed quacunque etiam occasione proficiendi optime usi sunt. Elaborationes huic meae relationi adjunctae ad Mechanicam coelestam spectantes dicto meo probando inservient.

E specimine D-ni Simonovi quod priori quidem mea eo de argumento instructione in usum adhibita proprio tamen marte composuit, etsi demum hodie mihi traditum non nisi fugitivo oculo percurrere potui, manifestum fore spero, eum in Analysi et Mechanica sublimiori probari posse id quod eo magis laudandum est, quod astronomiae practicae duce D-no honor. Coll. Littrow eximiam operam dat.

Quamvis autem D. Simonov rerum mathematicarum bene expertus sit, tamen a D-no Lobatschevski praesertim in partibus subtilioribus superatur. Ex hujus enim commentatione quam absque ullo subsidio, opus ill. La Plase si excipias, elaboravit, intelligitur, eum res in illa tractatus non solum penetrasse, sed etiam ideis ipsi propriis exornare scivisse. Pluribus in locis hujus brevis commentationis [1] praestantissimi ingenii mathematici, quod illustre nomen aliquando non poterit non assequi, indicia inveniuntur, quae exponere hujus loci non esse videtur.

Rogo honoratissimum Consilium ut et hanc meam relationem et ambas commentationes ad Virum Excellentissimum, Dominum Curatorem transmittendas curet. Scripsi Casani die 10 Juli 1812. Martinus Bartels Prof. o. p. Mathes.

Пометы: «№ 378»; «подан 10 июля 1812 года»; «слушано 10-го июля».

Перевод:

Совету Казанского университета
от профессора Бартельса

Всем вам, достопочтенные и славные мужи, известно, что я в начале прошлого академического года взял на себя обязанность вести углубленные занятия по математике с магистрами Лобачевским и Симоновым и докладывать иногда вам о ходе этих занятий. Доклад свой я делаю с особым удовольствием, ибо труды мои увенчались успехом. На приватных занятиях моих, на коих изъяснил я большую часть 1-го и некоторую часть 2-го тома превосходного труда, сочиненного знаменитым Лапласом, помянутые магистры не только присутствовали с редкой аккуратностью, но и ревностно пользовались всяким случаем для самостоятельной работы. Труды их, присоединенные к сему докладу моему и относящиеся к небесной механике, послужат к подтверждению моих слов.

Из работы Симонова, которую он написал, воспользовавшись первоначально указаниями моими по данному вопросу, но затем вполне самостоятельно, и которую я, получив ее сегодня, мог только наскоро пробежать, надеюсь, явствует, что он заслуживает полного одобрения в Анализе и Высшей Механике, а это тем достохвальнее, что он с особым рве-

[1] Теория эллиптического движения небесных тел. — *Л. М.*

нием занимается практической астрономией под руководством почтенного коллеги моего доктора Литтрова.

Хотя Симонов хорошо осведомлен в математических науках, однако Лобачевский превосходит его, особенно в вопросах тонких. Из его сочинения, составленного им безо всякой помощи, если не считать названного труда Лапласа, ясно, что он не только проник в то, о чем в этом труде говорится, но и сумел обогатить его собственными идеями. Многие места этого коротенького сочинения (излагать их здесь не место) свидетельствуют о выдающемся математическом даровании, которое в будущем не сможет остаться не прославленным.

Прошу почтеннейший Совет о переслании этого моего донесения и обоих сочинений мужу превосходнейшему, господину попечителю. Писано в Казани 10 июля 1812. Мартин Бартельс, ординарный профессор чистой математики.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА

1812 года июля 10 дня в собрании Совета по слушании сего определено: представить оные сочинения его превосходительству г. попечителю и кавалеру с присовокуплением копии с представления г. профессора Бартельса. С подлинным верно: письмоводитель Виноградов.

Помета: «Исполнено 15-го июля за № 498».

ЦГАТ, Ф. 977, № 8739, лл. 175 и 210. Копия, заверенная секретарем Совета профессором п. э. бароном Врангелем и с пометами: «Подан 10 июля 1812 года»; «слушан 10 июля» — там же, Ф. 92, 1812 г., № 15, л. 2.

Впервые опубликовано без перевода в книге: «Nikolaj Jwanowitsch Lobatschefsky. Zwei geometrische Abhandlungen aus dem Russischen Uebersetzt, mit Anmerkungen und mit einer Biographie des Verfassers von Friedrich Engel. Erster Theil: Die Uebersetzung», Leipzig, 1898, S. 358—359; цитата в переводе у А. В. Васильева: РБС, стр. 534; ср. Н. Н. Булич. Из первых лет, ч. I, стр. 519. Перевод, выполненный М. Е. Сергеенко, печатается впервые.

38

Из письма Ф. К. Броннера к Н. И. Фусу

Конец июля — начало августа 1812

So wird von diesen Menschen immer die Moralität im Munde geführt, um ihre unmoralischen Absichten durchzuführen, besonders auch um durchaus selbstständige aber vorlaute Jünglinge durch Anschuldigungen zu verderben, wie zum Beispiel unser bester Zögling (Mag. Nicolaus Lobatschewsky) beinahe zu Grunde gerichtet und öffentlich wegen kleinigkeiten gebrandmarkt ward, deren Treibfeder eigentlich Lob verdient hätte. Mit genauer Noth konnten wir ihn noch retten.

Перевод:

У таких людей [как И. Ф. Яковкин] нравственность бывает лишь на словах, чтобы протащить свои безнравственные намерения, особенно же для того, чтобы погубить абсолютно самостоятельных, но передовых

юношей путем клеветы, как, например, нашего лучшего воспитанника (магистра Николая Лобачевского), который был почти окончательно осужден и, очевидно из-за пустяков, заклеймен, и чье профессиональное перо по существу заслуживало бы похвалы. С большим трудом нам удалось спасти его.

Д. Нагуевский. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758—1850 гг.), Казань, 1902, стр. 383, черновое; ср. стр. CCLXII; ср.: Загоскин. История, II, стр. 606.

39

Из протокола заседания Педагогического института при Казанском университете, с отзывом Ф. К. Броннера о занятиях Н. И. Лобачевского со студентами

7 марта 1813

Praesentavit mihi D. Mag. Lobatschewski relationem suam de modo, quo hucusque processit cum studiosis, quos in Mathesi instruit ex mandato Concilii. Laudanda sunt omnia, quae cum ingenio et diligentia egit, et de eius meritis Concilio proponendum. [Protoc. Inst. Paed. § 78].

Перевод:

Господин магистр Лобачевский представил мне свой отчет о том, как он до сих пор занимался со студентами, которых по поручению Совета обучал математике. Все сделано им разумно и тщательно, заслуживает одобрения, и о заслугах его следует доложить Совету.

Д. Нагуевский. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758—1850 гг.), Казань, 1902, стр. CXXXI.

40

Из сообщения в печати об участии Н. И. Лобачевского в открытых чтениях в Казанском университете для обязанных службою чиновников

12 апреля 1813

Ученое извещение

Открытые чтения в императорском Казанском университете для чиновников, службою обязанных, вследствие высочайшего указа от 6-го августа 1809 года, начнутся с 1-го мая и продолжатся по октябрь месяц сего 1813 года [. . .]

III. По части математических и физических наук [. . .]

10) *Арифметику и геометрию* — физико-математических наук магистр Николай Лобачевский — на российском языке [. . .]

Желающие из обязанных службою чиновников пользоваться оными преподаваниями должны явиться к надзирателю курсов г. адъюнкту врачебного веществословия и фармации Ренару, который, записав их имя и время вступления, сообщает о сем желании начальнику места, где он служит; начальник же по сему сообщению выдает желающим билеты для посещения.

Чтения сии будут происходить в следующие часы

Дни	*Четвертый час*	*Пятый час*	*Шестой час*
Понедельник		м. Николай Лобачевский	
Вторник		м. Николай Лобачевский	

Казанские Известия, суббота 12 апреля 1813, № 15, стр. 3—4.

41

Предписание попечителя Казанского учебного округа М. А. Салтыкова Совету Казанского университета о производстве Н. И. Лобачевского в адъюнкты

18 апреля 1814

Совету при Казанском университете

Вследствие отношения ко мне г. министра просвещения от 26 марта сего года за № 944 даю знать Совету, что в ординарные профессоры произведены г-да экстраординарные Городчанинов и Ерих; в экстраординарные профессоры г-да адъюнкты Кондырев, Никольской, Перевощиков и Лубкин, в адъюнкты магистр Николай Лобачевский, Симонов, Тимьянский и Дунаев. Подлинное подписал камергер Михайло Салтыков.

№ 202
Апреля 18 дня
1814 года.

Помета: «№ 214».

ЦГАТ, Ф. 977, № 206, л. 1. Копия.
Ср.: Загоскин. История, I, стр. 304—305, 486.

42

Выписка из протокола заседания Совета Казанского университета о производстве Н. И. Лобачевского в адъюнкты Университета

18 апреля 1814

Выписка из протокола Совета при Казанском университете, постановленного в оном 18 апреля сего года.

Ст. 2) Предложение его превосходительства г. попечителя за № 202-м таковое, вследствие отношения ко мне г. министра просвещения от 26 марта сего года за № 944-м даю знать Совету, что в ординарные профессоры произведены г. экстраординарные профессоры Городчанинов и Эрих, в экстраординарные г. адъюнкты Кондырев, Никольской, Перевощиков и Лубкин; в адъюнкты магистры: Николай Лобачевский, Симонов, Тимьянский и Дунаев. Определено: 1) каждому из гг. магистров, произведенным в адъюнкты, дать выписку из сего протокола, 2) призвав в Совет их привести к присяге и допустить к заседанию в оном, 3) гг. произведенных

в ординарные профессоры и в экстраординарные профессоры привести к присяге, 4) по желанию вновь произведенных членов Совета принести от них чрез Совет его превосходительству г. попечителю покорнейшую благодарность за столь лестное внимание к ним и попечение и просить его превосходительство засвидетельствовать таковую же благодарность и его сиятельству г. министру, 5) Конторе Казанской гимназии дать ведение о сем производстве и препоручить оной сделать нужное распоряжение и попечение в получении вновь произведенным жалованья и квартирных денег; что сим касательно Вашего высокоблагородия и исполняется. 1814 года 18 апреля. За секретаря Совета профессор *Петр Кондырев.*

№ 278.
в Комитет Правления
Университетского.

Пометы: «Получено 20-го апреля»; «№ 2»; «по журналу № 2-й апреля 20 ч. 1814 года».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНТОРЫ КАЗАНСКОЙ ГИМНАЗИИ
20 АПРЕЛЯ 1814

1814 года апреля 20 дня Казанской гимназии в Конторе по слушании сего ведения в журнале записано

Приказали: приняв к сведению, впредь до получения о производстве возведенным в ученые достоинства чиновникам жалованья и квартирных денег. Подлинный за подписом гг. присудствующих и секретаря Юферова. С подлинным читал Канцелярист *Симбирский.*

ЦГАТ, Ф. 977, № 47, лл. 1 и 4.

То же с пометами: «Исполнено 20 апреля»; «г. попечителю пред[ставление] №280»; «В контору Гимназии № 276», «Выписка в Правление № 276»; «Выписки гг. адъюнктам Николаю Лобачевскому, Ивану Дунаеву, Василию Тимьянскому, Ивану Симонову» — Ф. 977, № 206, лл. 1 об. и 4.

43

Из сообщения в печати об утверждении Н. И. Лобачевского адъюнктом Казанского университета

25 апреля 1814

Ученые известия [. . .]

Его сиятельством г. министром просвещения, действительным тайным советником, Государственного Совета членом, сенатором и кавалером графом Алексеем Кирилловичем Разумовским, по представлению его превосходительства г. действительного камергера, императорского Казанского университета и учебного его округа попечителя Михаила Александровича Салтыкова, 26-го марта сего года утверждены: [. . .]

В *адъюнкты* из магистров:

1) чистой математики — Николай Лобачевский [стр. 172—173].

В силу повеления его же сиятельства г. министра просвещения должно приготовить всё к полному открытию императорского Казанского уни-

верситета, что воспоследует, вероятно, в непродолжительном времени [стр. 173—174].

Казанские Известия, суббота, 25 апреля 1814, № 17, стр. 172—174.

44

Выписка из протокола заседания Физико-математического отделения Казанского университета о выборах секретаря отделения и забаллотировании Н. И. Лобачевского

5 мая 1814

Заседание маия 5-го дня 1814 года
вторник в 12 часов пополудни

1. Рассуждаемо было о том, должны ли гг. адъюнкты участвовать в выборе секретаря Отделения и сообразно уставу и общему согласию определено, что они не имеют сего права. Вследствие того к выбору предлагаемы были гг. адъюнкты сего Отделения, первый г. Петровский черных было 7 шаров, белых ни одного; г. Лобачевский черных 7 шаров, белых ни одного; г. Симонов черных 4 шара, белых три; Тимьянский черных 1 шар, белых шесть; г. Дунаев черных 6 шаров, белых один. Определено в сообразность сего избрания представить Совету для испрошения утверждения секретарем отделения сего адъюнкта Тимьянского у его превосходительства господина попечителя.

Не присутствовали гг. адъюнкты: Петровский и Лобачевский за болезнию.

Декан Мартин Бартельс, Карл Фукс, К. Реннер, Иосиф Литтров, Ксавер Броннер, Брейтенбах, Григорий Никольский, Иван Симонов, Иван Дунаев, Василий Тимьянский.

Протокол писан рукою В. И. Тимьянского.

ЦГАТ, Ф. 977, физ-мат. отд., № 18, л. 1.

45

Текст присяги П. С. Кондырева и В. М. Перевощикова на звание экстраординарных профессоров и Н. И. Лобачевского на звание адъюнкта

20 мая 1814

Клятвенное обещание

Я нижепоименованный обещаюсь и клянусь всемогущим богом пред святым его Евангелием в том, что хощу и должен его императорскому величеству, своему истинному и природному всемилостивейшему великому государю императору Александру Павловичу, самодержцу всероссийскому и его императорского величества всероссийского престола наследнику,

---

[1] Описание открытия университета под заглавием «Торжественное открытие императорского Казанского университета июля 5-го дня 1814 года в воскресенье» опубликовано в «Казанских Известиях», 11 июля 1814 г., № 28, стр. 379—384. — *Л. М.*

которой назначен будет, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все к высокому его императорского величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества узаконенные и впредь узаконяемые по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять и при том по крайней мере старатися споспешествовать все, что к его императорского величества верной службе и пользе государственной во всех случаях касатися может; о ущербе же его величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовремянно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допущать тщатися и всякую мне вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне чин как по сей генеральной, так и по особливой определенной и от времени до времени его императорского величества имянем от предустановленных надо мною начальников определяемым инструкциям и регламентам и указам надлежащим образом по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, и таким образом себя весть и поступать, как верному его императорского величества подданному благопристойно есть и надлежит, и как я пред богом и судом его страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне господь бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей своей клятвы целую слова и крест спасителя моего. Аминь.

По сему клятвенному обещанию присягали 1814-го года, маия 20-го дня, императорского Казанского университета: на чин экстраординарного профессора Петр Кондырев. По сему клятвенному обещанию того-же года и числа присягал на чин экстраординарного профессора Василий Перевощиков.

Того же года и числа присягал на чин адъюнкта Николай Лобачевский.

Оных чинов присяге приводил Иоанн протопоп Воскресенский.

При приведении к присяге присутствовал ректор Иван Браун.

ЦГАТ, Ф. 977, № 206, л. 3. Печатный бланк. Подписи-автографы.

46

Выписка из протокола заседания Физико-математического отделения Казанского университета о чтениях Н. И. Лобачевским лекций по математике

23 мая 1814

Заседание 23-го маия, суббота
в 6 часов пополудни

1. Г. ректор в заседании предложил, что поелику все гг. профессора и адъюнкты сего Отделения, имеющие занимать студентов математическими науками, означили в расписании лекций своих преподавания, к математике принадлежащие, то, не полезно ли будет занимать студентов

практическими частями математики. По соображении Отделением определено, чтобы г. адъюнкт Николай Лобачевский читал: 1. Плоскую тригонометрию, наиболее уча употреблению таблиц логарифмических для тех из студентов, кои учатся практической геометрии; 2. тем же, кои хотят усовершенствовать себя в чистой математике, преподавал бы теорию числ (Theoria numerorum).

Ректор Иван Браун, Мартин Бартельс, К. Реннер, Литтров, Ксавер Броннер, Брейтенбах, Симонов, Дунаев.

За болезнию не присутствовал п. п. с. Гр. Никольский.

Секретарь Отделения адъюнкт Василий Тимьянский.

Протокол писан рукою В. И. Тимьянского.
ЦГАТ, Ф. 977, физ-мат. отд., № 18, л. 3 об. — 4.

47

Прошение Н. И. Лобачевского в Совет Казанского университета о предоставлении отпуска в г. Макарьев Нижегородской губернии

2 июля 1814

В Совет при императорском Казанском университете

от адъюнкта Казанского университета
Николая Иванова сына Лобачевского

Прошение

Соглашаясь со мнением гг. докторов, для поправления моего здоровья, я должен сделать путешествие и употребить для сего хорошее летнее время; сыскав теперь благоприятный случай ехать в уездный город Макарьев Нижегородской губернии, прошу покорнейше Совет позволить мне оным воспользоваться, уволив меня от нижеписанного числа до конца вакационного времени сего 1814-го года и снабдив надлежащим паспортом для свободного пропуска до упомянутого города Макарьева. *Сие прошение доверяю вместо меня подать магистру Алексею Лобачевскому. Адъюнкт Николай Лобачевский.*

1814-го года.
Июля 2-го дня.

Пометы: «№ 353»; «1814-го года, июля 3 дня в собрании Совета, по слушании сего определено удовлетворить сему прошению».

ЦГАТ, Ф. 977, № 250, л. 1; на гербовой бумаге 1813 г. ценою в 50 коп. лист; писано рукою А. И. Лобачевского, кроме текста, набранного курсивом; с приложением свидетельства врача (см.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Свидетельство доктора и профессора Ф. И. Эрдмана, выданное Н. И. Лобачевскому о его болезни

2 июля 1814

Dominum Adiunctum Nicolaum Lobatschevsky per plures menses hypochondria cum affectione pectoris et debilitata digestione laborasse ita, ut debilitas corporis magna adhuc restit, meque ad tollendum malum omni

ex parte instituendi itineris consilium ipsi dedisse lubens merito testor. Casani die 11 Mens. Jul. MDCCCXIV.

Ioannes Fridericus Erdmann
Doctor et Professor

Перевод:

Господин адъюнкт Николай Лобачевский в течение многих месяцев страдал ипохондрией, болезнью груди и расстройством пищеварения в такой степени, что до сих пор осталась у него большая физическая слабость, и я охотно и по справедливости подал ему совет предпринять путешествие для полного выздоровления, что и свидетельствую.

Казань 2 июля 1814

Иоанн Фридрих Ердман
доктор и профессор

ЦГАТ, Ф. 977, № 250, л. 2.

48

Из дневника Ф. К. Броннера

7 октября 1814

7 Oct. 1814. [. . .] Ex Cancellaria accepi hora IX-na mat. Relatienes menstruas Docentium. Defuerunt: [. . .]

E Facult. II. Fuchs, Renner, Breitenbach, Nicolski, Petrovski, Nicolaus Lobatschevski, Timjanski [. . .]

Notam deficientium misi D. Rectori Magnifico, ut circulando monerentur per eam tardiores.

Перевод:

7 окт. 1814 [. . .] В 9 часу утра получена мною из канцелярии месячная *ведомость о преподавателях. Из них не читали лекций:* [. . .]

Во II факультете: Фукс, Реннер, Брейтенбах, Никольский, Петровский, Николай Лобачевский, Тимьянский [. . .]

Я послал г. ректору ведомость об отсутствующих, чтобы циркулярно напомнить о пропусках неаккуратным.

Д. Нагуевский. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758—1850 гг.), Казань, 1902, стр. 30—31.

49

Из сообщения в печати о чтении Н. И. Лобачевским лекций в Казанском университете в течение 1814—1815 учебного года

31 октября 1814

Казань 31 октября [. . .]

Университет наш, с незабвенного нам дня открытия его, 5-го июля, получил полное свое образование. Подобно прочим Университетам, науки в нем преподаваемые разделились сообразно высочайше конфирмованному о нем уставу на 4 отделения или факультета [стр. 548].

II. *По отделению физико-математических наук:* [. . .]

Николай Лобачевский, математических наук магистр и адъюнкт, по вторникам и середам от 8 до 10 часов преподаст прямолинейную тригонометрию студентам, занимающимся практическою геометриею и покажет им употребление таблиц; студентам, посвятившим себя математике, объяснит теорию чисел, по Гаузу и Лежандру, на российском языке [стр. 550].

Казанские Известия, суббота, 31 октября 1814, № 44, стр. 548 и 550.

50

Заметка магистра А. И. Лобачевского к статье «Кларкова воздушная постеля»

26 мая 1815

Прим. У нас в России в некоторых местах уже издавна вместо воздуха, наполняют кожаные подушки водою, закупоривают их и спят на оных. При чем воду часто переменяют и кожа особенно к сему приуготовляется. Оные весьма удобны особенно летом. Издат.

(Доставлено от г-на магистра Лобачевского).

Казанские Известия, среда, 26 мая 1815, № 42, стр. 245. После статьи «Кларкова воздушная постеля», «(*Из музеума Гермбштедта*)».

51

Из сообщения в печати о чтении Н. И. Лобачевским лекций в Казанском университете с 13 августа 1815 по 1 июля 1816 г.

4 августа 1815

Извещение

о преподавании наук в императорском Казанском университете с 13-го августа 1815 года по 1-ое июля 1816 года по постановлению Совета [. . .]

II. В Отделении физических и математических наук [. . .]

9. *Николай Лобачевский.* Математических наук магистр и адъюнкт, по вторникам от 8 до 10 часов, будет изъяснять теорию чисел, руководствуясь сочинением Гаусса, а по пятницам в те же часы занимать будет слушателей своих решением тригонометрических задач на российском языке.

Казанские Известия, среда, 4 августа 1815, № 62, стр. 360.

52

Из дневника Ф. К. Броннера

31 августа 1815

31 Aug. 1815 [. . .] Proposueram 28 Aug. in Concilio D-o Professori Nicolski, adhuc iter facienti, vicarium ac deinde adjutorem constituendum esse D-um Adj. Lobatschevski. Annuit Concilium, jussitque, ut distribuant inter se discipulos matheseos D. P. O. Nicolski et D. Adj. Nic. Lobatschevski. Vide acta.

Перевод:

31 авг. 1815 [. . .] В заседании Совета 28 августа я предложил назначить адъюнкта Лобачевского заступающим, а затем и помощником отсутствующего профессора Никольского. Совет согласился, предложив орд. пр. Никольскому и адъюнкту Ник. Лобачевскому разделить между собою студентов математиков. См. дело.

Д. Нагуевский. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758—1850 гг.), Казань, 1902, стр. 98; ср. стр. CLXXXVIII.

53

Из предписания попечителя Казанского учебного округа М. А. Салтыкова ректору Казанского университета И. О. Брауну в связи с избранием Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова в экстраординарные профессоры
27 апреля 1816

Милостивый государь мой
Иван Осипович!

На представление, сделанное мною его сиятельству господину министру народного просвещения об адъюнктах: Лобачевском и Симонове, заслуживающих по своим отличным познаниям и поведениям звания экстраординарных профессоров, его сиятельство, уважая мое об них одобрение, известил меня, что он не оставит их утвердить в сем звании, коль скоро получит представление от Университета на основании устава, упоминая, чтобы я предложил о сем Совету. Вследствие чего прошу Вас, собрав Совет, предложение мое отдать на рассуждение членам оного, а определение, какое воспоследует, прошу неукоснительно мне сообщить [. . .]

Остаюсь
с истинным почтением
Вашего высокородия
покорнейший слуга
М. Салтыков.

№ 101.
С. Петербург
Апреля 27. 1816.

Пометы: «Получено 17 мая 1816»; «№ 309».

ЦГАТ, Ф. 977, № 656, св. 19, л. 9; копия — Ф. 977, № 544, л. 1.
Опубликовано: Загоскин. История, II, стр. 154.

54

Из выписки из протокола заседания Совета Казанского университета Правлению университета о предписании попечителя Казанского учебного округа М. А. Салтыкова о производстве выборов Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова в звание экстраординарных профессоров

25 мая 1816

Выписка из протокола Совета Казанского университета, постановленного в оном сего маия 24 числа.

Ст. 16-я. Слушано было отношение его превосходительства г. попечителя Казанского учебного округа на имя г-на ректора от 27 апреля сего года за № 101 об учинении выбора гг. адъюнктам Симонову и Лобачевскому на звание экстраординарных профессоров [. . .]

Секретарь Совета *барон Врангель*.

Правлению Казанского
университета.

Без бланка, но с датой. «№ 480. Маия 25 дня 1816 года».

Пометы: «№ 812»; «По журналу мая 25 ч[исла] 1816 года № 20-й».

ЦГАТ. Ф. 977, № 325, л. 38.

Процитировано впервые у Э. П. Янишевского «Историческая записка о жизни и деятельности Н. И. Лобачевского», Казань, 1868, стр. 15; ср.: Загоскин. История II, 2, стр. 154.

55

Мнение профессоров П. С. Кондырева и В. М. Перевощикова по вопросу об избрании в экстраординарные профессоры Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова

26 мая 1816

Мнение
об определении Совета Казанского университета по статье 16-й 1816 года, маия 24-го дня.

Его превосходительство г. попечитель данным своим предложением на имя г. ректора от 27-го апреля 1816 года за № 101-м изъясняет, что на представление, сделанное им его сиятельству г. министру народного просвещения об адъюнктах Лобачевском и Симонове, заслуживающих по своим отличным познаниям и поведению звания экстраординарных профессоров, его сиятельство, уважая его превосходительства об них одобрение, известил его, что он «не оставит их утвердить в сем звании, коль скоро получит представление от Университета на основании устава, упоминая чтобы о сем предложил Совету». — В Совете Университета, рассуждая о том, большинством голосов 14-ти против 8-ми определено: 1) как в § 36 Устава экстраординарных профессоров предписано выбирать из 12-ти адъюнктов только четверых, каковое число ныне в Университете находится, а § 23 относится только к посторонним, в Университете еще не служащим лицам, то испрашивать разрешение г. министра просвещения: может ли Совет приступить к выбору экстраординарных профессоров сверх означенного в § 36 числа?

На таковое определение не соглашаемся по нижеследующим причинам:

1) С апреля месяца 1814 почти до конца того года было в нашем Университете шесть профессоров экстраординарных: барон Врангель, Арнгольд, Кондырев, Никольский, Перевощиков и Лубкин. Последние четверо, по представлению его превосходительства г. попечителя, произведены его сиятельством г. министром. По выбытии г. Арнгольда, несмотря на

то, что находятся уже пять экстраординарных профессоров, нынешние же члены Совета допустили искать экстраординарного профессорства г. Солнцева и потом баллотировали его. Таким образом, они находят ныне то сомнительным, в чем прежде сами не находили сомнения.

2) Харьковский и Московский университеты имеют одинаковый устав и грамоту с Казанским, но и там бывало более четырех экстраординарных профессоров в одно время, что также всеконечно было с утверждения высшего начальства.

3) в § 23 сказано, что профессоров и адъюнктов может быть более числа, штатом положенного, в случае надобности, что и случилось, напр. в Московском университете в одно время были: заслуженный профессор Чеботарев, ординарные Гейм и Черепанов, все три по историческим наукам, хотя в уставе положено два профессора ординарных исторических наук; Рейнгард и Брянцев — оба по философии ординарные и т. д. Все первые трое не из посторонних, а из служащих Университета; да и какое право имеют в сем одни только посторонние, а не свои, службою и пользою снискавшие большее пред ними право. Самый сей 23 параграф показывает, что может быть более экстраординарных профессоров.

4) В § 36 Устава сказано, что четырех из 12 адъюнктов Совет избирает в экстраординарные профессоры, но сим ни мало не сказано, чтобы оных было не более, как четыре.

5) Гг. профессоры математико-физических наук неоднократно прежде уверяли об отличных знаниях, успехах и дарованиях гг. адъюнктов Лобачевского и Симонова. Достопочтенный г. профессор астрономии Литтров, коего Университет с сожалением лишился, недавно напечатал в Астрономическом календаре г. Боде отличнейшее одобрение о чрезвычайных знаниях, успехах и дарованиях г. Симонова и что он совершенно достоин занять его место. Один из г. профессоров математики даже именовал г. Лобачевского гением. Таковые похвалы обещают, что сии особы принесут Университету пользу и честь.

6) Его сиятельство г. министр ответствует его превосходительству г. попечителю, что не оставит утвердить экстраординарными профессорами упомянутых адъюнктов, когда Совет о том представит, т. е. выбаллотирует. Из сего видно явственно, что может быть и более 4-х экстраординарных профессоров, иначе не последовало бы и такового предписания, а ответствовано бы прямо, что поелику четыре экстраординарных профессоров уже находится, то выбирать более не следует.

Посему, когда 1) Совет в прежних подобных случаях не имел сомнения, 2) когда подобное с воли начальства было у нас прежде, а равно и в других Университетах, 3) приведенные §§ 23 и 36 не служат доказательством заключению, сделанному по большинству голосов, а первое еще подтверждает противное оному и 4) нет справедливой причины откладывать баллотирование и представлять начальству *то*, что оным уже разрешено и исполнять предписывается, *то* нижеподписавшиеся на упомянутое решение боль-

шинства голосов, по сказанным причинам согласиться не могут и просят, чтобы сие их мнение представлено было его сиятельству г. министру на высокое начальственное благоусмотрение.

1816-го года, маия 26-го дня.

Экстраординарный профессор Петр Кондырев
Василий Перевощиков

ЦГАТ, Ф. 977, № 544, лл. 5 и 9; писано писарским почерком с поправками П. С. Кондырева.

56

Особое мнение профессора Г. И. Солнцева и адъюнкта И. Х. Ренарда по вопросу о выборах Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова в экстраординарные профессоры

26 мая 1816

Мнение публичного экстраординарного профессора прав и доктора Солнцева.

В бывшем заседании Совета императорского Казанского университета маия 24-го дня, по слушании отношения его превосходительства господина попечителя Университета Михаила Александровича Салтыкова на имя г. ректора под № 101-м от 27-го апреля присланного о избрании адъюнктов математических наук Лобачевского и Симонова в экстраординарные профессоры, протоколом по большинству 14 голосов против 8-ми постановлено: «Как в § 36 Устава п. э. профессоров предоставлено выбирать из 12-ти адъюнктов только 4-х, каковое число ныне при Университете уже находится, а в § 23-м относится только к посторонним в Университете еще не служившим лицам, то испрашивать разрешения господина министра просвещения, может ли Совет приступить к выбору экстраординарных профессоров сверх означенного в § 36 числа».

А как таковое постановление Совета относительно оных адъюнктов не есть отрицательное, ни утвердительное, а обращаемое только к справкам, поколику содержит в себе излагаемое сомнение о том только: «может ли Совет приступить к выбору экстраординарных профессоров сверх означенного в § 36 числа», и сомнение сие повидимому возникло от вопроса: «в число ли 12-ти адъюнктов по штату должны быть полагаемые э[кстраординарные] профессоры, или вне оного?» по каковой причине и предложение господина попечителя до времени остается еще не исполненным, впредь пока Совет получит по сему предмету разрешение: почему оного постановления по большинству членов Совета учиненного ни отрицая совершенно — ни во всем держась оного, с моей стороны имею мнением моим поставить на вид только следующее: 1-е. Как из предложения господина попечителя Университета его превосходительства Михаила Александровича Салтыкова явствует, что оные адъюнкты отлично одобряются и признаются достойными звания п. экстраординарных профессоров, и из того ж предложения видно, что и его сиятельство господин министр народного

просвещения граф Алексей Кирилович Разумовский не оставит утвердить оных адъюнктов в звании сем, есть ли только последует удостоительное представление Совета на основании Устава. 2-ое. В Уставе ж Казанского университета узаконено: а) § 57 «Когда место профессора сделается праздно, то каждой профессор того отделения, к которому он принадлежал, не ранее как спустя месяц представляет ректору имя кандидата, коего почитает достойным занять оное; сочинения его, ежели кандидат вне России или не в Казани находится, и причины, служащие основанием к представлению, поданные членами представления, читаются в общем собрании и хранятся в Совете. Ежели кандидат находится в Казани, то обязан сам представить Совету свои сочинения, общее рассуждение о науке, о которой идет дело, о предметах оной, о ее пространстве, успехах, о настоящем ее состоянии, удобнейшем способе преподавать оную и разных писателях лучшим образом объяснивших относящиеся к ней предметы. — В § 58-м Совет на рассмотрение сочинений и на собрание сведений о нравственности кандидата определяет довольное время, по прошествии оного ректор назначает чрезвычайное собрание для выбора. Совет о избранном предварительно представляет попечителю и ожидает утверждения министра народного просвещения. — В § 59-м: тот же порядок наблюдается при избрании адъюнктов. Природные россияне, нужные знания и качество имеющие, должны быть предпочтены чужестранным. — В § ж 36-м узаконено: четырех из 12-ти адъюнктов, трудолюбием пред прочими отличившихся и знание свое преподаванием курсов и сочинениями доказавших, Совет по предложению ректора баллотированием удостоивает в экстраординарные профессоры, и когда они по представлению попечителем в звании сем министром народного просвещения утверждены будут, тогда по рассмотрению попечителя получают прибавку в жалованье, какую дозволит сделать экономическая сумма, — то и следовало бы на основании вышеприведенных §§ Устава и на основании самого предложения его превосходительства господина попечителя, содержащего в себе между прочим то, что его сиятельство господин министр просвещения не оставит утвердить оных адъюнктов в звании п. э. профессоров, есть ли только последует удостоительное представление Совета на основании Устава, от оных рекомендуемых адъюнктов Симонова и Лобачевского истребовав сочинения и по рассмотрении оных членами факультета, к коему они принадлежат, буде одобрены будут, приступить к избранию в общем собрании Совета обычным порядком; и о последствии представить на усмотрение его сиятельству господину министру народного просвещения, приняв притом в уважение особенное и одобрение самого господина попечителя; а между тем представить на благоусмотрение и вопрос о том, может ли Совет приступать к выбору экстраординарных профессоров сверх означенного в § 36 числа? для будущего по подобным случаям руководства; впрочем что касается до § 23 Устава, я полагаю моим мнением, что оный относить должно не только к посторонним в университетах еще не служившим

лицам, но и ко всем вообще в высшее звание производимым ученым чиновникам. — Также, наконец, не нахожу никакого разноречия между §§ 57, 58, 59 и между § 36 оного же Устава, ибо первые параграфы ясно изображают начальной и окончательной порядок полной производств и выборов, а последний (§ 36) излагает вкратце тот же самой порядок другими только словами закона, ибо сообразив оные §§ 57, 58 и 59 само по себе явствует, что ректор Университета не прежде Совету предлагает о баллотировании как тогда, когда всё то, что в §§ 57, 58 и 59 изображено, исполнено будет.

Изложив сие мое мнение беспристрастно и держась по разумению моему силы законов, прошу оное на основании Устава § 55 статьи 6-й и на основании бывшего предписания господина министра народного просвещения его сиятельства графа Алексея Кириловича Разумовского, в прошлом году последовавшего, приобщить к дневной записке маия 26-го дня 1816 года. Публичной экстраординарный профессор прав и доктор Гавриил Солнцев.

С мнением г-на профессора Солнцева согласен и адъюнкт Врачебного Отделения Иосиф Ренард.

ЦГАТ, Ф. 977, № 844, лл. 4 и 10.

57

Представление Совета Казанского университета министру народного просвещения гр. А. К. Разумовскому о разрешении приступить к выборам Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова в экстраординарные профессоры
29 мая 1816

Его сиятельству
господину министру народного просвещения, государственного совета члену, сенатору, действительному тайному советнику, действительному камергеру и кавалеру, графу Алексею Кирилловичу Разумовскому

Совета императорского Казанского университета

Представление

В собрании Совета сего маия 24 числа читано было предложение его превосходительства г. попечителя на имя г. ректора данное, в коем изображено: «что на сделанное им представление об адъюнктах Лобачевском и Симонове, заслуживающих звание экстраординарных профессоров Ваше сиятельство изволили известить его, что не оставите их утвердить в сем звании, коль скоро получено будет представление Университета на основании Устава». По выслушании сего предложения, между членами Совета произошло разногласие относительно решения вопроса: может ли Совет приступить к выбору упомянутых адъюнктов, когда в § 36 Устава, Совету только предоставлено право из 12 адъюнктов выбирать четырех в экстраординарные профессоры, каковое число экстраординарных профессоров ныне уже при Университете находится, а хотя в 1814 году было в Универ-

ситете э. о. про[фессоров] более положенного в § 36 Устава, но они утверждены в[ашим] с[иятельством] по представлению г. попечителя без баллотирования Совета, что касается до § 23, коим Совет руководствовался при выборе профессора Солнцева, то оный относится до посторонних, в Университете еще не служивших лиц; почему Совет на основании определения, постановленного в сем собрании большинством 14 голосов против 8-ми, имеет честь испросить начальственного Вашего сиятельства разрешения: имеет ли Совет право приступить к выборам экстраординарных профессоров из адъюнктов сверх положенного в § 36-м числа, выбор коих ему предоставлен.

№ 492
Маия 29 дня
1816 года

ЦГАТ, Ф. 977, № 544, лл. 6 и 8. Отпуск без подписей.

Впервые в изложении у Э. П. Янишевского, «Историческая записка о жизни и деятельности Н. И. Лобачевского», Казань, 1868, стр. 15.

58

Донесение Совета Казанского университета попечителю Казанского учебного округа М. А. Салтыкову в связи с производством выборов Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова в экстраординарные профессоры

5 июня 1816

Г. попечителю

Донесение

В собрании Совета маия 24 числа ректор предложил полученное на имя его предписание от Вашего превосходительства от 27 апреля за № 101, об учинении выбора гг. адъюнктам Симонову и Лобачевскому в звании э. ординарных профессоров, по которому в Совете большинством голосов 14 против 8-ми определено: как § 36 Устава экстраординарных профессоров предписано выбирать из 12 адъюнктов только четырех, каковое число ныне при Университете уже находится, а § 23 относится только к посторонним в Университете еще неслужащим лицам, то испросить разрешение г. министра прос[вещения], может ли Совет приступить к выб ру экстраординарных профессоров сверх означенного в § 36 числа. О чем Совет Вашему пре[восходительст]ву имеет честь донести.

№ 523.
Июня 5-го 1816.

ЦГАТ, Ф. 977, № 544, л. 7. Отпуск.

59

Из письма М. А. Салтыкова к Ф. К. Броннеру

12 июня 1816. Петербург

J'ai pris la partie d'en écrire au Recteur et de lui exposer franchement mon façon de penser. Le délai que l'on a mis à l'election de Simonoff et Lobatchefski en est un exemple. Jacofkin l'eût ordonné, et il eût été obéi.

Перевод:

Я взялся написать ректору и откровенно изложить ему образ моих мыслей. Отсрочка, которую предполагается учинить в выборе Симонова и Лобачевского является тому примером. Яковкин постановил и он подчинился.

Д. Нагуевский. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758—1850 гг.), Казань, 1902, стр. 318.

60

Из письма М. А. Салтыкова к Ф. К. Броннеру

15 июня 1816. Петербург

Les objections, qu'on oppose à la validité de l'elections de Lobatchewsky et Simonoff au grade de professeur, sont pitoyables.

Перевод:

Возражения, которые выдвигают против законности выборов Лобачевского и Симонова в степень профессоров, являются жалкими.

Д. Нагуевский. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758—1850 гг.), Казань, 1902, стр. 323.

61

Предписание министра народного просвещения гр. А. К. Разумовского Совету Казанского университета об утверждении Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова в звании экстраординарных профессоров

7 июля 1816

Совету императорского Казанского университета

Адъюнктов Университета Симонова и Лобачевского, по засвидетельствованию г. попечителя об отличных их познаниях, я утверждаю в звании экстраординарных профессоров, с теми выгодами, какие прочие экстраординарные профессоры получают. Изъяснение Университета, что в оном ныне находится уже положенное по Уставу число экстраординарных профессоров, то есть четыре в настоящем случае не может иметь места: ибо хотя теперь будет состоять шесть экстраординарных профессоров, но двое из них Солнцев и Симонов заступают кафедры ординарных профессоров, которых для предметов, кои они преподавать имеют, в Университете не находится; а затем останется четыре экстраординарных профессора, как и в Уставе положено. Подлинное подписал г. Алексей Разумовский.

№ 2214.
С.П.бург.
Июля 7-го 1815.

Пометы: «445»; «получено 26 июля 1816»; «Слуш[ано] 4 августа»; «1816 года августа 4 числа в собрании Совета по слушании сего предписания определено: вновь

произведенных привести к присяге, о выдаче жалованья дать выписку в Правление. С подлинною революциею верно. Комаров»; «Выписка дана Правлению 5-го августа, № 743».

ЦГАТ, Ф. 977, № 544, л. 11. Копия.

Процитировано впервые у Э. П. Янишевского, «Историческая записка о жизни и деятельности Н. И. Лобачевского», Казань, 1868, стр. 15—16. Ср. Загоскин. История, II, стр. 157.

62

Письмо попечителя Казанского учебного округа М. А. Салтыкова ректору Казанского университета профессору И. О. Брауну об утверждении Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова в звании экстраординарных профессоров

9 июля 1816. Петербург

Милостивый государь мой
Иван Осипович!

Так как профессор Яковкин имеет рескрипт за высочайшим его императорского величества подписанием, нет уже надобности в особой на то грамоте — и потому, ежели директор Словцов таковый же рескрипт получил, прошу меня уведомить. Г. министр сообщил мне предложение, посланное им Совету об утверждении адъюнктов Лобачевского и Симонова экстраординарными профессорами.

Остаюсь с истинным почтением

Вашего высокородия
покорнейший слуга
Салтыков

№ 151.
Июля 9-го дня 1816.
С. Петербург.

Пометы: «Получено 26-го июля 1816».

ЦГАТ, Ф. 977, № 656, св. № 19, на 49 листах; в деле «Собрание предложений попечителя», 1816 г., № 178, л. 27.

63

Из письма М. А. Салтыкова к Ф. К. Броннеру

24 июля 1816. Петербург

Il se peut, que ma prédilection pour Simonoff et Lobatchewski m'ait porté à leur procurer un avantage, qui les distinguat de leurs collégues, mais comme je vous l'ai déjà dit, je me suis référé à la recommandation non seulement de Littrow et Bartels, mais de presque tous les professeurs: et puis dans l'espace de trois ans j'ai pu m'assurer par moi-même, si ces deux sujets méritaient cette exception. Ce ne point gratitude de ma part, puisque bien loué d'avoir instruit mes enfants Lobatchewski au contraire a pris des leçons de langue française chez moi [стр. 328].

Malgré cela, Simonoff et Lobatchewski sont professeurs en dépit de la cabale. J'ai insisté là dessus et j'ai écrit au Ministre, que mon honneur serait lésé, s'il ne les confirme pas sur ma presentation, sans scrutin, sans Conseil et vous me dites, que le Recteur était sur le point de produire ma lettre au Conseil [стр. 329].

Перевод:

Возможно, что мое расположение к Симонову и Лобачевскому побудило меня оказать им преимущество по отношению к их сотоварищам, но, как я Вам уже сказал, я руководствовался не только рекомендацией Литтрова и Бартельса, но почти всех профессоров: и затем в течение трех лет я сам смог убедиться в том, что эти два лица заслужили это исключение. Это не было во всяком случае актом какой-либо благодарности к ним с моей стороны уже потому, что приглашенный давать уроки моим детям Лобачевский брал в свою очередь у меня уроки французского языка [стр. 328].

Несмотря на это Симонов и Лобачевский утверждены в звании профессоров наперекор интриге. Я настоял на том и написал министру, что моя честь была бы оскорблена, если он не утвердит их на основании моего представления без баллотировки и помимо участия Совета, и Вы мне сказали, что ректор собирается препроводить мое письмо в Совет [стр. 329].

Д. Нагуевский. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758—1850), Казань, 1902, стр. 328 и 329; ср стр. CCXLII; ср.: Загоскин. История, II, стр. 156—157.

64

Из сообщения в печати о рассмотрении сочинения Н. И. Лобачевского о разрешении алгебраического уравнения

26 июля 1816

В Отделении физико-математических наук [. . .] рассмотрены были: [. . .] сочинение адъюнкта Лобачевского о разрешении алгебраического уравнения, что $x^n - 1 = 0$.

«Отчет императорского Казанского университета за 1815—1816 учебный год, читанный в годичном торжественном собрании сего университета, бывшем 5-го июля 1816 года (продолжение)» («Казанские Известия», среда, 26 июля 1816, № 60, стр. 292). Сочинение это не дошло до нас, но содержание его было изложено Н. И. Лобачевским в XVI главе (§ 215) его книги «Алгебра», 1834 г. (ср. А. В. Васильев, РБС, стр. 534).

65

Из дневника Ф. К. Броннера

1 августа 1816

1 Aug. 1816. D. Prof. Lobatschevski petit famulum Кузьма studiosis destinatum, ut eum comitetur per 10 dies, in rus abiturum. Vide acta.

Перевод:

1 авг. 1816. Проф. Лобачевский просит отпустить с ним служителя студентов Кузьму на 10 дней в деревню. См. дело.

Д. Нагуевский. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758—1850 гг.), Казань, 1902, стр. 156.

66

Из сообщения в печати о чтении Н. И. Лобачевским лекций в Казанском университете с 13 августа 1816 по 10 июля 1817
Около 13 августа 1816

II

Lectiones Ordinis Physico-mathematici [. . .]

7. Nicolaus Lobaschewski, Disciplinarum Mathematicarum Prof. P. E. — dieb. Mart. et Ven. h. VIII—X *utrumque Trigonometriam*, practicae quidem partis praecipua ratione habita, tradet, ducibus Cagnoli aliisque auctoribus idoneis (L. R.)

«Catalogus praelectionum in Universitate caesarea litterarum Casanensi a die XIII aug. a. MDCCCXVI ad X jul. a. MDCCCXVII habendarum promulgatus auctoritate Senatus Academici», Casani, ex Universitatis officina typographica factore F. Bockelmann, прил., стр. 3.

II

В Отделении физических и математических наук [. . .]

6) Николай Лобачевский, профессор п. э. математических наук, по вторникам и пятницам от 8 до 10 часов, будет читать *плоскую сферическую* тригонометрию, принимая в рассуждение более практическую часть оной, руководствуясь *Каньёли* и другими писателями, на русском языке.

«Извещение о преподавании наук в императорском Казанском университете с 13 августа 1816 года по 10 июля 1817 года по постановлению Совета», Казань, 1816, стр. 3.

67

Из письма попечителя Казанского учебного округа М. А. Салтыкова ректору Казанского университета И. О. Брауну в связи с избранием Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова в экстраординарные профессоры
После 21 августа 1816. Петербург

Упорство, обнаруженное в случае избрания гг. Лобачевского и Симонова, обнаружило также неуважение к моим мнениям и поселило взаимную недоверчивость между мною и некоторыми членами, первенствующими в Совете.

Загоскин. История, II, стр. 162.

68

Текст присяги Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова на звание экстраординарных профессоров

25 августа 1816

Клятвенное обещание [. . .] [1]

По сему присягал экстраординарный профессор Иван Симонов.

По сему присягал экстраординарный профессор Николай Лобачевский.

Означенных профессоров Ивана Симонова и Николая Лобачевского присяге приводил протоиерей Иоанн Бельский.

При приведении к присяге присудствовал ректор Иван Браун.

25-го августа 1816.

ЦГАТ, Ф. 977, № 544, л. 12. Печатный бланк. Подписи-автографы.

69

Из письма М. А. Салтыкова к П. С. Кондыреву

11 сентября 1816. Петербург

L'on me suppose de la partialité et de la prédilection pour Lobatchewski et Simonoff. Eh bien soit, mettons, que j'en aie en effet, me serait-il defendu d'en avoir, quand Mr. le Recteur se montre si partial lui-même pour Solnzeff qui n'est qu'on intrus — qu'a-t-il fait pour prétendre au degré de professeur ordinaire?

Перевод:

Предполагают с моей стороны пристрастие и расположение к Лобачевскому и Симонову. Ну, хорошо, пускай, предположим, что это так, неужели запретили бы мне это, когда сам ректор обнаруживает пристрастие с своей стороны к Солнцеву, который есть лишь самозванец — что он сделал, чтобы претендовать на степень ординарного профессора?

Д. Нагуевский. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758—1850 гг.), Казань, 1902, стр. 332; ср. стр. CCXLIII.

70

Из дневника Ф. К. Броннера

12 сентября 1816

12 Sept. 1816. Venerunt studiosi Веригин et Мухачев rogantes, ut eos admittam ad auditorium D-i P. Nicolski, quia D. P. Lobatschevski raro in auditorium veniret. Jussi eos tranquille expectare adventum D. Professoris subinde forsan aegrotantis. D-o Prof-ri Lobatschevski id amico modo dixi respondit, se hucusque lectiones non dedisse, ferias duas praecessisse.

[1] Печатный текст присяги совпадает с текстом, приведенным под № 45. — *Л. М.*

Перевод:

12 сент. 1816. Пришли студенты Веригин и Мухачев, с просьбой допустить их в аудиторию проф. Никольского в виду того, что проф. Лобачевский редко бывает в аудитории. Я приказал им спокойно ожидать прихода профессора, который, быть может, внезапно заболел. Сообщив об этом дружески профессору, я узнал от него, что лекций он не читал до сих пор вследствие двух праздничных дней.

Д. Нагуевский. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758—1850 гг.), Казань, 1902, стр. 159—160; ср. стр. CLXXXVIII.

71

Из дневника Ф. К. Броннера

31 октября 1816

31 Oct. 1816. Adsunt studiosi Иконников et Евреинов, qui conqueruntur, se D-um P. Lobatschevski docentem intelligere non posse, cum non de usu logarithmorum, sed de eorum origine agat. Petunt igitur, ut mittantur ad D. P. Nicolski, qui secundam partem Algebrae explicat. Id absque nominibus D-o Prof. notum feci. Studiosos tranquillos esse, et (si vellent) ad ambos Professores accedere jussi.

Перевод:

31 окт. 1816. Являются студенты Иконников и Евреинов с жалобою на то, что не могут понимать чтений проф. Лобачевского, так как он *объясняет не применение логарифмов, а их происхождение. Они просят* отослать их к проф. Никольскому, изъясняющему вторую часть алгебры. Не упоминая имен, я известил об этом профессора. Студентам я рекомендовал вести себя спокойно и (если пожелают) ходить на лекции к обоим профессорам.

Д. Нагуевский. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758—1850 гг.), Казань, 1902, стр. 164; ср. стр. CLXXXVIII.

72

Из сообщения в печати о чтении Н. И. Лобачевским лекций в Казанском университете в 1816—1817 академическом году

9 декабря 1816

В императорском Казанском университете, сообразно Уставу его, будут происходить в текущем академическом 1816—1817 году следующие преподавания: [. . .]

II. В Отделении физических и математических наук [. . .]

6) Николай Лобачевский, профессор п. э. математических наук по вторникам и пятницам от 8 до 10 часов читать будет *обе тригонометрии*, принимая в рассуждение более практическую часть оных, руководствуясь *Каньёли* и другими писателями, на русском языке.

Казанские Известия, суббота, 9 декабря 1816, № 99, стр. 454.

73

Из дневника Ф. К. Броннера
8 февраля 1817

8 Febr. 1817 [. . .] D-i Prof-is Nicolski Classis elementaris traditur D. Mag. Lobatschevski donec D-us Prof. redeat ex itinere.

Перевод:

8 февр.1817 [. . .] Приготовительный класс проф. Никольского передается магистру Лобачевскому впредь до возвращения профессора из поездки.

Д. Нагуевский. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758—1850 гг.), Казань, 1902, стр. 176.

74

Прошение Н. И. Лобачевского в Правление Казанского университета о выдаче ему денег, причитающихся профессору И. М. Симонову с приложением его доверенности
7 мая 1817

В Правление императорского Казанского университета
от экс. профессора Николая Лобачевского

Прошение

В силу доверенности, данной мне от г-на экстраординарного профессора Симонова, которую прилагаю при сем, прошу Правление приказать мне выдать восемьсот рублей откуда следует. — э. п. Николай Иванов сын Лобачевский.

1817-го года маия 7-го дня.
Пометы: «№ 564»; «по журналу мая 17 ч[исла] 1817 года № 12».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ

1817 года маия 17 дня в Правлении Казанского университета определено: как сумм на путешествие в чужие краи ныне недостаточно на выдачу г. Симонову требуемых денег, то доложить о сем по получении на майскую сего 1817 года треть штатных сумм. Подлинной за подписом гг. присудствующих и секретаря. С подлинным читал *Симбирский*.

ЦГАТ, Ф. 977, № 489, л. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Верющее письмо И. М. Симонова на имя Н. И. Лобачевского
19 марта 1817. Петербург

Милостивый государь
Николай Иванович!

Следует мне получить из Казанского университетского казначейства ассигнованные господином министром народного просвещения из сумм

на путешествие по штату положенную государственными ассигнациями восемь сот рублей, прошу Вас покорнейше вместо меня оные деньги восемь сот рублей из сего казначейства получить, в получении оных расписаться и ко мне доставить в Санкт-Петербург, в чем я вам верю и что учините спорить и прекословить не буду.

Ваш,
милостивый государь,
покорнейший слуга
Иван Михайлов Симонов
экстр. профессор 8-го класса.

Марта 19 дня
1817 года
С. Петербург

Сие принадлежит господину профессору 8-го класса Лобачевскому.

На гербовой бумаге 1816 года, «ценою 2 рубли»

Заверительная подпись:

1817 года марта 19 дня сие письмо Санктпетербургской губернии в Палате гражданского суда 8 класса Иван Михайлов сын Симонов явил и притом объявил, что оное принадлежит профессору 8 класса Николаю Иванову сыну Лобачевскому, и в окончании оного подписано рукою его Симонова.

Заседатель *Матвей Цырков*
Секретарь *Киндерев.*

У сей надписи его императорского величества сей палаты печать.
Пошлин 1 р. взят.
Коллежский регистратор *Загин.*

Помета сбоку: «По 4 книге № 437».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ 9 ИЮНЯ 1817

1817 года июня 7 дня в присудствии Правления докладывано: 1) по прошению э. профессора Николая Лобачевского, с приложением доверенности, данной ему от э. профессора Симонова, на получение из университетского кассирства 800 рублей. [. . .] Приказали: о выдаче э. профессору Симонову определенных восьмисот рублей из суммы на путешествие в чужие краи, по доверенности его, Симонова, э. профессору Николаю Лобачевскому, кассиру дать предписание о сем г. Симонова уведомить выпиской. Подлинный за подписом гг. присудствующих и секретаря. С подлинным читал *Болдырев.*

Пометы: «Дано июня 9 дня за № 814»; «Уведомлен Симонов 9-го ч[исла] июня за № 847»

ЦГАТ, Ф 977, № 489, лл. 2—3

75

Прошение Н. И. Лобачевского в Совет Казанского университета об увольнении для лечения на Сергиевские минеральные воды
6 июня 1817

В Совет при императорском Казанском университете

от экст. профессора Николая Лобачевского

Прошение

Прошу покорнейше Совет уволить меня для лечения в Оренбургской губернии уездной город Сергиевск на минеральные воды по 1-е августа сего 1817-го года и приказать снабдить меня надлежащим видом. 1817-го года, июня 6 дня. Экс. профессор Николай Иванов сын Лобачевский.

Пометы: «№ 299»; «пол[учено] 6-го июня 1817»; «слушано 7 июня»; «1817 года июня 7 дня в собрании Совета по слушанию сего прошения, определено: удовлетворить сей просьбе».

ЦГАТ, Ф. 977, № 732, л. 1.

76

Текст подорожной, выданной Н. И. Лобачевскому на свободный проезд в г. Сергиевск и обратно в г. Казань
8 июля 1817

По указу его величества государя императора Александра Павловича и самодержца всероссийского

и проч. и проч. и проч.

Объявитель сего императорского Казанского университета экстраординарный профессор 8-го класса Николай Иванов сын Лобачевский уволен Советом Казанского университета Оренбургской губернии в уездный город Сергиевск от нижеписанного числа впредь по 1-е августа сего 1817-го года, почему гг. команду на заставах имеющие благоволят ему чинить свободный пропуск до упомянутого места и обратно до Казани, в уверение чего и дан ему сей пашпорт за надлежащим подписом и с приложением Университетской печати.

Июля 8 дня 1817-го года

Помета: «№ 574».

ЦГАТ, Ф. 977, № 732, л. 2. Отпуск, писанный рукою Н. И. Лобачевского.

77

Из сообщения в печати об утверждении Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова в звании экстраординарных профессоров
14 июля 1817

Относительно членов Университета последовали следующие перемены [. . .]

В звании ээ. профессоров утверждены по физико-математическому отделению Иван Симонов и Николай Лобачевский.

«Историческая записка о Казанском университете с июля 1816 до июля 1817 года, читанная в торжественном собрании оного 5-го числа июля сего года» (Казанские Известия, суббота 14 июля 1817, № 56, стр. 239).

78

Предписание попечителя Казанского учебного округа М. А. Салтыкова Правлению Казанского университета о выдаче жалованья, причитающегося А. И. Лобачевскому, согласно его поручению, брату его Н. И. Лобачевскому

31 октября 1817

Правлению Казанского университета

Магистр Алексей Лобачевский, в поданном ко мне прошении. поручает родному брату своему э. профессору Николаю Лобачевскому, вместо себя следуемое ему жалованье получать, для доставления к нему и в книгах, где следует, расписываться. Сообразно сему прошению предлагаю Правлению Казанского университета выдавать оное жалованье э. профессору Николаю Лобачевскому до определенного срока данного магистру Лобачевскому для проживания в С. Петербурге.

Подлинное подписал М. Салтыков.

№ 209.
Октября 31 дня
1817-го года.

Помета на копии: «№ 1319».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ

1817 года 22 ноября определено: выдать добавочное жалованье Алексею Лобачевскому, под расписку брата его Николая, с 18 августа по 18 декабря из 600 р. в год за вычетом на госпиталь по 1 коп. с рубля 198 р. из суммы на путешествие в чужие краи, о чем кассиру предписать, с тем, чтобы он и следующие ему Алексею за майскую треть жалованья выдал ему же Николаю, о чем и дать ему выписку. С подлинным читал *Симбирской*.

Помета на копии: «Исполнено 23 ноября предписание за № 1767; выписка за № 1757».

ЦГАТ, Ф. 977, № 489, л. 14. Копия.

79

Предписание попечителя Казанского учебного округа М. А. Салтыкова Правлению Казанского университета о выдаче А. И. Лобачевскому квартирных денег

22 марта 1818

Правлению Казанского университета

В предложении моем оному Правлению от 31 октября прошлого года за № 209 в выдаче жалованья магистру Казанского университета Лоба-

чевскому я разумел и квартирные деньги. Когда они не выданы прежде, то ныне предписываю доставить их адъюнкту Лобачевскому непременно. Подлинное подписал: М. Салтыков. С подлинным сверял *Симбирской*.

На бланке: «От П. К. У. О. Марта 22 дня, 1818 года № 97. О выдаче адъюнкту Лобачевскому квартирных денег».

Пометы на копии: «Для сведения дана выписка экстраординарному профессору Лобаческому 10 апреля, за № 623»; «№ 451»; «по журналу 8 апреля 1818 года № 4».

ЦГАТ, Ф. 977, № 489, л. 17. Копия.

80

Из предложения Физико-математического отделения Казанского университета о сообщении сведений о лекциях, предположенных к чтению преподавателями университета в течение 1818—1819 учебного года

14 мая 1818

Господа члены Физико-математического отделения благоволят означить на сем собственноручно, что каждый из них будет преподавать на лекциях своих в течение будущего 1818—1819 академического года. — Маия 14 д[ня] 1818. Секретарь Отделения адъюнкт Василий Тимьянский [...]

Ответ Н. И. Лобачевского:

Экстраординарный профессор Лобачевский будет читать дифференциальное и интегральное вычисление, руководствуясь сочинением Лакруа о сем предмете. [1]

ЦГАТ, Ф. 977, физ-мат. отд., 1818, № 10, л. 1.
Ср.: Загоскин. История, I, стр. 305.

81

Из письма М. А. Салтыкова к И. М. Симонову

18 июня 1818. Петербург

J'ai écrit 3 ou 4 grosses lettres Lobatchefsky, dont le sujet principal était aussi Voltaire, comme historien. —

Перевод:

Я написал 3 или 4 больших письма Лобачевскому, основным сюжетом которых также является Вольтер, как историк. —

Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского университета, № 4507, л. 20 об.

---

[1] *Было: а.* будет читать аналитическую геометрию, руководствуясь Г. Монжем, на русском языке; *б.* будет читать дифференциальное и интегральное вычисление, руководствуясь сочинением Theorie des fonctions *par* La Grange; *текст б. после слов* будет читать, *а также основной текст после этих слов писан Н. И. Лобачевским карандашом.*

82

О чтениях Н. И. Лобачевским лекций в Казанском университете в 1818—1819 учебном году

Июнь 1818

II

В Отделении физических и математических наук [. . .]

5. Николай Лобачевский, математических наук профессор п. э., член училищного комитета, по понедельникам и четвергам от 2 до 4 часов будет изъяснять на российском языке дифференциальное и интегральное вычисление, руководствуясь сочинением Лакруа.

«Обозрение преподаваний в императорском Казанском университете на 1818—1819 учебный год» — Загоскин. История, II, стр. 97.

83

Из записки члена Главного Правления училищ М. Л. Магницкого, заключающей обозрение Казанского университета с отзывом о Н. И. Лобачевском и других профессорах университета

16 марта 1819

Отличные способности гг. молодых профессоров Университета Лобачевского, Симонова, Срезневского, Перевощикова не укроются от внимания начальства, как самая для него приятная надежда, что обещают они на будущее время.

«Историческая записка о жизни и деятельности Н. И. Лобачевского. Речь, произнесенная в торжественном собрании Университета 5 ноября 1868 г. Е. Янишевским», Казань, 1868, стр. 21; цитата: Загоскин. История, III, стр. 290.

84

Рапорт И. М. Симонова и Н. И. Лобачевского о сдаче первым и приеме вторым имущества Астрономической обсерватории Казанского университета

27 марта 1819

В Совет императорского Казанского университета.

Э. профессора Симонова и
Э. профессора Лобачевского.

Рапорт

Согласно с выпиской из протокола Совета за № 294 г. экстраординарный профессор Симонов сдал и г. экстр. профессор Лобачевский принял инструменты и книги и вещи по приложенной при сем описи.

Э. профессор Симонов.
Э. пр. Николай Лобачевский.

Пометы: «№ 164»; «Слушано 27 марта».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА

1819 года марта 27 дня в заседании Совета Казанского университета по слушании сего рапорта определено: принять к сведению.

С подлинным верно: Канц. *Комаров.*

ЦГАТ, Ф. 977, № 1027, л. 2; текст написан рукою И. М. Симонова с подписями И. М. Симонова и Н. И. Лобачевского; с приложением «Описи инструментам, книгам и вещам, принадлежащим Астрономической Обсерватории» (на лл. 3—4); текст описи не воспроизводится.

85

Из донесения члена Главного Правления училищ М. Л. Магницкого министру духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицыну об обследовании Казанского университета, с отзывом о Н. И. Лобачевском

9 апреля 1819

Отделение 4

О положении учебной части Казанского университета.

II. Факультет физико-математических наук.

Экстраординарный профессор Лобачевский, хотя и отсутствующий ныне, по общему отзыву, есть человек отлично знающий [стр. 553].

V. О дополнительных курсах.

Дополнительные курсы можно разделить на два рода, а именно: [. . .]

2. Употребления людей, произведенных в высшие ученые достоинства, дабы имели они какое-либо управление за получаемое жалованье. Таковы: 1) [курс] занятый непомещенным в Математическом Отделении профессором Лобачевским [стр. 554].

ЦГИАЛ, Фонд департамента народного просвещения, картон № 145, д. № 4795, 1819 г., л. 28.

Опубликовано: Загоскин. История, III, стр. 553 и 554 и 297; полностью все донесение: стр. 545—567 (Из дела попечителя 1819, № 1, лл. 335—385).

86

Из записки члена Главного Правления училищ М. Л. Магницкого о профессорах Казанского университета с отзывом о Н. И. Лобачевском

9 апреля 1819

Лобачевский отличных, как уверяют, способностей, ибо лично его, по отсутствию из Казани, не знаю [л. 56 об.]

16. Лобачевский — отличный познаниями в высшей математике, может с пользою и желает быть употреблен здесь [л. 89].

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 145, д. № 4795, 1819 г., лл. 56 об. и 89. Записка является приложением к донесению М. Л. Магницкого министру духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицыну от 9 апреля 1819 г.

Вторая часть опубликована: Загоскин. История, III, стр. 306.

87

Предложение Н. И. Лобачевского Совету Казанского университета о согласии его читать лекции по астрономии
15 апреля 1819

В Совет императорского Казанского университета
от экстраординарного профессора
Николая Лобачевского

Предложение

Не угодно ли будет Совету возложить на меня преподавание лекций астрономии во время отсудствия г-на профессора Симонова, которые лекции я вызываюсь продолжать даже и тогда, когда бы какие нибудь обстоятельства удержали надолго г-на Симонова в отлучке. Естьли Совет согласится на мое предложение, то прошу его доверить мне попечение об Обсерватории и издержки суммы на нее назначенной. — Э. пр. Николай Лобачевский.

1819-го года, апреля 15 дня.

Пометы: «№ 248»; «Слушано 15 апреля».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА

1819 года, апреля 15 дня, в заседании Совета Казанского университета по слушании сего представления определено: Препоручив профессору Лобачевскому преподавание астрономии и попечение об Обсерватории, дать знать Правлению об отпуске в его ведомство суммы, на обсерваторию положенной, также дать о сем выписку инспектору студентов. С подлинным верно. Канц. *Комаров.* «Выписки даны 16 апреля Правлению, № 468, г. профессору Брейтенбаху, № 467, — Лобачевскому, № 466».

ЦГАТ, Ф. 977, № 1055, л. 1.

Впервые в изложении у Э. П. Янишевского, «Историческая записка о жизни и деятельности Н. И. Лобачевского», Казань, 1868, стр. 17.

88

Выписка из протокола заседания Совета Казанского университета о поручении Н. И. Лобачевскому преподавания астрономии
16 апреля 1819

Выписка из протокола Совета Казанского университета, постановленного в оном сего апреля 15 числа.

Ст. 30. Слушано было представление г. э. профессора Лобачевского от 15 апреля, что он желает принять на себя преподавание лекций астрономии во время отсутствия г. профессора Симонова, которые лекции он вызывается продолжать и тогда, когда бы какие-нибудь обстоятельства удержали надолго г. Симонова в отлучке. Естьли Совет согласится на его предложение, то просит доверить ему попечение об Обсерватории и издержки суммы на нее назначенной.

Определено: препоручив профессору Лобачевскому преподавание астрономии и попечение об Обсерватории, дать знать Правлению об отпуске в его ведомство суммы на обсерваторию положенной, также дать о сем выписки и гг. правящему должность инспектора студентов и профессору Лобачевскому.

Секретарь Совета *Барон Врангель.*
Архивариус Совета *Комаров.*

Правлению Казанского
Университета
№ 465.

На бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Апреля 16 дня 1819 года, № 468. О препоручении Астрономических лекций и надзора за Астрономическою обсерваториею г. э. профессору Лобачевскому».

Пометы: «По журналу апреля 21 ч[исла] 1819 года, № 2»; «1819 года апреля 21 дня в Правлении определено принять к сведению. Подлинное за подписом гг. присутствующих и секретаря. С подлинным сверял регистратор *Симбирский.*

ЦГАТ. Ф. 977, № 797, л. 1.

Ср.: Загоскин. История, II, стр. 179.

89

Из «Ведомости о сочинениях, изданных членами императорского Казанского университета до вступления их в Университет и о рукописях, у них находящихся» со сведениями о трудах Н. И. Лобачевского

Весна 1819

П. э. профессор чистой математики Лобачевский сочинил основание геометрии и несколько рассуждений о высшей математике, которые еще не изданы.

Из дела Попечителя Казанского учебного округа, 1819 г., № 1; опубликовано: Загоскин. История, II, стр. 647.

90

Из сообщения в печати о публичных лекциях Н. И. Лобачевского в Казанском университете для чиновников, обязанных службою

7 мая 1819

Извещение о публичных преподаваниях в императорском Казанском университете для чиновников, обязанных службою.

На основании именного его императорского величества высочайшего указа, данного Правительствующему Сенату в 6-й день Августа 1809 года, в императорском Казанском университете открыты публичные для чиновников, обязанных службою, преподавания, коими могут пользоваться желающие на предписанных в оном высочайшем указе правилах, являясь прежде к назначенному для сего смотрителю курсов, г. адъюнкту исторических наук Булыгину, который, записав их имена и время вступления, сообщает о сем желании начальнику места, где таковые служат; начальник по сему сообщению выдает желающим билеты для посещения. Преподаватели суть: [. . .]

III. По части математических и физических наук.

1) *Арифметику и геометрию* — э. профессор математики Николай Лобачевский — на российском языке

По полудни	*Четвертый час*	*Пятый час*	*Шестой час*
Вторник	Арифмет. и геометрия		
Среда			Арифмет. и геометрия

Казанские Известия, среда, 7 мая 1819, № 37, стр. 147—148.

91

Выписка из протокола заседания Казанского университета в связь с поручением Н. И. Лобачевскому преподавания начал чистой математики

2 июня 1819

Из протокола Совета Казанского Университета.

Ст. 8. 1819 года, июня 2 дня. В заседании Совета Казанского университета рассуждаемо было о расположении учебного времени на будущий учебный год равномерно и о том, что профессор математики Никольский уже три года сверх прикладной математики преподает и начала чистой математики, а как он ныне сверх прежних, им занимаемых должностей, исправляет и должность директора Гимназии, то о препоручении преподавания начал чистой математики профессору Лобачевскому, определено: предоставить сделать о сем настоящее распоряжение Отделению физико-математическому, о чем дать оному выписку.

С подлинным верно: Канцеляр. *Комаров.*

Помета: «Выписка дана Отделению физико-математических наук 3 июня, № 696».

ЦГАТ, Ф. 977, № 1115, л. 1. То же, Ф. 977, физ-мат. отд., 1819, № 9, л. 1.

92

Выписка из протокола заседания Совета Казанского университета о поручении Н. И. Лобачевскому собирания материалов для «Казанских Известий»

12 июня 1819

Ст. 17. 1819 года, июня 12 дня, в заседании Совета Казанского университета г. проректор и кавалер предложил для усовершенствования Казанских Известий по поводу воспоследовавших перемен по Издательному Комитету о назначении постоянных членов для собирания материалов к изданию Казанских Известий определено: Собирание сих материалов из иностранных изданий препоручить гг. э. о. профессорам Срезневскому, Лобачевскому и магистру Самсонову. Адъюнкту же Дунаеву предоставить выбор материалов из Российских изданий и самое издание сих известий,

о чем дать помянутым гг. членам выписки с присоединением плана, утвержденного для Казанских газет.

С подлинным верно: Канцелярист *Комаров*.

Помета: «Выписки даны 13 июня гг. профессорам: Срезневскому, № 766, Лобачевскому, № 767, Дунаеву, № 769, Предписано г. Самсонову, № 768».

ЦГАТ, Ф. 977, № 1129. л. 1.

93

Представление Отделения физико-математических наук в Совет Казанского университета о распределении между преподавателями лекций по математике

16 июня 1819

В Совет Казанского университета.

Отделение Физико-математических наук, слушав в заседании своем данную ему из протокола оного Совета выписку за № 696-м определило донести Совету, что поелику начала математики, разумея под ними арифметику и начальные правила алгебры и геометрии, должны быть довольно известны всякому вступающему в университет: но как Отделение математическое находит, что большая часть из поступающих в Университет слушателей слабо знает сии начала, то Отделение почитает нужным представить Совету на усмотрение. не угодно ли будет установить повторительные лекции, по примеру Отделения словесных наук, которое находясь в подобных обстоятельствах предлагало двоих репетиторов для латинского языка. Репетитором же для помянутых лекций Отделение избирает студента-кандидата Левицкого, как известного Отделению по отличным своим успехам в математических науках. — Что же касается требуемого Советом распоряжения лекций о чистой математике между гг. профессорами Бартельсом и Лобачевским, то определено донести Совету, что естьли он примет вышеупомянутое мнение Отделения в уважение, то они будут читать лекции точно о тех предметах, кои показаны ими в расписании лекций на 1819—1820 годы.

Профессор Григорий Никольский.

Секретарь Отделения адъюнкт Тимьянский.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА

1819, июня 30 по слушании сего представления определено: Как оный кандидат Левицкий занят преподаваниями в Казанской гимназии и как по довольному числу математических преподавателей не предвидится надобность в препоручении предварительного курса кандидату, и как уже в заседании 2 июня предположено препоручить преподавание оной части профессору Лобачевскому, то и дать выписку в Отделение о препоручении преподавания курса начал чистой математики Лобачевскому, о чем внести в расписание преподавания.

На бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Императорский Казанский университет. Отделение физико-математических наук. № 6-й, Июня 16 дня 1819 года. Ответ на № 696».

Пометы: «№ 416»; «Слу[шано] 30 июня»; «Выписка дана 30-го, 863».

ЦГАТ, Ф. 977, № 1115, лл. 2 и 3.

94

Предписание министра духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицына Казанскому университету о назначении М. Л. Магницкого попечителем Казанского учебного округа.

18 июня 1819

Императорскому Казанскому университету.

Его императорское величество высочайшим указом, в 8 день сего июня состоявшимся, всемилостивейше повелеть соизволил, члену Главного Правления училищ, г. действительному статскому советнику *Магницкому* быть попечителем Казанского университета и его учебного округа.

Препровождая у сего копию с последовавшего о том на имя мое указа из Правительствующего Сената от 13 сего месяца, предлагаю, во исполнение оного, отныне относиться по всем делам с представлениями к нему г. действительному статскому советнику *Магницкому*, по сему высочайше возложенному на него званию:

Министр духовных дел и народного просвещения

Князь Александр Голицын.

Директор *Василий Попов.*

На бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Департамент народного просвещения. Секретарский стол. В С.-Петербурге июня 18 дня 1819, № 1968. О бытии действительному статскому советнику *Магницкому* попечителем Казанского округа».

Пометы: «Получено 1-го июля 1819»; «Слушали 4 июля».

Н. П. Лихачев. Казанский Вестник (история издания и указатель содержания), «Книговедение», 15 марта 1894, № 3, стр. 45, приложение 2.

95

Донесение Н. И. Лобачевского Совету Казанского университета с просьбою уволить его от работы по собиранию материалов для «Казанских Известий»

26 июня 1819

В Совет императорского Казанского университета.

От экстраординарного профессора
Николая Лобачевского

Донесение

Выпискою из протокола Совета за № 767 извещен я, что Совет возлагает на меня избрание материалов для Казанских Известий, на что имею

честь донести Совету следующее. Я опасаюсь худо отвечать ожиданию Совета, потому что почитаю должность сию разнородною с главными моими занятиями. Г-да профессора, занимающиеся историею, географиею и политическою экономиею могут с меньшим трудом и с лучшею разборчивостию собирать материалы. Они уже и без того читают политические известия, да, думаю, и должны читать их для усовершенствования своих наук; они находят для себя пищу в сем чтении, а я должен отказаться от него, чтоб не упустить важнейшее для меня. Итак, им ничего не будет стоить замечать мимоходом места, заслуживающие быть помещенными в Казанских Известиях; перевод же таких мест из иностранных газет может быть поручен некоторым студентам или кандидатам, для которых подобное занятие послужит в пользу, тогда как для профессора оно бы было одною утратою времени. Наконец, прошу Совет принять и то в уважение, что я занимаю теперь две кафедры, что летнее время только и способно для наблюдений, которым я иногда посвящаю и дни и ночи. Осмеливаюсь еще заметить Совету, что г-н магистр Сампсонов не может оказать больших услуг Издательному Комитету Известий, ибо он не знает немецкого языка, на котором одном только и получаются газеты. Итак, не угодно ли будет Совету меня, а равно и г-на Сампсонова, от должности доставлять материалы для Казанских Известий уволить, а вместо нас избрать людей способнейших. 1819-го года, июня 26 дня. Экст. профессор Николай Лобачевский.

Пометы: «№ 443»; «Слу[шано] 10 июля».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА:

1819, июля 10, по слушании сего, определено: по причинам, представленным э. профессором Лобачевским, уволить его от соучаствования в издании Казанских Известий.

ЦГАТ, Ф. 977, № 1129, л. 2.

96

Выписка из протокола заседания Совета Казанского университета о поручении Н. И. Лобачевскому курса начал высшей математики
30 июня 1819

Выписка из протокола Совета Казанского университета, постановленного в оном сего июня 30.

Ст. 22. Слушано было представление Отделения физико-математических наук от 16 июня относительно разделения преподаваний по части математики и об избрании оным сверх того репетитора кандидата Левицкого, как известного Отделению по отличным успехам в математических науках. Определено: как оный кандидат Левицкий занят преподаваниями в Казанской гимназии и как по довольному числу математических преподавателей не предвидится надобность в препоручении предварительного курса кандидату, а как уже в заседании 2 июня предположено препору-

чить преподавание оной части профессору Лобачевскому, то и дать выписку Отделению о препоручении преподавания курса начал чистой математики г. Лобачевскому, о чем внести в расписание университетских преподаваний.

Секретарь Совета барон Врангель.
Архивариус Комаров.

Отделению физико-
математических наук.

На рукописном бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Июня 30 дня 1819 года, № 863. Ответ на № 6».

Помета: «Получ[ено] июля 1 д[ня] 1819».

ЦГАТ, Ф. 977, св. 317, физ.-мат. отд., 1819 г., № 9, л. 2.

97

Прошение Н. И. Лобачевского в Совет Казанского университета об увольнении на Сергиевские серные воды
10 июля 1819

В Совет Императорского Казанского университета

От экстраординарного профессора
Николая Лобачевского

Прошение

Прошу покорно Совет уволить меня ехать на Сергиевские серные воды от сего июля 10 дня впредь до 24 дня июля сего же году. Обсерватория и астрономические инструменты остаются в мое отсудствие под надзором г-на адъюнкта Булыгина, так как он мне объявил на то свое согласие; ответственность же за целость вверенных мне казенных вещей будет лежать на мне. Экстр. профессор Николай Лобачевский.

1819 года
Июля 10 дня.

Пометы: «1819, июля 10. По слушании сего определено: уволив профессора Лобачевского, о снабжении его паспортом дать выписку в Правление», «Выписка дана 10 июля № 886»; «Слу[шано] 10 июля»; «№ 469».

ЦГАТ, Ф. 977, № 1153, л. 1.

98

Из всеподданнейшего доклада министра духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицына имп. Александру I о Казанском университете
14 июля 1819

По высочайшему Вашего императорского величества повелению, отправляем был член Главного училищ Правления, действительный статский советник Магницкий, нынешний попечитель Казанского университета и его учебного округа в Казань для обозрения тамошнего Университета

и принадлежащих оному мест по мере удобности. По исполнении сего поручения, представил он отчет в учиненном им обозрении, из которого оказалось что Университет сей по весьма малому числу способных профессоров, по чрезвычайному расстройству во всех частях, и многим недостаткам, равно как и по укоренившимся с давнего времени упущениям в образе управления его, не только не приносит никакой пользы, но и представляет всякие затруднения в приведении его в такое состояние, в каком ему быть следует для соответствия видам Правительства.

По предварительному о сем представлению чрез министра духовных дел и народного просвещения, Вашему императорскому величеству благоугодно было высочайше повелеть: 1) для поддержания Казанского университета в существовании его, немедленно принять надлежащие меры к приведению всех частей оного в должный порядок. Сие начать тем, чтоб при Университете оставить только тех из профессоров, кои заслужили одобрение по свидетельству при обозрении бывшему, и из них составить по способностям факультеты, хотя и не полные, но, сколько возможность позволит, так, как бы сей Университет вновь устроивался. Прочих же профессоров, которые при обозрении найдены недостойными сего звания удалить из оного, 2) за сим для пополнения факультетов, отыскать способных профессоров в других учебных округах, дабы предпочтительно определяемы были из русских, а в случае недостатка выписывать и из чужих краев, но токмо не иначе, как по достоверным сведениям о нравственности их. 3) Все сие предложить на рассуждение Главному Правлению училищ.

Во исполнение таковой высочайшей Вашего императорского величества воли, Главное Правление училищ рассматривало отчет действительного статского советника Магницкого в учиненном им обозрении Казанского университета и заведений его, и имело рассуждение о сем предмете, и, в сообразность с высочайшею Вашего величества волею, учинив разбор между казанскими профессорами, по зделанному о них засвидетельствованию, признало нужным учинить следующие предварительные распоряжения.

1. Ввести при Казанском университете преподавание богопознания и христианского учения, и для того по сношению с преосвященным Казанским архиереем определить способного наставника из духовных, которому и жалованье производить из положенной по уставу кафедры богословия.

2. По факультету нравственно-политических наук оставить по прежнему в должности профессоров Солнцева и Кондырева и адъюнкта Манассеина. Профессоров же барона Врангеля, Цеплина и Срезневского удалить от должности.

3. По факультету физико-математических наук оставить в должности профессоров: Броннера, Бартельса, Фукса, Никольского, Лобачевского, адъюнкта Дунаева и магистра Кайсарова: токмо кафедры разместить между ними по способностям и познаниям их, разумея сие наипаче о двух

последних; профессор Симонов оставлен здесь по случаю последовавшего отправления его в дальнюю морскую экспедицию в качестве астронома; профессора же Брейтенбаха удалить.

На подлинном собственною его императорского величества рукою написано тако: «быть по сему. Александр».

В Царском селе 14 июля 1819 года.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 145, д. № 4795, лл. 195—196. Копия.

Опубликовано в отрывке: Загоскин. История, III, стр. 313—314.

99

Из предписания Попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого Совету Казанского университета о профессорах Физико-математического отделения

5 августа 1819

3) По факультету физико-математических наук оставить в должности профессоров: Броннера, Бартельса, Фукса, Никольского, Лобачевского, адъюнкта Дунаева и магистра Кайсарова; токмо кафедры разместить между ими по способностям и познаниям их, разумея сие наипаче о двух последних. Профессор Симонов оставлен здесь по случаю последовавшего отправления его в дальную морскую экспедицию в качестве астронома. Профессора же Брейтенбаха удалить. [. . .]

Все сии распоряжения, в докладе Главного Правления училищ изложенные, удостоились высочайшего его императорского величества, в 14-й день минувшего июля, утверждения.

Посему предлагаю Совету: [. . .]

4) Для наполнения университетских кафедр вообще, ежели Совет признает удобным, профессор Солнцев может занять вместе с собственною и кафедру барона Врангеля; профессор Никольский кафедру профессора Лобачевского, которому могут быть предложены кафедры физики и астрономии [. . .]

На бланке: «М. д. д. и н. п. Казанский учебный округ. 5 августа 1819, № 61. О предварительном преобразовании Казанского университета».

Пометы: «Получено 20 августа 1819 года»; «Слушали 20 августа».

Начало процитировано у Э. П. Янишевского, «Историческая записка о жизни и деятельности Н. И. Лобачевского», Казань, 1868, стр. 23, и Загоскин. История, III, стр. 320—321; ср. стр. 331; полностью: Н. П. Лихачев. Казанский Вестник (история издания и указатель содержания), «Книговедение», 15 марта 1894, № 3, стр. 48 и 15 апреля 1894, № 4, стр. 49, приложение № 6.

100

Донесение Н. И. Лобачевского в Правление Казанского университета с просьбою о выдаче денег по доверенности И. М. Симонова

15 августа 1819

В Правление императорского Казанского университета.

От экстраординарного профессора
Николая Лобачевского

Донесение

Экстраординарный профессор и кавалер Симонов препоручил мне письмом своим получить из Университетского казначейства следуемые ему пятьсот рублей денег с тем, чтоб я заплатил его долги в Казани. Г-н проректор Университета и кавалер Солнцев был извещен г-м Симоновым о своих долгах, почему и прошу Правление, основываясь на препоручении г-на Симонова, которое он изложил в своих письмах и основываясь на подтверждении г-на проректора, приказать мне выдать из Университетского казначейства пятьсот рублей денег под мою расписку. Экстр. профессор Николай Лобачевский.

1819 года.
Августа 15 дня.

Пометы: «Августа 22 ч[исла] 1819 года»; «№ 1079»; «По журналу августа 22 ч[исла] 1819 года, № 253».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ:

Определено: Как при слушании сего г. проректор объявил, что о сделанном препоручении на уплату долгов г. Симонова г. Лобачевскому он известен по письмам его г. Симонова, почему выдать г. э. профессору Лобачевскому 500 р. из жалованья г. Симонова с запискою в расход из суммы на жалованье гг. профессорам положенной, о чем и дать кассиру предписание. Подлинной за подписом гг. присудствующих и секретаря. С подлинным сверял регистратор *Симбирский*.

Помета: «Предписано 27 августа за № 1589».

ЦГАТ, Ф. 977, № 797, л. 3.

101

Выписка из протокола Совета Казанского университета от 6 сентября 1819 г. о выдаче Н. И. Лобачевскому 500 рублей в счет жалования И. М. Симонова

8 сентября 1819

Выписка из протокола Совета Казанского университета, постановленного в оном сего сентября 6 числа.

Ст. 3. Слушано было предложение г. попечителя Казанского Учебного Округа от 20 августа за № 73 о том, чтобы из сохраняемого экстраординарному профессору Симонову жалованья и содержания выдано было экстра-

ординарному профессору Лобачевскому пятьсот рублей, а остальные оставлять в университете до его возвращения. Определено: дать о сем выписку в Университетское Правление. *Проректор Гавриил Солнцев.*

За секретаря *профессор Григорий Никольский.*

Архивариус *Комаров.*

Правлению Казанского университета.

На бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Сентября 8 дня 1819 года, № 1155. О жалованье г. Симонова».

Пометы: «По журналу сентября 11 ч[исла] 1819 года № 4»; «№ 1145».

ЦГАТ, Ф. 977, № 797, л. 5.

102

Из письма попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого к бессменному заседателю Правления Казанского университета Г. Б. Никольскому

20 января 1820. Петербург

Вы получите, милостивый государь мой Григорий Борисович, сегодня мою бумагу о выборе Грубера, Суровцова и Жобара [. . .] Но так как предпочтениями не хочется мне обидеть и домашних, то я бы желал, чтоб вместе предложили вы в ординарные: Пальмина, Лобачевского и Симонова, да и Тимьянского, как желали [л. 15].

Нужно бы вам распорядиться, чтоб каждый из кабинетов Университета был на точной ответственности одного из профессоров. Естественный у Тимьянского, медалей у Ердмана или Фукса, физический у старшего Лобачевского, музеум у кого хотите, с тем, чтоб составить порядочные описи, расположить и представить о нужных дополнениях. Непременно надобно, чтоб учебные пособия были расположены в порядке и благовидно. Стыдно будет, ежели кто увидит их в настоящем положении [лл. 18—18 об.].

Помета Г. Б. Никольского: «Получено 14 февраля».

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4020, лл. 15 и 18—18 об. Копия.

103

Из отчета ректора Казанского университета Г. И. Солнцева о «публичных преподаваниях» в университете за апрель 1820 г. со сведениями о лекциях Н. И. Лобачевского

Апрель 1820

Отчет о публичных преподаваниях в императорском Казанском университете с показанием пройденных из каждой науки предметов с замечанием отличнейших преподавателей трудолюбием и успехом преподавания, а равно с показанием студентов и слушателей отличные и хорошие успехи оказавших за апрель месяц [. . .]

Отделение физико-математических наук.
Теоретическая и опытная физика
Э. профессор Лобачевский.

Из физики проходил теорию напряжения водяных паров и определение удельного веса твердых, жидких, текучих и воздухообразных тел [. . .]

Астрономия
Э. профессор Лобачевский

Из астрономии по руководству де Ламбра и Лаланда прошел средства из наблюдений определять элементы солнечного пути, также о изменении эксцентрицитета солнечного пути [. . .]

Преподаватели, отличившиеся трудолюбием и успехами:

Лобачевский пишет свои лекции как физики, так и астрономии, отдавая их студентам, чтоб могли с меньшим трудом повторять на дому пройденное [. . .]

Ректор Гавриил Солнцев

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета; № 4845/4.

104

Из представления Совета Казанского университета попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому об избрании ректора, деканов и членов Училищного комитета 5 июня 1820 г.
7 июня 1820

Г. попечителю

Вследствие предписания Вашего пре[восходительст]ва от 18 маия за № 423 Совет университета 5-го числа сего июня месяца учинил избрание в ректоры, деканы и члены Училищного комитета [. . .]

В члены Училищного комитета избраны по большинству голосов Городчанинов 8 против 2 и Перевощиков 9-ью против 1-го и на основании предписания, бывшего г. министра просвещения 1816 года от января, за №[1] о избрании в визитаторы и члены Училищного комитета и из экстраординарных профессоров и адъюнктов, экстраординарные профессоры Пальмин 9-ью против 1-го, Тимьянский всеми 10-тью, адъюнкт Булыгин 8-ю против 2-х. Поелику же при баллотировании произошло 7-мь балов против 3-х экстраординарным профессорам Кондыреву и Лобачевскому 1-му, также 7 против 4-х адъюнктам Лобачевскому и Карейше и одного члена в Училищный комитет не доставало, то при новой перебаллотировке избран в оные 7-мью против 4-х адъюнкт Лобачевский.

Прилагая при сем таблицу о баллотировании в ректоры, деканы и члены Училищного комитета, показывающую сколько было кому избирательных и неизбирательных баллов, Совет имеет честь представить на начальственное благоусмотрение и утверждение на будущий академический год в

[1] Пропуски в оригинале.—*Л. М.*

ректоры — ординарного профессора Никольского, с увольнением от должности бессменного заседателя в Правлении.

В деканы отделений наук: ординарных профессоров Бартельса, Фукса, Городчанинова и правящим должность декана э. профессора Пальмина. В члены Училищного комитета: ординарных профессоров Городчанинова и Перевощикова, экстр. орд. Пальмина и Тимьянского, адъюнктов Булыгина и Лобачевского.

7 Июня, 526.

ЦГАТ, Ф. 977, № 1546, л. 9, с приложением «Табели, составленной по случаю избрания ректора Университета, деканов и членов Училищного комитета 1820 года, 5 июня» (л. 10), которая не приводится. Отпуск.

105

Сообщение в печати о производстве Н. И. Лобачевского в чин надворного советника

21 июля 1820

По представлению господина министра духовных дел и народного просвещения князя Александра Николаевича Голицына нижепоименованные чиновники при Казанском университете состоящие, произведены в нынешнем году в следующие чины, со старшинством с 31-го декабря 1818 года: в *надворные советники* состоящий по установлению в 8-м классе экстраординарный профессор Николай Лобачевский.

Казанские Известия, среда 21 июля 1820, № 58, стр. 243.

106

Из «Инструкции ректору Казанского университета относительно к учебному образованию студентов», подписанной кн. А. Н. Голицыным и утвержденной имп. Александром I 17 января 1820 г.

24 июля 1820

1) Профессор теоретической и опытной физики обязан, во все продолжение курса своего, указывать на премудрость божию и ограниченность наших чувств и орудий для познания непрестанно окружающих нас чудес.

Прибавление к № 59 «Казанских Известий», 24 июля 1820, стр. 254; то же: «Казанский Вестник», 1821, март, стр. 163 (из раздела V «О Факультете физико-математическом»).

107

Предписание попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого Совету Казанского университета о поручении Н. И. Лобачевскому собирания сведений для устройства Астрономической обсерватории

14 сентября 1820

Совету императорского Казанского университета

Для новых предположений по обширнейшему устроению Астрономической обсерватории в Казани нужно мне иметь положительное сведение:

1) В каком состоянии находится настоящая Обсерватория.

2) Что нужно для приведения ее в наилучшее состояние.

3) Какие примечательнейшие наблюдения со времени существования оной и кем сделаны.

Из сих сведений желательно и нужно мне видеть, есть ли возможность, построив новую обсерваторию на зданиях Университета, поставить ее в то состояние, к которому самое местное положение Казани подает средства; ибо для астрономов всей Европы многие наблюдения с Казанской обсерватории могут иметь ту же важность, как и наблюдения Калкуты.

Предлагаю Совету поручить г. профессору Лобачевскому составить по сему важному предмету мнение и по рассмотрении оного в Факультете и Совете, с их заключением, мне представить.

Подлинное подписал: Попечитель Казанского Учебного Округа М. Магницкий.

На рукописном бланке: «М.д.д. и н.п. Департамент народ. просвещения. От попечителя Каз. учебного округа. 14 сентября 1820, № 810».

Резолюция карандашом: «Ректору представить вторично».

ЦГАТ, Ф. 92, 1820, № 247, л. 1. Вторичное напоминание Магницкого сделано предписанием от 27 мая 1821, № 540 (там же, л. 2).

108

Выписка из протокола заседания Физико-математического отделения о поручении Н. И. Лобачевскому преподавания чистой математики вместо профессора М. Ф. Бартельса

12 ноября 1820

1820 года ноября 12 дня в 10 часов утра
в присутствии Отделения слушали:

4) Выписка из протокола Совета от 19 октября № 1143-й коей дается знать, что Совет, приняв с благодарностью вызов г. профессора и декана Бартельса продолжать до самого отъезда его из Казани обыкновенные занятия свои по преподаванию математики в университете и гимназии, дозволяет ему до того времени исправлять должности преподавателя по обоим сказанным заведениям. — При слушании сего г. декан предложил к сведению Отделения, что он намерен уже сего ноября 23 дня из Казани выехать, а потому желал бы, чтобы заблаговременно были сделаны Отделением нужные распоряжения относительно преподавания математических лекций, кои останутся праздны с выбытием его из Университета. Определено: как г. профессор Бартельс объявил уже, что он выедет 23 числа сего месяца, то для безостановочного течения начатых годичных курсов распорядиться так, чтобы преподавание чистой математики вместо г. профессора Бартельса поручено было г. профессору Лобачевскому, за которым оставить и преподавание астрономии по прежнему; преподавание же физики для облегчения г. профессора Лобачевского, имеющего

остаться и без нее на двух кафедрах, сняв с него, возложить, на адъюнкта Кайсарова, так при том, чтобы он разделил свои преподавания, сообразно распределению студентов, на три отделения и представил бы факультету немедля свои предположения сходно сему. Не утверждая же все сие окончательно, представить заблаговременно в Университетский Совет распорядок сей на одобрение. Кроме того, просить Совет об избрании декана Отделения физико-математического.

Ректор Григорий Никольский
На сии статьи согласны: *Декан Мартин Бартельс.*
Секретарь *э. п. Тимьянский.*

ЦГАТ, Ф. 977, Физ.-мат. отд., № 20, л. 17.

109

Выписка из протокола заседания Физико-математического отделения о поручении Н. И. Лобачевскому преподавания чистой математики вместо профессора М. Ф. Бартельса
26 ноября 1820

1820 года ноября 26 дня в присутствии Отделения слушали:

2) № 1339 о поручении, согласно определению Отделения, преподавания чистой математики вместо профессора Бартельса профессору Лобачевскому, с оставлением при нем астрономических лекций, и о поручении лекций физических вместо профессора Лобачевского адъюнкту Кайсарову от 19 ноября. Определено: гг. профессору Лобачевскому и адъюнкту Кайсарову дать выписки о немедленном приступлении к отправлению сих должностей; для г. адъюнкта Кайсарова, согласно определению по статье 4-й протокола Отделения 12 ноября, спросить письменно предположений его о разделении преподаваний физики в трех Отделениях. О передаче физического кабинета г. профессором Лобачевским г. адъюнкту Кайсарову представить в Правление, дать им выписку с тем, чтобы они рапортовали по окончании сдачи и приемки Совету.

На сии статьи согласны: *Ректор Григорий Никольский.*
Секретарь Отделения *э. п. Тимьянский.*

ЦГАТ, Ф. 977, Физ.-мат. отд., № 20, л. 18.

110

Выписка из протокола заседания Совета Казанского университета 21 января 1821 г. об утверждении Н. И. Лобачевского деканом Физико-математического отделения
24 января 1821

Выписка из протокола в Совете Казанского университета 21 генваря 1821 года постановленного.

Ст. 7. Избранного Советом Университета в должность декана по Отде-

лению физико-математическому г. экстраординарного профессора Лобачевского господин министр духовных дел и народного просвещения, по представлению господина попечителя Казанского учебного округа, утвердил в помянутом звании.

Сообщив Правлению Университета о приведении г. Лобачевского на должность сию к присяге, Совет нужным считает уведомить о сем утверждении и Отделение физико-математических наук.

Исправляющий должность Секретаря Совета э. профессор *Михайла Пальмин.*

Отделению физико-
математических наук

На рукописном бланке: «М.д.д. и н.п. Казанский учебный округ. Императорского Казанского университета Совет. 24 генваря 1821 года, № 133. Казань».

Пометы: «Получено генваря 25 1821»; «Слушано генваря 26 1821»; «Определено: принять к сведению».

ЦГАТ, Ф. 977, Физ.-мат. отд., 1821 г., № 6, л. 1.

111

Выписка из протокола заседания Совета Казанского университета 21 января 1821 г. о предложении Н. И. Лобачевскому не отступать в своих лекциях от расписания лекций

24 января 1821

Выписка из протокола Совета Университетского, постановленного 21-го сего генваря 1821 года.

Ст. 29. Г. э. о. профессор Лобачевский, от 15-го генваря донес Совету, что он поспешил в декабре месяце окончить предметы из физики, которые были уже им начаты, и ныне приступил к преподаванию чистой математики. Причем присовокупляет, что, по его мнению, всего нужнее читать аналитическую геометрию и дифференциальное исчисление, руководствуясь сочинениями гг. Монжа и Лагранжа. Сверх сего представляет Совету, не угодно ли будет поручить ему продолжать и преподавание математической физики, которая была им читана вместе с опытной и которая слушавшим оную не принесет пользы, если чтение ее прервано будет в самой средине. Совет определил: дать выписку из протокола г. профессору Лобачевскому, чтобы он, не отступая от каталога университетских преподаваний, предложил своим слушателям плоскую и сферическую тригонометрию, учение о конических сечениях и Аналитическую геометрию в тесном смысле и дифференциальное-интегральное исчисление, соображаясь с успехами и способностями своих слушателей, по руководству Монжа и Лагранжа; а студентам Токореву и Пикторову и кандидату Юферову продолжал преподавание математической физики в свободные часы, о избрании которых донести Совету. О чем и дать выписку Отделению физико-математических наук. Исправляющий должность Секретаря Совета экстраординарный профессор *Михайло Пальмин.*

Письмоводитель Совета *Комаров.*

Отделению физико-
математических наук

На рукописном бланке: «М.д.д. и н.п. Казанский учебный округ. Императорского Казанского университета Совет. 24 генваря 1821 года, № 139, Казань».

Пометы: «Получено генваря 25 1821»; «Слушано генваря 26 дня 1821»; «Определено: принять к сведению».

ЦГАТ, Ф. 977, физ.-мат. отд., 1821, г., № 7, л. 1.

112

Из сообщения в печати о деятельности Н. И. Лобачевского с июля 1819 до июля 1820 г.

Январь 1821

В Отделении физико-математических наук преподавали:

3) физику и астрономию профессор Лобачевский [стр. 20].

Удостоены всемилостивейшего награждения по Университету и округу его:

Произведены в чины: [. . .] В *надворные советники:* профессоры: Никольский, Кондырев, Перевощиков и Лобачевский [стр. 42].

«Отчет о состоянии учебном императорского Казанского университета и его округа, с июля 1819 до июля 1820 года» — «Казанский Вестник», 1821, январь, стр. 20 и 42.

113

Из предложения Физико-математического отделения Казанского университета о сообщении сведений о лекциях, предположенных к чтению преподавателями Университета в течение 1821—1822 учебного года

28 мая 1821

Господа члены Физико-математического факультета, по приказанию господина ректора, благоволят означать на сем, кто из них что́ намерен читать в будущем Академическом 1821—1822 году, для представления о том Совету Университета. Секретарь Отделения э. п. Тимьянский. Маия 28 дня 1821 года [. . .]

Ответ Н. И. Лобачевского:

Экст. профессор Лобачевский будет преподавать чистую математику: для первого отделения студентов будет читать алгебру, заимствуя для своего преподавания всего более из сочинения г-на Лагранжа: Sur la resolution des équations numériques de tous les degrés. Для второго отделения будет читать аналитическую геометрию, руководствуясь сочинением Монжа: Application de l'Analyse à la Géometrie. В третьем отделении будет читать дифференциальное и интегральное исчисление по методе г-на Лагранжа, как она изложена в Théorie des fonctions и Leçons sur le calcul fonctions. Для желающих будет читать математическую часть физики.

Из астрономии будет читать теорию спутников и комет, руководствуясь сочинением Лапласа: Mécanique célèste, а потом о обращении земли, о наступании равноденственной точки и приливе и отливе моря, руководствуясь тем же сочинением.

ЦГАТ, Ф. 977, № 1976, л. 10.
Ср.: Загоскин. История, I, стр. 305.

114

Из табели о ходе учения в Казанском университете в течение мая 1821 года со сведениями о лекциях Н. И. Лобачевского

Май 1821

Табель, показующая ход учения в императорском Казанском университете в течение мая сего 1821-го года [. . .]

В факультете физико-математических наук

Чистая математика

Экстраординарный профессор Лобачевский.

Прошел из аналитической геометрии главу о перенесении координат, о проэкциях треугольников и других фигур; об отношениях между частями треугольника и каким образом отсюда проистекают решения всех задач прямолинейной тригонометрии; о решении задачи: найти углы в треугольнике, когда даются его стороны, присоединяя сюда разбор различных решений и исчисление случаев, в которых одно решение должно предпочитаться другим; наконец, определение границы ошибок, которое допускает решение при неточности логарифмических таблиц; — из дифференциального исчисления пройдено о вычислении логарифмов тригонометрических функций и начата теория касательных линей [. . .]

Физика

Экстраординарный профессор Лобачевский

Из математической физики пройдено: продолжение теории Вольтова столбца, о свойствах тел проводить различно электричество в оном столбце и о разложении воды помощию помянутого столбца, обращая внимание на те явления, кои служат к подкреплению и распространению теории электричества [. . .]

Астрономия

Экстраординарный профессор Лобачевский

Пройдено: об употреблении и исправлении секстанта; о преломлении лучей у поверхности земли и понижении горизонта [. . .]

Ректор Григорий Никольский

Исправляющий должность секретаря Совета э. профессор Михаил Пальмин.

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4848/5.

115

Донесение Н. И. Лобачевского и адъюнкта А. В. Кайсарова Совету Казанского университета относительно Физического кабинета
22 июля 1821

Совету императорского Казанского Университета.

В прошедшем 1820 году, когда Совет по поводу предписания г-на попечителя о поручении кафедры физики экстраординарному профессору Лобачевскому определил передать и Физический кабинет в ведомство преподавателя физики Лобачевского, тогда г-н Лобачевский и начал действительно принимать Физический кабинет от г-на Кайсарова, которой прием продолжал до самого того времени, как по увольнении г-на Бартельса из Казанского университета Советом было постановлено г-ну Лобачевскому преподавать чистую математику, а преподавание физики продолжать г-ну адъюнкту Кайсарову, а как рапорта о сдаче и приеме не было подано в Совет, то Физический кабинет оставлен по прежнему в ведомстве г-на адъюнкта Кайсарова, о чем и имеем честь донести Совету. 1821 года, июля 22 дня.

Экст. проф. Николай Лобачевский. *Андрей Кайсаров.*

На рукописном бланке, писанном рукою Н. И. Лобачевского: «М.Д.Д. и Н.П. От экстраординарного профессора Николая Лобачевского и адъюнкта Кайсарова. Донесение о приеме-сдаче Физического кабинета. 1821 год, июля 22 дня».

Пометы: «Получено 23 июля 1821 года»; «Слушано 23 июля 1821 года»; «ст. 23»; «Определено: Принять к сведению»; «Сдается в Архив по постановлению Совета от 15 июня 1832 года».

ЦГАТ, Ф. 977, св. 50, № 2042, л. 1. Кроме подписи А. В. Кайсарова весь текст писан рукою Н. И. Лобачевского.

116

Прошение Н. И. Лобачевского в Совет Казанского университета об увольнении в отпуск на вакационное время в Петербург
22 июля 1821

В Совет императорского Казанского университета
от экстраординарного профессора Николая Лобачевского

Прошение

Находя нужным по собственным делам отъехать в С. Петербург, прошу Совет уволить меня на вакационное время, да сверх того, за дальностию дороги, прошу покорнейше продолжить еще мое увольнение на двадцать девять дней, то есть от сего нижеписанного числа впредь по десятое сентября. Естьли Совет не найдет никаких препятствий к моему увольнению, то прошу также назначить, кому мне сдать Обсерваторию, состоящую под моим смотрением. Экст. профессор Николай Лобачевский.

1821 года,
Июля 22 дня

Помета рукою Г. Б. Никольского: «Получено 22 июля 1821 года».
Помета: «Слушано 23 июля 1821 года».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА

Определено: уволить просителя на 29 дней; о выдаче ему пашпорта сообщить в Правление Университета; Обсерваторию поручить г. адъюнкту Лобачевскому, а об отсрочке отпуска до 10 сентября представить г. попечителю. Верно: *Полянцев.*

Пометы: «Правлению 23 июля № 1384»; «г. попечителю 25 июля № 1387».

ЦГАТ, Ф. 977, св. 50, № 2041, л. 1.

117

Представление Физико-математического отделения Казанского университета в Совет университета с приложением расписания преподаваний в 1821—1822 учебном году

23 июля 1821

В Совет Казанского университета

Отделение Физико-математическое имеет честь представить Совету на усмотрение расписание преподаваний своих в будущем академическом году (1821—1822).

Декан Николай Лобачевский
Секретарь Отделения э. п. Тимьянский

На бланке: «М.д.д. и н. п. Казанский учебный округ. Императорского Казанского университета Отделение физико-математических наук. Июля дня 1821 года. Казань. Ответ на № 978».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА

Определено: Назначить особое собрание для рассуждения о сем предмете 30 дня сего месяца.

Пометы: «Слушано 23-го июля 1821»; «ст. 22».

ЦГАТ, Ф. 977, № 1976, л. 6; с приложением «Списка учебных преподаваний, имеющих быть в академическом 1821—1822 году по Физико-математическому факультету императорского Казанского университета», в копии рукою проф. В. И. Тимьянского (на л. 7); текст этого списка совпадает с текстом «Каталога университетских преподаваний» (см. № 120).

118

Донесение Н. И. Лобачевского и А. И. Лобачевского о сдаче и приеме имущества Астрономической обсерватории Казанского университета

25 июля 1821

В Совет императорского Казанского университета.

Вследствие постановления Совета от 23-го июля сего года принял я вещи и книги, принадлежащие к университетской Обсерватории, от г-на э. профессора Лобачевского, по описи, при сем прилагаемой. — Адъюнкт Алексей Лобачевский.

На рукописном бланке рукою А. И. Лобачевского: «М.Д.Д. и Н. П. Казанского университета адъюнкта Лобачевского, 1821-го года июля 25-го дня. Рапорт о приеме Обсерватории».

Помета рукою Г. Б. Никольского: «Получено 25 июля 1821 года».

Пометы: «Слушано июля 30 дня 1821-го года», «ст. 16»; «1821 года июля 30 дня определено: принять к сведению и приобщить к делу. Верно: *Полянцев.*

ЦГАТ, Ф. 977, св. 50, № 2041, л. 2; с приложением текста описи под заглавием: «Опись вещам, находящимся в Обсерватории Казанского университета», писанная рукою Н. И. Лобачевского, с датой: «1821-го года июля 25-го дня» и подписями: «По сей описи сдал э. профессор Николай Лобачевский»; «По сей описи принял адъюнкт Алексей Лобачевский» (на л. 3).

119

Донесение Совета Казанского университета попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому о разрешении продления отпуска Н. И. Лобачевскому

25 июля 1821

Господину попечителю Казанского учебного округа.

Г. экстраординарный профессор Лобачевский вошел в Совет прошением о увольнении его по надобностям в столичный город Санкт-Петербург сверх вакационного времени на 29 дней, то есть по 10-е сентября сего года.

Совет университета, сделав распоряжение о выдаче ему пашпорта на 29 дней имеет честь испрашивать начальственного Вашего превосходительства соизволения о продолжении ему отпуска до 10-го сентября сего 1821 года. *Ректор Григорий Никольский.*

Исправляющий должность Секретаря Совета *э. профессор Михаил Пальмин.*

На бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Департамент народного просвещения. О увольнении профессора Лобачевского в С.П.бург по 10-е сентября. Казань. Июля 25 дня 1821, № 1387. От Совета императорского Казанского университета».

Пометы: «№ 741»; «9 августа 1821».

Резолюция М. Л. Магницкого: «Согласен».

ЦГАТ, Ф. 92, 1821, № 186, л. 1.

120

Сведения о чтениях Н. И. Лобачевским лекций в Казанском университете с 12 августа 1821 по 5 июля 1822 г.

Около 12 августа 1821

Каталог университетских преподаваний с означением преподавателей на будущий академический год, то есть с 12 августа 1821 года по 5-е июля 1822 года [. . .]

II

В Факультете физико-математических наук [. . .]

2) Э. профессор математики надворный советник Николай Лобачевский для студентов 3-го отделения будет изъяснять в подробности такие статьи из опытной физики, которые подлежат математическим исчислениям. Впрочем лекции сии назначаются только для желающих.

Он же, Лобачевский, преподаст: а) студентам 1-го отделения по вторникам от половины 9-го до конца 10-го часа обе тригонометрии; учение о конических сечениях и аналитическую геометрию в тесном смысле, руководствуясь для первых сочинением Каньоли: Traité de Trigonometrie, а для последней книгою Монжа: Application de l'analyse à la Géometrie; б) студентам 2-го отделения по четвергам от половины 11-го до конца 12-го часа дифференциальное и интегральное счисление по методе Лагранжа, как она изложена в Théorie des fonctions и Leçons sur le calcul des fonctions [. . .]

6) Э. профессор надворный советник Николай Лобачевский студентам 3-го отделения будет преподавать по понедельникам и средам от половины 9-го до конца 10-го часа пред полуднем курс астрономии теоретической и практической, руководствуясь книгою Деламбра Traité d'Astronomie théorique et pratique и сочинением Лапласа Mécanique célèste на русском языке.

ЦГАТ, Ф. 977, № 1976, л. 15.
Ср.: Загоскин. История, I, стр. 305.

121

Предписание попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого Совету Казанского университета о согласии на продление срока пребывания Н. И. Лобачевского в отпуску в Петербурге

12 августа 1821. Петербург

Совету императорского Казанского университета.

На продолжение срока отпуска уволенному в С. Петербург экстраординарному профессору Лобачевскому до 10-го сентября сего года я согласен.

Попечитель Казанского учебного округа
Михаил Магницкий

Старший письмоводитель Розанов.

На бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Департамент народного просвещения. От попечителя Казанского учебного округа. В Санктпетербурге. 12 августа 1821, № 811-й. Копия».

Пометы на копии: «Получено 24 августа 1821 года»; «Августа 27 1821 года»; «ст. 1» «определено: принять к сведению и сообщить в Правление Университета»; «исполнено 3 сентября № 1628».

ЦГАТ,Ф. 977, св. 50, № 2041, л. 4; копия; отпуск в Фонде 92, 1821 г., № 186, л. 2.

122

Из письма попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого к ректору Казанского университета Г. Б. Никольскому

18 августа 1821. Петербург

Так как я намереваюсь по возвращении Симонова поручить физику Лобачевскому и купить порядочный физический кабинет, [...] то и думаю

отправить в чужие краи с профессором Тимьянским нескольких магистров для обучения.

Пометы Г. Б. Никольского: «Получено 31 августа»; «Ответ 20 сентября».

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4777/4, л. 6.

123

Донесение Н. И. Лобачевского попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому о Физическом кабинете
8 сентября 1821. Петербург

Его Превосходительству

Господину действительному статскому советнику Казанского университета и учебного его округа попечителю и кавалеру Михаилу Леонтьевичу Магницкому.

От экстраординарного профессора

Лобачевского

Донесение

Совет Казанского университета по просьбе моей уволил меня по собственным делам в С. Петербург на 29 дней, считая от 26-го июля, а вместе представил Вашему превосходительству о продолжении моего отпуска до 10 сентября сего года, на что и получил я уже разрешение. По приезде моем в С.-Петербург, я имел честь, по желанию Вашего превосходительства, изложить вам изустно о состоянии Физического кабинета, Обсерватории и математической части Библиотеки Казанского университета, а вместе угодно Вам было слышать от меня, что́ я полагал нужным для моего преподавания. Усмотрев сколько нуждается Казанской университет в пособиях математическим наукам, Ваше превосходительство изъявили желание воспользоваться моим приездом в С. Петербург и употребить меня для покупки математической библиотеки и составления физического кабинета. Я уже и приступил к исполнению сего поручения, пересмотрев книги в лавках у книгопродавцев Сентфлорана и Грефа. Списки отобранных мною книг готов я представить, как скоро на то получу от Вас приказание. Однако ж я не могу ручаться, чтоб все книги, назначенные мною для покупки, могли с пользою служить для руководства в преподавании, ибо многие из них не были мною читаны, а известны только мне по ссылкам на них других писателей, или показались мне важными по их заглавиям. Чтоб сделать безошибочной выбор и сберечь бесполезные издержки казны, почитаю я нужным предварительно пересмотреть их самому, на что потребуется около месяца времени. Что касается до составления физического кабинета, то я сужу о лавках здешних художников, что в них не найдется большой половины тех инструментов, из которых желательно мне было бы составить физической кабинет в Казани по образцу новейших кабинетов. Итак, естьли угодно будет Вашему превосходительству пору-

чить здесь через меня заказать новые физические инструменты, то я нахожу необходимым просить Ваше превосходительство продолжить мое пребывание в С. Петербурге до 1-го генваря будущего 1822 года. Э. профессор Николай Лобачевский.

1821 года
Сентября 8-го дня.

Пометы: «№ 863»; «12 сентября 1821».

Резолюция М. Л. Магницкого: «Представить об отсрочке для рассмотрения мат[ематических] книг и осмотра нужных к покупке инструм[ентов] для физич[еского] кабинета до первого пути».

ЦГАТ, Ф. 92, 1821 г., № 186, л. 3.

124

Из предписания попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого Совету Казанского университета об утверждении каталога преподаваний на 1821—1822 учебный год с изменениями в отношении преподаваний Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова

13 сентября 1821. Петербург

Совету императорского Казанского Университета

Представленную мне оным Советом табель и каталог преподаваний на наступивший академический год я утверждаю с отменою по математическому факультету, коего предметы и распорядок их переменяются прибытием профессора Симонова, между которым и профессором Лобачевским они разделены, с тем, дабы г. ректору остался предмет, ему назначенный, что и доставит ему все нужное время на исправление многотрудной его должности и особенно же месячных испытаний.

Впрочем препровождаемую записку о разделении лекций между Симоновым и Лобачевским Совет рассмотрит и если найдет ее совместною, то внесет в каталог преподаваний, в противном случае представит свое мнение.

Для лучшего соединения теории с практичными занятиями в математических науках нужным нахожу, чтобы адъюнкт Васильев преподавал назначенные ему предметы под руководством профессора Лобачевского [. . .]

Попечитель Казанского учебного округа М. Магницкий

Старший письмоводитель Южаков.

На бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Департамент народного просвещения. От попечителя Казанского учебного округа. В С.Петербурге. 13 сентября 1821, № 913. Ответ на № 1430».

Пометы на копии: «№ 556»; «ст. 11. Слушано 24 сентября 1821».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА

Определено: О соображении по силе предложения г. попечителя и согласно приложенной при оном записке, распределя учебных предметов

между г-ми преподавателями математики, дать выписку в Отделение физико-математических наук.

Помета на копии: «Исполнено от 28 октября за № 2064-м».

ЦГАТ, Ф. 977, № 1976, л. 55. Копия.

125

Представление попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого министру духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицыну о продлении отпуска Н. И. Лобачевскому

20 сентября 1821. Петербург

Г. министру д[уховных] д[ел] и н[ародного] просвещения.

Здесь находится э. профессор Каз[анского] унив[ерситета] Лобачевский, уволенный мною в отпуск до 10-го сентября.

Имев с ним разговор о состоянии Университетской библиотеки и узнав о недостаточности оной по математическому отделению, равным образом зная скудость физического кабинета и обсерватории нужными орудиями, я поручил ему пересмотреть математические книги в книжных лавках, физические кабинеты здешних художников и представить мне список нужных книг и орудий для покупки.

Ныне Лобачевский вошел ко мне с донесением, что для пересмотра книг и отобрания их к покупке потребно ему не менее месяца, дабы не представить безполезных. Равным образом, не видя в лавках многих инструментов, потребных для составления полного физического кабинета, по образцу новейших известных кабинетов, находит нужным их заказать, на что также требуется не мало времени, почему и просит дозволения остаться здесь до 1-го генваря следующего 1822 года.

Желая, без дальнего отлагательства, усовершенствовать физический университетский кабинет и снабдить обсерваторию и математический факультет нужными пособиями, я имею честь представить о продлении данного ему отпуска до первого зимнего пути. Подлинное подписал:

Попечитель Казанского Учебного Округа

М. Магницкий.

Отпуск на рукописном бланке: «М.д.д. и н.п. Департамент народ. просвещ. От попечителя Каз. учеб. округа. 20-го сентября 1821, № 945. О продолжении отпуска пр. Лобачевскому».

ЦГАТ, Ф. 92, 1821 г., № 186, л. 4.

126

Из сообщения в печати о деятельности Н. И. Лобачевского с 5 июля 1820 по 5 июля 1821 г.

Сентябрь 1821

Перемены в сословии Университета:

Деканами Отделений избраны и утверждены были на истекший академический год: [...] Физико-математического ординарный профессор

Бартельс, а по увольнении его, экстраординарный профессор Лобачевский [стр. 22].

Повышения и награждения:

Экстраординарный профессор Лобачевский произведен за выслугу лет в надворные советники с старшинством с 31-го декабря 1818 года [стр. 30].

«Краткая историческая записка по Казанскому университету и его Учебному округу, за академический год с 5-го июля 1820 до 5-го июля 1821 года, читанная в торжественном собрании 5-го июля 1821 года исправляющим должность секретаря университетского Совета э. профессором Михаилом Пальминым» («Казанский Вестник», 1821, сентябрь, стр. 22 и 30).

127

Разрешение министра духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицына на имя М. Л. Магницкого продлить отпуск Н. И. Лобачевскому

3 октября 1821. Петербург

Господину Попечителю Казанского Учебного Округа.

По представлению Вашего превосходительства от 20 истекшего сентября, я согласен, чтобы экстраординарный профессор Казанского университета Лобачевский, которому поручено приискание для упомянутого Университета математических книг, также физических и астрономических инструментов, оставался в Санктпетербурге до первого зимнего пути, для исправления помянутой надобности.

Министр духовных дел и народного
просвещения *К. Александр Голицын.*
Директор *Василий Попов.*

На бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Департамент народного просвещения. Отделение II, стол 2. В Санктпетербурге 3 октября 1821, № 3148. Ответ на № 945».

Пометы: «№ 931»; «4 октября 1821».

ЦГАТ, Ф. 92, 1821 г., № 186, л. 5.

128

Предписание попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого Совету Казанского университета о согласии министра народного просвещения кн. А. Н. Голицына на пребывание Н. И. Лобачевского в Петербурге «до первого зимнего пути»

7 октября 1821. Петербург

Совету императорского Казанского Университета.

Господин министр духовных дел и народного просвещения, вследствие предписания моего, изъявил свое согласие, чтобы экстраординарный профессор Лобачевский, которому поручено от меня приискание для Казанского университета математических книг, также физических и астрономических инструментов, оставался в С. Петербурге до первого зимнего пути, для исправления помянутой потребности.

Я нужным счел дать знать о сем Совету к сведению.

Попечитель Казанского учебного округа

Михаил Магницкий.

На бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Департамент народного просвещения. От попечителя Казанского учебного округа. В С. Петербурге. 7 октября 1821, № 1006. О продолжении профессору Лобачевскому отпуска до первого зимнего пути».

Пометы на копии: «Октября 18 дня 1821 года»; «Слушано 29 октября 1821 года»; «№ 610»; «Определено: принять к сведению, сообщить в Правление университета и дать выписку в Отделение физико-математических наук. *Читал Суворов»;* «В Правление Унив[ерситета] от 2 ноября за № 2070-м»; «В Отделение физико-матем. [наук], № 2069-м.»

ЦГАТ, Ф. 977, св. 50, № 2041, л. 5. Копия. Отпуск в Фонде 92, 1821 г., № 186. л. 6.

129

Из письма попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого к ректору Казанского университета Г. Б. Никольскому

11 октября 1821. Петербург

Лобачевский точно перезрел для полезного преподавателя и не дозрел до академика. Но у него нравственность добрая и сердце мягкое, почему я и не отчаиваюсь в обращении. Он много сделал страха ради Иудейска. Я стараюсь оподлить трибунал, который он в публике Каз[анской] находит, называя ее кучею трескиных и прося, чтобы на место сего судии посадил он бога и, кажется, есть удача. — Пышность его сбавиться может не иначе, как снутри [л. 7].

Теперь он [Симонов] в состязании с Резановым, к которому направил я и Лобачевского [лл. 8—8 об.]

Преподавания Лобачевского Совет всегда руководствовать в праве и мною будет сильно поддержан [л. 10]

Алексею Лобачевскому я только хотел обить перья; но впрочем рад беречь. Впрочем и братцу вычитал я о нем порядочную речь, после которой верно он смирится [л. 10]

Помета Г. Б. Никольского: «Ответ 30 генваря 1822 года».

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4777/3, лл. 7 и 8, 8 об., 10.

130

Предписание попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого Н. И. Лобачевскому

21 октября 1821. Петербург

Господину Профессору Лобачевскому.

Желая доставить вам, на время пребывания вашего здесь, полезное упражнение, я поручаю вам:

1-е составить список всем орудиям и принадлежностям большого физического кабинета для Казанского университета.

2-е подтверждении сего списка должно вам будет осмотреть известный здесь Кабинет Роспини, прицениться у лучших мастеров и, ежели нужным почтется, заказать некоторые орудия.

3-е в свободное от сего занятия время поручаю вам составить статистическую таблицу всему ученому и учебному ведомству Казанского округа из донесений посыланных мною визитаторов, которых инструкции и отчеты открыты вам будут в моей канцелярии с тем, чтобы, по прочтении их, могли вы представить на рассмотрение мое план сей работы.

Упражняя таким образом, известные мне, способности и трудолюбие ваше, мне приятно будет иметь особенный случай свидетельствовать о них пред высшим начальством. Подлинной подписал: Попечитель Казанского учебного округа

М. Магницкий.

На рукописном бланке: «М.д.д. и н.п. Департамент народного просвещения. От попечителя Казанского учебного округа 21 октября 1821-го, № 1053. Об орудиях для физического кабинета и о составлении статистической таблицы Казанского округа».

ЦГАТ, Ф. 92, 1820, № 247, л. 3. Отпуск.

Цитата: Загоскин. История, IV, стр. 149.

131

Выписка из протокола заседания Физико-математического отделения об утверждении деканов отделений Университета и членов Училищного комитета

29 октября 1821

1821 года октября 29-го дня в присудствии

Отделения физико-математических наук

Слушали: 1) Выписки из протокола Совета: а) от 30-го сентября 1821 года за № 1905, коей дается знать, что министр духовных дел и народного просвещения избранных Советом университета в деканы Отделений: Врачебного — орд. профессора Фукса, Словесного — орд. профессора Городчанинова, Физико-математического — экстр. профессора Лобачевского, Нравственно-политического — экстр. профессора Пальмина, и в члены Училищного комитета: орд. профессора Городчанинова; экстр. профессоров: Лобачевского и Тимьянского и адъюнктов: Баженова, Карейшу и Лобачевского, утвердил в помянутых должностях. Определено: принять к сведению [...]

На все сии статьи согласны: *Ректор Григорий Никольский*

И. Дунаев.

ЦГАТ, Ф. 977, физ.-мат. отд., № 20, л. 24.

132

Представление попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого министру духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицыну о награждении Н. И. Лобачевского орденом Владимира 4 степени
29 ноября 1821. Петербург

Г. Министру духовных дел и народного просвещения.

Профессор Лобачевский отлично высокий математик и человек весьма доброй нравственности, был болен во время осмотра мною Казанского университета, почему и не мог я тогда, не зная его лично, представить к тем награждениям, коих прочие удостоились, но почитая, однако же, совершенно справедливым сравнить с ними, я пригласил его сюда и удостоверясь лично как в образе мыслей, так и в достоинствах его, я старался испытать его в делах разного рода, и именно при разборе тетрадей Раупаха и Германа, предложил я его вместе с г-ном Симоновым и Розановым к сему доверенному употреблению начальнику здешнего Университета, дав ему из материалов, у меня собранных, составить полную статистическую табель всему обширному Казанскому округу, помощию которой, без справок с делами, можно бы было приискивать все нужные сведения немедленно. Поручил составить по руководству Биота список полному физическому кабинету и сношениями с Роспини и разными художниками удостовериться, здесь ли заказать инструменты, или выписать их будет для Университета выгоднее. Г-н Лобачевский все сие исполнил наилучшим образом и посему во всей мере заслужил быть сравненным с прочими товарищами своими знаком отличия, к которому три года не был представлен только по болезни, а после потому, что я не знал его лично. Посему и осмеливаюсь просить В[а]ше с[иятельст]во об удостоении его исключительно орденом св. Владимира 4 степени. Послужной список его у сего ж имею честь представить. Подлинное подписа[л]: [1]

Попечитель Казанского учебного округа М. Магниц[кий]. [1]

Отпуск, на рукописном бланке: «М.д.д. и н.п. Департамент народ. просвещ. От попечителя Кав. учеб. округа. 29 ноября 1821, № 1184. О награждении профессора Лобачевского орденом свят. Владимира 4 степени».

ЦГАТ, Ф. 92, 1821 г., № 186, л. 7.
Текст почти полностью напечатан: Загоскин. История, IV, стр. 289.

133

Отношение Н. И. Лобачевского попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому об исполнении его поручений
30 ноября 1821. Петербург

Его Превосходительству господину попечителю Казанского учебного округа, действительному статскому советнику и кавалеру Михаилу Леонтьевичу Магницкому.

---

[1] Вырвано. — *Л. М.*

Исполняя поручение Вашего превосходительства, имею честь донести:

1-ое. Осмотрев Кабинет Роспини, нашел я весьма мало орудий, которые могут быть куплены для Казанского университета. Список им и цены прилагаются при сем рапорте.

2-ое. Роспини берет на себя изготовить большую часть инструментов, сообразно плану большого, вновь заводимого физического кабинета при Казанском университете. Здесь прилагается список сих орудий, с подробным их описанием, которой был также прочитан художнику Роспини, но он не мог им назначить цены, а объявил только мне, что она не может превышать пяти тысяч рублей. Роспини вызывается также сменять ненужные для Университета орудия на другие, так, например, три электрические машины, весьма неисправные, на большую электрическую машину своего кабинета, оставляя сделать окончательной договор до времени, когда будут к нему доставлены Университетские, между тем, послав свою наперед. Мое мнение согласиться на такой обмен, потому что в больших физических кабинетах надобно стараться не о числе, а о совершенстве машин.

3-е. Предлагаю здесь список за сим остающимся орудиям, долженствующим составить большой кабинет. Он разделен на две части: в одной заключаются необходимо нужные, в другой те орудия, которых покупка может быть отложена на некоторое время, выжидая для сего особенно благоприятных обстоятельств. Как те, так и другие должны быть уже куплены за границею. Я не мог узнать ни откуда им цены, но полагаю, что она не будет превышать пятнадцати тысяч рублей. Замечу только, что, сколько я могу судить, барометры в новой мере, термометры с разделением на трубке, образец метра, весы и воздушной насос должны быть выписаны из Франции и для них почитается лучшим мастером Фортень. Лучшие компасы отклонений приготовляет Гамбей в Париже. Прочие инструменты может быть лучше работаются в Англии.

4-ое. Статистические таблицы учебных заведений Казанского Округа выбраны мною из материалов, открытых мне в вашей канцелярии, и составлены уже начерно, но переписка их займет также более еще недели.

5-ое. Прилагаю здесь список книгам, долженствующим пополнить весьма недостаточную физико-математическую часть Казанской университетской Библиотеки. Сей список разделен на три части: в одной книги необходимо нужные, приисканные здесь у книгопродавцев, которым назначена здесь и цена; другая часть содержит в себе столь же необходимые книги, но которые здесь у книгопродавцев не отыскались. Это большою частию академические записки, весьма дорогие издания, которые в особенности должен стараться приобретать Университет, как творения славнейших мужей учености, так и потому, что одни только государственные заведения в состоянии собирать такого рода книги. Чтоб преподавание в Университете шло наряду с просвещением целой Европы, чтоб ученые люди, составляющие Университеты, были допущены трудиться над усовершенствованием наук, надобно чтоб Университет был уведомляем

о предприятиях и успехах ученнейших мужей, надобно чтоб он читал современные записки. Третья часть списка заключает не менее нужные книги, но которых покупка при первых может быть отложена, покуда хозяйство Университета дозволит употребить на сие большую сумму. Здесь встречается весьма много книг для механики и технологии, которые составляются из большого числа томов и украшены дорогими чертежами; их приобретение должно быть также почтено особенною обязанностию Университета.

Экстраординарный профессор Николай Лобачевский.

На рукописном бланке, писанном рукою Н. И. Лобачевского: «М.д.д. и н.п. Департамент народного просвещения. От экстр. профессора Лобачевского. В Санктпетербурге 30 ноября 1821-го. Ответ на № 1053».

Пометы: «№ 1215»; «1 декабря 1821.»

ЦГАТ, Ф. 92, 1820, № 247, лл. 11—12. На лл. 13—15 приложены обширные каталоги книг и инструментов, писанные рукою Н. И. Лобачевского: «Catalogue des instrumens de physique absolument nésessaires»; «Instrumens dont l'achat peut être differé»; «Книги которые назначается купить, не отлагая времени» (35 названий); «Книги необходимо нужные, которые в С.Петербурге у книгопродавцев не находятся» (7 названий). «Книги, которых покупка отлагается до времени» (19 названий).

Цитата: Загоскин. История, IV, стр. 149—150.

134

Записка Н. И. Лобачевского о лекциях, предположенных им к чтению студентам Отделения физико-математических наук Казанского университета в течение 1821—1822 учебного года, рассмотренная в заседании 3 декабря 1821 г.

Около 3 декабря 1821

Э. пр. Николай Лобачевский будет читать для *второго отделения* студентов один раз в неделю *геодезию*, руководствуясь книгами: Traité de Géodesie и Traité de topographie, d'arpentage et de nivellement сочинения Пюассона; один раз в неделю будет читать *о фигуре земли* для *студентов третьего отделения*, следуя сочинению Деламбра и Лежандра: Méthodes pour la détermination d'un ars du méridien, присовокупля сюда статьи, относящиеся к сему предмету, из книги: Base du système métrique par Délambre и Sur la figure de la terre par Bouguer. Для студентов *третьего отделения* также будет читать один раз в неделю *статику-механику*, следуя книге Лагранжа: Mécanique analytique.

Э. пр. математики Николай Лобачевский для студентов второго и третьего отделения будет читать три раза в неделю *математическую и опытную физику*, руководствуясь сочинением Биота: Traité du physique mathématique et expérimentale и пройдет в сей год: основания физических наук, о теплотворе скрытом и свободном, о расширении твердых, жидких и воздухообразных тел, о термометре, о распространении теплотвора в те-

*

лах, о барометре, присоединит сюда статьи из Mécanique célèste Лапласа и Sur la mésure les hauteurs par le baromètre и Sur la force capillaire.

ЦГАТ, Ф. 977, № 1976, л. 56.
Ср.: Загоскин. История, I, стр. 305.

135

Представление Физико-математического отделения Казанского университета в Совет Университета о распределении предметов преподавания между преподавателями

10 декабря 1821

В Совет императорского Казанского университета.

Вследствие выписки из протокола Совета от 28-го октября сего 1821 года за № 2064-м, чтобы по силе предложения его превосходительства г. попечителя и согласно записке при оном приложенной, сообразить и распределить учебные предметы между гг. преподавателями математики,— Отделение, рассмотрев все обстоятельства, равно как и отзыв г. ректора и профессора Никольского, что он всегда вменял себе за честь и удовольствие заниматься преподаванием в Университете математики, равно и ныне почитает сие занятие легким и приятным, — имеет честь представить свое мнение на благоусмотрение Совета.

1) преподавание *геодезии*, принимаемое г. Лобачевским, а особливо, когда оно соединено будет с практикой, весьма полезно, а для того г. адъюнкт Васильев, согласно табели преподаваний, занимать будет своих слушателей снианием на план мест. 2) Преподавание студентам *о фигуре земли* допустить затруднительно, во-первых потому, что точная фигура земли ни посредством умозрений, ни из наблюдений доныне с математическою достоверностию не определена, во вторых потому, что число лекций для студентов третьего отделения было бы слишком велико. По сему предположению г. Лобачевский преподавать будет сим студентам 3 раза в неделю, г. Симонов столько же, ректор Никольский 2 раза, сверх сего отец архимандрит Феофан богословию 3 раза, российскую словесность 3 раза, латинский язык 2 раза, немецкий или французский язык 1 раз, зоологию 1 раз, технологию 2 раза, фортификацию 2 раза, химию 1 раз, философию 1 раз, русское право 1 раз, выйдет всех лекций в неделю *25*-ть, что для учащихся обременительно. Но дабы удовлетворить похвальному желанию г. Лобачевского, клонящемуся к распространению математических познаний между студентами, можно дозволить ему предложить о фигуре земли гг. кандидатам Юферову и Токареву на домашних лекциях, и вменить сие в особливый труд, предпринятый к образованию педагогов и к приготовлению их на магистерскую степень. 3) *Статика и механика* составляют в прикладной математике науку основательную, полезную, обширную и важную, почему преподавание ее и может быть усилено назначением особливой лекции. 4) Преподавание физики по расписанию учебных предметов, утвержденному в прошлом 1820 году его пре-

восходительством г. попечителем разложено на три года во всех трех отделениях, вместить же сие преподавание только в два последние разряда, т. е. второе и третье, исключив из первого, Отделение признает затруднительным по обширности сей науки, а полагает согласно сделанному на сей академический год расписанию преподавать ее во всех трех разрядах и сверх сего сокращенно в первом разряде для студентов медицинских, и разделить сии преподавания между профессором Лобачевским и адъюнктом Кайсаровым так, что первый проходить будет физику во всех трех Отделениях физико-математического факультета, а последний в первом разряде медицинского. Впрочем разграничение частей физики, которое в каждый год проходить удобнее во всех трех отделениях, так чтобы каждый студент мог выслушать все части физики без затруднений, требует дальнейших по сему предмету суждений и подробного мнения г. Лобачевского, к чему приступить по прибытии его в Университет. 5) Курс *теоретической и практической* астрономии по его обширности, важности и трудности требует не менее трех лекций в неделю, кроме преподавания оснований *кораблестроения и кораблевождения*, составляющих также весьма важную и обширную отрасль математических наук, и проходимых в таких учебных заведениях, которые нарочно для того правительством учреждены, а именно Корабельное училище и Морской кадетской корпус. А ежели для прохождения сих предметов назначить в неделю еще по крайней мере до двух лекций, то, как выше замечено, число всех лекций студентам третьего отделения сверьх 25-ти еще умножится двумя, что несоразмерно будет с их силами. Почему и можно преподавание кораблестроения и кораблевождения для студентов третьего отделения отменить, а дабы похвальная ревность г. экстр. профессора Симонова сообщить гг. студентам приобретенные им в сих науках сведения могла иметь приличный и полезный круг действия, то назначить для сих предметов домашние лекции по его усмотрению кандидатам Юферову и Токареву, считающимся в Педагогическом институте, и вменить сие на основании Устава университетского в особливый труд и заслугу. 6) Г. Симонов утвержден экстр. профессором астрономии 1816 года июля 7 дня за № 2214-м, чистую же математику до сего времени преподавал г. экстр. профессор Лобачевский. А ныне г. Симонов сверьх преподавания теоретической и практической астрономии, кораблестроения и кораблевождения принимает на себя обучение и чистой математике, а г. Лобачевский физике и некоторым частям прикладной математики. Отделение, не видя настоящих причин сего изменения, не входит по сему в дальнейшее суждение, не может однакож оставить без внимания, что части математики, взятые г. Симоновым по их обширности, важности и трудности, по мнению Отделения, для одного лица обременительны. Впрочем самое дело лучше покажет, какие части математики в каком пространстве и с какими практическими применениями с успехом пройти можно, нежели предварительные умственные предположения. 7) Число казенных студен-

тов физико-математического Отделения, простирающееся только до 4-х человек весьма мало, и ежели впоследствие времени оно не увеличится, то Университет не в состоянии будет наделять Гимназии учителями физики, математики и естественной истории, да и в недрах своих не будет иметь довольного числа кандидатов и магистров. Поелику обстоятельство сие имеет особливую важность и влияние на благоустройство физико-математического факультета, то и предать его на особливое благоусмотрение Совета и просить об умножении казенных студентов в сем факультете. Сверх того своекоштных студентов сего факультета находится: в первом отделении четыре: Михайлов, Наумов, Тверитинов и Хардин; во втором отделении один — Третьяков, а в третьем отделении два: Добронравов и Морозов. Подлинная же записка о разделении лекций между гг. профессорами Симоновым и Лобачевским представляется вместе с сим мнением в Совет.

Ректор Григорий Никольский.

Секретарь Отделения адъюнкт Васильев.

На бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Казанский учебный округ. Императорского Казанского университета от Отделения физико-математических наук. Казань. Декабря 10 дня 1821 года. Ответ на № 2064».

Пометы: «№ 795»; «Получено 10 декабря 1821 года»; «Слушано 17-го декабря 1821. Ст. 23.»

ИЗ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОВЕТА 17 ДЕКАБРЯ 1821

Определено: 1) Согласно с мнением Отделения, по очевидной пользе геодезии, позволить г. Лобачевскому преподавать ее теоретически, а практически г. адъюнкту Васильеву, а о фигуре земли г. Лобачевский может проходить с гг. кандидатами, состоящими в Педагогическом институте Юферовым и Токаревым, что и вменить ему в особливую заслугу [...] 3) для усиления преподавания статики и механики позволить г. Лобачевскому проходить оную 4) о разграничении частей физики, которую в трехлетие окончить должно, так чтобы каждый студент мог выслушать все части оной без затруднения, иметь суждение по прибытии э. профессора Лобачевского, о исполнении чего и дать выписку в Отделение физико-математических наук. 5) По обширности и многотрудности теоретической и практической астрономии Совет Университета затрудняется сверьх оной ввести преподавание студентам кораблестроения и кораблевождения, а полагает, согласно с мнением Отделения, проходить сии два последние предмета г-м кандидатам Юферову и Токареву, что и вменить г. э. профессору и кавалеру Симонову в особливой труд и заслугу. 6) в разделении учебных предметов между г-ми Симоновым и Лобачевским Совет находит ту несоразмерность, что первый занимать будет три кафедры, то есть теоретической и практической астрономии и чистой математики, а второй собственно только одну, то есть физики [...] 8) О сем распоряжении донести господину попечителю.

Читал письмоводитель Совета Суворов.

Пометы: «От 11 генваря в Отдел. физико-матем. за № 33-м, г. инспектору, за № 34-м, в Правление за № 32-м, попечителю за № 899».

ЦГАТ, Ф. 977, № 1976, лл. 59—60.

136

Прошение Н. И. Лобачевского попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому о выдаче ему жалованья во время пребывания в Петербурге

21 декабря 1821. Петербург

Его превосходительству господину попечителю Казанского учебного округа действительному статскому советнику и кавалеру Михаилу Леонтьевичу Магницкому.

При отъезде моем из Казани удовлетворен я был от Университета жалованьем по 1-ое сентября 1821 года. В ожидании зимнего пути, дабы отправиться обратно в Казань, принужден был истратить путевые деньги на содержание себя. Списываться с Университетом не позволяет более время. Почему испрашиваю покорнейше Вашего ходатайства у Департамента народного просвещения выдать мне здесь в С. Петербурге заслуженное мною жалованье по 1-ое генваря 1822 года, что составит 925 рублей, за вычетом на гошпиталь. Экстраординарной профессор Казанского университета Николай Иванов сын Лобачевский.

На рукописном бланке, писанном рукою Н. И. Лобачевского: «М.д.д. и н.п. Казанского Университета экстраординарного профессора Лобачевского. 1821-го года декабря 21 дня. С.Петербург. О выдаче ему жалованья из Департамента народного просвещения. Прошение».

Пометы: «№ 1280»; «21 декабря 1821».
Резолюция М. Л. Магницкого: «Нужное. Отнестись в Департ[амент]».

ЦГАТ, Ф. 92, 1821 г., № 186, л. 8.

137

Отношение попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого в *Департамент народного просвещения о выдаче Н. И. Лобачевскому жалования* в Петербурге

23 декабря 1821. Петербург

В Департамент народного просвещения

Находящийся здесь, с дозволения г. министра д[уховных] д[ел] и н[ародного] п[росвещения], экстраординарный профессор Каз[анского] университета Лобачевский вошел ко мне с прошением, в коем изъясняет, что он, в ожидании зимнего пути, дабы отправиться обратно в Казань, принужден был истратить путевые деньги на содержание себя, списываться же с Университетом по краткости времени не находит возможным, почему и просит о выдаче ему заслуженного жалованья с 1-го сентября по 1-е генваря будущего года, всего 925 рублей за вычетом на гошпиталь.

Не имея в канцелярии моей для удовлетворения г. Лобачевского денег, я покорнейше прошу оный департамент о выдаче ему помянутых 925 рублей с истребованием их из Каз[анского] Университета.

Подлинное подписал

Попечитель Казанского учеб[ного] округа

М. Магницкий.

Отпуск на бланке: «М.д.д. и н.п. Департамент народ. просвещ. От попечителя Каз. учеб. округа. 23-го декабря 1821, № 1260. О выдаче профессору Лобачевскому 925 руб.»

ЦГАТ, Ф. 92, 1821 г., № 186, л. 9.

138

Отношение директора Департамента народного просвещения В. М. Попова попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому о выдаче Н. И. Лобачевскому жалованья в Петербурге

30 декабря 1821. Петербург

Господину попечителю Казанского учебного округа.

По отношению Вашего превосходительства о выдаче экстраординарному профессору Казанского Университета Лобачевскому девятисот двадцати пяти рублей на счет сего Университета, Департамент народного просвещения докладывал господину министру духовных дел и народного просвещения, и его сиятельство приказал выдачу сию произвести из хозяйственных сумм сего Департамента.

Вследствие сего, Департамент народного просвещения имея честь уведомить Ваше превосходительство, что от оного сделано надлежащее распоряжение, по которому деньги выдадутся господину Лобачевскому, как скоро он явится в оный, покорнейше просит предписать Казанскому университету о возвращении вышесказанной суммы.

Директор *Василий Попов.*

Начальник отделения *Языков.*

Писано рукою Д. И. Языкова на бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Департамент народного просвещения. Отделение IV. Стол 1. В Санктпетербурге 30 декабря 1821, № 2936. Ответ на № 1260».

Пометы: «№ 1316»; «31 декабря 1821».

Резолюция М. Л. Магницкого: «проф. Лобачев[скому] объявить, а Правлению предписать».

ЦГАТ, Ф. 92, 1821 г., № 186, л. 10.

139

Предписание попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого Правлению Казанского университета о выдаче жалованья Н. И. Лобачевскому в Петербурге и о возмещении расхода Департаменту народного просвещения

10 января 1822. Петербург

Правлению и[мператорского] Казанского у[ниверситета]

Находящийся здесь э. о. профессор Каз[анского] у[ниверситета]

Лобачевский просил о выдаче ему из Д[епартамента] н[ародного] п[росвещения] жалованья за сентябрьскую треть, за вычетом на гошпиталь 925 р. Я отнесся о сем в Деп[артамент], который ныне уведомил меня, что деньги сии выданы г. Лобачевскому.

Вследствие сего предлагаю Правлению помянутую сумму девятьсот двадцать пять рублей отправить немедленно в Департамент.

Подлинное подписал:

Попеч[итель] Каз[анского] у[чебного] округа Михаил Магницкий.

Отпуск на рукописном бланке: «М.д.д. и н.п. Деп. н.п. От попеч. Каз. у.о. В С.П.б. 10 генваря 1822, № 23. О высылке в Деп. н.п. 925 р., выданных проф. Лобачевскому».

ЦГАТ, Ф. 92, 1821., № 186, л. 11.

140

Из письма ректора Казанского университета Г. Б. Никольского попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому
30 января 1822

Г. *Н. Лобачевского* Вы сами изволили видеть и знаете его лучше меня. [1] Удивительно мне кажется, что он с *г. Симоновым* разделили все предметы физики и математики так, что первый преподавать будет физику и некоторые части прикладной математики, а второй чистую математику, как то статику, геодезию и о фигуре земли, теоретическую и практическую астрономию, кораблестроение и кораблевождение, противно прежнему порядку; ибо доныне г. Лобачевский всегда обучал чистой математике и некоторое время физике, а г. Симонов астрономии. А теперь выходит, что г. Лобачевский займет собственно одну кафедру, то есть физики с положенным за то жалованием (ибо кафедра прикладной математики предоставлена мне), а г. Симонов три кафедры и сверьх того обещается обучать кораблестроению и кораблевождению, для которых учреждены морской кадетский корпус и корабельное училище. Г. Симонов больше набрал себе предметов, нежели пройти может, как должно, в чем думаю уверится на самом опыте [...] Помню, что г. Симонов у меня был первым отличным студентом, каких с того времени, кроме Токарева, не бывало, помню также и весь ход воспитания г. Лобачевского, наделенного от господа способностями блестящими, известно мне, чтó они знают и чтó не знают. До сего времени кроме похвальных от них отзывов начальству я не делал. Но замечаю, что они начинают платить за то железом, чему впрочем и быть должно, судя по общему порядку вещей. Они уже подросли, заняли важные степени и один из них отличился в дальнем морском путешествии, а я осужден назад тому лет 12-ть заниматься только письмоводством, а потому немудрено им возноситься своими успехами в математике, которые однакож время поверит гораздо строже, нежели их собственное

---

[1] *Было:* видеть, а потому мне и не нужно изъяснять более о его характере.

мнение. Бывают и в науках повороты, что и случилось с философией, а может быть дойдет и до математики вышшей. [1] До прибытия их в Университет неможно сделать без длинной переписки порядочного расписания, как, что́ и когда им проходить, ибо присланная от них на четвертинке записка необстоятельна, в которой предположения г. Лобачевского, что он проходить будет из физики в нынешний академический год несообразны с постановлением Совета о разделении преподавания физики на три года, с чем и он был тогда согласен. Я пришел бы в восхищение, ежелиб обнял их как истинных христиан, как братьев, но не надеюсь насладиться сим счастием. Вольнодумство подобно такой болезни, которая чем долее свирепствует, тем более укореняется до последнего предела, когда исполнится вся мера злобы. Бывают правда обращения необыкновенные. Тьма вообще бессильна по ее ничтожеству. Блеснет свет господа Иисуса Христа, и она мгновенно во свет преобразится, какового счастия и им всеусердно желаю, чтобы они были выше, выше, а я ниже, ниже. Между людьми высокими истинно просвещенными и неразумному грешнику хорошо, тогда и он просветлеет [лл. 2 об. — 3].

Г. Резанов, по мнению моему, основанному на 16-ти летних замечаниях, есть человек божий, и молодым и самомнительным г-м Симонову и Лобачевскому не под стать. Им кажется, что они уже все знают, и нет никого ни краше, ни умнее их, а в глазах г. Резанова вся их мудрость и денежки не стоит. Оставался один только способ подойти к нему, выслушать его без гордости со вниманием и поверить, и ежели в чем окажется сомнение, учтиво изъяснить его и просить разрешения. А они верно приходили не учиться, а испытывать или искушать, что св. писанием не всегда дозволяется «не искушай, да не искушен будеши». Он заправду не пожалел ни чести, ни имени, ни места своего, и как мне достоверно известно не щадит и не пощадит и жизни своей. Он сделался юродом для мудрецов века сего, а может быть мудрым для бога. Правда высокоумным людям глаза колет, что вероятно случилось и с нашими господами. А Вас он очень любит; ибо по его выражению: *видит в особе Вашей* [2] *образ Иисуса Христа*, или как понимать должно пламенную любовь к богу, что весьма драгоценно, или справедливее сказать неоцененно [л. 4].

Я имел счастие видеть и слышать Вашу силу в слове и деле; а потому надеюсь, что г-да Симонов и Лобачевский выдут из Вашей школы посмирнее [л. 4 bis].

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4019. лл. 2 об., 3, 4 и 4 bis. Черновое.

---

[1] *Эта фраза вписана.*

[2] *Было:* в Вас

141

Из письма попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого к ректору Казанского университета Г. Б. Никольскому
14 февраля 1822. Петербург

Я не спорю с Вами в разделении математических предметов, Вы в этом знающее меня. Професс[ора] наши Симонов и Лобачевский точно хороши и здесь на екзаменах доказали; но молоды и не освещены настоящим светом; в Симонове есть надежда; а об Лобачевском спросите у Ал[ександра] Пав[ловича] [Владимирского] всю мою историю с ним, она приведена к развязке. — Вас оба они уважают, а Симонов и любит искренно. Следовательно их не надобно чуждаться [л. 20—20 об.].

Прошу Вас наблюдать поближе за Сим[оновым] и Лоб[ачевским] и мне высылать почаще их кондуитные списки. Мне непременно нужно все узнать из добрых и верных источников, иначе мудрено быть — право правящим, каким искренно быть желаю [л. 26].

Помета Г. Б. Никольского: «Получено 27 февраля».

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4020, лл. 20—20 об. и 26. Копия.

142

Представление ректора Казанского университета Г. Б. Никольского в Совет того же университета 22 февраля 1822 об избрании Н. И. Лобачевского ординарным профессором чистой математики и протокол избрания 25 февраля 1822
22 и 25 февраля 1822

22 февраля 1822 года, в среду.

6) Г. экстраординарный профессор физико-математических наук Николай Лобачевский, выслушавши в Казанском университете, кроме полного курса физико-математических наук, и курс философии, всеобщей и Российской Истории, географии и статистики, греческих древностей и латинского языка, Российской словесности и прав, естественного, гражданского и народного, 1811 года, августа 3 дня удостоен звания магистра физико-математических наук и вскоре затем изъявлена ему от имени бывшего г. министра народного просвещения за отличные успехи в оных науках особенная похвала. Быстрое усовершенствование сведений по сей части доставило ему и соответственное повышение. Чрез два с половиною года он произведен в адъюнкты, а еще с небольшим через два года утвержден в настоящем звании экстраординарного профессора. 1815 года, декабря 2 дня представил он в Отделение физико-математических наук рассуждение о разрешении уравнения $x^n - 1 = 0$. Находясь в звании экстраординарного профессора, преподавал с 1819 года астрономию и начальные основания чистой математики, а с конца 1820 года начал проходить полный курс сей науки и продолжал преподавание математической физики, которая препоручена ему по утверждению Главного Правления училищ

с 14 ноября 1819 года и имея по причине отсудствия г. профессора астрономии Симонова надзор за Университетскою обсерваториею. Сверх сего троекратно избран и утвержден был членом Училищного Комитета и двоекратно деканом Отделения физико-математических наук; кроме того с 31 дня декабря 1819 года по 14 июня 1821 года занимался поверкою Университетской библиотеки.

Принимая в рассуждение отличные дарования г. экстраординарного профессора Лобачевского, его обширные сведения по части физико-математических наук и вышепрописанную службу, не благоугодно ли Совету избрать его ординарным профессором чистой математики. На таковое звание имеет он право и по тому уважению, что уже несколько лет несет на себе такие должности, которые 24 и 162 §§ Устава Казанского университета предоставляются ординарным профессорам.

А как г. Лобачевский и ныне продолжать будет преподавание физики вместо ординарного профессора, то не благоугодно ли будет Совету ходатайствовать ему на основании положения Главного Правления училищ о прибавке жалования, сверх оклада ординарного профессора чистой математики, еще за преподавание физики 1 200 рублей. Ректор Григорий Никольский.[1]

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА

Определено: на основании 46-го § устава Казанского университета, предоставить г. ректору назначить день избрания г. экстраординарного профессора Николая Лобачевского в ординарные профессоры чистой математики.

По назначению г-на ректора вследствие постановлений Совета по ст. 59, 60, 61, 62, 63, 64 и 65 протокола 22 дня февраля сего года 6) произведено баллотирование г-ну экстраординарному профессору Николаю Лобачевскому в ординарные профессоры чистой математики, по которому оказалось, что он избран в сие звание единодушно 8-ю голосами. Определено: об утверждении г-на экстраординарного профессора Николая Лобачевского ординарным профессором чистой математики с производством ему сверх штатного по сему званию жалованья, согласно положению Главного Правления училищ о расписании кафедр и окладов для Казанского университета, за преподавание вместо ординарного профессора физики, в прибавок по 1 200 рублей в год, приложивши избирательный лист в копии и послужной его список представить г-ну попечителю на благоусмотрение его превосходительства.

Февраля 25 дня избран единогласно 8-ю голосами

Ректор Григорий Никольский

Григорий Городчанинов

Франц Эрдман

Александр Владимирский

---

[1] Последний абзац с подписью Г. Б. Никольского писан его рукою. — *Л. М.*

Иван Симонов
Василий Тимьянский
Иван Дунаев
Исправляющий должность Секретаря Совета
э. профессор Михаил Пальмин.

Помета: «Попечитель Каз[анского] уч[ебного] округа от 2 июня 1822 г. уведомил Совет Каз[анского] ун[иверситета] о том, что министр духовных дел и нар[одного] просвещения утвердил экстраординарных профессоров Пальмина, Лобачевского и Симонова в ординарные профессоры» [л. 23].

ЦГАТ, Ф. 977, № 2282, лл. 5—6 и 23.

143

Из предписания попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого Совету Казанского университета в связи с разграничением предметов преподавания между Н. И. Лобачевским и И. М. Симоновым
28 февраля 1822. Петербург

Совету императорского Казанского университета.

Усматриваемую оным Советом несоразмерность в разделении учебных предметов между профессорами: Лобачевским и Симоновым предоставляю взять в соображение при наступлении следующего академического года.

О разграничении частей физики и о введении преподавания студентам кораблестроения и кораблевождения соглашаюсь с мнением Совета [...].

Попечитель Казанского учебного округа

Михаил Магницкий

Старший письмоводитель *Розанов.*

На бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Департамент народного просвещения. От попечителя Казанского учебного округа. В С.Петербурге 28 февраля 1822, № 249. Ответ на № 99».

Пометы на копии: «Получено 10 марта 1822 года»; «Слушано марта 11 дня 1822 года»; «№ 257».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА

Из дела Совета видно, что 1-е) от 2 марта сего 1822 года представлено г. попечителю о утверждении г. Симонова ординарным профессором астрономии с поручением ему руководствовать студентов в практической астрономии и кораблевождении, а г-на Лобачевского ординарным профессором чистой математики с поручением ему преподавания физики; 2-е) из донесения факультета физико-математических наук от 3-го марта сего года за № 2-м явствует, что г. профессор Симонов сверх астрономии и учения о кораблевождении принимает на себя преподавание геодезии, а профессор Лобачевский проходить будет в 3-м отделении аналитическую механику, как часть чистой математики, и принимает в непродолжитель-

ном времени представить в Отделение разграничение частей как физики, так и чистой математики. *Определено:* за последовавшими вышеизъясненными распоряжениями Совета университетского и Отделения физико-математических наук, 1-й и 2-й пункты предложения г. попечителя принять к сведению [...]

Помета: «Г. попечителю от 27 марта, № 563».

ЦГАТ, Ф. 977, № 1976, лл. 62 и 64. Копия.

144

Представление Физико-математического отделения Казанского университета за подписью Н. И. Лобачевского в Совет университета в связи с разграничением предметов преподавания между Н. И. Лобачевским и И. М. Симоновым

3 марта 1822

В Совет императорского Казанского университета.

Вследствие выписки из протокола Совета университетского от 11 генваря 1822 года под № 33, Отделение честь имеет донести: 1) что экстраординарный профессор и кавалер Симонов принимает преподавание геодезии на себя, так как и учение о кораблевождении, присоединяя первое к статье о измерении градусов, а последнее к практической астрономии, 2) экстраординарный профессор Лобачевский проходить будет в третьем отделении аналитическую механику, как часть чистой математики, и принимает на себя сделать расположение, каким образом должно разграничить части как физики, так и чистой математики и представить оное в Отделение в непродолжительности.

Декан *Николай Лобачевский.*

Секретарь Отделения *адъюнкт Васильев.*

На бланке: «М. д. д. и н. п. Департамент народного просвещения. Императорский Казанский университет. Отделение физико-математических наук. Казань. Марта 3 дня 1822 года, № 2. Ответ на № 33».

Пометы: «№ 261»; «Получено 16-го марта 1822-го года»; «Слушано марта 11-го дня 1822-го года»; «ст[атья] 20».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА

Определено: Исправивши в каталоге статью 2-ю и 6-ю препроводить оной при выписке к г. начальнику типографии э. профессору Дунаеву для напечатания. *Читал Суровцов.*

Пометы: «От 27 марта за № 590-м».

ЦГАТ, Ф. 977, № 1976, л. 65.

145

Из письма ректора Казанского университета Г. Б. Никольского к попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому

6 марта 1822

В прошедшую субботу 25 февраля в полном собрании членов Совета в мундирах выслушана была беседа Ваша, приготовленная к 17 генваря, Александр Павлович [Владимирский] приведен к присяге, и учинено избрание в ординарные профессоры г-д Симонова, Лобачевского, Пальмина и Тимианского, в экстраординарные Булыгина, Баженова и Скворцова [...] Всех избранных в ординарные и экстраординарные профессоры признаю заслуживающими сих званий [...] Г-а Симонов и Лобачевский приехали в Казань на прошедшей неделе 21 февраля. В них не замечено большой [1] перемены; каковы были, таковы и теперь [2], а г. Симонов хитрее и кажется добрее и мягче сердцем г. Лобачевского, который есть гордый в себя влюбленный ум. Хорошо, что он имеет известную систему правил, которую обходя, весьма можно с ним ужиться. Он не обидчик и не заноза. Оба они точно отличные имеют познания в высшей математике, как Вы сами изволили усмотреть на опыте при экзаменах. На словах верно обещали они тьму услуг Университету, а на деле сомнительно. По быстрым их способностям хорошими педагогами им трудно быть. Они с отличною пользою только могут наставлять хороших кандидатов и магистров и приготовлять их в адъюнкты, для чего ныне же и препоручены им Юферов и Токарев, из которых последний прекраснейшие имеет к математике дарования, а первый очень хорошие. Эти люди [т. е. Симонов и Лобачевский], по их блестящим способностям, отважности, [3] щегольству и светским ухваткам, — как дорогой товар лицом показать. Вот и исполнилось предчувствие мое о г. Лобачевском, что он в заключение всех своих блестящих предложений и обещания услуг Университету просить будет денег. Теперь личина спала. Он сказал мне ясно, что ежели не будет ему положено полного жалованья ординарного профессора за одну кафедру и 1200 р. за другую, то не останется в Университете долее служить: почему баллотированием и избран он в ординарные профессоры чистой математики с препоручением кафедры физики, чего впрочем он по ученым его достоинствам в полной мере заслуживает. Г. Симонов, между прочим, изволил мне изъясниться, на просьбу или на желание мое, чтобы он не оставлял Университета, его воспитавшего и открывшего путь к почестям и богатству, что он никак не оставит его доколе Вы будете попечителем. Такая мера благодарности примечания достойна. Ясно вижу, что при настоящем состоянии дел люди на показ весьма надобны. Отсюда, не считая себя пророком, осмеливаюсь гадать о их участи, основываясь на св.

---

[1] *Было:* никакой

[2] *Далее зачеркнуто: а.* оба стали еще высокоумнее; *б.* только оба стали еще высокоумнее

[3] *Было:* способностям, смелости и самонадеятельности [sic!].

писании, удостоверяющем, что всё высокое смирится (Исаии гла[ва] 2) и что гордым бог противится. Для смирения их,[1] особливо г. Лобачевского, им должно будет подъять тяжкие от господа кресты, которые смягчат непреклонную выю, уверять, что и самый высокий ум человеческий пред богом не имеет никакой цены, как буйство, что самое прекрасное по наружности [2] поведение, не руководимое чистою совестию или воплощенным сыном божиим, есть одно только притворство гордости и своекорыстия, есть нечистое рубище, а не та светлая брачная риза,[3] в которой дозволен доступ к царю небесному, есть заблуждение от пути правого или широкий путь вводяй в пагубу. В моих с ними отношениях сохраню всю возможную учтивость и уважение, дабы напрасно не разжигать [4] страстей и без того пылающих. Оба они Вас любят и уважают нелицемерно, а Александра Павловича [Владимирского] не жалуют, чему есть и важные причины. Ибо от Вас надеются что-нибудь получить, а строгости принятых в Университете правил (которых А. П. есть ближайшим блюстителем) терпеливо и благодушно не могут сносить. При первом их свидании, которого по случаю был я очевидным свидетелем, обошлись они довольно сухо, чего вероятно и ближайшею причиною было то, что А. П. не позволил им занять верьхний этаж для пребывания Вашего назначенный, а отвел временно квартиру в Тенишевском доме. В это время у А. П. был университетский наш духовник А. И. Нечаев. Г-да Симонов и Лобачевский не удостоили его подойти к благословению. Ежели они с ним прежде не виделись, то это неприлично. У первой по приезде их утренней в воскресенье молитвы 26 февраля не были, а к обедне пришли и стали как должно.[5] Слышал я, что в то же воскресенье А. П. приглашал к себе г. Симонова обедать, но сей отозвался, что обедает у г. Юшкова, к которому в дом и жить переходит на одном дворе с пансионом г-жи Пото. Во второе воскресенье 5 марта у заутрени я не имел чести видеть их, а у обедни видел г. Лобачевского, который стоял благочинно. С 21 февраля, то есть со времени прибытия их в Казань, по 6 марта не дали в Университете ни одной лекции, хотя и расписание часов им вручено 27 февраля, отзываясь тем, что еще не разобрались и не устроились в делах своих. В прошедшую субботу 4 марта в собрании членов Отделения физико-математического, рассуждая с г. Лобачевским, каким бы образом студентов подвинуть в математике вперед, я советовал ему 1) заняться сочинением кратких руководительных книжек, которые напечатать и роздать студентам, 2) принять на себя труд сверьх часов, назначенных по табели, заниматься с ними еше повторением. На это отвечал он мне, что

---

[1] *Далее зачеркнуто:* гордыни
[2] *Далее вписано и зачеркнуто:* а не от совести
[3] *Было:* есть рубище, заблуждение от пути правого
[4] Не раздражать
[5] Стали пристойно.

Н. И. Лобачевский. С портрета маслом работы
В. Л. Щеголькова 1820-х годов.
(Геометрический кабинет Казанского университета)

он не обязан делать ни того, ни другого, что хотя и правда, но показывает недостаток усердия. Кажется они привыкли не учить методически, ибо такое учение есть великой труд, а утешаться наставлениями, чему иначе удовлетворить неможно, как разве дав им для образования кандидатов с отличными способностями. Что пред Вами изъяснился я откровенно, того Вы изволили требовать. Может быть я не все знаю добрые стороны, с которых должно смотреть на сих г-д. Кажется г. Симонов сверьх прочих его достоинств украшается целомудрием, что заключаю по цветущему его здоровью, оба имеют известный дух благородства и, правду сказать, высокое образование, хотя не очень основательное. Великодушно простите мне грешнику, что осмеливаюсь судить и рядить об людях. Проступит человек, и сердце его глубоко. Человек зрит на лице, а бог на сердца. Нет ничего опаснее, как произносить решительные суды о своих ближних. Им же судом сужу ближнего моего, себе осуждаю. Един есть истинный судия, грядущий судити живым и мертвым. Ежели он назрит беззакония наши, кто постоит? [лл. 8—8 об. и 15].

Разделение у нас происходит не от царедворства, а от строгости университетских уставов (то есть ходить на общие службы в церьковь, молиться богу прилежно и благоговейно, соблюдать посты, не пить вина, хранить целомудрие и во всем воздержание, порученные начальством должности исправлять усердно, не щадя живота, вышшим воздавать должное почтение, с равными обходиться дружественно, с подчиненными и низшими благоприветливо и по-отечески, в посторонние и чужие дела не вмешиваться и проч.), которые многим не нравятся. Почему они и желают их избавиться, каким бы то образом ни было, хотя бы низвращением настоящего университетского начальства чрез ссоры и вражду. Вот тайная пружина видимых противоборствий. По вероятию она управляет и г. Лобачевским, который, как подозреваю, много наговорил Вам о внешнем фарисейском в Университете поклонении и об ослаблении части учебной и проч. Правда, есть излишности во внешнем, но их поправить весьма легко и не в пример легче, нежели истребить закоренелые пороки, противные уставам с[вяты]х отец [л. 14].

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4019, лл. 8—8 об., 14 и 15. Черновое.

146

Предписание ректора Казанского университета Г. Б. Никольского Правлению Университета о прибытии в Казань Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова и о сдаче первым и приеме вторым имущества Астрономической обсерватории

7 марта 1822

В Правление Казанского университета.

В собрании Совета, февраля 22 дня сего года, господин ректор объявил, что 21 дня сего же февраля месяца прибыли в Казань находившиеся в от-

лучке по казенным надобностям гг. экстраординарные профессоры Николай Лобачевский и Иван Симонов.

Совет честь имеет сообщить о сем Правлению Казанского университета и присовокупить, что гг. Лобачевскому и Симонову даны от Совета выписки, чтобы первый сдал, а последний принял Астрономическую обсерваторию со всеми принадлежностями и сдаточную и приемную ведомости представили в Совет за общим подписанием и с означением все ли в целости. *Ректор Григорий Никольский.*

Исправляющий должность Секретаря Совета

э. профессор Михаил Пальмин.

Архивариус *Полянцев.*

На бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Департамент народного просвещения. Казанский учебный округ. Императорского Казанского университета Совет. Казань. Марта 7 дня 1822, № 495».

Пометы: «№ 800»; «8 марта»; «по журналу 9 марта 1822 года № 8»; «принять к сведению».

ЦГАТ, Ф. 977, № 797, л. 10.

147

Выписка из протокола заседания Совета Казанского университета от 22 февраля 1822 г. о приеме И. М. Симоновым и о сдаче Н. И. Лобачевским имущества Астрономической обсерватории

7 марта 1822

Выписка из протокола в Совете Казанского университета, постановленного в оном февраля 22 дня 1822 года.

Ст. 58. Ректор объявил, что 21 дня сего месяца прибыли в Казань находившиеся в отлучке экстраординарные профессоры Николай Лобачевский и Иван Симонов. Определено: Приняв к сведению, сообщить о сем в Правление, дать выписки в Отделение физико-математических наук и г-м профессорам Симонову и Лобачевскому, с тем, чтобы первый принял, а второй сдал Астрономическую обсерваторию со всеми ее принадлежностями и сдаточную и приемную ведомости представили в Совет с означением, всё ли в целости и сохранности. Исправляющий должность Секретаря Совета э. профессор *Михаил Пальмин.*

Письмоводитель Совета *Суворов.*

В Отделение физико-
математических наук.

На бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Департамент народного просвещения. Казанский учебный округ. Императорского Казанского университета Совет. Казань. Марта, 7-го дня 1822. № 496-й».

Пометы: «Получено 8 числа марта 1822 года»; «Слушано 9 ч[исла] марта 1822 года, статья 2»; «Определено: Принять к сведению».

ЦГАТ, Ф. 977, оп. 320, № 4, л. 1.

148

Из письма ректора Казанского университета Г. Б. Никольского к попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому
16 марта 1822

12-го марта преосвященнейший[1] благоволил вместе с университетскими и гимназическими чиновниками и питомцами откушать в гимназии, причем были и г-да Симонов и Лобачевский. Преосвященнейший довольно долго разговаривал с г. Симоновым о его морском путешествии, причем открылось, что иное быть астрономом, а иное натуралистом и большим начетчиком. Преосвященнейший имеет огромную память и много читал; разговаривая о Новой Голландии, он полюбопытствовал узнать от г. Симонова, не случилось ли ему там видеть растения, которого зеленые листы весьма похожи на волосы, и есть ли там дикой виноград, но ничего не узнал, ибо г. Симонов не видел и не слышал ни о таком растении, ни о винограде. Оба сии г-да начали уже свои лекции с прошедшей недели, и по наружности ведут себя прилично, только к заутреням, или всенощным, в праздники не ходят, равно как и г. Кондырев. Все трое заражены излишним самолюбием, или гордостью, или высокоумием или, говоря вообще, таким грехом, который в последствии времени распложает все другие, от чего да сохранит их человеколюбец господь. По замечанию моему, ничто столько не развивает гордости, как ум, не плененный в послушании веры, каковой опасности наиболее подвержены высокоученые люди. Сей порок в г. Лобачевском и г. Кондыреве открыт, а в г. Симонове прикрыт довольно тонко. Не человеку [2] обращать их, а разве сам господь в известный ему момент освятит их. Г. Симонов, на мой глаз, есть хитрец, принимающий все изменения, какие, по обстоятельствам нужны. Быстрое возвышение его и непрерывные до сего времени во всем удачи едвали не вскружили ему головы. Запинает бог премудрых в коварстве их. Несмотря на уверения сих трех господ сотрудников моих в дружбе и приязни ко мне, кажется рано или поздо от них пострадаю, от чего и не прочь. Сей есть вечный завет господа и учитель наш, умыв ноги ученикам своим, не исключая и предателя своего, ядшего с ним, хлеб и воздвигшего на него пяту свою, оставил нам пример к подражанию высокой любви его. Без сего при нынешнем состоянии земли и никакого истинного добра быть не может. Человеки друг друга в свое время распинают. Кто по молитве о своих убийцах изрек: *Совершишася*, поможет и последователям своим сотворить тоже.

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4019, лл. 1 об. и 2 второй пагинации карандашом. Черновое.

---

[1] Амвросий — *Л. М.*

[2] *Было:* не священнику.

149

Из письма попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого к ректору Казанского университета Г. Б. Никольскому

21 марта 1822. Петербург

Поступки Лобачевского и особливо дерзкое требование мне не нравятся. И Вы можете сказать ему, что доколе он не исполнит в точности требований университетского начальства и не докажет, что может быть полезен на деле, а не самохвальством, не будет утвержден ординарным профессором, и может итти на все четыре стороны. — Он и Симонова испортит. Ему говорил, что ученое достоинство про себя мне не нужно — можете спросить у него смысл моего отпуска. — Я сказал Лобачевскому, что обращение с ним будет размерено по его обращению, и сдержу слово.

Можно сказать Лобачевскому, что ответ его в факультет дошел до меня, что я нахожу его неуместным и тоже не обязан делать чего он хочет [л. 29—29 об.].

Лобачевский никогда слова худова не сказал мне ни о ком. Я за то и уважал его. — Все знаю стороною, ибо все знать должен, чтоб не быть вместо полезного начальника игралищем страстей [л. 31].

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4020, лл. 29—29 об. и 31. Копия.

150

Сообщение Совета Казанского университета в Правление университета по предложению Н. И. Лобачевского о Физическом кабинете Университета

27 марта 1822

В Правление Казанского университета.

При слушании отношения оного Правления от 5 марта сего года за № 820 г. экстраординарный профессор Лобачевский объявил, что удобнее поместить Физический кабинет в большой зале Тенишевского дома, где можно будет иметь ему и преподавания.

Совет университета, сообщая о сем Правлению, просит употребить с своей стороны зависящие распоряжения относительно приготовления залы в Тенишевском доме для приличного в оной помещения Физического кабинета, под распоряжением г. профессора Лобачевского, которому Совет также испрашивает у Правления Казанского университета выдачи денег для устроения приличной доски черной и хорошего стола и на другие потребности из суммы, на содержание Физического кабинета отпускаемой.
Ректор Григорий Никольский.

Исправляющий должность Секретаря Совета
э. профессор Михаил Пальмин.

На бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Департамент народного просвещения. Казанский учебный округ. Императорского Казанского университета Совет. Казань марта 27 дня 1822, № 589-й».

Пометы: «28 марта 1822 года»; «По журналу 10 апреля стат[ья] 12»; «№ 864».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ

При слушании сего г. профессор Лобачевский присудствию объявил, что на устроение черной доски и прочие потребности нужно не менее 50 рублей. Определено: кассиру Университета предписать, чтобы он выдал под расписку г. декана Лобачевского из суммы Физического кабинета 50 рублей. Подлинное за подписом гг. присутствующих и скрепой секретаря. С подлинным читал *кассир Линнеев.*

Помета: «Исполнено 21 апреля, № 1383».

ЦГАТ, Ф. 977, № 1503, л. 2.
Загоскин. История, IV, стр. 125.

151

Из письма попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого к ректору Казанского университета Г. Б. Никольскому
11 апреля 1822. Петербург

Вам надобно остеречься замечаемого мною предубеждения против Сим[онова] и Лоб[ачевского]: они Вас уважают и всегда мне хорошо отзывались. Дух ненависти нередко прикрывается плащем осторожностей. — Я бы думал, чтоб, не отдаваясь с ними в излишнюю приязнь и даже сохраняя принадлежащее Вам по летам и званию достоинство, прилично было наблюсти с ними ту же приветливость, которую они показывают. Мне кажется, Н. Лоб[ачевский] ближе Сим[онова] к искренному и твердому обращению по многим важным причинам. Посмотрите сами. Он мне показывал больше уважения к Вашему образу мыслей.

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4841, л. 1 об. Копия.

152

Из письма ректора Казанского университета Г. Б. Никольского к попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому
4 мая 1822

Да сохранит меня господь от духа ненависти к г-м Лобачевскому и Симонову. Доныне не по своей хитрости, а божиим промыслом я со всеми уживался. Верю богу, что уживусь и с ними. Нам делить нечего, а ежели бы и было что, поступиться готов. Признавая себя недостойным грешником, отнюдь не смею уничижать ко[го] бы то ни было, твердо помня, что первый в рай вошел благоразумный разбойник, первая Магдалина, из которой изгнал господь семь бесов, обрадована была воскресением Христовым, [*Нрзб.*] жестокий преследователь христианства обращен в пламенного поборника. Господь милует кого хощет. Г-м Симонову и Лобачевскому поведением своим я не подаю никаких причин к оскорблению, и взаимно они ничем меня не обижают. А чего требовать должно по службе, того нельзя опускать без вреда общему благу [лл. 5—5 об.].

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4019, лл. 5—5 об. второй пагинации карандашом. Черновое.

153

Донесение Н. И. Лобачевского в Правление Казанского университета о книгах, приобретенных им для университета во время пребывания его в Петербурге в 1821.

4 мая 1822

Правлению императорского Казанского университета

В прошлом 1821 году, в бытность мою в С. Петербурге, между прочим поручено мне было от г-на попечителя приискать книг для составления математической части университетской библиотеки, столь недостаточной для самого преподавания. Исполняя сие поручение, представил я г-ну попечителю список книг, которых приобретение почитал я необходимым для нашего Университета, и в то же время доносил его превосходительству, что все сии книги нашлись в лавке книгопродавца Грефа и что Греф вызвался сбавить десятую часть цены против публикованных им каталогов, и ждать платы денег до моего возвращения в Казань. Его превосходительство одобрил выбор книг, согласился на покупку их и предоставил мне лично уговариваться с Грефом и взять на себя доставление книг в Казань; поручил мне также доставить два ящика в Университет: один с термометром, другой с анатомическим снарядом для наливания сосудов. Книги и два ящика сданы были мною для доставления сюда тому же самому вощику, который недавно представил Правлению вещи, собранные г-м проф. Симоновым в путешествии. Правление уже известно о причинах, замедливших доставку, и должно было предвидеть, что посылки не могли не потерпеть от внезапного распутия и непогоды, — что и случилось в самом деле. Стеклянная воронка в анатомическом снаряде разбилась, некоторые книги подмокли, изломались и заплесневели. Не теряя времени, отдал я их переплетчику Юргенсу для исправления и просушки. Несколько книг должно было расшить из переплета, почему и прошу Правление приказать чрез кого следует переплетчику Юргенсу переплесть снова расшитые книги, а равно и те немецкие, которые были привезены непереплетенными, чтоб они не оставались без употребления для преподавания. Прилагаемой здесь список книг с их ценами по каталогам разделен на две части: в одной содержатся книги, назначаемые для университетской библиотеки, в другой, по общему нашему согласию с г-м профессором Симоновым и одобрению г-на попечителя, назначаются книги для обсерватории, так как они заключаются в астрономических таблицах, и для всегдашнего употребления должны быть в руках астронома наблюдателя, почему г-н попечитель и полагал платить за них из суммы, на содержание обсерватории отпускаемой. Книгопродавцу Грефу причитается заплатить по ценам каталогов 978 рублей, а за вычетом десятой части, по условию 880 руб. 20 копеек. Из сей суммы 102 руб. 15 коп. должны быть взяты из денег, на содержание Обсерватории отпускаемых. Доставление денег, естьли угодно будет Правлению, беру я на себя, так как и до сих пор г. Греф имел дело лично со мною. Анатомической снаряд и термометр пред-

ставлю при сем Правлению. Книги прошу приказать принять от меня кому следует. Подмоченные книги находятся в приложенном здесь списке под номерами 3, 5, 6, 8, 12, 13, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 53. За пересылку книг и ящиков заплачено мною 15 рублей. Экстраординарный профессор Николай Лобачевский.

На бланке, писанном рукою Н. И. Лобачевского: «М. д. д. и н. п. Департамент народного просвещения. От экстраординарного профессора Лобачевского. Рапорт. О покупке книг для университетской библиотеки и Обсерватории. Казань. 4 мая 1822».

Пометы: «Маия 5 дня 1822»; «№ 1243»; «по жур[налу] 8 маия ст. 11».

РАСПИСКА АДЪЮНКТА П. С. КАРЕЙШИ:

Ящик с волчком и анатомическим снарядом для наливания всасывающих сосудов, при котором стеклянная трубка разбита, а четыре принадлежащие к нему стальные трубочки неисправны, получил адъюнкт Петр Карейша.

ЦГАТ, Ф. 977, № 1593, л. 1, с приложением писанного рукою Н. И. Лобачевского «Списка книгам, купленным профессором Лобачевским в С. Петербурге от книгопродавца Грефа», в двух графах «А. Для университетской библиотеки», за №№ 1—50 и «В. Для Обсерватории», за №№ 51—55, всего на сумму 978 рублей, а за вычетом 10-ти процентов — 880 р. 20 коп. и подписью в конце: «Э. проф. Николай Лобачевский» (лл. 3—4).

Ср.: Загоскин. История, IV, стр. 146.

Приложение:

Черновой текст того же донесения Н. И. Лобачевского

В прошлом 1821 году по приезде моем в С. Петербург поручено мне было, между прочим, от г. попечителя войти в лавки лучших книгопродавцев в С. Петербурге, рассмотреть книги, относящиеся к математическим наукам, и представить его прев[осходительству] каталог тех, которые я почту необходимыми для составления математической части университетской библиотеки, до сих пор столь недостаточной даже для преподавания. Исполняя сие поручение, представил я каталог книг г-ну попечителю, которых приобретение почитал я необходимым для нашего Университета, объявляя при том и договор мой с книгопродавцем Грефом уступить с цены книг десятую часть против каталога и также ждать платежа денег до приезда моего в Казань. Его превосходит[ельству] угодно было предоставить мне лично иметь сношение с Грефом и поручить мне взять на себя также и доставление в Университет как сих книг, так и еще двух ящиков: одного с термометром и другого с анатомическим снарядом для наливания сосудов. Книги и два ящика были сданы мною для доставления в Казань тому же вощику, которой недавно представил в Правление вещи, собранные г-м профессором Симоновым в его путешествии. Правление уже известно о причинах, замедливших доставку сих вещей в Казань, и может судить по сему, что внезапное распутье и остановка в дороге легко могли

причинить вред книгам и посылкам — что и случилось. Стеклянная воронка в анатомическом снаряде разбилась. Некоторые книги подмокли, чрезвычайно изломались и заплесневели. Не теряя времени, они отданы были здешнему переплетчику Юргенсу для просушки и поправки, несколько книг теперь расшиты и, чтоб не могли потеряться, я прошу Правление приказать среди кого следует переплетчику переплести их вновь, равно как и некоторые немецкие книги, привезенные без переплету. Книгопродавцу Грефу причитается заплатить за книги по цене в каталоге 996 рублей, но за уступкой десятой части остается 895, которые деньги Правление или может прямо послать к книгопродавцу Грефу или поручить мне, что я охотно беру на себя. Здесь прилагается список книгам и цены их по каталогу. Часть сих книг, по согласию нашему с г-м професс[ором] Симонов[ым], была назначена для Обсерватории университета, что и одобрено было и его превосх[одительством], и так как содержат в себе астроном[ические] таблицы и для всегдашнего употребления должны быть в руках астронома-наблюдателя, то г-н попечитель и полагал платить за них из суммы, на содержание Обсерватории отпускаемой, о каковом распоряжении г-на попечителя и имею честь донести Правлению.

Геометрический кабинет им. Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 3, между стр. 78—79, на лл. 1 об. и 2. Черновое, из бумаг Н. И. Лобачевского; дается в окончательном чтении.

154

Из донесения Правления Казанского университета попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому о книгах, приобретенных в 1821 г. Н. И. Лобачевским для библиотеки и обсерватории университета

20 мая 1822

Г. попечителю Казанского учебного округа

Г. декан Физико-математического отделения экстраординарный профессор Лобачевский с соизволения Вашего превосходительства купил в Санкт-Петербурге математических и астрономических книг в лавке книгопродавца Грефа на 880 руб. 20 коп., и провоз сих книг обошелся г. Лобачевскому в 15; почему он и просит отдать ему сии деньги, а из книг, согласно представленному им списку, некоторые принять в библиотеку, другие же — обратить для лекций астрономических [...]

Правление университета, донося о сем Вашему превосходительству, осмеливается испрашивать начальственного дозволения: а) на внесение купленных г. Лобачевским книг в каталоги университетской библиотеки и обсерватории, согласно разделению его; б) на уплату 880-ти рублей 20-ти копеек книгопродавцу Грефу, равно и за провоз их 15-ти рублей употребить из экономических сумм.

Директор университета
Секретарь *Осип Юферов*

На бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Департамент народного просвещения. О дозволении уплатить за книги, купленные г. Лобачевским для библиотеки и обсерватории, из экономической суммы. Казань. 20-го мая 1822, № 1788. От Правления императорского Казанского университета».

ЦГАТ, Ф. 977, № 1593, лл. 6—7. Отпуск.

155

Из письма попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого к ректору Казанского университета Г. Б. Никольскому

25 мая 1822. Петербург

Зная как Вы ожидаете, милостивый государь мой Григорий Борисович, производств наших, спешу Вас уведомить, что пр. Лобачевский, Симонов и Пальмин произведены в ординарные, адъюнкты Баженов и Булыгин в экстраординарные вчерашний день. Прошу всех от меня поздравить и сказать, что я сею новостью весьма обрадован. Хотел с сею же почтою передать сие официально, но не мог потому, что живу на даче и, отправя свою деловую почту, получил бумагу от министра.

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4841, л. 2 и 2 об. Копия.

156

Из письма попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого к ректору Казанского университета Г. Б. Никольскому

30 мая 1822. Петербург

Лоб[ачевского] и Сим[онова] вы привлечь можете, приласкав их. Симонов добр, а Лобачевский самолюбив и очень чувствителен к малейшему приветствию, требовать по службе можете всё смело, они знают мое понятие о повиновении и о Вас.

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4841, л. 4 об. и 5. Копия.

157

Предписание попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого Совету Казанского университета об утверждении М. И. Пальмина, Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова в звании ординарных профессоров

2 июня 1822

Совету императорского Казанского университета

Господин министр духовных дел и народного просвещения, вследствие представления моего, 24-го маия утвердил экстраординарных профессоров: Пальмина, Лобачевского и Симонова в ординарные профессоры, первого философии, дипломатики и политической экономии, второго чистой математики и физики, а последнего астрономии с поручением ему преподавания теоретической астрономии и кораблевождения; равным образом адъюнктов Баженова и Булыгина в звании экстраординарных профессоров, первого всеобщей истории, географии и статистики, а послед-

него истории, географии и статистики российского государства с тем, чтобы прибавка жалованья ординарным профессорам за излишние кафедры была учинена согласно положениям Главного Училищ Правления для Казанского университета; экстраординарным же профессорам произведено было в прибавок к адъюнктскому жалованью, на основании университетского устава, по четыреста рублей в год из экономических сумм.

Предлагаю Совету сделать о сем зависящее от него распоряжение и уведомить о том Правление университета.

Попечитель Казанского учебного округа
Михаил Магницкий.

На бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Департамент народного просвещения. От попечителя Казанского учебного округа. В С. Петербурге. 2 июня 1822, № 560. Об утверждении гг. Пальмина, Лобачевского и Симонова в ординарные и Баженова и Булыгина в экстраординарные профессоры».

Пометы на копии: «Получено 14 июня 1822 года»; «Слушано июня 17 дня 1822 года».

ЦГАТ. Ф. 977, № 2282, л. 23. Копия.

158

Отношение Н. И. Лобачевского в Правление Казанского университета о выдаче ему денег для исправления инструментов Физического кабинета
7 июня 1822

Правлению императорского Казанского университета

Нечаянный случай представляется мне исправить некоторые инструменты в физическом кабинете и даже приобресть новые. Два художника явились ко мне и вызвались принять на себя некоторые работы для кабинета. Испытывая их в разговорах, нашел я, что один разумеет хорошо работу в стали, другой часовщик может исправлять медные инструменты и даже градусные дуги; почему и решаюсь я задать им сделать большой магнитной прибор, нечто исправить из находящегося в кабинете, Вольтов столбец и, может быть по моему усмотрению вперед, електрические весы, на что испрашиваю у Правления отпустить всю сумму на содержание физического кабинета, находящегося теперь налицо, полагая, что предпринимаемое мною будет стоить около двухсот рублей. Э. профессор Николай Лобачевский.

На рукописном бланке, писанном рукою Н. И. Лобачевского: «М. д. д. и н. п. Департамент народного просвещения. Казанский университет. От экстраординарного профессора Николая Лобачевского. О выдаче ему денег из суммы на содержание физического кабинета, отпускаемой для исправления инструментов. Казань. 1822 года 7-го июня».

Пометы: «Июня 7-го д[ня] 1822 г.»; «№ 2188».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ:

Копия с определения. По малому количеству наличной суммы физического кабинета, требование г. профессора Лобачевского Правление удовлетворить не может.

С подлинным верно: *Линнеев.*

ЦГАТ, Ф. 977, №1503, лл. 3 и 4.

159

Из рапорта И. М. Симонова в Совет Казанского университета о приеме от Н. И. Лобачевского имущества Астрономической обсерватории университета

10 июня 1822

Императорского Казанского университета в Совет

Э. профессора Симонова

Рапорт.

Имею честь донести Совету, что, по предписанию оного, я принял от г. профессора Лобачевского Астрономическую обсерваторию со всеми принадлежностями. По сему случаю имею честь представить следующее: 1-ое. Все инструменты и книги приняты мною в целости и сохранности [...]

При сем случае имею честь представить книгу, данную г. профессору Лобачевскому для записи прихода и расхода по Астрономической обсерватории на 1821-ой год. Оставшуюся сумму от 1820-го года двадцать шесть рублей восемьдесят восемь копеек с четвертью и в 1821-м году, ни куда не израсходованную, от г. профессора Лобачевского я получил и в приход на 1822-ой год записал.

Э. профессор Симонов.

Казань 1822.
Июня 10 дня.

Пометы: «Получено 10 июня 1822 года»; «№ 511»; «Слушано июня 10-го дня 1822-го года»; «Ст. 14».

ИЗ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОВЕТА:

Определено: первый пункт донесения г. профессора принять к сведению [. . .]

ЦГАТ, Ф. 977, № 2388, лл. 1—2, с приложением «Росписи вещам, принадлежащим Астрономической обсерватории и принятым мною у г. профессора Лобачевского» (лл. 3—4), которая нами не приводится.

160

Предписание попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого Правлению Казанского университета об уплате денег за книги, приобретенные Н. И. Лобачевским в Петербурге в 1821 г.

23 июня 1822. Петербург

Правлению императорского Казанского университета

Господин министр духовных дел и народного просвещения, вследствие представления моего, изъявил свое согласие, чтобы следующие на уплату

книгопродавцу Грефе за купленные у него для Казанского университета математические и астрономические книги, 880 рублей 20 копеек и за перевоз их в Казань 15-ть рублей, употреблены были из экономических университетских сумм.

Предлагаю о сем Правлению к надлежащему исполнению.

Попечитель Казанского
учебного округа *Михаил Магницкий.*

На бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Департамент народного просвещения. От попечителя Казанского учебного округа. В Санктпетербурге. 23-го июня 1822-го, № 674. Ответ на № 1788».

Пометы: «6 июля»; «№ 2477»; «По жур[налу] 10 июля. Ст. 1».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ 10 ИЮЛЯ 1822

Копия с определения: Предписать кассиру, дабы он г. ординарному профессору Лобачевскому на уплату за книги, купленные им в С. П.бурге у книгопродавца Грефа 880 рублей 20 коп., и за перевоз их в Казань 15 рублей, да на пересылку тех денег по почте 8 р. 80 коп. $^1/_4$ страховых всего 904 р. $^1/_4$ из хозяйственных университетских сумм, с надлежащею роспискою выдал, о самых же книгах, приложив со списка копию, сообщить в университет[ский] Совет на его распоряжение.

С подлинным верно: *Линнеев.*

Пометы: «Предписано кассиру 15 июля № 2477»; «В Совет сообщено № 2478»

ЦГАТ, Ф. 977, № 1593, лл. 8—9.

161

Из письма ректора Казанского университета Г. Б. Никольского к попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому

26 июня 1822

От имени Вашего с душевным удовольствием я имел честь поздравлять г-д Лобачевского, Симонова и Пальмина с производством их в ординарные профессоры, а Баженова и Булыгина в экстраординарные, о чем на прошедшей неделе получено и предложение Ваше [л. 20].

Не могу умолчать пред Вами, что теперь распределение жалованья университетским чиновникам несоразмерно. Так, например, г-да Симонов и Лобачевский, люди холостые, получать будут каждый по 2 000 р. за одну кафедру и по 1 200 р. за другую прибавочную, по 500 р. на квартиру [л. 20].

За нижегородского мещанина из французских военнопленных Матония г-да Симонов и Лобачевский ходатайствуют, не можно ли будет принять его в университет учителем фехтования, ежели он получит увольнение от Нижегородского мещанского общества. Иностранец сей давно и мне известен, как довольно знающий учитель фехтования в частных домах

и как простой человек без дальнего образования. Благоволите ли начать сие дело? [л. 22].

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4019, лл. 20 и 22. Черновое.

162

Из сообщения в печати об утверждении Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова в звании ординарных профессоров

2 июля 1822

Распоряжения по Казанскому учебному округу

Казань

Господином министром духовных дел и народного просвещения, по представлению господина попечителя Казанского учебного округа утверждены: экстраординарные профессоры императорского Казанского университета Пальмин, Лобачевский и Симонов в ординарные профессоры, первый философии, дипломатики и политической экономии, второй чистой математики и физики, а последний астрономии с поручением ему преподавания Теоретической астрономии и кораблевождения.

Прибавление к Казанскому Вестнику, № 26, воскресенье, 2 июля 1822, стр. 197.

163

Выписка из протокола заседания Совета Казанского университета от 17 июня 1822 г. в связи с утверждением Н. И. Лобачевского в звании профессора

12 июля 1822

Выписка из протокола в Совете Казанского университета, июня 17 дня сего года постановленного.

Ст. 4. Господин министр духовных дел и народного просвещения, в следствие представления господина попечителя Казанского учебного округа, 24 маия сего года утвердил экстраординарных профессоров: Пальмина, Лобачевского и Симонова в звании ординарных профессоров, первого философии, дипломатики и политической экономии, второго чистой математики и физики, а последнего астрономии, с поручением ему преподавания практической астрономии и кораблевождения, равным образом адъюнктов: Баженова и Булыгина в звании экстраординарных профессоров, первого всеобщей истории, географии и статистики, а последнего истории, географии и статистики российского государства с тем, чтобы прибавка жалованья ординарным профессорам за излишние кафедры была учинена согласно с положением Главного училищ Правления для Казанского университета, а именно: Г. Пальмину (за кафедру философии по 2000 рублей в год, а за кафедру дипломатики и политической экономии по 1200 рублей), профессору Лобачевскому (за кафедру чистой математики по 2000 рублей, а за кафедру физики также по 1200 рублей);

равным образом и профессору Симонову (за кафедру теоретической астрономии по 2000 рублей, а за кафедру практической астрономии и кораблевождения по 1200 рублей из штатных сумм Университета); экстраординарным же профессорам Баженову и Булыгину на основании университетского устава, к адъюнктскому жалованью по 400 рублей в год из экономических сумм с того же 24 мая сего года. Секретарь Совета Михаил Пальмин.

Отделение физико-
математических наук.

На бланке Совета Казанского университета от 12 июля 1822, за № 1275.

Пометы: «Получено июля 22 ч[исла] 1822-го г.»; «Слушано 17 августа 1822 года, статья 1»; «Определено: принять к сведению».

ЦГАТ, Ф. 977, № 11, л. 1.

164

Донесение Физико-математического отделения Казанского университета в Совет университета о приобретенных Н. И. Лобачевским в Петербурге книгах

15 июля 1822

В Совет императорского Казанского университета.

Г. декан Физико-математического отделения, экстраординарный профессор Лобачевский, с соизволения его превосходительства г. попечителя, в бытность свою в С. Петербурге, купил математических и астрономических книг в лавке книгопродавца Грефа на 880 рублей 20 коп[еек].

Книгам сим представлен г. Лобачевским список, копия с которого для надлежащего распоряжения в Совет университета при сем препровождается.

Василий Тимьянский.

Секретарь Осип Юферов.

На бланке: «М. д. д. и н. п. Департамент народного просвещения. Императорского Казанского университета Правление. Стол хозяйственный. Казань, 15-го июля 1822, № 2478».

Пометы: «№ 743»; «20 июля 1822 года»; «Слушано 29 июля 1822 года»; «ст. 12».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА:

Определено: Дать выписки г. профессору Лобачевскому и г. библиотекарю профессору Фуксу, чтобы первый сдал, а последний принял в университетскую библиотеку означенные в списке книги, исключая тех, которые надписаны для Обсерватории и именно: под № 51, 52, 53, 54 и 55-м, о принятии коих и о внесении в список обсерватории по принадлежности дать выписку г. профессору Симонову.

Помета: «от 12 августа гг. Лобачевскому № 1763; Фуксу № 1764; Симонову № 1765-й».

ЦГА ", Ф. 977, св. 59, № 2424, л. 1; на лл. 2—3 приложен писанный рукою Н. И. Лобачевского «Список книгам, купленным профессором Лобачевским в С. Петербурге от книгопродавца Грефа. А. Для Университетской библиотеки, В. Для Обсерватории». В конце списка помета рукою Н. И. Лобачевского: «На подлинном подписал профессор Николай Лобачевский. Верно: Секретарь Осип Юферов». Донесение ректора К. Ф. Фукса Совету университета о принятии книг в библиотеку университета помечено 10 июля 1823 г. (там же, л. 4).

165

Из донесения директора Казанского университета А. П. Владимирского попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому о недовольстве, проявленном И. М. Симоновым и Н. И. Лобачевским его действиями

31 июля 1822

Господин ректор университета [Г. Б. Никольский], сообщив мне для прочтения письмо к нему Вашего превосходительства от 10-го числа, произнес заключение, что личное мое обращение с членами Университета всем и каждому обидно, выставя в числе наиболее недовольных гг. профессоров Симонова и Лобачевского. Господин инспектор студентов [Ф. П. Барсов], сидевший тут-же, подтвердил сие рассуждение г. ректора.

Смертельно пораженный с двух сторон, я одну предоставил божию произволению, ибо пропасть, ископанная между Вашим превосходительством и директором университета — отсюда уровнять уже не может. Другую, не менее болящую, — поелику показаны оскорбленными от меня такие лица, коих я открыто уважаю и люблю, — расположился я уврачевать публичным испрошением христианского прощения у каждого мною обиженного, не мыслив никогда и никого обидеть [. . .]

Окончив предметы общего присутствия, я, встав с своего места, предложил дошедшее до меня сведение от неизвестного, что сословие оскорбляется личным моим обхождением с чиновниками и что я намерен в сем собрании у всякого оскорбленного просить прощения.

Вопрошаю каждого: все отрицаются [. . .] Воспользовавшись признанием г. ректора [Г. Б. Никольского], я обратился к гг. профессорам Симонову и Лобачевскому: они более всех подтвердили несогласие свое с рассуждением г. ректора.

Загоскин. История, IV, стр. 304—305, где рассказан весь эпизод с увольнением А. П. Владимирского от должности директора университета.

166

Резолюция попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого на представление Правления Казанского университета от 10 августа 1822 г. о неудобстве совмещения Н. И. Лобачевским обязанностей члена Строительного комитета с званием декана Физико-математического отделения

Около 10 августа 1822

Я полагаю, что профессор Лобачевский весьма полезен может быть в Строительном Комитете, и я бы желал, чтобы он остался навсегда членом оного.

Васильев, РБС, стр. 538; В. В. Егерев. Н. И. Лобачевский как строитель — в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Государственном университете имени В. И. Ульянова-Ленина», том XXXIII, вып. 2—3, Казань, 1926, стр. II (из дела попечителя Казанского учебного округа, 1820 г., № 145).

167

Из предложения декана Физико-математического отделения Казанского университета И. М. Симонова преподавателям Отделения о доставлении сведений о лекциях в 1822—1823 академическом году и ответ на это предложение Н. И. Лобачевского

17 августа 1822

Благоволят господа преподаватели Физико-математического факультета означить под сим, что будут проходить в нынешнем академическом году на своих лекциях и по каким авторам, дабы из оного составить общий каталог и представить в Совет к 1-му числу сентября сего 1822 года. *Декан профессор Симонов.* [...]

Профессор Николай Лобачевский будет читать в сем году: 1-ое из чистой математики: кратко начала геометрии по Лежандру, потом аналитическую и начертательную геометрию по сочинениям Монжа; прямолинейную и сферическую тригонометрию, дифференциальное и интегральное и применение сего вычисления в геометрии и механике. 2-ое из физики: расширение тел от теплоты, о свойствах тел воздухообразных и попутно, об упругости, давлении паров, акустику, о свете, магните и теплоте. [. . .]

ЦГАТ, Ф., 977, № 4, л. 2.

168

Из постановления Физико-математического отделения Казанского университета в Совет университета о лекциях, предположенных к чтению преподавателями Отделения в 1822—1823 академическом году

После 17 августа 1822

В Совет Казанского университета

Отделение физико-математических наук в заседании своем августа 17 числа сего 1822 года определило донести Совету, что в нынешнем академическом году будут проходить гг. члены сего факультета следующее: [далее даны тексты ответов профессоров, в том числе и Н. И. Лобачевского].

Сентября дня
1822 года,
№ 11.

ЦГАТ, Ф. 977, № 4, л. 1. Отпуск.

169

Прошение Н. И. Лобачевского в Правление Казанского университета об освобождении нанятого им дома от казенного постоя

21 августа 1822

В Правление императорского Казанского университета

Профессора Николая Лобачевского

Прошение

Нанял я обще с моим братом адъюнктом Лобачевским под квартиру дом титулярного советника Василья Иванова сына Новикова, состоящий в 1-й части 1-го квартала[1] под № 608, то прошу покорнейше Правление по силе § 12 Грамоты всемилостивейше пожалованной Казанскому университету требовать от кого следует, освободить на год упомянутой дом Новикова от казенного постоя. Профессор Николай Лобачевский.

1822 года
Августа 21 дня

Пометы: «21 августа»; «№ 2421»; «по жур[налу] 21 августа 1822, ст. 9».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ:

Копия с определения. Предоставить г-у директору Университета отнестись к г-ну управляющему Казанскою губернией, дабы благоволил сделать распоряжение об освобождении квартиры гг. профессора и адъюнкта Лобачевских на основании § 12 Грамоты, всемилостивейше дарованной Казанскому университету. На подлинном подписали гг. присудствующие и скреплено секретарем. *Сверял Котицкий.*

Помета: «Исполнено 12 сентября № 3130».

ЦГАТ, Ф. 977, № 1698, л. 1.

170

Из письма попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого к ректору Казанского университета Г. Б. Никольскому

10 сентября 1822. Петербург

Весьма бы хорошо было, ежели бы и впредь каждый профессор хоть одну хорошую пьесу послал в Издательный комитет каждый год; в книжке от марта отмечена для пр. Лобачевского предложенная Парижскою Академиею к 1824 году задача.[2] Я бы очень желал, чтобы он для себя и для чести университета потрудился над нею. Он же хочет славы и наши соб-

---

[1] 1-го квартала *вписано другой рукой.*

[2] В указанной книжке «Казанского Вестника» нет сведений об этой задаче; нет их и в других книжках этого журнала за 1822 год. — *Л. М.*

ственные Академии почитает не довольно знающими для суждения о трудах его. Вот ему и слава и судьи! А откажется — урок смирения.

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4841, л. 24 и 24 об. Копия.

171

Отношение Н. И. Лобачевского в Правление Казанского университета о выдаче ему дене на починку инструментов Физического кабинета
18 сентября 1822

В Правление Казанского университета

Испрашивал я у Правления выдать мне денег для починки инструментов и для сделания некоторых новых, на что от Правления было постановлено, по неимению тогда денег на лицо, выдать мне оные, когда поступят по окончании трети. Теперь, когда деньги должны уже быть приняты, снова обращаюсь я к Правлению с просьбою приказать выдать мне все деньги, которые на сию треть приняты в сумму на содержание Физического кабинета. Профессор Николай Лобачевский.

На бланке, писанном рукою Н. И. Лобачевского: «М. д. д. и н. п. Департамент народного просвещения. Казанский университет. Профессора Лобачевского. Об отпуске ему денег из суммы на содержание Физического кабинета. Казань. 1822 года. Авг[уста] 18 дня».

Пометы: «Получено 18 сентября 1822 года»; «№ 3564»; «по жур[налу] 18 сент[ября] ст. 30».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ:

Копия с определения. О выдаче г. Лобачевскому полученных на сентябрьскую сего года треть денег на содержание Физического кабинета 166 рублей 66 ко[пеек] предписать кассиру.

Помета: «Предписа[но] 28 сент[ября]; № 3389».

ЦГАТ, Ф. 977, № 1503, л. 5.

172

Отношение Казанского вице-губернатора А. Я. Жмакина директору Казанского университета А. П. Владимирскому об освобождении нанятого Н. И. Лобачевским дома от казенного постоя
22 сентября 1822

Императорского Казанского университета господину директору Владимирскому.

Вследствие отношения Вашего высокородия от 7-го сентября, об освобождении нанятого профессором и адъюнктом университета Лобашевскими, от казенного постоя дома Новикова, я предложил квартирной Комиссии сделать надлежащее распоряжение и об оном Вас уведомить. О чем Ваше высокородие имею честь уведомить.

Казанский вице-губернатор *Жмакин.*

На бланке: «Управляющего губернией. № 5357, сентября 22 дня 1822 года. Ответ на № 3130-й».

Пометы: «№ 3622»; «Получено 23 сентября 1822 года», «По жур[налу] 25 сент[ября] 1822, ст. 3». «Определено: Принять к сведению. *Верно Котицкий*».

ЦГАТ, Ф. 977, № 1698, л. 2.

173

Из письма ректора Казанского университета Г. Б. Никольского попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому

9 октября 1822

Г. Лобачевский принимает решение одной задачи, предложенной Парижскою Академиею.

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета № 4019, л. 26. Черновое.

174

Из письма попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого ректору Казанского университета Г. Б. Никольскому

24 октября 1822. Петербург

Радуюсь, что Лоб[ачевский] взялся решить задачу. Что нибудь одно выйдет, или решит и будет честь, или не решит и научится смирению.

Помета Г. Б. Никольского: «Получено 8 ноября».

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4777/5, л. 11 об.

175

Выписка из протокола заседания Совета Казанского университета от 20 октября 1822 года относительно выписки нужных книг для Отделений университета

4 ноября 1822

Выписка из протокола Октября 20 дня сего года постановленного.

Ст. 10. Слушано предложение господина попечителя Казанского учебного округа от 10 октября за № 1078 о том, что, усматривая из мемории Совета за июль месяц, что преподаватели физико-математического факультета затрудняются представить историческое обозрение нынешнего состояния тем, что не имеют всех журналов, которые бы могли их знакомить с успехами наук и что на выписку оных составляются списки, его превосходительство предложил Совету сделать распоряжение, чтобы сведения сии доставлены были к нему поспешнее. Определено: дать выписки Отделениям, дабы они благоволили в непродолжительном времени доставить Совету списки тех журналов, которые сочтут нужными для нынешней истории наук. *Секретарь Совета Михаил Пальмин*.

Отделению физико-
математических наук.

На бланке: «М. д. д. и н. п. Департамент народного просвещения. Императорского Казанского университета Совет. Казань. Ноября 4 дня 1822. № 2617».

Пометы: «Получено 7 числа ноября 1822 года»; «Слушано 19 числа ноября 1822 г. статья 2» и «Определено: донести Совету, что таковой список книг и журналов, составленный в сем Отделении, представлен уже в оный мая 23 дня сего года за № 10».

ЦГАТ, Ф. 977, Физ.-мат. отд., № 6, л. 17 (Список книг, составленный Н. И. Лобачевским, находится на лл. 4—5; нами не приводится.)

176

Из сообщения в печати о деятельности Н. И. Лобачевского с 5 июля 1821 по 5 июля 1822 г.

Сентябрь — ноябрь 1822

Членами Строительного университетского комитета избраны: ректор университета, ординарный профессор Никольский, декан Отделения физико-математических наук профессор Лобачевский и бессменный заседатель профессор Тимьянский [сентябрь, стр. 29].

Совет рассмотрел [...] 8) ученые труды и заслуги экстраординарных профессоров: Симонова, Лобачевского и Пальмина, и в следствие сего избрал первого ординарным профессором теоретической астрономии и препоручил ему наставление в практической астрономии и кораблевождении, второго чистой математики, с поручением сверх того преподавания физики, третьего философии, дипломатики и политической экономии [октябрь, стр. 82—83].

В сословии университета произошли следующие перемены:

1) Деканами Отделений на сей академический год избраны и утверждены были: Врачебного ординарный профессор Фукс, Словесного ординарный профессор Городчанинов; Физико-математического экстраординарный профессор Лобачевский, Нравственно-политического экстраординарный профессор Пальмин.

2) Членами Училищного комитета ординарный профессор Городчанинов, экстраординарные профессоры Лобачевский и Тимьянский и адъюнкты: Баженов, Лобачевский и Карейша [ноябрь, стр. 130].

11) Экстраординарные профессоры: Михаил Пальмин, Николай Лобачевский и Иван Симонов 24-го маия сего года утверждены ординарными профессорами, первый философии, дипломатики и политической экономии, второй чистой математики и физики, третий теоретической астрономии с поручением ему и кафедры практической астрономии и кораблевождения [ноябрь, стр. 132].

«Краткая историческая записка по Казанскому университету и его учебному округу за академический год с 5 июля 1821 по 5-е июля 1822 года, читанная в торжественном собрании 5 июля 1822 года ректором сего университета и кавалером Григорием Никольским» — Казанский Вестник, 1822, сентябрь, стр. 29 (из пункта 5 распоряжений по хозяйственной части); октябрь, стр. 82—83 (из II раздела «Примечательнейшие занятия. *А Университетского Совета*»); ноябрь, стр. 130 и 132 (из раздела IV «Перемены в учебном сословии А.»)

177

Из письма ректора Казанского университета Г. Б. Никольского к попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому
7 декабря 1822

В прошедшую субботу 2 декабря в собрании Совета г. адъюнкт Лобачевский подал просьбу об увольнении его из Университета вовсе для определения к другим делам. По прочтении сей просьб[ы], г. Симонов дал голос такой силы, что г. Лобачевского по его ученым достоинствам и по надобности в профессоре технологии просить должно, чтобы остался в Университете. Я нужным почел узнать от брата его г. профессора Лобачевского, с его согласия г. адъюнкт Лобачевский оставляет Университет, или сам по себе? Г. профессор Лобачевский отвечал мне, что брат его в зрелых летах и имеет свой разум,[1] что он в Университете много потерял (ибо товарищи его уже ординарными профессорами) и что Университет не может вознаградить его за сии потери. Такого рода вопрос сделан мною г. профессору Лобачевскому потому более, что за несколько месяцов пред сим я слышал от него следующее мнение: «хотя и удостоили меня звания ординарного профессора и дали мне жалованье, какое едва ли в другом месте получу, но ежели брат мой не будет произведен в профессоры, то я принужден буду оставить Университет: потому что у меня один только брат, которого я люблю как брата и[2] друга». Итак, ежели сия просьба подана по общему их совещанию, то она может иметь следующий смысл: или возведите г. адъюнкта Лобачевского на степень профессора, или оба г-на Лобачевские выдут из Университета. Вспомнивши разговор мой с г. пр. Лобачевским, обратился я к г. Симонову с вопросом, каким образом полагал бы он удержать г. адъюнкта Лобачевского? На сие г. Симонов изъяснился: что ежели г. Лобачевский возведен будет на следующую степень, то может быть останется в Университете. А на вопрос мой, с чего и кому начать сие дело? (ибо по просьбе об увольнении производить в академические достоинства не следует) по общем совещании большая часть членов Совета попала на следующую мысль: довести сие частно до сведения Вашего и во ожидании о оставлении просьбы в дело не вводить и ежели не будет Вашего соизволения удостоить г. адъюнкта Лобачевского следующей ученой степени экстраординарного или ординарного профессора, то по просьбе его уволить. А ежели последует Ваше благоволение на его возвышение, то начать сие дело г. Симонову как декану физико-математического факультета, к которому г. адъ. Лобачевский принадлежит. Неоднократно напоминал я обоим г-м Лобачевским, чтобы младший, согласно его обещанию, сделал подробное описание его путешествия и всех минералов, из Пермской губернии им присланных в Университет, что это есть самый лучший и прямой способ к его оправданию и

---

[1] *Далее зачеркнуто:* потом прибавил

[2] брата и *вписано.*

может быть повышению. Но всегда слышал следующий отзыв от г. адъюнкта Лобачевского: «что хотя его путешествие по Пермским заводам было труднее, нежели г. Симонова, но г. Симонов получил всё, а он ничего. Ежели путешествие его признано потерею времени и денег, то всякое описание оного не будет уважено».[1] Конечно он человек ученый и весьма образованный в технологических, химических, физических и частию в математических и словесных науках, не притворщик и не лицемер, кажется таким, каков есть, да и только. Вот, достопочтеннейший Наставник! прямое изложение дела. Г. адъюнкт Лобачевский Вам совершенно известен. Благоволите удостоить начальственного Вашего наставления, как поступить в сем случае. На 3-й день спрашивал я г-д Симонова и Лобачевского, не отменил ли г. адъюнкт Лобачевский своего намерения вытти из Университета. Они отвечали, что он решился уже вытти [лл. 40—40 об.].

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4019, лл. 40—40 об. Черновое.

178

Доношение Физико-математического отделения Казанского университета в Совет университета о книгах, необходимых к приобретению для Отделения

17 марта 1823

В Совет им[ператорского] Каз[анского] университета
Физико-математического Отделения

Отделение рассуждало в заседании своем марта 17 дня сего года о книгах, и в особенности журналах, которые надобно выписывать, чтоб преподаватели физико-математических наук могли следовать за усовершенствованиями и открытиями, и постановило представить Совету список книг, который здесь и прилагается. Часть сих книг находится уже в руках г. проф. Лобачевского, который их рассмотрел вместе с некоторыми другими членами Отделения; почему Отделение, уважая причины, заставляющие г. Лобачевского желать, чтоб оные книги были куплены для университетской библиотеки, просит Совет представить г-ну попечителю для скорейшей выдачи ему денег, а равно ходатайствовать выписать и остальные книги сколько можно поспешнее. Журналы, назначенные здесь, почитает Отделение за нужное заметить Совету, должны быть выписываемы по мере, как они будут выходить в свет.

№ 4
Марта 17, 1823 года.

ЦГАТ, Ф. 977, Физ-мат. отд., № 6, л. 20. Отпуск. Список книг состоит из 63 номеров и не воспроизводится нами.

---

[1] *Далее зачеркнуто:* Г-а Лобачевский и Симонов почти завоевали степени ординарных профессоров. А теперь, как по делу видно, и г. адъюнкт Лобачевский ту же степень хочет взять как город приступом.

179

Официальное письмо попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого ректору Казанского университета Г. Б. Никольскому
17 апреля 1823. Петербург

Милостивый государь мой Григорий Борисович!

Прилагая у сего примечания на конспект г. ординарного профессора Лобачевского сделанные, я прошу Вас, милостивый государь мой, сообщить ему оные приватно с тем, чтобы дал отзыв, согласится ли он переменить расположение его преподаваний, или представит на примечания сии возражения, которые ежели будут к Вам доставлены, препроводить ко мне приватно же.

С отличным почтением имею честь быть Вашим
Милостивый государь мой
покорнейшим слугою

Михаил Магницкий.

17 апреля 1823.
С. Петербург.
Его Высокор-ию
Г. Б. Никольскому.

Помета Г. Б. Никольского: «Получено 10 мая 1823 года».
Пометы: «№ 11»; карандашом: «неважно».

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета. № 4777/7, л. 13.

180

Представление профессоров Н. И. Лобачевского и В. И. Тимьянского в Совет Казанского университета о приеме и сдаче предметов, принадлежащих кабинетам университета в связи с отъездом В. И. Тимьянского в экспедицию
12 мая 1823

В Совет Казанского университета

Сим честь имеем донести, что первым из нас по прилагаемым описям вещи, бывшие у него на руках, сданы, а последним приняты. *Профессор Тимьянский, проф. Н. Лобачевский.*

На рукописном бланке рукою В. Тимьянского: «М. д. д. и н. п. д. н. п. Императорского Казанского университета от профессоров Тимьянского и Лобачевского. Маия 12 дня 1823 года. Казань. Прилагаются 18 сдаточных ведомостей».

Пометы Г. Б. Никольского: «Получено 12 мая 1823 года»; «№ 361»; «Слушано мая 12-го дня 1823 года»; «Мая 12 № 938»; рукою Г. Б. Никольского: «Определено: О приеме г. пр. Лобачевским вещей, бывших на руках у проф. Тимианского по 18-ти описям сообщить в Правление». Рукою Н. И. Лобачевского: «Сии 18 описей получил Лобачевский».

ЦГАТ, Ф. 977, св. 66, № 2707, л. 2.

181

Из определения Совета Казанского университета 1 мая 1823 г. по прошению И. М. Симонова об увольнении его и студента А. С. Гринама в С.-Петербург и о сдаче Симоновым имущества Астрономической обсерватории Н. И. Лобачевскому

12 мая 1823

Определено: уволить сих просителей, о выдаче им паспортов отнестись в Правление университета, для повторения же студентам лекций г. профессора Симонова прикомандировать кандидата Токарева, обсерваторию поручить г. профессору Лобачевскому, а о сдаче и принятии коей по отнятию дать выписки гг-м профессорам Симонову и Лобачевскому, а Токареву предписание.

12 мая
№ 935.

ЦГАТ, Ф. 977 (1683), № 2710, л. 1.

182

Донесение И. М. Симонова и Н. И. Лобачевского в Совет Казанского университета о сдаче первым и приеме вторым имущества Астрономической обсерватории университета

12 мая 1823

В Совет императорского Казанского университета

Имеем честь донести Совету, что по приложенным при сем *материальным книгам* и *каталогу* все инструменты и книги, находящиеся на Астрономической обсерватории первым сданы, а последним приняты. Равным образом и деньги обсерватории *сто пятьдесят шесть рублей восемьдесят четыре с четвертью копейки.*

Профессор *Иван Симонов*
Николай Лобачевский.

На бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Департамент народного просвещения. Казанский учебный округ. О сдаче и приеме Астрономической обсерватории с ее принадлежностями. В Казани. Мая 12-го дня 1823. От профессоров Казанского университета Симонова и Лобачевского».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА:

Определено: О сдаче г. профессором Симоновым всех инструментов и книг, принадлежащих обсерватории, г. профессору Лобачевскому, сообщить в Правление.

Пометы: «Получено 12 мая 1823 года»; «№ 359»; «Слушано маия 12 дня 1823 года» «мая 12-го № 936».

ЦГАТ, Ф. 977 (1683), № 2710, л. 4; текст донесения писан рукою И. М. Симонова; с приложением «Книги, данной из Правления Казанского университета г-ну профессору Литтрову на записку материальных вещей, принадлежащих Астрономической обсерватории 1815-го года» (лл. 1—2), текст которой здесь не приводится.

183

Отношение Казанского гражданского губернатора П. А. Нилова в Правление Казанского университета по вопросу об освобождении нанятого Н. И. Лобачевским дома от казенного постоя
24 мая 1823

В Правление императорского Казанского университета.

Бывший оного Университета директор г. Владимирский в 1822-м году отношением от 7-го сентября просил меня сделать распоряжение об освобождении квартиры гг. профессора и адъюнкта Лобачевских от казенного постоя. В следствие чего предложено было мною квартирной Комиссии сообразить требование г. директора с существующими узаконениями и буде оно подлежать будет уважению, то исполнение его сделала бы надлежащее распоряжение. На сие предложение, какое получено мною донесение от квартирной Комиссии, с оного имею честь препроводить при сем копию в Правление университета.

Гражданский губернатор *П. Нилов.*

На бланке: «Казанского гражданского губернатора. № 3151. Маия 24-го дня 1823 года».

Пометы: «1077. Получено 29 маия 1823 года»; «По журн[алу] июня 4. Стат[ья] 11. 1823 года».

ЦГАТ, Ф. 977, № 1698, л. 4.

184

Определение Правления Казанского университета по делу об освобождении нанятого Н. И. Лобачевским дома от казенного постоя
4 июня 1823

Отношение Казанского гражданского губернатора от 24-го маия за № 3151-м о том, что вследствие отношения бывшего директора Университета Владимирского, от 7-го сентября 1822 года, об освобождении квартиры гг. профессора и адъюнкта Лобачевских от казенного постоя, предложено было его превосходительством квартирной Комиссии для надлежащего распоряжения. Посему квартирная Комиссия, рапортом от 30-го сентября за № 596-м, испрашивала разрешения, в согласность 12 пункта жалованной Казанскому университету грамоты и в неотягощение других жителей, повелеть освобождать в нанимаемых профессорами домах то только число покоев, какое положено отводить высочайше конфирмованным 1808 года июня 26-го дня положением воинским штабам и обер-офицерам; каковой рапорт в списке и препровождается. Приказали: Копию с рапорта Казанской квартирной Комиссии представить г-ну попечителю на начальственное его превосходительства благоусмотрение. С подлинным постановлением читал *Котицкий.*

Пометы: «По журн[алу] июня 4. Ст[атья] 11»; «Испо[лнено] 16-го июня за № 2188».

ЦГАТ, Ф. 977, № 1698, л. 3; с приложением «Списка с рапорта Казанской квартирной Комиссии к господину Управляющему губерниею Казанскому г. вице-губернатору, от 30-го сентября [1822], за № 596-м» (лл. 5—6), текст которого нами не приводится.

185

Из отношения попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого министру духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицыну о вознаграждении Н. И. Лобачевского за дополнительное преподавание физики

15 июня 1823. Петербург

При сем случае испрашиваю распоряжения Вашего сиятельства: [...]

4-е) Дозволить г-ну профессору Лобачевскому, который в отсутствие Купфера будет преподавать по прежнему физику, вознаграждение за сии особые его труды по 1200 рублей из сумм от неполного числа университетских чиновников. о чем на сие недостатка быть не может.

ЦГАТ, Ф. 92, 1820 г., № 247, лл. 58—58 об. Отпуск, датированный 15 июня 1823, № 723.

186

Из черновых заметок и материалов директора Казанского университета Г. Б. Никольского для его писем к попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому

18 июня 1823

18 Июня в ☽ 1) Благодарение за ходатайство в директоры и о принятии присяги на сие звание 13 июня в ♂

2) С приложением краткой геометрии г. про[фессора] Лобачевского на благоусмотрение, а требуемые от него объяснения на конспект скоро представлены будут.

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4019, л. 46а об. Черновое.

187

Из предписания министра духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицына попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому о вознаграждении Н. И. Лобачевского за дополнительное преподавание физики

25 июня 1823

Господину попечителю Казанского учебного округа.

Вследствие представления Вашего превосходительства от 15 сего июня, я согласен [...] на производство профессору Лобачевскому, который в отсутствие Купфера будет преподавать физику, за сей предмет по тысяче двести рублей из сумм, остающихся от неполного числа университетских чиновников.

ЦГАТ, Ф. 92, 1820, № 247, л. 66.

188

Из сообщения в печати об утверждении Н. И. Лобачевского деканом Физико-математического отделения

Июнь 1823

Господином министром духовных дел и народного просвещения, по представлению господина попечителя Казанского учебного округа, избран-

ные Советом императорского Казанского университета на Академический 1823—1824 год деканами Отделений: ординарные профессоры: Нравственно-политического г. Городчанинов, Физико-математического Н. Лобачевский, Словесного Эрдман, членами Училищного комитета: Н. Лобачевский, экстраординарные профессоры: И. Дунаев, В. Булыгин, В. Баженов, И. Ерохов и адъюнкт Васильев, утверждены в сих званиях.

«Начальственные распоряжения» — Казанский Вестник, 1823, июнь, стр. 58—59.

189

Официальное письмо попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого академику Н. И. Фусу с препровождением рукописи учебника геометрии Н. И. Лобачевского для отзыва

31 июля 1823

Милостивый государь мой
Николай Иванович!

Один из наставников Казанского округа написал курс геометрии, представил его ко мне и просит дозволения напечатать оный на казенный счет как учебную книгу.

Препровождая у сего означенную геометрию, я покорнейше прошу Ваше превосходительство сказать мне об ней Ваше мнение предварительно.[1]

С совер[шенным] почт[ением] имею честь быть
Вашего превосходительства
покорнейший слуга
М. Магницкий.

№ 912.
31 июля 1823.
Его пре-у Н. И.
Фусу

Геометрический кабинет им. Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 9, л. 5. В деле Канцелярии попечителя Казанского учебного округа 1823, № 12, «Об издании книг». Отпуск.

190

Письмо академика Н. И. Фуса попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому с отзывом об учебнике геометрии Н. И. Лобачевского

3 августа 1823

Милостивый государь мой
Михаил Леонтьевич!

Сочинение, присланное мне при почтеннейшем отношении Вашего превосходительства от 31-го июля, за № 912, под заглавием: *Геометрия*,

[1] *Было:* мнение для представления оного господину министру духовных дел и народного просвещения.

содержит в себе разные геометрические рассуждения и исследования, которые под сим или другим подобным названием, по надлежащем выправлении ошибочного и выпущении бесполезного или уже известного, могли бы быть представляемы Вашему превосходительству. Но сочинение сие не есть геометрия или полное и систематическое изложение всей науки; и если сочинитель думает, что она может служить учебною книгою, то он сим доказывает, что он не имеет точного понятия о потребностях учебной книги, то есть о полноте геометрических истин всю систему начального курса науки составляющих, о способе математическом, о необходимости точных и ясных определений всех понятий, о логическом порядке и методическом расположении предметов, о надлежащей постепенности геометрических истин, о неупустительной и по возможности чисто геометрической строгости их доказательств и пр. О всех сих необходимых качествах и следу нет в рассмотренной мною геометрии, в которой, между прочим и то странно, что сочинитель принимает французский метр за единицу, при измерении прямых линий, и сотую часть четверти круга, под именем градуса, за единицу при измерении дуг круга. Известно, что сие разделение выдумано было во время французской революции, когда бешенство нации уничтожать всё прежде бывшее распространилось даже до календаря и деления круга; но сия новина нигде принята не была, и в самой Франции отчасти давно уже оставлена, по причине очевидных неудобств.

Впрочем хотя сочинитель и назвал представленное Вашему превосходительству сочинение *Геометриею*, но едва ли он сам думать может, что он написал учебную книгу сей науки. Главная цель его, по моему мнению, была та, чтоб объяснить некоторые предметы геометрического учения, кои, по причине введенного в оные для сокращения понятия *бесконечно-малого*, казались ему темными. Но при старании избежать употребления сего понятия, случилось ему то самое, что и другим, при подобном намерении случается. Бесконечно-малое явно находится и в его геометрии, но под другим именем и видом. Ибо он из общих формул, посредством способа его найденных для получения истинных и во всех учебных книгах доказанных выражений, бросает члены лишние потому самому, что они, как он говорит, меньше *всякого* числа, т. е. бесконечно малы; а еслиб не были бесконечно малы, то как же мог бы он выпускать сии члены без непростительной погрешности?

При изъясненных мною недостатках сей геометрии и при значительном количестве полных и к употреблению, хотя не все равномерно, но гораздо более годных курсов геометрии на русском языке (из коих я упоминаю только о подлинных Румовского, Осиповского, Гамалеи и Гурьева, и о переведенных: с греческого Эвклидовых начал Суворова и Никитина и Петрушевского, а с французского Безу, Лежандра, Лакроа и пр.) само собою разумеется, что сия геометрия, как учебная книга, нигде принята быть не может, и что оную к напечатанию на казенный счет я рекомендовать никак не могу.

Честь имею быть с истинным почтением и совершенною преданностию
Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Николай Фус.

№ 331.
Августа 3-го дня
1823.

Пометы: «7 августа 1823»; «858».

Геометрический кабинет им. Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 9, лл. 6—7. В деле Канцелярии попечителя Казанского учебного округа, 1823, № 12, «Об издании книг».

Опубликовано: Загоскин. История, IV, стр. 55—56; В. Ф. Каган. Лобачевский, Л.—М., 1944, стр. 79—80, ср.: А. В. Васильев, РБС, стр. 554.

Цитата: А. В. Васильев. Николай Иванович Лобачевский. Речь, произнесенная в торжественном собрании имп. Казанского университета 22 октября 1893 г., Казань, 1894, стр. 17; здесь он ошибочно утверждал, что самая рукопись геометрии утрачена (стр. 18).

Рукопись учебника геометрии Лобачевского впервые опубликована в книге: Н. И. Лобачевский, Геометрия, Казань, 1909, с предисловием А. В. Васильева и с приложением портрета Н. И. Лобачевского.

191

Извещение попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого директору университета Г. Б. Никольскому об отказе печатать рукопись учебника геометрии Н. И. Лобачевскго

9 августа 1823

Г-ну директору университета

Доставленное мне от Казанского университета сочинение под названием Геометрия препровождал я к г-ну академику Фусу, прося его уведомить меня, может ли оно быть напечатано на казенный счет в виде классической книги.

Сообщенное мне по сему предмету мнение г-на Фуса препровождаю у сего, поручая Вам, милостивый государь мой, объявить оное г. профессору Лобачевскому с тем, что сколько ни желал бы я ободрить ученые труды гг. профессоров Казанского университета, но, к сожалению, по изложенным в мнении г. Фуса недостаткам в сочинении г. Лобачевского, не могу приступить к сему. И потому желал бы я, чтобы он или исправил помянутое сочинение, или подал на замечания г. Фуса изъяснение.

Попечитель Каз[анского] учеб[ного] округа М. Магницкий.

Отпуск на рукописном бланке: «М. д. д. и н. п. Департамент народ[ного] просвещ[ения]. От попечителя Каз[анского] учеб[ного] округа. 9 августа 1823, № 978. О геометрии г. Лобачевского сочиненной».

Геометрический кабинет им. Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 9, л. 10. В деле Канцелярии попечителя Казанского учебного округа 1823, № 12 «Об издании книг». Там же на лл. 11—50 вшита и самая рукопись «Геометрии».

Цитировано: Загоскин. История, IV, стр. 56.

192

Сообщение о чтении Н. И. Лобачевским лекций в Казанском университете с 13 августа 1823 по 3 июля 1824 года

Около 13 августа 1823

II

Lectiones Ordinis Physico-Mathematici [...]

II. Nicolaus Lobatschevsky, *Matheseos purae P. P. O.*, *ab aulae Consiliis*, *et hujus facultatis h. t. Decanus* — 1) d. Lunae et Jovis h. X—XII matut. et h. IV—VI pomerid. *Algebram* e schedis. 2) *Geometriam analyticam*, duce Mongé. 3) *calculum differentialem integralemque* juxta tabulas a Hirschio editas. 4) donec A. Kupfer P. P. O. ex itinere redierit, ejus loco *Physices* capita *praecipua* ad filum Biotii tradet [p. 7]

VI. Instituta publica [...]

Apparatum physices et *Observatorium astronomicum* P. P. O. *Nicol. Lobatschevsky* estendet [p. 15].

«Conspectus praelectionum in Universitate Imperiali litterarum Casanensi inde a XIII Aug. A. MDCCCXXIII usgue ad III Jul. A. MDCCCXXIV. Habendarum promulgatus a Senatu Academico», Casani, MDCCCXXIII, p. 7 et 15.

II. В Физико-математическом факультете [...]

2. О. профессор и декан сего Отделения, надворный советник Н. Ив. Лобачевский, по понедельникам и по четвергам 11-й и 12-й ч. утра, и 5-й и 6-й по полудни будет преподавать из чистой математики алгебру, по своим тетрадям, анатомическую геометрию, руководствуясь сочинением Монжа о сем предмете; дифференциальное и интегральное исчисление, по таблицам Гирша.

3. Он же по понедельникам 5 и 6-й ч. по полудни и по средам 11-й и 12-й ч. утра будет, вместо о. профессора А. Купфера, отправленного в Париж, Вену и Лондон для покупки физических инструментов, преподавать основания физики, определение удельной тяжести тел, об электричестве, магните и свете, следуя Биоту, а о последнем предмете в особенности гг. Фреснелю и Пуассону, и акустику, руководствуясь сочинением Хладни.

4. Он же до возвращения о. профессора, надворного советника и о. св. Анны 2-го класса и св. равноапостольного князя Владимира 4-й степени кавалера И. М. Симонова, также отправленного в чужие края для исполнения поручений высшего начальства, будет по средам 5-й и 4-й ч. по полудни читать астрономию, по Exposition du Système du monde, par la Place, а вычисления будет заимствовать из Abrégé d'Astronomie, par de Lambre [стр. 3—4]

VI. Университетские заведения [...]

Кабинет физический и Обсерватория в ведении о. профессора Н. И. Лобачевского [стр. 13].

«Каталог преподаваний в императорском Казанском университете на 1823—1824 академический год», s. l. et a., стр. 3—4 и 13.

193

Из письма директора Казанского университета Г. Б. Никольского к попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому

16 августа 1823

Что-же касается до обсерватории, помещенной в центре сего полуциркуля, то г. архитектор полагал ее на плане не без Совета математика; мысль для нее дал г. Лобачевский. Впрочем это дело впереди. Г. Симонов по возвращении своем лучше укажет для нее место [л. 48 об.].

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4019, л. 48 об. Черновое.

194

Отношение Н. И. Лобачевского как декана Физико-математического отделения в Совет Казанского университета о передаче естественно-исторических кабинетов от Н. И. Лобачевского в ведение профессора Э. И. Эйхвальда

30 августа 1823

В Совет императорского Казанского университета

Отделение честь имеет представить Совету на благоусмотрение, что поелику зоология преподаваема будет г. профессором Эйхвальдом, который принимает на себя и чтение минералогии и ботаники до приезда гг. профессоров по сим частям, а кабинеты для сих предметов поручены для хранения г. профессору Лобачевскому, то Отделение почитает нужным передать кабинеты в ведение г. профессора Эйхвальда для беспрепядственного преподавания Естественной истории. Декан Н. Лобачевский.

Секретарь Отделения адъюнкт Васильев.

На рукописном бланке рукою Н. И. Лобачевского: «М. д. д. и н. п. Департамент народного просвещения. Казанский учебный округ. Казанского университета Отделение физико-математических наук. № 13. Августа 30 дня 1823 года».

Справка: В августе месяце прошедшего 1822 года получено из С. Петербурга в пополнение Минералогического кабинета минеральное собрание, купленное у г-жи Свистуновой, и предписание г. попечителя предоставить поверку сего собрания г. ординарному профессору Фуксу, э. п. Тимьянскому и адъюнкту Лобачевскому с кандидатом Кулаковым. От 22 августа и даны означенным гг. профессорам и адъюнкту выписки о исполнении поручения его превосходительства и о прикомандировании кандидата Кулакова г. инспектору студентов. Дело сие за выбытием из университета г. Лобачевского и за отлучкою г. Тимьянского еще не окончено. Определено: Дать выписки гг. профессорам Лобачевскому и Эйхвальду, чтобы один сдал, а другой принял Ботанический кабинет, что же касается до Минералогического, то отложить передачу до возвращения г. ректора Фукса.

Пометы: «Получено сентября 11 д. 1823»; «№ 675»; «Слушано сентября 22 дня 1823 года»; «32»; «от 9 октября г. профессору Лобачевскому № 2175, Эйхвальду № 2176».

ЦГАТ, Ф. 977, св. 69, № 2843, л. 1.

195

Предписание попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого Правлению Казанского университета по вопросу об освобождении нанятого Н. И. Лобачевским дома от казенного постоя

4 сентября 1823. Петербург

Правлению императорского Казанского университета

На представление Правления университета, от 16 июля, нужным считаю изъяснить, что по силе 12-й статьи грамоты, всемилостивейше дарованной Казанскому университету, те только комнаты частных домов, кои действительно заняты, на основании существующих для сей части правил гг. профессорами, могут быть свободны от постоя, требовать же, что бы весь дом, имеющий комнат более, нежели сколько положено оных для квартиры профессора, был свободен от постоя, было бы не сообразно с городскими повинностями, ибо тогда многие, желая освободиться от постоя, согласились бы, что бы профессоры имели в домах их квартиры.

Попечитель Казанского учебного округа *Михаил Магницкий*.

На бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Департамент народного просвещения. От попечителя Казанского учебного округа. В Санкт-Петербурге. 4 сентября 1823. № 1108. Ответ на № 2191».

Пометы: «№ 325»; «Получено 14 сентября 1823 года»; «По журналу 17-го сентября 1823 года № 2».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ 17 СЕНТЯБРЯ 1823:

Определено: Принять на будущее время настоящее предложение господина попечителя в руководство, а Казанской квартирной Комиссии сообщить, что на основании грамоты всемилостивейше Казанскому университету дарованной комнаты, лично г-ми профессорами занимаемые, освобождаются от постоя и платежа квартирных денег. Подлинное за подписом гг. присутствующих и скрепою секретаря. *Сверял Котицкий.*

Помета: «Испол[нено] 13-го октяб[ря] за № 3955».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ 13 ДЕКАБРЯ 1832:

Докладывано: дело 1822 года августа 21-го дня под № 101-м об освобождении нанятого г. профессором Лобачевским под квартиру дома титулярного советника Новикова от казенного постоя производством совершенно окончено 17-го сентября 1823 года. Приказали: дело сие считать решенным для сдачи в Архив. *Г. Суровцов.*

Помета: «По журналу 13 декабря 1832 года, ст. 7».

ЦГАТ, Ф. 977, № 1698, лл. 7—8.

196

Донесение Н. И. Лобачевского в Совет Казанского университета в связи со сдачей имущества кабинетов Университета

20 октября 1823

В Совет Казанского университета.

Выпискою из журнала Совета за №   дано мне знать, что Советом заключено сдать г-ну профессору Эйхвальду ботаническую часть кабинета

И. Е. Великопольский. С автопортрета 1823 г.
(Оригинал утерян)

естественной истории, находящегося у меня под сохранением. Такое постановление Совета последовало на представление Физико-математического отделения передать Естественной кабинет в ведомство проф. Эйхвальда для споспешествования преподаваниям его. Усматривая из полученной мною выписки, какие причины остановили Совет согласиться на представление Отделения, нахожу следующее донести Совету.

Кроме ботанической части, самой малой всего кабинета Естественной истории, приняты были мною от г-на проф. Тимьянского по описям минералогическая часть кабинета, зоологическая, Нумизматический кабинет и собрание некоторых редкостей, каковой прием и был уже утвержден Советом. Что же касается до Минерального кабинета, купленного у г-жи Свистуновой, то г-н Тимьянский мне его не сдавал, да и сдать не мог, потому что он еще до сих пор не разобран, и всё ли в нем должное есть и в целости — неизвестно.

Посему представляю на усмотрение Совета сделать такого рода распоряжения:

I. Весь кабинет собственно Естественной истории, принятой мною от г-на Тимьянского, приказать принять от меня г. проф. Эйхвальду для беспрепятственного преподавания всех частей Естественной истории.

II. Нумизматической кабинет не угодно ли будет передать в заведывание г-на проф. Ердмана, знающего эту часть и которой, следовательно, может содержать собрание не только в целости, но и в должном порядке; к тому ж г-н Ердман желает и преподавать восточную нумизматику в Университете, как я от него сам слышал. Проф. Никол. Лобачевский.

На рукописном бланке рукою Н. И. Лобачевского: «М. д. д. и н. п. Департамент народного просвещения. Казанский университет. О сдаче кабинета Естественной истории профес. Эйхвальду и Минцкабинета пр. Ердману. Профессора Лобачевского. Казань 1823 года, октября 20».

Пометы: «Получено октября 20-го дня 1823 года»; «Слушано октября 24 дня 1823 года»; «ст. 6».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА:

Определено: Дозволить г. профессору Лобачевскому сдать весь кабинет Естественной истории, принятой им от г. профессора Тимьянского, г. профессору Эйхвальду, а Нумизматический или Минцкабинет г. профессору Эрдману, с тем, чтобы они благоволили, по окончании сей передачи, донести Совету с приложением описей, что именно сдано будет 1-м, а последним принято; о чем и дать им выписки. Верно: письмоводитель Совета *П. Суворов*».

Помета: «от 8 ноября: г. профессору Лобачевскому за № 2569-м, г. Эйхвальду № 2570; г. Эрдману за № 2571-м».

ЦГАТ, Ф. 977, св. 69, № 2843, лл. 2—3.

О сдаче Н. И. Лобачевским «Натурального кабинета» профессору Э. И. Эйхвальду см.: Загоскин. История, IV, стр. 173.

197

Представление председателя Комитета по изданию «Казанского Вестника» Г. Н. Городчанинова директору Казанского университета Г. Б. Никольскому о затруднениях с изданием «Вестника» и с резолюцией Г. Б. Никольского о введении в состав Комитета Н. И. Лобачевского и М. С. Рыбушкина

1 ноября 1823

Императорского Казанского университета господину директору Комитета изданий Казанского Вестника

Представление

За выбытием из редакции Казанского Вестника двух членов гг. Пальмина и Грацинского, за давним отсутствием г. Тимьянского, за продолжительною болезнию г. Булыгина, также и за отлучкою г. Суровцова по визитации, Комитет в течение нескольких месяцев, состоя вместо 7, оный составлявших, только из 2 членов, а именно Городчанинова и Дунаева, крайне затруднялся в действиях своих, отчего и произошло медленное и несвоевременное номеров издание.

Почему Комитет представляя о сем Вашему высокородию, всепокорнейше просит усилить действия оного назначением по крайней мере двух членов на время, т. е. до возвращения г. Тимьянского и до совершенного выздоровления г. Булыгина.

Председатель Комитета *Григорий Городчанинов.*

Резолюция Г. Б. Никольского:

«Предложено Совету 3 ноября, дабы ныне же причислить к Издательному Комитету г. о. профессора Лобачевского и г. адъюнкта Рыбушкина, изъявивших на то согласие, и представить о сем на утверждение г. попечителю. *Г. Никольский*».

Ноября 1 дня
1823 года.

Н. П. Лихачев. Казанский Вестник (история издания и указатель содержания), Книговедение, 18 июня 1894, № 6, стр. 80, приложение № 31 (1); ср. там же, 15 февраля 1894, № 2, стр. 24—25.

198

Из отношения директора Казанского университета Г. Б. Никольского Совету Казанского университета о включении Н. И. Лобачевского и М. С. Рыбушкина в состав Комитета по изданию «Казанского Вестника»

3 ноября 1823

Признавая с моей стороны способными членами в Комитет [по изданию «Казанского Вестника»] г. профессора Лобачевского и г. адъюнкта Рыбушкина, которые изъявили на то свое согласие, честь имею предложить Совету, не благоугодно ли будет ныне же причислить их к Изда-

тельному комитету и представить о сем господину попечителю на утверждение. *Директор университета Григорий Никольский.*

1823 года.
Ноября 3 дня.
Казань.

Пометы: «Получено 3 ноября»; «Слушано ноября 3-го дня 1823-го года».

Помета М. А. Пальмина: «гг. Эрдмана и Эйхвальда причислить».

ЦГАТ, Ф. 977, св. 69, № 2882, л. 1.

199

Из определения Совета Казанского университета по вопросу о введении в состав Издательного комитета Н. И. Лобачевского и М. С. Рыбушкина

3 ноября 1823

Определено: Как Совет не имеет никакого сведения ни о положении Комитета издателей Казанского Вестника, ни о числе членов оного, ни о том, кто избирает и кто утверждает их, так как сей Комитет состоял до этого в непосредственном ведении г. директора Университета, то предварительно истребовать дело о его учреждении, о доставлении коего и дать выписку оному Комитету.

Помета: «От 11 декабря Комитету, № 3163».

ЦГАТ, Ф. 977, св. 69, № 2882, л. 2 об.

200

Стихотворение И. Е. Великопольского, обращенное к Н. И. Лобачевскому

8 ноября 1823

Н. И. Лобачевскому

(обещавшемуся придти ко мне по утру и взявшему с меня слово не пить без него чая)

Всегда-ль ты, милый мой софист,
На обещанья так речист
И вял на исполненья?
Не раз уж гаснул самовар,
Не раз я раздувал в нем жар, —
Но силы нет раздуть терпенье.
Придешь-ли, наконец,
Бездельный мой делец?
И я-ли, как глупец,
В угоду милому лентяю,
Останусь без чаю?

Ноября 8-ого дня 1823. Казань.

ПД, Фонд И. Е. Великопольского, № 32101 — CCXL б. 17 II, л. 12 из сборника его черновых стихотворений «Мои новые стихотворения».

Опубликовано Б. Л. Модзалевским в «Известиях Физико-математического общества при имп. Казанском университете», вторая серия, том XII, № 2, Казань, 1902, стр. 87 и отд. оттиск, Казань, 1902, стр. 2.

201

Представление директора Казанского университета Г. Б. Никольского попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому о введении в состав Издательного комитета Н. И. Лобачевского и М. С. Рыбушкина

28 ноября 1823

Господину попечителю Казанского учебного округа.

Комитет издателей Казанского Вестника, от 1-го ноября сего года, вошел ко мне представлением об усилении действия оного назначением по крайней мере двух членов на время, то есть до возвращения г. Тимьянского и до совершенного выздоровления г. Булыгина: ибо за выбытием из редакции Казанского Вестника двоих членов гг. Пальмина и Грацинского, за давним отсутствием г. Тимьянского, за продолжительною болезнию г. Булыгина, также и за отлучкою г. Суровцова по визитации, Комитет сей, в течение нескольких месяцев состоя вместо 7-ми, оный составляющих, только из 2-х членов, а именно Городчанинова и Дунаева, крайне затруднялся в действиях своих, отчего и произошло медленное и несвоевременное номеров издание. От 3-го ноября сего года, предложив Совету университета о причислении ныне же к Издательному комитету г. о. профессора Лобачевского и г. адъюнкта Рыбушкина, на что они явили согласие, распоряжению сему испрашиваю утверждения Вашего превосходительства.

Г. Никольский.

1823 года
28 ноября

Н. П. Лихачев. Казанский Вестник (история издания и указатель содержания), Книговедение, 18 июня 1894, № 6, стр. 80 и 3 сентября 1894, № 7—8, стр. 81, приложение № 31 (2); ср. там же, 15 февраля 1894, № 2, стр. 24—25.

202

Из письма директора Казанского университета Г. Б. Никольского к попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому

29 ноября 1823

Для познания его характера [профессора Жобара] с сердечным прискорбием я должен рассказать все известные мне случаи, доказывающие неосновательность и неприличие его поведения [...] 3) Недавно г. Лобачевского, больного, едва вставшего с постели, шутя ударил кулаком в брюхо так сильно, что у него подступило под ложку [л. 52].

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4019, л. 52. Черновое.

203

Предписание попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого директору Казанского университета Г. Б. Никольскому об утверждении Н. И. Лобачевского и М. С. Рыбушкина членами Издательного комитета

14 декабря 1823. Петербург

Господину директору императорского Казанского университета.

На представление Ваше от 29-го прошлого ноября об утверждении профессора Лобачевского и адъюнкта Рыбушкина членами Издательного Комитета я согласен.

Попечитель Казанского учебного округа *Михаил Магницкий*.

На бланке: «Министерство духовных дел и народного просвещения. Департамент народного просвещения. От попечителя Казанского учебного округа. В Санктпетербурге 14-го декабря 1823, № 1541. Ответ на № 436».

Помета: «Декабря 26 дня 1823 года».

Н. П. Лихачев. Казанский Вестник (история издания и указатель содержания), Книговедение, 3 сентября 1894, № 7—8, стр. 81, приложение № 31 (3); ср. там же, 15 февраля 1894, № 2, стр. 24—25. ср.: Загоскин. История, IV, стр. 37.

204

Отношение попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого ректору Казанского университета К. Ф. Фуксу в связи с отказом Н. И. Лобачевского от должности секретаря Совета

25 декабря 1823

Г[осподи]ну ректору университета.

До сведения моего дошло, что при избрании секретаря Совета, ординарный профессор Лобачевский изъяснениями своими в уклонении от сей должности вышел из всякой благопристойности и порядка подчиненности.

Я нужным считаю просить Вас, милостивый государь мой, доставить мне подробное описание сему происшествию, что Вами было сделано тогда и почему доселе умолчали Вы о сем, в противность данной Вам инструкции § 2-го, пункта 3-го и § 5-го. Подлинное подписал: попечитель Казанского учебного округа Михаил Магницкий.

ЦГАТ, Ф. 92, 1823 г., № 83, л. 1. Отпуск.
Цитата: Загоскин. История, IV, стр. 81; ср. стр. 379.

205

Стихотворение И. Е. Великопольского, обращенное к Н. И. Лобачевскому

25 декабря 1823

Н. И. Лобачевскому
(приславшему мне при стихах в подарок альбом)

По силе дум —
Камен наперсник,

Невтона кум,
Поэт — наездник
И астроном.
За вирш сплетенье
И твой альбом —
Благодаренье!
Мне нужды нет,
Что скажет свет
О мне потомству:
Я к вероломству
Привык людей.
С душой простою
Когда твоей
Я дружбы стою, —
Почесть себя
Счастливым волен,
И славой я
Моей доволен.

Декабря 25-го 1823-го г. Казань.

ПД, Фонд И. Е. Великопольского, № 32101 — CCXL б. 17 II, л. 13 об., из сборника его черновых стихотворений «Мои новые стихотворения», тетрадь VI.

Опубликовано Б. Л. Модзалевским в «Известиях Физико-математического общества при имп. Казанском университете», вторая серия, том XII, № 2, Казань, 1902, стр. 87—88 и отд. оттиск, Казань, 1902, стр. 2—3.

206

Представление директора Казанского университета Г. Б. Никольского в Совет Казанского университета о награждении Н. И. Лобачевского орденом Владимира 4 степени

28 февраля 1824

В Совет императорского Казанского университета.

От 15-го февраля сего года за № 247-м господин попечитель Казанского учебного округа, препроводив ко мне копию с предписания господина министра духовных дел и народного просвещения от 13-го февраля о пожаловании орденами некоторых чиновников Казанского университета и его учебного округа, предложил уведомить о сем Совет и Правление Казанского университета и возложить ордена на гг. профессоров Лобачевского и Пальмина и директора Казанских училищ Николаева, для коего впрочем орденского знака еще не доставлено, и прочим же пожалованным орденами его превосходительство обещал препроводить знаки оных прямо от себя.

Как сии награждения вышли по представлению его превосходительства за 1821-й год, то, вместе с сим, он уведомил меня, что и прочие пред-

ставления его за 1822-й и 1823 годы внесены уже, по высочайшему повелению в Комитет господ министров.

Препровождая у сего в копии помянутое отношение господина министра духовных дел и народного просвещения от 13-го февраля 1824 года, за № 604-м, в коем поименованы все новопожалованные кавалеры, и с сердечным удовольствием поздравляя Совет императорского Казанского университета с сею монаршею милостию и благоволениям к трудам и заслугам членов оного, обязанностию моею считаю присовокупить, что на г. ординарного профессора, надворного советника Лобачевского возложен уже орден святого Владимира 4-й степени; остальные же два знака сего же ордена, всемилостивейше пожалованные г. Пальмину и Пономареву, представлю обратно к господину попечителю, за отбытием их в город Санкт-Петербург. *Директор Григорий Никольский.*

На бланке директора Казанского университета от 28 февраля 1824 г. за № 128.

Пометы: «№ 205»; «Слушано 1 марта 1824 года»; «Определено: внести сие в послужные списки пожалованных кавалеров»; приложена «копия с копии с предписания господина министра духовных дел и народного просвещения, от 13-го февраля 1824, № 604», в которой значится, «что его императорское величество высочайшим указом 3-го сего февраля, по представлению моему и удостоении Комитета гг. министров, в награду отличных трудов и усердия к службе, Вашим превосходительством засвидетельствованных, нижеследующих чиновников Казанского учебного округа, всемилостивейше соизволил пожаловать кавалерами: *ордена св. Владимира 4 степени* [. . .] ординарных профессоров Пальмина и 7-го класса Лобачевского [. . .] На подлинной подписано. Верно: старший письмоводитель Николай Часовников. С подлинным верно. Исправляющий должность письмоводителя коллежский регистратор *Полянцев.*

ЦГАТ, Ф. 977, № 3054, лл 1—2 и 3—4.

207

Из письма И. Е. Великопольского к Н. И. Лобачевскому

Февраль 1824

Выписки из письма к Лобачевскому

1.

Не получая так долго от меня писем, Вы, верно, иногда думаете: Вот модные люди — на глазах тьма приветствий и обещаний, а за глаза и всё забыто, и в сем расположении ума Вы легко можете как физик.

Систематическим пылая рвеньем
Обогатить в своих мечтах
Свет новым заблужденьем,
Поставя мненьем,
Что наша память — вся в глазах.

2.

Профессора на счет их мненья
С каким то норовом всегда
(Простите дерзость выраженья)
И пред другими иногда,
Желая управлять умами,
И в том стараются стоять,
Чего, боюсь сказать,
Не понимают сами.

3.

Мы все должны граничить мерой
И чтоб от счастья не уйтить
И не назвать его химерой
Должны себя мы приучить
Довольны малым счастьем быть.

ПД, Фонд И. Е. Великопольского, № 32101 — CCXL б. 17 II, лл. 16 — 17 из сборника черновых стихотворений «Мои новые стихотворения», тетрадь VII: датируется по положению в тетради.

Опубликовано Б. Л. Модзалевским (за исключением второго и третьего отрывков, которые печатаются впервые) в «Известиях Физико-математического общества при Казанском университете», вторая серия, том XII, № 2, Казань, 1902, стр. 88 и отд. оттиск, Казань, 1902, стр. 3.

208

Из письма М. Л. Магницкого к И. М. Симонову

3 марта 1824. Петербург

Лобачевский получил крест и, думаю, очень доволен.

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4507, л. 36.

209

Из справки по Департаменту народного просвещения о награждении профессоров Казанского университета орденами

Около 25 марта 1824

11 генваря сего года, по удостоверению Комитета гг. министров награждены: Лобачевский и Пономарев орденами св. Владимира 4 ст., а Баженов орд. св. Анны 3 ст.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, карт. № 391, д. № 15042, 1824 г., л. 7.

210

Представление попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого министру духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицыну о награждении Н. И. Лобачевского и других профессоров подарками

25 марта 1824

Честь имею представить у сего Вашему сиятельству донесение мне директора Казанского университета о таком благоустройстве тамошней

гимназии, в коем никогда она доныне не была; ибо, сверх значительного числа учащихся, успешного обучения предметам, в ней преподаваемым, и примерного надзора за нравственностию, гимназическое начальство отличное заслуживает одобрение за доброе хозяйство, во всей строгости им соблюденное, так, что при наилучшем содержании казенных воспитанников, во всех отношениях, сохранило оно, не усыпным старанием для выгод казны,

штатной суммы	3177 р.	$44^1/_2$ коп.
пенсионерной	11051 р.	$43^1/_4$ коп.
типографской	1813 р.	$13^1/_4$ коп.
а всего	16.050 р.	1 коп.

такую сумму, более которой ежегодно недоставало, в прежнем управлении Казанским округом, на содержание Казанской гимназии.

Отдавая полную справедливость столь похвальным действиям начальства Казанской гимназии, я бы покорнейше просил благосклонного ходатайства вашего сиятельства о награждении подарками: гг. ординарных профессоров: Баженова, Лобачевского и Эрдмана в 1000 р., адъюнктов: Васильева, Кайсарова, Рыбушкина и Грацинского в 500 р. и бывшего директора Казанской гимназии Пономарева, за̀ полезное управление его сим заведением более трех лет, 1000 р. из пенсионерной суммы.

Попечитель Казанского учебного округа Михаил Магницкий.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, карт. № 391, д. № 15042, 1824 г., л. 1.

211

Грамота, выданная Н. И. Лобачевскому на орден Владимира 4 степени

31 марта 1824. Петербург

Божиею милостию мы Александр первый, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему седьмого класса, ординарному профессору Казанского университета, Лобачевскому.

В воздаяние ровностной службы вашей и отличных трудов, по настоящему званию оказанных, министром духовных дел и народного просвещения засвидетельствованных и Комитетом министров одобренных, всемилостивейше пожаловали мы вас указом в 3 день февраля 1824 года, Капитулу данным, кавалером ордена святого Владимира четвертой степени. Грамоту сию во свидетльство подписать, орденскою печатью укрепить и знаки орденские препроводить к вам повелели мы Капитулу Российских императорских орденов.

Дана в Санктпетербурге в 31 день марта 1824 года. Подлинную грамоту подписали: за отсутствием канцелера генерал от инфантерии граф Милорадович. Обер церемониймейстер Кологривов. Орденский казначей

Крыжановский. У подлинной грамоты приложена орденская печать. *Верно: секретарь дворянства [подпись неразборчива].*

№-820.

ЦГИАЛ, Фонд департамента герольдии, д. № 1665 (1837 г.), л. 6 об. Копия.

212

Сообщение в печати о награждении Н. И. Лобачевского орденом Владимира 4 степени

Март 1824

II. Его императорское величество высочайшим указом 3 прош[лого] февраля, по представлению господина министра духовных дел и народного просвещения, к удостоению Комитета гг. министров, в награду отличных трудов и усердия к службе, засвидетельствованных господином попечителем, нижеследующих чиновников Казанского учебного округа всемилостивейше соизволил пожаловать кавалерами: ордена св. Владимира 4 степени [...] ординарных профессоров: Пальмина и 7 класса Лобачевского.

«Начальственные распоряжения» — Казанский Вестник, 1824, март, стр. 128—129.

213

Отзыв К. Ф. Фукса и Н. И. Лобачевского о переводе Ф. И. Эрдмана творения Низами «Магазин тайн» на немецкий язык, согласно поручению Совета Казанского университета, «как знающим немецкий язык»

Март 1824

Рассматривая перевод г. профессора Эрдмана, под названием Nisami's Magasin der Geсheimnisse, нашли, что он не заключает в себе ничего предосудительного в нравственном отношении, хотя во многих баснях, где упоминается об Иисусе Христе, не говорится с должною возвышенностью для сына божия. Но всякий читатель не может забыть при этом, что сочинитель подлинника был неправоверный, почему и простит ему сей недостаток. За то, с другой стороны, христианин с удовольствием увидит здесь, что самые магометане воздают почтение искупителю рода человеческого.

Загоскин. История, IV, стр. 53.

214

Отношение министра духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицына попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому в связи с ходатайством о награждении профессоров подарками

19 апреля 1824

По представлению Вашего превосходительства от 25 минувшего марта, я согласен, чтобы бывшему директору Казанской гимназии Пономареву, за полезное управление его сим заведением более трех лет, выдана была

в награждение тысяча рублей из пенсионерной суммы Казанской гимназии. О награждении же адъюнктов: Васильева, Кайсарова, Рыбушкина и Грацинского подарками, ценою в 500 рублей каждому, сделано мною куда следует представление. Что же касается до награждения подарками же профессоров: Баженова, Лобачевского и Эрдмана, то как они только в нынешнем году получили знаки отличия в воздаяние за отличную их службу, я не могу ходатайствовать о новой для них награде.

Под[линное] под[писал] министр духовных дел и народного просвещения Князь Александр Голицын.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, карт. № 391, д. № 15042, 1824 г., л. 26. Отпуск.

215

Из предложения декана Физико-математического отделения Казанского университета Н. И. Лобачевского преподавателям Отделения о доставлении сведений о лекциях в 1824—1825 академическом году, и ответ на это предложение Н. И. Лобачевского, как преподавателя

Около 30 мая 1824

Гг. директору Университета декану г. Лобачевскому, эк. п. Эйхвальду, эк. п. Дунаеву, ад. Пелатье и Васильеву. — Арх. Пятницкому.

Гг. члены Физико-математического отделения благоволят под сим означить, что́ каждый по своей части будет читать в следующем (1824—1825) академическом году на лекциях, с означением руководствующих сочинений и времени для чтения. *Декан Н. Лобачевский.*

О. профессор Лобачевский будет читать из чистой математики студентам I-го Отделения начала геометрии, плоскую и сферическую[1] тригонометрию по своим тетрадям; II-го Отдел[ения] вычисление[2] приращений, начала дифференциального исчисления по руководству Лакруа; III-го Отделения интегральное и варьяционное исчисление, применение аналитики к геометрии, первые два исчисления по Лакруа, последнее по Монжу.

Из физики будет читать студентам I-го Отделения об общих свойствах тел, расширение тел от теплоты, об упругости тел, об испарении жидкостей; для II-го и III-го Отделений об електричестве, магните, свете и теплоте, следуя в своем преподавании сочинению Биота: Traité complet de Physique, с помощью также и других писателей.

Из астрономии для студентов III-го Отделения физическую астрономию, руководствуясь сочинением Биота: Traité d'astronomie physique.

Обращение писано писарскою рукою; рукою Н. И. Лобачевского только подпись: «Декан Н. Лобачевский». Остальной текст — автограф. Ответы других преподавателей опущены.

ЦГАТ, Ф. 977, Физ.-мат. отд., 1824 г., № 8, л. 3.

---

[1] *Было:* и аналитическую

[2] *Было:* способ

216

Выписка из протокола заседания Физико-математического отделения Казанского университета в связи с предложением декана о лекциях в 1824—1825 академическом году

30 мая 1824

1824 года мая 30 дня в заседании Физико-математического отделения в статье 6 записано:

Читана была общая повестка, посыланная ко всем гг. преподавателям Физико-математического отделения вследствие распоряжения г. декана сего Отделения относительно означения на оной каждыми членами по своей части того, что будет преподавать в наступающем академическом году, и показанием руководствующих сочинений и времени для чтения. В сей повестке показано [далее даны тексты из сообщений каждого преподавателя, в том числе и Н. И. Лобачевского].

Определено: представить сие расписание лекций в Совет университета.

ЦГАТ, Ф. 977. № 8, л. 1.

217

Сообщение о чтении Н. И. Лобачевским лекций в Казанском университете с 18 августа 1824 по 28 июня 1825 г.

Около 18 августа 1824

II

Lectiones Ordinis Physico-Mathematici [...]

II. Nicolaus Lobatschevsky. *Matheseos purae P. P. O. nec non ordinis Physico-Mathematici h. t. Decanus, ab aulae Consiliis* et *Ordinis S. Vladimiri IY cl. Fques* — Stud. I clas. Geometriam, planam et Trigonometriam sphaericam e schedis; Stud. II clas. Geometriam analyticam, calculum differentiarum infinitarum, principia calculi differentialis; Studios. vero III clas. calculum integralem et variationum, ad Geometriam analysi adhibita, ducibus Lacroix et Mongé docebit. Praeterea Stud. I et II clas. Physicen opera Biotii, Petiti et Furieri secuturus tradet; postremo Stud. III clas. Astronomiam sphaericam et theoreticam praeeunte Delambre proponet [p. 5].

VI

Instituta Publica [...]

IV. *Obcervatorium astronomicum P. P. O.* Nicol. Lobatschevsky ostendet [p. 12].

«Index praelectionum in Universitate litterarum caesarea Casanensi inde a XXVIII Aug. A. MDCCCXXIV usque ad XXVIII Jun. A. MDCCCXXV habendarum promulgatus auctoritate Senatus Academici», Casani MDCCCXXIV, p. 5 et 12.

II

Отделение Физико-математических наук [...]

II. Николай Лобачевский, п. о. профессор чистой математики, декан сего Отделения, надворный советник и ордена св. Владимира 4-й степени

кавалер — преподаст: студентам 1-го разряда геометрию, плоскую и сферическую тригонометрию, по своим тетрадям; студентам 2-го разряда аналитическую геометрию, вычисление приращений, дифференциальное и для студентов 3-го разряда интегральное и вариационное исчисление и применение аналитики к геометрии, — первые исчисления по Лакруа, последнее по Монжу. Сверх того для студентов 1-го и 2-го разрядов физику, следуя сочинениям Биота, Пети и Фурье, и, наконец, для студентов 3-го разряда сферическую и теоретическую астрономию, руководствуясь сочинениями Деламбра [стр. 3—4].

Университетские заведения [. . .]

IV. Обсерваторию покажет профессор Лобачевский [стр. 13].

«Расположение лекций и предметов учения в императорском Казанском университете, имеющих начаться с 18 августа сего 1824 года по 28 июня 1825 года, по назначению Совета», Казань, 1824, стр. 3—4 и 13; ср. «Николай Иванович Лобачевский. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Казанского университета 22 октября 1893 г. профессором А. Васильевым», Казань, 1894, стр. 26—27.

218

Конспект Н. И. Лобачевского по преподаванию чистой математики в Казанском университете в 1824—1825 учебном году

Около 18 августа 1824

Обозрение преподавания чистой математики на 1824—1825 год

I. Способ преподавания вообще.

Анализу одолжена математика блистательными ее успехами нынешнего времени. Это превосходное изобретение человеческого ума заключается в том, что здесь все определяется в числах, все качества и соединения выражаются знаками, все отношения представляются уравнениями, откуда наконец берется уже и решение всякого вопроса. Напротив в другом способе, геометрическом, представляют всё в линиях, или поверхностях, или под видом тел, и на чертеже ищут отношения между линий и решения вопроса. Геометрический способ бывает всего чаще вместе и синтезом, то есть составлением: зная истину, продумывают геометрическое строение для ее доказательства. Аналитической способ ведет прямо к открытию истин, в нем всегда одинаковой приступ к решению, самые решения обширны, а уравнения, которые выражают зависимость количеств друг от друга, заключают уже в себе все нужное для полного ответа на вопросы, освобождают от рассмотрения качеств количеств и подчиняют ход задачи действиям всегда одинаковым, прямым, кратким. Главная трудность анализа происходит от обширности и отвлеченности понятий: воображение не останавливается на чем-нибудь единственном, но принуждено обнимать много предметов вдруг; суждение должно принадлежать им всем вместе; избирая же частной случай, можно справедливо опасаться приписать то многим, что исключительно принадлежит одному. Кроме того, еще

невыгода анализа, что помощию его находят одни числа, а следовательно, заключения его должны быть прежде еще истолкованы: числа стать телами, временем или силами природы, знаки показать их качество и зависимость. Такого рода трудности возрастают с обширностию аналитических решений, но они могут быть побеждены искусством преподавания и упражнением, а в особенности большую услугу оказывают примеры частных случаев, выбранные так, чтоб они могли быть образцом для всех других. Как бы то ни было, но как математика возведена на высокую степень, где она теперь находится, единственно анализом и геометрической способ давно уже оказался недостаточным, то необходимо в университетах должно следовать аналитическому и даже в самых началах, чтоб сделать преподавание одинаковым и приучить к нему заранее. Действительно, способность к отвлечениям увеличивается от времени и постепенно непрестанным упражнением. Посему надобно, чтоб поступающие в университет были хорошо приготовлены в первых началах анализа, алгебре, были бы тверды в ее правилах и действиях, тогда можно с ними продолжать следовать тому же способу, и разумется, чем он обширнее, тем он лучше, потому, что обнимает более предметов и сокращает время учения. Последнее обстоятельство весьма важно, потому что студент оканчивает курс в три года, посещая математические лекции один раз в неделю и учившись вместе и всем прочим наукам сего Отделения, а также и многим из других Отделений. Столь малое время для занятий чистой математикой, самой трудной наукой, заставляло меня всегда заботиться доставить студентам различных разрядов возможность посещать лекции одного другому. Кроме того, желательно было бы, чтоб в университете читали аналитическую механику и все применения чистой математики к физическим наукам пространнее, нежели это может сделать профессор чистой математики, дорожа краткостию времени при обширности собственно своей науки.

Анализ предполагает уж сделанным измерение тел, времени, сил, или по крайней мере измерение возможным, а способ к тому известным. Действительно, в анализ входят одни числа, которые представляют меру всякого коликого, а не самые коликие. Итак необходимо должны существовать такие части математики, где нет места анализу. Они должны быть отделены и продолжаться не далее, покуда измерение будет найдено; а там уступить уже превосходству анализа. Строгой разбор в этом отношении сохранит весьма много начала геометрии и механики.

Аналитической способ различается большею и меньшею обширностию. Для преподавания должно всегда предпочитать более общий способ по причинам, которые сами по себе ясны, лишь бы слушатели были приготовлены понимать его. Однакож слишком обширной анализ не без выгод, именно с ним представляется всегда затруднительное применение к частным случаям; наконец, для малого дела не надобно, так сказать, поднимать тяжелого орудия. Простейшие, обыкновенные случаи, думаю должны быть рассмотрены особо по способам стольже простым, как они сами, что

будет служить вместе приготовлением к дальнейшему и для показания согласия во всех вычислениях математики. Даже иногда несправедливо. нарушая порядок в предметах, оставлять что-нибудь для высшего анализа, чтобы могло и более в своем месте быть сделано при средствах менее затруднительных, более очевидных, хотя бы и более пространных.

Анализ разделяют на высший и начальной (élémentaire). Первой требует пособия дифференциального исчисления, последний одних алгебрагических действий и может быть посему назван алгебрагическим анализом, какое название и дано ему г-м Коши (Cours d'analyse algébrique par Cauchy), разумея под алгеброй ту часть аналитики, куда не входит дифференциальное исчисление. Превосходство высшего анализа всем уже известно, и что многое, весьма легкое в дифференциальном исчислении, бывает чрезвычайно затруднительно с помощию одной алгебры, а часто и невозможно.

Между тем нельзя не согласиться, что геометрической способ не был иногда простее и короче аналитического; но однакож это в единственных только случаях, да и на них указывает тот же анализ. Об них должно упоминать в преподавании.

II. Порядок в преподавании.

Между науками Физикомат[емат]ического отделения занимает главное место чистая математика, как необходимое пособие и основание для всех других. Согласно высокой цели университета требуется, чтоб слушатели достигали высших познаний; а в математике это ведет за собою обширное преподавание, потому, что здесь нельзя довольствоваться одним изложением истин, а должно утвердить их неоспоримо, убедить в них несомнительно; наконец, чтоб притти к последним, нельзя миновать на пути ни одной; даже для понятия математической истины надобно знать ей предшествующие, строго в них увериться. Чтоб увеличить занятие студентов в математике, я предложил впредь разделять преподавание на три части: алгебра, геометрия и дифференциальное исчисление. Первые две читаются вместе для слушателей младших разрядов в два года и требуют только тех познаний, с которыми должны уже они приходить в университет. Они так расположены, что всё равно, в каком бы порядке их ни читать одна за другою. Такое соединение делает обе части вдвое обширнее, а слушатели учатся им вдвое более времени. Не переставая различать младших от старших, назначается преимущественно для первых все то, что может назваться более начальным, а в занятиях вторых могут даже участвовать и студенты третьего разряда, предоставляя им на волю и имея в виду тех из них, которые исключительно посвящают себя математике, чтоб они могли повторять, раз уже ими слышанное, и более в том усовершенствоваться. Для младшего разряда студентов читается еще то, что служит дополнением к их познаниям в алгебре и чего обыкновенно не достает в гимназическом учении, именно: счет непрерывных дробей,

главнейшие свойства целых чисел, столько нужные для всякого вычисления, разрешение уравнений в целых числах, о корнях уравнений, а в особенности о корнях воображаемых.

Дифференциальное исчисление представляется студентам в виде особенного вычисления функций; потом изъясняется им, что этот переход функций выражает известную зависимость величин геометрии и механики, так что сюда относятся и вообще все задачи об измерении пространства и сил. Интегральное исчисление предлагается сколько можно последовательно (систематически), присоединяя сюда решение весьма многих задач геометрии и механики для упражнения. Варьяционное исчисление, как одна обширная задача, после изъяснения способа состоит единственно в примерах, которые всего более берутся из механики.

III. Предметы преподавания.

В этот год будет читано только дополнение из алгебры к тому, чему студенты учились в гимназиях или других заведениях до вступления их в университет. Предметы и способ преподавания должны уже заключать в себе то достоинство, которое отличает единое учение в университете от учения в нисшем разряде училищ. Способ преподавания начинается уж тот, которой будет служить и в продолжении. Предметы учения предполагают употребление их в последствии и приготовляют к достижению высших познаний в математике. Они заключаются в следующем:

1. Счет непрерывных дробей.
2. Свойства целых чисел.
3. Разрешение уравнений первой степени в целых числах.
4. О воображаемых степенях.
5. О корнях уравнений.
6. Вычисление помощию бесконечных строк.

Изъяснив означение непрерывных дробей, покажу составление приближенных дробей, их свойства; применения и исследования, относящиеся к свойствам целых чисел, выражать содержания в кратчайших числах. Разрешение в целых числах уравнений, когда неизвестных более, нежели уравнений.

Бесконечные строки служат для вычислений, когда они исчезают (convergent). Средства узнавать исчезающие строки. Различная точность вычисления по бесконечным строкам. Способ неопределенных множителей разлагать функции в строки. Примеры для употребительнейших функций: степеней, показательных функций, логарифма. О тригонометрических функциях, их разложении в строки.

О воображаемых количих, обращая в особенности внимание на употребление их в вычислениях.

Все сии предметы проходятся однакож кратко, а предполагается уже в следующий год говорить об них обширнее и присоединить сюда прочие статьи алгебры.

Геометрическая часть будет заключать в себе: начала геометрии, прямолинейную и сферическую тригонометрию, аналитическую геометрию.

Начала геометрии казались некоторым столь легки, что они предлагали проходить их прежде арифметики и алгебры. Однакож естьли в математике строгость необходима, то начала геометрии представляют трудности, которые должно встретить зрелому уму, суждением укрепленным предшествовавшим уже учением математики. Не указать на них, значило бы сделать важное опущение в преподавании, потому что воспитанники университета готовятся сами быть наставниками, чрез них ожидают распространения просвещения, что они могут вести его и далее, а следовательно, они должны учиться всему основательно.

Во-первых троякое измерение тел толкуется обыкновенно недостаточно. Нельзя дать ясного понятия о длине, ширине, толщине тел, когда с этого начинают геометрию. Естьли собственные чувства предохраняют от ложных заключений в продолжении геометрии, то все остается желать избавить одну из частей математики от нарекания погрешать против обыкновенной своей строгости, быть темной и недостаточной в самых основаниях. К тому ж, кто знает, какие от нас скрыты истины в том, чего мы не понимаем?

Я думаю, что в геометрических телах рассматривается то свойство тел природы, которое называют *прикосновением*. Тела одинаковы геометрически те, которые наполняют одно место, которых одинаково прикосновение к окружающему пространству. В этом только отношении измеряются тела в геометрии, и это свойство тел должно быть ее предметом. Рассмотрим теперь, в чем должны заключаться ее основания.

Точные науки отличаются тем, что в начале их полагаются те понятия, откуда производится все учение силою нашего суждения. Основания физики бывают достаточные ее предположения; в чистой математике они должны быть несомнительные для нас истины, первые наши понятия о природе вещей, которые, будучи раз приобретены, сохраняются навсегда, которые неразлучны с каждым умственным представлением и служат первым основанием всякого суждения о вещах: таковы то должны быть и основания геометрии. Далее, начальные понятия применяются прямо к природе и тем самым отличаются от составных, которые необходимо требуют существования других, откуда бы они происходили. Поверхности и линии не существуют в природе, а только в воображении: они предполагают, следовательно, свойство тел, познание которых должно родить в нас понятия о поверхностях и линиях. Никто до сих пор не предпринимал труда восходить к сим источникам, и основания геометрии остаются темными; а после этого не мудрено, что в ней и многое не выдержит строгого разбора. Итак, кстати здесь признаться, что развитие ума, естьли так называть приобретение способности судить при твёрдых основаниях, разделяет участь общую всему человеческому, бывает несовершенно, и

чем далее идет, тем требует более пособия, а наконец, помощи всего нашего просвещения.

Думаю, что основания геометрии должны быть почерпнуты из свойства тел, которое открываем в воображении, представляя пространство и в нем троякое деление. Сперва ряд частей смежных, неприкосновенных через одну; потом в одной из них такой же ряд новых частей, прикосновенных к тем двум первого деления, между которыми заключалось целое; наконец, и в сих последних можно представлять такой же ряд в каждой [из] новых частей, прикосновенных к частям первого и второго деления, между которыми заключалось их целое. Но далее уже нельзя представлять деления на части, которые, будучи смежными, не касались бы друг друга через одну и вместе касались бы всех частей прежних трех делений. Короче, нельзя дать более шести сторон телу, когда воображаем его вынутым изнутри пространства помощию такого деления, как здесь сказано: каждое деление обнажит две его стороны и с третьим делением довершится его образование.

Затем можно понять троякое прикосновение тел, например призмы к плоскому телу ее основанием, остреем ребра и остреем угла. Остается сказать, что измерение тел в отношении к прикосновению бывает также троякое: полное измерение и еще два, одно менее полное другого. В неполных измерениях позволяется отбрасывать те части двух прикосновенных тел, которые, принадлежа к одному, не касаются другого. Отделяя в мыслях такие части, как ненужные, доходят в воображении до тонкости листа бумаги, нити, точки от пера на бумаге. Под этим то видом и представляются обыкновенно нашему воображению поверхности, линии, точки, хотя такой род представления служит единственно для облегчения, когда рассуждают об измерении тел в различных отношениях к прикосновению. Действительно, измерение пространства поля не производится ли на самых телах, прикасаясь к поверхности его квадратной доской и не принимая в рассуждение толстоты доски.

Начала геометрии будут заключать в себе только то, что требует учения необходимо геометрического, то есть что прямо ведет к отысканию общих правил для измерения линий, поверхностей и тел: все прочее будет отнесено к применению аналитики. Они будут состоять в следующем:

I. Понятие о геометрических количествах. Определение прямой и круговой линии, плоскости и поверхности шара.

II. Измерение прямых линий и дуг в отношении к их окружности. Определение линейных углов. Измерение вырезков шара в отношении к целой поверхности шара, определение плоскостных углов.

III. Положение прямых линий в одной и разных плоскостях, взаимное положение плоскостей, в особенности о линиях и плоскостях перпендикулярных.

IV. Определение телесных углов, их измерение. Исчисление правильных тел.

V. О параллельных линиях и плоскостях. О подобии треугольников.
VI. Измерение площадей, ограниченных прямыми линиями.
VII. Измерение призм, пирамид и всех тел, ограниченных плоскостями,
VIII. Общее рассуждение об измерении кривых линий, плоскостей ограниченных кривыми линиями, тел, ограниченных кривыми поверхностями. Применение к кругу, поверхности шара, прямого цилиндра и конуса.

Тригонометрия.

Она разделится на три части в преподавании. Первая, о тригонометрических функциях, будет заключать в себе только необходимое для уразумения двух остальных; полное же учение о тригонометрических функциях откладывается до следующего года, в которой предполагаю особенно заниматься алгебрагическою частию, как я упомянул выше. Вторую часть тригонометрии составляют задачи, относящиеся к разрешению прямолинейных треугольников, а третьею тоже для сферических.

Тригонометрическими функциями от острых углов назовется содержание линий в прямоугольных треугольниках; но определение их распространится и на все возможные значения углов. Потом покажу, как синус и косинус двух дуг составляется из синусов и косинусов каждой. Затем будет говорено о значениях углов, которые отвечают одной тригонометрической функции. Правила для превращения тригонометрических формул в другие, удобнейшие для вычисления. После чего следуют две другие части тригонометрии. Их можно здесь обозреть обе вместе.

Части треугольника, которые должны определять все прочие, бывают те самые части, которые составляют одинаковость треугольников как прямолинейных, так и сферических. Отсюда усматривается, в чем должно состоять учение о разрешении треугольников и какой должен быть ход сего учения. Во-первых, необходимо должны существовать уравнения, которые бы представляли зависимость частей треугольника, составляющих условие одинаковости, от каждой из прочих. Число сих уравнений для прямолинейных треугольников три, для сферических четыре, потому что сферические треугольники бывают одинаковы при равенстве углов, чего нет в прямолинейных. Впрочем сходство тех и других уравнений открывается тотчас же и должно быть замечено затем, чтоб видеть и сходство самых разрешений в обеих тригонометриях, и переход одних треугольников в другие. Из сих уравнений почерпаются решения всех задач, относящихся к треугольникам. Но самые решения бывают различны, и каждое представляет в известных случаях особенные выгоды для вычисления.

Значения линий могут быть только положительные и отрицательные, но последние, как несовместные с понятием треугольника, отбрасываются. Значения углов представляют более затруднения: к ним переходят от тригонометрических функций, и здесь должно показать, что́ именно определяет в треугольниках, когда берут тот, а не другой угол, хотя они оба равно отвечают одной тригонометрической функции.

Переходя все задачи тригонометрии по порядку, к каждой присоединяя исследование о влиянии ошибок таблиц, преимущества решений, другие средства уменьшат это влияние. На все решения дадутся примеры действительного вычисления по таблицам.

Особенно будут рассмотрены сферические треугольники, весьма мало разнящиеся от прямолинейных.

Тригонометрия будет заключать в себе статьи:

I. Определение тригонометрических функций. Главнейшие их свойства.
II. Превращение выражений для удобнейшего вычисления по таблицам.
III. Уравнения, откуда должно проистекать решение всех задач прямолинейной тригонометрии.
IV. Разрешение прямолинейных треугольников.
V. Уравнения для сферической тригонометрии.
VI. Неперовы и Гау совы аналогии.
VII. Разрешение задач сферической тригонометрии.
VIII. О сферических треугольниках, весьма мало разнящихся от прямолинейных.

Аналитическая геометрия.

За тригонометрией следует в моем преподавании Аналитическая геометрия, потому что последняя требует пособия первой. Она ничего не оставляет желать ни со стороны ясности, ни в порядке учения, а потому и обязан преподаватель следовать верно лучшим писателям, в особенности Монжу. Так то совершенно принадлежит более анализу, нежели другим частям чистой математики. Однакож везде найдется для преподавателя что прибавить и улучшить.

Положение точки в пространстве определяют расстояния ее от трех друг к другу перпендикулярных плоскостей. В линиях одно из расстояний, которые называют координаты, произвольно, а два другие от него зависят. В поверхностях две координаты произвольны, а третья зависит от них. Итак для поверхностей должно быть одно уравнение между тремя координатами, а для линий два таких уравнения. Надобно представить себе сначала, что вся кривая линия и поверхность, или по крайней мере вся та часть их, которая подлежит рассмотрению, заключается внутри пространства трех перпендикулярных плоскостей, продолженных только до линий взаимного их пересечения, потом предположить уравнения, выражающие зависимость координат. Естьли здесь к координатам присоединятся постоянные линии, тогда начало координат переменит свое положение, а для всех точек между прежних и новых плоскостей координаты в уравнениях сделаются отрицательными. Так объясняется совершенно достаточно, почему координаты в противном направлении должны означаться в аналитической геометрии противными знаками. Тоже самое

и таким же образом доказывается для углов, называемых полярными координатами. Наконец, отсюда проистекает и та важная истина для аналитической геометрии, что алгебрагические уравнения, находимые помощию чертежа для облегчения представления, несмотря на то, что всякой чертеж изображает частной случай, бывают совершенно общими. Например, желая переменить перпендикулярные координаты в полярные, стоит только рассмотреть то положение точки, в котором расстояние ее от начала координат, отброшенное на одну из трех перпендикулярных плоскостей, падает между двух осей, и выражения, найденные для сего случая, равно принадлежат всякому другому.

Для избежания обоюдных значений углов должно постановить правила с какой стороны и в каком направлении они берутся, основываясь всегда на том главном положении аналитической геометрии, что противоположные координаты бывают с противными знаками. Так можно избежать всех трудностей, которые столько старался победить Карно в своей геометрии положений, и достигнуть того, что аналитические выражения будут представлять геометрические коликие, и по величине, и в положении их в пространстве.

Уравнения прямой линии всего лучше изображать постоянным содержанием разности координат, следовательно, тремя уравнениями с шестью постоянными, из которых пять определяют уже шестое, а четвертое переменяющееся, кроме трех координат, почитать неизвестным, которое следует всегда к исключению в решениях задач. Чрез это сохранится одинаковой приступ к решениям и соответственность в уравнениях; так что два, три примера служат образцами для всех прочих.

Задачи, относящиеся к прямым линиям, начинаются с определения угла между двух прямых; после чего все прочие делаются или следствиями только из этой, или без посторонней помощи решаются по способам совершенно аналитическим, которые сами собою представляются с первого раза.

Уравнение для плоскости находится, когда дадутся уравнения двух прямых пересекающихся линий, потом сыщется уравнение, которое бы принадлежало всякой прямой линии, положенной на первые две.

Здесь я говорю только о геометрии трех измерений; но геометрия двух измерений ей предшествует и представляется в том же виде и порядке в каком и первая, с теми ограничениями и облегчением, которые ей свойственны. О преподавании последней можно достаточно судить по тому, что сказано о первой.

Уравнения плоской и сферической тригонометрии составляют также задачу аналитической геометрии: одна решается в геометрии двух измерений, а другая в геометрии трех измерений.

Исчисление свойств линий конических сечений не представляет никакого затруднения; но не то бывает с поверхностями второй степени. Я нахожу решение, сделанное профессором Бартельсом, превосходным и

могу еще много его облегчить; в других писателях огромность вычислений отвращает предпринимать за ними известное приведение сих уравнений.

Аналитическую геометрию составляют статьи:

I. Определение положения точки в плоскости помощию координат. Уравнения линий одной кривизны. О положительных и отрицательных линиях и углах.

II. Превращение координат в плоскости.

III. Уравнение прямой линии в плоскости. Задачи, сюда относящиеся.

IV. Уравнения конических сечений, разделение сих линий и их главнейшие свойства.

V. Определение площади многоугольников.

VI. Определение положения точки в пространстве. Способ выражать линии и поверхности уравнениями. О положительных и отрицательных линиях и углах. Как находить уравнения для пересечения поверхностей, проекции линий, след поверхности, определять точку пересечения линий.

VII. Уравнение прямой линии в пространстве. Задачи, сюда относящиеся.

VIII. Уравнение плоскости и задачи, к прямым линиям и плоскостям относящиеся.

IX. Превращение координат в прямые, косые и полярные.

X. Уравнения поверхностей второй степени. Главнейшие свойства сих поверхностей.

XI. Уравнения цилиндрических и конических поверхностей. О линиях пересечения конуса и цилиндра.

XII. Уравнения поверхностей вращения и развертывающихся поверхностей.

XIII. Об осях и центрах линий и поверхностей.

Сим заключается аналитическая геометрия. Продолжение ее составляет применение высшего анализа к геометрии и будет читаться нынешний же год для студентов старшего разряда в дифференциальном исчислении.

Дифференциальное исчисление.

Всякой год повторяются начала дифференциального исчисления, подобно как и некоторые статьи из алгебры, потому что всякой год бывают начинающие слушатели; затем читается или чисто аналитическая часть, или, как нынешний год, геометрическая.

Сперва изъясняется кратко способ приращений, сказав что разумеют под функцией, как можно представлять себе их происхождение, в чем должно заключаться всякое исчисление функций. Затем излагаются основания дифференциального исчисления. Дифференциал функции в отношении к ее переменяющемуся есть новая производная функция чрез то, что в содержании приращения функции к приращению переменяющегося, это последнее приращение полагается нулем, как скоро здесь устранится

неопределенность такого содержания. Показывается, как этого достигнуть в употребительнейших функциях: степени, логарифмических и тригонометрических функциях. Как находить дифференциалы сложных функций; упоминается о происхождении функций в аналитике, с чем вместе усматривается и то, что действительно дифференциалы их всегда могут быть найдены. С другой стороны говорится о разложении функций в строки по способу неопределенных множителей и что такое разложение служит также для отыскания дифференциалов. Слушатели упражняются в примерах дифференцирования. Потом толкуются дифференциалы высших степеней, частные дифференциалы, интегрирование.

Общий способ разложения функций в строки. Определение maximum и minimum функции. Тем заключается в нынешнем году аналитическая часть дифференциального исчисления. Применения к геометрии и механике преподаются обширно.

Дифференциальное исчисление вводится в геометрию и механику под видом исчисления приращений и под условием откидывать вышшие степени приращений пред нишшими. Принимая на себя этот новой вид, оно ничего не теряет в прежней точности, потому что переход действительно существует из одного вычисления в другое; и наблюдая предписанное правило откидывать вышшие степени приращений, легко можно убедиться, что вычисление приращений не будет более разниться от дифференциального. Итак, строгость этого исчисления самого по себе остается везде неприкосновенным [sic]; но не таков способ применения его к геометрии и механике, и в этом не должно уже обвинять вычисление, а только наши понятия о тех количих в геометрии и механике, которых измерение не можем ни представить в уме нашем, ни произвести на самом деле, как чрез приближение. Вот почему аналитика избрала границы всех сих приближений за истинные величины, с тем, чтоб они согласовались со всяким действительным измерением и тем более, чем измерение точнее; а всего более с самою природой, невообразимо уточненной в своих началах. Но и самая природа уклоняется от наших вычислений: в геометрии наверно, в механике что-нибудь одно: или наши понятия ложны, или в ней то же, что и в геометрии, то есть вычисления только чрезвычайно близки. Действительно, в природе существует движение привлекаемых тел; но вот вопрос: существует ли на самом деле то, что мы называем скорость и то что мы называем протяжение, как бы удары, повторяемые телу? Согласия наших вычислений наклоняет верить последнему, но и самое это согласие послужит прямым подтверждением: оно может происходить от других причин, и, вероятно, происходит; тогда и наши вычисления могут быть строго верны; за то основания их ложны, понятия наши искусственны и только случайно счастливы, по неизвестным причинам способны заменять истинные. Как бы то ни было, но подобные умствования, естьли их одобрят, могут быть только хороши для тех, кто довольно уже времени и с успехом учился математике и механике, и только тогда, когда он их найдет в книге. Она

не у места в преподавании, где очевидность составляет первое достоинство. Я говорю слушателям об элементах тел и сил, как бы они действительно существовали, замечаю что они должны быть чрезвычайно утончены, следовательно, относящееся к елементам представляет дифференциалы, а относящееся к целому из елементов должно быть получено чрез интегрирование. Всякой знает, какую ясность доставляет рассмотрение елементов в геометрии и механике, как просто и ощутительно представляется всякая задача в ее началах; пренебречь этой простотой в преподавании, значило бы лишить слушателей большого пособия, гоняясь за воображаемою какою то строгостию и без нужды стараясь свободить себя от геометрического воззрения. Можно прибавить еще и то, что естьли допустить елементы в природе, то непонятная несоизмеримость исчезает, невыразимые числа будут искусственные числа, существующие только в знаках аналитики, а не в природе. Вот почему я всегда почитаю бесполезным толковать о несоизмеримости, учение сухое, совершенно лишнее для аналитики и не нужное в применениях ее, естьли следовать тому способу, которой я избрал для моего преподавания.

Содержание дифференциального исчисления будет такое:

I. Определение функций, их происхождение в аналитике. Способ приращения.

II. Способ неопределенных множителей разлагать функции в строки. Разложение приращения функций по степеням приращения, изменяющегося в функции.

III. Определение дифференциалов функции. Дифференциалы употребительнейших простых функций: степени логарифмических функций, синуса и косинуса.

IV. Дифференциалы в отношении к различным переменяющимся, рассматриваемых взаимными функциями. Дифференциалы сложных функций. Общее рассуждение в дифференцировании и упражнения.

V. Способ дифференциального исчисления разлагать функции в строки. Вышшие порядки дифференцирования. Частные дифференцирования.

VI. Главнейшие правила для всех родов интегрирования.

VII. Способ дифференциального исчисления находить длину кривой линии, площадь, ограниченную кривой линией, величину кривой поверхности и объем тела, ограниченного кривыми поверхностями.

VIII. Об интегрировании между определенных границ, некоторые общие правила в системе, применение к длине кривой линии, величине поверхности и объема тел.

IX. О прикосновении линий и поверхностей, о нормальных линиях, полупоперешниках кривизны, касательных кругах и шарах, эллипсисов и т. д. О линиях большей и меньшей кривизны на поверхностях.

X. О развертывающихся линиях и линии развертывания. О развертывающихся поверхностях.

XI. Рет ение задач геометрии в отношении к условиям прикосновения.

XII. О самых больших и самых малых координатах. Применения к теории алгебрагических уравнений.

XIII. Варьяционное исчисление.

XIV. Изложение оснований механики. Аналитическое решение задач механики.

XV. Общие правила о равновесии сил.

XVI. Общие свойства в движении тел. Закон центра тяжести, площадей, живых сил и о меньшом действии.

XVII. Общее рассуждение о решении задач механики, где движение происходит от притягательных сил приметных в расстоянии. Важнейшие примеры, взятые из физики и астрономии.

XVIII. О задачах механики, где притягательные силы приметны в прикосновении. Важнейшие примеры из физики.

XIX. О равновесии и движении жидких тел. Примеры для пояснений и упражнения.

XX. Теория интегрирования линейных уравнений с частными дифференциалами. Применения к распространению звука, теплоты, волн.

Профессор Николай Лобачевский.

ЦГАТ, Ф. 977, оп. 323, № 36, лл. 14—21.

О подготовке этой рукописи к печати Казанским физико-математическим обществом сообщено в заметке «Неопубликованные рукописи Н. И. Лобачевского» в «Красной Татарии», 9 февраля 1941 г., № 33 (6910), стр. 4. По отзыву Н. Н. Парфентьева «Манускрипты Лобачевского, которые готовятся к печати, крайне интересны по той глубине мысли, которую великий геометр в них развивает. Он сумел соединить в одно целое и философическую глубину и свои методические взгляды на преподавание математики, механики и математической физики в университете»; неточно цитирована одна фраза из этой рукописи в статье Н. Н. Парфентьева «Натурфилософия Н. И. Лобачевского» в сборнике «К 125-летию (1804/5—1829/30) Казанского Государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина», 1930, стр. 41 (из раздела «Дифференциальное исчисление»).

219

Конспект Н. И. Лобачевского по преподаванию аналитической механики в Казанском университете в 1824—1825 учебном году

Около 18 августа 1824

Преподавание аналитической механики.

Следуя совету г-а Лапласа, я предпочитаю в моем преподавании общие способы, чрез частные случаи приходя к ним и доказывая потом справедливость их во всей обширности; наконец, снова занимаюсь частными случаями, которые составляют уже всю науку и где многоразличные применения в состоянии устранить всякую темность и победить трудность

отвлеченных понятий, чрезвычайно сжатых в общих математических выражениях.

Вычисление дифференциальное одно только в состоянии обнять всю статику и механику, представить все вопросы одним уравнением, которого решения всегда одинакою дорогой ведут к познанию равновесия и движения тел, как скоро известны силы, действующие на тела. О способе дифференциального исчисления много было писано, и математики употребили много усилий доказать строгость сего вычисления. Аналитика, собственное произведение ума человеческого, берет свое начало в несомнительных, первых, простых понятиях о величине, которые напечатлеваются в нашем уме в то самое время, когда он развертывается, и которые служат навсегда твердым основанием для всех суждений. Здесь ничего не может быть произвольно; всё строго, ясно, определенно. Как же скоро человек от своих умозрений хочет перейти к самой природе, он видит, что образцовые его понятия не находят здесь примера, а только представляют одно приближение, весьма тесное, впрочем, по ограниченности наших чувств. Нет точек, линий и поверхностей в телах; вещество их не наполняет всю пустоту места, ими занимаемого; повсюду собранные частички, исчезающие для наших чувств. Противные две силы сохраняют между ними расстояния и не дозволяют им никогда приближиться друг к другу до прикосновения. Итак, непрерывного изменения значения величин в зависимости, какое предполагаются в аналитике, нет собственно в природе; следовательно, говоря в строгости, здесь нет места дифференциальному вычислению, а только одному вычислению приращений. Но по мере уменьшения приращений оба вычисления сближаются, и в природе уже они близки до неприметной разности. Таким образом, дифференциальное исчисление принимает здесь на себя тот самой вид, под которым представляли его себе математики, первые изобретатели. Естьли новой образ суждения, предложенной Лагранжем в счете функций, может назваться усовершенствованием способа преподавания аналитики, то по крайней мере в применениях к механике напрасно было бы отклоняться от первых простых понятий, а с тем вместе лишить большей ясности в представлении и не дозволить столь легкого приступа судить о равновесии и движении особо над каждой частичкой последнего деления в теле. Лагранж, осмеливаюсь сказать, в своем вычислении функций сделал неудачный опыт другого рода преподавания, и которому он сам не захотел следовать в своей аналитической механике, книге, избранной мною в руководство. В особенности этот способ преподавания, в защищение которого я столько говорю здесь, делается необходимым для ясного уразумения движения, сообщаемого притягательными силами.

Понятия о силе, движении, скорости, массе полагаю я в основание механике, откуда вся наука выводится уже прямо суждением. От ясности первых понятий зависит успех всего учения, а потому и почитаю лучше утвердить в них всякого лишним повторением, нежели допустить темность,

предположив, что они легко были приобретены. Я начинаю механику с соединения сил, действующих на одну точку. Перехожу к равновесию твердой системы и твердых тел, каковы они в природе; но это только предварительное учение, которое должно служить в последствии примером и подтверждением общего способа. Снова обращаюсь к равновесию одной точки под особенными условиями, откуда рождаются силы сопротивления и которые можно представлять поверхностию или линией, ограничивающею свободу движения точки. Прихожу к уравнению, которое одно заключает в себе все нужное для определения обстоятельств, сопровождающих равновесие. Не оставаясь при одних аналитических выражениях, толкую правило получаемых скоростей (principe des vitesse virtuelles) на чертеже, чтоб сделать ощутительнее представление, и, наконец, объясняю, как обнаруживается это правило в движении нарушенного равновесия тел. Остается доказывать это правило во всяком случае равновесия, над всякою связью тел, при всяких условиях. Слишком большая обширность сего правила и бесконечное различие возможных условий, которым подчиняются тела в своем движении, представляли столь много затруднения обнять их в доказательстве, что должно откровенно сказать: совершенно удовлетворительного объяснения нет. Лагранж начинает прямо отсюда свою Механику; Лаплас, кажется, хочет уклониться от ответа и скрыться в выражениях неопределенных. Пуассон и Фурье сделали более и даже всё необходимое: они рассмотрели все случаи, какие действительно могут встретиться в природе. Я думаю, что могу пополнить недостаток, однакож хочу ожидать прежде суждения других и до времени следовать в преподавании примеру знаменитых математиков Пуассона и Фурье. Так начинаю я с простейшего случая, где в связи тел предполагается одно условие непременности расстояний. Этот случай заключают в себе теорию равновесия цепей, гибких нитей, обращательное движение твердых тел, равновесие твердых, но гибких и упругих тел. Наконец, сближаясь еще более с природой, преподаю общие законы равновесия в машинах, сопротивление в них от трения и негибкости веревок. О движении точно равномерном, ускоренном от действия тяжести. Вообще о движении точки, побуждаемой притягательною или отталкивающею силой. О движении тел в сопротивляющейся средине, в воздухе при восхождении и падении. Движение криволинейное. Пример брошенных наклонно тел в воздухе. Движение еллиптическое планет. Законы Кеплера. Движение простых и сложных маятников в пустоте и сопротивляющейся средине. Сражение тел. Общие свойства движения тел. Объяснение отличительного свойства жидких тел несжимаемых и упругих. Применение сюда общего правила равновесия. Уравнение, изображающее равновесие жидких тел. Давление от тяжести и равновесие в сосудах при одной силе притяжения земли. Понятия о насосах. Равновесие плавающих тел. Употребление барометра при измерении высот. Движение жидких тел. Уравнение для поверхности. Условие непрерывности массы. Профессор Николай Лобачевский.

ЦГАТ, Ф. 977, оп. 323, № 36, лл. 22—23.

О подготовке рукописи к печати Казанским физико-математическим обществом сообщено в заметке «Неопубликованные рукописи Н. И. Лобачевского» в «Красной Татарии» 9 февраля 1941 года, № 33 (6910), стр. 4; цитаты из нее в статье Н. Н. Парфентьева «Натурфилософия Н. И. Лобачевского» в сборнике «К 125-летию (1804/5 — 1929/30) Казанского Государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина», 1930, стр. 40—41.

220

Из представления Издательного комитета Казанского университета и. д. директора Казанского университета Г. Б. Никольскому о разделении трудов между членами Комитета

10 января 1825

Господину исправляющему должность директора университета.

При слушании предписания Вашего высокородия от 30-го декабря прошлого 1824 года за № 512-м касательно изыскания средств к исправлению издания Казанского Вестника, в Издательном Комитете определено: [...] Что-же касается до разделения трудов по изданию Казанского Вестника между членами Комитета, то определено донести Вашему высокородию, что еще в начале прошлого 1824-го года труды между издателями распределены были нижеследующим образом, а именно: господин председатель оного ординарный профессор Городчанинов принял на себя рассмотрение статей нравственных и богословских, гг. профессоры Булыгин, Дунаев и Лобачевский взяли на себя труд доставлять статьи ученые, г. профессор Суровцов политические, а адъюнкту Рыбушкину, кроме ведения дел по Издательному комитету, поручено было составлять начальственные распоряжения и статьи о пожертвованиях. Порядок сей сохраняем был во всей точности до сего времени и останется таковым на 1825-й год с тем однакож, что всякой из гг. членов Издательного комитета обязывается каждый месяц представлять какое-либо сочинение или перевод для помещения в Казанском Вестнике.

Председатель *Григорий Городчанинов.*
Адъюнкт Михаил Рыбушкин.

Н. П. Лихачев. Казанский Вестник (история издания и указатель содержания). Книговедение, 3 сентября 1894, № 7—8, стр. 88—89, приложение № 42 (2). Там же (стр. 89—90) в приложении № 42 (3) напечатано представление Г. Б. Никольского к попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому от 12 января 1825 г. за № 11 по этому же вопросу, с точным воспроизведением приведенного выше текста.

221

Из донесения и. д. директора Казанского университета Г. Ф. Вишневского попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому о происшествии на заседании Строительного комитета

11 февраля 1825

С прискорбием должен довести до сведения Вашего превосходительства неприятное происшествие, случившееся 11-го февраля. В заседании

Строительного Комитета, в котором я сам не мог присутствовать по болезни, подрядчик Груздев, явившийся для торгов, невежеством своим в обращении и грубостями пред членами оного Комитета вывел из терпения г-на Лобачевского так, что сей последний ударил его; о сем происшествии я достоверно узнал.

Н. П. Загоскин. Дело о происшествии 12-го октября 1825 года (к биографии Николая Ивановича Лобачевского), Исторический Вестник, 1900, № 9, стр. 864 (из дела попечителя Казанского учебного округа, 1825, № 179); Загоскин. История, IV, стр. 440 (цитата).

222

Из письма И. А. Литтрова к И. М. Симонову
4 (16) апреля 1825. Вена

Wenn sie dort [in Casan] ankommen, so bitte ich H. Prof. Lobatschewsky herzlich von mir zu grüssen.

Перевод:

Если Вы туда [в Казань] прибудете, прошу передать сердечный привет от меня г-ну проф. Лобачевскому.

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета № 4507, л. 379.

223

Из донесения попечителя Казанского университета М. Л. Магницкого министру народного просвещения А. С. Шишкову с изложением своих заслуг, в связи с предъявленными ему обвинениями
8 июня 1825. Петербург

Обличил схваченные в здешнем [Петербургском] университете тетради лекций Раупаха, Германа и пр., на кои не только я сам, но и профессора Казанского университета Симонов и Лобачевский, тогда здесь случившиеся, писали примечания, трудясь день и ночь, ибо сим делом, до высочайшего сведения доведенным, в то время весьма спешили.

Загоскин. История, IV, стр. 493 (ср. стр. 280, 460).

224

Из письма И. А. Литтрова к И. М. Симонову
25 августа (6 сентября) 1825. Вена

Auch H-n Prof. Lobatschewsky Gruss und Kuss von seinem alter guter Freunde, ich wünsche herzlich dass es ihm immer recht wohl gehen möge.

Перевод:

Также и г-ну проф. Лобачевскому привет и поцелуй от его старых добрых друзей, я сердечно желаю, чтобы ему всегда хорошо жилось.

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета, № 4507, л. 381.

225

Сообщение в печати об утверждении Н. И. Лобачевского и других профессоров Казанского университета членами Училищного комитета и об увольнении из Университета А. И. Лобачевского

Август 1825

Утверждены высшим начальством избранные Советом [...] членами училищного Комитета, ординарный профессор Лобачевский, экстраординарные профессоры: Тимьянский, Дунаев, Баженов и Булыгин [стр. 299].

Адъюнкт технологии Лобачевский уволен из Университета для поступления в другой род службы [стр. 301].

«Краткая историческая записка по императорскому Казанскому университету и его округу за 1822—1823 академический год» — Казанский Вестник, 1825, август, стр. 299 и 301 («Перемены в учебном сословии — А. В сословии самого Университета»).

226

Выписка из протокола Совета Казанского университета от 22 августа 1825 г. об утверждении деканов отделений Университета

3 сентября 1825

Выписка из протокола Совета университетского, постановленного 22 августа 1825.

Ст. I. Слушано было предложение господина попечителя от 7-го августа за № 782-мо том, что господин министр народного просвещения, 15 июля утвердил деканами Отделений: Физико-математического, — ординарного профессора Лобачевского, словесного — Эрдмана, врачебного — Ерохова и нравственно-политического — Караблинова. Определено: сообщить в университетское Правление к сведению, и с тем, чтобы вновь утвержденных деканов привело на сии должности к присяге, а Отделениям дать выписки из протокола. Исправляющий должность секретаря Совета профессор *Григорий Суровцов.*

Физико-математическому
отделению.

На бланке Совета Казанского университета от 3 сентября 1825, за № 1041.
Пометы: «Получено 4 сентября 1825 г.»; «Слушано 7 сентября 1825 года, ст. 4»; «Определено: принять к сведению».

ЦГАТ, Ф. 977, № 19, л. 2.

227

Отзыв в печати попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого о профессорах Г. Б. Никольском и Н. И. Лобачевском

15 сентября 1825

В науках математических, физике, химии и минералогии преподаны все новейшие сих наук открытия и усовершенствования так, что те из сту-

дентов сих кафедр, кои были внимательны, ничего нового в Университете Парижском не могли бы услышать.

Один из преподавателей сих кафедр, во всех частях управления отлично и долговременно Университету служивший [Г. Б. Никольский], несмотря на разнородные озабочения его начальством, слишком уверенным в его неутомимости, преподал обширнейшие части прикладной математики, с обычною ему ясностию и основательностию; другой [Н. И. Лобачевский] объял всю чистую математику, от геометрии до астрономии, предмет обширнейший, и только его дарованию, только обширности познаний его соразмерный.

«Краткая речь, произнесенная господином попечителем [М. Л. Магницким] в торжественном собрании императорского Казанского университета 15 сентября 1825 года.» — «Описание торжества, бывшего в императорском Казанском университете 15-го сентября 1825 года», Казань, стр. 19—20. То же: Казанский Вестник, 1825, сентябрь — октябрь, стр. 23—24. Ср. в статье Н. Попова в «Русском Вестнике», 1859, № 9, кн. 1, стр. 92; Е. М. Феоктистов, Магницкий, там же, т. LII, 1864, № 7, стр. 47 и в отд. издании, «Магницкий», СПб., 1865, стр. 136—137.

228

Сообщение в печати о рассмотрении Физико-математическим отделением курса «Алгебры» Н. И. Лобачевского и об утверждении его и других профессоров деканами Отделений на 1824—1825 академический год

15 сентября 1825

Рассматривало сочинения и конспект [...] с) курс Алгебры для руководства в гимназиях, сочинения профессора Лобачевского [«Занятия Отделений», «Физико-математического», стр. 118].

9) Избраны и утверждены на сей академический год: а) деканами Отделений: ординарные профессоры: Булыгин — Нравственно-политического, Лобачевский, — Физико-математического, Эрдман Словесного и Фогель Врачебного [«Перемены в сословии Университета», стр. 122].

«Историческая записка об императорском Казанском университете за прошедший 1824—1825 академический год, читанная в торжественном собрании 15 сентября» — «Описание торжества, бывшего в императорском Казанском университете 15-го сентября 1825 года», Казань, стр. 118 и 122; то же: Казанский Вестник, 1825, ноябрь, стр. 150 и 154.

229

Отношение Н. И. Лобачевского как декана Физико-математического отделения в Совет Казанского университета о напечатании учебника «Алгебры» Н. И. Лобачевского

18 сентября 1825

В Совет императорского Казанского университета.

В заседании Отделения 11-го сентября сего года слушано представление г. ординарного профессора и кавалера Никольского, при котором приложил Алгебру, сочиненную г. ординарным профессором и кавалером

Лобачевским и просмотренную им по препоручению Отделения, изъясняясь о ней так: «хотя по объему своему содержит сия Алгебра только 96 четвертин мелкого письма, но г. автор в сем небольшом пространстве поместил все нужные статьи и обработал их своим способом с такою точностию и всеобщностию, что трудно сказать, чтó бы еще к ним прибавить следовало. А потому она с большою пользою может быть введена в употребление в гимназиях».

Отделение, согласуясь с мнением г. профессора Никольского и представляя при сем Алгебру, просит о введении оной в употребление в гимназиях и о напечатании на коште казны с возвращением издержек по выручке денег.

Декан Н. Лобачевский.

На рукописном бланке: «М. н. п. Департамент народного просвещения. Императорского Казанского университета Отделение физико-математических наук. Сентября 18 дня 1825 года, № 17».

Пометы: «Слушано сентября 19 дня 1825»; «С приложением самого сочинения представить на усмотрение г. попечителю. *Секретарь Отделения адъюнкт Васильев*»; «№ 639».

Геометрический кабинет им. Н. И. Лобачевского при Казанском университете № 20, в деле Совета университета, № 253 «по представлении Отделения физико-математического с *Алгеброю*, сочинения о. профессора *Лобачевского* для введения оной в употребление в гимназиях», на 5 листах, л. 1. Самая рукопись «Алгебры» хранится там же под № 1.

В цитации впервые: Загоскин. История, IV, стр. 56.

230

Выписка из протокола Совета Казанского университета от 19 сентября 1825 об увольнении Н. И. Лобачевского от должности декана Физико-математического отделения

28 сентября 1825

Выписка из протокола в Совете сентября 19 дня постановленного

Ст. 5. Слушано было отношение Правления университета от 10-го сентября за № 3363-м об увольнении г. профессора Лобачевского от должности декана, по уважению многотрудных его занятий в Строительном комитете и об утверждении вместо его деканом г. ординарного профессора Симонова. Определено: Дать о сем выписку в Физико-математическое отделение. Исправляющий должность секретаря Совета профессор Григорий Суровцов.

Отделению Физико-
математических наук.

На бланке Совета Казанского университета 28 сентября 1825, за № 1258.

Пометы: «Получено 29 сентября 1825 г.»; «Слушано 29 сентября 1825 года ст. 1. Определено: принять к сведению».

ЦГАТ, Ф. 977, № 19, л. 2.

231

Неотправленное представление Совета Казанского университета попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому о напечатании учебника «Алгебры» Н. И. Лобачевского

30 сентября 1825

Господину попечителю.

Отделение физико-математических наук, от 18 сентября за № 17, представило Совету Алгебру, сочиненную ординарным профессором Лобачевским и просмотренную, по препоручению Отделения, ординарным профессором Никольским, которой изъяснился о ней так: хотя по объему своему содержит сия Алгебра только 96 четвертин мелкого письма, но автор в сем небольшом пространстве поместил все нужные статьи и обработал их своим способом с такою точностию и всеобщностию, что трудно сказать, чтобы еще к ним прибавить следовало. А потому она с большою пользою может быть введена в употребление в гимназиях.

Отделение, согласясь с мнением профессора Никольского, просит Совет о введении оной в употребление в гимназиях и о напечатании на счет казны с возвращением издержек по выручке денег.

Совет Университета с приложением самого сочинения, честь имеет представить о сем на благоусмотрение Вашему превосходительству.

Пометы: «30 сентября за № 1272»; «Переписать *Суровцов*».

Геометрический кабинет им. Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 20, л. 2—2 об. Отпуск.

Впервые в цитации опубликовано в книге: В. Ф. Каган. Лобачевский, М.—Л., 1944, стр. 230.

232

Представление и. д. секретаря Совета Казанского университета Г. С. Суровцова в Совет университета о баллотировании учебника «Алгебры» Н. И. Лобачевского по вопросу о напечатании этого учебника с пометой ректора университета К. Ф. Фукса о результатах баллотирования

30 сентября 1825

Исправляющий должность секретаря Совета доложил, что Отделение физико-математических наук, представив 12 сего сентября Алгебру, составленную г. ординарным профессором Лобачевским, просило Совет о введении оной в употребление по гимназиям с тем, чтобы была оная напечатана на казенный счет, и Совет в заседании 19 сентября определил: с приложением сочинения представить на усмотрение г. попечителя, не сделав никакого решительного отзыва о сочинении. Между тем в § 55-м устава императорского Казанского Университета пункта 9 сказано: ничто не решится баллотированием (посредством скрытных шаров), исключая сии два случая: а) когда делается какое избрание, в) когда требуется решение в рассуждении сочинений, предлагаемых к чтению в торжественных собраниях, или к печатанию чего иждивением и с одобрением Университета. Почему исправляющий должность секретаря Совета и просит Совет для

соблюдения силы означенного параграфа подвергнуть сочиненную г. ординарным профессором Лобачевским Алгебру баллотированию.

Исправляющий должность секретаря Совета

профессор Григорий Суровцов

30 сент. 1825

Помета: «Слушано 30 сентября 1825 года».

Резолюция ректора: «Подвергнуть Алгебру баллотированию согласно § 55 устава университета. *Ректор К. Фукс*.

Его же помета:« По баллотированию 30 числа сентября оказалось избирательных шаров 20; не избирательных 3. Определено: по большинству избирательных голосов представить на разрешение г. попечителю о позволении согласно § устава Университета, на утверждение г. попечителя. *Ректор К. Фукс*».

Геометрический кабинет им. Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 20, л. 4.

233

Заготовленное, подписанное и вторично неотправленное представление Совета Казанского университета к попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому о напечатании учебника «Алгебры» Н. И. Лобачевского с писанным его рукою новым текстом конца этого представления, также не отправленным по назначению

30 сентября 1825

Господину попечителю Казанского учебного округа.

Отделение физико-математических наук, от 18-го сентября за № 17-м представило Совету Алгебру, сочиненную ординарным профессором Лобачевским и просмотренную, по препоручению Отделения, ординарным профессором Никольским, который изъяснился о ней так: хотя по объему своему содержит сия Алгебра только 96 четвертин мелкого письма, но автор в сем небольшом пространстве поместил все нужные статьи и обработал их своим способом, с такою точностию и всеобщностию, что трудно сказать, чтобы еще к ним прибавить следовало; а потому она с большою пользою может быть введена в употребление в гимназиях.

Отделение, согласясь с мнением профессора Никольского, просит Совет о введении оной в употребление в гимназиях и о напечатании на счет казны, с возвращением издержек, по выручке денег.

Совет Университета, согласно 55 § Устава, произвел баллотирование, по коему 20-ю избирательными голосами противу 2 неизбирательных, сочинение одобрено к напечатанию на счет казны, с тем, чтобы оное введено было в употребление по гимназиям Казанского учебного округа, с выручкою за напечатание денег *в пользу казны, почему и имеет честь представить*, с приложением Алгебры, на утверждение Вашего превосходительства.

Ректор Карл Фукс.

Исправляющий должность секретаря Совета, *профессор Григорий Суровцов*.

Рукою Н. И. Лобачевского на полях карандашом черновой текст:

Отделение, согласясь с мнением г-на проф. Никольского, просит Совет о введении алгебры г-а Лобачевского в гимназиях для преподавания и напечатать ее на счет казны с возвращением издержек.[1] Совет Университета, согласно 55-у параграфу своего устава,[2] подвергнул сочинение г-а Лобачевского баллотированию, по которому двадцатью голосами против двух одобрено было оно к напечатанию с тем, чтобы издержки казны были возвращены продажею первых экземпляров, а прочие предоставлены были бы в пользу сочинителя. Твердо уверенный в достоинствах г-а Лобачевского в отношении к его способу преподавания и математическим познаниям, Совет Университета, прилагая при сем алгебру, честь имеет представить Вашему превосходительству на утверждение и напечатание для руководства учителям гимназий, какое назначение сделано было ей и от сочинителя.

Геометрический кабинет им. Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 20, л. 3.

234

Из представления декана Физико-математического отделения И. М. Симонова Совету Казанского университета об издании «Ученых записок» университета с сообщением об участии в них Н. И. Лобачевского

30 сентября 1825

В заседании Отделения физико-математических наук 29-го сентября сего года г. декан оного, ординарный профессор и кавалер Симонов, предложил об издании на французском и латинском языках ученых записок, кои должны состоять из одного тома оригинальных сочинений в четвертую долю листа ежегодно, с тем, чтобы каждый член факультета доставил в оный по крайней мере одно сочинение или какие наблюдения и опыты касательно наук физических и естественных, также сочинения относительно до топографического, исторического, географического и статистического описания тех земель России, кои или мало известны, или чрезвычайно любопытны для ученого света [. . .]

Господин декан факультета обещал доставить в нынешнем году свое сочинение «О колебании ртути в барометре в местах тропических», а г. профессор Лобачевский, с своей стороны, сообщил два сочинения, относящиеся до чистой математики.

Отделение, находя сие предложение весьма полезным, полагает:

1. Просить членов Физико-математического факультета доставить в оный по крайней мере по одному сочинению к 1-му числу января 1826 года, дабы возможно было успеть напечатать том сих сочинений к летнему собранию будущего года.

---

[1] *Далее было:* Совет Университета твердо уверен в достоинствах сочинителя в отношении к способу преподавания и познаний математических, подвергнув сочинение баллотированию.

[2] *В подлиннике описка:* основа.

*

2. Факультет, желая, чтобы члены и других Отделений участвовали в сем полезном деле, просит Совет университета о содействии в оном.

3. Доставлять непременно ежегодно по одному сочинению.

4. Назначив редакторами сих изданий с собственного согласия: г. профессора Лобачевского — по математике, г. профессора Симонова — по астрономии, г. профессора Купфера — по естественным наукам, и г. адъюнкта Краузе — по предметам историческим, географическим и статистическим, поручить им представить в факультет 6-го числа октября сего года план сих изданий.

Загоскин. История, IV, стр. 44—45.

235

Из примечания профессора Г. Б. Никольского к своему конспекту преподавания чистой математики в Казанском университете с сентября 1825 по 1 февраля 1826 г.

Сентябрь 1825

«Краткое обозрение преподаваний из чистой математики профессора Казанского университета Никольского слушателям его, начиная с сентября месяца 1825 года по 1 февраля 1826 года» [. . .]

Примечание: В 1824 году представлен был мною в Совет Казанского университета подробный конспект прикладной математики, которая в то время была мною преподаваема. С сентября месяца 1825 года по воле господина попечителя и по распоряжению Совета препоручено мне, с г. адъюнктом Брашманом, преподавание чистой математики, а прикладной г. профессору Лобачевскому.

ЦГАТ, Ф. 977, оп. 323, № 36, л 38 об.

236

Из письма М. Ф. Бартельса к И. М. Симонову

4 октября 1825. Дерпт

Empfehlen Sie mich gütigst meinen Kasanischen Freunden H. Prof. Nikolsky, Lobatschevsky.

Перевод:

Передайте мой сердечный привет моим казанским друзьям г-ну проф. Никольскому, Лобачевскому.

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4507, л. 283 об.

237

Из донесения директора Казанского университета Т. Е. Любомирова попечителю Казанского учебного округа в связи с наказанием Н. И. Лобачевским двух столяров

13 октября 1825

Как подобное самоуправство строго воспрещено законами и потому терпимо быть не может, то я отнесся к г. профессору Лобачевскому и тре-

бую от него объяснения, на каком основании он дозволил себе такой поступок с людьми, совершенно не подлежащими его власти и почему он вместо исследования, которое могло быть предоставлено ему от начальства, приступил к наказанию.

Н. П. Загоскин. Дело о происшествии 12-го октября 1825 года (к биографии Николая Ивановича Лобачевского), Исторический Вестник, 1900, № 9, стр. 869 (из дела попечителя Казанского учебного округа 1825, № 179).

238

Объяснение Н. И. Лобачевского на имя директора Казанского университета Т. Е. Любомирова по вопросу о наказании двух столяров
13 октября 1825

Господину директору Казанского университета

На запрос Ваш, почему велено было от меня наказать двух столяров, честь имею объяснить следующее:

Доносил я Вашему высокородию, что черной народ, бродя по парадной лестнице, по сродной своей глупости, ломает бронзовые украшения на решетке; с тем вместе объяснял я Вам, что самому подрядчику, которой ставил решетку, случилось застать семь человек, идущих с лестницы, из которых двое обрывали листы, в особенности один высокого роста, белокурой, в полушубке употреблял, казалось, для сего всю свою силу. Без отлагательства Вы изволили сделать распоряжение, чтоб предупредить такого рода поступки впредь и разыскать экзекутору, кто были виноватые. На другой день г. экзекутор, пересказывая Ваше приказание, спрашивал меня, что мне угодно? Ответом было: отыскать виноватых непременно и наказать для примеру другим. Еще прошел день, и ко мне прислан был унтер-офицер университетской команды со столяром, чтоб спросить меня, что делать с сим человеком, который не признавался в вине, хотя и был в числе семи. Подозревая одно упорство, я приказал задержать столяра; на другой день призывал к себе и услышал, что двое его товарищей Александр и Михайло, рабочие столяра Эренберга, что-то делали у решетки и за что на них кричал человек, случайно к ним подошедший. Задержанного отпустили и привели ко мне двух других, а вместе Головастиков, обвинитель, был призван. Я слышал улику с одной стороны, упорство с другой; осматривал попорченное и уверился, что это было намерением и с большим усилием. Приказал посадить обвиняемых под стражу; зашел к ним после и нашел их в глубоком сне, несмотря на то, что они привязаны были к стулу для острастки.

Полагая, что экзекутор предоставил мне розыск и наказание с Вашего на то согласия, увлеченный негодованием, я приказал их наказать палочными ударами; по их бодрости видел, что они издевались над строгостию моей; велел отпустить, после семидесяти, а может быть и сотни ударов каждому, не слыша от них признания. От Эренберга узнал я, что двое

виноватых живут у него еще недавно, около двух недель. От Шулера, товарища Эренберга, слышал я, что один из наказанных, тот самой, которой в особенности старался портить решетку, жил против него у другого столяра и замечаем был часто в буянстве.

Профессор Николай Лобачевский.

13-го октября
1825.

Пометы: «Получено 13-го октября 1825 года»; «№ 176»; копия с заверкою: «С подлинным верно: кандидат Тресвятский» и с пагинацией листов «5», «10» и «62», «63».

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 4689/5.

Изложено в статье Н. П. Загоскина «Дело о происшествии 12-го октября 1825 года (к биографии Николая Ивановича Лобачевского)» в «Историческом Вестнике», 1900, № 9, стр. 865—867; Загоскин. История, IV, стр. 440—441.

239

Из донесения директора Казанского университета Т. Е. Любомирова попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому в связи с наказанием Н. И. Лобачевским двух столяров

20 октября 1825

Полицейская и нравственная часть, изъемля нарушение в оной поступком г. Лобачевского, исполняется в точности. Дневные приказы директора о неисправности по Университету, хотя и щекотливы для господ профессоров, но произведут большую пользу.

Случай г-на Лобачевского, о котором я с прежнею почтою имел честь донести Вашему превосходительству, в то время меня встревожил, и я долго не мог опомниться. Но, имея в виду Ваше великодушие и благосклонность к нам всем, и, наконец, думая, что это случилось с начала вступления моего в должность, и что более, когда я буду покороче известен по службе чиновникам, принадлежащим к университету, подобных неприятностей не случится, несколько успокоился. А ныне, еслибы поступок г. Лобачевского не обеспокоил Ваше превосходительство, я бы мог сделанный им беспорядок забыть, во-первых, потому, что г. Лобачевский, не дожидаясь моего замечания, с совершенным раскаянием приехал ко мне и усердно просил, чтобы я исходатайствовал ему прощение у Вашего превосходительства и сам бы его простил, и дотоле не хотел от меня выйти, пока я не обещался исходатайствовать ему прощение у Вас; а во-вторых, потому, что на г. Лобачевского доселе не поступила просьба ни в гражданскую, ни в университетскую полицию.

Н. П. Загоскин. Дело о происшествии 12-го октября 1825 года (к биографии Николая Ивановича Лобачевского), Исторический Вестник, 1900, № 9, стр. 871 и 872 (из дела попечителя 1825 г., № 179).

240

Из официального письма попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого директору Казанского университета Т. Е. Любомирову по делу о наказании Н. И. Лобачевским двух столяров

После 20 октября 1825

Слову, которое Вы дали профессору Лобачевскому, я не могу изменить, не нарушив моего к Вам уважения и совершенной доверенности. Потому единственно я оставляю дело, о беспримерно дерзком его поступке зачатое, без последствия. Но я уверен, что Вы первый будете иметь причину раскаяться в Вашем снисхождении. Ежели профессор Лобачевский не очувствовался от моего с ним обращения после буйства перед зерцалом сделанного и многих нарушений должного почтения к начальству, одним невниманием моим к дурному воспитанию его покрытых; ежели неуместная и поистине смешная гордость его не дорожит и самою честью его звания, то чем надеетесь Вы вылечить сию болезнь душ слабых, когда единственное от нее лекарство — вера — отвергнуто? [Стр. 871].

Не взирая на совершенную уверенность, что не пройдет и года без того, чтобы профессор Лобачевский не сделал нового соблазна своею дерзостью, своеволием и нарушением наших инструкций, я забываю сие дело по Вашему настоянию и не забуду прошедших трудов его, но будущей доверенности прошу его от меня не требовать, доколе ее не заслужит. За всеми поступками его будет особенный надзор. [Стр. 871].

Н. П. Загоскин. Дело о происшествии 12-го октября 1825 года (к биографии Николая Ивановича Лобачевского), Исторический Вестник, 1900, № 9, стр. 871 и 872 (из дела попечителя 1825, № 179).

241

Донесение Н. И. Лобачевского в Совет Казанского университета о приобретении книг у вдовы архитектора И. А. Мари

21 октября 1825

В Совет Казанского университета.

Вдова покойного архитектора Мари представляет купить для Университетской библиотеки некоторые книги, оставшиеся после смерти ее мужа. Книги сии были доставлены ко мне для рассмотрения; относятся к архитектуре, большою частию в чертежах и недостаточные.

1. Giov. Albertolli, atcane decorazioni di nobile sale ed altri ornamenti. Milano. 1787 in voy. fol., 23 чертежа; местами захваты, в ветхом переплете. Полное собрание должно состоять из трех книг. Продается вторая. В 1805 году цена полного собрания была 140 франков в Париже — 20,00

2. Palladio, Andr. Le fabriche ed i disegni racc. ed illustr. da Ch. Bert. Scamozzi. T. IV-to, 2-e ed. Viceza 786. — Полное сочинение в 5 книгах стоит во Франции 150 франков. — 10,00

3. Rossi, Gio. Sac. Disegni di vari altari etc. Romo fol. Цена не известна — 50,00

4. d'Avilier Conos d'architecture, n. e. par S. Marrette. Paris. 1750, in 4°.

Стоит от 18 до 21 франка в Париже — 18,00

5. Palladio, Andr. Elementi di Architettura Basano 803, in 4-to. Цена не известна — 8,00

6. Собрание архитектурных чертежей Деннера в 2 перепл.— Надобно думать, что принадлежат к сочинению Деннера Civil Bankust в 3 частях. Продается 6 рейхсталеров — 20,00

7. Новой Buribola, пер. с фр. — 3,00

8. Собрание разных архитектурных чертежей — 15,00

9. Правила о перспективе, кн. 1-я, СПб. 1791, in 4-to, в коже, 6 таб. — 3,00

10. Лема. Предложения о гражданской архитектуре — 2,00

11. Лог. Хр. Штурма совершенное описание строения мельниц, пер. с нем. 1782, 6 част. в 3 кож. перепл. По каталогу все 10 частей 30 руб. — 10,00

169,00

Цена книгам по согласию г-жи Мари назначена здесь от меня, соображаясь с ценами в каталогах книгопродавцев или по моему рассуждению. Книги сии будут не бесполезны в Университете; а бедное состояние продавицы заставляет меня в особенности желать, чтоб Университет купил их. Профессор Н. Лобачевский.

На рукописном бланке, писанном рукою Н. И. Лобачевского: «М. Н. П. Департамент народного просвещения. Императорский Казанский университет. От профессора Лобачевского. О покупке книг для университетской библиотеки книг от вдовы Мари. Казань 1825, октября 21, № 17». (Цифра даты переправлена чужою рукою на «24», номер проставлен тою же рукою.)

Пометы: «№ 1040»; «Слушано 24 октября 1825 года»; «22»; «Определено: представить г. попечителю».

ЦГАТ, Ф. 977, № 3707, л. 1.

242

Отношение Совета Казанского университета попечителю Казанского учебного округа М. Л. Магницкому по вопросу о приобретении книг у вдовы архитектора И. А. Мари

После 24 октября 1825

Г. попечителю

Ординарный профессор и библиотекарь Лобачевский от 24 октября представил Совету Университета, что вдова покойного архитектора Мари желает продать для университетской библиотеки некоторые книги, оставшиеся после смерти ее мужа. Книги сии были доставлены к нему для рассмотрения; относятся к архитектуре, большею частию в чертежах и не

достаточны, а именно: [далее дается список книг в 11 названий по тексту Н. И. Лобачевского].

Цена книгам по согласию г-жи Мари назначена здесь самим г. Лобачевским, соображаясь с ценами в каталогах книгопродавцев, или по его рассуждению. Книги сии будут не бесполезны в Университете, а бедное состояние продавицы заставляет г. Лобачевского в особенности желать, чтобы Университет купил их.

Совет Казанского университета честь имеет представить о сем Вашему превосходительству.

Помета рукою письмоводителя П. Г. Белогородцева: «Оное представление не исполнено потому, что книги сии найдены ненужными».

ЦГАТ, Ф. 977, № 3707, лл. 2—3. Отпуск.

243

Сообщение в печати об утверждении министром народного просвещения А. С. Шишковым деканами Отделений Казанского университета Н. И. Лобачевского и других профессоров на 1825—1826 академический год

Октябрь 1825

Господин министр [народного просвещения] утвердил деканами Отделений на сей Академический год: Физико-математического — ординарного профессора Лобачевского, Словесного — Эрдмана, Врачебного — Ерохова и Нравственно-политического — экстраординарного профессора Караблинова.

«Начальственные распоряжения — IX» — Казанский Вестник, 1825, сентябрь и октябрь, стр. 6.

244

Конспект Н. И. Лобачевского по преподаванию чистой математики в Казанском университете в 1825—1826 учебном году

1825

ОБОЗРЕНИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЧИСТОЙ МАТЕМАТИКИ НА 1825—1826 год.

I. Способ преподавания вообще.

Лучший способ преподавания математики без сомнения аналитической, которой и принят в Казанском университете, исключая тех частей, где он не может иметь места, каковы, например, основания геометрии. Другому способу и нельзя следовать в Университете, потому что здесь читается полной курс математики; а синтез, как первое изобретение, уступившее после место анализу по его превосходству, остался в одних только началах. Аналитической способ состоит в том, чтоб отношения между величинами выражать уравнениями. Его выгоды суть: одинаковой приступ к разрешению всякого роду вопросов, общность (généralité); далее, и самая большая выгода, что уравнения, которые выражают собою зависимость вели-

чин друг от друга, заключают в себе все нужное к разрешению вопроса, освобождают от рассмотрения качеств сих величин и подчиняют ход задачи действиям алгебры, всегда одинаковым, прямым, кратким и которые ведут к разрешениям полным. Невыгода анализа — трудность понимать, происходящая от общности и отвлеченности; наконец, еще та, что помощию его находятся величины в числах, а следовательно, заключения его, когда под сими величинами разумеются вещи, время или силы природы, должны быть истолкованы, то есть, из чисел снова стать действительными величинами, что представляет иногда большие затруднения и бывает причиною погрешностей. Примером последнего может служить спор Даламберта с Ейлером и Лагранжем о непрерывности кривизны звучащих струн. Синтез, далеко не имея выгод анализа, не имеет также его и невыгод: он ясен, ощутителен и гораздо убедительнее для начинающих. Несмотря на то даже и в началах надобно удержать анализ как для сохранения одинаковости преподавания, так и для того, чтоб самые начала математики служили приготовлением к ее вышшим частям. А чтобы здесь соединить выгоды анализа с выгодами синтеза, для сего надобно через несколько частных случаев переходить к общим и преподавание обогащать примерами. Это предписано в правило здешней Гимназии.

Между тем находятся части математики, где синтез необходим как единственный способ, которой должен вести науку до известной границы и не прежде как за сею границей она может быть подчинена совершенно анализу. Такова геометрия и механика. Систематическое преподавание требует, чтоб такие части математики были отделены явственною чертою, дабы показать, что отличительного заключает в себе каждая и где начинаются ее источники. С другой стороны, начала геометрии делались бы слишком кратки, отделены большим промежутком от анализа, где в первой раз встретилось бы их употребление и при том в чрезвычайной обширности. Итак, разделение курса чистой математики на два нахожу я полезным и естественным: один приуготовительной, которой читается в гимназиях, другой полной в университете. Первой заключает в себе основания алгебры, синтез геометрии, приложение к геометрии анализа, куда входят в состав различные частные случаи и примеры, встречающиеся в обыкновенной жизни, чтоб достигнута была, таким образом, двойная польза. Курс в университете идет снова от начал математики, но рассматриваемых из другой точки зрения; обнимает их в обширности, отделяет синтез от анализа и систематически излагает действия последнего в их естественном порядке и по мере, как они становятся искусственнее и более общи. Простота и легкость синтеза заслуживает иногда быть упомянута. Интегрирование уравнения, где содержание квадратов дифференциалов двух переменяющихся дается равным содержанию их синусов, находится весьма легко из рассмотрения сферического треугольника; напротив требовалось остроумие Ейлера и Лагранжа, чтоб решение почерпнуть из одного анализа. В синтезе всегда будут скрываться богатые источники для матема-

тиков, но открывать и пользоваться ими предоставлено одним только Гениям. Преподавание не должно черпать из сих источников.

Сказанное здесь, думаю, достаточно будет, чтоб судить о духе и порядке моего преподавания. Чтож касается до тех понятий, которые должны составлять основания частей чистой математики, об этом я оставляю говорить в статье геометрии.

II. План преподавания.

Студенты Казанского университета разделены на три разряда в намерении, чтоб курсы начинались каждой год и оканчивались в три года: потому что ежегодно вступают новые слушатели и каждой год должны быть оканчивающие полной курс. Всего нужнее такое разделение для систематических наук и, следовательно, в особенности для математики. Таким образом, профессор в Казанском университете читает весь курс своей науки в год: курс должен быть или очень краток, что противно назначению университета, или очень быстр, что мало бы обещало успехов в такой трудной науке, какова математика. Пользуясь расположением часов, я соединяю два младшие разряда и читаю им вместе нынешний год: начала геометрии, тригонометрию и аналитическую геометрию; студентам же третьего отделения читаю особо: применение дифференциального исчисления к разложению функций в строки, к геометрии, механике и варьяционное исчисление. На следующий год, естьли будет на то одобрение Совета университета, намереваюсь я читать для третьего отделения тоже, а для первого и второго вместе общую арифметику, разрешение уравнений, теорию дифференциального исчисления и интегральное исчисление. Так, две части моего курса делаю я обширнее, выбирая их, чтоб каждая могла быть преподаваема независимо от другой и требовала одинаковых предварительных познаний, то есть оснований алгебры и геометрии, что необходимо должен знать каждой, вступающий в университет.

III. Предметы преподавания.

А. Начала геометрии.

Здесь место говорить о понятиях, которые должны быть положены в основания математических наук, потому что решение сего вопроса всего важнее для геометрии. То неоспоримо, что мы всеми нашими понятиями о телах одолжены чувствам. Подтверждается истина сего и тем, что там останавливается наше суждение, где перестают руководствовать нас чувства, и что мы отвлекаем от тел и такие понятия, к которым наклоняют нас чувства; хотя существо вещей инаково. Пример тому прямые, кривые линии и поверхности, которых в телах природы нет; между тем воображение владеет сими идеалами, почерпнутыми в самом недостатке чувств. Посему все наши познания, которым из природы почерпнутые понятия послужили основанием, справедливы относительно только к нашим чув-

ствам. Это и составляет однакож единственную цель математических наук, покуда они остаются математическими, то есть, покуда идет дело о счете и числах. Отсюда надобно вывести то заключение, что в основание математических наук могут быть приняты все понятия, каковы бы они ни были, приобретаемые из природы, и что математика на сих основаниях по справедливости может назваться наукою точною, так как напротив все те понятия, которые не могли быть приобретены нашими чувствами, как, например, бесконечность пространства и времени, должны быть откинуты. Те, которые хотели ввести подобные понятия в математику, не нашли себе последователей. Такую участь имели основания форономии Канта, разнородность линий с углами и в последнее время бесконечное в анализе. Лагранж выставляет в заглавии своей книги Теории аналитических функций, как главное ее достоинство: degagés de toute considération d'infiniment petits, etc. ... et réduis à l'analyse algébrique des quantités finies. Вот почему все математические начала, которые думают произвести из самого разума, независимо от вещей мира, останутся бесполезными для математики, а часто даже и не оправдываемые ею. Одинаковость начальных понятий всех вещей, их простота и малое число показывает, что они суть необходимое следствие существа вещей относительно к природе человека, а посему и будут навсегда прочным основанием наук. Люди без всякого образования почитают за необходимое условие существования тел и то, что они падают вниз, то есть, они считают такое качество тел между начальными понятиями; но малейшая тень просвещения заставляет видеть здесь одно явление и рассуждать о его причине. Это усилие человеческого ума всего знать причину, как бы желание все произвести из самого себя, заставляет математиков приводить их начальные понятия к самому меньшему числу и, можно по справедливости сказать, в их науке оно было вознаграждено самыми большими успехами. Трудность различать составленные понятия от приобретенных становится тем более, чем они ближе друг к другу. Она до сих пор еще не побеждена в геометрии. Мы познаем в природе одни только тела, следовательно, понятие о линиях и поверхностях суть понятия произведенные, а не приобретенные, и посему не должны быть принимаемы за основание математической науки. Но в чем же заключаются отличительные качества тел от прочих величин, познаваемых нами в природе, чтоб отсюда могло проистекать учение о линиях и поверхностях? — Этого еще нет ни в одной геометрии. Троякое измерение тел, которое принимают за основание геометрии, не заключало бы в себе никакого понятия, естьлиб оно не указывало на то, что мы чувствуем, хотя в этом и не можем дать отчету. До тех пор, покуда не будут положены основания геометрии прочные и в истинном смысле математические, что, конечно, изменит совершенно образ преподавания, до тех пор понятия о линиях и поверхностях должны быть рассматриваемы за понятия, приобретенные из природы вещей, и полагаться в основание геометрии без дальнейших изъяснений.

Другого рода трудность в геометрии представляет параллелизм линий, трудность до сих пор непобедимую, но между тем заключающую в себе истины ощутительные, вне всякого сомнения и столь важные для целой науки, что никак не могут быть обойдены. Итак, остается только все сии истины привести к одной такой, которая бы могла легко убеждать в ее справедливости, присоединяя сюда некоторые пояснения, несмотря на недостаток строгости.

Вот в чем заключаются главнейшие затруднения в геометрии и одни, которые уничтожить до сих пор все усилия были тщетны. Увеличивать число основных ее понятий—значит только без малейшей пользы изменить преподавание, впрочем столь простое и естественное. Итак, не надобно следовать тем, которые хотели допустить в основание начало подобия, разнородности линий с углами, того менее тем, которые думают, что бесконечность подлежит человеческому суждению. Нахожу также бесполезным и останавливаться в преподавании на сих затруднениях, толковать откуда они происходят, или искать к ним ключа в философии. Математика должна быть совершенно независима от сей науки. Можно в некотором отношении сказать, что философия там оканчивает, где математика начинает, и что, следовательно, это бы значило, вступив раз на дорогу, возвращаться назад.

В курсах геометрии встречаются темноты, которых причина бывает двоякая: 1-ое, что не следует правилу определять все в мере; 2-ое, что хотят сохранить идеальность, тогда как истинная цель геометрии этого не требует. Вся математика есть наука об измерении; все то, что существует в природе, подчинено необходимому условию быть измеряему: посему различие между величинами должно относиться к различному роду измерений их и к числам, которые их представляют; все прочие понятия всегда будут темны и недостаточны. Итак, начинаю я геометрию с измерения прямых линий и дуг в отношении к их кругам, за этим даю определение углов; говорю об измерении частей поверхности шара в отношении к целой поверхности и отсюда заимствую определение плоскостных и телесных углов. Вторая причина темности, то есть идеальность, встречается в содержании линий, длине кривой линии и величине кривой поверхности. Для избежания сего рода темности надобно следовать двум правилам: 1-ое—математика имеет целию действительное измерение вещей, а посему и не должна итти далее, нежели сколько того требует чувства [sic]; 2-ое—понятия, которые имеют место в отношении только к некоторым предметам, могут быть произвольно распространяемы и на прочие, лишь бы они имели в виду средства, которые употребляются в измерении на самом деле. Например величина кривой линии в отношении к прямой не может быть понимаема так, как мы понимаем величину прямых линий в отношении друг к другу; но что мешает согласно с практикою разуметь под длиною кривой линии сумму тех прямых, которые будут поставлены вместо частей кривой линии с тем условием, чтоб почитать сию сумму за длину кривой линии тем строже

определенную, чем части кривой будут взяты менее? Такое измерение не могло бы ни к чему служить как в теории, так и в практике, естьлиб с уменьшением частей кривой длина ее не подходила постепенно ближе и ближе к известной границе, которая и должна быть почтена за истинную длину; не потому однакож, чтоб кривая линия допускала понятие о длине ее, но потому, что действительное измерение должно как можно более приближаться к сей границе. Определение сих границ принадлежит анализу, которой в сем отношении и может заниматься идеальностию, так как в нем только и находятся средства представлять уравнениями идеальные кривые линии. Отсюда видно, что измерение кривых линий, кривых поверхностей и тел, ограниченных кривыми поверхностями не должно вводить в начала геометрии; так как я и делаю, оставляя говорить об этом во всей обширности в аналитической геометрии. Под началами геометрии разумею я ту часть геометрии, в которой нельзя обойтись не рассматривать геометрические величины в пространстве. Ход сей части геометрии таков, что здесь от частных случаев восходят постепенно к более и более общим; следовательно, совершенно обратной нежели в анализе, где от общих случаев переходят к частным. Способ учения начал геометрии не подлежит никакому общему правилу и не может быть никак заменен анализом; по крайней мере при нынешнем состоянии сей науки, а вероятно останется и навсегда таковым. Начала геометрии продолжаются до тех пор, покуда будут сысканы общие правила для определения места в пространстве, для измерения треугольников и пирамид; тогда оканчивается синтез, и аналитическая геометрия продолжает науку в виде алгебры.

Для измерения пирамид надобно прибегать к способу пределов, как единственному, соединяющему в себе ясность и строгость.

Рассуждения, в которые вдаюсь я здесь, о трудностях преподавания математики и в особенности геометрии, не входят в самое преподавание мое, но помещаются сюда в намерении дать понятие о духе, в каком я читаю курс математики в Казанском университете.

Содержание начал геометрии такое:

I. Понятия о геометрических величинах. Определения пересечения, прикосновения и слияния. Определение круга и шара.
II. Измерение прямых линий, дуг в отношении к кругу, частей поверхности шара в отношении к целой поверхности. Определение углов.
III. О перпендикулах.
IV. О измерении телесных углов. Уклонение к правильным телам.
V. Случаи одинаковости треугольников.
VI. Измерение треугольников и вообще всякой фигуры.
VII. Измерение призм.
VIII. Измерение трехсторонних пирамид и вообще всякого тела.
IX. Измерение круга, цилиндра, конуса, шара, поверхности прямого цилиндра и конуса. В виде прибавления для примера общего способа подобных измерений.

В. Тригонометрия.

Нет еще до сих пор книги, в которой бы тригонометрия была представлена в системе, с выбором способа изложения и в том состоянии, до которого она доведена ныне по частям в различных математических сочинениях. Тригонометрия Каньоли, что касается до собственно относящегося к сей науке, весьма недостаточна: без системы, нет одинаковости в способе изложения. Применения многоразличны и они то составляют большую часть книги, но в курсе тригонометрии примеры должны служить к пояснению способов, существенность науки составляющих; прочие же, не прямо отвечающие цели, излишни и потому, что они встречаются в других частях математики и где они будут более на своем месте: в геодезии, сферической астрономии. Вот причины, почему я не следую Каньоли, хотя и лучшей тригонометрии, и почему считаю себя должным говорить в подробности о моем преподавании.

Тригонометрия должна быть совершенно аналитическою частию. Основанием ей служат два свойства прямолинейных треугольников: пропорциональность сторон, когда у них углы равны, и то, что сумма углов треугольника равна двум прямым. Тригонометрия может быть разделена на три части: первая заключает исследования о свойствах тригонометрических функцій; вторая — разрешение задач, относящихся к прямолинейным треугольникам; третья — разрешение задач, относящихся к сферическим треугольникам. Первая часть, самая обширная и трудная, требует пособия дифференциального исчисления, чтоб могла быть преподаваема в полноте; но как в расположении курса, принятом мною, это вычисление будет следовать после, то я многое, в особенности относящееся к разложению тригонометрических функций в строки, оставляю в намерении притти сюда как к примерам общих способов, предлагаемых в дифференциальном исчислении. Так что в составлении сей части полагаю я главнейшею целию показать те свойства тригонометрических функций, которых применение требуется в прочих двух частях. С другой стороны, известно, что почти все разложения тригонометрических функций могут быть произведены без помощи дифференциального исчисления также как и степени от бинома. Такой способ заслуживает быть упомянут в курсе чистой математики, и где же приличнее? Часть тригонометрии, о которой здесь говорится, должна иметь главнейшее достоинство удержать отличительное качество аналитики, то есть общность. Почему самое определение тригонометрических функций должно быть сделано в отношении ко всем возможным значениям углов как положительных, так и отрицательных. Я это делаю, во-первых, для синуса, после чего не трудно уже отсюда перейти и к прочим функциям. Геометрия доставляет значение синусов острых углов; распростра[не]ние на прочие углы остается, следовательно, произвольным и может быть сделано так, руководствуясь положением линии, выражающей синус, в разных частях круга, что все свойства триго-

нометрических функций будут общи всякой величине угла. Геометрические рассмотрения до тех пор необходимы в начале тригонометрии, покуда они не послужат к открытию отличительного свойства тригонометрических функций и которое заключается в значении синуса суммы двух углов, определяемого помощию синусов и косинусов сих углов порознь. Отсюда делается тригонометрия совершенно независимой от геометрии и имеет все достоинства анализа. Воображаемые количества, так названные потому, что заключают в себе квадратный корень от отрицательной единицы, доставляют большую помощь тригонометрии, сокращая и делая прямым и легким разрешение некоторых задач. Много следовательно бы было потеряно, естьлиб их выбросить из анализа по причине недействительности их значений, тогда как они ведут к заключениям стольже справедливым как и возможные величины. Напротив, здесь можно видеть пример обширности анализа, что он распространяется не только на возможные величины, но даже и на воображаемые. Тогда как геометрия и прочие части математики, занимающиеся действительными величинами природы, требуют на каждом шагу уверенности не только в возможности измерения, но даже и как оно должно быть произведено. Анализ, которой, так сказать, представляет собою одну игру знаков, не только не ограничивается действительностию (valeurs rationelles), но даже заключает в себе выражения, которые не допускают никакого значения. Употребляя знаки для неизвлекаемых корней, действия анализа распространяют на такие числа, которые, собственно говоря, не существуют; далее анализ помощию воображаемых величин подает средство выражать зависимость одного переменяющегося от другого, тогда как остается неизвестным, что должно произойти с одним, чтоб оно перешло в другое; и именно можно достигнуть сего, прибегая к знакам, которые бы показали свойства функции. Давая бо́льшую обширность анализу, не позволяется более рассматривать качества величин, подлежащих его действиям, которые бы не заключались в той-же степени обширности. Так, вместе с тем как в анализе будут приняты воображаемые количества, должно быть уже исключено употребление всякого действительного значения выражений, и не прежде можно рассуждать о действительных значениях, как в то время, когда воображаемые исчезнут. Вот мое мнение о сей ветви анализа; следуя ему, почитаю я обязанностию ближе знакомить моих слушателей с употреблением воображаемых и показать им все богатство сего источника. Впрочем есть всегда другие средства достигнуть к заключениям, к которым ведет рассмотрение воображаемых и где обходятся без их помощи. Итак, употребление воображаемых надобно знать уже и потому, что к ним можно прибегать как к легчайшему средству, которое ведет к открытиям. Из формулы для синуса суммы двух дуг проистекает много других, о которых надобно упомянуть, потому что их употребление весьма важно для прочих двух частей тригонометрии. Выражения тригонометрических функций кратных дуг помощию степеней тригонометрических функций оди-

накой дуги и обратно подают случай также к различным их применениям. Отсюда почерпаются уравнения, которых неизвестные [sic] тригонометрические функции частей окружности. Разрешение сих уравнений зависит от двучленных алгебрагических уравнений и требует пособия учения о целых числах, но о которых впрочем можно упомянуть или в виде немногих лемм или отсылая их доказательство в другое место. Главнейшее применение сих разрешений есть разделение круга на равные части. Учение о приращениях тригонометрических функций от изменения углов должно предполагать в особенности целию исследования точности тригонометрических решений, на которую имеют влияния ошибки таблиц. Составление тригонометрических таблиц основывается на разложении тригонометрических функций в строки, которое преподается здесь без помощи дифференциального исчисления. Следуют другие две части тригонометрии. Их можно обозреть обе вместе.

Части треугольника, которые определяют все прочие, суть те самые, которые составляют одинаковость треугольников как прямолинейных, так и сферических. Отсюда можно предвидеть, в чем должно состоять учение о разрешении треугольников и как надобно начертать план сему учению. Во-первых, необходимо должны существовать уравнения, которые бы выражали зависимость от частей треугольника, составляющих условие одинаковости, прочих его частей. Число сих уравнений, которые хочу я назвать основными, будет три для прямолинейных треугольников, именно: между трех сторон и углом, между двух сторон и двух углов и то, что сумма углов треугольника равна двум прямым; для сферических треугольников число основных уравнений четыре: между тремя сторонами и углом, между двумя сторонами и двумя противоположными углами, между двумя сторонами и двумя углами, из которых один между сторон, и, наконец, между стороною и тремя углами. Сходство тех и других уравнений открывается само собою, замечая то, что в прямолинейных треугольниках собственно должно быть два различных уравнения между двумя сторонами и двумя углами, но уравнение между тремя углами позволяет легко переходить из одного в другое так, что они оба видны в одном. Из сих уравнений почерпаются решения всех задач, относящихся к треугольникам. Они заключают в себе линии и тригонометрические функции или одни только тригонометрические функции. Значения линий могут быть только положительными или отрицательными, но как отрицательные стороны треугольника не представляют никакого понятия, то естьлиб встретились такие значения, самую задачу надобно почитать ложною. Определение углов представляет более трудности, ибо к ним надобно переходить от тригонометрических функций, которым отвечают бесконечное множество углов, разнящихся в знаке, или двумя, или четырьмя прямыми, или служат один другому дополнением до двух прямых. Отрицательные углы должны быть отброшены как несовместные с понятием о треугольниках. В прямолинейных треугольниках сомнение о значении угла может

падать между нулем и двумя прямыми. Взгляд на треугольник решает легко, которой из двух углов должен быть принят, естьли тригонометрическая функция дает их два между сказанными границами, разве другие условия, например знак другой тригонометрической функции того же угла, позволяет обойтись без геометрического рассмотрения. В сферических треугольниках значения углов заключаются между нулем и четырьмя прямыми, но как между сими границами тригонометрические функции для одной половины значений бывают положительные, для другой—отрицательные, то снова сомнение может падать только на два значения, которое разрешается подобным же образом как и в прямолинейных треугольниках. Из основных уравнений проистекают, во-первых, другие, примечательные по их краткости, удобности для вычислений и большом их употреблении в тригонометрии; таковы значения тригонометрических функций половины угла, определяемые из сторон Неперовы и Гауссовы аналогии. Следует самое разрешение задач тригонометрии, относящихся к треугольникам. Пересчитывая их все в порядке, даю я решения для каждой, присоединяя сюда разбор о влиянии ошибок таблиц и какие средства находятся уменьшать сие влияние, изменяя решение; так, что часто надобно предпочитать вычисления помощию строк. Задачи, относящиеся к сферическим треугольникам, весьма мало разнящимся от прямолинейных, составляют особую главу. На все разрешения даются примеры действительного вычисления по таблицам. Здесь предлагается содержание тригонометрии.

I. Определение тригонометрических функций. Их главнейшие свойства. Уравнения, заключающие отличительные свойства тригонометрических функций от других. Значения углов, отвечающих каждой тригонометрической функции. Сравнение логарифмических функций с тригонометрическими.

II. Определение тригонометрических функций кратных дуг помощию степеней тригонометрических функций от одинакой дуги, и обратно. Употребление здесь воображаемых логарифмических функций. Вообще правила для их употребления.

III. Приращения тригонометрических функций от изменения углов. Суммование тригонометрических функций.

IV. Определение в числах тригонометрических функций из алгебрагических уравнений. Разрешение сих уравнений. Разделение круга на равные части.

V. Разложение тригонометрических функций в строки. Составление тригонометрических таблиц.

VI. Уравнения, откуда должны почерпаться разрешения задач, относящихся к прямолинейным треугольникам. Как они служат для определения углов.

VII. Уравнения, которых цель состоит в превращении формул для употребления с большею удобностию логарифмических таблиц.

VIII. Разрешение задач, относящихся к прямолинейным треугольникам. Преимущества решений одних перед другими. Способ вспомогательных величин. Способ вычисления помощию строк.

Разрешение задач, относящихся к сферическим треугольникам, как по содержанию своему, так и порядку преподавания совершенно тоже, что и прямолинейных треугольников, почему и считаю лишним говорить о сем в особенности.

IX.[1] О сферических треугольниках, весьма мало разнящихся от прямолинейных.

Десятичному разделению круга даю я преимущество, как действительно выгоднейшему в вычислениях; но как употребление сего разделения не так еще обще, то некоторые примеры даются также и для шестидесятичного.

С. Аналитическая геометрия.

Эта часть чистой математики следует за тригонометриею в моем преподавании, потому что она требует ее пособия. Аналитическая геометрия не оставляет ничего желать со стороны системы и ясности ее способов, а посему и обязывает преподавателя верно держаться сочинений лучших писателей о сем предмете, в особенности Монжа, всегда более способствовавшего к распространению сей науки. Причиною такого совершенства ее без сомнения то, что она заключается вся в аналитических действиях, целию которых полагается определение геометрических величин. Что касается до обширности аналитической геометрии, то, конечно, ее пределы не могут быть назначены; напротив, идя наряду с анализом, она также с ним будет и распространяться. Хотя способ преподавания, как уже сказано мною, совершенно ясен в аналитической геометрии; но прежде, нежели она делается в полном смысле аналитическою, надобно бывает от начал геометрии перейти к алгебрагическим знакам и к уравнениям, которые бы под общим их видом заключали под собою все возможные случаи и освобождали бы, таким образом, прибегать еще раз к геометрическому представлению; далее требуется постановить правила, как переходить от чисел анализа к действительным величинам геометрии: тут связь с синтезом бывает причиною некоторых затруднений. Писавшие о сем предмете не соблюли в этом случае надлежащей строгости; между тем, как это требует одного внимания не опустить приложить толкование к действиям анализа, когда ему подчиняются геометрические величины, одним словом, требует простого замечания, чтоб сделать совершенно ясным понятие о положительных и отрицательных линиях и углах; ибо это понятие только и нужно присоединить к геометрии, чтоб она за началами ее делалась аналитическою. После сего не трудно уже показать справедливость и той весьма важной истины, что когда хотят прибегать

[1] *В подлиннике:* XII.

к геометрическим рассмотрениям, чтоб помощию чертежа облегчить представление, то, хотя всякой чертеж может только изобразить один частной случай, алгебрагические уравнения, которые отсюда почерпаются, несмотря на такую частность, бывают совершенно общими. Например, желая переменить перпендикулярные координаты в полярные, стоит только рассмотреть то положение точки, где расстояние ее от начала координат, отброшенное на одну из трех перпендикулярных плоскостей, падает между двух осей, и формулы, найденные для сего случая, будут равно принадлежать всякому другому.

Аналитическая геометрия разделена в моем преподавании на две части. Одна, для студентов первого и второго разряда, содержит в себе все относящееся к определению точек в пространстве; говорит об общем способе представлять уравнениями линии и поверхности, их пересечения, проекции; дает уравнения прямой линии и плоскости; занимается задачами, сюда относящимися; измерением площади многоугольников и объема тел, ограниченных плоскостями; также исследованиями о свойствах линий и поверхностей второй степени; об осях и центрах кривых линий и поверхностей; наконец, как выражаются уравнениями, не прибегая к дифференциальному исчислению, цилиндрические, конические поверхности, поверхности вращения и развертывающиеся поверхности. Вторая часть заключает применение дифференциального исчисления к геометрии, и читается для студентов третьего разряда. Содержание первой части следующее:

I. Определение положения точки на плоскости помощию координат. Способ выражать линию одной кривизны уравнением между координат. О положительных и отрицательных линиях и углах.

II. Превращение координат в плоскости.

III. Уравнение прямой линии в плоскости: Задачи, сюда относящиеся.

IV. Линии, которых уравнения второй степени. Их разделение. Главнейшие их свойства.

V. Определение площади многоугольников.

VI. Определение положения точки в пространстве. Способ выражать уравнениями линии и поверхности. О положительных и отрицательных линиях и углах. Как выражают уравнения пересечение линий и поверхностей.

VII. Превращение координат в пространстве.

VIII. Уравнение прямой линии в пространстве. Задачи, сюда относящиеся.

IX. Уравнение плоскости. Задачи, сюда относящиеся.

X. Уравнение поверхностей второй степени. Главнейшие их свойства.

XI. Уравнение цилиндрических и конических поверхностей. О линиях пересечения цилиндра и конуса плоскостию.

XII. Уравнение поверхностей вращения и развертывающихся поверхностей.

XIII. Об осях и центрах линий и поверхностей.

Я нужным считаю заметить и то, что естественной ход преподавания математики требовал бы, чтобы тригонометрия, что касается до разрешения треугольников, составляла часть аналитической геометрии; но как из нее сделали особую часть, независимую от сей последней, то я упоминаю в своем месте, каким образом основные уравнения тригонометрии могут быть выводимы из уравнений прямых линий и плоскостей.

D. Дифференциальное исчисление.

Нынешний год будут читаны для студентов третьего разряда одни применения дифференциального исчисления; начала же сего вычисления были пройдены в прошедший, и по заведенному порядку, будут читаться на следующий студентам младших двух разрядов. Дифференциальное исчисление само по себе и разложение функций в строки имеют тесную связь между собою, которая привела Лагранжа к мысли даже основать первое на последнем. Не почитаю нужным, говорить здесь, какие начала полагаю я для дифференциального исчисления, потому что они не входят в курс нынешнего года, но я должен сказать однакож, на чем я основываю понятие о разложении функций. Обращаю внимание, во-первых, на то, что дифференциальное исчисление само по себе, равно как и разложение функций в строки, составляют часть анализа, почему и справедливо Лагранж называет то и другое вычислением функций (calcul des fonctions), а следовательно, дифференциальное исчисление не есть принадлежность величин, прилагаемая к ним как необходимое качество; но есть род счета, изобрет[ен]ие которого совершенно зависело от воли и об котором понятие должно быть почерпнуто в понятии о функциях, так как они служат предметом сему вычислению. Тоже надобно сказать и о самом разложении функций: где оно может быть допущено, надобно это видеть в самом понятии о функциях. Под функцией переменяющегося разумеют величину, которой значение зависит от сего переменяющегося. В геометрии и механике может случаться, что не бывает видно, в чем именно состоит сия зависимость, по крайней мере при первом взгляде; но в анализе она должна быть всегда определенною. Естьлиж рассуждаем, в чем может состоять зависимость одной величины от другой, то не иначе можем себе ее представить, как или именно [sic] должно быть предписано, что должно произойти с одною величиною, чтоб она сделалась другой, если она должна определяться условиями, которым обе величины удовлетворяли бы вместе и таким образом согласовались в своих значениях. Например возвышение в степень, которой показатель целое положительное число, будет функция, определенная прямо в своем происхождении; напротив, синус угла будет функция, которая определяется условиями, заключающимися в происхождении значения синуса суммы двух углов из синусов и косинусов обоих углов порознь. Все действия анализа в последнем разборе приходят к сложению, так что их можно представлять себе в ряду, по мере как они происходят из сложения; а равно и все условия в отношении к действиям, кото-

рые для них предполагаются. Отсюда видно, что всякая функция достаточно определяется тем действием, которое оно выражает; или помощию условий, которым она должна удовлетворить; но только в последнем случае нельзя предпринять никакого вычисления для отыскания значения функции, не предположив для нее определенного вида. Естьли б аналитическое выражение функции было дано, тогда бы ничто не препятствовало поверить справедливость такого выражения. Итак, когда сие выражение неизвестно, то стоит только принять такое, в которое бы вошли неопределенные числа, оставляя дать им значение по усмотрению, какого будут требовать условия. Выбор сего выражения совершенно произволен, лишь бы число неизвестных в нем было достаточно для удовлетворения всем условиям. В этом отношении неопределенно продолжающаяся строка, составленная из возвышающихся степеней переменяющегося с произвольными коэффициентами, будет отвечать сей цели, и, следовательно, сей вид функции будет один из тех, которой принадлежит им всем, каковы бы они ни были. Для сего надобно, чтоб условные уравнения принимали вид той же строки, в зависимости чего легко увериться, следуя мыслию за происхождением функций одних из других, и тогда коэффициенты определятся из сличения множителей одинаковых степеней переменяющегося. Отсюда видно, что способ разложения функций, которой я здесь предполагаю и помощию которого уверяюсь в возможности сего разложения, есть тот, которой известен под названием способа неопределенных коэффициентов. Далее, надобно, чтоб значения коэффициентов были аналитически возможны, хотя бы и не были действительны, как, например, заключая в себе $\sqrt{-1}$; противное сему произойдет в одном только случае, именно когда некоторые из коэффициентов будут дроби, которых знаменатель нуль. Но естьли изменяющееся функции соединено знаком сложения с другим неопределенным числом, тогда значения коэффициентов из уравнений, к которым приводят условия, не будут даны в числах, а только в знаках, и, следовательно, могут подлежать вычислениям анализа. Ос[тае]тся разрешить вопрос, что должно разуметь о значении функции, когда принятая вместо ее строка не будет заключать в себе достаточное число членов, как бы мало их ни было взято, для удовлетворения условиям? Она должна продолжаема быть до тех пор, а переменная ее величина должна браться между таких границ, что влияние последних ее членов будет неприметно относительно предполагаемой строгости в вычислении. Впрочем строка может быть сходящеюся или расходящеюся. Математики ищут другой дороги притти к заключениям, которые здесь выведены, то есть они ищут достигнуть сюда чрез одни вычисления; но надобно согласиться, что чем ближе подходим к начальным понятиям и чем они обширнее, тем более бываем принуждены оставаться при одном суждении. Вычисления всегда убедительнее, нельзя не признаться в этом, потому что они носят верной отпечаток суждений в порядке их последования, а чрез это доставляют твердость доказательствам. Способу неопределенных коэффициен-

тов не могут подлежать геометрические линии и величины, определяющие движение, которые можем представлять независимо от условий и не зная как именно одно переходит в другое; но за то в применении дифференциального исчисления к геометрии и механики все изменяется в виде. Об этом следует мне говорить.

Несмотря на старание математиков удержать всю строгость в началах дифференциального исчисления, строгость, которая составляет исключительную принадлежность анализа, несмотря на это, надобно согласиться, что дифференциальное вычисление, перенесенное в геометрию и механику независимо от сей строгости, требует только другой точки зрения, откуда надобно рассматривать дифференциалы, именно их надобно принимать за конечные приращения, присоединяя сюда то правило, что сии приращения должны откидываться при тех величинах, от которых они происходят. Естьли рассудим о кривой линии, представленной уравнением между координатами, и кривой в геометрии, которой хотим измерять длину, то легко согласиться, что первая представляет линию непрерывной кривизны, другая не может быть иначе понимаема, как соединением чрезвычайно малых прямых. Движение, непрерывно ускоряющееся, не может быть иначе понимаемо, как в представлении движения равномерного в чрезвычайно малые промежутки времени. Итак, естьли действительное измерение величин геометрии и механики не может быть свободно от представления приращений, к чему же аналитика здесь должна стараться их избегнуть? Напротив, этот род понятия дифференциального исчисления, согласной с целию геометрии и механики, доставляет большую ясность в преподавании. Между тем как отвлеченные числа анализа требуют составлять ряд заключений, представление самых величин механики и геометрии доставляет воображению, чрез одно воззрение на них, вдруг всю связь предметов. Хотеть довольствоваться одними числами, значит пренебречь воспользоваться выгодами, которые доставляют существенные качества величин природы. Я могу сказать, со страстию углублялся за далекими видами великих математиков и думаю, что их постигаю, но преподавая долгое время, различаю совершенство науки от преимущества преподавания. Пусть отнесут сказанное мною здесь к тому месту теории аналитических функций Лагранжа, где он говорит о движении, то я надеюсь, что замечания мои найдутся справедливыми. Содержание дифференциального исчисления в нынешний год преподавания такое:

I. О возможности разложения функций в строку по степеням изменяющегося. Разложение по степеням приращения изменяющегося. Строки, расходящиеся и сходящиеся. Значение бесконечной строки.

II. Общий способ разложения функций по степеням изменяющегося помощию дифференциального исчисления.

III. Разложение функций в строку, когда изменяющееся получает определенное значение. Случаи, в которых разложение невозможно.

IV. Способ выражать остающиеся члены строки. Определение границ отбрасываемых членов.
V. Особенные способы разложения функций в строки некоторых частных случаев.
VI. Формула Бюрмана. Формула обращения Лагранжа.
VII. Разложение функций в строку по синусам и косинусам кратных дуг.
VIII. Определение самых больших и самых меньших значений функции.
IX. Варьяционное исчисление.
X. Дифференциальные уравнения цилиндрических и конических поверхностей и поверхностей вращения.
XI. Теория прикосновения линий и поверхностей.
XII. О касательных линиях, кругах, плоскостях, шарах, еллипсоидах и параболоидах. О линии большей и меньшей кривизны на поверхности.
XIII. Определение длины кривых линий, величины площади кривых, величины кривых поверхностей и объема тел.
XIV. О развертывающихся поверхностях.
XV. О развертывающейся линии и линии развертывания.
XVI. Понятие о силах и движении. Составление сил. Равновесие сил, действующих на точку.
XVII. Начало приобретаемых скоростей (principe des vitesse virtuelles).
XVIII. Понятие о различном роде движения. Общий способ разрешения задач механики помощию начала приобретаемых скоростей.
XIX. Закон сохранения площадей, движения центра тяжести, сохранения живых сил в движении и закон малейшего действия.

Профессор Николай Лобачевский.

ЦГАТ, Ф. 977, оп. 323, № 36, лл. 1—10.

О подготовке рукописи к печати Казанским физико-математическим обществом, сообщено в заметке «Неопубликованные рукописи Н. И. Лобачевского» в «Красной Татарии», 9 февраля 1941, № 33 (6910), стр. 4; неточно цитировано из нее отдельными небольшими фразами в статье Н. Н. Парфентьева «Натурфилософия Н. И. Лобачевского» в сборнике «К 125-летию (1804/5—1929/30) Казанского Государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина», 1930, стр. 35 (из раздела III. «Предметы преподавания», А. «Начала геометрии»), 38 (из раздела I. «Способ преподавания»), 41 (из раздела III. «Предметы преподавания», А. «Начала геометрии»).

245

Конспект Н. И. Лобачевского по преподаванию математической физики в Казанском университете в 1825—1826 учебном году

1825

Общий взгляд на преподавание математической физики *на 1825—1826 год*

В начале нынешнего учебного года Физико-математическое отделение, рассуждая об успешности преподавания наук, ему принадлежащих, пору-

чало мне занимать студентов математическою частию физики в пособие г-ну профессору Купферу, сверх уроков механики, которые должны были составлять главной мой предмет.

Хотя физика повсюда заимствует пособие математики и одолжена сей науке всем своим существованием; но главнейшее в ней применение чистой математики и механики до сих пор сделано в той части, где говорится о телах без тяжести, каковы вещество теплоты, света, електричества, магнита. Учение о равновесии и движении жидкостей, учение о звуке, представляют два случая из механики, которые по важности своей заслуживают подробного изложения и становятся учением физическим, которого цель должна быть сравнение опытов с вычислениями, и где все познания должны клониться к тому, чтобы на [sic] многие наблюдения, открыв нам свойства тел, служили для достаточного толкования всех прочих явлений и даже представляли их в числах и мере со всею точностию. Здесь не нужна более та обширность понятий, которая составляет исключительно принадлежность и столь великое достоинство аналитики. Из всех общих рассуждений о силах берется только то, что действительно усматривается в природе, и при том что подлежит нашим испытаниям в том тесном кругу, где предметы находятся еще под нашими руками. Все прочее принадлежит астрономии, силы, которых действие не могло быть до сих пор подчинено математическим вычислениям, относятся к химии, минералогии и всей естественной истории; к наукам, где человеческий ум должен ограничиваться одними наблюдениями законов сродства и организма, вести только список произведениям природы, не могши открыть начальные причины, итти от них и толковать явления, подобно как в механике с понятиями о силах выводятся все случаи равновесия и движения. Отделяя астрономию, химию и естественную историю из учения о природе, остаешься при той науке, которую назвали физикой. Но как скоро здесь оставляют трудную дорогу, которою шел человеческий ум к открытиям; как скоро предполагают не только справедливые понятия о телах и силах понятия, утвержденные предварительным начальным гимназическим учением; как скоро предполагают познание перьвых причин явлений и хотят нисходить от них ко всем их действиям, руководствуясь в суждении своем несомнительными законами движения; тогда физика становится математическою наукой в состоянии совершенства, к которому должны мы силиться привести всякое учение о природе, но к которому однакож приведена еще только астрономия и часть физики, но и то последняя принимает иногда один вид математического преподавания без твердых оснований. Недостаток весьма важной, на которой обязан преподаватель обратить внимание. Он должен говорить истину, но не похищать достоинства математического учения; должен дать чувствовать пользу его, несмотря на то, что мы с великим трудом по прошествии продолжительного времени в старательном учении могли постигнуть весьма немногие тайны природы, столь тщательно в ней сокрытые. Действительно, два мнения о свете разделяют

физиков. Невтон думал, что особенное вещество изливается от солнца, греет и освещает землю. Декарт хотел производить свет подобно звуку. Гугенс основал на сем мнении математическое учение, Ейлер поддерживал его силою своего ума и ныне оно берет перевес над другим, потому что оно толкует достаточно, с точностию вычислений, все явления отражения преломления и встреч света (interférences de la lumière); но как понимать после сего полюсование света (*polarisation de la lumière*)? Все явления напряженного електричества указывают на такое вещество, которого части силятся разбежаться от отталкивания, возрастающего по мере уменьшения расстояния их, и именно в содержании к квадратам сих расстояний; но одни защищают мнение Франклина об избытке и недостатке електричества, другие принимают два вещества, и ни те, и ни другие не могут видеть, как приобретает поток електричества в Волтовом столбце новые свойства и начинает управлять движением магнитной стрелы? Несмотря на все недостатки оснований физики, часть ее математическая делит все явления на несколько разрядов, где они связываются суждением, как необходимые последствия одного предположения. Учение о природе по обширности своей требует таких подразделений и порядка, чтобы помогать тем памяти. Теории физические еще более оказывают пользу: они ведут к открытиям, которые должны уничтожить ложные мнения, заменяя их другими, более удовлетворительными; они дозволяют делать применения к потребностям нашей жизни и в строении орудий достигать цели с последнею расчетливостию. Даже несоглашающиеся предположения не могут назваться еще ложными: они заставляют думать о началах, откуда то и другое может быть следствием, но до которых восходить предоставлено изредко появляющимся в веках гениям, каков Невтон, Лавуазье.

Разделение и порядок преподавания математической физики указывает самое различие способов, заимствованных из чистой математики, которые способы, составляя главнейшее основание сего учения, должны скорее разделять между собою предметы учения, нежели разделяться сами по предметам и таким образом требовать непрестанно нового рода суждения. Посему учение физики заключает в себе три главные части: 1) о силах, действующих в прикосновении, которым силам повинуется теплота внутри тел, свет в отражении и преломлении по теории излияний; жидкости в прилипании их и восхождении в тонких трубках; 2) о силах, действующих с приметных расстояний и которые бывают причиною равновесия и движения електричества, всех електродинамических и магнитных явлений; наконец, 3) о силе упругости в телах, действие которой силы производит звук в воздухе, явления света по теории волнений теплотворной материи. Сюда же относится учение о волнении жидких текучих тел, почти несжимаемых.

Способ преподавания предпочел я такой. Всякой предмет, которой должна обнять одна математическая теория, начинаю я излагать, расска-

зывая все то, что наблюдения здесь открыли; какие законы были примечены, какие мнения физиков существовали, почему оставлены и заменены другими? Остановясь на том, что действительно дознано, с этим вместе я указываю ту цель, к которой должно привести математическое учение. Хотя я мог бы предполагать в моих слушателях все предварительные познания в началах физики и математики, чтобы приступить прямо к применению высших частей аналитики к природе, однакож не считая бесполезным повторения, в особенности желая сохранить везде единства способа, мною избранного, я припоминаю кратко явления физические и объясняю правила вычислений, для сего нужных.

Нет особенного сочинения, которое бы заключало в себе математическую физику. Г-н Био позволяет себе только некоторые вычисления. Механическая физика Фишера далеко не представляет науки в том состоянии, до которого она ныне доведена. По трудности предмета она по частям только находится в различных сочинениях математиков, которым одолжена своими успехами в новейшие времена. Теория о распространении теплоты в телах дана г-м Фурье; учение о свете г-м Френелем; в сочинениях Лагранжа, Лапласа и Пуассона находим достаточное учение о движении звука и волн; теорию електрических и електродинамических явлений в записках Пуассона и Ампера, издаваемых от Французской Академии. Наконец, о новейших открытиях извещают ученые повременные сочинения, в особенности *Annales de Physique et de chemie par Gay-Lussac*, Annalen dur Physik von Gilbert.

Профессор Николай Лобачевский.

ЦГАТ, Ф. 977, оп. 323, № 36, лл. 11—13. Писано писарскою рукою с вставками Н. И. Лобачевского и его подписью; вставки набраны курсивом.

О подготовке рукописи к печати Казанским физико-математическим обществом сообщено в заметке «Неопубликованные рукописи Н. И. Лобачевского» в «Красной Татарии», 9 февраля 1941, № 33 (6910), стр. 4; одна фраза из нее неточно цитирована в статье Н. Н. Парфентьева, «Натурфилософия Н. И. Лобачевского» в сборнике «К 125-летию (1804/5—1929/30) Казанского Государственного Университета им. В. И. Ульянова-Ленина», 1930, стр. 37 (конец второго абзаца).

246

Конспект магистра математики и физики Н. О. Юферова по преподаванию алгебры и геометрии по сочинениям Н. И. Лобачевского в Казанском университете в 1825—1826 учебном году

1825

Порядок предметов, алгебру и геометрию составляющих
А. Алгебра

1. Понятие о величине. В чем состоит измерение? Определение целого и дробного числа. Способ писать числа.

II. Определение основных четырех действий и знаки оных, о употреблении сих знаков: 1) Когда числа только складываются и вычитаются, то должно их складывать и вычитать в том порядке, как они написаны. 2) Когда числа только множатся и делятся, то должно их множить и делить в том порядке, как они написаны. 3) Когда числа складываются, вычитаются, множатся и делятся, то должно прежде делать умножения и деления, после чего числа будут складываться и вычитаться. О скобках, что под оными разуметь должно. 1) Когда числа складываются и вычитаются только, то числа впереди сряду можно ставить в скобки и нет. 2) Когда числа складываются, вычитаются, множатся и делятся, то числа, которые множатся и делятся, можно ставить в скобки и нет.

III. О перемене места чисел, когда они только складываются и вычитаются. 1) Все равно придать ли сумму двух чисел вдруг, или придать прежде одно потом другое. 2) Когда три числа складываются, то последние два могут меняться местами. 3) Когда два числа складываются, то к первому ли придать второе, или ко второму первое, всё равно. 4) Когда числа только складываются, то каждое из них может стоять на произвольном месте. 5) Когда к одному числу придается прежде другое, потом отнимается третие, то можно прежде отнять третие, потом придать второе. 6) Когда числа складываются и вычитаются, то все числа с знаками сложения можно поставить напереди сряду, а все числа с знаками вычитания при конце.

IV. Как уничтожать и ставить скобки в ряду чисел, когда они только складываются и вычитаются.

V. О положительных и отрицательных. 1) Различие положительных и отрицательных чисел. 2) Всякой ряд чисел, которые складываются и вычитаются, можно рассматривать под общим видом суммы. 3) Как складывать числа положительные, отрицательные, положительные и отрицательные.

VI. О умножении и делении. 1) О перемене места чисел, когда они только множатся и делятся. 2) Как уничтожать и ставить скобки в ряду чисел, когда они только множатся и делятся. 3) О дробях, О умножении и делении дробей и целых чисел, и дробей между собою. 4) Когда дробь не переменит своей величины. 5) О умножении и делении чисел положительных и отрицательных. 6) О умножении и делении суммы на одно число и суммы на сумму.

VII. О степенях чисел и о знаке степеней. 1) Определение степени числа, когда показатель положительное целое или дробное число; когда показатель число отрицательное. Случай, когда степень определить невозможно. 2) Как возвысить в степень произведение и частное чисел. 3) Как степень возвысить еще в степень. 4) Как множить и делить степени при равных основаниях. 5) Как возвысить сумму в степень.

VIII. О уравнениях. 1) Что значит решить уравнение. 2) Уравнения бывают об одном и многих неизвестных, первой и высших степеней. 3) Что такое корень уравнения. 4) Какой вид могут иметь уравнения. 5) Какой общий вид уравнения первой степени с одним и многими неизвестными. 6) Какой общий вид уравнения высших степеней. 7) Способ решать уравнения второй степени. 8) Понятие о корнях уравнения второй степени.

IX. О логарифмах. 1) Что называется логарифмом. 2) К чему служат логарифмы. 3) Как взять логарифм ряда чисел, которые множатся и делятся. 4) Как взять логарифм степени. 5) О счете помощию логарифмов, о таблицах логарифмических и в особенности об употребительных.

B. Геометрия.

I. Предварительное рассуждение, содержащее в себе определения и приуготовительные сведения.

II. Об углах.

III. О перпендикулах.

IV. Об одинаковости треугольников.

V. О прямоугольниках.

VI. Об измерении многоугольников.

VII. О параллелограммах.

VIII. О измерении призм.

IX. О измерении пирамид.

X. О измерении окружности и площади круга.

XI. О измерении поверхностей конической и цилиндрической и тел, ими ограничиваемых.

XII. О измерении поверхности сферической и объема шара.

В преподавании сих предметов я руководствуюсь сочинением господина ординарного профессора и кавалера Николая Ивановича Лобачевского, которое определением Физико-математических наук рассмотрено и Советом университета одобрено.

Магистр математики и физики Николай Юферов.

ЦГАТ, Ф. 977, оп. 323, № 36, л. 75.

247

Из письма М. Ф. Бартельса к И. М. Симонову

1825 (?). Дерпт

Ich wollte H. Prof. Lobatschefski einen Brief beilegen, allein die Post eilt und ich erspare bis auf einandermal. Unterdess grüssen Sie ihn herzlich von mir und ersuchen [Sie] ihn meine aufrichtige Grossachtung und freundliche Ehre.

Перевод:

Я хотел вложить письмо для г. проф. Лобачевского, однако почта спешит, и я откладываю до другого раза. Тем временем передайте ему мой сердечный привет и сообщите ему мое чистосердечное внимание и дружеское уважение.

Отдел редких книг и рукописей Научной Библиотеки Казанского университета, № 4507, л. 287 об.

248

Из сообщения декана Физико-математического отделения И. М. Симонова Совету Казанского университета по вопросу о составлении профессорами Отделения компендий

После 5 февраля 1826

Почитая всех гг. преподавателей способными к составлению компендий, я предлагал им на выбор, кто по каким наукам желает составлять оные, вследствие чего они и подписали на повестке следующее: [...] г. Лобачевский приготовит три книги — а) об аналитической механике, б) о практической механике и в) для математической физики.

Загоскин. История, т. IV, стр. 9.

249

Представление Н. И. Лобачевского в Физико-математическое отделение Казанского университета с приложением для опубликования рукописи «Сжатого изложения начал геометрии со строгим доказательством теоремы о параллельных линиях»

6 февраля 1826

В Отделение физико-математических наук

Препровождаю сочинение мое под названием: Exposition succincte des principes de la Géometrie avec une démonstration rigoureuse du théoreme des parallѐles. Желаю знать мнение о сем ученых моих сотоварищей и естьли оно будет выгодно, то прошу покорнейше представленное мною сочинение принять в составление ученых записок Физико-математического отделения, в каком намерении я и предпочел писать на французском языке, так как предполагалось записки издавать на сем языке, сделавшимся ныне общим между учеными. Профессор Н. Лобачевский.

На рукописном бланке, писанном рукою Н. И. Лобачевского: «М. Н. П. Департамент народного просвещения. Императорский Казанский университет. От профессора Лобачевского. Препровождается сочинение. Казань. 1826 февраля 6.»

Пометы: Получ[ено] 7 февраля 1825 года»; «Слушано 1826 года 11 февраля, ст. 1»; «Определено: поручить рассмотреть сочинение гг. профессорам Симонову, Купферу и адъюнкту Брашману и мнение свое сообщить Отделению» (последняя помета рукою секретаря Отделения адъюнкта П. М. Васильева); «Секретарь Отделения Кайсаров»;, «Дело сие сдается в архив для хранения по постановлению Отделения 13 июля 1834 года, ст. 1. Секретарь Кайсаров».

ЦГАТ, Ф. 977, оп. 324, № 3, л. 1.

Упоминается впервые в книге: «Историческая записка о жизни и деятельности Н. И. Лобачевского. Речь, произнесенная в торжественном собрании Университета 5 ноября 1868 г. Е. Янишевским», Казань, 1868, стр. 41.

Факсимильное воспроизведение этого документа в книге: «Казанский Государственный университет. Празднование Казанским университетом столетия открытия неэвклидовой геометрии Н. И. Лобачевского», Казань, 1927, стр. 5 и в книге В. Ф. Кагана, «Лобачевский», М., 1944, между стр. 136—137. В этих изданиях допущены ошибки в чтении помет; последняя помета о сдаче дела в архив прочтена нами впервые и исправляет установившееся мнение о том, что «в последующих протоколах Отделения никакого упоминания о ней [т. е. о рукописи] нет» (В. Ф. Каган. Лобачевский, М., 1944, стр. 137).

250

Из донесения генерал-майора П. Ф. Желтухина министру народного просвещения А. С. Шишкову о произведенной им ревизии Казанского университета с отзывами о Н. И. Лобачевском

10 марта 1826

Успехи в математике, по особенному усердию и познаниям профессоров Никольского и Лобачевского — очень хороши [стр. 647; ср. III, стр. 456].

Членами [Строительного] комитета большею частью были: ординарный профессор Лобачевский и адъюнкт Васильев. Лобачевский, в то же время имел три кафедры и был деканом факультета, Васильев, кроме кафедры, также занят был другими должностями, почему естественно должно было родиться упущениям в производстве дела, что и найдено мною по части отчетности, ибо за 1824 и 1825 годы отчеты еще не составлены [стр. 655; ср. там же, стр. 571].

О причинах недоставления отчетов по денежным суммам Строительный комитет доносит [. . .] Г. Лобачевский, кроме библиотеки, имел тогда особенное попечение об устройстве кабинетов. Исключая г. Калашникова, прочие два члена занимаются строительным делом сверх главной их обязанности, как по преподаванию, так и по другим должностям ученого звания, ибо г. Лобачевский, профессор и библиотекарь, с 1822 года преподавал по двум кафедрам; был деканом и принадлежит к числу членов Издательного комитета, а с сентября месяца 1825 года по 1826 год исправлял должность непременного заседателя [стр. 658]. Вслед за отчетом на 1823 год г. Лобачевский готов был сделать отчет и за 1824 год еще в конце того года, но требовал сперва приведения в известность прихода и расхода материалов. По старшинству заняв место председателя с февраля 1825 года, он принялся за приведение в новый порядок дел, за рассмотрение приходо-расходных ведомостей и самых постановлений Комитета, но когда пришло время работ, тогда надобно было остановиться [стр. 659].

Я покорнейше прошу обратить внимание на профессоров, удостоенных наград по представлению самого г. попечителя, как-то: Кондырева, Тимьян-

ского, Симонова, Лобачевского и Перевощикова, служащего при Дерптском университете. Познания сих профессоров, делающих честь Университету, свидетельствуют, что ученость и строгое испытание — не менее и прежде нынешнего наблюдались [стр. 663].

Есть профессора, которые пользуются всеобщим уважением публики. Из них [...] профессора Лобачевский, Эрдман, Баженов, Городчанинов, Симонов, Купфер [...] — познаниями и поведением обращают на себя внимание и имеют выгодное заключение [стр. 665].

Загоскин. История, IV, стр. 647, 655, 659, 663 и 665. Ср. там же, стр. 571 и т. III, стр. 456.

251

Из письма И. А. Литтрова к И. М. Симонову
10 (22) мая 1826. Вена

Ich bitte Herrn Prof. Lobatschewski meine beste Empfehlung zu melden, wenn er sich ja meiner noch erinnert. —

Перевод:

Я прошу передать г-ну проф. Лобачевскому мои наилучшие пожелания, если он, конечно, еще помнит обо мне.

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета, № 4507, л. 382 об.

252

Сообщение о чтениях Н. И. Лобачевским лекций в Казанском университете с 13 августа 1826 по 3 июля 1827 г.
Около 13 августа 1826

II.

Lectiones Ordinis Physico-Mathematici [. . .]

II. Nicolaus Lobatschevsky, *A Collegiorum Consiliis*, *Matheseos purae P. P. O.*, *Bibliothecae praefectus et Ordinis St. Wladimiri quartae Classis Eques.* — 1) d. Martis et Mercurii hor. pomerid. II—IV *Staticen et Mechanicen corporum solidorum et fluidorum* ducibus Lagrange et Poisson; 2) d. Saturni hor. autem VIII—X *Physicen mathematicam* ad filum Fourieri, Laplacii, Poissonii et Frenelii docebit [p. 5].

X. Nicolaus Juferov, *Scientiarum mathematicarum Magister* — bis per hebdomadem *Mathesin*, duce professore Lobatschevskyo, in usum Stud. Medic. explicabit [p. 7].

VI.

Instituta Publica [. . . .]

2. *Bibliothecam academicam* d. Solis h. X—XII matut. Bibliothecae praefectus P. P. O. *N. Lobatschevsky* et Adjunctus ejus Cand. *Kondakov* [p. 14].

«Index praelectionum in Universitate Caesarea literarum Casanensi inde a XIII Aug. MDCCCXXVI usque ad III. Jul. MDCCCXXVII habendarum promulgatus a Senatu Academico», Casani, MDCCCXXVI, pp. 5, 7 et 14.

По физико-математическому отделению [. . .]

2. Николай Лобачевский, коллежский советник, профессор п. о. математики, строительного комитета при Казанском университете исправляющий должность председателя, библиотекарь и ордена св. Владимира 4-й степени кавалер, будет излагать по два раза в неделю статику и механику твердых и жидких тел, следуя сочинениям Лагранжа и Пуассона, математическую физику один раз в неделю, руководствуясь сочинениями Фурье, Лапласа, Пуассона и Френеля, на российском языке [стр. 5].

10. Николай Юферов, математических наук магистр, будет преподавать студентам Медицинского отделения математику по тетрадям г. профессора Лобачевского, по два раза в неделю, на российском языке [стр. 8].

Публичные заведения [. . .]

2. Публичная университетская библиотека открыта будет по воскресеньям от 10-ти до 12 часов утра, библиотекарем, ординарным профессором Лобачевским и суббиблиотекарем, кандидатом Кондаковым [стр. 14—15].

«Росписание преподаваний в императорском Казанском университете на 1826—1827 академический год по назначению Совета», Казань, 1827, стр. 5, 8 и 14—15; ср. «Николай Иванович Лобачевский. Речь, проивнесенная в торжественном собрании императорского Казанского университета 22 октября 1893 г. профессором А. Васильевым», Казань, 1894, стр. 27.

253

Выписка из протокола заседания Правления Казанского университета от 1 сентября 1826 г. об увольнении Н. И. Лобачевского из состава Строительного комитета

1 сентября 1826

Приказали: [. . .] 2) предложить прежним членам Строительного комитета ординарному профессору Лобачевскому и адъюнкту Васильеву, чтобы они дали верный отчет в том, что они производили, и сдали строительные материалы и прочее казенное имущество, на руках их бывшее, вновь определенным членам Строительного комитета и об исправной сдаче и приеме оного донесли Правлению Университета, вместе с новыми членами.

И. Дунаев.

Пометы: «Исполнено 1-го сентября»; «Новыми членами № 2689»; «Прежними членами № 2690».

ЦГАТ, Ф. 977, № 3692, л. 2.

254

Отношение Н. И. Лобачевского Совету Казанского университета в связи с предложением Ф. Ф. Бокельмана о приобретении книг
25 сентября 1826

В Совет Казанского университета

Г-н Бокельман просит меня письмом, которое при сем прилагаю, предложить Совету купить продающиеся у него книги. Находя, что все сии книги большого достоинства и что их недостает в Университетской Библиотеке, я препровождаю список сих книг на благоусмотрение Совета.

Профессор Н. Лобачевский

На рукописном бланке, писанном рукою Н. И. Лобачевского: «М. Н. П. Департамент народного просвещения. Императорской Казанской университет. От профессора Лобачевского. О покупке книг для университетской Библиотеки. 1826, сентября 25».

Пометы: «№ 619»; «Слу[шано] 9 октября 1826»; «29». «Определено: препроводить реестр продаваемых книг в Отделение словесных наук с тем, чтобы оно донесло Совету с своим мнением об достоинстве и оценке оных»; «Исполнено от 27 октября за № 1308».

ЦГАТ, Ф. 977, св. 88, № 4110, л. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Официальное письмо Ф. Ф. Бокельмана Н. И. Лобачевскому с предложением приобретения книг для Библиотеки Казанского университета
Около 25 сентября 1826

Милостивый государь
Николай Иванович!

Есть у меня разные книги, которые желаю продать Библиотеке императорского Казанского университета, я осмеливаюсь прислать Вам список оных, с покорнейшею просьбою представить о том, кому следует. В случае удовлетворения желания моего, я покорнейше Вас прошу получить означенные в списке за оные деньги и расписаться вместо меня, потому что я намерен скоро оставить Казань.

С истинным высокопочитанием честь имею быть

Ваш
Милостивый государь
покорнейший слуга
Ф. Бокельман.

Адрес: Его Высокоблагородию Милостивому государю Николаю Ивановичу господину профессору и кавалеру Лобачевскому.

ЦГАТ, Ф. 977, св. 88, № 410, л. 2. Список предложенных к приобретению книг на л. 4 (на общую сумму 314 р. 75 коп.).

255

Представление Н. И. Лобачевского в Совет Казанского университета с просьбою возвратить ему рукопись его учебника «Алгебры»
28 сентября 1826

В Совет Казанского университета.

В прошедшем году представлял я мое сочинение, преподава ние алгебры для руководства учителей в гимназиях учебного округа. Отделение, одобрив сочинение препроводил, испрашивая дозволения напечатать от казны с возвращением издержек по продажи. Совет постановил представить далее мое сочинение по начальству, приняв мнение Отделения физико-математических наук. Столько я теперь припоминаю, что происходило с моим сочинением, но мне известно, что рукопись моя осталась неотосланной. Сожалея о напрасном труде, которой я предпринил по требованиям же начальства, прошу покорнейше возвратить мне сочинение, естьли встретилось затруднение в исполнении постановления Совета. Профессор Николай Лобачевский.

На рукописном бланке, писанном рукою Н. И. Лобачевского: «М. Н. П.Департамент народного просвещения, императорской Казанский университет. От профессора Лобачевского. О представлении его сочинения далее по начальству. 1826, сентября 28. Казань.»

Пометы: «№ 620»; «получ. 28 сентября»; «слу[шано] 9 октября 1826».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА:

Определено: по желанию г. сочинителя возвратить ему Алгебру с тем, что естьли он пожелает вновь представить оную в Совет, то оный примет на себя обязанность ходатайствовать о напечатании Алгебры на казенный счет и о введении оной по гимназиям.

Помета: «Исполнено от 27 октября за № 1309».

Помета: «По протоколу Совета 22 февраля 1832 года ст. 38 постановлено: считать сие дело оконченным и сдать в архив. *Г. Суровцов.*»

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 20, л. 5. Весь текст писан рукою Лобачевского очень бегло с явными невязками в построении фраз.

Впервые в изложении и в цитации в книге Э. П. Янишевского «Историческая записка о жизни и деятельности Н. И. Лобачевского», Казань, 1868, стр. 41; Загоскин. История, IV, стр. 57.

256

Донесение Н. И. Лобачевского в Совет Казанского университета о книгах, приобретаемых у Ф. Ф. Бокельмана для Библиотеки Казанского университета
9 февраля 1827

В Совет императорского Казанского университета.

Совет Университета от 15-го декабря 1826 года за № 1593-м предписал мне означить цену книгам, продаваемым Бокельманом. Во исполнение

чего честь имею донести: 1-е) Noël, Dictionnaire de la fable, 3-e édit. Paris, 810, 2 vol. M. 8 стоит 23 рубли 2-е) Cours de Gallicismes, Leipzig, 796, 2 vol. стоит 14 рублей. 3-е) Dictionnaire des proverbes français, 2 édit. Paris 821 стоит 10 рублей. 4-е) Le mercier. Cours analytique de littérature, Paris 817 — стоит 35 рублей суммою на восемьдесят на два рубля. 5-е) Cours de littérature. Moscou, 821 признается ненужною за покупкою Lemercier. Сверх сего по томуже Бокельмановскому каталогу продаются: Voyage d'anténore en Grêce Paris, 202. 3 vol. цена 30 рублей. Bailey's Nath. Dictyonary English-German, Lps. 810 2 vol. M. 8, цена 28 рублей. Сии книги признаются мною для библиотеки Университета нужными; почему прошу Совет Университета о приобретении оных с вышеозначенными. *Библиотекарь Н. Лобачевский.*

На бланке: «Министерство народного просвещения. Казанский учебный округ. Библиотекаря императорского Казанского университета. В Казани *февраля 9-го дня 1827 года*, № *4*».

Пометы: «Получено февраля 15 дня 1827 года» (рукою Н. И. Лобачевского); «Слушано 26 февраля 1827 года»; «№ 74».

«*Определено*: Сообщить Правлению для выдачи г. библиотекарю денег за помянутые книги, кроме Антеноровых путешествий для расплаты с Бокельманом»; «от 25 апреля за № 393».

ЦГАТ, Ф. 977, св. 88, № 1410, лл. 5—6.

257

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину
26 мая 1827

Милостивой государь
Михаил Николаевич

Не осмеливаясь вызваться на переписку с Вами из страха обременить ею, мне было чрезвычайно приятно услышать, когда Вы предупредили мое желание, предложив сами. Желал бы уметь воспользоваться случаем, чтобы изобразить, с какою признательностию, с каким чувством благодарности и обязанностей привлекает меня к Вам то лестное расположение Ваше ко мне, которого знаки я столь несомнительно к себе видел и которого цена столь возвышена в глазах моих при том уважении к Вам, какое началось еще гораздо прежде и присоединялось уже от меня к общему мнению. Всего более желал бы, чтобы такое расположение Ваше ко мне в состоянии были поддерживать мои способности и познания и чтобы с истинным понятием моих обязанностей и с чувством личной моей приверженности к Вам, я мог оправдать Ваши ожидания отвечать тем намерениям, которые занимают Вас к пользе нашего заведения.

Уверен что чувство благодарности, любви и уважения к нашему начальнику разделяю я со всеми моими товарищами, что мы все по одному

впечатлению ревностно стремимся к одной целе и в общей пользе соединяем все наши желания. Приятно мне так думать и уверяться в справедливости моего мнения в особенности тогда, когда случай приводит меня быть главным исполнителем Ваших желаний, естьли я в состоянии буду утвердить за собой достоинством ту степень, на которую поставит меня звание.

Я должен признаться, что Ваша благосклонность предупредила то, что бы я мог надеяться приобресть со временем моими трудами, показав способности. Такое обхождение Ваше увеличивает мою ревность и усиливает желания. Естьли б поспешность моя и оказалась уже пред Вами, то я надеюсь, что еще не заставил Вас думать, предполагать ей другие начала.

В этом письме я ничего не могу сообщить Вам о моих занятиях по должности. Болезнь их остановила, медленное выздоровление, вероятно, уменьшит успех. Я просмотрел однакож различные системы Библиотек: Бюрнета, Эрнса и Рейса, но не мог еще совершенно постигнуть достоинства каждой. Вижу, что предмет скрывал трудности, которые нельзя было в начале подозревать и которые растут по мере приближения к ним. Как опрометчиво поступил бы я, заявив наперед придуманной мной порядок. Теперь иду другой дорогой: стараясь вникнуть в причины и здраво рассудить о них, которые заставляют отказываться от простого, естественного азбучного порядка. Составленная таким образом теория, или справедливее, исчисленные причины будут те самые требования, которым я буду искать удовлетворить, руководствуясь уже тем, что сделано было другими до меня. Кстати, я получил сей час Ваше письмо из Москвы. Оно утверждает меня в моем мнении. Желал бы я, чтоб Вы что-нибудь сказали мне и об устройстве наружном Библиотеки, и что Вы теперь можете одобрить или похулить, видя хороший образец и сравнив, что сказано мною о нашей Библиотеке в составленной для Вас записке.

В Библиотеке занимаются двое кандидатов, Фойхт и Ципков, с прилежанием; списали более 4000 заглавий. Кондаков им помогает. Третий кандидат Сведенцов,[1] по предложению моему, уволен Советом, потому что пишет весьма неразборчиво и показывает в письме слабое знание языков, к тому ж у него мало свободного времени.

О выписке журналов вчерась сообщение сделано из Совета в Правление Университета. Я приказываю Кондакову каждой день справляться и просить скорее о выдаче денег. Предлагаю выпиской предоставить заниматься единственно Библиотекарю, расчитываться и расплачиваться с книгопродавцами, иначе легко будет и всегда случаться запутанность в общей массе таких разнородных дел, которыми занимается Правление. Сношения книгопродавцов с библиотекарем, конечно, будут простее, а в особенности со стороны книгопродавцев. Дела о покупке книг будут нахо-

[1] *В подлиннике ошибочно:* Флоренцов. — *Л. М.*

диться в Библиотеке, между тем как ныньче частию надобно выправляться в канцелярии Совета, частию в Правлении и, наконец, всякой раз спрашивать библиотекаря. Именно этому должно приписать, каким образом до сих пор не уплачен долг Грефу и почему до сих пор не могут дойти, что у него куплено, что получено или что остается от него требовать. Он прислал ко мне на днях письмо и просит выслать ему деньги за книги, но Кондаков, по моему приказанию, ничего не мог отыскать о книгах ни в Канцелярии Правления, ни в Совете.

В Университет приехал Помощник инспектора студентов, бывший учитель в Астрахани, а мой соученик Попов. Он просил г-на министра об определении, был утвержден уже давно, но не мог приехать за болезнию. По всему видно, что у г-на Попова есть намерение перейти какие-нибудь ученые степени, а должность избрана им только, чтоб вступить раз в Университет. Бывши с ним товарищем я его знал как студента со способностями и прилежного.

С особенным к Вам уважением и преданностию честь имею называться

Милостивой государь

Вашим покорнейшим слугою

Николай Лобачевский.

1827
Маия 26 дня.

Пометы М. Н. Мусина-Пушкина карандашом: «Пол[учено] 6 июня»; «Отвечал 7 июня».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Записка Н. И. Лобачевского о состоянии Библиотеки Казанского университета, представленная М. Н. Мусину-Пушкину в мае 1827

Сведения о Библиотеке
Императорского Казанского университета

В половине 1806 года, спустя около года от основания университета, книги и естампы, пожалованные императором Павлом I-м Казанской гимназии, с некоторым исключением, по высочайшему соизволению были переданы университету. Они, принадлежав некогда князю Потемкину-Таврическому и знаменитому Евгению Вулгару, состояли из важных сочинений и значительного собрания естампов; в последствии были умножены приношением Казанского дворянина Полянского, и таким образом послужили блистательным началом университетской Библиотеке. По описанию оных, составленным в 1807 году, первым библиотекарем университета ординарным профессором Сторлем, число сочинений простирается до 2008; число переплетов до 5255. Предметы исторические, политические и богословские составляют главную сущность оных.

В 1809 году благословенный основатель университета пожаловал оному Библиотеку, купленную у лейб-медика Петра Франка. По документальной ее описи число сочинений простирается до 3824, переплетами и тетрадями 6371. Сущность оных составляют книги медицинские.

В 1818 году Санкт-Петербургский купец Зимняков принес в дар университету до 2368 сочинений разного содержания, переплетами и тетрадями до 4210.

С 1805 по 1-е сентября 1827 года университет покупками на собственные суммы и дарственными приношениями от разных лиц, ученых учебных заведений приобрел также значительное количество сочинений, записанных под числом 2942 №№, переплетами и тетрадями 6736.

Итого сочинений под числом номеров	— 11.142
переплетов и тетрадей	— 22.572
Документальная ценность сего имущества следующая:	
Библиотека Франка в 1808 году заплачена ассигнац[иями]	— 20.000
Зимнякова оценена им самим	— 17.600
С 1805 по 1827 год употреблено на покупку книг и их переплеты до	— 48.000
Книги и естампы приняты из гимназии (полагая на ассигнации по настоящему курсу)	— 100.000
Итого	— 185.000

Ученое достоинство сей Библиотеки весьма важно. Большая часть ее, принадлежав двум знаменитым лицам: князю Потемкину и лейб-медику Франку, содержит знатное количество сочинений, которые по внутреннему достоинству, по древности или по редкости изданий, или по богатству оных, причисляются к памятникам, почитаемым справедливо между украшениями знатнейших Академий. Но так как составление оной не зависимо от выбора самих членов университета, то недостатки в отдельных частях наук и искусств, при не столь значительном числе книг, весьма чувствительны для преподавателей, следящих за успехами своей части. Впрочем некоторые отделения по здравому библиографическому смыслу оставляют мало чего желать для пополнения оных. Сочинения богословские, хотя не в большем количестве, но довольно важных изданий: здесь полное собрание отцов (Doctores) Восточной церкви с I-го по XII столетие. Исторических книг довольно; из них есть важные, но недостает новейших сочинений. Для древностей римских находятся превосходные и вместе дорогие творения, но, к сожалению, некоторые не полны. По греческой, латинской и французской словесности почти остается желать только новейших изданий и сочинений. Собрание врачебных книг и картин анатомических до 1800 года довольно полно; но и здесь величайший недостаток в новейших сочинениях. В особенности велика бедность в книгах наук точных, по промышленности, по восточной и новейшей

иностранной словесности; об отечественной должно сказать почти тоже: философских и политических сочинений весьма мало.

С отделением книг из Казанской гимназии приобретено было изрядное собрание естампов, записанных под числом №№ 114 листов 5770, изображений около 800. Достопримечательнейшие из оных: творения Ио. Бапт. и Х. Фр. Пиранези (большая половина), Галлерея Медицисов; Галлерея Дрезденская, Древности Бартоли, Горлея и других; творения Веркета, Вувермана, Ватто, Леклерка, Гогарта, Ле Прейнса и проч. Нельзя не пожалеть, что большая часть сих собраний разрознены и не достаточны.

Рукописи при Библиотеке записаны под числом 119-ти. Большая часть из них не важны; но некоторые весьма достопримечательны. Например: 1) Пятикнижие Моусея. Свиток на Еврейском языке, писанный крупными буквами (с точками). Он состоит из 50-ти кож тельных. На каждой коже от 3-х до 6-ти столбцов. Столбцы писаны поперек свитка, длины не равной имеет (около 13-ти вершков, ширины около 3-х вершков), число строк не равное (около 50). Весь свиток в длину 47 аршин, $6^1/_4$ вершков. Хранится в дубовом ветхом ковчеге, с медными бляхами, из коих на одной имя владетеля с заклятием против того, кто неправильно овладеет сим свитком.

2) Джамиг ал-туарих. Неполная татарская историческая рукопись; по мнению знатоков, Абулгази Баядур хан много из сего сочинения заимствовал для своей родословной истории о татарах.

3) Медицинские и философские сочинения Авиценксы; в л[ист] на арабском.

4) Шейка Абдуака-Геры о словоизменении, писано в 1493 году по Р. Х. на арабском.

5) Шах-Наме, соч. Фирдузия. Здесь произшествия со времен 1-го царя из династии Ксаниев Пристаб до царя Баграмгурия из династии Зоссанидов; экземпляр не известно когда писанный превосходным таликом (в 4-ю долю листа) на персидском.

6) История Аббаса Великого, соч. Искендера Мунийса; в лист, писано превосходным Нехс-таликом. На персидском.

7) Степенная книга от великой княгини Ольги до кончины царя Иоанна Васильевича Грозного, 17 степеней: с житием великого князя Александра Невского. Писано уставом по местам с титлами, на 1.283 полулистах.

8) По описи: Воинский устав царя Василья Иоанновича Шуйского. Книгу сию отдал Сергиевскому монастырю старец келарь Симон Азарвин, 7173 года, на 381 четвертке. В подлинном: Лето от создания мира 7114 года великий князь Василий Иоаннович.... указал воинскую немецкую книгу перевести на русской язык для ведома всяких тамошних воинских чинов и урядств понеже в тамошних странах такие другие хитрости..... и по его государеву приказу переведена бысть сия Воинская книга, с немецкого на русской язык при его государской державе в богоспасаемом царствующем граде Москве при его царского величества дворе немецкими двумя

переводчиками Михайлом Юрьевым да Иваном Фоминым, лета от создания мира ... от воскресения Христова [нрзб.] Мца маiiа. Царствования его второе лето. За сим следует посвящение царю и великому князю Василью Иоанновичу. На нескольких страницах на нижних полях, подпись, что, лета [нрзб.] дал в дом живоначальныя троицы в Сергиев Монастырь сию книгу келарь старец Симон Азарвин во веки не отъемлети... Состоит из 221 главы,' заключает в себе предметы, касающиеся до артиллерии.

9) Ответы Олонецких Выгопустынных жителей на вопросы иеромонаха Неофита. Тут же помещены в начале 1) указы, 17 августа и 5 июля; 2) Инструкция по оным от Синода от 8 августа, того же года; 3) Оглавление; 4) Предисловие и 5-е) Увещание. Ответы с надсловием, на 358 полулистах. Наконец: Лета от мироздания [нрзб.] мца июня дня — Писано превосходным уставным письмом; в лист, с фигурами: сия рукопись заслуживает особенного внимания как по чистоте и красноречию языка славянского, так и по важности сих многих ответов. Она не есть подлинная, нет рукоприкладств, ибо в заключении к надсловию сказано: Все пустынное общетрудное советоответное извещение наше егда довершихом и тогда рукоприкладыванием достоверствовахом ныне. Аминь.

10) Собрание фамильных гербов, означающих отличия благородных родов обширныя российския империи составлено (по высочайшему соизволению) Анисимом Князевым в Санкт-Петербурге, декабря месяца 1785 года, на 137 полулистах. Число №№ фамилий 379, а гербов 529.

11) Путешествие стольника Петра Толстого по Европе в силу царского указа от 1205 года, генваря 11-го дня (1697 года), на 161-м полулисте.

12) Книга 1703 года, а в ней список бояр и окольничих и думных и ближних людей и стольников и стряпчих и дворян Московских и дьяков и жильцов, писано с титлами на 282-х полулистах.

13) Собрание рукописей и рисунков, относящихся к Российской Меидальённой [sic] истории. Сие собрание ничто иное, как подлинные акты комитетов, учрежденных Екатериною II-й для описания медалей Петра Великого и последующих государей. Журналы скреплены собственноручными подписями членов: князя Щербатова, Нартова, Штелинга [sic], Хераскова, Козлова и Девильера.

Лица заведывания библиотекой с утверждения господина министра народного просвещения:

Орд. профессор и Библиотекарь Сторль	— 1806—1813.
О. профессор и ректор Браун	— 1813—1814.
Помощник, исправляющий должность библиотекаря, потом о. профессор Кондырев	— 1814—1821.
О. профессор Фукс	— 1821—1823.
О. профессор Сергеев	— 1823—1825.
О. профессор Лобачевский	— 1825—по настоящее время.

Помощниками библиотекаря были: профессор Кондырев, адъюнкт Лентовский; ныне магистр Кондаков.

Библиотека не имеет еще так называемых реальных каталогов (систематического и алфавитного), к составлению первого приступлено в течение сего 1827 года. По приготовлении сих двух каталогов напечатается библиографическое сведение о всей Библиотеке университета.

Настоящее помещение ее с 1825 года ограничивается одним залом, окруженном полками на 270 сажен, где удовлетворено трем требованиям: поместительности, удобству, изяществу. Здесь настоящее число книг заключается без всякой тесноты. Книги нигде не терпят от жару или сырости: ибо зал сей нагревается достаточно горячим воздухом из духовых печей извне. Следствием превосходного устройства оных, во-первых, всегдашняя сухость, необходимое условие для устранения порчи в книгах и предупреждения от возрождения известного рода насекомых, столь обыкновенных в библиотеках; во-вторых, вследствие и можно сказать неожиданное благорастворение воздуха, столь необходимое для сохранения здоровья работающих здесь чиновников, и для постоянного продолжения долговременных трудов библиографических. Знакомство с книгами весьма удобно и легко, ибо со всех сторон они открыты. Когда же будут расположены на сем пространстве в систематическом порядке, тогда и при малых даже сведениях, в законах мнемоники библиотекари не много труда употребят, чтобы узнать где и что́ находится. Устроение сего локаля очень просто. Оно разделяется на три яруса, из коих верхний и средний поддерживаются двадцатью четырьмя колоннами: верхний образует карниз над колоннадой, украшенной бюстами знаменитых мужей, отчего карниз сей не показывает собой бесполезной тяжести и скрывает верхний ход, которого требовала необходимость и которой без того мог бы представляться одною безобразною городьбою.

Ректор Университета Николай Лобачевский.

Отдел редких книг Научной библиотеки Казанского университета, № 4825.

258

Из письма Н. Баталина к М. П. Погодину
1 июня 1827. Казань

Ректор Фукс предобрейший человек; но уже он отказался, и выбрали г. профессора Лобачевского, молодой, превосходный, образованный человек.

ЛБ, № 3515 (переписка М. П. Погодина), л. 319 об.

259

Представление попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина министру народного просвещения А. С. Шишкову об утверждении Н. И. Лобачевского ректором Казанского университета

15 июня 1827

Совет Казанского университета уведомил меня, от 30-го числа минувшего мая за № 565, что ректор Университета в заседании Совета 30-го прошедшего апреля, предложив оному, что 3-го числа мая сего 1827 года, окончится трехлетие его ректорства, просил Совет Казанского университета сделать нужное распоряжение о назначении времени для избрания ректора, на основании устава, равно как и для избрания деканов и членов Училищного комитета на следующий академический год.

Совет назначил для сего 3 число мая, в которое и были произведены выборы из членов Совета в ректоры, деканы отделений и члены Училищного Комитета. В ректоры избран ординарный профессор Лобачевский.

Имея честь о сем донести Вашему высокопревосходительству, представляю в копии избирательный лист и прошу покорнейше утвердить господина профессора Лобачевского ректором Казанского университета, который по отличным сведениям в науках, по своей деятельности и опытности в делах, на ответственности ректора лежащих, по усердию к службе, по доверенности и уважении, коими он пользуется в Казанском университете, несомненно достоин занять сие место. Я с своей стороны в обязанность себе поставляю сказать, что лучшего помощника иметь не могу. Новый Академический в Казанском университете год начнется с будущего августа месяца, и я для пользы службы повторяю покорнейшую просьбу мою утвердить господина Лобачевского до начатия лекций.

Исправляющий должность попечителя
Казанского учебного округа Михаил Мусин-Пушкин.

Резолюция: г. Министр приказал об утверждении г. Лобачевского ректором на три года внести всеподданнейший доклад чрез Комитет Министров. 3 мая 1827 г.

ЦГИАЛ, Фонд департамента народного просвещения, картон № 399, д. 15759, 1827 г., л. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Избирательный лист в ректоры императорского Казанского университета 3 мая 1827 года.

гг. ординарные профессоры	Избирают. Неизбирают
Карл Фукс	По прошению его, по причине слабого здоровья освобождается от выбора и четырехлетней службы, понесенной в сей должности.

Григорий Городчанинов	5	9
Григорий Никольский	7	7
Франц Эрдман	5	9
Николай Лобачевский	11	3
Иван Симонов	5	9
Людвиг Фогель	3	11
Владимир Булыгин	4	10
Василий Баженов	2	12
Эдуард Эйхвальд	В отсутствии и не был избираем, потому что предполагается к переводу в Виленский университет	
Иван Дунаев	2	13
Адольф Купфер	4	10
Сергей Мистаки	6	3
Петр Сергеев	3	11
Иван Ерохов	5	9

Подлинный подписали: Ректор К. Фукс, профессоры: Григорий Городчанинов, Григорий Никольский, Франц Эрдман, Николай Лобачевский, Владимир Булыгин, Иван Симонов, Людовик Фогель, Василий Баженов, Адольф Купфер, Сергей Мистаки и Петр Сергеев.

В заседании сем не присутствовал Иван Дунаев за болезнию.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 399, д. 15759, 1827 г., л. 2. Копия.

3 мая 1827 г. состоялся выбор в Совете Лобачевского ректором Университета. Так как в это время еще не истек срок, на который был утвержден ректором Фукс, то Совет Университета в представлении об утверждении Лобачевского должен был присовокупить «что хотя г. профессор Фукс высочайше утвержден ректором Казанского университета 1825 г. генваря 12 дня, а потому и не окончил еще трехлетний срок, но Совет, принявши в рассуждение, что г. профессор Фукс, считая первое его утверждение в должности ректора 9 мая 1820 года, находится в сем звании уже четыре года, почел себя в праве приступить к выборам в ректоры, согласно § 12 устава Казанского университета, признавая более удобным, чтобы ректор поступал в отправление своей должности с началом академического года». — Очевидно это рассуждение было несправедливо, но здесь мы не можем не оправдать его в виду пользы Университета и крайней неспособности Фукса, избранного в ректоры не Советом, а Магницким. («Историческая записка о жизни и деятельности Н. И. Лобачевского. Речь, произнесенная в торжественном собрании Университета 5 ноября 1868 г. Е. Янишевским», Казань, 1868, стр. 46).

260

Выписка из журнала Комитета министров о поднесении доклада о выборах Н. И. Лобачевского ректором Казанского университета «к высочайшей конфирмации»

19 июля 1827

Слушана записка министра народного просвещения от 11-го июля за № 3680 (по Депар[таменту] народ[ного] просв[ещения]), внесенная

в журнале Комитета под № 1242 с представлением всеподданнейшего доклада о утверждении ректором Казанского университета по установлению на три года избранного Университетским советом по большинству голосов ординарного профессора того Университета, колежского советника Лобачевского.

Комитет положил, доклад сей поднести к высочайшей конфирмации.

Управляющий делами Комитета Гежелинский.

№ 1524,
Его высокопр-ву г. министру
народного просвещения.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 399, д. 15759, 1827 г., л. 13. Копия

261

Всеподданнейший доклад министра народного просвещения А. С. Шишкова имп. Николаю I об утверждении Н. И. Лобачевского ректором Казанского университета

30 июля 1827

Исправляющий должность попечителя Казанского учебного округа статский советник Мусин-Пушкин представил мне, что Совет Казанского университета, на основании устава, большинством голосов избрал в ректоры ординарного профессора Лобачевского, почему и просит об исходатайствовании ему утверждения в сем звании.

По уставу Казанского университета ректор избирается ежегодно общим собранием из ординарных профессоров.

Высочайше утвержденным 26 мая 1811 года докладом министра просвещения повелено: избрание ректоров в Харьковский и Казанский университеты производить чрез каждые три года.

Основываясь на сем испрашиваю высочайшего Вашего императорского величества соизволения на утверждение ординарного профессора Лобачевского ректором Казанского университета впредь на три года.

Подлинный подписал Александр Шишков.

На подлинном собственною его императорского величества рукою написано: «Быть по сему. Николай». Царское Село 30 июля 1827 г.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 399, д. 15759, 1827 г., л. 14. Копия.

262

Сообщение в печати об утверждении Н. И. Лобачевского ректором Казанского университета

Август 1827

Государь император в 30 день прошлого июля, по докладу господина министра народного просвещения, соизволил утвердить избранного Сове-

том университета ординарного профессора Лобачевского ректором Университета впредь на три года.

«Начальственные распоряжения» — Казанский Вестник, 1827, август, стр. 246.

263

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину
1 сентября 1827

Милостивой государь
Михаил Николаевич

Весьма приятное известие для нас о благосклонном приеме от государя императора я сообщил всем моим товарищам. Ожидаем теперь Вашего возвращения более с уверенностию о времени, потому что иначе я и не предполагал, как оно должно было зависеть от Вашего представления его величеству. Припоминаю однакож, что Вы намеревались также съездить и в Дерпт. Естьли это так, то еще Ваше прибытие сюда может замедлиться. Хотелось бы мне успеть до того многое устроить здесь, что устройства требует; но не знаю как надеяться. Сперва по предположении только, а теперь по собственному опыту могу сказать, что должность ректора огромна. Едва ли сочинявшие Устав могли предполагать, в чем она будет состоять, и едва ли не надобно сожалеть, что отменили директоров. Я уверен, что Вы не примете слова мои, будто я хочу увеличить в глазах Ваших мои труды. Не хочу также слишком мало и на себя надеяться. Наконец, мой нрав не таков и правила, чтобы унывать и раскаяваться, когда нельзя помочь чему. Простительным мне кажется робеть, когда еще надобно решиться; но когда дело решено, то не надобно падать духом. Так Вы заметили без сомнения, сколько я колебался и искал даже уклониться, теперь хочу быть твердым и стараться всеми силами. Впрочем я много могу ободрять себя и тем, что Вы будете сами всего свидетель.

Вчерась решили мы, наконец, целым Советом, в чем должны состоять облегченья в испытании на докторскую степень. С этой почтой посылается к Вам представление. Гг. Эрдман и Сергеев обязались дать особенные мнения, но через день еще не успели доставить. Хотя по правилам такие мнения прилагаются при мемориях, однакож я пошлю их к Вам с следующей почтой; да я всегда думаю лучше особенные мнения присоединять к самому постановлению Совета. Едва ли не тот случай с нашим Университетским Советом, что от много числа советников часто не может состояться никакого решения. Естьли бы еще искать согласить и гг. Сергеева, Эрдмана с прочими, то мы бы поспорили и еще одно заседание. Вот почему я не прежде следующей почты надеюсь послать к Вам дело об аптеке и об уклонениях от инструкции. Полагаю, что настоящая и следующая почта застанет Вас в С. Петербурге. Впрочем беды большой нет, естьли наши бумаги провезут два раза по той же дороге. Хотелось бы однако ж, чтоб это письмо Вы прочли еще в столице. Я думал и, наконец,

вздумал. о чем бы просить Вас, покуда Вы не оставили Петербурга. Хочу просить Вас за наш медицинский факультет, вывести его из бедного положения, в котором сами его видели, сравнивая с Московским. Всего лучше, думаю, можем успеть возвысить его, естьли возьмем за образец Медико-Хирургическую Академию. Г. Лентовский превозносит последнюю, но не надеется, чтоб мог из памяти начертать все правила и описать порядок. Слышу я от него же, что будто находятся печатные наставления. Естьли ж их нет, то неугодно ли будет приказать нашему посланному туда Сыромятникову заняться изложить все подробно. Что касается до исполнения, то можно уже понадеяться на г-а Лентовского. Мне приятно воображать, что мы успеем. Только надобно бы поспешить, чтоб можно было сообразоваться с этим при сочинении плана строений.

Другое дело, хотя не столь важное — починка пожарных орудий. Вступая в должность, я осматривал их и вижу, что их надобно поддержать, иначе они скоро будут без пользы, и, наконец, и совсем разрушатся. К Вам уже сделано и представление. Между тем экзекутор [В. Я. Рылов] справедливо заметил мне, что рукава у труб служат 6 лет и что они прослужили бы не более года, естьли б куплены были в Казани, как это бывает с городскими трубами. Итак, не угодно ли Вам будет в бытность Вашу приказать купить рукава в С. Петербурге на 4 трубы: тогда мы еще на 6 лет будем с этой стороны обеззабочены.

Собственно для себя осмеливаюсь Вас обременить просьбой. Здесь я не мог отыскать плюмажа. Не возьмете ли Вы на себя купить его в С. Петербурге и привезти с собою.

Извините меня, что я, писавши к Вам об отчетах, забыл упомянуть, что один экземпляр тогда же доставлен был в Комиссию. Она весьма много трудится и на днях собирается с прежним архитектором [П. Г. Пятницким] перемеривать всё строение и поверять вычислением количество употребленных материалов. Вы отсюда можете заключить, сколько справедливо мое мнение о ревизии. Ей много надобно еще потратить времени и положить трудов, чтобы добраться, наконец, до какого-нибудь злоупотребления. Я уверен даже, что она такого открытия не сделает.

Бывший ректор [К. Ф. Фукс], оставляя должность, предлагает Совету избирать гг. Лентовского и Суровцова в ординарные профессора; а ординатора при клинике Скандовского в адъюнкты. В следующее заседание будет читано его представление и назначен день для выборов, естьли бы Совет на них согласится и что, без сомнения, последует, по крайней мере в отношении к г-у Лентовскому, которого мы все любим и уважаем за познания и правила в своих поступках и для которого кафедра свободна.

С особенным к Вам уваженьем, искреннею и совершенною преданностию честь имею называться

Милостивой государь

1827 Вашим покорнейшим слугою

Сентября 1. Николай Лобачевский.

Помета М. Н. Мусина-Пушкина карандашом: «1 сент[ября]».

Геометрический кабинет имени Лобачевского при Казанском университете, № 2.

Отрывки опубликованы А. В. Васильевым в РБС, стр. 548, в примечании; В. Ф. Каганом: «Лобачевский», М., 1944, стр. 159—160, и Б. Г. Кузнецовым: «Ломоносов, Лобачевский, Менделеев» М., 1945, стр. 143.

264

Выписка из постановления Совета Казанского университета от 20 августа 1827 г. в Физико-математическое отделение Университета о конспекте преподаваемых Н. И. Лобачевским предметов

3 сентября 1827

Выписка из протокола Совета постановленного августа 20 дня.

Слушано было предложение господина исправляющего должность попечителя Казанского учебного округа, от 9-го августа, за № 623-м, при коем, возвращая конспекты господ профессоров, рассмотренных Ученым комитетом, предлагает доставить к нему конспект господина профессора Лобачевского. Определено потребовать от господина профессора Лобачевского конспект чрез Отделение. Исправляющий должность секретаря Совета профессор *Григорий Суровцов.*

Физико-математическому
отделению.

Резолюция Г. Б. Никольского:

«Определено: Дать выписку г. ректору, дабы он благоволил доставить в Отделение конспект преподаваемых им предметов. Г. Никольский».

На бланке Училищного комитета Казанского университета от 3 сентября 1827, за № 1147.

Пометы: «Получено 5 сентября 1827 года»; «Слушано 17 сентября 1827 года»; «Исполнено 24 сентября, за № 59».

ЦГАТ, Ф. 977, оп. 325, № 39, л. 1.

265

Предложение Физико-математического отделения Казанского университета Н. И. Лобачевскому о доставлении конспекта преподаваемых им предметов и. д. попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину

24 сентября 1827

Г. ректору

Совет Университета выпиской от 3 сентября, № 1147 уведомил Отделение, что г. испр. должность попечителя Казанского учебного округа при предложении от 9 августа за № 623, возвращая конспекты гг. профессоров, рассмотренные Ученым комитетом, предлагает доставить ему Ваш

М. Н. Мусин-Пушкин. С литографии.
(Пушкинский Дом Академии Наук СССР)

конспект; Отделение, уведомляя о сем, просит Вас. дабы Вы благоволили доставить в оное конспект преподаваемых Вами предметов.

ЦГАТ, Ф. 977, оп. 325, № 39, л. 2. Отпуск.

266

Из «Исторической записки о четырех отделениях Казанского университета за 1814—1827 гг.» со сведениями о Н. И. Лобачевском и о чтениях им лекций в Казанском университете за 1814—1827 гг.

После 28 сентября 1827

Отделение физико-математических наук.
Открыто 1814-го года апреля 30 дня.

1814 год [...]

Расписание лекций на 1814 и 1815 академический год [...] Г. адъюнкт *Лобачевский* теорию чисел, по Гаусу и Лежандру.

1815 год.

Расписание лекций на 1815—1816 академический год [...] Г. адъюнкт *Лобачевский* теорию чисел, по Гаусу.

1816 год [...]

Расписание лекций на 1816 и 1817 академический год [...] Г. адъюнкт *Лобачевский* арифметику, алгебру и тригонометрию, по своим тетрадям.

1817 год

Расписание лекций на 1817 и 1818 академический год [...] Г. э. проф. *Лобачевский* плоскую и сферическую тригонометрию, по своим тетрадям.

1818 год [...]

Расписание лекций на 1818 и 1819 академический год [...] Г. э. проф. *Лобачевский* дифференциальное и интегральное исчисление, по Монжу и Лакруа.

1819 год [...]

Расписание лекций на 1819 и 1820 академический год [...] Г. проф. *Лобачевский* физику, по Биоту, а астрономию по Деламбру.

1820 год [...]

Расписание лекций на 1819 и 1820 академический год [...] г. проф. *Лобачевский* астрономию по Деламбру, физику по Биоту.

1821 год

Утвержден деканом сего отделения э. профессор *Лобачевский*, предложением бывшего г. м. д. д. и н. просв. [...]

Расписание лекций на 1821 и 1822 академический год [...] Г. э. проф. *Лобачевский* чистую математику по Монжу и Лагранжу, астрономию по Деламбру.

1822 год [...]

Г. министр д. д. и н. просв. предложением от 24 мая утвердил ординарными профессорами э. проф. *Лобачевского* по чистой математике, и э. проф. *Симонова,* по астрономии.

Росписание лекций на 1822 и 1823 академический год [...] г. проф. *Лобачевский* аналитическую и начертательную геометрию по Монжу.

1823 год [...]

Бывшим г. м. д. д. и нар. просв., в 31 день мая, утвержден деканом сего отделения профессор *Лобачевский* [...]

Росписание лекций на 1823 и 1824 академический год [...] Г. проф. *Лобачевский* чистую математику, алгебру и аналитическую геометрию, по Монжу и Лагранжу, физику по Пуассону и Френелю, астрономию по Лапласу и Деламбру.

1824 год [...]

Росписание лекций на 1824 и 1825 академический год [...] Г. проф. *Лобачевский* чистую математику по Лакруа и Монжу, физику по Биоту, астрономию по Биоту [...]

Предложением бывшего г. попечителя от 2 сентября за № 1018 г. проф. *Лобачевский* утвержден деканом сего отделения.

1825 год [...]

Г. министром народного просвещения от 15 июля утвержден деканом сего отделения ординарный профессор *Лобачевский.*

Росписание лекций на 1825 и 1826 академический год. [...] Г. проф. *Лобачевский* статику и динамику по Лагранжу, физику по Биоту и Хладни [...]

11 сентября рассматривалось сочинение г. профессора Лобачевского: Алгебра.

1826 год [...]

Росписание лекций на 1826 и 1827 академический год [...] Г. проф. *Лобачевский* статику и механику твердых и жидких тел, по Лагранжу и Пуассону, математическую физику по Фурье, Лапласу и Френелю.

1827 год

Росписание лекций на 1827 и 1828 академический год [...] Г. проф. *Лобачевский* гидростатику и гидравлику, по Лагранжу, и теорию равновесия и движения газов по Лапласу.

IV

По врачебному отделению [...]

В 1825—26 акад. году читали: [...] 7) магистр *Юферов* дважды в неделю для студентов 1-го разряда алгебру и геометрию, по запискам о. пр. *Лобачевского* [...]

В 1826—27 акад. году читали: [...] 8) магистр *Юферов* дважды в неделю алгебру и геометрию, по запискам о. пр. *Лобачевского* [...]

В 1827—28 акад. году читали: [...] 10) магистр *Юферов* дважды в неделю алгебру и геометрию, по запискам о. пр. *Лобачевского.*

Н. П. Загоскин. «Историческая записка о четырех отделениях Казанского университета за 1814—1827 гг.», Казань, 1899, стр. 7—12 и 27. Записка написана была на основании отношения акад. П. И. Кеппена от 28 сентября 1827 г. для составляемого им историко-статистического обозрения министерских учебных заведений и хранилась в особом деле в 118 полулистов. Издана Н. П. Загоскиным «К столетней истории Казанского университета». Самое дело в настоящее время не могло быть отыскано.

267

Выписка из протокола Совета Казанского университета от 19 ноября 1827 г. в Физико-математическое отделение Университета о доставлении конспекта преподаваемых Н. И. Лобачевским предметов

8 декабря 1827

Выписка из протокола в Совете 19-го ноября постановленного.

Слушано было предложение г-на исправляющего должность попечителя Казанского учебного округа от 18 ноября, за № 1098, при коем препровождая конспект протоиерея Нечаева, предлагает доставить в непродолжительном времени недостающие конспекты гг. профессоров Лобачевского, Сергеева и Карейши для представления г-ну министру и рассмотрения в ученом комитете. Определено: 1) Совет Университета полагает необходимым, чтобы конспекты представлялись впредь в двух экземплярах, из которых один, по утверждении, должен оставаться при делах Совета, другой препровожден чрез Отделение преподавателю для руководства: переписывание конспектов было бы обременительно для Канцелярии Совета, да и не всегда возможно, если для сего требуется знание иностранных языков, почему обязанность сию возложить на самих преподавателей. О каковом постановлении уведомить Физико-математическое отделение.

Секретарь Совета *Ив. Ерохов*

Канцелярист *Николай Ридер.*

Физико-математическому отделению

На бланке Совета Казанского университета от 8 декабря 1827, за № 1764.

Пометы: «Получено 16 декабря 1827 года»; «Слушано 16 декабря 1827 года»; «дать выписку г. профессору Лобачевскому»; «исполнено 17 декабря № 103».

ЦГАТ, Ф. 977, оп. 325, № 39, л. 3.

268

Предложение Физико-математического отделения Казанского университета Н. И. Лобачевскому о доставлении конспекта преподаваемых им предметов и. д. попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину

17 декабря 1827

Г. ректору Университета

Совет Университета выпиской от 8 декабря за № 1764 дал знать Отделению, что г. исправляющий должность попечителя Казанского учебного

округа от 18 ноября, за № 1098, предложил доставить в непродолжительном [времени] Ваш конспект, для представления г-ну министру просвещения. — Отделение, извещая Вас о сем, рекомендует доставить составленный Вами конспект в двух экземплярах, согласно постановлению Совета 19 ноября.

ЦГАТ, Ф. 977, оп. 325, № 39, л. 4. Отпуск.

269

Выписка из протокола заседания Совета Казанского университета от 21 января 1828 г. в Физико-математическое отделение университета о представлении конспекта преподаваемых Н. И. Лобачевским предметов
31 января 1828

Выписка из протокола Совета, постановленного генваря 21 дня

Слушано было предложение господина исправляющего должность попечителя от 17 генваря, за № 88-м, коим предлагает поспешить доставлением конспектов гг. профессоров Лобачевского и Сергеева для представления к господину министру народного просвещения. Определено: предписать вновь Отделению физико-математических наук, чтобы поспешило представить конспект господина Лобачевского.

Секретарь Совета *Ив. Ерохов.*
Письмоводитель Совета *Петр Белогородцев.*

Физико-математическому
отделению

На бланке Совета Казанского университета от 31 января 1828, за № 177.

Пометы: «Слушано 11 февраля 1828 года. Статья 4»; «дать выписку г. профессору Лобачевскому»; «исполнено 14 февраля за № 29».

ЦГАТ, Ф. 977, оп. 325, № 39, л. 5.

270

Из письма Л. Е. Растовской к И. Е. Великопольскому
1 марта 1828. Кривозерки

Мы в Казане часто о тебе говорили, особливо с Лобачевским, поминали даже и молодца твоего, что то всё ли он в милости.

ПД, № 32165 — CCXLII б. 33.

271

Из постановления Совета Казанского университета о поручении И. М. Симонову рассмотрения конспекта Н. И. Лобачевского по механике
Начало апреля 1828

Статья 4-ая. Г. ректор предложил Отделению на рассмотрение свой конспект по механике.

Определено: поручить рассмотреть сей конспект г. профессору Симонову с тем, чтобы он представил о нем свое мнение.

Помета: «Исполнено 12 апреля».

ЦГАТ, Ф. 977, оп. 325, № 39, л. 6.

272

Рапорт И. М. Симонова Физико-математическому отделению Казанского университета с отзывом о конспекте механики Н. И. Лобачевского.

14 апреля 1828

В Отделение физико-математических наук
От профессора Симонова
Рапорт

В следствие поручения Физико-математического отделения рассматривал я программу статики и динамики гд. профессора Лобачевского и нахожу, что она может служить прекрасным руководством для профессора механики. Профессор Иван Симонов.

Пометы: «Получено 14 апреля 1828 года»; «Слушано 14 апреля 1828»; «представить конспект в Совет Университета с мнением, что факультет совершенно его одобряет»; «исполнено 14 апреля за № 66».

ЦГАТ, Ф. 977, оп. 325, № 39, л. 7.

273

Из сообщения в печати о торжественном заседании Казанского университета 5 июля 1828 г. о произнесенной Н. И. Лобачевским речи «о предметах воспитания общественного» и об утверждении его ректором университета

21 июля и 4 августа 1828

Казань

Сего июля 5 дня в императорском Казанском университете по силе § 54 высочайше конфирмованного устава было торжественное собрание. Сей учебный акт начался в 5 часов по полудни при стечении многочисленного собрания обоего пола посетителей и происходил следующим порядком. По прибытии его высокопреосвященства архиепископа Казанского и Симбирского и кавалера Филарета пропет был духовный кант: *Царю небесный*, после коего ординарный профессор Эрдман произнес на латинском языке речь *о достоинстве и обширности кафедры восточных языков*. Потом по проигрании музыки произнесена была о. профессором Булыгиным речь на российском языке *о пользе учения исторического*, а затем секретарем Совета ординарным профессором Ероховым прочтен был отчет о годичных занятиях Университета, равно как провозглашены имена студентов, удостоенных медалей, выпуска из Университета и перевода из одного разряда в другой. В заключение собрания ректор Университета Лобачевский произнес речь *о предметах воспитания общественного* [стр. 295—296].

В сем Академическом году определены к должностям и уволены от них следующие лица:

1) Государь император в 30 день июля 1827 года по докладу г. министра народного просвещения высочайше утвердил орд. профессора Лобачевского ректором Казанского университета впредь на 3 года [стр. 320].

«О торжественном собрании, бывшем в имп. Казанском университете июля 5 дня сего года» — «Прибавление к Казанскому Вестнику», № 29, суббота, июля 21 дня 1828 г,. стр. 295—296; и № 31, суббота, августа 4 дня 1828 г., стр. 320.

Текст речи Н. И. Лобачевского, напечатанный в 1832 г., см. ниже, стр. 321—327.

274

Сообщение о чтениях Н. И. Лобачевским лекций в Казанском университете с 13 августа 1828 г. по 3 июля 1829 г.

Около 13 августа 1828

II.

Lectiones Ordinis Physico-Mathematici [...]

II. Nicolaus Lobatschevsky, *Matheseos P. P. O., Universitatis purae hodie Rector, A Collegiorum Consiliis, Ordinis St. Wladimiri IV Classis Eques, Societatis Casanensis ad patriam promovendam literaturam Sodalis;* — 1.) bis per hebdomadem *Sraticen et Mechanicen corporum solidorum fluidorumque* ducibus Poisson (traité de Mecanique) et Lagrange (Mecanique analitique) explanabit; 2) semel *Calculum variationum et Integrationem aequationum differentialium*, praeeuntibus Lacroix auctoribusque novissimis exponet [p. 5—6].

X. Nicolaus Juferew, *Scient. mathem. Magister. Gymnasii Praeceptor;* — bis per hebdomadem *Algebram et Geometriam*, schedas P. P. O. Lobatschevskyi secuturus, in usum Stud. Medicinae proponet [p. 8].

«Index praelectionum in Universitate Caesarea literarum Casanensi inde a XIII Aug. MDCCCXXVIII usque ad III Jul. MDCCCXXIX habendarum promulgatus a Senatu Academico», Casani, MDCCCXXVIII, pp. 5—6, 8; экземпляр дефектный, без стр. 15, почему и не приводится текст о библиотеке Университета

II.

Отделение физико-математических наук.

1) Николай Лобачевский, п. о. профессор чистой математики, ректор Университета, коллежский советник и ордена св. Владимира 4-й степени кавалер, будет преподавать статику и механику, в особенности твердых тел, по составленному им конспекту и следуя сочинениями: Poisson traité de mecanique, Lagrange mecanique analytique, два раза в неделю; из чистой математики Вариационное исчисление и интегрирование дифференциальных уравнений, следуя Лакруа и новейшим, один раз в неделю [стр. 5].

10) Николай Юферов, магистр математических наук, будет преподавать алгебру и геометрию, два раза в неделю, для студентов Врачебного отделения, руководствуясь тетрадями г. Лобачевского [стр. 8].

Учебные заведения

Библиотека Университета находится под ведомством библиотекаря ректора Лобачевского и правящего должность помощника библиотекаря кандидата Фойхта, открыта бывает по средам и субботам от 10 часов утра

до 2 часов по полудни; комната чтения при библиотеке каждый день от 10 часов утра до 2 часов по полудни [стр. 16—17].

«Росписание преподаваний в императорском Казанском университете на 1828—1829 академический год, по назначению Совета», Казань, 1828, стр. 5, 8, 16—17; ср. К, 1, стр. 31.

275

Предложение и. д. попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета об открытии лекций в 1828—1829 учебном году с выражением благодарности профессорам Н. И. Лобачевскому, И. М. Симонову и Г. С. Суровцову и адъюнктам Н. Д. Брашману и С. А. Протасову

13 августа 1828

В Совет императорского Казанского университета.

§ 64 устава Казанского университета положено летней вакации оканчиваться 12-го августа. На основании сего §, предлагаю Совету Казанского университета немедленно открыть учебный курс вновь наступающего Академического 1828—1829 года, хотя бы не все еще профессора и студенты возвратились в Казань и по исполнении сего донести мне непременно 20-го сего августа.

Последние испытания показали, что студенты Казанского университета, по своим познаниям не вполне еще достойны сей степени. Я ласкаю себя приятною надеждою, что все гг. преподаватели, посещая лекции свои с точностию, обращая тщательное внимание на успехи слушателей своих, приложут всё возможное старание доказать на публичном испытании 1829-го года, что студенты Казанского университета, отличаясь своими познаниями, основательными в науках и языках, везде сделают честь заведению, образовавшему их.

Тогда я вменю себе в обязанность обратить внимание г. министра народного просвещения на гг. преподавателей Университета, по трудам своим заслуживающих сего отличия.

Во время испытания, заметив особенные успехи студентов по некоторым кафедрам, я долгом считаю изъявить за сие признательность мою гг. профессорам: ординарным—Лобачевскому и Симонову; экстраординарному—Суровцову, и адъюнктам: Брашману и Протасову.

Находя нужным, чтобы известно было сие предложение мое всем гг. преподавателям, предлагаю Совету Казанского Университета к каждому из них препроводить копию с оного.

Исправляющий должность попечителя
Казанского учебного округа *Михаил Мусин-Пушкин.*

Резолюция рукою Н. И. Лобачевского:

«Определено: 1) Напечатать 40 экз. копии с предложения для извещения гг. преподавателей 2) Правлению Университета сообщить для

сведения при поверке щетов Типографии 3) Г. и. д. попечителя донести, что лекции не могут быть открыты прежде 23 августа, как по причине перекраски полов, которые в сырое время не могли хорошо просохнуть, так и по неявке из отпуска большого числа студентов».

На бланке попечителя Казанского учебного округа от 13 августа 1828 г., за № 1272.

Пометы: «Пол[учено] 1828, авг[уста] 15»; «№ 613»; «Ст. 9. Слушано августа 18 дня 1828 года»; «Правления ж[урна]л] 25 августа № 1332».

ЦГАТ, Ф. 977, № 4930, л. 1 и 1 об.

276

Предписание и. д. попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Н. И. Лобачевскому как ректору Казанского университета о просмотре статей, помещаемых в прибавлениях к «Казанскому Вестнику»
16 августа 1828

Господину ректору императорского Казанского университета

Предлагаю Вам, Милостивый государь мой, статьи, помещаемые в прибавлениях Казанского Вестника, просматривать Вам самим впредь до особенного распоряжения, относительно правил издания Вестника и прибавлений к оному. Статьи, просмотренные и одобренные Вами к напечатанию, прошу Вас отсылать в типографию за подписом Вашим.

Исправляющий должность попечителя
Казанского учебного округа *Мусин-Пушкин*.

На бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент народного просвещения. От попечителя Казанского учебного округа. В Казани 16 августа 1828, № 1289. О прибавлениях к Казанскому Вестнику».

Помета: «1828, авг[уста] 17».

Н. П. Лихачев. Казанский Вестник (история издания и указатель содержания), Книговедение, 23 декабря 1894, № 11—12, стр. 98, приложение № 47 (1); ср. там же, 15 февраля 1894, № 2, стр. 30 и 15 марта 1894, № 3, стр. 33.

277

Предписание Н. И. Лобачевского как ректора Казанского университета Издательному комитету Университета о предварительном представлении ему для просмотра всех статей, предназначенных для печати
18 августа 1828

Издательному Комитету

Господин исправляющий должность попечителя 16 августа за № 1289 предписывает мне, чтобы я статьи, помещаемые в прибавлениях Казанского Вестника, просматривал я сам впредь до особенного распоряжения его высокородия относительно правил издания Вестника и прибавлений к оному.

Вследствие чего предлагаю Издательному Комитету все статьи, назначенные для Казанского Вестника, представлять для просмотра ко мне и не отсылать без одобрения моего в типографию к печатанию.

Ректор *Николай Лобачевский*

18 августа.
№ 322.

Н. П. Лихачев. Казанский Вестник (история издания и указатель содержания), Книговедение, 23 декабря 1894, № 11—12, стр. 98, приложение № 47 (2); ср. там же, 15 февраля 1894, № 2, стр. 30 и 15 марта 1894, № 3, стр. 33.

278

Из статьи (перевода) Н. И. Лобачевского «О резонансе или взаимном колебании воздушных столбов»

Ноябрь—декабрь 1828

Не знаю, почему г-н Био в своей физике утверждает, что немцы и англичане означают одинаково ноты. Я должен был переменить названия в подлиннике на гамму немцев, по которой учился музыке. *Примеч.* Переводчика.

Казанский Вестник, ноябрь и декабрь 1828, стр. 221, примечание; вся статья на стр. 213—224; с подписью «Н. Л.».

279

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину

27 декабря 1828

Милостивой государь
Михаил Николаевич

После Вашего отъезда еще ничего не случилось в Университете, что бы могло заслужить особенное Ваше внимание. Если упомянуть о посещении Коханского посланника, то разве потому, что он помешал на той почте писать к Вам. Впрочем ни прибыли в одном, ни потери в другом для Вас не сделалось. Земля Коханская должна быть очень бедна и деньгами, и народом и просвещением. Что касается до моего письма, то оно могло заключать существенного одно поздравление с рождеством Христовым. Но я осмеливаюсь думать, что Вы не усумнитесь в моем усердии, а потому, поздравляя Вас теперь с праздником, надеюсь, что Вы поздравление примите столько же благосклонно, как бы почтою прежде, при достаточной к тому причине.

О приезде Коханского посланника в С. Петербург может быть слух и не дойдет до Вас. Надобно полагать, что причиною посольства новые нападения Хивинцев, но каким образом может быть покровительство России полезно в этом случае, для народа столь отдаленного от наших границ — мне, как худому политику, не совсем понятно. Более замечательны для меня черты лица, в которых я ничего не мог видеть монгольского.

Кстати, к слову Монгольское, г. Ковалевский прислал нам свой отчет. В чрезвычайном его прилежании нельзя сомневаться. Он обязывает Университет к признательности; надеюсь, что обяжет некогда нас к благодарности, когда увидит плоды прилежания и пользу от них. Содержание отчета большею частию уже Вам известно, а что прибавлено нового будет также напечатано в Казанском Вестнике.

Совет, представляя к Вам о плане для сего Вестника, забыл об одном обстоятельстве. Предписаньем Вашего предшественника Издательной комитет обязывается представлять на просмотрение к г. попечителю материалы на полгода вперед. Это значит отнять у журнала всю занимательность повести. Далее, с утверждением устава о цензуре, надобно было испросить разрешения, как должен цензироваться Казанский Вестник. Хотя в Уставе и сказано, что издание журналов, раз уже утвержденных и остается по прежнему, однакож тем не менее, правила даны такие общие, что все должно подвергаться цензуре. Применяясь к сим правилам Совету университета надобно предоставить право Цензурного комитета при издании Вестника. Особенное разрешение и на это было бы, по моему мнению, не лишнее. Еще бы лучше, если бы Издательному комитету дозволено было заменять Цензурной комитет, по крайней мере для печатания нашего журнала, если не для всех сочинений, хотя бы через то правительство избавилось от напрасных издержек на жалованье цензорам, между тем препядствия к изданию в свет сочинений были бы уничтожены.

Правление испрашивает Вашего разрешения на выдачу Гумбургу 800 р. за анатомические препараты. Мои советники сами собой не хотели на это решиться, не видя в предписании, чтоб это было предоставлено Правлению.

С особенным уважением и преданностию честь имею называться

Милостивой государь

Ваш покорнейший слуга

Николай Лобачевский

1828

Дек. 27[1]

Пометы М. Н. Мусина-Пушкина карандашом: «Получ[ено] 5 генв[аря] 1829»;[2] «Отв[ечено] 7 генв[аря]».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 3.

Отрывок опубликован А. В. Васильевым в РБС, стр. 548, в примечании.

280

Из письма М. А. Салтыкова к И. М. Симонову
30 декабря 1828. Петербург

Лобачевского я, так же как вы, разумел весьма хорошим человеком, а ныне вижу в нем только одну ученость — Полагаю, что он опьянел от

[1] *Было:* 26.

[2] *Было:* 1828

ректорства и по сие время не вытрезвился, а Никольский воспользовался этим очарованием и. знавши его слабости, самолюбие, высокомерие и даже простодушие, подкопался к нему и покорил его.

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета, № 4507, л. 22.

281

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину
31 декабря 1828

Милостивой государь
Михаил Николаевич

В предыдущим моем письме я не упомянул за недостатком места о том, что Комиссия счетов требует описей всех Университетских заведений. Отношение сделано на основании § 90 Устава, почему и предписано Советом всем гг. профессорам, заведующим казенным имуществом, представить подлинные описи для препровождения в Комиссию. Между тем сказанное в § 90 обращает мое внимание на себя и было предметом рассуждения в последнем заседании Совета. Вам известно, что с начала 1828 года бухгалтерия Университета ведет записку, какие вещи куда поступают и для поверки, все ли они в описи внесены, должно потребовать на рассмотрение, как те предписания, по которым вещи вносились, так и денежные книги, откуда купленные всякой обязан был уже сам показать и в общей описи. Такие распоряжения казались мне до сих пор совершенно отвечающие цели, с которой они сделаны. Нельзя однакож сказать, чтобы они совершенно были согласны с приведенным выше параграфом Устава, потому что здесь обязанность иметь наблюдение за исправностию описей возлагается на Совет, а не на Правление или бухгалтера последнего. Однакож я остаюсь при том мнении, что лучше сделанного придумать трудно, ибо поверка счетов соединяется с поверкой денежных книг, которые, следуя тому же Уставу, рассматривают Отделения наук вместе с Правлением мимо Совета. Итак необходимо Устав в сем отношении надобно исправить и пополнить, чтобы Вы могли в подробности судить, в чем заключается заведенный мною порядок, и в бытность Вашу в С. Петербурге сим распоряжением испросить утверждение, я обязан Вам сказать, каким образом гг. преподаватели должны описи кабинетам. Всякий из них пишет каталоги вдвойне, исключая того, который может назваться ученым, т. е. расположенным в системе и который по времени будет печататься. Один из каталогов должен находиться при делах Совета, заменяя копии с описей, о которой говорится в Уставе. Правление с наступающим годом, поверя записанное в каталогах, уведомляет Совет, который сличает свою копию при делах с поверенным каталогом и утверждает с своей стороны исправность копии.

В рассуждении требования Комиссии я говорил уже с г. Власовым. Комиссия учреждена собственно для поверки счетов, следовательно обя-

зана только рассматривать приход и расход денег, а не описи вещей в учебных заведениях. Занятия последними еще бы ее оставили в Казани на три года. Власов отвечает, что намерение Комиссии состоит в том, чтобы видеть действительно ли гг. преподаватели деньги от кассира приняли и в книги своим приходом их показали. Но для сего довольно видеть расписки получения в кассирской книге и записку прихода в прочих шнуровых книгах. Спрашивается, чего же хочется Комиссии? Тянуть дело, выискивать новый предлог и новые опущения Университета. Мы уже и сами прилагаем довольно старания и боремся с трудностями. Еще хочется посторонние придавать горечи.

В совершенной преданности и с отличным к Вам уважением называюсь

1828
Декабря 31.

Милостивой государь
Ваш покорнейший слуга
Николай Лобачевский

Помета М. Н. Мусина-Пушкина карандашом: «11 генв[аря]».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 4.

282

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину
3 января 1829

Милостивой государь
Михаил Николаевич

За Советом Университета честь имею особенно от себя поздравить Вас с Новым годом и изъявить Вам благодарность, сверх той, которую я разделяю с моими сослуживцами, еще и за все благорасположение Ваше ко мне и благодеяния, которыми лично от Вас имею счастие пользоваться. Желал бы уметь заслуживать все то, чем обязан Вашей снисходительности, предупреждающей заслуги.

Посылаю к Вам рисунок церковной двери. Полагаю, что, кроме стекол, не худо было бы заказать в С. Петербурге и всю бронзу, также резьбу на обе стороны. Думаю все равно из дуба или из другого дерева сделать украшения, а потому может быть бук и способнее найдется для резьбы. Самую дверь должно будет сделать здесь по получении уже стекол и прочих украшений, чтобы одно к другому можно было приладить.

Г. Суровцов отправился в Ставрополь 28 декабря, а г. Сергеев в Москву вчерашний день. Более у нас ничего не случалось и все кажется идет [1] в добром порядке.

Учитель Петровский просит его отпустить. Я полагал бы после крещения с открытием учения в народном училище и после того как в моем присудствии студенты доложут, что они способ обучения совершенно постигли, дозволить Петровскому возвратиться в Витебск. Но как представление

[1] *В подлиннике:* итти

мое по сему может быть только при донесении, что Петровский поручение свое окончил, то я и прошу Вас разрешить меня в этом.

Отец студента Ефебовского просит определить своего сына —надзирателем в Казанскую гимназию, чтобы он мог воспользоваться по крайней мере казенной квартирой и столом, так как старик Ефебовский не имеет состояния содержать своего сына и намеревается выехать из Казани. Я не мог его обнадежить удовлетворением его просьбы, не получив наперед на сие Вашего согласия.

Праздник проводят студенты весьма похвально. Я велел до открытия учения комнаты их и аудитории исправить, полы вымыть и вычистить.

С неограниченным уважением к Вам и совершенною преданность[ю] честь имею называться

Милостивой государь
Вашим покорнейшим слугою
Николай Лобачевский

1829[1]
Генв. 3.

Помета М. Н Мусина-Пушкина: «Полу[чено] 16 генв[аря] 1829».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 5.

283

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину
10 января 1829

Милостивой государь
Михаил Николаевич

Представляя Вам об ошибке 1088 р. 97 к. в расходе Типографской гимназической суммы, и о том, в чем полагаю я должно заключаться обзаведение нашей Типографии, прошу Вас покорнейше извинить, что я не мог окончить сих поручений к 1 генваря. Вам уже известно, как велико и в каком положении находится письмоводство Канцелярии правления, чтобы судить, какие труды наспех могли быть к 25 декабря и к 1 генваря. Поверка же счетов, в особенности дурно веденных, каковы в Типографской гимназической сумме, весьма затруднительна. По той же причине не могло быть к Вам представлено окончательно о передаче Азиатской типографии. Хотя это и относится к Правлению, однакож столько же будет моим делом, как бы и возложенное прямо на меня. Мне надобно хорошо сообразить, не подорвет ли Азиатская Типография Европейскую. Может быть придется уменьшить жалованье корректору. Теперь рассмотрение шнуровых книг доставляет нам много работы. Благодаря г. Никольскому я не без помощи. Если бы разделить занятия в Правлении между членами, то я бы думал оставить за собой хозяйственную часть, которую и откло-

[1] *Было:* 1828

нить мне от себя никак нельзя по отношениям ко мне всех лиц в Университете. Г. Дунаев всего бы способнее был заняться полицейскою, да и в звании заседателя главнейшая его обязанность должна быть наблюдение законов. Г-у Никольскому всего лучше поручать бы дела Учебного округа, которые он хорошо знает, бывши некогда секретарем Училищного комитета. Но при таком разделении надобно согласие и готовность каждого, иначе оно останется в одном предположении.

На прошедшей почте послана к Вам ведомость об остатках сумм в сем году Университета и Казанской гимназии. Вы без сомнения обратите внимание на то, что из 5000 р., назначенных на клинику, остается несколько меньше того, что следует уплатить за лекарства. Дело можно еще поправить пополнением суммы деньгами, представленными за лечение больных в последнем месяце старого года и взыскав за лечение протопопа и Звыгостева. Теперь я сам вижу, сколько даже и не мог надеяться, что правила и порядок ныне клиники много предупредили напрасных издержек. На лекарства с начала года по май месяц употреблено было 1700 р., а с сентября по конец года только в половину. По мере того как будет устраиваться наша аптека, можно надеяться еще более сбережений. Число больных с нового года увеличилось до 17. Плату по 25 р., по мнению Дмитриевского и моему, судя по расходам, еще уменьшать не надобно.

Не будет ли Вам случаю увидеть князя Голицына и потребовать от него возвращения взятых им книг из библиотеки: Bulletin universel 1827, Dec.; Bulletin des sciences technologiques 1828, Mars, Avril et Mai; всего 4 книжки.

Сейчас я получил от Вас предписание поспешить доставить ведомость по Округу об остаточных суммах. Мне ускорить окончание сего дела никак нельзя. Вы знаете, что об этом уже заранее было предписано директорам. До сих пор я получил только от Симбирского [1] и от некоторых штатных смотрителей. Может быть ведомости за месяц придут скорее и тогда из них можно взять остатки к 1 генварю. Ко множеству дел в канцеляриях Университета еще прибыло и составление ведомостей неоконченных дел.

С отличным уважением и преданностию честь имею называться

Милостивой государь

Ваш покорнейший слуга

Николай Лобачевский

1829

Генв. 10.

Помета М. Н. Мусина-Пушкина: «21 Генв[аря] 1829».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 6.

---

[1] А. И. Гапонова. — *Л. М.*

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Записка Н. И. Лобачевского о типографии Казанского университета
10 января 1829

Записка о том, что нужно приобрести для университетской типографии.

Матрицы

Русских прямых и курсивных: петита, миттеля, терции и текста.

Латинских прямых и курсивных: петита, корпуса, цицер, миттеля, терции и текста.

Греческих петита, корпуса, цицеро и терции.

Немецких петита, корпуса, цицеро, терции и доппельмиттеля.

Еврейские с точками корпуса и цицеро.

Шрифты

Сирийского терции 1 пуд

Двойного корпуса 1 пуд

Гарта

Для отливки в находящиеся уже матрицы при типографии 100 пуд.

Примечание: В матрицах почитается не нужным брать заглавные буквы латинской и русской азбуки, а предполагается делать пунсоны в Казани, также и пунсоны математических знаков, дробей и т. п.

Хороший выбор матриц может сделать только знаток, наблюдая, чтоб они глубоко были выбиты и не испорчены ржавчиной, как то часто бывает.

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 23.

284

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину
15 января 1829

Милостивой государь
Михаил Николаевич

С нового года стояла здесь ясная и весьма холодная погода, а с 5 генваря морозы сделались еще жестче, так что я не приказал студентам два дни с ряду ходить в народное училище, опасаясь их простудить или заморозить в одних шинелях. Внезапная перемена привела, наконец, оттепель и снег, а теперь снова кажется ворочается прежнее. Метереологическая обсерватория еще не совсем готова, однакож количество воды можно уж мерить. Инструмент поставлен 4 дня тому назад, т. ес[ть] накануне, как должно было выпасть снегу, следовательно, наши наблюдения могут считаться с первого дня генваря и даже, если угодно, с 15 декабря, потому что во все это время небо было ясное. Мы, кажется, не ошиблись в расчете: первые опыты с лампой для таяния снега были совершенно удовлетворительны. Остается еще кое-что уладить, добавить после придуманное, а

в особенности нужно весь снаряд покрыть масляной краской, без чего он скоро пропадет от ржавчины, но это неминуемо должно отложить до весны. Гартманом я весьма доволен: он трудолюбив, усерден и свое дело разумеет; немного упрям и много щекотлив, как все немцы, сколько я их знаю, начиная от него до г. Эрдмана и выключая г. Купфера, которого флегма заглушает все, и общие способности всем людям и отличительные того племени, где он родился. Отчета о постройке павильона он давать никак не хочет, отзываясь тем, что она была окончена в его отсудствие, т. е. когда он путешествовал.

Г. Эрдман еще представил в Совет тетрадь его трудов над Восточной литературой с опытом немецкой поэзии его работы. Название повести «Красавица замка» и содержание не совсем-то отвечает важности годичного университетского собрания, для которого назначается ее напечатать. О поэзии отзывается также не весьма выгодно; но г. Эрдман советов не любит. Впрочем, как все Восточное дорого ценится, охотно принимается по редкости, к тому же сочинение г. Эрдмана обогащено многими филологическими замечаниями, то я полагаю с своей стороны, что издания в свет на казенной счет и от имени Университета Совет затрудняться не должен.

Г-у Эрдману приходится быть цензором всего более своих собственных сочинений. Это бы требовало некоторой оговорки с определением его. Совет своими постановлениями пополняет в этом случае недостаток цензуры. Но почему же на Университете должна лежать обязанность всякое сочинение о восточной словесности печатать на казенный счет и причислять к сочинениям от Университета и для Университета издаваемым. По крайней мере [*не разобрано*] какого рода должны быть сии труды, по моему мнению, было бы не лишними.

Некоторые находят большое удовольствие для себя видеть свое в печати. К числу таких охотников принадлежит наш Рыбушкин. Первой листок прибавлений к Вестнику начат с стихов на новой год сказанного сочинителя. Политические статьи кажется придаст[sic] много занимательности для города. Сиротский наш Вестник авось будет лучше, потому что мы хоть насильно делаем его известнее, рассылая даром; а в известности творения и самые творцы будут попечительнее. План Вестника так обширен, что журнал не иначе может становиться лучше, как получив одно только из направлений под искустным и достойным руководством, следовательно, усовершенствование долго еще будет оставаться при своем начале.

Может быть с уставом учебных заведений, с отчуждением Сибири, а в особенности с Уставом университетов, дозволено будет профессорам более заниматься ученостию и снискивать славу на сем поприще, а не в канцеляриях и с отчетами.

Бухгалтер [В. А. Ляпунов] спешит и не чает успеть к сроку. До окончания отчета принуждены мы отложить поверку записанного по кабинетам в прошедшем году; да и впредь делать тоже.

Н. И. Лобачевский. С портрета маслом, приписываемого Л. Д. Крюкову.

(Геометрический кабинет Казанского университета)

Студенты ведут себя, как нельзя лучше: ни малейшей шалости. О библиотеке скоро представлю Вам ученое исследование Фойгта. Мы рассуждаем с ним о сажене. Много хорошего сделать невозможно. Каталог доведен почти до 7000 номеров. За сей работой другие потребуют каждая много времени, терпения и трудов.

Не испытывая более Вашего терпения и не отнимая у Вас более времени, которое Вы умеете посвящать трудам, я оканчивая письмо засвидетельствованием Вам отличного моего уважения, с которым и всегда буду называться,

Милостивой государь,
Вашим покорнейшим слугою
Николай Лобачевский

1829 Генв[аря] 15.

Помета М. Н. Мусина-Пушкина: «25 генв[аря] 1829».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 7.

285

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину
17 января 1829

Милостивой государь
Михаил Николаевич

Правление представляет длинное описание того, что им по требованию ревизующей Комиссии до сих пор было сделано. Мы были довольно с нею терпеливы, хотя могли видеть, на каких правилах с нами поступают. Теперь уже слишком далеко простирается ее неблагонамеренность и слишком обнаруживается желание принести нас в жертву. Она думает, что с ее изворотами останется в стороне и что никогда не будет принуждена оправдывать себя, лишь бы не переставала обвинять нас. Настает время обратиться к Вам. Я припоминаю, что Вы мне сказывали, будто отклонили от себя принять председательство в Комиссии, предоставляя себе право защищать нас. Мы нуждаемся в этом покровительстве уже давно и просили Вас о нем, когда изъясняли, сколько обременительно давать ответы по насылаемым вопросам Комиссиею; что Канцелярия Правления недостаточна и при обыкновенном ходе дел; что с учреждением Комиссии не вздумали увеличить числа чиновников в Университете; что, кроме сего недостатка, явная несправедливость обременять нас и их очищением дел, запущенных другими; наконец, что Комиссия во зло употребляет обязанность нашу давать ей объяснения и что она, кроме случаев недоразумения своего, наглым образом заставляет нас работать вместо себя, требуя составления ведомостей, разных выписок из дел, чтобы могла

и обязана сама делать после того, как забрала к себе все бумаги, которые ко времени обревизования счетов относятся. Этого всего еще было не довольно. Намерение Комиссии держать нас в кабале всеми средствами, даже не заботясь о благовидности предлогов, и винить нас перед г. министром, будто бы все дело стоит за одними нами. Например, Комиссия замечает Правлению, что в книге кассира не во всей подробности описано, за что и почему какая сделана выдача денег. Замечание нелепое; иначе в книги кассира должны бы войти все журналы о денежных выдачах и все отчеты. Того более нелепо толкование Комиссии, что в статьях книги у кассира должно быть выставлено, по какому журналу определена выдача и в каком деле надобно об ней смотреть. Как бы то ни было, если действительно должны быть так ведены шнуровые книги; то пусть Комиссия с окончанием своего поручения донесет о таком опущении Университета и укажет, какому подлежат лица взысканию по законам. Чем же мы теперь виноваты, что это было при директоре Владимирском, и чем же Владимирский прав, что он выбыл из Университета. Нам вместо него надобно теперь бороться с Комиссией, когда мы не были и участниками в его делах. Правление отвечало Комиссии, что если нужны пополнения к статьям в книгах кассира, то пусть она именно скажет к каким и чего недостает. Это значит, что требование не могло уже к нам воротиться ближе трех месяцев, если бы Комиссия захотела заняться вопросами. Этого, видно, не было в расчете, и она замолчала. Другой пример: в § 90 Устава сказано, что верные копии с описей кабинетов должны находиться при делах Совета. Комиссия не находя другого случая придраться к Совету, взялась за этот и требует доставить к ней все описи. Спрашивается, с какою это целию сделано? Комиссия учреждена для поверки счетов, следовательно, прямая ее обязанность удостовериться в справедливости и согласии приходов с расходами. Она видит в книге у кассира, что деньги профессору выданы, в шнуровых книгах, веденных профессорами, что деньги на приход записаны и не расходованы, — чего ж ей более надобно. Единственно хочет запутать Совет, предполагая, что описей или нет или в чем-нибудь будет затруднение их доставить, после чего она может ссылаться, что Совет ей мешает оканчивать свое дело. Может быть Вам покажутся наши требования увеличенными, чтобы затруднить начальство; но я Вам на это скажу по совести, что мы гораздо справедливее в этом случае и гораздо умереннее Комиссии и что не смотря на это, большую бы нам милость оказали, если бы освободили от бедовой Комиссии, сказавши, в чем состоит наша обязанность и какая обязанность Комиссии; а не отдавали бы нас совсем уж на съедение людей паразитных и кабальных. Нам совсем нельзя иметь дело с ними, это неравный бой. Их нарядили исследовать незаконные расходы денег; а они сами расходуют деньги незаконно. Ровен и Власов подряжают писцов, нанимают чиновников, потом утверждают, что и деньги им выдали, которые им и возвращаются. В наших делах таких примеров против законов нет. После этого мы вправе говорить, что нас

преследуют, а следователей наших закрывают. Так верно и будет продолжаться, покуда Вы не захотите нас защитить. Вы, на которых я надеюсь, зная Ваши достоинства, справедливость и потому всегда с почтением называясь,

Милостивой государь,
Вашим почтеннейшим слугою
Николай Лобачевский

1829
Генв[аря] 17.

Помета М. Н. Мусина-Пушкина карандашом: «27 генв[аря]».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 8.

Отрывок опубликован А. В. Васильевым в РБС, стр. 548 в примечании.

283

Письмо М. Н. Мусина-Пушкина Н. И. Лобачевскому
18 января 1829. Петербург

Г. Ректору

Письма Ваши от 31-го декабря и 3 генваря я имел удовольствие получить. — Искренне благодарен Вам за дружбу Вашу. Верьте, что я в чувствах моих к Вам никогда не переменюсь. Рисунок церковной двери получил. Не знаю, успею ли сделать. Посмотрим. Вещи стеклянные для физического кабинета заказал, также и колпак для престола. — Поспешите прислать дело по исследованию пр. Суровцова, а особенно годовой отчет, чтобы все сии могли еще меня здесь застать. — О Петровском ожидаю представления. Не торопитесь отпускать его. Удостоверьтесь хорошо [ли] студенты понимают методу.

Сегодни я посылаю новый, утвержденной уже Устав учебных заведений, к Паниным. Вы там можете его взять и по прочтении возвратить. Официально получится он еще недели через две.

Ожидаю с нетерпением представления о месте для обсерватории. Поспешите. Я уже докладывал о сем его светлости. О Ботаническом саде представлен, также о покупке книг для библиотеки. — Г. министр [К. А. Ливен] две недели был очень нездоров, но теперь ему гораздо лучше и начинает уже заниматься делами.

Ефебовского сделать надзирателем нехорошо. Вы сами согласитесь, что надзирателей должно выбирать с большею осторожностью. По новому штату назначается надзирателю 800 р. жалованья. Можно будет иметь хороших людей.

Поблагодарите Эрдмана, Симонова, Галкина за их письма. Не успел сегодни отвечать. Скажите им мой усердной поклон.

Желая Вас скоро увидеть совершенно здоровым, с чувствами искреннего к Вам уважения быть честь имею Вашим,

Милостивый государь мой,
покорнейшим слугою
М. Мусин-Пушкин

18 генваря 1829.
С. П.бург.

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 23. Черновое, писанное писарскою рукою.

Отрывок опубликован В. Ф. Каганом: «Лобачевский», М., 1944, стр. 160.

287

Письмо М. Н. Мусина-Пушкина Н. И. Лобачевскому

25 января 1829. Петербург

25 генваря 1829.
С. П.бург.

Милостивый государь Николай Иванович!

Благодарю Вас за письмо от 10-го сего генваря, а в особенности благодарю за порядок, в котором прошли праздники. Комиссия жалуется, что Вы ей не все деньги выдали. Я пишу к Вам о сем официально. Г. министр настоятельно требует, чтобы она дела свои кончила непременно в будущем майе. Прошу Вас покорнейше исполнять всегда требования немедленно, чтобы Комиссия не имела права сказать, что в неокончании виновато Правление. Я не в состоянии, при всем хорошем ко мне расположении г. министра, ничего сделать для всех Вас, доколе не уедет из Казани Комиссия.

Вы получите предложение о уплате механику Роспини 3805 р. за физические инструменты, отправленные им в Саратов, по требованию директора еще в прошлом сентябре. — Что причиною сей медленности. Через это Каз[анский] Унив[ерситет] теряет свой кредит. Художников должно удовлетворять немедленно потому, что это делает им большую разницу в их торговых оборотах, и они справедливо могут жаловаться.

К. Голицына здесь нет. Следовательно, нельзя получить книг.

Около 10 февраля думаю ехать отсюда. Простите, желаю Вам быть совершенно здоровым. Ваш с истинным почтением покорнейший слуга М. Мусин-Пушкин.

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 23. Черновое, писанное писарскою рукою.

288

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину

31 января 1829

Милостивой государь
Михаил Николаевич.

Вот и уставы учебных заведений. Благодаря милостям и попечениям царя ученым чиновникам даны выгоды и преимущества, которые делают

состояние их безбедным, а службу лестной. Университеты должны быть много облечены в управлении округом, когда оно разделено на директоров и смотрителей по порядку подчиненности. Почетные попечители будут весьма полезны, в особенности для пенсионов, если они будут то, чем предполагаются, sine qua non. Случай тот же, что и с обыкновенными дворянскими выборами. Может быть настало время, когда многое пойдет к лучшему обратным путем, которым прежде шло к падению. Названия не так хорошо продуманы. Казалось бы приличнее называть всех попечителями, прибавляя: училища, гимназии, округа; или почетный смотритель, почетный директор и один попечитель округа.

Для нашей Гимназии, исключая 80 казенных воспитанников, ничего не сделано особенного. Вероятно обучение восточным языкам оставляется для института. При казенных воспитанниках надобно еще чиновников, если они не предположены, с учреждением пенсиона и на счет взноса пенсионеров, что впрочем было бы несправедливо. Довольствовать же жалованьем сих чиновников из 400 р., отпускаемых на содержание каждого воспитанника, невозможно, ибо сбережения не могут быть так велики, чтоб отсюда осталось по 800 р. надзирателям и эконому; да и как же принимать сих чиновников в действительную службу, если их по штату не назначено.

Важный теперь вопрос, скоро ли устав будет приводиться в исполнение? Вам это должно быть хорошо известно. Не оставьте удовлетворить мое любопытство. Училищный комитет не уничтожается. Напрасно, если он останется на прежнем положении. Если бы преобразование началось в нынешнем году! Неужели не суждено мне, покуда я ректор, видеть улучшение и облегчение в управлении, которое поистине обременительно сверх сил, запутано и беспорядочно свыше всякого понятия.

Отчет Университета окончен и уж два дни, как переписывается. Около 5 февраля будут готовы два экземпляра, которые к Вам и будут отправлены, третий получите также вскоре или уже здесь, если поспешите оставить С. Петербург. В отчете и в этот раз оставлены в долгу за мною 166 р.; на нынешний день, наконец, отыскали при разборе нерешенных дел две шнуровые книги физического кабинета с моим донесением, записанный в 1825 году во входящую книгу канцелярии, следовательно, это дело решенное. Ведомости для Комиссии изготовляются, но с трудом. Сведения должны быть взяты из дел Совета и Учил[ищного] комитета, где еще более путаницы, нежели в старых делах Правления. Власов весьма недоволен Петровым. Напрасно я говорю, взяли вы человека под судом за подобные же злоупотребления, которые сами теперь обязаны отыскивать; притом такого чиновника, которой будучи отрешон от должности в Гимназии может питать мщение к некоторым из членов Университета. Власов испугался, не жаловались [ли] мы на это. Я отвечал, что пожалуемся, когда увидим худые последствия от их ревизии. Вообще из разговоров Власова я замечал, что г. министр не доволен Комиссиею.

Губернатор Жеванов должен быть из воспитанников здешней гимназии. Говорят, что он должен помнить, каким образом покойный государь Павел отдал словесный приказ бывшему тогда генерал-губернатору в Казани Деласси называть гимназию императорской. Директор Соколов, разжалованный после в солдаты, получил по сему случаю предписание, которое увез с собою в Москву, не возвратя гимназии. С уставом всё это впрочем ни к чему не служит.

Купфер отсюда уехал 23 числа. Он был докучлив, мы снисходительны, и так он отправился скоро. Верно он просил Академию, но, по свидетельству ее, г. губернатор, не получив согласия Правления университета, не дал подорожной. Хотя отчета о постройке и не в состоянии был представить г. Купфер, но по крайней мере подписал шнуровые книги. Это настоящая лихорадка: также холоден и неотвязчив.

Студент Куренков сделался у нас болен кровохарканием. Становится немного получше. Это первой случай при мне важной болезни между студентами. Надобно доктору при больнице положить приличное жалованье из суммы сбережения, иначе студентская больница будет на одном попечении молодого неопытного и может быть ветреного лекаря. Надзиратель при клинике [К.Д.Попов] был чрезвычайно тяжело болен: несмотря на шпанские мухи, которыми мы его всего обложили, не могли у него отнять бреда и сил вскакивать и драться. В 9-ый день болезни сделался перелом; в 10-й он встал и ходит твердо. Дмитриевский сказывает мне, что один из сыновей его тестя Мейснера мало способен к наукам, но необыкновенные оказывает дарования к живописи и ваянию. Не угодно ли Вам будет употребить Ваше посредство к перемещению его в Академию художеств: он своекоштный.

С отличным уважением и преданностию честь имею называться,

Милостивой государь
Вашим покорнейшим слугою
Николай Лобачевский

1829
Генв[аря] 31.

Помета М. Н. Мусина-Пушкина карандашом: «10 фев[раля]».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 24.

289

Представление Правления Казанского университета за подписью Н. И. Лобачевского как ректора университета и. д. попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину о выплате гонорара членам Издательного комитета за участие в «Казанском Вестнике» 1828 года

27 февраля 1829

Господину исправляющему должность попечителя Казанского учебного округа.

Издательный комитет Казанского университета от 17 февраля сего 1829 года за № 122 сообщил Правлению Университета, что в заседании оного, бывшем сего февраля 15 дня, на основании высочайшего соизволе-

ния, об издании Казанского Вестника, изъясненного в предписании бывшего г-на попечителя Магницкого на имя г. директора Университета от 31 мая 1820 года за № 472 рассуждаемо было о разделении денег между членами оного Комитета, приготовлявшими пьесы для Казанского Вестника в минувшем 1828 году. По рассмотрении же всех книжек, оказалось, что г-м ректором Университета ординарным профессором Лобачевским изготовлена была 1 пьеса; гг. ординарными профессорами: Городчаниновым 6, Булыгиным 9, экстраординарным профессором Суровцовым 26 и адъюнктом Рыбушкиным 10.

Из денег, поступивших по подписке за Казанский Вестник, изданный в 1828 году, за вычетом издержек и употребленных на переплет 144 рублей по выправке с делами Правления сочтено всего 1342 руб. 80 коп., которые деньги на основании сказанного выше предписания следует разделить между издателями.

Принимая в соображение число и обширность статей, доставленных от издателей в оный Вестник, члены Комитета по общему своему согласию полагают из 1342 рублей 80 коп. выдать в вознаграждение трудов г-ну ректору о. профессору Лобачевскому 25 рублей, гг. о. профессорам — Городчанинову 155 руб. и Булыгину 232 рубля; э. профессору Суровцову 672 руб. и адъюнкту Рыбушкину 258 рублей 80 копеек.

Правление Университета, представив все сие на благоусмотрение Вашего высокородия, просит покорнейше, на изъясненное положение Комитета утверждения.

Ректор Университета *Николай Лобачевский*

Исправляющий должность секретаря *Александр Пифиев.*

На бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент народного просвещения. О разделе суммы, собранной за издание Казанского Вестника в 1828-м году, между членами Издательного Комитета. В Казани. 27 февраля 1829 года. № 680. От Правления императорского Казанского университета».

Помета: «27 февраля».

Н. П. Лихачев. Казанский Вестник (история издания и указатель содержания), Книговедение, 23 декабря 1894, № 11—12, стр. 97—98, приложение № 46 (1).

290

Предписание и. д. попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Правлению Казанского университета о согласии выдать гонорар членам Издательного комитета за участие в «Казанском Вестнике» за 1828 год, в том числе Н. И. Лобачевскому

15 марта 1829

Правлению К[азанского] у[ниверситета]

По представлению Правления К[азанского] у[ниверситета] от 27 февраля сего года за № 680, я согласен, на основании предписания бывшего г. министра д. д. и н. п. от 19 маия 1820 г. за № 1609, изъясненного в предложении предмест[ника] моего директору Университета от 31 маия того же года за № 472-м, чтобы сумма тысяча триста сорок два руб. 80 к.,

собранная по подписке за Казан[ский] Вестник, изданный в прош[лом] 1828 году, выдана была в вознаграждение трудов членов Издательного комитета: гг. ректору Универс[итета] о. п. Лобачевскому 25 р., о. профессорам: Городчанинову 155 р., Булыгину 232 р., Суровцову 672 р. и адъюн[кту] Рыбушкину 258 р. 80 копеек.

Черновое с датой: «15 марта 1829, № 358».

Н. П. Лихачев. Казанский Вестник (история издания и указатель содержания), Книговедение, 23 декабря 1894, № 11—12, стр. 98, приложение № 46 (2).

291

Из дневника неизвестного о пребывании бар. А. Гумбольдта в Казани с 23 по 28 мая 1829 г.; между прочим о встречах его с Н. И. Лобачевским, И. М. Симоновым и М. Н. Мусиным-Пушкиным

23—28 мая 1829

Le séjour d'Alexandre de Gumboldt à Casan

1829.

Le 23 Mai jeudi, le jour de l'Ascension, Alex. de Humb. est arrivé à Casan à 6 heures du matin. — à 8 h. il a été chez Mr. le Gouverneur et chez le Curateur de l'Université. — de 9 jusqu'à 1 h. il a été à l'Université. — de 1 h. jusqu'à $2^1/_2$ a la forteresse de la ville. — depuis $2^1/_2$ jusqu'à $4^1/_2$ dans une mosquée tartare et a fait un tour de la ville, étant accompagné par le Curateur, le Recteur et le Pr. Simonoff. A 6 h. il a diné chez lui, à 7 il a reçu le monde et a fait une visite chez Mr. Fouxs; depuis 8 jusqu'à 10 il a prit le thé chez le Prof. Sim.

24 à 9 h. il a dejeuné à 10 il a fait des observations de l'hauteur absolue du ⊙ avec le sextant, depuis 10 jusqu'à midi il a été avec Mr. Sim. à l'observatoire, où ils ont com paré son baromètre de Fortin avec celui de l'observatoire. Depuis midi jusqu'à $2^1/_2$ il a visité le Cabinet de Mr. Fouxs à l'Université, à 3 h. il est parti pour Bolgar par eau.

26 de retours de Bolgar, à 8 heures il a reçu la visite de Mr. le Curateur et du Recteur, depuis 9 jusque 11 chez Mr. le Curateur.

27 a 10 heures chez Mr. le Prof. Simonoff avec lequel il est parti au Champs d'Arsk accompagné de Mr. le Recteur pour y faire des Observations sur l'inclinaison de l'aiguille magnétique et de son intensité, où il a été resté jusqu'à $2^1/_2$ Mr. le Curateur l'y a joint à $2^1/_4$ il a fait une visite au Recteur, à $4^1/_2$ est venu chez Mr. le Curateur pour dîner où il est resté jusqu'à 7 heures et de là il était parti pour voir la fête des Tartares Saban; à $9^1/_2$ est venu chez Mr. le Professeur Fouxs pour y passer la soirée et souper, où il est resté jusqu'à $1^1/_2$.

28. Mr de Humboldt a quitté la ville de Casan à $7^1/_2$ heures du matin.

Перевод:

Пребывание Александра Гумбольдта в Казани 1829 года.

23 мая в четверг, в день Вознесения Александр Гумбольдт приехал в Казань в 6 часов утра. — В 8 ч. он был у губернатора [И. Г. Жеванова]

и у попечителя в Университете. — От 9 ч. до 1 час. он был в Университете. — От 1 ч. — $2^1/_2$ ч. в Кремле — с $2^1/_2$ ч. до $4^1/_2$ ч. в татарской мечети и совершил прогулку по городу в сопровождении попечителя, ректора и профессора Симонова. В 6 ч. он обедал у себя, в 7 ч. принимал у себя и был с визитом у г-на Фукса. — С 8 ч. до 10 ч. пил чай у проф. Симонова.

24-го в 9 ч. он завтракал, в 10 ч. делал наблюдения абсолютной высоты ⊙ с секстантом. — С 10 ч. до 12 ч. он был с г-ном Симоновым в Обсерватории, где они сравнивали его барометр Фортеня с барометром Обсерватории. С 12 ч. до $2^1/_2$ ч. он посетил в Университете кабинет Фукса, в 3 часа он уехал в Болгары по воде.

26-го по возвращении из Болгар, в 8 часов он принял попечителя и ректора, с 9 ч. до 11 ч. он был у попечителя.

27-го в 10 час. у проф. Симонова, с которым он уехал на Арское поле в сопровождении ректора для наблюдений над наклонением магнитной стрелки и ее напряженности, где он оставался до $2^1/_2$ ч.; попечитель пришел к нему в $2^1/_4$ ч.; он посетил ректора, в $4^1/_2$ ч. он пришел к попечителю, чтобы обедать, где оставался до 7 час. и оттуда пошел смотреть татарский праздник Сабан: в $9^1/_2$ ч. пошел к профессору Фуксу, чтобы провести там вечер и поужинать, где оставался до $1^1/_2$ ночи.

28-го г-н Гумбольдт покинул Казань в $7^1/_2$ ч. утра.

Е. А. Бобров. Из путешествия Александра Гумбольдта по России и его пребывания в Поволжье в 1829 г., приложение, в издании «Поволжье. Художественно-литературное издание», под ред. Б. Розова-Цветкова, вып. I, Нижний-Новгород, 1903, отдельная пагинация, стр. 19—20.

292

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину
13 августа 1829

Милостивой государь
Михаил Николаевич

Григорию Борисовичу Никольскому я весьма благодарен и в особенности за решение старых дел, в мое отсудствие, из числа 300 которых осталось около 30 по недостатку бумаг, взятых ревизующей Комиссией. Таким образом, только мог он покончить дело с Алашеевым и представить об его увольнении.

Ко мне явился человек, кажется способной занять место секретаря в Правлении. Он был в подобной должности, в Земском суде 16 лет, привык к трудам, надеется узнать скоро, что особенного предстоит ему в университетской; обещается стараться. Порукою будут за него дети, которых определяет в Казанскую гимназию и для которых сам переселяется в Казань. Ему надобно дать жалованья до 1500 р. и казенную квартиру, чтобы требовать после всего, что составляет обязанность секретаря. Теперь он поехал обратно в Корсунь привезти семейство и вступить тотчас же в отправление своей должности, считаясь до начала будущего года канце-

лярским служителем, и получая жалованье, какое дозволит сумма на сие назначенная. Увидевши его способности и прилежание, Правление может просить об определении г. Коноплева, так его прозванье, секретарем Правления с приличным жалованьем, которое по необходимости надобно будет заимствовать из хозяйственной суммы. Желаю, чтоб этот чиновник также удался, как эконом [Марков] и кассир [Любимов].

Власов еще не уехал и, вероятно, проживет здесь сентябрь, а может быть и до зимнего пути. Я ему говорил, что квартира под его канцелярией нужна г. Симонову. Обещался очистить верхний этаж к 20 августа, если б сам оставался и долее. Между тем я затрудняюсь поместить г. Симонова, так как он требует отдать ему и комнаты, занимаемые [И. М.] Поповым и в которых отказывать ему нельзя, как для удобности в помещении, так и для близкого соседства с обсерваторией. Попова можно было бы перевести на место Власова, но где взять квартиру для секретаря Правления?

Г. Симонов весьма прилежно занимается наблюдением над магнитной стрелкой и хотел сообщить их г-у Гумбольту в Симбирск.

Кухня студентская еще не окончена; да и все вообще работы идут медленно за недостатком людей, которых много хворает и в которых подрядчик отказывает, не желая, вероятно, опустить других работ в городе. Г. Мамаев для клиники нанял уже посторонних щекоторов на счет подрядчика. Однакож я надеюсь, что, кроме этой работы, и в одной клинике все прочее будет окончено через неделю. Кабинеты зоологической и минералогической остаются на прежнем месте. Г. Эверсман очень этому рад: иначе негде было бы ему поместить всего того, что он привез из своего путешествия, которое так разнится от путешествия г. Эйхвальда, как небо от земли. Не могу довольно надивиться, как достало ему время и трудов, чтобы собрать все то, чем он обогащает теперь наши кабинеты. Желательно было бы, чтобы примерные его труды были примерно награждены.

Недели через две будет готова и клиника. Вчерась начали в ней ставить амфитеатр в аудитории. Печи все уже исправлены. Аптеку начали устраивать с моим приездом. Я велел еще перестлать полы в коридоре и трех комнатах, что уже и сделано; потом их снова выкрасят. Эта последняя работа будет отнесена на счет клинической суммы, от которой за покупкою материалов у Шпехта еще останется до 250 р. свободных.

Студентский гардероб ставится так, как Вы мне приказывали и библиотека в смежной комнате, исключая двух шкафов в дежурной, с тем чтобы все они поставились в один ряд. Шкафы библиотечные нашел я несколько попорченными от переноски, а потому и велел их наперед перечинить.

От Грефа и прочих книгопродавцев в С. Петербурге получил я ответ. Всего выгоднее Греф, которого и надобно, думаю, предпочесть, если не будут лучше заграниченные. Я не мог писать к г. [П. М.] Васильеву потому, что он хотел выехать из С. Петербурга в конце июля; а потому и намерение мое справиться о Мухине осталось неисполненным.

Г. Фукс очень болен и никого не принимает. Вчерась я заходил узнать о его здоровье и слышал от человека, что оно все одинаково. У него лихорадка, впрочем при его летах всего можно опасаться.

В Казани был на днях большой пожар, от которого сгорело в Федоровской улице до 15 дворов, несмотря на всё действие нашей полиции в присудствии г. губернатора [И. Г. Жеванова] и жены его. Вот наши новости.

С истинным моим почтением и совершенною преданностию имею честь называться

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Николай Лобачевский

1829
Августа 13

Помета М. Н. Мусина-Пушкина карандашом: «8 сентября».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 24.

293

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину
20 августа 1829

Милостивой государь
Михаил Николаевич

Из Вашего письма думаю заключить, что Вы поездку в Саратов отменили, а следовательно, и посланные туда бумаги не могли еще получить. Я уведомлял Вас, в каком положении нашел переделки в университетских строениях; полагал, что они вместе с этим месяцем окончатся, как это на самом деле и оправдывается. Теперь уже всё в таком состоянии, что́ я мог Университет в приличном виде показать одному почтенному посетителю, Льву Алексеевичу Перовскому и, кажется, в глазах его не посрамил нашего заведения. Он пробыл в Университете два часа, везде ходивши и всё смотревши с удовольствием. Всего же более занял его минералогической кабинет, так как он сам [в] минералогии маракует, собирает минералы и знает, что́ в ископаемом царстве почитается редким. Расставаясь со мною, благодарил меня за случай, доставленный ему видеть заведение, достойное уважения, просил меня от него Вам кланяться, как давнишнему и хорошему его знакомому — я передаю Вам его слова — и изъявить его сожаление, что он не видал Вас в Казани. Клиники нашей ему не показывал, потому что в ней идет еще черная работа; однакож с меня спрашивал, и услышав, что́ за перестрой и потому что в приеме больных теперь отказано до начала курса 1 сентября вести его смотреть это заведение не смею, хотя оно и сделалось в последние годы таким, что желать много более не остается.

Другой посетитель в Университете был барон Врангель, известный путешествием по Ледовитому морю в экспедиции для открытия земли

к Северу. Он смотрел мои снаряды с магнитными стрелками, просил меня заказать такие же ему и прислать их в Сидку, где он начальником флота на 5 лет и где обещался делать наблюдения, сообщая их мне.

Лекции начались в Университете с 16 августа. Студентов еще мало прибыло из отпуска. Испытание поступающих открыл я в Комитете вчерась; предстало 12, быть может наберется еще до 10, следовательно, всех студентов нынешний год будет более 100, не считая окончивших курса. Ученики Казанской гимназии, Космынин, Пыкчев и Горленко, просили меня допустить их к экзамену, но я этого за предписанием от Вас сделать не могу, а прошу Вашего разрешения.

Власов еще не уехал; я было велел у него ломать печи, но выпросил отсрочки еще на неделю.

Профессоры все приехали, исключая Сергеева.

С истинным к Вам уважением и душевною преданностию честь имею называться

Милостивый государь
Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Николай Лобачевский.

1829
Августа 20 дня.

Пометы М. Н. Мусина-Пушкина: «21 августа»; «Отв[ечено] 22 авг[уста]».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 9.

294

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину
10 сентября 1829

Милостивой государь
Михаил Николаевич

О неприятном происшествии с пропажей в Минц-кабинете я Вам доложу официально, а к этому частно должен прибавить, что хотя подозрение всего ближе могло бы падать на служителей, приставленных к кабинету и классам, но после всех разысканий и допросов, я не сомневаюсь, что виновной не между ними. Студенты, узнавши о краже, толковали между собою и передавали г-ну инспектору, будто товарищ их Иванов тратит деньги, шьет платье; а как он, обучаясь у г. Эрдмана, свободно входит в кабинет, то им казалось, что шалость должна быть его. Я призывал к себе Иванова, допрашивал его строго, приказав наперед осмотреть все его имущество; но сожалею, что обидел моим подозрением молодого человека, которой это сильно почувствовал, между тем как обвинение его товарищей оказалось неосновательным и происходило единственно от припоминания прежнего проступка.

Г. Фукс сказывает, что у него тоже были выкрадены ходячие золотые монеты, когда он в 1827 году занимал казенную квартиру. Это теперь еще новые следы, по которым все старание мое употреблю итти и преследовать воровство, хотя, признаться, на успех не надеюсь.

Совет представляет Вам к изъявлению благодарности г. Грацинскому, учителю в гимназии. Директор [Н. А. Галкин], после уже как постановление Совета состоялось, говорил со мною и сожалел, что заслуга Грацинского мало уважена, тогда как он столько благодарен за усердие и готовность к исполнению сего учителя, что желал бы для поощрения ему награды от лица государя. Уважая мнение г. директора и не могши уже изменить ничего в определении Совета, я по крайней мере почел долгом передать это на Ваше благоусмотрение, тем более, что достоинства Грацинского Вам лично совершенно известны.

Г. Васильев приехал из С. Петербурга, привез лестницу, умывальник, железную кровать и стекло для физического кабинета. Польза от сей поездки г-а Васильева, конечно, не ограничится одним только этим.

Архиерей [Ириней] при отъезде своем из Казани изъявил Талантову желание быть у нас на церковном празднике. Я в большом затруднении, как его угостить, потому что праздник воздвижения креста постный день.

Колонны в церкве старик Иванов шлифует, и довольно хорошо. Клиника уж несколько дней готова, но гг. медики, опасаясь вреда для больных от запаха краски, еще временят.

С истинным моим уважением и преданностию честь имею называться

Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Николай Лобачевский

1829.
Сент[ября] 10.

Помета М. Н. Мусина-Пушкина карандашом: «16 сент[ября]».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском Университете, № 10.

295

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину

21 сентября 1829

Ваше превосходительство
Михаил Николаевич

Петр Михайлович Васильев по приезде своем занимается приготовлением отчета, которой по обширности не думаю, чтобы мог окончить к 1 октября. Записи, составленные им в бытность его в С. Петербурге, заключают в себе весьма много замечаний, относящихся к устройству учебных заведений. Предметы, о которых здесь говорится, доказывают, что Петр Михайлович не напрасно провел время в столицах. Я не сомневаюсь, что он оправдает такое мое мнение в первой Вашей беседе с ним.

О Ливанове ожидаю Вашего предложения, а между тем отвечал Военному министерству и здешней гошпитали, что до получения предписания от своего начальства мы к выполнению их требований приступить не можем.

Исследования, какие Вы предлагаете, уже сделаны были для открытия воровства из Минц-кабинета в первые же дни, как Эрдманом пропажа была мне объявлена. Г. Эрдман не отвечал мне, почему шкаф оставил незапертым до другого дня и ясно, что это была его оплошность. Однакож она ничего не значит, потому что шкаф никогда профессор ничем не занимал, запираться он не мог, потому что рассохся и, вероятно, не запирался уже около двух лет. Эрдман обратил сюда свое внимание только в первый раз случайно, когда увидел шкаф непритворенным. По освидетельствовании моем шкаф, где покрадено, запечатан, а ключи от кабинета я взял к себе; сторож переменен. Я заказываю теперь слесарю другие замки похитрее к дверям. Монеты должны быть украдены давно уже и в равные времена. Подозрение на студента [Иванова] оказалось неосновательным по строгому от меня исследованию, ибо денег у него видели не много и он доказал, откуда их взял. Я почти уверен, кто украл, и за вором следуют уже теперь около недели приставленные от меня люди. Столько уже собрано сведений, чтобы можно его было задержать и приступить к допросам. Завтрешний праздничный день назначается для обыска в некоторых домах при помощи полиции и где подозреваемой должен быть захвачен. Не надеюсь на успех, потому что золото и серебро легко укрыть; а может быть и много прошло времени, как оно сбыто. Г. Эрдман составил подробной список и описаний украденному. Сверх золотых недостает еще 13 серебреных русских монет.

Расчет с Грефом я сделал по моем приезде, но не мог совершенно согласить со всеми каталогами. Теперь это обязанность г. Лентовского в Правлении, и я ему напоминал вчерась.

Надеюсь, что Вы распоряжение мое в покупке типографских принадлежностей в С. Петербурге одобрите. Должен Вам сказать, что я хотел послать туда 3000 рублей, но хозяйственная сумма уже вся. На расходы, разрешенные отсюда г. министром, намерен я сделать заем из суммы сбережения от содержания студентов. Высылкою же денег к фактору [Вейнеру] остановиться никак нельзя. Бумагу в типографии мы получили, кроме веленевой, а потому и приступить к печатанию крымской истории не можем. К тому ж ожидаем от фактора украшений и заглавной лист. Казамбек написал предисловие, которое я теперь исправляю.

Прошу Вас покорнейше засвидетельствовать мое почтение Александре Семеновне и быть уверенным в том отличном уважении и совершенной преданности, с которыми я всегда буду называться,

Милостивой государь,
Ваш покорнейший слуга
Николай Лобачевский

1829
Сент[ября] 21.

Помета М. Н. Мусина-Пушкина: «Получ[ено] 22 сент[ября] 1829».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 11.

296

Представление Н. И. Лобачевского как ректора Казанского университета попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину о суммах вознаграждения, получаемых профессорами и преподавателями университета

3 ноября 1829

Господину попечителю Казанского учебного округа

Во исполнение предписания Вашего превосходительства от 2-го ноября № 1840 честь имею представить при сем ведомость, сколько каждый из гг. профессоров ординарных, экстраординарных и адъюнктов получает в год жалованья и за какие именно кафедры и должности, с донесением, что ведомость сия составлена из дел Правления, а потому и скреплена правящим должность секретаря оного.

Ректор Университета *Николай Лобачевский.*

Письмоводитель *Петр Белогородцев.*

На бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент народного просвещения. Ответ на № 1840. В Казани 3 ноября 1829 года, № 299. От ректора императорского Казанского университета».

Помета: «№ 1408».

Помета: М. Н. Мусина-Пушкина: «Полу[чено] 3 нояб[ря] 1829».

ЦГАТ, Ф. 92, 1829, № 294, л. 2; с приложением «Ведомости».

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Из «Ведомости о том, кто сколько из гг. профессоров и адъюнктов Казанского университета получает в год жалованья, за какие именно кафедры и должности»

3 ноября 1829

	руб.	коп.
гг. ординарные профессоры		
Коллежский советник и кавалер Лобачевский за кафедру чистой математики 2000 руб., за должность ректора Университета 600 рублей и за должность библиотекаря 400 руб., всего	3000	—

[. . . . .]

Ректор Университета *Николай Лобачевский*

Правящий должность секретаря *Макар Коноплев.*

ЦГАТ, Ф. 92, 1829, № 294, лл. 3 и 4.

297

Представление попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина министру народного просвещения кн. К. А. Ливену о вознаграждении Н. И. Лобачевского за преподавание физики

7 ноября 1829

Г. министру н[ародного] п[росвещения]

Ваша светлость, из прежних донесений моих, изволите знать, что г. ректор Унив[ерситета] ор. пр. Лобачевский исполняет возложенную на него должность с особенным усердием. Я имел честь ходатайствовать о вознаграждении его от 11 октября прошл[ого] 1828 года за № 1616 и потом представил о производстве его в следующий, уже заслуженный им, чин статского советника. Вы, м[илостивый] г[осударь], изволили мне в том и другом представлениях отказать потому, что ревизия Унив[ерсите]та еще не кончена. Дело сие поныне не приведено к окончанию и нет надежды к скорому оного решению, ибо ревизующая Комиссия еще теперь в Казани.

Между тем неутомимое трудолюбие г. ректора заслуживает благосклонного внимания В[ашей] светлости. Сверх прочих обязанностей в нынешнем годе он принял еще на себя и преподавание физики до определения по сей части профессора.

Не осмеливаясь за предписанием от 3 ноября 1828 за № 6452 входить с представлением о награждении г. ректора, покорнейше прошу дозволить производить ему, сверх получаемого им оклада, тысячу руб. за преподавание физики с начала нынешнего академического года, до определения особенного профессора, из суммы, на сию кафедру положенной.

Отпуск с датой: «№ 1872. 7 ноября 1829. Казань».

ЦГАТ, Ф. 92, 1829, № 294, л. 7.

298

Предписание министра народного просвещения кн. К. А. Ливена попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину о вознаграждении Н. И. Лобачевского за преподавание физики

7 декабря 1829

Господину попечителю Казанского учебного округа.

По представлению Вашего превосходительства от 7 минувшего ноября, я согласен на производство ректору Казанского университета Лобачевскому, сверх получаемого им оклада, по тысяче рублей в год, за преподавание физики, с начала нынешнего академического года, впредь до определения особенного профессора, из суммы, на сию кафедру положенной. Что же касается до упоминаемых Вами и ныне прежних представлений Ваших о заслугах г. Лобачевского, то обязанностию считаю изъявить Вам, милостивый государь мой, что я вообще весьма охотно ходатайствую о награждении достойных и отличающихся усердною службою

чиновников, но коль скоро есть к тому законные препятствия, в необходимости нахожусь в том отказывать.

Министр народного просвещения
генерал от инфантерии *Кн. Карл Ливен.*
Директор *Языков.*

На бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент народного просвещения. Отделение III. Стол I. В Санктпетербурге 7 декабря 1829, № 8680. Ответ на № 1872».

Помета: «№ 492».
Помета М. Н. Мусина-Пушкина: «Полу[чено] 19 декаб[ря] 1829».

ЦГАТ, Ф. 92, № 9829, № 294, л. 8.

299

Предписание попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета о вознаграждении Н. И. Лобачевского за преподавание физики
19 декабря 1829

Совету К[азанского] у[ниверситета].

Г. министр н[ародного] п[росвещения], от 7-го сего декабря за № 8680, по представлению моему, изъявил согласие на производство ректору К[азанского] у[ниверситета] Лобачевскому, сверх получаемого им оклада, по тысяче рублей в год, за преподавание физики с начала нынешнего академического года, впредь до определения особенного профессора, из суммы на сию кафедру положенной.

Уведомляю о сем Совет К[азанского] у[ниверситета] к надлежащему сведению и исполнению. Подлинное подписал попечитель К[азанского] у[чебного] о[круга] Михаил Мусин-Пушкин.

Отпуск с датой: «№ 2152, 19 декабря 1829. Казань».

ЦГАТ, Ф. 92, 1829, № 294, л. 9.

300

Сообщение о чтениях Н. И. Лобачевским лекций в Казанском университете в 1828—1829 учебном году
Конец 1829

II.

Отделение физико-математических наук [...]

2. Николай Лобачевский, п. о. профессор чистой математики, ректор Университета, библиотекарь, член Казанского Общества любителей отечественной словесности, коллежский советник и ордена св. Владимира 4-й степени кавалер, будет преподавать: 1) *физику* по Биоту, в понедельник и четверток в 12-м часу до полудня для студентов 2-го и 3-го

разрядов; 2) *гидростатику* и *гидравлику* в среду в 1-м часу по полудни по Лагранжу: *Mécanique Analytique*, для студентов 3-го разряда [стр. 5].

6. Андрей Кайсаров, адъюнкт физики, надворный советник и Секретарь Отделения [...] Сверх того будет находиться при чтениях г. профессора Лобачевского для помощи при опытах [стр. 7].

8. Николай Брашман, адъюнкт астрономии будет проходить: [...] 2) *Механику*, по конспекту г. профессора Лобачевского, в четверток в 10-м и в пятницу в 12-м часу до полудня для студентов 2-го и 3-го разрядов [стр. 7].

10. Николай Юферов, магистр математических наук, будет преподавать *чистую математику*, руководствуясь записками г. о. профессора Лобачевского, по вторникам в 9-м и по четвергам в 11-м часу утра для студентов 1-го разряда Врачебного Отделения [стр. 8].

Учебные заведения

Библиотека находится под ведением библиотекаря профессора Лобачевского и помощника библиотекаря кандидата Фойхта. Открыта бывает по средам и субботам от 10-ти часов утра до 2-х часов по полудни; комната чтения при библиотеке — каждый день от 10-ти часов утра до 2-х часов по полудни [стр. 15].

«Расписание преподаваний в императорском Казанском университете на 1828—1829 академический год по назначению Совета», Казань, 1829, стр. 5, 7, 8, 15.

301

Официальное письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину с поздравлением с Новым годом

1 января 1830

Милостивый государь
Михаил Николаевич!

Честь имею поздравить Вас с наступлением Нового года и пожелать Вам всякого блага. Поставляю долгом моим принести также Вам чувствительнейшую благодарность за Ваше покровительство, которым в прошедшем году имел я счастие пользоваться и которое заслуживать буду прилагать все мое старание, какое внушает мне отличное уважение и с каким всегда буду иметь честь называться

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Николай Лобачевский.

Генваря 1 дня.
1830 года.
№ 1.

Помета: «№ 9».
Помета М. Н. Мусина-Пушкина: «Полу[чено] 2 генв[аря] 1830».
ЦГАТ, Ф. 92, 1830, № 1, л. 1.

302

Официальное письмо М. Н. Мусина-Пушкина Н. И. Лобачевскому по случаю поздравления с Новым годом
3 января 1830

Г. ректору К[азанского] у[ниверситета]

Письмо Ваше, от 1 сего генваря, я имел удовольствие получить. — Мне весьма приятно, что я имел случай удостоверить Вас, м[илостивый] г[осударь] мой, в особенном моем к Вам уважении, а еще приятнее видеть, что я нашел в Вас человека с благородными возвышенными чувствами, совершенно понимающего меня и разделяющего со мною пламенное желание быть полезным во всех случаях Казанскому университету.

Примите м[илостивый] г[осударь] мой, уверение в нелицемерном всегдашнем моем почтении, с которым имею честь быть Вашим

Милостивый государь мой
покорнейшим слугою
Михаил Мусин-Пушкин.

Отпуск с датой: «№ 4. 3 генваря 1830. Казань. Его высокородию Н. И. Лобачевскому».

ЦГАТ, Ф. 92, 1830, № 1, л. 2.

303

Официальное письмо Н. И. Лобачевского от имени Совета Казанского университета М. Н. Мусину-Пушкину с поздравлением министра народного просвещения кн. К. А. Ливена с Новым годом
6 января 1830

Ваше превосходительство
Михаил Николаевич

Совет Университета чрез меня просит покорнейше Ваше превосходительство по своей признательности поздравить его светлость господина министра народного просвещения князя Ливена с наступлением Нового года.

Исполняя столь приятное для меня поручение Совета, я пользуюсь сим случаем, чтобы засвидетельствовать Вашему превосходительству глубочайшее мое почтение, с которым и навсегда буду

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Ректор Университета Николай Лобачевский.

№ 17.
1830 года
Генваря 6 дня.

Помета: «№ 26».
Помета М. Н. Мусина-Пушкина: «Полу[чено] 6 генв[аря] 1830».

ЦГАТ, Ф. 92, 1830, № 1, л. 3. М. Н. Мусин-Пушкин передал поздравление Казанского университета кн. К. А. Ливену в письме к нему от 6 января 1830, за № 7 (там же, л. 5).

304

Представление попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина министру народного просвещения кн. К. А. Ливену о выборах Н. И. Лобачевского ректором Казанского Университета на новое трехлетие

15 мая 1830

Совет Казанского университета от 14 сего мая за № 808 донес мне, что, согласно постановления оного, 13 числа было приступлено к баллотированию: а) на трехлетие в ректора Университета и в) на год в деканы Отделений и члены Училищного комитета.

В ректора избран большинством голосов 12 избирательными, против 4-х неизбирательных, находящийся в сей должности ординарный профессор Лобачевский.

Честь имея донести о сем Вашей светлости, представляю в копии избирательный лист и, на основании высочайше утвержденного 26 мая 1811 года доклада министра народного просвещения, которым повелено: избрание ректора в Харьковский и Казанский университеты производить чрез каждые три года, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, об утверждении г. профессора Лобачевского ректором Казанского университета впредь на три года.

Долгом поставляю присовокупить к сему, что г. Лобачевский, усердным исполнением в течении трех лет возложенной на него обязанности, неусыпною деятельностью и честностию оправдал мое о нем пред Вашею светлостию засвидетельствование, а новый выбор его в ректора доказал и то уважение, которым он пользуется между сослуживцами.

Я приму как знак Вашего, милостивый государь, ко мне благоволения, естьли Вашей светлости при утверждении ректора, благоугодно будет изъявить г. Лобачевскому за труды его благодарность.

Формулярный о службе г. Лобачевского список у сего представляю.

Попечитель Казанского учебного округа

Михаил Мусин-Пушкин

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 406, д. № 28855, 1830 г., л. 2.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Избирательный лист в ректора императорского Казанского университета, постановленный мая 13 дня 1830 года

	Избирают.	*Не избирают.*
Гг. ординарные профессоры		
1. Карл Фукс, уволен от избрания, по собственному желанию и по уважению прежней службы.		
2. Григорий Никольский	9	7
3. Франц Эрдман	6	10
4. Николай Лобачевский	9	7

5.	Иван Симонов	3	13
6.	Людвиг Фогель	4	12

7. Владимир Булыгин, по собственному желанию и по болезни, уволен от избрания.

8.	Василий Баженов	7	9
9.	Иван Дунаев	6	10
10.	Сергей Мистаки	7	9
11.	Петр Сергеев	3	13
12.	Иван Ерохов	3	8
13.	Эдуард Эверсман	6	10
14.	Александр Лентовский	2	14
15.	Григорий Суровцов	4	12

По вторичному баллотированию:

Григорий Никольский	11	5
Николай Лобачевский	12	4

Подлинный избирательный лист подписали: ректор Николай Лобачевский, Карл Фукс, Григорий Никольский, Франц Эрдман, Иван Симонов, Людвиг Фогель, Василий Баженов, Иван Дунаев, Сергей Мистаки, Петр Сергеев, Александр Лентовский, Григорий Суровцов, Эдуард Эверсман, Петр Карейша, Яков Караблинов, Сергей Протасов.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 406, № 28855, 1830 г., лл. 2—3. Копия.

305

Из письма Д. М. Перевощикова к И. М. Симонову

2 июня 1830. Москва

Прошу покорно засвидетельствовать мое почтение Николай Ивановичу, к которому прилагаю при сем просьбу на имя Училищного Комитета: нельзя ли что-нибудь по ней сделать. Мы постараемся заплатить при случае тем же.

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета, № 4507, л. 497 об.

306

Всеподданнейший доклад министра народного просвещения кн. К. А. Ливена имп. Николаю I об утверждении Н. И. Лобачевского ректором Казанского Университета на новое трехлетие

29 июня 1830. Петербург

Его императорскому величеству

от министра народного просвещения

Доклад

Попечитель Казанского учебного округа действительный статский советник Мусин-Пушкин представил мне, что Совет Казанского универ-

ситета, большинством голосов избрал в ректоры находящегося в сей должности ординарного профессора Лобачевского, почему и просит об утверждении его в сем звании впредь на три года на основании высочайше конфирмованного 26 мая 1811 года доклада бывшего министра народного просвещения.

Докладом сим постановлено: избрание ректоров в Харьковский и Казанский Университеты производить чрез каждые три года.

Основываясь на сем, испрашиваю высочайшего Вашего императорского величества соизволения на утверждение Лобачевского ректором Казанского университета на три года.

Подлинный подписали князь Карл Ливен

директор Языков

На подлинном собственною его императорского величества рукою написано: «Быть по сему». Александрия близь Петергофа, 29-го июня 1830 г.

ЦГИАЛ, Фонд департамента народного просвещения, картон № 406, д. № 28855, 1830 г., л. 13. Копия; копия с копии — ЦГАТ, Ф. 977, № 5504, л. 2.

307

Выписка из журналов Комитета министров 10 июня и 8 июля 1830 года, представленная министру народного просвещения кн. К. А. Ливену о высочайшем утверждении Н. И. Лобачевского ректором Казанского Университета на новое трехлетие

После 8 июля 1830. Петербург

В заседание 10 июня слушана записка министра народного просвещения от 31 мая за № 3916 (по департ[аменту] наро[дного] просвещ[ения]), внесенная в журнале Комитета под № 956 с представлением всеподданнейшего доклада об утверждении ректором Казанского университета на три года, находящегося ныне в сей должности, ординарного профессора коллежского советника Лобачевского.

Комитет полагал: доклад сей поднести к высочайшей конфирмации.

В заседании 8-го июля объявлено Комитету, что доклад высочайше конфирмован в Александрии близ Петергофа 29 июня 1830 года.

Комитет определил: сообщить о том министру народного просвещения к исполнению выпискою из журнала, препроводив к нему и доклад.

Управляющий делами Комитета Гежелинский.

№ 1264-й,
Его светл-ти г. министру
народного просвещения.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 406, д. № 28855, 1830 г., л. 15. Копия.

308

Прошение Н. И. Лобачевского в Совет Казанского университета о выдаче копии с его послужного списка

19 июля 1830

В Совет императорского Казанского университета

Ординарного профессора и ректора
сего Университета Лобачевского

Прошение

Покорнейше прошу Совет университета выдать засвидетельствованную копию со списка о моей службе для представления в Казанское дворянское депутатское собрание, которое намерен я просить о причислении меня к здешнему дворянству. 1830 июля 19 дня.

Ректор Университета профессор Николай Лобачевский.

Резолюция рукою Г. Б. Никольского:

«Определено: Просимую копию послужного списка выдать г. ректору профессору Лобачевскому за надлежащею скрепою секретаря Совета и одного числа, для представления оной в Казанское дворянское депутатское собрание.

Профессор Г. Никольский».

Пометы: «Расписку в получении послужного списка смотри по разносной книге Совета 1830 года»;«Под[ано] 1830 июля 19»; «слуш[ано] 19 июля 1830»; «ст. 31» и «№ 941».

ЦГАТ, Ф. 977, № 5591, л. 1.

309

Сообщение о чтениях Н. И. Лобачевским лекций в Казанском университете с 12 августа 1830 по 3 июля 1831 г.

Около 12 августа 1830

II.

Lectiones Ordinis Physico-Mathematici [...]

II. Nicolaus Lobatschewsky, *Matheseos purae P. P. O.*, *Universitatis hodie Rector*, *a Collegiorum Consiliis*, *ordinis St. Wladimiri IV classis Eques*, *Bibliothecae Academicae Praefectus, Societatis Casanensis ad patriam promovendam literaturam Sodalis:* — d. Lunae hor. XI—XII Studios. II et III class. 1) Ex *Physice* proprietatibus corporum in genere expositis, de electricitate, magnete, luce et calore duce imprimis *Biotio* tradere perget; 2) d. Mercurii hor. XI—XII ex *Hydravlice* de Sonu, de motu fluidorum et cet proponet. 3) d. Veneris hor. X—XI extensionem *caloris* praeeuntibus *Poisson*, *Cauchy* et *Fourié* demonstrabit. [p. 6].

III.

Lectiones Ordinis Medici [...]

VI. Nicolaus Juferow, *Scient. Mathemat. Magister:* — d. Martis prima post meridiem hora et Saturni IX—X *Algebram* et *Geometriam* adjuvante

Professore et Universitatis Rectore *Lobatschewskio* in usum Studios. Medic. explicabit. [p. 10].

Instituta Publica.

1. *Bibliothecam* Academicam dd. Mercurii et Satur. a X ante usque ad II hor. post meridiem Bibliothecae praefectus P. P. O. *Lobatschewsky* et adjunctus eius Candidatus *Voigt* aperiet, iis autem, qui litteris totos se addicere apud animum constituerint, per singulos dies iisdem horis Bibliotheca patebit ad perlegendos scriptores omnium bonarum artium ac doctrinarum [p. 15]

«Index praelectionum in Universitate Caesarea literarum Casanensi inde a die XII Aug. anni MDCCCXXX usque ad III Jul. MDCCCXXXI habendarum promulgatus a Senatu Academico», Casani, MDCCCXXX, pp. 6, 10 et 15.

II.

Отделение физико-математических наук [...]

2. Николай Лобачевский, п. о. профессор чистой математики, ректор университета, библиотекарь, член Казанского Общества любителей отечественной словесности, коллежский советник и ордена св. Владимира 4-й степени кавалер, будет преподавать для студентов 2 и 3 разрядов: 1) из *физики*, после краткого изложения общих свойств тел, об измерении удельного веса тел, об электричестве, магнитизме, теплоте и свете по Биоту, в понедельник 12 час.; 2) *Гидравлику*, о движении волн и о звуке, в среду 12 час. и 3) из *Математической физики* о распространении теплоты, следуя сочинениям гг. Пуассона, Коши и Фурье в пятницу 11 час [стр. 5—6].

III.

Отделение врачебных наук [...]

6. Николай Юферов, магистр математических наук, будет преподавать *алгебру* и *геометрию* во вторник в 1 часу по полудни и субботу в 10 часу утра, по тетрадям г-на профессора Лобачевского, на российском языке для студентов 1 разряда Врачебного Отделения [стр. 10].

Учебные заведения.

1. Библиотека находится под ведением библиотекаря г. профессора *Лобачевского* и помощника библиотекаря кандидата *Фойхта*; открыта бывает по средам и субботам от 10 часов утра до 2 по полудни; комната чтения при Библиотеке каждый день от 10 часов утра до 2 часов по полудни [стр. 16].

«Расписание преподаваний в императорском Казанском университете на 1830 1831 учебный год по назначению Совета», Казань, 1830, стр. 5—6, 10 и 16.

310

Уведомление Советом Казанского университета Правления университета об утверждении Н. И. Лобачевского ректором Университета
13 августа 1830

В Правление Казанского университета

Г. попечитель Казанского учебного округа от 26 июля, за № 1356 уведомил Совет университета об утверждении орд. профессора Лобачевского ректором Университета на три года.

Совет университета, уведомив о сем Училищный комитет, все факультеты, Общество любителей отечественной словесности, Издательный комитет, сообщает и Правлению университета с приложением в копии высочайше конфирмованного в 29 день июня сего 1830 года доклада об утверждении о. профессора Лобачевского ректором Университета с тем, чтобы оно благоволило сделать нужные по сему распоряжения и привести г. Лобачевского к присяге [подпись неразборчива].

Секретарь Совета *Ив. Ерохов*
Канцелярист *Н. Риддер*

На бланке Совета Казанского университета от 13 августа 1830, за № 1235.
Пометы: «Пол[учено] 1830, августа 27»; «№ 2354»; «по журналу 2 сентября 1830 года, стат[ья] 8».

ЦГАТ, Ф. 977, № 5504, л. 1, с приложением копии с копии всеподданнейшего доклада министра народного просвещения кн. К. А. Ливена имп. Николаю I от 29 июня 1830 г. (см. выше стр. 277); на этой копии резолюция рукою проф. Г. Б. Никольского: «Приказали, объявя о сем г. ординарному профессору Лобачевскому и приведя его к присяге внести в расписание, для удовлетворения за сию должность жалованьем. Г. Никольский» и помета: «По журналу 2 сентября 1830 года, ст. 8» (там же, л. 2).

311

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину
14 августа 1830

Милостивой государь
Михаил Николаевич

Несмотря на то, что я приехал сюда в 9 часов утра, жар последнюю станцию был истино несносной. Если такая погода стояла и в Саратовской губернии, то мудрено ли, что холера должна сильно действовать. От Царицына до нас еще далеко, к томуж Царицын отделяется степями, которые в 1824 году были препядствием распространению болезни. Нам должно опасаться не столько соседства губерний, сколько водного сообщения. Г. Филипов, которой правит все еще должность губернатора, сказывал мне, что он с полученьем известия о холере, немедленно разослал по пристаням Волги людей, которые не дозволят итти судам далее вверх по Волге и освидетельствуют седоков, не выпуская их на берег. Наш Горталов уже отправлен; но двое других лекарей кажется еще здесь: гражданское на-

чальство не может достигнуть такой подчиненности, как мы в молодых людях.

Письмо Ваше я доставил сам к г. губернатору, которой, по словам его, скоро выздоровеет. Г. Фукс говорит мне, что у г. Жеванова глазная болезнь род водяной, которая вообще ему угрожает рано или поздно по его сложению и образу жизни. С г. губернатором говорил я о мальчиках из приказа общественного призрения: он согласился на все условия и обещался все исполнить по отношению к нему Университета.

Поправка в строении без меня шла не так успешно, как я желал; до того, что я не совсем надеюсь открыть ученье с понедельника. Кровати студентские еще не высохли; но будут однакож дня через три, четыре готовы. В спальнях их все стены перекрашены, но в аудиториях, именно в двух физических, перестилали полы, которые теперь красятся и не скоро могут высохнуть. Инструменты перенесены в большую залу. Клиника будет совсем готова через неделю. В занимательных студентских стены и полы вновь выкрашены; я велел спешить установкою столов, что, вероятно, будет окончено дни через четыре, но на краску полов я не много надеюсь. В столовой студентской сделано подкрепление в помощь столбам; выкрасить стены уже не долго. К 20 числу думаю все поправки в строениях окончить, кроме некоторых снаружи. На окраску производится нынешний день последний торг, но до Вашего приезда работа еще не начнется.

В отсудствие мое был здесь попечитель, директор департамента Дубенской. Г. Никольский извинился перед ним, что не может показать Университета по причине переделок; к тому прибавил, что ни попечителя, ни ректора не было в городе. Дубенской тихо проехал мимо Университета, любовался зданием, спросил во что обошлось и не находил дорого.

К Вам собирался ехать И. М. Симонов с женою, но известие о смерти отца Марфы Павловны их остановило. Он умер однакож не от холеры, а от карбункула на спине. Этою же болезнию умер и Головастиков. Первые новости по приезде моем сюда были неприятные.

Эконом Марков весьма огорчился Вашим ему выговором и подал просьбу в отставку. На место его желает некто Козловский, поляк, старик, о котором я слыхал, что он то, что называется между картежниками *шулером*, следовательно, принять его нельзя.

Г. Суровцов возвратился 6 августа, говорит что окончил все дело; жалуется чрезвычайно на бывшего директора Попова и на то состояние упадка, в котором он нашел все учебные заведения. Занимается теперь отчетом для Университета и донесением к Вам о своем поручении.

План города Казани, как я Вам сказывал, был начерчен г. Гартманом, но отдан для подписа архитектору Шмиду, которой теперь уехал на неделю. Между тем, я отнесся к г. пр[авящему] должн. губернатора [Филиппову] и прошу его по крайней мере поспешить доставлением плана тех частей города, где находятся Арское поле и театральная площадь.

Г. Линденау обещает доставить к понедельнику смету на аптеку и планы старым строениям.

Г. Эверсман еще не возвратился из путешествия. Луковицы с Мыса доброй надежды получены, посажены и, кроме двух, все принялись.

Прошу Вас покорнейше поклониться от меня княжне Марфе Ивановне, Олене Давыдовне и Татьяне Михаловне.

С отличным уважением и преданностию к Вам и Александре Семеновне честь имею называться

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Николай Лобачевский

1830
Августа 14 дня.

Пометы М. Н. Мусина-Пушкина: «Полу[чено] 15 ав[густа] 1830»; «Отвечал 15 августа».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 13.

312

Донесение Н. И. Лобачевского как ректора Казанского университета Совету Университета о мероприятиях, предпринятых им в зданиях Университета в связи с холерою

27 сентября 1830

Совету императорского Казанского университета

Совет Казанского университета в заседании 13 сентября сего года по предъявлении от меня свидетельства врачей *об оказавшейся болезни* холере в городе *Казани* постановил: учение в университете, гимназии и народном училище закрыть, а прочие распоряжения по сему случаю возложил на меня, о чем и господину попечителю было донесено. Того же 13 сентября, будучи приглашен в 11 часов утра г. губернатором для совещания, узнал я, что город приказано еще ночью перед сим оцепить, как зараженное место. Посему, возвратившись в Университет, поспешил я с согласия гг. членов тогда находившихся в казенных зданиях предписать г. экзекутору об охранении живущих в Университете. Это предписание заключалось главнейше в том, чтобы большой квартал Университета был всегда заперт, чтобы вода, съестные припасы и все необходимо нужное, доставлять и подвозить на один из отдельных дворов, откуда в назначенное время должно принимать все вещи уже другим людям. Все входы в большой квартал приказал я запереть, оставя один, у которого часовой и при нем дежурный впускали бы одних врачей, священника и принимали бумаги. Для рассылки в городе отряжены были люди, помещенные особо в доме, Анатомическим театром занимаемом, которые должны выходить на свободный воздух в дехтяном платье и с соблюдением правил для предохранения себя от заразы. По совету с г. Эверсманом учредили мы две боль-

ницы, исключительно назначив их для одержимых холерою, одну в клинике Университета для служителей и другую в главном корпусе в отделенных от прочих покоях для чиновников. С прекращением учения в Университете я дозволил поместиться некоторым из гг. чиновников в свободных аудиториях с тем, чтобы при оцеплении Университета могло их быть охранено здоровье, а в случае болезни могли бы они найти скорую помощь. Некоторые из своекоштных студентов приняты мною также в Университет и помещены с казенными и пансионерами, с которыми сообщение всем воспрещено, кроме лиц, над ними надзирающих и людей, им прислуживающих. Все вообще чиновники, помещающиеся в казенных зданиях, пользуются лекарствами и съестными припасами, в должном количестве, заблаговременно приготовленными, и даже пищею от стола студентов, дабы избежать излишне отяготительного для них хозяйства и уменьшить тем все случаи, которые людей при отправлении ими работ подвергают болезни. Вознаграждение издержек казны может быть впоследствии сделано по счетам, которые ведутся экономом студентов и ординатором клиники. Университетскую клинику и живущих в Анатомическом театре поручил я особенному надзору г. ординатора клиники Дмитриевского, как чиновника надежного, и который действительно мое доверие к нему совершенно оправдывает. Всякий из живущих в зданиях Университета при сих распоряжениях не может и не имеет нужды нарушать строгие правила оцепления, которые по донесению моему господин попечитель нашел весьма благоразумными, предписав к тому 17 сентября № 1606 оцепление вокруг Университета не снимать без разрешения его превосходительства, хотя бы холера, по милосердию божию, и прекратилась в Казани. Сентября 14 отношением от 13 сентября за № 8156 г. Казанский гражданский губернатор уведомил меня, что по случаю появления признаков болезни холеры им тотчас сделаны были распоряжения об оцеплении Казани и прекращении всякого сообщения благополучных мест с зараженным городом на точном основании высочайшего повеления, объявленного г. губернатору г. министром внутренних дел. В указе Правительствующего Сената 26 сентября сего года изъяснено, что, по высочайшей воле, все места, где появится холера, должны быть оцеплены. В объявлении от г. министра внутренних дел 14 сентября предлагается для предохранения от холеры все вещи, с которыми может быть принесена зараза, омывать хлориновыми растворами, а письма окуривать. Так *как* того же самого 13 сентября в ночь на 14 число один из живущих в зданиях Университета э. п. Протасов занемог и умер чрез несколько часов от холеры, заразившись, вероятно, где-нибудь в городе накануне, то уже и по сей причине во исполнение высочайшего повеления, живущие в зданиях Университета не должны иметь более сообщения с прочими жителями в городе; да и внутри Университета таких дворов с теми местами, где находятся больные в холере, не должно допускать никакого сообщения, как и наблюдается в строгости по моим распоряжениям.

Письма же и всякого рода бумаги и вещи, принимаемые у главного входа, окуриваются хлором или обмываются хлоровыми растворами. Наконец, я за нужное почел все платье и вещи, находившиеся при больных холерою, или сжигать, или обкуривать хлором или по неудобности сносить в отдаленные сараи до времени. Постели же, на которых лежали умершие от холеры, приказано от меня сожигать непременно. Может быть только сии меры и в состоянии были предупредить внесение болезни в Университетские здания или предохранить важные последствия от влияния поветрия; ибо до сих пор из числа 80 студентов ни один не был болен *даже* легкими припадками холеры; а из числа всех 560 человек, живущих в *главном квартале* Университета больных холерою было 12-ть.

Доводя о всех сих распоряжениях моих до сведения наличных членов Совета и объяснив, таким образом, то положение, в котором Университет должен находиться, покуда не прекратится в городе заразительная болезнь, я ожидаю, что они признают оцепление Университетских зданий необходимым как исполнение высочайшей воли и полезным, как доказывает самый опыт. С сим вместе предлагаю сим гг. членам Совета на рассуждение, каким образом должно быть, по их мнению, продолжаемо производство дел по управлению Университета и Округа или по крайней мере решение тех, которые не терпят отлагательства.

Ректор Университета *Н. Лобачевский.*

На литографированном бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент народного просвещения. От *ректора* императорского Казанского университета. В Казани. *Сентября 27* дня *1830* года № *485*».

Помета: «№ 271»

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 3973.

Впервые в кратком изложении использовано у Э. П. Янишевского «Историческая записка о жизни и деятельности Н. И. Лобачевского», Казань, 1868, стр. 50—52. О холере в Казани и о мерах, принятых против нее в Казанской гимназии, см. в воспоминаниях А. Е. Лазарева (В. Владимиров Историческая записка о 1-й Казанской гимназии, ч. 2, отд. 2. стр. 206—207).

218

Из письма Л. Е. Растовской к И. Е. Великопольскому

1 ноября 1830. Ижевский завод

Приятель твой Лобачевской во время холеры твердостию духа и попечениями заслужил всеобщую любовь, а мы ему благодарны за то, что он всякую почту пишет к Праск[овье] Ерм[олаевне] листах на восьми и потому мы более знаем о происходящем в Казани через его письма, чем сами бы были там.

ПД, № 32165 — CCXLII б. 33.

314

Помета от имени Совета Казанского университета о выдаче Н. И. Лобачевскому, по его просьбе, копии с его послужного списка

20 декабря 1830

1830 года июля 19 дня г. ординарный профессор и ректор Казанского университета, коллежский советник и кавалер Николай Лобачевский просил Совет оного Университета о выдаче ему копии с послужного его списка для представления в Казанское дворянское депутатское собрание, которое он намерен просить о причислении его к здешнему дворянству, каковую Совет императорского Казанского университета вследствие постановления своего июля 19 дня сего 1830 года последовавшего и выдает ему г-ну ректору Лобачевскому за надлежащим подписанием и скрепою. 1830 года. Декабря 20-го дня.

№ 1939-й

На копии формулярного списка в деле «по прошению г-на ректора университета ординарного профессора Лобачевского о выдаче ему копии с послужного его списка», № 124, июля 19 дня 1830 года, на 9 листах.

ЦГАТ, Ф. 977, № 5591, л. 9. об.

315

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину

1 января 1831

Ваше превосходительство
Милостивой государь
Михаил Николаевич

Еще прошел год времени и не дай бог, чтобы впереди встретили мы подобной. Общие бедствия и потеря близких Вам родственников заставляют называть его несчастным для всех и в особенности для Вас.

Желаю, чтобы Новой вознаградил жестокость Старого; чтобы здоровье, благополучие Ваше, семейства Вашего и родственников Вас радовали; чтобы в почетном Вашем звании, усердие и ревность которых до сих пор столь были полезны Университету и вели его к славе, увенчались скорым и совершенным успехом.

Оставляя неблагоприятной год и невольно думая о превратностях судьбы человеческой и всех вещей мира, я обращаюсь с приятною надеждою к будущему. Эта испытанная нами пременчивость в конце минувшего десятка лет может быть имела влияние на все, и на те обстоятельства, в которых я участвую с Вами по службе под Вашим начальством. Однакож, независимо от всех сих перемен, я чувствую, что постоянно пользуюсь Вашим добрым ко мне расположением, чувствую в сердце моем должную по крайней мере признательность, если не всегда умею доказывать мою благодарность вполне.

Итак, не усумнитесь в искренности моих желаний на Новой год и будьте уверены в моем отличном к Вам уважении и совершенной преданности, с которыми поставляю себе за честь называться

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Ректор Университета Николай Лобачевский.

1831.
Генваря 1.
№ 1.

Пометы М. Н. Мусина-Пушкина: «Полу[чено] 1 генв[аря] 1831»; «Отв[ечено] 5 генв[аря]».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 24.

316

Представление попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина министру народного просвещения кн. К. А. Ливену об отправлении за границу Н. И. Лобачевского и Э. А. Эверсмана
9 апреля 1831

Государь император по ходатайству Вашей светлости соизволил изъявить согласие на употребление 25.000 рублей из хозяйственных сумм Казанского университета для пополнения библиотеки оного.

Желая употребить сию значительную сумму с существенною пользою для вверенного управлению моему Университета, а вместе с тем соблюсти возможную при покупке для казны выгоду, я сносился как Вы, милостивый государь, изволите знать, с различными книгопродавцами, петербургскими и заграничными. Условия, ими предлагаемые, я не нахожу выгодными, а цены просимые довольно высокими. Сверх того выбор книг, хотя деланный с осторожностию, не удовлетворяет меня совершенно и при внимательном рассмотрении каталогов многие книги должны быть исключены, а пропущенные или вновь вышедшие помещены.

Я изыскивал различные способы, как лучше достигнуть предполагаемой цели, но ни один не соединяет в себе всех желаемых выгод. Наконец, я остановился на мысли отправить для покупки книг двух профессоров Казанского университета на следующем основании: ученым сим посетить Берлин, Лейпциг, Франкфурт-на-Майне, Мюнхен, Вену, ежели обстоятельства позволят, Париж, поручить им купить книги из первых рук у тех книгопродавцев, которые предложат выгоднейшие цены, предоставив им право по уважительным причинам, исключить некоторые книги из каталогов и заменять оные другими. Договариваясь, таким образом, с книгопродавцами на месте по средствам людей облеченных полным доверием и обеспечивая покупку задатками, приобретение книг обойдется несравненно дешевле, а совещаясь о выборе оных с учеными европейских

столиц и университетов, вполне, по мнению моему, достигнется предполагаемая цель.

Отправление двух профессоров Университета для вышесказанной главной цели не должно однакоже ограничиваться исполнением одного сего поручения. Я бы думал возложить на них приобретение недостающих инструментов для Физического кабинета, Астрономической обсерватории и Химической лаборатории, а именно:

1) Для Физического кабинета:

a) гелиостат,

b) снаряды для разбрасывания света (Diffraction de la lumière)

c) призму из флингласа,

d) снаряды для поляризования света,

e) для наблюдения над электричеством атмосферы.

На исчисленные инструменты определить, сверх 2.376 рублей $10^3/_4$ копеек оставшихся от 40.000 рублей, на сей предмет прежде назначенных, еще до двух тысяч рублей из хозяйственных сумм Университета.

2) Для Астрономической обсерватории заказать в Вене:

a) Бордов круг в 12 дюймов,

b) теодолит в 8 дюймов.

В Вене, Мюнхене или Париже, по удобности:

c) снаряд для определения длины маятника,

d) пластинные и медные меры с термометрами, и с образцовым метром по способу Деламбра,

e) гелиостат Гауза.

Всего примерно на девять тысяч рублей. На поименованные инструменты определить: 1) 2.500 рублей, оставшиеся от разрешенных Вашею светлостию 17-го сентября 1829 года за № 6493 на покупку инструментов 6.800 рублей и 2) 6.500 рублей из хозяйственных сумм Университета.

3) На покупку для Химической лаборатории нужных снарядов и инструментов употребить 2.411 рублей 66 коп. оставшиеся от разрешенных 5.1[illegible]9 рублей бывших господином министром народного просвещения 12 марта 1828 года за № 1668 из суммы на Химическую лабораторию отпускаемой.

Заказанные таким образом на месте инструменты лучшим художникам людьми знающими и опытными, конечно, удовлетворят во всех отношениях ожиданиям и намерениям университетского начальства.

Сверх того, я полагал бы отправляемым гг. профессорам вменить в обязанность осмотреть Ботанические сады и оранжереи, лаборатории, Анатомические театры, Клиники и другие заведения, дабы по возвращении их, лучше, хотя в меньшем масштабе, могло быть применено к устраивающимся заведениям сего рода при Казанском университете.

Наконец, весьма бы полезно было сим двум профессорам присутствовать на съезде ученых, назначенном в сем году в будущем сентябре в Вене. Знакомство и связи с известными по своей учености людьми в Европе, без

сомнения, во многих отношениях полезны быть могут для Казанского университета.

Если мысль моя удостоится благосклонного одобрения и утверждения Вашей светлости, то я полагал бы возложить все упомянутые поручения на г. ректора Университета ординарного профессора математики Лобачевского, дав ему в помощь профессора ботаники и зоологии доктора медицины Эверсмана или профессора астрономии Симонова.

Основательные познания профессора Лобачевского в физике, астрономии и химии, ревностное усердие его к пользам службы, доказанное на опыте, пламенное желание споспешествовать к усовершенствованию Казанского университета и, наконец, благородство свойств его, делают сего чиновника достойным доверенности высшего начальства и способным исполнить с точностию вышеизъясненные поручения.

Ординарный профессор Эверсман как ученый, известный в Европе своими сочинениями, имеющий в Германии большие связи и заслуживающий по своим отличным познаниям в естественных и медицинских науках и по нравственным качествам особенное уважение, может быть также весьма полезен для предполагаемого путешествия.

Для исполнения всех поручений, я полагаю достаточным не с большим четыре месяца, а именно с будущего июня по октябрь. Время сие мне кажется удобнейшим, потому, что лекции пред публичными испытаниями оканчиваются в первых числах июня и начинаются снова в последних числах августа. Следовательно, отправляемые гг. профессора употребят на путешествие сверх свободного времени, назначенного на испытания и на летнюю вакацию еще около двух месяцев, которые они по возвращении легко вознаградят умножением часов преподавания.

На прогоны, содержание в пути и на месте, я думаю достаточным назначить каждому сверх получаемого оклада по две тысячи пятисот рублей ассигнациями из хозяйственных сумм Университета.

Смею удостоверить Вашу светлость, что сие путешествие профессоров Лобачевского и Эверсмана принесет приобретением книг, инструментов, осмотром исчисленных в представлении моем заведений, личным знакомством с учеными Европы, ощутительную и не маловажную пользу Казанскому университету, и что сумма, назначаемая им на путешествие, вполне вознаградится теми услугами, которые они, без сомнения, Университету окажут.

Естьли же Вы, милостивый государь, изволите найти, что сие предположение по теперешним политическим обстоятельствам в течение нынешнего лета в исполнение привести нет удобности, то я полагал бы в таком случае отложить поездку упомянутых двух профессоров до будущего года, отсрочив с тем вместе до того же времени и покупку книг на 25.000 рублей.

Попечитель Казанского учебного округа М. Мусин-Пушкин.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 43, д. № 16184, 1829 г., лл. 56—58.

317

Отношение министра народного просвещения кн. К. А. Ливена попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину в связи с предположенным отправлением Н. И. Лобачевского и Э. А. Эверсмана за границу

1 мая 1831

На представление Вашего пр[евосходительства], от 9 минувшего апреля, об отправлении двух профессоров Казанского университета для покупки книг у иностранных книгопродавцев на 25.000 рубл[ей] высочайше разрешенных с поручением им приобретения недостающих инструментов для физического кабинета, астрономической обсерватории и химической лаборатории, имею честь ответствовать Вам, м[илостивый] г[осударь] мой, что по настоящим обстоятельствам посылка профессоров за границу неудобна, при том покупка книг, при значительных издержках на проезд и содержание в пути профессоров не может быть для Университета выгодна, а посему я полагал бы лучше сделать поручение комулибо из известных за границею лиц купить там нужные книги.

Подписал: министр народного просвещения ген. от инфантерии князь Ливен.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 403, д. № 16184, 1829 г., л. 60. Отпуск.

318

Представление попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина министру народного просвещения кн. К. А. Ливену, в связи с предположенным отправлением Н. И. Лобачевского и Э. А. Эверсмана за границу

18 мая 1831

На предписание Вашей светлости от 1 сего мая почтеннейше донести честь имею, что я полагал бы приобретение для библиотеки книг на 25.000 рублей, инструментов для Физического кабинета, Астрономической обсерватории и Химической лаборатории, отложить до будущего года, и тогда, если политическое состояние Европы позволит, возложить покупку оных на двух профессоров Казанского университета, на основаниях в представлении моем от 9 минувшего апреля за № 823 изложенных. Относительно издержек на проезд и содержание профессоров назначаемых и простирающихся только до пяти тысяч рублей, с достоверностию сказать можно, что издержки сии с избытком вознаградятся: a) дешевою покупкою книг и инструментов, b) хорошим выбором книг, исправною и верною под надзором самих профессоров отделкою инструментов.

В заключение позвольте мне, милостивый государь, присовокупить, что нынешний г. ректор Университета профессор Лобачевский, исполнит, конечно, поручение сие со всею возможною выгодою для казны и что

путешествие его во многих отношениях весьма полезно будет для Казанского университета.

Попечитель Казанского учебного округа
Михаил Мусин-Пушкин.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 403, д. № 16184, 1829 г., л. 61.

319

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину
14 июля 1831

Милостивой государь
Михаил Николаевич

Г. Фукс и студенты Желдыбин, Эндерс отправляются в Нижний нынешний день. Г-у Фукс выдано прогонных 95 р., да на путевые издержки 300 р., студентам на прогоны по 38 р., да на дорогу по 25 р.; сверх сего без возврата по положению экипировочные 150 рублей каждому. Им велел я сделать на счет сих денег новые мундиры зеленые, чтоб явились прилично к г-у генерал-адъютанту. Директор Нижегородских училищ ко мне писал, что у них холера продолжается, но слабая. У нас в Казани четвертого дня один умер скоропостижно, да женщина больна, по признакам оба холерою. Впрочем, после этого еще ничего вновь не слышно. Если болезнь откроется и будет распространяться, то я из города не выеду. Если ж ничего еще не случится, то я полагаю отправиться к Вам дней через 6 или через неделю, потому что у меня дел предовольно. Желательно было бы, чтоб Вы мне предписали явиться к Вам по должности, а то самому отлучиться кажется несколько неловко.

С отличным уважением и свидетельствуя мое почтение Александре Семеновне и княжне Марфе Ивановне честь имею называться

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Николай Лобачевский

1831
Июля 14.

Я занят теперь всего более поправками в строении. Вздумал белить кабинеты зоологической и минералогической, которых стены чрезвычайно уж запачканы, и это дело весьма хлопотливое, потому что перестановка затруднительна. В клинике во время отсудствия г. Дмитриевского дежурят Мобиц и Меркушев. Если случаться больные, похожие на холерных, так они будут отправляемы в клинику. От меня приказано с подпиской никому посторонних на ночлег не принимать к себе без моего разрешения и вообще экзекутору смотреть за приходящими. Покуда в Университете все благополучно. — Дни через три надобно ожидать сюда военного губернатора Стрекалова, которой уже в дороге. Я думаю, показывать

Университет надобно отложить, покуда у нас все будет в порядке. — Г. Тиле переведен в Астрахань и на днях отправляется. Г. Ланской, его покровитель, умер.

Помета М. Н. Мусина-Пушкина: «Пол[учено] 18 июля 1831»; «Отв[ечено] 20 июля».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 14.

320

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину
29 июля 1831

Милостивой государь
Михаил Николаевич

Меня задерживают здесь дожди непрерывные и проливные. Дорога должна быть так грязна, что невозможно проехать; но как теперь еще не очень, то лишь бы два дни ясной погоды и я отправлюсь. Если б не дожди, то я бы с неделю, как был в Бездне. Постройки и поправки все так давно уже в ходу, что и без меня окончатся; дела поважнее прибрались; холера покуда щадит Казань. С 21 июля по объявлению управляющего губернии в городе не занемогают, а до этого числа занемогла и умерла высланная женщина из Оренбурга в уездной суд; от нее занемог и умер хоронивший ее бутошник. На Бакалдинской пристани ничего не открывают и, кроме скучного свидетельства нашим лекарям, другого дела нет. Сказывают, что от Вас холера недалеко. По требованию вице-губернатора отправил я Мобица в Тетюши. Теперь уж посылать более некого. Меркушева я таким же порядком, как Желдыбина и Эндерса всем снабдил и обмундировал. От Фукса, против его обещания, не получаю известия; А. А. говорят, собиралась к нему ехать в августе. В Нижнем-Новгороде болезнь еще продолжается; но поражает немногих, хотя и мгновенно, как можно заключить из рассказа Чемесова, к которому пишет его поверенной. Несмотря на то, купцы из Казани перебрались на ярмонку. Лавки все заперты; город совсем опустел. Идешь — знакомых не встречаешь; купить — ничего не найдешь. Последнее узнал, когда готовясь в дорогу, искал картуза или складной шляпы. Со мной собирался за Каму П. П. Мячиков, которой живет здесь недели с две в ожидании Маслова. Хотела также и Л. А. Еремеева ехать; но слухи о холере в Вашем краю и дожди, думаю, заставят ее переменить намерение. За Казем-Беком и Н. А. Моисеевым обещал приехать в Чиримышево, чтобы везти их вместе с собою в Бездну, но видно мне пуститься одному, как скоро дорогопутовянет [sic].

Свидетельствуя мое почтение Александре Семеновне с отличным уважением и преданностию честь имею называться

Вашего превосходительства покорнейшим слугою
Николай Лобачевский

1831
Июля 29.

Помета М. Н. Мусина-Пушкина: «Полу[чено] 1 августа 1831».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 15.

321

Сообщение о чтениях Н. И. Лобачевским лекций в Казанском университете с 12 августа 1831 по 3 июня 1832 г.

Около 12 августа 1831

II.

Lectiones Ordinis Physico-Mathematici

I. Nicolaus Lobatschewsky, Matheseos purae P. P. O., Universitatis hodie Rector, Bibliothecae praefectus, A Collegiorum Consiliis, Ordinis St. Wladimiri IV classis Eques, Societatis Casanensis et patriam promovendam literaturam Sodalis, — 1. d. Lunae, Martis et Jovis h. X—XI mat. in commodum Stud. 2 et 3 sect. e Physice, *brevi proprietatum corporibus inter se communium expositione post*, *de Electricitate*, *Magnetismo*, nec non *caloris et lucis theoria*, duce Bioto disseret; 2. d. Mercurii h. XI—XII merid. Stud. 3 sect. *Hydrostaticen* et *Hydraulicen*, juxta Lagrangium, et *caloris propagationem* ad filum Fourieri exponet. [p. 4—5].

III.

Lectiones Ordinis Medicorum [...]

V. Nicolaus Juferow, Scientiarum Mathematicarum Magister, Gymnasii Casanensis Praeceptor; d. Lunae et Jovis h. IX—X Stud. 1 sect. Ord. Medic. *Arithmeticen*, *Algebram* et *Geometricam*, ad schedas P. Lobatschewskii, tradet [p. 8.].

Institutа Publica.

I. *Bibliothecam Academicam* dd. Mercurii et Saturni h. X antem — II pomerid. bibliothecae praefectus P. P. O. Lobatschewsky ejusque Adjunctus, Candidatus C. Voigt aperiet. [p. 14].

«Index praelectionum in Universitate Caesarea literarum Casanensi inde a XII Aug. Anni MDCCCXXXI usque ad III Jun. MDCCCXXXII habendarum promulgatus a Senatu Academico», Casani, MDCCCXXXI, pp. 4—5, 8 et 14.

II.

Отделение физико-математических наук.

1. Николай Лобачевский п. о. профессор чистой математики, ректор университета, библиотекарь, член Казанского общества любителей отечественной словесности, коллежский советник и ордена св. Владимира 4-й степени кавалер, будет проходить: 1. *Физику*, для студентов 2-го и 3-го разрядов, по понедельникам, вторникам и четвергам в 11 час. После краткого изложения общих свойств тел, об электричестве, магнетизме,

теорию теплоты и света, руководствуясь соч. г. Биота, и 2. *Гидростатику и Гидравлику*, по Лагранжу, и о распространении теплоты, по соч. г. Фурье по средам в 12 часу до полудни, для студентов 3-го разряда [стр. 3].

III.

Отделение врачебных наук [...]

5. Николай Юферов, магистр математических наук, старший учитель Казанской гимназии, будет преподавать для студентов 1-го разряда Врачебного отделения: *Арифметику*, *Алгебру* и *Геометрию*, по тетрадям профессора Лобачевского, по понедельникам и четвергам в 10 час. до полудни [стр. 7].

Учебные заведения.

1. Библиотека находится под ведением библиотекаря, г-на профессора Лобачевского, и помощника библиотекаря, кандидата Фойхта; открыта бывает по средам и субботам от 10 ч. утра до 2 ч. по полудни; комната чтения при Библиотеке каждый день от 10 ч. утра до 2 ч. по полудни [стр. 12].

«Расписание преподаваний в императорском Казанском университете на 1831—1832 учебный год, по назначению Совета», Казань, 1831, стр. 3,7 и 12.

322

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину

26 августа 1831

Милостивой государь
Михаил Николаевич

Оставивши приятную Бездну с благодарностию, я ехал с товарищем,[1] которой занимал меня разговором или чтением Вальтера Скотта. С возвращением в Казань и сцена и мысли переменились. Первые известия были не радостные. Я зашел мимоходом к брату, которой был болен зубами и потому не мог отправлять возложенной на него должности попечителя. Это звание требовало, чтобы он каждой день два раза в своей части города навещал жителей числом до 6000, и лично удостоверялся, кого из них щадит и кого поражает холера. Невозможность исполнения давала ему право пренебрегать требованием; а собственное страдание отнимало и последнюю охоту, какую бы могло внушить человеколюбие. Впрочем, всё это служило только для одних донесений: ни больницы, ни лекарей, ни лекарства нет. По его словам, занемогало еще не много: трое умерло и около трех дней всё оставалось благополучно. Прибывши в Университет, я посылал к Гр[игорию] Бор[исовичу] Никольскому просить его пить чай, а потом, не дождавшись, пошел сам; но он обедал в тот день у г. Эрдмана на свадебном обеде; воротился поздно и заперся крепко. На другой день

[1] Т. е. с Н. А. Моисеевым. — *Л. М.*

пришел поутру ко мне и объявил, что у него накануне занемогла женщина холерой. Однакож я не почел за нужное прибегать к строгим мерам, потому что по всем рассказам, болезнь весьма медленно распространялась в городе. Я согласился, что достаточно выдерживать приежжающих студентов несколько дней в клинике, как это уже и делалось по Вашему предписанию. Мне было хотелось еще сажать их в ванну; но Дмитриевский жалуется на недостаток услуги. До меня при клинике служителей было двое; наняли одного, да один у Вас в Бездне, вероятно, уж ничем не занят; так не худо бы его прислать было сюда. Клиника откроется с 1 сентября; всё нужное приготовлено. На случай холеры велел я непрестанно топить баню. Покуда в Университете занемог один только инвалид слабо и отправлен в военную гошпиталь; да у меня женщина кружением головы, но скоро оправилась. Бухгалтер Строительного комитета Ислер очень болен холерой; но, кажется, не без надежды. Механика Нея тоже было схватило; но г. Арнгольд отпарил его в своем параллелепипеде. Выписной наш художник мне чрезвычайно понравился. Кажется, он знаток, трудолюбив, страстен и хорошего нрава. Я поместил его в Метеорологической обсерватории; для рабочей и установки инструментов отвожу комнаты в большом корпусе, где живет Травин. Сверх сего, надобно устроить в том же этаже горн, променную и род маленькой кузницы. Не знаю, как разделиться с г. Дунаевым, которому хочется расширять свою лабораторию. В пользу механика, по моему мнению, можно бы отнять что-нибудь у студентской больницы, которая без нужды у нас обширна. С Вашим приездом Вы это уже решите. Инструменты еще не привезли из Петербурга, хотя срок давно прошел. Не знаю, что могло задержать. Застав и оцеплений более уже нет; купцы приежжают с ярмонки беспрепядственно. Голенищев делал все, чтоб поддержать торг, сам ездил каждой день в гостиной двор, гремела музыка; наконец, не оцепляли даже и те лавки, где умирали хозяева или сидельцы — все напрасно; холера сильнее и сильнее валила народ; все побежало. Всего более пострадали сибиряки. Это доказывает, что к холере можно привыкать и в ней обдерживаться, что, таким образом, в нынешнем году она не может быть уже столько сильна в Казани, как она была слаба и в Саратове, или теперь продолжается в Москве. Впрочем купцы наши, и кроме того, жалуются на худой торг. Я не успел еще всего видеть, что привезено с ярмонки; а был только в галантерейных лавках, где не совсем разобрались. Один новейший узор так мне понравился, что я не мог удержаться, чтоб не купить; того менее могу вытерпеть, чтобы не подарить его Александре Семеновне. Кроме этого рисунка, к Вам посылается по Вашей просьбе гвояку 1 фунт и сладкой лимон; порошки для г. Арнгольда, для г. Картнера с наставлением как употреблять; да крестик моему крестнику, которой прошу покорнейше отдать Татьяне Михайловне и ее благодарить. Университет посещал Томской губернатор Фролов и, разумеется, хвалил. Свидетельствуя мое почтение Александре Семеновне, княжне и мисс Досик честь имею назы-

ваться Вашего превосходительства покорнейшим слугою Николай Лобачевский.

1831.
Авг[уста] 26.

Пометы М. Н. Мусина-Пушкина: «Получ[ено] 28 авг[уста] 1831»; «Отв[ечено] 1 сент[ября]».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 16.

323

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину

2 сентября 1831

Милостивой государь
Михаил Николаевич

Фролов осмотрел одни кабинеты в главном корпусе. Оставался долго и не захотел уже видеть ни обсерваторию ни клинику, ни хозяйства студентов. Восхищался очень церковью и сожалел, что не видел прежде. Тогда бы он иначе построил в Барнауле больничную. Хвалил собрание минералов и зоологическое, но заведя сам то и другое в большом виде при Колыванских рудниках, он выразился, что мы только еще при хорошем начале. В вечеру я был у него принят с изъявлением благодарности и с лестным отзывом о нашем Университете. Разговор начальника горных заводов начался с минералов, потом перешел к произведениям органической природы. Он предложил мену и с этой целию просил войти в сношение с Геблером, которого имя сделалось известно в Етнографии Московского Фишера. Вызвался писать к нему сам и дал мне адрес. Г. Эверсман хочет воспользоваться случаем; но много выгоды не ожидает, слышавши, что Геблер чрезвычайно скуп в таких оборотах. Поговоривши о Колывано-Воскресенских заводах и сибирской язве, наконец склонили наш разговор к холере. Я переменил его мысли об этой болезни, доказывая, сколько она сильна и сколько требует осторожности. В Казани она все еще продолжается. Посылаю к Вам объявление, которому не должно верить. Вчерась у нас на дворе сильно схватило одного пильщика. Ему подали помощь и, кажется, подымут на ноги. С чрезвычайным успехом употребляют против холеры ипекакуану, потом держат больного тепло, делают ему ванны, трут тело и дают опиум. Болезнь скоро останавливается, но выздоровление медленно. Эверсман изобрел свое лекарство, которым снабдил Мобица при отъезде его в Тетюши. Я читал письмо Мобица, где он превозносит вновь изобретенное средство, просит о присылке порошков, объявляя, что у него из 45 умерло от холеры только 5. Эверсманово лекарство совсем не ипекакуана, а по способу омеопатии. Кстати об омеопатии: бывши в Бездне, я заметил, что Александра Семеновна кушает циплят. Это запрещает накрепко Ганеман. Я не осмелился тогда говорить; но приехавши в Казань, спрашивал и уверился. Может быть г. Аргнгольд,

учившись омеопатии из книг, до этого еще не дочитался; но Эверсман, которой целые полгода твердил претолстые томы, написанные об этом голодном лечении, узнал доподлично, что телятина, цыпляты и свежие плоды уничтожают совершенно чудесную силу декалиенного деления в магических порошках. Нам остается только этому удивляться; но Г. Картнер уповательно в состоянии растолковать по системе Шеллинга и языком Велланского, каким образом избыток организма молодых животных и сочных плодов подавляет и без того ослабленные силы в болезненном теле. Если б это случалось наоборот, тогда бы они сказали, что жизнь, скрытая в пище, присоединяется к нашей и что поэтому кушанье из молодых растений или животных самое здоровое должно быть и бывает. Со времени узнаем лучше тайны природы и потомство не будет уже столько страдать от болезней и лекарей. А в наш век, чтоб быть здоровым, непременно надобно быть такого сложения, как Надежда Евдокимовна,— другого средства нет. Я с ней виделся один только раз у Фогеля. Слышал, что ни в гостином дворе, ни в магазинах нет ничего хорошего. Ситцы в самом деле очено дурны; но я видел прекрасные серьги у M[adame] Рис, холстинки очень милы; гроденапель превосходен. Пряжки и разные навески на пояс, по моему, очень глупы, браслеты тоже. Рис сердится, что ее товар никому не нравится; а Демонси утешает, что таков нынешний вкус и что лучше ее даже нет и в Петербурге. Г-а Демонси теперь будет наша рука. Ее сын просил принять его слушателем в Университет. Число поступающих в студенты до сих пор 22; вероятно, прибудет еще до десяти и, следовательно, всех учащихся в этом году соберется до 150. Много просится в медицинское отделение на казенное содержание, но число уж полное. Если вы будете согласны, то Правление представит принять лучших сверх комплекта. Учение у нас идет беспрепядственно. Каталог на русском напечатан, на латинском печатается. Лекции идут по расписанию без помехи. Караблинов только просил, и я ему дозволил перенести одну из своих лекций, чтоб не было двух в один день. Гриббель приехал и остановился в Университете, покуда не приищет квартиры. Этот кажется также весьма хорош. Для Нея нашел я одного работника, меньшего Головастикова. Инструменты до сих пор еще не прибыли.

Прошу засвидетельствовать мое почтение Александре Семеновне, княжне Марфе Ивановне, Татьяне Михайловне. — За честь поставляю с отличным уважением называться

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Николай Лобачевский

1831
Сент[ября] 2.

Помета М. Н. Мусина-Пушкина: «Полу[чено] 4 сент[ября] 1831».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 17.

324

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину

10 сентября 1831

Милостивой государь
Михаил Николаевич

До сих пор холера в городе еще сносна, хотя число занемогающих в сентябре становится гораздо более, нежели было в августе. Вчерась мне сказывал брат, что в его части города, где он попечителем, каждой день ему сказывают по крайней мере об одном больном. Более частые похороны у меня перед окнами подтверждают то же. В Университете умер всего один инвалид, да наемной пильщик, другой солдат болен, переведен в клинику и подает надежду. Нынешний день занемог один рвотою, слабо. Все прочии в Университете, слава богу, здоровы. Отделению врачебных наук я предлагал на рассуждение, на какие оно должно решиться правила. Оно отказалось было совсем лечить от холеры; но я нашел такое постановление несообразным с распоряжениями, какие делаются повсюду и почитал обязанностию нашего заведения содействовать мерам правительства в прекращении болезни. По моему настоянию, в клинике отведена комната для холерных, но лечением их будут заниматься окончившие курс, оставаясь всегда в клинических комнатах с тем, чтобы не было сообщения с прочими студентами. К тому каждой день топится баня для первой помощи. Кажется этого будет довольно. Холера нынешний год несравненно слабее, да и мы к ней попривыкли. Дела у нас идут своим порядком. Переделки оканчиваются. Химическая лаборатория весьма затрудняет меня: план был начерчен и отдан г. Никольскому перед моим отъездом, однакож он не решился без составления сметы, что и поручено было гг. Дунаеву и Линденау, которые оба однакож занемогли и до сих пор не выходят из своих домов. После толкований с г. Дунаевым, мы решили, наконец, как чему быть и теперь сочинением сметы занимается Гартман; вероятно, это все будет стоить до 2 000 рублей, а может быть и более. Мне было хотелось переменить мысли г. Дунаева и заставить его уступить что-нибудь в пользу Нея; но он остался при своем мнении. Инструменты для Нея до сих пор не получены, но мы ожидаем их на днях по слухам, которые сюда дошли через казанских купцов. Теперь Ней живет в метеорологической обсерватории и от нечего делать готовит разные чертежи. Другой механик, Гриббель, помещен на время в типографском доме. Его принятие в Университет зависит от тех условий, на которые он согласится в плате и за инструменты и что возложено мною на попечение г. Фогеля, которой вчерась приносил мне договор, но я просил его пополнить. С такими заведениями для изготовления инструментов, кажется, нынешний год мы делаем важный шаг к совершенству. Число студентов также увеличится. Правление представляет к Вам на разрешение принимать сверх полного числа в Отделение врачебных наук

на казенное содержание. Я бы полагал со своей стороны не считать в числе тех, которые окончили курсы. Со мной согласны в этом и прочие члены Правления. Ив[ан] Мих[айлович] Симонов затрудняется в надзоре за студентами при их большом числе и когда выбудет еще один его помощник Телепнев. — Вчерась он мне приносил письма из Царицына от купца Аристова. Я велел написать справку и не нахожу с своей стороны что-нибудь возможным, как отдать на Ваше рассмотрение то и другое. — Что касается до найма дома для класса взаимного обучения в Казани, то я все достаточно изложил в моем представлении. Скажу только, что с Диттелем иметь дело весьма неприятно. Каталог лекций на латинском языке нынешний день будет окончен. Замедлилось это по недостатку букв, которые все еще употребляются старые. Новый шрифт делан еще в половину. В Типографии работают весьма прилежно, но, получая задельную плату, не охотно печатают на иностранных языках.

Проф. Фукс приехал, трое студентов тоже. Они очень довольны г. генерал-адъютантом Кутузовым.

Новостей у нас никаких важных нет. Брандорфы уехали в Москву.

Свидетельствуя Вам и Александре Семеновне мое почтение, имею честь с уважением и преданностию называться

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Николай Лобачевский

1831
Сент[ября] 10.

Помета М. Н. Мусина-Пушкина: «Полу[чено] 13 сент[ября] 1831».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 18.

325

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину
17 сентября 1831

Милостивой государь
Михаил Николаевич

Главная моя забота просить Вас в этом письме, чтоб Вы уважили представления Университета в наградах. Я столько доволен чиновниками Правления, их трудолюбием и разумением дела, что почитаю их истино заслуживающими поощрения, а себя обязанным ходатайствовать о небольшом пособии, которое для них будет важно при бедном состоянии и приятно по вниманию к усердной службе. Секретарь Правления [Коноплев] хотя человек не деловой нынешнего века, но по крайней мере усидчивой, попечительной и чрезвычайно исполнительной. Ему всего более надобна денежная помощь, потому что он весьма нуждается: в содержании с своим семейством. Надзиратель клиники Антропов также весьма хорош; но по недавнему вступлению к нам, может быть эта признательность к его службе слишком

поспешна, однакож я не захотел противиться желанию г. Лентовского. За гг. Эверсмана и Дмитриевского я особенно почел своею обязанностию просить Совет; потому что нельзя не быть благодарну всем за те услуги, которые они в прошедшем году оказали Университету. Я б желал, чтобы их наградили по нашему представлению; это бы доставило мне большое удовольствие. Не обижая других, должен сказать по совести, по собственному моему убеждению, что из всех, кто в прошедшем году при общем страхе и смятении старался быть полезным, кто вооружал против чувства опасения за себя самого, доказал и доброту сердца и примерное человеколюбие — это, конечно, в Казани было трое: Арнгольд, Эверсман и Дмитриевский. По их образу мысли и готовности на помощь они, может быть, все трое равны; но Эверсман и Дмитриевский были несравненно полезнее. Они заслуживают в моем мнении более, нежели те, которых уже наградили и заслуживают получить более, нежели сколько получили другие. Я столько уверен в благородстве их чувств, что несмотря на пренебрежение к их достоинствам и заслугам, без сомнения, они способны показать себя также и в другой раз, если бы еще раз постигло несчастный город тоже бедствие. Слава богу, однакож, на нынешний год эта злая холера в нашем климате притупляется. Хотя все еще занемогают, но бояться много, кажется, нечего. Однакож другого рода болезни, горячка и лихорадка под влиянием холерной атмосферы убивают людей. Так может быть Вы слышали, что от горячки и рожи умерла Дрательская. В соседстве моем на днях умерла также свояченица нашего бухгалтера. Ее болезнь была очень необыкновенна: она целые сутки пролежала в обморке и тем прекратилась ее жизнь. Мокрая погода выводит здесь из терпения. На улицах грязь нестерпимая. Я боялся, что не довезут инструменты с пристани, однако же сию минуту увидел их на дворе. Через час будем свидетельствовать в присудствии члена Манстрита. Ней в восхищении, но как мне устроить его рабочую. Фогель просит о квартире Гриббеля. Помещение в Университете становится час от часу теснее и мне уже нет возможности удовлетворить всех требований. Придет ли время, когда строения наши распространятся. До сих пор еще нет разрешения на повивальной институт; а г. Кафтанников уже отказывает нам в доме под типографию.

Свидетельствуя моё почтение Александре Семеновне и всем Вашим, с отличным уважением и преданностию честь имею называться

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Николай Лобачевский

1831
Сент[ября] 17.

Помета М. Н. Мусина-Пушкина: «Полу[чено] 25 сент[ября] 1831».

Геометрический кабинет им. Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 19.

326

Сообщение в печати об объявлении Н. И. Лобачевскому «высочайшего благоволения» за «оказанное им усердие» при предохранении Казанского университета от холеры

7 октября 1831

По представлению его превосходительства г. попечителя Казанского учебного округа, господин министр народного просвещения ходатайствовал в Комитете гг. министров о награждении ректора Казанского университета коллежского советника Лобачевского и директора Казанской гимназии надворного советника Галкина, за оказанное ими усердие при предохранении подведомственных им учебных заведений от болезни холеры.

Согласно положению о сем Комитета гг. министров, государь император в 25 день минувшего августа повелеть соизволил, объявить им чрез г. попечителя Казанского учебного округа высочайшее его императорского величества благоволение.

«Прибавление к Казанскому Вестнику», среда, 7 октября 1831, № 40, стр. 307 (Внутренние Известия).

327

Письмо В. А. Моисеевой (Лобачевской) И. Е. Великопольскому

Ноябрь 1831

Милой братец
Иван Ермолаевич!

Прими от меня душевное поздравление. Дай бог, чтоб ты был счастлив, чтоб ты насладился земным благополучием; прими, любезной братец, сии желания от искренного любящего тебя сердца: моя молитва о тебе была всегда, чтоб ты нашел себе подругу, с которой бы жизнь свою провел спокойно.

Ты пишешь, что ровные года наши более сведут нас в дружбе и етого ты желаешь; будь уверен, милой братец, что не только Софью Матвеевну, об которой я много, много наслышалась хорошого, но естьли б и другая, то я бы и ее любила так, как жену родного моего брата. Зачем буду отписывать, с какими чувствами я приняла твое письмо, мне было приятно, было весело, но вместе [с] тем и грустно, что нет одного человека..., которая всех более почувствовала бы ету переменну твоей жизни. Прошу, божию матерь, икону коей посылаю, чтоб она умолила господа благословить тебя в новой жизни.

Прощай; потрудись засвидетельствовать почтение от папиньки и от меня Софье Хоритоновне, также поклонись милой сестрице Софье Матвеевне.

Остаюсь многолюбящая
тебя сестра
В. Моисеева.

Папинька посылает тебе свое благословение.

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 32.

328

Из письма И. Е. Великопольского к С. Х. Мудровой

28 декабря 1831

В субботу, то есть 26-го, мы отправились к родным с визитами [...]. Вскоре после обеда приехала к нам тетушка Авдотья Сергеевна. Почтенная старушка много переменилась от горестей. Она знала и уважала покойного батюшку. После нее приехала сестра Колбецкая и посидела у нас часа два. Я между тем съездил к Лобачевскому, одному из лучших моих приятелей, который в первый же день провел у нас вечер. [1] [...] Вечером [2] назначен был в благородном собрании маскарад. Сестры с некоторыми племянницами располагались ехать, просидев у нас вечер, а сестра Варвара и Надинька Осокина располагались остаться и пробыть с Соничкой остальное время. Видя, что это для них лишение, я предложил Соничке с Надинькою ехать замаскированными. Они сделали себе домино из шалей: Соничка из желтой, а Надинька из черной. Их туалетом занималась сестра Осокина, которой одной была известна наша тайна. Я с Лобачевским были в черных полумасках и сертуках. О собрании особенного сказать Вам нечего. Я люблю собрания губернских городов и нахожу в них то превосходство перед столичными, что, смотря на них, смотришь как на веселый пир одного семейства. Пусть Соничка сама опишет Вам всё, что видела и слышала. Кажется, что она провела время приятно. Нас все узнали, но я почти ни к кому не подходил, потому что еще не успел ни у кого быть. В маскараде было человек двести. Мы возвратились часу во втором, поужинали и тотчас разошлись.

ПД, Ф. 123, оп. 1, № 1041, лл. 9, 10, и 11.

---

[1] Т. е. 25 декабря 1831 г. — *Л. М.*
[2] 27-го декабря 1831 г. — *Л. М.*

329

Из письма И. Е. Великопольского к С. Х. Мудровой
31 декабря 1831

Я забыл, что в среду [1] обедали дома только жена, у нее были Надинька Ростовская, Надинька Осокина и Надинька Колбецкая. Я же обедал у Лобачевского.

ПД, Ф. 123, оп. 1, № 1041, л. 15 об.

330

Из письма С. М. Великопольской к С. Х. Мудровой
17 января 1832[2]

Вчера, в воскресенье, по приглашению Михайла Николаевича, мы поехали в Университет к обедни. Церковь очень хороша, мы приехали в половину обедни, чему нимало сокрушалась Александра Кузминишна. После обедни Мих[аил] Ник[олаевич] Пушкин попечитель и Ник[олай] Иван[ович] Лобачевский ректор повели нас по всему Университету. Удивительны порядок и чистота делают честь начальникам Казанского университета. Мы были везде и даже в кухне, где позавтракали. Когда мы приехали домой Крюков садился в сани, чтобы уехать, он приезжал делать мой портрет и, не заставши нас дома, хотел ехать домой. Но мы его удержали, и он начал второй сеанс. Только что я уселась, начали приезжать ко мне с визитом все те дамы, у которых мы были накануне. Я их принимала в своей комнате, между тем Крюков делал свое дело. Но портрет вышел не похож. После обеда муж сел в карты играть, а я сидела возле него, как Фавста Ерм[олаевна] заиграла руску песню, под которую се дети начали плясать, все пришли в залу смотреть на них, и я тоже. Вечером мы все сели, т. е. Фав[ста] Ерм[олаевна], Надежда Ерм[олаевна]. Варинька, Н. И. Лобачевский, который и обедал здесь, около душки, и он читал нам русские песни барона Дельвига, мелькие стихотворения Пушкина и стихотворении Баратынского, который здесь, в Казани, я его видела и танцовала с ним у Желтухиных на бале. Третьего дни он был у мужа в гостях (мы у него были с визитом), но я не могла ему представиться потому, что еще не была одета. Теперь же я знакомилась с его стихотворениями и вообще с его сочинениями. A propos скажу Вам, что мы как то на этих днях был[и] у M-me Фукса, и она звала нас в особенности с мужем на литературные вечера, которые у них будут по вторникам. Завтра вторник и мы собираемся к ним, это меня очень интересует, жалко только то, что Левшины дают завтра вечер, и они чрезвычайно меня просили приехать к ним, я думаю, что так придется сделать, поехать к Фуксу, пробыть у него с час, а там ехать к Левшиным, т. е. я, ибо душка, вероятно,

[1] Т. е. 30 декабря. — *Л. М.*

[2] В подлиннике ошибочно: 1831. — *Л. М.*

останется до окончания литературного вечера. M-me Фукс сочиняет стихи и может быть завтра прочтет какое-нибудь новое сочинение. Она говорит, что беседы с Баратынским придают ей вдохновение.

ПД, Ф. 123, оп. 1, № 1041, л. 23 об. — 24 об.

331

Из письма И. Е. Великопольского к С. X. Мудровой
18 января 1832

В воскресенье, т. е. вчера утром я отправил обоз [...]. Отправив обоз, мы поехали к обедне в университетскую церковь. Построением этой прекрасной церкви Университет обязан Магницкому. После обедни брат М[ихаил] Николаевич, ректор Лобачевский и профессор Симонов нас водили по всему Университету. Мне приятно отдать справедливость брату в том, что он не только что носит имя попечителя, как то иногда бывает, но привержен душою к пользе Университета. Кабинеты получили при нем значительное прирощение; порядок, приводящий даже в удивление. Мы отведывали обед, состоявший из четырех блюд: суп с рисом и картофелем, буженина, пирог с говяжьей начинкой и жареная телятина. Припасы свежие, приготовлено вкусно. Обед и ужин одинаков и на такую пищу издерживается на человека 31 копейка в день. Не правда ли, что это делает честь университетской экономии? — Обедали дома. Софинька очень утомилась от университетской прогулки, но скоро отдохнула. Вечером сестра Варвара и племянницы поехали в собрание, а мы с Софинькой остались дома. У нас была сестра Надежда и долго сидел Лобачевский. — Я упросил Лобачевского дать для моей жены и для племянниц три физические лекции, с опытами. Это будет для них занимательно и раскроет несколько их взгляд на природу. Симонов, профессор астрономии в один из ясных вечеров приглашает нас приехать к нему и посмотреть в телескоп. Временная обсерватория устроена возле его комнат. Первая физическая лекция в четверг. Завтра день замечательный: у Фукса литературный вечер. Его жена стихотворка. Здесь Баратынский, но она мне сказала, что читать ничего не будет. Не знаю, что и кого мы будем слушать [...].

Я забыл написать, что в воскресенье по возвращении из Университета, был второй сеанс портрета Софьинькиного. Я недоволен.

ПД, Ф. 123, оп. 1, № 1041, л. 26 об., 27 и 27 об.

332

Из письма И. Е. Великопольского к С. X. Мудровой
21 января 1832

Во вторник [...] поехал я вместе с Соничкой к Фуксу на литературный вечер. Гогарт много бы дал, чтобы ожить на эту минуту и прибавить сни-

Н. В. Колбецкий. С портрета пастелью работы К. В. Барду.
(Государственный Музей Татарской АССР в Казани)

мок с этого вечера к собранию своих рисунков. Мне как казанцу и воспитаннику здешнего Университета стыдно описывать. M-me Фукс читала также и свои стихи. Над произведением дамы не смею быть судьею. В 9-ть часов от Фукса отправились к Левшиной на бал. Соничка не танцовала. Не смотря на угостительность хозяйки, мы уехали в 12-ть часов. Вчера, т. е. в среду, Соничка оставалась дома. У нас обедала сестра Прасковья и провела вечер сестра Ростовская. Я же обедал у Лобачевского, от него прямо пошел в общество любителей словесности, назначившее свое чрезвычайное собрание по случаю утверждения государем воздвигнутия здесь монумента Державину. В этом чрезвычайном собрании было нас пятеро. Будучи пять лет членом общества и ни разу не присутствовав в заседании, я почел невежливым не придти. — Общество назначило в конце февраля торжественное свое собрание, которое не знаю состоится ли, но которым, кажется, наверное кончатся все действия общества. Видев это собрание, можно понять, почему слово *Общество* начинается с междометия, выражающего удивление. — Из общества, по неотступному приглашению, я возвратился опять к Лобачевскому и там ужинал. Соничка оставалась одна. Не правда ли, что Вы меня за это не похвалите, но с Лобачевским мы короткие приятели, а к тому же он для нее одной даст три лекции физики. Для нее одной, потому что племянницам, по некоторым причинам, нельзя этим воспользоваться. Сегодня он у нас обедает, и в 3 часа мы едем вместе в Университет [...].

Приписка С. М. Великопольской:

Пострадали. Читали три сочинения M-me Фукса: смерть влюбленной женщины, стихи, сочинение на какой-то даче, да еще что то из Павла и Виргинии le nec plus ultra галиматьи, под конец кто-то прочел елегию Баратынского, но так дурно, что она показалась не лучше прочих. Вчера у меня была Баратынская с сестрою M-lle Енгельгард, она кажется очень умная женщина. Ныньче перед обедом мы едем кататься в санях, погода претеплая. Обедать будем дома и здесь будет обедать Н. И. Любочевский [sic]. После обеда мы отправимся в Университет, и он даст нам первую физическую лекцию.

ПД, Ф. 123, оп. 1, № 1041, л. 28—29 и 29 об.

383

Из письма С. Х. Мудровой к С. М. и И. Е. Великопольским
28 января 1832

Поблагодарите за меня почтеннейшего братца Вашего Михайла Николаевича за то полезное удовольствие, которое он доставил тебе, Соничка моя, показав тебе все достопамятности Казанского Университета. Были ли у игуменьи? Образ, которым папенька благословил тебя, Соня, при-

ехавши из Казани, получил он от нее в благословение. Как мне завидно, что я с Вами вместе не слушаю лекций почтенного профессора физики Казанского университета. Но было время, когда и я слушала лекции славного профессора физики Страхова. Это было во время ректорства покойного моего родителя. Тогда несколько курсов дано было публичных, и многие дамы-охотницы прилежно их посещали. Из прилежных, не прогуливавших ни одной лекции, теперь в Москве только две: графиня Броглио и Анисья Федоровна Вельяминова-Зернова. Вскоре по перемене ректора и лекции публичные кончились; а жаль, что кончились: они были очень занимательны.

ПД, № 32156 — CCXLII б. 24; опубликовано Б. Л. Модзалевским в его работе «И. Е. Великопольский» в сборнике «Памяти Леонида Николаевича Майкова», СПб., 1902, стр. 382—383.

334

Из письма И. Е. Великопольского к С. Х. Мудровой
28 января 1832

В этот день [1] мы, побывав у Мих[аила] Ник[олаевича] Пушкина и у Колбецких, обедали у сестры Любви Ермолаевны. После обеда были на первой астрономической лекции у Симонова. Он добрый и хороший профессор, а потому и занял нас и угостил. Вечер, возвратившись от него в девятом часу, провели дома. — В воскресенье [2] обедали дома. После обеда, вместе с Лобачевским поехали в физический кабинет, на вторую его лекцию. С нами вместе слушали Симонов с женою, или вернее: Симонов для жены, с которою приехал. Возвратились часу в восьмом [...]. — В понедельник [3] обедали у тетушки Пушкиной. Вечер был дома, потому что к нам обещались приехать Симоновы и Лобачевский. — Во вторник [4] обедали у Колбецких. Вечером, вместе с сестрою Прасковьею и племянницами Лизанькою и Надинькою я поехал на так называемый литературный вечер к Фуксу. Соничка осталась дома. Этот вечер очень не склеился и мы воротились рано. Вчера [5] утром я был у некоторых с холостыми визитами; обедал же дома. У нас обедал Николай Исаевич Депрейс, накануне только приехавший. После обеда была вторая астрономическая лекция у Симонова. Соничка возвратилась уже часу в десятом, а я ужинал у Лобачевского. Сегодня обедали дома, а вечер у Любви Ермолаевны.

ПД, Ф. 123, оп. 1, № 1041, л. 31—31 об.

---

[1] В субботу 23 января. — *Л. М.*
[2] 24 января. — *Л. М.*
[3] 25 января. — *Л. М.*
[4] 26 января. — *Л. М.*
[5] 27 января. — *Л. М.*

335

Из письма С. М. Великопольской к С. Х. Мудровой
28 января 1832

Вчера утром мы провели дома [...]. После обеда я легла отдохнуть, но приехали все Молоствовы, т. е. бывшие Молостовы, Демидова, Депрейсова и Булыгина. Также приехали сестры Любовь Ерм[олаевна], Надежда Ерм[олаевна]. Но мы принуждены были оставить всех и ехать, ибо в 5 часов у нас назначена была астрономическая лекция. Однако вместо 5-и мы приехали к Симонову в 7-мь, у них сидели Горемыкины. Напившись чаю, Иван Мих[айлович] начал читать нам свою лекцию, а Горемыкины, которых верно она не интересовала, уехали. Ужинала я дома, а душка у Лобачевского [...]. Во вторник [1] был литературной вечер у Фукса, но я не поехала. Нечего слушать.

ПД, Ф. 123, оп. 1, № 1041, л. 33—33 об.

336

Из письма И. Е. Великопольского к С. Х. Мудровой
1 февраля 1832

В пятницу 29-го [...]. После обеда поехали на астрономическую лекцию к Симонову.[2] Я забыл написать, что в четверг, перед поездом к Ростовским мы просидели часа три в физическом кабинете с Лобачевским. Он говорил об электричестве и [3] свете и очень завлек внимание Сонички. В пятницу от Симонова я с братом поехали к М. Н. Пушкину, где и ужинали, а Соничка отправилась домой [...].

Вот Вам описание нашего последнего здесь пребывания.

ПД, Ф. 123, оп. 1, № 1041, л. 36 об. и 37.

337

Выписка из протокола заседания Совета Казанского университета от 12 марта 1832, сформулированная Н. И. Лобачевским в связи с приобретением книг у Ф. Ф. Бокельмана для Библиотеки Казанского университета
15 марта 1832

Г. секретарь Совета доложил присутствию, что по делу, начавшемуся 9 октября 1826 года № 84 о покупке у Бокельмана книг, требовалось от

---

[1] 26 января. — *Л. М.*

[2] *Было:* на физическую лекцию к Лобачевскому; он ей объяснил электричество и свет. Для Сонички было это очень занимательно.

[3] *Далее начато:* магнетизм[е]

г. библиотекаря по уплате ему Бокельману денег за книги представить оные в Совет; но сего сделано не было до сего времени; а книги уже, вероятно, находятся в библиотеке; то не угодно ли Совету почитать дело сие решенным и сдать в архив. Определено: Книги, о которых здесь говорится и которые куплены для Университетской библиотеки, многим из членов Совета известны; то и остается увериться только в том, записаны ли в каталог по отношению Правления; а потому г-ну библиотекарю дать выписку, какие книги должны были поступить в Библиотеку, что каждая стоит и чтобы оные по сей выписке отметив в каталоге, случае поступления и цену, если книги еще и прежде в каталоге были показаны, в противном случае, донося бы Совету, объяснил бы, находятся ли они все на лице и в сохранности.

Н. Лобачевский

Начало писано писарскою рукою; определение рукою Н. И. Лобачевского.

Пометы: «Слушано 12 марта 1832»; «ст. 11»; «Исполнено, г. библиотекарю от 15 марта № 379».

ЦГАТ, Ф. 977, св. 88, № 1410, л. 8.

338

Донесение Н. И. Лобачевского в Совет Казанского университета о книгах, купленных у Ф. Ф. Бокельмана, для библиотеки Казанского университета

31 марта 1832

В Совет императорского Казанского университета

На выписку из протокола оного Совета от 15 марта сего года за № 379 честь имею ответить следующее:

Из числа 22 сочинений, упомянутых в препровожденной Советом копии с реестра, записаны в каталог Библиотеки только 6 сочинений, а именно: 1) Bartsch, Anleitung zur Kupferstichkunde. 2 Theile. Wien. 1821, in 8 и 2) Notice sur les graveurs. 2 tomes. A. Besançon. 1801 et 1808, in 8, препровождены при выписке из протокола Совета от 8 февраля 1827 года за № 135 с отметкою, что цена оных *35 рублей*, как следует выдать адъюнкту Краун[?]. — Остальные 4 сочинения суть следующие: 1) Noël. Dictionnaire de la fable, 3 édit. Paris. 1810. 2 voll. in 8, цена *23 р.* 2) Cours de Gallicismes. Leipzig. 1736. 2 vol. — *14 руб.* 3) Dictionnaire de proverbes français. 2 éd. Paris 1821. — *10 руб.* и 4) Lemercier, Cours analytique de Litterature. Paris. 1817. *35 руб.* — К сим 4-м сочинениям присовокуплено 5-ое, не значащееся в препровожденном Советом копии с реестра, именно: Bailey's, Nath. Dictionnary English-german. Lps. 1810. 2 vol. in 8, цена *28 руб.* О всех сих пяти сочинениях есть предписание Правления от 10 де-

кабря 1827 года за № 3947, коим поручалось мне, приняв из Кассирства Университета 110 руб. ассигнациями без вычета лажа, выдать оные за упомянутые книги учителю Бокельману, что мною и было исполнено.

Все прочие 16 сочинений, неизвестно мне где находятся, и в каталог Библиотеки не записаны.

Библиотекарь Университета: Н. Лобачевский.

На рукописном бланке, написанном рукою Н. И. Лобачевского: «М. н. п. Департамент народного просвящения. Казанский учебный округ. Импраторского Казанского университета библиотекаря. В Казани. 31 марта 1832 года. № 58. О книгах, купленных у Бокельмана».

Пометы: «4 апреля 1832»; «№ 364»; «Слуш[ано] 9 июля 1832».

РУКОЮ Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА:

Определено. Все упомянутые здесь книги, внесенные в каталог Библиотеки, те самые, которые по представлении библиотекаря 1827 февр. 9 № 4 и в следствие постановления Совета 1827 февр. 26 ст. в Библиотеку должны были поступить ценою на 110 рублей. Хотя Совет и требовал бы библиотекаря выпиской 16 генваря 1828, № 72 представить книги на рассмотрение, но как покупка сих книг была уже утверждена упомянутым постановлением 1827 фев. 26, самые книги, находясь в Библиотеке более пяти лет, сделались известны членам Совета, по содержанию их признаются полезными, то и считать дело оконченным для сдачи в архив.

ЦГАТ, Ф. 977, св. 88, № 1410, л. 9.

339

Сообщение в печати о деятельности Н. И. Лобачевского в Казанском университете с 1 июля 1830 по 28 июня 1831 г.

Март 1832

[1]

«Начальственные распоряжения»

Г. попечитель К. У. О. предложил Совету университета открыть в свое время преподавания истекшего учебного года; но учение продолжалось не более месяца, то есть до 13-го дня сентября, в который оно закрыто по случаю появления в Казани эпидемической болезни холеры; причем г. ректору поручено принять нужные меры для сохранения здоровья казенных воспитанников и всех живущих в зданиях университета. В сие время г. попечитель изъявил согласие, чтобы составлено было управление для университета и его округа под председательством г. ректора из наличных членов для решения срочных и не терпящих отлагательства дел [стр. 215—216].

[2]

«Занятия Совета университета и отделений наук»

В сем году *Совет университета рассматривал*: 1) Сочинение ординарного профессора Эверсмана, заключающее описание бабочек, водящихся между Волгою и Уральскими горами, нашел оное полезным издать в свет и перевести на русский язык, что и принял на себя г. ректор университета [стр. 218]. [1]

«Краткая история императорского Казанского университета с 1-го июля 1830 по 28 день июня 1831 года». — Казанский Вестник, 1832, март, стр. 215—216 и 218; вся статья на стр. 210—225.

340

Справка проректора Казанского университета Г. Б. Никольского по вопросу о представлении Н. И. Лобачевского о покупке книг у вдовы архитектора И. А. Мари

28 мая 1832

13. Дело октября 24 дня 1825 года о покупке книг для библиотеки Казанского университета у вдовы покойного архитектора Мари началось в Совете по представлению библиотекаря г. Лобачевского. Совет постановил предоставить г. попечителю, и уже изготовлено было черновое представление; на оном рукою бывшего письмоводителя Белогородцева означено, что оное представление не исполнено потому, что книги сии найдены ненужными. Почему полагает дело сие за давнопрошедшим временем почислить решенным. Определено: Дело сие почисляя решенным, сдать в архив.

Г. Никольский.

За секретаря *Караблинов.*

Помета: «Слушано 1832 мая 28 дня. Ст. 13».

ЦГАТ, Ф. 977, № 3707, л. 4.

---

[1] «Описание чешуекрылых насекомых, находящихся между Волгою и Уральским хребтом (г. профес. Казанского университета Эверсмана)» в переводе на русский язык Н. И. Лобачевского напечатано в «Казанском Вестнике», 1831, апрель, стр. 281—299; май и июнь, стр. 100—138; июль и август, стр. 295—401 (надо 310); сентябрь и октябрь, стр. 91—101; (без окончания).

341

Сообщение в печати о выраженном Н. И. Лобачевскому «высочайшем благоволении» за действия его во время холеры

Май 1832

Гг. рекотору Университета Лобачевскому и директору Казанской гимназии Галкину объявлено господином попечителем Казанского учебного округа *высочайшее его императорского величества* благоволение за оказанное ими усердие при предохранении подведомых им заведений от болезни холеры.

«Краткая история императорского Казанского университета за 1831—1832 академический год». — Казанский Вестник, 1832, май, стр. 409; вся статья на стр. 378—418.

342

Програмы курсов физики и чистой математики, читанных Н. И. Лобачевским, для испытания студентов Казанского университета по окончании 1831—1832 учебного года

Май—июнь 1832

II.

Отделение
физико-математических наук.

I

Физика [...]

Б. Для студентов 2 и 3 разряда Физико-математического отделения наук преподает о. профессор Лобачевский, следуя Биоту и пользуясь новейшими открытиями.

Вступление.

1. Предмет физики.
2. Чем отличается учение физики от учения в прочих естественных и математических науках.
3. Как отделены от физики астрономия и химия.
4. Свойства тел геометрические, механические и физические.
5. Основания физики.
6. Разделение тел на весомые и невесомые.

Часть I.

О весомых телах

Глава I.

Общие свойства, одинаковые всем телам.

1. Общие свойства тел бывают или одинаковые во всех или с различием. Какие первые и вторые.
2. Измерение протяжения. Метрическая система.

3. Способ измерять протяжение.
4. Что такое непроницаемость. Опыты.
5. Что такое фигура, и каким образом ее усматриваем.
6. Какие силы находятся в природе.
7. Как тела принимают и сообщают движение.
8. Положения в механике.
9. Какие причины уничтожают движение.
10. Сопротивление от трения. Как объясняется.
11. Как оно зависит от давления.
12. Сопротивление от сцепления. От чего зависит.
13. Сопротивление от средины. Как исчисляется.
14. Общее тяготение и тяжесть.
15. В падении тел тяжесть может быть принимаема постоянной
16. Определение пространства, пробегаемого телами в падении.
17. Все тела падают к земле с одинаковою скоростию. Опыты.
18. Движение маятника.
19. О весах.

Глава II.

Общие свойства с различием в телах.

1. Что такое делимость и как далеко простирается.
2. Понятие о величине атомов.
3. Атомы неделимые и частички совокупления.
4. Фигура частичек совокупления.
5. Что должно думать о фигуре неделимых атомов.
6. Что такое скважность. Опыты.
7. Различие скважности от пустоты в органических телах.
8. Что такое сжимаемость. Опыты.
9. Сжимаемость твердых тел.
10. Сжимаемость воздухообразных тел.
11. Сжимаемость жидкостей чрезвычайно мала.
12. Способы новейших физиков определять сжимаемость воды.
13. Что такое упругость. Как доказывается опытами.
14. Что такое сцепление. Опыты.
15. Определение сцепления в твердых телах.
16. Определения сцепления в жидкостях.
17. Что должно думать о сцеплении в воздухообразных телах.

Глава III.

О равновесии атомов в телах.

1. Что такое теплотвор.
2. Каким образом атомы тел бывают в равновесии.
3. Какие силы в телах происходят от нарушения сего равновесия
4. Три состояния тел. Отличительные их свойства.
5. Что такое свободная и скрытная теплота.

6. Опыты *Блака* для доказательства и определения скрытой теплоты.
7. В чем заключается действие свободной теплоты.
8. Что такое температура.
9. Как поддерживается в телах одинаковость температуры.
10. Что такое термометр.
11. Изобретение и усовершенствование термометра.
12. Постоянные температуры в природе.
13. Различные деления термометра.
14. Что такое удельная теплота.
15. Как она определяется.
16. Зависимость удельной теплоты от веса атомов.

Глава IV.

Особенные свойства твердых тел.

1. Равновесие твердых тел.
2. Центр тяжести.
3. Упругость твердых тел может быть рассматриваема в трех видах.
4. Упругость от растяжения и сжатия в одном направлении. Опыты *Сгравезанта.*
5. Упругость от погнутия; в какой зависимости от кривизны. Опыты *Кулона.*
6. Упругость от закручивания. В какой зависимости от угла закручивания.
7. Опыты *Берту* над упругостию закручивания.
8. Определение упругости закручивания.
9. Крутильные весы *Кулона* (balance de torsion).
10. Общее замечание, от чего зависит упругость в твердых телах.
11. Расширение твердых тел от теплоты. Определение сего расширения в обыкновенных температурах.
12. Расширение от теплоты в высоких температурах.
13. О пирометре.

Глава V.

Собственные свойства жидкостей.

1. Равновесие жидкостей.
2. Явление от волосной силы.
3. Восхождение и падение жидкости в трубках.
4. Притяжение и отталкивание от волосной силы.
5. Расширение жидкостей от теплоты.
6. Видимое и истинное расширение жидкости от теплоты.
7. Влияние силы кристаллизации на расширение от теплоты.
8. Самая большая плотность воды.
9. Различной способ определять температуру самой большой плотности воды.

Глава VI.

Собственные свойства воздухообразных тел.

1. Равновесие воздухообразных тел.
2. Разделение воздухообразных тел на газы и пары.
3. Закон Мариотта.
4. Упругость воздуха и давление атмосферы.
5. О барометре.
6. О воздушном насосе.
7. О воздушном термометре и сравнение расширения воздуха с расширением прочих тел от теплоты.
8. Об упругости паров.
9. Об измерении высот помощию барометра.
10. О возвышении температуры от сжатия воздухообразных тел.

Глава VII.

1. Об ареометрах и волюметрах.
2. Определение удельного веса тел: твердых, жидких, воздухообразных.
3. О метеорологических наблюдениях.

Глава VIII.

1. О движении струн по направлению в длину и качательном.
2. О происхождении звука в воздухе и других срединах.
3. О распространении звука.
4. О музыкальных тонах и теория музыкальных инструментов.

Глава IX.

Об электричестве.

1. Краткая история об электричестве и что называется электрическими явлениями.
2. Открытия Дюфея, Грея, Уилера. Различие проводников, непроводников, двоякое электричество. Совершенных проводников, или непроводников нет.
3. Теория Симмера и Франклина. Та и другая достаточны для объяснения всех явлений электрических.
4. Закон притяжения и отталкивания электрического. Электрические весы *Кулона*. Электрометр *Кулона*.
5. Потеря электричества в воздухе.
6. Способность тел удержать электричество. О непроводниках.
7. Равновесие электричества. Общие положения: электричество держится у поверхности проводников, плотность его бывает различна, напряжение пропорционально квадрату плотности. На остреях напряжение бесконечно велико. Сопротивление воздуха, электрическая кисть из остреев; различие в излиянии остреями положительного и отрицательного электричества.

8. Действие электричества на расстоянии. Теория Лейденской банки. Быстрота распространения электричества в проводниках.

9. Механическое и химическое действие электричества. Соединение газов, разложение воды. Эвдиометр.

10. Конденсаторы. Электроскопы.

11. Устроение электрических машин

12. Электрофоры.

13. Электричество атмосферное. Устроение громовых отводов.

Глава X.

О галванизме.

1. Различные средства к возбуждению электричества. История галванизма или электричества в прикосновении.

2. Опыты основные для теории галванизма.

3. Незамкнутой Волтов столбец. Замбонов столбец. Электрометр Боненбергера.

4. Замкнутой Волтов столбец. Электромагнитное действие.

5. Галванической ряд металлов.

6. Термоэлектрические явления.

7. Измерение силы электрического потока. Математические выражения для силы потока. Теория Ампера, его снаряд.

8. Способность тел проводить электричество; сопротивление течению электричества.

9. Возбуждение теплоты электрическим потоком.

10. Электрохимическая теория.

11. Химическое действие электрического потока.

12. Электрическое движение в жидкостях.

13. Действие платинной губки.

Глава XI.

О магнетизме.

1. Притяжение и отталкивание магнитное.

2. Намагничивание полос. Сходство между магнитом и галваническим столбцом.

3. Сила и направление магнетизма земли.

4. Распределение магнетизма. Закон притяжения и отталкивания.

5. Действие магнита на все тела.

6. О магнитных явлениях в движении.

7. Зависимость магнитной силы земли от географического положения.

8. Магнитные наблюдения на земле.

9. Электромагнетизм.

Глава XII.

О свете.

1. Свойства света. Две теории.

2. Отражение света. Теория отражения.

3. Простое преломление света. О зажигательных стеклах. О зрительных трубах.
4. Теория преломления света.
5. Двойное преломление.
6. Разложение света на цветы. Теория цветов.
7. О зрении.
8. Об ахроматизме.
9. Поляризование света.
10. Интерференция света.
11. Погнутие света.

Глава XIII.
О теплоте.

12. Сходство теплоты и света в их свойствах.
13. Нагревание и охлаждение тел.
14. Лучистая теплота. Истечение теплоты лучами зависит от поверхности тела.
15. Падение росы.
16. Закон распространения теплоты внутри твердых тел. Математическая теория.
17. Удельная теплота.
18. О паровых машинах.

II.
Чистая математика.

А. Для студентов 1-го разряда в Отделении врачебных наук преподает магистр Юферов по запискам профессора Лобачевского.

а. Арифметика.

Определение числа целого и дробного.

О знаках, принятых в арифметике и 10-ти знаках, служащих для изображения чисел.

О десятизначном счислении.

Как изображаются числа дробные и об особенном способе изображать десятичные дроби.

Когда дробь увеличится и уменьшится.

Какая дробь более целого.

Какая дробь менее целого.

Основные четыре действия чисел целых.

Определение общего большого делителя двух целых чисел.

Дробь изобразить можно частным числителя, разделенного на знаменателя.

Узнать чем дробь более целого.

В каком случае дробь не переменится.

Привести всякую дробь в десятичную.

Сократить дробь.

Приведение дробей к одному числителю или знаменателю.

Узнать большую или меньшую из дробей.

Основные четыре действия чисел дробных.

О весе и мерах, о десятичном подразделении веса и мер, о счете весов и мер.

Как называют произведение, в коем все производители равны, какой знак таких произведений. Что значит найти степень числа и обратно найти корень степени.

Определение квадратной и кубической степени чисел, и обратно корня квадратного и кубического.

О содержаниях и пропорциях.

О правилах: Тройном
Товарищества
Цепном и
Смешения.

б. Алгебра.

Рассуждение о трех видах Алгебраических выражений.

Что должно разуметь под значением численного выражения.

Каким образом численное выражение привести к его значению.

Понятие о скобках.

Об уничтожении скобок в численных выражениях.

О положительных и отрицательных величинах.

Об умножении и делении величин, скобок на величину, и обратно скобок на скобки.

О счете чисел с буквами.

О приведении численных выражений в простой вид.

О степенях и корнях величин.

Об уравнениях. — Определение уравнений, о простом виде уравнений, о решении уравнений первой степени с одним и многими неизвестными коликими, о решении уравнений второй степени.

Теория пропорций и прогрессий.

О Логарифмах и употреблении логарифмических таблиц.

в. Геометрия.

Предмет геометрии, рассуждение о геометрических величинах.

Определения: прямой линии, плоскости, круга, дуги хорды, шара и другие: следствия, выведенные из сих определений.

Об измерении прямой линии и об углах.

Определение линий перпендикулярных.

В плоскости чрез точку можно провести один только перпендикул к линии.

О многоугольниках

В треугольнике прямоугольном углы, кроме прямого, суть острые.

О перпендикулах. Способ проводить перпендикулы к линиям основан на свойствах равнобедренного треугольника, которые служат к решению задач: линию, угол разделить пополам, круга найти центр, чрез три точки, не на прямой линии взятые, провести круг, определение касательной линии для круга. Перпендикул есть кратчайшее расстояние точки от линии, и следствия.

Об одинаковости треугольников.

О прямоугольниках.

О параллелограммах.

Об измерении многоугольников.

Об измерении окружности и площади круга.

Об измерении призм, пирамид, цилиндра, конуса и шара.

О правильных телах [стр. 4—14].

Гидравлика и Гидростатика.

О. профессор Лобачевский следует сочинениям Лагранжа, Пуассона и Лапласа. Читает для студентов 3-го разряда.

1. Общие свойства уравнений для движения и равновесия.
2. Сохранение живых сил и малейшего действия. Применения к решению различных задач.
3. Равновесие и движение жидкостей, основываясь на предложении одинаковости давления со всех сторон.
4. Равновесие и движение жидкостей, предполагая внутренние силы действительными в неприметных расстояниях.
5. О горизонтальных слоях. Равновесие разнородных жидкостей.
6. Общие уравнения для движения. Случаи, когда движение определяется двумя уравнениями.
7. Распространение звука в одном протяжении.
8. Распространение звука в атмосфере.
9. Соглашение теории с наблюдениями.
10. Возвышение температуры в сжатом воздухе. Об удельной теплоте воздуха. Воспламенение тел от сжатия воздуха.
11. Движение струн. Теория музыкальных тонов.
12. Распространение волн на поверхности жидкостей [стр. 26—27].

«Программы для испытания студентов императорского Казанского университета по окончании 1831—1832 академического года», Казань, 1832, стр. 4—14, 26—27.

То же «по окончании 1832—1833 академического года», Казань, 1833, стр. 4—16 и 30—31.

343

Сообщение о чтениях Н. И. Лобачевским лекций в Казанском университете с 12 августа 1832 по 3 июня 1833 г.

Около 12 августа 1832

II.

Scholae Ordinis Physico-Mathematici.

1. Nicolaus Lobatschewsky, Universitatis litt. h. t. Rector magnif., Bibliothecae praefectus, a Colleg. Consiliis, ord. S-ti Vladimiri IV classis eques, soc. Cas. ad patr. promovend. literas Sodalis, matheseos purae P. P. O. 1) ter per hebd. e Physice *brevi de natura corporum in genere praemissa expositione de Electricitate, Magnetismo, et caloris ac lucis theoria* ad filum Bioti disseret in commodum stud. 2 et 3 sect. hiis ord. 2) *Hydrostaticen* et *Hydraulicen* secundum Lagrangium, et *caloris propagationem* Fourierum secuturus bis per hebd. docebit [p. 4].

III.

Scholae Ordinis Medicorum [...]

6. Nicolaus Juferow, Scient. Mathemat. Magister, Gymnasii Casanensis Praeceptor, *Arithmeticam*, *Algebram* et *Geometriam* ad schedas P. Lobatschewskii tradet [p. 7.]

Institutaa publica.

1. *Bibliothecam Academicam* dd. Mercurii et Saturni hor. X antem — II pomerid. Bibliothecae praefectus Prof. Lobatschevsky eique adjunctus Candidatus C. Voigt aparient. — Ephemeridas literarias et politicas legere cupientibus, in quo conduntur conclave, quotidie, exceptis die Mercurii et diebus festis h. X antem — II pomer. patet [p. 11].

«Index praelectionum in Universitate Caesarea literarum Casanensi inde a XII Aug. Anni MDCCCXXXII usque ad III Jun. MDCCCXXXIII habendarum Promulgatus a Senatu Academico», Casani, MDCCCXXXII, pp. 4, 7 et 11.

II.

Отделение

Физико-математических наук.

1. Николай Лобачевский, п. о. профессор чистой математики, ректор Университета, библиотекарь, член Казанского общества любителей отечественной словесности, коллежский советник и ордена св. Владимира 4-й степени кавалер, будет проходить: 1. *физику*, для студентов 2-го и 3-го разрядов по три раза в неделю, после краткого изложения общих свойств тел, об электричестве, магнетизме, теорию теплоты и света, руководствуясь соч. Биота, и 2. *Гидростатику и Гидравлику*, по Лагранжу, о распространении теплоты по соч. Фурье, два часа в неделю [стр. 3].

III.

Отделение

Врачебных наук [...]

6. Николай Юферов, магистр математических наук, старший учитель Казанской гимназии, будет читать: *Арифметику*, *Алгебру* и *Геометрию*, по сочинениям г. ординарного профессора Лобачевского; два раза в неделю для студентов 1-го разряда [стр. 7].

Учебные заведения.

1. Библиотека находится под ведением библиотекаря, г. профессора Лобачевского и помощника библиотекаря кандидата Фойхта; открыта бывает по средам и субботам от 10 часов утра до 2 часов пополудни, комната чтения при Библиотеке каждый день кроме среды и праздников от 10 часов до 2 часов пополудни [стр. 12].

«Росписание преподаваний в императорском Казанском университете на 1832—1833 учебный год, по назначению Совета», Казань, 1832, стр. 3,7 и 12.

344

Отношение Совета Казанского университета в Академию Наук с препровождением сочинения Н. И. Лобачевского «О началах геометрии»
19 августа 1832

В императорскую Санкт-Петербургскую Академию Наук

Г. ректор императорского Казанского университета, ординарный профессор Лобачевский представил Совету университета свое сочинение под заглавием: «О началах геометрии», помещенное отрывками в разных книгах Казанского Вестника в 1829 и 1830 годах, просил Совет препроводить оное в Академию Наук в знак своего уважения к сему высокому сословию ученых мужей.

Совет Казанского университета, с удовольствием исполняя желание г. сочинителя, честь имеет при сем препроводить оного сочинения один экземпляр в императорскую Академию Наук и о получении оного просит покорнейше почтить уведомлением.

п. о. профессор Франц Эрдман.
За секретаря Совета профессор *Григорий Суровцов*

На бланке Совета Казанского университета от 19 августа 1832, за № 1209.

Пометы П. Н. Фуса: «Lu le 5 Septembre 1832»; «Reçu le 4 Septembre»; «§ 432».

Архив АН, Ф. 1, оп. 2—1832, § 432.

345

Речь Н. И. Лобачевского «О важнейших предметах воспитания», произнесенная им в торжественном собрании Казанского университета 5 июля 1828 г.

Август 1832

Речь
о важнейших предметах воспитания [1]

Вот уже год прошел, любезные мои товарищи, как по избранию Вашему, несу я на себе должность, которой почести, важность и трудности служат доказательством лестной Вашей ко мне доверенности. Не смею жаловаться на то, что Вы захотели отозвать меня от любимых мною занятий, которым долгое время предавался я по склонности. Вы наложили на меня новые труды и чуждые до того мне заботы; но я не смею роптать, потому что Вы предоставили мне и новые средства быть полезным. Я принял Ваш вызов, потому что уважал Вашим мнением; потому что не хотел противиться общему желанию; потому что сам первый не мог оправдать того, кто на моем месте вздумал бы отказаться. Наконец, выбор Ваш утвержден был государем императором и обязанности нового звания сделались для меня священными.

Пусть справедливо могу жаловаться на слабость сил моих и способность; но могут ли недостатки извинить меня, когда ревность к службе должна вознаграждать их? И мне ли не чувствовать усердия при тех счастливых обстоятельствах, в которых мы теперь находимся, которых начало заключается в общем источнике благоденствия России, в которых Университет, исключительно за себя обязан благодарностию щедрому монарху, исполнителем его воли, неусыпным попечениям ближайшего нашего начальника.

Итак все, чего бы желать надобно, наконец, дано. Спрашивается, мы все ли исполняли, что от нас требовалось? Вот как трудно мне успокоить мою совесть, когда я обращаюсь мыслями на первый год моего управления делами Университета. Вот как трудно мне в этот первой срок давать отчет за себя, за весь Университет; надеяться на одобрение моих товарищей; родителей, которых дети воспитываются в сем заведении; всех посетителей, которые пришли быть судьями в общем деле и могли бы справедливо быть строгими судьями.

Испрашиваю снисхождения Вашего, пп. пп., если принужден умолчать о том, что не почитаю достойным Вашего внимания. Пусть этот протекший год дозволено мне будет называть годом испытания, желал бы следующий иметь право назвать годом исполнения, и последний в трехлетии — годом торжества моего.

---

[1] произнесенная в торжественном собрании Университета ректором оного, о. профессором Лобачевским 1828 г., июля 5-го.

Я сравниваю теперь себя с кормчим, который, не доверяя опытности, держался берегов; наконец, решается плыть в открытое море, и не робкое путешествие свое рассказывать, но советов просить должен. В воспитании юношества, в сем важном деле, где я по званию своему участвую более других членов Университета, в исполнении сей важной обязанности прошу Ваших советов. Осмеливаюсь подвергнуть Вашему суждению мои мысли, полагая, что они заключают в себе первые основания нравственности и могут указывать на те правила, которым следовать обязаны наставники. Ими намерен и я руководствоваться, как путешественник, чтобы не сбиться с пути, смотрит на приметы, расставленные по дороге.

В каком состоянии воображаю, должен бы находиться человек, отчужденный от общества людей, отданный на волю одной дикой природе. Обращаю потом мысли к человеку, который среди устроенного, образованного гражданства последних веков просвещения, высокими познаниями своими составляет честь и славу своего отечества. Какая разность; какое безмерное расстояние разделяет того и другого. Эту разность произвело воспитание. Оно начинается от колыбели, приобретается сперва одним подражанием, постепенно развертывается ум, память, воображение, вкус к изящному, пробуждается любовь к себе, к ближнему, любовь славы, чувство чести, желание наслаждаться жизнию. Все способности ума, все дарования, все страсти, все это обделывает воспитание, соглашает в одно стройное целое, и человек, как бы снова родившись, является творение в совершенстве.

Наружный вид его, возвышенное чело, взор, который всюду устремляется, все созерцает вверху, вокруг себя; черты лица, в которых изображается чувственность, покоренная уму, — все показывает, что он родился быть господином, повелителем, царем природы. Но мудрость, с которой он должен править с наследственного своего престола, не дана ему от рождения: она приобретается учением.

В чем же должна заключаться эта мудрость? Чему должно нам учиться, чтобы постигнуть своего назначения? Какие способности должны быть раскрыты и усовершенствованы, какие должны потерпеть перемены; что надобно придать, что отсечь, как излишнее, вредное?

Мое мнение: ничего не уничтожать и все усовершенствовать. Неужели дары природы напрасны? Как осмелимся охуждать их? — Кого обвиним в них? Одного признаем виновника всему, что ни существует; исповедуем его и благоговеем пред его бесконечною премудростию.

Всего обыкновеннее слышать жалобы на страсти, но как справедливо сказал Мабли: чем страсти сильнее, тем они полезнее в обществе; направление их может быть только вредно.

Что же надобно сказать о дарованиях умственных, врожденных побуждениях, свойственных человеку желаниях? Все должно остаться при нем; иначе исказим его природу, будем ее насиловать и повредим его благополучию.

Обратимся, во-первых, к главнейшей способности, уму, которым хотят отличить человека от прочих животных, противуполагая в последних инстинкт. Я не того мнения, чтобы человек лишен был инстинкта, который является во многих действиях ума, который в соединении с умом составляет Гений. Замечу только мимоходом, что инстинкт не приобретается; Гением быть нельзя, кто не родился. В этом-то искусство воспитателей: открыть Гений, обогатить его познаниями и дать свободу следовать его внушениям. Ум, если хотят составить его из воображения и памяти, едва ли отличает нас от животных? Но разум, без сомнения, принадлежит исключительно человеку; разум, это значит, известные начала суждения, в которых как бы отпечатались первые действующие причины вселенной и которые соглашают, таким образом, все наши заключения с явлениями в природе, где противоречия существовать не могут.

Как бы то ни было, но в том надобно признаться, что не столько уму нашему, сколько дару слова, одолжены мы всем нашим превосходством пред прочими животными. Из них самые близкие по сложению своего тела, как уверяют анатомики, лишены органов, помощию которых могли бы произносить сложные звуки. Им запрещено предавать друг другу понятия. Одному человеку предоставлено это право; он один на земле пользуется сим даром; ему одному велено учиться, изощрять свой ум, искать истин соединенными силами. Слова, как бы лучи ума его, передают и распространяют свет учения. Язык народа—свидетельство его образованности, верное доказательство степени его просвещения. Чему, спрашиваю я, одолжены своими блистательными успехами в последнее время математические и физические науки, слава нынешних веков, торжество ума человеческого? Без сомнения, искусственному языку своему, ибо как назвать все сии знаки различных исчислений, как не особенным, весьма сжатым языком, который, не утомляя напрасно нашего внимания, одной чертой выражает обширные понятия. Такие успехи математических наук, затмивши всякое другое учение, справедливо удивляют нас; заставляют признаться, что уму человеческому предоставлено исключительно познавать сего рода истины, что он, может быть, напрасно гоняется за другими; надобно согласиться и с тем, что математики открыли прямые средства к приобретению познаний. Еще не с давнего времени пользуемся мы сими средствами. Их указал нам знаменитый Бакон. Оставьте, говорил он, трудиться напрасно, стараясь извлечь из одного разума всю мудрость; спрашивайте природу, она хранит все истины и на вопросы ваши будет отвечать вам непременно и удовлетворительно. Наконец, Гений Декарта привел эту счастливую перемену и, благодаря его дарованиям, мы живем уже в такие времена, когда едва тень древней схоластики бродит по Университетам. Здесь, в это заведение вступивши, юношество не услышит пустых слов без всякой мысли, одних звуков без всякого значения. Здесь учат тому, что на самом деле существует; а не тому что изобретено одним праздным умом. Здесь преподаются точные и естественные науки, с по-

собием языков и познаний исторических. Здесь преподаватели разделяют между собою предметы, которыми всю жизнь свою занимаются, еще с молодых лет почувствовав в себе охоту и некоторые дарования. Как жалко, что истинному просвещению предпочитаются суетные выгоды домашнего воспитания. Кто хочет образовать своих детей для Государства, тот должен прибегнуть к средствам, которые одно только Государство в состоянии доставить, тот должен учить своих детей в общественных заведениях.

Одно образование умственное не довершает еще воспитание. Человек, обогащая свой ум познаниями, еще должен учиться уметь наслаждаться жизнию. Я хочу говорить об образовании вкуса.

Жить, значит чувствовать, наслаждаться жизнию, чувствовать непрестанно новое, которое бы напоминало, что мы живем. Так стихотворец наш Державин говорит о людях:

Непостоянство — доля смертных,
В пременах вкуса — счастье их.
Среди утех своих несметных
Желаем мы утех иных.

Единообразное движение мертво. Покой приятен после трудов и скоро обращается в скуку. Наслаждение заключается в волнении чувств, под тем условием, чтобы оно держалось в известных пределах. Впрочем все равно, на веселое или печальное обращается наше внимание. И возвраты к унынию приятны; и трогательные картины бедствий человеческих нас привлекают. С удовольствием слушаем мы Эдипа на сцене театра, когда он рассказывает о беспримерных своих несчастиях. Веселое и печальное, как две противные силы, волнуют жизнь нашу внутри той волны, где заключаются все удовольствия, свойственные человеческой природе. Или подобно реке она течет в излучистых берегах: то разливается в лугах радости, то обмывает крутые утесы горестных размышлений. Ничто так не стесняет сего потока, как невежество: мертвою, прямою дорогою провожает оно жизнь от колыбели к могиле. Еще в низкой доле изнурительные труды необходимости, мешаясь с отдохновением, услаждают жизнь земледельца и ремесленника; но вы, которых существование несправедливый случай обратил в тяжелый налог другим; вы, которых ум отупел и чувство заглохло; вы не наслаждаетесь жизнию. Для вас мертва природа, чужды красоты поэзии, лишена прелести и великолепия архитектура, незанимательна история веков. Я утешаюсь мыслию, что из нашего Университета не выдут подобные произведения растительной природы; даже не войдут сюда, если к несчастию уже родились с таким назначением. Не выдут, повторяю, потому что здесь продолжается любовь славы, чувство чести и внутреннего достоинства.

Кажется природа, одарив столь щедро человека при его рождении, еще не удовольствовалась. Вдохнула в каждого желание превосходить других, быть известным, быть предметом удивления, прославиться; и

таким образом возложило на самого человека попечение о своем усовершенствовании. Ум в непрестанной деятельности силится стяжать почести, возвыситься, — и все человеческое племя идет от совершенства к совершенству — и где остановится?

Другие обязанности отзывают и охлаждают стремление к славе. Срочное время поручено человеку хранить огонь жизни; хранить с тем, чтобы он предал его другим. Он живет, чтобы оставить по себе потомство, Любовь к жизни, сильное побуждение во всех тварях, ты исполняешь высокую цель природы. Я переступил чрез вершину моей жизни, при первом шаге чувствую уже тяжесть, которая увлекает меня по отлогости второй половины моего пути. Всегда был я внимателен к явлениям организма; теперь не могу наблюдать, не могу говорить о них равнодушно. Покоится жизнь в зерне растения под охранительной пленою против враждебных стихий; но деятельность их, наконец, улучшает время и до того беззаботная вдруг пробуждается от сна. Тогда, с превосходством еще сил, строит она орудное жилище против непрестанного нападения. Скоро, почувствовав не равной бой, помышляет о побеге и скрывается в новом зерне. Вот краткое описание явления жизни в растении, животном и человеке. Чем удержать это стремление к побегу изменяющей жизни? Как рано пробуждается оно, и как верно рассчитано бывает время. Посмотрите на этот прививок: он уже цветет в первую весну. Органическая сила в нем предчувствует, что отчужденной черен от родного дерева, не долговечен, и что ей надобно спешить с плодами. Посмотрите на огородные овощи, когда холодные ночи грозят им скорым морозом: вдруг останавливают они рост свой, и зерна в них спеют. Яблоко, тронутое червем, зреет ранее других и валится на землю. Так порок сокращает жизнь; так юноша созревает преждевременно, удовлетворяя ранним своим желаниям, и ложится в могилу, когда бы ему надобно было цвести. Мы все живем втрое, вчетверо менее, нежели сколько назначено природой. Примерами это доказано: некто Екклестон жил 143 года, Генрих Женкинс 169 лет. Натуралисты, сравнивая время возрастания человека и животных, приходят к тому же заключению: мы должны бы, говорят они, жить около 200 лет. Но увы, напрасно жизненная сила собирает питательные соки; их сожигает огонь страстей, снедают заботы и губит невежество. Пылкость нашего воображения, наше знание, всегда готовые воспоминания, будят страсти и призывают желания не должные. Наставник юношества пусть обратит сюда внимание и постарается предупредить безрассудность молодости, еще не знающей цены своему здоровью.

О, как бы расточительны мы были с нашей жизнию, если бы мысль о смерти еще не стояла на страже. Где более света, там гуще тень: так все премудро соглашено в мире. Животное следует слепо своему побуждению. Человек знает наслаждения, ищет их с выбором, утончает их; но он не большим пользуется превосходством — он знает, чего бы лучше не знать, знает, что он должен умереть. Мысль мучительная, которая

отравляет все наши удовольствия, подобно мечу Дионисия, на волосе повешенному над головою. Смерть, как бездна, которая все поглощает, которую ничем наполнить нельзя; как зло, которое ни в какой договор включить не можно, потому что оно ни с чем нейдет в сравнение.

Но почему же смерть должна быть злом? Мы живем одно настоящее мгновение; прошедшее все равно, как бы ни существовало; с будущим — последует тоже. Когда смерть придет, тогда все равно — сколько мы ни прожили. Мы повинуемся гласу природы, не в силах будучи ему противиться; но собственно для нас, какая выгода, жить более или менее?

Будем же дорожить жизнию, покуда она не теряет своего достоинства. Пусть примеры в Истории, истинное понятие о чести, любовь к отечеству, пробужденная в юных летах дадут заранее то благородное направление страстям и ту силу, которые дозволят нам торжествовать над ужасом смерти. С повязкою на глазах, как говорит Рошефуко, мы его не увидим.

Быть готову всякой час принести эту великую жертву требует от нас премудрость творца, вложившего в человеческое сердце с любовию к себе и любовь к ближнему. Отсюда проистекают все начала нравственности, предмет воспитания, к которому, как важнейшему прихожу я к последнему, и не хочу говорить о нем, как о науке. Дюкло, [1] Рошефуко, Книгге [2] объясняли, каким образом самолюбие бывает скрытою пружиной всех поступков человека в обществе. Кто, спрашиваю, умел в полноте изложить, какие обязанности проистекают из любви к ближнему. Были люди, каковы Гоббес и Гельвеций, которые не хотели верить, чтобы человек рожден был для общества. По счастию, заблуждение их не опасно: подобные будут являться может быть по временам; но последователей себе не найдут. Как можно усумниться, чтобы творец вселенной, которого признаем за существо благое, только с последним усилием ума дозволил достигать познания, самого необходимого для благополучия человека. Еще можем обойтись без писанных законов, когда они начертаны в сердцах наших. Мы родимся с добродетелями и совесть дана им в охранение. Примеры научают лучше, нежели толкования и книги.

Вы, воспитанники сего заведения, вы пользовались сими примерами. Уверен, что вы отсюда понесете любовь и добродетели и сохраните ее вместе с благодарностию к вашим наставникам. Вы узнаете, и опыт света еще более уверит вас, что одно чувство любви к ближнему, любви бескорыстной, беспристрастной, истинное желание добра вам налагало на нас попечение просветить ваш ум познаниями, утвердить вас в правилах веры, приучить вас к трудолюбию, к порядку, к исполнению ваших обязанностей, сохранить невинность ваших нравов, сберечь и укрепить ваше здоровье, наставить вас в добродетелях, вдохнуть в вас желание славы, чувство благородства, справедливости и чести, этой строгой, неприкосно-

---

[1] *В тексте опечатка:* Дюало

[2] *То же:* Книеге

венной честности, которая бы устояла против соблазнительных примеров злоупотребления, недосягаемых наказанием.

Еще вы не в состоянии дать истинной цены словам моим, и не вдруг опытность может вразумить вас. Теперь вступаете вы в свет, новизна и многоразличность впечатлений не дает места размышлениям. Но придет время, когда на блеске настоящего вдруг явится прошедшее с обворожительною прелестию своего туска, подобно нежной затуманенной резьбе на ярком золоте, подобно отраженным предметам в слабом зеркале вод, тогда лета воспитания, лета беззаботной юности со всеми невинными удовольствиями предстанут в вашем воспоминании, как образ совершенного счастия невозвратимо потерянного. Тогда вашего товарища учения встретите вы как родного; тогда в разговоре о вашей юности с благодарностию будете произносить имена ваших наставников, признаетесь, сколь много они желали вам добра, и с торжеством друг другу дадите обещание следовать примерам, от нас слышанным.

Расставаясь с вами, что скажу вам самого поучительного? Вы счастливее меня, родившись позже. Из истории народов видели вы, что всякое государство переходит возрасты младенчества, возмужалости и старости. Тоже будет и с нашим любезным отечеством. Хранимое судьбою медленно возвышается оно в своем величии и достигает высоты, на которую еще не восходило ни одно племя человеческое на земли. Век Петра, Екатерины, Александра были знамениты; но счастливейшие дни России еще впереди. Мы видели зарю, предвестницу их, на востоке; за нею показалось солнце [...] Я все сказал этим.

Казанский Вестник, издаваемый при императорском Казанском университете, часть XXXV, книжка VIII, август, 1832, отдел «Сочинения и переводы», стр. 577—596.

346

Из протокола Конференции Академии Наук о передаче мемуара Н. И. Лобачевского «О началах геометрии» на рассмотрение академику М. В. Остроградскому

5 сентября 1832

№ 24

du lundi 5 Septembre 1832

§ 432

Le Conseil de cette même Université [de Kazan] envoie avec une troisième communication datée du 19 août cotée № 1209 un mémoire imprimé extrait du Courier de Kazan et intitulé О началах геометрии г-а Лобачевского. La Conférence remit ce mémoire à M. l'académicien Ostrogradsky en le priant de lui en faire un rapport verbal. La réception en sera accusée.

Перевод:

№ 24

Понедельник 5 сентября 1832

§ 432

Совет того же [Казанского] университета посылает с третьим сообщением, датированным 19 августа за № 1209, оттиск из «Казанского Вестника» мемуара, озаглавленного «О началах геометрии» г-а Лобачевского. Конференция передала этот мемуар г. академику Остроградскому, прося его сделать устный доклад. Об исполнении будет сообщено.

Архив АН, Ф. 1, оп. 1, № 83, и черновик. Фонд 1, оп. 1а, № 47.
Ср. в книге В. Ф. Кагана, «Лобачевский», М., 1944, стр. 189.

347

Письмо В. А. Моисеевой (Лобачевской) С. М. Великопольской

12 сентября 1832

12-го сентября
Казань

Поздравляю тебя, милая Соничка со днем твоего ангела, от всей души желаю тебе здоровья и всего того, что ты сама желаешь. Мы писали к вам об моей помолвке, но не получили от вас ответа и теперь не знаем, что думать, может быть письмо потерялось на почте или вы по своей лени забыли отвечать; ежели же вы не получили етого письма, то я снова буду рекомендовать вам и милостивой государыне Софье Харитоновне моего жениха, Николая Ивановича Лобачевского и просить вас, чтоб вы любили его так, как брата. Прощай, милая сестра, ко мне приехала Галкина и папенька прислал за мной человека, поцелуй за меня братца и поздравь его с именинницей.

Николай Иванович просит засвидетельствовать тебе его почтение и поздравить со днем ангела, тебе тоже, братец, он кланяется и поздравляет с именинницей.

Остаюсь много любящая
вас сестра
В. Моисеева

Александра Кузми[нична] и Алек[сандр] Коси[мович] вас поздравляют.

Приписка А. Ф. Моисеева:

И я вам, почтенная моя Софья Матвеевна, усердно кланяюсь, ожидаю от вас уведомления, чем вы меня порадуете, а я по дряхлости моей хлопочу и собираю мою невесту; от Ивана Ермолаевича давно писем не получал и не знаю где он; мо[й] Николай командирован осматривать училища, а как скоро приедит и кончим свадьбу то поедит в Петер[бург]. Затем пребуду ваш верный слуга Алексей Моисеев.

Приписка В. А. Моисеевой:

Брат поехал ревизором в Оренбург, в Уральск и в Уфу, более месяца, как он уехал и скоро возвратится, кроме Гимназий, он будет ревизовать и училища.[1]

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 32.

348

Отношение Конференции Академии Наук Совету Казанского университета с изъявлением благодарности Н. И. Лобачевскому за получение его сочинения «О началах геометрии»

13 сентября 1832. Петербург

В Совет императорского Казанского университета.

Конференция императорской Академии Наук, получив при отношении Совета оного университета 19 августа, № 1209, печатное сочинение, извлеченное из Казанского Вестника, под заглавием: О началах геометрии г. Лобачевского, [2] о получении сего сочинения честь имеет оный Совет сим уведомить с изъявлением признательности своей г-ну сочинителю.

[подп.] Н[епременный] с[екретарь] Ф[ус]

На бланке Конференции Академии Наук от 13 сентября 1832, за № 775; ответ на № 1209.

Помета: «к § 432; за № 775; ответ на № 1209».

Архив АН, Ф. 1, оп. 2—1832, § 432; Отпуск; слова от «с изъявлением» до «сочинителю» приписаны рукою акад. П. Н. Фуса.

349

Из письма Е. Г. Осокиной к С. М. Великопольской

14 сентября 1832. Ижевский завод

Поговорим теперь о Вариньке, етот разговор нам обеим будет гораздо приятнее. Она совершенно счастлива, ты етому можешь поверить, зная ее давнишнюю привязанность к Николаю Ивановичу, который также очень любит ее, одним словом мило на них смотреть; бывши в Казани, я часто ими любовалась. Жаль мне очень, что не удастся быть на ее свадьбе, она назначена в такое время, что нам никак невозможно будет ехать

---

[1] Е. Г. Осокина писала С. М. Великопольской 14 сентября 1832 г., что «недавно был у них Nicolas Моисеев проездом в Оренбург, куда Михайла Николаевич [Мусин-Пушкин] послал его ревизовать училища; сегодня или завтра мы ждем его опять на возвратном пути» (ПД, Арх. И. Е. Великопольского, № 32177 —CCXLII б. 45).

[2] *Далее зачеркнуто:* и поручив рассмотрение оного г. академику Остроградскому.

с заводу в Казань. Верно Варинька бы желала, чтоб все ее родные, в том числе и ты, были при етом важным случае в ее жизни.

ПД, № 32177 — CCXLII, б. 45.

Отрывок опубликован Б. Л. Модзалевским в его статье «Н. И. Лобачевский. Письма его к И. Е. Великопольскому (1832—1842)», Казань, 1902, стр. 5—6 (оттиск из «Известий Физико-математического общества при имп. Казанском университете», вторая серия, т. XII, № 2, Казань, 1902).

350

Письмо Н. И. Лобачевского И. Е. Великопольскому
6 октября 1832

Любезнейший брат
Иван Ермолаевич

Возвращаю Вам это название, столько приятное для меня и которым, предупредив, доставили Вы мне чрезвычайное удовольствие. Как брат, принимая участие в нежнейших Ваших чувствах, я поздравляю Вас с новорожденной[1] и желаю в душе моей, чтобы сладостная жизнь от взаимной любви супружеской, восхитительная от ласки детей, сколько можно менее помрачалась горькими минутами от страха и опасения в болезнях, которые так часто напоминают нам, что мы некогда должны от них умереть. Теперь же воображаю, сколько тягостны должны быть страдания не за одного себя. С несчастием, которое с этой стороны нас ожидает, всякое другое не может итти в сравнение; над всем остальным еще можно торжествовать. Признаюсь, что эта мысль бросает густую черную тень на светлые призраки будущей моей жизни, которая кажется так устраивается к моему благополучию. В особенности Вы, любезный мой братец, слишком много подвержены волнению чувств и воображаемым опасениям при виде малейшей беды. В мечтательном мире Вашем создаете Вы себе пугала, с которыми заботливость Ваша сражается напрасно. Сколько я ни предупрежден в отношении к Вам, но я думаю невозможно верно представить ту мнительность и попечения излишние, с которыми Вы непрестанно обращаетесь к матери, к дочери не в состоянии будучи не только утвердиться, но даже придти к той мысли, что дети родятся в болезнях и трудах и что, нежно еще сложенные, должны начинать страданием свою жизнь. Во все это я так вхожу теперь и потому, что знаю Ваше свойство, живо разделяю Ваши опасения, и потому еще, что сам наперед вооружаюсь мужеством на подобные встречи в моем будущем состоянии. В него вступлю я этого же месяца и, предварительно названный Вами брат, буду носить это имя, освященное браком. Располагайте дружески Вашу Софью Матвеевну к ее новому родственнику и дополните уже от себя к тому, если Ваше собственное убеждение это дозволит, что я успел заслужить в личном, но кратковременном знакомстве. Прошу Вас засвидетельствовать мое почтение Софье Харито[но]вне, благодарить за при-

[1] Дочерью Надеждой Ивановной, по мужу Чаплиной. — *Л. М.*

писку Вашу супругу и быть всегда уверенным в моей искренней дружбе и сердечной привязанности Вас душевно любящего брата

Н. Лобачевского.

1832

Окт[ября] 6.

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 24.

Опубликовано Б. Л. Модзалевским в «Известиях Физико-математического Общества при имп. Казанском университете», вторая серия, т. XII, № 2, Казань, 1902, стр. 89—90 и отд. оттиск, Казань, 1902, стр. 6—7.

351

Из письма Л. Е. Растовской к И. Е. Великопольскому

13 октября 1832

Приехав в Казань на Вариынькину свадьбу, узнаю, что вам бог дал дочь. [...] 16-е число будет свадьба, а 19 мы опять уезжаем.

ПД, № 32165 — CCXLII 6. 33.

352

Стихотворение неизвестного на бракосочетание Н. И. Лобачевского

16 октября 1832

Храни любя супругу ты младую
Душой предобрую, не злую
Как зеницу ока своего
А ты, Варвара, чти его
Как поклялась пред богом
Повиноваться и любить.
Легко нам волю покорить
Тому, кто сердце в нас ума приятством
Себе успел поработить.

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 19; вероятно, из архива Н. И. Лобачевского.

353

Из протокола Конференции Академии Наук с изложением отзыва академика М. В. Остроградского о «Геометрии» Н. И. Лобачевского

7 ноября 1832. Петербург

№ 32

Du lundi 7 novembre 1832.

§ 602

M. l'académicien Ostrogradsky ayant été chargé par l'Académie d'examiner l'ouvrage de M. Lobatchefsky: О началах геометрии (voir Prot. du 5 Septbre § 432) et il en fit un rapport verbal. Après avoir montré que des

deux intérgrales définies dont M. Lobatchevsky prétend avoir trouvé la valeur au moyen de sa nouvelle méthode, l'une est déjà connue et facile à déduire des principes élémentaires du calcul intégral et que l'autré est fausse. M. Ostrogradsky observe encore que l'ouvrage est redigé avec si peu de soin qu'une grande partie en est inintelligible. Il conclut par conséquent que ce travail de M. Lobatchevsky ne mérite point l'attention de l'Académie.

Перевод:

№ 32

Понедельник 7 ноября 1832.

§ 602

Г. академик Остроградский, получив поручение от Академии рассмотреть содержание работы г. Лобачевского: О началах геометрии (см. прот. от 5 сент. § 432), сделал о ней устное сообщение. Указав на то, что из двух определенных интегралов, на вычисление которых при помощи своего нового метода претендует г. Лобачевский, один уже известен и легко выводится при помощи интегрального исчисления, а другой неверен, г. Остроградский замечает, кроме того, что работа выполнена с таким малым старанием, что бо́льшая часть ее непонятна. Поэтому он полагает, что этот труд г. Лобачевского не заслуживает внимания Академии.

Архив АН, Ф. 1, оп. 1, № 83 и черновик — Ф. 1, оп. 1а, № 47.

Впервые в отрывке и в переводе в книге В. Ф. Кагана «Лобачевский», М., 1944, стр. 189; ссылка на этот протокол в статье Э. П. Файдель и К. И. Шафрановского «Печать в России о трудах Н. И. Лобачевского (1834—1856)» в «Вестнике Академии Наук СССР», 1944, № 3, стр. 128.

354

Рапорт акад. В. М. Остроградского в Конференцию Академии Наук с отзывом о «Геометрии» Н. И. Лобачевского

7 ноября 1832. Петербург

à l' Académie Impériale des sciences

L'Académie m'a chargé d'examiner un ouvrage de géometrie par Mr Lobatchevsky Recteur de l'Université de Kasan, et d'en rendre un compte verbal.

Il semble que l'auteur s'est proposé d'écrire afin qu'on ne le comprenne pas. Il a atteint ce but; la plus grande partie de son livre m'est restée aussi inconnue, que si je ne l'avais jamais vu. Je n'y ai compris que ce qui suit.

On peut admettre que la somme des angles dans un triangle est plus petite que deux angles droits. La Géometrie qui résulte de cette hypothèse est plus difficile et plus étendue que celle que nous connaissons, et peut être d'un grand secours dans l'Analyse pure, et surtout dans la théorie des Intégrales définies, car elle a déjà servi pour trouver la valeur de deux

Intégrales définies, que personne n'avait encore obtenues, et qu'il serait encore difficile d'obtenir par d'autres moyens.

Sur ce que je viens de lire, je crois devoir rapporter à l'Académie:

1) Des deux intégrales définies que M-r Lobatchevsky croit avoir trouvé, une est connue. On peut la déduire des principes les plus élémentaires du calcul Intégral. La valeur de l'autre donnée à la page 120 est à la verité nouvelle, elle est due à M-r le Recteur de Kasan. Malheureusement elle est fausse.

2) Tout ce que j'ai compris dans la Géometrie de Mr Lobatchefsky est au dessous du médiocre.

3) Tout ce que je n'y comprends pas, doit être mal rédigé par cela même, qu'il est difficile de le comprendre.

J'en conclus que le livre de M-r le Recteur Lobatchevsky est entaché d'une erreur, qu'il est rédigé sans soin, et qu'en conséquence il ne mérite pas l'attention de l'Académie.

Пометы П. Н. Фуса: «Lu le 7 Novembre 1832»; «602».

Перевод:

Рапорт в императорскую Академию Наук.

Академия поручила мне рассмотреть одну работу по геометрии г-на Лобачевского, ректора Казанского университета, и дать о ней устный отзыв.

Автор, повидимому, задался целью писать таким образом, чтобы его нельзя было понять. Он достиг этой цели; большая часть книги осталась столь же неизвестной для меня, как если бы я никогда не видал ее. В ней я понял только следующее:

Можно допустить, что сумма углов в треугольнике меньше, чем два прямых угла. Геометрия, вытекающая из этой гипотезы, труднее и пространнее той, которая известна нам, и может служить большим подспорьем в чистом анализе и особенно в теории определенных интегралов, так как она уже послужила для нахождения значения двух определенных интегралов, которые никому еще не удавалось получить, и которые было бы, кроме того, трудно получить другим способом.

О том, что я прочел, я считаю долгом сообщить Академии:

1) Из двух определенных интегралов, которые г-н Лобачевский считает своим открытием, один уже известен. Его можно получить на основании самых элементарных принципов интегрального исчисления. Значение другого интеграла, данного на странице 120, является, поистине, новым. Оно — достояние г-на Казанского ректора. К несчастью, оно неверно.

2) Всё, что я понял в геометрии г-на Лобачевского, ниже посредственного.

3) Всё то, что я не понял, было, повидимому, плохо изложено по той же самой причине, что в нем трудно разобраться.

Из этого я вывел заключение, что книга г-на ректора Лобачевского опорочена ошибкой, что она небрежно изложена и что, следовательно, она не заслуживает внимания Академии.

Пометы П. Н. Фуса: «Читано 7 ноября 1832»; «602».

Архив АН, Ф. 1, оп. 2—1832, § 602, отпуск, писанный без подписи неизвестною рукою.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Записка М. В. Остроградского о двух интегралах Н. И. Лобачевского

Les deux intégrales de M-r Lobatchewsky sont:

$$1) \int_{-\infty}^{+\infty} \frac{x\,dx}{e^{x-a}+e^{-x+a}} = \frac{\pi a}{2}$$

$$2) \int_{0}^{\infty} \frac{(e^{x}-e^{-x})\,x\,dx}{e^{2x}+e^{-2x}+2\cos 2a} = \frac{\pi a}{4\sin a}.$$

La première est exacte, mais elle n'est pas nouvelle; on peut l'obtenir en considérant l'intégrale suivante:

$$\int_{0}^{\infty} \frac{dx}{1+x^2} = \frac{\pi}{2}$$

en y remplaçant x par e^x nous aurons

$$\int_{-\infty}^{+\infty} \frac{dx}{e^{x}+e^{-x}} = \frac{\pi}{2}$$

en multipliant cette équation par une quantité réelle a et en ajoutant à son premier membre la quantité

$$\int_{-\infty}^{+\infty} \frac{x\,dx}{e^{x}+e^{-x}} = 0 \qquad \text{on trouve:}$$

$$\int_{-\infty}^{+\infty} \frac{(x+a)\,dx}{e^{x}+e^{-x}} = \frac{\pi a}{2}$$

en changeant x en $x-a$ on trouve l'intégrale (1), savoir:

$$\int_{-\infty}^{+\infty} \frac{x\,dx}{e^{x-a}+e^{-x+a}} = \frac{\pi a}{2}$$

La seconde intégrale de M-r Lobatchevsky est inexacte. En effet la quantité sous le signe $\int$ étant une fonction périodique de a; il faudrait que le second membre de l'equation (2) fût aussi une fonction périodique de la

même quantité ce qui n'a pas lieu; en particulier, en faisant $a=0$ et $a=\pi$, on trouve deux resultats très différents.

$$\int_0^\infty \frac{(e^x-e^{-x})\,xdx}{e^{2x}+e^{-2x}+2}=\frac{\pi}{4}$$

$$\int_0^\infty \frac{(e^x-e^{-x})\,xdx}{e^{2x}+e^{-2x}+2}=\infty$$

La fonction $\int_0^\infty \frac{(e^x-e^{-x})\,xdx}{e^{2x}+e^{-2x}+2\cos 2a}$ est discontinue;

elle a pour valeur $\frac{\pi a}{4\sin a}$ depuis $a=0$ jusqu'à $a=\frac{\pi}{2}$, $\frac{\pi(\pi-a)}{4\sin a}$ depuis $a=\frac{\pi}{2}$ jusqu'à $a=\frac{3\pi}{2}$ ainsi de suite.

Il est évident qu'il suffit de trouver l'intégrale

$$\int_0^\infty \frac{(e^x-e^{-x})\,xdx}{e^{2x}+e^{-2x}+2\cos 2a} \text{ depuis } a=0 \text{ jusqu'à } a=\pi.$$

On la connaitra pour toutes les autres valeurs tant positives que néga tives. On prendra

$$\int_0^\infty \frac{(e^x-e^{-x})\,xdx}{e^{2x}+e^{-2x}+2\cos 2a}=\frac{\pi a}{4\sin a}$$

depuis $a=0$ jusqu'à $a=\frac{\pi}{2}$ et

$$\int_0^\infty \frac{(e^x-e^{-x})\,xdx}{e^{2x}+e^{-2x}+2\cos 2a}=\frac{\pi(\pi-a)}{4\sin a}$$

depuis $a=\frac{\pi}{2}$ jusqu'à $a=\pi$

M. Ostrogradsky

Перевод:

Вот оба интеграла г-на Лобачевского:

$$1)\quad \int_{-\infty}^{+\infty} \frac{xdx}{e^{x-a}+e^{-x+a}}=\frac{\pi a}{2}.$$

$$2)\quad \int_0^\infty \frac{(e^x-e^{-x})\,xdx}{e^{2x}+e^{-2x}+2\cos 2a}=\frac{\pi a}{4\sin a}$$

Первый точен, но он не нов; его можно получить из рассмотрения следующего интеграла:

$$\int_0^\infty \frac{dx}{1+x^2} = \frac{\pi}{2},$$

подставляя e^x вместо x получим:

$$\int_{-\infty}^{+\infty} \frac{dx}{e^x + e^{-x}} = \frac{\pi}{2},$$

умножая это уравнение на вещественную величину a и прибавляя к его первому члену величину

$$\int_{-\infty}^{+\infty} \frac{xdx}{e^x + e^{-x}} = 0, \text{ находим:}$$

$$\int_{-\infty}^{+\infty} \frac{(x+a)\,dx}{e^x + e^{-x}} = \frac{\pi a}{2},$$

изменяя x на $x—a$, находим интеграл (1), а именно:

$$\int_{-\infty}^{+\infty} \frac{xdx}{e^{x-a} + e^{-x+a}} = \frac{\pi a}{2}.$$

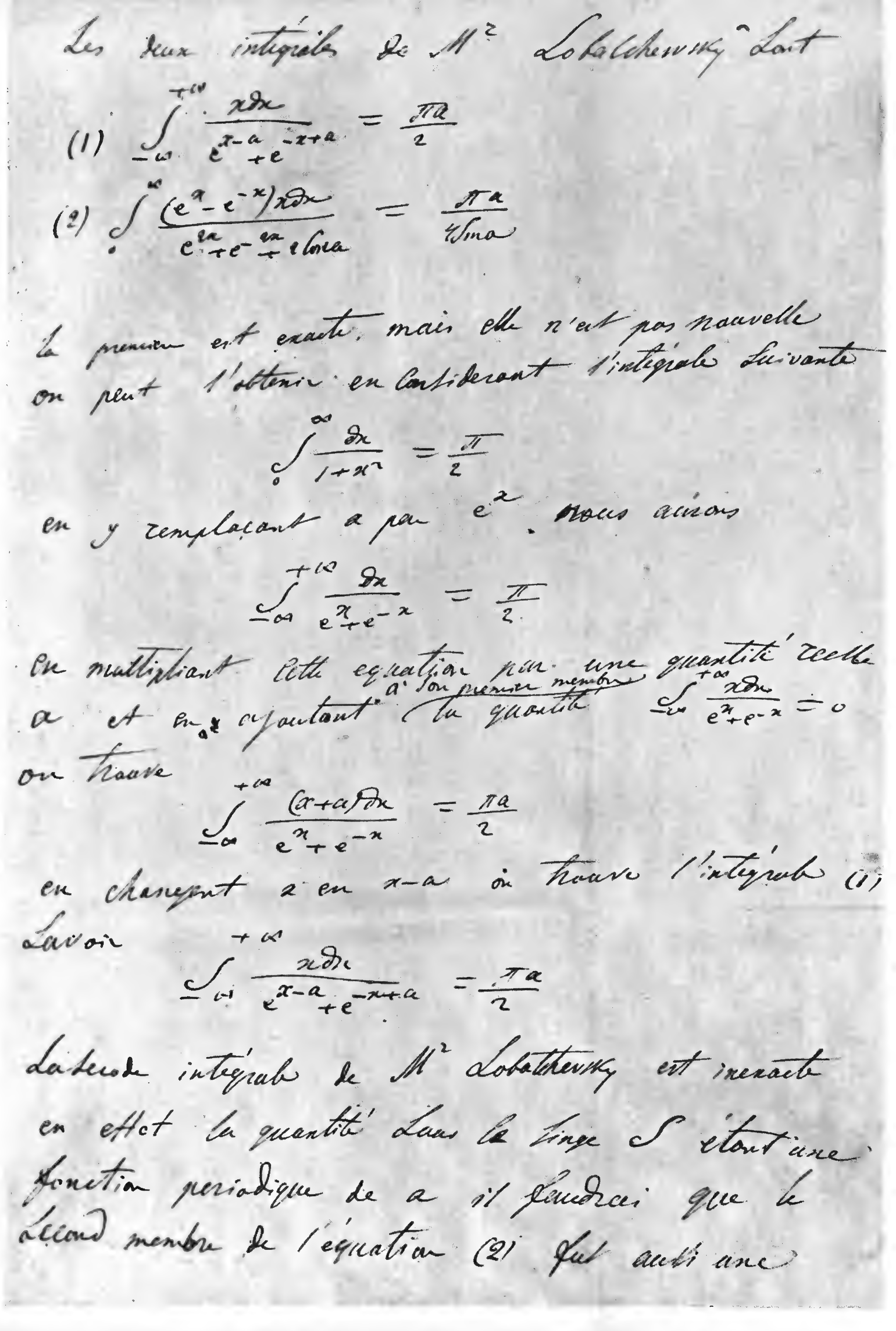
Второй интеграл г-на Лобачевского неточен. В самом деле, так как величина под знаком интеграла есть периодическая функция от a; следовало бы, чтобы и второй член уравнения (2) был также периодической функцией той же самой величины, что не имеет места; в частности, принимая $a=0$ и $a=\pi$, получаем два совершенно различных результата:

$$\int_0^\infty \frac{(e^x - e^{-2x})\,xdx}{e^{2x} + e^{-2x} + 2} = \frac{\pi}{4}$$

$$\int_0^\infty \frac{(e^{2x} - e^{-x})\,xdx}{e^{2x} + e^{-2x} + 2} = \infty$$

функция $\int_0^\infty \frac{(e^x - e^{-x})\,xdx}{e^{2x} + e^{-2x} + 2\cos 2a}$ является разрывной:

она имеет своим значением $\frac{\pi a}{4\sin a}$ от $a=0$ до $a=\frac{\pi}{2}$, и $\frac{\pi(\pi-a)}{4\sin a}$ от $a=\frac{\pi}{2}$ до $a=\frac{3\pi}{2}$ и так далее.



Les deux intégrales de Mr Lobatchevsky sont

$$(1) \quad \int_{-\infty}^{+\infty} \frac{x\,dx}{e^{x-a}+e^{-x+a}} = \frac{\pi a}{2}$$

$$(2) \quad \int_{0}^{\infty} \frac{(e^{x}-e^{-x})\,x\,dx}{e^{2x}+e^{-2x}+2\cos 2a} = \frac{\pi a}{4\sin a}$$

la première est exacte, mais elle n'est pas nouvelle on peut l'obtenir en considérant l'intégrale suivante

$$\int_{0}^{\infty} \frac{dx}{1+x^2} = \frac{\pi}{2}$$

en y remplaçant a par e^x. nous aurons

$$\int_{-\infty}^{+\infty} \frac{dx}{e^{x}+e^{-x}} = \frac{\pi}{2}$$

en multipliant cette equation par une quantité réelle a et en ajoutant à son premier membre la quantité $\int_{-\infty}^{+\infty} \frac{x\,dx}{e^{x}+e^{-x}} = 0$ on trouve

$$\int_{-\infty}^{+\infty} \frac{(x+a)\,dx}{e^{x}+e^{-x}} = \frac{\pi a}{2}$$

en changeant x en x−a on trouve l'intégrale (1) savoir

$$\int_{-\infty}^{+\infty} \frac{x\,dx}{e^{x-a}+e^{-x+a}} = \frac{\pi a}{2}$$

La seconde intégrale de Mr Lobatchevsky est inexacte en effet la quantité sous le signe $\int$ étant une fonction periodique de a il faudrait que le second membre de l'équation (2) fut aussi une

Записка акад. М. В. Остроградского о двух интегралах Н. И. Лобачевского

fonction periodique de la même quantité ce qui n'a pas lieu en particulier en faisant $a=0$ et $a=\pi$ on trouve deux resultat très differents.

$$\int_0^\infty \frac{(e^x-e^{-x})x\,dx}{e^{2x}+e^{-2x}+2} = \frac{\pi}{4}$$

$$\int_0^\infty \frac{(e^x-e^{-x})x\,dx}{e^{2x}+e^{-2x}+2} = \infty.$$

La fonction $\int_0^\infty \frac{(e^x-e^{-x})x\,dx}{e^{2x}+e^{-2x}+2\cos 2a}$ est discontinue

elle a pour valeur $\frac{\pi a}{4\sin a}$ depuis $a=0$ jusqu'à $a=\frac{\pi}{2}$

$\frac{\pi(\pi-a)}{4\sin a}$ depuis $a=\frac{\pi}{2}$ jusqu'à $a=\frac{3\pi}{2}$ ainsi de suite.

~~Mais, comme~~ Il est evident qu'il suffit de trouver l'intégrale $\int_0^\infty \frac{(e^x-e^{-x})x\,dx}{e^{2x}+e^{-2x}+2\cos 2a}$ depuis $a=0$ jusqu'à ~~a~~ $a=\pi$ ~~on peu~~ l'on conjectura pour toutes les autres valeurs tant positives que negatives. On prendra ~~les~~

$$\int_0^\infty \frac{(e^x-e^{-x})x\,dx}{e^{2x}+e^{-2x}+2\cos 2a} = \frac{\pi a}{4\sin a}$$

depuis $a=0$ jusqu'à $a=\frac{\pi}{2}$ et

$$\int_0^\infty \frac{(e^x-e^{-x})x\,dx}{e^{2x}+e^{-2x}+2\cos a} = \frac{\pi(\pi-a)}{4\sin a}.$$

depuis $a=\frac{\pi}{2}$ jusqu'à $a=\pi$.

M. Ostrogradsky

Записка акад. М. В. Остроградского о двух интегралах Н. И. Лобачевского 7 ноября 1832 г. (Конец).

(Архив Академии Наук СССР)

Очевидно, что достаточно найти интеграл

$$\int_0^\infty \frac{(e^x - e^{-x})\,xdx}{e^{2x} + e^{-2x} + 2\cos 2a} \text{ от } a = 0 \text{ до } a = \pi.$$

Он будет известен для всех других величин как положительных, так и отрицательных. Следует принять:

$$\int_0^\infty \frac{(e^x - e^{-x})\,xdx}{e^{2x} + e^{-2x} + 2\cos 2a} = \frac{\pi a}{4\sin a}$$

от $a = 0$ до $a = \frac{\pi}{2}$, и

$$\int_0^\infty \frac{(e^x - e^{-x})\,xdx}{e^{2x} + e^{-2x} + 2\cos 2a} = \frac{\pi(\pi - a)}{4\sin a}$$

от $a = \frac{\pi}{2}$ до $a = \pi$.

М. Остроградский

Архив АН, Ф. 1, оп. 2—1832, § 602.

355

Из письма И. А. Литтрова к И. М. Симонову

2 (14) декабря 1832. Вена

Mille complimens à M-r le Professeur Lobatsevsky; je lui felicite de tout mon coeur pour son mariage. Mais c'est un peu tard: il aura peine à vous joindre dans cet chemin, où vous avez acquis déjà trois enfans.

Перевод:

Тысячу приветствий г-ну профессору Лобачевскому; поздравляю его от всего сердца с его женитьбой. Но это немного поздно: ему будет трудно нагнать Вас на этом пути, на котором Вы приобрели уже троих детей.

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета, № 4507, л. 410.

356

Из письма Д. М. Перевощикова к И. М. Симонову

4 января 1833. Москва

Прошу покорнейше засвидетельствовать мое почтение Николай Ивановичу и поздравить его с переменой состояния.[1] От всей души желаю счастия!

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета, № 4507, л. 498.

[1] Т. е. женитьбой. — *Л. М.*

357

Письмо директора Департамента народного просвещения Д. И. Языкова попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину в связи с предложением об отправлении Н. И. Лобачевского и Э. А. Эверсмана за границу

22 января 1833

Милостивый государь

Михаил Николаевич.

В представлении г. министру народного просвещения от 9 апреля 1831 г. Ваше пр[евосходительст]во изъяснили предположения свои касательно отправления в чужие края двух профессоров Казанского университета для покупки книг на 25.000 руб[лей], которые высочайшим указом 14 июля 1830 г. дозволено употребить из хозяйственных сумм на пополнение Библиотеки Универ[ситета] с поручением тем же профессорам приобретения недостающих инструментов для Физического кабинета, Астрономической обсерватории и Химической лаборатории. На сие его светлость отвечал от 1 мая, что по тогдашним обстоятельствам посылка профессоров за границу была неудобна, при том покупка книг, при значительных издержках на проезд и содержание в пути профессоров не может быть для Университета выгодна, а потому и полагал за лучшее сделать поручение кому-либо из известных за границею лиц купить там нужные книги. Ваше прев[осходительство] донесли потом от 18 мая, что вышеупомянутое приобретение книг на 25.000 р. и инструментов полагаете отложить до 1832 г. и тогда, если политическое состояние Европы позволит, возложить покупку оных на двух профессоров, на основании, изложенном в представлении Вашем от 9 апреля того же года.

Как 1832 г. уже кончился и Ваше прев[осходительство] не входит с новым представлением по сему предмету, вероятно оставаясь при прежнем предположении об отправлении в чужие края профессоров, чего по политическим обстоятельствам исполнить было неудобно, то я обращаюсь к Вам, м[илостивый] г[осударь], с покорнейшею просьбою почтить меня уведомлением и распоряжением, какие предполагаете ныне сделать к приведению в исполнение сказанного дела.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть
Вашего превосходительства покорнейший
слуга подп. Д. Языков.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 403, д. 16184, 1829 г., л. 64—65. Отпуск.

358

Представление попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина министру народного просвещения кн. К. А. Ливену об утверждении Н. И. Лобачевского в звании ректора Казанского университета до преобразования его по новому уставу и штату

11 марта 1833. Петербург

Господину министру народного просвещения.

Нынешний г. ректор Казанского университета, ординарный профессор Лобачевский находится в сей должности почти шесть лет. На текущее трехлетие, которое ныне оканчивается, он высочайше утвержден 29 июня 1830 года, что видно из доклада в копии, препровожденном ко мне при предписании Вашей светлости от 9 июля 1830 г. за № 4989.

Профессор Лобачевский со времени вступления в звание ректора исполняет должность, на него возложенную, с отличною деятельностию и примерною способностию. Опытность, которую он [в шесть лет уже] приобрел, познания его по части строительной, столь необходимые в ректоре, для предстоящих при Университете постройках, главный надзор за производством которых я предполагаю возложить на него, деятельность и беспристрастие им [во всех случаях] оказываемые, — все сие заставляет меня желать для пользы службы и Казанского университета сохранить г. Лобачевского в звании ректора.

Основываясь на вышеизъясненных причинах, я честь имею просить Вашу светлость всепокорнейше исходатайствовать по примеру С. Петербургского университета высочайшее соизволение на утверждение г. ординарного профессора Лобачевского, в должности ректора Казанского университета, им ныне занимаемой, впредь до преобразования Казанского университета по новому уставу и штату.

Послужный г. Лобачевского список у сего представить честь имею.

Попечитель Казанского учебного округа

Михаил Мусин-Пушкин.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 406, д. № 28855, 1830 г., л. 21; отпуск, писанный рукою М. Н. Мусина-Пушкина, с датой: «№ 368, 11 марта 1833. С.-Петербург. О утверждении нынешнего ректора К[азанского] у[ниверситета] Лобачевского, до преобразования унив[ерситета] по новому уставу» — ЦГАТ, Ф. 92, 1833 г., № 64, л. 1 (разночтения отпуска заключены в прямые скобки); в том же деле (на лл. 6—11) «Послужной список императорского Казанского университета ректора, ординарного профессора чистой математики, коллежского советника и ордена св. равноапостольного князя Владимира 4-й степени кавалера Николая Иванова сына Лобачевского за 1833 год», за подписями орд. проф. Г. С. Суровцова и секретаря Совета орд. проф. И. К. Ерохова.

359

Представление Совета Казанского университета попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину об избрании Н. И. Лобачевского ректором университета на будущее трехлетие

20 апреля 1833

Господину попечителю Казанского Учебного округа

В Совет Казанского университета сего апреля 10 дня, по случаю предположенного избрания 15 апреля из членов Совета инспектора студентов, рассуждаемо было, что согласно с Уставом следует приступить к избранию на будущее трехлетие ректора Университета, так же на будущий учебный год деканов в отделениях и членов Училищного комитета.

Для избрания сих Совет назначил заседание 15 апреля, в коем и произведено баллотирование в ректоры Университета, причем оказалось, что большинством голосов 9 против 7 избран ректором Казанского университета ординарный профессор Лобачевский.

Совет об утверждении г. Лобачевского ректором Казанского университета на будущее трехлетие честь имеет представить Вашему превосходительству с приложением копии с избирательного листа и послужного списка г. Лобачевского.

Ректор Университета *Николай Лобачевский.*
Секретарь Совета Ерохов.

На бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент народного просвещения. Об утверждении г. Лобачевского ректором на следующее трехлетие. В Казани. Апреля 20. 1833 года, № 487 от Совета императорского Казанского университета».
Помета рукою М. Н. Мусина-Пушкина: «Полу[чено] 4 маия 1833»; «№ 580».
ЦГАТ, Ф. 92, 1833 г., № 64, л. 5.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Избирательный лист о выборе Н. И. Лобачевского ректором Казанского университета

20 апреля 1833

Избирательный лист в ректора
Казанского университета [15 апреля 1833].

Гг. ординарные профессоры	избирают	не избирают
Н. И. Лобачевский	9	7
К. Ф. Фукс	по нежеланию и по уважению прежней службы и лет и слабости здоровья уволен от избрания.	
Г. Б. Никольский	7	9
Ф. И. Эрдман	7	9
Л. Л. Фогель	3	13
И. М. Симонов	8	8
В. Я. Булыгин	3	13

И. И. Дунаев	3	13
С. А. Мистаки	3	13
П. С. Сергеев	4	12
И. К. Ерохов	5	11
Э. А. Эверсман	5	11
А. Е. Лентовский	4	12
Г. С. Суровцов	3	13
В. Ф. Берви	4	12

Подлинный подписали ректор Н. Лобачевский, К. Фукс, Г. Никольский, Ф. Эрдман, Л. Фогель, И. Симонов, В. Булыгин, И. Дунаев, С. Мистаки, П. Сергеев, Э. Эверсман, А. Лентовский, Г. Суровцов, В. Берви, Я. Караблинов, Михаил Грацинский. Скрепил секретарь Совета орд. профессор Ерохов.

С подлинным верно Секретарь Совета *Ерохов*.

ЦГАТ, Ф. 92, 1833, № 64, л. 12. Копия.

360

Выписка из журналов Комитета министров 11 и 25 апреля 1833 г. об оставлении Н. И. Лобачевского ректором Казанского университета впредь до преобразования Университета

После 25 апреля 1833. Петербург

Слушана записка Управляющего министерством народного просвещения от 24-го марта за № 2619 (по Деп[артаменту] нар[одного] просв[ещения]) об оставлении ректора Казанского университета Лобачевского в настоящей должности, впредь до преобразования сего Университета.

Комитет полагал: испросить на сие высочайшее соизволение.

Государь император на сие высочайше соизволил.

Комитет в заседании 25 апреля определил: сообщить о том Управляющему министерством народного просвещения к исполнению выпискою из журнала.

Управляющий делами Комитета барон М. Корф.

На бланке Комитета министров от 25 апреля 1833 г., за № 817.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 406, д № 28855, 1830 г., л. 26. Копия.

Об этом разрешении см. С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. II, ч. 2. СПб., 1902, стр. 246.

361

Отношение Управляющего министерством народного просвещения С. С. Уварова попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину об оставлении Н. И. Лобачевского ректором Казанского университета до его преобразования по новому уставу и штату

27 апреля 1833

Господину Попечителю Казанского Учебного Округа

Вследствие представления Вашего превосходительства от 11 минувшего марта, я входил с представлением в Комитет гг. министров об исходатайствовании высочайшего его императорского величества повеления: ординарного профессора Казанского университета коллежского советника Лобачевского оставить в занимаемой им ныне должности ректора сего Университета, впредь до преобразования оного по новому уставу и штату.

По положению Комитета, государь император в 25 день сего апреля на сказанное представление мое высочайше соизволил.

О таковой высочайшей воле имею честь уведомить Ваше превосходительство, к надлежащему исполнению.

Управляющий Министерством народного просвещения

Товарищ министра *Сергий Уваров.*

Управляющий департаментом *князь Ширинский-Шихматов.*

На бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент народного просвещения. Отделение II, стол 1. В Санктпетербурге 27 апреля 1833, № 3537. Ответ на № 368 по высочайшему повелению».

Пометы рукою М. Н. Мусина-Пушкина: «Полу[чено] 28 апр[еля] 1833»; «№ 189».

ЦГАТ, Ф. 92, 1833 г., № 4, л. 2.

362

Предложение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета об оставлении Н. И. Лобачевского ректором Университета до его преобразования по новому уставу и штату

29 апреля 1833

Совету Казанского унив[ерситета]

Отличное усердие и примерная деятельность, с которыми г. ор. пр. Лобачевский исполняет в течении шести лет многотрудную обязанность ректора Унив[ерситета], возложили на меня приятную обязанность свидетельствовать о сем пред г. управляющим министерством нар[одного] пр[освещения] и просить его превосходительство об утверждении г. Лобачевского в должности ректора Унив[ерситета] впредь до преобразования Казанского унив[ерситета] по новому уставу и штату.

Г. управ[ляющий] мин[истерством] нар[одного] пр[освещения] от 27 сего апр[еля], за № 3537 дал мне знать, что вследствие представления моего, его превосходительство входил в Комитет гг. министров с представле-

нием об исходатайствовании высочайшего его им[ператорского] ве[личества] повеления: ординарного профессора Казанского унив[ерситета] коллежского советника Лобачевского оставить в занимаемой им ныне должности ректора сего Унив[ерситета] впредь до преобразования оного по новому уставу и штату.

По положению Комитета государь император в 25 день сего апреля на сказанное представление г. управ[ляющего] мин[истерством] нар[одного] пр[освещения] высочайше соизволил.

О таковой высочайшей воле уведомляю Совет Каз[анского] унив[ерситета] для подлежащего исполнения и объявления г. ректору Лобачевскому.

Отпуск, писанный рукою М. Н. Мусина-Пушкина, с датой: «659. 29 апреля 1833. С. Петербург. Об оставлении ор. пр. Лобачевского ректором К[азанского] у[ниверситета]».

ЦГАТ, Ф. 92, 1833 г., № 64, л. 3—3 об.

363

Извещение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина управляющего министерством народного просвещения С. С. Уварова о получении его представления об оставлении Н. И. Лобачевского ректором Казанского университета до преобразования его по новому уставу и штату

29 апреля 1833

Г. управляющему министерством нар[одного] пр[освещения]

Представление Вашего превосходительства от 27 сего апреля о высочайше утвержденном положении Комитета гг. министров относительно оставления ор. пр. Лобачевского ректором Каз[анского] унив[ерситета] впредь до преобразования сего Унив[ерситета] по новому уставу и штату, я имел честь получить и предложил для надлежащего исполнения Совету Каз[анского] унив[ерситета].

Обязанностию считаю довести о сем до сведения Вашего превосходительства.

Отпуск, писанный рукою М. Н. Мусина-Пушкина, с датой: «№ 660, 29 апреля 1833. С. Петербург. Отв[ет] на № 3537».

ЦГАТ, Ф. 92, 1833 г., № 64, л. 4.

364

Отношение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина ректору Казанского университета Н. И. Лобачевскому об оставлении его в звании ректора до преобразования Университета по новому уставу и штату

29 апреля 1833

Г. ректору Казанского университета ординарному профессору Лобачевскому

Отлично-усердная и полезная служба Ваша по званию ректора Каз[анского] унив[ерситета] побудили меня просить г. управляющего министерством нар[одного] пр[освещения] об оставлении Вас, м[илостивый] г[осударь] мой, в сем звании впредь до преобразования Казанского унив[ерситета] по новому уставу и штату.

По представлению о сем г. управ[ляющего] министерством в Комитет гг. министров и по положению Комитета государь император в 25 день сего апреля изъявил высочайшее на сие соизволение.

Предложив Совету унив[ерситета] к исполнению сие выс[очайшее] повеление, мне весьма приятно уведомить о сем и Вас, м[илостивый] г[осударь] мой.

Вместе с [...].

Отпуск, писанный рукою М. Н. Мусина-Пушкина, с датой: «№ 661, 29 апреля 1833. С. Петербург».

ЦГАТ, Ф. 92, 1833 г., № 64, л. 4 об.

365

Предписание попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета в связи с избранием Н. И. Лобачевского ректором Университета

6 мая 1833

Совету Каз[анского] унив[ерситета]

Из предложения моего от 29 прошед[шего] апреля за № 659 Совету известно, что ор. пр. Лобачевский, вследствие представления моего, уже высочайше утвержден в звании ректора до будущего преобразования К[азанского] унив[ерситета] по новому уставу и штату.

Тем не менее мне весьма приятно видеть из донесения Совета от 20 минувшего апреля, что г. Лобачевский удостоен сотоварищами своими вновь избрания в должность ректора, о чем я для сведения имел честь донести г. управ[ляющему] мин[истерством] нар[одного] пр[освещения].

Отпуск, писанный рукою М. Н. Мусина-Пушкина, с датой: «№ 752 6 маия 1833. С. Петербург. Ответ на № 487».

ЦГАТ, Ф. 92, 1833 г., № 64, л. 13 об.

366

Представление попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина управляющему министерством народного просвещения С. С. Уварову об избрании Советом Казанского университета Н. И. Лобачевского ректором Университета

6 мая 1833. Петербург

Господину Управляющему министерством народного просвещения

Совет Казанского университета от 20 минувшего апреля за № 487 донес, что нынешний г. ректор Университета ординарный профессор Ло-

бачевский, вновь избран в сию должность большинством голосов на будущее трехлетие.

Поелику г. Лобачевский уже утвержден, по представлению моему ректором Университета до будущего оного преобразования по новому уставу и штату, то я вменяю себе в обязанность донести Вашему превосходительству о новом избрании его, единственно, дабы Вы, милостивый государь, усмотреть из сего изволили, что тот самый чиновник, который считается начальством способным быть ректором, удостоен и сотоварищами своими.

Попечитель Казанского учебного округа
Михаил Мусин-Пушкин.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 406, д. № 28855, 1830 г., л. 37. Отпуск, писанный рукою М. Н. Мусина-Пушкина, с датой: «№ 751, 6 мая 1833, С. Петербург. О выборе Лобачевского». — ЦГАТ, Ф. 92, 1833 г., № 64, л. 13.

367

Указ Правительствующего Сената на имя Управляющего министерством народного просвещения С. С. Уварова об оставлении Н. И. Лобачевского ректором Университета до его преобразования
12 мая 1833. Петербург

Указ его императорского величества самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената господину тайному советнику сенатору товарищу министра народного просвещения, Управляющему сим министерством и кавалеру Сергею Семеновичу Уварову.

По указу его императорского величества Правительствующий Сенат слушали предложение господина министра юстиции, тайного советника и кавалера Дмитрия Васильевича Дашкова, что Вы г. Управляющий министерством народного просвещения сообщили ему г. министру юстиции, что по представлению г. попечителя Казанского учебного округа, входили Вы с запискою в Комитет гг. министров об исходатайствовании высочайшего его императорского величества повеления, ординарного профессора Казанского университета коллежского советника Лобачевского оставить в занимаемой им ныне должности ректора сего Университета, впредь до преобразования оного по новому уставу и штату, и что, по положению о сем Комитета гг. министров государь император в 25-й день минувшего апреля на сказанное представление Ваше высочайше соизволил. О таковой высочайшей воле он, г. министр юстиции, предлагает Правительствующему сенату. Приказали: исполнение сего высочайшего его императорского величества повеления, предоставить учинить Вам г. Управляющему министерством народного просвещения, о чем послан указ мая 12 дня 1833 года.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 406, д. № 28855, 1830 г., лл. 38—39. **Копия.**

368

Высочайше утвержденное Положение Комитета министров 23 мая 1833, объявленное Правительствующим Сенатом 28 июня 1833 об утверждении Строительного комитета при Казанском университете и о назначении Н. И. Лобачевского председателем этого комитета

28 июня 1833. Петербург

Правительствующий Сенат слушали предложение г. исправляющего должность товарища министра юстиции, управляющего сим министерством статс-секретаря графа Панина, что г. управляющий министерством народного просвещения сообщил ему, что по испрошенному предварительно высочайшему соизволению на внесение в Комитет гг. министров проекта образования нового при Казанском университете Строительного комитета, расходы по коему, всего 4500 руб. в год, а на четыре года 18.000 руб., вошли в исчисление исходатайствованной им г. управляющим министерством народного просвещения общей на устроение зданий того Университета суммы 391.575 руб. $94^{1}/_{4}$ коп., входил он с представлением в Комитет гг. министров, в коем изъяснил, что попечитель Казанского учебного округа предполагает учредить Строительный комитет на следующем основании: 1) Председателем оного быть ректору Университета ординарному профессору Лобачевскому, а членами: ординарному профессору Никольскому, 6 класса Мамаеву и архитектору Университета Коринфскому, на которого возложить всё производство работ. 2) Совершенно изъять сей Комитет из ведомства Правления и Совета Университета, подчинив оный во всех отношениях непосредственно попечителю. Причем он г. управляющий министерством народного просвещения с своей стороны присовокуплял, что учреждение Строительного при Казанском университете комитета почитает он необходимым, предполагаемые на оный расходы умеренными, а подчинение его непосредственно попечителю, способствующим к ускорению хода действий оного и к соблюдению в них надлежащего единства. По положению о сем Комитета гг. министров, государь император в 23 день минувшего мая высочайше утвердить соизволил изъясненные в представлении его г. тайного советника Уварова, предположения, одобряя и представленный проект образования при Казанском университете Строительного комитета. О таковом высочайшем повелении, он г. исправляющий должность товарища министра юстиции предлагал Правительствующему Сенату, препроводя при том и доставленную к нему г. управляющим министерством народного просвещения копию с образования упомянутого Строительного комитета. *Приказали*: исполнение по сему высочайшему его императорского величества повелению предоставить г. управляющему министерством народного просвещения; о чем послать указ, каковыми дать знать прочим гг. министрам, военным генерал-губернаторам, военным губернаторам, управляющим гражданскою частию, генерал-губернаторам, градоначальникам, губернским и областным правлениям, войсковым канцеляриям и присутственным местам, и в Свя-

тейший правительствующий Синод, во все Правительствующего Сената департаменты и общие оных собрания сообщить ведения, приложа притом потребное количество и экземпляров помянутого образования.

«Полное собрание законов Российской империи». Собрание второе, т. VIII. Отделение первое, 1833, СПб., 1834, стр. 292, № 6220. — «Мая 23. Высочайше утвержденное положение Комитета министров, объявленное сенатом 28 июня». — *«Об учреждении Строительного Комитета при Казанском университете»*. С приложением «Образования Строительного при Казанском университете Комитета» (стр. 292—296). Первоначально опубликовано в «Казанском Вестнике», 1833, июль, стр. 65—68, с приложением «Образования Строительного при Казанском университете Комитета», на стр. 68—84, а также и в других официальных изданиях. См. также статью «О постройках при Казанском университете» — «Копия с предложения г. попечителя Казанского учебного округа от 5-го мая 1833 года за № 744 в Правление университета последовавшего» (Казанский Вестник, 1833, июнь, стр. 37—40).

369

Сообщение в печати об утверждении Н. И. Лобачевского ректором Казанского университета до его преобразования
Июнь 1833

Об утверждении г. ректора Казанского университета, деканов и членов Училищного комитета.

Г. попечитель Казанского учебного округа двумя предложениями дал знать Совету Университета 1-м от 29-го апреля сего 1833 года за № 659, что отлично усердная и примерная деятельность, с которыми г-н ординарный профессор Лобачевский исполняет в течении шести лет многотрудную обязанность *ректора* Университета, возложили на *его превосходительство* приятную обязанность свидетельствовать о сем пред г. управляющим министерством народного просвещения и просить его превосходительство об утверждении г-на Лобачевского в должности *ректора Университета* впредь до преобразования Казанского университета по новому уставу и штату. Г. Управляющий министерством народного просвещения от 27-го апреля за № 3537, дал г-ну попечителю знать, что, вследствие представления его г. попечителю, его превосходительство входил с представлением в Комитет гг. министров об исходатайствовании высочайшего его императорского величества повеления ординарного профессора Казанского университета коллежского советника Лобаческого оставить в занимаемой им ныне должности ректора сего Университета впредь до преобразования оного по новому уставу и штату. По положению Комитета, государь император, в 25-й день апреля, на сказанное представление г. управляющего министерством народного просвещения высочайше соизволил.

«Начальственные распоряжения — X», Казанский Вестник, 1833, июнь, стр. 42—43.

370

Грамота, выданная Н. И. Лобачевскому на орден Станислава 3 степени
13 декабря 1833. Петербург

Божиею милостию мы Николай первый, император и самодержец всероссийский, царь Польский и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему статскому советнику, ректору Казанского университета, Лобачевскому.

В воздаяние отлично-усердной службы вашей, управляющим министерством народного просвещения засвидетельствованной, всемилостивейше пожаловали мы вас указом в 6 день декабря 1833 года Капитулу данным, кавалером императорского и царского ордена нашего святого Станислава третьей степени. Грамоту сию во свидетельство подписать, орденскою печатью укрепить и знаки орденские препроводить к вам повелели мы Капитулу Российских императорских и царских орденов.

Дана в Санктпетербурге в 13 день декабря 1833 года. Подлинную грамоту подписали: Российских императорских и царских орденов: канцлер князь Александр Голицын. Обер церемониймейстер граф Воронцов-Дашков. Казначей Крыжановский. У подлинной грамоты приложена орденская печать. *Верно*: *секретарь дворянства* [*подпись неразборчива*].

№ 822

ЦГИАЛ, Фонд Департамента герольдии, д. № 1665 (1837 г.), л. 7. Копия.

371

Сообщение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета о награждении Н. И. Лобачевского орденом Станислава 3 степени
28 декабря 1833

Совету императорского Казанского университета

Отлично-усердная, деятельная и полезная служба г. ректора Казанского университета статского советника Лобачевского поставила меня в обязанность ходатайствовать перед г. управляющим министерством народного просвещения о всемилостивейшем награждении оной, хотя г. Лобачевский и не получил еще знака отличия беспорочной службы, к которому он мною уже представлен.

По каковому ходатайству г. управляющий министерством имел счастие представить его императорскому величеству об отлично усердной службе ректора Казанского университета статского советника Лобачевского, вследствие чего государь император в 6 день сего декабря всемилостившейше соизволил пожаловать его кавалером ордена св. Станислава 3 степени.

Получив знаки сего ордена и грамоту на оный при предписании г. управляющего министерством от 15 сего декабря за № 1434, я вместе с сим препроводил оные к г-ну ректору статскому советнику Лобачевскому,

предписав ему следующие за орден деньги сто рублей препроводить в канцелярию господина управляющего министерством.

Уведомляю о сем Совет Казанского университета для сведения и надлежащего распоряжения о внесении в формулярный список г-а Лобачевского всемилостив йшей награды.

Попечитель Казанского учебного округа *М. Мусин-Пушкин.*

Старший письмоводитель *Цепелев.*

На бланке попечителя Казанского университета от 28 декабря 1833, за № 2353. *Пометы*: «Получено 29 декабря 1833 года»; «№ 370; слуш[ано] 10 февраля 1834»; «ст. 7»; рукою Лобачевского: «*Определено*: О награждении г. ректора Лобачевского показывать в послужных списках».

ЦГАТ, Ф. 977, № 6805, л. 1

372

Письмо попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина управляющему Департаментом народного просвещения князю П. А. Ширинскому-Шихматову о приостановлении вопроса о командировании Н. И. Лобачевского и Э. А. Эверсмана за границу

31 декабря 1833

Милостивый государь

князь Платон Александрович!

Бывший господин директор Департамента народного просвещения от 22 января сего 1833 года за № 646 просил моего уведомления о распоряжениях, какие я предполагаю сделать относительно покупки книг для Казанского университета на высочайше разрешенные указом 14 июля 1830 г. 25 т. р.

На сие я честь имею уведомить Ваше сиятельство, что покупкою означенных книг я полагаю приостановиться до замещения вакантных в Университете кафедр, дабы тогда каждый профессор по своей части мог приобрести полезнейшие книги.

С совершенным почтением и таковою же преданностию имею честь быть

Вашего сиятельства

покорнейшим слугою

М. Мусин-Пушкин.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 403, д. № 16184, 1829 г., л. 67.

373

Из статьи «Казань», содержащей обозрение действий Казанского университета со времени его основания

Декабрь 1833

По высочайше конфирмованному в 11 день сентября 1820 года докладу г. министра духовных дел и народного просвещения избраны: ректором

Университета о. п. Никольский на три года, деканами Отделений: Словесного — о. п. Городчанинов, Физико-математического — о. п. Бартельс, а по увольнении его — э. п. Лобачевский, Врачебного о. п. Фукс, Нравственно-политического о. п. Пальмин, членами училищного Комитета орд. профессоры: Городчанинов, Перевощиков, экстраординарные: Пальмин, Тимьянский; адъюнкты: Булыгин и А. Лобачевский.

Заволжский Муравей, 1833, № 22, ноябрь, стр. 1252—1253; цензурное разрешение Цензурного комитета «1833 года ноября 17-го дня. Москва» (стр. 1264).

374

Из статьи «Казань», содержащей обозрение действий Казанского университета со времени его основания

Декабрь 1833

В течение сего [1816] года [. . .] в Отделениях наук рассмотрены были сочинения [. . .] 5) Адъюнкта Лобачевского Abhandlung über die Entwickelung der Wurzel einer Gleichung in einer Reihe $x^n - 1 = 0$ [. . .] 7) Магистра Лобачевского, а) О невидимом внутреннем движении жидкостей b) о том, что ежели при возвышении температуры тела претерпевают перемену, сопровождаемую явлением огня, то сей самый огонь причиною, почему при восстановлении прежде бывшей температуры тела не приходят в прежнее свое состояние.

Заволжский Муравей, 1833 № 24, декабрь, стр. 1375 и 1376; цензурное разрешение цензора Ивана Снегирева «1833 года ноября 17-го дня. Москва» (стр. 1386).

375

Официальное письмо Н. И. Лобачевского как ректора Казанского университета попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину с новогодним поздравлением

1 января 1834

Милостивой государь
Михаил Николаевич

Совет Университета возлагает на меня приятную обязанность поздравить Вас с наступлением Нового года и повторить пред Вами изъявление своей благодарности, которая с прошедшим годом увеличивается новыми доказательствами Вашего попечения о благе вверенного Вам Учебного округа, и непрерывным вниманием к заслугам тех, которые, почитая за счастие быть под Вашим начальством, имели случай употребить свои способности с пользою и показать свое усердие на службе.

Члены Университетского Совета просят Вас, покорнейше, принять на себя труд и принести от них поздравление с Новым годом господину Управляющему министерством народного просвещения Сергею Семеновичу Уварову, свидетельствуя пред его превосходительством, что они под его

управлением, которого минувший год был столь блистательным началом, с признательностию ко всякому поощрению и с уверенностию в пользе всех предприятий, желают его превосходительству успевать во всех своих намерениях и почитают себя счастливыми, служа под его начальством с ревностию, споспешествовать, сколько каждому принадлежит, достижению высокой цели, к которой он ведет просвещение в нашем отечестве.

С отличным уважением и совершенною преданностию честь имею назваться

Вашего Превосходительства

Покорнейший слуга

Ректор Казанского университета

Николай Лобачевский

1834
Генваря 1.
№ 1.

Резолюция М. Н. Мусина-Пушкина: «Благодарить и г. управ[ляющему] м[инистерством] донести, о чем уведомить г. ректора».

ЦГАТ, Ф. 92, № 1, лл. 1—2.

378

Официальное письмо М. Н. Мусина-Пушкина Н. И. Лобачевскому в связи с новогодним поздравлением

5 января 1834

Господину ректору Каз[анского] унив[ерсите]та

Милостивый государь мой

Николай Иванович!

Письмо Ваше от 1 сего генваря я имел удовольствие получить. Принимая с искреннейшею признательностию Ваше и гг. членов Совета К[азанского] у[ниверситета] поздравление с Новым годом, я прошу Вас, м[илостивый] г[осударь] мой, покорнейше изъяснить пред гг. членами Совета чувства моей к ним благодарности.

С особенною готовностию исполняю я желание Совета Университета касательно поздравления его пр[евосходительст]ва г. упр[авляющего] министерством н[ародного] пр[освещения].

Примите уверение в том истинном почтении, с которым навсегда имею честь быть,

Вашим,

Милост[ивый] государь мой,

[М. Мусин-Пушкин]

Отпуск, с датой: «№ 13. 5 генв[аря] 1834. Казань. Ответ на № 1».

ЦГАТ, Ф. 92, 1834 г., № 1, л. 3 об.

377

Официальное письмо попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина управляющему министерством народного просвещения С. С. Уварову с новогодним поздравлением от имени Н. И. Лобачевского как ректора и членов Совета Казанского университета

5 января 1834

Г. Управляющему министерством народного просвещения.

Милостивый государь

Сергей Семенович!

Г. ректор и члены Совета К[азанского] у[ниверситета] просят меня принести В[ашему] пр[евосходительст]ву их искреннейшее поздравление с наступившим Новым годом и изъяснить, что они почитают себя счастливыми, служа под благодетельным Вашего, м[илостивый] г[осударь], управлением, которого минувший год был столь блистательным началом.

Исполняя желание гг. членов Совета и присоединяя к их чувствам к особе Вашего пр[евосходительст]ва мои собственные, с глубочайшим почтением и истинною преданностию имею честь назваться,

Вашего пр[евосходительст]ва,
Милостивого государя,
[М. Мусин-Пушкин]

Отпуск с датой: «№ 12. 5 генваря 1834. Казань».

ЦГАТ, Ф. 92, 1834 г., № 1, л. 3.

378

Предложение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина ректору Казанского университета Н. И. Лобачевскому с препровождением копии письма С. С. Уварова в связи с новогодним поздравлением

30 января 1834

Г. ректору К[азанского] у[ниверситета].

Полученное мною ныне от его прев[осходительст]ва г. управляющего минист[ерством] н[ародного] п[росвещения] письмо от 20 тек[ущего] января за № 119 в ответ на принесенное чрез Вас от г. членов Совета К[азанского] у[ниверситета] поздравление его пр[евосходительст]ва с Новым годом, препровождая у сего к Вам, м[илостивый] г[осударь] мой, в дополнение к письму моему от 5 сего же января за № 13, я поручаю Вам предложить о содержании оного Совету К[азанского] у[ниверситета].

Отпуск, с датой: «№ 244. 30 января 1834. Казань».

ЦГАТ, Ф. 92, 1834 г., № 1, л. 4 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Официальное письмо управляющего министерством народного просвещения С. С. Уварова попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину в связи с новогодним поздравлением
20 января 1834

Милостивый государь
Михаил Николаевич!

Получив письмо Вашего превосходительства от 5 генваря за № 12, я покорнейше прошу Вас, милостивый государь, изъявить искреннейшую мою благодарность как г. ректору, так и членам Совета Казанского университета за принесенное мне поздравление с новым годом, и присем случае удостоверить их, что живейшее мое желание состоит в том, чтоб Университет казанский возвысился на ту степень, на которую призывают его и попечения министерства и неусыпная деятельность Вашего превосходительства, и, как я надеюсь, общее стремление к сему всех членов Казанского университета.

С совершенным почтением имею честь быть
Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
На подлинном написано: Сергий Уваров.
С подлинным верно: старший письмоводитель
Цепелев
Подлинное у г. попечителя.

№ 119
С. П.бург.
20 генваря 1834.
Его прев-у М. Н.
Мусину-Пушкину.

Помета на копии: «№ 53»; «получено 30 генва[ря] 1834».
ЦГАТ, Ф. 92, 1834 г., № 1, л. 4. Копия.

379

Предписание попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Издательному комитету при Казанском университете об утверждении Н. И. Лобачевского редактором начальственных распоряжений
17 марта 1834

Издательному комитету при Каз[анском] унив[ерситете] учрежденному.

По представлению Издат[ельного] комитета от 16 сего марта и на основании § III правил утвержденных для издания Ученых Записок, я согласен, чтобы издание прибавлений к Казан[скому] Вестнику поручено было по прежнему адъюнкту Рыбушкину, а редакторами утверждаю г. ректора [Н. И. Лобачевского] для издания начальственных распоряжений,

гг. же ордин. профессоров Симонова и Суровцова для издания Ученых Записок.

Попечитель Казанского учебного округа Михаил Мусин-Пушкин.

Отпуск с датой: № 784, 17 марта 1834. Казань. Ответ на № 1».

Н. П. Лихачев. Казанский Вестник (История издания и указатель содержания). Книговедение, 23 декабря 1894, № 11—12, отд. паг., стр. 111, приложение № 59(2); ср. там же, 15 марта 1894, № 3, отд. паг., стр. 41.

380

Донесение Н. И. Лобачевского как председателя Издательного комитета при Казанском университете попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину по вопросу об издании «Ученых записок» Университета

30 марта 1834

Господину попечителю Казанского учебного округа

Комитет в присутствии Вашего превосходительства, в заседании 16 марта, рассуждая о формате и издании Ученых записок, определил 1) назначить формат Запискам большое октаво, 2) для печатания употреблять шрифт цицеро, 3) в каждой книжке число печатных листов от 9—10, 4) помещаемые в сем журнале статьи на русском или иностранных языках сочиненные разделять по содержанию, а именно, на относящиеся к наукам, словесности, критике, с присовокуплением, в случае надобности, смеси или разных ученых известий, 5) начальственные распоряжения издавать каждый месяц по книжке, в прежнем виде, печатая шрифтом цицеро в малом октаве, 6) цену годичному изданию Ученых записок назначить для учебных заведений в Казанском округе 20 р.; а для прочих 25 р., начальственным распоряжениям 15 р. асс. без пересылки, 7) отнестись в Училищный Комитет, чтобы все гимназии и уездные училища выписывали для своих библиотек по крайней мере по одному экземпляру Ученых записок и начальственных распоряжений, доставляя деньги немедленно по рассылке объявления от Издательного комитета, а потому Комитет и доставил бы на нынешний год ведомость, какие гимназии и училища находятся в округе, 8) в нынешнем году издать только две книжки Записок к июлю и декабрю месяцам, назначив цену 15 руб. без пересылки, 9) в начале первой книжки записок поместить вступление, в котором изложить цель издания журнала и причины, побудившие начальство к преобразованию Казанского Вестника. Составление же сего вступления поручено г. председателю Комитета [Н. И. Лобачевскому]. Прочие статьи по рассмотрению поместить, какие будут доставлены от гг. преподавателей к 1-го мая. О чем Комитет честь имеет довести сим до сведения Вашего превосходительства.

Председатель Комитета *Николай Лобачевский.*

На бланке: «Издательного Комитета при Казанском университете Донесение, № 5,30 марта 1834 года, в Казани (помечено 30 марта 1834)».

Н. П. Лихачев. Казанский Вестник (История издания и указатель содержания), Книговедение, 23 декабря 1894, № 11—12, отд. паг., стр. 111—112, приложение № 10, ср. там же, 15 марта 1894, № 3, отд. паг., стр. 41—44.

381

Из статьи «Казань», содержащей обозрение действий Казанского университета со времени его основания

Март 1834

В продолжении сего года [1822—1823] по управлению Университетом произошли следующие перемены: [...], утверждены: [...] членами Училищного комитета: о. п. Лобачевский, э. п. Тимьянский, Дунаев, Баженов и Булыгин [стр. 262—263].

В 1824—1825 году [...] Отделения наук также постоянно занимались в течение года изысканием способов по своим частям, а именно: [...] Физико-математическое рассматривало сочинения [...] c) Курс Алгебры для руководства в гимназиях, соч. профессора Лобачевского [стр. 265, 267 и 268].

Что касается до перемен в сословии Университета, то они были следующие: [...] Деканами Отделений на следующий год [избраны]: оо. пп. Булыгин, Лобачевский, Эрдман и Фогель [стр. 268 и 269].

Заволжский Муравей, 1834, № 5, март, стр. 262—263, 265, 267, 268, 269; цензурное разрешение цензоров профессоров Двигубского и Снегирева «1833 года июля 20 и 1834 февраля 5-го дня. Москва» (стр. 297).

382

Патент, выданный Н. И. Лобачевскому на чин статского советника

8 июня 1834. Петербург

Божиею милостию мы Николай первый, император и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая.

Известно и ведомо да будет каждому, что мы Николая Лобачевского, который нам коллежским советником служил, за оказанную его к службе нашей ревность и прилежность в наши статские советники тысяща осмь сот тридцать третьего года сентября осмого надесять дня всемилостивейше пожаловали и учредили; якож мы сим жалуем и учреждаем, повелевая всем нашим подданным оного Николая Лобачевского за нашего статского советника надлежащим образом признавать и почитать; и мы надеемся что он в сем ему от нас всемилостивейше пожалованном чине так честно и прилежно поступать будет, как то верному подданному надлежит. Во

свидетельство чего мы сие Правительствующему Сенату подписать и государственною нашею печатью укрепить повелели. Дан в Санктпетербурге июня 8 дня 1834 года. На подлинном подписали: сенатор и кавалер Иван Горголий. Сенатор и кавалер Викентий Гечевич. Сенатор и кавалер ИванВаценко. Сенатор и кавалер князь Петр Мещерский. Сенатор и кавалер Алексей Стог. Сенатор и кавалер граф Александр Апраксин. Герольдмейстер и кавалер Александр Званцов. У подлинного патента приложена государственная печать. В Сенате в книгу записан под № 323. На обороте значится: при запечатании в министерстве иностранных дел № 4583.

Верно: секретарь дворянства [подпись неразборчива]

ЦГИАЛ, Фонд департамента герольдии, д. № 1665, (1837 г.), л. 6. Копия.

383

Сообщение о чтениях Н. И. Лобачевским лекций в Казанском университете с 12 августа 1834 по 4 июня 1835 г.

Около 12 августа 1834

II

B. Recitationes
Ordinis Physico-Mathematici

I. Nicolaus Lobatschewsky, *Matheseos purae P. P. O.*, *Universitatis h. t. Rector Bibliothecae praefectus*, *A Status Consiliis*, *Ordd. St. Stanislavii III classis et St. Wladimiri IV gradus Eques*, *Societatis ad patrias promovendas literas Casanensis Sodalis;* 1., Studd. 2 sect. bis per hebdom. *Calculum integralem;* 2., Studd. 3 sect. semel per hebdom. *Calculum Variationum*, ducibus Cousin et Lagrange, docebit [p. 5].

III

Recitationes
Ordinis Medicorum [. . .]

VII. Nicolaus Juferow, *Scient. Math. Magister*, *Gymnasii Casanensis Praeceptor;* Studd. 1 sect. bis per hebdom. *Fundamenta matheseos purae* ad schedas P. Lobatschewskii, exponet [p. 9.]

Instituta publica

I. *Bibliotheca Academica*, cui *Prof.* P. O. Lobatschewsky eique adscriptus Candidatus C. Voight praesunt, dd. Mercurii et Saturni inde a hora X antem usque ad II pomerid. aperietur [p. 13].

«Index praelectionum in Universitate Caesarea literarum Casanensi inde a XII Aug. Anni MDCCCXXXIV usque ad IV Jun. A. MDCCCXXXIV habendarum promulgatus a Senatu Academico», Casani, MDCCCXXXIV, pp. 5, 9 et 13.

II

Отделение
физико-математических наук

1. Николай Лобачевский, п. ординарный профессор чистой математики, ректор Университета, библиотекарь, член Казанского общества любителей отечественной словесности, председатель Строительного комитета при Университете учрежденного, статский советник и орденов св. Станислава 3-й и св. Владимира 4-й степени кавалер, будет преподавать: 1. *Интегральное исчисление* студентам 2-го разряда два раза в неделю и 2. *Вариационное исчисление* студентам 3-го разряда один раз в неделю, по сочинениям Кузеня и Лагранжа — на российском языке [стр. 5].

III

Отделение
врачебных наук [. . .]

7. Николай Юферов, магистр математических наук, старший учитель Казанской гимназии, будет учить студентов 1-го разряда началам *чистой математики*, по *сочинениям ординарного профессора Лобачевского* два раза в неделю — на российском языке [стр. 10].

Учебные заведения

1. Библиотека находится под ведением библиотекаря ординарного профессора Лобачевского и его помощника кандидата Фойгта. Открыта бывает по средам и субботам от 10 часов утра до 2-х по полудни [стр. 15].

«Обозрение преподавания наук в императорском Казанском университете на 1834—1835 учебный год», Казань, 1834, стр. 5, 10 и 15; ср. «Николай Иванович Лобачевский. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Казанского университета 22 октября 1893 г. профессором А. Васильевым», Казань 1894, стр. 27 (изложение обозрения лекций за 1833—1834 учебный год).

384

Сообщение в печати о выходе в свет книги Н. И. Лобачевского «Алгебра или вычисление конечных»

29 августа 1834

Новые книги.

На сих днях вышла в свет отпечатанная в университетской типографии книга под названием: *Алгебра* или *вычисление конечных*, соч. *Н. Лобачевского*. Желающие покупать сию книгу могут относиться к управляющему университетскою типографиею адъюнкту Рыбушкину со внесением за каждый экземпляр по 7 руб. 25 коп. ассигнациями.

Прибавление к Казанскому Вестнику, среда, 29 августа 1834, № 35.

385

Инспирированная акад. М. В. Остроградским рецензия на сочинение Н. И. Лобачевского «О началах геометрии»

После 12 октября 1834

О Началах Геометрии, соч. г. Лобачевского.

Есть люди, которые, прочитав иногда книгу, говорят: она слишком проста, слишком обыкновенна, в ней не о чем и подумать. Таким любителям думанья советую прочесть Геометрию г. Лобачевского. Вот уж подлинно есть о чем подумать. Многие из первоклассных наших математиков читали ее, думали и ничего не поняли. После сего уже не считаю нужным упоминать, что и я, продумав над сею книгою несколько времени, ничего не придумал, т. е. не понял почти ни одной мысли. Даже трудно было бы понять и то, каким образом г. Лобачевский из самой легкой и самой ясной в математике науки, какова геометрия, мог сделать такое тяжелое, такое темное и непроницаемое учение, если бы сам он отчасти не надоумил нас, сказав, что его Геометрия отлична от *употребительной*, которой все мы учились, и которой, вероятно, уж разучиться не можем, и есть только *воображаемая*. Да, теперь всё очень понятно. Чего не может представить воображение, особливо живое и вместе уродливое? Почему не вообразить наприм. черное белым, круглое четыреугольным, сумму всех углов в прямолинейном треугольнике меньшею двух прямых, и один и тот же определенный интеграл равным то $\frac{\pi}{4}$, то ∞? Очень, очень можно, хотя для разума все это и непонятно.

Но спросят: для чего же писать, да еще и печатать такие нелепые фантазии? — Признаюсь, на этот вопрос отвечать трудно. Автор нигде не намекнул на то, с какою целью он напечатал сие сочинение, и мы должны, следовательно, прибегнуть к догадкам. Правда, в одном месте он ясно говорит, что будто бы недостатки, замеченные им в употребляемой доселе геометрии, заставили его сочинить и издать эту новую геометрию, но это, очевидно, несправедливо, и, по всей вероятности, сказано для того, чтобы еще более скрыть настоящую цель сего сочинения. Во-первых, это противоречит тому, что сказал сам же автор о своей геометрии, т. е. что она в природе вовсе не существует, а могла существовать только в его воображении, и для измерений на самом деле остается совершенно без употребления; во-вторых, это действительно противоречит всему тому, что в ней содержится, и судя по чему скорее можно согласиться на то, что новая геометрия выдумана для опровержения прежней, нежели для пополнения оной. При том же, да позволено нам будет несколько коснуться личности. Как можно подумать, чтобы г. Лобачевский, ординарный профессор математики, написал с какою-нибудь серьёзною целью книгу, которая немного бы принесла чести и последнему приходскому учителю? Если не ученость, то по крайней мере здравый смысл должен иметь каждый учитель; а в новой геометрии не редко не достает и сего последнего.

Соображая все сие, с большою вероятностию заключаю, что истинная цель, для которой г. Лобачевский сочинил и издал свою геометрию, есть просто шутка или лучше сатира на ученых-математиков, а может быть и вообще на ученых сочинителей настоящего времени. Засим, и уже не с вероятностию только, а с совершенною уверенностию полагаю, что безумная страсть писать каким-то странным и невразумительным образом, весьма заметная с некоторого времени во многих из наших писателей, и безрассудное желание — открывать новое при талантах, едва достаточных для того, чтобы надлежащим образом постигать старое, суть два недостатка, которые автор в своем сочинении намерен был изобразить, и изобразил как нельзя лучше.

Во-первых новая геометрия, как я уже упомянул о том выше, написана так, что никто из читавших ее почти ничего не понял. Желая покороче познакомить вас с нею, я собирал в одну точку все мое внимание, приковывал его к каждому периоду, к каждому слову и даже к каждой букве, и при всем том так мало успел прояснить мрак, кругом облегающий это сочинение, что едва в состоянии рассказать вам то, о чем в нем говорится, не говоря ни слова о том, что говорится. Сперва, как обыкновенно водится, излагаются главные понятия о пространстве и его измерениях. Разумеется, что эти понятия совершенно отличны от понятий обыкновенных и изложены особенным образом. Угодно вам прочесть хоть некоторые из них в подлиннике? Извольте.

«Между свойствами, общими всем телам, одно должно назваться *Геометрическим* — прикосновение. Словами нельзя передать того, что мы под этим разумеем: понятие приобретено чувствами, преимущественно зрением, и сими-то чувствами мы его постигаем. Прикосновение составляет отличительное свойство тел: ни в силах или времени и нигде в природе более его не находим. Отымая все прочие свойства, телу дают название — *Геометрического.*

Прикосновение соединяет два тела в одно. Так все тела представляем частию одного — *пространства*. Тело *ограничено*, когда прикосновение к нему другого — *окружающего*,— делает невозможным прикосновение всякого третьего. Это второе будет *окружающим пространством*, если оно с первым составляет целое пространство. Пустота, занимаемая телом внутри пространства, называется *местом.*

Геометрические свойства тела познаем в различном делении их на части. Они служат основанием геометрии и заключаются в следующем.

I. Всякое тело может быть разделено на части, которые не касаются чрез одну. Такие сечения назовем *поступательными*; число их неограничено.

II. Всякое тело может быть разделено на части, которые все касаются взаимно, и которых число с каждым новым сечением увеличивается двумя. Такие сечения назовем *обращательными*; число их неограничено.

III. Всякое тело может быть разделено тремя сечениями на 8 частей, которые все касаются взаимно. — Такие сечения назовем *тремя главными*.

Поступательные сечения к трем главным назначают в теле его *три протяжения*.

Измерять тело—значит исчислять одинаковые части, на которые разделяется это тело и другое, принятое за меру, в трех протяжениях поступательными сечениями.

Соединение двух тел в одно будет вместе сечением в этом одном. Смотря по тому, прикосновение принадлежит одному только, или нескольким обращательным, или трем главным сечениям, оно будет *поверхностное*, *линейное*, *в точке*.

Тело получает название *поверхности*, когда оно касается другого поверхностно и когда принимают в рассуждение только взаимное прикосновение сих двух тел; а потому дозволяют отбрасывать все части одного, неприкосновенные к другому. Так уничтожается одно из трех протяжений, и так отделением ненужных частей поверхности доходим до тонкости листа бумаги, или как далеко может итти воображение.

Два тела, которых прикосновение здесь рассматривается, будут две стороны поверхности.

Линией называется тело, которое касается линейно другого, и от которого дозволяют отбрасывать части, неприкосновенные к этому другому. Так доходим до тонкости волоса, черты от пера на бумаге и пр. С обращением тела в линию уничтожаются два протяжения, потому что линию образуют в пространстве два сечения, в которых поступательные отделяют одне излишние части.

Тело получает название *точки*, когда рассматривают его прикосновение к другому в точке, а потому дозволяют отбрасывать части первого, неприкосновенные к другому. Так можно доходить до малости песчинки или точки от острея пера на бумаге.

Точка образуется тремя главными сечениями в пространстве, в котором поступательные отделяют одне излишние части: следовательно, в точке нет ни одного протяжения.

В поверхности, линии и точке обращают внимание только на прикосновение двух тел. Это значит, допускают все изменения в одном, которые бы не лишали части другого их прикосновения и не придавали бы новых частей, прикосновенных к другому. Вот почему при измерении поверхностей и линий дозволяется все поступательные сечения, которыми назначают протяжения, заменять их обращательными. Отсюда следует, что линия не изменяет величины поверхности, а точка — линии. Отсюда также видно, что линия должна принадлежать всей системе обращательных сечений, а потому для образования линии необходимы две поверхности, о которых говорят, что оне *пересекаются в линии*. Каждая из сих поверхностей разделяется линией на две части, которые будут двумя сторонами линии.

Точки принадлежат не только трем главным сечениям, но и всем с ними обращательным: а потому для образования точки необходимы две линии, о которых говорят, что оне *пересекаются в точке*. Каждая линия разделяется точкой на две части, которые служат для назначения двух сторон точки.

Когда два тела A, B касаются каждое третьего C в точке, тогда относительное положение двух точек, или так называемое *расстояние* их друг от друга, всякой раз будет определено, как скоро A и B соединены телом D, неприкосновенным к C, хотя бы при этом в A, B, D происходили перемены отделением, или присоединением, новых частей, неприкосновенных к C, или те изменения в A и B, которые дозволяются в сем роде прикосновения A, B с C. Так, циркуль служит для назначения расстояний.

С такими понятиями о способе измерять протяжения, геометрия может быть ведена со всею строгостию доказательств в том порядке, в каком здесь ниже излагается». Но извините, я не могу выписать до слова то, что ниже излагается, потому что уже и так много выписал; а рассказать в коротких словах не умею, ибо отсюда-то и начинается самое непонятное. Кажется, что после нескольких определений, с таким же искусством и с такою же точностию составленных, как и предыдущие, автор говорит что-то о треугольниках, о зависимости в них углов от сторон, чем главнейшим образом и отличается его геометрия от нашей; потом предлагает новую теорию параллельных, которая, по собственному его признанию, находится или нет в природе, никто доказать не в состоянии; наконец, следует рассмотрение того, каким образом в этой воображаемой геометрии определяется величина кривых линий, площадей, кривых поверхностей и объемов тел, — и все это, еще раз повторяю, написано так, что ничего и понять невозможно.

Во-вторых, в конце книги г. Лобачевский поместил два определимые интеграла, которые *он открыл мимоходом, идя прямо к своей цели — дать общие правила для измерения всех геометрических величин, и дозволивши себе только некоторые применения*. Открытие весьма замечательное! Ибо один из сих новых интегралов уже давно известен, и находится гораздо легчайшим образом; другой совершенно неверен, потому что ведет к той нелепости, которую мы уже заметили выше, т. е. что один и тот же определимый интеграл равен то $\frac{\pi}{4}$, то ∞. Но не таковы ли и в самом деле большею частию бывают прославляемые у нас новооткрытия? Не часто ли случается, что старое, представленное только в каком-нибудь новом странном образе, выдают нам за новое, или и новое, но ложное, за чрезвычайно важное открытие? Хвала г. Лобачевскому, принявшему на себя труд обличить, с одной стороны, наглость и бесстыдство ложных новоизобретателей, с другой—простодушное невежество почитателей их новоизобретений.

Но сознавая всю цену сочинения г. Лобачевского, я не могу однакож не попенять ему за то, что он, не дав своей книге надлежащего заглавия, заставил нас долго думать понапрасну. Почему бы вместо заглавия: *о началах геометрии*; не написать, напр., *Сатира на геометрии*, *Каррикатура на геометрии*, или что-нибудь подобное? Тогда бы всякой с первого взгляда видел, что это за книга, и автор избежал бы множества невыгодных для него толков и суждений. Хорошо, что мне удалось проникнуть настоящую цель, с которою написана эта книга, — а то, бог знает, чтобы и я об ней и ее авторе думал. Теперь же думаю и даже уверен, что почтенный автор почтет себя весьма мне обязанным за то, что я показал истинную точку зрения, с которой должно смотреть на его сочинение.

С. С.

Сын Отечества и Северный Архив, 1834, № 41, Критика, стр. 107—116; цензурное разрешение цензора В. Семенова 12 октября 1834 г.

См. в книге В. Ф. Кагана, «Лобачевский», М., 1944, стр. 184—189.

385а

Официальное письмо М. Н. Мусина-Пушкина как попечителя Казанского учебного округа министру народного просвещения С. С. Уварову в связи с появившейся в № 41 «Сына Отечества» рецензией на «Геометрию» Н. И. Лобачевского

15 ноября 1834

Милостивый Государь Сергей Семенович,

В 41-й книжке Сына Отечества помещена критика на сочинение г. Лобачевского.

Не касаясь достоинства самого сочинения, которое может и должно быть разбираемо, как и всякое другое, мне кажется, однако, что г. рецензент не должен был касаться личностей; то ставить сочинителя ниже приходского учителя, то называть сочинение его сатирою на Геометрию и пр. Легко быть может, что г. Лобачевский неправ, но и г. рецензент, вероятно, не безошибочен. Остается еще решить между ними.

Нет ли здесь другой, скрытой цели? унизить ученого, более двадцати лет служащего с честию, обнародовавшего много весьма хороших учебников и занимающего с пользою для Университета восьмой год почтенную и многотрудную обязанность.

Как начальник заведения, попечению которого вверено образование юношества, внушение ему уважения к своим наставникам, я счел обязанностию представить мнение мое на усмотрение Вашего превосходительства.

С глубочайшим почтением и истинною преданностию быть честь имею, милостивый государь, Вашего превосходительства покорнейшим слугою.

Михаил Мусин-Пушкин

15 ноября
1834
Казань
Его Превосходительству
Сергею Семеновичу Уварову

Помета: «25 ноября».

ЦГИАЛ, № 6000—147706. Дело Главного Управления цензуры «по отношению попечителя Казанского учебного округа о критике на сочинение Н. И. Лобачевского в 41 книге „Сына Отечества". Началось 25 ноября 1834 г.», № 870, л. 1.

386

Представление попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина министру народного просвещения С. С. Уварову о покупке книг для Казанского Университета в связи с отпавшим предположением о командировании Н. И. Лобачевского за границу

15 ноября 1834

По ходатайству моему, предместник Вашего превосходительства испросил в 1830 году высочайший указ о дозволении Казанскому университету употребить двадцать пять тысяч рублей из хозяйственных сумм оного на приобретение важнейших книг, для пополнения библиотеки оного Университета.

О сем дано мне знать от 30 июля 1830 года за № 5520. Я приостанавливался с того времени приступить к покупке книг, ожидая замещения бывших тогда весьма многих вакантных кафедр. Ныне места профессорские почти уже все замещены и каждому профессору известно, какие книги по его части приобрести необходимо.

По сему теперь можно приступить к пополнению библиотеки Университета важнейшими книгами. Но вместе с тем, чтобы не лишиться средств к приобретению на будущее время новых и полезных по всем отраслям наук книг, беспрерывно издаваемых, я бы полагал приобретение на разрешенную сумму разделить на пять лет, употребляя с будущего 1835 года ежегодно по пяти тысяч рублей.

Если ваше превосходительство изволите найти предположение мое основательным, то я честь имею испрашивать ему Вашего, милостивый государь, благосклонного утверждения.

Попечитель Казанского учебного округа
Михаил Мусин-Пушкин.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 403, д. № 16184, 1829 г., л. 68.

386а

Официальное письмо министра народного просвещения С. С. Уварова попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину в связи с помещенной в № 41 «Сына Отечества» критикой «Геометрии» Н. И. Лобачевского

После 25 ноября 1834. Петербург

Милостивый Государь Михаил Николаевич

Рассмотрев помещенную в № 41 Сына Отечества критику на Геометрию г. Лобачевского с моей стороны признаю, что, конечно, желательно было бы, чтобы сочинитель сей статьи удержался от некоторых резких выражений, но впрочем не нахожу в оной чего-либо лично оскорбительного для сочинителя, книга которого подвергается критическому разбору, подлежащему также опровержению. На вышеупомянутые выражения обратил я внимание цензуры и приказал издателю журнала поместить в оном возражения на критику, какие сделает сочинитель Геометрии.

Уведомляю о сем Ваше превосходительство с совершенным почтением имею пребывать

покорнейшим слугою Вашего превосходительства
С. Уваров

Верно Правитель дел *В. Комовский*

Михаилу Николаевичу
Мусину-Пушкину

ЦГИАЛ, № 6000—147706; отпуск. Дело Главного Управления цензуры «по отношению попечителя Казанского учебного округа о критике на сочинение Н. И. Лобачевского в 41 книге „Сына Отечества“. Началось 25 ноября 1834 г.», № 870, л. 2.

387

Отношение министра народного просвещения С. С. Уварова попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину в связи с отпавшим предположением о командировании Н. И. Лобачевского за границу

30 ноября 1834. Петербург

По представлению Вашего превосходительства от 15 минувшего ноября, я согласен, чтобы покупка книг на сумму 25 т. руб., которую высочайшим указом 14 июля 1830 года, дозволено употребить из хозяйственных сумм на пополнение библиотеки Казанского университета была рассрочена на пять лет, употребляя, с будущего 1835 года, ежегодно по пяти тысяч рублей.

Под[писал] министр народного просвещения Сергей Уваров.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 403, д. 16184, 1829 г., л. 69. Отпуск.

388

Информационное сообщение в печати о выходе в свет «Алгебры» Н. И. Лобачевского

После 2 декабря 1834

Алгебра или вычисление конечных. Соч. *Н. Лобачевского*, Казань, 1834 г. в Универ. типографии, 528 стр. в большую осьмушку. После краткого обозрения, предмета Алгебры и ее успехов, г. сочинитель объясняет в предисловии состав своей книги таким образом:

«По мнению моему, алгебра первая начинает математику со всею точностию понятий и со всей обширностию взгляда; тогда как арифметика составляет еще приступ, служит только приготовлением и для навыка. Вот почему в моем сочинении говорится о числах, счете, четырех действиях арифметических. Понятие о положительных и отрицательных я не почел нужным заимствовать прямо из природы вещей, перейдя уже раз к отвлеченным; но рассматриваю их как числа, искусственно соединенные с знаками и единственно в намерении правила сложения и вычитания сделать общими.

Возвышение в степень подало повод к рассуждению о функциях или всякой зависимости между чисел. Переход от простого умножения к показателям всякого значения служит первым образцом для такого учения. Строка для степени от суммы, известная под названием Нютонова бинома, была уже весьма важным открытием в аналитике. Однакож, до сих пор доказательства в надлежащей полноте может быть не доставало. Оно основывается на свойстве множителей, которое объясняется или по способу, какой я придумал, или как это сделал г. Гаусс (гл. XI, стр. 152). Первому из них принадлежит то преимущество, что он как [sic] представляется частный случай в разложении корней уравнения (гл. XV, ст. 200), которое разложение для уравнений с тремя членами нашел г. Бартельс (Bartel's Vorlesungen über Mathematische Analysis, Dorpat, 1833) и сообщил мне, когда я был еще учеником. Употребление $\sqrt{-1}$ в математике столько нужно, что я почел обязанностию говорить более о воображаемых степенях, нежели это обыкновенно делается, стараясь дать ясные понятия и положить твердые основания для вычислений, где берется в помощь $\sqrt{-1}$.

Решение уравнений составляло всегда главный предмет алгебры. В отношении к уравнениям первой степени казалось, ничего уже не оставалось прибавить после того, когда были найдены общие выражения, которые назвал я здесь представительными, для всякого числа неизвестных (гл. IX, ст. 108). Однакож мне удалось такие выражения заменить собственными значениями (гл. IX, ст. 113). Ожидаю, что такое открытие не останется без пользы. Решение уравнений первой степени в целых числах присоединил я также к алгебре не только по тем причинам, о которых сказано выше, но желая также преподать главные основания такового учения, которое отдельно во всей обширности может почитаться затруднительным и требовать пособий, тогда как первые его начала делаются

необходимы для самой алгебры и могут быть применяемы в весьма обыкновенных случаях, чему примером служит решение задач из церковного счисления (гл. X, чт. 127).

О приращении и суммовании функций надобно читать в алгебре, если сюда относить уже всякое вычисление конечных. Существенное помещено здесь в главе XV, где найдут, кроме обыкновенных и давно известных, еще много новых случаев и примеров. Кажется и эта часть математики заслуживает более внимания, нежели какое до сих пор ей оказывали.

О тригонометрических функциях я также захотел говорить, не выходя впрочем из пределов алгебры. Надеюсь, что меня одобрят, потому что не только решение уравнений требует такого пособия, но даже и учение о степенях осталось бы иначе неполным.

Разложение двучленных уравнений на производители делает много чести изобретателю. От остроумия г. Гаусса однакож укрылось то свойство корней в этого рода уравнениях, которое дозволяет значения их находить, не прибегая к решению полных уравнений. Еще в 1813 году представлял я в Отделение физико-математических наук при Казанском университете рассуждение, которого содержание помещено здесь в главе XVI.

Учение об уравнениях высших степеней еще ожидает много от математиков. Лагранж занимался этим предметом без дальнего успеха. Фурье изобрел способ решать уравнения в числах, который если и затруднителен, то по крайней мере во всяком случае достаточен для действительных корней. Сочинения г. Штурма о вычислении корней в уравнениях мне не случилось еще видеть. Рассуждение г. Коши о числе положительных, отрицательных и воображаемых корней без сомнения удовлетворительно (Journal de l'Ecole polyt. T. XI, p. 411); также как и доказательства для вида воображаемых корней (Journal de l'Ecole polyt. T. X, p. 457). То, которое я здесь дал, идя впрочем по указанной дороге, надеюсь, не оставляет ничего желать для краткости и простоты (гл. XVII, ст. 244). Так, названное правило Декартово, или справедливее Кардана, как по знакам судить о числе положительных и отрицательных корней, нуждалось до сих пор еще в доказательстве (гл. XVII, ст. 238). Решение уравнений в числах, какое здесь предложено в ст. 257, главы XVIII, хотя не для всякого случая, кажется заслуживает внимание по краткости и легкости вычисления в сравнении с другими, известными мне способами.

Думая составить алгебру для гимназий и с этой целию написавши первые главы, я переменил однакож намерение, в котором ежели успел, то мое сочинение будет служить руководством для учителей и учебной книгой для слушателей в Университете».

«Ученые Записки императорского Московского университета», год второй, часть шестая, 1834, декабрь, № VI, стр. 477—480; «Напечатано по определению Университетского Совета. Декабря 2-го дня 1834 года. *Секретарь Совета, ордин. проф. Николай Надеждин*» (помета на стр. 480).

389

Предисловие Н. И. Лобачевского к первой книге «Ученых записок, издаваемых императорским Казанским университетом»
1834

Печатанию, как будто второму дару слова, новейшие времена обязаны самой большой частию своей образованности. Если науки так удачно и во многих отношениях сравнены со светом, который открывает глазам до того невидимые в темноте предметы, то сходство сделалось еще совершеннее, когда тиснение книг позволило с такой быстротой распространять наши познания. Вечером родившаяся мысль в уме одного человека, утром повторяется тысячи раз на бумаге и разглашается потом во все концы обитаемой земли. Так, искра, вспыхнувши в одной точке, проливает лучи мгновенно и далеко в окружности. Так, свет ума, подобие дневного света, расширяется и силится освещать. Так, люди, преданные наукам, не могут противиться желанию писать, печатать свои открытия, свои мнения и толкования.

Это побуждение произвело, наконец, повременные издания, которых появление служит признаком, а число мерою просвещения в обществе. В 1805 году основан Казанский университет; в 1812 уже печаталась ведомость, под заглавием *Казанские Известия*. В ней помещалось то же, с некоторым выбором и сокращением, что и в столичных; но главное намерение издателей, разумеется, было то, чтобы примешивать собственные произведения: просто литературные, или сведения о своем крае, проверки преданий и исторические исследования на месте. Одной обязанности, явно уже взятой на себя, было довольно, чтобы двум человекам, которые тогда занимались изданием, не оставалось времени для исполнения другого их предположения.

В 1820 году еженедельная газета с высочайшего соизволения переменилась на журнал, под названием *Казанского Вестника*, по плану весьма обширному, но с таким направлением, которое слишком ограничивало выбор статей и делало содержание весьма однообразным. Современные политические известия, предписания начальства в ученом ведомстве, собственные сочинения и переводы дозволялось помещать и рассылать по положению в училища. Журнал, занимательной не для всех и, можно сказать, не в духе времени, оставался без подписчиков и мало-помалу охладил самых издателей. Надобно было или прекратить издание, или сделать в нем важную перемену, которая и случилась с новым положением дел в Университете. В 1828 году начали печатать по одной книжке за месяц в двух отделениях: одно состояло из статей ученых, другое содержало узаконения для руководства чиновникам университетского ведомства. Политические известия выходили особо каждую неделю в виде газеты под названием *Прибавлений к Казанскому Вестнику*. План и теперь остается тот же, но *Ученые Записки*, которые заменяют прежний Вестник, будут уж заключать одни подлинные сочинения, исследования, какого

бы рода они, впрочем, ни были, и новые наблюдения. Издание полит: ческой ведомости, кажется, надобно оставить, потому что две столичные достаточно наделяют: одна Западную часть России, другая от Москвы Восточную, вознаграждая лишние на них издержки, другими преимуществами, которые всегда останутся на их стороне. Печатание начальственных распоряжений приносит пользу в учебном округе по прямому своему назначению, сокращая письмоводство, заменяя много циркулярных предписаний и соединяя в ручной книжке собрание постановлений и узаконений, которые нужно знать чиновникам при отправлении своих должностей. Что касается до *Ученых Записок*, то чтобы оправдать вполне их издание, надобно ближе рассмотреть побудительные к тому причины.

Во всяком просвещеном Государстве бывает два рода образования: одно общее, которое можно назвать *народным*; другое принадлежит ученому свету, где каждой исключително занимается каким-нибудь предметом, следуя природной наклонности и особенному назначению своих дарований. Вполне образованным человеком должно почитать того, который приобрел понятия, хотя поверхностные, обо всех науках, познакомился с главными в них открытиями, постиг дух времени и перемены вкуса в изящных произведениях. Такое образование придает общество, его нравы и чтение книг, преимущественно повременных изданий, разнообразных в своем составе, каково должно быть само народное просвещение; любопытных новостию и заманчивых картиною настоящей жизни, верным изображением страстей и чувств. Издатели такого журала должны быть в кругу самого образованного общества, быть его представителями, не нуждаться в средствах и черпать из обильных источников под руками. Если они не могут гнаться за славою писателей первостепенных, которых бывают только отголоском и даже невсегда справедливыми судьями, то им представляются другие выгоды, другое вознаграждение за их труды. Высшим учебным заведениям, Академиям, и Университетам, издавать подобные журналы от своего лица и заботиться о таких выгодах, не должно. Им надобно взять на себя другую обязанность. Членам Университета принадлежит трудиться собственно для наук и ожидать награды в своей известности, в ученой славе. В нашем отечестве науки давно уж нашли для себя такое покровительство, что Университеты, не нуждаясь в средствах, могут жертвовать значительными издержками для успехов просвещения.

Н. Лобачевский.

Ученые Записки, издаваемые имп. Казанским университетом, 1834, кн. I, стр. I—VI. Перепечатано в статье Н. П. Лихачева в журнале «Книговедение», 15 марта 1894, № 3, стр. 42—44.

390

Рецензия неизвестного на сочинения Н. И. Лобачевского

После 29 апреля 1835

1. Алгебра *или вычисление конечных. Сочинил* Н. *Лобачевский. Казань, в тип. университета, 1834, в-8, стр. X — 528.*

2. Понижение степени в двучленном уравнении, *когда показатель без единицы делится на 8*. Профессора Лобачевского. *Казань, в тип. университета, 1834, в-8, стр. 32.*

3. Об исчезании тригонометрических строк. Профессора Лобачевского. *Казань, в тип. университета, 1834, в-8, стр. 62.*

Две последние брошюры суть извлечение из «Ученых Записок» Казанского университета, а «Алгебра» — новое сочинение г. Лобачевского, предназначенное, повидимому, служить руководством его университетским слушателям и пособием самому автору при чтениях. В таких случаях метода и изустные объяснения профессора всегда значительно пополняют и изменяют содержание книги, и оно по справедливости не может подлежать суду общей критики, которая, так сказать, была бы заочною. Г. Лобачевский известен у нас как один из отличнейших профессоров математики.

Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, т. X, 1835, апрель отд. VI. Литературная Летопись. Новые книги, стр. 25; цензурное разрешение тома X, ценсора А. Никитенко, 29 апреля 1835.

391

Ответ Н. И. Лобачевского в печати на рецензию в «Сыне Отечества» (из «Воображаемой Геометрии» Н. И. Лобачевского)

Март — апрель 1835

Статьи о началах Геометрии помещены были в Казанском Вестнике за 1829 и 1830 годы. В № 41 журнала Сын Отечества 1834 года напечатана критика, весьма оскорбительная для меня, и надеюсь, совершенно несправедливая. Рецензент основал свой отзыв на том только, что он моей Теории не понял и почитает ее ошибочной, потому что в примерах встречает один *нелепой* интеграл. Впрочем такого интеграла не нахожу я в моем сочинении. В ноябре месяце прошедшего года послал я к Издателю ответ, которой однакож, не знаю почему, до сих пор, в продолжении пяти месяцев, еще не напечатан.

Примечание в «Воображаемой Геометрии» в «Ученых Записках, издаваемых имп. Казанским университетом», 1835, кн. I, стр. 5. Перепечатан в «Полном собрании сочинений по геометрии Н. И. Лобачевского», т. I, Казань, 1883, стр. 72 в примечании.

392

Из письма Н. А. Моисеева к И. Е. Великопольскому

29 ноября 1835. Петербург

Пять тысяч послано Николаю Ивановичу.

ПД, № 32152 — CCLIIб. 20.

393

Из письма Н. А. Моисеева к И. Е. Великопольскому

31 декабря 1835. Петербург

P. S. Точно мною послано не 5 т[ысяч], а 4900 р. Сто рублей я удержал

на покупки для Лобачевских. Об этом написано в конце письма к Ник[олаю] Ив[ановичу], который должен был заплатить тебе.

ПД, № 32152 — CCXLIIб. 20.

394

Из статьи Э. А. Кнорра «Ход температуры в Казани из наблюдений 1833 года» о метеорологических наблюдениях Н. И. Лобачевского

1835

С 1828-го года поручаемо было различным воспитанникам Казанского университета делать метеорологические наблюдения, каковые и производились сначала под надзором г. акад. Купфера, прежде бывшего профессором физики и химии в здешнем Университете, потом под надзором г. проф. Лобачевского, ныне ректора Университета и, наконец, со времени вступления моего в должность профессора физики, с половины 1833-го года производятся непрерывно под моим надзором. Сии наблюдения, кои и в последствии будут продолжаться, печатались прежде ежемесячно в издаваемом от Университета журнале, Казанском Вестнике, но на поправку опечаток не всегда обращали достаточно внимания, как то видно из сличения печатанных таблиц с писанными и сообщенными мне г. Лобачевским. — За 1833-й год месячные таблицы наблюдений вовсе не печатались; ибо издание помянутого журнала прекратилось с сего года [стр. 89].

Ныне везде вообще и в особенности в Германии обращают большое внимание на изучение климатологии и общей метеорологии, и я думаю, быть может будет не лишним сообщить здесь вкратце результаты, выведенные из наблюдений температур в Казани в течение 1833 года, равно как и результаты из подаваемых ежедневно г. Лобачевскому и мне оригинальных рапортов. Впоследствии я намерен заняться подобным образом и помянутыми рукописными таблицами наблюдений за предыдущие годы [стр. 91—92].

Ученые Записки, издаваемые имп. Казанским университетом, 1835, кн. I, стр. 89 и 91—92; вся статья на стр. 89—110.

395

Из «Отчета по императорскому Казанскому университету за 1834 год» со сведениями о деятельности Н. И. Лобачевского в 1834 году

1835

IV. *Перемены в чиновниках и преподавателях.* [...]

На 1834—1835 академический год [...] вновь утверждены [...]: В Издательном комитете председателем ректор Лобачевский, членами: ординарные профессоры Симонов, Эрдман, Булыгин и Суровцов; секретарем адъюнкт Ковалевский, в Испытательном комитете для поступающих в сту-

денты: председателем ректор Лобачевский, членами: протоиерей Нечаев, ординарные профессоры Симонов, Булыгин, Эрдман, Мистаки и Суровцов, секретарем адъюнкт Ковалевский [стр. 8—9].

Получили всемилостивейшие награды:

а) орден св. Станислава 3-й степени ректор Университета Лобачевский [стр. 9].

А. Физико-математическое отделение.

а) *Главные курсы* [...]

11. *Интегральное исчисление.* О. пр. чистой математики *Лобачевский* читал два раза в неделю, следуя сочинениям Лакруа и Лежандра, на русском и прошел: различной способ излагать интегральное исчисление, интегрирование употребительных функций, интегрирование рациональных дробей, об эллиптических функциях, способы для приблизительного исчисления интегралов, интегрирование со многими переменными, определенные интегралы, интегрирование дифференциальных уравнений с одним переменным, тригонометрические строки, интегрирование уравнений с частными дифференциалами.

12. *Варьяционное исчисление.* Преподаватель тот же читал один раз в неделю на русском, следуя Лакруа и Дирхсену, пользуясь также сочинениями Пуассона, прошел: различие в способе варьяционного исчисления с дифференциальным, варьяционное исчисление, когда рассматривается изменение постоянных, варьяционное исчисление в определении самого большего и самого меньшего значения неизвестных функций, в определении самого большего и самого меньшего значения интегралов с одним и многими изменяющимися, таких же значений функций из дифференциальных уравнений, применение и пояснение на примерах, решение различных задач [стр. 26—28].

б) *Вспомогательные курсы.*

1. *Алгебра и Геометрия.* Магистр математических наук *Юферов* читал два раза в неделю на русском, следуя сочинениям Лобачевского; из Алгебры: о знаках и числах, о весе и мерах, степенях и корнях, содержании и пропорции, о правилах тройном и товарищества; из Геометрии: определения, измерение прямых линий и углов, о перпендикулах, многоугольниках, геометрический способ провести перпендикул, делить линию и угол пополам, отыскать центр круга; об одинаковости треугольников, измерении прямоугольников, параллелограммов, окружности, площади круга, призм, пирамид, цилиндра, конуса и шара [стр. 38—39].

в) *Библиотека* [...]

VI. Библиотекарь и его помощник.

Должность библиотекаря отправляет ныне п. о. профессор и ректор Университета Лобачевский, помощник библиотекаря адъюнкт Фойгт; письмоводителем кандидат Лопатин [стр. 84—85].

B.

Часть ученая.

VI. *Особые труды чиновников и преподавателей Университета* [...]

О. профессор чистой математики *Николай Лобачевский*, кроме обязанности по сему званию, отправлял должности ректора Университета, председателя в Строительном, Испытательном и Издательном комитетах. По поручению начальства занимался хозяйственным образом постройки мостовой по Воскресенской улице пред Университетом, которое поручение кончил и отчет представил в Правление Университета. Издал *Алгебру, или вычисление конечных*. Его сочинения статьи помещены в Ученых Записках Казанского университета: 1) *О понижении степени в двучленных уравнениях, когда показатель без единицы делится на 8*. 2) *Об исчезании тригонометрических строк*; 3) *предисловие* к первой книжке Ученых Записок Казанского университета; 4) послал в Берлин к г. Креллю для напечатания в журнале статью под названием: *Géometrie imaginaire;* 5) в Москву для напечатания в Ученых Записках статью: *Условные уравнения для движения и положение главных осей обращения в твердой системе*; 6) занимался изданием начальственных распоряжений, издаваемых от Университета [стр. 157—158].

VIII. Книгопечатание.

В Университетской типографии печатались следующие книги:

1. *Ученые Записки Казанского университета*. С учреждением вновь Издательного Комитета напечатано 2 книжки за вторую половину года. В них заключаются статьи *о. профессора Лобачевского*: 1) Понижение степени двучленного уравнения, когда показатель без единицы делится на восемь; 2) об изчезании тригонометрических строк [стр. 173].

2. *Алгебра* или *вычисление конечных*, о. профессора *Лобачевского*. Сочинитель приложил старание соединить все, что к этой части математики относится и было известно, не прибегая впрочем к способу дифференциального исчисления [стр. 174].

6. *Начальственные распоряжения* в отдельных книжках за каждой месяц заключали собрание узаконений и правил, которым должно руководствоваться чиновникам в Казанском учебном округе [стр. 175].

C.

Часть хозяйственная

I. Университетские здания [...]

Западный флигель [главного здания Университета] тоже сенями соединен с главным корпусом на другом конце. Здесь кухня к квартире, в 2 комнатах квартира дьякона, в 4 переплетчика, в 3 прислуга ректора, в 3 квартира экзекутора, в одной инвалидная команда, 3 погреба, 3 сарая.

Каменный дом, где в нижнем этаже квартира бухгалтера из 8 комнат с кухней, еще кухня к квартире ректора, которая в верхнем этаже состоит из 7 комнат [стр. 179].

VIII. Строительный комитет.

Председатель Строительного комитета ректор Университета *Лобачевский*, члены: ординарный профессор *Никольский* и архитектор *Коринфский*. Секретарь и бухгалтер коллежский секретарь *Шиц*; комиссионер 14-го класса *Моисеев*. Писцы сторожа и десятники наемные [стр. 196].

D.

Часть делопроизводительная.

III. Судные и следственные части.

Судом Ректорским следственных и тяжебных дел не производилось в 1834 году [стр. 209].

Отчет по императорскому Казанскому университету за 1834 год, s. l. et a., стр. 8—9, 26—28, 38—39, 84—85, 157—158, 173, 174, 175, 179, 196, 209.

396

Дарительная надпись Н. И. Лобачевского на имя И. М. Симонова на книге: «Способ уверяться в исчезании бесконечных строк»

1835

Милостивому государю
Ивану Михайловичу
Симонову
в знак уважения и в память
от сочинителя.

На обороте обложки оттиска работы Н. И. Лобачевского «Способ уверяться в исчезании бесконечных строк и приближаться к значению функций от весьма больших чисел. *Проф. Лобачевского*». Казань, В университетской типографии, 1835.

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета, № Р. 159851.

397

Представление попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина министру народного просвещения С. С. Уварову об обследовании ректором Казанского университета Н. И. Лобачевским Симбирской гимназии

23 апреля 1836

Г. ректор Казанского университета во время пребывания своего в Симбирске со 2-го по 9-е минувшего марта, осматривал по поручению моему, гимназию там находящуюся во всех частях.

Г. ректор, возвратясь, донес мне от 23 марта за № 96 о последствиях осмотра:

Здание гимназии содержится опрятно, но оно очень ветхо и требует поправки. Составлением сметы и планов занимается, по поручению моему, архитектор Коринфский. Г. ректор полагает гимназию на время перестройки перевести в купленный у купца Андреева для уездного училища

дом, но классическую мебель, совсем обветшалую, непременно нужно сделать новую. Для приведения этого предположения в исполнение я ожидаю прибытия вновь назначенного директора г. Лангена.

II. *Описи и каталоги.* Описи и каталоги ведутся, но без всякого контроля.

Для отстранения этого неудобства я предложил Училищному комитету предписать всем директорам Казанского учебного округа: 1) вести каталоги книг и инструментов и описи зданий в шнуровых книгах с графами, где бы показывалось: цена, поступление и особые замечания, как то: поправки, передача и исключение из наличности, 2) вносить в эти описи и каталоги все или по предписаниям директоров, или по расходным статьям в шнуровых книгах, 3) поверку производить раз в год с разделением занятий между членами Педагогического совета и утверждать подписом всех в общем собрании.

III. *Делопроизводство.* Дела Симбирской гимназии бывший директор Гапонов приготовляет к сдаче. Г. ректор, просматривая составленные описи, нашел нужным приказать их пополнить.

IV. *Расход и хранение сумм.* Г. ректор поверял приходо-расходные ведомости по шнуровым книгам и свидетельствовал деньги. Ведомости оказались верны со шнуровыми книгами и деньги в целости.

Г. ректор нашел, что свидетельство денег бывает не всегда в первый будничный день наступившего месяца, потому, что директор с канцеляриею иногда не успевает изготовить ведомость, продолжая в последний день записывать приход и расход. Для отвращения этого на будущее время г. ректор предписал ни под каким предлогом не откладывать свидетельство сумм далее первого не табельного дня в месяце и для исполнения этого останавливать за день или два в конце месяца приход и расход, прекратив прием и выдачу с тем, чтобы канцелярия могла приготовить и поверить ведомости.

Г. ректор присовокупляет, что это упущение не подало ему, однако, ни малейшего повода к подозрению каких-нибудь злоупотреблений.

V. *Преподавание.* Учители посещают классы исправно. Об успехах учеников г. ректор подтверждает почти во всех отношениях отзыв профессора Симонова, осматривавшего Симбирскую гимназию в прошедшем декабре. В истории, алгебре, законоучении, языках: латинском, французском и немецком успехи довольно хорошие, в арифметике, геометрии, физике, географии средственные, в рисовании и черчении очень слабые. Вообще, говорит г. ректор, познания учеников в Симбирской гимназии большею частию не таковы, как бы желать надобно, но тому причиною еще недавнее преобразование гимназии по новому уставу. Ученики в прежние годы учились не в том порядке и не в такой обширности всем предметам, чтоб их можно было разместить в классе со всеми предварительными познаниями. Даже в этом размещении оказано на первый раз довольно снисхождения, чтобы высшие классы не оставались пустыми. Этот недо-

статок в следующем академическом годе значительно уменьшится, а чрез два года совершенно уничтожится.

С этим заключением г. ректора я совершенно согласен. Нет возможности требовать, чтобы в первый год преобразования гимназий все ученики имели сведения в той обширности, как это предписывается новым уставом, но утвердительно почти сказать можно, что чрез два года этого достигнуть можно, в особенности когда все учительские места будут замещены и замещены людьми достойными.

Г. ректор присовокупляет, что преобразование гимназии приметную приносит пользу в учении и что в особенности учащиеся начали успевать в языках.

VI. *Нравственность учеников.* В продолжении пребывания г. ректора в Симбирске, он, посещая ежедневно классы, видел учеников опрятно одетых в сертуках или мундирах по форме, кроме трех или много четырех, на которых по бедности родителей было платье какое случилось. Ученики сидели тихо, выходили по два стройно и без шуму расходились. Разведывая на стороне частию о поведении учеников гимназии г. ректор узнал только, что двое из них замечены были в шалостях несколько важных, но что после сделанного взыскания и они ведут себя хорошо. Еще не хвалит по поведению двух воспитанников пансиона. Но вот и всё, что г. ректор мог узнать предосудительного об учениках в Симбирской гимназии, где число их доходит до 140.

VII. *Чиновники.* Почетный попечитель Столыпин часто посещает и гимназию и пансион, спрашивает уроки, бывает в Педагогических советах, требует, чтобы ничего не делалось в гимназии и пансионе без его разрешения, определяет и увольняет в пансионе надзирателей, эконома и служителей, не присутствует в Педагогическом совете когда экзаменуют в учители после того, как Университет отказал утвердить одного просителя, который в гимназии был удостоен. Вообще требования г. Столыпина показывают, что он не вникает хорошо в свою обязанность, принимая на себя более, нежели сколько принадлежит ему по званию. Ко всему этому однако по уважению лет г. Столыпина надобно снизойти. При личном моем осмотре, я постараюсь устранить это неудобство.

Бывший директор Гапонов был начальник престарелый телом и слабый духом. Он уволен и на его месте определен другой.

Инспектор Княгницкий посещает прилежно классы гимназии и благородный пансион. Он мало знает обязанность свою по законам и по предписаниям начальства. Недовольно сведущ в письменном русском языке и затрудняется в счетной части. В марте месяце, при осмотре г. ректора, он еще не составил сметы на расходы настоящего года в пансионе и не подал отчета за прошедший для доставления в Казенную палату. Взыскателен к другим, даже преувеличивая всякое опущение. Таким образом, навлек на себя негодование всех. Г. ректор полагает лучше быть ему в другой гимназии и там еще раз учиться как должно жить с сослуживцами.

воспользовавшись первым опытом для него в одном из великороссийских городов.

Заключение г. ректора относительно инспектора Княгницкого я нахожу совершенно основательным. При первой вакансии в другой гимназии места инспектора я переведу туда г. Княгницкого. Это и потому еще необходимо, что г. Симбирский губернский предводитель генерал-майор Бестужев, не удостаивая вовсе доверенности г. Княгницкого, желает при предстоящем преобразовании благородного пансиона иметь другого инспектора.

Об учителях вообще г. ректор говорит, что об них в обществе отзываются хорошо. Двоих Морозова и Рафаелева он не совсем одобряет— первого по недостатку усердия, последнего по поведению. Я оставлю их на службе до личного моего осмотра. Учителя рисования Лаврова, уже слабого по старости лет и неумеющего держать учеников в порядке, я согласно заключению г. ректора, предложил уволить вовсе от службы и представить установленным порядком к пенсии. Г. ректор в особенности отлично отзывается об учителе истории и статистики Попове, как по его познаниям, так и по его поведению, образу жизни и нравственности. Я предложил Совету Университета изъявить Попову мою благодарность.

VIII. *Уездное училище*. Г. ректор говорит, что уездное в Симбирске училище содержится в большом порядке и чистоте, что почетный смотритель Малаев усерден и попечителен, что штатный смотритель Сапожников деятелен, что учители способны, прилежны и хорошего поведения.

IX. *Приходское училище*. Помещено в наемном ветхом доме и уже недостаточном для 60 учеников. Оно содержится однако в порядке.

Оканчивая мое к Вашему превосходительству донесение, я вменяю себе в приятную обязанность присовокупить, что я совершенно доволен точным, основательным и беспристрастным осмотром Симбирской гимназии, произведенным г. ректором по поручению моему.

Попечитель Казанского учебного округа

Михаил Мусин-Пушкин.

Резолюция 1-я (на стр. 1): «Г. министр приказал: Объявить ректору благодарность с одобрением сделанных им и попечителем распоряжений, поставив притом на вид Княгницкому, что за несвоевременное представление впредь смет и отчетов подвергнут будет взысканию, и объявив учителям Морозову и Рафаелеву, что если первый не будет усерднее, а последний не исправится в поведении, то будут уволены. 16 мая 1836 г.»

Резолюция С. С. Уварова (на стр. 6): «Объявить ректору Лобачевскому, что я читал с удовольствием его отчет в обозрении Симбирской гимназии».

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 405, д. № 16326, 1829 г., лл. 1—6.

398

Отношение министра народного просвещения С. С. Уварова попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину в связи с обследованием Н. И. Лобачевским Симбирской гимназии

16 мая 1836. Петербург

Господину попечителю Казанского учебного округа

Рассмотрев донесение Вашего пр[евосходительст]ва от 23 минувшего апреля об обозрении ректором Казанского университета Лобачевским Симбирской гимназии я нахожу оное удовлетворительным, за что покорнейше прошу Вас, милостивый государь мой, объявить ему мою благодарность, равно одобряю сделанные как г. ректором, так и Вами по его замечаниям, распоряжения, но при сем покорнейше прошу приказать поставить на вид инспектору Княгницкому, что впредь за несвоевременное представление установленных смет и отчетов подвергнется на основании § 264 Правил счетоводства по Министерству народного просвещения определенным в высочайше утвержденном 14 ноября 1831 года мнения Государственного Совета взысканиям и объявить учителям Морозову и Рафаелеву, что если первый не будет усерднее, а последний не исправит своего поведения, будут уволены из учебного ведомства.

Подписал: министр народного просвещения Сергей Уваров.

Отпуск на бланке Департамента народного просвещения (Отделение II, стол I) от 16 мая 1836 г. за № 5041. Ответ на № 1165.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 405, д. № 16326, 1829 г., л. 7.

399

Грамота, выданная Н. И. Лобачевскому на орден Анны 2 степени

10 июня 1836. Петербург

Божиею милостию мы Николай первый, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему статскому советнику, ректору Казанского университета, ординарному профессору Лобачевскому.

В воздаяние ревностной службы вашей, и отличных трудов, по представлению министра просвещения, рассмотренному в Комитете министров, всемилостивейше пожаловали мы вас указом во 2-й день [июня] 1836 года Капитулу данным, кавалером ордена св. Анны второй степени. Грамоту сию во свидетельство подписать, орденскою печатью укрепить, и знаки орденские препроводить к вам, повелели мы Капитулу Российских императорских и царских орденов.

Дана в Санктпетербурге в 10 день июня 1836 года. Подлинную грамоту подписали: Российских императорских и царских орденов: канцлер князь Александр Голицын. Казначей Крыжановский, управляющий

экспедициею ордена св. Анны церемониймейстер Всеволодской. У подлинной грамоты приложена орденская печать.

Верно: *секретарь дворянства* [*подпись неразборчива*]

№ 438.

ЦГИАЛ, Фонд департамента герольдии, д. № 1665 (1837 г.), л. 7 об. Копия.

400

Письмо Н. И. Лобачевского И. Е. Великопольскому

15 июня 1836

Любезнейший Иван Ермолаевич

Мальчиков двух или трех я полагал взять сюда в Казань и здесь отдать их в ученье, разумеется лет на пять. Напишите, сделайте милость, ко мне, находите ли Вы возможным это. Если бы продалась деревня, так разумеется, что, взявши мальчиков, надобно будет их посылать назад, разве нашлись бы сироты или немногочисленное семейство, которое бы совсем можно было перевести в Казань. Может быть выгоднее всех крестьян перевести сюда или продать на вывод. Брат Николай Алексеевич предлагает дать в таком случае 200 руб. душа. Напишите, как бы можно надеяться продать остальную землю. Если будут давать по 400 рублей за душу с землею, то Можарово можете продать. Всего там по последней ревизии 39 душ муж[еского] пола, следовательно, всю деревеньку за 15.600 рублей. Если же не продается, так я много сожалеть не буду, потому что здесь имений продажных нет, в другой губернии покупать не хочется, а капитал держать без оборотов было бы худое хозяйство. Прежде брал у нас деньги Г[авриил] И[ванович] О[сокин], а теперь как он продал свой Троицкий завод, так и все долги свои платит, частные и казенные. Кажется, что он сделал по расчетам хорошо, а жалко, что такое большое имение перешло в чужие руки.

О портретах в этот раз не могу Вам написать верного. Получивши прежде письмо, спрашивал я Крюкова, от которого слышал, что кончил он копии с портретов Вашего батюшки и матушки, с натуры Гав[риила] Иван[овича] и Любовь Ермолаевны, в половину сделал копию с Алек-с[андра] Андр[еевича] Растовского. Теперь, вероятно, через месяц много прибавилось, но мне недосуг за ним посылать и распрашивать, потому что страх как много дела.

Затруднение, что делать с денежным капиталом, заставляет меня приискивать здесь купить имение, которых однакож с угодьями совершенно нет. Решился бы купить в 50 верстах от Казани деревню Каськи, Сергея Алексеевича Неялова, если продаст он 400 рублей душу. Так он продал уже часть князю Колончакову. Имение без земли, неразмежеванное. Более дать я не могу, да и то, еслиб согласен был владелец, то прежде сам посмотрю. Не сделаете ли Вы мне одолжение увидеться с Неяловым и ему такое предложение от меня сделать? Просил я об этом же Надежду

Ермолаевну Колбицкую, и она мне говорит, что писала к г. Неялову, но теперь Колбицкие уехали из города и переписываться с ними труднее в деревню, нежели в Москву к самому хозяину.

Скажите мое почтение Софье Матвеевне и будьте уверены в дружбе преданного Вам брата

Н. Лобачевский.

1836
Июня 15.

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 25.

Опубликовано Б. Л. Модзалевским в «Известиях Физико-математического общества при имп. Казанском университете», вторая серия, том XII, № 2, Казань, 1902, стр. 91—92 и отд. оттиск, Казань, 1902, стр. 8—9.

401

Прошение Н. И. Лобачевского попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину об отпуске в связи с болезнью

30 августа 1836

Господину попечителю Казанского Учебного округа

По совету врача нужно мне для поправления моего здоровия употреблять лекарства и воспользоваться отдохновением, по крайней мере, в продолжении двух недель.

Доносяо сем Вашему превосходительству, осмеливаюсь испрашивать дозволения поручить исправление должности ректора г. ординарному профессору Никольскому на время до моего выздоровления.

Ректор Университета Николай Лобачевский.

На бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент народного просвещения. От ректора императорского Казанского университета. В Казани *30 августа 1836*, № *216*».

Помета рукою М. Н. Мусина-Пушкина: «Полу[чено] 30 ав[густа 1836]».

ЦГАТ, Ф. 92, 1836 г., № 187, л. 1.

402

Донесение проректора Казанского университета Г. Б. Никольского попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину о вступлении в должность и принятии от Н. И. Лобачевского казенных сумм и ключей

31 августа 1836

Господину попечителю Казанского учебного округа

На предписание Вашего превосходительства от 30 августа за № 2514 честь имею донести, что того же дни я вступил в отправление должности

проректора и принял от г-на ректора казенные суммы и ключи и печати от оных.

Проректор Университета *Григорий Никольский*

На бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент народного просвещения. О вступлении ор. пр. Никольского в отправление должности проректора и принятии от г. ректора казенных сумм. В Казани, августа 31 дня 1836 года. № 218. От проректора императорского Казанского университета».

Пометы: «№ 1888»; *рукою М. Н. Мусина-Пушкина*: «Полу[чено] 31 ав[густа] 1836».

Резолюция его же рукою: «К сведению».

ЦГАТ, Ф. 92, 1836 г., № 187, л. 3.

403

Представление Н. И. Лобачевского попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину о вступлении в должность ректора Казанского университета после болезни

16 сентября 1836

Господину попечителю Казанского Учебного округа.

Сим честь имею Вашему превосходительству донести, что я, получив от болезни своей облегчение, 16 сего сентября от г. проректора Университета принял казенные суммы и ключи, печати от оных и вступил уже в исправление настоящей должности.

Ректор Университета *Николай Лобачевский*.

На бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент народного просвещения. О освобождении ректора от болезни и о вступлении в отправление настоящей должности. В Казани сентября 16 дня 1836 года, № 231. От ректора императорского Казанского университета».

Пометa рукой М. Н. Мусина-Пушкина: «Полу[чено] 16 сент[ября] 1836»; «№ 2070». Его же резолюция: «К сведению».

ЦГАТ, Ф. 92, 1836 г., № 187, л. 4.

404

Отношение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина в Конференцию Академии Наук о поручении Н. И. Лобачевскому доставить академику Х. Д. Френу монеты

8 октября 1836

В Конференцию императорской Академии Наук

Вследствие отношения ко мне Конференции императорской Академии Наук от 30 минувшего маия, я поручил г. ректору Казанского университета, отправляющемуся ныне в Санктпетербург, доставить г. академику

Френу монеты, поименованные в доставленном ко мне и упомянутом отношении списке.

О чем Конференцию имею честь уведомить.

Попечитель Казанского учебного округа
М. Мусин-Пушкин.

Старший письмоводитель *И. Цепелев.*

Пометы П. Н. Фуса: «Lu le 28 Octobre 1836» и «494».

Архив АН, Ф. 1, оп. 2—1836, протокольные бумаги заседания 28 октября 1836, § 494; на бланке попечителя Казанского учебного округа от 8 октября 1836, за № 2973; ответ на № 471; ср. Протокол № XXXVII 28 октября 1836, § 494 (Архив АН, Ф. 1, оп. 1-а, 1836, № 54, § 494).

405

Представление попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина министру народного просвещения С. С. Уварову об увольнении Н. И. Лобачевского в отпуск в Петербург

9 октября 1836

Г. ректор Казанского университета ординарный профессор Лобачевский от 9 сего октября вошел ко мне с прошением об увольнении его в отпуск в Санктпетербург на 28 дней.

Уволив г. ректора, согласно желанию его, в Санктпетербург на 28 дней, с 10 числа текущего октября, я предложил Совету Казанского университета поручить должность ректора на время его отсутствия бывшему г. ректору ординарному профессору Никольскому, с званием проректора.

Считаю обязанностию донести об этом распоряжении Вашему высокопревосходительству.

Попечитель Казанского учебного округа
Михаил Мусин-Пушкин.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 406, д. № 28855 1830 г., л. 42.

406

Метрическое свидетельство о рождении в Казани 30 июня 1833 г. у Н. И. Лобачевского сына Алексея Лобачевского

10 октября 1836

Свидетельство

По указу его императорского величества, из Казанской духовной консистории, Казанского императорского университета ректору, ординарному профессору, статскому советнику и кавалеру Николаю Ивановичу г. Лобачевскому. Дано сие свидетельство, вследствие определения Консистории, по прошению его г. Лобачевского на предмет определения в казенное учебное заведение сына его Алексея, родившегося в 1833 году

июня 30 числа в приходе Казанской Крестовоздвиженской церкви, что при императорском Университете — в том, что по метрическим за тысяча восемь сот тридцать третей год книгам, поданным от священноцерковнослужителей Казанской Крестовоздвиженской церкви, что при Университете, в записке в числе рожденных под № 10-м значится точно так: июня тридцатого числа императорского Казанского университета у господина ректора, ординарного профессора, коллежского советника и кавалера Николая Ивановича сына Лобачевского и законной жены его Варвары Алексеевны родился сын Алексей, обмолитвован того ж числа, а окрещен июля седмого числа, восприемником был града Казани отставной коллежский советник Алексей Федорович сын Моисеев, восприемницею была вдова коллежская регистраторша Прасковья Александрова. Молитвовал, имя нарек и крещение совершил университетский протоиерей Александр Иванов Нечаев. При исправлении сей требы были: тояж церкви диякон Иван Васильев, тояж церкви диякон Флегонт Александров. Октября 10-го дня 1836 года. В подлинном свидетельстве почисток и поправок нет. Подписал: Архимандрит Гавриил. Скрепил секретарь Андрей Стежинский. Справил столоначальник Чернов. *Верно*: *Секретарь дворянства* [*подпись неразборчива*]

У подлинного свидетельства
его императорского величества
Казанской консистории печать.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента герольдии, д. № 1665 (1837 г.), л. 13. Копия.

407

Метрическое свидетельство о рождении в Казани 10 июля 1835 г. у Н. И. Лобачевского сына Николая Лобачевского

10 октября 1836

Свидетельство

По указу его императорского величества, из Казанской духовной консистории, Казанского императорского университета ректору ординарному профессору, статскому советнику и кавалеру Николаю Ивановичу г. Лобачевскому. Дано сие свидетельство, вследствие определения Консистории, по прошению его г. Лобачевского на предмет определения в казенное учебное заведение сына его Николая, родившегося 1835 года июля 10 числа в приходе Казанской Крестовоздвиженской церкви, что при императорском Университете — в том, что по метрическим за тысяча восемь сот тридцать пятый год, книгам, поданным от священноцерковнослужителей Казанской университетской Крестовоздвиженской церкви в записке в числе рожденных под № 11-м значится так: в июле 10 числа императорского Казанского университета у господина ректора, статского советника, ординарного профессора и разных орденов кавалера Николая Ивановича сына Лобачевского и законной жены его Варвары Алексеевой

родился сын Николай, обмолитвован тогож числа, крещен семнадцатого, восприемником был отставный надворный советник Алексей Иванович, сын Лобачевский, восприемницею была коллежская регистраторша вдова Прасковья Александровна по муже Лобачевская. Молитвовал, имя нарек и крещение совершил университетский протоиерей Александр Нечаев, при крещении были: тояже церкви диакон Иван Васильев, тояже церкви диакон Флегонт Александров. Октября 10-го дня 1836-го года. В подлинном свидетельстве почисток и поправок нет. — Подписал кафедральный протоирей Флегонт Талантов. Скрепил секретарь Андрей Стежинский. Справил столоначальник Чернов. *Верно*: *секретарь дворянства* [*подпись неразборчива*]

У подлинного свидетельства
его императорского величества Казанской консистории
печать.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента герольдии, д. № 1665 (1837 г.), л. 14. Копия.

408

Из письма П. Е. Осокиной к И. Е. Великопольскому
После октября 1836

Г[авриил] И[ванович] хотел было сам туда [1] ехать, но остался, а поехал доброй и почтенной наш Бука Лобачевской, про которого во всех отношениях можно по справедливости сказать, что он человек не нонишнего света.

ПД, № 32161 — CCXLII б. 29.

409

Отношение управляющего Департаментом народного просвещения кн. П. А. Ширинского-Шихматова попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину о продлении Н. И. Лобачевскому срока пребывания в Петербурге
13 ноября 1836. Петербург

Его высо[копревосходительст]во г. министр нар[одного] просв[ещения] приказал находящемуся в С. Петербурге в отпуску ректору Казан[ского] университета Лобачевскому отсрочить, по делам службы, возвращение к своей должности до 15 будущего декабря.

Департ[амент] нар[одного] просв[ещения] выдав на сие г. Лобачевскому свидетельство имеет честь уведомить о том Ваше пр[евосходитель-ст]во.

Управл[яющий] Департаментом князь П. Ширинский-Шихматов

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 406, д. 28855, 1830 г., л. 45. Отпуск.

---

[1] Т. е. в Петербург. — *Л. М.*

410

Из дневника И. А. Второва

20 ноября 1836

20 пят[ница] [...] Вчерась вечер был у барона Пирха. Мы с Николинкой там ужинали. Я играл с Ка[териной] Анд[реевной] Молоств[овой], Варв. Алек[сеевной] Лобачевской и г-ж. Воецкою... играл глупо и всегда почти не узнавал короля с валетом.

Государственный литературный архив в Москве, Фонд И. А. Второва, № 7015, л. 267. И. А. Второв. Дневные записки. 1792—1843.

411

Записка Н. И. Лобачевского об учебных заведениях Петербурга, представленная им министру народного просвещения С. С. Уварову

23 ноября 1836

Ректор Лобачевский осматривал учебные заведения в С. Петербурге. Был в Академии Наук, Университете, в Гимназиях, Педагогическом институте, Корпусах путей сообщения, Пажеском, кадетских Горном и Морском. Видел механическое заведение в Академии Наук, Метеорологическую и Магнитную Обсерваторию при Горном корпусе, Типографию в Адмиралтействе, Литографию в Корпусе путей сообщения. Познакомился с устройством гальванического снаряда, составленного бароном Шиллингом для телеграфических сообщений; также со всеми снарядами в Комиссии для сравнения мер и весов. Столь большое число ученых и воспитательных заведений под близким надзором высшего начальства подают случай воспользоваться многими примерами для усовершенствования учебных заведений Казанского округа.

Часть хозяйственная

В зданиях учебных заведений сени с лестницей должны быть устроены теплые; в них близь самого входа приемная. Это дозволяет также привратнику, в его форменной комнатной одежде, быть более ловким в исправлении должности, более приятным в своей наружности. Сени могут отапливаться печами по способу Ултрамарка, улучшенному г. Аммосовым. Модель печи обещали доставить.

Отопление вообще казенных учебных заведений может производиться духовыми печами по способу г. Аммосова, с большим сбережением в издержках и без сомнения с ощутительною пользою для здоровья живущих. Желательно, чтоб этот способ сделан был известным в подробности точным описаниям и чертежами. Опыты подобных печей прежде в Корпусе путей сообщения также как и в Казанском университете были не совсем удачные.

Отделение спален от занимательных комнат, кажется, по возможности должно быть принято во всех воспитательных заведениях Казанского учебного округа, как уж это сделано в Казанском университете и в Пер-

Н. И. Лобачевский.
С рисунка пером студента
Ф. Ф. Залеского, 1841 г.
(Государственный Музей Татарской
АССР в Казани)

Н. И. Лобачевский.
С фотографии 1855 г.
(Архив Академии Наук СССР)

вой Казанской гимназии. Удобность при таком устройстве соблюдать опрятность и порядок подтверждается примерами в Корпусе путей сообщения, в Пажеском корпусе, так же как и в Московском университете. Столы для занятий делаются различным образом, из которых каждой представляет своего рода выгоды вместе с недостатками. Увидев столько разных образцов, можно, наконец, придумать что-нибудь такое, где бы соединялось удобство в освещении с прочностью и поместительностию.

Классные столы могут назваться самыми красивыми в Училище правоведения, более удобными в Казанских гимназиях, более прочными в Казанском университете, потому что здесь накосные доски покрыты тонко чугуном. С Казанской гимназии можно, кажется, взять пример, чтоб устроить классную мебель во всех прочих учебных заведениях Казанского округа.

Печи для приготовления кушанья воспитанникам сделаны в Казанском университете и в Казанской гимназии из обливных белых изразцов; но по примеру, какой видел в Морском кадетском корпусе, будет прочнее и красивее обкладывать наружные стены чугуном, к чему представляется в Казани удобность по близости чугунных Екатеринбургских заводов и при водном сообщении весной.

Мытье белья в прачешной не худо производить водяными парами, как в Морском кадетском корпусе, изменив несколько способ, чтоб избегнуть употребления паровой машины, которая стоила бы весьма дорого, не окупаясь при том числе студентов, какое помещается в Казанском университете. Сушенье белья зимою в нагретых комнатах могло бы производиться лучше не посредством паров, как в Морском кадетском корпусе, но духовыми печами. Катанье белья на механических катках весьма хорошо.

Нагревание воды парами в банях уже заведено в Казанском университете. Тоже можно сделать в гимназиях, употребляя такой способ во всяком другом случае, когда требуется горячая вода, как то для квасу, для мытья полов. Приготовление кушанья посредством паров не совсем может быть одобрено.

Расход на содержание воспитанников по подрядам оптом достигает своей цели только в столицах; но в губернских городах не должен быть допускаем, а потому лучшее средство может быть для учебных заведений в Казанском округе остается непосредственное и полное хозяйство директоров в гимназиях, инспектора студентов в университете, как чиновников, определяемых с доверием от правительства. К этому способу, наконец, приходят по нужде, наперед испытав оптовые подряды, но с той разностию, что, применяясь ко всем правилам отчетности, входят в большую переписку, теряя много времени. Наблюдение со стороны г. попечителя в Казани, со стороны инспектора казенных училищ в других городах, без сомнения предупредит всякое злоупотребление, которого впрочем и предполагать не должно, когда с осмотрительностию делается выбор доверенных лиц, а ежегодные отчеты более и более приближают примерные сметы к истинным расходам.

Учебная часть

Обучение молодых людей в юношеском возрасте необходимо должно более склоняться к одной из двух систем: или предоставление в полную свободу приобретать познания; или назначение начальством всех занятий при строгом надзоре за нравственностию. Первой системе, которую можно назвать *преподавательная*, принятой в Германских университетах, отвечает издревле данное наукам прилагательное *свободные*. Вторая система — *воспитательная* — самая близкая к домашнему родительскому воспитанию, а может быть и по народному духу, даже по духу воинственному, получила предпочтение во Франции, особенно в России, где кажется с быстротой усовершенствуется. Она существует вполне для специальных заведений, каковы кадетские корпуса, лицеи, Педагогический институт, Училище правоведения. В университетах напротив приходящие слушатели всегда сколько-нибудь ускользают от этой строгой подчиненности. Таким образом, неравенство в содержании казенных и своекоштных студентов, слишком ощутительное для них самих, бывает новою причиною недостатков. Тем труднее, следовательно, держаться воспитательной системы в университетах, чем более число студентов и чем город обширнее. Особенной чиновник с званием инспектора сделался необходимым; но при всем этом помещение самого большого числа студентов в университетских зданиях, могло бы, кажется, способствовать еще лучше к выполнению воспитательной системы. В Казанском университете г. попечитель предполагает увеличить строения, возведя второй этаж на флигелях, примкнутых к главному корпусу. Новые здания, которые теперь приводятся к окончанию, можно со временем соединить в одну связь; после чего найдется довольно места для квартир студентам с предоставлением значительной выгоды против частных и с полезною целию сосредоточить бдительность начальства над вверенным его попечению юношеством.

С определением особых инспекторов при студентах может быть лучше было бы, для совершенного разграничения в должностях инспектора и ректора, отделить в распоряжение первого все студентское хозяйство, тогда как университетское Правление будет уже то присудственное место, которого посредство делается нужным единственно для производства публичных торгов. Инспектор будет обязан, следовательно, прямой отчетностию только своему начальственному лицу, минуя ректора и присудственных университетских мест. Поводом к такому предположению послужил собственный опыт и некоторые отзывы гг. ректоров в Москве и С. Петербурге. Впрочем мнение г. попечителя Казанского учебного округа в отношении к этому предмету не совсем известно ректору Лобачевскому.

В Казани, как и во всех больших городах, невозможно довольствоваться одной только гимназией. Если учреждение нескольких уже необходимо, то сам собою рождается вопрос, нельзя ли с таким разделением достигнуть и двоякой цели. В Казани одна гимназия принимает только своекоштных учеников, другая только на казенное или пансионерное

содержание. В С. Петербурге первая Гимназия представляет уже Дворянской институт; в двух других помещается только половина учеников, тогда как другую половину составляют своекоштные. Если принять в уважение только то обстоятельство, что ученики не должны быть удалены слишком от гимназии, то в каждую надобно допускать приходящих. Если же напротив избегать разнообразия в способах наблюдения за порядком, то каждая гимназия должна быть либо казенная, либо только своекоштная. Наконец, нельзя пренебречь и тем требованием родителей, чтобы дети высшего сословия не смешивались с мальчиками из сословий гораздо ниже.

Упомянув о требованиях родителей кстати сказать о том их желании, которое предполагает упражнение в новейших языках. Этого кажется весьма трудно достигнуть в общественных заведениях, особенно в губернских городах, какова, например, Казань, где природных образованных иностранцев для надзирательских должностей весьма мало. Остается, может быть ограничиться способом, принятым в Главном педагогическом институте, где преподавание языка бывает на этом же языке.

В Главном педагогическом институте некоторым предметам обучают по новому способу: хронологии по способу Язвицкого, географии с черчением карт, когда заставляют наперед удерживать в памяти содержание в размерах и положение главных точек. Пример, достойной подражания, но с которым надобно ближе быть знакомым, чтобы ввести в другие учебные заведения. Для преподавания географии нужны также особые ландкарты, как это употребляется в Пажеском корпусе.

Высшая степень образованности приобретается самым способным юношеством только в университете или в равных с ним заведениях. Но в университетах многоразличность предметов учения требует разграничения, какое показано в уставе. Остается сделать его подробнее с назначением ближе самых пределов. Начертать этому план представляется наперед самим университетам. Московской учредил в первой год приготовительной курс с тою целию, чтоб изъяснением лучшего способа запас предварительных познаний, как основание, упрочить и выровнить. В С.Петербургском университете приготовительной курс не принят, но главное внимание теперь обратилось к назначению предметов, которые будучи соединены в один отдел самым уставом, по связи между собою должны быть изучаемы все, хотя в различной степени, всегда с преимуществом одних перед другими. Казанский университет в этом случае, может быть, предложит свое, Харьковский опять новое мнение, покуда решительное предпочтение будет отдано тому выбору, которой по опыту должен быть признан как самой удачной. Опровергать или защищать еще, следовательно, не время; но по крайней мере, дозволяется говорить о первых указаниях.

Причисление наук к одному факультету нисколько не предполагает их необходимое взаимное пособие, следовательно, не предполагает такой

общий корень, которой рассекать было бы вредно. Здесь указывается собственно на сходство в видах, которые впрочем существуют каждой сам по себе. Каким образом иначе могла бы стоять Европейская словесность в ряду с Восточными языками? Итак, нет крайности считать непременной обязанностию, чтобы каждой студент учился всем предметам его факультета. С другой стороны допускать различие в успехах, значило бы признавать излишество в преподавании. К недостаткам такого распределения следует отнести также многочисленность и неравенство занятий в юридическом факультете по сравнению с другими.

С переходом из учебного заведения в другое самой курс наук должен переменяться, так что на чем оканчивают тут, с этого начинают уже выше. Университетское преподавание не должно, таким образом, ничего представлять общего с гимназическим. Впрочем, все равно, по какому способу познания ни были бы переданы слушателю, как скоро курс окончен и познания, какие требуются, все приобретены. Различной способ преподавания придуман только с тою целию, чтоб обеспечить изучение. Так, приуготовительной курс не должен входить в состав университетского, разве найдутся к тому другие, более сильные побудительные причины.

Высшую степень образованности, кажется, надобно называть ту, которая при сведениях, необходимых для каждого, при понятиях общих о всех науках, заключается в тех познаниях, которые могут быть приобретаемы только с особенной природной способностию. Гимназической курс составляют необходимые сведения для каждого, тогда как далее науки надобно слушать в университете. От этих данных начиная, кажется, можно с верностию провести главные черты на том плане, которой должен определять университетское преподавание. Здесь воспитанник выбрав какой-нибудь род занятий более по своим способностям, в продолжении трех лет, следуя природной наклонности, упражняет отличительные свои дарования и, наконец, украсив их общими понятиями о других науках посвящает себя тому предмету, которому должен быть уже навсегда предан, как любимому занятию в жизни и с тем, чтоб оставаться в числе ученых, в числе представителей просвещения по всему государству, во всех его сословиях и званиях. Публичные курсы для понятий общих о науках достигали бы также другой цели, которая предполагается с учреждением университетов и с названием публичных профессоров.

Записка,
составленная Ректором Казанского университета
Лобачевским

1836

Ноября [23]

Геометрический кабинет при Казанском университете, № 22; черновик; печатается в окончательном чтении; отрывки опубликованы А. В. Васильевым, с ошибкой в дате (1834 вместо 1836) в РБС, стр. 542. Каллиграфический писарской экземпляр этой же записки, озаглавленный «Записка, составленная ректором Казанского университета Лобачевским 1836 ноября 23-го», сохранился в архиве гр. С. С. Уварова. Текст этого экземпляра совпадает с автографом Лобачевского (ГИМ, архивный фонд С. С. Уварова, Статьи и записки разных ученых, № 41/247, св. 17).

412

Отношение управляющего Департаментом народного просвещения кн. П. А. Ширинского-Шихматова попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину о продлении Н. И. Лобачевскому срока пребывания в Петербурге

10 декабря 1836. Петербург

Г. министр народного просвещения дозволил находящемуся в С. Петербурге ректору императорского Казанского университета Лобачевскому пробыть в С. Петербурге и Дерпте, по делам службы до 25 числа текущего месяца.

Департамент народного просвещения, выдав на сие г. Лобачевскому свидетельство, имеет честь уведомить о том Ваше превосходительство.

Управляющий Департаментом князь П. Ширинский-Шихматов

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 406, д. 28855, 1830 г., л. 49. Отпуск.

413

Из письма Д. М. Перевощикова к И. М. Симонову

8 марта 1837. Москва

Прошу вас поклониться Николай Ивановичу и спросить его о препоручении к Бутенопам о сельских орудиях.

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета, № 4507, л. 500.

414

Из письма Д. М. Перевощикова к И. М. Симонову

10 апреля 1837. Москва

Прошу вас покорнейше засвидетельствовать мое душевное почтение Николай Ивановичу.

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета, № 4507, л. 501.

415

Из дневника В. А. Жуковского

21 и 22 июня 1837. Казань

21. Пребывание в Казани. В немецкую Швейцарию с Виельгорским. Представление. Губернский предвод[итель] Еремеев. Куратор Мих[аил] Никол[аевич] Пушкин. Герман. Карл Федорович Фукс. Ректор Лобачевский. Осмотр выставки. Монастырь Казанской богоматери. Тюрьма. Дом умалишенных. Училище кантонистов. Гимназия (строение новой гимназии). Университет. Бурятский священник. Очищенное [?] зеркало. Новое здание. Химич[еский] и физ[ический] театр, анатом[ический] театр. Библиотека (машинист при университете). Симонов астроном. Визиты. Бал. Казембек. Мандрыка. Броневский. Теренев. Визиты у Фукса, у ректора, у Стрекалова.

22. Пребывание в Казани. Рисовал. В Зилантьевом монастыре и на памятник. В. М. Попов. У меня университетские. Визиты к Пушкину, к Еремееву, к Герману, к архиерею Владимиру. Обед[ал] у вел[икого] князя: Крюков, филолог московский. Посещение из Вашка. После обеда гулянье в саду. Галлерея. Польский. Особенного рода плоды на деревьях. Театр. Загос[кина] Оскол[ьдова] Могила. Вечер[ом] писал письма. Разговор с Еремеевым о бессрочных, о переселениях; ученье и экзамены. О населении Сибири. О кантонистах. Фукс. Статистика нравственности. В городах не осматривал, а говорил с встречными. Записывал отдельные факты.

«Дневники В. А. Жуковского». С примечаниями И. А. Бычкова, СПб., 1901, стр. 329—330.

416

Постановление Совета Казанского университета, писанное Н. И. Лобачевским, о выдаче ему копии с формулярного о службе его списка

7 августа 1837

Г. ректор, возвращая копию с послужного своего списка, выданную Советом 28 сентября 1835, № 1397,[1] объяснил, что по обстоятельствам замедлилось от него представление такой копии в Дворянское собрание, которое теперь уже не может довольствоваться сведениями о службе за два года назад; а потому просит Совет выдать ему другую копию с послужного списка по настоящее время для представления в Казанское дворянское депутатское собрание с прошением о внесении его рода в дворянскую родословную книгу. *Определено:* Предъявленную г. ректором копию с послужного списка хранить при деле, уничтожить, а его высокородию выдать другую копию с послужного списка по настоящее время, с надписью,

[1] *Далее зачеркнуто:* для представления в Дворянское собрание.

по какому случаю выдается, за подписом гг. проректора, синдика и правящего должность секретаря и с приложением университетской печати.

Пометы: «Слуш[ано] 7 августа 1837 года»; «Копия дана 7 августа за № 701»; при деле приложена копия «Формулярного списка о службе и достоинстве ректора императорского Казанского университета ординарного профессора чистой математики статского советника и орденов св. Станислава 3 степени и св. равноапостольного князя Владимира 4-й степени кавалера Николая Иванова сына Лобачевского за 1835 год». За подписями ординарного профессора Григория Суровцова и секретаря Совета ординарного профессора Ерохова».

ЦГАТ, Ф. 977, № 8149, л. 1.

417

Из определения Казанского дворянского депутатского собрания о внесении Н. И. Лобачевского с сыновьями Алексеем и Николаем в III часть дворянской родословной книги Казанской губернии

11 августа 1837

1837 года августа 11 дня, по указу его императорского величества самодержца всероссийского, в Казанском дворянском депутатском собрании рассматривали доказательства потомственного дворянства ординарного профессора императорского Казанского университета, статского советника Николая Иванова Лобачевского, представленные от него при прошении, поданном в сие собрание 10 сего августа [...]

Приказали: Признавая вышеозначенные доказательства потомственного дворянства статского советника Николая Иванова Лобаческого достаточными и с силою законов согласными, Казанское дворянское депутатское собрание определяет внесть его, Лобаческого, и сыновей его Алексея и Николая, коих законное рождение доказывается метрическими свидетельствами, данными от Казанской духовной консистории, в третию часть дворянской родословной книги и выдать ему, Лобачевскому, грамоту и засвидетельствованную копию с сего протокола, выдав таковые же сыновьям его Алексею и Николаю, о чем и донесть по установленному порядку Герольдии.

ЦГИАЛ, Фонд департамента герольдии, № 1665, лл. 2—3 и 15—16 (два экземпляра, о которых см. ниже, стр. 394). Копия. Самая дворянская родословная книга Казанской губернии хранится в Научной библиотеке Казанского Государственного университета; в ней (ч. III, лл. 263 об. — 265) находится изложение доказательств о дворянстве Н. И. Лобачевского на основании подлинного дела за № 196, погибшего в Казани в 1918 г. (см. в статье В. В. Егерева в сборнике «Н. И. Лобачевский в Казани», Казань, 1926, стр. 30). Копии же некоторых документов из этого дела, представленные в Департамент герольдии, публикуются в настоящем сборнике.

418

Прошение Н. И. Лобачевского в Департамент герольдии Правительствующего Сената о пожаловании ему диплома на дворянство и герба

13 августа 1837

Всепресветлейший державнейший великий государь император Николай Павлович, самодержец всероссийский государь всемилостивейший

Просит статской советник
Николай Иванов сын Лобачевский
о нижеследующем

Службу Вашего императорского величества происходя чинами, пожалован я в статские советники и награжден орденами, но диплома и герба от Вашего императорского величества пожаловано мне еще не было; почему, представляя у сего копию с протокола Казанского дворянского депутатского собрания о внесении меня с моим родом в родословную книгу потомственного дворянства и прилагая пошлинные деньги сто пятдесят рублей, всеподданнейше прошу

Дабы высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было сие прошение мое с копией протокола из Депутатского дворянского собрания и пошлинными деньгами в Герольдию принять и мне на дворянское достоинство с потомством пожаловать диплом и герб.

Всемилостивейший государь! Прошу Вашего императорского величества о сем моем прошении решение учинить. Августа 13 дня 1837 года, к поданию надлежит в Герольдию. Прошение сие писал сам проситель Ректор Казанского университета статский советник Николай Иванов сын Лобачевский. Прошение подать, диплом и герб получить доверяю вместо себя действительному статскому советнику Александру Федоровичу Веймарн.

Писано на гербовой бумаге ценою два рубля, с водяным знаком 1836 г.

Пометы: «12447»; «9-го сентября 1837»; «Сто пятьдесят рублей записать в приход»; «Слушано Герольдиею 9 сентября 1837 года о записке денег в приход»; «Решено Герольдиею 10 сентября 1837. Д. С.»; «[Решено] Сенатом 17 декабря 1837 г.»; «Сто пятьдесят рублей получены. Казначей Медведев 9-го сентября 1837 г.».

ЦГИАЛ, Фонд Департамента герольдии, д. № 1665 (1837 г.), л. 1.

419

Донесение Казанского дворянского депутатского собрания в Департамент герольдии Правительствующего Сената о внесении Н. И. Лобачевского и его сыновей в III часть дворянской родословной книги Казанской губернии

25 августа 1837

В Герольдию

Казанского Дворянского депутатского собрания

Донесение

По прошению статского советника Николая Иванова Лобачевского, Казанское дворянское депутатское собрание, рассмотрев доказательства

потомственного его дворянства, внесло его и сыновей его Алексея и Николая в третию часть Дворянской родословной книги и выдало как ему самому, так и означенным сыновьям его узаконенные копии с протокола о дворянстве.

Донося о сем Герольдии, Казанское дворянское депутатское собрание честь имеет представить копии с означенного протокола и с документов, вошедших в состав оного. *Губернский предводитель дворянства Еремеев.*

Секретарь дворянств [подпись неразборчива]

№ 261
Августа 28 дня
1837-го года.

Пометы: «12489»; «10 сентября 837»; «10 сентября».
ЦГИАЛ, Фонд департамента герольдии, д. № 1665 (1837 г.), л. 5.

420

Определение Департамента герольдии Правительствующего Сената в связи с поданным Н. И. Лобачевским прошением о выдаче ему диплома на дворянство и герба

9 сентября 1837. Петербург

9 сентября 1837

Статский советник Николай Иванов сын Лобачевский, при прошении в Герольдию, представляя копию с определения Казанского дворянского депутатского собрания о внесении его в родословную книгу и пошлинные деньги сто пятдесят рублей, просит о пожаловании ему на дворянское достоинство диплома и герба.

Определено: Составя из дела сего записку, доложить присутствию, о записке же представленных от статского советника Николая Иванова сына Лобаческого пошлинных денег ста пятидесяти рублей в приход и хранении оных в Сенатском казначействе дать казначею Герольдии Медведеву предписание, которое внести в заведенную на сей предмет особую книгу.

ЦГИАЛ, Фонд департамента герольдии, д. № 1665, (1837 г.), л. 11. Отпуск.

421

Из определения Департамента герольдии Правительствующего Сената о выдаче Н. И. Лобачевскому диплома на дворянство и герба

10 сентября 1837. Петербург

Записка по прошению статского советника Николая Лобачевского о пожаловании ему на дворянское достоинство диплома и герба. 10 сентября 1837.

Статский советник Николай Лобачевский, при прошении представляя копию с определения Казанского дворянского депутатского собрания

о внесении его в родословную книгу и пошлинные деньги сто пятдесят рублей, просит о пожаловании ему на дворянское достоинство диплома и герба.

А Казанское дворянское депутатское собрание при доношении от 10 сего сентября представило копии с документов и с определения своего 11 августа 1837 года, состоявшегося о внесении статского советника Николая Лобачевского в третью часть Дворянской родословной книги.

В копиях сих значит:

1-е. С формулярного списка за 1837 год. [...]

2-е. Копии с патента, 8 июня 1834 года выданного, что коллежский советник Николай Лобачевский за оказанную к службе ревность и прилежность 1833 года сентября 18 всемилостивейше пожалован в статские советники.

3-е. Трех копий с грамот капитула императорских и царских орденов, что он, Лобачевский, всемилостивейше пожалован 1824, февраля 3 кавалером ордена св. Владимира 4-й степени; 1833, декабря 6 св. Станислава 3-й степени и 1836 годов июня 2 св. Анны 2-й степени.

4-е. Копии с определения Казанского дворянского депутатского собрания [...] по рассмотрении сих доказательств, определением своим 11 августа 1837 года состоявшимся заключило внесть его, Лобачевского, в 3-ю часть Дворянской родословной книги. [...]

Определено: Поелику статский советник Николай Лобачевский по настоящему его чину и всемилостивейше пожалованным орденам состоит в дворянском достоинстве, то Герольдия на основании Свода законов тома IX, ст. 16 и 26 и продолжения к сему же тому ст. 18 и 31 признавая его имеющим право на получение диплома и герба, полагает доложить о сем Общему Собранию Правительствующего Сената, согласно установленному порядку; о взыскании же с него денег за употребленную в Герольдии вместо гербовой простую бумагу всего за пять листов десяти рублей и об отсылке оных в казну по служению его ректором в Казанском университете, отнестись в Казанское губернское Правление.

ЦГИАЛ, Фонд департамента герольдии, д. № 1665 (1837 г.), лл. 17—24. Отпуск. В том же деле находятся 2 копии с определения Казанского депутатского собрания от 11 августа 1837 г. о внесении рода Н. И. Лобачевского в III часть дворянской родословной книги Казанской губернии, подлинник которой хранится в Научной библиотеке Казанского университета. Одна из копий, на гербовой бумаге, была представлена в департамент герольдии Н. И. Лобачевским при прошении его от 13 августа 1837 г. и имеет в конце следующую надпись: «По указу его императорского величества сия копия с протокола выдается из Казанского дворянского депутатского собрания, статскому советнику Николаю Иванову Лобачевскому, за надлежащим свидетельством и с приложением печати сего Собрания. Августа 12 дня 1837 года № 211. *Губернский предводитель дворянства Еремеев, секретарь дворянства* [*подпись неразборчива*]». (лл. 2—3). Вторая копия имеет те же заверительные подписи в конце, а также помету: «Копии с сего протокола Казанского дворянского депутатского собрания выданы 12 августа сего 1837 года статскому советнику Николаю Иванову Лобачевскому за № 211 и сыновьям его Алексею за № 222 и Николаю за № 223. *Секретарь дворянства* [*подпись неразборчива*]»; она была приложена к донесению губернского предводителя

дворянства П. И. Еремеева от 28 августа 1837 года (лл. 15—16) вместе с копией формулярного списка о службе Н. И. Лобачевского, 1837 года (лл. 8—12). Документы эти не воспроизводятся, так как содержание их использовано как в этом определении департамента герольдии, так и в выданном Н. И. Лобачевскому дипломе на дворянство (см. № 425). Отпуск этого диплома также находится в деле и занимает лл. 25—26, 27 (рисунок и описание герба).

422

Из определения Общего собрания 1-го и 3-го департаментов Правительствующего Сената о выдаче Н. И. Лобачевскому диплома на дворянство и герба

17 декабря 1837. Петербург

1837 г., декабря 17. Пяток.

Слушали:

Ст. 10. Записку по прошениям о пожаловании на дворянское достоинство дипломов и гербов. Приказали: Правительствующий Сенат, рассмотрев представленные документы о службе [...] статских советников Николая *Лобачевского* [...], находит, что они, продолжа военную и гражданскую службу, достигли чинов, а некоторые всемилостивейше пожалованы орденами, по коим на основании Свода Законов тома IX о сост. статей 16, 26, 30, и 891 прод. Св. зак. о сост. статей 18, 28 прил. и 31-й состоят в потомственном дворянском достоинстве, а потому полагает, изготовив им на оные дипломы и гербы, поднести к высочайшему его императорского величества подписанию.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента герольдии, д. № 1665 (1837 г.), л. 3. Копия с журнала.

423

Из донесения ревизора Казанской гимназии профессора П. И. Котельникова попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину о постановке преподавания в гимназии математики и физики

28 декабря 1837

Г. учитель [А. Ф.] Попов тем более заслуживает доверенность начальства, что он, приняв за образец творения г. ректора Лобачевского, старается в духе этого автора быть по возможности систематическим и строгим, не уклоняясь, впрочем, от предписанных правительством руководительных книг.

Историческая записка о 1-й Казанской гимназии, часть 3-я. Составил В. Владимиров, Казань, 1868, стр. 278.

Необходимо добавить, что еще в 1830—1831 учебном году преподавание математики в среднем алгебраическом классе Казанской гимназии велось учителем Флоренсовым «по руководству Н. Лобачевского»: «о счете одночленных количеств, о скобках, о счете сложных количеств, о дробях, об уравнениях 1-й степени, о Ньютоновой строке, об уравнениях 2-й степени, общие понятия о логарифмах и об их главных свойствах»; в высшем классе была «пройдена вся плоская геометрия, придерживаясь записок профессора Лобачевского» преподавателем М. И. Мельниковым и адъюнктом Н. О. Юферовым (там же, ч. 2, отд. 2, стр. 172). В 1835 г. в III—VI классах той же гимназии алгебра и геометрия преподавались по «сочинениям Фуса с употреблением профессора Казанского университета г. Лобачевского» (там же, ч. 3, стр. 256).

424

Выписка из «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи» о внесении герба Н. И. Лобачевского в XI часть гербовника

29 апреля 1838. Петербург

Лобачевские

Ректор императорского Казанского университета Николай Лобачевский в службу вступил в 1814 году; 1818 декабря 31 произведен в надворные советники и, состоя в чине статского советника, 29 апреля 1838 года получил диплом на потомственное дворянское достоинство.

Гр. Александр Бобринский, «Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи», часть II, СПб., 1890, стр. 632, под 1818 г., из неизданной XI части гербовника, № 127, где находится и изображение герба (хранится в ЦГИАЛ).

425

Жалованная грамота, выданная Н. И. Лобачевскому на дворянское достоинство

29 апреля 1838. Петербург

Божиею поспешествующею милостию
Мы Николай Первый
Император и самодержец
Всероссийский,

Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Польский, царь Сибирский, царь Херсониса-Таврического, государь Псковский и великий князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский, князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и великий князь Нова Города, Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея северныя страны, повелитель и государь Иверския, Картолинския, Грузинския и Кабардинския земли и Армянския области; Черкаских и Горских князей и иных наследный государь и обладатель, наследник Норвежский, герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем вообще и каждому особливо чрез сию нашу жалованную грамоту, что хотя мы по самодержавной от всемогущего бога нам данной императорской власти и по природной нашей милости и щедроте, всех наших верных подданных честь, пользу и приращение всемилостивейше всегда защищать и споспешествовать им желаем; однакож наипаче к тому склонны, чтоб тех наших верных подданных и их роды честию, достоинством, також и особенною нашею милостию по их состоянию, награждать,

повышать и надлежащими преимуществами жаловать и во оных подтверждать, которые по всеподданнейшей своей к службе нашей ревности, нам и государству нашему отменные пред прочими услуги и верность показывают.

А известно нам, что наш верноподданный статский советник Николай Лобачевский по окончании курса наук в Казанском университете нашем и по удостоении в 1811-ом году августа 3-го звания магистра, в службу нашу вступил 1814-ом марту 26-го адъюнктом физико-математических наук; 1816-го июля 6-го экстраординарным профессором; 1818-го мая 23-го членом Училищного комитета, тогож года декабря 31-го в надворные советники; 1820-го ноября 19-го утвержден деканом Физико-математического отделения; 1822-го марта 16-го членом Строительного комитета при Университете, тогож года мая 24-го ординарным профессором математики и физики, и поручено ему смотрение за Астрономическою обсерваториею, Кабинетом естественной истории, редкостей и Минц-кабинетом, 1823-го февраля 3-го пожалован орденом св. равноапостольного князя Владимира 4-ой степени, 1825-го февраля 12-го председателем Строительного комитета; тогож года сентября 28-го поручено исправлять должность непременного заседателя в Правлении университета; 1826-го февраля 19-го библиотекарем Университета; тогож года марта 31-го в коллежские советники; 1827-го июля 30-го избран ректором Университета и председателем Издательного комитета; тогож года октября 25-го членом общества любителей отечественной словесности; 1833-го по высочайшему нашему соизволению оставлен в должности ректора впредь до преобразования Университета; тогож года мая 23-го награжден бриллиантовым перстнем; тогож года сентября 18-го произведен в статские советники; тогож года декабря 6-го пожалован кавалером ордена св. Станислава 3-й степени; 1836-го июня 2-го пожалован орденом св. Анны 2-й степени. Имеет знак отличия беспорочной службы за XX лет. — Сверх того удостоился получить наше высочайшее благоволение за усердие, оказанное им при предохранении подведомых ему учебных заведений от болезни холеры. И всегда к службе нашей оказывал усердие.

То мы в воздаяние ревностных его, статского советника Николая Лобачевского, заслуг, также и по нашей императорской склонности и щедроте, которую мы для награждения добродетелей ко всем нашим подданным имеем и по дарованной нам от всемогущего бога самодержавной власти, всемилостивейше соизволили помянутого нашего верноподданного Лобачевского в вечные времена в честь и достоинство нашей империи дворянства, равно обретающемуся в нашей Всероссийской наследной империи, царствах, княжествах и землях прочему дворянству, возвести, постановить и пожаловать, яко же мы сим и силою сего его, Николая Лобачевского, в вечные времена в честь и достоинство нашей империи дворянства возводим, постановляем и жалуем и в число прочего Всероссийской империи дворянства таким образом включаем, чтоб ему и потомству его по нисхо-

дящей линии в вечные времена всеми теми вольностями честию и преимуществом пользоваться, которыми и другие нашей Всероссийской империи дворяне по нашим правам, учреждениям и обыкновениями пользуются.

Для вящшего же свидетельства и в признак сей нашей императорской милости и возведения в дворянское достоинство жалуем ему, Лобачевскому, нижеследующий дворянский герб.

Щит разделен горизонтально на две части, из коих в верхней в красном поле изображены шестиугольная из двух золотых треугольников составленная звезда и летящая вверх пчела, а в нижней в голубом поле стрела и серебреная подкова, шипами вверх обращенная. Щит увенчан дворянским шлемом и короною с тремя на оной страусовыми перьями. Намет на щите голубой, подложенный золотом.

Чего ради жалуем и позволяем помянутому нашему верноподданному статскому советнику Николаю Лобачевскому вышеписанный дворянский герб во всех честных и пристойных случаях, в письмах, печатях, на домах и домовых вещах и везде, где честь его и другие случающиеся обстоятельства того потребуют, употреблять по своему изволению и рассуждению, так как и другие нашей империи дворяне оную вольность и преимущество имеют. И того ради всех чужестранных потентатов, принцев и высоких областей владетелей, також графов, баронов, дворян и прочих чинов, как всех обще, так и каждого особливо чрез сие дружебно про-

сим, и от всякого по достоинству чина и состояния благоволительно и милостиво желаем оному Николаю Лобачевскому сие от нас всемилостивейше пожалованное преимущество в их государствах и областях благосклонно позволить, а нашим подданным, какогоб чина, достоинства и состояния оные ни были, сим всемилостивейше и накрепко повелеваем помянутого Лобачевского за нашего Всероссийской империи дворянина признавать и почитать, и ему в том, також и в употреблении вышеозначенного дворянского герба и во всех прочих нашему Всероссийской империи дворянству от нас всемилостивейше позволенных правах, преимуществах и пользах предосуждения, обид и препятствия отнюдь и ни под каким видом не чинить.

А для вящшего уверения, мы сию нашу жалованную грамоту нашею собственною рукою подписали и государственною нашею печатью укрепить повелели. Дана в Санктпетербурге месяца апреля в двадесять девятый день; в лето от рождества Христова тысяща осьмь сот тридесять осьмое государствования же нашего в третие надесять.

Николай

Министр юстиции Дмитрий Дашков

Грамота писана на пергаменте, каждый лист имеет художественный в красках орнамент и в верхней своей части на первой странице государственный герб, а на остальных—вензель имп. Николая I; на последней странице пометы: «В Сенате в книгу записан под № 1171-м»; «При запечатании в Министерстве иностранных дел № 7679»

Архив АН, Разряд IV, оп. 1, № 641, из архива Н. И. Лобачевского.

426

Письмо Н. И. Лобачевского М. Н. Мусину-Пушкину
17 августа 1838

Милостивой государь
Михаил Николаевич

Высочайшим указом пожалованной в чин действительного статского советника, я совершенно убежден, что такой великой милости от государя императора удостоился по Вашему ходатайству и по тому вниманию, которое Вам угодно было оказать к моей службе. Будьте уверены, Ваше превосходительство, что чувство признательности усилит еще более мое усердие в исполнении возложенной должности, которую проходить под Вашим начальством почитаю за счастие, будучи всегда исполнен к Вам отличного уважения.

Следующие деньги за повышение чином буду иметь честь доставить Вашему превосходительству в следствии предписания 16 августа, № 3409,

согласно с узаконениями немедленно по расчету, которой от меня предложено сделать в Правлении университета.

С истинным почтением и совершенной преданностию имею честь быть
Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Ректор Университета Николай Лобачевский

1838
Августа 17.

Помета рукой М. Н. Мусина-Пушкина: «Полу[чено] 17 ав[густа] 1838».

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 21.

427

Письмо Н. И. Лобачевского И. Е. Великопольскому
27 августа 1838

Благодарю покорнейше за поздравление и за эпитафию. Ручаться за себя нельзя; но как я намерен не сходить в могилу [?] ни для одного друга, ни для родственников, даже и для знакомых, то, если в этом успею, буду благодарен Вам за благовременное напоминание, о котором тоже должен сказать, что мы говорим в механике: всякая сила производит непременно свое действие. Впрочем, повышение в чины зависит от обстоятельств по службе, тогда как мне хочется удержать за собой значение, которое бы мне особенно принадлежало, было бы чем-нибудь собственным. Я продолжаю мои любимые занятия, сколько досуги позволяют. Вы тоже выбрали для себя круг, где Ваша наклонность и способности ищут для себя пищи, как истинного наслаждения в нашей жизни. Наши сношения с Вами, надеюсь, всегда будут как родственников и как людей из мира умственных занятий, где чинов нет. Участие в Ваших литературных утехах всегда будет с моей стороны искренним и доброжелательным. Как родственник, готов был бы оказывать Вам услуги и сожалею, что случай не доводит меня быть как-нибудь значительно полезным. Напротив, Вы меня весьма много уже одолжили.

Примите от меня искреннее уверение в уважении и преданности
Вашего брата
Н. Лобачевский.

1838
Августа 27.

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 27,

Опубликовано Б. Л. Модзалевским в «Известиях Физико-математического общества при имп. Казанском университете», вторая серия, том XII, № 2, Казань, 1902, стр. 93 и отд. оттиск, Казань, 1902, стр. 10.

428

Письмо Н. И. Лобачевского И. Е. Великопольскому

4 января 1839

Поздравляю Вас, Иван Ермолаевич и Софья Матвеевна, с Новым годом.

Архип доставит это письмо и скажет, в каком положении теперь Владимир Ростовский. Наши лекаря находят его безнадежным, в чахотке совершенно развившейся, которую не в человеческих силах удержать. По рецептам и рассказам больного в Москве точно так же разумели болезнь и давали лекарства не в надежде вылечить, а желая только облегчить болезнь. Таково заключение консилиума, которой мы здесь делали. Очень жалко молодого человека, особенно Ростовского, со способностями, с добротою в сердце, исполненном чувствами.

Я бы затруднился отправить к Вам Архипа, еслибы не случился здесь профессор Перевощиков, которой согласился взять его с собою. — Архип у Вас прекрасный человек, усердной, трудолюбивой и доброй. Я послал его теперь к г. Крюкову узнать о картинах и портретах, но не думаю, чтоб они изготовлены были к отсылке в Москву, по обещанию живописца. Не думаю потому, что портреты мой и жены еще не докончены, а Крюкову хотелось все отослать к Вам разом.

Ваш мальчик Дмитрий вышел хороший фельдшер, но, к сожалению, болен до того глазами, что хорошо, если потеряет только один глаз. В своей болезни он иногда не бережет себя: попивает. Другой мальчик, Федот, послабее в способностях, исправился много в последнее время. По словам нашего аптекаря, он совершенно хорошо разумеет все аптекарские манипуляции, но должен еще с полгода заняться в лаборатории, особенно приготовлением мазей и пластырей. Аптекарь [Губицкий] дал мне слово заняться Вашим Федотом особенно.

Думаю, что Вы давно получили доверенность на продажу людей из Можарова. Сейчас получил от Вас письмо с другим на имя Ростовского. Вы действительно хорошо сделали, что больного отправили в Казань. Дорогой ему было лучше, нежели в Москве и теперь в Казани. Это поправление, однакож, обманчиво: болезнь усиливается в последствии. Вот почему, несмотря на желание больного, выезжать и прогуливаться не дозволяют наши лекаря. Вы особенно хорошо сделали, отправив больного сюда, потому что здесь он более дома, более может найти для себя утешения, видя всех родных, знакомых и товарищей своего детства. Самая большая выгода для него, которой может он утешаться, что здесь врачи без всякой холодной расчетливости принимают истинное участие в его положении и доказывают на каждом шагу доброжелательство и усердие. Когда созвал я консилиум, то никто из приглашенных не взял денег. В столицах таких примеров не бывает. Напротив, явное корыстолюбие врачей оскорбляет чувства больного и отнимает у него доверчивость и надежду.

Вы ко мне пишете, что должен с Любови Ермолаевны получить 677 р., которые, вероятно, она мне доставит. Что касается до другого счета, с Крюковым и за мальчиков, то ничего не могу сказать, потому что эти счеты ведет моя жена. За мальчиков еще мы заплатили за год, а Крюкову, кажется, рублей 200 на днях.

Прошу засвидетельствовать мое почтение Софье Матвеевне. Преданный Вам брат

Николай Лобачевский.

1838 [sic]
Генв[аря] 4

Вы мне прислали копию с герба; но прошу Вас покорнейше прислать также прошение в здешнее Дворянское депутатское собрание, в котором объяснить, для чего копия Вами представляется и кому должна быть возвращена. Если Вы представляете для внесения в родословную Вашу книгу, то нет нужды ее оставлять в Дворянском собрании.

Геометрический кабинет им. Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 26.

Опубликовано Б. Л. Модзалевским в «Известиях Физико-математического общества при имп. Казанском университете», вторая серия, том XII, № 2, Казань, 1902, стр. 93—95 и отд. оттиск, Казань, 1902, стр. 10—12.

429

Из письма Л. Е. Растовской к И. Е. Великопольскому
14 января 1839

Должные же мною тебе 825 р. я по твоему приказанию передала Лобачевским.

ПД, № 32165 — CCXLIIб. 33.

430

Из письма Н. А. Моисеева к И. Е. Великопольскому
19 января 1839

На прошедшей почте Н[иколай] Ив[анович] писал к тебе о смерти Владимира Ростовского. Я уже не застал его.

ПД, № 32152—CCXLII б. 20.

431

Из исторической записки о состоянии Казанского университета в 1837/38 — 1838/39 академических годах со сведениями о деятельности Н. И. Лобачевского в 1837—1839 гг.
Июнь 1839

Ординарный профессор Лобачевский напечатал в ученых записках Казанского университета новые начала геометрии, решение прямолинейных треугольников и решение прямоугольных сферических треугольни-

ков; отправил для помещения в журнале, издаваемом г. Креллем, статью: Sur la probabilité des resultats moyens, tirés des observations repetées [стр. 7].

В Университете нашем, сверх классических преподаваний наук, по ходатайству попечителя, с разрешения г. министра народного просвещения, читались публичные лекции химии и физики для всех сословий города. Аудитории химическая и физическая всегда были наполнены слушателями. Сюда стекались и высшие сановники и простые ремесленники; каждый с жадностию слушал ученых профессоров, которые с необыкновенною ясностию и отчетливостию излагали свои предметы. Один из них *адъюнкт Клаус* занимал своих слушателей химическими опытами, которые доступны были для каждого; другой, *ординарный профессор Лобачевский* увлекал их своим красноречием, представляя им в поэтических картинах дивное строение мира с его бесчисленными и разнообразными явлениями. Тут каждый уверялся, что науки не должны вращаться только в тесном кругу ученых, но сливаться с общественною жизнью и проникать все сословия народа [стр. 8].

«Краткая историческая записка о состоянии Казанского университета за 1837/38—1838/39 академический год» в издании «Обозрение преподаваний в императорском Казанском университете на 1839—1840 учебный год», Казань, 1839, прил., стр. 7 и 8.

432

Сведения о чтениях Н. И. Лобачевским лекций в Казанском университете в 1839—1840 учебном году

Июнь 1839

II

Философского факультета

Отделение математическое.

16. Николай Лобачевский, ординарный профессор чистой математики, будет читать во 2-м курсе *об интегрировании функций с одним переменным* 1 час в неделю, в 3-м курсе *об интегрировании дифференциальных уравнений с частными дифференциалами первого порядка* 1 час в неделю, в 4-м курсе *интегрирование уравнений с частными дифференциалами второго порядка, вариационное вычисление и вычисление вероятностей* 2 часа в неделю, следуя *Лакроа* и принимая в помощь других писателей [стр. 8].

Учебные заведения. [...]

8. *Клинические больницы* [...], хозяйственной частью в больницах управляет ректор *Лобачевский* [стр. 18].

Обозрение преподаваний в императорском Казанском университете на 1839—1840 учебный год, Казань, 1839, стр. 8 и 18.

433

Из «Отчета о состоянии императорского Казанского университета за 1839—1840 академический год» со сведениями о деятельности Н. И. Лобачевского в 1839—1840 учебном году

Около 9 июня 1840

I

А. Часть учебная и ученая [...]

3. *Ученые труды профессоров.*

О. п. и ректор *Лобачевский* читал публичные лекции физики [стр. 6].

В. Хозяйственная часть

1. *Строительный комитет* [...]

Между тем истинная потребность в упомянутых помещениях заставила г. попечителя ходатайствовать у начальства об открытии нового Строительного комитета. Вследствие представления о том, комитет был утвержден 23 мая 1833 года. Он был образован из членов: ординар. профес. *Никольского*, г. *Мамаева*, архитектора *Коринфского*, под председательством ректора *Н. И. Лобачевского.* Сроком его существования было положено 4 года, от 1833 до 1837 [стр. 19]. Но между тем в 1837 г., когда Строительный комитет должен был кончиться, существование его продолжено на 4 года, по случаю постройки клинического дома [стр. 21].

II

Заведения. [...]

4. *Химическая лаборатория.* [...]

Новейшее время в особенности отличается положительным направлением, которое сообщилось также и нашему отечеству. Правительство наше вполне постигло, что обработка и распространение физических и химических сведений может чрезвычайно поднять отечественную промышленность, в особенности когда русский народ одарен такими удивительными практическими способностями и привык труднейшие задачи решать самыми простыми средствами. Потому высшее начальство учредило преподавание технологии, физики и химии, назначив 3000 руб. для вознаграждения. В прошедшем году в химической лаборатории преподавалась уже во второй раз для ремесленного класса народная физика г. ректором *Лобачевским* и народная химия г. профес. *Клаусом.* Богатые собрания физического и химического кабинетов давали способ исполнять самые блистательные и поучительные опыты. Многолюдное стечение слушателей и слушательниц, далеко оставлявшее за собою число посетителей прошлого года, подает утешительные виды, что близко уже то время, когда необходимые сведения физики и химии, имеющие повседневное при-

ложение в промышленности и домашней жизни, распространятся во всех классах [стр. 28—29].

Отчет о состоянии императорского Казанского университета за 1839—1840 академический год. Составлен и произнесен по поручению Совета Университета в годичном торжественном собрании, бывшем 9 июня 1840 года, экстраординарным профессором доктором философии И. Горловым, Казань, 1840, стр. 6, 21, 28—29.

434

Сообщение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета о награждении профессоров Н. И. Лобачевского и К. К. Клауса за успешное и полезное чтение публичных лекций

6 июля 1840

Совету Казанского университета

Успешное и весьма полезное чтение в Университете нынешнею зимою, по приглашению моему, гг. ординарными профессорами ректором Университета действительным статским советником Лобачевским и экстраординарными профессорами Клаусом и Ивановым *публичных лекций*, первым—физики, вторым—химии, а последним—русской истории поставило меня в приятную обязанность ходатайствовать пред г. министром народного просвещения об ассигновании в распоряжение мое 571 руб. 42 6/7коп. серебр. для вознаграждения трудов гг. преподавателей и расходов на учебные пособия, при преподаваниях употребляемых.

Его высокопревосходительство, ссылаясь на представление мое и назначив гг. профессорам Лобачевскому и Клаусу за читанные лекции по 228 р. 57 1/7 коп. серебр. и на учебные пособия, употребляемые при чтении тех лекций, Университету 114 руб. 28 4/7 коп. сер., отнесся к г. министру финансов об отпуске этих денег в ведение мое из технической суммы.

О чем давая мне знать от 17-го мая текущего года за № 5104-м, к надлежащему исполнению, представил объявить г. экстраординарному профессору Иванову, за похвальное усердие его к общественной пользе, благодарность от имени его высокопревосходительства.

Получив ныне из Казанского уездного Казначейства назначение к отпуску 571 руб. 42 6/7 коп. серебром, я препроводил из них вместе с сим к гг. ректору Университета ординарному профессору Лобачевскому и экстраординарному профессору Клаусу по 228 руб. 57 1/7 коп. серебром, а остальные сто четырнадцать рублей двадцать восемь и четыре седьмых копейки сер. в Правление Казанского университета, с тем, чтобы для пополнения издержек при чтении публичных лекций по Физическому кабинету и Химической лаборатории причислено было из этих денег по ровной части к сумме сказанных кабинетов.

Давая об этом знать Совету Казанского университета к надлежащему сведению и изъявив вместе с сим г. профессору Иванову благодарность

от имени г. министра, я предлагаю Совету Казанского университета внести ее в формулярный о службе г. Иванова список.

Попечитель Казанского учебного округа
Тайный советник
М. Мусин-Пушкин.
Правитель канцелярии *И. Цепелев.*

На бланке попечителя Казанского учебного округа от 6 июля 1840 г. за № 3174.
Пометы: «Пол[учено] 7 июля 1840»; «№ 105»; «Слуш[ано] 3 августа 1840 года»; «Ст. 43».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА 3 АВГУСТА 1840:

К № 3174-му предл[ожения] г. попечителя

Определено: В формулярных списках показывать: а) г. ректора Университета Лобачевского и экстраординарного профессора Клауса — за успешное и весьма полезное чтение в Казанском университете публичных лекций, первым — физики, а последним — химии, с разрешения г. министра народного просвещения награждены единовременными выдачами по 228 р. серебром 17 мая 1840 года [...].

Подлинное за подписанием гг. присутствующих и скрепою секретаря. Верно: писец *Павел Демидов.*

ЦГАТ, Ф. 977, № 8496, лл. 1—3.

435

Письмо Н. И. Лобачевского И. Е. Великопольскому
10 июля 1840

Любезнейший Иван Ермолаевич. Пишу к Вам редко, но Вы простите мне, как должностному человеку, которой, нуждаясь в отдыхе среди непрерывных хлопот, откладывает со дня на день то, что терпит времени неделю, а таким образом из дней составляются месяцы, иногда целый год. Обязан через Вас уведомить управителя Малышева, что получил от него с нашей деревни денег оброчных 400 руб. асс[игнациями]. Хотел и сам к нему прямо писать, да не знаю, как его зовут по отце, а писать без имени не хочется его обидеть, потому что, кажется, он у Вас человек удачно выбранный. Это большая редкость в наших крепостных людях найти добрых, усердных и способных. Об этом сколько не стараюсь, еще не мог у себя найти до сих пор ни одного. Очень ему благодарен за труд, которой он берет по нашему имению. Весьма много Вам обязан, что Вы ему такое поручение сделали. Еще бы Вы заставили Вас благодарить, еслиб наше Можарово продали. Из последнего Вашего письма должен был заключить, что представлялся к тому случай. Не знаю, каков успех был в этом; но так тому и быть, как случается. В деньгах нам нужда, как я писал, потому что мы взошли в долг, купив имение, на устройство которого, вдобавок, еще принужден тратиться. Может быть не обойдусь еще без издер-

жек, если состоится мое путешествие за границу. В таком случае, во-первых, могу доставить удовольствие себе лично Вас видеть, списавшись наперед, где Вы будете находиться. Ведь Вы любите непрестанно переезжать с места на место.

Еще за мной оставался долг в исполнении Вашего поручения, которое в чем именно заключалось, я, виноват, хорошо не помню. Вы мне прислали копию с Вашего герба, выданную из Герольдии, и, кажется, просили меня представить эту копию в Казанское дворянское собрание. Однакож Собрание не находит в этом нужды, потому что о выдаче Вашему роду герба в книгу там внесено, но прилагать самой герб они не почитают за должное и затрудняются рисованием. Вот какую мне доставили выписку:

Доказано, что род Великопольских в 7103/1595 году пожалован поместьями, как видно в делах Разрядного Архива. Герб генерал-майору Ермолаю Ивановичу Великопольскому дан 1799 года апреля 30 под № 96; внесен этот род в шестую часть по определению Собрания 1812 года, 3 генваря.

Затем, что мне делать с Вашим гербом, прошу меня уведомить.

Жена моя теперь в деревне со всеми детьми. Она была очень нездорова, как я, кажется, писал к Вам уже. Ее болезнь постоянно продолжалась всю зиму и в особенности на Пасхе приняла вдруг вид опасной. Теперь она поправляется, оставаясь, однакож, всё довольно слабой. Врачи думают, что деревенская жизнь будет ей полезнее самых лекарств.

Прошу свидетельствовать мое почтение Софье Матвеевне.

Остаюсь искренно Вас уважающий и душевно преданный брат

Н. Лобачевский.

1840
10 июля.

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете № 28.

Опубликовано Б. Л. Модзалевским в «Известиях Физико-математического общества при имп. Казанском университете», вторая серия, том XII, № 2, Казань, 1902, стр. 95—97 и отд. оттиск, Казань, 1902, стр. 12—14.

436

Сообщение Н. И. Лобачевского Совету Казанского университета о готовности иметь главный надзор за исправлением должности инспектора студентов

19 июля 1840

В Совет Казанского университета

Г. попечитель Казанского учебного округа предложением 12 текущего июля № 3309-м уведомил меня, что его превосходительство, принимая с особенною признательностию изъявленную мною готовность иметь главный надзор за исправлением должности инспектора университетских сту-

дентов коллежским ассесором Каменевым, предписал последнему обращаться ко мне с словесными донесениями по этой обязанности и испрашивать в потребных случаях наставлений и руковод тва. При чем его превосходительство, изъявив мне совершенную свою благодарность и предложив Правлению Университета о производстве г. Каменеву жалованья, поручил содержание сказанного предложения, которым отменяется прежнее поручение должности инспектора студентов ординарному профессору Протопопову, предъявить Совету Университета, которому и имею честь о сем доложить.

Ректор Университета *Лобачевский.*

На бланке ректора Казанского университета от 19 июля 1840 г., за № 112.
Пометы: «Пол[учено] 19 июля 1840»; «№ 186»; «Слуш[ано] 3 августа 1840 года»; «К ст. 45».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА 3 АВГУСТА 1840:

К № 2708-му предл[ожения] г. попечителя и к № 112-му предл[ожения] г. ректора Университета.

Определено: 1) В формулярном списке г. ректора показывать: от г. попечителя 12-го июля 1840 года изъявлена совершенная благодарность за изъявленную готовность иметь главный надзор за исправлением должности инспектора студентов, 2) дело о сем считать решенным для сдачи в архив. — Подлинное за подписом гг. присутствующих и скрепою секретаря. Верно: писец *Павел Демидов.*

ЦГАТ, Ф. 977, № 8494, лл. 2—3

437

Письмо Н. И. Лобачевского И. Е. Великопольскому

17 августа 1840

Препровождаю к Вам, Иван Ермолаевич, доверенность с правом передоверия на межевание и на продажу Можарова. Желательно, чтоб эта продажа состоялась поспешнее, как в облегчение Вам, так и по нужде моей в деньгах. Я Вам писал с прошедшей почтой, что мы готовы уступить, как по Вашему усмотрению найдете возможным, хотя бы за 300 рубл. душу. В этом же письме уведомлял я Вас, что на продажу Вам назначенного семейства за 500 руб. тоже согласны. Повторяю теперь это еще раз, потому что прежнее письмо могло на почте затеряться.

О Вашем гербе Вы не отвечали мне, что надобно сделать. Не позволите ли к Вам прислать обратно, когда представится к тому случай, или не поручите ли кому взять его от меня, тоже с кем-нибудь Вам известным, — кто через Казань поедет в Москву.

О моем путешествии все еще ничего не могу сказать; но теперь кажется верным сделалось то, что прежде лета мне нельзя будет оставить Казань. Наш попечитель поехал в Нижний-Новгород навстречу своей жене, от

которой должен узнать, нужно ли будет ему побывать зимою в С.-Петербурге. По всему кажется, что нет у него охоты к такой поездке; может быть за недостатком денег. Не пользуясь жалованьем, получая весьма малый доход от деревни по неурожаю в продолжение трех лет и, наконец, потерпев от сильного пожара в Бездне, он весьма нуждался. Если бы государь не пожаловал 30 тысяч рублей на поездку Александре Семеновне за границу, то положение было бы крайнее. Несмотря на такое награждение, для издержек во время пребывания в С. Петербурге денег, без сомнения, не найдется у него довольно. Вот почему я не думаю, чтоб и мое путешествие могло быть скоро разрешено. Самому ехать за этим в С. Петербург охоты нет, тогда как хлопоты непрестанные среди семейства, занятия по должности и по деревенскому хозяйству без того сильно меня удерживают. Еслиж путешествие мое за границу будет решено, то напишу Вам предварительно, чтобы доставить себе случай проездом видеться с Вами.

Жена моя писала к Вам с прошедшей почтой. Ее здоровье поправилось несколько, но теперь хлопочет с больными детьми. Оба сыновья получили лихорадку в холодную и сырую погоду, какая теперь около трех уже недель стоит в Казани. Надобно опасаться, чтобы не пропал хлеб на поле, особенно яровой, которой родился здесь везде хорошо, так что в хорошую погоду трудно было бы убрать, а теперь едва ли могут успеть.

Ник[олая] Алек[сеевича] Моисеева в Казани нет. Он поехал в Уфу как по должности, так и для своего имения. Осокины должны воротиться сюда в сентябре: может быть поспеют к свадьбе Андрея Алекс[андровича] Растовского. Свидетельствую мое почтение Софье Матвеевне.

Преданный Вам брат
Н. Лобачевский.

1840
17 августа

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 29.

Опубликовано Б. Л. Модзалевским в «Известиях Физико-математического общества при имп. Казанском университете», вторая серия, том XII, № 2, Казань, 1902, стр. 97—98, и отд. оттиск, Казань, 1902, стр. 14—15.

438

Из письма И. А. Литтрова к И. М. Симонову

12 (24) сентября 1840. Вена

Knorre brachte mir auch das Werkchen von H-n Lobatschewski, wofür ich ihm herzlich danken lasse. Grüssen Sie ihn vielmahl von mir, und sagen Sie ihm, dass ich mich innig freue zu hören, dass es ihm so gut geht. Es wird mir schwer, ihn als einen einflussreichen erwachsenen Mann mit vielen Kindern zu denken, da ich ihn immer noch als einen lieben, jungen Mann

vor mir sehe. Und eben so geht es mir auch mit Ihnen, mein lieber, guter Freund, Sie, in meinem Andenken wenigstens, nie alt werden können.

Перевод:

Кнорре принес мне также работку г-на Лобачевского, за что я прошу сердечно поблагодарить его. Неоднократно приветствуйте его от меня и скажите ему, что я искренно радуюсь слышать, что он хорошо поживает. Мне делается тяжело думать о нем как о влиятельном, взрослом человеке, с кучей детей, тогда как я все еще вижу его перед собой как милого юношу. Также обстоит дело и с Вами, мой дорогой, добрый друг, который, в моем воспоминании по крайней мере, никогда не может состариться.

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета, № 4507, л. 418—418 об.

439

Отношение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета о пожаловании Н. И. Лобачевскому ордена Анны 2-й степени

22 ноября 1840

Государь император, по удостоению комитета гг. министров, на засвидетельствовании г. министра народного просвещения основанному, и вследствие ходатайства моего, в 19-й день минувшего октября всемилостивейше пожаловать соизволил г. ректора Казанского университета, действительного статского советника Лобачевского кавалером ордена св. Анны 2-й степени, украшенного императорскою короною.

Получив ныне, при предложении г. управляющего министерством народного просвещения от 31-го минувшего октября, за № 11381, знаки сего ордена с грамотою и статутом и препроводив их к г. Лобачевскому, я нужным считаю дать знать о том Совету Университета.

Попечитель Казанского учебного округа
тайный советник *Михаил Мусин-Пушкин*.
Правитель канцелярии *И. Цепелев*.

На бланке попечителя Казанского учебного округа 22 ноября 1840 г., за № 5368.
Пометы: «Пол[учено] 23 нояб[ря] 1840 г.»; «№ 166»; «Слушано 7 декабря 1840 года»; «Ст. 4».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА 7 ДЕКАБРЯ 1840:

К № 5368-му предл[ожения] г. попечителя.

Определено: В формулярном списке г. ректора показывать, что по удостоению Комитета гг. министров, на засвидетельствовании г. министра народного просвещения основанному и в следствие ходатайства г. попечителя, всемилостивейше пожалован в 19-й день октября 1840 года кавалером ордена св. Анны 2-й степени, украшенного императорскою коро-

нюю. Дело о сем считать решенным для сдачи в архив. Подлинное за подписанием гг. присутствующих и скрепою секретаря. Верно: писец *Павел Демидов*.

ЦГАТ, Ф. 977, № 8521, лл. 1—2.

440

Официальное письмо инспектора студентов Казанского университета Е. Ф. Аристова Н. И. Лобачевскому о студенте С. В. Загайнове
13 декабря 1840

Милостивый государь,
Николай Иванович

Г. помощник прозектора, обременяясь исполнением всего того, что должен делать по Анатомическому театру он вместе с прозектором просил меня дать ему в пособие кого-либо из студентов, довольно опытного в деле анатомическом, с тем чтобы этот студент и жил при Анатомическом театре, в той маленькой комнате, которая находится над квартирою прозектора и составляет частицу ее. Избирая с моей стороны в пособие г. помощнику студента 2-го курса Загайнова, я покорнейше прошу Вас приказать поместить его в помянутой комнатке, в которой, как мне сказывали, находится теперь бывший прежде на-хлебах уч[ителя] Паули какой-то немец.

Честь имею быть
с глубочайшим почитанием и
совершеннейшею преданностию
ваш,
Милостивый государь,
покорнейший слуга
Евм. Аристов

1840 декабря 13.
Казань.

Помета Н. И. Лобачевского: «Пол[учено] 13 дек[абря] 1840».

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, без номера.

441

Предписание Н. И. Лобачевского как ректора Казанского университета инспектору студентов Е. Ф. Аристову о студенте С. В. Загайнове
23 декабря 1840

Г. попечитель Казанского учебного округа изъявил согласие, чтобы студент Загайнов занимался в Анатомическом театре прозекторским делом в помощь г-у Нордстрему, но с тем, чтобы Загайнов обедал, ужинал и живал в комнатах казенных студентов вместе с прочими своими товарищами,

оставаясь затем прочее время в назначенной ему комнате на антресолях Анатомического театра близ квартиры прозектора. Сообщаю о сем г-ну инспектору студентов для зависящих распоряжений.

Ректор Лобачевский

23 декабря 1840.

Писано на письме Е. Ф. Аристова к Н. И. Лобачевскому от 13 декабря 1840.

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета, без номера.

442

Из списков членов Казанского экономического общества со сведениями о Н. И. Лобачевском

1840

Список

членам императорского Казанского экономического общества

Должность	Фамилия, имя, отчество, женат или холост	Чин и знаки отличия	Место жительства в городе Казани
4-е Отделение по части торговли и промышленности			
Председатель Отделения ректор Казанского университета	Лобачевский Николай Иванович	действительный статский советник	На Воскресенской улице в Университете

ЦГАТ. Фонд Казанского экономического общества; дело «о выборах председателей Отделений и действительных членов Общества», 1840 г., л. 50 об.

443

Рецензия неизвестного (за подписью: «140») на «Геометрические разыскания по теории параллельных линий» Н. И. Лобачевского

1840

[1095] Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien von *Nicol. Lobatschewsky*, K. Russ. wirkl. Staatsrath u. ord. Prof. d. Mathem. b. der Univers. zu Kasan. Mit 1 lithogr. Taf. Berlin, Finke. 1840. 61 S. 8. (12 Gr.)

Nach der Vfs. Behauptung kann man, ohne auf Widersprüche zu gerathen, annehmen, dass sich durch einen gegebenen Punct zu einer gegebenen graden Linie zwei nicht zusammenfallende Parallelen ziehen lassen (vgl. S. 10) und zwischen diesen beiden Parallelen sollen grade Linien durch denselben Punct gehen können, die die gegebenen Grade nicht schneiden und doch nicht parallel zu ihr sind, obgleich sie in derselben Ebne liegen. Auf eine solche Grundlage will der Vf. unter dem Namen der «Imaginären Geometrie» eine

eigne Wissenschaft gründen. Die Grundzüge derselben liegen in diesem Schriftchen vor, jedoch wird dieses Princip und der dadurch erklärliche Satz S. 21: «Je weiter Parallellinien auf der Seite ihres Parallelismus verlängert werden, desto mehr nähern sie sich einander», wohl hinreichend das Schriftchen charakterisiren, um den Ref. jeder weiteren Beurtheilung zu überheben.

140

Перевод:

По утверждению автора, можно принять, не впадая в противоречие, что через данную точку к данной прямой можно провести две несовпадающие параллельные прямые (ср. стр. 10), и между этими двумя параллелями через ту же точку могут проходить прямые, которые не встречают данной прямой, не будучи ей параллельны, хотя и лежат с нею в одной плоскости. На таком основании автор желает построить свою собственную науку, которую он называет «воображаемой геометрией». Основы этой науки изложены в настоящей брошюре; однако этот принцип и вытекающее из него предложение (стр. 21) «чем дальше продолжаем параллельные линии в сторону их параллелизма, тем более они приближаются одна к другой» достаточно характеризуют это небольшое сочинение и освобождают референта от необходимости дальнейшей его оценки.

140

Repertorium der gesammelten deutschen Literatur. Herausgegeben Vereine mit mehreren Gelehrten von Dr. E. G. Gersdorf, Band XXV, 2, Leipzig, 1840, S. 147—148. («Mathematische Wissenschaften»). Перепечатана в книге Friedr. Engel, «Nikolaj Iwanowitsch Lobatschefskij», Leipzig, 1898, S. 434. Перевод впервые в книге В. Ф. Кагана, «Лобачевский». Л.—М., 1944, стр. 193.

444

Предложение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета о внесении объявленной Н. И. Лобачевскому благодарности в его формулярный список

8 января 1841

Совету Казанского университета

Я имел честь доводить до сведения г. министра народного просвещения, что со времени тяжкой болезни бывшего инспектора студентов Геркина и потом за смертию его главное и непосредственное заведывание и надзор по управлению инспектора возложено было мною на г. ректора Университета, который и занимался этим с отличною деятельностию в течение семи месяцов.

Ныне г. министр от 27 декабря минувшего года за № 13486-м, согласно ходатайству моему, предложил объявить г. ректору Университета действительному статскому советнику Лобачевскому от имени его высокопревосходительства благодарность за исполнение возложенного на него поручения.

Сообщив об этом г. ректору, я предлагаю Совету университета внести означенную благодарность в формулярный о службе его список.

Попечитель Казанского учебного округа
тайный советник *М. Мусин-Пушкин.*
Правитель канцелярии *И. Цепелев.*

На бланке попечителя Казанского учебного округа 8 января 1841, № 48.
Пометы: «Пол[учено] 9 генв[аря] 1841»; «№ 6»; «Слуш[ано] 1-го февраля 1841 года»; «Ст. 14».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА 1 ФЕВРАЛЯ 1841:

К № 48-му предл[ожения] г. попечителя.

Определено: В формулярном списке г. ректора Университета показывать: Возложено было на него со времени тяжкой болезни бывшего инспектора студентов Геркена и потом за смертию его главное и непосредственное заведывание и надзор по управлению инспектора и занимался этим с отличною деятельностию в течение семи месяцев, за что и изъявлена от г. министра народного просвещения благодарность.—27 декабря 1840 года. Настоящее предписание г. попечителя приложить к делу о послужном списке Лобачевского.[1] Подлинное за подписом гг. присутствующих и скрепою секретаря. Верно: писец *Павел Демидов.* Отмечено.

ЦГАТ, Ф. 977, № 8548, лл. 1—2.

445

Предложение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета о внесении благодарности министра народного просвещения, выраженной Н. И. Лобачевскому, в его формулярный список

4 января 1841

Г. министр народного просвещения, по представлению моему, изъявил от 18-го декабря 1840 года за № 13165-м согласие на объявление председателю Строительного комитета при Казанском университете г. ректору Лобачевскому и членам его: заслуженному профессору Никольскому и архитектору Коринфскому за скорый и успешный ход постройки клинического здания, совершенной благодарности его высокопревосходительства.

Сделав надлежащее распоряжение о объявлении сей благодарности гг. Лобачевскому, Никольскому и Коринфскому, я предлагаю Совету Университета внести ее в формулярные о службе ректора и архитектора списки. Подлинное подписал Попечитель Казанского учебного округа, тайный советник М. Мусин-Пушкин. Скрепил правитель канцелярии И. Цепелев. Верно: Секретарь Совета *П. Китайцев.* Сверял писец *Павел Демидов.*

[1] Эта фраза вписана рукою Н. И. Лобачевского. — *Л. М.*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА 15 ФЕВРАЛЯ 1841:

К № 30-му предл[ожения] г. попечителя
в заседании 15 февраля в ст. 15 протокола

Определено: В формулярных списках гг. ректора Университета Лобачевского и архитектора Коринфского показывать: от г. министра народного просвещения изъявлена совершенная благодарность за скорый и успешный ход постройки клинического здания при Казанском университете — 18-го декабря 1840 года. Настоящее предписание г. попечителя приложить к делу об определении г. Коринфского архитектором и преподавателем, а копию с сего постановления к делу о послужном списке г. Лобачевского. Подлинное за подписом гг. присутствующих и скрепою секретаря. Верно: писец Павел Демидов

ЦГАТ, Ф. 977, № 8548, л. 3. Копия.

446

Письмо Н. И. Лобачевского П. А. Плетневу
19 января 1841

Милостивой государь
Петр Александрович

Наш профессор минералогии Петр Иванович Вагнер желает видеть С. Петербургский университет и в особенности то, что может относиться к его части. Пользуясь этим случаем, я вызвался покорнейше просить Вас о содействии, в котором, надеюсь, не откажете как по любви к наукам, так и по свойственной Вам благосклонности, столь известной мне лично, но, к сожалению, по знакомству весьма кратковременному. Хотя поздно мне довелось засвидетельствовать Вам это чувство благодарности, но в искренности моего заявления прошу Вас не усумниться, так же как и в полном уважении к Вам

Ваш покорнейший слуга
Николай Лобачевский

1841
19 Генваря.

ПД, Ф. 234, оп. 3, № 383.

447

Из письма К. Ф. Гаусса к И. Ф. Энке
20 января (1 февраля) 1841. Гёттинген

Ich fange an das Russische mit einiger Fertigkeit zu lesen, und finde dabei viel vergnügen. Hr Knorre hat mir eine kleine in russischer Sprache geschriebene Abhandlung von Lobatschewsky (in Kasan) geschickt und dadurch so wie durch eine kleine Schrift in deutscher Sprache über Parallellinien (wovon eine höchst alberne Anzeige in Gersdorf Repertorium steht) bin ich recht begierig geworden, mehr von diesem scharfsinnigen Mathema-

tiker zu lesen. Wie mir Knorre sagte, enthalten die (in russischer Sprache geschriebenen) Abhandlungen der Universität Kasan eine Menge Aufsätze von ihm.

Перевод:

Я начинаю читать по-русски с некоторой беглостью и извлекаю из этого большое удовольствие. Г-н Кнорре прислал мне маленькую, написанную на русском языке работу Лобачевского (в Казани), и благодаря ей, также как и одному небольшому сочинению на немецком языке о параллельных линиях (о которой имеется одна чрезвычайно глупая заметка в справочнике Герсдорфа), мною овладело большое желание прочесть побольше сочинений этого остроумного математика. Как сказал мне Кнорре, труды Казанского университета, написанные на русском языке, содержат массу его сочинений.

Carl Friedrich Gauss Werke, Achter Band, Teubner in Leipzig, 1900, S. 232.

448

Из письма Д. М. Перевощикова к И. М. Симонову
15 марта 1841. Москва

Прошу покорнейше засвидетельствовать мое глубочайшее почтение Николай Ивановичу.

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета, № 4507, л. 502.

449

Предложение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета об избрании ректора Казанского университета и протокол избрания Н. И. Лобачевского на новое четырехлетие
30—31 мая 1841

Совету Казанского университета

С истечением настоящего Академического года следует приступить к избранию ректора и деканов на будущее четырехлетие; почему и согласно предписанию г. министра народного просвещения от 19 минувшего апреля за № 3996 я предлагаю Совету назначить для сего заседание 31 текущего мая, под моим председательством.

Попечитель Казанского учебного округа
тайный советник *М. Мусин-Пушкин*

На бланке попечителя Казанского учебного округа 30 мая 1841, за № 2496.
Пометы: «Пол[учено] 31 мая 1841»; «№ 75»; «Слуш[ано] 31 мая 1841 г.»; « Ст. 2».

Казанский университет в 1840-е годы. С литографии В. Турина.
(Пушкинский Дом Академии Наук СССР)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА 31 МАЯ 1841:

К № 2496 предложения г. попечителя.

Определено: приложив избирательные листы в копии, просить г. попечителя об утверждении на будущее четырехлетие орд[инарного] профессора Лобачевского ректором Университета с 3 августа 1841 года [...] — К сему представлению приложить послужные списки гг. орд. профессоров Лобачевского, Симонова, Эрдмана, Котельникова, Лентовского, Сергеева и Винтера, объяснив, кто из членов Совета и по какой причине не присутствовал. Подлинное за подписом гг. присутствующих и скрепою секретаря. Верно: писец *Павел Демидов.*

Пометы: «Испол[нено] 7 июня 1841»; «Г. попечителю № 292».
ЦГАТ, Ф. 977, № 8572, лл. 1, 8 и 8 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Лист баллотирования Н. И. Лобачевского в ректоры Казанского университета

31 мая 1841

Избирательный лист в должность ректора на четырехлетие 31 мая 1841 года

Ординарные профессоры	Избирает	Не избирает
1. Николай Лобачевский	21	5
2. Федор Эрдман	12	14
3. Николай Симонов	не баллотируется	
4. Петр Сергеев	5	21
5. Александр Лентовский	9	17
6. Эдуард Эверсман	7	20
7. Василий Берви	6	20
8. Эрнест Кнорр	5	21
9. Август Шарбе	2	24
10. Гельмут Винтер	6	20
11. Франц Елачич	7	19
12. Осип Ковалевский	8	18
13. Петр Котельников	8	18
14. Александр Казембек	4	22
15. Петр Корнух-Троцкий	4	22
16. Никанор Скандовский	7	19
17. Иван Линдегрен	4	22
18. Дмитрий Протопопов	9	17
19. Иван Горлов	5	21
20. Фридрих Фатер	4	22
21. Архимандрит Даниил	отказался	

Э. Кнорр	*Блосфельд*	*М. Мусин-Пушкин*	*К. Фойгт*
Ф. Фатер	*К. Клаус*	*Ректор Лобачевский*	*А. Шарбе*
Ф. Елачич	*М. Алек. Казамбек*	*О. Кавалевский*	*Г. Винтер*
И. Симонов	*И. Горлов*	*П. Сергеев*	*Арх. Даниил*
И. Линдгрен	*Иванов*	*В. Берви*	*А. Скандовский*
А. Лентовский	*Ал. Попов*	*П. Корнух-Троцкий*	*П. Котельников*
Д. Протопопов			
Г. Фогель	*П. Вагнер*		*Е. Аристов*

ЦГАТ, Ф. 977, № 8572, л. 2.

450

Предложение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета о проведении баллотирования Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова на оставление за ними профессорских кафедр и протокол избрания Н. И. Лобачевского

30—31 мая 1841

Совету Казанского университета

Гг. ординарные профессора Лобачевский и Симонов будущего 7-го числа июля месяца оканчивают свое двадцатипятилетнее в звании профессора служение.

В § 83 устава Российских университетов, высочайше утвержденного 26 июля 1835 года сказано: «Профессор, по выслуге в сей должности 25 лет, удостоенный звания *заслуженного*, увольняется из Университета, и кафедра его почитается вакантною. Совет принимает меры к замещению оной, причем и заслуженный профессор может подвергнуться узаконенным порядком избранию. Таковое вторичное избрание имеет силу в течение пяти лет, по прошествии коих министр, принимая в уважение мнение попечителя и свидетельство Совета, определяет: имеет ли заслуженный, вторично избранный, профессор продолжать еще преподавание и на сколько лет, или следует, по преклонности лет и другим обстоятельствам, освободить его от занятия и приступить к новому выбору».

Предполагая ходатайствовать пред г. министром об удостоении гг. ординарных профессоров Лобачевского и Симонова звания *заслуженного профессора*, а вместе с тем и об оставлении их еще на пять лет при Университете по уважению не только их отличных способностей, неутомимой деятельности, примерному усердию, постоянному попечению о пользах Казанского университета, но и потому, что они своими трудами сделав себе уже почетное имя в ученом мире, служат честию и украшением сословия гг. профессоров Университета, которого управление мне высочайше вверено, я предлагаю Совету Университета приступить в заседании, имеющем быть 31-го сего мая к баллотированию гг. профессоров

Лобачевского и Симонова на оставление их по истечении 25-летнего служения в Университете при занимаемых ими ныне кафедрах.

Попечитель Казанского учебного округа
тайный советник М. Мусин-Пушкин.

На бланке попечителя Казанского учебного округа от 30 мая 1841 г. за № 2497.
Пометы: «№ 76. Пол[учено] 31 мая 1841»; «Слуш[ано[31 мая 1841»; «Ст. 1».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА 31 МАЯ 1841:

К № 2497 предложения г. попечителя.

Определено: просить г. попечителя об утверждении гг. Лобачевского и Симонова в звании заслуженных профессоров и об оставлении их при Университете в должности профессоров по удостоению, сделанному в Совете баллотированием, по которому избирательных шаров оказалось Лобачевскому 26, Симонову 25 и неизбирательных один. К донесению приложить копию избирательного листа и послужные списки гг. профессоров Лобачевского и Симонова, объяснив, кто из членов Совета и по каким причинам не мог присутствовать. Подлинное за подписом гг. присудствующих и скрепою секретаря. *Верно*: *писец Павел Демидов.*

Пометы: «Испол[нено] 7 июня 1841»; «Г. попечителю № 291»; «Ст. 1».
ЦГАТ, Ф. 977, № 8571, лл. 1—2 и 5.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Избирательный лист, составленный в заседании Совета Казанского университета 31-го мая 1841 года при избрании г. ректора Университета в звание заслуженного профессора.

	Избирает	Не избирает
1. Ректор императорского Казанского Университета ординарный профессор по кафедре чистой математики Николай Иванович Лобачевский	26	

М. Мусин-Пушкин
О. Ковалевский
П. Котельников
В. Берви
П. Сергеев
Ф. Эрдман
П. Шарбе
Арх. Даниил
М. А. Казембек
И. Горлов
Э. Кнорр

Ф. Фатер *Г. Винтер*
Ф. Елачич
Скандовский
П. Корнух-Троцкий
Дм. Протопопов
К. Клаус
П. Вагнер
Е. Блосфельд
И. Линдгрен
Г. Фогель
Е. Аристов
Н. Иванов
А. Лентовский
И. Симонов
Ал. Попов

ЦГАТ, Ф. 977, № 8571, л. 3.

451

Представление Совета Казанского университета попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину об избрании Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова в звание заслуженных профессоров

4 июня 1841

Господину попечителю Казанского учебного округа

Предписанием 30 мая 1841 года № 2497 Ваше превосходительство предложили Совету Университета приступить в заседании 31 минувшего мая к избранию гг. профессоров Лобачевского и Симонова в звание заслуженных и к баллотированию их на оставление по истечении 25-летнего служения в Университете при занимаемых ими ныне кафедрах.

Совет Казанского университета покорнейше просит Ваше превосходительство об утверждении гг. Лобачевского и Симонова в звании заслуженных профессоров и об оставлении их при Университете по удостоверению, сделанному в оном Совете баллотированием, по которому избирательных шаров оказалось г. Лобачевскому 26, г. Симонову 25 и неизбирательных один. Представляя при сем копии избирательных листов и послужные списки гг. профессоров Лобачевского и Симонова, Совет Университета честь имеет объяснить Вашему превосходительству, что в заседании не присутствовали экстраординарный профессор Фойгт — в отпуску и ординарный профессор Эверсман по болезни.

Ректор Университета *Николай Лобачевский*
Секретарь *П. Китайцев*
За столоначальника *Николай Травин*

ЦГАТ, Ф. 92, 1841 г., № 94, л. 5.

452

Представление Совета Казанского университета попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину об утверждении Н. И. Лобачевского ректором университета на будущее четырехлетие

7 июня 1841

Господину попечителю Казанского учебного округа.

Предписанием 30 мая 1841 г., № 2496, Ваше превосходительство предложили Совету Университета приступить к избранию ректора и деканов на будущее четырехлетие и назначить для того заседание 31 минувшего мая.

Совет Казанского университета, представляя избирательные листы в копии, покорнейше просит Ваше превосходительство об утверждении на будущее четырехлетие ординарного профессора Лобачевского ректором Университета с 3-го августа 1841 года.

Ректор Университета *Николай Лобачевский*

Секретарь *П. Китайцев*

За Столоначальника *Николай Травин*

ЦГАТ, Ф. 92, 1841 г., № 94, л. 8.

453

Из «Отчета о состоянии императорского Казанского университета за 1840—1841 академический год» со сведениями о деятельности Н. И. Лобачевского в 1840—1841 учебном году

Около 8 июня 1841

1. Часть учебная и ученая.

1. *Состав Университета.* [...]

Получили всемилостивейшие награды:

Орден св. Анны 2-й степени, украшенный императорскою короною, ректор Лобачевский [стр. 5].

По разрешению господина министра народного просвещения единовременно выдано: вдове умершего прозектора анатомии Паули 714 р. 80 к.; ординарному профессору Лобачевскому за публичные лекции по физике и экстраординарному профессору Клаусу за публичные лекции химии 228 р. 57 1/4 коп. [стр. 5].

Изъявлена благодарность от господина министра народного просвещения: ректору Лобачевскому [и др.] за усердное исполнение возложенной на них обязанности рассмотреть сочинения, написанные учителями гимназий Казанского учебного округа [стр. 5].

От господина попечителя Казанского учебного округа изъявлена благодарность председателю и членам Испытательного комитета для приема в студенты: ректору Лобачевскому [...]. Ректору Университета Лобачевскому за главный надзор за поведением студентов до определения инспектора [стр. 6].

От господина министра народного просвещения последовало согласие на объявление председателю Строительного комитета ректору Лобачевскому, членам: заслуженному профессору Никольскому и архитектору Коринфскому совершенной благодарности за успешную постройку клинического здания [стр. 6].

4. *Испытания.*

В *Испытательный комитет* для приема студентов были назначены: председатель ректор Лобачевский [стр. 10].

5. *Ученые труды профессоров.*

а) Сношения с заграничными и отечественными учеными обществами. [...]

В минувшем году ректор, по поручению Совета, вступил в переписку с Лиссабонскою Академиею наук [стр. 10].

в) Сочинения, изданные или приготовляемые к напечатанию профессорами.

Ректор Университета, ординарный профессор Лобачевский напечатал в Берлине, на немецком языке, сочинение, под заглавием: *Beiträge zu der Theorie der parallelen Linien* и послал туда же, для помещения в Креллевом журнале, рассуждение: *Ueber die Convergenz der unendlichen Reihen* [стр. 11].

7. *Учащиеся.* [...]

Что касается до нравственности учащихся, то нельзя не порадоваться весьма утешительному явлению, которое она представляет. Юное поколение, с каждым годом в значительном числе стекающееся в наш Университет, постоянно крепнет в убеждении, что первое и важнейшее условие образования есть соглашение его с добрыми нравственными качествами. Его превосходительство господин попечитель, относя столь отрадные последствия к неутомимому усердию г. ректора, ординарного профессора Лобачевского и г. инспектора Ахматова, дал мне лестное поручение изъявить гг. студентам совершенное его удовольствие за их успехи и поведение [стр. 22].

«Отчет о состоянии императорского Казанского университета за 1840—1841 академический год. Составлен и произнесен по поручению Совета Университета о годичном торжественном собрании, бывшем 8 июня 1841 года, экстраординарным профессором, доктором философии Н. Ивановым» в издании «Обозрение преподаваний в имп. Казанском университете на 1841—1842 учебный год», Казань, 1841, прил., стр. 5, 6, 10, 11, 22.

454

Сведения о чтениях Н. И. Лобачевским лекций в Казанском университете в 1841—1842 учебном году

Около 8 июня 1841

1. Философский факультет. [...]
2. Отделение математическое.
А. Разряд математических наук. [...]

16. Николай Лобачевский, ректор университета, ординарный профессор чистой математики, будет читать: во 2-м курсе *интегрирование функций* 1 час; в 3-м *интегрирование дифференциальных уравнений* 1 час; в 4-м *варьяционное вычисление* и *интегрирование уравнений с частными дифференциалами*, 2 часа в неделю, следуя Лакроа [стр. 7].

Учебные заведения. [...]

9. Клинические больницы [...] Хозяйственною частию в больницах управляет ректор *Лобачевский* [стр. 18].

Обозрение преподаваний в императорском Казанском университете на 1841 — 1842 учебный год, Казань, 1841, стр. 7 и 18.

455

Предложение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина ректору Казанского университета Н. И. Лобачевскому о доставлении ему предписания министра духовных дел и народного просвещения об утверждении Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова в звании экстраординарных профессоров

9 июня 1841

Господину ректору Казанского университета

Предлагаю Вашему превосходительству в дополнение к представлению Совета от 7 июня за № 291 об избрании Вас и г. Симонова в заслуженные профессоры, представить мне немедленно, за надлежащим засвидетельствованием, копию с предписания бывшего г. министра духовных дел и народного просвещения об утверждении Вас и г. Симонова в 1816 году экстраординарными профессорами.

Попечитель Казанского учебного округа
тайный советник *М. Мусин-Пушкин.*

На бланке попечителя Казанского учебного округа от 9 июня 1841 г., за № 2674.

Пометы: «№ 198»; «Пол[учено] 9 июня 1841»; «Испол[нено] 9 июня 1841»; «Г. попечителю № 139».

Рукою Н. И. Лобачевского: «Требуемые копии с предписания г. министра об утверждении моем и г. Симонова в звании экстраординарного профессора представить немедленно г-у попечителю при донесении. 9 июня 1841. Ректор Лобачевский».

ЦГАТ, Ф. 977, № 8571, л. 6.

456

Представление попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина министру народного просвещения С. С. Уварову об утверждении Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова в звании заслуженных профессоров

12 июня 1841

Господину министру народного просвещения

Ординарные профессора вверенного мне Университета: чистой математики — ректор Лобачевский и астрономии — Симонов 7-го числа будущего июля оканчивают двадцатипятилетнее свое служение в звании профессоров.

Имея в виду предстоящее, по окончании испытаний, избрание ректора и деканов, на основании предписания В[ашего] в[ысокопревосходительст]ва 19 апреля, за № 3996, я счел приличным предложить предварительно подвергнуть гг. Лобачевского и Симонова избранию в звание заслуженных профессоров и к оставлению их при занимаемых ими ныне кафедрах.

Совет в заседании своем 31 минувшего мая избрал их к тому, первого единогласно, а последнего большинством 25 избирательных голосов против одного.

Принимая в уважение отличные способности, неутомимую деятельность, примерное усердие и труды, которыми эти оба достойные профессора снискали себе почетное в ученом мире имя, принесшие честь своему сословию, и согласно избранию Совета и на основании § 33 общего Устава Российских Университетов, имею честь просить Ваше высокопревосходительство покорнейше утвердить гг. Лобачевского и Симонова в звании заслуженных профессоров, с оставлением еще на пять лет при занимаемых ими кафедрах.

ЦГАТ, Ф. 92, 1841 г., № 94, л. 18. Отпуск.

457

Из письма Э. П. Турнерелли к другу в Англию с характеристикой научной деятельности Н. И. Лобачевского

До 22 июня 1841

Vous m'avez demandé, mon cher H., les noms des *Professeurs* de notre Université et les *chaires*, qu 'ils occupent. Bien que je craigne qu'un catalogue de noms inconnus ne soit pas très intéressant pour vous, je vais vous les communiquer. Quelques uns de ces noms cependant, doivent vous être familiers, car beaucoup de nos professeurs ont une réputation méritée parmi les savants de l'Europe. Plusieurs d'ailleurs ont des correspondances suivies avec les Académies de Londres, de Paris, de Berlin et d'autres; et tous presque, je dois vous le dire, par leurs talents et leurs profondes connaissances, sont dignes d'être connus.

Le premier que je citerai est *Mr. Lobatchefsky*, mathématicien célèbre, auteur de plusieurs ouvrages dont un surtout ayant pour titre: *Recherches*

géometriques qui contiennent une théorie complète des lignes parallèles, est connu de tout le monde savant. Mr. Lobatcheffsky est Recteur de l' Université, et en même temps professeur de mathématiques. De tout temps il s'est distingué dans ses fonctions, par son activité et ses talents.

Перевод:

Вы спрашивали у меня, мой дорогой X., имена профессоров нашего Университета и названия кафедр, которые они занимают. Хотя я и опасаюсь, что каталог незнакомых имен не будет очень интересен для Вас, я все же сообщу их Вам. Некоторые из этих имен должны, однако, быть Вам хорошо известны, так как многие из наших профессоров пользуются заслуженной репутацией среди европейских ученых. Многие, кроме того, состоят в постоянной переписке с Лондонскими, Парижскими, Берлинскими и другими академиями; и почти все, должен Вам сказать, своими талантами и глубокими познаниями заслуживают того, чтобы их знали.

На первом месте упомяну г-на Лобачевского, знаменитого математика, автора многих произведений, из которых особенно одно, под заглавием «Геометрические разыскания, которые содержат полную теорию параллельных линий», известно всему ученому миру. Г-н Лобачевский — ректор Университета и одновременно профессор математики. Во все времена он отличался в своих должностях своей деятельностью и своими талантами.

Edward P. Turnerelli, «Kazan et ses habitants. Esquisses historiques, pittoresques et descriptive», volume I, St. Pétersbourg 1841 (цензурное разрешение цензора А. Очкина: Петербург 22 июня 1841), pp. 214—215 (письмо VII, составляющее часть главы: «L' Université et ses professeurs. Fragments de lettres adressées à une ami en Angleterre»).

458

Отношение министра народного просвещения С. С. Уварова попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину об утверждении Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова в звании заслуженных профессоров

23 июня 1841. Петербург

Господину попечителю Казанского учебного округа.

По представлению Вашего превосходительства от 12 минувшего июня, и на основании § 83 Общего устава Российских университетов, 26 июля 1835 года, утверждая ординарных профессоров Казанского университета, ректора, действительного статского советника Лобачевского и статского советника Симонова в звании заслуженных профессоров и соглашаясь на оставление их еще на пять лет на службе в Университете при занимаемых ими кафедрах, имею честь уведомить Вас, милостивый государь, что я вместе с тем отнесся к г. Управляющему Министерством финансов о производстве им, на основании приложения к ст. 1665 Прод. 3 т. Св. законов Уст. о службе гражданской, п. 10 и примечаний 1 и 2 к п. 11, за двадцатипятилетнюю беспорочную в должности профессоров Университета службу,

в пенсию полного штатного оклада по 1143 руб. 68 коп. серебром в год каждому, сверх жалования, из Казанского Уездного казначейства, начиная с 7-го сего месяца, и о прекращении с сего же времени получаемых ими ныне пенсий по 2 тыс. рублей ассигнациями.

Министр народного просвещения *Уваров*.

Управляющий Департаментом князь *Ширинский-Шихматов*.

ЦГАТ, Ф. 92, 1841 г., № 94, л. 20.

459

Представление управляющего Департаментом народного просвещения кн. П. А. Ширинского-Шихматова попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину об ассигновании средств на выдачу пенсий Н. И. Лобачевскому и И. М. Симонову

5 августа 1841. Петербург

Господину попечителю Казанского Учебного округа

Товарищ г. министра финансов уведомил ныне г. министра народного просвещения, что Департаментом Государственного казначейства ассигнованы к отпуску из Казанской казенной палаты, определенные, на основании Прод. Свода зак. т. 3, приложен. к ст. 1665, пункт 10 и 11, ординарным профессорам Казанского университета действительному статскому советнику, ректору Лобачевскому и статскому советнику Симонову, сверх жалования, пенсии по 1143 г. 68 коп. серебром в год каждому, с прекращением получаемых ими пенсионов по 2000 руб. ассигнациями ежегодно.

О сем Департамент народного просвещения имеет честь уведомить Ваше превосходительство, в дополнение к предложению г. министра от 23 минувшего июня за № 7242-м.

Управляющий Департаментом князь *Ширинский-Шихматов*.

Управляющий отделением [*подпись неразборчива*].

ЦГАТ, Ф. 92, 1841 г., № 94, л. 23.

460

Предложение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета об утверждении Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова в звании заслуженных профессоров и производстве им пенсий

9 августа 1841

Совету Казанского университета

Г. министр народного просвещения по представлению моему, и на основании § 83 общего устава Российских университетов 26 июля 1835 года, утвердив от 23 июля за № 7242 ординарных профессоров Казанского университета, ректора действительного статского советника *Лобачев*

ского и статского советника *Симонова*, в звании заслуженных профессоров и соглашаясь на оставление их еще на пять лет на службе в Университете при занимаемых ими кафедрах, вместе с тем отнесся к г. управляющему Министерством финансов о производстве им, на основании прилож. к ст. 1665 Прод. т. 3 Св. зак. Уст. о служ. гражд. п. 10 и примечаний 1 и 2 к п. 11, за двадцатипятилетнюю беспорочную в должности профессоров Университета службу, в пенсию полного штатного оклада по 1143 руб. 68 коп. сереб. в год каждому, сверх жалования, из Казанского уездного Казначейства, начиная с 7 числа минувшего июля месяца и о прекращении с сего же времени получаемых ими ныне пенсий по 2 т. руб. ассиг.

Даю о том знать Совету Казанского университета в ответ на представление от 7 минувшего июня, для надлежащего исполнения и объявления гг. Лобачевскому и Симонову.

Попечитель Казанского учебного округа тайный советник
М. Мусин-Пушкин.

Правитель канцелярии *И. Цепелев.*

На бланке попечителя Казанского учебного округа от 9 августа 1841 г., за № 3359.
Пометы: «№ 97»; «Пол[учено] 14 авг[уста] 1841»; «Слушано 6 сентября 1841 года»; «ст. 2».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА 6 СЕНТЯБРЯ 1841:

К № 3359-му Предл[ожения] г. попечителя.

Определено: Уведомить о сем Правление Университета и Второе отделение Философского факультета, а в полученных списках гг. Лобачевского и Симонова утверждение заслуженными профессорами, согласно с предписанием г. попечителя, показывать.

Дело о сем считать оконченным для сдачи в архив. Подлинное за подписом гг. присудствующих и скрепою секретаря. Верно: писец *Павел Демидов.*

Пометы: «Испол[нено] 11 сентября 1841»; «В правление № 442»; «Во 2-е отделение Философ[ского] ф[акультета] № 443».

ЦГАТ, Ф. 977, № 8571, лл. 7—7 об. и 8.

461

Из постановления Совета Казанского университета о перемене Н. И. Лобачевскому знака отличия беспорочной службы
9 августа 1841

Секретарь Совета доложил присутствию. Время к представлению о награждении чиновников знаками отличия беспорочной службы уже наступило: чиновники Университета, как по справке с делами оказывается, а) г. ректор Университета *Лобачевский* пожалован сим знаком за XXV лет в 1837 году с причислением к следующему пятилетию 6 месяцов и 23 дней по 26 февраля 1837 года [...]. *Определено*: Составя по данным формам

послужные списки, представить г. попечителю и просить а) о перемене знаков отличия XXV-летнего достоинства на таковые же высшего достоинства гг. ректору Лобачевскому [...]. Подлинное за подписом гг. присудствующих и скрепою секретаря. Верно: писец *Павел Демидов.*

Пометы: «Испол[нено] 13 августа 1841»; «Г. попечителю № 357».
ЦГАТ, Ф. 977, № 8579, л. 1.

462

Из отношения Совета Казанского университета попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину о перемене Н. И. Лобачевскому знака отличия беспорочной службы

13 августа 1841

Г. попечителю Каз[анского] учеб[ного] округа

Чиновники Казанского университета: а) ректор Университета Лобачевский, пожалованный знаком отличия беспорочной службы за XXV лет в 1837 году с причислением к следующему пятилетию 6 месяцев и 23 дней по 26 февраля 1837 года [...] выслужили ныне положенный срок на повышение знака отличия высшего достоинства [...]. Совет Казанского университета, представляя в 3-х экземплярах составленные по данным формам списки, покорнейше просит Ваше превосходительство употребить ходатайство о перемене знаков отличия XXV-летнего достоинства на таковые же *тридцатилетнего* достоинства гг. ректору Лобачевскому [...]

ЦГАТ, Ф. 977, № 8579, л. 2. Отпуск; с приложением на лл. 3—8 копии «Списка о службе удостаиваемого к перемене знака отличия беспорочной службы ректора императорского Казанского университета и ординарного профессора по кафедре чистой математики действительного статского советника Лобачевского. Составлен 1841 сентября дня».

463

Отношение министра народного просвещения С. С. Уварова попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину о состоявшемся высочайшем утверждении Н. И. Лобачевского ректором Казанского университета на будущее четырехлетие

15 августа 1841. Петербург

Господину попечителю Казанского учебного округа

По представлению Вашего превосходительства, от 12 июня сего года, я входил с запискою в Комитет гг. министров об исходатайствовании высочайшего его императорского величества повеления: заслуженного профессора Казанского университета действительного статского советника Лобачевского утвердить в звании ректора сего Университета, которое он и ныне занимает, по установлению на четыре года. Комитет, выпискою из журналов от 21 минувшего июля и 12 сего августа, сообщил мне, что, по положению оного, государь император высочайше на это соизволил.

О каковом высочайшем повелении имею честь уведомить Ваше превосходительство для надлежащего исполнения.

Министр народного просвещения *Уваров.*

Управляющий Департаментом *кн. Ширинский-Шихматов.*

ЦГАТ, Ф. 92, 1841 г., № 94, л. 25.

464

Отношение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета об утверждении Н. И. Лобачевского ректором Казанского университета на четыре года

5 сентября 1841. Симбирск

Совету Казанского университета

Г. министр народного просвещения по представлению моему входил с запискою в Комитет гг. министров об исходатайствовании высочайшего его императорского величества повеления: заслуженного профессора Казанского университета, действительного статского советника *Лобачевского* утвердить в звании ректора сего Университета, которое он и ныне занимает, по установлении, на четыре года.

Комитет выпиской из журналов от 21-го минувшего июля и 12-го августа сообщил г. министру, что, по положению оного, государь император высочайше на это соизволил.

О таковом высочайшем повелении вследствие предписания г. министра народного просвещения от 15-го минувшего августа за № 8113-м уведомляю Совет Казанского университета, для надлежащего исполнения.

Попечитель Казанского учебного округа, тайный советник

М. Мусин-Пушкин

Правитель канцелярии *И. Цепелев*

На бланке попечителя Казанского учебного округа от 5 сентября 1841 г., за № 3540 из Симбирска.

Пометы: «Пол[учено] 13 сент[ября] 1841»; «№ 101»; «Слушано 4 октября 1841 года»; «Ст. 2».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА 4 ОКТЯБРЯ 1841:

К № 3540-му предл[ожения] г. попечителя.

Определено: 1) Утверждение г. Лобачевского ректором на четыре года показывать согласно с предписанием г. попечителя в послужном списке, а в Правление Университета сообщить для приведения к присяге и прочих распоряжений; 2) дело о сем считать решенным для сдачи в архив. Подлинное за подписом гг. присутствующих и скрепою секретаря. Верно: писец *П. Демидов.*

Пометы: «Испол[нено] 8 октября 1841»; «№ 506».

ЦГАТ, Ф. 977, № 8572, лл. 11—12.

465

Предложение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета о производстве Н. И. Лобачевскому и И. М. Симонову пенсий

5 сентября 1841. Симбирск

Совету Казанского университета

Департамент народного просвещения от 5-го августа за № 7793 уведомил меня, что товарищ г. министра финансов уведомил ныне г. министра народного просвещения, что Департаментом государственного казначейства ассигнованы к отпуску из Казанской Казенной палаты, определенные, на основании Прод. Св. зак. т. 3, прил. к ст. 1665, п. 10 и 11, ординарным профессорам Казанского университета действительному статскому советнику ректору Лобачевскому и статскому советнику Симонову, сверх жалованья, пенсии по 1143 руб. 68 коп. серебром в год каждому, с прекращением получаемых ими пенсионов по 2000 руб. ассигнациями ежегодно.

Даю об этом знать Совету Казанского университета в дополнение к предложению моему от 9 текущего августа и для объявления гг. *Лобачевскому* и *Симонову*.

Попечитель Казанского учебного округа
тайный советник *М. Мусин-Пушкин*.
Правитель канцелярии *И. Цепелев*.

На бланке попечителя Казанского учебного округа из Симбирска 5 сентября 1841, за № 3542.

Пометы: «№ 102»; «Пол[учено] 13 сент[ября] 1841»; «Слуш[ано] 4 октября 1841»; «Ст. 6».

ЦГАТ, Ф. 977, № 8571, лл. 9 и 9 об.

466

Из отношения попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета о награждении Н. И. Лобачевского знаком отличия беспорочной службы за XXX лет

25 сентября 1841

Совету Казанского университета

По представлениям Совета от 13 и 21 августа, я вхожу ныне с представлением к г. министру народного просвещения о награждении знаками отличия беспорочной службы гг. профессоров: Лобачевского [...]

Нужным считая уведомить о том Совет, обращаю и формулярный список профессора Протопопова.

Попечитель Казанского учебного округа
тайный советник *М. Мусин-Пушкин.*
Правитель канцелярии *И. Цепелев.*

На бланке попечителя Казанского учебного округа от 25 сентября 1841 г., за № 3670.

Пометы: «Пол[учено] 26 сент[ября] 1841»; «№ 105»; «Слушано 4 октября 1841 года», «Ст. 4».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА 4 ОКТЯБРЯ 1841:

К № 3670-му предл[ожения] г. попечителя.

Определено: предложение г. попечителя для сведения приложить к делу. — Подлинное за подписом гг. присутствующих и скрепою секретаря. Верно: писец *Павел Демидов.*

ЦГАТ, Ф. 977, № 8579, лл. 47—48.

467

Представление попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина министру народного просвещения С. С. Уварову об образовании в Казанском университете нового Отделения хозяйственных наук

11 декабря 1841

Господину министру народного просвещения

Назначение во вверенный мне Университет двух новых преподавателей: э. профессора *Зинина*, по кафедре технологии, и кандидата *Пеля*, по кафедре сельского хозяйства, навело меня на мысль, что при Казанском университете есть возможность устроить теперь особое отделение под названием: *Хозяйственных наук*. Это отделение будет составлять часть Философского факультета и в него войдут следующие предметы: 1-е, *как главные*: политическая экономия и финансы, сельское хозяйство, со всеми его отраслями, как то: лесоводство, садоводство, скотоводство и проч.; технология в обширном смысле, наука торговли; 2-е, *как вспомогательные*: законы благоустройства, государственных повинностей и финансов; статистика общая и российская; история новая и России, техническая химия, коммерческая арифметика и один из новейших языков.

Молодые люди, посвятившие себя наукам этого отделения, будут частию весьма знающими и полезными чиновниками по Министерству государственных имуществ, ныне в них нуждающемуся, по Министерствам финансов и уделов; частию хорошими управителями имений, заводов, фабрик, — класс людей, которых теперь в России вовсе нет.

К образованию этого нового Отделения при Казанском университете не нужно никаких новых издержек, потому что для преподавания вышеисчисленных предметов лица и весьма знающие и способные при Университете уже находятся.

В прилагаемой у сего записке, составленной по поручению моему проф. Горловым и мною рассмотренной, это предположение развито подробно.

Представляя предположение мое на благосклонное усмотрение Вашего в[ысокопревосходительст]ва, я честь имею присовокупить, что оно, если удостоится Вашего, м[илостивый] г[осударь], одобрения, может быть приведено в исполнение с будущего 1842—43 академич. года, — и я, получив предварительное утверждение Вашего в[ысокопревосходительст]ва, буду иметь честь представить подробный план преподавания наук в Хозяйственном отделении.

Отпуск с датой: № 5237. 11 декабря 1841. Казань. О преподавании хозяйственных наук в Университете. Отд. II. Ст. 1».

ЦГАТ, Ф. 92, 1841 г., № 218, лл. 1—2.

468

Отношение министра народного просвещения С. С. Уварова попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину в связи с образованием в Казанском университете нового Отделения хозяйственных наук

26 декабря 1841. Петербург

Господину попечителю Казанского Учебного округа

На представление Вашего превосходительства от 11-го сего декабря об учреждении при Философском факультете Казанского университета особого Отделения, под названием *Хозяйственных наук*, имею честь ответствовать Вам, милостивый государь, что как предположение это не было рассмотрено Советом Университета, то я признаю нужным подвергнуть его оному.

Министр народного просвещения *Уваров.*

Управляющий Департаментом *кн. Ширинский-Шихматов.*

На бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент. Отделение II. Стол 1, 26 декабря 1841 года, № 13148, на № 5237».

ЦГАТ, Ф. 92, 1841 г., № 218, л. 3.

469

Из постановления Первого отделения Философского факультета Казанского университета в связи с образованием нового Отделения хозяйственных наук

27 марта 1842

Постановление 1842 года 27 марта Первого отделения Философского факультета и членов из других факультетов по приглашению г. ректора, вследствие предписания г. попечителя 10 генваря 1842 года № 105 о преподавании хозяйственных наук [...].

В заседании 27 марта представлены были мнения гг. ректора Лобачевского и ординарного профессора Фойгта. Г. Лобачевский в своем мнении старался доказать, что науки, которые относятся к государственному хозяйству, составляют особенное учение от науки сельского хозяйства; первое принадлежит в круг юридических, а последнее в круг математических наук, и что изучение сельского хозяйства по настоящим обстоятельствам должно преимущественно обращать на себя внимание, тогда как изучение наук юридических может оставаться в одном факультете без всякого подразделения соединенно с так называемыми камеральными науками, не требуя того подробного преподавания, которое в других государствах предполагает адвокатное судопроизводство главною целию. Г. Фойгт своим мнением хотел обратить внимание прочих членов на то, что подразделения в преподавании полезны могут быть для каждого факультета, а потому, рассуждая теперь об учреждении особенного Отделения хозяйственных наук, не будет ли признано за нужное допустить несколько подразделений и в 1-м Отделении Философского факультета. *Определено*: по большинству голосов Отделение камеральных наук должно составлять особый разряд в Юридическом факультете. С этим мнением не согласились: гг. ректор Лобачевский, архимандрит Даниил, профессоры Эрдман, Эверсман, Кнорр, Иванов и Вагнер, по мнению которых камеральные науки могут оставаться соединенными с прочими юридическими науками в одном факультете. Если же в этом факультете камеральные науки составят особый разряд, то сюда должна быть присоединена уже новая кафедра для науки о торговле и вспомогательное энциклопедическое учение сельского хозяйства и технологии. Далее, какие предметы и в каком объеме будут принадлежать ко вновь учреждаемому разряду, может определить ближе факультет Юридический. Все присутствовавшие члены согласились в том, что признается полезным во 2-ом Отделении Философского факультета различать только два разряда наук: разряд математический, как и до сих пор был составлен, и другой разряд—Хозяйственных наук, *вместо прежнего разряда наук естественных. В разряде* Хозяйственном главные предметы будут: сельское хозяйство, технология, химия, ботаника, зоология и минералогия; вспомогательные: физика, механика, землемерие, архитектура, сверх того языки и другие предметы, общие для всех факультетов. При этом суждении гг. члены 2-го Отделения Философского факультета заявили, что они могут преподавание всех сказанных предметов в обоих разрядах распределить между собою, не находя нужным в присоединении новых преподавателей, как это подробнее должно быть определено вторым Отделением Философского факультета, как скоро по такому предположению последует разрешение. Что касается до подразделений в 1-м Отделении Философского факультета, как предлагает о том на суждение г. Фойгт, то, если в том усмотрена будет надобность, члены сказанного Отделения могут основательнее и ближе войти в рассмотрение. Копию с сего постановления представить к г. попечи-

телю, вследствие предписания его превосходительства 1-му Отделению Философского факультета 10-го генваря № 105 и г. ректору 10-го генваря № 106-й, приложив мнение г. Горлова, доставленное с предписанием г. попечителя и копию с мнений г. ректора Лобачевского и профессора Фойгта. Подлинное подписали: г. ректор Университета Лобачевский и деканы, а также члены 1-го и 2-го Отделений Философского факультета. Верно: Секретарь Совета *П. Китайцев.* За столоначальника *Н. Травин.*

ЦГАТ, Ф. 92, 1841 г., № 218, лл. 31, 32, 33. Копия.

470

Особое мнение Н. И. Лобачевского по вопросу о преподавании в Казанском университете хозяйственных наук

27 марта 1842

Мнение ординарного профессора Лобачевского о преподавании хозяйственных наук.

Г. профессор Горлов изложил исторически, каким образом обычаем введено и до сих пор сохранилось принятое в университетах разделение на факультеты, к которым иногда присоединялся еще особый разряд камеральных наук. Но история ума человеческого то же, что история заблуждений. Обычаем введенное разделение, привычкой удержанные названия не составляют еще существенности в делах. Например, под общее название Философского факультета соединяют два разряда наук совершенно различных. Философия в нынешнем ее состоянии не нуждается в математике, так же как математик почитает для себя философию наукой бесполезной. Более найдется связи между математикой и врачебными науками или между математикой и юриспруденцией, где учение о налогах, об учреждении ссудной, страховой и пожизненной охранной казны требует даже вычислений из высших частей математики. Г. Горлов назначает историю вспомогательной наукой в хозяйственном отделении. Между тем г. профессор истории Иванов не находит для себя возможным сделать из истории какое-нибудь применение к сельскому домоводству, даже к теории финансов и к политической экономии. Г. Горлов между главными предметами, как и следовало, назвал сельское хозяйство и технологию. Г. преподаватель селького хозяйства Пелль требует, чтобы к его предмету присоединились необходимые вспомогательные науки: физика, химия, ботаника, минералогия, даже геодезия, зоология и скотолечение. Для технологии нужна механика, а для механики университетский курс математики. Итак, г. Горлов далеко не обнял всего круга хозяйственных наук для учреждения при университете особого факультета или отделения. Может быть г. Горлов думает заменить этот недостаток преподаванием политической экономии, которая, по его мнению, придавая общий философский характер, находится в таком же отношении к технологии и сельскому хозяй-

ству, в каком алгебра к арифметике. Но алгебра указывает на все арифметические действия и дает на них доказательства, тогда как из общих алгебрагических формул политической экономии нельзя вывести, каким образом должно распознавать почву, удобрять тощее поле и откармливать свиней, а в этом именно заключается сельское хозяйство. При таких недостатках можно применить к преподавателю сельского хозяйства слова, сказанные г. Горловым, что студенты не будут слушать со вниманием общего, поверхностного изучения неясной для них науки, а профессор с небрежением учеников потеряет и собственную охоту. Напротив, из назначенных предметов г. Горловым, кажется, надобно некоторые отменить, например — науку торговли и камеральную арифметику, чтобы не учреждать новых кафедр, которых еще в университете нет. Далее г. Горлов указывает на цель университетского преподавания, выражаясь, что наука должна быть приготовлением к жизни. Например, пословица: век живи и век учись — заключает в себе неоспоримую истину и делает из науки не приготовление к жизни, но постоянное занятие в жизни. Наконец, г. Горлов, от тесных университетских интересов, обращая взор к потребностям общества и правительства, думает видеть здесь чрезвычайно сильную побудительную причину к образованию камерального отделения. Замечает, что в нашей промышленности господствует рутина, все отрасли хозяйства ожидают улучшений, нет управителей, помещики без сведений в земледелии. Настоящий экономический дух времени, говорит г. Горлов, обнаруживается слишком ясно, чтоб университет не мог его понять и повиноваться призванию. Новое министерство государственных имуществ требует от службы чиновников не с одними юридическими познаниями, но хозяев, управителей, камералистов. Это замечание г. Горлова совершенно справедливо, кроме того, что в камералистах нет еще большой надобности, но в хозяевах и заводчиках. Новый порядок в управлении крестьян основывается на том учреждении, чтобы начальство руководствовало поселян в их хозяйстве, вело к усовершенствованию и даже изыскивало новые источники богатства в ремеслах и в произведениях земли. Ясно, что для достижения такой цели нужно изучение собственно сельского хозяйства, а не камеральные науки. Это требование со стороны министерства государственных имуществ присоединяется к общей потребности всего народонаселения и проявляется в заведении большого числа земледельческих училищ для крестьян, недавно в учреждении Горыгорецком для детей дворян и чиновников, в заведении общественных образцовых садов, в возникновении экономических обществ под покровительством государя императора, в большом числе хозяйственных сочинений, издаваемых ныне. Итак, вот причины, почему настает теперь время при университетах открывать учение, полное сельского хозяйства, которому предмету могли бы посвящать себя молодые люди исключительно; но вот вместе причины, почему из приглашенных членов в заседание никто не мог согласиться с мнением г. Горлова о преподавании хозяйственных наук.

Я почел нужным войти ближе в рассмотрение предмета и представить здесь мои мысли.

Некогда все науки соединялись под общим названием философии и могли быть предметом занятий одного человека. С возрастанием каждой науки в своем объеме необходимость заставила занятия разделять. Теперь разделяется общее образование гимназическое с исключительным университетским, которое тем успешнее и совершеннее будет, чем более будет допущено факультетов или разрядов. Это подразделение для успешного преподавания могло доходить до последней подробности или, как говорят, до специальности, еслиб дробность не делалась отяготительной и не затрудняла назначением особых преподавателей для той же науки, всякий раз, как скоро входит она, как вспомогательный предмет, в другом разряде. Это обстоятельство с учреждением хозяйственного отделения заставляет удерживаться от введения без необходимости новых предметов и в назначении особых преподавателей. Теперь обратим, внимание на связь в учении и на цель преподавания. Юридический факультет соединяет в себе науки законодательные, которые либо относятся к нравственности людей — науки собственно юридические, либо к их продовольствию — науки камеральные, каковы теория финансов и политическая экономия. Со включением в юридический факультет наук камеральных еще нисколько не входят науки в строгом смысле хозяйственные, да в этом нет никакой нужды даже для полноты преподавания. Камералист довольствуется статистическими сведениями, нисколько не занимаясь учением о ремеслах и земледелии. Можно быть хорошим камералистом и притом несведущим техником и хозяином. Не признавая, таким образом, никакой связи наук хозяйственных с камеральными, остается мне сказать, нужно ли разделение юридического факультета на два разряда, собственно юридического и камерального. Думаю, что оба разряда наук могут оставаться соединенными в одном факультете и вот по каким причинам. Усиленное теоретическое изучение юриспруденции не представляет особенной важности в России, как и во всех государствах, где нет адвокатного судопроизводства. У нас знание юриспруденции преимущественно должно заключаться в изучении писаных законов, познание которых приобретать теоретически весьма затруднительно, тогда как их подробное изучение бывает легче и полезнее на самой службе в том кругу, который она для наших занятий определяет. Что касается до камеральных наук, так их применение начинается не прежде, как с полным развитием всех родов промышленности, а мы в России, начиная лишь чувствовать некоторый недостаток в продовольствии и с нашей образованностью не желая отстать от усовершенствований иностранных, теперь только приступаем к устройству хозяйственному, к развитию ремесленной и торговой промышленности. В этом начале все средства должны быть употреблены, всякая предприимчивость и деятельность должны быть поощряемы; нет еще надобности помышлять о законах, которые в государстве могут породить борьбу земледелия

с торговлей и ремеслами. Итак, нет надобности в юридическом факультете отделять камеральные науки и присоединять к ним сельское хозяйство, которое никакой связи с законодательным учением не представляет. Напротив, если надобно сделать с большою пользой особый разряд хозяйственных наук, то должен он принадлежать к математическому факультету, а в состав этого разряда взойдут главные предметы:

1. Сельское хозяйство,
2. Технология,
3. Химия,
4. Архитектура.

Вспомогательные:

1. Физика,
2. Ботаника,
3. Минералогия,
4. Зоология и Скотолечение,
5. Геодезия,
6. Политическая экономия.
7. Теория финансов,
8. Статистика,
9. Механика.

Желательно, чтобы в каждом разряде наук было особое преподавание вспомогательных предметов от того преподавания, какое должно быть для главного предмета. Этого можно достигнуть двояким образом. Или каждый профессор, кроме главного предмета, напишет краткий вспомогательный курс и будет по нему читать, уделяя час в неделю, всегда одинаково применение своей науки. Это преподавание по такому курсу может быть даже поручаемо молодым людям, окончившим университетский курс в продолжении времени, покуда остаются в университете, приготовляя себя к испытанию на ученую степень выше. Или надобно прибавить немногих преподавателей с званием адъюнкта, соединяя по несколько вспомогательных предметов вместе, например физику с математикой, геодезией и механикой, минералогию с зоологией и ботаникой. Первое предположение, кажется, простее и не потребует новых средств и дополнения к университетскому штату. На подлинном подписано: 27 марта 1842. Орд. профессор Лобачевский. Верно: Секретарь Совета *П. Китайцев.*

За столоначальника *А. Травин.*

ЦГАТ, Ф. 92, 1841 г., № 218, лл. 26—28. Копия.

Опубликовано: К, 1, стр. 100—101.

Сущность расхождения Н. И. Лобачевского со своими коллегами по вопросу о составе предметов, которые должны были входить во вновь образовываемое камеральное отделение, заключалась в том, что большинство отстаивало ту точку зрения, что это отделение должно составлять собою особый разряд Юридического факультета, а Н. И. Лобачевский этим особым мнением доказывал необходимость образования его в составе Физико-математического факультета. Эту точку зрения Лобачевский отстаи-

вал и на заседании I Отделения Философского факультета. В протоколе, им подписанном, Лобачевский говорит, что «науки, которые относятся к государственному хозяйству, составляют особенное учение от науки сельского хозяйства; первое принадлежит в круг юридических, а последнее в круг математических наук, и что изучение сельского хозяйства по настоящим обстоятельствам должно преимущественно обращать на себя внимание, тогда как изучение наук юридических может оставаться в одном факультете без всякого подразделения, соединено с так называемыми камеральными науками, не требуя того подробного преподавания, которое в других государствах предполагает адвокатное судопроизводство главною целью» (там же, стр. 49—50). Несмотря, однако, на такую правильную постановку вопроса, министерство народного просвещения предложило организовать камеральное отделение в составе юридического факультета «в виде опыта на четыре года», а для руководства прислало учебный план такого отделения, только что открытого тогда в С.-Петербургском университете. Этот план, в несколько урезанном виде был введен и в Казанском университете, и с 1844—1845 учебного года камеральный разряд начал функционировать. Опыт показал, что прав был Н. И. Лобачевский, предвидевший неудачу такой постановки дела. Через 4 года Совет университета (в 1848 г.) должен был признать, что программа камерального отделения неудовлетворительна, так как она не полна — «не признает в должной мере необходимой потребности естественных и частью математических наук», а, напротив, дает «слишком обширный объем собственно-юридическим предметам» и не представляет учащимся возможности быть «ни отчетливо приготовленным камералистом, ни основательно образованным юристом». Тем не менее камеральный разряд просуществовал вплоть до устава 1863 г. лишь с небольшими изменениями (там же, стр. 50).

471

О перемене Н. И. Лобачевскому знака отличия беспорочной службы (из «Ведомости о переменах с чиновниками, представленными к знаку отличия беспорочной службы»)

29 апреля 1842

№	Чин, имя, фамилия и должность	Когда и за каким № сделано представ[ление]	Перемены				Особые обстоятельства, опровергающие удостоение
			Произв. в чин	Перемещен	Уволен	Умер	
1.	Действительный статский советник Николай Лобачевский, ректор Университета и ординарный профессор чистой математики	13 августа 1841 года за № 357 к г. попечителю	Утвержден в звании заслуженного профессора 23-го июля 1841 года	—	—	—	—

[. . . . .]

Помета: «Представлено г. попечителю 29 апреля 1842 года за № 157».
ЦГАТ, Ф. 977, № 8579, л. 49.

472

Представление Н. И. Лобачевского как ректора Казанского университета попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину с препровождением постановления Философского факультета о преподавании хозяйственных наук

6 мая 1842

Господину попечителю Казанского учебного округа

Вследствие предписаний 10 минувшего января 1-му Отделению Философского факультета за № 105-м и на имя мое за № 106-м, честь имею представить Вашему превосходительству копии с состоявшегося 27 марта 1842 г. постановления того Отделения и членов из других факультетов о преподавании хозяйственных наук, копию с мнений г. профессора Фойгта и моего. Записка г. профессора Горлова о том же предмете, доставленная с сказанным предписанием Вашего превосходительства за № 105, при сем возвращается.

Ректор Университета *Николай Лобачевский.*

На бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент народного просвещения. Относительно преподавания хозяйственных наук. Ответ на №№ 105 и 106-й в Казани 6 мая 1842 года, № 78. От ректора императорского Казанского университета».

Пометы: «№ 1805» и «П[олучено] 7 мая 1842».

ЦГАТ, Ф. 92, 1841 г., № 218, л. 6.

473

Предписание Н. И. Лобачевского как ректора Казанского университета астроному-наблюдателю М. В. Ляпунову в связи с экспедицией в Пензу для производства наблюдения над солнечным затмением

21 мая 1842

Г. астроному-наблюдателю Казанского университета

Г. заслуженный профессор здешнего университета Симонов представил г. попечителю Казанского учебного округа письмо директора Главной обсерватории, академика Струве, которым он изъявляет желание, чтобы 26-го июня сего года было наблюдаемо в Пензе солнечное затмение, где оно в то время будет полным.

По случаю отправления г. Симонова за границу, его превосходительство г. попечитель полагает командировать для этого наблюдения меня с профессором Кнорром и Вами и, препроводив ко мне, при предписании своем 20-го мая сего года за № 2218, означенное письмо г. Струве, донесение профессора Симонова за № 32 и составленный им проэкт инструкции, относительно наблюдения полного затмения, — предложил, по рассмотрении их, донести, какая именно потребна будет для этого самая умеренная сумма.

Посему прошу Вас покорнейше составить примерное счисление, какие издержки потребуются для проезда в город Пензу.

Ректор Университета *Лобачевский*.

На бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент народного просвещения. От ректора императорского Казанского универститета. В Казани, 21 мая 1842 года, № 99».

ЦГАТ, Ф. 977, оп. 218, № 8672, л. 1.

474

Из актовой речи профессора П. И. Котельникова «О предубеждении против математики» с оценкой созданной Н. И. Лобачевским новой геометрии

31 мая 1842

Знаменитая задача о квадратуре круга, заставившая многих сойти с ума, разрешается теперь весьма просто указанием противуречия в требовании: представить обыкновенною дробью число по своей натуре несоизмеримое с единицею — в белом цвете видеть черный. При этом случае не могу умолчать о том, что тысящелетние тщетные попытки доказать со всею математическою строгостию одну из основных теорем геометрии, равенство суммы углов в прямоугольном треугольнике двум прямым, побудило достопочтенного заслуженного профессора нашего университета [1] предпринять изумительный труд построить целую науку, геометрию, на новом предположении: сумма углов в прямоугольном треугольнике менее двух прямых — труд, который рано или поздно найдет своих ценителей.

«О предубеждении против математики. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Казанского университета в 31 день мая 1842 года ординарным профессором Петром Котельниковым», в книге: «Обозрение преподавания лекций в императорском Казанском университете на 1842—1843 академический год. Речь ординарного профессора Котельникова и отчет за 1841—1842 год, составленный исправляющим должность адъюнкта Сбоевым, произнесенные в торжественном собрании университета, 31 мая 1842 года», Казань, 1842, стр. 17—18.

475

О чтении Н. И. Лобачевским лекций в 1842—1843 учебном году

31 мая 1842

Николай Лобачевский, ректор Университета, ординарный профессор чистой математики, будет читать: во 2 курсе об интегрировании функций 1 час в неделю; в 3 курсе об интегрировании дифференциальных уравнений с двумя переменными, 1 час; в 4 курсе интегрирование уравнений с ча-

---

[1] Г-на Лобачевского.

И. Е. Великопольский. С портрета маслом работы Л. Д. Крюкова.
(Оригинал утерян)

стными дифференциалами и вариационное вычисление, 2 часа в неделю, следуя Лакроа.

«Обозрение преподаваний в императорском Казанском университете на 1842—1843 учебный год», Казань, 1842 г., в книге: «Обозрение преподавания лекций в императорском Казанском университете на 1842—1843 академический год. Речь ординарного профессора Котельникова и Отчет за 1841—1842 год, составленный исправляющим должность адъюнкта Сбоевым, произнесенные в торжественном собрании университета 31 мая 1842 года», Казань, 1842, стр. 8, в 1 разделе: «Философский факультет. 2. Отделение математическое, А. Разряд математических наук», № 18.

476

Из отчета о состоянии Казанского университета за 1841—1842 академический год, произнесенного адъюнктом В. А. Сбоевым со сведениями о деятельности Н. И. Лобачевского

31 мая 1842

Заседания нашего Совета происходили неопустительно в определенные уставом времена: их было в истекшем учебном году 34. Место председателя, соединенное с званием ректора, четвертое уже четырехлетие с честию занимает в нем заслуженный профессор действительный статский советник Лобачевский, своими прекрасными учеными трудами и своим истинно патриотическим усердием в исполнении принятых им на себя обязанностей достойно стяжавший себе общую доверенность членов университета и постоянное благоволение высшего начальства [стр. 6].

Нужда иметь особые здания для помещения учебных пособий по разным отраслям наук заставила попечителя ходатайствовать пред высшим начальством об открытии при Казанском университете Строительного комитета с такими правами и в таком виде, в каком он существует теперь с 1833 года. Плодом общеполезной деятельности членов его ректора Лобачевского, заслуженного профессора Никольского и архитектора Коринфского было построение прекрасных, по сообразности с целию и внешнему изяществу, зданий. В истекшем году комитет заключил свои действия отделкою клинического корпуса и некоторыми другими постройками в университетских зданиях [стр. 8].

В тех же должностях снова утверждены: 1) ординарный профессор Лобачевский, с высочайшего соизволения, вновь на 4 года ректором университета [стр. 11].

С разрешения г. министра народного просвещения определены:

а) пенсии заслуженным профессорам Лобачевскому и Симонову по 1143 руб. сер. [стр. 12].

По распоряжению попечителя, ректор университета Лобачевский, профессор Кнорр и астроном-наблюдатель Ляпунов в июне отправятся для наблюдения солнечного затмения в Пензу, где оно будет полное [стр. 15].

С 1841 года университет начал печатать составляемые ординарным профессором Кнорром выводы из метеорологических наблюдений: Meteo-

rologische Beobachtungen aus dem Lehrbezirk der Kaiserlich-Russischen Universität Kazan [...]. В изданной теперь первой книге помещены метеорологические наблюдения в Казанском учебном округе за 1835 и 1836 годы. К ним присоединены 2 статьи на немецком языке: одна профессора Лобачевского: Ueber die Convergenz der unendlichen Reichen, другая профессора Кнорра: Allgemeine Bemerkungen über den Vortrag der Physik auf Gymnasien [стр. 15—16].

Все клиническое заведение находится под главным надзором и в распоряжении ректора университета Лобачевского [стр. 37].

«Отчет о состоянии императорского Казанского университета за 1841—1842 академический год. Составлен по поручению Совета университета, и в извлечении произнесен на годичном торжественном собрании, бывшем 31 мая 1842 года, исправляющим должность адъюнкта русской словесности В. Сбоевым» в книге: «Обозрение преподавания лекций в императорском Казанском университете за 1842—1843 академический год. Речь ординарного профессора Котельникова и Отчет за 1841—1842 год, составленный исправляющим должность адъюнкта Сбоевым, произнесенные в торжественном собрании университета, 31 мая 1842 года», Казань, 1842, стр. 6, 8, 11, 12, 15—16, 37.

477
Письмо Н. И. Лобачевского И. Е. Великопольскому
Конец мая 1842

Любезнейший Иван Еромолаевич.

Посылаю Вам доверенность такого содержания, как Вам понадобилась. Желаю, чтоб она цели своей достигнула. Уверен, что по Вашей опытности и при том старании, которое Вы в наших делах оказываете, возьмете все меры осторожности, чтобы предварительная сделка для продажи не произвела ни убытков, ни расстройства в имении. Известие, что Вы нашли покупщика, меня порадовало, потому что вырученные деньги должны послужить уплатой частных долгов, которые еще тягостнее, нежели казенные. Уведомьте, когда продажа будет окончательно решена. Кстати, позвольте Вас просить управителю Вашему сказать, что от него получил я две отчетные ведомости за 1840, 1841 годы и денег 810 рублей асс[игнациями]. Очень ему благодарен за его труды и исправность, а Вас обязан благодарить за определение его к этой должности.

Извините, что давно к Вам не писал. Во-первых, и трудно знать, куда к Вам писать: Вы любите переезжать с места на место; а во-вторых, Вы живете везде неопределенное время. Сколько раз слышал от Вас, что недели на две приехали в Петербург, а после узнавал, что, вместо двух недель, это было около года. Впрочем, я всегда был рад слышать о Вас от когонибудь и всегда собирался писать, но сборы значит такого рода намерение, по которому исполнение может быть отложено и действительно откладывается со дня на день, из которых дней и составляется год. Теперь, когда взялся за перо, напишу обо всем, что вокруг нас, Ваших родных, может Вас занимать. Авдотья Сергеевна очень плоха, и нет сомнения, что

тянется медленно к смерти. Я в последнее время не так часто посещал ее, потому что болезнь моей жены, а потом и годичные студентские экзмены не оставляли досуга. В жизни моей жены не только я, но сам доктор отчаивались. Она занемогла вскоре после того, как мы на святой неделе похоронили Веру Васильевну, жену Андрея Александровича Ростовского. Это тоже происшествие убийственное даже для нас, родных, не только для мужа, которой к потере жены еще затрудняется положением хозяйственных своих дел, потому что купил деревню на имя своей жены, употребив половину своих денег и затеял там много строения. Моя жена, слабого от природы сложения, испытала наперед припадки женской болезни, потом присоединилась лихорадка, расстройство печени, вновь болезнь матки, наконец, еще лихорадка. Сложность недуга в хилом ее теле привела врача втупик. Он просил уже меня созвать наших медиков для совещания. Слава богу, наконец, показалась надежда к выздоровлению, которое тянется до сих пор так медленно, что жена только что может сидеть в креслах и переходить через комнату с помощию палочки. Так-то мы все подвержены на каждом шагу в нашей жизни переворотам, которые грозят нам или разрушением нашего здоровья, или нашего благополучия в его основании. Здесь очень много больных в Казани лихорадкой, господственной местною болезнию, которой сопутствует также тифус и много морит людей. В один месяц из аптек выходит столько хинной соли, сколько выходило в целой год прошедший. Примечательно, что после холерного года лихорадки совсем было прекратились. В последние три года возобновились, особенно ныньче. Впрочем, и в других городах на то же жалуются. Из Ижевского завода пишут, что больницы на 150 человек недостаточно: их пришлось помещать до 400. Назначенное количество оружия не могут выставить. Наконец, и старец Х. Л. Молоствов отыде на тот свет. Он умер однако же не от лихорадки, а в припадке подагры, покушав, говорят, неумеренно земляники в день именин своих. М. Н. Пушкин собирался в Петербург, но по болезни своей матери откладывает отъезд и едва ли поедет. Я также был болен зимой около двух месяцев и походил на мертвеца. Хотя постоянно недомогаю, но в этот раз приходило на мысль оставить службу. Просил, чтоб уволили на месяц в деревню летом, но вот болезнь жены не позволяет выехать. Однако же мы собираемся с ней, как скоро будет в состоянии. Потом еду в Пензу наблюдать полное солнечное затмение. Свидетельствуйте мое почтение Софье Матвеевне.

Истинно преданный брат

Н. Лобачевский.

Сейчас Моисеев прислал сказать, что ему бог дал сына Федора.

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 30.

Опубликовано Б. Л. Модзалевским в «Известиях Физико-математического общества при имп. Казанском университете», вторая серия, том XII, № 2, Казань, 1902, стр. 99—101 и отд. оттиск, Казань, 1902, стр. 16—18.

478

Предписание Н. И. Лобачевского как ректора Казанского университета астроному-наблюдателю М. В. Ляпунову в связи с экспедицией в Пензу для производства наблюдений над солнечным затмением

5 июня 1842

Г. астроному-наблюдателю Ляпунову

По случаю отправления моего с профессором Кнорром и Вами в Пензу для наблюдения солнечного затмения и физических, г. попечитель поручил мне: 1) распорядиться, дабы Астрономическая обсерватория сдана была Вами г. профессору Котельникову под личным моим наблюдением; а по возвращении из Пензы таким же образом принята обратно; 2) наблюсти также за исправною укладкою инструментов, кои его превосходительство разрешил отправить в Пензу как туда, так и обратно, вменив притом Вам в непременную обязанность в продолжение пути заботиться о сохранении их от всякого повреждения и порчи, и 3) с этою целию откомандировать с Вами одного из надежнейших служителей Обсерватории.

Уведомляя о сем, прошу Вас покорнейше поспешить сдачею Астрономической обсерватории г. ординарному профессору Котельникову.

Ректор университета *Лобачевский.*

На бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент народного просвещения. От ректора императорского Казанского университета. В Казани 5 июня 1842 года, № 125».

ЦГАТ, Ф. 977, оп. 218, № 8672, л. 2.

479

Из протокола Физико-математического отделения Академии Наук с отзывом академика М. В. Остроградского о мемуаре Н. И. Лобачевского о сходимости рядов

10 июня 1842. Петербург

Classe physico-mathématique
No. XI
du mercredi 10 Juin 1842
§ 168

M. l'académicien Ostrogradsky rapporta le Recueil des observations météorologiques de Kazan et annonça que pour répondre au désir de M. le ministre et président, il a lu le mémoire sur la convergence des séries qui y est contenue. M. Ostrogradsky a trouvé que ce nouveau travail de M. Lobatchevsky ressemble à ses travaux antérieurs; l'auteur y néglige les premiers principes d'un raisonnement exact, comme à dessein se rend difficile à suivre et ces défauts ne sont rachetés ni par la nouveauté des résultats ni par des simplifications dans l'exposition de ce qui est déjà connu. M. Ostrogradsky ne pense donc pas que ce mémoire soit de nature à mériter l'approbation de l'Académie [...].

Перевод:

Класс физико-математический
No XI
От среды 10 июня 1842.
§ 168

Г. академик Остроградский сделал доклад о сборнике Казанских метеорологических наблюдений и сообщил, что, отвечая на желание г-на министра и президента, он прочел мемуаро сходимостирядов, которое в ней содержится. Г. Остроградский нашел, что эта новая работа г. Лобачевского похожа на его предыдущие работы; автор пренебрегает в ней перевейшими принципами точного рассуждения, точно с предвзятым намерением осложняет понимание хода своей мысли и эти недостатки не искупаются ни новизной результатов, ни упрощением в подаче того, что уже известно. Г. Остроградский не считает, поэтому, этот мемуар заслуживающим одобрения Академии [...].

Архив АН, Ф. 3, оп. 1, № 94, Протоколы за 1842 г.; черновик — Ф. 1, оп. 1—а, № 66.

Краткое изложение в книге В. Ф. Кагана «Лобачевский», Л.—М., 1944, стр. 235.

480

Рапорт академика М. В. Остроградского Физико-математическому отделению Академии Наук с отзывом о мемуаре Н. И. Лобачевского о сходимости рядов

10 июня 1842. Петербург

Rapport

à la première classe de l'Académie Impériale des Sciences

L'Académie m'a chargé d'examiner un mémoire sur la convergence des séries et d'en rendre compte. L'auteur de ce mémoire M-ieur Lobatchewsky, Recteur de l'Université de Kazan, est déjà connu, á la vérité peu avantageusement, par une nouvelle géometrie qu'il appelle imaginaire, par un traité assez volumineux d'Algèbre et par quelques dissertations sur les différents points d'analyse mathématique. Le mémoire commis à mon examen n'est pas de nature à changer la réputation de l'auteur. M-eur Lobatchewsky y neglige les premiers principes d'un raisonnement exact, comme à dessein se rend difficile à suivre et ces défauts ne sont rachetés ni par la nouveauté des résultats ni par des simplifications dans l'exposition de ce qui est déjà connu.

On peut s'evertuer et lire un mémoire mal redigé quand la peine est payée par des vérités nouvelles mais il est plus que pénible à déchifrer un écrit qui n'en contient point, et qui est rendu difficile, non pas par l'élévation des idées, mais par une tournure bizarre des phrases, par des défauts dans la marche des raisonnements et par des singularités employées à dessein.

Ce dernier caractère appartient à l'écrit de M-eur Lobatchewsky; nous l'avons lû cependant et nous n'y avons trouvé que les développements connus en séries des plus simples des fonctions transcendéntes. Ces développements s'y trouvent péniblement démontrés, ils y sont présentés avec des notations que l'auteur seul emploie et aucune remarque réelement nouvelle ne les accompagne.

A la verité l'auteur croit avoir innové, il dit par exemple avoir fait voir le premier que la théorie de fonctions trigonométriques peut être expliquée sans le secours du cercle or nous pensons que Leibnitz le savait déjà.

Il nous semble que le mémoire de M-eur Lobatchewsky sur la convergence des Séries n'est pas de nature à mériter l'Approbation de l'Académie.

Ce Juin 1842.

M. Ostrogradsky

Пометы П. Н. Фуса: «Lu le 10 Juin 1842»; «I Cl., № 168». *Помета красными чернилами:* «№ 637».

Перевод:

Рапорт

Первому Отделению императорской Академии Наук

Академия поручила мне рассмотреть мемуар о сходимости рядов и дать о нем отчет. Автор этого мемуара, г-н Лобачевский, ректор Казанского университета, уже известен, по правде говоря, с довольно невыгодной стороны, новой геометрией, которую он называет воображаемой, достаточно объемистым трактатом об алгебре и несколькими диссертациями о различных вопросах математического анализа. Мемуар, представленный моему рассмотрению, не содействует изменению репутации автора. Г-н Лобачевский пренебрегает в нем первейшими принципами точного рассуждения, словно с предвзятым намерением осложняет понимание хода своей мысли, и эти недостатки не искупаются ни новизной результатов, ни упрощением в подаче того, что уже известно.

Можно превзойти самого себя и прочесть плохо средактированный мемуар, если затрата времени искупится познанием новых истин, но более тяжело расшифровывать рукопись, которая их не содержит и которая трудна не возвышенностью идей, а причудливым оборотом предложений, недостатками в ходе рассуждений и нарочито применяемыми странностями.

Эта последняя черта присуща рукописи г-на Лобачевского; все же мы прочли ее и не нашли в ней ничего, кроме доказательств, принятых для рядов самых простых трансцендентных функций. Эти доказательства весьма неубедительны; они представлены обозначениями, которые, кроме автора, никто не употребляет и не сопровождаются никакими действительно новыми замечаниями.

Автор поистине считает, что он сделал открытие; так, например, он говорит, что он первый обратил внимание на то, что теория геометрических функций может быть объяснена без помощи круга; однако мы полагаем, что уже Лейбницу было известно об этом.

Нам кажется, что мемуар г-на Лобачевского о сходимости рядов не заслуживает одобрения Академии.

Сего июня 1842.

М. Остроградский

Архив АН, Ф. 1, оп. 2—1842, ФМ, § 168.

481

Извещение вице-президента Академии Наук кн. М. А. Дондукова-Корсакова I отделения Академии Наук о командировании Н. И. Лобачевского в Пензу для наблюдения солнечного затмения

23 июня 1842. Петербург

Первому отделению императорской Академии Наук

В дополнение к предложению моему от сего июня за № сим уведомляю Первое отделение Академии Наук, что для наблюдений над солнечным затмением 26 июня в Пензе, взамен ординарного профессора Симонова по случаю отпуска его за границу, командированы туда г. попечителем Казанского учебного округа ординарный профессор Лобачевский, профессор физики Кнорр и астроном-наблюдатель Ляпунов, которые, сверх астрономических наблюдений, должны будут произвести и физические, как-то: над постепенностию в уменьшении теплоты во время затмения, над положением магнитных полюсов, над магнитным наклонением и силою магнитного притяжения земли.

О чем предлагаю Первому отделению Академии Наук для сведения.

Вице-президент *Князь Дондуков-Корсаков.*

На бланке вице-президента, председательствующего в Комитете правления Академии Наук 23 июня 1842, за № 106.

Пометы П. Н. Фусса: «Lu le 24 juin 1842» и «I Cl., № 183».

Помета красными чернилами: «№ 698».

Архив АН, Ф. 1, оп. 2 — 1842, ФМ, § 183.

482

Из протокола № 12 Физико-математического отделения Академии Наук о предстоящем наблюдении солнечного затмения в Пензе

24 июня 1842. Петербург

§ 183

Un second office daté du 23 Juin coté No. 106 et par lequel M. le Vice-Président annonce à la Classe que l'Observation de l'éclipse totale du 26 Juin, non obstant le départ de M. Simonoff de Kasan, aura cependant lieu à Penza, M. le Curateur de l'arrondissement universitaire de Kazan y ayant envoyé

à cet effet MM. les professeurs Lobatchevsky et Knorr et l'Observateur M. Liapounoff. Reçu pour avis.

Перевод:

§ 183

Второе официальное распоряжение, датированное 23 июня за № 106 и в котором г-н вице-президент сообщает Физико-математическому отделению, что наблюдение полного затмения 26 июня, несмотря на отъезд г-на Симонова из Казани, все же состоится в Пензе, поскольку г-н попечитель Казанского учебного округа откомандировал на этот предмет гг. профессоров Лобачевского и Кнорра и наблюдателя Ляпунова. Принято к сведению.

Архив АН, Ф. 3, оп. 1, № 94, протоколы за 1842 год; черновик — Ф. 1, оп. 1-а, № 66.

483

Отношение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета с выражением благодарности Н. И. Лобачевскому за обследование учебных заведений в Пензе

29 июня 1842

Совету Казанского университета

Г. ректор Казанского университета, действительный статский советник Лобачевский, по окончании наблюдений своих над солнечным затмением в городе Пензе, осмотрел,[1] по поручению моему, тамошнюю гимназию с пансионом, уездное и приходское училище. Представленный им по этому случаю отчет совершенно удовлетворил моим ожиданиям, а потому и изъявил я ему особенную свою признательность.

Нужным считаю дать знать о том Совету Университета.

Попечитель Казанского учебного округа тайный советник

М. Мусин-Пушкин

Правитель канцелярии *И. Цепелев.*

На бланке попечителя Казанского учебного округа 29 июня 1842, за № 3532.
Пометы: «Под[ано] 30 июня 1842»; «№ 102»; «Слушано 14 августа 1842 года»; «Ст. 3».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА 14 АВГУСТА 1842:

К № 3532-му предл[ожения] г. попечителя.

Определено: В формулярном списке г. ректора показывать: — От г. попечителя изъявлена особенная признательность за осмотр Пензенской гимназии с пансионом, уездного и приходского училищ — 29 июня 1842 года. Настоящее предписание г. попечителя приложить к делу о формулярном списке г. ректора. Подлинное за подписом гг. присутствующих и скрепою секретаря. Верно: письмоводитель *Павел Демидов.*

ЦГАТ, Ф. 977, № 8548, лл. 5—6.

---

[1] *В подлиннике описка:* осмотром. — *Л. М.*

484

Из отношения попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета о пожаловании Н. И. Лобачевскому знака отличия беспорочной службы за XXX лет

28 ноября 1842

Совету Казанского университета

Государь император, по докладу Думы знака отличия беспорочной службы в нынешнем году, всемилостивейше соизволил пожаловать таковые знаки: за 30 лет заслуженному профессору и ректору Казанского университета Лобачевскому [...].

Получив при предписании г. министра народного просвещения от 31 минувшего октября за № 10895 эти знаки и препровождая их у сего, для доставления по принадлежности, нужным считаю присовокупить, что выслуга упомянутых чиновников исчислена Думою по 26 декабря 1841 года: г. Лобачевскому 30 л. 4 м. 23 дня [...].

Вместе с тем предлагаю Совету доставить ко мне прежние знаки отличия беспорочной службы от гг. Лобачевского, Ляпунова и Крюкова, с наблюдением при том, чтоб каждый возвращенный знак был вложен отдельно в бумажную обертку с надписью, от кого он представлен.

Попечитель Казанского учебного округа, тайный советник

М. Мусин-Пушкин

Правитель канцелярии *И. Цепелев.*

На бланке попечителя Казанского учебного округа 28 ноября 1842, за № 5630.
Пометы: «№ 151»; «Пол[учено] 29 нояб[ря] 1842»; «Ст. 11-ая. Слушано 5 декабря 1842 года».

ИЗ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОВЕТА 5 ДЕКАБРЯ 1842:

К № 5630-му предл[ожения] г. попечителя.

Определено: 1) В формулярных списках показывать: 22 августа 1842 года всемилостивейше пожалованы знаками отличия беспорочной службы за XXX лет ректор Университета Лобачевский [...]. Подлинное за подписом гг. присутствующих и скрепою секретаря. Верно: письмоводитель *Павел Демидов.*

Помета: «Испол[нено] 8 декабря 1842».
ЦГАТ, Ф. 977, № 8579, лл. 59—60.

485

Отношение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета о пожаловании Н. И. Лобачевскому ордена Владимира 3 степени

28 ноября 1842

Совету Казанского университета

Государь император, по удостоению Комитета гг. министров, основанному на засвидетельствовании г. министра народного просвещения

об отлично ревностной службе и особых трудах г. ректора Казанского университета, действительного статского советника Лобачевского, вследствие ходатайства моего о том, всемилостивейше пожаловать его соизволил, в 23-й день минувшего октября, кавалером ордена св. Владимира 3-й степени.

Препроводив полученные мною, при предписании г. министра народного просвещения от 4-го текущего ноября, знаки сего ордена, вместе с грамотою и статутом, прямо к г. Лобачевскому, я нужным считаю дать знать о том Совету Университета.

Попечитель Казанского учебного округа, тайный советник

М. Мусин-Пушкин.

Правитель канцелярии *И. Цепелев.*

На бланке попечителя Казанского учебного округа 28 ноября 1842, за № 5627. *Пометы:* «Пол[учено] 29 нояб[ря] 1842»; «№ 150»; «Слушано 5 декабря 1842 года», «Ст. 10-я».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА 5 ДЕКАБРЯ 1842:

К № 5627-му предл[ожения] г. попечителя.

Определено: В формулярном списке господина ректора показывать: по удостоению Комитета гг. министров, основанному на засвидетельствовании г. министра народного просвещения об отлично ревностной службе и особых трудов всемилостивейше пожалован кавалером ордена св. Владимира 3-й степени — 23 октября 1842 года. — Подлинное за подписом гг. присутствующих и скрепою секретаря. Верно: письмоводитель *Павел Демидов.*

ЦГАТ, Ф. 977, № 8548, л. 7.

486

Из письма К. К. Фойгта к Н. И. Второву

1842. Петербург

Как я Вам благодарен за то, что вы обеспечиваете меня на счет библиотеки. Я так спокоен в этом отношении, что ни разу ни одна черная мысль не смущала меня. И Николай Иванович подкрепляет мою полную надежду на вас. Он в последнем письме ко мне отзывается об вас с самой лучшей стороны; но это и не могло быть иначе.

М. Де Пуле. Николай Иванович Второв, «Русский Архив», 1887, кн. II, стр. 328; ср. стр. 149 и 151.

487

Из письма Н. И. Лобачевского к К. Ф. Гауссу с благодарностью за избрание в члены Геттингенского Королевского общества наук

Начало 1843

Ihr gütiges Schreiben erhielt ich zugleich mit dem Diplom als Mitglied der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Ich ersuche Sie

ergebenst der Königl. Gesellschaft meinen Dank zu bezeugen und derselben zu versichern, dass ich mir es für eine grosse Ehre schätze, zu den correspondirenden Mitgliedern derselben zu gehören, und ich wünsche dass jede meiner Arbeiten im gelehrten Fache würdig seyn möchte, mit den ausgezeichneten Schriften der Gesellschaft vereinigt zu werden, ich werde wenigstens alle meine Bemühungen dahin richten.

Verzeihen Sie mir, dass ich so lange zögerte Ihnen zu antworten, der unglückliche Brand der Stadt trägt die Schuld davon, dieser hatte sowohl meine Gesundheit als auch meine persönlichen Angelegenheiten etwas zerstört, und mich ausserdem noch mit einer Menge besonderer Dienstgeschäfte überhäuft.

Empfangen Sie bei dieser Gelegenheit zugleich die Versicherung meiner ausgezeichnetsten Hochachtung, mit welcher ich für immer verbleibe

Eur. Hochwohlgeboren
ergebenster
N. Lobatschewsky

Перевод:

Ваше любезное послание я получил одновременно с дипломом члена-корреспондента Королевского научного общества в Геттингене. Покорнейше прошу Вас засвидетельствовать мою благодарность Королевскому обществу и заверить его, что я почитаю за большую честь принадлежать к его членам-корреспондентам и выражаю желание, чтобы каждая из моих работ в научной области была бы достойна быть на одном уровне с превосходными трудами Общества; я во всяком случае направлю на это все мои усилия.

Простите мне, что я так долго колебался с ответом, злополучный пожар города ответственен за это; этот последний несколько расстроил мое здоровье, также как и мои личные обстоятельства, и помимо этого обременил меня еще массой особых служебных забот.

Примите соответственно также уверения в моем исключительном почтении, с которым я остаюсь навсегда

Вашего высокородия
признательнейший
Н. Лобачевский.

«Nicolaj Iwanowitsch Lobatschefskij. Zwei Geometrische Abhandlungen aus dem Russischen Uebersetzt, mit Anmerkungen und mit einer Biographie des Verfassers von Friedrich Engel», Erster Theil: Die Uebersetzung, B. G. Teubner in Leipzig, 1898, SS. 436—437; ср. стр. 399 и 423.

Ф. Энгель говорит здесь, что, согласно сообщению Ф. Клейна в «Gotting. Nachr.» (1896, S. 4), К. Ф. Гаусс предложил 23 ноября 1842 г. Н. И. Лобачевского к избранию в члены Общества на том основании, что Лобачевский «является одним из превосходнейших математиков русского государства» и, публикуя благодарственное письмо Лобачевского за избрание, делает неверный вывод, что К. Ф. Гаусс «сопровождал пересылку диплома собственноручным письмом». На самом деле сопроводительное письмо было написано секретарем Общества И.-Ф.-Л. Гаусманом. Лобачевский, од-

нако, направил свой ответ не Гаусману, а Гауссу, о чем последний говорит в письме своем к Х. Герлингу от 27 января (8 февраля) 1844 г. из Геттингена (см. ниже стр. 484). О самом письме Лобаческого Ф. Энгель сообщает, что оно в подлиннике хранилось в библиотеке Геттингенского университета и что при печатании его Энгель имеющийся после подписи Лобачевского (которая во всем тексте письма «является единственно подлинной») титул, а также находящееся в начале письма обращение опустил, «как излишние».

488

Сообщение в печати об участии Н. И. Лобачевского в диспуте кандидата А. Ф. Попова, защищавшего диссертацию на степень магистра математических наук

2 января 1843

Местные Известия [...]

4. О публичном диспуте в Казанском университете.

27 числа минувшего декабря в здешнем Университете. по разряду Физико-математических наук 2-го Отделения философского факультета старший учитель 1-й Казанской гимназии кандидат Александр Попов защищал публично диссертацию свою и избранные им положения для получения степени магистра. Предметом диссертации была теория волнения каплеобразных жидкостей. Возражателями были гг. ординарные профессоры Лобачевский и Котельников и экстраординарный профессор Зинин. Магистрант своими ответами доказал твердые познания в предмете им избранном и вполне удовлетворил своих возражателей.

«Прибавление к Казанским губернским Ведомостям», часть неофициальная [2 января 1843], № 1, стр. 2.

489

Сообщение Н. И. Лобачевского Совету Казанского университета об избрании его членом-корреспондентом Геттингенского Королевского общества наук

23 января 1843

В Совет императорского
Казанского Университета

Прилагая полученный мною диплом из Геттингенского ученого общества и письмо г. секретаря Гаусмана в этом обществе, прошу покорнейше об избрании моем внести в послужной список при делах Совета.

Ректор Университета Лобачевский.

На литографированном бланке: «Министерство Народного просвещения. Департамент народного просвещения. С дипломом на звание члена в ученом обществе. В Казани, 23 генваря 1843 года, № 24. От ректора императорского Казанского Университета».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА:

Определено: копию с диплома, выданного г-ну Лобачевскому из Геттингенского ученого общества, и с письма от г. секретаря этого Общества

оставить при делах Совета, возвратив подлинные обратно. В послужной список г. Лобачевского внести, что за отличные ученые заслуги избран членом-корреспондентом Геттингенского Королевского общества наук 11 ноября 1842 (23 ноября по новому стилю). Подлинное за подписом гг. присутствующих и скрепою секретаря.

Верно: писец *Павел Демидов.*

Пометы: «Под[ано] 23 генв[аря] 1843»; «№ 17»; «Ст. 4»; «Слушано 23 генваря 1843 года».

ЦГАТ, Ф. 977, № 8548, л. 9. Определение Совета до слов: «Подлинное за подписом...» писано рукою Н. И. Лобачевского.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1:

Диплом, выданный Н. И. Лобачевскому Геттингенским Королевским обществом наук на звание члена-корреспондента этого общества
11(23) ноября 1842. Геттинген

Serenissimi Britanniarum Princissis
Adolphi Friderici
Ducis Cantabrigiensis
Societatis Regiae Scientiarum Gottingensis Praesidis
Autoritate.

Cum omnium inter se litterarum mutuae sint utilitates, mutua auxilia et adiumenta, nec ulla facile alterius ope et fructu carere possit: tum multo magis ene disciplinae, quae multarum rerum observatione, caussarum innestigatione et multi temporis experientia continentur, multorum ingeniorum et animorum vires consociatos sibi postulant. Societas Regia scientiarum Gottingensis severiorum et subtiliorum litterarum carumque disciplinarum, quae vulgo pancorum fludiis trequentari solent, ad vitae tamen publicae privataeque utilitates fructuosae, liberalique ingenio et honestu opera dignissimae sunt, in crementa et ornamenta fludio aliquo praecipuo persiquitur, eo consilio at quiequid singulorum sodalium doctrina et ingenio indagatum et inventum fuerit, in resp. Litterariae usus modo vulgetur, indeque iis doctrinarum copiis opibusque, quae communi usu habentur, accessio nowa et anotus fiat. Cum autem non nihi coniunctus multorum doctirum virorum partim consiliis partim studiis et voluntatibus se consilium hoc suum consequi posse indicet: sodalium ea suffragiis indiciis Virum doctissimum

N. Lobatschewskium,
Russiarum Imperatori a consiliis status,
Professorem Kasanensem,

amicum sibi et *familiarem litterarum commerciis coniunctum* optat, legit, et his ipsis litteris publice declaratum esse vult, haeque indicii sui et benevolentiae testificatione id se consqunturam esse sperat, ut communia studia diligenter ille colat, etiam respectu ad societatis vel exemplum et auctori-

tatem vel honorem et dignitatem habito, utque inventa, observata vel animadversa cum ea communicet, Societatis utilitatibus, existimationi et famae, pro virili consulat; amicicia et benevolentia Socius complectatur. Scr. Gottingae, die XXIII. Nov. MDCCCXLII.

Подлинный диплом подписал: Carolus Fridericus Gauss, Societ. Reg. Scient. h. t. director; скрепил: Jo. Fried. Lud. Hausmann, Soc. Reg. Scient. Sodalis et a litteris ejus secretis.

На подлинном дипломе приложена Королевского Геттингенского общества наук печать. [М. П.] Верно. Секретарь Совета *Китайцев.*

С подлинным читал за столоначальника *Николай Травин.*

Перевод:

По повелению
Светлейшего Принца Британского
Адольфа Фридриха
Герцога Кембриджского
Президента Геттингенского Ученого королевского общества

Хотя все науки взаимно помогают друг другу, взаимно друг друга пользуют и украшают и с трудом могут обойтись без взаимной помощи и поддержки, но особенно относится это к тем дисциплинам, которые, будучи основаны на наблюдении за многими предметами, на исследовании причин и многовековом опыте, требуют объединенных усилий многих умов и талантов. Геттингенское Ученое королевское общество особо ревностно стремится к развитию и процветанию наук точных и высоких и тех дисциплин, которым обычно только немногие посвящают труд свой, но которые приносят великую пользу для жизни частной и общественной и достойны честных усилий благородного ума. Оно желает , чтобы все, что знанием и талантами отдельных членов его исследовано и открыто, было обнародовано для пользования Ученого содружества и чтобы доступ к научным достижениям, предпринятым ради общей пользы, был для всех невозбранен. А так как это решение свое может оно осуществить только соединенными силами многих ученых мужей, по советам их и по ревностному их желанию, то голосованием и указанием членов своих мужа учейнешего

Н. Лобачевского
Статского Советника императора Русского
Казанского профессора

выбирает оно своим *другом* и *сочленом в научном общении*, о чем публично объявляет этим письмом, надеясь, что этим выражением своей оценки и своего благоволения оно достигнет того, что он будет усердно заниматься общей работой, и уважая пример Общества, его авторитет, честь и достоинство, будет делиться с ним своими открытиями, наблюдениями и мыс-

лями, будет содействовать всячески пользе, весу и славе Общества; будет относиться к сочленам с дружелюбием и благоволением.

Написано в Геттингене 23 ноября 1842 г.

Карл Фридрих Гаусс, директор Ученого королевского общества

Иоганн Фридрих Людвиг Гаусман, член королевского общества и его секретарь.

ЦГАТ, Ф. 977, № 8548, лл. 11—12. Копия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2:

Официальное письмо секретаря Геттингенского Королевского общества наук И. Ф. Л. Гаусмана Н. И. Лобачевскому с извещением об избрании его членом-корреспондентом этого общества

20 ноября (1 декабря) 1842. Геттинген

Göttingen den 2-ten December 1842

Hochgeborner Herr,

Hochzuverehrender Herr Staatsrath!

Ew. Hochgeboren habe ich die Ehre im Auftrage der hiesigen Königlichen Societät der Wissenschaften anzuzeigen, dass dieselbe in Anerkennung Ihrer ausgezeichneten wissenschaftlichen Verdienste, Sie zu ihrem Correspondenten ernannt hat. Indem ich mir erlaube Ihnen anliegend das Diplom zu übersenden, ersuche ich sie die Versicherung meiner vorzüglichen Hochachtung genehmigen zu vollen, womit ich die Ehre habe zu seyn Ew. Hochgeboren gehorsamster Diener J. Fr. L. Hausmann, Hofrath und Professor an der Universität, Secretär der Kön. Societät d. W.

Верно: Секретарь Совета *П. Китайцев.*

С подлинным читал за столоначальника *Н. Травин.*

Перевод:

Геттинген 1-го декабря 1842.

Высокородный государь

Высокоуважаемый господин статский советник!

Вашему высокородию имею я честь по распоряжению здешнего Королевского общества наук сообщить, что оно в признание Ваших отличных научных заслуг избрало Вас его корреспондентом. Прилагая при сем диплом, я прошу Вас соблаговолить принять уверения в моем чрезвычайном к Вам уважении; при сем имею честь быть Вашего высокородия покорнейшим слугою И. Ф. Л. Гаусман, надворный советник и профессор при Университете, секретарь Королевского общества наук.

ЦГАТ, Ф. 977, № 8548, л. 10. Копия.

490

Предложение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета о производстве Н. И. Лобачевскому и И. М. Симонову прибавки к пенсиям

10 февраля 1843

Совету Казанского университета

По представлению моему г. министру народного просвещения, г. товарищ министра, на основании Прод. Св. зак. т. 3 учреж. прилож. к ст. 1665, п. 11-го, назначив заслуженным профессорам Казанского университета действительным статским советникам: Лобачевскому и Симонову, за выслугу 5 лет сверх 25-летней службы их при Университете, в прибавку к получаемой ими пенсии по 1143 руб. 68 коп. в год, еще одну пятую долю оной 228 р. 73 коп. сер. в год и уведомя о том меня от 28 января за №1196, вместе с тем отнесся к г. министру финансов о производстве гг. Лобачевскому и Симонову таковых пенсий с прибавками, сверх жалованья, из Казанского уездного Казначейства, со времени выслуги ими 30-летнего срока, первому с 3-го августа 1841, а последнему с 24 июня 1842 годов.

Что же касается до оставления их при настоящих должностях еще на пять лет, то князь Ширинский-Шихматов присовокупил, что г. министром народного просвещения от 21 июля 1841 года за №7242 разрешено уже оставить их на службе еще на пять лет со времени утверждения в звании заслуженных профессоров, о чем известно Совету из предложения моего от 9 августа 1841 года за № 3360-м, а потому обстоятельство это и не требует нового разрешения.

Уведомляю о том Совет Казанского университета для надлежащего сведения и объявления гг. Лобачевскому и Симонову и сообщения Правлению Казанского университета.

Попечитель Казанского учебного округа
тайный советник *М. Мусин-Пушкин.*
Правитель канцелярии *И. Цепелев.*

На бланке попечителя Казанского учебного округа от 10 февраля 1843, за № 654.
Пометы: «№ 19»; «Пол[учено] 11 фев[раля] 1843»; «Слушано 13 марта 1843 года»; «Ст. 33».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА 13 МАРТА 1843:

К № 654-му предл[ожения] г. попечителя

Определено: О содержании предложения уведомить Правление университета, а в послужных списках гг. ректора Лобачевского и профессора Симонова назначенную им в прибавку к получаемой пенсии еще в пятой доле оного согласно с предложением г. попечителя показывать. Подлинное за подписом гг. присутствующих и скрепою секретаря. Верно: письмоводитель *П. Демидов.*

Помета: «Испол[нено] 23 марта 1843. № 130».
ЦГАТ, Ф. 977, № 8571, лл. 1, 12—13.

491

Расписка Н. И. Лобачевского в получении знака отличия беспорочной службы за XXX лет

10 марта 1843

Список

грамотам на пожалование знаком отличия беспорочной службы чиновников Казанского университета в 1842-м году

Число грамот	Кому следуют грамоты	№№ грамот	Сколько следует взыскать серебром Руб.	коп.
	[. . . . .]			
	На пожалование знаками высшей степени на перемену прежних:			
5.	Действительному статскому советнику Николаю Лобачевскому	322 без устава	3	—
	[. . . . .]			

Правитель канцелярии попечителя Казанского учебного округа Ив. Цепелев.

Грамоту получил 10 марта 1843 г. Н. Лобачевский.

ЦГАТ, Ф. 977, № 8579, л. 64.

492

Отношение Канцелярии министра народного просвещения непременному секретарю Академии Наук П. Н. Фусу с представлением отчета Н. И. Лобачевского о наблюдении солнечного затмения в Пензе

10 мая 1843

Милостивый государь

Павел Николаевич.

Командированные в Пензу для наблюдения над бывшим в протекшем году полным солнечным затмением, ординарные профессоры Казанского университета Лобачевский, Кнорр и астроном-наблюдатель Ляпунов, возвратясь в Казань, занялись составлением отчетов; но пожар 24 августа лишил профессора Лобачевского и наблюдателя Ляпунова весьма многих книг, записок и бумаг. По приведении всего оставшегося в известность и порядок, составлены ими два отчета: один профессорами Лобачевским и Кнорром, а другой астрономом-наблюдателем Ляпуновым.

Г. министр народного просвещения, получив ныне от г. попечителя Казанского учебного округа сии отчеты, приказал передать первый, заключающий в себе общее описание затмения, в редакцию Журнала министер-

ства для напечатания, а второй, состоящий из астрономических выкладок, в императорскую Академию Наук.

Вследствие сего, препровождая при сем к Вашему превосходительству отчет г. Ляпунова, имею честь быть с совершенным почтением и преданностию

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
В. Комовский

Его прев-ву П. Н.
Фусу.

На бланке канцелярии министра народного просвещения, от 10-го мая 1843, за № 622.

Пометы П. Н. Фуса: «Lu le 19 mai 1843»; «I Cl., № 135»; « 10 mai».

Архив АН, Ф. 1, оп. 2, ФМ, § 135.

Слушано в заседании физико-математического отделения Академии Наук 19 мая 1843 г., § 135. В протоколе заседания отмечено: «Résolu d'envoyer le rapporte de M. Liapounoff au Directeur de l'Observatoire central avec un extrait du Protocole». (Архив АН, Ф. 1, оп. 1а, № 68, ФМ, 19 мая 1843, § 135.)

493

Из статьи Н. А. Иванова «Ученые собрания профессоров Казанского университета» о докладе Н. И. Лобачевским результатов наблюдения солнечного затмения в Пензе

3 июня 1843

В Казанском университете по примеру других подобных заведений, довольно давно составилось также Общество любителей русской словесности; но разные причины полагали значительные преграды его деятельности. Нынешний г. попечитель, М. Н. Мусин-Пушкин, которого продолжительным, неусыпным трудам Университет обязан своим возрождением и правами, приобретенными им на общественную признательность, желая оживить занятия профессоров, коих большая часть определена уже в его управление, неоднократно делал попытки, вместо упомянутого общества, учредить Общество любителей наук.

Еще в 1838 году он поручал ректору Университета, ординарному профессору Лобачевскому, написать устав для этого Общества. Тогда предполагалось, чтоб Издательный комитет при Университете преобразовать в Ученое общество, пригласив профессоров быть членами его, с обязанностью печатать свои труды, как на иностранных языках, так и на русском, но в последнем случае прибавлять извлечения на немецком или французском языке, чтоб эти труды могли быть известны за границею. Разнородность занятий профессоров не дозволила составиться предполагавшемуся Обществу. В самом деле, трудно организовать его так, чтобы все члены Университета могли принимать в нем общее участие. Дело было на время отложено.

Между тем, некоторые профессоры начали, по одобрению г. попечителя, собираться частно, читали в таких дружеских беседах свои статьи, изустно менялись мыслями. Успех сих частных собраний подал г. попечителю надежду сделать их публичными. По этой причине он предложил, чтобы собрания, дотоле бывшие в домах профессоров, происходили в университетском здании. Осенью минувшего года, в общем заседании членов Университета, были начертаны правила для сих собраний, представлены на рассмотрение г. попечителя, а им на утверждение г. министра народного просвещения. Его высокопревосходительство признал предположение профессоров полезным. Цель собраний состоит в устном обмене мыслей и воззрений, равно как и в поочередном чтении рассуждений о предмете тех наук, которыми каждый профессор занимается. Выписываем некоторые статьи правил. Собрания начинаются с 1-го сентября, и продолжаются до 1-го мая, ежемесячно по два раза; в каждое собрание один из членов читает рассуждение о каком-либо ученом предмете; очередь читать сочинения хотя и утверждается по алфавитному порядку имен членов, но, по согласию, от каждого члена может быть принято предложение читать свое сочинение в следующее заседание; лица, не принадлежащие к Университету, могут быть приняты в число членов собрания посредством баллотирования; каждому из членов предоставляется право иногда приглашать в собрания по одному гостю из числа ученых; особам, постоянно живущим в Казани, дозволяется, по приглашению члена, быть гостем в собрании не более трех раз в году. Собрания происходят в зале Физического кабинета. Поныне их было десять. Члены с удовольствием видели, что и посторонние лица, даже некоторые путешественники, принимали участие в их беседах. Бросим беглый взгляд на результаты собраний.

Ректор Университета, заслуженный профессор чистой математики Лобачевский сообщил весьма любопытные известия о поездке, предпринятой им в прошедшем году с профессором физики Кнорром и астрономом-наблюдателем Ляпуновым в Пензу, и о произведенных им там астрономических и физических наблюдениях, особенно над полным солнечным затмением, бывшим 26-го июня 1842 года. Из их наблюдений найдены:

широта Пензы 53°10′30″,5
долгота » 24°6′34″,7 от Берлина во времени,
16′18″,6 от Казани к западу,
4°5′ то же в градусах экватора,
начало полного затмения 9 ч. 9′ 22″,4
конец » » 9 ч. 12′ 21″
полное затмение продолжалось 2′58″,6
средина затмения в 9 ч. 10′51″, 7
отклонение магнитной

стрелки к востоку 1° 25′ 4″,7
наклонение магнитное 66°19′,9
время для десяти качаний горизонтальной магнитной стрелки 68″, 391 в Пензе и 48″,156 в Казани.

Во время затмения небо покрылось облаками; однакож астрономические наблюдения над началом и концом полного затмения могли быть сделаны с достаточною верностью. Температура воздуха в продолжение затмения понизилась на 1°,2 Р. Вокруг солнца виднелся светлый венец, которого вид менялся в своем очертании, может статься, от расположения в облаках. Одушевленный, превосходный свой рассказ г. Лобачевский пополнил описаниями многих известных наблюдений над солнечными затмениями, сделанных как прежде, так и в последнее время; присоединил собственные исследования, как надлежит объяснять явления, замечаемые при полном солнечном затмении; представил доводы, почему возвышения на лунном крае, показавшиеся во время полного затмения и окрашенные розовым цветом, не надобно почитать солнечными горами. Почти всеми астрономами принятое мнение, что светлое кольцо вокруг солнца должно происходить от погибания лучей близ луны, кажется г. Лобачевскому не вполне основательным, потому что подобное действие тел на свет еще не известно физикам и не может быть соглашено ни с какой теорией. Г. Лобачевский находит более вероятным, что явление совершается собственно в нашей воздушной атмосфере. Таким образом, возможно понять и все особенные явления, разнствующие по месту наблюдения, в последнее и прежние затмения, как, например, снопы лучей в светлом венце, различное направление и кривизну, примеченную в лучах кольца вокруг луны.—В высокой степени занимательное и превосходно изложенное повествование г. Лобачевского доставило собранию самый приятный вечер.

Северная Пчела, 3 июня 1843, № 121, стр. 483—484.

Ср. К, I, стр. 58. Собрания профессорского ученого общества прекратились в 1846 году («Отчет о состоянии императорского Казанского университета в 1846—1847 академическом году, составленный и на годичном торжественном собрании, бывшем 8 июня 1847 года, произнесенный адъюнктом В. Сбоевым», Казань, 1847, стр. 33).

494

Из «Отчета о состоянии императорского Казанского университета за 1842—1843 академический год» со сведениями о деятельности Н. И. Лобачевского в 1842—1843 учебном году

Около 13 июня 1843

Со стороны градской полиции загорелись один за другим два корпуса университетские, в которых помещались гг. ректор [Н. И. Лобачевский]

и синдик [В. А. Ляпунов], Строительный комитет и некоторые канцелярские чиновники [стр. 5 . [1]

17 ноября 1842 года снова открыт при Университете с высочайшего утверждения Строительный комитет для возобновления погоревших зданий. Он состоит под председательством г. ректора, из пяти членов: гг. инспектора казенных училищ Казанского учебного округа Антропова, директора 2-й Казанской гимназии Львова, орд. профессора Котельникова, университетского архитектора Коринфского и архитектора учебного округа Бессонова. Комитет продолжает начатые еще до его открытия Правлением Университета необходимые и возможные постройки и поправки по университетским зданиям и деятельно занимается заготовлением строительных материалов и составлением проектов. Так, окончены уже план и сметы для возобновления астрономической обсерватории, западного корпуса служб, дома, составлявшего квартиру г. ректора, каменной решетки между анатомическим театром и корпусом библиотеки и проч. [стр. 7].

Удостоились всемилостивейших наград орденами: а) ректор Университета заслуженный профессор Лобачевский пожалован орденом св. равноапостольного князя Владимира 3 степени [стр. 14].

Объявлено высочайшее благоволение ректору Университета Лобачевскому и помощнику прозектора анатомии Нордстрему — за примерное усердие и самоотвержение, оказанное при спасении зданий Университета в пожар 24 августа 1842 года [стр. 14].

Г. министр народного просвещения изъявил благодарность: ректору Университета Лобачевскому [и др.]— за отличные труды и самоотвержение при спасении зданий и имущества университетского во время пожаров [стр. 14].

Г. попечитель изъявил благодарность: ректору Университета за ревизию Пензенской гимназии и училищ, находящихся в городе Пензе [стр. 15].

При Университете недавно, с разрешения г. министра народного просвещения, составилось Ученое общество. Члены его, состоящие из профессоров и адъюнктов, собираются в каждый месяц два раза, читают по очереди рассуждения о предметах, входящих в состав преподаваемых ими наук, подвергая таким образом свои ученые исследования общему суду и критике. Бывшие доселе заседания общества отличались разнообразием и занимательностию читаемых статей, из которых некоторые напечатаны в заграничных и русских периодических изданиях, а другие, вероятно, будут помещены в ученых записках Университета. Надеемся, что и с заседаний будущего года наше издание соберет обильную, еще большую жатву ученых исследований. Доказательством такого предположения может служить краткая перечень литературно-ученых произведений, написанных нашими учеными в истекшем году.

---

[1] Пред этим дано подробное описание пожара в Казани 24 августа 1842 года. — *Л. М.*

Заслуженный профессор *Лобачевский* описал свои наблюдения над солнечным затмением в Пензе [стр. 16—17].

К числу членов Университета, предпринимавших ученые путешествия в пределах отечества, относятся гг. ординарные профессоры Лобачевский и Кнорр с астрономом-наблюдателем Ляпуновым [стр. 23].

Ординарные профессоры *Лобачевский*, *Кнорр* и астроном-наблюдатель *Ляпунов*, по предложению г. попечителя, ездили в Пензу, для наблюдения полного солнечного затмения. Результаты этих важных наблюдений будут известны публике из отчетов об этой экспедиции, из которых один, обнимающий физические наблюдения, писан г. проф. Лобачевским, а другой, касающийся наблюдений собственно астрономических, составлен г. Ляпуновым [стр. 23].

Ныне Королевское Геттингенское общество, избрав за отличные услуги науке своим членом нашего заслуженного профессора и ректора Н. И. Лобачевского, дало Университету повод иметь постоянную корреспонденцию с одним из ученейших и трудолюбивейших обществ Европы [стр. 27].

«Отчет о состоянии императорского Казанского университета за 1842—1843 академический год, составленный по поручению Совета Университета и произнесенный в торжественном собрании, бывшем 13 июня 1843 года, адъюнктом Василием Сбоевым», Казань, 1843, в издании «Обозрение преподаваний в императорском Казанском университете на 1843—1844 учебный год», Казань, 1843, прил. стр. 5, 7, 14, 15, 16—17, 23, 27.

495

Сведения о чтении Н. И. Лобачевским лекций в Казанском университете в 1843—1844 учебном году

Около 13 июня 1843

1 Философский факультет. [...]

2. Отделение математическое.

А. Разряд математических наук. [...]

21. Николай Лобачевский, ректор Университета, заслуженный профессор чистой математики, будет читать: во 2 курсе Интегрирование функций, 1 час в неделю; в 3 курсе— Интегрирование дифференциальных уравнений с одним переменным, 1 час в неделю; в 4 курсе—Интегрирование уравнений с частными дифференциалами, 2 часа в неделю, следуя преимущественно Лакруа [стр. 9].

Учебные и другие заведения при Университете. [...]

13. Клиника состоит в главном управлении ректора Университета Лобачевского [стр. 21].

Обозрение преподаваний в императорском Казанском университете за 1843—1844 учебный год, Казань, 1843, стр. 9 и 21.

496

Отчет Н. И. Лобачевского об экспедиции в г. Пензу для наблюдения солнечного затмения

Май — июнь 1843

Полное
Затменение солнца
в Пензе 26 июня 1842 года.
(Отчет ордин. проф. Лобачевского)

Полное солнечное затмение по справедливости назваться может явлением примечательным и редким. Если кому довелось раз видеть его в своей жизни, то, конечно, в другой уже не случится, разве захотел бы переехать для того весьма большое расстояние. Это мнение не должно казаться преувеличенным, если прибавим к тому необходимость условия, чтобы небо для места наблюдения было безоблачным. Вот почему полное солнечное затмение почитается не во всех подробностях еще до сих пор исследованным. В особенности физик желает слышать удовлетворительные бтветы на многие вопросы: охлаждение в воздухе, теплота солнечных лучей, постепенность омрачения, свет прямой, отраженной, погибь лучей вокруг лунной поверхности. Астроном дорожит своими наблюдениями в этом случае как встречею двух главных для нас светил на небе, которых пути до тех пор исследывал он отдельно. Наконец, любопытно для каждого видеть, как отсутствием света, внезапно среди дня, бывает поражено в чувствах своих все то, что живет одушевленное в природе. Г Штруве представлял Академии Наук отправить для наблюдений в Дубно, Чернигов, Курск и Пензу. В последний из этих городов, тоже на центральной черте затмнеия, предлагал он ехать г. Симонову с инструментами Казанской обсерватории. Готовясь тогда к отъезду за границу, г. Симонов принужден был передать поручение г. астроному-наблюдателю Ляпунову, к которому присоединились г. профессор физики Кнорр и я, желая воспользоваться таким случаем для наблюдений физических и чтоб удовлетворить собственное любопытство. Г. Ляпунов отправился ранее нас в Пензу 10, а я с проф. Кнорром 20 июня. Инструменты положены были для безопасности в отдельном, устроенном нарочно, возке: труба прохождений, ахроматическая большая труба, две малых ахроматических трубы, секстант с искусственным горизонтом, хронометр Бреге, магнитной инклинаторий и деклинаторий Гамбе, качательной магнитной снаряд, нагревательной снаряд Пулье, психрометр Аугуста, барометр, небесный глобус и хронометр Бреге с меткой (à pointage).

Нам желательно было с г. Кнорром наблюдать постепенность темноты и соединенного с ней охлаждения как в атмосфере, так и в самых солнечных лучах. Определять эту постепенность чрезвычайно затруднительно. Все до сих пор известные способы фотометрических измерений весьма недостаточны, в особенности тем, что не могут служить для наблюдений над явлениями мгновенными. Г. Штруве предлагал замечать, как будут

показываться звезды различной величины. Сообразжаясь с его желанием взяли мы с собой небесной глобус, чтобы заранее ознакомиться с местами на небе, где во время затмения должно было ждать появления планет и звезд. Отказаться совсем от этого рода наблюдений мы не хотели, хотя не надеялись, чтобы невольным образом развлеченное внимание могло дозволить нам улавливать с верностию те мгновения, как звезды там и сям на небе покажутся. Появление звезд не только зависит от их величины, но даже от их возвышения над горизонтом и, наконец, от света постороннего, который во время затмения бывает разлит весьма неровно в атмосфере. Мы с г. Кнорром придумывали новые фотометрические способы, но, к сожалению, не могли достигнуть вполне желаемой цели. Сначала надеялись, что можно будет хорошо судить об освещении по ясности в кругах, начерченных на белой бумаге и разделенных черными вырезками различной меры. Опыт показал, что ясность в разделении кругов далеко не отвечает той постепенности, в какой свет уменьшается. Я предложил еще составить снаряд из полупрозрачных пластинок, которых бы число, как скоро произведет уже совершенную темноту, могло служить мерой освещения. В этом способе также заключался свой недостаток: свет, поляризуясь в первых пластинках, приобретал способность проходить легче сквозь остальные. К тому же трудно сделать такой снаряд вместе ручным, складным и непроницаемым для постороннего света. Наконец, в том и другом способе, ко всем сказанным уже недостаткам еще присоединяется главный тот, что глаз наш, сначала ничего не примечая в темноте, скоро потом в состоянии бывает уже видеть и самый слабый свет.

Г. Ляпунов, прибыв 15 июня в Пензу, выбрал удобное место для временной обсерватории, где и занимался предварительными наблюдениями для верной установки своих инструментов, а потом определением географического положения. Пасмурная погода дозволила ему не прежде 21 испытать ход хронометра и поставить приблизительно трубу прохождений. С 21 по 28 продолжал он наблюдения соответственных высот и над прохождением звезд чрез полуденник, после чего с верностию можно было полагаться на хронометр, который однакож, к сожалению, показывал истинное время только для Пензы, потому что раз остановился на пути туда, в другой на возвратном до Казани. Широта места вычислена 53° 10′30″,5 из наблюдений с 27 июня до 4 июля, по способу г. Бесселя, над звездами первого вертикального круга. Из прохождений луны чрез полуденник найдена долгота Пензы от Берлина 2 ч. 6′60″; из затмений спутников Юпитера, первого — 2 ч. 6′ 20″, второго — 2 ч. 6′ 30″; последнее наблюдение сомнительно. Довольствуясь первым и прибавляя поправку 14″,5, находим долготу самого города Пензы от Берлина 2 ч. 6′ 34″7; от Казани к западу 16′18″, 6 во времени, 4′5, в градусах экватора.

По приезде вечером 23 июня, на другой день утром поспешили мы с г. Кнорром отправиться в императорский сад, расположенный под самым городом. Здесь взгляд на временную астрономическую обсерваторию

приятно нас поразил и выбором открытого возвышенного места, и постройкой удобной, достаточной, под защитой от солнечных лучей и непогоды. Обязаны свидетельствовать нашу благодарность за ревностное содействие г. директору сада Магзигу, равно как и за внимание г. гражданского губернатора Панчулидзева, по приказанию которого градская полиция охраняла целость инструментов и ненарушимое спокойствие наблюдателей в их занятиях. Обсерватория была даже местом жительства для г. Ляпунова; а нас пригласил г. Магзиг в свой дом, которым предложением по доброте хозяина мы воспользовались.

В приготовлениях и совещаниях скоро протекли два дня, хотя с нетерпением ожидали мы видеть солнечное затмение. Наконец утром 26 июня проснулись мы весьма рано; но с грустию, при виде покрытого неба, пасмурной и дождливой погоды. Несмотря на то, собрались в обсерваторию, поставили зрительные трубы и сидели ничего не делая. Уже прошло несколько минут после назначенного времени для начала, как сквозь туман облаков, наконец, ущерб солнца показался. Г. Ляпунов измерял секстантом расстояния между остреями серпа до начала и после затмения полного; замечал также прохождение на микрометре двух краев. Нельзя много полагаться на те и другие измерения, как по трудности наблюдений этого рода, так и потому, что туман мешал ясности. Микрометрические измерения дают начало затмения в среднем Пензенском времени 9 ч. 9′24″,3; измерения секстантом — 9 ч. 10′47″,7. Начало и конец частного затмения не были совсем видны: начало полного затмения по хронометру — 9 ч. 2′, 15″,4; конец полного замения — 9 ч. 15′14″; а с присоединением поправки, среднее время для Пензы будет при начале 9 ч. 9′22″,4; при конце 9 ч. 12′21″, следовательно, полное затмение продолжалось 2′58″,6; средина затмения в 9 ч. 10′51″,7.

Астрономические наблюдения делал г. Ляпунов, которому помощником был студент Магзиг. Мы с г. Кнорром оставили для себя другого рода занятие: наше внимание обращено было на самое явление, поистине великолепное, хотя многое скрыто было для наших глаз под завесой облаков. На месте дневного светила, когда последний его луч исчез, явился темный круг, как бы само солнце, но теперь уже черное, стояло на небе. В трепетном ожидании чего-то неизвестного, с торопливым желанием все видеть, с опасением чего-нибудь не заметить, стояли мы, зрители среди призраков во мраке, с обращенным взором к потухшему солнцу, как обвороженные, постигнутые страхом и беспокойством, вдохновенные чувством возвышенным и торжественным. С этим душевным волнением так трудно было внимательно наблюдать и замеченное сохранить в памяти, что, возвратившись домой, мы находили нужным в разговоре нашем друг друга поверять, так ли и то ли мы все [1] видели. Полное затмение поражает сильно всех животных. Птиц оно тревожит в особенности: из лесу подня-

[1] Всё, а не все. — *Л. М.*

лись с криком стаи галок и грачей, взвились на воздух и потом опять спустились на деревья. Перед нами невдалеке паслось стадо, пригнанное сюда к этому времени по приказанию г. Магзига. За криком птиц вскоре послышалось мычанье коров и блеяние овец, которые все пустились бежать по дороге домой. На Пензинской торговой площади, где продолжалась ярмарка, собралось много народа. Там случилось в это время быть одному из моих знакомых, г. Каховскому. Он рассказывал, что солнечное затмение в начале заставило народ толковать и беспокоиться; но когда солнце совсем закрылось, то послышались голоса, вероятно городских жителей: ах, что-то делается дома; ах, пойти-было домой! С мыслью о преставлении света люди пали на колена, с воплем и молитвой ожидали над собой страшного суда. Но первый, проскользнувший луч солнца, прогнал и мрак в природе, и страх в сердце людей. Г. Каховский любовался, как черная тень пробежала по равнине, по горам и скрылась потом за лесом. Переход от темноты к свету казался разительнее, чем от света к темноте. В помрачении сохранилась какая-то постепенность до последнего мгновения, тогда как первый вырвавшийся луч из-за луны вдруг переменил ночь в день; черная завеса вдруг упала. Когда затмение оканчивалось, г. губернатор, который был все время с нами близ обсерватории, подозвал к себе крестьян. На вопрос, что они думали, они отвечали: ничего не думали, но мы перепугались.

В продолжение полного затмения темный круг луны был окружен светлым широким венцом. По словам г. Кнорра, со вступлением полного затмения светлый венец несколько медлил показываться. Сначала был он растянут в две стороны горизонтально, может быть случайным сгущением облаков, хотя случайность эта теряет что-нибудь из своей вероятности, как скоро направление было не другое, но именно горизонтальное. Потом светлое пятно делалось почти треугольным, уменьшалось, округлилось, опять увеличилось и было под конец по крайней мере вдвое шире против солнца. С моим товарищем согласны мы в том, что свет на кольце казался менее близ лунного края, потом сгущался и затем постепенно слабел и терялся на небе. Ничего не могли мы заметить особенного местами. Свет на венце был сплошным и с пепельным оттенком во всех направлениях, как бы свет дневной, проникнутый сквозь отверстия на своде в пространство, наполненное дымом. Между тем заря, занявшись от горизонта, разливала по всему небу хотя чистый, но желтоватый свет, который отражался слабо вокруг нас на всех предметах. Трудно судить, как велика была темнота; но мы друг друга видели хорошо. Студент Магзиг не мог читать книгу. Саженях в 50 от нас, в стаде, заметил я светлую шерсть, но не в состоянии был различить, на какой скотине. Г. Кнорр признал пастуха только по движению и по очертанию. Тень от предметов нигде на земле не падала. Свет, следовательно, со всех сторон приходил равно сильный, от кольца вокруг луны, от зари по горизонту, от всех частей неба. Г. учитель Пензенской гимназии Трофимов заметил звезду в самом зе-

ните. В это время должна была действительно тут проходить Вега. На возвратном пути в Казань сказывали нам многие, что звезды видели даже в городе Буинске, где затмение не было полное, но серп оставался едва заметным.

Г. Кнорр, испытывая в поляризоскоп, нашел, что свет кольца вокруг луны не был поляризованный, тогда как поляризование во всей остальной части неба казалось весьма сильное. Этот желтоватой поляризованной свет был отраженной свет на верхние слои воздуха земной поверхности, освещенной вне лунной тени. В справедливости такого толкования нельзя сомневаться, когда свет от обитаемой нами планеты, пройдя всё расстояние до своего спутника, падая на темную его половину, потом отражаясь отсюда, приходит снова к нам и дает луне пепельной цвет, видимый близ тонкого серпа в первой четверти. Надобно заметить, что свет от земли много теряется, потухает в атмосфере, прежде нежели проникает в пустое пространство; за всем тем мы светим на нашу спутницу, может быть, еще более, нежели она светит на нас в ясные лунные ночи. Итак понятно, что, во время затмения, полным отражением лучей на верхних слоях воздуха приходит к нам довольно свету, чтобы составить эту зарю, которую мы видели разлитой по всему небу. Но как истолковать происхождение светлого кольца вокруг солнца? Составляется ли венец этот собственно вокруг солнца, или вокруг луны, или гораздо ближе к нам, в нашей атмосфере? Вот вопросы, решение которых представляет уже большие затруднения. В заседании Парижской Академии наук, где присутствовал тогда наш профессор астрономии г. Симонов, г. Араго́ рассказ свой о затмении прошедшего года, которое наблюдал он сам в Перпиньяне, заключил откровенным сознанием, что светлый венец и все видимые в нем явления для него совершенно непонятны. Теперь я принимаюсь уже в другой раз за свой отчет о поездке в Пензу. Первый мой опыт сделался добычею пламени в несчастной день для Казани 24 августа. По крайней мере вторичный труд мой вознаграждается тем, что могу пользоваться сведением, которые между тем до меня дошли в описании всех наблюдений над полным солнечным затмением нынешнего года. Я намерен здесь рассмотреть все предположения, какие можно бы сделать о происхождении венца вокруг луны во время затмения.

Еще Буге заметил, что солнце в середине светлее, чем на краях, тогда как напротив здесь должен бы свет быть сильнее, на круглой поверхности, сжатой для нашего глаза. По своим измерениям нашел он, от края на расстоянии в одну четверть солнечного полупоперечника, свет слабее, нежели к середине, в содержании чисел 35 к 48. Лаплас заключил отсюда, что солнце должно быть окружено атмосферой, которая свет поглощает, и так много, что без этой атмосферы солнце на нас светило бы сильнее в 12 раз. Мы с г. Кнорром, наблюдая ход солнечного затмения, не могли удержаться, чтобы друг другу не заметить, сколько резким казался край луны, тогда как солнечной ограничивается чертой весьма нежной, хотя

при всем том явственной и правильно закругленной. Это различие в двух пограничных чертах особенно противуполагалось в остреях серпа. Итак, надобно думать, что свет выходит не из одной поверхности, но рождается вместе на какой-то глубине. Впрочем, нет еще необходимости, чтоб этот свет брал свое начало от солнечного ядра, потом большею частию потухал, проникая сквозь атмосферу. Довольно, что атмосфера вокруг солнца существует, что свет происходит в ней к ее пределам, как явление теплотвора в грубом его переходе из средины, где внутренним равновесием он удерживался, к пустому пространству, которое не противупоставляет уже никакого сопротивления. Эта мысль подтверждает и то мнение г. Гершеля, что солнце само должно быть темным, что светит только вокруг него тонкая оболочка, что по временам и местами эта оболочка, разрежаясь, бывает усеяна черными пятнами. Это значит отверстиями, сквозь которые мы видим темное солнечное ядро.

Атмосферы надобно почитать собственным произведением мировых тел. Еслиб оне сгущались из той средины, в которой наша солнечная система двигается, тогда бы плотность их была в содержании к массе тел, чего не находим однакож по сравнению земли с луною. Надобно полагать также, что атмосферы составляются из жидкостей воздухообразных. Мы знаем, что жидкости текучие не могут существовать без наружного давления, следовательно, должны быть покрываемы по крайней мере тем паром, который от них самих отделяется. Правда, что вокруг луны заметной атмосферы нет; но, может быть, на ней разлиты такие жидкости, которые дают только чрезвычайно тонкие пары. Вокруг солнца, при той сильной теплоте, которая в нем сохраняется, без сомнения атмосфера должна быть воздухообразная, подобно как и вокруг обитаемой нами земли. Г. Араго́ даже доказал, что свет от солнца именно с теми свойствами, какие могут принадлежать свету воздухообразных жидких тел. Трудно судить о пределах солнечной атмосферы, когда ничего верного не можем даже сказать, как далеко простирается воздух над поверхностию земли. Если принимаем в основание, что граница устанавливается, где тяжесть уравновешивается с упругостию, то находим, что высота нашей атмосферы должна бы в пять раз быть более земного полупоперечника, следовательно восходить до 32.060 верст. Эта чрезвычайно большая высота не подтверждается появлением зари, которая состоит в освещении верхних слоев нашей атмосферы. Легко понять, что упругость воздуха должна вместе уменьшаться с температурой, а следовательно, гораздо ближе над поверхностию земли уравновешиваться с тяжестию. Гей-Люссак в своем аеростатическом путешествии нашел, что температура в воздухе уменьшается одним градусом сотенного термометра на 175 метров или 82 сажени. Если так охлаждение продолжается в воздухе до самых его пределов, то высота атмосферы будет выходить не более сотой части земного полупоперечника, около 57 верст, а температура должна бы понижаться до 350 сотенных градусов. Таким образом, уже высота делается слишком малой,

а температура слишком низкой. Другое предположение, что температура в атмосфере так же уменьшается, как при нагревании твердых тел, в геометрической прогрессии, ведет к заключению, что воздух простирается на 30 часть земного полупоперечника, или на 190 верст, а температура доходит до 200 градусов ниже нуля, — выводы более других вероятные. Г. Пульѐ недавно предложил теорию, которая во многих отношениях оправдывается различными наблюдениями и согласно с которой температура на пределах нашего воздушного неба должна быть не выше — 144° С. Фурье, неизвестно, впрочем, вследствие какого рода вычислений, утверждал, что температура пустого пространства, где двигается наша солнечная система, должна быть не выше — 50°. Если теперь эти понятия применяем к солнечной атмосфере, то со всей вероятностию должны думать, что вокруг солнца воздухообразная жидкость простирается далеко выше всех неровностей твердого ядра; что пограничные слои к пустому пространству, в переходе к весьма низкой температуре, производят явление света, который начинается на значительной глубине в солнечной атмосфере. Если бы теперь какие-нибудь твердые части выдавались вон из этой атмосферы, то по свойству таких тел, остынув в чрезвычайно холодной средине, они казались бы нам постоянными черными пятнами, которых однакож на солнце, кроме подвижных, совсем не примечаем. Если гг. Тулузские астрономы и г. Шумахер видели во время последнего полного затмения светлые, розового цвета, возвышения на лунном крае, то, после всего сказанного здесь, трудно согласиться, чтоб эти возвышения могли быть солнечные горы.

Светлый венец вокруг солнца нельзя почитать за вторую солнечную атмосферу, кроме той, которая нас освещает; по крайней мере, если под атмосферой хотим разуметь всегда жидкую средину вокруг ядра в одинаковом с ним обращательном движении. В таком случае атмосфера должна представляться сжатой от полюсов обращения к своему экватору. Хотя солнечное кольцо, как нам казалось, занимало на небе до 2 градусов в ширине своей, и хотя атмосфера при такой обширности может еще держаться в равновесии, но сжатие должно бы происходить весьма сильное. Между тем оно никем не было замечено, ни в последнем, ни в прежних солнечных затмениях. Расширение, которое мы видели в начале именно потому, что направление было горизонтальное, скорее надобно приписать нашей земной атмосфере или случайному расположению в облаках. Наконец, объяснить надобно те особые принадлежности, которые никак нельзя допускать в составе воздушной атмосферы, потому что производить их обращательное только движение не может. Рассказ о наблюдениях в этом отношении весьма разнообразен. В Нарбонне видели на юговосточной части лунного круга, в пространстве 45 градусов, сноп лучей неправильно раскинутых. От крайних лучей свет был слабее внутри снопа, от снопа в обе стороны ровный, но на конце северозападном выходил конусом, сгущаясь в острее. Г. профессор Симонов в заседании Парижской Академии наук слышал,

как г. Араго́ описывал явление совсем иначе по своему наблюдению. В Перпиньяне видел он вокруг солнца светлый венец из лучей прямых и потом загнутых подобно плицам в колесе Понселе; лучи выходили под различными углами к солнцу, даже в линиях касательных, и вообще давали венцу вид многоконечной звезды. В Монпелье также заметили, что край югозападной и северовосточной светил сильнее; что на первом вначале показалась багряная черта, потом на северозападном такого же цвета возвышение в 45″; наконец еще два на востоке с раздвоенной вершиной. Астроном здесь находил большое сходство лучистого венца с распущенными по ветру волосами. Мы видели в Пензе, как я сказал уже выше, свет около солнца вначале растянутой, потом треугольной, наконец ровной сплошной, или с некоторым разнообразием, от неодинаковой густоты, вероятно, в облаках, но без особенных принадлежностей самому венцу. Г. Ляпунов заметил в начале полного затмения на югозападном краю луны небольшое, может быть до $1^1/_2$ минуты, возвышение красного цвета, потом недалеко к северу показалось еще раздвоенное возвышение. Вот это разнообразие, замеченное с различных мест наблюдения, мудрено толковать, допуская, что венец производит каким-нибудь образом само солнце вокруг себя. Если бы требовалось объяснить только лучистый неровный состав венца, тогда бы можно было прибегнуть к предположению, что тонкое вещество, раз отделившись от солнца, двигается с чрезвычайною скоростию, повинуясь отталкивающей силе. Это бы значило принимать солнце за большую комету, окруженную весьма пространной атмосферой. Далеко растянутой хвост комет на стороне, противоположной от солнца, заставляет думать, что здесь отделяется вещество, которое солнцем отталкивается. Это действие солнечных лучей или самого ядра в солнце весьма хорошо можно видеть, как мне случилось и самому наблюдать в 1832 году на комете Энке, которой атмосфера представляет еллипсоид, вытянутый от солнца. Подобным образом и в самом солнце могут заключаться частички, которые, сделавшись свободными на поверхности ядра, разлетаются в разные стороны, по различным направлениям, различно сгущенные, с быстротой, где круговое движение солнца не может уже быть чувствительным. Это предположение нельзя допустить однакож со всей вероятностию, по причинам, о которых упомянул я выше. Действительно, в таком случае должно бы, кажется, ожидать гораздо более согласия в наблюдениях. Мы знаем, что светлые атмосферы вокруг комет от времени все более и более уменьшаются. Знаменитая комета Галлея, которая, в прежних своих появлениях, поражала всех ужасом, расстилая свой хвост до трети неба, пришла к нам в 1838 году, окруженная светом очень скудным. Напротив, светлый венец вокруг солнца бывает различной величины, не представляя приметного постоянного уменьшения. В 1567 году полное солнечное затмение при-

няли за кольцообразное: следовательно, кольцо вокруг луны показалось остатком в солнечном круге. В начале 1605 года видели полное затмение в продолжение нескольких мгновений, и темный круг луны казался окруженной светом, который распространялся на бо́льшую часть неба. Плантад и Кляпье рассказывают, что они видели в 1706 году полное солнечное затмение: вокруг луны было белого цвета кольцо, шириной около трех минут, следовательно, не более двенадцатой части лунного поперечника. Галлей описывает полное затмение 1715 года: за несколько секунд до наступления полного затмения луна показалась окруженной бледным светом, может быть, шириною в девятую или двенадцатую часть своего поперечника. Это же затмение наблюдал французский академик Лувиль в Лондоне. Кольцо вокруг луны казалось ему серебристого цвета, гуще к внутреннему краю, слабее к окружности, которая за всем тем однакож ограничивалась чертой определенной. В этом кольце свет промежутками был различной густоты. Лувиль утверждал, что кольцо было одноцентрным с луною; напротив, Маральди нашел при затмении 1724 года, что кольцо в начале было шире к западу, в конце к востоку. В 1778 году испанский адмирал Уллоа наблюдал полное затмение, о котором пишет: кольцо вокруг луны показалось чрез 5 или 6 секунд после начала полного затмения, пропало в такое же время до конца, составляло около шестой части лунного поперечника, внутри было красноватого, далее желтоватого, наконец в окружности совершенно белого цвета. По местам из кольца выходили лучи, длиною в лунной поперечник. Бовдичь и Ферре 1806 года видели полное солнечное затмение в Америке. Венец был одноцентрным с луною, 3 минуты в ширину, перловой белизны; из краев выходили лучи, простираясь градуса на два. Те же явления повторялись, следовательно, всякой раз, но в различном только размере. Если мы видели в Пензе венец гораздо шире, то нет сомнения, что причиной тому было пасмурное небо.

Кеплер, рассуждая о затмении 1598 года, светлое кольцо думал объяснить или воспламенением эфира вокруг солнца, или преломлением лучей в лунной атмосфере. Первое объяснение не заключает в себе ничего, кроме понятий неопределенных и предположений без основания. Второе допускать нельзя потому, что вокруг луны атмосфера, если существует, должна быть ничтожная, которая не может быть причиною приметных явлений. Впоследствии опыты Фложерга, Делиля и Майера, кажется, наклонили астрономов более к тому мнению, что кольцо происходит от погибания лучей близ лунной поверхности. Фложерг, подражая затмению, подвешивал темный шар против солнца, и брошенную тень принимал на полотно. Когда видимый поперечник шара составлял 1964″, 6, то в средине тени появилась светлая точка, которая, с приближением полотна, расширялась и, наконец, когда видимый поперечник шара доходил даже до 4°46′ 54″, распространялась на всю тень слабым полусветом. Поперечник солнца

был вымерен при опытах в 1927″,76, почти равной с поперечником шара в то время, когда свет внутри тени соединяется в одну точку. Подобное бывает и в солнечном затмении; откуда Фложерг заключил, что кольцо происходит от лучей, которые, погнувшись у лунной поверхности, проникают в средину тени. Опыты Делиля в том же роде, но явление думал он приписать разносу лучей (irradiation), тогда как оно собственно заключается в погибании света (inflexion). Повторяя опыты Фложерга, хотя не делая самых измерений, мы с г. профессором Кнорром нашли то же. Впрочем, погибание лучей в средину тени физикам известно хорошо; но теперь остается сделать из этого применение к кольцу в затмении. По теории вытекания (émission) надобно предполагать действие темных тел на свет только в неприметном расстоянии, а следовательно, луч, погибаясь у поверхности темного тела, должен затем уже продолжать свой путь по прямой линии. Теперь прямая, от наблюдателя до внешнего края на светлом кольце, проходит мимо луны на расстоянии, по меньшей мере в одну двенадцатую долю лунного поперечника — расстояние слишком большое, чтобы здесь могло происходить какое-нибудь действие на свет. Эта теория вытекания, придуманная Невтоном, предполагает еще в светлых частичках попеременную наклонность отражаться или проникать. По такому свойству своему луч может сначала принимать кривизну темного тела, потом, изгибаясь в противную сторону, приходить уже к нашему глазу; но в таком случае последнее направление будет по прямой, которая падает на темное тело. От этого край, из-за которого свет приходит, будет нам казаться прозрачным или выщербленным в том месте, где светлое тело начинает скрываться за темным, как это действительно всегда так и бывает. Вот почему покрытие звезды луною замедляется до $3^1/_2$ секунд времени, в продолжение которого звезда как бы продолжает уже свое движение по лунному кругу, или, другими словами, луна в этом месте бывает как бы вырезанной. Это замедление должно бы составлять около 50″ в дуге по наблюдениям Сежура, Мешеня и Лекселя (Histoire de l'Astronomie, par Delambre), тогда как Лемёнье назначает не более 13″. Сжатие в видимой величине планеты Венеры, когда проходит она по солнцу, оказывается еще менее, около 6 секунд, вероятно потому, что крайние погнутые лучи к средине тени, по слабости своей, делаются нечувствительны для глаза при солнечном сиянии. Этой же причине надобно приписать и всё разнообразие в замедлении звезд, смотря по тому, какой величины самая звезда и какая часть луны бывает освещена. Итак от погибания лучей луна во время затмения должна быть окружена светом, которой собственно представляет не расширение солнечного круга, но сжатие лунного, и которой ни в каком случае не может составлять более $^1/_{40}$ лунного поперечника, тогда как его находят от $^1/_{12}$ до $^1/_{10}$; а мы в Пензе видели сквозь облака приметной свет по крайней мере на 2 градуса по небу. Скажем и то, что погибание лучей должно бы давать свет сильнее к наружному краю. Хотя некоторое погибание заметил я близ самой луны, но вообще явление происходило совсем в другом роде.

Переходим теперь к другой теории Декарта, сильно поддерживаемой Гугенсом и потом Ейлером, известной под названием системы волнений (ondulations), которой физики принуждены были во многих отношениях дать преимущество, особенно когда г. Юнг прибавил к тому перекрестывание лучей (interference). Пользуясь этой теорией и с помощию своих новых предположений, Френель вычислял гипероболическую линию в уклонении света, подтвердил эту кривизну действительным измерением, наконец хотел уже здесь видеть несомнительное опровержение системы Невтона. Непрямое движение света, после того как он прошел мимо темного края, приличнее называть *разбрасыванием* (diffraction), следуя системе волнений, нежели *погибанием* (inflexion), которое должно быть постоянным при всяком размере непрозрачного тела, завися, по теории Невтона, от действия только в неприметном расстоянии. Система волнений, с предположением к тому Френеля, достаточно нам объясняет, каким образом возле пограничной черты на тени в обе стороны ложится кайма Гримальди, где красной цвет уклоняется всегда менее, следовательно, менее покрывается другими, отчего бывает господствующим, когда тень происходит от сложного солнечного света. Нет сомнения, что багряная черта, которую видели в Монпелье по краю луны, была явлением в этом роде. Г. Ляпунов в Пензе заметил эту черту даже сквозь облаков. Покуда не наступало полное затмение, мы с г. Кнорром долго любовались яркой красной чертой на солнце возле лунного края; слабой отблеск видел я также на темной половине кверху. Мне кажется, более основательным приписывать тому же разбрасыванию лучей от лунных гор и происхождение тех возвышенностей, которые были замечены как бы выдвинутыми из за луны. Об них упоминает и г. Ляпунов, назначая величину до $1^1/_2$ минуты, слишком уже большую для гор на самом солнце, чтоб это последнее мнение могло казаться сколько-нибудь вероятным, тогда как окрашенная кайма красным цветом вне тени, брошенной незначительным возвышением луны, легко может достигать до такого расширения на расстоянии до нашей земли. Что же касается светлого кольца, то хотя кривизна лучей и подает с первого раза повод предполагать здесь именно такое направление, которое бы свет расширяло для наших глаз вокруг луны, но, вникнув, каким образом это направление должно быть определено, находим, что кольцо так же мало может быть произведено разбрасыванием, как и погибанием лучей. Юнг доказал наблюдениями, что кайма пропадает внутри тени, как скоро другой край темного тела закрывается; следовательно, для каймы необходимо взаимное действие двух краев, которые Френель и принимает за место, где начинают образоваться новые волны. Сии последние волны почитает он единственной причиной, почему свет распространяется внутри тени, так что здесь в согласном перекрестывании свет усиливается, в противоположном — уничтожается. Если таким образом цветные полосы могут образоваться на всяком месте, внутри или вне тени, то направление света по теории должно быть всегда перпендикулярно

к поверхности составной волны. Возьмем теперь в пример освещенное место в самой средине тени. Сюда волны приходят от всех краев одинаково; нормальная линия составной волны должна, следовательно, быть направлена к центру луны, но не выходить вон за темный круг. Из других мест внутри тени нормальные принимают различные направления, которые тем не менее все без исключения выходить вон из тени не могут, чтобы составить потом светлое кольцо вокруг луны.

Систему волнений нельзя справедливо называть теорией, а только выражением тех явлений, которые желают объяснить. Истинная теория должна заключаться в одном простом, единственном начале, откуда движение берется, как необходимое следствие, со всем своим разнообразием. Еще Пуассон в письме к Френелю (Annales de Ch. et de Ph., 1823, p. 170) заметил несообразности, как скоро хотим итти далее тех случаев, к которым теория волнений приспособлена. Говорить о волнах, значит основывать все суждение на том, что в строгом смысле не существует, подобно тому как мы говорим о линиях и поверхностях, тогда как в природе находятся только тела. Теория волнений представляет верно некоторые законы в явлениях света, но не дает еще понятия, в чем существенность заключается. То несомнительно, что пространство повсюду наполнено центрами, откуда вытекает или сила притягательная или сила отталкивающая; что центры таким образом между двух противоположных сил держатся в равновесии; что нарушение равновесия бывает или причиной изменения совершенного, или только колебаний внутри тел. Г. Коши первый вздумал этим путем итти в изложении теории света. Однакож, предполагая качания для частичек эфира, не принимает в рассуждение того, как это движение должно начинаться; почему свет, пробегая всегда прямую линию, не примечается более на пройденном пути, тогда как еще качания должны бы продолжаться? Г. Коши доказывает еллипсоидное движение частичек в их качании; затем в трех осях еллипсиса произвольно хочет допускать две оси для поляризации и третью ось для явлений теплоты.

Г. профессор Кнорр однажды в разговоре со мной остроумно заметил, что нет еще достаточной причины вооружаться против теории Невтона, так же как не благоразумно было бы не пользоваться преимуществом другой системы. Можно верным остаться теории Невтона, прибавя только, что поток эфира, встречая препятствие на пути, приходит в волнение, подобно тому как вода в реке, встретив плотину, поднимается волной, разделяется на две струи, между которыми происходит пустота, наконец вода соединяется снова в общий поток; или подобно воздуху, который, встречая препятствие, также волнуется, разделяется на два потока, с пустотой между ними; волнение здесь производит иногда звук и прежнее течение за пустотой восстановляется. Падение воды за плотиной и пустота, воздухом оставляемая за стеной, отвечает, следовательно, брошенной тени позади непрозрачных тел; стремление воды или воздуха с двух сторон сливаться вместе представляет нам уклонение света к средине тени. Таким

образом, две теории соединяются в одну для толкования всех явлений света. Оставалось бы решить, какою силой в эфире надобно заменить тяжесть воды или упругость воздуха; притом выбрать эту силу так, чтобы самая большая часть светлых частичек сохраняла прямолинейное движение — отличительная принадлежность света. Этот взгляд приобретает тем более вероятности на своей стороне, что представляет теорию света с теорией теплоты в той же тесной связи, в какой находятся самые явления; тогда как система волнений оставалась без всякого применения ко всему тому, что мы до сих пор из опытов уже хорошо знаем о нагревании тел.

Рассуждая во всей обширности, не стесняя себя никакими предположениями покуда, без необходимости, надобно думать, что частички света в своем источнике получают как погонное, так и качательное движение. Первое можно почитать причиною как освещения, так и нагревания, разумея здесь динамическое действие соединенным с накоплением теплотвора от проникнутых частичек внутрь тела. Наконец, в качательном движении можем отыскивать происхождение цветов и всех явлений поляризованного света. Я не берусь еще на таких новых началах построить всю теорию, но последнее солнечное затмение, которого был я свидетелем, подало мне повод к этим замечаниям, тем более, что почел своей обязанностию сказать что-нибудь о светлом кольце вокруг луны. Мое мнение таково, что ни погибание (inflexion), ни разбрасывание лучей (diffraction) не в состоянии производить подобное явление. Погибание лучей уменьшает во время затмения видимый поперечник луны, следовательно, солнце должно выставляться кольцом, но кольцом тонким, не шире нескольких секунд, как должно заключать по замедлению в покрытии звезд, где величину погибания наблюдают вполне. Разбрасывание лучей, напротив, нисколько не участвует в образовании кольца, и даже не бывает чувствительно в средине тени, где бы должно обнаруживаться красным цветом, как таким, которой в кайме Гримальди другими не покрывается. Повторив опыт Фложерга, могу сказать только, что хотя видел я свет вокруг темного края, но свет в том же роде, как видим его близ непрозрачных тел, куда бы в освещенной части неба ни обращались. На расстоянии, где темный шар одинаковой величины с солнцем, красный свет появляется в середине, и с уменьшением расстояния хотя расширяется по всему темному кругу, но вон не выходит, и кольца не составляет.

На образование кольца вокруг луны можно подозревать большое влияние воздуха. Чтобы судить об этом влиянии позволил я себе в начале, с некоторой подробностию даже, говорить о границах и составе нашей атмосферы. Первое, что надобно заметить в этом отношении — понижение температуры во время затмения. Наблюдения делал г. учитель математики в Пензенской гимназии Хватунов.

26 июня 1842, утром	8 ч.	0′	+15,°2
	8	15	14, 4
	8	30	14, 7

8 45 . . . . 14, 5
9 0 . . . . 14, 0
9 11 . . . . 13, 4 начало пол[ного] затмен[ия]
9 30 . . . . 13, 9

Показания термометра в градусах Реомюра. Ветер был югозападный, весьма тихий; барометр стоял на 727,9 миллиметрах и приметно не менялся. Итак самое большое падение термометра составляло 1°,8, несмотря на то, что за продолжительным дождем с утра небо начинало проясниваться, отчего воздух должен бы нагреваться скоро. Если теперь от лунной тени произошла в температуре столь значительная разность у земной поверхности, то, без сомнения, на границах самой атмосферы должна быть эта разность чрезвычайно резкая, особенно в том месте, где тень разграничивалась со светом. После чего делается вероятным, что солнечные лучи, менее других погнутые близ луны, следовательно, самые обильные светом, должны преломляться в отененном воздухе так, что большая часть из них могла приходить к нашему глазу в том самом направлении, какое требуется для произведения кольца вне темного лунного круга. От охлаждения должно происходить движение в воздухе: стремление со всех сторон в тень и течение книзу внутри тени. Это движение, соединенное с движением самой тени, вероятно, причиной и неравного преломления, которое в светлом венце производит искривленные полосы. Может быть, присоединяется к тому различное состояние воздуха на границах атмосферы, представляя переход к жидкому капельному, даже к твердому телу, при черезвычайном холоде в прикосновенном пустом пространстве. Итак не мудрено, что здесь бывают внезапные превращения, которые по временам и местами дают солнечным лучам особенное направление, отчего происходит явление, какое находим в описании Уллоа.

Может быть светлое кольцо вокруг луны составляет явление более сложное, нежели как я здесь его представил и как вообще все явления света физики до сих пор разумеют. Возьмем в пример освещенные тела, которых отраженный свет обыкновенно принимают, с одной стороны, слабее в содержании к квадрату расстояния, с другой, усиленным в том же содержании сжатием видимой величины. Между тем, если напряжение света должно быть независимым от расстояния, то трудно понять, каким образом наша мрачная земля на весьма большом расстоянии делается светлым пятном, подобно прочим планетам и луне. Мы видим, что облако вдали гораздо более светится, нежели тот туман, которого вид оно должно принять, если мы к нему приближимся. Представим себе светлые тела, размещенные с промежутками на такой глубине, что свет от них кажется непрерывным. Теперь в конусе видимой величины за каждым телом должны скрываться другие, которых свет уже до нашего глаза не доходит, и число которых будет тем более, чем ближе находится к куче тел. Отсюда необходимо происходит

уменьшение в свете, которое совсем не предполагают, доказывая равную силу в освещении на различных расстояниях. По примеру таким образом скученных тел можем заключать о всяком теле, которое должно разуметь собранием атомов, размещенных на расстояниях. Без сомнения, не в этом одном состоит усиление света на большом удалении. Трудно согласиться, чтоб от этой одной причины наша темная земля могла принадлежать на небе к числу светлых планет. Мысль, что на планетах плоскости в различных направлениях отражают свет, эта мысль не может быть допущена даже для математических зеркал, в противность основного понятия, как мы внутренний состав тел должны себе представлять. Затем, какие зеркальные грани свет может встречать на тумане в облаках или на тонких парах кометного хвоста, чтоб, отразившись, приходить еще приметным для нашего зрения? Предположение, что свет, коснувшись твердого тела, заставляет каждую точку делаться новым центром волнения, это предположение Френеля, хотя произвольное, подтверждается тем не менее на самом деле. Нельзя сомневаться, чтобы свет в прикосновении не возрождался снова, чтоб это возрождение не было тем сильнее, чем более сопротивления для света, чем разительнее, следовательно, переход из одной средины в другую. Когда теперь идем от этих положений, то делается вероятным, что в прикосновении света поверхность нашей атмосферы сама начинает светить, и что в кольце вокруг луны мы видим также собственной свет от верхних воздушных слоев, подобно тому, как эта тонкая оболочка нашей земли должна гореть ярким светом для жителей на прочих планетах и на луне.

Вот всё, что мог я сказать за моих товарищей и за себя, как очевидцев полного солнечного затмения в Пензе. Г. Ляпунов свои наблюдения изложил особо. Пользуясь нашим пребыванием в этом городе, мы сделали также несколько магнитных наблюдений.

Для магнитного наклонения был употреблен снаряд и стрелка работы Гамбея в Париже. Два ряда наблюдений сделаны, как обыкновенно, с перекладыванием и перемагничиванием стрелки. Первой ряд дает 65° 33′,25; второй — 65° 34′,19. Однакож мы заметили, что стрелка Гамбея в одном конце принимала более магнетизма. Наблюдения с другой стрелкой, приготовленной в механическом заведении нашего Университета, дали магнитное наклонение 66° 19′,9. Прежде того, 21 октября 1836 года, г. профессор Кнорр определил в Пензе наклонение 66° 19′,1.

Магнитное отклонение в Пензе г. Ляпунов находит, как среднее из своих наблюдений для северного конца 1°25′ 4″,7 к востоку.

Горизонтальное напряжение магнетизма можно заключить из сравнения наблюдений, сделанных тем же снарядом в Казани и в Пензе, при равных дугах качания.

1836 июня 29. В Казани, время 10 качаний при 0° R. . 50″,35

1836 октября 22. В Пензе . . . . 48″, 187
1842 июля 18. В Казани . . . . 50″, 391
1842 июня 35. В пензе . . . . 48″, 156.

В отношении к физической географии город Пенза заслуживает внимание своим гористым положением и потому климатом более суровым, нежели как бы должно было ожидать, судя по географической широте. Эта возвышенность, открытая на пространную степь к востоку, бывает причиною грубых перемен в температуре и составляет отличительную принадлежность стран в соседстве с северной Азией. Особенно весной, после теплой погоды в апреле, когда плодовые деревья начинают уже цвести, северозападной порывистый ветер приносит холодный дождь и даже снег. В Казани 1842 мая 31 снег покрыл совершенно землю; в это же время термометр в Пензе спускался до нуля, снежинки летали по воздуху, хотя и таяли, падая на землю. Далее к Саратову, на равнинах по берегам Волги, с уничтожением гор, климат делается столько теплым, что растет уже виноград. Пенза хорошо выбрана местом для садоводства, которому принуждены здесь учиться как искусству, тогда как в южной России на согретой почве, под благоприятным небом, не нуждаются и пренебрегают пособием для природы, без того богатой растительною силой. Напротив, подобное небрежение к северу бывает причиною неудач, в которых, по незнанию дела, часто хотят обвинять несправедливо самое садоводство.

Гористое положение Пензенской губернии не представляет никакой правильности в своем образовании, тогда как от Симбирска до Казани господствует одна только возвышенность правого берега Волги, от которой в Симбирской губернии начинается уже степной вид полей. Г. Кнорр полагает, что вода на земной поверхности сначала долго пребывала запертая в случайных углублениях; потом, проложив себе дорогу, произвела реки, где течением углубилось дно и придало возвышенность берегам, которые, может быть, совсем и не должно почитать за ветви горных хребтов. Такое мнение совершенно подтверждается при первом взгляде на холмистую поверхность Пензенской губернии. Падение реки Свияги произвело в высоком волжском береге разрыв, где в промежутках еще видны остатки. На одном из таких возвышений уцеленного берега построен город Свияжск.

«Ученые записки, издаваемые императорским Казанским университетом» 1842, книжка III, Казань, 1843, стр. 51—83. Перепечатано с небольшими редакторскими стилистическими изменениями в «Журнале министерства народного просвещения», часть XXXIX, 1843, август, отд. II, стр. 65—96.

497

Публикация в «Сенатских объявлениях» о наложении запрещения на принадлежавший В. А. Лобачевской дом в Казани, в связи с полученной ею денежной ссудой

4 сентября 1843. Петербург

Лобачевская, Варвара Алексеевна, действительная статская советница. По выданому 1843 г. августа 7-го за № 987 на каменный дом ее, Лоба-

чевской, свидетельству. запрещается оный дом, состоящий в 1-й ч. г. Казани, на Проломной улице.

«Санктпетербургские Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения», сентября 4 дня 1843 года, № 71, стр. 2034, статья 19534 (от Казанского губернского правления, 9-го августа за № 3483. По сообщениям Казанской палаты гражданского суда).

498

Из статьи «Об ученых путешествиях профессоров, преподавателей и воспитанников Казанского университета [о результатах наблюдения Н. И. Лобачевским солнечного затмения в Пензе] с 1827 по 1843 год»

Ноябрь 1843. Петербург.

В 1842 году, по случаю предстоявшего полного затмения солнца в Пензе 26 июня 1842 г. ординарные профессоры: чистой математики — *Лобачевский* и физики — *Кнорр* и астроном-наблюдатель *Ляпунов* отправились в город Пензу для разных наблюдений во время замечательного и редкого явления. Астроном Ляпунов отправился 10 июня и прибыл 15 числа, чтоб заранее успеть избрать удобное место, приготовить всё необходимое для ученых занятий, устроить временную обсерваторию и определить географическое ее местоположение. Он взял с собою и установил трубу прохождений, одну большую и две малые ахроматические трубы, секстант с искусственным горизонтом, хронометр Брегета с меткой (à pointage), магнитный инклинаторий и деклинаторий Гамбе, качательный магнитный снаряд Пулье, психрометр Аугуста, барометр и небесный глобус. Занятия Ляпунова, вместе со студентом Магзигом, состояли в наблюдениях астрономических и изложены им в подробном донесении. Профессоры Лобачевский и Кнорр, вспомоществуемые учителями математики в Пензенской гимназии Хватуновым и Трофимовым, делали наблюдения физические. Хотя многое осталось скрыто от их глаз под завесой облаков, тем не менее явление, поистине великолепное, подало повод, в особенности профессору Лобачевскому, в обширном ученом отчете [1] коснуться многих важных вопросов: охлаждения в воздухе, постепенности омрачения и в особенности происхождения светлого кольца около солнца, с поверкой всех предложенных по сему предмету теорий и новыми собственными воззрениями.[2]

«Журнал министерства народного просвещения», 1843, ноябрь, отд. II, стр. 90—91; вся статья на стр. 61—104. С небольшими текстуальными отличиями эти сведения напечатаны в «Отчете императорского Казанского университета и учебного округа за

[1] См. ЖМНПр., ч. XXXIX, Отд. II.

[2] В заключение профессор Лобачевский с своим товарищем, пользуясь пребыванием в Пензе, произвел несколько наблюдений магнитных и физико-географических в отношении климата и гористого местоположения страны и города.

17 лет, с 1827 по 2-е генваря 1844 года, по управлению тайного советника Мусина-Пушкина» [сост. К. К. Фойгтом], Казань, 1844, стр. 355—356, то же: «Прибавление к Казанским Губернским Ведомостям», 6 марта 1844, № 10, столб. 150—151.

499

Из доклада Н. И. Лобачевского, представленного президенту Экономического общества С. П. Шипову, о рассмотренном им проекте Фелленберга, на основании которого учреждена в Гофвиле практическая школа земледелия, ремесел, навигации, судостроения и шелководства

Начало 1844

О земледельческой ферме.

II) Казанское экономическое общество поручило председателю IV отделения Совета Общества господину ректору Казанского университета действительному статскому советнику Лобачевскому рассмотреть проэкт Фелленберга, на основании коего учреждена в Гофвиле практическая школа земледелия, ремесел, навигации, судостроения и шелководства и на правилах которого проживающий в С.-Петербурге коллежский советник Калашников изъявил желание открыть такое же заведение в Казани. [«С удовольствием прочел я книгу, доставленную мне Вашим превосходительством 11 октября № 45. Она может] назваться[1] похвальным словом учредителю воспитательного земледельческого училища в Швейцарии, Фелленбергу и наставнику в этом училище Верме, но не может еще почитаться[2] руководством к устройству подобных заведений, которые с 1814 года в своем составе, также как и в способах вероятно много усовершенствовались». Сочинение Фелленберга теперь уже замечательно только в том отношении, что побуждает обратить должное внимание на важность воспитания и доказывает самым делом возможность распространить его даже на детей из сословия нищих и бродяг, которые у своих родителей могут заимствовать лишь пример распутства и праздности. [«Общественному воспитанию принадлежат свои выгоды и недостатки. Все признают»,][3] что начальное воспитание в детстве должно быть преимущественно домашнее», однакож, так как дети бродяг и вообще людей бедного состояния не могут воспитываться дома, следовательно, необходимо воспитывать их в заведении общественном. При сем Фелленберг справедливо заметил, что воспитание может быть соединено с ремеслом, искусством или наукой. «Ремесло требует только телесного труда и навыку; искусство — способностей; наука — познаний». Дети наших нищих и бродяг могут от воспитания сделаться ремесленниками, художниками или учеными, смотря по тому, какие природные дарования

[1] *В печатном:* Вследствие сего г. Лобачевский уведомил Общество, между прочим, что сочинение сие может скорее назваться

[2] *Далее в печатном:* достаточным

[3] *Вместо этой фразы в печатном:* Хотя известно

в них откроются. Общественные воспитательные заведения для детского возраста должны быть обширны, по мере обширности польза от них возрастает с уменьшением издержек на каждого воспитанника. Успех таких заведений совершенно зависит от усердия и достоинств начальника, от старания, познаний и способности учителей. Вот условия, без исполнения которых, по мнению г. Лобачевского, цель воспитания детей низших классов народа не может быть достигнута. По сим соображениям Советом Общества было заключено: что президенту Общества господину Казанскому военному губернатору известны способы и местные обстоятельства к достижению цели воспитания детей низших сословий здешних жителей учреждением для них воспитательного заведения, посему Общество и предоставило разрешение сего вопроса на благоусмотрение его высокопревосходительства. Господин же председатель IV Отделения Совета с своей стороны мнением полагает, «что при недостатке еще особенного заведения, дети такого разбора могут быть отдаваемы для обучения или в Казанскую ремесленную школу удельного ведомства, или в Ботанический сад при Университете, или [наконец] к механику [при Казанском] Экономическом обществе».[1] «[Наше] Экономическое общество [в Казани][2] могло бы механическое заведение устроить на свой счет с приличным помещением, взять его под ближайший надзор[3] и таким образом доставлять пользу распространением улучшенных орудий и снарядов, а вместе [с тем] принимать в это заведение[4] тех несчастных мальчиков, которые по рождению своему [должны][5] сделаться [негодяями][6], если [соотечественники над ними не сжалятся, а] правительство[7] не подаст им руку помощи и не спасет их от [погубления]».[8]

«Отчет императорского Казанского экономического общества за 1844 год» в брошюре «Отчет императорского Казанского экономического общества за 1843 и 1844 годы», s. l. et a., стр. 14—16. Ср. в статье И. Износкова «О деятельности Н. И. Лобачевского в Казанском экономическом обществе», Казань, 1894, стр. 6—8, откуда взяты подлинные выражения из рукописи доклада Н. И. Лобачевского, заключенные в кавычки. Фразы же и отдельные слова, отсутствующие в тексте отчета, вставлены из приводимого Износковым рукописного текста Лобачевского и заключены в прямые скобки. Замененные, таким образом, части печатного текста отчета подлинным текстом рукописи Лобачевского введены под строку в виде вариантов.

---

[1] *В печатном:* или к машинисту Экономического общества.

[2] *В печатном:* Общество

[3] *В печатном:* свой надвор

[4] *Далее в печатном:* для обучения ремеслу

[5] *В печатном:* могут

[6] *В печатном:* сделаться вредными членами общества

[7] *В печатном:* если никто не примет в них участия, или само правительство

[8] *В печатном:* спасет их от конечной погибели.

500

Сообщение в печати о пожертвовании Н. И. Лобачевским денег в пользу детского приюта, учрежденного в Казани
11 января 1844

Объявления и известия [...]

IV.

О пожертвованиях в пользу Детского приюта, учрежденного в Казани.

Казанское губернское попечительство Детских приютов поставляет долгом сообщить во всеобщее сведение о пожертвованиях, сделанных разными лицами с 11 по 25 генваря текущего года в пользу учреждения в г. Казани Детского приюта

[. . . . .]	Серебром	
	Единовремен.	Ежегодно
Ректор Университета Н. И. Лобачевский	15 р.	

Казанские Губернские Ведомости, понедельник 31-го генваря 1844 года № 5, столб. 41—42; «Об открытии Детского приюта», состоявшемся 11 января 1844 г., есть специальная заметка в «Прибавлениях к Казанским губернским ведомостям», 17 января 1844, № 3, стр. № 33—35.

501

Из письма К. Ф. Гаусса к Х. Герлингу
23 января (4 февраля) 1844. Геттинген

Übrigens hat in den letzten Decennien ein Russe (Lobatshewsky, Staatsrath und Professor in Kasan) einen ähnlichen Weg eingeschlagen. Er nennt die Nicht-Euklidische die imaginäre Geometrie (wie Ihr ehemaliger Kollege [Schweikart] Astralgeometrie) und hat darübet in *russischer* Sprache viele sehr ausgedehnte Abhandlungen gegeben (meistens in den Записки Казанского Университета, Memoiren der Kasanschen Universität), zum Theil auch in besondern Brochuren, die ich, glaube ich, alle besitze, aber ihre genaue Lecture noch verschoben habe, bis ich mich einmal mit Musse wieder in dieses Fach werfen kann, und das Lesen russischer Bücher mir noch geläufiger ist als jetzt. Irre ich nicht, so ist auch ein Aufsatz des p. Lobatschewsky, vielleicht eine Übersetzung aus den Записки, in Crelles Journal; was ich aber in diesem Augenblick nicht nachsehen kann.

Перевод:

Кроме того, один русский (Лобачевский, статский советник и профессор в Казани) вступил на подобный же путь. Он называет неэвклидову — воображаемой геометрией, подобно тому как Ваш прежний коллега [Швей-

карт] называет ее астральной геометрией, и выпустил о ней на *русском* языке много весьма пространных трудов (главным образом в Записках Казанского университета, Memoiren der Kasanschen Universität), частично также в особых оттисках, которые, как мне кажется, я все имею, но точное чтение которых я пока отложил, пока я не смогу снова с усердием устремиться в эту область и чтение русских книг не станет для меня еще легче, чем сейчас. Если я не заблуждаюсь, имеется также сочинение Лобачевского, возможно перевод из Записок, в Креллевом журнале, что однако, в данный момент, я не могу проверить.

Carl Friedrich Gauss Werke, Achter Band, Teubner in Leipzig, 1900, SS. 235—236.

502

Письмо К. Ф. Гаусса к Х. Герлингу
27 января (8 февраля) 1844. Геттинген

Es wird Ihnen, mein theuerster Freund, vielleicht nicht unlieb sein, wenn ich zu den literarischen Notizen, welche ich in meinem letzten Briefe mittheilte, noch eine oder die andere hinzufüge: in die Sache selbst kann ich freilich jetzt nicht tiefer eingehen.

Lobatschewskys Aufsatz in Crelles Journal steht Band 17 pag. 295 ff. Ich finde, dass derselbe nur eine freie Übersetzung des russischen Aufsatzes [Воображаемая геометрия] im Jahrgang 1835 der Gelehrten Schriften der Kasanschen Universität ist, wo man eben da auch anstossen wird, wo diess in dem deutschen Aufsatze der Fall ist. In diesem stossen Sie an S. 296 Zeile 10 bei den Worten *J'ai démontré* etc., womit dem Leser, der weiter nichts hat wie diesen Aufsatz, wenig gedient ist. Ebenso S. 303 oben *J'ai prouvé ailleurs* etc., wozu man dieselbe Bemerkung machen muss. Der frühere Aufsatz, worauf sich diess zu beziehen *scheint*, wird wohl derselbe sein, der in einer Note des erwähnten russischen Aufsatzes angeführt wird als unter dem Titel: Über die Angänge oder Principe der Geometrie stehend in Казанском Вестнике (Kasanschen Boten) für 1829 und 1830. Zugleich wird dabei bemerkt, dass eine sehr kränkende Kritik dieser Abhandlung in No. 41 eines andern russischen, wie ich vermuthe in Petersburg erscheinenden, Journals «Sohn des Vaterlandes» Сын Отечества von 1834 stehe, wogegen Lobatschewsky eine Antikritik eingeschickt habe, die aber bis Angang 1835 nicht aufgenommen sei.

Mit diesen literarischen Notizen ist uns nun freilich auch wenig geholfen, da in Deutschland schwerlich ein Exemplar des Kasanschen Boten von 1829—1830 zu finden sein möchte. Dagegen aber kann ich Ihnen den Titel einer andern Schrift nachweisen, die Sie ohne Zweifel sehr leicht durch den Buchhandel erhalten können, und die nur 4 Bogen stark ist:

> «Geometrische Untersuchungen zur Theorie der
> Parallel-Linien von Nicolaus Lobatschewsky Kais.
> Russischem Staatsrath etc. Berlin 1840 in der
> G. Finckeschen Buchhandlung».

Ich erinnere mich, in Gersdorfs Repertorium damals eine sehr wegwerfende Recension dieses Buchs gelesen zu haben, die (nämlich die Recension) übrigens für jeden etwas kundigen Leser das Gepräge hatte, von einem ganz unwissenden Menschen herzurühren. Seitdem ich Gelegenheit gehabt habe, diese kleine Schrift selbst einzusehen, muss ich ein *sehr vortheilhaftes* Urtheil darüber fällen. Namentlich hat sie viel mehr Concinuität und Präcision, als die grössern Aufsätze des Lobatschewsky, die mehr einem verworrenen Walde gleichen, durch den es ohne alle Bäume erst einzeln kennen gelernt zu haben, schwer ist, einen Durchgang und Übersicht zu finden.

Über die Crelle 17 p. 303 angeführte experimentelle Begrenzung habe ich aber nichts in der Schrift von 1840 gefunden und ich werde mich daher wohl entschliessen müssen, einmal deswegen an Hrn. Lobatschewsky selbst zu schreiben, dessen Aufnahme als Correspondent unserer Societät ich vor einem Jahre veranlasst habe. Vielleicht schickt er mir dann den Kasanschen Boten. Doch wäre es möglich, das sich in den folgenden Jahrgängen der Kasanschen gelehrten Schriften von 1836—1838, wo auch lange Aufsätze von Lobatschewsky stehen, etwas darüber findet. Ich besitze diese zwar, habe aber bisher, aus dem in meinem vorigen Briefe erwähnten Grunde, mich bisher nicht näher mit ihnen bekannt gemacht.

In seinem Danksagungsschreiben wegen Aufnahme in die Societät schrieb mir übrigens Lobatschewsky damals, dass seine vielen administrativen Geschäfte (er scheint Rector perpetuus der Universität zu sein) ihn jetzt aus den wissenschaftlichen Arbeiten ganz herausgebracht hätten.

Für heute schliesse ich mit der Bitte bald wieder mit einigen Zeilen zu erfreuen

Ihren treu ergebenen
C. F. Gauss

Перевод:

Возможно, Вам не будет неприятно, мой дражайший друг, если я присоединю к литературным заметкам, которые я сообщил в моем последнем письме, еще одну или другую: глубже заняться этим вопросом, собственно, я, однако, сейчас не сумею.

Сочинение Лобачевского в Креллевом журнале помещено в т. 17, стр. 295. Я считаю, что оно является лишь вольным переводом русского сочинения [Воображаемая геометрия] изд. 1835 Ученых записок Казанского университета, в котором затруднения возникают именно в тех случаях, что и в немецком сочинении. В этом последнем встречаются затруднения на стр. 296, 10-ая строка, при словах *J'ai démontré* etc., что мало что говорит читателю, не имеющему ничего кроме этого сочинения. Также и стр. 303 сверху *J'ai prouvé ailleurs*, etc., к чему можно сделать это же замечание. Более раннее сочинение, на которое здесь, повидимому, делается ссылка, будет, пожалуй, то самое, которое приводится в заметке изложенного выше русского сочинения, находящегося под заглавием: Осно-

вы или принципы геометрии, в Казанском Вестнике (Kasanschen Boten) за 1829 и 1830 гг. Одновременно при этом отмечается, что очень обидная критика этого труда находится в № 41 другого русского, по моему предположению, выходящего в Петербурге журнала «Сын Отечества» Sohn des Vaterlandes, от 1834 г., которой Лобачевский противопоставил антикритику, и которая, однако, не была набрана до начала 1835 г.

С этими литературными заметками нам и теперь, пожалуй, оказывается мало помощи, потому что в Германии трудно найти экземпляр Казанских Записок от 1829—1830 гг. В противовес к этому я могу, однако, указать Вам заглавие другого сочинения, которое Вы, без сомнения, сумеете с легкостью приобрести, через книжное издательство, и которое состоит всего из 4-х листов:

«Геометрические изыскания к теории параллельных линий, Николая Лобачевского императорского русского статского советника и т. д. Берлин, 1840, в издательстве Финке».

Я припоминаю, что я некогда читал в справочнике Герсдорфа одну уничтожающую рецензию этой книги, которая (именно рецензия), кроме того, для каждого сколько-нибудь понимающего читателя казалось исходила от совершенно несведующего человека. С тех пор как мне представилась возможность самому познакомиться с этим маленьким сочинением, я должен произнести весьма положительное суждение о ней. А именно, она заключает в себе гораздо больше сжатости и точности, чем более крупные сочинения Лобачевского, которые напоминают скорее запутанный лес, через который трудно пройти и который трудно обозреть, не познакомившись предварительно с каждым отдельным деревом.

О приведенном Крелле в 17 т. на 303 стр. экспериментальном ограничении я ничего не нашел в сочинении от 1840 г., и мне посему придется решиться однажды написать к этому самому г-ну Лобачевскому, зачисление которого в корреспонденты нашего Общества я осуществил за год перед этим. Может быть он пришлет мне тогда Казанские записки. Все же может случиться, что в последующих изданиях Казанских ученых записок от 1836—1839 гг., где имеются также длинные сочинения Лобачевского, найдется что-нибудь по этому вопросу. Я, хотя и обладаю ими, но по изложенной в моем предшествующем письме причине до сих пор еще не ознакомился с ними поближе.

В своем благодарственном письме по случаю проведения его в члены Общества Лобачевский писал мне кроме того тогда, что его многочисленные административные дела (он, повидимому, является постоянным ректором Университета) совершенно выбили его из научной колеи.

На сегодня кончаю с просьбой вскоре снова порадовать меня несколькими строками.

Преданный Вам

К. Ф. Гаусс.

Carl Friedrich Gauss Werke, Achter Band, Teubner in Leipzig, 1900, SS. 236—237

503

Из письма Х. Герлинга к К. Ф. Гауссу

14 (26) февраля 1844. Марбург

Die Notíz über das Buch von Bolyai habe ich bereits benutzt, um das Buch zu verschreiben. Unsere Bibliothek hat sich, mit diesem ausführlichen Titel ausgerüstet, unmittelbar an die Buchhändler wenden können. Gleichzeitig ist auch das Buch von Lobatschewsky aus Berlin verschrieben und so werden wir denn wohl hoffentlich nach nicht allzu langer Zeit in den Besitz kommen. Ich wiederhole meinen herzlichen Dank für Ihre gütige Bemühung. Die russischen Abhandlungen sind mir freilich unzugänglich, da ich selbst das Buchstabiren, was ich als Student gelernt, wieder vergessen habe. Den Aufsatz in Crelle Band 17 habe ich inzwischen auch nachgesehen und hängt darin allerdings alles an dem j'ai demontré. — Das russische Steppenland scheint demnach doch ein geeigneter Boden für diese Speculationen, denn Schweikart (jetzt in Königsberg) ersann seine «Astral-Geometrie», während er in Charkow war.

Перевод:

Заметку о книге Болиаи я уже использовал, чтобы выписать эту книгу. Наша библиотека вооружилась этим исчерпывающим заглавием, чтобы иметь возможность обратиться непосредственно к книжному издательству. Одновременно выписана также из Берлина книга Лобачевского и, таким образом, мы надеемся в непродолжительном времени стать ее обладателями. Я повторно приношу сердечную благодарность за Ваши добрые старания. Русские труды, мне, однако, недоступны, поскольку я снова позабыл даже самый алфавит, который я изучал, будучи студентом. Сочинение в Креллевом 17-ом томе я за это время тоже просмотрел и все в нем зависит несомненно от J'ai démontré. — Русская степная страна кажется поэтому все же подходящей почвой для этих научных размышлений, поскольку Швейкарт (находящийся теперь в Кенигсберге), замыслил свою «Астральную геометрию» в бытность свою в Харькове.

Carl Friedrich Gauss Werke, Achter Band, Teubner in Leipzig, 1900, S. 238.

504

Сообщение в печати об участии Н. И. Лобачевского в распространении билетов на публичные лекции профессора Н. А. Иванова в пользу Казанского детского приюта

13 марта 1844

Объявления и известия.

I.

О сумме, собранной в пользу Детского приюта, за слушание публичных лекций орд. проф. Иванова.

Почетный член Казанского губернского попечительства детских приютов, ординарный профессор истории в Казанском университете Н. А. Ива-

нов, желая с своей стороны содействовать успехам благодетельного учреждения Детского приюта, предпринял, с разрешения г. министра народного просвещения, чтение публичных лекций об истории Петра Великого с тем, чтобы плата за слушание их — 3 р. сер. за билет — была обращена в пользу Детского приюта. Раздачу билетов приняли на себя попечительница Николаевского детского приюта, ее высокопревосходительство А. Е. Шипова, чрез посредство действительных и почетных членов попечительства, ректор Университета Н. И. Лобачевский и инспектор студентов Н. С. Ахматов; первою роздано было 131 билет по 3 р. сереб., за которые получено 393 р. сереб.; последними роздано 40 билетов, по 3 р. сереб. и 58 билетов, по 5 р. асс. (студентам Университета) и собрано 201 р. 14 $^1/_4$, из которых за удержанием 13 р. 14 $^1/_4$ к. сер. на освещение университетской залы, где продолжается еще и нынче чтение лекций, осталось 188 руб. сереб. Таким образом, всего этим средством по настоящее время доставлено попечительству 581 р. сереб.

Губернское попечительство почитает долгом сообщить о сем во всеобщее сведение.

Казанские Губернские Ведомости, понедельник, 13 марта 1844, № 11, столб. 111. На экземпляре помета рукою Н. И. Лобачевского: «пол[учено] 15 мар[та] 1844». Хранится в Научной библиотеке Казанского университета).

505

Сообщение в печати об избрании и утверждении Н. И. Лобачевского и других почетными членами Казанского губернского попечительства детских приютов

20 марта 1844

1.

Распоряжения правительства

Об отзыве Комитета Главного попечительства Детских приютов Казанскому Губернскому попечительству, по представлению оного.

Председатель Казанского Губернского попечительства Детских приютов, г. военный губернатор, от 28-го генваря текущего года, доводил до сведения Комитета Главного попечительства о разных распоряжениях Губернского попечительства по предмету учреждения Детского приюта, и, между прочим, о следующих:

1) Об избрании в почетные члены попечительства: [...] действительных статских советников — [...] Н. И. Лобачевского и И. И. Симонова [...], гг. помещиков — [...] Н. А. Моисеева [...].

Вследствие сего г. председатель Комитета обер-шенк двора его императорского величества граф Строганов от 19 февраля сего года сообщил попечительству следующее: Комитет, с особенным удовольствием рассмотрев первое представление Казанского попечительства, повергал содержание оного на высочайшее ее величества воззрение и, принимая во

внимание чрезвычайную быстроту и деятельность, с коими означенное попечительство, осуществив основание в Казани Детского приюта, успело открыть жителям прямую цель сего учреждения и сосредоточить значительный для обеспечения его существования капитал, в протоколе 23 заседания, доведенном до сведения государыни императрицы, *положил*: 1) изъявить попечительству полнейшую свою признательность, 2) всех избранных им почетными своими членами утвердить в сем звании, на основании § 61 Положений о Детских приютах [...].

Казанское Губернское Правление, вследствие отношения о том Казанского Губернского попечительства Детских приютов, сообщает о сем во всеобщее сведение.

Казанские Губернские Ведомости, понедельник, 20 марта 1844, № 12, столб. 123. На экземпляре помета рукою Н. И. Лобачевского: «пол[учено] 22 мар[та] 1844». (Хранится в Научной библиотеке Казанского университета).

506

Резолюция Н. И. Лобачевского, как ректора Казанского университета на прошении Л. Н. Толстого 29 мая 1844 г. о желании поступить в число студентов Казанского университета

29 мая 1844

Льва Толстого допустить к испытанию во 2-м Комитете, объявя просителю, чтобы доставил свидетельство о здоровье. 29 мая 1844.

Ректор Лобачевский.

Впервые опубликовано в статье Н. П. Загоскина «Гр. Л. Н. Толстой и его студенческие годы» («Исторический Вестник», 1894, № 1, стр. 95). Подлинник в Государственном музее Л. Н. Толстого. Вошло в издание: «Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, юбилейное издание 1828—1928», том 59; М., 1935, стр. 3—4 и facsimile между стр. 4—5.

507

Письмо В. А. Лобачевской И. Е. Великопольскому

18 июня 1844. Беловежская Слободка

18 июня
Беловежская Слободка

Любезной брат!

Заемное письмо твое мы получили, не знаю, как ты сделал расчет, но во всем тебе доверяем. Что делать, если не совсем ето пошло по нашим предположениям, то мне приятно по крайней мере, что сколько-нибудь в твоих делах могли быть хотя временно полезными.

Я пишу как и прежде, как и всегда буду писать, с чистосердечьем, и потому прошу ни которого из слов моих не принимать за упрек. Прошу также меня простить, что медлила етим ответом. Скоро должна была собираться в деревню, на пароходе — здесь в первой раз еще можно было так ехать и конечно с большим преимуществом. Несмотря на сильной

Александринский детский приют в Казани. С рисунка И. П. Бессонова 1845 г. в альбоме А. Е. Шиповой.

(Пушкинский дом Академии Наук СССР)

и холодной ветер, без всякой опасности, даже без качьки, прибыла в несколько часов со всем своим семейством в нашу заволжскую деревню. Муж меня проводил и на том же пароходе воротился в город, где должен был пробыть до конца экзаменов. Без него не показав моего письма, признаюсь, писать к тебе не решалась, хотя мое мнение, мои чувства в отношении к тебе он совершенно разделяет. Теперь он со мною несколько дней, но после завтра повезет ето письмо в город, чтоб отправить к тебе по почте.

Обстоятельства наши затрудняют нас, но может быть всё не такие крайние, как твои. Мужу хочется продслжать устройство в новом имении, приготовить здесь приют для постоянного пребывания и даже в городе начать отделку погорелого дома. Он готовится службу оставить. Сами обстоятельства к тому ведут. Пушкин из Петербурга воротился, чтобы только проститься с Университетом. Кто на место его будит, еще не известно. При новом порядке дел муж не может оставаться и перейти таким образом в другой период службы, с которым Университет скорее может итти назад, нежели вперед. Вот наши помышления, которые нас теперь занимают и которые по родству и дружбе тебе только сообщаем. В етом перевороте, конечно, деньги нам будут очень нужны, но полагаясь на бога, хочу надеяться, что всесильный нам поможет, так же как и тебе, из затруднительного положения наконец выведет.

Что тебе сказать об нашей Казани, родные все здоровы, а на троицкой недели похоронили многих старинных твоих знакомых, Александра Петр[овича] Костливцева, Гри[гория] Бори[совича] Никольского, Мих[аила] Николаевича Львова.

Поцелуй за меня Софью Матвеевну и детей твоих. Муж тебе кланяется.

Будь уверен всегда в преданности

твоей сестры

В. Лобачевской.

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 32.

508

Сведения о чтениях Н. И. Лобачевским лекций в Казанском университете в 1844—1845 учебном году

Июнь 1844

Философский факультет. [. . .]

2. Отделение — математическое

А. Разряд математических наук.

1. Чистая математика.

Николай Лобачевский, заслуженный профессор чистой математики, ректор Университета, будет читать: во 2 курсе — интегрирование функций, 1 час в неделю; в 3 курсе — интегрирование дифференциальных

уравнений, 1 час в неделю; в 4 курсе — интегрирование уравнений с частными дифференциалами и вариационное вычисление, 2 часа в неделю. следуя преимущественно Лакруа [стр. 10].

Учебные и другие заведения при Университете [. . .]

13. Клиника состоит в Главном хозяйственном управлении ректора Университета Лобачевского [стр. 25]

Обозрение преподаваний в императорском Казанском университете на 1844—1845 учебный год, Казань, 1844, стр. 10 и 25.

509

Из «Отчета о состоянии императорского Казанского университета за 1843—1844 академический год» со сведениями о деятельности Н. И. Лобачевского в 1843—1844 учебном году

Июнь 1844

Объявлена благодарность министерства народного просвещения ректору Университета Лобачевскому, по званию председателя в Строительном комитете, за успешное действие по постройкам и поправкам университетских зданий [стр. 6].

«Отчет о состоянии императорского Казанского университета за 1843—1844 академический год, составленный адъюнктом Ратовским», Казань, 1844, в издании: «Обозрение преподаваний в императорском Казанском университете за 1844—1845 учебный год», Казань, 1844, прил., стр. 6.

510

Резолюция Н. И. Лобачевского, как ректора Казанского университета, на прошении Л. Н. Толстого 3 августа 1844 о допущении к новому экзамену

4 августа 1844

Допустить к дополнительному испытанию. 4 августа 1844. Ректор Лобачевский.

Впервые опубликовано в статье Н. П. Загоскина «Гр. Л. Н. Толстой и его студенческие годы» («Исторический Вестник», 1894, № 1, стр. 99). Подлинник в Государственном музее Л. Н. Толстого. Вошло в издание «Л. Н. Толстой: Полное собрание сочинений, юбилейное издание 1828—1928», т. 59, М., 1935, стр. 5. Там же (стр. 9—10) согласие Н. И. Лобачевского на переход Толстого на юридический факультет в связи с прошением его от 25 августа 1845 г. проректору Университета К. К. Фойгту.

511

Сообщение в печати о заявлении Н. И. Лобачевского Казанскому экономическому обществу об устройстве в своем имении водяной мельницы с новым механизмом

Август 1844

О водяных и ветряных мельницах [. . .]

Господин председатель IV Отделения Совета, ректор Казанского университета действительный статский советник Н. И. Лобачевский заявил Обществу, что в имении своем он устроил водяную мельницу с новым

механизмом и с новым ковом камней, находя в том выгоды как в сбережении силы, так и в лучшем помоле. Способ свой наковывать камни сообщал он некоторым из помещиков, в том числе г. члену Общества отставному ротмистру Останкову. Видеть действия его мельницы могут все, кто пожелает. Увериться в выгодном устройстве и в хорошем качестве размола могут члены Общества, условясь с г. Лобачевским о времени произведения опытов, и таковое время преимущественно должно быть назначено в июне и июле месяцах, более свободных для г. Лобачевского по службе. В дополнение к этим опытам и для сравнения с обыкновенным устройством, Совет Общества чрез пропечатание в Губернских Ведомостях просил владетелей мельниц доставить к г. председателю IV Отделения Совета Экономического общества в Казани ректору Университета Н. И. Лобачевскому сведения о силе воды и количестве помола. Силу воды должно означить шириной и вышиной водяного слоя в конце кауза, прибавляя к тому, как велико падение воды, почвенная или наливная мельница. Падение воды разумеется высота кауза над самой нижней точкой водяного колеса. За сим надобно сказать, сколько муки мерою смалывается в один час, какая ширина и толщина жернова, сколько раз водяное колесо вертится в одну минуту, сколько кулаков на сухом колесе и сколько цевок на шестерне. Не худо прибавлять к этому о месте добывания жерновов и под каким названием они известны. От прочих же гг. членов сведений о сем предмете еще не доставлено.

«Отчет императорского Казанского экономического общества за 1844 год» в брошюре «Отчет императорского Казанского экономического общества за 1843 и 1844 годы», s. l. et a., стр. 27. Ср. в статье И. Износкова «О деятельности Н. И. Лобачевского в Казанском экономическом обществе», Казань, 1894, стр. 4—5.

512

Сообщение в печати о закладке в Казани памятника Г. Р. Державину в присутствии Н. И. Лобачевского
25 сентября 1844

Местные Известия

Казань.

15 сентября, на университетском дворе, между главным корпусом Университета и Анатомическим театром, в присутствии его высокопревосходительства г. военного губернатора Сергея Павловича *Шипова* и также ректора Университета и других его членов и разных особ, происходила, по совершении молебствия, торжественная закладка фундамента под памятник, воздвигаемый в честь знаменитого поэта Г. Р. Державина.

Прибавления к Казанским Губернским Ведомостям, 25 сентября 1844, № 39, столб. 553.

513

Отношение попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина Совету Казанского университета о пожаловании Н. И. Лобачевскому ордена Станислава 1 степени.

23 ноября 1844

Государь император, во внимание к ревностной службе ректора Казанского университета, действительного статского советника *Лобачевского* и особенным трудам, понесенным им при исполнении настоящих его должностей, всемилостивейше соизволил пожаловать его в 28-й день минувшего октября, согласно ходатайству г. министра народного просвещения, на засвидетельствовании моем основанном и удостоению Комитета гг. министров кавалером императорского и царского ордена св. Станислава первой степени.

О таковом всемилостивейшем пожаловании, изъясненном в предписании г. министра 4-го ноября за № 10334, уведомляя Совет университета для внесения означенной награды в формулярный г. Лобачевского список, нужным считаю присовокупить, что высочайшую грамоту, вместе с орденскими знаками и экземпляром статута упомянутого ордена я вместе с сим препроводил по принадлежности.

Попечитель Казанского учебного округа
тайный советник *М. Мусин-Пушкин.*

Правитель канцелярии *Ив. Цепелев.*

На бланке попечителя Казанского учебного округа, 23 ноября 1844, за № 4858. *Пометы:* «№ 145»; «Пол[учено] 24 нояб[ря] 1844 г.»; «Слушано 16 декабря 1844»; «Ст[атья] 4».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОВЕТА 15 ДЕКАБРЯ 1844:

К № 4858-му предл[ожения] г. попечителя.

Определено: награждение г. ректора Университета Лобачевского орденом св. Станислава 1-й степени показывать в формулярном списке согласно с настоящим предложением. Дело считать решенным для сдачи в архив.

ЦГАТ, Ф. 977, № 8884, лл. 1—2.

514

Дополнительная публикация в «Сенатских объявлениях» о наложении запрещения на принадлежавший В. А. Лобачевской дом в Казани, в связи с полученной ею денежной ссудой

20 декабря 1844. Петербург

Лобачевская, Варвара Алексеевна, действительная статская советница.

По выданному 1843 г. апреля 7-го за № 987 на каменный дом ее, Лобачевской, свидетельству, считается под запрещением оный дом, состоящий

в 1-й ч. г. Казани, на Проломной улице. По представлении же свидетельства к залогу в Комитет, запрещение считается на означенный дом, за произведенную из оного ссуду, 6 000 р. серебр.

Санктпетербургские Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения, 20 декабря 1844, № 102, стр. 2571, статья 23247 (от Казанского губернского правления, 2-го декабря за № 5167. По сообщениям Комитета об оказании пособия жителям г. Казани, потерпевшим от пожара).

515

Из «Отчета императорского Казанского университета и учебного округа за 17 лет, с 1827 по 1-е генваря 1844 года» со сведениями о деятельности Н. И. Лобачевского в течение 1827—1844 годов

1844

Глава I.

Состав Университета. [...]

А. Общие перемены. [...]

Вместо бывшего ректора, ординарного профессора *Фукса*, в 1828 году избран в сие звание Советом Университета и вследствие представления исправлявшего должность попечителя и доклада г. министра народного просвещения, утвержден государем императором ординарный профессор чистой математики Николай *Лобачевскй*. Он же, профессор Лобачевский вновь был избираем и утверждаем в сей должности в 1831, 1834, 1837 и 1841 годах [стр. 15].

В. Частные перемены по отделениям и факультетам. [...]

в) *по 2-му (математическому) отделению философского факультета*. [...]

В 1841 году:

Ординарные профессоры Н. *Лобачевский* и И. *Симонов* переименованы в заслуженные, с оставлением при тех же должностях [стр. 21].

С. Награды. [...]

В 1833 году:

Ректор Университета Н. *Лобачевский* всемилостивейше пожалован кавалером ордена св. Станислава 3-й степени (что ныне 2-й) [стр. 30].

В 1836 году:

Ректор Университета Н. *Лобачевский* — кавалером ордена св. Анны 2-й степени [стр. 30].

В 1838 году:

Ректор Университета Н. *Лобачевский* произведен в действительные статские советники [стр. 31].

В 1840 году:

Ректор Университета Н. *Лобачевский* пожалован кавалером ордена св. Анны 2-й степени, императорскою короною украшенного [стр. 31].

В 1842 году:

Ректор Университета Н. *Лобачевский* — кавалером ордена св. Владимира 3-й степени [стр. 32].

Глава II.

Действия и состояние Университета.

А.

Часть учебная.

I. Преподавание. [...]

С. Философского факультета 2-ое отделение — математическое.

а) *Главные предметы.*

1. *Чистая математика.* В 1827 и 1828 г. ординарный профессор чистой математики Н. Лобачевский читал один раз в неделю вариационное исчисление и интегрирование дифференциальных уравнений; [...]. В 1833 и 1834 г. [...] проф. Лобачевский снова принял на себя интегральное и вариационное исчисление, 3 часа [...]. В 1837 г. орд. проф. Лобачевский читал интегральное и вариационное вычисления, 4 часа [стр. 52—53].

2. *Прикладная математика.* В 1827 и 1828 г. ординарный профессор чистой математики Н. Лобачевский читал 2 часа статику и механику [...]; в 1829 г. [...] проф. Лобачевский преподавал один час гидростатику и гидравлику. [...] В 1830 г. [...] Лобачевский — гидростатику, гидравлику, о движении волн и о звуке, один час; [...]. В 1831 и 1832 г. [...] Лобачевский — гидростатику и гидравлику, один час; [...]. В 1833 и 1834 г. преподавание не изменилось с тою разницею, что чтение гидростатики и гидравлики от проф. Лобачевского перешло к ад. Брашману [стр. 53—54).

4. *Физика и физическая география.* [...] В 1829 г. за увольнением проф. Купфера преподавание [физики] принял на себя орд. проф. Лобачевский в том же виде и объеме [т. е. два раза в неделю, по руководству Биота] [стр. 56].

III. Заведения и учебные пособия. [...]

III. Главная библиотека. [...]

7. *Управление.* [...]

От профессора Сергеева в 1827 г. она поступила в ведение профессора Лобачевского, который и управлял ею до 1836 года [стр. 125].

XX. Клиника. [...]

2. *Настоящее состояние клиники.*

а) *Помещение.* [...]

Главнейшая заслуга в отличном ее устройстве принадлежит ректору Университета Лобачевскому, бывшему непременному члену Строитель-

ного комитета, орд. профессору Никольскому и архитектору Коринфскому [стр. 201].

c) *Заведывание.*

Главное управление хозяйственною частию клиники вверено ректору Университета Лобачевскому [стр. 202].

XXIX. Типография. [. . .]

3. *Число напечатанных сочинений.* [. . .]

В 1834 г. напечатаны [. . .] алгебра Лобачевского [стр. 236].

5. *Помещение и заведывание.*

Когда же дом этот [купца Мельникова] в пожар 24 августа 1842 г. сгорел, типография с 1 ноября 1842 г. помещена в другом наемном доме действительной статской советницы Лобачевской; здесь она занимает нижний этаж и платит в год за свое помещение 285 руб. 71 к. сер., да на отопление причитается до 120 р. серебром. В 1843 г., чтоб отвратить один раз навсегда неудобства, сопряженные с помещением типографии в наемном доме, приискан был особый для нее обгорелый дом с флигелем и местом на Черноозерной улице, принадлежавший градскому обществу [стр. 240].

V. Прочие действия Университета по учебной части.

6. *Публичные лекции для общества.* [. . .]

Явление, обратившее на себя общее внимание всех любителей просвещения в Казани, было преподавание, по временам, полных курсов некоторых наук для публики. Так, по предложению г. министра финансов, ординарный профессор и ректор *Лобачевский*, с ноября 1838 г. по март 1839 г. и в те же месяцы 1839 и 1840 гг., по одному часу в неделю, преподавал физику. [. . .] Стечение слушателей и слушательниц, привлеченных занимательностию и пользою предметов, удобопонятным и оживленным их изложением и даром преподавания, отличающим поименованных профессоров,[1] было иногда так значительно, что обширнейшая аудитория не могла вместить всех посетителей. В 1841 г. эти чтения, по умножившимся занятиям профессоров и другим встретившимся причинам не были повторяемы [стр. 260—261].

B.

Часть ученая. [. . .]

1. *Академические заседания.* [. . .]

С осени 1842 профессоры и адъюнкты, с согласия попечителя округа и г. министра народного просвещения, учредили между собою частным образом ученое общество, которое собиралось в две недели раз и где

---

[1] Т. е. Н. И. Лобачевского, К. К. Клауса и Н. А. Иванова. — *Л. М.*

члены Университета попеременно читали свои рассуждения. Таких академических собраний в 1842 г. было пять [...], в 5-м [...] профессор Лобачевский [читал] о полном солнечном затмении в Пензе [стр. 264].

2. *Ученые сношения Университета и его членов.* [...]

Профессор чистой математики и ректор *Лобачевский* состоял в ученых сношениях с Геттингенским королевским ученым обществом и редактором математического журнала Креллем в Берлине [стр. 268].

3. *Ученые наблюдения.* [...]

В 1842 году, во время поездки проф. *Лобачевского*, *Кнорра* и астронома-наблюдателя *Ляпунова* в Пензу для наблюдений над полным солнечным затмением, была ими определена с точностию географическая широта Пензы и долгота ее во времени от Берлина и Казани [стр. 270].

Подобно метеорологическим наблюдениям при Университете от времени до времени производились еще и наблюдения *над температурой почвы*. С этой целью был устроен на университетском дворе колодец и расстанавливались 20 термометров в глубине 15 саженей. Самыми успешными годами представляются 1833 и 1834 г., в которые число наблюдений доходило до 3 650 в каждый; но за чрезвычайным впоследствии отделением в колодце углекислого газа, недостатком некоторых пособий и переделкой колодца, наблюдения в 1835 г. прекратились, и возобновление их воспоследовало только осенью 1841 г., по поводу изобретенного заслуженным профессором и ректором *Лобачевским* большого металлического термометра. Этот термометр состоит из свинцовой трубки в 2 сажени длиною, куда вставлен железный прут такой же длины, спаенный с трубкой в одном конце и высунутый несколько в другом. К сему последнему концу приделана стрелка, которая приводится в движение блоком и платинной проволокой, прикрепленной к блоку и свинцовой трубке, и пробегает по кругу деления, которое отвечает градусам термометра. Инструмент закрыт на 1/2 аршина под поверхностию земли горизонтально, с тем чтоб наблюдать температуру растительного слоя в земле. Конец инструмента с делением и стрелкой выходит сквозь стену внутри каменной беседки, которая запирается снаружи дверью, и куда по лестнице спускаются раз в день для наблюдения. Инструмент в показаниях своих весьма чувствителен и без сомнения весьма верен. Профессор *Кнорр* уже в 1842 г. намерен был поставить три таких инструмента вертикально, чтоб судить о средней температуре почвы в глубине 3,5 и 7 метров. Но несчастные события не позволили исполнить тогда эти предположения; и потому наблюдения могли только возобновиться с начала зимы 1843 г. Они показали, что на глубине одного метра от поверхности температура держится до сих пор между $+8^\circ,4$ и $+8^\circ,6$ C [стр. 276—277].

4. *Ученые издания Университета, труды преподавателей и учащихся.* [. . .]

С 1821 г. по высочайшему соизволению издавался ежемесячный журнал под названием *Казанский Вестник*, где помещались сведения о политических происшествиях, распоряжения по учебному округу, сочинения профессоров и переводы интересных исследований с иностранных языков. С 1829 г. статьи о политических событиях и современные новости стали выходить отдельно, по одному номеру в неделю, под названием *Прибавлений к Казанскому Вестнику*. С 1831 г., кроме этих прибавлений, издавались еще по одной книжке в месяц *начальственные распоряжения*, где излагались все узаконения и изменения по ведомству Университета и учебного округа. Затем Казанский Вестник стал вмещать в себе одни сочинения и переводы для распространения полезных сведений. Редакцией сих трех повременных изданий занимался особый Издательный комитет, состоявший под председательством ректора Университета из избранных Советом членов. Ректор *Лобачевский* принял на себя редакцию начальственных распоряжений, а адъюнкт *Рыбушкин* издание прибавлений к Казанскому Вестнику [стр. 278—279].

Расположенные в хронологическом порядке с 1827 по 1844 год главнейшие сочинения членов Университета, за исключением мелких статей, суть следующие: [. . .]

В 1828 году:

Ординарный профессор чистой математики и ректор *Лобачевский* поместил в Казанском Вестнике статью: *О резонансе* [стр. 280].

В 1830 году:

Ординарный профессор *Лобачевский* напечатал в Казанском Вестнике сочинение: *О началах геометрии* [стр. 281].

В 1832 году:

Ординарный профессор *Лобачевский* поместил в Казанском Вестнике статью: *О важнейших предметах воспитания* [стр. 282].

В 1833 году:

Ординарный профессор *Лобачевский* издал *Алгебру*, где, изложив начала всех исчислений, кроме дифференциального, пришел к заключениям, известным в нынешнем состоянии высшей алгебры, и присоединил некоторые свои открытия [стр. 282].

В 1834 году:

Ординарный профессор *Лобачевский* поместил в Ученых Записках Казанского университета две статьи: *О понижении степени в двучленных уравнениях, когда показатель без единицы делится на 8;* и *об исчезании тригонометрических строк*; также послал в Берлин к редактору математического журнала Креллю — *Géometrie imaginaire*, и в Москву для напечатания в Ученых Записках Московского университета статью: *Условные уравнения для движения и положение главных осей обращения в твердой системе* [стр. 283].

В 1835 году:

Ординарный профессор *Лобачевский* в Ученых Записках Казанского университета поместил статьи: 1) *Воображаемая геометрия*; 2) *Способ уверяться в исчезании бесконечных строк и приближаться к значению функций от весьма больших чисел*; 3) *Новые начала геометрии с полной теорией параллельных, гл. I* [стр. 286].

В 1836 году:

Ординарный профессор *Лобачевский* в Ученых Записках Казанского университета напечатал статьи: 1) *Применение воображаемой геометрии к некоторым интегралам;* 2) *Продолжение новых начал геометрии, главы II, III, IV, V, VI, VII* [стр. 287—288].

В 1837 году:

Ординарный профессор *Лобачевский* в Ученых Записках Казанского университета напечатал *главы VIII, IX, X и XI новых начал геометрии* [стр. 289].

В 1838 году:

Ординарный профессор *Лобачевский* напечатал в Ученых Записках Казанского университета две статьи: *Решение прямолинейных треугольников* и *Решение прямоугольных сферических треугольников;* к члену Берлинской Академии наук *Креллю* послал для напечатания в издаваемом им математическом журнале статью: *Sur la probabilité des résultats moyens, tirés des observations repetées* [стр. 291].

В 1840 году:

Ординарный профессор *Лобачевский* напечатал в Берлине на немецком языке сочинение под заглавием: *Beiträge zu der Theorie der Parallellinien;* и послал туда же, для помещения в Крелловом математическом журнале статью: *Über die Convergenz der unendlichen Reihen* [стр. 294].

В 1843 году:

Заслуженный профессор *Лобачевский* поместил в Журнале министерства народного просвещения статью: *О полном солнечном затмении в Пензе* [стр. 301].

6. *Ученые путешествия профессоров, преподавателей и воспитанников Университета* [. . .] [стр. 355—356].

[Текст почти тот же, что и напечатанный выше, стр. 479—480].

C.

Часть хозяйственная. [. . .]

2. *Здания, нанимаемые Университетом.* [. . .]

7. *Каменный трехэтажный дом действительной статской советницы Лобачевской*, на Проломной улице, нанят Университетом в сентябре месяце 1842 г. после сгорения дома купца Мельникова, где помещалась типография. Здесь живут в бельэтаже и антресолях слишком 30 человек своекоштных студентов, один помощник инспектора, синдик, астроном-

наблюдатель и врач при студентской больнице; в нижнем этаже — типография, квартиры для начальника и фактора типографии. Плата, собираемая из разных сумм, с сентября 1842 г. по генварь 1843 г. составляла — 285 руб. 71 коп. сер., а с 1843 г. — 857 руб. 14 коп. в год [стр. 398—399].

3. *Строительный комитет.* [...]

а) с 1822 по 1833 год

Первоначально комитет был открыт в 1822 г. под председательством ординарного профессора *Лобачевского*, с причислением архитектора *Пятницкого*. Главнейшее его занятие состояло в совершенной перестройке двух домов Университета: принадлежавшего прежде первой Казанской гимназии и Тенишевского, и соединении их в один корпус, известный ныне под именем *главного*. Работы сии окончены в 1825 г., и тогда же большая часть заведений и кабинетов, аудитории, спальни и занимательные комнаты были размещены по принадлежности во вновь отстроенном здании. В 1828 г., по случаю избрания проф. *Лобачевского* ректором Университета, председательство в комитете было возложено на орд. профессора *Никольского*, а членами были назначены архитекторы *Линденау* и *Гартман*; но занятия комитета не были уже столь значительны: они состояли большею частию во внутренних переделках разных корпусов, и между этими переделками самую главную составляло устройство клиники.

в) с 1833 по 1842 год

С 1833 г. комитет получил совершенно новую организацию. Вследствие состоявшегося предположения о возведении многих новых зданий для помещения кабинетов, воспоследовало 23 мая 1833 г. высочайшее соизволение на новое образование Строительного комитета. По этому положению, Строительный комитет должен был состоять из председателя, трех членов и секретаря. Председателем назначен был ректор Университета *Лобачевский*, членами — орд. профессор *Никольский*, 6-го класса *Мамаев* (выбывший, впрочем, уже в 1834 г. и никем не замещенный) и архитектор *Коринфский*; секретарем и бухгалтером — 9-го класса *Шиц*; сверх того был определен комиссионером 14-го класса *Моисеев*, каковая должность, по выбытии *Моисеева*, с 1836 г. была возложена на секретаря *Шица*. Комитет был открыт 24 июля 1833 г. Ему поручено было заняться возведением новых зданий для помещения кабинетов, постройки разных служб и внутренним их устройством [стр. 399—401].

Комитет был закрыт 1-мая 1842 г. [стр. 406].

с) с 1842 по 1844 год

Несчастие, постигшее Университет 24 августа 1842 г. и обратившее в развалины многие здания, потребовало, однако, вскоре возобновления комитета. Посему по представлению университетского начальства и на основании воспоследовавшего 23 октября 1842 г. высочайшего повеления, открыт был 17 ноября того же года новый Строительный коми-

тет для исправления погоревших зданий и постройки новых. Комитет этот учрежден по примеру прежнего, под председательством ректора Университета *Лобачевского;* членами назначены инспектор казенных училищ округа *Антропов*, директор училищ Казанской губернии *Львов*, орд. профессор *Котельников*, архитектор Университета *Коринфский* и архитектор округа *Бессонов* [стр. 406—407].

Глава III.

Особые происшествия.

1. *Посещения августейших особ и других знаменитых лиц.* [...] *1836 год* ознаменован для г. Казани пребыванием государя императора, который и Университет осчастливил своим высочайшим посещением: это был незабвенный день 20 августа [стр. 434].

В большой университетской зале были представлены его величеству чиновники и преподаватели, которых попечитель называл всех поименно. Особым милостивым вниманием осчастливлены были ректор Университета *Лобачевский*, которого попечитель наименова́л отличным чиновником, и преподаватели, поступившие из Дерптского профессорского института *Скандовский* и *Котельников* [стр. 435].

В Астрономической обсерватории, совсем уже оконченной, поставлены были инструменты на местах, им назначенных. [...] При выходе из обсерватории государь император объявить изволил свою высочайшую благодарность попечителю и ректору Университета за найденное устройство [стр. 437].

На другой день вечером на бале, который был дан Казанским дворянством, государь император, увидев студентов, изволил объявить за то ректору свое высочайшее удовольствие и сказать попечителю, что его величество «доволен Казанским университетом, всем, что в нем видел, и студентами, бывшими на бале» [стр. 437—438].

При обозрении Университета его императорское величество был сопровождаем генерал-адъютантами: графом *А. Х. Бенкендорфом*, графом *К. Ф. Толем*, графом *А. Г. Строгановым*, *В. Ф. Адлербергом*, *В. А. Перовским*; генерал-лейтенантом *И. Н. Скобелевым* и некоторыми другими высокими сановниками.

1837 г. представляется продолжением 1836 г. Новое счастливое событие украсило летописи Университета: его императорское высочество государь цесаревич, наследник всероссийского престола, удостоил своим посещением Казанский университет, кабинеты и новые здания, при нем сооруженные. 21 июня, на другой день после прибытия своего в Казань, в 12 часов утра, государь наследник пожелал видеть внутреннее устройство Университета и, прибыв к подъезду главного корпуса, был встречен попечителем округа, а при входе в церковь протоиереем с причтом. В большой зале были представлены его высочеству ректор, инспектор, профессоры, прочие преподаватели и студенты [стр. 438—439].

Осмотрев клинические больницы и университетскую аптеку, государь наследник, при выходе, изъявил свое высокое удовольствие попечителю и ректору Университета. [...] При обозрении Университета его императорское высочество был сопутствуем генерал-адъютантом *А. А. Кавелиным*, действительными статскими советниками *В. А. Жуковским* и *К. И. Арсеньевым* [стр. 440].

Равным образом в 1838 г. посетил Университет министр государственных имуществ, генерал-адъютант граф *П. Д. Киселев*, будучи сопровождаем ректором университета, который в подробности объяснял его сиятельству все предметы, заслуживающие особенное внимание [стр. 441].

2. *Торжественные собрания Университета*. [...]

5 июля 1828 г. читаны речи: 1) ординарным профессором чистой математики и ректором Университета *Лобачевским* на русском языке: О воспитании в общественных заведениях [стр. 442].

3. *Обозрения Университета*. [...]

Попечитель, сопровождаемый ректором, каждое воскресенье, по совершении литургии, осматривал все здания, кабинеты и хозяйство студентское, обращая внимание не только на наружный порядок, но и на внутреннее устройство, новые приобретения, предстоящие потребности и предполагаемые улучшения, изыскивая неупустительно вместе с ректором и начальниками заведений по принадлежности средства к доведению их до возможной степени совершенства [стр. 447].

К. К. Фойгт. Отчет императорского Казанского университета и учебного округа за 17 лет, с 1827 по 1-е генваря 1844 года по управлению тайного советника Мусина-Пушкина, Казань, 1844, стр. 15, 21, 30, 31, 32, 52—53, 53—54, 56, 125, 201, 202, 236, 240, 260—261, 264, 268, 270, 276—277, 278—279, 280, 281, 282, 283, 286, 287—288, 289, 291, 294, 301, 355—356, 398—399, 399—401, 406, 406—407, 434, 435, 437, 437—438, 438—439, 440, 441, 442, 447. В сокращенном изложении, только сведения о научной деятельности Университета, помещены в «Журнале министерства народного просвещения», часть XLII, 1844, отд. III, стр. 35—54 в статье: «Об ученой деятельности императорского Казанского университета с 1827 по 1843 год», причем о Н. И. Лобачевском здесь говорится на стр. 37, 39, 45—46, 47, 49, 50.

516

Письмо Н. И. Лобачевского Ф. Е. Нератовой
11 апреля 1845

Почтеннейшая сестрица Фавста Ермолаевна

Поздравляю Вас и Ивана Александровича с праздником Христова воскресенья, прошу от меня поздравить с тем же всех Ваших и поцеловать их от меня. За долгое же мое молчание, хотя для праздника великого

мне великодушно [прошу] простить. В моей родственной преданности и в готовности быть Вам полезным и на всякую послугу быть исполнимым, прошу никогда не сомневаться. По Вашему письму был я у г. Реслеин, узнать о пребывании Гроссмана и даже с тою целью, чтобы слышать отзыв ее о человеке, которого хотите взять к себе в управители. На другой день г. Реслеин меня уведомила, что Гроссмана в Казани нет и что он уехал к Вам на Ижевский завод. Итак, Вы видите, что сам он добивается быть у Вас управителем деревни. Я такого мнения, что у нас хороших управителей нет, что это сословие совсем в России не существует, что люди, которые в таких должностях находятся, обыкновенно бывают люди ни к чему неспособные; по крайности выбирают этого рода занятий, где их невежество возле крестьян не так заметно; а что всего хуже, это бывают обыкновенные люди из разбора бессовестных, бесчестных и предосудительного поведения. Вы хорошо сделаете, если такое мнение будете разделять со мной и в предубеждение предостерегать постоянно себя, по необходимости наняв управителя. Впрочем, по словам г-и Реслеин, еще Гроссман не совсем из худых управителей: он с природным умом, дело свое разумеет, распорядителен, но наклонен к собственной пользе, к злоупотреблениям, скрытен и хитр. Может быть хорошим управителем при строгом и личном надзоре. Вот, что мне сказала г-а Реслеин и что почел обязанностию передать Вам для предостережения, если Вы Гроссмана приняли к себе на службу. Так как его в Казани теперь нет, то я не мог более ничего исполнить по Вашему письму.

Аптекарские материалы я получил 30 марта по накладной, которую к Вам препровождаю. Заплаченные деньги приписал к Вашему счету, которой из Ваших денег теперь пополнился, а потому здесь прописываю.

Приход	р. к.
Зимой прошедшего года с Надеждой Ивановной прислано.	400,00
От Фавсты Ермолаевны получено.	90,00
Еще получено от Фавсты Ермолаевны.	200,00
17 марта 1844 от покупок шандала и шерсти осталось	15,00
От Дмитрия Тихоновича получено 1 марта 1844.	289,00
С почты принято 12 мая 1844	725,00
Всего	1719,00

Расход	
За филяной платок для Глаф[иры] Петр[овны]	12,00
В Париж за письмо	3,30
Чехол на туфяк	3,00
Рещику за кровать и карниз	90,00
Столяру Прейсу за кровать.	339,00
Ему же за укладку кровати	8,00

За банки для варенья	1,75
Глафире Петровне за платок	12,00
Смирнову за шляпы	12,00
Белый муслин де лен	18,50
Фойхтовой за филяные руши	14,00
Столовая лампа	56,00
Сукна оранжевого 14 арш., по 4 рубл.	56,00
Сукна пунцового 4 арш., по 5 рубл.	20,00
Любови Ермолаевне на расходы	200,00
Ей же 15 мая на расход	200,00
За ½ ящика лимонов и ½ ящика апельсинов 18 мая	30,00
Любови Ермолаевне на расход 22 мая	300,00
Ей же на расход 24 мая	50,62
За мебель Блохину 2 июня	200,00
Садовнику на покупку дичков	25,00
Мех	18,50
Яблоки	20,70
Душистое масло	1,50
Ленты и платки 7 февраля 1845	28,00
За доставку медикаментов, весом 1 п. 11 ф.	3,15
всего в расходе	1721,25
в приходе	1719,00
Остается на вас	2,25

Ящик с медикаментами я раскупорил, кроме положенного внутри ящика с жидкостями. Кажется должно быть все в целости. Отправлю к Вам в Поповку при первом случае.

Более никаких посылок для Вас не получал.

С месяц уже назад А. В. Попов говорил мне, что Вы просите его взять Вашего Анатолия к нему в дом для учения. В [*не разобрано*] к этому прошу Вас покорнейше с Вашими требованиями, предположениями, за советами обращаться ко мне. Я для себя поставлю приятной обязанностию быть для Вас в этом случае полезным и посредником и участником.

Душевно Вам преданный брат

Н. Лобачевский

1845
Апреля 11.

Геометрический кабинет имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете, № 31.

Использовано в некоторых частях в статье П. А. Пономарева «К биографии Лобачевского (по неизданному письму и записям со слов современников)» в «Известиях Физико-математического общества при имп. Казанском университете», вторая серия, т. XVII, Казань, 1913 и отд. отт., Казань, 1913, стр. 4, 6, 7 и 10.

517

Публикация в «Сенатских объявлениях» о наложении запрещения на имения Н. И. Лобачевского и А. М. Карпеки в обеспечение поставки муки, согласно заключенному ими контракту

16 мая 1845. Петербург

Лобачевский, Николай Иванович, действительный статский советник.

Карпека, Александр Михайлович, отставной флота лейтенант.

Сим двум лицам налагается запрещение на имения их, со всею принадлежащею к ним по планам генерального и полюбовного размежевания землею первого, в деревне Беловолской Слободке 101 душа, заложенные в Казанском приказе общественного призрения без добавочных по 57 р. 14 к. серебр. на душу, а второго в деревне Комаровке 109 душ, заложенные в Казанском приказе общественного призрения по 80 р. серебр. на душу, представленные ими в залог, по заключенному действительным статским советником Лобачевским, 1845 г. марта 18-го контракту с членом Общего присутствия Провиантского департамента генерал-майором Бутурлиным, на поставку им Лобачевским обще с отставным флота лейтенантом Карпекою 450 кулей муки, в число высочайше порученного генерал-майору Бутурлину заготовления для усиления запасов Военного министерства, на основании облегчительных правил, согласно постановления Военного Совета, по составленному ими положению, под председательством Чебоксарского уездного и утвержденному 17-го марта исправляющим должность губернского предводителя дворянства, за исключением означенного в том положении состоящего на тех имениях долга по сделанным займам, по сумме принятого ими вообще подряда 825 руб. серебр.

Санктпетербургские Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения, 16 мая 1845, № 39, стр. 940, статьи 8551 и 8552 (от Казанского губернского правления, 9-го апреля за № 2335 по отношениям управляющего Кременчугскою провиантскою комиссиею).

518

Сообщение в печати об участии Н. И. Лобачевского в качестве официального оппонента на диспуте магистра А. Ф. Попова, защищавшего диссертацию на степень доктора математики и астрономии

11 июня 1845

6-го июня в Университете происходило новое торжество, давно уже не повторявшееся, а со времени издания нового положения о производстве в ученые степени, высочайше утвержденного 6 апреля 1844 года, происходившее в первый раз, — это публичный диспут на степень доктора математики и астрономии. Искателем этой степени был старший учитель первой здешней гимназии магистр *Александр Попов*. Предметом его рассуждения было *об интегрировании общих уравнений гидродинамики, приведенных в линейный вид*. Важность вопроса в науке, которая еще не сделалась общедоступною, может быть была причиною незначительного

стечения посторонних посетителей, тем не менее развитие выбранных докторантом положений, доведенное в этом ученом споре до ясного понятия всех присутствовавших, делало его чрезвычайно занимательным. Оппонентами г. Попову были ординарные профессоры — Н. И. Лобачевский и П. И. Котельников.

Казанские Губернские Ведомости, часть неофициальная [11 июня 1845], № 24, отдел «Местные Известия», столб. 239—240.

519

Из сообщения в печати об учреждении в Казанском университете стипендии им. М. Н. Мусина-Пушкина и об участии Н. И. Лобачевского в этом деле

23 июля 1845

Об учреждении при Казанском университете [*стипендии*] *для содержания одного воспитанника, под названием пансионер Мусина-Пушкина.*

С получением высочайшей воли о назначении попечителя Казанского учебного округа г. тайного советника Михаила Николаевича Мусина-Пушкина попечителем С.-Петербургского учебного округа, гг. профессоры Казанского университета, желая полезным и приличным учреждением сохранить память искренней признательности к его превосходительству, бывшему своему начальнику, добровольно и единодушно вызвались пожертвованием некоторой части своего жалованья составить денежный капитал и из процентов его содержать в Университете одного воспитанника, под названием: пансионер Мусина-Пушкина; с этою целию они в общем собрании 12-го апреля сего года сделали постановление: [...] 10) Управляющему Казанским учебным округом ректору Университета Лобачевскому предоставляется распоряжение приступить к сбору назначаемой суммы и хранить деньги тем порядком, как здесь сказано. 11) Ему же, управляющему округом, предоставляется о таком постановлении довести до сведения господина министра народного просвещения и испросить утверждения. [...]

Об этом постановлении гг. членов Университета, г. управляющий Казанским учебным округом, ректор Университета, действительный статский советник Лобачевский, участвовавший в нем также, как член ученого сословия, имел честь доводить до сведения г. министра народного просвещения.

Государь император, по положению Комитета гг. министров 22 мая и 5-го июня, основанному на представлении господина действительного тайного советника Сергея Семеновича Уварова на таковое предположение гг. профессоров, согласно составленному ими акту, высочайше соизволил.

Казанские Губернские Ведомости, часть официальная, отдел местный, 23 июля 1845, № 30, столб. 408—410.

520

Из письма И. М. Симонова к А. Я. Купферу

17 ноября 1845

Je suis nommé Prorecteur et chargé, par interim, presider le conseil de l' Université. Cela durera probablement jusqú à la nomination du nouveau Curateur et peut-être jusqú' à son arrivée à Kazan, car le Recteur doit, en attendant, remplir les fonctions du Curateur.

Перевод:

Я назначен проректором с временным возложением председательствования в Совете Университета. Это продлится, вероятно, до назначения нового попечителя и, может быть, до его прибытия в Казань, так как ректор должен пока выполнять обязанности попечителя.

Архив АН, Ф. 32, оп. 2, № 150.

521

Сообщение в печати о назначении Н. И. Лобачевского, как члена Казанского экономического общества, в состав временного комитета губернской выставки мануфактурных изделий в Казани и об участии его в открытии выставки 5 мая 1845 г.

19 ноября 1845

«О губернской выставке сельских и мануфактурных изделий в Казани». [. . .]

Для распоряжения выставкою составлен был, на основании утвержденных правил, особый временный комитет, под председательством управляющего, за отсутствием г. Казанского военного губернатора, губерниею г. вице-губернатора, из членов: гг. губернского предводителя дворянства, управляющего Палатою государственных имуществ, двух членов императорского экономического общества помещиков действ. стат. советника Н. И. Лобачевского и надворного советника Н. И. Депрейса, полицмейстера и градского головы. Членом комитета и вместе директором выставки назначен был полковник И. К. Якобий, особенно известный опытностью в сельском хозяйстве и образованный знаток дела мануфактурного.

Несмотря на самое краткое пространство времени от получения разрешения на открытие выставки (несколько дней), — открытие это последовало 5-го мая в доме Градского Общества. — В присутствии председателя и всех членов совершено молебствие с водоосвящением и потом залы выставки открыты для посетителей, которым предоставлен свободный вход ежедневно с 10 часов утра до 2 по-полудни, по самый день закрытия, т. е. 15 мая.

Казанские Губернские Ведомости, часть неофициальная [19 ноября 1845], № 47, отд. II. Промышленность, столб. 423.

522

Объявление в печати об участии Н. И. Лобачевского в продаже двух домов в Казани, принадлежавших действительному статскому советнику И. Д. Огневу

3 декабря 1845

В 4-й части города Казани, в Новой Коммисариатской улице, продаются два деревянные дома, принадлежащие действительному статскому советнику Огневу. Желающие купить оные дома, могут адресоваться к действительному статскому советнику Николаю Ивановичу Лобачевскому.

«Частные объявления к № 49 части неофициальной Казанских Губернских Ведомостей» [3 декабря 1845], столб. 442. То же к № 50 [10 декабря 1845], столб. 448.

523

Официальное письмо сенатора К. М. Бороздина Н. И. Лобачевскому как ректору Казанского университета о пожертвовании университету личных вещей Г. Р. Державина

8 декабря 1845

Милостивый государь
Николай Иванович!

В качестве душеприкащика покойной супруги Гавриила Романовича Державина, я желал бы сохранить оставшиеся после него: письменный стол, чернильницу и кресла для воспоминания почитателям его гения. По моему мнению, нет приличнее места, где бы цель сия лучше могла быть достигнута, как Казанский университет.... В Казани родился Державин; там признательное потомство воздвигает ему памятник и там же существует святилище наук, где молодые люди с благоговением будут взирать на всякое воспоминание о Державине. — Прошу покорнейше Ваше превосходительство, в лице Казанского университета, принять от меня сей дар, приносимый, с одной стороны, любовию к памяти незабвенного мужа, а с другой — уважением моим к сему высшему учебному заведению. — С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть

Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Константин Бороздин

С.-Петербург.
Декабря 8 дня 1845.
Его Превосходительству
Н. И. Лобачевскому.

Опубликовано при жизни Н. И. Лобачевского в статье А. И. Артемьева «Прогулка по Казани. VI. Университетская библиотека» в «Казанских Губернских Ведомостях», часть неофициальная [8 мая 1850], № 19, стр. 154; копия рукою Я. К. Грота из материалов, собранных им для биографии Г. Р. Державина — ПД, № 16295—СПб. 23; при письме этом были доставлены и самые вещи Державина.

524

Из письма В. И. Панаева к И. М. Симонову
20 декабря 1845. Петербург

Потрудитесь также передать мое усерднейшее почтение Николаю Ивановичу Лобачевскому.

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета, № 4507, л. 59 об.

525

Посвящение проф. К. К. Клаусом Н. И. Лобачевскому своего труда о новом открытом им элементе рутении
1845

Его превосходительству
Николаю Ивановичу
Лобачевскому,
господину управляющему Казанским учебным округом, ректору Университета, заслуженному профессору, действительному статскому советнику и разных орденов кавалеру.

В знак совершенного высокопочитания и искренней признательности труд свой

посвящает
Автор

Посвящение в книге: «Химическое исследование остатков Уральской платиновой руды и металла рутения. К. Клауса», Казань, 1845. (Перепечатано из III книжки Ученых Записок за 1844 год). Посвящение помещено в начале книги.

526

Дополнительная публикация в «Сенатских объявлениях» о наложении запрещения на принадлежавший В. А. Лобачевской дом в Казани, в связи с выданной ей денежной ссудой
5 января 1846. Петербург

Лобачевская, Варвара Алексеевна, супруга действительного статского советника.

По выданному 7-го апреля 1843 года за № 987 на каменный двухэтажный дом со службами и местом ее, г-жи Лобачевской, свидетельству считается под запрещением, состоящий в 1-й части г. Казани на Проломной улице, оцененный в 8 862 руб. 56 коп. серебром, принятый в оном Комитете в залог, за выданные ей в ссуду деньги 6 000 руб. серебром. По представлении же вновь к залогу возведенного при означенном доме каменного двухэтажного флигеля с антресолями и подвалом, оцененного в 2 876 руб. $94^2/_7$ коп. серебром, запрещение считается со вновь произве-

денною ей г-же Лобачевской ссудою 3 000 руб. серебром, всего 9 000 рублей серебром.

(Дополнение запрещения)

Санктпетербургские Сенатские Объявления о запрещениях на недвижимые имения, 5 января 1846, № 2, стр. 60, статья 378 (от Казанского губернского правления за № 9197. По отношению Комитета об оказании пособия жителям гор. Казани, потерпевшим от пожара).

527

Публикация в «Сенатских объявлениях» о наложении запрещения на недвижимые имения Н. И. Лобачевского и других лиц в обеспечение поставки хлеба по заключенному им контракту, как уполномоченному группы Казанских помещиков

9 января 1846. Петербург

Налагается запрещение на недвижимые имения со всею принадлежащею к ним по планам генерального и полюбовного размежевания землею, представленные в залог компаниею дворян Казанской губернии, уездов: Чебоксарского, Цивильского, Свияжского, Спасского и Лаишевского, по заключенному от лица их уполномоченным на то действительным статским советником Николаем Ивановичем Лобачевским 25-го ноября 1845 года во Временной Казанской провиантской комиссии контракту на поставку хлеба для С.-П.-бургских и попутных магазинов в пропорцию 1846 года, на основании высочайше утвержденного 25-го мая 1845 года мнения Государственного Совета, согласно положениям Военного Совета, изложенным в журнале 28-го июня 1844 и 5-го января 1845 годов, утвержденным означенным мнением, по составленному положению под председательством Чебоксарского уездного предводителя, утвержденным Казанским губернским предводителем дворянства 17-го ноября 1845 года, по сумме принятого ими вообще подряда на 22 599 рублей 50 копеек и задаточных денег 5649 рублей 87 $^1/_2$ коп., а всего на сумму 28 249 рублей 37$^1/_2$ копеек серебром, а именно:

Арцыбашева, Анна Никитина, жена коллежского ассесора, Цивильского уезда в деревне Маминой 140 душ, с 765 десятинами земли.

Лобачевский, Николай Иванович, действительный статский советник, Чебоксарского уезда в деревне Беловольской Слободе 101 душа, с 800 десятинами земли, заложенные в Казанском приказе Общественного призрения.

Леонтьев, Иван Дмитриев, поручик, Свияжского уезда в деревне Панове 28 душ, с 376 десятинами земли.

Лобачевская, Варвара Алексеевна, супруга действительного статского советника, Спасского уезда в деревне Полянках 139 душ, с 1 800 десятинами земли, заложенные в Казанском приказе Общественного призрения.

Курочкина, Мария Андреевна, жена чиновника 6-го класса, Лаишевского уезда в деревне Нурме 139 душ, с 1 446 десятинами земли, заложенные в Казанском приказе Общественного призрения.

Санктпетербургские Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения, 9-го января 1846, № 3, стр. 71, статьи 445—449 (От Казанского губернского правления 14-го декабря [1845], за № 9136. По отношению Временной Казанской провиантской комиссии).

528

Письмо Н. И. Лобачевского П. А. Плетневу.
20 февраля 1846

Милостивый государь
Петр Александрович!

Желая содействовать к успеху издаваемого Вашим превосходительством журнала под названием Современник и не сомневаясь в полезном его направлении, а также в исполнении по такому намерению, я вместе с сим предложил по вверенному мне Округу о выписке этого журнала, если найдутся к тому средства, и обращаться с требованиями о высылке оного к Вам, Милостивый государь, с приложением денег 8 р. 60 к. серебром за каждый экземпляр годового издания журнала.

С удовольствием исполняя таким образом Ваше желание, должен объяснить Вам на случай немногочисленной выписки, что все вообще училища Казанского учебного округа нуждаются в деньгах для необходимых расходов.

С отличным уважением и совершенною преданностию честь имею быть
Вашего превосходительства
Покорнейший слуга
Николай Лобачевский.

Его превосход-ву
П. А. Плетневу.

На бланке попечителя Казанского учебного округа 20 февраля 1846 г., за № 638. ПД, Ф. 234, оп. 2, № 28.

529

Паспорт, выданный студенту Казанского университета А. М. Бутлерову за подписью ректора университета Н. И. Лобачевского об отправлении А. М. Бутлерова в ученое путешествие к Каспийскому морю
12 марта 1846

Вид.

Предъявитель сего студент Казанского университета Естественного разряда наук Александр Бутлеров отправлен мною с командированным в ученое путешествие к Каспийскому морю и в Киргизскую степь ординарным профессором статским советником Вагнером в качестве помощника.

В удостоверение чего и для свободного разъезда дан ему, Бутлерову, сей вид за подписанием моим и приложением герба моего печати. Казань.

Марта 12 дня 1846 года.

Управляющий Казанским учебным округом. Ректор Университета действительный статский советник и кавалер *Лобачевский*.

[Место печати.]

Правитель Канцелярии И. Цепелев.

Сбоку: «№ 983».

Архив АН, архив А. М. Бутлерова, Фонд 22, оп. 1, № 1, с полуистершейся гербовой печатью Н. И. Лобачевского на красном сургуче.

530

Из письма В. Я. Струве к И. М. Симонову

8 (20) апреля 1846. Пулково

J'ai l'honneur de Vous envoyer aujourd'hui dans un paquet adressé à M. de Lobatschefsky un exemplaire de la description de l'Observatoire de Poulkovo, ouvrage qui, je me flatte, aura un certain interêt pour tous qui cultivent notre science [л. 466].

J'ai adressé aujourd'hui aussi quelques mots à M. de Lobatschefsky, en faveur de mon neveu [л. 466 об.].

Перевод:

Имею честь послать Вам сегодня в пакете, адресованном г-ну Лобачевскому, экземпляр описания Пулковской обсерватории, работа которая, льщу себя надеждой, будет представлять известный интерес для всех тех, которые насаждают нашу науку [л. 466].

Я сегодня также обратился с несколькими словами к г-ну Лобачевскому с просьбой о моем племяннике [л. 466 об.].

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета № 4507, лл. 466 и 466 об.

531

Представление Совета Казанского университета управляющему Казанским учебным округом Н. И. Лобачевскому об оставлении Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова в университете на новое пятилетие

11 июня 1846

Господину управляющему Казанским учебным округом.

В заседании Совета Казанского университета, бывшем 5-го текущего июня, рассуждаемо было о том, что г. министр народного просвещения от 23 июля 1841 года за № 7242-м утвердил гг. профессоров здешнего Университета *Лобачевского* и *Симонова* по выслуге в сей должности 25-ти лет в звании заслуженных профессоров, и разрешил оставить их на службе.

еще на пять лет со времени выслуги узаконенных лет. Таким образом пятилетие это кончится обоих 7 июля текущего года.

В § 83 Устава Российских университетов, высочайше утвержденного 26 июля 1835 года, сказано: «профессор, по выслуге в сей должности 25 лет, удостоенный звания *заслуженного*, увольняется из Университета. и кафедра его почитается вакантною. Совет принимает меры к замещению оной, причем и заслуженный профессор может подвергаться узаконенным порядком избранию. Таковое вторичное избрание имеет силу в течение пяти лет, по прошествии коих министр, принимая в уважение мнение попечителя и *свидетельство Совета*, определяет: имеет ли заслуженный, вторично избранный профессор продолжать еще преподавание и на сколько лет, или следует, по преклонности лет и другим обстоятельствам, освободить его от сего занятия и приступить к новому выбору».

По сему случаю Советом университета вследствие единогласного желания членов оного *определено*: 1) Донести его высокопревосходительству г-ну министру народного просвещения, чрез Ваше превосходительство как управляющего Казанским учебным округом, что Совет не только не находит никаких причин освободить от преподавания гг. заслуженных профессоров Лобачевского и Симонова и приступить к избранию нового профессора, но, напротив, почитает за особенную честь иметь в числе профессоров Казанского университета столь отличных ученых и опытных преподавателей, потому и просит его высокопревосходительство утвердить вновь гг. заслуженных профессоров Лобачевского и Симонова на столько лет, сколько силы и желание их позволяют. 2) Гг. заслуженных профессоров Лобачевского и Симонова просить от имени Совета не оставлять свое полезное и ученое служение при Казанском университете.

Согласно такому заключению своему Совет университета честь имеет представить об этом Вашему превосходительству и покорнейше просит Ваше превосходительство по сему предмету употребить свое ходатайство пред его высокопревосходительством г. министром народного просвещения. При сем прилагаются в 2-х экзем. послужные списки гг. Лобачевского и Симонова.

Проректор Университета *Иван Симонов.*

Секретарь *П. Китайцев.*

Столоначальник *Н. Травин.*

На бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент народного просвещения. Об оставлении гг. заслуженных профессоров Лобачевского и Симонова, по выслуге в этом звании пяти лет, при Университете. В Казани 11 июня 1846 года, № 244, от Совета императорского Казанского университета».

Помета рукою Н. И. Лобачевского: «Под[ано] 12 июня 1846».

Помета карандашом: «представить его прев[осходительст]ву»; «№ 2641/380».

ЦГАТ, Ф. 92, 2 стол, № 174, лл. 1—2, на лл. 3—50 формулярные списки И. М. Симонова (лл. 3—26) и Н. И. Лобачевского (лл. 27—50) за 1846 г.

Н. И. Лобачевский. С дагерротипа, снятого в декабре 1855 г.
(Центральный Государственный архив Татарской АССР в Казани)

532

Представление управляющего Казанским учебным округом Н. И. Лобачевского министру народного просвещения С. С. Уварову об оставлении И. М. Симонова еще на 5 лет в Казанском университете с просьбой о своем увольнении в отставку из Университета и с предложением кандидатуры А. Ф. Попова в звание профессора чистой математики

3 июля 1846

Г. министру народного просвещения

Предписанием В[аше]го в[ысокопревосходительст]ва бывшему г-у попечителю Казанского учебного округа 23 июля 1841, № 7242 орд. профессоры, я, чистой математики, Лобачевский, и Симонов, астрономии, по выслуге в этом звании 25 лет, были утверждены заслуженными профессорами с разрешением оставить нас на службе еще на пять лет, которое пятилетие нам окончится 7 июля в настоящем году.

В § 83 Устава Российских университетов, высочайше утвержденного в 26 день июля 1835 года, сказано: «профессор по выслуге в сей должности 25 лет, удостоенный звания заслуженного, увольняется из Университета, и кафедра его почитается вакантной. Совет принимает меры к замещению оной, причем и заслуженный профессор может подвергаться узаконенным порядком избрания. Такое вторичное избрание имеет силу в течение пяти лет, по прошествии коих министр, принимая в уважение мнение попечителя и свидетельство Совета, определяет: имеет ли заслуженный, вторично избранный профессор, продолжать еще преподавание и на сколько лет, или следует, по преклонности лет и другим обстоятельствам, освободить его от сего занятия и приступить к новому избранию».

О таком случае рассуждая, Совет университета в заседании своем 5 минувшего июня единогласно определил донести чрез меня В-му в-ву, что Совет желает и находит в том особенную честь для себя, сохранить меня и г. Симонова в числе преподавателей, как известных ученых и опытных людей. Совет вместе с тем просит г. Симонова и меня не оставлять нашу полезную и ученую службу в Казанском университете.

Честь имею объяснить В-му в-ву также и то, что сверх жалованья по званию профессора г. Симонов и я получаем пенсии 1143 р. 68 к. в год, г. Симонов с 24 июня 1837, а я с 3 августа 1836, которая пенсия по вторичному нас избранию Совета с разрешения г. управляющего министерством товарища министра народного просвещения в предписании бывшему г-у попечителю Казанского учебного округа 28 генваря 1843, № 1196, с оставлением нас еще в службе на пять лет, увеличена 228 р. 73 к. или пятою долею и производится г-у Симонову с 24 июня 1842, а мне с 3 августа 1841 года.

В отношении к г-у заслуженному профессору астрономии действительному статскому советнику Симонову, с своей стороны подтверждая во всей силе заключение Совета, честь имею покорнейше просить разрешения В-го в-ва оставить г. Симонова еще пять лет на службе в звании заслуженного

профессора с определением ему к получаемой пенсии всего ныне 1372 р. 41 к. еще пятой части 228 р. 73 к. в год из профессорского оклада 1143 р. 68 к., на основании *3-го т. св. Зак. Устав. опеки ст. 503 и 504 (изд. 1842).*[1]

Что же касается до меня, то со всей признательностию к заключению университетского Совета об оставлении меня на службе в должности преподавателя, честь имею представить на благоусмотрение В-го В-ва, что кафедру чистой математики более с пользою, вероятно, может занять учитель 1-ой Казанской гимназии Попов, получивший степень доктора в прошедшем году и для которого такое повышение не только будет совершенно заслуженное, но даже должное, с тою целию, чтобы поощрить далее к занятиям при несомненных его хороших способностях. В силах еще первой молодости, неотвлекаемый, подобно мне, другого рода занятиями по службе и обязанностями семейственными, он не замедлит показать себя достойным профессором и встать в кругу самых известных европейских ученых.

При таких обстоятельствах желание с моей стороны оставаться в должности профессора не могло бы почитаться справедливым; а потому прошу покорнейше В. в., уволив меня от ученой службы, наградить производством пенсии 1611 р. 15 к. по окладу ординарного профессора с прибавлением двух пятых долей на основании *503 ст. 3 т. Св. Зак. Устав. о пенсиях (изд. 1842).*[2]

При сем честь имею представить мой и г. заслуженного профессора Симонова послужные списки.

Отпуск, писанный рукою Н. И. Лобачевского с датой: «№ 2807, 3 июля 1846, Казань»

Пометы: «См. дело 1842, № 29»; «г. Ляпунову переписать к завтру» (карандашом).
ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, № 174, л. 51—51 об.

533

Из дневника П. И. Кеппена

23 — 28 июля 1846

Казань. 23 июля. В Казань [3] прибыли утром 23 июля [л. 22].

24 июля. [. . .] Потом я отправился к д. с. с. Никол[аю] Ив[ановичу] Лобачевскому, заслуженному профессору, — ныне исправл[яющему] должность попечителя Казанского университета. Желание мое видеть университетские заведения он обещал исполнить завтра и пригласил меня быть у него в 12 часов [л. 23].

---

[1] Подчеркнутая фраза писана чужою рукою по карандашу Н. И. Лобачевского: «(прописать из Свода Законов)». — *Л. М.*

[2] Подчеркнутая фраза писана чужою рукою по многоточию карандашом рукою Н. И. Лобачевского. — *Л. М.*

[3] П. И. Кеппен выехал из Петербурга 5 июля вместе с сыном Федором Петровичем Кеппеном, тогда 12-летним мальчиком (род. 30 декабря 1833) и одним служителем. — *Л. М.*

25 июля [. . .]. С 2-х часов до $^1/_2$ 4-го я осматривал заведения импер[аторского] Казанского университета — в сопровождении гг. попечителя Ник. Ив. Лобачевского и ректора Ив[ана] Мих[айловича] Симонова. Главная зала с коллекциями китайских и др. преимущественно этнографических предметов (одеяний, американских масок [?] и пр.), аудитории (большею частию тесные), рисовальный и архитектурный классы, церковь, кабинеты: Минералогический, Зоологический, Ботанический, сравнит[ельной] анатомии, библиотека, медиц[инские] препараты, физич[еский] и химич[еский] кабинеты, всё видел я, кроме клиники и верхнего этажа обсерватории, в которой красились полы. — Нумисматический кабинет я не осматривал, потому что он заключает в себе большею частию монеты восточные, о которых я не имею понятия. Был также я в студентской больнице, в дортуарах, столовой и кухне. Всё это вообще в очень хорошем порядке, и не мог не удивляться примерной чистоте и хорошему сбережению предметов зоологических, которые к тому же помещены тесно. Намеревались построить новое здание, но по недостатку в суммах этого сделать невозможно (точно так, как и при и. Академии Наук).

Кроме сотни казеннокоштных студентов (т. е. около $^1/_4$ части всех университетских воспитанников) в университетских зданиях помещаются и пансионеры, платящие по 500 руб. за полное содержание (также и одежду); полупансионеры же, не получающие одежды, взносят по 360 р. асс. [л. 25].

Отобедав у ректора (г. Симонова) вместе с г. Лобачевским, профессором Ивановым (росс[ийская] словесность), Казембеком и другими, я с сыном моим отправился в Девичий монастырь Казанския Божией матери [л. 26].

27 июля [. . .]. Пред обедом я побывал у проф. Фатера — недовольного, кажется, человечеством и лишь чрезвычайно редко оставляющего свою квартиру для того, чтобы подышать свежим воздухом.... Такое житье не может счастливить человека... О тесте, академике Френе, со мною в одном доме живущем, — ни слова, о жене, оставшейся при отце, — ни полслова!

Обедал я у Ник. Ив. Лобачевского, где были гг. ректор Симонов, вице-губернатор Завелейский, ориенталист Казембек, член приказа Обществ[енного] призрения [Алексей Гаврилович] г. Осокин (сын известного суконного фабриканта, здешнего помещика), шурин г. Лобачевского.

В $^1/_2$ 7-го часу мне назначено было свидеться с г-м Симоновым у него на Обсерватории. — Взглянул сегодня на Казань с паперти погоревшей Петропавловской церкви, — а теперь простился с нею с высоты Обсерватории, — конечно превосходной и по инструментам своим и по их употреблению.

С г-м Симоновым я отправился в село Архангельское, дабы там познакомиться с университетским садом, которого ближайшее заведывание поручено садовнику Бауму — бывшему пред сим в Дерпте и здесь про-

должавшему изучение ботаники. Теперь он сдал кандидатский экзамен, — это, конечно, доказывает его любовь к науке.

Супруга профессора медицины г-жа Лентовская, живущая тут на даче, пригласила г. ректора, а вместе с ним и нас, к себе на чай. Тут я увидел и г. Березина, восточного путешественника Казанского университета,— ездившего чрез Персию вниз по Евфрату и до Персидского залива, а вслед затем пробывшего около года (?) в Константинополе. Сочинения его (донесения о поездке) печатались в Журнале мин. народн. просвещения. Тут же был и г. Савельев, сопровождавший г. Рупрехта, когда он по получении Демидовской премии ездил к Ледовитому морю. Г. Савельев при Казанском университете заступил место физика Кнорра, в качестве адъюнкта [лл. 30—32].

28 июля. До выезда моего из Казани еще раз посетили меня г. вице-губернатор и ректор университета, которые во всё пребывание мое в этом городе столько меня одолжали.

В половине 3-го часа пополудни я отправился в путь сибирским трактом [л. 32].

П. И. Кеппен. Поездка 1846 года (Архив АН, ф. 30, оп. 1, № 156, лл. 22, 23, 25, 26, 30—32).

На отдельном листке, озаглавленном «Казань, в июле 1846 г.», составлен список лиц, с которыми П. И. Кеппен встречался; среди них указан: «Лобачевский (на Проломной)».

534

Из постановления Совета Казанского университета о перемене Н. И. Лобачевскому знака отличия беспорочной службы

10 августа 1846

Секретарь Совета доложил присутствию: чиновники Казанского университета, имеющие знаки отличия беспорочной службы: его превосходительство г. *управляющий Казанским учебным округом* Н. И. Лобачевский, по званию заслуженного профессора и ректора Университета за XXX лет. [. . .]

Определено: 1) Составя в 3-х экземплярах по данным формам списки, просить его превосходительство г. управляющего Казанским учебным округом употребить свое ходатайство пред г. министром народного просвещения, как о перемене знаков отличия *его превосходительству* XXX-летнего достоинства на таковой же *тридцатипяти* летнего. [. . .]

Помета: «Предст[авлено] 15 авг[уста] 1846 г. № 330-м»; с приложением на лл. 5—14 «Списка о службе удостаиваемого к перемене знака отличия беспорочной службы ректора императорского Казанского университета заслуженного профессора по кафедре чистой математики, действительного статского советника Лобачевского. Составлен 1846 года сентября „ “ дня».

ЦГАТ, Ф. 977, № 2037, лл. 1—2, 5—14.

535

Предписание товарища министра народного просвещения кн. П. А. Ширинского-Шихматова Н. И. Лобачевскому о назначении его помощником попечителя Казанского учебного округа и об увольнении его из Казанского университета от должности профессора и ректора, с приложением копии указа Правительствующего Сената

16 августа 1846

Господину действительному статскому советнику
Лобачевскому.

Препровождая к Вашему превосходительству копию с указа Правительствующего Сената от 14 сего августа за № 38597 о назначении Вас, по высочайшему его императорского величества повелению, вследствие представления г. министра народного просвещения, помощником попечителя Казанского учебного округа с увольнением от профессорской и ректорской должностей в Казанском университете и с производством Вам, сверх пенсии, по 800 р. сереб. в год столовых денег, — предлагаю Вам, милостивый государь, управлять Казанским учебным округом на прежнем основании, впредь до особого распоряжения министерства, а проректору Университета г. действительному статскому советнику Симонову предписать, чтобы продолжал исправление возложенной уже на него должности ректора, до утверждения новых выборов.

Вместе с сим, вследствие представления Вашего превосходительства от 3-го прошлого июля и на основании ст. 503 Св. Зак. т. 3 Уст. о пенс. и единовр. пособ. (изд. 1842), назначая Вам, за беспорочную, усердную выслугу вообще по учебной части министерства народного просвещения второго пятилетия, сверх 25-летней службы, другую пятую долю к производящейся по званию профессора пенсии, я отнесся к г. министру финансов о производстве Вам из Казанского уездного казначейства, сверх означенных столовых денег по новому Вашему званию, в пенсию, всего по 1601 р 14 к. сер. в год, с 3-го текущего августа, о чем имею честь Вас, милостивый государь, уведомить.

Товарищ министра
народного просвещения *кн. Ширинский-Шихматов.*
Директор *П. Гаевский.*

На бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент. Отделение II. Стол 1. 16 августа 1846 года, № 7385».

Помета: «№ 3917/1256» и рукою Н. И. Лобачевского: «пол[учено[27 авг[уста] 1846».

Резолюции Н. И. Лобачевского карандашом:

1) «Предписать для исполнения г-у профессору Университета, дабы продолжал отправление должности ректора».

2) «Об утверждении меня помощником попечителя уведомить Совет Университета и циркулярно дать знать по округу».

3) «Г-у управ. минист. н. п. донести о получении указа и сделанных распоряжениях».

Приписки чужою рукою: «Напечатать в начальственных распоряжениях» и «С предписания и указа списать к делу копии, подлинные представить его прев-ву».

ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, № 174, л. 54—54 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Копия указа Правительствующего Сената от 14 августа 1846

Указ его императорского величества самодержца всероссийского из Правительствующего Сената господину министру народного просвещения. По именному его императорского величества высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату сего августа в 3 день, за собственноручным его величества подписанием, в котором изображено: «Заслуженному профессору и ректору императорского Казанского университета действительному статскому советнику Лобачевскому, по представлению министра народного просвещения, всемилостивейше повелевает быть помощником попечителя Казанского учебного округа, с увольнением от профессорской и ректорской должностей и с производством ему сверх пенсии, по восьмисот рублей серебром в год столовых денег из государственного казначейства». Правительствующий Сенат приказали: исполнение по изъясненному всемилостивейшему его императорского величества повелению предоставить г. министру народного просвещения, о чем к нему послать указ, каковым уведомить гг. Казанского военного губернатора и министра финансов и пропечатать в Сенатских Ведомостях. Августа 14-го дня 1846 года. Подписали. В должности обер-секретаря Ф. Анненский. Секретарь А. Пейкер и за помощника секретаря Терентьев. Верно: Начальник отделения *Аркадий Мартынов.*

(К сведению.)

По именному указу о бытии действительному статскому советнику Лобачевскому помощником попечителя Казанского учебного округа.

С подлинным сверял начальник стола *В. Головинский*

По 1 департаменту
№ 38597.

ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, № 174, лл. 55—56. Копия.

536

Донесение Н. И. Лобачевского в Департамент народного просвещения с приложением присяжного листа на должность помощника попечителя Казанского учебного округа

17 октября 1846

В департамент н[ародного] п[росвещения]

В дополнение к донесению моему г. управляющему министерством н[ародного] п[росвещения] товарищу министра 28 августа сего года, имею

честь препроводить у сего в департамент н[ародного] п[росвещения] присяжный лист, по которому я присягал в должность помощника попечителя Казанского учебного округа.

Отпуск с датой: «№ 4413, 17 октября 1846. Казань. Дополнение к № 3580. Канцелярия. Стол 1.

ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, № 147, л. 64. На л. 65 печатная форма «Клятвенного обещания» с подписью Н. И. Лобачевского: «По сему присяжному листу на должность помощника попечителя Казанского учебного округа присягал 14 сентября 1846. Действительный статский советник Николай Лобачевский»; «По сему присяжному листу к присяге приводил университетский протоиерей Александр Нечаев»; «При сем клятвенном обещании присутствовал профессор Иван Симонов»; «При сем клятвенном обещании присутствовал декан I-го отделения философского факультета М. А. Казембек»; «При сем клятвенном обещании присутствовал декан Петр Котельников»; «При сем клятвенном обещании присутствовал декан Винтер»; «При сем клятвенном обещании присутствовал декан Дмитрий Протопопов».

537

Из письма К. Ф. Гаусса к Г. Х. Шумахеру

16 (28) ноября 1846. Геттинген

Ich habe kürzlich Veranlassung gehabt, das Werkchen von Lobatschewsky (Geometrische Üntersuchungen zur Theorie der Parallellinien. Berlin 1840, bei G. Fincke. 4 Bogen stark) wieder durchzusehen. Es enthält die Grundzüge derjenigen Geometrie, die Statt finden müsste und strenge consequent Statt finden könnte, wenn die Euklidische nicht die wahre ist. Ein gewisser Schweikart nannte eine solche Geometrie Astralgeometrie, Lobatschewsky— imaginäre Geometrie. Sie wissen, dass ich schon seit 54 Jahren (seit 1792) dieselbe Überzeugung habe (mit einer gewissen spätern Erweiterung, deren ich hier nicht erwähnen will), materiell für mich Neues habe ich also im Lobatschewskyschen Werke nicht gefunden, aber die Entwickelung ist auf anderen Wege gemacht, als ich selbst eingeschlagen habe, und zwar von Lobatschewsky auf eine meisterhafte Art in ächt geometrischen Geiste. Ich glaube Sie auf das Buch aufmerksam machen zu müssen, welches Ihnen gewiss ganz exquisiten Genuss gewähren wird.

Перевод:

В последнее время я имел случай перечитать небольшое сочинение Лобачевского (Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien. Берлин, 1840, изд. Г. Финке, 4 печатн. листа). Оно содержит в себе основания той геометрии, которая должна бы была существовать и строгое развитие которой представляло бы непрерывную цепь, если Евклидова геометрия не истина. Некто Швейкарт дал этой геометрии имя астральной геометрии, а Лобачевский — геометрии воображаемой. Вы знаете, что уже пятьдесят четыре года (с 1792), как я разделяю те же взгляды (с некоторым позднейшим развитием их, о котором я не хочу здесь упоминать);

существенно нового для меня я, таким образом, не нашел в сочинении Лобачевского, но изложение весьма различно от того, какое я предполагал сделать, и именно автор трактует о предмете как знаток, в истинно геометрическом духе. Я считаю себя обязанным обратить Ваше внимание на эту книгу, чтение которой не преминет Вам доставить живейшее удовольствие.

Carl Friedrich Gauss Werke, Achter Band, Teubner in Leipzig, 1900, SS. 238—239; перевод в статье «Из переписки Гаусса с Шумахером» и «Гаусс, Бельтрами, Риманн, Гельмгольц, Ли, Пуанкаре» в издании «Об основаниях геометрии. Изд. Ф. М. Общества. К столетнему юбилею Н. И. Лобачевского», Казань, 1893, стр. IX.

538
Из письма К. Ф. Гаусса к В. Я. Струве
30 ноября (11 декабря) 1846. Геттинген

Gleichermassen bin ich für die übrigen Zusendungen zu dem verbindlichsten Danke verpflichtet; für die russischen Sachen von Lobatschewsky wahrscheinlich zunächst Ihrem Herrn Sohne, gegen den ich vor einigen Jahren bei seinem Hiersein meinen Wunsch ausgesprochen hatte; ich lasse mich seinem freundlichen Andenken angelegentlich empfehlen. Mit meiner russischen Sprachkenntniss werde ich wohl etwas zurückgekommen sein, da ich seit länger als einem Jahre nicht dazu habe kommen können, auch nur einen russischen Buchstaben anzusehen, ich hoffe jedoch in der ersten freien Zeit das Versäumte schnell nachzuholen, und werde dann der Lecture jener interessanten Aufsätze meine besondere Aufmerksamkeit widmen. Die kleine deutsche Schrift von Lobatschewsky besass ich schon vorher selbst.

Перевод:

В равной степени обязан я самой нижайшей благодарностью за прочие пересылки; за русские вещи Лобачевского вероятно больше всего г-ну Вашему сыну, в присутствии которого в бытность его здесь я, несколько лет тому назад, высказывал свои пожелания; прошу при случае представить меня его любезному воспоминанию. В своих познаниях русского языка я, правда, несколько пошел вспять, поскольку я уже больше года не имел возможности видеть хотя бы одну русскую букву; я надеюсь, все же при первой свободной минуте скоро нагнать пропущенное и тогда посвятить мое особое внимание чтению этих интересных сочинений. Маленькое немецкое сочинение Лобачевского я сам уже имел раньше.

Carl Friedrich Gauss Werke, Achter Band, Teubner in Leipzig, S. 239.

539
Дополнительная публикация в «Сенатских объявлениях» о наложении запрещения на принадлежавший В. А. Лобачевской дом в Казани, в связи с выданной ей новой денежной ссудой
26 февраля 1847. Петербург

Лобачевская, Варвара Алексеевна, супруга действительного статского советника.

По выданному 7-го апреля 1843 года за № 987 на каменный двухэтажный с таковым же при нем флигелем, службами и местом дом ее г-жи Лобачевской свидетельству, считается под запрещением, состоящий в 1-й части гор. Казани, на Проломной улице, принятый в означенном Комитете в залог, за выданные ей на 15-тилетних Банковых правилах с двумя льготными годами, в ссуду: 26-го августа 1844 года 6 000 руб. и 17-го ноября 1845 года 3 000 руб. серебр. По представлении же вновь к залогу упомянутого каменного 2-х-этажного с флигелем, с таковыми же службами и местом дома, оцененных в 13 075 руб. $62^1/_2$ коп. серебр., запрещение считается со вновь произведенною г-же Лобачевской, на тех же правилах и льготою, 3-го декабря 1846 года, ссудою 1 300 руб. серебр., всего в 10 300 руб. серебром.

(Дополнение запрещения)

Санктпетербургские Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения, 26 февраля 1847, № 17, статья 3374 (От Казанского губернского правления. 11-го февраля. По отношению Комитета об оказании пособия жителям г. Казани потерпевшим от пожара).

540

Из «Отчета о состоянии императорского Казанского университета в 1846—1847 академическом году» со сведениями о деятельности Н. И. Лобачевского в 1846—1847 учебном году

Около 8 июня 1847

Важною переменою в личном составе учащихся в прошлом году было то, что г. ректор Университета, заслуженный профессор, действительный статский советник Н. И. Лобачевский высочайшею волею возведен в звание помощника попечителя округа. Без всякого сомнения, я буду только отголоском мнения как членов Университета, так и всех, кому дорого благоденствие этого заведения, если скажу, что лучшего выбора в это звание сделать было невозможно. Получив образование в здешнем же Университете, занимая в нем 35 лет должность профессора, 6 раз сряду в течение почти 20 лет облекаемый общим доверием сослуживцев и высшего начальства в звании ректора, деятельно участвуя во всех мерах, какие в эпоху самого сильного развития нашего Университета, именно при управлении им незабвенного М. Н. Мусина-Пушкина, придумываемы и предпринимаемы были к улучшению и всестороннему усовершенствованию этого заведения, — Н. И. Лобачевский, без всякого сомнения, наилучшим образом знает и дух, и жизнь, и потребности Университета, и лучшие средства к их удовлетворению. В самом начале истекшего учебного года он сошел с кафедры, которой 35 лет был украшением. и предоставил ее ученику своему, доктору А. Попову [стр. 13—14].

Строительный комитет, под председательством помощника попечителя Лобачевского, состоит из инспектора казенных училищ Антропова, профессора Котельникова, профессора и директора 2-й Казанской гимназии Ковалевского, архитекторов Коринфского и Гесса. Делопроизводительною частию заведывает один из деятельнейших канцелярских чиновников Университета архивариус Добромыслов [стр. 46].

«Отчет о состоянии императорского Казанского университета в 1846—1847 академическом году, составленный и на годичном торжественном собрании, бывшем 8 июня 1847 года, произнесенный адъюнктом В. Сбоевым», Казань, 1847, в издании «Обозрение преподаваний в императорском Казанском университете за 1847—1848 учебный год», Казань, 1847, прил., стр. 13—14 и 46.

541

Из архивных дел Казанской гражданской палаты о раздельном акте наследников П. Е. Осокиной, рожд. Великопольской, и Г. И. Осокина

17 июня 1847

Дело за № 8817 (началось 17 июня 1847 г.). По титуле просят: отставной гвардии прапорщик Гаврила Иванов сын *Осокин*, сыновья его: отставной поручик Иван, коллежский секретарь Алексей, отставной гвардии подпоручик Петр, отставной губернский секретарь Александр Гавриловы *Осокины* и по доверенности совершеннолетней девицы Юлии Гавриловой *Осокиной* — действительный статский советник Николай Иванов сын *Лобачевский* о нижеследующем: желая разделить между собою имение, оставшееся после покойной — первого из нас жены, а прочих матери, гвардии прапорщицы Прасковьи Ермолаевны по муже *Осокиной*, а равно и имение мое, Гаврилы *Осокина*, как родовое, так и благоприобретенное, между нами, единственными наследниками, составили мы по взаимному нашему согласию раздельный акт, а в удостоверение того, что мы вышепоименованные действительно состоим единственными в сем имении наследниками, прилагаем копии, выданные из Ярославской Палаты гражданского суда с прошений и с оных списки, из коих видно, что прочие сонаследники наши, дочери Гаврилы Иванова и Прасковьи Ермолаевой *Осокиных*, при выдаче их в замужество, были наделены денежными капиталами и отказались за себя и наследников от дальнейшего получения из имения родителей их при имеющем последовать между нами разделе, а потому всеподданнейше просим: дабы повелено было сие наше прошение и доверенность от совершеннолетней девицы Юлии Гавриловой *Осокиной*, данной действительному статскому советнику Николаю Иванову *Лобачевскому*, принять, представляемый нами раздельный акт утвердить и подлинный выдать мне, Гавриле Иванову, а нам, Ивану, Алексею, Петру и Александру Гавриловым *Осокиным*, выдать засвидетельствованные с него копии. Июня 17 дня 1847 года. К поданию надлежит в Казанскую палату гражданского суда.

Прошение сие писал со слов просителей вольноотпущенный Николай Афанасьев сын *Иванов* (следуют подписи просителей). Жительство мы имеем в г. Казани, в собственных наших домах.

Заявления замужних дочерей Г. И. Осокина:

1) Полковницы Варвары Гавриловой по муже *Коковцовой*: «В 1840 году, при выходе моем в замужество за полковника Николая Николаевича *Коковцова*, награждена была родителями, гвардии прапорщиком Гаврилом Ивановичем и покойной матерью Прасковьей Ермолаевной, денежною суммою сорока тысячами пятьюстами рублями серебром, а потому почитаю себя слишком награжденною против следующих мне из имения законных частей, почему я по собственному моему желанию, как за себя, равно и наследников моих, отказываюсь получать при могущем последовать разделе между братьями и сестрами моими из имения родителя моего, а равно и имения, оставшегося после покойной матери моей (подпись). Жительство имею в г. Ярославле в доме моего мужа Коковцова. Января дня 1845 года».

2) Жены гвардии ротмистра Софии Гавриловой по муже *Васильевой*: «В 1834 году, при выходе моем в замужество за гвардии ротмистра Демосфена Васильевича *Васильева*, была награждена денежною суммою сорока тысячами пятьюстами рублями серебром, а потому (и т. д., как предыдущая сестра). Января дня 1845 года. Жительство имею в г. Ярославле, в доме моего мужа Васильева».

3) Жены артиллерии подпоручика Анны Гавриловой по муже *Левашевой*: «В сем 1846 году, при выходе моем в замужество за артиллерии подпоручика Николая Федоровича *Левашева*, награждена была родителями (такими-то) денежным капиталом сорока двумя тысячами семьюстами пятьюдесятью семью рублями четырнадцатью копейками серебром. Сверх сего была награждена от родителей деньгами и вещами на четыре тысячи восемьсот рублей и четырнадцать коп. тоже серебром, а потому (и так далее). Февраля дня 1846 года. Жительство имею в г. Ярославле» (а где именно — не сказано).

4) Жены гвардии подпоручика Елизаветы Гавриловой, по муже *Бестужевой*: «В 1832 году, при выходе моем в замужество за гвардии подпоручика Петра Васильевича *Бестужева*, я была награждена родителями моими (имена) денежною суммою сорока тысячами пятьюстами рублями серебром, а потому (и проч., как раньше). Февраля дня 1845 года. Жительство имею в С.-Петербурге».

5) Девица Юлия Гавриловна *Осокина*, чтобы не приезжать для этого в Казань (из Ярославля), уполномочила доверенностию действительного статского советника *Лобачевского* (известного математика). [...]

Раздельный акт *Осокиным* выдан 9 февраля 1848 года за № 4 под буквою Е.

Выписка Н. Я. Агафонова. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета, № 216, стр. 638—641.

542

Из «Отчета о сооружении памятника Державину, читанного секретарем Общества любителей отечественной словесности Суровцовым» об избрании Н. И. Лобачевского почетным членом Общества

1847

Чтоб сохранить навсегда в свежей памяти настоящее торжество, Общество любителей отечественной словесности положило в это число иметь свои публичные собрания; а в ознаменование искреннего уважения к заслугам и высокому просвещению, в полной уверенности на покровительство и содействие в трудах его, оно почло обязанностью поднести при этом торжестве звание почетных членов:

Его высокопреосвященству, Владимиру, архиепископу Казанскому и Свияжскому.

Их превосходительствам:

Господину попечителю Казанского учебного округа, Владимиру Порфирьевичу Молоствову.

Господину Казанскому военному губернатору Ираклию Абрамовичу Баратынскому.

Господину помощнику попечителя Николаю Ивановичу Лобачевскому.

Господам тайным советникам: Владимиру Ивановичу Панаеву и Александру Максимовичу Княжевичу.

Ученые Записки, издаваемые императорским Казанским университетом, 1847, кн. III, стр. 138—139; вся речь Г. С. Суровцова напечатана на стр. 129—139.

543

Сообщение о деятельности Н. И. Лобачевского, напечатанное в «Казанской истории» Николая Баженова

1847

Что касается до трудов ученых, с правами авторской славы, то по 1841 год они были следующие: [...] пр. чис. математики и ректор Лобачевский издал (1833) Алгебру и (1840) «Beitraege zu der Theorie der Parallellinien» [ч. II, стр. 105].

Кроме отдельных сочинений, труды ученых видны в разных периодических изданиях. Деятельная образованность известнейших ученых Н. И. Лобачевского, пр. астрономии Симонова и пр. зоолог. Эверсмана — высказалась разными статьями, напечатанными в Казанском Вестнике и Ученых Записках [ч. II, стр. 106].

Заметим, что выходящим из общего круга действием было — чтение в 1838, 1839 и 1840 годах публичных лекций. Тогда многочисленная публика стекалась слушать, исполненные красноречия и силы науки, лекции физики, читанные ректором дейст. стат. сов. Н. И. Лобачевским;

а профессора: Кляус читал химию и Иванов историю [ч. II, стр. 107—108].

Университет. [...]

С изобретением пособий, нынешний образ преподавания и занятия студентов под влиянием управляющего округом дейст. стат. сов. Николая Ивановича Лобачевского [1] Университет усовершенствовали по всем частям его [ч. III, стр. 106].

Любознательная деятельность не останавливалась — и преподаватели продолжали свои ученые путешествия. [...] В 1842 ректор и профессор Лобачевский отправлялся в Пензенскую губернию для исчислений затмения солнца [ч. III, стр. 112].

В других изданиях помещали [...]: Лобачевский, Эрдман и Аристов — в Журнале Министерства народного просвещения [ч. III, стр. 115].

«Казанская история. Николая Баженова», часть II, «По покорении Казани», Казань, 1847, стр. 105, 106, 107—108; часть III, «Казанская губерния», Казань, 1847, стр. 106, 112, 115.

544

Письмо Н. И. Лобачевского П. А. Плетневу
8 января 1848

Милостивый государь
Петр Александрович!

Вследствие отношения Вашего превосходительства 18 минувшего декабря, № 3117, имею честь препроводить у сего к Вам, милостивый государь, один экземпляр напечатанного от Казанского университета обозрения 17-тилетнего управления Казанским учебным округом М. Н. Мусиным-Пушкиным, состоящим ныне попечителем С.-Петербургского учебного округа.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности

Ваш покорнейший слуга

Н. Лобачевский

№ 65.
«8» Января 1848
Казань
Его прев-ву
П. А. Плетневу

Помета П. А. Плетнева: 25 янв[аря] 1848».
ПД, Ф. 234, оп. 3, № 383.

[1] Помощника попечителя округа.

545

Публикация в «Сенатских объявлениях» о наложении запрещения на недвижимые имения Н. И. Лобачевского и В. А. Лобачевской в связи с полученными ими денежными ссудами сроком на 26 лет

5 мая 1848. Петербург

Лобачевская, Варвара Алексеевна, супруга действительного статского советника.

По выданному 26-го ноября 1837 года за № 3 762 на имение ее г-жи Лобачевской свидетельству, считается под запрещением имение, состоящее Казанской губернии Спасского уезда во деревне Полянках ревизских мужеска пола 139 душ. По представлении же свидетельства к залогу, запрещение считается от Казанского Приказа обществен. призрения, за произведенную ей под все 139 душ 18-го марта 1848 года ссуду 9 000 руб. серебр., сроком на 26 лет.

(Дополнение запрещения)

Лобачевский, Николай Иванович, отставной действительный статский советник.

По выданному 26-го июля 1838 года за № 2 260 на имение его г-на Лобачевского свидетельству, считается под запрещением имение, состоящее Казанской губернии Чебоксарского уезда в деревне Беловолской ревизских мужеска пола 98 душ. По представлении же свидетельства к залогу, запрещение считается за произведенную из Казанского Приказа общественного призрения под все 98 душ 18-го марта 1848 года ссуду 6 860 руб. серебр. сроком на 26 лет.

(Дополнение запрещения)

Санктпетербургские Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения, 5-го мая 1848 года, № 36, стр. 889, статья 6515—6516. (От Казанского Губернского Правления 19-го апреля за № 2731. По сообщениям Казанского Приказа общественнного призрения.)

546

Из «Отчета о состоянии императорского Казанского университета в 1847—1848 академическом году» со сведениями о деятельности Н.И.Лобачевского в 1847—1848 учебном году

Около 6 июня 1848

Из всех университетских сумм доселе не находилась в заведывании Правления только одна сумма в 80 873 руб. сер. Ею распоряжался, независимо от Правления, *Строительный комитет*. Он был, с высочайшего соизволения, учрежден 17 ноября 1842 года, на тех же основаниях, на которых его величеством утвержден был, в 23 день мая 1833 года, прежний Строительный при нашем Университете комитет. Ему предстояло частию возвести новые здания, частию отстроить подвергшиеся губительному действию пожара, постигшего Казань 24 августа 1842 года. В течение

пятилетнего своего существования комитет отстроил: Астрономическую обсерваторию, Магнитную обсерваторию, каменный дом, в котором помещалась квартира ректора, западный корпус холодных служб, дом университетской типографии, торцовую мостовую, тротуары и колоннады в каменной ограде на главном университетском дворе, черную химическую лабораторию, флигель и службы при 2-й Казанской гимназии и проч. — Членами Комитета были: председатель, помощник попечителя Н. И. Лобачевский, инспектор казенных училищ Антропов, директор 2-й Казанской гимназии, орд. профессор Ковалевский, орд. профессор Котельников, университетский архитектор Коринфский и архитектор здешнего учебного округа Бессонов, а по утверждении его губернским архитектором в Казани, преемник его Гесс. Секретарем и бухгалтером Комитета был архивариус Университета Добромыслов; должность казначея комитетского исправлял коллежский ассессор Теласков; комиссионером был экзекутор Университета Рылов. — Исполнив все многосложные обязанности с желаемым успехом, Комитет 1 мая текущего 1848 года закрыл свои заседания. Г. председатель Строительного комитета действительный статский советник Н. И. Лобачевский, донося о том высшему начальству, счел долгом засвидетельствовать пред ним как о неутомимой деятельности членов Комитета, так и о примерном усердии, с которым прикомандированные к Комитету чиновники исполняли все возложенные на них поручения.

«Отчет о состоянии императорского Казанского университета в 1847—1848 академическом году, составленный по поручению Совета, и произнесенный на годичном торжественном собрании, бывшем 6 июня 1848 года, адъюнктом В. Сбоевым», Казань, 1848, в издании «Обозрение преподаваний в императорском Казанском университете на 1848—1849 академический год», Казань, 1848, прил., стр. 27.

547

Из письма К. Ф. Гаусса к И. М. Симонову

21 августа (2 сентября) 1848. Геттинген

Hrn. Stahtsrath Lobatschefsky bitte ich gelegentlich mich bestens zu empfehlen.

Перевод:

Г-ну статскому советнику Лобачевскому прошу при случае передать мое нижайшее почтение.

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета, № 4507, л. 260 об.

Факсимильное воспроизведение см. в издании: Я. С. Романов. Краткий очерк истории Научной библиотеки Татарской республики при Казанском Государственн. университете 1804—1839, Казань, 1940, между стр. 84—85.

548

Письмо Н. И. Лобачевского И. М. Симонову
28 января 1849

Милостивый государь
Иван Михайлович

Чистопольской купец 3-й гильдии Василий Федоров Лапшин желает взять на себя постройку торцовых мостов с торгов, назначенных в Университетском Правлении; но залога деньгами представить он не в состоянии. Просит моего удостоверения, что ему принадлежит строевой лес, которой достаточен для обеспечения, к тем деньгам в дополнение, какие остаются невыданными из Университетского Правления за произведенные уже им прежде работы.

Лапшину действительно принадлежат бревна, числом 170, длиной 4 сажен, толщиной в 6 и 7 вершков, ценой на 170 рублей; еще 30 бревен длиною 3 сажен, толщиной 8—10 вершков, ценой на 60 рублей; а всего на 230 рублей. Сказанный лес положен на дворе при доме моей жены и может служить обеспечением подряда. Желая, чтобы Лапшин своим соревнованием по торгам содействовал к понижению цены, я прошу покорнейше Ваше превосходительство допустить к торгам Лапшина, если мое ручательство будет признано к тому достаточным.

С совершенным почтением и преданностью честь имею быть
Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Николай Лобачевский

1849
Генваря 28.

Отдел редких книг Научной библиотеки Казанского университета; переплет с перепиской И. М. Симонова, л. 450.

549

Верющее письмо В. А. Лобачевской И. Е. Великопольскому
До 12 апреля 1849

Любезнейший брат
Иван Ермолаевич!

Благосклонность государя императора, попечительное содействие его величества ко введению способа, весьма полезного для сельской промышленности, и высокие милости, Вам оказанные, преисполнили сердце мое благодарностию и оживили его радостию, которая поистине была весьма велика по сочувствию в Вашем положении, хорошо мне известном.

Что касается до Вашего долга мне, четырех тысяч восьми сот семидесяти восьми рублей серебром, по заемному письму 23 марта 1844 года, то я как и прежде никогда Вас не понуждала к платежу, предполагая препятствием невозможность по обстоятельствам, так и теперь Вам объяснила, и прошу Вас, где следует, об этом отзыве моем заявить, что предоставляю Вам отсрочить уплату должных мне денег, как и когда по Вашим

А. К. Казем-бек. С литографии А. Мюнстера.
(Пушкинский Дом Академии Наук СССР)

обстоятельствам найдете нужным, без всякого ограничения с моей стороны, в той взаимной доверенности, которую мы постоянно друг другу доказывали и которая никогда не уменьшалась во мне к Вам, потому что я никогда не сомневалась ни в строгих правилах честности, ни в родственной Вашей ко мне привязанности. Душевно преданная Вам навсегда сестра Ваша.

Подписала Действительная Статская Советница Варвара Алексеева дочь по муже Лобачевская.

Его высокоблагородию
Ивану Ермолаевичу
Великопольскому.

На обороте письма жительство д. с. с. Варвары Алексеевны Лобачевской в Казани, муж ее д. с. с. Николай Иванович Лобачевский служит помощником попечителя Казанского учебного округа. Сверху письма рукою майора Великопольского написано: «из Казани получено в Москве 12-го апреля 1849».

Копия; писана на гербовой бумаге 1847 г. ценою в 30 коп. серебром.

Текст со слов: «Сверху письма» до конца копии писан рукою И. Е. Великопольского.

Геометрический кабинет им. Н. И. Лобачевского при Казанском Университете, № 33, из архива И. Е. Великопольского; ср. В. Ф. Каган. Лобачевский. М., 1944, стр. 244.

550

Из статей А. И. Артемьева «Прогулки по Казани. V. Университетский Физический кабинет» со сведениями об устроенных Н. И. Лобачевским колодцах для наблюдений над температурою почвы
20 июня 1849

Вместе с постройкою нового здания для Физического кабинета устроена и новая *Метеорологическая обсерватория*: это небольшая башенка, возвышающаяся на восточном конце кабинета, снабженная барометром, термометром, плювиометром и флюгером, показывающим направление ветра.

Кроме того, к Физическому кабинету принадлежат еще два колодца, устроенные для наблюдения над температурой почвы. В них помещены особые металлические термометры, изобретенные профессором (ныне помощником попечителя) Н. И. Лобачевским, дающие возможность производить с точностию наблюдения над температурою почвы в глубине одного метра и более.

Казанские Губернские Ведомости, часть неофициальная [20 июня 1849], № 25, стр. 252 (вся статья на стр. 249—253).

551

Из статьи профессора И. Н. Березина «Проводы профессора мурзы А. К. Казембека из Казани» в доме Н. И. Лобачевского
Конец сентября 1849

22 сентября члены Совета университета, по общему согласию, давали прощальный обед отъезжающему собрату в доме г. помощника попечителя

Н. И. Лобачевского. На этом обеде, кроме членов университетского Совета, присутствовали г. попечитель Казанского учебного округа В. П. Молоствов и помощник его. Не могло быть шумного веселья на этом пиру: Университет знал, какую утрату он переносит, но здесь царствовало отрадное согласие, здесь было общее всем чувство. Из распорядителей прощального обеда Н. А. Иванов и А. В. Попов взяли на себя обязанность выразить общее участие, и прощальные их приветствия гостю, в последний раз присутствовавшему в дружеском кругу, вызвали слезы на глаза всех собеседников, но больше всего плакал сам гость!

Через два дня (24 сентября) Александр Касимович отвечал прощальным обедом у себя и от чистого сердца в трогательных речах благодарил начальников и сослуживцев своих; рыдания не раз перерывали его слова, и каждая речь Александра Касимовича, дышавшая признательностью университету и воспоминаниями прошедшего, находили себе ответ, исполненный отрадного участия. Из членов словесного факультета бывший ученик Александра Касимовича, профессор турецкого языка Березин напутствовал своего любимого и глубокоуважаемого наставника прощальными стихами.

Профессор Иванов произнес затем: «Если отныне кто-нибудь из нас, омраченный страстию, нарушит общее согласие, скажем ему просто: Да будет тебе стыдно перед Казембеком!»

О. А. Баратынская. Александр Касимович Казембек. К его биографии, «Русский Архив», 1893, кн. III, стр. 545 (вся статья напечатана на стр. 209—226 и 537—555).

552

Отзыв Э. А. Кнорра о книге Н. И. Лобачевского «Геометрические разыскания о теории параллельных линий», изданной в Берлине в 1840 г.

1849

Bekanntlich war es Legendre der die Lehre von den Parallelen zunächst aus den Satz zu gründen suchte, dass die Summe der drey Winkel im ebenen geradlinigen Dreyecke gleich zwei rechten sey, und der sich bemühte diesen Satz unabhängig von der Theorie der Parallelen auf indirecten Wege zu beweisen. Wenn nun auch der erste Theil des Beweises, dass die Summe jener drey Winkel nicht grösser als zwey rechte sey, Legendre vollkommen gelang, so missrieth doch der zweyte Theil gänzlich, wie besonders Bunjakowsky in seiner ebenso gelehrten als scharfsinnigen Kritik der verschiedenen Parallelentheorien gezeigt hat. [1] Ohne Rücksicht auf Crelle's oben erwähnte Arbeit, blieb daher immer noch die Voraussetzung zulässig, dass jene Winkelsumme kleiner als zwey Rechte seyn könne. Letztere Voraussetzung ist mit vollkommener Consequenz von Lobatschewsky in seiner Schrift «Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien. Berlin 1840» bis zur Auflösung der Dreyecke durchgeführt worden, und es gehört

[1] Mémoires de l'Academie de St. Pétersbourg. VI série. Sciences mathématiques etc. Tome 6-ième. S. Pétersbourg. 1844, pag. 87—107.

in der That eine nicht gewöhnliche Freiheit des Geistes dazu, eine solche Untersuchung, bey welcher stets ein gewisses inneres Gefühl die Zulässigkeit der ursprünglichen Annahme zurückweist, so durchzuführen, wie diess von Lobatschewsky geschehen ist. Um so mehr muss ich bedauern nicht die Ansicht Lobatschewsky's theilen zu können, dass neben der euclidischen Geometrie noch eine andere, die von ihm sogenannte imaginäre Geometrie, möglich sey, denn meiner Ansicht nach zeigt seine Arbeit nur, dass auf dem von ihm betretenen Wege der Beweis dessen was zu beweisen gefordert wird, nicht erlangt werden kann, aber nicht dass es keinen anderen Weg gebe der zum Ziele führe. Ich finde in der Arbeit Lobatschewsky's nur eine neue Grundlage zur Unterstützung der Ansicht Crelle's, dass ohne einen schicklichen Uebergang von unbegrenzten zu begrenzten Räumen die Parallelen-Theorie nicht begründet werden kann (Mathem. Aufsätze, Bd. 2, pag. 3.) und dass die Ungleichartigkeit von begränzten Räumen, Parallel-Räumen und Winkel-Räumen hierbei berücksichtigt werden muss (ebendaselbst pag. 6—12).

Перевод:

Как известно, Лежандр первый [1] пытался обосновать учение о параллельных на теореме, что сумма углов прямоугольного треугольника равна двум прямым, и старался доказать это предложение косвенным образом без помощи теории параллельных. Если первая часть доказательства,— что сумма этих трех углов не может быть больше двух прямых,—удалась ему вполне, то во второй части он совершенно не имел успеха, как особенно показал Буняковский в своей столь же ученой, сколь и остроумной критике различных теорий параллельных. Поэтому оставалось еще допустимым предположение, что эта сумма углов может быть менее двух прямых. Последнее предположение с полною последовательностью проведено Лобачевским в сочинении «Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien», Berlin, 1840, вплоть до разрешения треугольников, и действительно нужна необыкновенная свобода духа, чтобы такое исследование, при котором всегда некоторое внутреннее чувство противится допустимости первоначального предположения, провести, как это сделал Лобачевский. Тем более должен я сожалеть, что не могу разделять взглядов Лобачевского, что рядом с Евклидовой геометрией возможна еще другая, так называемая им воображаемая геометрия, что, по моему мнению, его работа показывает только, что на избранном им пути нельзя получить доказательства того, что требуется, но не показывает, что нет никакого другого пути, который бы вел к цели. Я нахожу в работе Лобачевского только новое основание к подкреплению мнения Крелля, что без надлежащего перехода из безграничных к ограниченным пространствам нельзя обосновать теории параллельных (Mathem. Aufsätze, т. II, стр. 3) и что неодно-

---

[1] В действительности иез. Дж. Саккери: «Euclides ab omni naevo vindicatus». Milano, 1733. — *Прим. проф. Д. Синцова.*

родность ограниченных пространств, параллельных и условных пространств должна быть при этом принята во внимание (там же, стр. 6—12).

Versuch einer Darstellung der Elemente der Geometrie bis zum 29-sten Satze des 1-sten Buches der Elemente Euclids von Ernest Knorr, Kiew, 1849, SS. III—IV; ср. в книгах: проф. Д. М. Синцов. Н. И. Лобачевский. Новые начала геометрии с полной теорией параллельных. С приложением биографического очерка автора и примечаниями. Харьков, 1912 (Харьковская математическая библиотека, № 2—3), стр. XX—XXI и Д. М. Синцов. Николай Иванович Лобачевский, Харьков, 1941, стр. 18—19.

553

Отзыв Н. И. Лобачевского об А. М. Бутлерове (из предложения Совету Казанского университета от 7 июня 1850 г.)

7 июня 1850

Зная и сам г. Бутлерова с того времени, как он обучался в числе студентов нашего Университета, я нахожу совершенно справедливым желание Физико-математического факультета и ходатайство Совета присоединить г. Бутлерова к Университету, в надежде видеть в нем полезного преподавателя и достойного ученого. Мне остается пожелать, с моей стороны, чтобы г-ну Бутлерову доставлен был случай усовершенствовать себя за границею в знакомстве с знаменитыми учеными по части химии, если на то будет его согласие, а Совет Университета найдет к тому средства. [...] Впрочем, из представления Совета я не вижу определенного назначения, чтобы желание его могло быть исполнено с основательностью. С моей стороны, я не нахожу препятствия к тому, чтобы кандидат Бутлеров, по выдержании магистерского экзамена, получил вместе с тем право поступить в число адъюнктов Университета, которого звание без всякого сомнения Совет избранием своим удостоит молодого человека, в котором он признает столько похвальных качеств.

А. М. Зайцев. Александр Михайлович Бутлеров. Материалы к биографии его и очерк его экспериментальных работ, в сборнике «Торжественное публичное заседание Совета императорского Казанского университета, посвященное памяти его покойного почетного члена, академика А. М. Бутлерова, 5 февраля 1887 года», Казань, 1887, стр. 12—13; то же в статье академика В. Е. Тищенко «Александр Михайлович Бутлеров (биографический очерк)» в сборнике «А. М. Бутлеров. 1828—1928» (Очерки по истории знаний, V), АН СССР, Л., 1929, стр. 9—10; ср. стр. 16.

554

Официальное письмо Н. И. Лобачевского как и. д. президента Казанского экономического общества гр. С. С. Уварову с препровождением отчета общества за 1849 г.

31 июля 1850

Его сиятельству господину почетному члену Казанского экономического общества графу Сергию Семеновичу Уварову.

Совет императорского Казанского экономического общества имеет

честь препроводить при сем к Вашему сиятельству печатный экземпляр отчета общества за минувший 1849 год.

Исправляющий должность Президента
действительный статский советник *Лобачевский*
Секретарь Общества (подпись)

На бланке: «Императорское Казанское экономическое общество. Совет Общества в Казани. 31 июля 1850 года. № 248».

ГИМ, архивный фонд С. С. Уварова.

555

Из «Отчета о действиях императорского Казанского экономического общества в 1850 году» со сведениями о деятельности Н. И. Лобачевского
9 апреля 1851

VI

О семенах, полученных Обществом

Г. член Общества барон Фелькерзам доставил в Общество семена нового вида исполинского огурца (trichosanthus colubrinu), достигающего в Германии, по его уверению, длины более 6 футов, и просил Общество, сделав опыт с этими семенами, о последствиях его уведомить. Произведение этого опыта Общество предоставило г. члену своему Н. И. Лобачевскому, от которого получено уведомление, что по причине позднего получения им сказанных семян он нашел уже неудобным производить опыты прошедшим летом, а потому и отложил это любопытное исследование до будущего лета, с тем, чтобы воспользоваться первым для сего удобным временем и о результатах своих наблюдений сообщить Обществу [стр. 143].

VIII

О переменах в составе Общества

В минувшем 1850 году, по случаю высочайше дозволенного отпуска за границу г. президенту Общества, Казанскому военному губернатору, свиты его императорского величества генерал-майору И. А. Боратынскому, с марта месяца исправлял должность президента г. помощник попечителя Казанского учебного округа, действительный статский советник Н. И. Лобачевский [стр. 149].

Казанские Губернские Ведомости [9 апреля 1851], № 15, часть неофициальная, отд. I, стр. 148 и 149.

Подробнее см. в брошюре И. А. Износкова «О деятельности Н. И. Лобачевского в Казанском экономическом обществе», Казань, 1894, стр. 2.

556

Из «Отчета о действиях императорского Казанского экономического общества в 1850 году» со сведениями о деятельности Н. И. Лобачевского
16 апреля 1851

XI

О сумме Общества

Количество денег, поступивших от членов Общества [. . .]:

От его прев[осходительства] Н. И. Лобачевского за 1849 и 1850 гг. 14 р. сер. —

[. . . . .]

Подписали: Президент Общества, свиты его императорского величества генерал-майор *Боратынский*, председатель IV Отделения действительный статский советник *Лобачевский*.

Скрепил: Секретарь Общества титулярный советник *Олферьев* [стр. 156].

Список

членам императорского Казанского экономического общества к 1-му января 1851 года:

Президент:

Свиты его императорского величества генерал-майор Ираклий Абрамович Боратынский.

Председатели Отделений:

I. Генерал-майор Николай Дмитриевич Булыгин.
II. (Выбыл).
III. Штабс-капитан Павел Иванович Еремеев.
IV. Действительный статский советник Николай Иванович Лобачевский (он же управляет II Отделением).
V. (Умер).

Секретарь

Титулярный советник Николай Иванович Олферьев (он же управляет казначейскою частию Общества) [стр. 157].

Казанские Губернские Ведомости [16 апреля 1851], № 16, часть неофициальная, отд. I, стр. 156 и 157.

557

Предписание попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова помощнику попечителя Н. И. Лобачевскому о назначении его управляющим Казанским учебным округом на время своей болезни
19 апреля 1851

Господину действительному статскому советнику Лобачевскому

Чувствуя особенное расстройство своего здоровья, препятствующее мне заниматься делами, я покорнейше прошу Ваше превосходительство всту-

пить ныне в управление вверенным мне округом впредь до моего выздоровления.

Попечитель Казанского учебного округа
генерал-майор *Молоствов.*
Правитель канцелярии *И. Цепелев.*

На бланке: «Министерство народного просвещения. Казанский учебный округ. В Казани. 19 апреля 1851 года, № 1686, От попечителя».
Помета Н. И. Лобачевского: «Пол[учено] 19 апр[еля] 1851».
Резолюция его же рукою: «К сведению».
ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1851, № 149, л. 2.

558

Отношение попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова министру народного просвещения кн. П. А. Ширинскому-Шихматову о назначении Н. И. Лобачевского управляющим Казанским учебным округом на время своей болезни
19 апреля 1851

Г. министру нар[одного] пр[освещения]

Подвергшись ныне особенному расстройству своего здоровья, препятствующему мне заниматься служебными делами, я сдал сегодня управление округом, впредь до моего выздоровления, помощнику моему, г. действ. ст. сов. Лобачевскому.

Долгом считаю довести о том до сведения Вашего сият[ельства].

Отпуск с датой: «№ 1687, 19 апр[еля] 1851. Казань. О сдаче должности».
ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, № 149, л. 1.

559

Представление попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова министру народного просвещения кн. П. А. Ширинскому-Шихматову об исходатайствовании Н. И. Лобачевскому квартирных денег
19 апреля 1851

Г[осподину] министру нар[одного] пр[освещения].

Помощник мой действительный статский советник *Лобачевский* с высочайшим назначением его в 1846 году в настоящую должность получает содержание, не считая пенсии, только 800 рублей сер[ебром] в год, в виде столовых денег, лишившись таким образом из производившихся ему прежде окладов по званию профессора и ректора Университета более 600 руб. сер. в год и сверх того казенного помещения.

С таким ограничением средств содержания положение г. Лобачевского, при увеличении его семейства и расстройства дел по имению, в настоящее время весьма стеснительно. Потому, обращая внимание на тягостное положение этого отлично усердного и с особенною пользою столь долговременно служащего чиновника, я имею честь покорнейше просить

благосклонного к нему внимания Вашего сият[ельства] исходатайствованием ему, для облегчения способов содержания, по крайней мере квартирных денег по 600 руб. сер. в год из государственного казначейства.

Отпуск с датой: «19 апреля 1851, № 1651. О квартирных деньгах действ. ст. сов. Лобачевскому».

ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1851 г. № 148, л. 1.

560

Отношение попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова министру народного просвещения кн. П. А. Ширинскому-Шихматову о вступлении своем в управление округом

12 мая 1851

Г. министру н[ародного] п[росвещения]

Получив некоторое от болезни облегчение, я вступил ныне в управление вверенным мне округом.

Долгом считаю довести о том до сведения Вашего с[иятельст]ва в дополнение к донесению 19 минув[шего] апреля.

Отпуск с пометой: «№ 2126. О вступлении в должность».

ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1851 г., № 149, лл. 1—1 об.

561

Предписание попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова помощнику попечителя Н. И. Лобачевскому о своем выздоровлении и вступлении в управление округом

12 мая 1851

Господину действительному статскому советнику Лобачевскому

Получив некоторое от болезни облегчение, я вступил ныне в управление высочайше вверенным мне округом.

Имею честь уведомить о том Ваше превосходительство.

Попечитель Казанского

Учебного округа *Молоствов*.

На бланке: «Министерство народного просвещения. Казанский учебный округ. О вступлении в должность. В Казани 12 мая 1851 года, № 2125. От попечителя».

Помета Н. И. Лобачевского: «Пол[учено] 12 мая 1851».

Резолюция его же рукою: «Внести в послужной список».

Помета: «Исполнено».

ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1851 г., № 149, л. 3.

562

Отношение министра народного просвещения кн. П. А. Ширинского-Шихматова попечителю Казанского учебного округа В. П. Молоствову с отказом в ходатайстве о назначении Н.И. Лобачевскому квартирных денег
30 мая 1851. Петербург

Господину попечителю Казанского учебного округа

Вследствие представления Вашего превосходительства от 19-го минувшего апреля о назначении помощнику Вашему квартирных денег по 600 руб. сереб. в год из государственного казначейства, имею честь уведомить Вас, милостивый государь, что при всем моем желании удовлетворить такому ходатайству, я не нахожу возможности испрашивать действительному статскому советнику Лобачевскому квартирных денег, за неоднократно последовавшими высочайшими повелениями, воспрещающими обременять государственное казначейство новыми расходами.

Министр народного просвещения *кн. Ширинский-Шихматов.*

Директор *П. Гаевский.*

На бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент. Отделение 2. Стол 1. 30 мая 1851 года, № 5535. Ответ на № 1651».

Пометы: «№ 2598, 1048»; «Июля 12»; «19 апреля 1851».

Резолюция карандашом: «К сведению».

ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1851 г., № 148, л. 2.

563

Сообщение в печати об участии Н. И. Лобачевского в публичном диспуте в Казанском университете адъюнкт-профессора А. С. Савельева на соискание ученой степени доктора физики
12 марта 1852

Публичный диспут

16-го марта в одной из университетских аудиторий, в присутствии их превосходительств г-на помощника попечителя Казанского учебного округа Н. И. Лобачевского и г-на ректора Университета И. М. Симонова и университетского сословия, происходил диспут адъюнкт-профессора физики, магистра математических наук А. С. Савельева, ищущего степени доктора физики и химии. Темою для диссертации послужили исследования г-на адъюнкта-профессора «о гальванической проводимости жидкостей» [стр. 99].

Оппонентами со стороны физико-математического факультета были гг. орд. профессор математики П. И. Котельников и адъюнкт-профессор астрономии М. А. Ковальский. [...] Несмотря на специальность предмета, избранного докторантом для диссертации, живость и общепонятность возражений не ослабевали ни на минуту; с особенным вниманием следили за развитием диспута их превосходительства Н. И. Лобачевский и И. М. Симонов, которые еще недавно принадлежали физико-математиче-

скому факультету здешнего Университета как профессоры математики и астрономии; г-н помощник попечителя изволил принимать и участие в некоторых возражениях [стр. 100].

Казанские Губернские Ведомости, часть неофициальная, понедельник 24 марта 1852, № 13, стр. 99—100.

564

Метрическое свидетельство о рождении у Н. И. Лобачевского 7 июля 1852 г. сына Алексея Лобачевского

11 июля 1852

Свидетельство

Дано сие священно-церковнослужителями Казанской Богоявленской церкви действительному статскому советнику и кавалеру Николаю Ивановичу Лобачевскому в том, что у него сего тысяча восемьсот пятьдесят второго года, июля 7-го числа от законной его супруги Варвары Алексеевны родился сын Алексей, который того же июля 9-го числа крещен. Воспреемниками ему были: гвардии подпоручик Петр Гаврилович Осокин и генерал-лейтенантша Фавста Ермолаевна Нератова, что и утверждаем подписом и церковною печатию. Июля 11-го дня 1852 года. Священник Казанской Богоявленской церкви Николай [подпись]. Диакон Петр Иванов. Дьячек Иван Канцеров, пономарь Николай Скальницкий.

Архив АН, Разряд IV, оп. 1, № 643, из архива семьи Лобачевских. Копия.

565

Сообщение о награждении Н. И. Лобачевского публичной похвалою за участие в качестве экспонента на губернской выставке сельских произведений и мануфактурных изделий в Казани в 1852 г.

22 сентября 1852

Губернская выставка сельских произведений и мануфактурных изделий в Казани в нынешнем году.

Список лиц,

удостоенных наград, по присуждению Комитета выставки и экспертов *(окончание)*: [...]

Публичной похвалою. [...]

88) Николай Иванович Лобачевский, помещик Казанской губернии, за представленную шерсть и улий.

Казанские Губернские Ведомости, часть неофициальная, понедельник 22 сентября 1852, № 39, стр. 448.

566

Из «Отчета о состоянии императорского Казанского университета в 1851—1852 академическом году» о представлении 13 сентября 1852 г. Н. И. Лобачевского министру народного просвещения кн. П. А. Ширинскому-Шихматову в Казани

Около 5 октября 1852

Его сиятельство господин министр народного просвещения [кн. П. А. Ширинский-Шихматов] изволил прибыть в Казань в ночь с 12-го на 13-е сентября. Немедленно по прибытии его сиятельства имели честь представиться ему гг. попечитель Казанского учебного округа [В. П. Молоствов], помощник его [Н. И. Лобачевский] и ректор Университета [И. М. Симонов] и вручить рапорты о благосостоянии Казанского учебного округа и Казанского университета.

Отчет о состоянии императорского Казанского университета в 1851—1852 академическом году, составленный и произнесенный в торжественном собрании 5 октября 1852 года адъюнктом Н. Буличем, Казань, 1852, стр. 4.

567

Сообщение в печати об участии Н. И. Лобачевского на публичном диспуте в Казанском университете кандидата И. А. Больцани, защищавшего диссертацию на степень магистра математических наук

20 апреля 1853

В воскресенье 12 апреля, в одной из университетских зал, происходил публичный диспут: учитель 1-й Казанской гимназии кандидат Больцани защищал написанное им на степень магистра математических наук рассуждение: «Математические исследования о распределении гальванических токов в телах данного вида», сопровождавшееся восьмью положениями, из коих пять последних касались чистой математики. Официальными оппонентами были гг. профессоры Физико-математического факультета А. Ф. Попов и А. С. Савельев; в диспуте изволил принимать участие его превосходительство г-н помощник попечителя Казанского учебного округа Н. И. Лобачевский.

Казанские Губернские Ведомости, часть неофициальная, понедельник 20 апреля 1853, № 17, стр. 133.

568

Письмо Н. И. Лобачевского И. М. Симонову

18 мая 1853

Милостивый государь
Иван Михайлович!

Имею честь Вас уведомить, что книга, взятая мною в прошедшем 1852-м году Отечественные Записки 1843-го года том 1-й, принадлежащая библиотеке Казанского университета, мною утрачена, и я по желанию Вашему представить ее в библиотеку по сказанной причине не могу.

Примите уверения в истинном моем к Вам почтении и преданности

Ваш покорнейший слуга
Н. Лобачевский.

1853.
Мая 18.

Отдел редких книг Научной библиотеки Казанского университета; переплет с перепиской И. М. Симонова, л. 486.

569

Из «Отчета о состоянии императорского Казанского университета в 1852—1853 академическом году» о деятельности Н. И. Лобачевского в 1852—1853 учебном году

Около 8 июня 1853

II. Административно-учебный и личный состав Университета и изменения в последнем. [...]

Всемилостивейше *награждены орденами*: господин помощник попечителя Казанского учебного округа действительный статский советник *Лобачевский* пожалован кавалером ордена св. Анны 1-й степени [стр. 25].

Награждены знаками отличия беспорочной службы: XL лет г. помощник попечителя Казанского учебного округа действительный статский советник *Лобачевский* [стр. 25].

III. Деятельность отдельных установлений, входящих в состав Университета. [...]

С разрешения г. попечителя Казанского учебного округа, Совет входил в рассуждение о праздновании предстоящего 50-летнего юбилея нашего Университета и, положив мнением — нарядить Комиссию, с определенным кругом действий, из гг. деканов факультетов с присовокуплением к ним по одному члену от каждого факультета, под председательством старшего из бывших воспитанников Казанского университета, его превосходительства г. помощника попечителя Казанского учебного округа, заслуженного профессора Н. И. *Лобачевского*, представил предположения свои по сему предмету на благоусмотрение его превосходительства г. попечителя [стр. 27—28].

Физико-математический факультет 1) рассмотрел и одобрил к напечатанию в Ученых Записках статьи: г. заслуженного профессора Лобачевского «О значении некоторых определенных интегралов» [стр. 28—29].

Отчет о состоянии императорского Казанского университета в 1852—1853 академическом году, составленный и произнесенный в торжественном собрании Университета, бывшем 8-го июня 1853 года, экстраординарным профессором, доктором юридических наук Семеном Пахманом, Казань, 1853, стр. 25, 27—28 и 28—29.

570

Сообщение о чтениях магистром М. И. Мельниковым лекций в Казанском университете в 1853—1854 учебном году на основании сочинений Н. И. Лобачевского

Около 8 июня 1853

Физико-математический факультет.

1. Предметы главные.

А. Разряд математических наук.

1. Чистая математика. [...]

Михаил Мельников, магистр математических наук, адъюнкт чистой математики, будет преподавать: а) в 1 курсе математического и естественного разрядов — алгебраический анализ, пользуясь сочинениями Коши, Лобачевского и Остроградского, 1 час в неделю. [...]

Обозрение преподаваний в императорском Казанском университете на 1853—1854 учебный год, Казань, 1853, стр. 15.

571

Из «Краткого исторического обзора действий императорского Казанского экономического общества, со времени его основания до 1853 года. Секретаря Общества Н. И. Олферьева. Статья I» со сведениями о деятельности Н. И. Лобачевского

Январь 1854

Проект этот [устава Общества] был предметом рассуждения 1-го собрания предполагаемого в Казани экономического общества, бывшего 18 января 1839 года под председательством его превосходительства г. Казанского военного губернатора Степана Степановича Стрекалова; кроме того, учредители Общества, в намерении ускорить совершение столь важного по своим последствиям для целого местного края события и потом немедленно, по утверждении устава, приступить к самым действиям Общества, применяясь к рассматриваемому ими проекту устава, в этом же заседании, избрали единогласно:

а) *Президентом Общества* — генерал-адъютанта *Степана Степановича Стрекалова.*

b) *Председателей отделений*:

I. Генерал-майора *барона Альберта Карловича Пирх*[*а*].

II. Действительного статского советника *Михаила Николаевича Мусина-Пушкина.*

III. Казанского губернского предводителя дворянства *Павла Ивановича Еремеева.*

IV. Ректора Казанского университета *Николая Ивановича Лобачевского.*

V. Действительного статского советника *Карла Федоровича Фукс*[*а*].

c) *Секретарем общества* — титулярного советника *Якова Ивановича Дорогова.*

d) *Казначеем*: титулярного советника *Петра Ивановича Машкина.*

Записки императорского Казанского экономического общества, год первый, ч. 1, кн. 1, январь 1854, Казань, 1854, отд. I, стр. 3—4.

572

Из «Краткого исторического обзора действий императорского Казанского экономического общества, со времени его основания до 1853 года. Секретаря Общества Н. И. Олферьева. Статья II (Окончание)» со сведениями о деятельности Н. И. Лобачевского

Февраль 1854

В 1844 году [...] г. председатель IV Отделения Совета действительный статский советник Н. И. Лобачевский обращал внимание Общества на устроенную им в имении его водяную мельницу с новым механизмом и с новым ковом камней, находя в этом устройстве выгоды как в сбережении силы, так и в достижении лучшего помола [стр. 14].

В 1850 году [...], по случаю высочайше дозволенного отпуска за границу г. президенту Общества Казанскому военному губернатору И. А. Боратынскому, исправлял, в продолжение 10 месяцев, должность президента г. председатель IV отделения Общества действительный статский советник Н. И. Лобачевский [стр. 17—18].

Записки императорского Казанского экономического общества, год первый, ч. 1, кн. 2, февраль 1854, Казань, 1854, Отд. I, стр. 14 и 17—18.

573

Из «Отчета о действиях императорского Казанского экономического общества в 1853 году, представленного его сиятельству господину министру государственного имущества графу Павлу Дмитриевичу Киселеву секретарем Общества Н. И. Олферьевым» со сведениями о Н. И. Лобачевском

Апрель 1854

VII. Имянная Ведомость о числе действительных почетных членов и членов-комиссионеров Общества.

Должностные лица:

Президент генерал-лейтенант Ираклий Абрамович Баратынский.

Председатели:

Отделение 1. Генерал-майор Николай Дмитриевич Булыгин.

2. (Вакансия).

3. Штабс-капитан Павел Иванович Еремеев.

4. Действительный статский советник Николай Иванович Лобачевский.

5. (Вакансия).

Секретарь коллежский ассесор Николай Иванович Олферьев; он же заведует и казначейскою частию. Заведывающий Депо: ординарный профессор Модест Яковлевич Киттары.

Записки императорского Казанского экономического общества, год первый, ч. 1, кн. 4, апрель 1854, Казань, 1854, Отд. I, стр. 48—49.

574

Сообщение о чтениях магистром И. А. Больцани лекций в Казанском университете в 1854—1855 учебном году на основании сочинений Н. И. Лобачевского

Май—июнь 1854

Физико-математический факультет.

1. Предметы главные.

А. Разряд математических наук.

1. *Чистая математика.* [...]

Иосиф Больцани, магистр математических наук, адъюнкт чистой математики, будет читать: а) в 1 курсе — алгебраический анализ, пользуясь сочинениями Коши, Лобачевского, Остроградского и других 1 час в неделю [...].

Обозрение преподаваний в императорском Казанском университете, на 1854—1855 учебный год, Казань, 1854, стр. 13—14.

575

Из «Отчета императорского Казанского университета за 1853—1854 академический год» о деятельности Н. И. Лобачевского в 1853—1854 учебном году

Май—июнь 1854

В течение настоящего академического года были членами упраздненной уже в настоящее время Комиссии для составления истории Казанского университета: ординарные профессоры Иванов, Протопопов, Котельников, Ковалевский и Киттары, адъюнкты Булич и Дмитриевский, под председательством помощника попечителя Казанского учебного округа, действительного статского советника Лобачевского. Секретарем означенной Комиссии был синдик Университета Олферьев.

Отчет императорского Казанского университета за 1853—1854 академический год, составленный секретарем Совета Университета Владимиром Оковым, Казань, 1854, стр. 15—16.

576

Сведения о чтениях магистром И. А. Больцани лекций в Казанском университете в 1854—1855 учебном году по сочинениям Н. И. Лобачевского

Май—июнь 1854

Физико-математический факультет.

1. Предметы главные.

А. Разряд математических наук.

1. *Чистая математика.* [...]

Иосиф Больцани, магистр математических наук, адъюнкт чистой математики, будет читать: а) в 1 курсе — алгебраический анализ, пользуясь сочинениями Коши, Лобачевского, Остроградского и других, 1 час в неделю.

«Обозрение преподаваний в императорском Казанском университете» за 1854—1855 учебный год». Казань, 1854 в издании «Отчет императорского Казанского университета за 1853—1854 академический год, составленный секретарем Совета Университета Владимиром Оковым», Казань, 1854, прил., стр. 13—14.

577

Публикация в «Сенатских объявлениях» о наложении запрещения на недвижимые имения Н. И. Лобачевского и В. А. Лобачевской в связи с выданными им новыми денежными ссудами

14 июля 1854. Петербург

Лобачевская, Варвара Алексеевна, супруга действительного статского советника

По выданному 16-го июня 1854 года за № 24 на имение ее г-жи Лобачевской свидетельству, запрещается имение, состоящее Казанской губернии, Спасского уезда, в деревне Полянках, ревизских мужеска пола сто шестьдесят девять душ, с принадлежащею к ним землею.

Лобачевский, Николай Иванович, действительный статский советник, помощник попечителя Казанского учебного округа.

По выданному 14-го июня 1854 года за № 22 на имение его г-на Лобачевского свидетельству, запрещается имение, состоящее Казанской губернии, Чебоксарского уезда, в деревне Беловолской Слободке, ревизских мужеска пола сто душ, с принадлежащею к ним землею.

Санктпетербургские Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения, 14 июля 1854, № 56, стр. 2180, статьи 13591 и 13592 (от Казанского губернского правления 28 июня за № 4932. По сообщениям Казанской Палаты гражданского суда).

578

Дополнительная публикация в «Сенатских объявлениях» о наложении запрещения на недвижимые имения Н. И. Лобачевского и В. А. Лобачевской в связи с выданными им новыми денежными ссудами

4 сентября 1854. Петербург

Лобачевский, Николай Иванович, действительный статский советник, помощник попечителя Казанского учебного округа.

По выданному 14-го июня 1854 года за № 22 на имение его г-на Лобачевского свидетельству, считается под запрещением имение, состоящее Казанской губернии, Чебоксарского уезда, в деревне Беловолской Слободке, ревизских мужеска пола сто душ, с принадлежащею к ним землею. По представлении же свидетельства к залогу запрещение считается на все сто душ, от Казанского Приказа общественного призрения за выдачу 5-го июля 1854 года, ему г-ну Лобачевскому в заем денег восьми тысяч рублей серебром, сроком на 26-ть лет.

(Дополнение запрещения)

Лобачевская, Варвара Алексеевна, супруга действительного статского советника.

По выданному 16-го июня 1854 года за № 24 на имение ее г-жи Лобачевской свидетельству считается под запрещением имение, состоящее Казанской губернии, Спасского уезда, в деревне Полянках, ревизских мужеска пола сто шестьдесят девять душ. По представлении же свидетельства к залогу запрещение считается на все сто шестьдесят девять душ от Казанского Приказа общественного призрения за выдачу 5-го июля 1854 года ей г-же Лобачевской в заем денег тринадцати тысяч пятисот двадцати рублей серебром, сроком на 26 лет.

(Дополнение запрещения)

Санктпетербургские Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения, 4 сентября 1854, № 71, стр. 2831, статьи 17844 и 17845 (От Казанского губернского правления 19-го августа за № 6523 и 6525. По отношению Казанского Приказа общественного призрения).

579

«Извлечение из протоколов [Казанского экономического] общества. Заседание 2 октября 1854 года» о деятельности Н. И. Лобачевского

Ноябрь 1854

По собрании гг. наличных членов Общества, секретарем было доложено, что г. президент Общества, при искреннем сожалении о невозможности участвовать в нынешнем заседании, поручает занять его место старшему члену, председателю IV Отделения, действительному статскому советнику Николаю Ивановичу Лобачевскому, под председательством которого и было *слушано* [стр. 15]:

12) Доклад секретаря Общества [М. Я. Киттары]: «Желание доставить Обществу деятельных и полезных членов, побуждает меня просить Общество об избрании г. советника Вятского губернского правления М. Е. Салтыкова [...] в члены-корреспонденты [...]». По выслушании сего доклада гг. М. Е. Салтыков [и др.] избраны единогласно в члены-корреспонденты Общества [...], на каковые звания и *постановлено:* выдать им дипломы, с приложением устава Общества [стр. 21].

19) В заседании сем г. действительным членом Общества, помощником попечителя Казанского учебного округа Николаем Ивановичем Лобачевским заявлено о состоявшемся распоряжении правительства ввести в губернских гимназиях преподавание сельского хозяйства. Вполне понимая благодетельную меру заботливого правительства и желая по мере сил своих содействовать успеху в выполнении этой меры, Общество постановило довести до сведения его превосходительства г. попечителя Казанского учебного округа о полной своей готовности открыть преподавателям сельского хозяйства и их ученикам в Казанских гимназиях доступ к своим музеумам и библиотеке, присовокупив при этом, что для гимназий прочих губерний учебного округа оно готово, в случае согласия его превосходительства, составить безмездно коллекции орудий, семян, колосьев и прочих предметов сельского хозяйства, столь необходимых для успешного преподавания [стр. 26—27].

Записки императорского Казанского экономического общества, год первый, ч. 3, кн. 11, ноябрь 1854, Казань, 1854, отд. I, стр. 15, 21 и 26—27; протокол полностью опубликован на стр. 15—27.

Ср. И. А. Износков. О деятельности Н. И. Лобачевского в Казанском экономическом обществе, Казань, 1894, стр. 8—9.

580

«Извлечение из протоколов [Казанского экономического] общества. Заседание 13 ноября 1854 года» о письме Н. И. Лобачевского к С. В. Степанову с извещением об избрании его членом общества

Декабрь 1854

Слушано:

12) Отношение члена сотрудника С. В. Степанова следующего содержания: 14 октября я имел честь получить от г. председателя IV Отделения, его превосходительства Николая Ивановича Лобачевского, извещение об избрании меня Обществом в члены-сотрудники, и на таковое лестное для меня звание в то же время получил и диплом. Спешу изъявить Обществу мою искреннюю благодарность за сделанную мне честь. С тем вместе присовокупляю, что с этого времени я первейшею своею обязанностию поставляю быть полезным Обществу по мере сил своих.

Записки императорского Казанского экономического общества, год первый, ч. 3, кн. 12, декабрь 1854, Казань, 1854, отд. I, стр. 41.

581

Из «Отчета императорского Казанского экономического общества за 1854 год, читанного в годичном собрании секретарем Общества профессором М. Киттары» со сведениями о Н. И. Лобачевском

Январь 1855

Список

гг. членов императорского Казанского экономического общества к 1-му января 1855 года

Должностные лица:

Президент генерал-лейтенант Ираклий Абрамович Баратынский . . . (с 1847 года).

Председатели:

Отделение 1. (Вакансия).

2. (Вакансия).

3. Штабс-капитан Павел Иванович Еремеев (с 1840 года).

4. Действительный статский советник Николай Иванович Лобачевский . . . . (с 1840 года).

5. (Вакансия).

Секретарь ординарный профессор Казанского университета Модест Яковлевич Киттары . . . . (с 1854 года).

Редактор журнала. Он же.

Заведывающий Депо. Он же.

Казначей. Коммерции советник Онисим Кириллович Месетников.

Смотритель Депо губернский секретарь Василий Владимирович Аникиев.

Записки императорского Казанского экономического общества, год второй, ч. 1, кн. 1, январь 1855, отд. I, стр. 22—23.

582

Представление попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова министру народного просвещения А. С. Норову с ходатайством об увеличении жалованья Н. И. Лобачевскому

3 февраля 1855

Господину министру народного просвещения.

Помощник попечителя Казанского учебного округа, действительный статский советник Лобачевский, с самого назначения в эту должность (14 августа 1846 г.), в течение восьми слишком лет, не получает по оной особого жалованья, кроме пожалованных ему тогда столовых денег 800 руб. сер. в год, оставаясь при заслуженной им, по званию профессора, полной пенсии и $^3/_5$ долей оной, всего — 1829 рублей 87 коп.

Действительный статский советник Лобачевский, прослужив в учебном ведомстве и, собственно, по Казанскому университету с 1814 года,

в разных высших должностях, всего 40 лет, неутомимым усердием и учеными трудами своими на пользу просвещения, был почти единственным деятелем по всем частям как ученого и учебного, так в звании ректора и управляя временно округом и административного управления. Он приобрел сверх того известность как ученый изданием в свет многих трудов своих и своими правилами заслужил от всех сословий в Казани полное к себе доверие и особое уважение.

Многочисленное семейство, заключающееся в малолетних детях, требующих приличного воспитания, и одного сына, который только еще в начале нынешнего года поступил в военную его императорского величества службу и уже около года находится в походе, при малом состоянии и расстроившихся хозяйственных делах, — все это, при слабом здоровии и преклонных летах, заставляет его желать о назначении ему в пособие оклада. Такое пособие он принял бы с особою благодарностию, как награду попечительного правительства за 40-летнюю службу.

Принимая во внимание отлично-усердную службу его в течение 40 лет, из коих в продолжение слишком 8-ми последних он не получал никакого оклада кроме 800 руб. столовых, я полагаю для себя приятною обязанностию ходатайствовать пред Вашим превосходительством о назначении действительному статскому советнику Лобачевскому жалованья 1100 руб. сер. и квартирных 600 руб. сер., так как он не пользуется казенною квартирою, а всего 1700 руб. сереб. в год.

Имею честь присовокупить, что Казанский учебный округ имеет собственные средства к произведению г. Лобачевскому такового оклада, который может быть обращен на счет экономических сумм учебных заведений, которые дозволяют производить такой расход весьма свободно.

П[опечитель] К[азанского] у[чебного] о[круга]

Отпуск с датой: «3 февраля 1855 года № 295. О назначении помощнику попечителя К. У. О. Лобачевскому жалованья и квартирных денег. Отд. II Ст. I».

ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1855 г., № 38, лл. 1—2.

583

Предписание министра народного просвещения А. С. Норова попечителю Казанского учебного округа В. П. Молоствову с отказом в ходатайстве об увеличении Н. И. Лобачевскому жалованья

2 марта 1855

Господину попечителю Казанского учебного округа

На представление Вашего превосходительства от 3-го минувшего февраля о назначении помощнику Вашему, действительному статскому советнику Лобачевскому жалованья по 1 100 руб. и квартирных денег по 600 руб. сер. в год, считаю нужным уведомить Вас, милостивый государь, что при всем моем внимании к заслугам и семейному положению его, я при настоящих обстоятельствах не нахожу никакой возможности хода-

тайствовать об увеличении содержания его, за силою высочайших повелений, коими воспрещается делать представления о новых расходах и вменяется в обязанность заботиться о сокращении оных.

Министр народного просвещения *А. Норов.*
Вице-директор *Кисловский.*

На полях рукою Лобачевского: «Читал. Н. Лобачевский».
Пометы: «№ 850/332»; 14 марта».
На бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент. Отделение II. Стол 1. 2 марта 1855 года, № 1640 на № 295».
ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1855 г., № 38, л. 3.

584

Отношение Московского университета на имя Н. И. Лобачевского об избрании его почетным членом Московского университета.
25 апреля 1855. Москва

Господину помощнику попечителя Казанского учебного округа, заслуженному профессору, действительному статскому советнику Николаю Ивановичу Лобачевскому.

Императорский Московский университет, в уважение государственных и ученых заслуг Вашего превосходительства, избрал Вас своим почетным членом, с полною уверенностию в содействии Вашем всему, что к успехам наук и благосостоянию Университета способствовать может.

Препровождая при сем диплом на это звание, а также серебряную медаль, выбитую в память столетнего юбилея, и по одному экземпляру изданных к тому времени сочинений, Совет Университета имеет честь покорнейше просить Ваше превосходительство, о получении их не оставить уведомлением.

Ректор *Альфонский*
Секретарь Совета [*подпись неразборчива*].

ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1855 г., № 142, л. 1.
Об избрании Лобачевского почетным членом Московского университета см.: Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIII, СПб., 1899, стр. 345; одновременно с Лобачевским были избраны: гр. Л. А. Перовский, С. П. Шипов, П. А. Плетнев, И. М. Симонов и др.; ср. К, 2, стр. 50. 26 марта 1926 г. А.В. Васильев читал в Москве в Математическом обществе доклад на тему «Лобачевский и Московский университет», но он не был опубликован («Празднование Казанским университетом столетия открытия неэвклидовой геометрии Н. И. Лобачевским», Казань, 1927, стр. 11).

585

«Извлечение из протоколов [Казанского экономического] общества. Заседание 5 марта 1855 года» со сведениями о Н. И. Лобачевском
Апрель 1855

33) Заслушана просьба механика Шаберта [о его желании поступить на службу механиком в Казанское экономическое общество].

По прочтении сей просьбы г. секретарем доложено, что она была передана Советом Общества на предварительное рассмотрение IV Отделения и что ныне г. председателем этого отделения действительным статским советником Лобачевским дан отзыв, что Отделение, зная г. Шаберта за искусного и опытного механика, находит предложение его весьма полезным, а для Общества выгодным. По обсуждении дела Общество *постановило:* вполне сознавая нужды края в земледельческих машинах и все неудобства и дороговизну выписки их из Москвы, Общество весьма бы желало открыть механическое заведение в Казани, но не имея свободных денежных сумм позволяет себе обратиться к содействию Департамента сельского хозяйства, постоянно заботящегося о развитии заведений для приготовления земледельческих орудий.

Записки императорского Казанского экономического общества, год вторый, ч. 1, кн. 4, апрель 1855, Казань 1855, отд. I, стр. 54—56.

586

Официальное письмо Н. И. Лобачевского в Совет Московского университета с выражением благодарности за избрание почетным членом Университета

30 мая 1855

В Совет императорского Московского университета

При отношении Совета Московского университета 25-го прошедшего апреля, я имел честь получить серебряную медаль, выбитую в память юбилея Московского университета 12 января сего года, а равно по одному экземпляру изданных к этому дню сочинений и диплом на звание почетного члена в Московском университете, с покорнейшей благодарностию за столь высоко оказанную мне почесть, я прошу покорнейше Совет уведомить меня о всяком случае, где содействием моим могу быть Московскому университету полезным.

Помощник попечителя
Казанского учебного округа.

ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1855 г., № 142, л. 2. Отпуск.

587

Письмо Н. И. Лобачевского министру народного просвещения А. С. Норову

25 сентября 1855

Ваше высокопревосходительство,
Милостивый государь
Авраам Сергеевич!

Тяжкая болезнь, ныне удручающая меня после сорокалетней слишком службы, на которой я не щадил ни трудов, ни здоровья для пользы моего Отечества, вынуждают меня обратиться к Вашему высокопревосходи-

тельству с всепокорнейшею просьбою — исходатайствовать мне у его императорского величества государя императора предписываемый врачами годовой отпуск для излечения болезни и всемилостивейшее, по благосклонному предстательству Вашего высокопревосходительства, на подъем и издержки денежное пособие.

Знаю, что в настоящее время такая просьба представляет большие затруднения, но приемлю смелость думать, что долголетняя служба моя по Министерству народного просвещения, продолжительные ученые труды и то обстоятельство, что в последние десять лет я не пользовался жалованием, — употребляя всю получаемую мною пенсию на содержание моего семейства и воспитание малолетних детей, от чего в настоящее время приведен в совершенную невозможность предпринять собственными средствами поездку, необходимую для моего излечения и удовлетворения сопряженных с тем издержек, — обратят милостивое внимание государя императора на затруднительное положение мое и что его императорское величество окажет мне монаршую милость свою и соизволит на мою всеподданнейшую просьбу, а постоянное благоволение государя императора к Вашему высокопревосходительству подает мне надежду на ее милостивое исполнение.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Милостивый государь
Вашего высокопревосходительства
покорнейшим слугою
Н. Лобачевский.

ЦГИАЛ. Фонд Департамента народного просвещения, картон № 399, д. № 15774, 1827 г., лл. 1—2.

588

Докладная записка попечителя Казанского учебного округа В.П. Молоствова о тяжелом материальном положении Н. И. Лобачевского, поданная министру народного просвещения А. С. Норову в Казани
26 сентября 1855

Докладная записка о действительном статском советнике Лобачевском. 26 сентября 1855 года.

Помощник попечителя Казанского учебного округа, заслуженный профессор, член разных ученых обществ, действительный статский советник *Лобачевский* по окончании курса наук в Казанском университете со степенью магистра в 1811 году, в то же время поступил в действительную службу и, оставаясь постоянно при этом самом заведении, сначала в качестве преподавателя, потом в звании ректора и, наконец, в настоящей должности, посвятил 44 года своей служебной деятельности ученому и учебному поприщу. Бывши отличным питомцем нового Университета, он

в короткое время снискал известность, как самостоятельный ученый по отрасли математических наук, которые первее всего и основательнее развились в этом заведении. Безусловная в этом отношении честь принадлежит г. Лобачевскому, который поставил преподавание их в уровень с современными требованиями Европы и под руководством которого образовывались в продолжение 35 лет не только все учители гимназий Округа и многие молодые люди, поступившие в военную службу, но и некоторые ученые, занимающие с достоинством места профессоров. Уважение, приобретенное им от товарищей, открыло ему дорогу и на поприще административном. С 1827 года до самого назначения его в настоящую должность, т. е. в продолжение полных 19 лет, он непрерывно занимал при сохранении кафедры и звание ректора Университета. Здесь он был ревностным и ближайшим исполнителем всех мер, предпринятых Правительством к улучшению этого заведения, удостоенного высочайшего одобрения блаженныя памяти императора Николая Павловича и занявшего приличное себе место в среде других подобных учреждений. Он счастливо воспользовался своим постом, чтоб развить ученую деятельность Университета, какой бы науки она ни касалась, и всякая полезная мысль не только получала полное его сочувствие, но часто от него самого истекала. Обогащение Университета многочисленными и важными учебными пособиями, которыми он ныне обладает, при его управлении и при его посредстве получило начало и полное свое развитие. Наконец, все без исключения обширные постройки университетских зданий произведены под его председательством в существовавших для того комитетах.

В промежуток времени 1845—1847 годов, до самого вступления в должность настоящего попечителя генерал-лейтенанта Молоствова, он управлял Казанским учебным округом. К этому должно присовокупить, что заслуги г. Лобачевского по части наук в начале текущего года признаны императорским Московским университетом при праздновании столетнего юбилея избранием его в почетные члены сего Университета.

Такие многотрудные ученые и усиленные служебные занятия, наконец, подействовали пагубно на его здоровье и, не давая возможности заботиться о своих домашних делах, привели их в совершенно расстроенное положение. С весны 1854 года оказалось в нем сильное ослабление зрения, сопровождаемое хроническим удушливым катарром легких, крайне ослабившим его силы; недуги эти, по мнению врачей, требуют сопряженного с значительными издержками лечения и даже может быть поездки за границу и пребывания в климате более умеренном.

Недвижимое имение его, при непрерывных занятиях по службе лишенное необходимого при неблагоприятных обстоятельствах надзора, пришло в расстройство и обременено в настоящее время долгами, а содержание, службою приобретаемое и состоящее кроме пенсии в 800 руб. серебр. столовых денег, недостаточно для покрытия текущих расходов, которые при многочисленном его семействе и слабости здоровья весьма тягостны.

Принимая эти стесненные обстоятельства в уважение и обращая внимание на долговременную отлично-усердную и полезную службу г. действительного статского советника Лобачевского, посвятившего цветущие лета своей жизни трудам на пользу Отечества, попечитель Казанского учебного округа имеет честь просить его высокопревосходительство господина министра народного просвещения повергнуть вышеизложенные обстоятельства на всемилостивейшее воззрение государя императора.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 399, д. № 15774, 1827 г., лл. 3—6; отпуск — ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1855 г., № 38, лл. 4—7 и 9.

589

Записка попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова на имя вице-директора департамента народного просвещения А. Е. Кисловского с препровождением послужного списка Н. И. Лобачевского
30 сентября 1855

Попечитель К. у. о. г. л. Молоствов, свидетельствуя Алексию Ефремовичу совершенное почтение, имеет честь препроводить у сего формулярный список помощника своего г. д. с. с. Лобачевского, для приложения к Докладной записке, поданной его высокопр-ву г. министру н. п. в Казани 26 сего сентября о г. Лобачевском.

30 сентября 1855.
Его высокородию
А. Е. Кисловскому.

ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1855 г., № 38, л. 8; отпуск; в этом деле копии формулярного списка нет.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Формулярный список о службе помощника попечителя Казанского учебного округа, действительного статского советника Лобачевского
Составлен 26 сентября 1855

I. Чин, имя, отчество, фамилия, должность, лета от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание.

Действительный статский советник Николай Иванович Лобачевский, помощник попечителя Казанского учебного округа и заслуженный профессор Казанского университета, 62-х лет, православного вероисповедания, кавалер орденов св. Анны и св. Станислава 1-й степени, св. Владимира 3 и 4 ст. и св. Анны 2-й ст., императорскою короною украшенного, и имеет знак отличия беспорочной службы за XL лет.

Получает: пенсии 1829 р. 87 к., столовых 800 р.

Итого 2629 р. 87 к.

II. Из какого звания происходит?

Из обер-офицерских детей.

III. Есть ли имение: у него самого и у родителей. Родовое.
Нет.

IV. Есть ли имение: у него самого и у родителей. Благоприобретенное.
Казанской губернии Чебоксарского уезда 101 душа.

V. Есть ли имение. У жены, буде женат. Родовое.
Казанской губернии Спасского уезда 169 душ и в Казани каменный двухэтажный дом.

VI. У жены, буде женат. Благоприобретенное.
Нет.

VII. Где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил, какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ль каких особенных на службе деяний или отличий; не был ли особенно, кроме чинов, чем награждаем, и в какое время; сверх того, если, находясь под судом или следствием, был оправдан и признан невинным, то когда и за что именно был предан суду и чем дело кончено.

VIII. Годы.

IX. Месяцы и числа.

VII, VIII, IX. По окончании курса наук в Казанской гимназии поступил в Казанский университет в 1807 году.

Во время бытности в Университете отправлял должность камерного студента.

Будучи студентом по экзамену признан от Совета Университета достойным степени магистра физико-математических наук, в которой и утвержден 1811 года, августа 3-го дня.

За успехи в математике от имени г. министра народного просвещения объявлена ему похвала — 1811 года, сентября 19-го дня.

Утвержден адъюнктом физико-математических наук, тысяча восемьсот четырнадцатого года, марта двадцать шестого —1814 года, марта 26.

Экстраординарным профессором с поручением кафедры ординарного профессора — 1816 года, июля 7.

Членом Училищного комитета — 1818 года, мая 23.

Поручено преподавать астрономию и иметь надзор над Обсерваториею — 1819 года, апреля 15.

Приглашен участвовать в издании Казанских Известий — июня 13.

Поручено преподавать начальные основания чистой математики — июня 30.

По желанию уволен от издания Казанских Известий — июля 10.

Членом Училищного комитета утвержден вторично — сентября 23.

В надворные советники произведен со старшинством тысяча восемьсот восемнадцатого года, декабря тридцать первого дня — 1818 года, декабря 31.

Поручено преподавать теоретическую и опытную физику — 1819 года, ноября 14.

Поверить и привести в должное устройство и порядок университетскую библиотеку — декабря 14.

Преподавать чистую математику с оставлением при нем астрономических лекций — 1820 года, ноября 19.

От преподавания физики уволен — 1820 года, ноября 19.

Деканом физико-математического отделения утвержден — 1820 года, ноября 19.

Членом Строительного комитета при Университете — 1822 года, марта 16.

Ординарным профессором чистой математики и физики — 1822 года, мая 24.

Членом Училищного комитета в 3-й раз — 1822 года, июня 23.

За увольнением профессора Симонова в С.-Петербург, поручена ему Астрономическая обсерватория — 1823 года, июня 1.

За отсутствием ординарного профессора Тимьянского, поручены ему Кабинеты естественной истории, редкостей и Минц-кабинет — 1823 года, июня 1.

Деканом физико-математического отделения вторично и членом Училищного комитета в 4-й раз — 1823 года, мая 31.

В воздаяние усердной службы и отличных трудов, начальством засвидетельствованных, всемилостивейше пожалован кавалером ордена св. Владимира 4-й ст. — 1823 года, февраля 3.

Деканом отделения физико-математических наук в 3-й раз — 1824 года, августа 27.

Поручено председательствовать в Строительном комитете, как старшему члену — 1825 года, февраля 12.

За болезнию ординарного профессора Дунаева, исправлял должность непременного заседателя Правления Университета с 1825 сентября с 28 по 1-е января 1826 года.

Поручена должность библиотекаря Университета — 1825 года, октября 8.

Утвержден в сей должности с увольнением от председательства в Строительном комитете — 1826 г., февраля 19.

В коллежские советники произведен со старшинством с 1824 года, декабря 31.

По избранию Совета высочайше утвержден ректором Казанского университета на 3 года — 1827 года, июля 30.

В должность сию вступил и председателем Издательного комитета утвержден — 1827 года, августа 25.

Членом Общества любителей отечественной словесности при Казанском университете избран — 1827 года, октября 25.

Изъявлена благодарность от г. министра народного просвещения за доставление в надлежащее время Отчета о денежных суммах Казанского университета за 1827 год —1828 года, апреля 23.

Г. попечителем изъявлена благодарность за успехи студентов по его кафедре — 1828 года, августа 13.

По избранию Совета Университета высочайше утвержден на второе трехлетие ректором Университета — 1830 года, июня 29.

Объявлено высочайшее его императорского величества благоволение за усердие, оказанное им при предохранении подведомственных ему учебных заведений от холеры — 1831 года, сентября 20.

Государь император высочайше повелеть соизволил оставить его в должности ректора Университета в 3-й раз, впредь до преобразования оного по новому уставу и штату — 1833 года, апреля 25.

Председателем Строительного комитета высочайше утверждается — 1833 года, мая 23.

Всемилостивейше награжден бриллиантовым перстнем — 1833 года, мая 23.

Произведен в статские советники со старшинством — 1832 года, декабря 31.

За отлично-усердную, деятельную и полезную службу, засвидетельствованную высшим начальством, всемилостивейше пожалован кавалером ордена св. Станислава 3-й степ. — 1833 года, декабря 6.

За составление отчета по Университету и округу за 1833 год, который найден во всех отношениях удовлетворительным, г. Управляющий министерством народного просвещения изъявил ему свою признательность — 1834 года, марта 3.

За составление отчета по Университету и округу за 1834 год г. министром народного просвещения изъявлена благодарность — 1835 года, мая 22.

По желанию его от должности библиотекаря Университета уволен г. министром народного просвещения — 1835 года, мая 22.

Всемилостивейше пожалован знаком отличия беспорочной службы за XX лет — 1835 года, августа 22.

По предложению г. попечителя отправлен был для осмотра Нижегородской гимназии и уездных училищ — 1835 года, декабря 20.

За исполнение такового поручения объявлена ему от г. попечителя признательность — 1836 года, февраля 25.

По предложению г. попечителя обозревал Симбирскую гимназию — 1836 года, в апреле.

За что и получил от г. министра народного просвещения благодарность — 1836 года, мая 16.

По удостоению Комитета гг. министров и засвидетельствованию г. министра народного просвещения об отлично-усердной службе всемилостивейше пожалован кавалером ордена св. Анны 2 степ. — 1836 года, июня 2.

Г. министром народного просвещения изъявлена особенная благодарность за содействие г. попечителю к устройству Казанского университета и гимназии — 1836 года, сентября 4.

Отправлен был по делам службы в С.-Петербург, где пробыл до 1837 года, января 9.

Избран Советом в ректоры Казанского университета на 4 года — 1837 года, июня 28.

По преобразованию Университета оставлен ординарным профессором чистой математики — 1837 года, августа 1.

Высочайше утвержден ректором Университета в 4-й раз на 4 года — 1837 года, августа 3.

Всемилостивейше награжден знаком отличия беспорочной службы за XXV лет — 1837 года, августа 22.

За беспорочную выслугу по учебному ведомству более 25 лет награжден полным пенсионом 2000 руб. в год с 18 ноября 1836 года,—1837 года, ноября 17.

По представлению г. министра народного просвещения и по удостоению Комитета гг. министров, в воздание отличных трудов и усердия к службе, всемилостивейше пожалован в действительные статские советники — 1838 года, июля 12.

От г. министра народного просвещения изъявлена совершенная благодарность за успешное окончание построек университетских зданий — 1839 года, марта 16.

От г. попечителя Казанского учебного округа объявлена совершенная благодарность за добросовестное и вполне удовлетворительное выполнение возложенного на него поручения при рассмотрении опытов занятий, предоставленных старшими учителями гимназий Казанского учебного округа — 1840 года, августа 26.

За успешное и весьма полезное чтение в Университете публичных лекций физики, с разрешения г. министра народного просвещения награжден единовременною выдачею 228 руб. сер. — 1840 года, мая 17.

Объявлена благодарность от г. министра народного просвещения за удачное исполнение возложенных на него г. попечителем обязанностей, по рассмотрению сочинений, представленных учителями за 1839 год — 1840 года, 24 мая.

От г. попечителя изъявлена совершенная благодарность за изъявленную готовность иметь главный надзор за исправлением должности инспектора студентов — 1840 года, июля 12.

Изъявлена от г. попечителя благодарность за оказанную им, по званию своему председателя Испытательного комитета для приема в студенты, попечительность об усовершенствовании преподавания по гимназиям — 1840 года, сентября 6.

По представлению г. министра народного просвещения и по удостоению Комитета гг. министров всемилостивейше пожалован кавалером ордена св. Анны 2 степ., императорскою короною украшенного, —1840 года, октября 19.

От г. министра народного просвещения изъявлена совершенная благо-

дарность за скорый успешный ход постройки клинического здания при Казанском университете — 1840 года, декабря 18.

Изъявлена ему благодарность г. министра народного просвещения за отличную деятельность, с какою он в течение семи месяцев исполнял возложенное на него со времени тяжкой болезни бывшего инспектора студентов Геркена и потом за смертию его главное и непосредственное заведывание и надзор по управлению инспектора — 1840 года, декабря 27.

Г. министром народного просвещения утвержден в звании заслуженного профессора, с оставлением его еще на 5 лет на службе в Университете при занимаемой им кафедре, с производством ему за 25-тилетнюю беспорочную в должности профессора Университета службу, в пенсию полного штатного оклада но 1 143 р. 68 к. сер. в год, сверх жалованья, из Казанского уездного казначейства и с прекращением получаемой до того пенсии 2 000 руб. — 1841 года, июля 23.

По высочайшему повелению, утвержден в звании ректора Университета в пятый раз на 4 года — 1841 года, августа 12.

Г. попечителем командирован в г. Пензу, для наблюдения над полным солнечным затмением 26 июня и для производства наблюдений физических, с поручением осмотреть во всех отношениях тамошнюю гимназию с благородным при ней пансионом, а также уездное и приходское училища, за совершенно удовлетворительное выполнение которого поручения изъявлена от его превосходительства особенная признательность — 1842 года, июня 3.

С закрытием существовавшего при Университете Строительного комитета по окончании его действия уволен от должности председателя оного — 1842 года, августа 1.

Всемилостивейше пожалован знаком отличия беспорочной службы за XXX лет — 1842 года, августа 22.

За отличное самоотвержение и труды, оказанные им к спасению зданий и имуществ учебного ведомства во время бывших в Казани в августе месяце пожаров, получил признательность г. министра народного просвещения — 1842 года, октября 19.

По удостоению Комитета гг. министров, основанному на засвидетельствовании г. министра народного просвещения об отлично-ревностной службе, и особых трудах, всемилостивейше пожалован кавалером ордена св. Владимира 3-й степ. — 1842 года, октября 23.

Высочайше утвержден председателем Строительного комитета, по учреждении оного вновь, на три года, при Университете — 1842 года, октября 27.

За отличные ученые заслуги избран членом-корреспондентом Гёттингенского королевского общества наук — 1842 года, ноября 11.

За примерное усердие и самоотвержение в содействии к спасению зданий учебных заведений при бывших в Казани в августе месяце 1842 пожарах объявлено монаршее благоволение — 1842 года, ноября 18.

За выслугу 5 лет сверх 25-летней службы при Университете г. товарищем министра народного просвещения 28 января 1843 г. в прибавку к получаемой им пенсии по 1143 р. 68 к. в год назначена ему еще одна пятая доля оной 228 р. 43 к. сер. в год, сверх жалованья из Казанского уездного Казначейства, с времени выслуги им 30-тилетнего срока, т. е. с 1841 года, августа 3.

За постоянно отличное усердие и примерную деятельность по возложенной на него обязанности по званию председателя Строительного комитета при Университете изъявлена ему благодарность министерства народного просвещения — 1843 года, декабря 17.

Государь император во внимание к ревностной службе его и особенным трудам, понесенным им при исполнении настоящих должностей, всемилостивейше соизволил пожаловать его, согласно ходатайству г. министра народного просвещения и удостоению Комитета гг. министров, кавалером ордена св. Станислава 1-й степ. — 1844 года, октября 28.

По случаю высочайшего назначения г. попечителя Казанского учебного округа в таковую же должность в С.-Петербургском университете и округе и вследствие последовавшего предписания г. министра народного просвещения от 31 марта 1845 г., № 5399, вступил в управление Казанским учебным округом, с оставлением при должности председателя в Строительном комитете по прежней его обязанности — 1845 года, апреля 18.

По единодушному желанию всех членов Университетского Совета избран и государем императором, вследствие представления г. министра народного просвещения, высочайше утвержден в 6-й раз ректором Казанского университета на 4 года — 1845 года, ноября 20.

По высочайшему его императорского величества повелению, назначен помощником попечителя Казанского учебного округа, с увольнением от профессорской и ректорской должностей в Университете и с производством сверх пенсии по 800 руб. сер. в год столовых денег — 1846 года, августа 14.

За беспорочную усердную выслугу вообще по учебной части министерства народного просвещения второго пятилетия сверх 35-летней службы г. министр народного просвещения назначил другую пятую долю к производящейся по званию профессора пенсии 228 р. 73 к. сер. из Казанского уездного Казначейства — 1846 года, августа 16.

Получил знак отличия беспорочной службы за XXXV лет при грамоте за № 155-м — 1847 года, августа 22.

По удостоении Комитета гг. министров за отлично-усердную службу объявлено высочайшее его императорского величества благоволение — 1848 года, декабря 14.

По случаю отъезда г. попечителя в Нижний-Новгород для обозрения тамошних учебных заведений, управлял Округом с 18 марта по 4 апреля 1849 года.

По случаю отъезда г. попечителя для обозрения некоторых учебных заведений управлял Округом с 1 сентября по 20 ноября 1849 года.

По случаю отъезда г. попечителя в С.-Петербург по делам службы управлял Округом с марта 17 по июнь 20 1850 года.

По случаю увольнения г. попечителя в Московскую и Костромскую губернии управлял Округом с 22 февраля по 26 марта 1851 года.

По случаю болезни г. попечителя управлял Округом с 19 апреля по 12 мая 1851 года.

За беспорочную усердную выслугу по учебной части сверх 25-ти лет третьего пятилетия, г. министром народного просвещения назначена в прибавку к получаемой им пенсии и двум пятым долям оной всего 1601 р. 14 к. и столовым деньгам 800 руб. еще одну пятую долю той пенсии, т. е. по 228 р. 73 к. сер. из Казанского уездного Казначейства — 1851 года, октября 27.

По случаю отъезда г. попечителя для обозрения некоторых учебных заведений управлял Округом с 9 июня по 21 июля 1852 года.

Получил знак отличия беспорочной службы за 40-летнее достоинство при грамоте за № 287-й — 1852 г., августа 22.

По всеподданнейшему докладу г. министра народного просвещения и во внимание к деятельной, усердной службе и особым трудам всемилостивейше пожалован кавалером ордена св. Анны 1-й степени — 1852 года, декабря 6.

Был председателем Комиссии, для составления истории Казанского университета по случаю его пятидесятилетия с 27 октября по 11 ноября 1853 года.

По случаю отъезда г. попечителя для обозрения некоторых учебных заведений управлял Округом с 1 июня по 26 июля 1854 года.

Избран почетным членом Московского университета 1855 года, января 12.

По случаю командировки г. попечителя в С.-Петербург управлял Казанским учебным округом с 20 февраля по 4 июня 1855 года.

X. Был ли в походах против неприятеля и в самых сражениях, и когда именно?

Не был.

XI. Был ли в штрафах, под следствием и судом; когда и за что именно предан суду; когда и чем дело кончено?

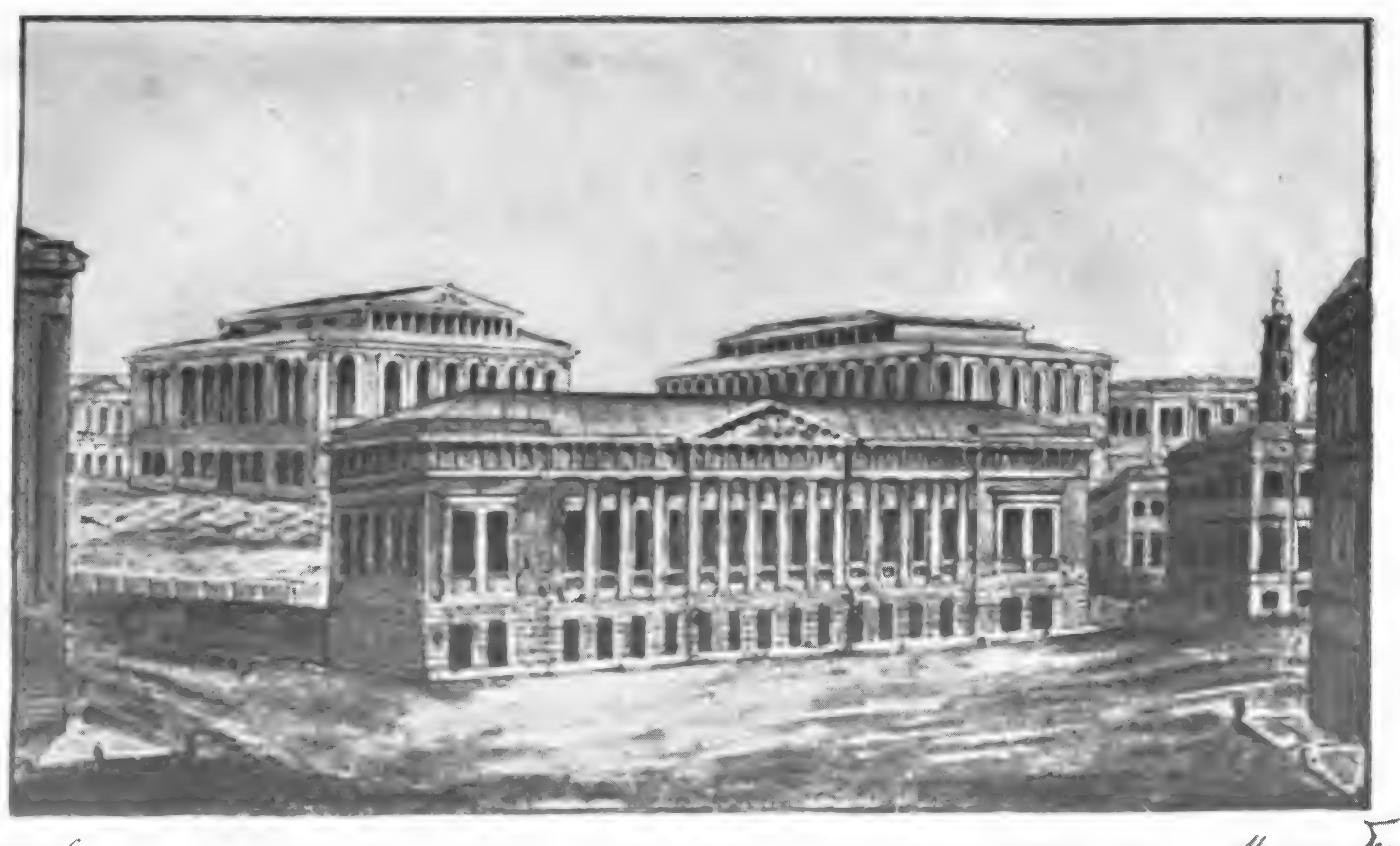
Не был.

XII. К продолжению статской службы способен и повышения чином достоин ли; если же нет, то по каким причинам?

Способен и достоин.

XIII. Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени; являлся ли на срок и если просрочил, то когда именно явился и была ли причина просрочки признана уважительною?

Не был.



Театральная площадь в Казани. С рисунка И. П. Бессонова 1845 г. в альбоме А. Е Шиповой.

(Пушкинский Дом Академии Наук СССР)

XIV. Был ли в отставке с награждением чина, или без оного, когда и с которого по какое именно время?

Не был.

XV. Холост или женат, на ком, имеет ли детей, кого именно; год, месяц и число рождения детей; где они находятся и какого вероисповедания?

Женат на Варваре Алексеевой, имеет детей сыновей: Николая, родившегося 10 июля 1835 года, Александра, родившегося 1-го июня 1846 года, и Алексея, родившегося 7-го июля 1852 года; дочерей: Варвару, родившуюся 1-го июля 1843 года, и Софью, родившуюся 8-го октября 1849 года, из которых первый состоит на службе в военном ведомстве, а последние при нем.

Жена и дети православного вероисповедания.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 399, д. № 15774, 1827 г., лл. 48—87.

Опубликован в сокращении в статье «К столетнему юбилею Лобачевского» в книге Н. Агафонова «Из Казанской истории», Казань, 1906, стр. 35—37.

590

Из «Отчета о состоянии императорского Казанского университета за 1854—1855 учебный год» со сведениями о деятельности Н. И. Лобачевского в 1854—1855 учебном году

Около 9 октября 1855

Занятия факультетов. [...]

II. *Физико-математический факультет:* [...] 5) рассмотрел сочинения г. помощника попечителя *Лобачевского* и гг. профессоров *Попова* и *Ковальского*. назначенные к напечатанию в сборнике трудов профессоров и преподавателей Казанского университета, издающемся в воспоминание совершившегося пятидесятилетия его существования.

Отчет о состоянии императорского Казанского университета за 1854—1855 учебный год. Составлен и прочитан ординарным профессором, деканом историко-филологического факультета, Николаем Ивановым, в торжественном собрании Университета, происходившем 9 октября 1855 года, Казань, 1855, стр. 64.

591

Всеподданнейший доклад министра народного просвещения А. С. Норова имп. Александру II об увольнении Н. И. Лобачевского от должности помощника попечителя Казанского учебного округа

12 ноября 1855. Петербург

Действительный статский советник Лобачевский, поступив на службу в Казанский университет преподавателем в 1811 г. и состоя в оном в звании заслуженного профессора с 1841 г. и ректором в продолжении 20 лет,

в 1846 г. назначен был помощником попечителя Казанского учебного округа с производством по 800 руб. столовых денег, сверх заслуженной им пенсии 1829 руб. 87 коп.

Ныне Лобачевский дошел до такой степени расстройства здоровья и расслабления, что не в состоянии продолжать действительной службы; посему, находя необходимым увольнение его от должности помощника попечителя, приемлю смелость испрашивать на сие высочайшее Вашего императорского величества соизволение, с причислением его к Министерству на один год с сохранением получаемых им столовых денег 800 руб. сер. по уважению к сорокачетырехлетней, всегда отличной, усердной и полезной его службе по Университету и Округу.

Вместе с тем, озабочиваясь замещением должности помощника попечителя лицом совершенно достойным и способным, в бытность мою в Казани обратил я внимание на инспектора казенных училищ, действительного статского советника Антропова, который продолжительною службою и постоянною деятельностью всегда заслуживал полное одобрение попечителей и министерства и, состоя в настоящей должности с 1837 г., приобрел надлежащую опытность в административном отношении и ознакомился как с делами Округа, так и с видами Правительства.

Всеподданнейше испрашивая соизволение Вашего императорского величества на определение Антропова помощником попечителя Казанского учебного округа, вместе с тем осмеливаюсь ходатайствовать и о назначении ему по сему званию, сообразно с окладами других помощников попечителей, жалования 1400 руб. и столовых 600 руб. в год из Государственного казначейства.

Авраам Норов.

Резолюция имп. Александра II: «Согласен».

Заверительная надпись министра народного просвещения А. С. Норова: «Собственною его императорского величества рукою, карандашом написано: „Согласен". 12 ноября 1855 г., в Царском Селе».

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 399, д. № 15774, 1827 г., лл. 11—12.

592

Официальное письмо министра народного просвещения А. С. Норова попечителю Казанского учебного округа В. П. Молоствову с вложением письма к Н. И. Лобачевскому в связи с его увольнением в отставку
17 ноября 1855. Петербург

Милостивый государь, Владимир Порфирьевич.

Влагая при сем письмо к Н. И. Лобачевскому, покорнейше прошу, Ваше превосходительство, уверить его в искреннем моем сожалении, что болезненное состояние заставило его просить увольнения от служебных занятий, которые так были полезны и для Университета и для Округа,

и что ежели обстоятельства востребуют, я готов употребить все зависящие от меня меры к облегчению его положения.

Примите, Ваше превосходительство, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

А. Норов.

ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1855, г., № 299, л. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Письмо министра народного просвещения А. С. Норова Н. И. Лобачевскому

17 ноября 1855. Петербург

Милостивый государь
Николай Иванович!

Государь император, по всеподданнейшему моему докладу о расстроенном состоянии здоровья В[аше]го прев[осходительст]ва в 12 д[ень] сего ноября соизволил на увольнение Вас от должности помощника попечителя Каз[анского] у[чебного] о[круга] с причислением на один год к М[инистерст]ву н[ародного] п[росвещения] с сохранением на это время столовых 800 р. сверх заслуженной Вами пенсии.

Известив о сем г. попечителя Каз[анского] у[чебного] о[круга], долгом считаю уведомитьВас, м[илостивый] г[осударь], что мне прискорбно было ходатайствовать об увольнении Вас от должности, на которой Вы своею продолжительною деятельностью принесли столько пользы и Университету и Учебному округу. Утешаю себя надеждою, что дарованное всемилостивейшим государем время для отдохновения восстановит силы Ваши и Вы в состоянии еще будете продолжать действительную службу.

Если же бы обстоятельства указали необходимость, то я готов буду ходатайствовать пред его имп[ераторским] в[еличество]м о возможном облегчении Вашего положения.

Примите, м[илостивый] г[осударь], уверение в сов[ершенном] моем почт[ении] и пред[анности].

Подп. А. Норов.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 399, д. № 15774, 1827 г., л. 16. Отпуск.

593

Письмо Н. И. Лобачевского министру народного просвещения А. С. Норову

30 ноября 1855

Милостивый государь
Авраам Сергеевич!

Всемилостивейшее соизволение государя императора на увольнение меня от должности помощника попечителя, по расстроенному здоровью,

с причислением к Министерству народного просвещения на один год, с сохранением столовых денег 800 руб. сверх заслуженной мною пенсии, изложенное в предписании Вашего высокопревосходительства 19 сего ноября, № 9199, я имел счастие получить.

Долгом считаю довести о сем до сведения Вашего высокопревосходительства и просить покорнейше принять искреннейшую мою благодарность за столь лестное ко мне внимание и благосклонное участие в моем положении.

С глубочайшим почтением и истинною преданностью имею честь быть

Милостивый государь

Вашего высокопревосходительства

покорнейшим слугою

Николай Лобачевский.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 399, д. 15774, 1827 г., л. 22.

594

Письмо Н. И. Лобачевского министру народного просвещения А. С. Норову

2 декабря 1855

Милостивый государь

Авраам Сергеевич!

Известное Вашему высокопревосходительству болезненное мое положение, требующее немедленной медицинской помощи, а вместе с тем милостивое внимание и благосклонное участие Ваше в моем тяжком положении дают мне смелость обратиться в настоящей крайней моей необходимости с покорнейшею просьбою об облегчении моего положения, по нижеследующим обстоятельствам: 1) болезнь моя, по совету врачей, требует немедленного лечения холодными ваннами, в ожидании весенней поездки на воды, а для этого я должен ныне же отправиться в Москву, где водолечебное заведение устроено уже доктором Крейцером и который по сношению, с ним сделанному, обнадеживает меня в возможном излечении моей болезни, 2) небольшое имение мое находится в расстроенном положении и обременено казенным, а частью и частными долгами и 3) малолетние дети мои требуют приличного воспитания, а сыновья приготовления на службу (из которых старший уже два года находится на военной службе), — чего расстроенное мое состояние не позволяет; все эти причины заставляют меня ныне просить Ваше высокопревосходительство покорнейше об исходатайствовании мне у престола его императорского величества всемилостивейшего государя императора единовременного денежного пособия, дабы я мог немедленно предпринять поездку в Москву, а впоследствии, смотря по обстоятельствам и указаниям врачей, может быть и за границу, для исцеления тяжкого моего недуга.

Имея уже в виду благосклонное дозволение на это Вашего высокопревосходительства, смею в том надеяться, что, войдя в мое положение, Вы изволите принять на себя труд повергнуть все эти обстоятельства на всемилостивейшее воззрение государя императора и испросить мне единовременное денежное пособие, дабы я, по выздоровлении, мог еще быть полезным моею службою государю и отечеству.

С глубочайшим почтением и истинною преданностью имею честь быть

Милостивый государь

Вашего высокопревосходительства

покорнейшим слугою

Н. Лобачевский.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 399, д. № 15774, 1827 г., лл. 20—21.

595

Предписание министра народного просвещения А. С. Норова попечителю Казанского учебного округа В. П. Молоствову об увольнении Н. И. Лобачевского от должности помощника попечителя Казанского учебного округа

2 декабря 1855. Петербург

Господину попечителю Казанского учебного округа.

Государь император, по всеподданнейшему докладу моему в 12-й день минувшего ноября, высочайше соизволил на увольнение помощника Вашего превосходительства действительного статского советника Лобачевского, по болезни, от сей должности, с причислением его к Министерству народного просвещения на один год, с сохранением получаемых им столовых денег 800 рублей серебром.

Министр народного просвещения *А. Норов.*

Директор *П. Гаевский.*

ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1855 г., № 299, л. 2.

596

Из отчета Московского университета за 1854—1855 академический год о выборах Н. И. Лобачевского в почетные члены Университета

Начало 1856. Москва

12 января прошлого 1855 года импер[аторский] Москов[ский] университет праздновал совершившееся столетие своего существования. [...]

В продолжение года единогласно Советом Университета избраны и г. министром народного просвещения утверждены в звании почетных членов Московского университета: [...] действительные статские советники: [...] Николай Иванович *Лобачевский.*

«Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1854—1855 академический и 1855 гражданские года», стр. 88 (глава III. Особые происшествия за гражданский год) в Библиотеке Московского Государственного университета.

597

Всеподданнейший доклад министра народного просвещения А. С. Норова имп. Александру II о денежном пособии Н. И. Лобачевскому

14 января 1856. Петербург

Действительный статский советник Лобачевский в ноябре минувшего года уволен по болезненному состоянию от должности помощника попечителя Казанского учебного округа, с причислением его к Министерству народного просвещения на один год, с сохранением получаемых им столовых денег 800 руб.

Ныне Лобачевский, сообщая мне о затруднении его в средствах к приличному воспитанию малолетних детей своих и к совершению необходимой поездки в Москву, а оттуда, смотря по совету врачей, и за границу, для лечения болезни, которою он одержим, просит об исходатайствовании ему единовременного денежного пособия из Государственного казначейства.

Лобачевский один из отличнейших первоначальных воспитанников Казанского университета и достойнейших заслуженных профессоров оного. Соединяя с обширными познаниями в науках административные способности, он 18 лет занимал, сверх профессорской должности, должность ректора Университета и своею свыше 40-летнею отлично-усердною службою доставил значительную пользу сему заведению.

По сим уважениям и принимая еще во внимание то обстоятельство, что Лобачевский, находясь около 10 лет в должности помощника попечителя округа, не пользовался по сей должности жалованьем, а получал только сверх заслуженной им пенсии, столовые деньги по 800 р. в год, я осмеливаюсь повергнуть изложенную просьбу его на всемилостивейшее воззрение Вашего императорского величества.

Считаю долгом всеподданнейше присовокупить, что по моему мнению выдача Лобачевскому пособия могла бы простираться до 1500 руб. сер.

Авраам Норов.

Резолюция имп. Александра II: «Согласен».

Заверительная надпись министра народного просвещения А. С Норова: «Собственною его императорского величества рукою, карандашом, написано: ,,Согласен''. 15 января 1856 г. в С. Петербурге».

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 399, д. № 15774, 1827 г., лл. 26—27.

598

Официальное письмо министра народного просвещения А. С. Норова попечителю Казанского учебного округа В. П. Молоствову с вложением письма к Н. И. Лобачевскому о назначении ему денежного пособия

18 января 1856. Петербург

Милостивый государь,

Владимир Порфирьевич

Влагая при сем письмо к Николаю Ивановичу Лобачевскому, на случай выбытия его из Казани, покорнейше прошу Ваше превосходительство о передаче ему такового письма, в коем я извещаю его о всемилостивейше назначенном ему денежном пособии.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

А. Норов.

№ 579.
18-го января 1856 года
Его пре-ву В. П.
Молоствову.

Пометы: «№ 436/167»; «генваря 30» и рукою В. П. Молоствова карандашом: «К сведению».

ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1855 г., № 38, л. 10.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Письмо министра народного просвещения А. С. Норова Н. И. Лобачевскому.

18 января 1856. Петербург

Милостивый государь

Николай Иванович!

Государь император, по всеподданнейшему докладу моему о затруднении Вашего превосходительства в средствах к излечению болезни, в 15 день текущего января, всемилостивейше повелеть соизволил выдать Вам в единовременное пособие тысячу пятьсот рублей серебром из Государственного казначейства.

О таковой монаршей милости с особенным удовольствием сообщаю Вам, милостивый государь, и душевно желаю скорейшего восстановления здоровья Вашего.

Считаю нужным присовокупить, что, вместе с сим, я отнесся и к г. министру финансов об отпуске Вашему превосходительству означенного пособия из Казанского уездного казначейства.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Подп. Покорнейший слуга А. Норов.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 399, д. № 15774, 1827 г., л. 30. Отпуск.

599

Письмо Н. И. Лобачевского министру народного просвещения А. С. Норову

31 января 1856

Милостивый государь
Авраам Сергеевич!

Всемилостивейшее его императорского величества повеление, в 15-й день текущего января состоявшееся, о выдаче мне в единовременное пособие 1500 руб. сер. из Государственного казначейства, я имел счастие получить.

Имея честь донести о том Вашему высокопревосходительству в ответ на предписание от 18 текущего января за № 580, считаю приятнейшею обязанностию просить Вас, милостивый государь, принять мою искреннюю благодарность, за столь лестное внимание к посильным трудам моим и тяжкому моему в настоящее время положению. Мне остается желать, чтобы с помощию Божиею, по исцелении тяжкого моего недуга, я мог еще быть полезным своею службою всемилостивейшему моему государю.

С глубочайшим уважением и преданностию имею честь быть
Вашего высокопревосходительства
покорнейшим слугою
Н. Лобачевский.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 399, д. № 15774, 1827 г., л. 34.

600

Из «Отчета императорского Казанского экономического общества за 1855 год, читанного в годичном собрании секретарем Общества профессором М. Киттары. Статья II», о смерти Н. И. Лобачевского

После 10 февраля 1856

В заключение отчета Общества за 1855 год должно сказать, что к началу этого года оно считало в своем составе 108 членов; в течение года Общество лишилось умершими: [...] председателя 3-го Отделения Павла Ивановича Еремеева, председателя 4-го Отделения Николая Ивановича Лобачевского [...].

Записки императорского Казанского экономического общества, год третий, ч. 1, кн. 2, февраль 1856, Казань, 1856, отдел I, стр. 17; цензурное разрешение цензора В. Флерова 10 февраля 1856.

601

Донесение попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова министру народного просвещения А. С. Норову о смерти Н. И. Лобачевского

15 февраля 1856

Г[осподину] Министру нар[одного] пр[освещения].

Вменяю себе в обязанность довести до сведения Вашего Высокопр[евосходительст]ва, что причисленный к Министерству нар[одного] пр[освещения] и находившийся здесь в Казани действ[ительный] ст[атский]

сов[етник] Лобачевский, после продолжительной болезни, 12 текущего февраля умер.

Подписал Попечитель Казан[ского] уч[ебного] окр[уга]
Молоствов.

Отпуск с датой: «15 фев[раля] 1856, № 613. О смерти действ. ст. сов. Лобачевского». Сверху помета карандашом: «Канцелярия министра?»

ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1856 г., № 38, л. 11.

602

Прошение В. А. Лобачевской министру народного просвещения А. С. Норову о выдаче ей пенсии за заслуги покойного мужа
16—20 февраля 1856

Муж мой действительный статский советник Лобачевский, состоявший при Министерстве народного просвещения, 12 числа сего февраля после тяжкой продолжительной болезни волею божиею скончался.

Представляя у сего свидетельство священно и церковнослужителей церкви Казанского университета о его смерти, я обращаюсь к Вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою о назначении мне с четырьмя малолетними детьми следующей по закону пенсии, какую получал покойный муж мой, с ассигнованием к отпуску из Казанского уездного казначейства, со дня смерти его 12 сего февраля.

К сему прошению вдова действительного статского советника Варвара Алексеевна Лобачевская руку приложила.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 399, д. № 15774, 1827 г., л. 38.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Свидетельство о смерти Н. И. Лобачевского
16 февраля 1856

Тысяча восемьсот пятьдесят шестого года февраля двенадцатого дня императорского Казанского университета Крестовоздвиженской церкви в метрических книгах в третьей части умерших мужеской графе, под № 1-м записано:

Императорского Казанского университета бывший помощник попечителя учебного округа действительный статский советник и кавалер Николай Иванов сын Лобачевский, 63 лет, помер от паралича в легких; отпет четырнадцатого февраля в Университетской Крестовоздвиженской церкви и погребен на общем Казанском кладбище.

Священник *Александр Владимирский*,
Диакон *Флегонт Рослов*,
Дьячек *Павел Остряков*.

16 февраля 1856 года, № 5-й.
[Место печати].

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 399, д. № 15774, 1827 г., л. 39.

603

Некролог Н. И. Лобачевского и речь, произнесенная профессором Казанского университета Н. Н. Буличем над гробом Н. И. Лобачевского 14 февраля 1856 г.

20 февраля 1856

НЕКРОЛОГ

12 февраля скончался здесь, после продолжительной болезни, причисленный к министерству народного просвещения, в недавнее только время за расстроенным здоровьем оставивший должность помощника попечителя Казанского учебного округа, заслуженный профессор чистой математики в императорском университете, многих ученых обществ член, действительный статский советник и орденов св. Анны, св. Станислава первых степеней и св. равноапостольного князя Владимира 3 класса кавалер *Николай Иванович Лобачевский* на 63 году своей деятельной и общеполезной жизни.

Отпевание тела его совершено в университетской церкви преосвященным Никодимом епископом чебоксарским в присутствии г. попечителя Казанского учебного округа, его помощника, ректора Университета, всего здешнего ученого и учебного сословия, студентов, воспитанников обеих гимназий, почетнейших в городе лиц и многочисленных чтителей памяти покойного или в качестве учеников его, или имевших счастие служить под его начальством, или знавших его в общественной и частной жизнь примером человека и семьянина.

Пред выносом тела в церковь ординар. профессор А. Ф. Попов произнес прощальное приветствие, а по окончании обряда отпевания профессор Н. Н. Булич в кратком, трогательном очерке воскресил пред безмолвным гробом воспоминание о том прекрасном существовании, которое оставил нам покойный памятным образцом.

По окончании курса наук в Казанской гимназии, поступив в 1807 году в число студентов Университета, Ник. Ив. в 1811 году удостоен степени магистра физико-математических наук, в 1814 адъюнкта, в 1816 экстраорд. проф. по кафедре чистой математики, в 1822 утвержден ординарным профессором и кафедру эту занимал непрерывно до 1846 года, когда последовало высочайшее назначение его в должность помощника попечителя Казанского учебного округа. В течение этого времени исполнял он сверх того обязанности декана факультета, члена училищного комитета, библиотекаря, председателя строительного комитета и, наконец, с 1827 по август 1846 года постоянно был избираем и утверждаем в важной должности ректора Университета. — Девять лет занимав должность помощника попечителя, он в ноябре прошлого года, согласно его желанию, по болезни, уволен от оной с причислением к министерству народного просвещения.

Труды и заслуги его в области науки, составляющие достояние летописей ученого мира, без сомнения, не замедлят найти достойного ценителя. —

Мы же считаем себя счастливыми, что можем украсить эти немногие строки воспоминанием о покойном, помещая здесь предгробное прощальное приветствие красноречивого профессора.

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПРОФЕССОРОМ УНИВЕРСИТЕТА Н. Н. БУЛИЧЕМ ПРЕД ГРОБОМ Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Пятьдесят один год тому назад, в этот самый день 14 февраля 1805 года ученики Казанской гимназии с своим директором и учителями собрались торжественно для открытия Казанского университета, величайшего благодеяния нашему краю, дарованного волею императора Александра I-го. В числе этих учеников, из которых слишком немного осталось уже в живых, был и тот, к чьему безмолвному гробу собрались мы теперь для последнего целования, для печального прощания на пороге неумолимой вечности и в тот же памятный день открытия. Есть в этом случайном совпадении чисел тайный, но прекрасный смысл, освещающий светом своим всю жизнь покойного. С открытием Университета открывалась блестящая будущность наук в нашем отдаленном краю. Современники рассказывают, какой жар знания, какое пылкое стремление к учению овладели тогда молодыми сердцами, для которых открывалась полная возможность удовлетворить благородному и чистому рвению. Талант и труд умственный не могли уже погибнуть в забвении: перед ними развертывалась широкая дорога. К этим молодым людям, лучшим первенцам нашего молодого университета, принадлежал и покойный Н. И. Лобачевский, наш глубоко уважаемый начальник. Выросший для науки в стенах этого Университета, он всю жизнь свою посвятил месту своего образования. Ни одно событие Университета, ни один сколько-нибудь важный факт его истории с самого начала до настоящего времени, не могут быть упомянуты без имени Лобачевского. Его благородная жизнь тесно и неразрывно сплелась с историей Казанского университета; она есть живая летопись Университета, его надежд и стремлений, его возрастания и развития. Первое известное имя в науке, принадлежавшее Университету, было его имя, лучшего питомца его. Не нам говорить здесь о его самостоятельных ученых трудах по математике и по его кафедре, давших ему известность и славу; скажем только о том, что он сделал для Университета. Вспомним, что он 19 лет сряду был избираем ректором: пример почти неслыханный в истории университетов. И чем обязан ему Университет во все это немалое время его административной деятельности! Как ученый, глубоко преданный своему делу, он постоянно обращал внимание на Европу и старался, чтобы наука здесь, в далеком восточном углу, шла в уровень с развитием человечества. Как наставник, он образовал несколько поколений учителей математики, обязанных ему всем своим развитием. Как администратор, он увеличил материальные средства науки в Университете и многим, очень многим Университет обязан единственно ему. Эти стены, эти красивые здания, окружающие главный корпус, эти богатства библио-

теки и кабинетов обязаны существованием его неусыпной деятельности, часто одной его мысли. Он сочувствовал всякому полезному начинанию и делу и часто источник их зарождался единственно в нем самом. Да, почти полстолетия продолжалось его бескорыстное, неусыпное, честное служение общему благу — науке. Да, вся жизнь его от первых бодрых сил до потухавших стремлений старости, когда дух боролся с немощью организма, была отдана родному Университету и на каждой странице его истории с почетом, честию и благодарною памятью стоит имя Лобачевского. Наука и знание были главнейшим интересом его трудовой, полезной жизни. Постоянно и строго служил он тому, что выбрал в молодости, и ни разу не уклонился в сторону. И в последнее даже время, когда физические страдания губительно действовали на дух его, когда силы ему изменили, сердце его попрежнему оставалось верно науке и ее интересам. Мы, сословие Университета, не забудем никогда, как в последнее время, болезненный и лишенный зрения, он приходил на наши экзамены и наши торжественные собрания, постоянно выказывая участие ко всему окружающему. С глубоким чувством смотрели мы на этого почтенного и благородного мужа, который, не взирая на крайнее истощение физических сил, оставался верен своему долгу и призванию.

Возблагодарим же искренно в этот торжественный и печальный час последнего прощанья с уважаемым покойником, возблагодарим его за эту жизнь, отданную науке, за эту жизнь, стройно проникнутую одною прекрасною мыслию, за эту жизнь, оставленную нам как лучший образец для подражания. Человек, выбравший цель для жизни в области духовной деятельности, имеет то преимущество пред другими, что долго будет жить его имя и память о нем. Подвиг мысли дороже нам всех других подвигов, ибо только наука, мысль и знание суть основы благосостояния общественного. Оттого перед этим печальным гробом сжимается сердце наше. Человек мысли, кажется, не должен умирать, как и мысль сама; но он и не умрет духовно, потому что мысль не умирает! Прощай же, благородный сеятель духа и мысли! В пустынную дорогу вечности тебя провожает искреннее чувство. Твой путь на земле был не даром, твое призвание исполнено честно, твое земное существование будет служить нам памятным образцом, — и благо тебе, великое благо, что ты дал нам жизнию прекрасный, неумирающий урок! Мир праху твоему и вечная память жизни!

Казанские Губернские Ведомости. Часть неофициальная, 20 февраля 1856, № 8, стр. 56—58. Речь Булича была перепечатана в «Волжском Вестнике», 22 октября 1893, № 271, стр. 2.

604

Письмо В. А. Лобачевской министру народного просвещения А. С. Норову с просьбой о зачислении ее сыновей в Пажеский кадетский корпус

20 февраля 1856

Милостивый государь

Авраам Сергеевич!

Последнее время жизни своей муж мой так много пользовался мило-

стивым вниманием Вашим к его расстроенному от занятий здоровью и состоянию, что я ныне после окончания дней его и вместе продолжительных и тяжких страданий, считаю приятнейшим для себя долгом принести Вам, милостивый государь, мою искреннюю признательность за принятое в нем участие и все добро, ему сделанное. Последнее исходатайствованное Вами у государя императора денежное пособие много усладило последние дни его тяжкой жизни, и не смотря на упадок сил, чувство искренней благодарности за такую лестную для него память о понесенных им в жизни на пользу службы трудах, до последних почти минут, не изглаживалась из глубины его души.

Я с своей стороны не нахожу слов выразить Вам чувства мои при мысли о тех радостных минутах, которые Вы, милостивый государь, оказанным Вами участием доставили моему покойному мужу в последние дни жизни его, и, имея уже доказательства Вашего милостивого внимания к долговременной и небесполезной службе его, я еще беру смелость, находясь в расстроенном состоянии, прибегнуть и ныне с оставшимися сиротами к милостивому покровительству Вашему и просить Ваше высокопревосходительство об исходатайствовании у государя императора соизволения на зачисление сыновей моих Александра 9-ти и Алексея 3-х лет на казенный счет кандидатами в Пажеский кадетский корпус или в Главное инженерное училище.

С глубочайшим почтением имею честь быть
Вашего высокопревосходительства
покорнейшею слугою
Варвара Лобачевская.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон 399, д. № 15774, 1827 г., лл. 36—37.

605

Донесение попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова в Департамент народного просвещения об освобождении В. А. Лобачевской от уплаты денег за похищенные ордена Н. И. Лобачевского
29 марта 1856

В Департамент н[ародного] п[росвещения]

Вдова действительного статского советника Лобачевского, причисленного в прошлом 1855 году к министерству нар[одного] просв[ещения], Варвара Лобачевская, доставив ко мне копию с объявления в первую часть Казанской градской полиции о похищенных из дома ее в 1854 году платье и прочих вещах, с коими украдены были также и всемилостивейше пожалованные покойному мужу ее ордена св. Анны 1-й и св. Станислава 1-й степени, присовокупила, что и пожалованный ему орден св. Владимира 3-й степени ею не отыскан, как, вероятно, тоже похищенный с прочими вещами; причем просит освободить ее от обязанности ответствовать за

похищенные ордена первых степеней, обещаясь уплатить деньги за орден св. Владимира 3 ст., сколько следовать будет.

Прилагая при сем копию с вышеуказанного объявления, я покорнейше прошу Департ[амент] н[ародного] п[росвещения] почтить меня уведомлением: может ли быть освобождена г-жа Лобачевская от уплаты за украденные знаки ордена св. Анны 1 и св. Станислава 1-й степени и сколько следует взыскать с нее денег за орден св. Владимира 3 степени.

Попечитель К. У. О.

Отпуск с датой: «№ 1164. 29 марта 1856. Казань. Об орденах после умершего д. с. с. Лобачевского».

Помета карандашом: «Какое будет дело?»

ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1855 г., № 38, л. 11.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Объявление о покраже вещей, принадлежавших Н. И. Лобачевскому
28 июля 1854

28 июля 1854 года

В первую часть Казанской полиции

Дворового человека действительного статского советника Николая Ивановича Лобачевского Якова Онуфриева.

Объявление

Сего июля 27 дня, во время дня, когда происходила перестройка в доме, украдено платье, принадлежащее помещику моему, а именно черный и синий форменный фрак и бывшие на оном ордена св. Анны 1 степени со звездою и орден св. Станислава без звезды и двое брюк черные и синие, шелковый халат холодный, бывшие в комоде, чрез разломание замка, и по всем розыскам нигде не отыскано. А потому доводя о сем до сведения оной части, покорнейше прошу о разыскании пропавших вещей и орденов сделать должное распоряжение. 28 июля 1854 года. К подлинному объявлению вместо дворового человека г. Лобачевского Якова Онуфриева за неумением его грамоте по личной просьбе руку приложил казанский мещанин Алексей Крупеников.

Выдана сия копия из 1 части Казанской градской полиции дворовому человеку действительного статского советника Николая Ивановича Лобачевского, Якову Онуфриеву вследствие поданного в часть сию объявления за надлежащим подписом и приложением казенной печати. Июля 28 дня 1854 года. № 4493.

Подписано:

Частный пристав и кавалер Шляхтин.

Копия с копии на гербовой бумаге ценою в 15 коп. сер.

Помета на копии: «№ 159».

ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1855 г., № 38, л. 13.

606

Письмо министра народного просвещения А. С. Норова В. А. Лобачевской с отказом в определении ее сыновой в Пажеский кадетский корпус
30 апреля 1856. Петербург

Милостивая государыня
Варвара Алексеевна!

Вследствие просьбы Вашего превосходительства и на основании Св. зак. (изд. 1842 г.) т. 3 уст. о пенс. и един. пособ. ст. 525 и прим. к ст. 88 по XVII Прод. того же тома Св. Зак., я назначил Вам нераздельно с несовершеннолетними детьми ту самую пенсию, которую получал покойный муж Ваш на службе, т. е. по тысяче восьмисот двадцати девяти руб. восьмидесяти семи коп. сер. в год, и по распоряжению моему г. министром финансов сделано уже распоряжение о производстве Вам таковой пенсии с 12 февраля текущего года, из Казанского уездного казначейства.

По ходатайству же моему о зачислении двух сыновей Ваших Александра 9 и Алексея 3-х лет кандидатами для поступления в число казенных воспитанников Пажеского корпуса или Николаевского инженерного училища, начальник Главного штаба его императорского величества по военно-учебным заведениям сообщил мне ныне, что на сие не воспоследовало высочайшего соизволения, ибо право на зачисление в пажи к высочайшему двору предоставлено только сыновьям лиц первых трех классов и изъятие в сем случае высочайше допускаемо лишь для родных внуков упомянутых лиц, а для поступления в Николаевское инженерное училище сыновья Ваши еще очень молоды.

К сему генерал-адъютант Ростовцев присовокупил, что

1) В Николаевское инженерное училище принимаются дворяне от 14 до 18 лет включительно, рассчитывая возраст их к 15 августа, т. е. к началу учебного курса;

2) Общий прием воспитанников производится в августе, по экзамену, соответственно их возрасту, и основанием приема служит конкуренция.

3) Желающие поступить в это заведение подают начальнику оного не позже 1 июня прошение на высочайшее имя, на гербовой бумаге в 90 коп. сер.

4) Право на поступление определяется соразмерно числу вакансий старшинством баллов, полученных на экзамене, с тем однакож, чтобы в каждом предмете было не менее шести;

5) Предназначенные к помещению в училище поступают в число сверхштатных воспитанников оного с платою за их содержание во вступительном классе по 350 руб. сер., и впоследствии те из них, которые, по годичному экзамену, будут переведены в класс высший, перечисляются, в награду за успехи, на казенное содержание

и 6) хотя в числе сверхштатных воспитанников училища и имеются два воспитанника государя императора и два пансионера ее император-

ского величества государыни императрицы Александры Федоровны, с платою за их содержание во вступительном классе из собственных сумм их величеств, но таковые преимущественно назначаются из детей служащих или служивших в инженерном корпусе.

Считаю долгом уведомить о сем Вас, милостивая государыня, пользуясь настоящим случаем засвидетельствовать Вам уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подп. А. Норов.

ЦГИАЛ, Фонд Департамента народного просвещения, картон № 399, д. № 15774, 1827 г., лл. 88—91. Отпуск.

607

Некролог Н. И. Лобачевского

После 3 апреля 1856

12-го февраля скончался в Казани, после продолжительной болезни, причисленный к Министерству народного просвещения в недавнее только время, за расстроенным здоровьем оставивший должность помощника попечителя Казанского учебного округа, заслуженный профессор чистой математики в императорском Казанском университете, многих ученых обществ член, действительный статский советник *Николай Иванович Лобачевский*, на шестьдесят третьем году своей жизни.

Отечественные Записки, т. CV, 1856, апрель, отд. IV, Современная хроника России, стр. 88; цензурное разрешение на 2-й обложке для всего апрельского номера цензора В. Бекетова 1 апреля 1856 г. и вторично на обороте 2-й обложки разрешение цензора А. Фрейганга 3 апреля 1856.

608

Из «Отчета о состоянии императорского Казанского университета за 1855—1856 учебный год» с сообщением о деятельности Н. И. Лобачевского в 1855—1856 учебном году, о его смерти и с общей характеристикой его деятельности

Около 2 июня 1856

V [...]

2. В нынешнем году смерть похитила из среды нашей корпорации одного из самых знаменитых и трудолюбивейших деятелей Казанского университета помощника попечителя Николая Ивановича Лобачевского.

Не смею разбирать в этом кратком отчете заслуг его, ни как ученого, ни как начальника нашего; потому что деятельность его в обоих отношениях должна сделаться предметом специальной монографии как в истории наук математических, так и в летописях Казанского университета. Скажу только, что Казанский учебный округ и вся Россия чрез его учеников, сослуживцев и подчиненных с особенным благоволением всегда

будет вспоминать о его великих заслугах. Ныне после его смерти французские ученые, для составления его биографии, пожелали иметь частные сведения о его жизни, и Геттингенское королевское общество наук почтило память покойного двумя медалями, серебряною и бронзовою, препровожденными сюда чрез Санктпетербургскую Академию наук [стр. 13—14].

5. Помощник попечителя действительный статский советник Лобачевский причислен по болезни к министерству народного просвещения [стр. 14].

Отчет о состоянии императорского Казанского университета за 1855—1856 учебный год. Составлен адъюнкт-профессором Михаилом Славянским, Казань, 1856 [разрешение совета Университета за подписью секретаря Совета В. Окова датировано 2 июня 1856], стр. 13—14.

609

Из сообщения вице-директора департамента министерства народного просвещения А. Е. Кисловского попечителю Казанского учебного округа В. П. Молоствову об истребовании от В. А. Лобачевской денег за утраченные ордена Н. И. Лобачевского

13 июня 1856. Петербург

Департамент народного просвещения сносился с Капитулом орденов, который ныне уведомил, что, на основании 256 ст. Учр. Орд. (изд. 1855 г.) по XIX Прод. Св. Зак. Гражд., в случае утраты знаков, взыскивается с наследников умершего вместо знаков деньги по цене заготовления оных, и посему просит сделать распоряжение об истребовании от вдовы действительного статского советника Лобачевского следующих за невозвращенные после смерти мужа ее орденские знаки денег [...], а всего *пятидесяти восьми* рублей серебром и о доставлении оных в Капитул [...].

Вице-директор *Кисловский*

Правитель канцелярии *Ошеметков*.

На бланке: «Министерство народного просвещения. Департамент. Канцелярия. Стол 1. 13 июня 1856 года, № 4837. Ответ на № 1164».

Пометы: «№ 2130/989» и «Июня 21».

Резолюция В. П. Молоствова карандашом: «Объявить г-же Лобачевской об отзыве Департамента».

ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1855 г., № 38, лл. 16—17.

610

Сообщение о чтениях магистром Э. П. Янишевским лекций в Казанском университете в 1856—1857 учебном году на основании сочинений Н. И. Лобачевского

После 15 сентября 1856

Физико-математический факультет

1. Предметы главные.

А. Разряд математических наук.

1. *Чистая математика*. [...]

Эраст Янишевский, магистр математических наук, исправляющий должность адъюнкта математики, будет читать: а) в 1 курсе — алгебраический анализ, пользуясь сочинениями Коши, Остроградского и Лобачевского, 1 час в неделю.

Обозрение преподаваний в императорском Казанском университете на 1856—1857 учебный год, Казань, 1856 [разрешение Совета Университета за подписью секретаря Совета В. Окова датировано 15 сентября 1856], стр. 12.[1]

611

Из рецензии неизвестного на «Сборник ученых статей, написанных профессорами императорского Казанского университета в память пятидесятилетнего его существования. Том первый. Казань, 1856».

Октябрь 1856

В этом первом томе «Сборника» содержатся не *статьи*, но полные трактаты, относящиеся к высшим математическим вычислениям и к высшим астрономическим исследованиям. К первым принадлежат: 1) Основания вариационного исчисления, г. Попова, и 2) Pangéometrie ou précis de géometrie fondée sur une théorie générale et rigoureuse des paralléles, заслуженного профессора Лобачевского; ко вторым же принадлежат: 1) Récherches sur les mouvements de Neptune suivies de tables de cette planète и 2) о затмениях, г. Ковальского.

В Казанском университете, с начала его существования, математический факультет всегда состоял из профессоров, отличавшихся глубокою ученостью, и вполне бескорыстною любовью к науке и трудолюбием. В доказательство этого замечания достаточно вспомнить, что в числе профессоров факультета были Г. И. Карташевский, память которого навсегда останется незабвенною в университете по его удивительно ясной методе преподавания,[2] глубоко ученый и остроумный Бартельс,[3] астроном Литров, оригинальный Г. Б. Никольский, Н. И. Лобачевский, И. М. Симонов, физики Броннер и Кнор, химик Н. Н. Зинин и прочие. Такой замечательный и непрерывный ряд отличных профессоров образовался не случайно; твердое для него основание положено первым попечителем университета С. Я. Румовским, астрономом и академиком, а потом вице-президентом С.-Петербургской Академии Наук. Открыв университет, до самого конца своей жизни он не выпускал из вида улучшения и распространения математического факультета. Итак, неудивительно, что напра-

---

[1] В 1858—1859 учебном году Э. П. Янишевский читал алгебраический анализ, пользуясь сочинениями Коши, Остроградского и Лефебюр де Фурси («Обозрение преподаваний... на 1858—1859 учебный год», Казань, 1858, стр. 12).— *Л. М.*

[2] О Г. И. Карташевском упоминает г. Аксаков в своих «Воспоминаниях». Но благодарные ученики Караташевского не могут быть удовлетворены замечаниями автора «Воспоминаний», потому что он говорит только о его благородном характере и ни слова не сказал о нем, как о профессоре.

[3] *В тексте ошибочно:* Бартенев.— *Л. М.*

вление, сообщенное университету первым его попечителем, продолжается до сих пор: достойные преподаватели не могли уже выбирать недостойных себя преемников. Таким образом, любители и знатоки математики с полным удовольствием прочитают трактат о вариационном исчислении г. Попова, ученика и преемника Н. И. Лобачевского: они увидят, что в Казанском университете математика преподается по всей полноте и совершенно в уровень с ее современным состоянием. С этой целью напечатан и самый трактат, составленный профессором по запискам его слушателей. В этом трактате рецензент не может указать ни на один недостаток относительно полноты как самой теории, так и ее приложения; цель издания трактата достигнута вполне. Но нельзя не напомнить автору, что он не обратил внимания на другое условие учебного сочинения: на русском языке нет полного и удовлетворительного изложения вариационного исчисления, этого великого открытия Лагранжа, распространенного и усовершенствованного Эйлером, Пуассоном, Якоби и Остроградским; поэтому автору следовало бы начать свое сочинение таким объяснением задачи вариационного исчисления, которое было бы удобопонятно не для одних знатоков, но и для читателей, желающих научиться. Вариационное исчисление принадлежит к самым высшим отвлеченным соображениям нового анализа, и потому желающих понять эту общую и особенную методу употребления дифференциального и интегрального исчислений должно вести к ней постепенно, посредством многих частных примеров; автор же предложил только один, да и тот после доказательства теоремы Эйлера о признаке, показывающем, что данная дифференциальная функция есть точный и непосредственный дифференциал другого уравнения, доказательством столь общим и отвлеченным, что немногие из учащихся поймут настоящий его смысл. Таким образом, при самом начале встретят они почти непреодолимое для них затруднение. Читатели трактата г. Попова не имеют выгод его слушателей, которые могут лично требовать от него объяснений; читатели, встретив затруднение, могут совсем оставить прекрасный его трактат и обратиться к другим, иностранным, менее удовлетворительным сочинениям о том же предмете, но доступным по форме изложения. Итак, весьма желательно, чтоб г. Попов, издав свой трактат отдельной книгой, распространил введение в него столько, сколько необходимо для облегчения читателей, которые не могут пользоваться изустным преподаванием ученого профессора. В ожидании этого нового и полезного издания, рецензент, желая помочь начинающим, рекомендует им изучать исчисление г. Попова с пособием «вариационного исчисления» Лакруа, помещенного в его обширном труде о дифференциальном и интегральном исчислениях, изданном в трех томах.

Также позволяем себе желать, чтоб в новом издании 1) слово «вариацион» было переменено на «варияцию»; 2) чтоб вместо «пола́ иперболы» было напечатано «ветвь иперболы», потому что «пола́» принадлежит иперболоиду; 3) чтоб уравнение геодезической линии было найдено не для одной

сферической поверхности, но и для поверхности эллипсоида, сжатого при полюсах, наконец 4) чтоб усовершенствования Пуассона, Якоби, Остроградского и Сарюса были предложены обширнее, так, чтоб можно было ясно видеть, в чем состоят эти совершенствования, и действительно ли необходим новый знак Сарюса.

«Пангеометрия» или всеобщая геометрия покойного Н. И. Лобачевского есть «последнее слово» в его желании довести геометрию до крайней строгости, потому что он, вместе со многими геометрами, на всю свою жизнь оставался недоволен геометриею Эвклида, в которой теория параллельных линий, а следовательно, и главная теорема о величине трех углов прямолинейного треугольника, основана на предложении, принятом Эвклидом за аксиому (книга I, аксиома II), то есть за истину очевидную и не требующую доказательства. Аксиому свою Эвклид выразил таким образом: «если прямая линия, пересекая две другие прямые, составляет с ними такие внутренние углы, лежащие по одну ее сторону, которых сумма менее двух прямых углов, то эти две прямые, по продолжении, взаимно встретятся на стороне упомянутых углов». Принятие такого предложения за истину очевидную и не подлежащую никакому сомнению многие геометры считают непозволительной вольностью в геометрии, совершенно противною ее логической строгости. Здесь не место предлагать с подробностью все споры геометров об этой аксиоме и все многоразличные, придуманные для нее доказательства, почти все сомнительные или, по крайней мере, неудовлетворительные. Полную историю этих споров и доказательств любопытный может прочесть в прекрасном рассуждении г. академика Буняковского «О параллельных линиях», напечатанном во втором томе «Ученых записок» С.-Петербургской Академии Наук. Заметим только, что все придуманные доказательства, допускающие более или менее основательные возражения, едва ли не оправдывают Эвклида, причислившего свое предложение к тем первоначальным или основным истинам, для которых доказательства невозможны, по правилам логики. Лобачевский, также как и другие геометры, не обратил внимания на это простое замечание и начал свою «пангеометрию» справедливыми упреками в недостаточности оснований упомянутых доказательств; он даже считает недостаточным принятое вообще всеми геометрами определение параллельных линий, потому что оно не выражает их *геометрического* происхождения. Такими же казались ему определения самой прямой линии и самой плоскости. Не находя возможным предложить строгое и непосредственное определение прямой линии и плоскости, он решился повернуть геометрию, и конец ее сделать началом, то есть начать геометрию определениями окружности и сферической поверхности, определениями, по его мнению, безукоризненными, потому что они выражают *геометрическое* происхождение и окружности и сферической поверхности. Потом уже понятие плоскости производит он из пересечения двух сфер, а понятие прямой линии из пресечения двух окружностей. Способ весьма остроумный, сообразный

с духом анализа; но Лобачевский сделал ту же ошибку, в которой укоряет других геометров, потому что в определение окружности скрытно входят понятия о прямой линии и плоскости. Кроме того, он воображает круг, описанный бесконечным радиусом, и принимает его за предел всех возможных кругов, то есть он скрытно предполагает, что окружность с увеличением радиуса выпрямляется и, наконец, превращается в прямую линию. На способ Лобачевского можно сделать множество подобных возражений; но несмотря на то, рассуждение его весьма любопытно в том отношении, что показывает тесную связь между всеми математическими истинами, располагаемыми или синтетически, то есть начиная с простейших и восходя до возможно сложных, или аналитически, нисходя от сложных к простейшим. Однакож надобно сказать, что чтение его рассуждения весьма затруднительно; для полного его уразумения надобно предварительно прочитать другое его рассуждение, напечатанное в Берлине (1840 г.), под названием: Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien, и знать не одни элементы науки, но и высшие исчисления. На упомянутую связь между математическими истинами намекает и г. Попов в предисловии к своему вариационному исчислению. Это предисловие оканчивается следующими словами: «Начальная геометрия с помощию дифференциального способа (исчисления?) переходит в высшую, в общую теорию кривых линий и поверхностей, и развивается поступательно (постепенно?), сохраняя строго в своем учении первоначальные определения прямой линии, плоскости сферы, параллельных линий и пр. Вариационное вычисление, исходя от (из) высшей теории, приходит к начальным положениям геометрии, доказывает кратчайшую длину прямой на плоскости, также дуги большого круга на сфере, наибольшую вместимость шара, и пр. Таким образом соприкасаются начало и конец геометрического учения, наука *так* замыкается *таким образом*, что не остается входа вопросу о достоверности самых начал. Все части геометрии равно достоверны, каждая теорема может служить как начальное определение, из которого ряд следствий составит ту же геометрию, только в новом порядке предложений». Такова-то и есть «пангеометрия» Лобачевского. Все сказанное о вариационном исчислении г. Поповым совершенно справедливо; однако мы поспорим с ним о его цели или о его задаче: еслиб посредством вариационного исчисления только доказывалось, что кратчайшее расстояние между двумя точками на плоскости есть прямая линия, а на поверхности сферы — дуга большого круга, то оно не стоило бы изучения; нет, оно важно даже по одной своей теории, не говоря уже о его приложениях; его теорию, как необходимое дополнение высших исчислений, должно изучать даже в том случае, когда не представилось бы ни одного вопроса ни в геометрии, ни в механике, и вообще в физико-математике.

Отечественные Записки, 1856, октябрь, Новые книги, стр. 52—56; цензурное разрешение цензора И. Лажечникова 1 октября 1856 года. Опущен конец рецензии, касающийся астрономических статей проф. М. А. Ковальского.

612

Прошение В. А. Лобачевской попечителю Казанского учебного округа В. П. Молоствову о выдаче копии с формулярного списка о службе Н. И. Лобачевского

1 декабря 1856

Его превосходительству

Господину попечителю Казанского учебного округа.

Действительной статской советницы

Варвары Алексеевой Лобачевской

Прошение

Имея надобность представить при просьбе о принятии детей моих *Алексея 4-х и Александра 10-ти* в военно-учебные заведения копию с формулярного списка о службе покойного моего мужа, действительного статского советника Лобачевского, покорнейше прошу приказать выдать мне оную. Декабря « » дня 1856 года. *К сему прошению вдова, действительная статская советница Варвара Алексеева Лобачевская руку приложила.*

Пометы: «№ 3958/1903»; «Декабря 1»; карандашом: «Александр 10 и Алексей 4-х».

Резолюция карандашом рукою В. П. Молоствова: «Выдать копию формулярного списка покойного д. ст. сов. Лобачевского».

ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1855 г., № 38, л. 22.

613

Метрическое свидетельство о рождении в Казани 1 июня 1846 г. у Н. И. Лобачевского сына Александра Лобачевского

4 декабря 1856

Свидетельство

По указу его императорского величества, в Казанской духовной Консистории вследствие прошения вдовы действительной статской советницы Варвары Лобачевской о выдаче ей метрического свидетельства о рождении и крещении сына ее Александра, по справке оказалось: по метрическим книгам города Казани Крестовоздвиженской церкви, что при Университете, за 1846-й год в 1-й части о родившихся под № 6-м мужеска пола значится: июня 1-го рожден, 11-го числ крещен Александр; родители его Управляющий Казанским учебным округом действительный статский советник и кавалер Николай Иванович сын Лобачевский и законная жена его Варвара Алексеева, оба православного исповедания; восприемники: коллежский советник Николай Алексеев сын Моисеев, умершего генерал-маиора Александра Андреева сына Растовского жена вдова Любовь Ермолаева по муже Растовская. Таинство крещения совершал университетский Крестовоздвиженский протоиерей и кавалер Александр Иванов Нечаев с диаконом Флегонтом Александровым и дьячком Павлом Васильевым

Остряковым. О чем, согласно резолюции его преосвященства преосвященнейшего Никодима, епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии и кавалера и выдается из Казанской духовной Консистории за надлежащим подписом и приложением казенной печати сие свидетельство. Декабря 4 дня 1856 года. В подлинном свидетельстве почисток и поправок нет. Подлинное подписал кафедральный протоиерей Виктор Вишневский, скрепил секретарь Н. Беков, справил столоначальник В. Никольский и приложена Казанской духовной Консистории печать. *Верно: секретарь дворянства Соймонов. С подлинным читал: исправ. д. столоначальника Виноградов.*

ЦГИАЛ, Фонд департамента герольдии, д. № 1665 (1857 г.), л. 11. Копия.

614

Метрическое свидетельство о рождении в Казани 7 июля 1852 г. у Н. И. Лобачевского сына Алексея Лобачевского

4 декабря 1856

Свидетельство

По указу его императорского величества в Казанской духовной Консистории вследствие прошения вдовы действительной статской советницы Варвары Лобачевской о выдаче ей метрического свидетельства о рождении и крещении сына ее Алексея, по справке оказалось: по метрическим книгам города Казани Богоявленской церкви за 1852 год в 1-й части о родившихся под № 20-м мужеска пола значится: июля 7-го рожден, 9-го числа крещен Алексей; родители его: действительный статский советник и кавалер Николай Иванович Лобачевский и законная жена его Варвара, оба православного исповедания, восприемники: гвардии подпоручик Петр Гаврилович Осокин и генерал-лейтенантша Фавста Ермолаева Нератова. Таинство крещения совершал приходский священник Николай Талиев с диаконом Петром Ивановым, дьячком Иваном Канцеровым и пономарем Николаем Скальницким. О чем, согласно резолюции его преосвященства преосвященнейшего Никодима, епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии и кавалера и выдается из Казанской духовной Консистории, за надлежащим подписом и приложением казенной печати, сие свидетельство. Декабря 4 дня 1856 года. Подлинное подписал кафедральный протоиерей Виктор Вишневский, скрепил секретарь Н. Беков, справил столоначальник В. Никольский и приложена Казанской духовной Консистории печать. *Верно: секретарь дворянства Соймонов. С подлинным читал: испр. д. столоначальника Виноградов.*

ЦГИАЛ, Фонд департамента герольдии, д. № 1665 (1857 г.), л. 12. Копия.

615

Официальное письмо попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова В. А. Лобачевской о снятии с нее задолженности за утраченные ордена Н. И. Лобачевского

10 декабря 1856

Милостивая государыня
Варвара Алексеевна!

Департамент народного просвещения от 28-го минувшего ноября за № 10018 на представление мое уведомил, что недоимка, числящаяся на Вас за невозвращенные после супруга Вашего орденские знаки св. Анны 1, св. Станислава 1 и св. Владимира 3 степеней, всего *58 р.* сер., на основании высочайшего, утвержденного в 9 день октября, всеподданнейшего доклада г. министра императорского двора, со счетов сложена.

Имея честь уведомить о сем Вас, мил[остивая] госуд[арыня], покорнейше прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности, с которыми имею честь быть

Вашего превосх[одительст]ва

Ее пр-ву В. А.
Лобачевской.

Отпуск с датой: «10 декабря 1856 г. № 4534».
ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1855 г., № 38, л. 25.

616

Дополнительная публикация в «Сенатских объявлениях» о наложении запрещения на недвижимое имение, принадлежавшее Н. И. Лобачевскому и перешедшее после его смерти детям его Николаю, Александру, Алексею, Варваре и Софии Лобачевским

27 декабря 1856. Петербург

Лобачевский, Николай Николаев, корнет Уланского полка, и малолетние дети действительного статского советника:

Лобачевский, Александр Николаев
Лобачевский, Алексей Николаев
Лобачевская, Варвара Николаева
Лобачевская, София Николаева.

По выданному 14-го июня 1854 года за № 22 на имение действительного статского советника Николая Ивановича Лобачевского свидетельству считается под запрещением имение, состоящее Казанской губернии, Чебоксарского уезда, в деревне Беловолской Слободке ревизских мужеска пола сто душ с принадлежащею к ним землею. По представлении же свидетельства к залогу запрещение считается на все сто душ с их землею, от Казанского Приказа общественного призрения, за выдачу 5-го июля 1854 года ему г. Лобачевскому в заем денег восьми тысяч рублей серебром, сроком на 26 лет. Ныне же запрещение считается из означенного выше имения, состоящего в деревне Беловолской Слободке из ста душ — на 97-м душ

с принадлежащею к ним землею, вышеупомянутым детям действительного статского советника Лобачевского, корнету Уланского полка Николаю и малолетним: Александру, Алексею, Варваре и Софии Николаевым Лобачевским по переводу на них (по случаю совершения в Казанской Палате гражданского суда 9-го ноября 1856 года раздельного акта, учиненного отцом их г. Лобачевским, предоставленные им детям своим в потомственное их владение) запрещения, учиненного 1854 года, № 71-го в ст. 17. 844-й, прежнему владельцу Николаю Ивановичу Лобачевскому, и долга Приказу, за уплатою — остальных семи тысяч семисот сорока восьми рублей серебром. За тем остальные три души с их землею (за которых внесены выкупные деньги и от залога состоят свободны) оставлены во владении супруги действительного статского советника Лобачевского Варвары Алексеевны Лобачевской.

(*Изменение запрещения*)

Санктпетербургские Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения, 29 декабря 1856, № 104, стр. 3888—3889, статьи 21 735—21 739. (От Казанского губернского правления 5 декабря за № 6 805. По сообщению Казанской Палаты гражданского суда).

617
Некролог Н. И. Лобачевского
Конец 1856

\Lobatschewskij, Nikolai Iwanowitsch, Professor emeritus der Kasan, schen Universität starb in Kasan den 12. Februar 1856, 62 Jahre alt. Lobatschewskij docirte, von 1814 bis 1846, an der Universität Astronomie, Theoretische und Experimental-Physik und Mathematik, war mehrere Jahre Rector der Universität und zuletzt Curators-Gehülfe des Kasan'schen Lehrbezirks.

«Kalender fur das Jahr 1857», изд. Академии Наук. St.-Pb., S. 242.

618
Некролог Н. И. Лобачевского
Конец 1856

Лобачевский, Николай Иванович, заслуженный профессор Казанского университета, умер в Казани 12 февраля 1856 года, на 63 году своей жизни. Лобачевский преподавал в Университете: Астрономию, Теоретическую и Опытную физику и Чистую математику (с 1814 по 1846 г.), был долгое время ректором, а в последнее время помощником попечителя Казанского учебного округа.

«Месяцослов на 1857 год», изд. Академии Наук, СПб., стр. 253.

619

Публикация в «Сенатских объявлениях» о раздельном акте В. А. Лобачевской и ее детей на недвижимое имение, оставшееся после смерти Н. И. Лобачевского

7 марта 1857

В Казанской палате гражданского суда 1856 г. ноября 9-го совершен раздельный акт, учиненный вдовою действительною статскою советницею Варварою Алексеевною *Лобачевскою*, за себя и как опекунша за малолетних детей своих, сыновей: Александра, Алексея и дочерей: Варвару и Софью Николаевых *Лобачевских* и совершеннолетним сыном ее, корнетом Николаем Николаевым Лобачевским на недвижимое имение, оставшееся после смерти первой мужа, а последних отца, Николая Иванова Лобачевского, состоящее Казанской губернии Чебоксарского уезда в деревне Беловежской Слободке, заключающееся по 9 ревизии в 100 ревизских мужеска пола душах с землею, сенными покосами, лесом и прочими угодьями, господским и крестьянским строением и водяною мукомольною мельницею; цена вышеозначенному имению объявлена по совести 13 000 р. сер. Раздельный акт писан на листе в 27 р., взыскано за акт 3 р. сер.; пошлин же, на основ. 334 ст. V т. Св. Зак. Уст. о пошл., не взыскано.

Санктпетербургские Сенатские объявления по судебным, распорядительным, полицейским и казенным делам, четверток, марта 7 дня 1857 года, № 19, Разряд XXIII. О совершенных крепостных актах, о явке сих актов для ввода во владение имением, стр. 75, статья 11507.

620

Некролог Н. И. Лобачевского, написанный его учеником А. Ф. Поповым

Октябрь 1857

Николай Иванович Лобачевский, сын архитектора, родился в Нижнем-Новгороде в 1793, помер в Казани 12 февраля 1856, украшенный титлами заслуженного профессора, королевского геттингенского, копенгагенского и других ученых и экономических обществ члена, почетного члена университетов московского и казанского, чином действительного статского советника и достоинством кавалера орденов первой степени св. Анны и св. Станислава и св. Владимира третьей степени. Его благородная жизнь и труды нераздельны с историею полувекового казанского университета.[1]

Находясь воспитанником в казанской гимназии, он видел, как полагался краеугольный камень в основание казанского университета (1805), и чрез два года, по открытии сего университета, поступил в число студентов (1807).

Первый попечитель казанского университета, академик Румовский, исполнил достойным образом мудрую волю императора Александра I.

[1] В последние годы своей жизни Лобачевский находился в должности помощника попечителя казанского учебного округа.

Между профессорами казанского университета явились ученые мужи, которых имена признательно повторяет ученая история. Таким образом, сын беднейшего семейства, Лобачевский, имел редкое счастие просветить ум наставлениями Бартельса, Литрова, Броннера. Профессор Бартельс не только усмотрел дарования в Лобачевском к наукам математическим, но и полюбил сердечно ученика своего, с отеческим попечением воздерживая его от порывов, свойственных юношескому возрасту, и рекомендуя начальству университета необыкновенные успехи своего любимца.

И в самом деле, в 1811 году по ходатайству факультета Лобачевский был утвержден магистром математических наук, хотя и получил в то же время выговор от начальства за нескромность. Этот момент был самым благодетельным в жизни Лобачевского. Отныне он понял, что ученый человек должен проводить жизнь тихую, вести речь умеренную, уважать общественное приличие, что способностями милосердный бог награждает нас для честного служения государю и отечеству.

Во-первых, профессор Бартельс поручил Лобачевскому объяснять для студентов первый том сочинения Лапласа *Mécanique céleste* и Гаусса *Disquisitiones arithmeticae*. Это было задано в 1811 году и для дебюта молодому магистру.[1]

В 1814 году казанский университет получил первого ректора, в особе Брауна, правильное разделение на факультеты, и Лобачевский начал публичное преподавание в звании адъюнкта чистой математики; наконец, в 1816 году занял самостоятельно кафедру чистой математики. Здесь начинаются ученые и административные труды Лобачевского. Сначала в звании члена, а потом в звании председателя Лобачевский присутствует с неутомимым усердием в бесчисленных комитетах строительных, испытательных, училищных, издательных; в советах факультетских, университетском, попечительском; шесть раз сряду избирается ректором университета и находится в этой должности в течение девятнадцати лет. Пример, может быть, необыкновенный. Лучшие здания казанского университета: божий храм, аудитории, музеумы, кабинет физический, астрономическая обсерватория, анатомический театр, клиника, механическое заведение, главная библиотека сооружены незабвенною деятельностию попечителя Мусина-Пушкина, умною распорядительностию Лобачевского и честным трудолюбием Никольского. Успех этого дела лучше всего доказывает, как Лобачевский умел управлять и в то же время исполнять волю своего начальника. Один из сослуживцев Лобачевского выразился, что для него не существовало ничего второстепенного в службе, ни в науке; за что ни брался он, все становилось в его глазах предметом первой важности, все делал он с особенным усердием и с глубоким убеждением в пользе

---

[1] На самом деле Лобачевский сам изучал под руководством Бартельса арифметику Гаусса и первый том «Небесной механики» Лапласа, что отметил еще Н. Н. Булич (Из первых лет, ч. I, стр. 248 и примечание 1). — *Л. М.*

своего дела. Он никогда не уклонялся от своих обязанностей и во многих случаях принимал на себя труды добровольно. Отправлялся ли кто из профессоров с поручением от университета в чужие краи, или вакантная кафедра не скоро замещалась, Лобачевский принимал на себя преподавание. Таким образом, чистая математика, от алгебры до вариационного исчисления, механика, гидростатика, астрономия, физика опытная и математическая были попеременно предметами его преподавания, в течение тридцатидвухлетнего его служения как профессора. Присутствуя при испытаниях студентов, он находил и здесь случай некоторым образом поверять и распространять свои сведения. В особенности же любил слушать и рассуждать о предметах ботаники и анатомии. Вообще его радовали науки опытные, как радует порядок и жизнь, разлитые в природе, человека, одаренного вкусом к разумному и прекрасному. Это исчисление качеств может показаться слишком подробным для человека, урожденного и воспитанного посреди предметов избранного вкуса и просвещения. Но для казеннокоштного воспитанника казанской гимназии, каким был Лобачевский, все это составляет предмет справедливой похвалы.

В аудитории профессор Лобачевский умел быть глубокомысленным или увлекательным, смотря по предмету изложения. Вообще разговорный слог его не походил на письменный. Между тем как в сочинениях своих он отличался слогом сжатым и не всегда ясным, в аудитории он заботился об изложении со всею ясностию, решая сначала частные задачи по способу синтетическому, а потом доказывая общие предложения по способу аналитическому; он мало заботился о механизме счета, но всего более о точности понятия. Он чертил на доске не скоро, старательно, формулы писал красиво, дабы воображение слушателей воспроизводило с удовольствием предметы преподавания; любил более сам учить, нежели излагать по авторам, предоставляя слушателям самим познакомиться с подробностями ученой литературы. Его публичные лекции физики привлекли в аудиторию многочисленную публику, а чтения для избранной аудитории, в которых Лобачевский развивал свои *Новые начала геометрии*, должно назвать по справедливости глубокомысленными.

При испытаниях Лобачевский был, повидимому, своенравен: иногда он довольствовался ответом в нескольких словах, в другой же раз останавливал с неудовольствием бойкий ответ студента. Дело состояло в том, что он всегда добивался развития способностей и здравого смысла, и почитал непрочным приобретение молодой памяти. Но требуя от молодых людей безукоризненной точности в выражении, он являлся до излишества строгим, потому что ученый слог приобретается докторантами позже всего.

Как ученый математик Лобачевский оставил многие сочинения, из коих большая часть изданы в Ученых Записках Казанского университета. Этот журнал, заслуживший ныне известность между иностранными учеными, обязан Лобачевскому от первоначальной мысли об издании до настоящего развития. Берлинская академия наук получает ныне Записки

Казанского университета в обмен за свои мемуары. [...] В числе восемнадцати или двадцати рассуждений, книг и брошюр Лобачевского одни относятся к теории числ, другие к теории интегралов и важнейшие к строгой теории параллельных линий. [1]

Прежде нежели последнее сочинение [2] было издано, автор уже совершенно лишился зрения. Всеми уважаемый слепец не переставал посещать университетских собраний, слушал докторские диспуты, академические речи; представлялся лично в униформе господину министру народного просвещения А. С. Норову, во время посещения его в Казань — но это было последнее усилие бодрого духа в борьбе с немощию организма, это было одно желание исполнить долг службы. Профессоры пожелали навсегда видеть портрет Лобачевского в одной из зал казанского университета. Высшее начальство почтило скорым вниманием вдову и детей покойного профессора.

1857 октября.

А. Ф. Попов. Воспоминание о службе и трудах профессора Казанского университета Лобачевского, «Ученые Записки, издаваемые императорским Казанским университетом за 1857 год», книжка IV, стр. 153—159; то же: А. Ф. Попов. Материалы для биографии Н. И. Лобачевского. 1. Воспоминания о службе и трудах проф. Казанского университета Лобачевского, Казань, 1893, 8 стр. В переводе на немецкий язык: «Erman's Archiv für die wissenschaft. Kunde von Russland», 1858; «Das Inland», 1858, № 9.

621

Паспорт, выданный В. А. Лобачевской из Казанского учебного округа на свободное проживание с детьми во всех городах Российской империи 30 ноября 1857

По титуле.

Предъявительница сего вдова бывшего помощника попечителя Казанского учебного округа, действительного статского советника Николая Ивановича Лобачевского — Варвара Алексеевна с детьми: сыновьями Александром и Алексеем и дочерьми Варварой и Софьей Николаевыми Лобачевские. [3]

В удостоверение этого и на свободное проживание во всех городах Российской империи дан им сей вид за моим подписом и приложением казенной печати, на основании свода законов 5-го устава о пошл. прим. 1 к ст. 94 (изд. 1842 года) на простой бумаге. В Казани ноября 30 дня 1857 года.

Подписал: Управляющий Казанского Учебного округа Веселаго.

Скрепил: Столоначальник *Ройев*.

---

[1] Далее выпускаем устаревший список сочинений Н. И. Лобачевского, состоящий из перечня 17 сочинений. — *Л. М.*

[2] «Pangéometrie», 1856 г. — *Л. М.*

[3] Так в тексте. — *Л. М.*

Расписка В. А. Лобачевской: «Получила: Действительная статская советница Варвара Лобачевская».

ЦГАТ, Ф. 92, стол 2, 1855 г., № 299, л. 8. Отпуск.

622

Краткие биографические сведения, извлеченные из Нового биографического словаря, изданного фирмою братьев Дидо в Париже в 1859 г.

Lobatchevsky *(Nicolas-Ivanovitch)*, mathematicien russe, né à Nisjni Nówgorod, en 1793, mort le 12 février 1856, à Kasan. Fils d'un architecte, il étudia à Kasan, y enseigna les mathématiques, et fut mis en 1827 à la tête de l'Université. En 1846 il cessa de faire ses cours, et obtint le titre de courateur. Vers la fin de sa vie, il devint aveugle. Ses nombreux mémoires ont été insérés dans les *Utchonyja Sopiski* (Mémoires Scientifiques), recueil fondé à Kasan par Lobatchevsky, ainsi que dans le *Journal de Mathematiques* de Crelle. Parmi ces derniers on a tiré à part ceux qui traitent les points suivants: *Géometrie imaginaire* (Berlin, 1835); — *Application de la géometrie imaginaire à quelques intégrales* (1836); — *Théorie des parallèles* (1840); — *Sur la valeur de quelques intégrales déterminées* (1852)

Unsere Zeit. Ch. R — n

Перевод:

Лобачевский (Николай Иванович), русский математик, родившийся в Нижнем-Новгороде в 1793 г., умерший 12 февраля 1856 г. в Казани. Сын архитектора, он учился в Казани, преподавал там математику и был поставлен в 1827 г. во главе Университета. В 1846 г. он кончил читать свои курсы и получил звание попечителя. К концу своей жизни он ослеп. Его многочисленные сочинения были помещены в *Ученых Записках* — сборнике, основанном Лобачевским в Казани, — а также в Математическом журнале Крелле. Из этих последних были отобраны те, которые трактуют о следующих вопросах: 1) *Воображаемая геометрия* (Берлин, 1835); — *Применение воображаемой геометрии к некоторым интегралам* (1836 г.); *Теория параллельных линий* (1840); *О значении некоторых определенных интегралов* (1852).

Наше время. Ш. Р—н

Nouvelle biographie générale depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours, avec les renseignements bibliographiques et l'indication des sources a consulter; publiée par mm Firmin Didot frères, sous la direction de M. le D-r Hoefer, T. XXXI, Paris, MDCCCLX, столб. 416.

Эти сведения, в свою очередь, извлечены из журнала «Unsere Zeit», издававшегося в Лейпциге в 1859 г. (Band III, 27 Heft, S. 207).

II

ВОСПОМИНАНИЯ О Н. И. ЛОБАЧЕВСКОМ

Воспоминания детей Н. И. Лобачевского

1

Воспоминания В. Н. Ахлопковой

(По записи Р. Яковицкого)

Николай Иванович Лобачевский, столетнюю годовщину со дня рождения которого Казанский университет, а вместе с ним и многие другие рассадники науки праздновали 22-го октября, родился в Нижнем-Новгороде; отец его был католик, архитектор, выходец из Царства Польского. Н. И. Лобачевский воспитывался в Казанской гимназии, затем в Казанском университете, в котором, по окончании курса, занял кафедру профессора, будучи всего 20-летним юношей. Сделавшись потом ректором Казанского университета, Лобачевский не отказался от кафедры, говоря, что желает свои познания передать молодежи, но жалование получал только как ректор. Во время своего ректорства Лобачевский исходатайствовал сумму на постройку клиник при Казанском университете, причем от ассигнованной суммы получился солидный остаток.

Женился Н. И. Лобачевский 45-ти лет, на 19-летней девушке, дочери помещика Казанской и Уфимской губерний, Варваре Алексеевне Моисеевой, по любви.

Варвара Алексеевна была смуглая брюнетка с черными глазами, высокого роста, живая, вспыльчивая, словом, — полная противоположность Николаю Ивановичу, человеку серьезному, редко смеявшемуся и только слегка улыбавшемуся, аккуратному до того, что каждый карандаш и перо он завертывал в бумагу, когда собирался в дорогу. Спорить и доказывать Николай Иванович любил только по серьезным поводам. Когда сердилась вспыльчивая супруга его, он упорно молчал, покуривая свою трубку; когда же вспыльчивость жены проходила, Н. И. кратко и внушительно указывал ей всю неблагоразумность ее речей. В обществе Н. И. всегда был любезен, причем шутить и острить иногда тоже был не прочь.

Н. И. был в высшей степени хлебосолен; он часто сам заказывал повару свои любимые кушанья и рассказывал ему, сколько и чего именно положить туда; все кушанья были на миндальном молоке и прованском масле.

Походка Николая Ивановича и все его движения были медленные, жизнь его во всем была рассчитана; все делал он по часам, и в городе, и в деревне придерживаясь известного расписания.

Каждое утро он окачивал себя водою со льдом, после обеда не спал, но, выпив чашку кофе и заложивши руки назад, ходил по комнатам для моциона или работал в своем саду. Из спиртных напитков в рот ничего не брал, кроме рюмки мадеры или хереса; курил всегда только трубку или сигары. Н. И. был враг ламп и работал в своем кабинете постоянно при двух свечах.

Н. И. очень любил басни Лафонтена, заставляя детей своих читать и переводить их. Любил он очень сочинения Дюма и Пушкина, иногда декламируя последнего в семейном кругу своем.

В деревне своей «Слободка», в 50 вер. от Казани, на берегу Волги, Николай Иванович развел великолепный сад, выписывал и сажал там разные деревья и кусты, расчищал дорожки и превратил овраги и пустыри в цветущие и красивые места, с искусственным орошением. Жителям г. Казани приходилось брать дурную воду из скверного озера Кабан, и Николай Иванович долго трудился над проектом проведения воды из Волги. Вообще, строиться и улучшать все в хозяйстве — это была страсть Николая Ивановича, тратившего на это очень большие деньги.

Николай Иванович Лобачевский имел двух братьев — Александра и Алексея; Алексей умер старым холостяком, а Александр утонул студентом в речке Казанке. К детям своим (он прижил с женой 15 человек) Николай Иванович был строг; он сам подготовлял их прямо в университет и там на экзаменах обходился с ними строже, чем с прочими студентами, так что дети потом приходили к матери со слезами и с жалобой на строгость отца. Смерть старшего сына, первенца Алексея, умершего студентом от чахотки в 19-м году жизни, сильно повлияла на Николая Ивановича; он заметно начал с этих пор болеть и чувствовать себя все хуже и хуже. К студентам Н. И. Лобачевский тоже вообще был строг, но никогда не выключал и не губил их, а, напротив, делал много добра и выводил бедных студентов в люди. Если провинится студент, он пригласит его к себе в кабинет на квартиру, запрется на замок и там долго держит виноватого, час и два. Студент выходит расстроенный, бледный, — головомойка была порядочная.

Когда Н. И. Лобачевский лишился уже зрения, и жена вела его как-то под руку по комнатам, врывается в залу молодой человек, бросается к ногам Николая Ивановича и, рыдая, благодарит его. Николай Иванович, не видя, спрашивает: кто это? А тот не может даже выговорить ни слова от волнения и обнимает только колени Николая Ивановича. Наконец, студент произнес свою фамилию; это был студент К[риницын?]: ему угрожало итти в солдаты, потому что он был из податного сословия и попался в какой-то истории. Н. И. Лобачевский его выручил; он кончил затем курс и занял в Сибири важный пост. Другой факт. Николай Розов, сын бедного священника, из Сибири пришел пешком в Казань, чтобы поступить в университет; обратился он к Н. И. Лобачевскому и с его помощью поступил на медицинский факультет и жил даже в его доме,

В. А. Лобачевская. С фотографии.
(Архив Академии Наук СССР)

В. Н. Ахлопкова.
С фотографии.
Архив Академии Наук СССР)

а летом ездил вместе в деревню «Слободка». Розов сделался впоследствии тайным советником и директором медицинского департамента, и так был привязан к семейству Лобачевских, что когда вдова Варвара Алексеевна Лобачевская, живя уже в Петербурге, сообщала ему о своей болезни, он всегда немедленно приезжал и говорил, что хотя он никуда не ездит и от всякой практики отказался, но ее, как благодетельницу, всегда готов лечить.

Еще интересный факт. Заходя несколько раз в итальянский магазин, торгующий нотами и картинами в Казани, Н. И. Лобачевский видел там приказчика-мальчугана; он обыкновенно ходил по городу с коробом товара на плечах, а за прилавком Н. И. заставал его сидящим постоянно за каким-то вычислением. Заметив в мальчике такое прилежание и способность к математике, Николай Иванович спросил этого мальчика, не желает ли он учиться. Мальчик с радостью согласился, но заявил, что он бедный сирота, что хозяин привез его в Россию из Италии. Поговоривши с хозяином, Николай Иванович взял от него этого мальчика и поместил его в гимназию; гимназист учился хорошо, кончил университет и сделался профессором физики в Казани. Женился он потом на русской; Николай Иванович благословил его образом, и профессор этот каждый почти день приходил в дом к Николаю Ивановичу, в знак своей благодарности. Это был профессор И. А. Больцани.

В 40-х годах было большое солнечное затмение; Н. И. Лобачевский поехал в Пензу[1] наблюдать его. В базарный день, в полдень солнце скрылось, произошло большое смятение, особенно на базаре, — опрокинули возы с провизией, затем поднялся шум, и распространился слух, что приехал из Казани колдун и украл солнце, и вся эта необузданная базарная толпа бросилась к обсерватории, чтобы растерзать казанского колдуна; только благодаря полиции удалось Николаю Ивановичу спастись от внезапной напасти.

Сочинения свои Н. И. Лобачевский писал на французском языке. Он свободно владел языками греческим и латинским и особенно любил немецкий язык; когда уже слабый, слепой лежал он в постели, то к нему приходил из духовной академии проф. Андрей Беневоленский и читал ему по-гречески; Николай Иванович переводил это, и перевод тут же записывался. Вскоре после смерти Н. И. Лобачевского были присланы из Парижа и Берлина медали за его сочинения; умер Николай Иванович в Казани в собственном доме, на Б. Проломной улице.

«Профессор Николай Иванович Лобачевский в воспоминаниях его дочери Варвары Николаевны Ахлопковой» в газете «Волжский Вестник», 30 октября (11 ноября)

[1] В воспоминаниях г-жи Ахлопковой ошибочно сказано «Симбирск». — *Примечание редакции «Волжского Вестника».*

1893 г., № 278, стр. 3—4, со следующим введением редакции: «Под таким заглавием помещены в номере газеты *Новости Дня* от 22-го октября воспоминания о Н. И. Лобачевском, записанные, со слов его дочери Варвары Николаевны Ахлопковой, г-м Р. Яковицким. Считаем необходимым познакомить читателей *Волжского Вестника* с этими семейными, а потому и в особенности интересными воспоминаниями».

2

Воспоминания Н. Н. Лобачевского [1]

(По записи неизвестного)

В прошлом 1893 году, проездом через г. Мариинск, я пробыл в нем с неделю. Это было во время известных казанских празднеств в честь моего незабвенного учителя Н. И. Лобачевского. Сидя на станции и пробегая газетные столбцы, посвященные воспоминаниям о великом геометре, вдруг я услышал фамилию Лобачевского. В двух шагах от меня довольно полный старик, с почти белой бородой, проседью в голове и рукою на перевязи, о чем-то разговаривал с почтовым чиновником. Это оказался

---

[1] Послав свои воспоминания редактору «Исторического Вестника» С. Н. Шубинскому, Н. Н. Лобачевский писал ему 25 ноября 1894 г. из г. Мариинска:

Милостивый государь

50 руб., присланные Вами при письме от 4 ноября, я получил и откровенно Вам скажу, что был в таком стесненном положении, что уже с неделю как не пил чаю, — искренне благодарю, что поторопились выслать часть денег.

В книге, изданной Казанским университетом, празднования 100-летней годовщины отца приложен его портрет, но настолько непохож, что я долго всматривался и не нашел ни одной знакомой черты. Портрет этот снят с портрета, писанного с отца, когда ему было не более 43—44 лет, мне тогда было лет 9—10 и, следовательно, хорошо сохранилось в памяти,— портрет был настолько неудачен, что сам покойный отец часто над ним останавливался и с улыбкою говорил: «Вот это я, жалко только, что без трубки, но [*нрзб.*] меня бы скоро узнали!»

Прилагаю при сем карточку, снятую за 2 недели до его смерти, где он уже совершенно слепой, но весьма похожа на него; не найдете ли Вы возможным ее приложить к моим воспоминаниям.

Извините за просьбу, но нужда слишком велика, не согласитесь ли Вы выслать мне к новому году еще небольшую сумму, чем крайне бы обязали

Вашего покорного слугу
Н. Лобачевского.

[Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Архив С. Н. Шубинского, переписка. Портрет Н. И. Лобачевского, о котором идет речь в письме, не был приложен к «Историческому Вестнику», где впервые появились воспоминания Н. Н. Лобачевского об отце, и воспроизводится в настоящем сборнике впервые по фотокарточке, хранящейся в Архиве Академии Наук СССР (Разряд IV, оп. 1, № 642).]

Н. Н. Лобачевский, один из сыновей знаменитого математика. Разумеется, я заинтересовался им и как сыном своего учителя, и как жертвой злой судьбы, сулившей ему Сибирь в то время, когда слава его отца дошла до своего зенита. Я посетил его. На грязном дворе, в полусгнившей избушке, где-то над погребами, положительно без всякой обстановки, видимо в крайней бедности, я нашел Лобачевского и по портрету покойного его отца на столе убедился, что вижу перед собою действительно сына знаменитого ученого. По виду угрюмый старик оказался весьма словоохотливым человеком.

— Да! — сказал он, — вот куда судьба меня забросила; из громадной семьи (нас было 18 человек) в живых нас только двое — я да сестра, и, несмотря на мою собственную семью, четверых детей и жену, я, как видите, совершенно одинок и страшно бедствую.

Старик приостановился и передал некоторые из эпизодов жизни отца, но дела и недосуг не позволили мне тогда сделать гласным этот рассказ, в котором мой собеседник с грустью ставил и себя частию виновником смерти отца. Недавно мне вновь пришлось побывать в Мариинске, и я не преминул, конечно, побывать у Н. Н. Лобачевского. Старика я нашел сильно изменившимся; он постарел и исхудал. В этом году он перенес тиф, который отнял у него много силы, здоровья и энергии. Я показал ему № 73-й «Света», в котором, со слов Н. П. Вагнера, говорилось об его отце; он с жадностью его прочел, слезы покатились по его исхудалым щекам, и он начал:

«Как портрет моего отца, так и наша семейная жизнь описаны далеко не верно; да и на самом деле, как же мог ее знать Н. П. Вагнер, никогда у нас не бывавший, разве в ранней юности, когда я был еще ребенком, а я немного моложе его. С братом его М. П. я был товарищем, мы вместе учились и почти в одно время поступали в военную службу: он в Ахтырский гусарский, я в Стародубский кирасирский полки; это было в 1854 году, а отец скончался в 1856 году. Отец мой одинакого роста со мной, как видите, немного выше среднего, человек он был довольно полный, держал себя всегда прямо и только в исключительных случаях опускал голову, но сутуловатым никогда не был. Да вот его портрет, снятый за две недели до смерти и присланный им мне, когда я был произведен в офицеры. Вид у него был действительно задумчивый, это происходило от расстроенных обстоятельств и массы неприятностей по службе в последние годы его жизни. Видите ли это открытое, прямое лицо, прямо, задумчиво смотрящее на вас, но уж с потускневшими глазами. На голове у него действительно кажется шапка, но это произошло от того, что присланный дагерротип сильно выцвел, и первый снимок фотографии поправлялся неумелою рукою. Портрет же его в голубой зале Казанского университета снят с портрета, писанного в Казани Крюковым, когда отец был еще лет около 40, а звезда пририсована впоследствии. На портрете волосы немного темнее, чем они были на самом деле, и отец часто

говаривал про Крюкова, указывая на портрет: «хотел, видно, сделать брюнетом, да стыдно стало». Волосы у него были такого же цвета, как мои, т. е. русые, стриг он их коротко, тщательно причесывал, но никогда не был курчавым. Глаза были светлосерые, как у меня. Непризнанное тогда его сочинение, грубая и несправедливая критика на его алгебру: «алгебра Лобачевского, — писал кто-то в то время, — похожа на гору, родившую мышь»,[1] смерть брата, страшно расстроенное состояние, неудачи по службе и в сыновьях делали глаза его задумчивыми, брови сдвинутыми. Редко, редко в последние годы жизни они расправлялись, и то разве на несколько минут. Состояние отца расстроилось от несовсем удачной покупки имения. Прельстившись прекрасным местоположением на берегу Волги, Слободкою, и рассчитывая на деньги, принадлежавшие матушке и находившиеся у дяди моего (по матери) Великопольского, отец, вынув небольшой капитал из банка, купил Слободку с 1 100 десятинами и в пятнадцати верстах от нее 4-х-поставную мельницу с 15-ю десятинами земли в Чебоксарском уезде. Дядя был страшный игрок, театрал, поэт. Проиграв всё свое состояние, он прихватил и доверенные ему деньги матушки, 20 тысяч, в чем откровенно сознался в письме. Пришлось заложить Слободку, во-первых, чтобы рассчитаться с ее прежним владельцем Карпенко, а во-вторых, чтобы окончить уже начатые многие постройки и улучшения, придуманные отцом. Эта покупка легла тяжелым бременем на наше вполне обеспеченное состояние. Даже сам отец, любуясь на свою игрушку-Слободку, говорил шутя: «кудели-то много, да ревеню-то мало», переделывая coup d'oeul и revenu на русский лад. Действительно, имение это оказалось совершенно бездоходным, и только мельница хотя несколько и оправдывала затраченный капитал, но требовала фундаментальной поправки. Между тем, отец выстроил дом, флигель, прекрасные амбары, каретники, конюшни, каменную ригу и овчарню. Развел скот, удобривал землю, но камень и глина оставались попрежнему неплодородными. На площади между двух гор и оврагов, покрытых лесом, развел он прекрасный сад, как страстный любитель растений, сад соединил с площадью дома, перекинув через овраг плотину. По своему плану выстроил оранжерею и теплицу, но они оказались совершенно негодными. Из сада мы пользовались прекрасными букетами, яблоками всевозможных пород, смородиной, холодной ключевой водой и . . . только. Отец задался мыслью устроить другую плотину почти в самой деревне, чтобы, задержав бегущие с гор ключи, построить вторую мельницу. Баснословные деньги взяла эта затея, даже кирпичная стена не удержала напора воды, и два раза прорванная плотина унесла с собой массу денег. Отец вошел в долги, имения были заложены, а постройка нового каменного дома и служб в Казани заставила заложить и самый дом. Мы жили в казенном доме, и нас много поддерживал доход с домов,

[1] Ср. ниже, стр. 664.— *Л. М.*

но и этот источник вскоре прекратился. Служа так долго профессором и ректором университета, занимая кафедры чистой и прикладной математики, отец мой думал, что труды его будут оценены, и он будет назначен попечителем округа, должность которого он исправлял более года, что ему и обещал, истинно уважавший отца, бывший попечитель М. Н. Мусин-Пушкин. Но вместо ученого мундира мы увидели генерал-маиорские эполеты с саблею за храбрость; попечителем был назначен В. П. Молоствов. Отец мой, назначенный помощником попечителя, по требованию Молоствова должен был переехать в свой дом и лишиться значительной части дохода от него. Привыкнув к деятельной жизни, он остался положительно не при чем. Ректор И. М. Симонов вскоре вошел в дружбу с попечителем, и отец был окончательно устранен от всякого участия в учебном мире. Большинство профессоров, служащие и в особенности студенты, любившие и почитавшие отца, привыкнувшие даже к его строгости, не совсем дружелюбно относились к новым порядкам, сильно отзывавшимся строгой военной дисциплиной. Самолюбие отца страдало, он горевал о своем детище, о родном университете. Все его начинания отменялись, советы отстранялись. Он страдал душевно. Непризнанные его труды, алгебра и пангеометрия, сильно расстроенное состояние, частая нужда в деньгах, нароставшие проценты, смерть сына, поступление мое в военную службу и, наконец, появившиеся объявления о продаже дома и имений за неплатеж процентов заставили его занять у Брылкиной 4 тысячи рублей и взвалить новую обузу на совершенно расстроенное состояние. Матушка моя при своей вспыльчивости и несдержанности, прочитав объявление, принесенное услужливыми кумушками, бросилась к отцу с газетою в руках и засыпала его упреками. Всё это, вместе взятое, быстро свело его в могилу. Над парадным крыльцом отец выстроил оранжерею и часто ходил в нее из залы. Раз мы услыхали какой-то шум падающего тела. Я первый выбежал в залу и увидел отца, лежавшего у окна и старавшегося подняться. Вслед за мною вбежала матушка; «дай руку», — сказал он мне; я подал и с помощью матушки довел его до диванной, где он и лег, приказав подать трубку. «Что с тобою, Николай Иванович, — спросила матушка, — вероятно, опять геморой?» «Ах, матушка! — отвечал он, — геморой-то гемороем, да нет, уж, верно, дело идет к могиле. Умирать надо». Такие падения стали повторяться все чаще. Он мало был утешен, получив Станислава 1-й степени. Вслед затем получил тот же орден И. М. Симонов. Спустя некоторое время, Симонов получил уже Анну 1-й степени, а отец был обойден. Прекратив совершенно свои посещения, Симонов приехал к отцу и нанес ему новый удар. Как теперь, помню эту радующуюся, улыбающуюся, рябую физиономию. «Получив награду, — начал он, — первою мыслью остановился на вас, Николай Иванович, и как товарища и друга, мною глубоко уважаемого, прошу надеть звезду эту на меня». Уже сильно опустившийся отец снес это оскорбление и поданною матушкою булавкою твердою рукою прикре-

пил казенную фольговую звезду к груди Симонова, поздравив его с царскою милостию. Спустя, кажется, год, отец также получил Анну 1-й степени, по личному ходатайству тогда министра народного просвещения Норова. Многие профессора горячо радовались и поздравляли отца. Другие же, принадлежавшие к противному лагерю, только исполнили свою обязанность. Отца моего продолжали также часто посещать вполне уважавшие его профессора: А. Ф. Попов, Ф. И. Елачич, И. А. Больцани, М. И. Мельников и Н. А. Скандовский. Посещений Н. П. Вагнера я положительно не помню. Отец мой про свою школьную жизнь не только не любил говорить, но даже и вспоминать, и если матушка и знала о его похождениях, то из уст бабушки и некоторых его товарищей. Иногда, рассказывая нам про шалости отца, как, например, он верхом на корове, держась за рога, на Черном Озере встретил ректора, она всегда добавляла: «не проболтайтесь при папе, он этого не любит». Об учителе, пророчествовавшем ему быть разбойником, я никогда не слыхал. Как нам известно, его шалости рельефно выдавались, когда он уже был студентом, за что два раза в наказание переводился в гимназию. Наконец шалости довели его до рекрутского станка; он уже на волосок был от солдатской шинели. Благодаря заступничеству профессора Магницкого, любившего и оценившего способности отца, он был возвращен в университет. Это так на него повлияло, что он, как оборвал, бросил все свои затеи и кончил курс магистром, тогда высшею ученою степенью. Сделавшись адъюнктом вместе с дядей Алексеем Ивановичем, они превратились в щеголеватых светских молодых людей, танцоров. Отец мой, имевший почти 40 лет, влюбившись в 16-летнюю девушку, мою мать, женился на богатой помещице, быв уже статским советником. А адъюнкт-профессор физики, дядя, потерпев неудачу в любви, вышел в отставку, заперся в четырех стенах, но, не имея никаких средств, поступил управляющим суконной фабрикой Г. И. Осокина. Затем в Суконной слободе выстроил себе каменный дом, проданный после пожара моему отцу, а им подрядчику Лисицыну. Дядя страшно пил. Костюм его заключался в белой рубашке, таких же подштанниках, халате и котах. Другого костюма он не признавал. Кроме отца и Осокиных, он никого к себе не пускал, не подходил даже к окну, чтобы не видеть женщин. Но ту, которой он прельстился, и которая отвергнула его любовь, кажется, ни отец, ни матушка мои не знали. Женившись, отец с трудом добился разрешения приехать к нему с молодой женой, и еще с большим трудом добились от него согласия быть моим крестным отцом. А. И. сильно походил на отца, но ростом был выше, волосы почти черные, и нос был страшно раздут от чрезмерного употребления вина. Около 40 лет просидел старик взаперти. Прежде он имел любовницу, но лишь только она родила сына, живой портрет дяди, была немедленно изгнана, и только один раз в год он принимал к себе матушку и раза 4—5 отца, которого, однако, очень любил. После пожара, от которого дядя пострадал, ему были отведены две комнаты в антресолях на-

шего громадного дома, совершенно отдельные, но изредка доходивший до него гул от наших детских голосов нарушал его покой, и он уехал в Слободку. Прожив здесь месяца два, он уехал в Казань и заперся в квартире за Булаком.

Отец мой, несмотря на угрюмость, собственно говоря, появившуюся с переездом в своей дом, был характера мягкого, готовый всегда явиться на помощь и по мере сил сделать добро. Матушка же была нрава горячего, вспыльчивая, и если и уступала отцу, то только из любви и уважения к мужу. Впрочем, отец редко входил в какие-нибудь споры с матушкой. Бывало, махнет рукой, проговорит: «Эх, матушка Варвара Алексеевна!» и уйдет в кабинет. Самыми частыми нашими посетителями, во время закатившейся звезды отца, кроме сказанных профессоров, были: бывший делопроизводитель попечителя И. Р. Цепелев и родные Н. А. Моисеев, Осокины — Г. И., А. Г. и сейчас еще живой П. Г., бывший моим посаженым отцом при женитьбе молодого поручика на В. Н. Манасеиной. Расстроенное имение и невозможность содержать себя в кавалерии заставили меня выйти в отставку. Буйный, горячий характер не дал мне ужиться с гражданскими порядками. Мельница и дом были проданы матушкой, но это только на время отсрочило продажу Слободки. Отдав дочь свою при помощи П. Г. Осокина на его стипендию в Казанский Родионовский институт, я с двумя сыновьями, весьма плохо учившимися в гимназии, уехал в Оренбург. Старший сын теперь сотник в Оренбургском казачьем войске, второй телеграфистом в Самаре, где живет и моя жена с четырнадцатилетнею дочерью, а старшая замужем за капитаном Федоровым в Оренбурге. Во время пожара, потеряв свои последние крохи, я поступил, по милости младшего брата моего, теперь умершего, в интендантство, но, благодаря своей глупой доверчивости, допустил растрату провианта и через год и два месяца попал в Сибирь, и сами видите, в каком я грустном положении, одинокий, больной. Я обратился за помощью, в память отца, к родному Казанскому университету, получил 60 рублей, обещание на будущее и на воспитание дочери, но с ноября месяца 1893 года жду и голодаю. [. . .]

Говоря о правдивости и доброте отца, я должен прибавить, что он был очень строг, а к своим сыновьям относился еще строже. Когда я переходил на второй курс, я срезался из дифференциального вычисления, отказавшись от первого билета; я только успел взять второй, когда в залу вошел отец, тогда уже сильно недомогавший. Сделав общий поклон, он, увидав меня у доски, сказал: «Как раз во время, сын к доске, отец в двери». . . Я был сильно сконфужен и с трудом, с запинками отвечал на билет, путаясь на каждом шагу, и, вместо L' поставив L, я совершенно сбился с толку, хотя отец меня ободрял и старался заставить увидать свою ошибку. Отец догадался, что я плохо знаю билет, и сделал мне несколько вопросов, на которые я отвечал наобум. «Удачно сказано!» — заметил отец и влепил мне единицу. Тогда переэкзаменовки были запре-

щены, и невыдержавший экзамена исключался из университета. Ко мне на помощь подоспел, тогда еще молодой, профессор А. М. Бутлеров. Выждав, когда отец ушел, он в виду еще неоконченного экзамена предложил проэкзаменовать и меня, говоря, что это не переэкзаменовка, а продолжение как бы неоконченного экзамена. Профессор М. А. Ковальский принял сторону Бутлерова; А. Ф. Попов и декан П. И. Котельников согласились. Получив отметку 3 и депутатские 4 и 4, я весело пошел домой. Всю семью я застал за обедом, и мое место по правую руку отца занимал брат Алексей. Отец был страшно угрюм, вся семья молчала. Дав мне немного утолить голод, отец обратился ко мне с вопросом, что я намерен делать, так как из главного предмета получил единицу, и он противозакония не допустит. Я объяснил о сданном экзамене. Выслушав, отец позвал меня в кабинет, запер двери и закурил свою любимую трубку, но не с длинным, а коротеньким, четверти в 3, кривым черешневым чубуком и круглым янтарем. Подозвав меня к доске, он заставил повторить те билеты, на которые я отвечал после него, и, сделав мне несколько вопросов, распрямил свои черные брови, поцеловал меня и дал мне 25 рублей. Вообще во время экзаменов брата или моего матушка всегда старалась задержать отца, но не всегда это удавалось. После он благодарил Бутлерова. Не могу еще не рассказать такого же случая с братом. Переходя на 3-й курс, он срезался по физике, прокутив перед экзаменом всю ночь. Переэкзаменовка была назначена после вакаций. Отказавшись от первого билета, брат только что хотел взять второй, как отец, заметив, что он возвратил билет, подошел и сел к столу. Брат взял другой и тоже незнакомый. «Ваше превосходительство, — сказал он, обратившись к отцу, — из 25-ти билетов я не успел прочесть 4-х и, к несчастию, два из них взял, позвольте мне взять третий». — «Что же, вы совсем не можете отвечать на эти билеты?» — спросил отец. — «Могу, — отвечал брат, — но я их плохо знаю и не желал бы портить свои отметки». Профессор физики А. С. Савельев предложил брату третий билет, но и этот был из числа незнакомых, и брат положительно отказался отвечать. Савельев сделал брату несколько вопросов, он отвечал бойко и хорошо. Нахмурив брови и опустив голову, отец ушел к другому столу и молча следил за экзаменами, что было не в его натуре.

Летом мы занимались мало, и по приглашению отца к нам всегда приезжало человек 7—8 студентов разных факультетов, но бедных людей и непременно хороших учеников. Не знаю, живы ли доктор Н. И. Розов и полковник артиллерии А. Е. Князев, они могли бы сказать несколько слов об отце, так как не одно лето живали у нас в Слободке, а последний был товарищем брата.

Отец молча следил за братом. Наконец, время было ехать в Казань. Я же вскоре должен был ехать держать экзамен на 1-й курс. Брат, заручившись покровительством матушки, вошел в кабинет к отцу. Мы все притихли. — «Ты что?» — спросил отец. — «Позвольте мне ехать в Ка-

зань». — «Зачем?» — «Держать экзамен из физики». — «Там собак не гоняют, рыбы не удят, а ты все лето только этим и занимался. Какой же ты хочешь держать экзамен? Дурак, пошел!» Матушка заступилась за своего любимца. Отец упорно молчал. Наконец отпер ящик, вынул три четвертака, подал брату и проговорил: «Мне лошади нужны самому, вот тебе на дорогу, ступай!» Вышел из кабинета и ушел в сад. У матушки денег не было, просить у управляющего Терновского не хотела, так как его все терпеть не могли. Всякими неправдами собрали рублей семь и проводили брата на Волгу, где он, сев на прибег, уехал за тридцать копеек, а там с пристани, семь верст, уже было на что доехать. На другой день отец объявил, что завтра едет в Казань, и приказал мне собираться. Ухитрились, однако, так, что по случаю поломки экипажа мы выехали на четвертый день после отъезда брата.

Быстро шагая по лестнице, я услыхал веселые песни в комнате брата, несколько студентов в рубашках, в облаках дыма, с массою бутылок на столе, весело распевали. Я не успел проговорить: «приехал отец», как он вошел в комнату. «Экзамен был?» — обратился он к брату. — «Был»,— отвечал брат с веселой улыбкой. — «Выдержал?» — «Точно так, папенька, сегодня я праздную, благодаря товарищам, переход на 3-й курс». — «Кто экзаменовал?» Брат, как бы упирая на словах, сказал: «А. Ф. Попов и А. С. Савельев. Я брал два билета и получил пять». Брови отца выпрямились, добродушная улыбка заиграла на его благородном лице. — «Ну, брат, извини, — сказал он, видимо повеселев. — Опоздал! . . Экипаж что-то поломался,— сказал он с хитрой улыбкой; — продолжайте, господа, я вам не мешаю», — при этом он протянул руку брату, которую тот поцеловал. — «Отдохните, погуляйте, скоро опять за работу. Николай, за мной». Придя в кабинет, отец вынул из стола несколько ассигнаций и, подав их мне, приказал передать брату, а сам уехал, как оказалось, к А. Ф. Попову. Передавая деньги брату, я застал всех студентов застегнутыми, с фуражками в руках. Брат горячо им доказывал, что бояться нечего, отец больше не придет. В это время я подал брату деньги, запыхавшись, проговорил — «Папенька уехал, велел тебе отдать!» — «Ура!»— вскричал брат. — «Что, ребята! не прав я?!» И песня звонкая, лихая, потрясла стены комнаты. Два дня мы не видали брата и, наконец, на третий день, когда я уже сдал больше половины экзаменов, поздно вечером брат вошел бледный, угрюмый; его красивые, черные волосы были в беспорядке. Бросив фуражку на стул и прогнав лакея, он сел на мою кровать. «Брат, — сказал он, — ничего не слышно?» — «Ничего». — «Ланге отцу ничего про меня не докладывал?» — «Ровно ничего». — «Это верно? Может быть, ты не знаешь?» — «Верно, да и трудно не знать, оба раза при рапорте я был у отца. Ланге приходил и уходил при мне, затем мы с отцом шли на экзамен, так же и возвращались. Отец очень весел, экзамен идет изрядно, а что случилось?» — «Ничего!» — сказал брат и, застегнув сюртук, пошел к отцу в кабинет. Я выбежал в коридор и припал

к окну, ведущему в кабинет отца, где был вынут для этой цели уголок стекла.

Брат рассказал отцу следующее. Гуляя с компанией, он подошел к тюремному замку, где около платформы мальчишки дрались на-кулачки, а гарнизонный офицер любовался на них, сидя на барабане. Бросив мальчишкам какую-то мелочь, брат закричал: «Ну, ребята!» Началась заправская свалка, но мелочь досталась одному, который торжественно и подбежал к брату, показывая серебро. Между тем, мальчишки бросились на счастливца, хотя у некоторых физиономии были в крови, но брат их разогнал. Тогда гарнизонный прапор, с улыбкой подавая брату полтинник, сказал: «Не угодно ли вам?» — т. е. подраться. — Брат молча взял полтинник, положил его в карман и, развернувшись, дал две оплеухи прапору, повернулся и ушел. — «Это верно?» — спросил отец. — «Клянусь честью», — отвечал брат. — «*Хорошо*, ступай спать», — проговорил отец и стал ходить по комнате. Брат, проходя мимо меня, только и сказал: «Не говори маменьке». — На другой день, после чая, который мы всегда пили с отцом, брат ушел; я не заметил, чтобы отец был не в духе. Разговаривая, он все шутил надо мной. Проходя по коридору, чтобы итти на экзамен, я услыхал громкий разговор в кабинете. В одну минуту я был у наблюдательного окна. Около круглого стола сидели отец, полковник Корейша и юный офицер. Корейша что-то долго толковал, и до меня долетели его слова: «Это оскорбляет честь и марает мундир русского офицера, и я попрошу ваше превосходительство быть строгим отцом и беспристрастным начальником». — «Я вполне согласен с вами, — тихо, но отчетливо отвечал отец, — и мы взвесим шансы обеих сторон. Мой сын человек молодой, подкутив с своими товарищами, не сделал никому никакого вреда. Бросив несколько мелких монет дерущимся мальчишкам, он поступил глупо, необдуманно, но это извиняется его молодостью. Конечно, мы с вами этого бы не сделали. Сделано это было без всякой задней мысли. Своим поступком он не оскорбил ничьей личности, и в мыслях его не было задеть хотя бы косвенно г. офицера, на которого он, повидимому, не обратил никакого внимания. И неуместная шалость осталась бы шалостью. Мальчишки с помятыми боками убежали бы домой, и тем бы дело и кончилось, а гуляющая молодежь побрела бы намеченною дорогою. Так ли поступил г. офицер? С какою целью он предложил вот этот полтинник?» — Отец вынул из кармана полтинник и подал его офицеру. — «Прошу получить обратно. Он его предложил с целью, с задней, обдуманной мыслью оскорбить моего сына, оскорбить студента, сравнять его с мальчишками, насмеяться над тоже русским мундиром студента. Правда, что на мундире офицера надеты эполеты, но этот мундир дается за военное искусство и для поддержания дисциплины в солдатах; мундир же студента дается за примерное, хорошее ученье, и не всякий офицер может добиться мундира студента, тогда как наоборот, мундир студента дает известные права даже на офицера.

Таким образом, г. офицер без всякого повода со стороны моего сына и его товарищей нанес им оскорбление. Это оскорбление, повторяю, сделано обдуманно, рассчитанно. Сын на оскорбление ответил оскорблением, но это сделано сгоряча, по молодости. Им руководило оскорбленное самолюбие, а не благоразумие, что ему вполне извинительно, и провести параллели между ними нельзя. Как отец, я вполне прощаю вспыльчивость, горячность сына. Как начальник, извольте, я накажу студента, поручу произвести дознание и предам его суду. Но ведь тогда разъяснится, за что́ студент наказывается; поступки как студента, так и г. офицера сделаются гласными. Ловко ли это будет? Ни комендант, ни начальник губернии не умолчат об этом скандале, и вряд ли он кончится в пользу г. офицера. С одной стороны, я повторяю ваши слова, г. полковник,—начальство, с другой стороны, — товарищество не простят этого молодому человеку, а он еще очень молод, еще только начинает жить, начинает служить, зачем же портить его карьеру за такую, извините, глупость. Впрочем, как вам угодно! Я же со своей стороны даю вам слово, что эта история дальше моего кабинета не пойдет».

Долго длилось тяжелое молчание, полковник крутил усы, и эполеты его вздрагивали. К моему немалому удивлению встал офицер. Он, видимо, был поражен словами отца. Поклонившись низко отцу, он обратился к своему начальнику: «Его превосходительство совершенно прав, г. полковник, я кругом виноват. Если можно, простите меня, простите моей молодости, и если я замарал мундир, даю слово смыть это пятно». Полковник не знал, на что решиться, военная косточка не поддавалась благоразумию, хотя, видимо, он сознавал правдивость слов отца. На выручку поспешил отец: «Вот и прекрасно, — сказал он, — нельзя не отдать полной справедливости и не приписать к его чести полного сознания и верной оценки своего поступка. И я с своей стороны прошу простить молодых людей. Ведь не преступление же они совершили, ведь и мы в молодости были не безукоризненны, а бесчестного, кроме шалости, в их поступке ничего нет, право так, полковник». — «Да, Николай Иванович, вы более чем правы, а ты, любезный прапорщик, убирайся подобру-поздорову, а лишний раз в караул я тебя, молокососа, все-таки упрячу». Отец, пожав руку юнцу, закурил с Корейшей трубки, а я бросился на экзамен. Там я встретил брата, которому и рассказал все слышанное. — «Я это хорошо знал», — проговорил брат, высоко взъерошивая свой черный чуб. Пришедшему же на экзамен отцу оставалось только поздравить меня студентом первого курса. Брат с отцом остались в городе, а я поскакал в Слободку, где матушка готовила сельский праздник для встречи вновь испеченного студента. Не долго, однако, протянул брат. Скоротечная чахотка вступила в свои права. Однажды он жутко закашлялся и умер на руках студента пятого курса Владимирского. Вытаскивая свернувшуюся кровь изо рта, он, отчаянно взглянув на меня, проговорил: «умираю» и скончался. Матушка надеялась на кумыс и была

уверена в выздоровлении брата, отец, хотя и знал безнадежное положение брата, был далек от мысли о висевшей над головой катастрофе. Матушка была беременна, и это ее так потрясло, что она родила сына [Алексея], совершенного идиота, прожившего, однако, до тридцати лет.

Отец любил быстрые ответы и не любил мямлей. Товарищ мой, П. К. Криницын, учился прекрасно, но был страшный мямля и «толстоязычен». Отец его прозвал «суконный язык». Он хорошо окончил курс, и когда диссертация его на степень кандидата была одобрена, молодежь с радости подкутила и ночью пробиралась домой. Криницын бросил без всякой мысли камень и совершенно нечаянно разбил в церкви Воскресения окно. Это было как раз против полиции. Выбежавшие будочники захватили некоторых студентов, в том числе и Криницына. Утром он рассказывал всю историю инспектору В. И. Ланге (прозванному студентами l'âne gué). Тот доложил Молоствову, конечно, в превратном виде, и поступок Криницына превратился в кощунство. Попечитель собрал совет, и вот у молодого кандидата отнимается таким трудом добытая степень: Криницын исключается за буйство из университета. Профессора разделили мнение попечителя, четырехлетняя трудовая безукоризненная жизнь была забыта, и Криницын висел на волоске. Отец, тогда уже совершенно больной, во-время приехал на заседание совета, и его разумное заступничество спасло Криницына.

Из Нижнего пешком пришел сын священника Розов. Прекрасно сдав экзамен, он был принят на юридический факультет. Розов был в ужасном положении, когда попечитель Молоствов отказался принять его на казенный счет. Ему посоветовали обратиться к отцу. Расспросив его обо всем, отец велел ему итти домой и ждать. Узнав о хороших отметках Розова, он послал помощника инспектора Зоммера узнать о его поведении. Удовлетворительный ответ и вполне доказанная бедность Розова были достаточным ручательством, и он, благодаря отцу, был принят на казенный счет. Когда Розов пришел благодарить отца и встал перед ним на колени, то отец, подымая его, сказал: «учитесь хорошенько и этим вы докажете признательность мне». Розов был после вице-губернатором в Казани и счел своею обязанностью навестить матушку и часто заходил к ней поговорить о покойнике.

Студент Ахматов прекрасно учился, воспитывался на казенный счет, но был страшный озорник и почти не выходил из карцера. Посадив его за что-то в карцер, отец вечером пошел гулять и лицом к лицу встретился с Ахматовым. «Как, — говорит отец, — разве вы не в карцере?» — «Виноват, ваше превосходительство, — отвечает Ахматов, — я оттуда ушел». — «Ушли?!. но каким образом?» — «Я спустился по водосточной трубе, а теперь иду обратно». — «Тем же путем?» — «Точно так, ваше превосходительство». — «Это в третий-то этаж! Нет, уж извините. Отправляйтесь прямо ко мне и дожидайтесь меня». — Мы были тогда еще дети, обступили Ахматова. — «Песня моя спета, — грустно говорил

Ахматов. — Бедная матушка, бедные сестры!.. дождались ненаглядного кормильца». Сколько правдивого горя звучало в словах этого развеселого, разбитного человека. Нам и то его сделалось жаль. Возвратившийся отец позвал его в кабинет и долго-долго его держал. Ахматов со слезами на глазах убежал в университет. В карцер он больше не попал и кончил прекрасно курс, а отец на другой день в карцере приказал вставить железную решетку.

Да, одним словом, сколько я в свою жизнь ни встречал казанских студентов, всегда имя отца моего произносилось ими с благоговением. Раз студенты, порицая Молоствовские порядки, собрались в рекреационном зале и, не стесняясь в выражениях, громко требовали изменений. Ни сам Молоствов, ни Симонов, ни Ланге, не могли урезонить строптивых. Послали за отцом. В виц-мундире, со шляпою в руках, вошел отец в зало. Студенты моментально стихли. Подойдя к ним, отец сказал: «господа, разойдитесь, не мечите бисер! не стоит!.. лучше покориться». — Студенты молча разошлись. Отец настоял на их справедливом требовании, хотя по его же инициативе некоторые были наказаны сравнительно строго, но не исключены. Это еще более восстановило враждебную партию, и отец остался почти одиноким. Наказанные студенты с успехом окончили курс и всей гурьбой пришли к полуслепому старцу.

При жизни на казенной квартире запутанность дел не так была чувствительна. Хороший доход с Спасских имений и домов в Казани дозволял отцу и матушке вести роскошную жизнь. Редкий вечер отец не посещал английского клуба, играя по 5 копеек в преферанс. Дом наш был всегда полон отборным обществом. Повара считались лучшими, и ни один дом не обходился без их участия. Но все это скоро изменилось; как разорение наше, так и здоровье отца пришли к конечному исходу. Совершенно одинокий, всеми оставленный, отец занялся своей пангеометрией. Слепота не дозволяла ему писать самому, и под его диктовку писали студент 4 курса Н. И. Бюрно, кончивший курс с золотою медалью, и профессор И. А. Больцани. Последний, несмотря на свою ученость, назвал сочинения отца бредом сумасшедшего. Кстати о Больцани. Он был приезжий итальянец, приказчик книжной лавки. Отец, войдя в лавку, увидел его углубившимся в книгу. Заметив, что книга математическая, отец с ним разговорился. Здесь он убедился, что имеет дело с человеком, глубоко начитанным, достигшим образования, благодаря единственно себе, своей любви к науке. Вскоре Больцани поселился у нас. Преподавал он плохо, так как был тороплив, горяч. Выдержав экзамен, он был назначен учителем первой казанской гимназии, а впоследствии профессором физики в университете. И этот-то глубоко ученый человек не мог понять и оценить труд великого геометра-философа. Ко всем этим несчастиям алгебра моего отца не была принята, и даже не помню какая газета, критически взглянув на труд отца, выразилась: «Ожидаемый шедевр оказался горою, родившею мышь». Вскоре после смерти брата я, как-то войдя в гостиную,

застал там постоянного посетителя, знаменитого казанского оператора Ф. И. Елачича. Я тогда был на втором курсе. Поклонившись доктору, я почему-то закашлялся. Ф. И. подозрительно посмотрел на меня, и этот взгляд решил мою участь. По возвращении с лекции, отец меня осторожно расспрашивал, не чувствую ли я какой-нибудь неловкости в груди, отчего у меня кашель, а у меня, как нарочно, першит в горле, да и конец. Забыл даже отец свои любимые расспросы, какие были лекции, кто и что читали. Его страшно радовало, если он видел, что я мог повторить слышанное. Вот когда его юмор был виден. Он шутил, рассказывал какие-нибудь анекдотцы, и обед и вечер проходили весело. Но зато делался страшно угрюм, неразговорчив, даже резок, когда видел, что лекция слушалась без внимания, или вовсе не слушалась. Раз как-то я пропустил лекцию и именно из интегрального исчисления. Отца я застал в веселом расположении духа. — «Ну, говорит, математик, что-то нам сегодня поведал новенького наш интеграл?» Так студенты прозвали А. Ф. Попова за его весьма маленький рост. Я вспомнил прежнюю лекцию, и давай отцу барабанить. Брови его сдвинулись, лоб наморщился. Трубочка, его вечная спутница, была поставлена в угол — это знак его недовольства; ничего не замечая, я продолжал ораторствовать. Вдруг отец встал, взял с сердцем трубку и, проходя мимо меня, сказал: «Это мы уж слышали, только дуракам да лгунам два раза читают одну и ту же лекцию».

Долго здоровался и прощался со мною отец холодно. Я ждал вопроса и усиленно следил за лекциями. Вдруг, как-то неожиданно, отец повторил свой любимый вопрос, но я не был захвачен врасплох и моментально рассказал две-три лекции. Отец был крайне доволен, и мир был заключен. Отца всегда радовало, когда к нему обращались с желанием учиться. Он с такою отеческой заботою следил за учеником, что действительно было достойно удивления. Раз, я помню, еще в очень молодых годах, из нашей деревни Полянок явился к отцу мужик лет тридцати с большою черною бородою, нечесаный, косматый и, войдя в кабинет, бросился в ноги отцу. Отец, думая, что явился какой-нибудь пьяница, с какой-нибудь жалобой, с сердцем спросил, откуда он, и что ему надо. Оказалось, что из Полянок крестьянин Роман бежал от жены, детей и явился в город учиться грамоте. Отец крайне удивился. «Ты бы, Роман,— сказал он, — лучше бы сына привел, ведь как же ты дом-то бросил?» — «Нет, батюшка, ослобони, теперь работы кончены, хлеб убрали, осень да зиму поучусь, ну а к весне пойду на работу». — «Ну, ладно, — сказал отец, — оставайся». К весне, научившийся бойко читать, писать и считать, Роман поехал в Полянки управляющим, но такого пьяницы еще свет не родил.

Отвергнутый всеми, отец страшно тосковал. Нужда в деньгах становилась с каждый днем чувствительнее, между тем расходы увеличивались, мы подростали. Отец устроил вечерние чтения, которые сначала посещались, но вскоре остались только я да два-три слушателя, пришлось их прекратить.

Теперь возвращусь к моему кашлю и приговору Ф. И. Елачича. Отец не на шутку встревожился. Недавняя смерть брата внушала серьезные опасения и за мое здоровье. Елачич принялся меня лечить, и я сделался истинным страдальцем. Шпанские мушки сменяли одна другую, и моя грудь была совершенно истерзана. Девять месяцев Елачич упорно преследовал мысль, что у меня должна быть чахотка. Весною меня увезли в Слободку. Из пухлого, круглого юноши я сделался скелетом и с трудом переходил из комнаты в комнату. Отец слабел, но, безусловно веруя в непогрешимость Елачича, ожидал, что вскоре лишится и второго сына. Лишиться двух взрослых сыновей было для отца тяжелым ударом. Он, не дождавшись окончания экзаменов, приехал в Слободку, но глядел уже развалиной. Купанья его в холодной воде прекратились, глаза слабели, и он больше лежал. Истинно преданный нашему семейству и глубоко уважавший отца доктор Н. А. Скандовский заметил ошибку Елачича и стал советовать матушке бросить лекарства и дать мне полную свободу. Я стал быстро поправляться и по совету того же Скандовского и настоянию матушки в октябре месяце 1854 года уехал в Херсонскую губернию и поступил в Стародубский кирасирский полк. Отъезд мой сильно повлиял на отца. Ему было так же тяжело отправить сына в военную службу, как и лишиться его навсегда.

Дальше я могу рассказывать только со слов матушки. Отец сильно тосковал обо мне. Но в Слободке как будто к нему возвратилось здоровье и веселость. Он крайне обрадовался, получив из Перекопа от меня письмо, что я произведен в офицеры и совершенно здоров, несмотря на тяжесть жизни во время Севастопольской войны. Но это кажущееся улучшение здоровья было только небольшим проблеском его страдальческой жизни. Из Слободки он возвратился совершенно слепым, дряхлым стариком. Кроме Ф. И. Елачича и Н. А. Скандовского, почти никто из профессоров его не посещал. Он был совершенно забыт, заброшен. Имения, дома — всё было заложено. Отец впал в детство, но не сознавал, что он слеп. Он по походке старался узнать, кто входит, и если узнавал, то это его крайне радовало. Тогда он обращался к матушке и, куря трубку, говорил: «Видишь, Варвара Алексеевна, ведь разглядел!»

В то время, незадолго до его смерти, приехал министр народного просвещения Норов. Отца повезли к нему и посадили в приемной. Молоствов представил его Норову, который поднял отца и ввел его в свою комнату. И здесь попечителю надо было уколоть старца, он представил его, прибавив: «Как помощник, ничего не делающий». Последнее время он часто спрашивал обо мне: «Нет ли писем от Николи?» — говорил он. Но в то время корреспонденция была очень затруднительна, и матушке часто приходилось выдумывать письма. Раз как-то, что было дней за двадцать до его смерти, он вдруг обратился к матушке: «Свези-ка меня к дагерротипщику, надо снять портрет, отошли его Николе». К прискорбию, дагерротип весь выцвел, но я успел снять фотографию.

За несколько минут до смерти он позвал матушку. «Прощай, Варвара Алексеевна,— сказал он, протянув руку, — пришло время, в могилу надо, умирать пора» — и через полчаса его не стало. Он тихо потянулся и как будто заснул. Лежал он совершенно как живой, так что Н. А. Скандовский несколько раз приезжал ночью, а матушка утром снимала с лица покойника капли воска. Оказалось, что Н. А. Скандовский капал на его лицо со свечки, думая, не заметит ли какого движения в лице покойника.

Я не буду говорить о пышных похоронах, сделанных отцу. Не только студенты, боготворившие отца, но и вся Казань провожала старика до могилы. «Мир праху твоему, добрый человек», — говорили все, кто провожал его бренные останки».

«Воспоминания о Н. И. Лобачевском (со слов его сына Н. Н. Лобачевского)», «Исторический Вестник», 1895, № 1, стр. 154—170.

П. И. Мельников-Печерский. С фотографии.
(Пушкинский Дом Академии Наук СССР)

Воспоминания бывших студентов Казанского университета

1

Из воспоминаний П. И. Мельникова

(Выпуска 1837 г.)

Дня через два после нашего приезда в Казань начались приемные экзамены в тамошнем университете. Я и Васильев подали ректору Лобачевскому просьбы, представили свои документы и не без робости вступили в залу Совета, где профессора экзаменовали желавших поступить в университет. Все лица новые, незнакомые; из них один только Гр. Б. Никольский, незадолго перед тем ревизовавший Нижегородскую гимназию, был немножко знаком. Он экзаменовал из страшной для нас математики. Старик Никольский спрашивал без билетов; многие уже у него срезались окончательно. Он наводил страх и ужас. Каково же было нам, вовсе не знавшим математики? Сам не понимаю, каким образом случилось, что, когда я подошел к Никольскому, он тотчас же спросил меня:

— А знаешь ли ты, государик мой, Пифагоровы штаны?

Я схватил мел и бойко разрешил Пифагорову теорему.

— Хорошо,—сказал Никольский, — а ну-ка, государик мой, уравнение с одним неизвестным?

И это дело знакомое: уравнение сошло с рук недурно. Тут Никольский спросил меня что-то из тригонометрии, и я стал в пень. Он еще что-то такое спросил, но от меня ни гласу, ни послушания.

— А по какому ты факультету думаешь итти, государик мой?

Я отвечал, что по словесному.

— Ну, коли по словесному, так будет с тебя,— сказал Никольский, справился в бумагах и, увидав, что я действительно желаю поступить по словесному факультету, поставил мне удовлетворительную отметку.

Зато на экзамене по истории и географии, которыми я с ранней молодости любил особенно заниматься, я выдержал экзамен блистательно. Профессор Булыгин был в восхищении от моих ответов и стал задавать вопросы все труднее и труднее. Я кое-как отвечал, но, наконец, задал молчка, когда он спросил меня, из каких источников заимствовал Нестор свою летопись. Булыгин как будто обрадовался, что вот сбил же таки меня, поглядел немножко на меня, потом справился в экзаменационном списке и поздравил меня студентом, сказав:

— А о Несторе и его источниках вы узнаете на втором курсе.

Это был последний мой экзамен. Возвратясь к Теласкову, я сейчас же взялся за перо и написал письмо к отцу и матери, уведомляя их о радостном событии, а потом пошел к портному заказывать студентское платье [стр. 499—500].

После лекции эллинской азбуки, пошли мы в аудиторию адъюнкт-профессора [М. С. Рыбушкина], издававшего тогда в Казани «Заволжский Муравей». Он читал теорию красноречия. По первым же его словам мы заметили, что его лекции — тот же Кошанский. Признаюсь, первый учебный день в университете произвел на меня тяжелое впечатление; не того я ожидал, не того я искал. По окончании лекций я получил приказание немедленно явиться к ректору [Н. И. Лобачевскому]. Призыв к ректору много у нас значил. Он делался не иначе, как по особо важному какому-нибудь делу. Иное дело, как позовут студента на Проломную улицу, т. е. к попечителю. Туда студент идет без страха, оттуда как встрепанный.

— Ну что? — спросят товарищи.

— Да ничего.

— В карцер, что ли?

— Нет, не посадил.

— А шибко зевал?

— Как водится.

— И пена у рта?

— И пена у рта.

И затем как с гуся вода. Но ректор, ректор — это другое дело. К достоинству ректора и к власти его студенты имели благоговейное уважение. Кому ректор сделает замечание, лица, бывало, на том нет; ночи две, бывало, не спит студент после ректорского спокойного, холодного, бесстрастного выговора. Над другими, бывало, и остришь, других и на смех поднимешь в приятельском кружке, но, сохрани бог, сказать неуважительное слово о ректоре, — весь университет встанет на дерзкого. Да и примеров тому в наше время не бывало. Слышали мы по преданию, что был когда-то такой случай и что тогда студенты всех факультетов потребовали, чтобы студент, сказавший дерзко о ректоре, вышел из университета, а не то плохо ему будет! Он должен был оставить университет, а начальство и не узнало о причине его выхода [стр. 501—502].

Надев мундир, шпагу, трехуголку, я поспешил к ректору. С каким страхом, с каким трепетом взбирался я на лестницу ректорского дома и входил в залу. Через минуту медленным шагом выходит из кабинета Николай Иванович Лобачевский с длинною трубкою, с которою он дома не расставался.

— Вас нельзя принять в университет,— сказал он. Дух замер во мне, слова не могу сказать, гляжу вопросительно на ректора.

— Вам нет шестнадцати лет. Ну, да уж это наша беда, — продолжал ректор, немного помолчав.— Вы не виноваты, что мы не досмотрели ваших

документов. Раз принявши в университет, не исключать же вас без вины. Сходите к профессору Булыгину, поблагодарите его; он в Совете за вас горою стоял.

Восторг проник во весь состав мой. Ни прежде, ни после я никогда так не радовался. Бегом выбежал я из ректорского дома, подозвал извозчика и прямо к Булыгину. Он принял меня ласково, расспрашивал, какие книги читал я по русской истории и статистике.

— Вы еще, так сказать, через год будете слушать у меня лекции,— сказал на прощанье профессор,— но если у вас будет время, читайте до тех пор Эверса и Шлёцера. Есть ли у вас эти книги?

Я отвечал, что нет, и профессор дал мне Шлёцерова Нестора [стр. 502—503].

Преемнику Магницкого, Мусину-Пушкину, Казанский университет много обязан. Он, в продолжение более чем двадцатилетнего управления округом, восстановил университет и довел его до такого состояния, в каком он не бывал ни прежде, ни после. Особенно хорош был факультет математический, где все профессоры были замечательные ученые, и над всеми ними возвышались профессоры: чистой математики Лобачевский, астрономии Симонов, химии Зинин. В медицинском факультете были также замечательные профессоры, а в нашем словесном факультете замечательны были профессоры восточных языков Казембек, Ковалевский, Эрдман и весьма полезен был для нас старик Суровцов, преподававший словесность и эстетику, и Фойгт, читавший историю всеобщей литературы. Юридический факультет в наше время был слабее других; он процветал после, в сороковых уже годах, когда на его кафедрах явились такие профессоры, как, например, Мейер [стр. 504—505].

Шли год за годом, и подошли выпускные экзамены. Но и они окончились. 18-го июня 1837 года весь университет собрался в большой университетской зале, обыкновенно называвшейся желтою. С одной стороны выстроились рядом студенты по факультетам, выставив впереди своих кандидатов и лекарей первой степени. С другой стороны стали в ряд все университетские профессоры в мундирах. Хотя в зале было до 500 человек, однако тишина была невозмутимая. Вдруг на улице, под самыми окнами университета, сотни голосов закричали громкое, радостное ура. Чрез несколько минут, сопровождаемый попечителем, ректором и блестящею свитою, в залу вступил стройный, прекрасный собою, добром и приветом сиявший молодой человек в генерал-адъютантском мундире. Это был наследник цесаревич Александр Николаевич, путешествовавший тогда по России. Попечитель представил ему всех профессоров и затем перешел на ту сторону, где стояли студенты. Ректор Лобачевский прочел перед цесаревичем список новых кандидатов и лекарей первой степени. Цесаревич сказал нам несколько теплых приветственных слов и, при наших кликах ура, пошел далее по университету. В зале остались двое из сопровождавших цесаревича. Один высокий ростом, с задумчи-

вым видом и кроткими, сиявшими душевною красотою глазами, другой невысокий, с умным лицом и проницательными глазами. Во всей свите только они двое были во фраках. Они подошли к кандидатам словесного факультета и ласково разговаривали с ними, расспрашивали, кто куда намерен поступить по выходе из университета. То были знаменитый наш поэт Жуковский и первый разработавший отечественную статистику по правилам науки Арсеньев [стр. 510—511].

П. С. Усов. Этнограф-беллетрист. «Исторический Вестник», 1884, № 9, стр. 499—500, 501—502, 502—503, 504—505, 510—511; то же П. Усов. Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский). Его жизнь и литературная деятельность, «Полное собрание сочинений П. И. Мельникова (Андрея Печерского)», т. I, СПб.—М., 1897, стр. 45—46, 50—51, 52, 55, 64—66.

2

Из воспоминаний И. И. Михайлова

(Выпуска 1844 г.)

Помню, раз я был на диспуте магистранта Ратовского. Он защищал диссертацию на тему: «Нет преступления без закона». Весь комплект профессоров Университета был в сборе. Диспут начался тотчас же по прибытии попечителя Университета Мусина-Пушкина. Начал его бывший декан факультета профессор Фогель, начал вяло, придираясь к словам, не предъявляя ни одного серьезного возражения. По временам открывали рот и другие профессора Винтер и Камбек; эти мудрецы щебетали по-французски; возражения их были также ничтожные. Диспут шел крайне скучно. Но вот в собрании появился господин, в мундире министерства юстиции, с звездой на груди, среднего роста, но могучего сложения; в волосах его светилась проседь, но на приветливо улыбавшемся лице играл румянец, как у юноши. Глаза весело смотрели. Все встало, как лес. Попечитель, ректор Университета поспешили к нему навстречу и приветствовали его с уважением. Один отставной профессор, умышленно взглянув на него, в то же время насмешливо кивнул головой соседу на юридических профессоров, которые, изображая на лице искусственную радость, раскланивались с посетителем. Ему предложено было почетное место, рядом с попечителем и ректором Университета. Этот гость, принятый ученым собранием с таким вниманием, был профессор Солнцев [стр. 104].

В то время в Казанском Университете часть студентов содержалась на казенный счет, но и за тем оставалось еще много молодых людей, которым жить было нечем. Для них была устроена квартира; их довольствовали казенным столом, и таким образом они могли без особенной нужды прожить до окончания курса. Студентов он [М. Н. Мусин-Пушкин] всегда

защищал от притеснений. Раз доходит до него сведение, что какой-то университетский чиновник Попов, старый подъячий, допускает поборы с окончивших курс студентов за выдачу аттестатов. Взбешенный Пушкин в ту же минуту прилетел в Университет.

— Где этот разбойник, изверг, кровопийца? — кричал он. — Я его в окошко выброшу.

И он буквально исполнил бы это, еслиб тот осмелился ему противоречить. Но за него упросил попечителя ректор Университета Лобачевский, из сострадания к его семейству [стр. 108].

Здание Университета в мое время было красивейшим из всех зданий в Казани и бесспорно красивейшим из всех университетов в России. Фасад главного корпуса, выходивший на Воскресенскую улицу, с тремя рядами колонн, увенченный посредине крестом, представлял восхитительный вид. Это стройное произведение архитектуры составлено из трех домов и обличает в строителе недюжинное дарование.

Против Университета через площадь находится клиника. Позади на университетском дворе возвышаются здания: университетской библиотеки, анатомический театр и химическая лаборатория, соединенные между собою колоннадами. Они образуют полукруг, в вершине которого находится анатомический театр, и таким образом составляют прекрасное целое. В стороне, на том же дворе воздвигнута обсерватория, также отличающаяся недурной архитектурой.

С Услонской горы, нависшей над Волгой, видна вся Казань с ее древней красивой Сумбекиной башней, увенчанной золотым шаром, с ее церквами и домами, и в центре города, на самом возвышенном месте — Университет. Эта картина производит чарующее впечатление [стр. 399].

Как ни несовершенны были иные преподаватели в научном отношении, как ни неподготовленны были студенты к университетскому курсу, университет в целом исполнял свое назначение. Довольно назвать Сергея Аксакова, прозванного первым студентом Казанского университета как поступившего в год его основания, 1805 году, и по алфавиту считавшегося первым; кто не знает этого симпатичного писателя. Вся Россия читала его сочинения, и много славных имен вышло из стен его, но величайший изо всех казанских студентов был знаменитый математик Лобачевский, поставленный современниками наряду с мировыми гениями всех веков.

Николай Иванович Лобачевский родился в 1793 году и поступил в университет в 1807 году, следовательно, тоже из числа первых студентов со времени его основания.

Учителем Лобачевского был известный венский профессор Бартельс, который в это время был призван к занятию кафедры математики на только что открывшуюся вакансию в Казанском университете. Бартельс обратил на Лобачевского особенное внимание. Раз как-то инспектор Кондырев хотел за какую-то выходку исключить Лобачевского из уни-

верситета. Бартельс, Литров и другие профессоры из иностранцев за него заступились и указали, как на даровитого студента, чего инспекция, к сжалению, не знала, да и не обращала внимания.

Лобачевский отличался необыкновенным трудолюбием. Он явился автором целого ряда монографий в области математики, но краеугольным камнем его славы послужила его воображаемая геометрия.

При жизни он не был понят. Его участь напоминает участь Галилея. Тот и другой одинаково претерпели незаслуженные нравственные страдания, но Галилей был все-таки счастливее. Его открытия ученый мир сразу оценил. Ведь признание составляет единственное утешение в жизни ученого человека. Сочинения Галилея снискали ему общее уважение. Герцог Тосканский пригласил его перейти во Флоренцию с званием первого математика и философа. Астрономы Римской коллегии убедились в истине и важности его наблюдений, и кардинал Монти писал великому герцогу Тосканскому Козьме, что еслиб Галилей жил во времена Римской республики, то ему не преминули бы воздвигнуть памятник. Он пользовался благоволением самого папы, но уже под конец стал жертвою иезуитов, как врагов всякой свободной мысли. Грубые невежды, опасаясь, что новая теория движения земли может подорвать авторитет священного писания, восстали против его учения. По их настоянию, Галилей был предан инквизиционному суду. Но суд изуверов не умалил его славы.

С Лобачевским было иное. Не невежды, но первоклассные отечественные математики, пользовавшиеся ученой известностью за границею, не признавали его заслуг и осыпали его насмешками. Каково положение человека, когда он не находит сочувствия своим трудам даже в среде собратий по науке и учеников. Такой выдающийся математик, как Остроградский, не понимал Лобачевского.

Мне передавали остроту Остроградского над великим ученым.

— Лобачевский не дурной математик, — сказал он, — но если надобно показать ухо, то он покажет его сзади, а не спереди.

С легкой руки Остроградского, один из бывших преподавателей математики в Казанском университете, перешедший потом в Московский университет, Брашман, писал рецензии против Лобачевского, называя его мечтателем в науке.

Вскоре после напечатания сочинения Лобачевского «О началах геометрии» в журнале «Сын Отечества», № 41, 1834 года появилась статья Брашмана под заглавием «О начертательной геометрии» Лобачевского. Рецензия была написана очень резко. В ней гений признавался бездарным шарлатаном. Передаю в сжатых словах этот отзыв Брашмана, недостойный ученого.

«Многие из первоклассных наших математиков (говорит автор статьи) читали сочинения Лобачевского, думали и ничего не поняли, после этого уже не считаю нужным упоминать, что я собирал в одну точку всё мое

И. И. Михайлов. С гравюры на дереве.
(«Русская Старина», 1899 г., октябрь)

внимание, приковывал его к каждому периоду, к каждому слову и ничего не понял. Как можно подумать, чтобы г. Лобачевский, профессор математики, написал с какою-нибудь серьезною целью книгу, которая не много бы принесла чести и последнему приходскому учителю. Если не ученость, то, по крайней мере, здравый смысл должен иметь каждый учитель, а в новой геометрии недостает и сего последнего».

«Но, сознавая всю цену сочинения Лобачевского, — говорит язвительно Брашман, — я однакож не могу не попенять за то, что он не дал своей книге надлежащего заглавия, заставил нас долго думать понапрасну. Почему бы вместо заглавия «О началах геометрии» не написать: «Сатира на геометрию, каррикатура на геометрию», или что-нибудь подобное. Тогда бы всякий с первого взгляда видел, что это за книга, и автор избежал бы множества невыгодных для него толков и суждений. Хорошо, что мне удалось проникнуть настоящую цель, с которою написана эта книга, а то бог знает, что бы я о ней и ее авторе думал. Теперь же думаю и даже уверен, что почтенный автор почтет себя весьма мне обязанным за то, что я показал истинную точку зрения, с которой должно смотреть на его сочинение».

По собственному сознанию Лобачевского ответ на это безумное глумление редакцией «Сына Отечества» напечатан не был. Каково положение человека! Его опозорили пред целым светом, заподозрели в отсутствии здравого смысла и в то же время лишили возможности отвечать на бессмысленные обвинения. Он принужден был напечатать свой ответ в специальном журнале «Университетские записки», издаваемом Казанским университетом, которые публика мало читает. Ответ исполнен достоинства.

Насмешки и порой намеренное молчание о заслугах в науке Лобачевского имели последствием то, что за пределами Казанского учебного округа его никто почти не знал. Бывало, спросишь математика, окончившего курс в Петербургском, или Московском университете, не знает ли он казанского математика Лобачевского? Оказывалось, что он вовсе о нем и не слыхал. Остроградского же, напротив, всякий знал.

И в самом Казанском университете между тамошними математиками не высоко стояла слава Лобачевского. Должно быть, на них имело влияние порицание Остроградского и Брашмана. Я раз спросил, еще бывши в гимназии, учителя математики Попова, бывшего слушателем Лобачевского, а впоследствии бывшего профессором этого предмета в Казанском университете: кого считают первым математиком в России? «Остроградского», — отвечал Попов без запинки. — «А Лобачевский?»— спросил я. Он промолчал, как будто не слыхал.

Любопытно мнение о Лобачевском бывшего профессора математики в Казанском университете Никольского, начавшего уже забывать свой предмет. Он отзывался о Лобачевском в следующих выражениях: «хитрости у Николая Ивановича превеликие, операции претрудные — уму не-

постижимые». Однако на лекциях своих он не делал и попытки объяснять слушателям эти хитрости. Должно быть, они для него были — темна вода во облацех.

Но студенты чутьем узнавали в нем великого ученого и, сравнивая с Остроградским, говорили: «Остроградский поэт, Лобачевский — философ».[1] Мне знаком был один студент, когда я был в гимназии, Каптерев, очень даровитый человек; он передавал мне в 1837 году, что, когда отечественные математики издевались над первоклассным гением, Парижская академия наук достойно оценила его труды. Немецкий математик Гаусс 28-го ноября 1846 года писал к Шумахеру по поводу исследования Лобачевского: «Вы знаете, что я уже 54 года разделяю те же убеждения, не говоря о тех развитиях, которые с тех пор получили мои идеи об этом предмете».

Только отдаленные голоса на западе приветствовали Лобачевского, выражая удивление его гению. Но, впрочем, мне привелось быть на математическом диспуте, где магистрантом был Мельников — преподаватель тригонометрии и дифференциального исчисления, а оппонентами были профессора Лобачевский и Котельников. Лобачевский обратился к магистранту с следующими словами:

— Вы взялись за задачу, трудно разрешимую, за которую брались многие серьезные умы. Можете ли вы отвечать на те вопросы, которые я вам предложу?

Мельников отвечал:

— Я готовился усердно, но в какой мере я успел — предоставляю судить моим оппонентам.

Лобачевский предложил несколько вопросов, и Мельников дал удовлетворительные ответы.

— Вы превзошли мои ожидания, — заметил Лобачевский. — Вы неутомимо и постоянно усовершенствовали ваши познания, и мне тем с большим удовольствием приходится выразить это при всей публике.

Затем выступил Котельников. Этот отличавшийся талантом молодой еще человек, остроумный, пропитанный гегелевской философией, пред-

---

[1] Здесь в первоначальной редакции «Волжского Вестника» находится следующий, выпущенный затем, эпизод:

«Бывшие учителя знаменитого математика гордились им, впрочем, более тем, что он достиг звания ректора, трудов же его оценить они не могли, разве знали только по названию. Мой брат [Н. И. Михайлов], раньше меня окончивший курс на 11 лет, рассказывал мне, что когда он был еще в гимназии, то раз неожиданно, во время латинского класса, в сопровождении инспектора, явился Н. И. Лобачевский, бывший тогда уже ректором университета. Он отнесся с особенным уважением к учителю латинского языка, дружески поговорил с ним и — удалился. Когда Лобачевский вышел из класса, то учитель латинского языка в восторге забегал по комнате, восклицая: «Вот мой ученичок! Каков? Ректор университета! Вот каковы мои ученики, а!» (27 октября 1893, № 275).

ложил несколько вопросов и, по получении ответов, обличавших знание дела, начал говорить ему комплименты.

— После отзыва о вас стяжавшего себе известность математика, на которого смотрит весь ученый мир, я затрудняюсь сказать что-либо новое. Но долг мой обязывает меня сказать, что как диссертация, так и защита ее не оставляет желать лучшего, а мне остается поблагодарить вас за то удовольствие, которое вы мне доставили нашим спором.

Это был единственный комплимент, который я слышал, выраженный Лобачевскому публично.

Диспут был в 1840 или 1841 году; поэтому профессор Котельников основался на отзыве парижских ученых.

Много лет спустя, когда великая душа оставила бренное тело и карканье отечественных ворон прекратилось, о нем вновь заговорили за границей; тогда и у нас стали отзываться с выгодной стороны. Такова большей частию судьба русских людей.

Какая должна быть сила характера у человека, какая вера в непогрешимость собственного гения в виду всех глумлений, в виду игнорирования всех заслуг. Лобачевский шел одиноко к цели, как гигант, опустив забрало, и стрелы, пускаемые в него лилипутами, повидимому, его не уязвляли.

Лобачевский никогда не ограничивался своей специальностию, как делают многие ограниченные ученые. Он выступал даже и архитектором, участвуя в построении обсерватории, анатомического театра и двух смежных зданий. Здания эти по своей грациозности и прочности не оставляют желать ничего лучшего. Лобачевский был душой этого сооружения.

В зиму 1839 и 1840 года он читал популярные лекции физики, которая соприкасается со многими отраслями знания. Лобачевский воспользовался этим и поднимал на своих лекциях множество вопросов самого разнообразного характера. От этого лекции его получили чрезвычайный интерес. Он не обладал блестящим даром слова, отличавшимся тем не менее точностию и ясностию. Когда он излагал законы физики, то объяснял их до такой степени последовательно и понятно, что для всякого казались эти объяснения вразумительными. Он пытался объяснить законами физики каждое явление, которое, казалось, выходило из ряда обыкновенных.

Незадолго до начала лекций приезжал в Казань известный силач Раппо. Он проделывал отчаянные штуки. Между прочим, он бросал вверх двухпудовую гирю и подставлял под нее плечо. Гиря, понятно, от падения с высоты приобретала огромную тяжесть, но плечо атлета выдерживало и оставалось цело. Между тем, тут не было никакого обмана. Лобачевский объяснял нам это так. Раппо подставлял правое плечо. Если бы тяжесть ударилась правее, в конце плеча, то неминуемо раздробилось бы плечо; если бы тяжесть попала в шею левее, то он упал бы мертв, но он подста-

влял середину плеча, одетого мускулами чрезвычайной упругости, и плечо выдерживало.

Можно было, конечно, не соглашаться с некоторыми взглядами Лобачевского относительно предметов, не входящих в область его специальности, но нельзя отказать в своеобразности взгляда и в широкой начитанности. Он касался на лекциях даже эстетики. Он говорил: «поэт следует своему чувству, между тем, он незримо руководствуется законами математики».

Но любопытнее всего, какого мнения он держался при определении гения, будучи сам мировым гением.

«Есть много определений этой духовной способности, — говорил он, — но по большей части они неудовлетворительны, потому что сами писавшие об этом не были гениями. Гений, говорит Бюффон, есть терпение; только непрерывным трудом человек достигает, по его мнению, результатов по желанию. Но это не верно. С своей стороны я нахожу удовлетворительнее определение математика Лапласа; он сказал: «гений есть инстинкт».

Лобачевский доказывал суждение Лапласа тем, «что инстинкт внушил построение в Швейцарии Чортова моста со скалы на скалу простолюдину, который никогда не учился механике».

С первого взгляда Н. И. Лобачевский казался необыкновенно мрачным. Его наружность напоминала ученого, постоянно углубленного в свой предмет. Все студенты относились к нему с особым уважением. Чувствовалось присутствие высшей силы. Что-то властное, безапелляционное слышалось в этой логической речи, в этом невозмутимом спокойствии, с которым он относился к студентам. Я уверен, что если бы случилось в его пору волнение между студентами, то довольно одного им сказанного твердого слова, чтоб остановить разгоревшиеся страстью молодые умы. Никогда я не слыхал ропота от студентов, чтоб Лобачевский поступил несправедливо. Всякого, обращающегося к нему с какою-нибудь просьбою, он выслушивал со вниманием — отвечал, приводил основания, если приходилось отказывать, подавал иному дружеский совет; другого журил, если тот был виновен в чем-нибудь предосудительном,— но без гнева, не выходя из себя.

Кто обнаруживал особенную склонность к математике, тот по преимуществу пользовался его сочувствием. У Лобачевского была манера задавать множество вопросов, прежде чем подпустить студента к доске, к решению задачи, пытая экзаменующегося с разных сторон в отношении его знания и изобретательности. Например, если экзаменующийся решал задачу обыкновенным способом — положим, в арифметике, — служащим сокращением другого способа, более сложного; в таком случае Лобачевский предлагал вопрос: «а не знаете ли вы другого способа? Если экзаменующийся почему-либо не отвечал, то Лобачевский обыкновенно спрашивал: «ну, не можете ли вы придумать сами такого способа?» и, судя по ответу, заключал о находчивости экзаменующегося.

Я помню студента Прозорова из Вятки, который отличался особенными способностями к математике и необыкновенною любознательностию. Но, к сожалению, молодой человек имел несчастную страсть к пьянству. Это был порок, весьма распространенный между студентами, который губил молодые силы. Помню много людей крепкого сложения, схвативших чахотку вследствие страсти к вину. Это было результатом бессмысленного подражания германским студентам, с русскою окраскою, конечно. Лобачевский старался поддерживать Прозорова; дав ему место по окончании курса, наблюдал за ним, старался ослабить эту страсть, но безуспешно. Прозоров умер в молодых летах.

В год окончания курса, в 1844 году, одновременно со мною держал экзамен из математики итальянец Бальцани, впоследствии известный казанский профессор физики. Этот Бальцани прежде был прикащиком у Дациаро — известного петербургского продавца картин и эстампов, на углу Невского проспекта и Адмиралтейской площади. Он чувствовал призвание к математике. По какому-то случаю он оставил место прикащика в Петербурге и переехал в Казань. Попов, бывший профессор математики, сказал об нем Лобачевскому, тот сам поинтересовался такой любознательностию в любимой им науке, удостоверился в его прекрасных способностях, и чрез несколько времени Бальцани держал экзамен на звание кандидата. Всякий раз, когда Бальцани подходил к Лобачевскому, который сам экзаменовал его из всех предметов, входящих в круг его специальности, экзаминатор, — живо помню это,— глядел на него с нескрываемым чувством умиления. Впрочем, по словам слушателей, будучи известным в кругу ученых профессоров, он был преподаватель неудовлетворительный и очень дурно выражался, как иностранец.

Казалось бы, против Лобачевского немыслима была никакая интрига. Постоянно занятый наукой или службой, благородный, неподкупный, чуждый всякого низменного чувства, одним словом, гордость университета во всех отношениях, кто мог ему завидовать, кто мог заменить его, превзойти его способностями и безукоризненным исполнением долга? Но именно зависть и свила себе гнездо под кровлей университета. По переводе попечителя Казанского учебного округа в Петербург был назначен попечителем в Казань генерал-майор Молоствов. Он был игрушкой тех, которые умели втереться в его доверенность. И вот, по его представлению, в один злополучный день приходит из министерства приказ, которым Лобачевский назначается помощником попечителя учебного округа, а ректором—профессор астрономии Симонов; вместе с тем Лобачевского лишили и звания профессора.

Как-то Симонов получил орден Анны 1-й степени, а Лобачевский не получил. Симонов является с мальчишеской радостью во взорах с своей наградой и просит Лобачевского пришпилить полученную им ленту. Не явное ли намерение оскорбить? Достойно ли это ученого? А попечитель Молоствов рекомендовал Лобачевского министру народного просвещения

[А. С. Норову]: «вот мой помощник, только ничего не делающий». Какое самообладание надобно иметь, чтоб выносить удары этих чиновных особ!

Удар за ударом сыпались на него судьбой. Он лишился любимого сына и, к довершению всего, ослеп. Но он не пал духом и как будто равнодушен был к бедствиям, на него обрушившимся. Удрученный болезнью, лишенный зрения, он во время экзаменов приходил, приводимый женою, в экзаменационную залу испытывать молодых людей из любимого им предмета — математики. Казалось, он искал преемника своей славы.

Лобачевский скончался, относительно рано, 63-х лет. Когда я видел его в первый раз, ему было 41 год, но он смотрел старее своих лет. Изнурительные труды ослабили его организм. Могущество человеческой мысли, не останавливающейся ни пред какими преградами, и в то же время хрупкость нашего тела, готового разрушиться от ничтожной причины, составляют грустное противоречие. У Лобачевского в минуту расставанья с жизнью вырвался горький упрек.

«Человек, — сказал он, — родится для того, чтобы научиться умирать».

Лобачевский смотрел на жизнь, как на попутный ветер, который окрылял его мысль. Идеи одна за другой нарождались у него вследствие неустанной работы духа. Сколько начинаний недоконченных, сколько мыслей осталось в зародыше, невысказанных, и вдруг смерть навсегда кладет конец творчеству ума.

В числе профессоров Университета пользовался известностию в среде математиков преподаватель астрономии, Симонов. Он далеко был ниже Лобачевского и составлял совершенную противоположность по характеру. Лобачевский держал себя независимо; его манеры были исполнены достоинства. Его походка напоминала профессора; он ходил постоянно размеренным шагом, как будто что-то обдумывал; говорил спокойно, ровным голосом, отчеканивая каждое слово; казалось, никакая внезапность не должна была изумить его. Он относился ко всем бесстрастно, с холодною вежливостию. Напротив, манеры Симонова были заискивающие; несмотря на порядочную полноту тела, он отличался вертлявостию.

Впрочем, он хорошо знал свой предмет. Его известность началась со времени путешествия кругом света с Лазаревым. По возвращении в Казань, он прочел в публичном заседании Университета свой отчет об этом путешествии. Книга его о плавании кругом света не лишена была интереса, особенно в то время, когда эти поездки были редки и географические познания о чужих неизведанных странах были бедны, особенно в России. Он имел знакомство с тогдашними светилами науки в Париже: Араго, Пуассоном и другими. Его судьба была во многом счастливее судьбы Лобачевского, но как профессор он ни в каком случае не может стать с ним в уровень. Изложение Симонова отличалось местами напыщенностью [стр. 400—408].

И. И. Михайлов. Казанская Старина (из воспоминаний). Сообщил С. Н. Кулябко, «Русская Старина», 1899, № 10, стр. 104 и 108; № 11, стр. 399, 400—408, с прил. портрета И. И. Михайлова к № 10; первоначально в сокращенной и иной редакции под заглавием «Воспоминания старого студента о Николае Ивановиче Лобачевском» — «Волжский Вестник», 27 октября 1893, № 275; в сокращении из «Русской Старины» перепечатано в «Литературном сборнике к 100-летию императорского Казанского университета. Былое из университетской жизни», Казань, 1904, стр. 50—60 (здесь эти воспоминания озаглавлены: «Университет в 1840-х годах. Из воспоминаний И. И. Михайлова»).

3

Из воспоминаний Н. Н. Булича

(Выпуска 1845 г.)

Если специалисты говорят о его «поистине глубокомысленных лекциях», доступных, однако, только избранной аудитории, в последние годы его жизни, то мы прибавим к этому личное воспоминание о его публичных лекциях по физике, где ему удавалось излагать науку популярно и где раскрывал он массу самых разнообразных сведений. В старые глухие и спящие годы провинции, когда все было так смирно, гладко и довольно кругом, когда однообразные явления жизни только скользили по душе, не задевая и не возбуждая ее, такие лекции, как Лобачевского, были отрадным явлением. Лобачевский читал просто, без желания придать внешнюю красоту своей речи, без реторической эмфазы и крика, но в словах его слышался и его логический ум и широкое образование. Спокойным, ровным голосом он делал свои широкие обобщения, вызывал увлекательные образы и возбуждал мысль.

Н. Н. Булич. Из первых лет Казанского университета (1805—1819), часть I, Казань, 1887, стр. 243—244; то же, 2 изд., т. I, Казань, 1904.

4

Из воспоминаний П. П. Перцова

(Выпуска 1846 г.)

С предисловием и примечанием П. П. Перцова (сына)

Великий русский математик, основатель так называемой «воображаемой геометрии» или «неогеометрии», впервые после древности изменившей или, точнее, дополнившей основные воззрения геометрической науки, Николай Иванович Лобачевский (1793—1856) провел всю свою жизнь в глубокой русской провинции. Родившись, по одним сведениям, в Нижнем-Новгороде (ныне Горьком), по другим же, более достоверным, в имении своих родителей, селе Вязовые на Волге, в 35 верстах от Казани, он всю жизнь оставался связанным с г. Казанью. Здесь он кончил гимназию и университет, после стал профессором и ректором последнего, а под конец жизни помощником попечителя учебного округа; здесь же скончался и похоронен. При тогдашних трудных путях сообщения Лобачевский почти не выезжал из Казани и имел мало связей за ее пределами, кроме чисто научных. Этим объясняется почти полное отсутствие каких-

либо сведений и рассказов о нем как о человеке. При жизни великий ученый совершенно не был понят и оценен, и современники, а тем более русские провинциалы, просто не подозревали, с кем они имеют дело. Мне лично, живя в Казани в конце прошлого века, приходилось встречаться с местной традицией, согласно которой Лобачевский был «сумасшедшим». Вероятно, какие-либо внешние странности, отличавшие «человека не от мира сего», создали ее. При таких условиях приходится дорожить всякими достоверными сведениями об одном из величайших представителей русской и мировой науки.

Мой отец, Петр Петрович Перцов (1824—1909), в сороковых годах прошлого века, состоя студентом математического факультета Казанского университета, был одним из слушателей Лобачевского; позднее же, по окончании курса, посещал его дом в качестве личного знакомого. Краткие, предлагаемые здесь записи взяты из неизданных его воспоминаний, носящих отрывочный характер и не претендующих на какую-либо полноту. Написанные «для домашнего чтения», они дают тем не менее несколько ярких деталей для характеристики как самого ученого, так и той тяжелой семейной обстановки, в которой он доживал свой век.

П. Перцов.

Я вспомнил одно интересное обстоятельство, которое было [...] на ярмарке.[1]

В июне 1842 г. было полное солнечное затмение, которое было видимо в Пензе. Для наблюдения над этим редким и интересным явлением из Казанского университета в Пензу была снаряжена ученая экспедиция, во главе с знаменитым математиком Н. И. Лобачевским, тем самым, которому недавно в Казани поставлен памятник, на площади, против Университета. Для наблюдения над солнцем была устроена особая палатка в Ботаническом саду, недалеко от Пензы, и в то же время прошел в народе слух, что приехал какой-то *колдун*, который хочет украсть солнце на все время ярмарки, так что во время ярмарки в течение 10 дней постоянно будет ночь. Слухи настолько были упорны, что Лобачевский просил губернатора [А. А. Панчулидзева] поставить около палатки усиленный караул; «а то,—смеясь говорил Лоб[ачевский],— в меня, как в колдуна, вобьют осиновый кол в затылок, и прощай все наблюдения». Потом стали говорить, что между губернатором и колдуном идет торг, чтобы за известную сумму колдун не воровал солнце во время ярмарки, ну и, наконец, поладили; но все-таки колдун сказал, что на несколько минут он солнце украдет, чтобы доказать, что он не обманщик!

На ярмарку в Пензу съезжается много народа со всех концов Пензенской губ. к Петрову дню, как раз в то время должно было быть и солнечное затмение, в самый разгар ярмарки, и когда солнце действительно закрылось луною и наступила почти ночная темнота, то народ на площади так испугался, что пал на колени, и многие стали молиться богу, предполагая, что наступил конец мира, а старушки в домах стали зажигать свечи перед иконами! [стр. 43—44].

---

[1] Мне рассказывали это очевидцы.

Самый трудный и, можно сказать, главный предмет нашего факультета был так называемое «интегральное исчисление», которое преподавал Николай Иванович Лобачевский, впоследствии оказавшийся знаменитым ученым, известным не только в России, но во всей Европе и Америке. В столетний юбилей его рождения (в 1893 г.) в Казани был сооружен ему памятник по подписке, в которой приняли участие многие ученые общества и ученые Европы и Америки. Мы, студенты, его слушатели, не подозревали тогда, что он такой крупный ученый. Мы слышали только, что он написал какую-то «воображаемую геометрию», но что она из себя изображала, — мы об этом ничего не знали. Читал Лобачевский лекции свои не торопясь, обстоятельно, и очень толково и ясно. Предмет весьма трудный, но он усваивался нами легко, вследствие замечательно хорошего изложения. Лекции Николая Ивановича легко было и записывать, и из моих подробных записей получилось очень хорошее руководство к экзаменам. В своих чтениях Николай Иванович развивал всегда подробно каждую формулу, в противоположность своим печатным трудам, где он часто просто говорит: «от такой-то формулы переходим к такой-то», а как происходит этот переход — не разъясняет, чем сильно затрудняется усвоение вопроса. В устных же своих лекциях, для студентов, он никогда себе этого не дозволял и разъяснял всякое положение так, что оно становилось понятным даже для мало подготовленных.

Когда я оканчивал курс в Университете, то на последнем экзамене Лобачевский продержал меня перед черной доской около часа; он перебрал, кажется, весь курс интегралов: то одну формулу заставит вывести, то другую, — и, в конце концов, остался настолько доволен, что поставил 5+. Спустя несколько лет, служа в Казани и посещая дом Николая Ивановича, я как-то за вечерним чаем, смеясь, сказал, что мне очень памятен этот последний экзамен. «Вы, верно, хорошо были подготовлены и хорошо отвечали, — сказал он. — От оканчивающих курс больше требуется. Надо убедиться, весь ли предмет изучил студент или на случайно вынутый счастливый билет отвечает хорошо. Достоин ли он получить диплом кандидата. Слабых же, плохих студентов можно узнать с первых слов и незачем мучить их напрасными вопросами».

В Университете сохранился, не раз слышанный мною, рассказ об одной шалости Лобачевского во время его студенчества. Однажды, в веселой компании, Николай Иванович держал пари с одним товарищем, что перепрыгнет через ректора Университета Никольского, профессора как раз математики. И вот, выбрав момент, когда Никольский, довольно тучный человек, окончив свою лекцию, медленно спускался по лестнице в нижний этаж Университета, Лобачевский бежит сверху, упирается обеими руками в плечи Никольского и перепрыгивает через его голову. Никольский сразу ничего еще не мог сообразить, как перепрыгнувший уже убежал. Но, конечно, немедленно стало известным, что эту проделку сделал Лобачевский. Собрался профессорский Совет и решил, что подобную

шалость невозможно простить. Лобачевскому грозило исключение из Университета и крушение всей будущей учебной карьеры. Но тут вступился за него сам пострадавший Никольский, говоря, что Лобачевский вызывает слишком большие способности к математике. «Нет, — заявил он, — такого студента нельзя исключить».

И только благодаря этому благородному отношению профессора озорник остался в Университете и мог кончить курс.

В молодости Лобачевский был вообще очень веселого характера и любил общество. Я слышал от Ив. Мих. Симонова, профессора астрономии в Казанском университете, товарища молодости Лобачевского, что он с Николаем Ивановичем вместе выезжал в свет, и Лобачевский был тогда отчаянный танцор. В особенности отличался он в вальсе: никто из молодежи не мог его перевальсировать. Бывало на балах, — рассказывал Симонов — Лобачевский, не отдыхая, вальсировал по порядку со всеми дамами и готов был бы еще вертеться, но уже дамы отказывались. Оба они были знакомы в семействе богатого казанского помещика Моисеева, где была взрослая дочь-невеста, очень дурная собой, и гувернантка, очень хорошенькая. Лобачевскому нравилась гувернантка, и он сильно ухаживал за ней, а дочь, Варвара Алексеевна, была влюблена в Николая Ивановича. Симонов рассказывал, что они часто в своей холостой компании говорили Лобачевскому: «вот, Николай Иванович, женись на Моисеевой, невеста богатая и в тебя влюблена». На это он только затрясет отрицательно головой и пробурчит «бррр!» Но кончилось тем, что он женился-таки на этой самой Варваре Алексеевне...

В своей семейной жизни Лобачевский не был счастлив. Жена его, помимо того, что была некрасива, оказалась ни к чему не способной, даже домашним хозяйством не занималась. Как-то странно было слышать, что Николай Иванович сам заказывал кушанья к столу и даже сам разливал суп за обедом. Обыкновенно разливает хозяйка, но в доме Лобачевских было наоборот: хозяйка сидела, как гостья, а хозяин, серьезный и к старости молчаливый человек, большой ложкой разливал суп по тарелкам гостей. В обществе Николай Иванович в это время был уже всегда молчалив. Нередко бывало, что, приехав в какой-нибудь дом с визитом, он просидит минут 10 и, не сказав ни слова, уйдет. Впрочем, дома он был другой человек — сохранил еще свою разговорчивость и веселость, подчас даже расскажет какой-нибудь шутливый анекдот; частенько любил прохаживаться насчет своей жены. Раз я был свидетелем такой сцены. Заехав к Лобачевским, я встретил в гостиной незнакомое лицо — это был старый товарищ Николая Ивановича по Университету (фамилии не помню). Его пригласили к обеду, также и меня. Гостя Николай Иванович посадил возле себя, и у них пошли воспоминания из студенческой жизни. Между прочим Николай Иванович спросил гостя про одного из товарищей. «Он, кажется, был богатый человек,—сказал Н. И.,—но, вероятно, скоро разорился? Помнится, он зря сорил деньгами и делал много долгов». «Пред-

ставьте себе, — сказал гость, — ничего подобного не случилось. Его жизнь отлично устроилась: он удачно женился на дочери священника своего села — конечно, бедной, но очень хорошенькой и очень умной девушке. Она взяла в свои руки все хозяйство и так хорошо повела дела, что заплатила все долги, сохранила имение, и теперь они живут постоянно в деревне и он совершенно счастлив». Тут вступила в разговор Варвара Алексеевна. «Я всегда говорила, — заявила она, — что если жена будет распоряжаться всеми делами, то выйдет хорошо». «Это ты применяешь к себе, — флегматически заметил Н. И., — но к тебе это вовсе не подходит. Ты слышала: та была поповна, а ты — столбовая дворянка; та была бедная, ну а я за тобой взял хорошее приданое; та была хорошенькая, ну а ты никогда красотой похвалиться не могла; та была ...» — « Довольно, довольно, — прервала его Варвара Алексеевна, — я уже знаю, к чему ты ведешь. Будет, довольно!» — «Ну то-то же. Видишь, к тебе это вовсе не подходит», — смеясь, сказал Николай Иванович.

У Лобачевских было трое детей — два сына и дочь. Младший сын был любимец матери, избалованный мальчик и плохо учился. Гувернер в доме, итальянец Больцани говорил, что, если пожаловаться матери, то всегда окажется виноватым сам учитель. Николай Иванович очень любил старшего сына; он нередко говаривал, что из этого мальчика выйдет толк, потому что у него есть способности и любовь к учению, — «два условия, чтобы стать порядочным и полезным человеком», добавлял Ник. Иванович. На этого сына он возлагал большие надежды. Но надеждам его, к несчастью, не суждено было осуществиться. Сын этот, Алексей, будучи уже студентом 3-го или 4-го курса, на весеннем катаньи по разливу Волги простудился, получил скоротечную чахотку и, к великому горю родителей, скончался. Потеря любимого сына страшно потрясла Николая Ивановича. Он не плакал, как Варвара Алексеевна, которая ревела и завывала на весь дом, вроде деревенской бабы, но великое горе отражалось на всей его фигуре; он как-то вдруг опустился, осунулся, потерял последние остатки разговорчивости и веселости, и ни на что больше не обращал внимания — точно ничего не видел вокруг себя. Приедет ли кто-нибудь из родных или знакомых выказывать участие к его горю, — ему было все равно: молча он встретит, молча и проводит. Многие, не видя наружных признаков его горя, говорили, что он — философ и спокойно переносит свою потерю. Но это было неверно: горе, напротив, отразилось на нем гораздо сильнее, чем на Варваре Алексеевне. Когда к вечеру обычная дневная суета в доме утихала, Николай Иванович вдруг обнимет Варвару Алексеевну, ляжет на ее плечо и глубоко-глубоко вздохнет, с каким-то стоном, — и этот вздох гораздо сильнее выражал душевное страдание, чем слезы и рыдания Варвары Алексеевны.

После смерти сына Николай Иванович долго не мог ничем заняться, но человек так создан, что всякое горе забывается, и потому, спустя сколько-то времени, Николай Иванович снова принялся за свои обычные

занятия. В это время он писал на немецком языке какое-то сочинение. Но не успел его окончить, как стал замечать ослабление зрения и, наконец, совершенно ослеп. Тогда, под его диктовку, дописывал его сочинение упомянутый учитель его детей, итальянец Больцани, тоже математик и впоследствии профессор Казанского университета. Больцани мне был хорошо знаком: во время моего студенчества он помогал мне своими советами в занятиях математикой. Больцани рассказывал, что его удивляло, насколько Лобачевский, будучи уже стариком, сохранил математическую способность быстрого соображения. Во время диктовки часто приходилось делать, по указанию Николая Ивановича, различные вычисления. Больцани делал эти вычисления на бумаге, а Николай Иванович в голове и всегда опережал Больцани. За это сочинение какое-то германское ученое общество присудило Николаю Ивановичу большую золотую медаль. Медаль эта уже не застала Лобачевского в живых — она была получена в Казани, когда он уже лежал на столе, и ее положили на бархатную подушку вместе с его орденами.

Собираясь перейти из Казани на службу в другой город, я перед отъездом заехал в одно из воскресений к Лобачевским проститься. Застаю Варвару Алексеевну в зале; поздоровавшись, я спросил о здоровье Николая Ивановича и получил в ответ: «Ничего, да вот вы сами его сейчас увидите. Коля, приведи отца», — обратилась она к сыну. — «Не беспокойте, пожалуйста, Николая Ивановича; не нужно», — поспешил я заявить. — «Нет, ничего, приведи». И вот, смотрю, Коля ведет за руку несчастного слепца. Боже мой, как он постарел! Согнулся, поседел (я давно не видал его). Я растерялся и не знал, что делать— поздороваться ли, назвать ли себя... Но, повидимому, Николай Иванович не обращал никакого внимания на то, что делалось вокруг него, и я как бы замер, ожидая, что будет дальше... Посадили его на стул. Коля, как видно по привычке, зажег свечку, которая стояла тут же, и возле лежали спички. Варвара Алексеевна взяла свечку и, держа ее перед глазами Николая Ивановича, стала спрашивать: «Что ты видишь?» — «Ничего не вижу»,— отвечает своим густым голосом Николай Иванович. Она перенесла свечу на правую сторону: «Ну, а теперь?» — «Вижу, свечка с правой стороны». — Перенесла на другую сторону. — «А теперь?» — «Свечка с левой стороны». «Вы замечаете? Перед глазами он ничего не видит, а с боков видит»,— пояснила Варвара Алексеевна. Боже мой, что же это такое? Я просто глазам не верил. Хотелось крикнуть глупой бабе, чтобы она бросила эту возмутительную комедию...

— «Все кончено? Более не нужно?» — покорно спросил Николай Иванович. — «Нет, не нужно; Коля, отведи отца». И Коля повел беспомощного слепца — до следующего представления, которое, видимо, повторялось несколько раз в день, перед каждым новым посетителем: для того и были приготовлены свечка и спички.

Я ни одной минуты не мог более оставаться в этой обстановке: я едва

удерживал слезы. На подъезде я встретил одного знакомого, который тоже приехал навестить больного. «Что Николай Иванович?» — спросил он меня. Я ничего не мог ему ответить — боялся разрыдаться, и только махнул рукой, а в воображении вставала та сцена, которая сейчас опять проделается...

Более я не видел Лобачевского. Вскоре он умер. Это было в 1856 году. Похоронен он на большом городском кладбище Казани, на так называемом «Арском поле» (равнина к северу от города, по сибирскому тракту). Памятник на могиле сооружен профессорами университета» [1] [стр. 226—240].

В 1845 г. Мусин-Пушкин был назначен попечителем Петербургского учебного округа и, покидая свой излюбленный Казанский университет, пожелал проститься со студентами.

---

[1] К этим строкам записей отца прибавлю текст надписей на памятнике. На лицевой стороне, на громадной бронзовой доске, вычеканен герб покойного со сложной арматурой, орденскими знаками и большой орденской лентой, занимающими почти все поле доски; внизу значится мелким шрифтом:

«Здесь похоронен помощник попечителя Казанского учебного округа, заслуженный профессор и ректор императорского Казанского университета, почетный член университета Московского, член-корреспондент Геттингенского королевского общества и член общества северных антиквариев; действительный статский советник и разных орденов кавалер Николай Иванович Лобачевский, скончавшийся 12 февраля 1856 года на 63 году от рождения».

Характерно, что в этой длинной записи нет никакого упоминания о научных открытиях покойного. Назван член общества северных антиквариев, но нет ни слова о том, что здесь похоронен творец «Пангеометрии», изменивший коренным образом геометрические представления человечества.

На том же памятнике с правой стороны надпись: «Здесь похоронен студент Александр Иванович Лобачевский, скончавшийся 17 лет в 1807 году, июля 19 дня». Это старший брат Николая Ивановича, умерший, также как и его сын, в ранней молодости.

На левой стороне надпись называет этого сына: «Здесь похоронен студент Алексей Николаевич Лобачевский, скончавшийся 19 лет в 1852 году, января 23 дня».

На задней стороне монумента надгробная надпись матери Лобачевского: «Здесь похоронена коллежская регистраторша Парасковья Александровна Лобачевская, скончавшаяся в 1840 году, февраля 27 дня на 68 году от рождения». И далее: «Внучка ее и младенец Надежда Николаевна Лобачевская, скончавшаяся 2 лет в 1846 году, февраля 8 дня». Это, по всей вероятности, последний ребенок Лобачевского.

С правой стороны монумента отдельный памятник его старшей дочери с надписью: «Здесь погребено тело Софии Николаевны Казиной, урожденной Лобачевской, скончавшейся 15 июля 1871 года, и сын ее Нил Нилович, 4 лет, 9 месяцев, скончавшийся 20 октября 1872 года».

С левой стороны другой отдельный памятник младшего брата Николая Ивановича, жившего долее других. Надпись: «Алексей Иванович Лобачевский, родился 12 февраля 1795 г., скончался 1 марта 1870 г.

Городской памятник Лобачевскому в Казани стоит около университета, против дома, где была квартира ректора, занимаемая некогда Лобачевским. Он представляет собою небольшой, но изящный бронзовый бюст на невысокой колонке.—*Примечание П. П. Перцова-сына*

В это время к нашей компании принадлежал бывший Дерптский студент Неандер (он был гувернером при моем племяннике [Ф. А.] Каховском). Он рассказывал нам, как в немецких университетах, ежели студенты пожелают выразить особенное внимание или сочувствие какому-нибудь профессору, то из Университета к дому профессора устраивают *факельное шествие* (Fakel-zug). — Мы, пожелав изобразить из себя европейских студентов, решили тоже устроить факельное шествие к дому Пушкина на Покровской улице; выбрали депутацию из трех студентов (в эту депутацию и я попал) и вот мы, втроем, отправились к ректору Университета Лобачевскому испросить разрешение на нашу выдумку. — Николай Иванович очень серьезно выслушал нас (хотя в душе, вероятно, смеялся над нашим обезьянничеством), но посоветовал как-нибудь иначе выразить наше внимание к покидавшему нас попечителю, потому что, как он сказал, у нас в русских университетах не приняты подобные факельные шествия, да и полиция не позволит итти по улице с зажженными факелами, тогда как у нас и курить-то на улице нельзя.

Николай Иванович нам посоветовал в назначенный попечителем день собраться всем студентам в Университет в полной мундирной форме и расположиться в два ряда вдоль парадных сеней и лестнице от самого подъезда вплоть до актовой залы. «Это, конечно, очень понравится Михаилу Николаевичу», — так закончил Николай Иванович.

Совет Николая Иван[овича] мы приняли. В назначенный день, в полной форме, при шпаге и в треугольной шляпе на голове, мы, все студенты, и построились в два ряда вдоль больших сеней по парадной лестнице. Михаил Ник[олаевич] прошел между двух рядов студентов, со всеми здоровался и вошел в актовую залу; мы, конечно, за ним. Он обратился с речью к студентам и между прочим сказал, что если когда-нибудь и кому-нибудь из нас придется обратиться к нему с какой-нибудь просьбой, то он всегда будет готов помочь и делом и советом. Вообще прощание было очень сердечное, потому что студенты действительно уважали Михаила Ник[олаевича] как начальника, хотя строгого, но справедливого [стр. 258—260].

П. П. Перцов. Мои воспоминания, Архив АН СССР, разряд IV, оп. 1, № 971, стр. 43—44, 226—240, 258—260. Полная рукопись воспоминаний П. П. Перцова содержит, кроме воспоминаний о Н. И. Лобачевском, также ряд характеристик других профессоров Казанского университета и студенческого быта 40-х годов XIX в. и в этой части еще не опубликована.

5

Из воспоминаний М. П. Веселовского

(Выпуска 1848 г.)

На другой день [по приезде в Казань], написав предварительно просьбу о допущении меня к экзамену, я отправился с отцом к ректору университета. Ректором в то время был Н. И. Лобачевский (знаменитый математик). Усмотрев из моих документов, что мне не было полных 16-ти

лет (наименьший возраст, требовавшийся для поступления), он, тем не менее, в уважение полученных мною хороших отметок в [Нижегородской] гимназии, разрешил мне экзаменоваться. Приемный экзамен происходил в университете за несколькими столами в так называемом «профессорском зале» [л. 63 bis].

Ректором Лобачевский был при мне также [как и М. Н. Мусин-Пушкин] не долго. Его место заступил Симонов. Лобачевский читал математикам интегральные исчисления. Он как ученый пользовался европейскою известностью. Наружность у него была грубоватая и суровая, но это был человек прекрасной души. Он провел довольно бурную молодость. В мое время сохранилось предание, что, бывши студентом, он однажды, после пирушки, приехал в университет верхом на корове [л. 70].

«Записки М. П. Веселовского», глава III, «Годы студенчества (1844—1848 гг.)» — ПД, Ф. 265, архив «Русской Старины», № 722, лл. 63 bis и 70. Печатаются впервые. Интереснейшие воспоминания М. П. Веселовского, к сожалению, еще не опубликованы; в них находятся характеристики многих профессоров Казанского университета: П. С. Сергеева, Н. А. Иванова, К. К. Фойгта, И. М. Симонова, Ф. И. Фатера и мн. других, а также М. Н. Мусина-Пушкина, В. П. Молоствова, И. А. Баратынского и его жены А. Д. Баратынской, рожд. княжны Абамелек, воспетой Пушкиным; есть мелкие черты для биографии Л. Н. Толстого, картины студенческой жизни и быта второй половины 40-х годов XIX в.

6

Из воспоминаний А. М. Бутлерова

(Выпуска 1849 г.)

I

Прошло около сорока лет с того времени, как я увидел впервые в Казани нашего знаменитого математика Николая Ивановича Лобачевского. Он был тогда профессором и ректором Казанского университета. Впоследствии я имел удовольствие ближе узнать его. Я научился тогда уважать его глубокие, разносторонние знания, его любовь к науке и мог оценить ту сердечную теплоту, с которою он относился к любознательной молодежи, всегда умея деятельно поощрять ее первые шаги на научном пути. Я знаю, что многие подтвердят мои слова. Все близко знавшие Лобачевского как человека любили и уважали его искренно. Но для людей мало знакомых с ним он являлся задушевным ученым оригиналом, витавшим в самой математике в каких-то наиотвлеченнейших сферах. О его «воображаемой геометрии» говорилось с улыбкой снисходительного сожаления к чудаку ученому. Установлению такого взгляда содействовали, повидимому, воззрения некоторых математиков, сотоварищей Лобачевского. Между тем, другие труды Лобачевского отошли ныне на второй план, а «воображаемая геометрия» заняла прочное и почетное место в истории науки. В 1846 году знаменитый германский математик, геттингенский профессор Гаусс писал своему другу Шумахеру: «Недавно мне случилось просмотреть снова

книжку Лобачевского (Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien [1]). Она заключает в себе основания той геометрии, которая *должна* существовать, если Эвклидова геометрия *не* есть истинная. Швейггард назвал такую геометрию *астральною*, а Лобачевский *воображаемою*. Вы знаете, что я уже пятьдесят четыре года имею подобные же убеждения. Действительно нового в книжке Лобачевского для меня поэтому нет, но он проложил к своим выводам путь отличный от указанного мной и сделал это мастерски, в духе истинного геометра. Я считаю долгом обратить Ваше внимание на эту книжку, которая доставит вам истинное наслаждение [стр. 228 [2]]».

Ясно, что Лобачевскому вполне принадлежит честь самостоятельного входа в новую область, и мы, русские, во всяком случае в праве гордиться именем этого глубокого мыслителя.

А. М. Бутлеров. Четвертое измерение пространства и медиумизм. Рецензия на книгу «Wissenschaftliche Abchandlungen von Joh. Carl Friedrich Zöllner Professor der Astrophysik an der Universität zu Leipzig. 1-й том, 1878», «Русский Вестник», т. CXXXIII, 1878, февраль, стр. 946—947; ср. стр. 950, 951. Вошло в книгу: «А.М. Бутлеров. Статьи по медиумизму». Издал А. Н. Аксаков, СПб., 1889, стр. 76—77.

II

В Казани Н[иколай] Н[иколаеви]ч [Зинин] поступил в 1830-м году на Математическое отделение тогдашнего философского факультета. И здесь он наверно первенствовал между товарищами. На него скоро обратили внимание наиболее известные профессора: знаменитый математик Лобачевский, астроном Симонов, а также попечитель учебного округа Мусин-Пушкин, к которому Н. Н. поступил потом в дом для занятий с детьми. Влияние названных лиц, вероятно, не мало способствовало закреплению З[ини]на науке. Старым казанцам хорошо известно, как много теплоты душевной скрывалось под суровой на взгляд наружностью Николая Ивановича Лобачевского, с каким вниманием относился он к возникавшим дарованиям и как умел ободрять и поощрять начинающих в их научных стремлениях.

«Николай Николаевич Зинин. Воспоминания о нем и биографический очерк А. П. Бородина и А. М. Бутлерова». — «Журнал Русского физико-химического общества», 1880, т. 12, стр. 217 и отд. отт., стр. 3. Данное место принадлежит перу А. М. Бутлерова; то же в «Записках имп. Академии Наук», т. 37, кн. I, СПб., 1880, стр. 4. [3]

---

[1] Издано на немецком языке в Берлине, в 1840 году.

[2] Здесь и ниже мы даем указания на страницы книги Цёлльнера.

[3] В немецком тексте некролога Н. Н. Зинина, опубликованного в Берлине отдельной брошюрой, под заглавием: «Necrolog. Nicolaus Nikolajewitch Zinin» с подписью «A. M. Butlerow und A. P. Borodin», на 22 страницах, Лобачевскому отведен специальный абзац: «Nicolaus Jwanowitsch Lobatschewsky, der berühmte Verfasser der «Géometrie imaginaire», war ein Mann, unter dessen scheinbar finsterem Wesen sich

А. М. Бутлеров. С фотографии.
(Архив Академии Наук СССР)

7

Воспоминания Н. П. Вагнера
(Выпуска 1849 г.)

При жизни великих людей мы их, обыкновенно, не замечаем. Условия, мелочи и дрязги обыденной жизни, все то, что ближе к нам, что нас повседневно интересует и прежде всего бросается в глаза,— заслоняет от нас все те качества гениальных натур, которые верно оцениваются только следующими поколениями и веками. Так было и с Н. И. Лобачевским, которому только теперь начинают воздавать по заслугам и столетний юбилей которого праздновался в прошлом году Казанским университетом.

В настоящее время я глубоко сожалею, что не собрал больше сведений об этой светлой, гениальной личности, а то, что собрано мною, представляет не более, как ряд отрывочных, бессвязных эпизодов. Я сожалею об этом тем более, что имел полную возможность собрать эти сведения от многих лиц, которые были более или менее близки к покойному великому геометру. Теперь эти лица уже не существуют.

Из моих личных воспоминаний о нем очень немного сохранилось в моей памяти, но и это немногое, полагаю, будет дорого для будущей полной биографии Николая Ивановича.

Семья Лобачевского была близка к моей семье или, правильнее говоря, к моей покойной матери, Ольге Андреевне, урожденной Грубер, и к моей сестре, Поликсене Петровне Кондыревой. Первый муж моей матери был профессор истории и статистики в Казанском университете П. С. Кондырев. В печатных биографических данных о Ник. Ив. Лобачевском сохранилось не вполне верное сведение о нем, как о преследователе Лобачевского во времена его студенчества. В это время Ник. Ив., как многие талантливые натуры, увлекался студенческими пирушками, которые нисколько не мешали ему весьма серьезно заниматься математикой и возбуждать удивление к его талантливости в таких замечательных ученых, какими были Бартельс и Литров.

П. С. Кондырев, после того как его сделали инспектором студентов, резко переменил свои отношения к учащейся молодежи. Из простого, обходительного профессора он сделался формалистом и придирчивым начальником, что вовсе не шло к его небольшой худенькой фигурке, украшенной довольно длинными рыжими волосами. Понятно, что молодой, остроумный и увлекающийся студент Лобачевский не мог вынести ни этой перемены, ни комической, в его глазах, фигуры инспектора. Между студентами быстро распространялись насмешки и остроты над новым инспектором, исходившие от Н. И. Лобачевского. Инспектор не мог простить

---

eine grosse Herzens güte verbarg. Er verfolgte mit Aufmerksamkeit alle hervortretenden Talente unterstützte sie nach Kräften und verstand es in hervorragender Weise Anfängern Mut einzuflössen und ihre wissenschaftlichen Arbeiten zu fördern» (стр. 2).

этой дерзости студенту и о всех его увлечениях доводил до сведения директора Яковкина. Следствием этих жалоб было то, что Н. И. Лобачевский не был удостоен при выпуске вместе с другими своими товарищами степени кандидата. Но тот же совет, который считал его недостойным по поведению этой степени, через четыре дня признал его достойным степени магистра, вследствие ходатайства за него профессора Бартельса.

Эта история скоро забылась. Лобачевский помирился с Кондыревым, и когда у этого профессора родился сын-первенец Андрей, то он был приглашен в крестные отцы. Этот сын вскоре умер, и у Кондырева родились затем две девочки, Поликсена и Александра. Кондырев и Лобачевский жили в университете на одном дворе. Лобачевский очень часто бывал у Кондырева, и обе девочки нередко играли с ним.

Мать моя рассказывала мне много о молодости Николая Ивановича, но, к сожалению, от этих рассказов уцелели только небольшие клочки и отрывки, которые я не передаю из боязни впасть в ошибки. В моей памяти лучше удержался рассказ о брате Николая Ивановича, Алексее Ивановиче, чудаке, который жил затворником, анахоретом в каменном доме на Проломной улице. Это был довольно большой 2-х-этажный дом, сохранившийся до сих пор почти без перемен и известный в Казани под именем дома Лобачевских.

Николай Иванович никогда не любил подчиняться школьной дисциплине. Он рассказывал моей сестре, Поликсене Петровне, что когда он был гимназистом, то один из его учителей, выведенный из себя его буйным характером, вскричал: «Ты, Лобачевский, будешь разбойником!» После этого прошло много лет, и когда Николай Иванович был уже помощником попечителя, то этот самый учитель пришел к нему с просьбой о пенсии, причем Николай Иванович с добродушной улыбкой напомнил ему:

— А помните, вы пророчили мне совсем другое, когда я был учеником. К счастью, пророчество ваше не оправдалось.

И он выхлопотал пенсию своему бывшему учителю.

Николай Иванович очень походил лицом на свою мать, Парасковью Александровну, даму весьма почтенную, к которой все знавшие ее казанцы относились с глубоким уважением. Портреты Лобачевского, существующие в литературе, вовсе не передают тех черт, которые принадлежали ему в последние годы его жизни. Большая часть их повторяют тот портрет, официальный и безжизненный, который висит в профессорской зале казанского университета, портрет, писанный масляными красками неизвестным художником и сделанный в то время, когда ни фотография, ни дагерротипы еще не существовали. Я помню один портрет, снятый дагерротипом, который совершенно верно передает черты и склад

Николая Ивановича. С этого портрета сняты были впоследствии фотографические карточки.

Николай Иванович был человек высокого роста, худощавый, несколько сутуловатый, с головой, почти всегда опущенной вниз, что придавало ему задумчивый вид. На этой гениальной голове была целая шапка густых темнорусых волос, которые слегка курчавились и торчали вихрами во все стороны. Под этими волосами кожа и мускулы были необыкновенно подвижны, так что Николай Иванович мог надвигать свои волосы почти до бровей. В последние годы его жизни они совсем поседели не столько от лет, сколько от горя и жизненных невзгод. Глубокий взгляд его темносерых глаз был постоянно угрюмый, задумчивый, а сдвинутые брови его расправлялись в очень редкие минуты веселого расположения, минуты, в которые Лобачевский поражал слушавших его необыкновенным добродушным юмором.

Характер его был удивительно ровный, речь тихая. Он говорил плавно, но медленно, как бы обдумывая каждое слово. Во всех его словах сквозила, если можно так выразиться, необыкновенная рассудительность.

Николай Иванович женился поздно, на сорок пятом году, на богатой оренбургско-казанской помещице Варваре Алексеевне Моисеевой. В приданое за женой он получил небольшую деревню Полянки, в Спасском уезде, Казанской губернии. Впоследствии он купил еще имение Слободку, на самом берегу Волги, в той же губернии.

Варвара Алексеевна была стройная брюнетка, высокого роста, и черты ее лица несколько походили на черты Николая Ивановича. Такие же слегка сдвинутые черные брови и выдающийся рот, черные выразительные глаза и почти постоянная приветливая улыбка на полных губах. Но характеры у обоих супругов были разные. Тогда как Николай Иванович отличался хладнокровием, спокойствием и рассудительностью, у Варвары Алексеевны был необыкновенно живой и вспыльчивый нрав. Случалось не раз, что она резко и долго выговаривала своему супругу за какую-нибудь неловкость, и во все это время Николай Иванович спокойно ходил по комнате взад и вперед, покуривая свою трубку с длинным чубуком. Когда же прилив раздражения истощался, то Николай Иванович подходил к жене, кланялся ей и спрашивал:

— Ты кончила?

— Кончила, — говорила Варвара Алексеевна.

— Ну, так теперь ты можешь выслушать и понять и мой взгляд.

И он спокойным голосом, рассудительно и толково разбирал причину столкновения, и все раздражавшее Варвару Алексеевну разрушалось и исчезало, как по волшебству. Такова была логика этого сильного ума. Но, кроме того, было еще нечто общее, что связывало их вместе. Была честность, правдивость и искренность. Это были отличительные черты того и другого. Рассказывают, что перед своей свадьбой они дали друг другу честное слово быть искренними во всю свою жизнь, и, повидимому,

сдержали это слово. Во всяком случае, чета эта была примерной для всего казанского общества.

В этом обществе преобладал аристократизм или, правильнее говоря, псевдо-аристократизм, так как настоящих, действительных аристократов в нем было две или три семьи, не более. Остальные не могли похвалиться древностью рода и только кичились обширностью поместий или состояний. Тем не менее в городе в то время все общество разделялось на аристократов и неаристократов. Демократом никто не хотел быть в этом обществе. Дом Лобачевских принадлежал к аристократическим домам. Они жили довольно открыто, — почти каждый вечер собиралось у них шумное общество, и шла картежная игра, до которой Варвара Алексеевна была страстная охотница. Николай Иванович очень редко играл в карты.

В моей юности я видел много раз Лобачевского. Изредка он бывал у нас, но довольно часто мать моя возила меня в его семью. Мне было тогда 10 или 11 лет, и сколько я помню Николая Ивановича, я всегда видел его тихим, покойным и очень редко в шутливом или игривом настроении духа. Дети Лобачевского были моложе меня и сверстников между ними для меня не было. Через несколько лет я должен был встретиться с Николаем Ивановичем официально, в гимназическом мундире, на вступительном экзамене в студенты. Экзамен этот был в первой гимназии, и Лобачевский был на нем в качестве председателя экзаменационной комиссии. На этом экзамене поступающих в университет экзаменовали профессора университета, между которыми выдавался своей необычайной строгостью, своим зычным голосом и высокой фигурой профессор истории Н. И. Иванов. Это был желчный, придирчивый господин, с злобными, тусклыми, зеленовато-серыми глазами. Он был из духовного звания. Раз, бывши у нас, Лобачевский, шутя, рассказывал о нем, что после одного диспута, на котором Иванов был побит докторантом, он взбесился. «Приехал домой, — говорил он, — поцеловал жену, и она тоже взбесилась». [1] Товарищи не любили Иванова. Студенты и гимназисты, окончившие курс, сильно боялись его. И действительно, он был страшен своей безобразной придирчивостью и той злобной радостью, с которой он щедро ставил нули, единицы и двойки экзаменующимся у него. И вот у этого экзаминатора мне пришлось экзаменоваться из истории и давать письменный ответ. К счастью, им была составлена программа гимназического

---

[1] Жена его была урожденная графиня Толстая. По поводу его женитьбы в Казани ходил по рукам такой куплет:

Граф Толстой
Мужик простой
Выдал дочь свою Алину
За Иванова с[котину]

Это было написано в 1840 году, т. е. более полвека тому назад.

преподавания, настолько подробная, что могла легко служить не только конспектом, но даже полным ответом на вопросы. По ней я написал мой ответ, и так как везде в программе прусаки были напечатаны с двумя *с*, то и я поставил их точно так же. И вдруг профессор Иванов, читая написанный мною ответ, задает мне вопрос: почему я ставлю два *с* в слове прусак? Я хотел сказать ему: потому что в вашей программе стоит такая орфография, — но удержался и сказал, что я спешил кончить мой ответ. Но это вызвало желчное замечание:

— А зачем же вы, батюшка,—начал Иванов, уставив на меня тусклые глаза, — подаете профессору ответ, написанный с небрежной поспешностью?..

И вслед за этим замечанием он резко отвернулся от меня и понес мой ответ к тому столу, покрытому красным сукном, за которым посреди зала сидел Лобачевский, вместе с другими экзаминаторами. Иванов что-то говорил ему, и вдруг Лобачевский обратился ко мне с вопросом:

— Г. Вагнер, сколько вам лет?

— Пятнадцать лет, ваше превосходительство, — отвечал я.

— Не может быть, — сказал своим спокойным, ровным тоном Лобачевский. — Мы пятнадцатилетних не принимаем в студенты.

— Мне недостает только одного месяца и нескольких дней,— пробормотал я и в то же время думал: они откажут мне на законном основании за неимением законных лет, а не потому, что я наградил прусаков двумя *с* по программе профессора.

Но это опасение было совершенно напрасно. Вопрос Лобачевского был вызван моим исключительным ростом, в котором не было и двух аршин. В гимназическом мундире я выглядел совершенно мальчиком из 2-го класса гимназии. Несмотря на этот незаконный рост и незаконный возраст, я был принят в студенты пятнадцати лет и одиннадцати месяцев.

Это было в 1845 году. С тех пор прошло шесть лет, и в 1851 году мне снова пришлось официально встретиться с Николаем Ивановичем уже на моем служебном поприще. Я не привел бы здесь этого случая, еслиб он не выставлял очень характерно способности Лобачевского умело и тактично выходить из неловких положений.

У меня был дядя — Еварест Андреевич Грубер, — родной брат моей матери. Он был товарищ Николая Ивановича по университету, оба были однокурсники, сидевшие на одной студенческой скамье. Дядя довольно долго был попечителем Виленского учебного округа, а затем Казанского. В 1851 году он служил при министерстве народного просвещения и летом на вакационное время приезжал обыкновенно в Казанскую губернию, где у него было небольшое имение, в Лаишевском уезде, за Камой. В Казани он всегда останавливался в нашем доме и один раз вечером, возвра-

тясь от Лобачевских, передал мне, что завтра Лобачевский зовет к обеду его и меня.

От этого приглашения моя 20-летняя личность сильно поднялась в моих глазах, хотя я и хорошо сознавал, что не будь я племянником моего дяди, то помощник попечителя никогда не позвал бы меня на обед, — юного учителя Нижегородского дворянского института. Я прослужил в этом институте всего несколько месяцев и теперь на вакационное время возвратился в свою семью. Лобачевский в это время управлял округом за отсутствием попечителя.

В назначенный час я надел свой учительский виц-мундир, и мы с дядей отправились к Лобачевским. За обедом была только семья и домашние Николая Ивановича. Все это были лица давно, с самого детства, знакомые мне. Из посторонних были только дядя и я. Дядя сидел подле Варвары Алексеевны, а подле него посадили меня.

После обеда Варвара Алексеевна увела дядю в гостиную, а Николай Иванович повел меня в свой кабинет, длинную комнату, убранную очень просто и вовсе не похожую на кабинет ученого. Лобачевский закурил трубку с длинным чубуком. Я попросил позволения закурить папиросу и начал ходить вместе с Лобачевским вдоль кабинета взад и вперед. Спокойным и ровным голосом он стал говорить мне, что директор дворянского Нижегородского института прислал ему жалобу на меня. Он жалуется, что я не исполняю как следует моих служебных обязанностей и манкирую уроками в классах.

— Конечно, — прибавил он, — вы только что начинаете службу и вместе с тем вашу педагогическую деятельность и не можете судить о тяжести той ответственности, которую взяли на себя. Я уверен, что вы загладите эту ошибку с вашей стороны.

Можно легко представить себе мое удивление и волнение при этом «неожиданном реприманде». Упрек и выговор Лобачевского был совершенно справедлив, но меня взволновала несправедливость с другой стороны. Уезжая из Нижнего, я сказал директору, что более не вернусь в Нижний и выхожу в отставку. Но моим словам директор, очевидно, не поверил и все-таки послал на меня жалобу. Притом отставка моя была ему необходима, так как на мое место был уже назначен кандидат, родственник его жены и мой товарищ-однокурсник.

Я сказал Лобачевскому, что мною было пропущено по болезни очень немного уроков и что я заявил уже директору о моем нежелании продолжать службу в Нижнем, так как жить вдали от моей семьи крайне тяжело; следовательно, прибавил я, жалоба его была совершенно излишнею и могла только повредить мне в дальнейшей моей службе в Казанском учебном округе.

И это действительно оправдалось.

Возвратился попечитель В. П. Молоствов, и последствия той же жалобы на меня выразились здесь совершенно иначе.

Когда я, по долгу службы, явился к нему, то он встретил меня официальным грозным выговором, а когда я позволил себе заикнуться и сказать слово в свое оправдание, то Молоствов совершенно потерял всякое самообладание и закричал на меня просто по-казацки.

Впрочем, он и был в действительности казацким атаманом или полковником и попал на место попечителя университета и округа чуть ли не прямо с седла казацкой лошади. Какая разница, удивлялся я тогда, между этим попечителем и Лобачевским. Один хладнокровный, рассудительный и вполне гуманный господин, а другой — необузданный сангвиник, отдающийся весь своим порывам. Я не знал тогда и не принимал в соображение, что и Молоствов был человек очень добрый, мягкий, bon-vivant и по-своему образованный, любивший литературу.

При жизни Николая Ивановича его знакомые и близкие видели в нем только необыкновенного человека по его душевному складу, уму, наконец, по его социальному положению. Что касается до его ученых трудов, то едва ли кто-нибудь из казанского общества их понимал и ценил. Даже математики, товарищи гениального философа-геометра, относились если не с пренебрежением, то с недоверием к его исследованиям. В казанской публике общий голос был таков: Лобачевский — чудак и занимается какой-то странной наукой: «воображаемой геометрией»!

Вообще, свойство всех, кажется, гениальных натур таково, что они стоят отдельно от общества и идут наперекор веку и суждению окружающих их людей. Они твердо и упорно преследуют ту идею, развитие которой невольно притягивает их глубокий ум. Лобачевский не делал исключения из этого общего правила и также не был признан современниками, как и многие, подобные ему, гениальные умы. Его ум был дисциплинирован настолько, что его выводы подчинялись строгим математическим доказательствам. Он специализировался в одной области, но эта область обнимала целую созданную им науку, науку совершенно новую, оригинальную, которую человечество в то время не признавало возможной. Эта наука была на целую ступень выше той геометрии Эвклида, которая официально признавалась, существовала и продолжает существовать до сих пор. Лобачевский всю жизнь занимался созданной им «воображаемой геометрией», но в этой воображаемой науке не было ничего фантастического. Она была и есть несомненная реальная истина. Своей наукой Лобачевский раздвинул рамки человеческого постижения и указал возможность существования многих измерений, тогда как до него человечество признавало только видимые им три измерения.

Углубляясь в совершенно новые, вызванные им к жизни геометрические теоремы, Лобачевский очень мало интересовался тем, что занимало

окружавшее его общество. Он жил в своих идеальных сферах, и это отражалось и на его скромной, идеально справедливой и замкнутой жизни. Все пересуды общества, дрязги и сплетни проходили мимо дома Лобачевских, не касаясь и не задевая их семейного мира. При множестве знакомых и при любви казанского, как и всякого провинциального, общества к всевозможным сплетням — эти сплетни как-будто выходили из дома Лобачевских. Но это был обман, который происходил потому, что дом Лобачевских был широко открыт как для аристократов, так и для простых смертных, и все городские слухи и сплетни сосредоточивались и как-будто расходились из этого дома. Сами хозяева были безучастны в этих летучих, скоро испеченных и сенсационных новостях. Они относились к жизни тихо, мирно и совершенно серьезно. Он и она были усердные домоседы; да и нечего им было искать в чужих домах и семьях.

Собственная семья Лобачевских состояла из четырех сыновей и двух дочерей, Варвары и Софьи. Старший сын, Алексей, любимец отца, сильно напоминавший его ростом, лицом и худощавым телосложением, умер студентом. Второй, Николай, вышел из университета, не окончивши курса. После смерти Николая Ивановича он поступил в военную службу и затем в петербургское полевое интендантство. Третий сын, Александр, служил также в интендантстве и большую часть жизни провел в Петербурге. Наконец четвертый сын, которого также, как и старшего, звали Алексеем, страдал какой-то мозговой болезнью, почти ничего не говорил и умер в детстве, — кажется, на седьмом году. Из дочерей осталась в живых старшая, Варвара, вышедшая замуж за г. Охлопкова. Таким образом, никто из потомков великого геометра не унаследовал его гениального ума или умер, не достигнув зрелого возраста. Может быть, на его поколении оправдался тот закон наследственности, по которому дети гениальных людей не отличаются выдающимися способностями, и эти способности могут повториться только через поколение.

Николай Иванович любил своих детей так же серьезно и рассудительно, как он делал все в своей жизни. Когда они были еще в школьном возрасте, он нередко сам занимался с ними и учил их математике. Это бывало летом в его приволжской деревне Слободке.

Я был в этой деревне вместе с моим отцом, профессором геологии в Казанском университете. Вместе с ним, в 1854 г., мы плавали по Волге, изучая геологическое строение ее берегов. По приглашению Лобачевского мы заехали ненадолго в Слободку, которая стоит на довольно крутом берегу Волги. Здесь я собственными глазами убедился в справедливости отзывов о Лобачевском, как об образцовом хозяине. После обеда он повел нас по деревне и показал нам хорошо устроенный скотный двор и рациональный пчельник. Сельским хозяйством Лобачевский занимался более теоретически, чем практически. Он не мог долго жить в деревне, и хозяйство вел наемный управляющий по раз навсегда определенному порядку. Но многое в этом порядке было ново, необычно. Многое не удавалось,

Н. П. Вагнер.
С фотографии.
(Архив Академии Наук СССР)

Ф. О. Елачич.
С фотографии.
(Архив Академии Наук СССР)

и все это служило предметом пересудов и строгого суждения помещиков — соседей Николая Ивановича. Все неудачи и недосмотры возводились чуть ли не в уголовное преступление.

— Вот что значит много-то ума! — говорили соседи, — ум-то за разум и зашел.

В это лето 1854 г. в Слободке жил в качестве домашнего медика Н. И. Розов (бывший впоследствии директором медицинского департамента). Нередко вечером Лобачевский собирал весь домашний кружок своей семьи и, чередуясь с Розовым, читал вслух «Вечера на хуторе» и «Миргород» Гоголя. Положительному, математическому уму Лобачевского нравился юмор нашего великого писателя, и он от души хохотал над хохлацкими остротами казака Дороша.

В минуты светлого расположения духа природный юмор просыпался в Лобачевском, и он поражал слушателей своим метким остроумием. Насмешливость была, кажется, одной из существенных черт его характера, но он постоянно давил ее своим серьезным складом ума. В юности эта черта была заметнее, свободнее, и выразилась в тех насмешках, которые обратились на профессора Кондырева и некоторых других. Я вспоминаю, как раз у нас в семье вечером он рассказывал об одном казанском профессоре терапии, Л[индегре]не. У этого профессора был собственный довольно большой деревянный дом, стоявший на короткой улице «односторонке», у которой, вместо противуположного ряда домов, был крутой обрыв. Профессор был гомеопат, немец, плохо владевший русским языком. Лобачевский рассказывал, что «теперь простой народ уже не ходит на «односторонку»: у профессора-немца, говорят, целая аптека, разумеется гомеопатическая, и всякого, кто пройдет мимо нее, от гомеопатических испарений или стошнит, или еще хуже... сделается расстройство желудка». Рассказывая это, сам Лобачевский хохотал громко и совершенно искренне.

В 1851 году в доме моего зятя, профессора Киттары, я устроил домашний спектакль, на который он пригласил в числе других гостей и Лобачевского. В заключение спектакля шел известный водевиль «Аз и Ферт», [П. С. Федорова], в котором я играл главную роль. Лобачевский от души смеялся и остался очень доволен этим спектаклем.

Я рассказываю здесь об этих мелочных случаях, которые ясно говорят, что натура Лобачевского не была узкой, излишне сухой и погруженной только в свои геометрические построения и служебные обязанности. Нет, он при всей своей глубокой мозговой работе горячо относился к окружавшей его жизни, и его сильно волновали ее несправедливости. Я помню, как он взволновался по поводу обиды, оказанной моей старшей сестре, Поликсене Петровне. Она служила классной дамой в Казанском институте благородных девиц, в котором начальницей была в то время одна из казан-

ских аристократок, Е. Д. З[агоски]на, а учебным округом в то время управлял Лобачевский. Начальница института придралась к какому-то пустому предлогу, наговорила моей сестре очень грубых дерзостей, и сестра вышла из института. Лобачевский, узнав об этой истории, сильно взволновался и, когда приехал к нему брат начальницы, [П. Д. Мертваго], он сделал ему строгий выговор, вследствие которого З[агоски]на сама приехала к нам с объяснением относительно «этого неприятного, — как она называла, — недоразумения». Но это объяснение, разумеется, не могло поправить дела. На место сестры была взята уже другая дама, для которой и была затеяна вся эта история, и эта-то именно интрига всего сильнее возмутила Лобачевского.

В казанском обществе было много всяких интриг, и в особенности они процветали в университетском совете. Хотя во время попечительства Мусина-Пушкина многое исправилось и изгладилось из прежней университетской жизни, но все-таки советское заседание составляло очаг всяких столкновений и распрей. Лобачевский был председателем совета. С 1827 года до 1846 года, почти двадцать лет, он был ректором казанского университета. Но чтобы понять и правильно оценить деятельность Лобачевского как ректора, необходимо знать, чем был вообще в то время ректор и какое отношение к ректору имел такой попечитель, каким был М. Н. Мусин-Пушкин.

Перед избранием и поступлением Лобачевского в ректоры Казанский университет переживал очень тяжелую годину смут и неурядицы. Перехода от этой беспорядочной жизни к более правильной и рациональной я не застал. Когда я поступил в университет, то вся эта неурядица отошла уже в изустное предание, о котором я много слышал от моего отца. Я застал университетскую жизнь под строгой, деспотической ферулой Мусина-Пушкина. Когда-нибудь я расскажу об этом владычестве. В цельном характере Пушкина было много хорошего. Он был безукоризненно честен, благороден, вполне справедлив. Он как бы чутьем слышал, где была ложь и неправда. К этому должно прибавить необыкновенную энергию, деятельность и аккуратность. Он был суров, деспотичен, строго горяч. В Петербургском университете, там, где гражданственность и гуманность уже пустили свои корни, такой попечитель был не к месту. Он был там даже более чем странен. Но в Казанском университете, в исходе 20-х годов, подобный человек был крайне необходим, чтобы поддержать здание, расшатанное долгим управлением такого неблагоразумного деспота-ханжи, каким был Магницкий.

Лобачевский и Мусин-Пушкин понимали друг друга и глубоко уважали один другого. Мусин-Пушкин смело доверял уму, рассудительности, честности и искренности Лобачевского, а последний глубоко уважал прямоту и энергию Мусина-Пушкина. Это была пара, которая была необ-

ходима для обновления и возрождения университета. Они взаимно дополняли друг друга.

Во время ректорства Лобачевского, с 1827 года до 40-х годов, деятельность его по устройству университета была изумительна. Он завел библиотеку и построил для нее отдельное здание. В pendant к этому зданию было выстроено им симметрично другое для химической лаборатории и физического кабинета. Эти оба здания были соединены красивой полукруглой колоннадой и решеткой с анатомическим театром, который также был украшен колоннами. Все постройки были расположены на горе, с которой открывался красивый вид на низменную сторону города. Немного правее этих зданий была построена Лобачевским астрономическая обсерватория, довольно долгое время соперничавшая с Пулковской.

Все это было делом головы и рук Н. И. Лобачевского. Он председательствовал в строительной комиссии. Для постройки зданий он изучал архитектуру. Он был не только душой и руководителем всех этих построек, но и оберегателем сумм, назначенных на них. Благодаря целесообразности его распоряжений и его честности, он сумел сберечь около 50 тысяч из сумм, ассигнованных на эти здания.

В главном корпусе университета, в центре этого корпуса, который составился из трех зданий, была выстроена церковь, также по мысли Лобачевского. Церковь, полутемная, освещенная двумя окнами из алтаря и маленьким круглым окном сверху, в которое было вставлено оранжевое стекло с изображением всевидящего ока, была отделана под белый мрамор, и боковые ее стороны отделялись от средины толстыми колоннами, также отделанными под мрамор. Эта отделка с золочеными узкими карнизами и капителями была необыкновенно красива. Перед алтарем поднимался громадный крест во всю вышину церкви, составленный из образов, в нижней части которого были царские двери. Совершенно оригинальная и счастливая мысль! Я помню, как таинственный полумрак этой церкви невольно внушал мне, студенту, религиозные стремления. Я помню, с какой официальной торжественностью, тихо и стройно совершались службы в этом оригинальном храме, как плащаницу выносили Мусин-Пушкин, Лобачевский, инспектор студентов Ахматов и старший декан; помню, как после Христовой заутрени все мы, студенты университета, после христосования со священником и дьяконом, христосовались с Мусиным-Пушкиным и Лобачевским. Все это давно прошедшее, но постоянно памятное и незабвенное!

В университетских зданиях и заведениях, устроенных Лобачевским, везде был виден ум, обдуманность и даже роскошь. Последняя явилась, кажется, вследствие влияния Пушкина, который везде и во всем стремился к помпе и напыщенности. Величественно было здание университета с его длинными, три раза повторенными рядами толстых колонн, и роскошна была обстановка всех его кабинетов. Особенной роскошью и даже изяществом отличались химическая лаборатория, химический и физический

кабинеты. Полы всюду были паркетные, шкафы и витрины — из красного дерева. Все блестело свежестью, глянцем, лоском, чистотой, и каждое воскресенье, после обедни, Мусин-Пушкин, в сопровождении своего штата, обходил все кабинеты и заведения и строго наблюдал за порядком, в котором они содержались.

Красива также была библиотечная зала, выстроенная Лобачевским. Это было громадное помещение, занимавшее почти все здание. Середина его отделялась от боковых частей толстыми колоннами, на которых были утверждены три яруса для шкафов с книгами.

Все это было величественно и вполне отвечало современным научным требованиям, но наука росла, и все эти обширные здания становились тесны и нецелесообразны, — в особенности библиотека, устройством которой преимущественно перед другими заведениями занимался Лобачевский. Во время управления Магницкого она была совершенно запущена. Приобретались книги почти исключительно духовно-нравственного, а не научного содержания. Получаемые для библиотеки журналы присылались на имя попечителя, и он распоряжался ими, как своей собственностью. Наконец, множество книг и периодических изданий было растеряно или расхищено. Все это было возобновлено, дополнено и устроено трудами Лобачевского.

Все университетские здания, построенные Лобачевским, носят общий характер простоты и величия. Планы и архитектура этих зданий не могли принадлежать официальному архитектору, который в то время занимал кафедру архитектуры и отличался необыкновенной бездарностью и даже ограниченностью склада ума. Следовательно, они всецело принадлежали Лобачевскому, и в них наглядно высказывались стремления его светлой гениальной души к простоте и величию.

Как прост он был в обхождении с людьми, так же просты были и его лекции. Я, к сожалению, не был ни на одной из них, но от товарищей слыхал, что в этих лекциях Лобачевский был необыкновенно ясен и строго логичен. Слог его научных сочинений не везде так ясен и строг, как были ясны его лекции.

Обладая громадными сведениями по разным наукам, Лобачевский почти всегда председательствовал на экзамене для поступающих в университет. Здесь он обращал главное внимание на точность выражений. Вот что говорит об этих экзаменах один из моих бывших товарищей профессор математики Э. П. Янишевский: [1] «На экзаменах Лобачевский всегда старался убедиться не в памяти испытуемого, но в понимании им предмета и в его развитии. Я говорю это по опыту, так как сам имел счастье несколько раз экзаменоваться у Лобачевского и нередко с такого экзамена выносил

---

[1] «Историческая записка о жизни и деятельности Н. И. Лобачевского», Казань, 1868, стр. 58.

познания, которых не имел прежде. Так иногда было поучительно даже экзаменоваться у Лобачевского».

Читая «Историческую записку» Янишевского, невольно удивляешься обширности или, лучше сказать, гениальности и энергии натуры Лобачевского. Сколько трудной, тяжелой борьбы привелось ему преодолеть с устройством университета и в особенности университетской библиотеки. Трудно представить себе или поверить описанию того хаоса, в каком находилось собрание книг, называемых библиотекой университета. Никаких списков и каталогов книг не было. Необходимо было создать всё с самого начала, и здесь ясно высказался толковый и распорядительный ум Лобачевского. Он ввел каталоги: систематический, алфавитный и подвижной, то есть сделал то, что до сих пор существует во всех библиотеках. Целых два года, с 1825 по 1827, он трудился один над этим делом. Совет выслушивал прошения его о помощи и принимал эти прошения к сведению. Без его содействия, без помощи товарищей Лобачевский один поднял на себе труд упорядочения самого важного университетского пособия и совершил этот подвиг.

В своих денежных делах Николай Иванович был всегда необыкновенно точен и порядлив. Вот почему ему крайне тяжелы были отношения к денежным делам его близких, которые не всегда отличались в этом случае безупречной строгостью. У сестры моей, П. П. Кондыревой, была сбережена тысяча рублей, остаток от наследства ее отца, и это сбережение она, по усиленной просьбе близких к Лобачевскому людей, отдала им взаймы. Я не знаю, получила ли она обратно эту тысячу рублей, но Николай Иванович счел долгом принять участие в этом деле, как свидетельствует следующее письмо, написанное им к сестре по этому поводу:

«Милостивая государыня
Поликсена Петровна

«Всякий раз, как вижусь с П. Г. О[сокины]м, я не забываю просить его об уплате Вам денег по заемному письму Г. М[олоство]ва. В последний раз мы с Варварой Алексеевной вместе просили его об этом убедительно. П. Г. не столько обнадеживал, обещаясь постараться, по возможности, сколько отказывался в этот раз по обстоятельствам. Письмо, которое получил теперь от Вас, я послал П. Г., с которым я увижусь также нынче вечером. Уведомлю Вас, какой даст он мне ответ. Впрочем, поступите с заемным письмом как вам угодно. Ни я, ни г. О[соки]н не вправе быть недовольными после всех Ваших просьб и необходимости Вашей в деньгах.

С совершенным почтением и преданностью честь имею быть Ваш покорнейший слуга

Н. Лобачевский».

Я привожу здесь это письмо, как образчик беспристрастного отношения Лобачевского к делу и к близким людям. На заемном письме стояло поручительство его близкого (по жене) родственника П. Г. О[соки]на. Не прикрывая его, Лобачевский с полной откровенностью высказывает сестре, чтобы она действовала свободно. Но, несмотря на это, сестра моя не подала векселей ко взысканию, дорожа отношениями семьи Лобачевских к ее покойному отцу и к ней самой.

Это письмо я когда-нибудь воспроизведу фототипически. Полагаю, что в подобных домашних записках лучше высказывается характер человека и тип его почерка. П. Г. О[соки]н, о котором говорится в письме, был в то время предводителем Казанского дворянства, следовательно, более, чем кто-либо мог побудить г. М[олоство]ва, также дворянина Казанской губернии, к уплате долга. Но этот дворянин был его близким, его родственником, и предводитель дорожил этим родством более, чем справедливостью и отношениями к какой-то бедной дочери бывшего профессора Казанского университета.

Я прихожу теперь к воспоминаниям о последних годах жизни гениального математика, к воспоминаниям тяжелым, так как и его голова не избежала того тернового венца, который украшал и, вероятно, вечно будет украшать головы гениальных людей.

Во время попечительства Мусина-Пушкина дела университетского совета шли гладко и ровно. Мусин-Пушкин был грозой для всех тех, которые желали вносить раздор в семью университетского совета. Лобачевский был умным, рассудительным и сдержанным ректором. В тех случаях, когда какой-нибудь жгучий университетский вопрос обострял отношения двух спорящих сторон, Лобачевский очень круто прерывал все споры и мнения.

«Так как в этом деле, — говорил он, — мнения, очевидно, не окончательно выяснились, то позвольте мне, господа, отложить это решение до следующего заседания».

Господа позволяли, и Николай Иванович в тот же или следующий вечер приглашал к себе главных спорщиков и за чашкой чая приводил их споры к возможному разумному соглашению. В следующем заседании совета дело проходило без шума и решалось без споров и пререканий.

Этой тактики Лобачевский держался постоянно в течение своего 20-летнего служения ректором Казанского университета, но с переменой попечителя округа эта тактика оказалась недействительной. Притом ранее еще этой перемены началось тайное подкапывание под Лобачевского как ректора университета. В том, что Николай Иванович как ректор был на своем месте, никто не сомневался, да и не мог сомневаться. Лобачевский был «идеальный» ректор. Вот что говорит о нем его биограф Э. П. Янишевский: «Вполне преданный университету, безукоризненной чест-

ности убеждений, неутомимый в деятельности, энергический, но беспристрастный и всегда уважавший мнения других, действовавший на членов совета только силою убеждения и вследствие этого всеми уважаемый — таков был Лобачевский ректором университета». Но это место было необходимо другому, и вследствие этого была начата интрига, которая разыгралась за пределами Казанского университета.

В 1845 году Лобачевский был единогласно избран ректором университета на новое четырехлетие, а в 1846 г., 7-го мая, кончился срок пятилетия, на которое он был оставлен на службе, как заслуженный профессор. Совет Казанского университета вторично ходатайствовал перед министром об оставлении Лобачевского на службе еще на пятилетие, и в представлении совета было сказано, что он «считает за особенную честь для университета иметь в числе профессоров столь *отличного ученого* и *опытного педагога*». Несмотря на это лестное представление и неожиданно для всех тех, кому была неизвестна закулисная история этого дела, Лобачевский получил назначение быть помощником попечителя Казанского учебного округа.

Может быть, этим назначением министерство думало повысить Лобачевского, но на самом деле это было не повышение, а жестокий удар, который лишал гениального геометра почти всего, что было ему дорого в Казанском университете. Он разом отрезал всю прошлую деятельность Лобачевского и закрыл перед ним двери того университета, которому он служил так искренно и усердно. Деятельность помощника попечителя ограничивается учебными заведениями округа, тогда как жизнь университета, и в особенности его совета, стоит в стороне от него. Но всего тяжелее для Лобачевского было закрытие перед ним его аудитории. Новая должность лишала его кафедры, т. е. личной связи с университетской учащейся молодежью, связи с молодыми поколениями слушателей, для которых у Лобачевского всегда было горячее слово и глубокие мысли. Эта потеря была тяжела и незаменима.

Наконец, он потерял при новом назначении и в материальном положении. Лишаясь профессорского оклада, он должен был довольствоваться пенсией, которая при старом уставе равнялась 1142 рублям и к этой жалкой пенсии прибавлялось 800 рублей столовых.

Бывши ректором около 20 лет, Лобачевский за свои труды по этой должности не получал никакого вознаграждения; он служил университету вполне бескорыстно. Преемник его, новый ректор Казанского университета И. М. Симонов, при своем назначении на эту должность почти тотчас же получил оклад в 1000 рублей — сверх жалованья профессора.

В настоящее время еще рано рассказывать все дело о замене Лобачевского новым ректором; можно указать только, что, может быть, некоторой вовсе не главной причиной этой замены были неудовольствия нескольких членов совета на Лобачевского, возникшие в последние годы его ректорства.

Новый ректор, понятно, не мог заменить Лобачевского и не выдерживал никакой параллели с гениальным геометром. Профессор астрономии, он остался неизвестен ученому миру своими учеными исследованиями. Своим определением на кафедру астрономии он, главным образом, обязан своему участию в кругосветном плавании М. П. Лазарева. Во время этого плавания им были произведены некоторые определения каких-то астрономических пунктов. Как математик, он не обладал высокими дарованиями Лобачевского; как профессор, он не имел дара изложения рассудительного и толкового, которым отличались лекции Лобачевского; наконец, самая фигура нового ректора представляла довольно резкий контраст с фигурою Николая Ивановича. Это был человек довольно высокого роста, очень полный и представительный. Его широкое, округленное лицо, еще в детстве сильно пострадавшее от оспы, было такого яркого, живого, рубенсовского колорита, как будто он только что вышел из паровой теплицы. Круглая, гладко обстриженная голова держалась постоянно гордо и прямо. Маленькие серые глаза смотрели на всё как-то безучастно и подозрительно, на тонких губах блуждала неопределенная улыбка. С водворением нового ректора почти всё в университете довольно резко изменилось. Он думал продолжать традиции Мусина-Пушкина и Лобачевского, но он мог продолжать их только чисто внешним образом. Того такта, уменья и даровитости, которые проявлялись прежним гениальным ректором, здесь не было. Но по общей участи людей не замечать собственных недостатков и не видеть достоинств других людей, И. М. Симонов не мог видеть в Лобачевском его необыкновенных способностей и гениального склада ума. Он принадлежал к партии тех ученых, для которых занятие «воображаемой геометрией» было метафизическим вздором. Когда при нем разговор касался этого великого открытия Лобачевского, то он всегда отзывался о нем с презрительной небрежностью или со снисходительной усмешкой. Очевидно, склад мысли и философского анализа у двух последовательных ректоров Казанского университета был совершенно различен, и Симонов не только не мог оценить всей широты и силы того, что нашел Лобачевский своей непосредственной логикой, но он даже не мог усвоить всей глубины его анализа. Когда барон Рейхенбар представил в берлинскую академию свое quasi-открытие новой силы, и я говорил об этом открытии Симонову, то он отвечал весьма просто: «Для каждой новой силы мы имеем новую формулу. Для такой силы, как «од», формула неизвестна; следовательно, эта сила не существует...»

Эта разница в развитии математического склада ума выразилась и в складе характеров. Лобачевский был самолюбив, но никогда и ничем не выказывал этого самолюбия; Симонов был честолюбив, и это честолюбие было ясно и открыто для всех. Я помню, с какой семейной торжественностью праздновал он получение новой звезды св. Анны. Вскоре после получения ее, он позвал на обед меня и моего отца. Обед был простой, чисто семейный, на нем не было никого посторонних и присутствовала только

мать И. М. и его младшая дочь, 17-летняя девушка. Признаюсь, я много ломал голову, почему на этот семейный обед были приглашены я и отец, и решил, что так устроила судьба, которая судила мне обедать у двух ректоров Казанского университета. Замечу кстати, что никогда близких отношений между семьей Симонова и моей семьей не существовало. Но на этом обеде мы пили за здоровье нового анненского кавалера.

Новый преподаватель математики, занявший кафедру Лобачевского, А. Ф. Попов, представлял также резкий контраст с натурой Николая Ивановича. Это был маленький, худощавый человечек, коротко остриженный и гладко зачесанный, с довольно длинным крючкообразным носом, большими серыми глазами навыкат и тонкими губами. Он был чудак, как большая часть математиков, но основательно знал свой предмет. Я слышал рассказ от студентов-математиков, как Лобачевский ввел в свою аудиторию этого нового профессора, своего преемника. Аудитория эта (так называемая математическая), небольшая, темная, была направо подле входной двери и подле другой общей аудитории — громадной залы в пять окон. В этой большой аудитории читался, между прочим, и латинский язык учителем гимназии, страшным чудаком, Г. А. Лукашевским. В то время, когда Лукашевский входил на кафедру и начинал громко скандировать латинские вирши, в аудитории Лобачевского, до прихода его, поднимался, обыкновенно, страшный шум. В такт со скандированием стихов студенты прихлопывали руками и пристукивали ногами, что производило чудовищное шаривари; но достаточно было появиться в дверях помощнику инспектора студентов и произнести: «Господа! Николай Иванович приехал», — и в аудитории наступала мертвая тишина.

В одну из таких торжественных минут тихо вошел Лобачевский вместе с А. Ф. Поповым. Подойдя к лавкам, которые поднимались амфитеатром кверху, Лобачевский поклонился и сказал:

— Господа, я имею честь представить вам нового профессора математики Александра Федоровича Попова.

Затем снова поклонился, повернулся и тихо вышел из аудитории.

Это представление не студентов профессору, а профессора аудитории сильно поразило студентов и надолго осталось в их памяти, как свидетельство деликатного отношения Лобачевского к своим бывшим слушателям.

Потеря аудитории и ректорства не поразила бы так сильно Лобачевского, если бы к этому еще не присоединился удар более жестокий. Из всех детей Николая Ивановича более любимым был старший, Алексей. Он был как бы повторением отца по своему физическому складу, а отчасти и по характеру. В первый же год его студенчества проявились те же необузданные порывы, которыми отличалась и молодость Николая Ивановича. На втором курсе молодой Лобачевский как будто остепенился, но здоро-

вье, уже надорванное неправильною жизнью и ночными кутежами, не могло оправиться. Явилась чахотка, которая быстро разрушала молодой организм, и весной 1852 года всякое сомнение в исходе болезни исчезло. Помню, что моя семья с напряженным участием следила за ходом болезни. Каждый день моя сестра приносила известия об ее страшных успехах; настал роковой день, и сына-первенца Николая Ивановича Лобачевского не стало. Он умер утром в 12-м часу, и в час его кончины разорвались обои в моей комнате в том углу, в котором стояла моя кровать. Они разорвались почти во всю вышину стены с страшным шумом, и это подало повод моим домашним видеть в этом простом, физическом явлении какое-то таинственное соотношение. С покойным мы виделись очень редко. Он бывал у меня при случае, раз в год. В университете мы почти никогда не встречались и были очень далеки друг от друга.

Кончина любимого сына тяжелым гнетом легла на душу Николая Ивановича. Он опустился, поседел, а ему было не более 57 лет. Эти роковые годы были как бы переломом в его жизни. За ними следовали годы медленного увядания. За двумя ударами шел третий, еще более ужасный: глаза начали изменять великому геометру. Слепота подкрадывалась незаметно, исподволь и закрывала туманом светлый и глубокий взгляд Лобачевского. Сперва он скрывал ее от других, до тех пор, пока всякое сомнение исчезло и положение стало ясно для всех окружающих и для него самого. Но наружно он еще пытался сохранить decorum своего прежнего величавого положения, и тяжело было видеть его в этой ужасной роли, особенно тем, кто знал его в лучшие годы, полного бодрости, энергии и умственных сил. Прежде, когда он входил в университетскую актовую залу, все почтительно шли ему навстречу, все торопились выказать ему всеобщее уважение; теперь он входил тихо, осторожно, опираясь на палку. Его вели под руку, и все как бы избегали его. Он шел, устремив в даль свой тусклый невидящий взгляд и стараясь держать прямо свою седую голову. На губах его стояла какая-то беспомощная улыбка. Он как бы стыдился своего положения и извинялся за него перед всеми. И находились такие люди, которые смеялись над этим положением и ставили в укор великому человеку то, что он разыгрывает комедию и является в общество, ничего не видя.

Его подводили к столу, усаживали в кресло, и он, как прежде, слушал экзаменующихся, тихо, вдумчиво поправлял их, но большею частью угрюмо молчал, закрыв глаза рукою. Некоторые смеялись над тем, что жена Лобачевского вводила его в профессорскую залу. Другие находили комичным подпись его, которую он ставил на официальных бумагах. Словом, он был развенчанный король, над которым провинциальное quasi-интеллигентное общество считало себя вправе издеваться.

Ученых заслуг Лобачевского не понимали и не ценили, и все его громадные услуги университету были забыты. Я помню, он проходил предо мной какой-то тенью, чем-то необычайно грустным и тяжелым. «За что,

А. Н. Пыпин. С офорта.
(Архив Академии Наук СССР)

думал я, этот человек так наказан судьбой? Не выше ли он многих и многих, которые смотрят на него теперь с таким ничем не заслуженным пренебрежением!»

Участь великого слепца в его домашней, так же, как и в общественной, жизни была тяжела. Тоска бездействия тяготила его. Вера в собственную энергию и способности исчезла. Невыносимо медленно тянулись его одинокие дни и тяжелые, длинные зимние вечера. Его, как маленького, забавляли игрой в лото, на котором все цифры были выпуклые.

За год до смерти проблеснуло одно утешение. В юбилейном сочинении на 50-летие Казанского университета был напечатан французский перевод его «воображаемой геометрии» или «пангеометрии», как он называл ее. Это был последний его подвиг, последняя дань созданной им науке и его родному университету.

Он угас тихо, как бы незаметно для всех, в Казани, в собственном доме, на 63 году своей жизни, 12-го февраля 1856 года.

Н. П. Вагнер. Из жизни великого геометра. Воспоминания о Н. И. Лобачевском и его отношениях к Казанскому университету, «Книжки Недели», 1894, март, стр. 5—34; предварительно в газете «Свет», 1894, № 73.

8

Из воспоминаний А. Н. Пыпина

(Выхода 1850 г.)

Студенты слонялись по улицам и любили посещать свадьбы; а так как они имели репутацию людей малонадежных, то иногда принимались меры к тому, чтобы не впускать их на венчание. В мое время по такому поводу произошло настоящее боевое столкновение толпы студентов с полицией и жандармами; дело дошло до буквального кровопролития, о котором я узнал по рассказам очевидцев. Конечно, в историю вмешалось университетское начальство; слишком воинственные деятели были посажены в карцер, и в одно прекрасное утро студентов собрали в одну из зал, а для увещания их к добропорядочному поведению явился ректор (это был известный тогда путешественник и астроном И. М. Симонов) и помощник попечителя — знаменитый Лобачевский. До тех пор я его не видал; между студентами ходила слава о его великой математической учености, молва о его уме, а также и о том, что некогда, во времена своей молодости, он сам был человек с буйными наклонностями. Его ученая слава засвидетельствована недавним юбилейным воспоминанием;[1] а буйная репутация подтверждена в истории Казанского университета Н. Н. Булича.[2]

[1] Писано в октябре 1901 г.; имеется в виду празднование 100-летия со дня рождения Н. И. Лобачевского в 1893 г. — *Л. М.*

[2] В монографии Н. Н. Булича «Из первых лет Казанского университета (1805—1812). Рассказы по архивным документам», ч. I, Казань, 1887. — *Л. М.*

Случай был весьма необычайный, и было бы достаточно поводов для начальственного окрика; но от Лобачевского студенты его не услыхали. Помню, он говорил очень спокойно, обращаясь просто к здравому смыслу и чувству порядочности, без повышения голоса и без угроз; чувствовалось, что говорит человек, заботливо относившийся к молодежи, понимавший ее, хотя и видевший ее глупости; слова его внушали уважение к говорившему и наверное произвели впечатление на самих буйствовавших, как произвели на меня, не буйствовавшего...[1]

А. Н. Пыпин. «Мои заметки», с приложением статей: «Два месяца в Праге» и «Вячеслав Ганка», под редакцией В. А. Ляцкой, М., 1910, стр. 41—42; первоначально: «Мои заметки лето 1900 — июнь 1904» в «Вестнике Европы», 1905, № 2, стр. 495.

9

Из воспоминаний Э. П. Янишевского

(Выпуска 1850 г.)

I

Перейдя в седьмой класс гимназии и съездивши на вакацию, мы возвратились в Казань в ту же квартиру. Как-то особенно скоро прошел последний год нашей гимназической жизни, приблизилось время вступительных экзаменов в Университет. Недели за три до экзамена, который был в начале июня, нас отпустили по домам для приготовления. Хотя в седьмом классе нового было пройдено немного, учителя по большей части занимались повторением прежде пройденного, однако же для приготовления к экзамену работы было немало, тем более, что тогда экзаменовали гимназистов первой и второй гимназии профессора Университета, между которыми особенной строгостью, по слухам, отличались Лобачевский и профессор русской истории Иванов; все их сильно боялись, хотя, как оказалось впоследствии, совершенно напрасно, — экзаминаторы-профессора гораздо снисходительнее относились к ученикам, нежели мы думали [стр. 278].

С большим страхом шли мы с братом на первый экзамен к незнакомым нам профессорам. Экзамен был вместе с гимназистами первой гимназии в их большой зале; продолжался он шесть дней сряду [стр. 279].

Э. П. Янишевский. Воспоминания бывшего ученика 2-й Казанской гимназии сороковых годов (окончание), в Казанском журнале «Деятель», 1896, № 5, май, стр. 278 и 279; окончание воспоминаний помещено на стр. 269—282.

---

[1] Об этом же эпизоде и выступлении Н. И. Лобачевского рассказывает также А. М. Полиновский (см. ниже, стр. 655—656). — *Л. М.*

II

За год или за два, хорошенько не помню, до нашего поступления в Университет, долго бывший его попечителем Михаил Николаевич Мусин-Пушкин был переведен в Петербургский университет и до назначения нового попечителя, Владимира Порфирьевича Молоствова, Университетом и учебным округом управлял ректор Университета Николай Иванович Лобачевский; с назначением Молоствова попечителем Лобачевский был определен к нему помощником, эта должность тогда, кажется, в первый раз была учреждена в Казанском учебном округе. Мы поступили в Университет в 1846 году уже при Молоствове [стр. 1].

При Пушкине были или вновь построены, или перестроены все университетские здания, библиотека, кабинеты, обсерватория и проч., все было снабжено необходимыми пособиями и инструментами, чего во время Магницкого почти совсем не было (при Магницком были даже буквально *похоронены* все препараты анатомического театра). Надо сказать, что во всем этом устройстве главным помощником Пушкину был Лобачевский [стр. 3].

В то время, когда мы поступили в Университет, инспектора студентов не было, его должность исправлял помощник инспектора Александр Христофорович Зоммер — личность во многих отношениях весьма замечательная [стр. 6].

Зоммер, вспоминая старое время, сетовал на Молоствова [. . .]: «А вот когда мы с Николаем Ивановичем Лобачевским управляли округом, тогда было совсем другое дело-с», — обыкновенно прибавлял Зоммер; при этом ему вспомнилось то время, когда по переводе Пушкина в Петербург округом управлял Лобачевский, а Зоммер исправлял должность инспектора студентов [стр. 8—9].

М[ельников] был адъюнктом при кафедре математики, на которую незадолго до моего поступления в Университет переведен был из учителей 1-й гимназии доктор математики Александр Федорович Попов вместо Лобачевского, назначенного помощником попечителя [стр. 23—24].

Архитектуру или, лучше сказать, жалкое ее подобие читал старик с длинным красным носом, архитектор Университета Коринфский, в звании экстраординарного профессора. Коринфский архитектором практиком, должно быть, был хорошим: под его надзором, правда, при руководстве Лобачевского, были выстроены многие университетские здания; но преподаватель он был до крайности плохой [стр. 37—38].

Для меня экзамены из математики и геодезии не были страшны, я составлял из этих предметов лекции и знал их хорошо, а физики было начитано немного, так как Савельев часто не ходил на лекции. Боялись все только Лобачевского, который обыкновенно не пропускал ни одного математического экзамена, а мы слышали от студентов высших курсов, что Лобачевский вообще очень строго относился к студентам на экзаменах; оказалось, однако же, что эти рассказы были преувеличены. Лобачевский

действительно требовал, чтобы студенты, отвечая на вопрос, выражались точно, отчетливо и с ясным пониманием того, что говорят, причем часто останавливал студента вопросами, касающимися не вычисления собственно, а понимания того, что делается; нередко сам брал мел в руки и чрезвычайно просто и понятно объяснял студенту то, что, видимо, он не усвоил себе. Тут обнаружилась для нас, с полной очевидностью, вся несостоятельность преподавания М[ельникова]; Лобачевский, конечно, лучше нас понимал это, потому и не ставил в вину студентам их затруднение в ответах на его вопросы, и давал хорошие отметки, если видел, что они усвоили по крайней мере механизм счета. Очень многие из нас пожалели, что нам не привелось послушать преподавания Лобачевского; это преподавание, как нам говорили, отличалось необыкновенной ясностью изложения, глубиною мысли и в каждом данном вопросе оригинальностью приемов решения. Когда мне впоследствии пришлось познакомиться с сочинениями Лобачевского, то после всего слышанного о его устном преподавании, меня поразил какой-то неуклюжий, тяжелый слог его, местами доходящий до совершенной темноты выражения. — Это была особенность его гениальных математических способностей. Лобачевский был у нас на всех математических экзаменах, и надо сказать, что даже во время этих экзаменов мы многому у него научились [стр. 68—70].

У нас, математиков второго курса, стали читать лекции два новых для нас профессора — Александр Федорович Попов и Петр Иванович Котельников. Попов был учеником Лобачевского; он обладал отличными познаниями в математике, но по своим способностям и глубине взгляда был далек от своего учителя. В Университете, где Попов занял кафедру Лобачевского, он читал интегральное и вариационное вычисления [стр. 89—90].

Э. П. Янишевский. Из воспоминаний старого казанского студента, Казань, 1893, стр. 1, 3, 6, 8—9, 23—24, 37—38, 68—70, и 89—90; первоначально эти воспоминания помещены в «Волжском Вестнике», 5 января 1893, № 4; 13 января 1893, № 11; 15 января 1893, № 13; 19 января 1893, № 17; 22 января 1893, № 20; 27 января 1893, № 25; 10 февраля 1893, № 36; 26 февраля 1893, № 52 и 16 апреля 1893, № 94.

III

С приездом Молоствова Лобачевский совсем почти устранил себя от дел. Мы видели его только постоянно присутствующим и принимающим участие на приемных экзаменах в Университет и на экзаменах студенческих. Бывши студентами, мы удивлялись тому огромному запасу сведений, которые имел Лобачевский: не говоря уже о предметах физико-математического факультета, он мог быть экзаминатором, в полном значении этого слова, почти в каждой науке. Многим из нас он казался странным и пожалуй придирчивым экзаминатором; он мало обращал внимания на бойкие заученные ответы, часто не смотрел вовсе на подробности счета, но обращал всегда большое внимание на точность выражения, и в этом

случае действительно был уже слишком требователен; на экзаменах он старался всегда убедиться не в памяти испытуемого, но в понимании им предмета и в его развитии. Я говорю это, мм. гг., по опыту, так как сам имел счастие несколько раз экзаменоваться у Лобачевского, и нередко с такого экзамена я выносил познания, которых не имел прежде. Так иногда было поучительно даже экзаменоваться у Лобачевского.

«Историческая записка о жизни и деятельности Н. И. Лобачевского. Речь, произнесенная в торжественном собрании Университета 5 ноября 1868 г. Е. Янишевским», Казань, 1868, стр. 57—58.

10

Из воспоминаний А. М. Полиновского

(Выпуска 1852 г.)

О В. П. Молоствове, кроме того, что он, будучи чрезвычайно добрым человеком, ходил однако по Университету, «грозя очами», точно Ермолов, идущий покорять Кавказ, — едва ли можно что-нибудь сказать. Зато памятен помощник попечителя *Н. И. Лобачевский*. Это был высокий, худой человек с густыми бровями и угрюмым лицом, на котором никто никогда не видал улыбки. Впрочем, виноват, улыбка раз появилась и вот по какому случаю: происходила обычная церемония представления вновь поступивших в студенты — управляющему округом, и церемонимейстером был суб-инспектор *Петр Иванович Климентов*, прозванный студентами *Бобчинским*. Этот Климентов привязался почему-то к одному из новичков и раз шесть заставил его переменить и место и позу. Выведенный из терпения новичок подбежал к Лобачевскому со словами: «помилуйте, Ваше превосходительство, этот *Бобчинский* затолкал меня совершенно». «Его фамилия Климентов», — заметил Лобачевский, — и совершилось чудо: на вечно угрюмом лице Лобачевского засветилась улыбка. [. . .]

Возвращаюсь к Лобачевскому... В период от времени перевода Мусина-Пушкина в Петербург до назначения Молоствова Лобачевский довольно долго управлял Казанским учебным округом, а затем и при Молоствове часто являлся вершителем наших судеб. Административно-начальственная деятельность Лобачевского была симпатична и гуманна. Доказательств можно привести много, но я расскажу случай наиболее выдающийся. Выходила замуж хорошенькая и кокетливая барышня К. Свадьба совершалась у Покрова. Масса влюбленных и невлюбленных студентов присутствовала в церкви. Угораздило толстую тещу священника, из желания поближе посмотреть на невесту, расталкивать студентов. Упитанным частям тещи досталось несколько чувствительных щипков. Она завизжала и пожаловалась бывшему в церкви квартальному. Квартальный препроводил одного из студентов, кажется юриста 2-го курса Виноградова, в Университет под арест. Студенты задумали мстить и, по окончании обряда, тут же недалеко, на углу Покровской улицы, около домов Львова и Сви-

яжского подворья, поколотили квартального и будочников. Из мундира и шинели квартального сделали подобие птицы со множеством крыльев. Свалка прекратилась только тогда, когда прискакали конные жандармы.

На другой день, рано утром, инспектор студентов *В. И. Ланге* повел строжайшее следствие и, с свойственной ему строгостью, арестовал чуть ли не половину Университета. Дней через десять в аванзалу (внизу за шинельной) были собраны все студенты. Явился Лобачевский, ввели подсудимых, и совершился суд или, правильнее, был объявлен приговор. Объявлению приговора Н. И. Лобачевский предпослал речь, замечательную вообще, а в тогдашние строгие времена в особенности. Воспроизвести полный текст речи я, конечно, не могу, но ее сущность заключалась в том, что первый признак порядочного и образованного человека есть уважение к женщине, что в цивилизованных государствах требованию полиции подчиняются безусловно. В данном случае эти принципы нарушены, о чем университетское начальство не может не скорбеть. В речи, в виде aequitas, было упомянуто и о том, что полиция в России слишком несовершенна, но тем не менее в открытый бой с нею вступать не следует. В заключение был объявлен приговор: Виноградов и с ним еще двое подверглись исключению из Университета на один год с правом по истечении года поступить вновь, остальным вменили в наказание содержание в карцере. Н. И. Лобачевский, помимо своих прекрасных душевных качеств, славился и как математик. Почему он был знаменит в математическом отношении я, по некомпетентности, сказать не могу, знаю только, что существовала алгебра Лобачевского. В последнее время своей службы и жизни Лобачевский был как бы не в себе, и случай, рассказанный П. Д. Боборыкиным в его романе «В путь-дорогу» о том, как Николай Иванович в большой актовой зале, во время экзамена из богословия и в присутствии архиерея, надел себе на голову шапку, — действительно совершившийся факт. [1]

«Воспоминания старого казанского студента. Казанский университет *(1848 — 1852 годы)*. Окончание» в «Волжском Вестнике» 16 (28) декабря 1890, № 310, стр. 2, с подписью «А. П-н-к-й».

11

Из воспоминаний А. Г. Князева

(Выпуска 1853 г.)

Целый ряд дорогих для меня лиц проносится передо мной, с благоговением вспоминаю имена своих славных профессоров, которыми и ныне б гордился любой европейский университет. Лобачевский, Попов, Котельников, Ковалевский, Симонов... Вечная вам память и спасибо вам от всех ваших многочисленных слушателей, на которых вы проливали свет ваших глубоких знаний.

---

[1] П. Д. Боборыкин, по цензурным условиям, несколько изменил эту сцену, дав описание экзамена ботаники. Таким образом эффект всего эпизода в романе пропадает (см. ниже, стр. 659). —*Л. М.*

П. Д. Боборыкин студентом Казанского университета. С фотографии.
(Пушкинский Дом Академии Наук СССР)

«Из воспоминаний о Казани (1849—1859 гг.). Посвящается памяти Ф. О. Елачича» — «Литературный сборник к 100-летию императорского Казанского университета. Былое из университетской жизни», Казань, 1904, стр. 98.

12

Из воспоминаний А. И. Ильинского

(Выпуска 1853 г.)

Архимандрит Гавриил был хороший проповедник, и не могу удержаться, чтобы не привести здесь случая, бывшего на похоронах одной казанской аристократки, которая приходилась родственницей помощнику попечителя Лобачевскому, бывшему прежде профессором чистой математики и отличавшемуся глубокомысленностию, свойственной истым математикам. Архимандрит Гавриил в начале своей речи заявил правильно, что усопшей болярыне 60 лет от роду; но, продолжая речь, он в одном месте ее вдруг сделал вопрос: «что была болярыня назад тому 70 лет?» Лобачевский стоял впереди и со вниманием слушал речь отца Гавриила и, когда дело дошло до упомянутого вопроса, Лобачевский, зная и лета покойной, и заявление проповедника в начале речи, что ей 60 лет, крайне удивился и не мог удержаться, чтобы мимически не выразить своего изумления по поводу сделанного вопроса: «что́ была усопшая болярыня назад тому 70 лет». Архимандрит Гавриил прочитал на лице Лобачевского изумление и лютую улыбку и вспомнил, что усопшей было только 60, а не 70 лет. У него мгновенно созрело решение поправить дело и вместе отпарировать Лобачевскому его же оружием, т. е. математикой. Сообразив быстро все это, архимандрит Гавриил на свой вопрос отвечал: «усопшая болярыня назад тому семьдесят лет была математической точкой, которая существовала только в воображении ее родителей, а потом, через десять лет, она явилась в этот свет»... и т. д. Рассказывают, что Лобачевский после делал упреки архимандриту Гавриилу, что он в проповедях своих выходит из богословских рамок и залезает в математику, а Гавриил отвечал ему (они были на ты): «а ты думаешь, что я не заметил, как ты обрадовался моей ошибке и думал, что я нагорожу чепухи, нет! Я во-время спохватился и за злорадство, написанное на твоем лице, решился побить тебя твоим же математическим оружием» [стр. 54—55].

Лобачевский Николай Иванович был прежде профессором математики в Казанском университете, потом ректором университета и, наконец, помощником попечителя (при Молоствове). Это был один из выдающихся деятелей Казанского учебного округа, отличавшийся гуманностью, превосходным знанием своего предмета — математики. Лекции его, сколько я слышал, отличались чрезвычайным интересом. Алгебра, дифференциальное и интегральное вычисления — главная специальность Лобачевского. Он известен специальными трудами своими по алгебраическим вычислениям, в которых он открыл новые, дотоле неведомые комбинации. Всё

это было надлежащим образом оценено, к сожалению, только после смерти Лобачевского, и теперь Парижская академия признала его величайшим математиком. Но такова участь большинства гениальных людей: многие из них при жизни не были оценены и терпели неудачи, так что, в огромном большинстве случаев, оправдывается евангельское изречение, что «нет пророка в отечестве своем». То же случилось и в отношении Лобачевского, который плохо был оценен современниками и не успел пожать заслуженных лавров [стр. 57].

«За полстолетия 1841—1892. Воспоминания о пережитом. Доктора А. И. Ильинского», «Русская Старина», 1894, № 3, стр. 54—55 и 57.

13

Из воспоминаний П. Д. Боборыкина

(Выпуска 1853 г.)

I

Ректора [И. М. Симонова] никто не боялся. Он никогда не показывался в аудиториях, ничего сам не читал, являлся только в церковь и на экзамены. Как известный астроном, Симонов считался как бы украшением города Казани, рядом с чудаком, уже выживавшим из ума, помощником попечителя Лобачевским, большой математической величиной.

П. Д. Боборыкин. За полвека. «Русская Мысль». 1906, № 5, стр. 2—3; то же П. Д. Боборыкин. За полвека (Мои воспоминания). Ред., предисл. и примеч. Б. П. Козьмина, М.—Л., 1929, стр. 58.

II

Из романа «В путь-дорогу», книга IV, гл. XXIII

(Экзамен студента Телепнева по ботанике)

Телепнев, еще в коридоре, бросил свой подставной билет из обшлага, и хотя не считал себя очень хорошо приготовленным, но все-таки вздохнул свободнее, подходя к столу. А у стола, кроме депутата, сидела еще фигура, которую Телепнев только раз всего, в течение года, видел в церкви. Это был помощник попечителя, когда-то профессор математики и ректор. Он представлял собою высокую и мрачную фигуру. Огромная голова была покрыта всклокоченными волосами с проседью, длинные брови нависли над красным носом. Телепнев весьма удивился, увидавши, что мрачная фигура помощника попечителя сидит в кресле спиной к столу, так что не было никакой возможности ни профессору, ни экзаменующемуся обращаться с речью в его сторону, а математик, низко опустивши голову, имел вид человека или спящего, или пришибленного ударом.

Телепнев взял билет. Ему досталось семейство крестоцветных. Билет был ему знаком. Он ответил бойко, но его чрезвычайно стесняла фигура помощника попечителя, так что он решительно не знал, в какую сторону

обращаться. Не менее стеснялся и кандидат Ноль, а математик в своем кресле не подавал никаких признаков жизни. Когда Телепнев кончил свой вопрос, тот поднялся, и вдруг, подойдя к нему, спросил в нос:

— Что вы отвечаете?

— Семейство крестоцветных, — проговорил скромно Телепнев.

— Каких? — мрачно переспросил математик.

— Крестоцветных, — повторил Телепнев.

Математик промычал что-то такое и, отходя от стола, вдруг, ни с того, ни с сего, надел шляпу. Побойчее из первокурсников фыркнули, химик-депутат улыбнулся, а кандидат Ноль только развел своими крючковатыми пальцами. Помощники инспектора, какие были в зале, остановились в изумлении, увидя, что его превосходительство Николай Иванович выкинул через чур уж математическое коленцо. Один из них подошел было к нему, но Николай Иванович так на него взглянул из-под своих огромных бровей, что помощник сократился. Все это заняло внимание экзаминатора, и он мало пронимал Телепнева и, задав ему два-три вопроса помимо билета, отпустил и поставил четверку.

«Библиотека для чтения», 1863, № 8, стр. 32—33. Ср. в воспоминаниях А. М. Полиновского (выше, стр. 656), который говорит, что описанный здесь эпизод произошел в действительности, но не на экзамене ботаники, а на экзамене богословия в присутствии архиерея.

14

Из воспоминаний П. М. Коринфского

(Выпуска 1855 г.)

[Лобачевский] был среднего роста, посредственного телосложения, сухощавый, флегматического темперамента, пасмурной наружности, глаза его блистали умом, на губах нередко скользила ироническая улыбка.

А. В. Васильев. Биография Н. И. Лобачевского в «Русском Биографическом словаре», том Лабзина-Лященко. СПб., 1914, стр. 549 (без указания источника; ср. там же, стр. 540).

15

Из воспоминаний В. А. Лебедева

(Выпуска 1857 г.)

Прежде всего, однако, приходится отметить странное историческое совпадение: предполагавшееся торжественное празднование 50-летнего юбилея Казанского университета было отменено высшим начальством, повидимому, по случаю Крымской войны. Не состоялось, т. е. отложено ad calendas graecas, и празднование столетнего юбилея, тоже совпавшего с войною, да еще более тяжелою и более для нас несчастною, чем была Крымская. И странное дело: мало того, что не было тогда дозволено пра-

зднование 50-летия, но приказано было даже закрыть комиссию, учрежденную при Университете для составления его истории за протекшее время и уже начавшую было свои заседания в конце октября 1853 г. Комиссия эта, состоявшая под председательством знаменитого математика, бывшего профессора, а тогда уже помощника попечителя учебного округа, Н. И. Лобачевского, из таких солидных людей, как профессора: Булич, Дмитриевский, Иванов, Киттары, Ковалевский, Котельников и Протопопов, едва ли способна была сочинять что-либо неприятное для правительства или несогласное с его видами. Ведь тогда на этот счет было строго, и самые отчаянные в душе либералы не рисковали выходить из роли скромных овечек... А если бы тогда уже была бы составлена предполагавшаяся история, как облегчились бы труды нынешнего составления истории столетнего существования нашего Казанского университета!

Почему последовал тогда запрет — это совсем непонятно: нельзя же предположить, что убоялись слов «история Университета», смешав их со словами «университетская история». Ведь университетские истории — продукт позднейшего времени, создаваемый по большей части бестактностью самой же высшей администрации как бы с целью увеличивать труд составителей «историй университетов» [...]

И мало того, что Университет остался без истории своего первого 50-летия, но оно не было ознаменовано ни официальным празднованием, ни высочайшим рескриптом, ни наградами университетским деятелям, ни милостями студентам. Был только устроен бал по инициативе и подписке студентов, да некоторые профессора[1] издали 2-томный сборник своих статей в память юбилея[2] [стр. 21—22].

Попечитель генерал В. П. Молоствов и его помощник, знаменитый математик Н. И. Лобачевский (тогда уже слепой), являлись в Университет только в экстренных и торжественных случаях. Помню, между прочим, что Лобачевский присутствовал при приводе студентов к присяге по случаю воцарения императора Александра II [стр. 254].

С воцарением Александра II мы, студенты, в качестве почти уже граждан, были приведены к присяге, в присутствии помощника попечителя Н. И. Лобачевского [стр. 463].

В. Лебедев. Учебные воспоминания. Казанский университет на рубеже второго пятидесятилетия своей жизни, «Русская Старина», 1908, № 7, стр. 21—22; № 8, стр. 254; № 11, стр. 463.

---

[1] Математики: Ковальский, Лобачевский, Попов; юристы: Мейер, Осокин, Фогель; экономист Бабст и медик (профессор судебной медицины) Блосфельд.

[2] Теперь столетие свое Университет ознаменовал изданием своей истории, которой вышло уже 4 тома in 4°, и доведенной пока до 1828 г.

16

Из воспоминаний Д. А. Клеменца

(Выхода 1869 г.)

Интересную личность представлял профессор физики Больцани. Он в сороковых годах был приказчиком в нотном и музыкальном магазине. Раз как-то зашел в этот магазинчик знаменитый казанский геометр Лобачевский и застал приказчика магазина за книжкой. Приказчик, читающий книгу в лавочке, заинтересовал Лобачевского, и профессор заглянул в книгу. Оказался какой-то трактат по вычислению бесконечно малых.

— Понимаете ли вы, что читаете? — спросил Лобачевский.

— Зачем бы я стал читать то, чего я не понимаю, — тоном обиженного ответил Больцани.

— Я не думаю, что вы читаете книгу, не понимая ничего, но в математических книгах встречаются трудные места.

— Нет, книга, которая лежит перед вами, написана довольно понятно.

Лобачевский стал расспрашивать, как и когда стал интересоваться его новый знакомый математикой. Оказалось, что занимался этим он еще будучи подростком. Видя такое рвение к науке в молодом человеке, профессор заинтересовался им и на первый случай принял его в качестве гувернера, а потом дал ему возможность докончить высшее образование и занять кафедру профессора физики. [1]

Д. А. Клеменц. Из прошлого. Воспоминания. Со вступительной статьей И. И. Попова: «Д. А. Клеменц. Его жизнь и деятельность», Л., 1925, стр. 109—110. Первоначально в «Русских Ведомостях», 1910, №№ 84, 121, 167, 171, 204, 232, 267, 285 и 1911, № 8.

17

Из воспоминаний А. Н. Овсянникова

(Выпуска 1869 г.)

Когда посетил гимназию Авраамий Сергеевич Норов, тогдашний министр народного просвещения [в сентябре 1855 г.], то все воспитанники гимназии, в сопутствии своего начальства, ходили к памятнику взятия Казани, и там, в склепе, служилась торжественная панихида. Здесь я в первый и последний раз видел знаменитого математика Лобачевского, почти слепого; тогда он был помощником попечителя округа и в скором времени после того скончался.

А. Н. Овсянников. Из воспоминаний старого педагога, «Русская Старина», 1899, № 5, стр. 430.

---

[1] Далее дается характеристика Больцани (стр. 110—111).—*Л. М.*

18

Из воспоминаний С. И. Сластникова

(Выпуска 1877 г.)

Совершая однажды обычные рейсы по коридору, он [А. Х. Зоммер] зашел в профессорский зал и начал в стотысячный раз рассматривать развешенные по стенам портреты «великих мужей». Когда его угасающие взоры остановились на портрете Лобачевского, перед которым он во время оно благоговел, вдруг все фибры лица его дрогнули, и он гневно крикнул сторожа.

— Это что? — спросил раздраженно Зоммер, указывая на портрет.

— Патрет! — болтнул сторож и посмотрел на Зоммера так подозрительно, словно хотел сказать: «Эге, старче, дело-то дрянь: знать ум за разум закатился...»

— «Патрет»!.. — передразнил Зоммер сторожа. — Да на патрете-то что? пыль! Великий человек не чище трубочиста, а они, лежебоки, и ухом не ведут!.. ты хоть бы швабру взял, да шваброй-то и вытер... [стр. 162].

Петр Иванович [Котельников] на лекциях и пошутить был не прочь. [...] Любил еще он пошутить с Зоммером, этим единственным своим сослуживцем, оставшимся в живых от приснопамятных времен Лобачевского [стр. 167].

С. И. Сластников. Университетские старцы (из воспоминаний казанского студента), «Русская Старина», 1895, № 8, стр. 162, 167.

Воспоминания казанских деятелей и их родственников

1

Из воспоминаний И. А. Второва

Летом и весною любовался прелестными окрестностями Казани, осматривал местности, древности Кремля и разные здания, особенно Университет казанский, который не был еще доведен до такого совершенства, как ныне. Кабинеты: зоологический, орнитологийский, минеральный, нумизматический и другие только что начинали приобретать собрания вещей, принадлежащих каждому кабинету; но библиотека замечательна была уже редкими книгами, присоединением к ней двух библиотек, князя Потемкина и господина Полянского.

Попечителем университета был тогда Михаил Александрович Салтыков, библиотекарем Петр Сергеевич Кондырев. Знакомство мое с ними и профессорами К. Ф. Фуксом, Г. Н. Городчаниновым и В. М. Перевощиковым доставило мне случай видеть все редкости тогдашнего университета; особливо подробнее рассматривал я во время бытности моей в Казани, 1819 года мая 12 числа. Тогда проезжал чрез Казань в Сибирь Михаил Михайлович Сперанский, вместе с ним и его сопутниками, из коих помню одного г. Цейера, пробыл я более трех часов в университете. Все комнаты и заведения показывали тогда ему господа профессоры: Г. И. Солнцев, К. Ф. Фукс, П. С. Кондырев, барон Е. В. Врангель и Н. И. Лобачевский. Особенно долго пробыли мы в библиотеке, в которой, как выше сказано, книги были пожертвованы князем Потемкиным Екатеринославскому училищу, отколе переданы в собственность Казанской гимназии; другие также пожертвованы той же гимназии г. Полянским и потом уже поступили в университет.

«Москва и Казань в начале XIX века. Записки Ивана Алексеевича Второва» — «Мои воспоминания о Казани», «Русская Старина», 1891, № 4, стр. 18—19 (по рукописи автора, писанной в ноябре 1842 г.). Первоначально в несколько иной редакции опубликовано И. А. Второвым (Иван В....в) под заглавием «Мои воспоминания о Казани (посвящается памяти покойного друга моего А. В. П[ано]вой)» в Прибавлениях к «Казанским Губернским Ведомостям» [11 декабря 1843], № 50, стр. 319—324 (перепечатано в книге Н. Я. Агафонова «Казань и казанцы», II, Казань, 1907, стр. 95—96), а затем в изложении, в статье М. Ф. Де-Пуле «Отец и сын» в «Русском Вестнике», т. 118, 1875, № 7, стр. 73.

2

Из воспоминаний И. И. Лажечникова

Долгом почитаю оговорить, что и в мое время, помимо бездарностей, были достойные преподаватели и ученые, служившие науке с любовью и пользою, как-то: медики Фукс и Лентовский, естествоиспытатель и археолог Эйхвальд, ориенталисты Казембек и Эрдман, астроном Симонов, математик Брашман. Говорили, что профессор математики, Лобачевский, пишет какой-то курс этой науки, долженствующий сделать в ней громадный переворот; но когда издан был этот курс, оказалось, по суждению компетентных критиков, что гора родила мышь.

Русский Вестник, т. 61, 1866, кн. 1, стр. 138; перепечатано в «Сочинениях И. Лажечникова», т. XII, СПб., 1884, стр. 373 и в «Полном собрании сочинений И. И. Лажечникова», т. XII, СПб., 1900, стр. 324—325.

3

Из воспоминаний А. С. Ешевской

Бабушка моя с материнской стороны, Ольга Андреевна Вагнер, была урожденная Грубер [а в первом браке Кондырева].

К великому сожалению [ее жениха П. С.] Кондырева и несмотря на все его старания [их] свадьба состоялась только в ноябре 1817 года [л. 80].

От этого брака у бабушки родились: дочь Поликсена в 1818 году, дочь Александра в 1820 и сын Андрей 1822 году. Сын Андрей вскоре умер. Крестным отцом его был знаменитый геометр Николай Иванович Лобачевский, семья которого была очень дружна с семьей бабушки Ольги Андреевны. Но об этом после [л. 91]. [1]

[П. С. Кондырев] как профессор был очень благосклонен к студентам и очень отзывчив на их нужды до поступления в инспектора. Наружность его вовсе не была внушительною для инспектора, скорее несколько комична и страшна, что и подавало повод молодежи подымать его насмех и сочинять в честь его комические стишки и прибаутки. Сверх того он был очень молод. Вчерашний товарищ вдруг превратился в начальника. Всё это вместе взятое создавало ему массу неприятностей и лишних хлопот. Особенно отличался остроумием и колкостью своих острот студент Николай Лобачевский. Кондыреву услужливые люди все выходки студентов и Лобачевского по его адресу передавали, и он не оставался у них в долгу, жалуясь на них директору Яковкину. Таким образом, о нем сохранились сведения, как о преследователе Лобачевского во время его студенчества.

[1] Небольшие вообще воспоминания А. С. Ешевской в дальнейшем, к сожалению, не затрагивают этого вопроса. — *Л. М.*

В о с к р е с е н с к а я у л и ц а (теперь ул. Н. Г. Чернышевского) в К а з а н и.
(Церковь в настоящее время не существует). С литографии Э. П. Турнерелли.
(Собрание Л. Б. Модзалевского)

Но это не верно; стычки происходили не с одним Лобачевским, но и с другими студентами и по очень простой причине. Кондыреву вменено было исполнение т[ак] наз[ываемого] позднощничества, т. е. обход студенческих спален ночью. Он должен был наблюдать за тем, все [ли] они дома, если дома, то в каком виде и чем занимаются. Вчерашний студент должен был следить за своими бывшими товарищами. Николай Иванович Лобачевский провел свою молодость очень бурно. Во время студенчества любил пирушки и кутежи, за что, по жалобе Кондырева, и был при выпуске лишен степени кандидата. Но по ходатайству профессора Бартельса через 4 дня был назначен магистром.

Все эти ссоры между Кондыревым и Лобачевским вскоре были забыты, и дружба снова возобновилась. В сущности, и Кондырев и Лобачевский были умные и добрые люди, и такие мелочи не могли надолго изменить их отношений, основанных на взаимном друг к другу уважении. Из документов, относящихся к этому времени, сохранился краткий дневник или, вернее сказать, ежемесячник Кондырева. Он очень краток и относится к 1808, 1809 и 1810 годам. На заголовке его сделана рукою тетки моей Поликсены Петровны надпись: «Записки моего отца Петра Сергеевича Кондырева» [лл. 24—26]. [1]

А. С. Ешевская. Из семейной хроники, ГИМ, Отдел письменных источников, Ф. № 312 (А. С. Ешевской), № 13 (48932), лл. 80, 91, 24—26.

---

[1] Далее дана копия дневника; выше (стр. 38 и 41) нами приведены из него выдержки, касающиеся Н. И. Лобачевского — *Л. М.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

С. Богодин.

Где и когда родился математик Лобачевский (по материалам Нижегородского краевого архивного бюро)

Имя великого математика Николая Ивановича Лобачевского стоит наряду с именами мировых ученых, делавших переворот в области точных наук. Но к нашему стыду, мы о Лобачевском знаем немного, не имеем даже о нем основных биографических сведений. Некоторые утверждают, что Лобачевский родился в Казани, другие полагают, что Лобачевский родился и до поступления в школу жил в Нижнем. Точно также не было установлено его происхождение, даже год рождения. Нижегородский кружок физики и астрономии в 1893 году делал попытки разыскать в местных архивах какие-либо сведения о рождении и происхождении Лобачевского, но эти попытки не увенчались успехом.

В начале текущего года Академия Наук СССР запросила Нижегородское архивное бюро о розыске этих сведений и только благодаря тому обстоятельству, что архивы сконцентрированы в одном управлении, удалось напасть на документы, свидетельствующие о происхождении и времени рождения Лобачевского.

До сего времени считали, что дата рождения Лобачевского — 22 октября 1793 года. Однако метрические записи Нижегородской Алексеевской церкви свидетельствуют о том, что Николай Лобачевский родился 20 ноября 1792 года. Отцом его записан коллежский регистратор Нижегородского Наместнического правления Иван Максимович Лобачевский. Но в «исповедных записях» той же Алексеевской церкви мать Лобачевского. Прасковья Александровна Лобачевская, записывала своих детей Александра, Николая и Алексея воспитанниками некоего землемера Сергея Степановича Шебаршина. По законам того времени за воспитателями записывались «незаконнорожденные» дети и можно полагать, что дети Лобачевской были от землемера Шебаршина. Сам Лобачевский, повидимому, считал себя сыном Шебаршина: в печатных списках Казанского учебного округа Лобачевский значится по происхождению «из обер-офицерской семьи», а землемер Шебаршин имел офицерское звание.

Нижегородская Коммуна, четверг, 26 сентября 1929 года, № 222 (3267), стр. 4.

2

Записи П. А. Пономарева о Н. И. Лобачевском со слов его современников

А. В. Васильев об интимной стороне личности Лобачевского в своей юбилейной речи, за отсутствием материалов, вынужден был сделать только несколько замечаний общего характера.

«Серьезное отношение к многочисленным обязанностям,—говорит он,— сделало Лобачевского сосредоточенным, *малособщительным*, *неразговорчивым*; он казался угрюмым, строгим... Но под строгою, почти суровою. наружностью скрывалась истинная «любовь к ближнему», «доброе сердце».

В значительно ином освещении общительность Лобачевского представляет доктор Ворожцов, студент 30-х годов, близко знавший Лобачевского и со слов которого я делал запись. [1] Ворожцов не называет Лобачевского угрюмым, а только «серьезным», он не говорит, что Лобачевский был «малосообщителен и неразговорчив», а только замечает, что он говорил обыкновенно «не часто, но всегда метко, веско и с убеждением», а в частности, в некоторых случаях, неутомимо вел даже очень продолжительные и оживленные беседы. Случалось Лобачевскому бывать иногда и в жизнерадостном, веселом настроении, о чем свидетельствует старая студенческая песня, подаренная мне покойным В. К. Савельевым, [2] которая описывает одну профессорскую пирушку и оканчивается словами: «А наш ректор Лобачевский громко хохотал». [3] О такой же жизнерадостной черте в характере Лобачевского свидстельствует и актовая речь проф. Э. П. Янишевского [...].

Вот что у меня записано [...] лет 30 тому назад со слов старого доктора Николая Федоровича Ворожцова, теперь уже скончавшегося столетним старцем в г. Томске, который в дни своей юности, окончив курс в Вятском уездном училище и четырехклассной гимназии, с двугривенным в кармане пробрался из Вятки в Казань и поступил здесь на медицинский факультет в 1831 году:

«Наша студенческая жизнь, — рассказывал он, — была проста и регулярна. Утром мы аккуратно посещали лекции, а остальное время работали в „занимательных“. Только на сон грядущий завязывалась беседа: совсем уже разденемся и, завернувшись в одеяла, сидя на койках, заговоримся иногда за-полночь. Тут, бывало, толстяк Попов, бывший потом проф. математики, возбудит жаркие прения о „Высшем существе“, веселый Соколов или, как мы его звали, Николаенко начнет лубошничать и забавлять всю компанию. Вспоминаются и в сотый раз смакуются анек-

[1] Ворожцов скончался несколько лет тому назад в г. Томске более чем 100-летним старцем.

[2] Савельев — бывший много лет казначеем Казанского университета, известный нумизмат.

[3] См. ниже, стр. 673. — *Л. М.*

доты о некоторых профессорах, особенно о Дунаеве, который всегда неизменно открывал свой курс химии словами: „Алхимия, господа, есть мать химии, — дочь не виновата, что мать ее глуповата“.

«Личность нашего ректора Николая Ивановича Лобачевского чаще всего была предметом наших вечерних бесед... Все студенты *без исключения* его уважали, а студенты-математики просто благоговели перед ним. Глубокий ум, обширные познания, широкое понимание жизни, несокрушимая логика и необыкновенная способность говорить просто, ясно и увлекательно, благородство характера, деликатное и внимательное отношение к молодежи, преданность науке и Университету — всё это давало ему возможность господствовать над всем окружающим и служило неистощимой пищей студенческих бесед. Все анекдоты, касавшиеся его личности, говорили о нем как о человеке мысли. Рассказывали, напр., что, увлеченный каким-нибудь математическим вопросом, он забывал всё окружающее, и в этом состоянии, если, ходя по комнате, встречал стену, то останавливался перед нею и целые часы мог простоять неподвижно, опершись в нее лбом».

О такой способности Лобачевского к сосредоточению сообщал мне, между прочим, и Г. И. Горталов, также казанский студент 30-х годов. По его словам, он наблюдал его не раз в таком состоянии даже в зале дворянского собрания во время балов. Лобачевский стоял, опираясь на колонну, в глубокой задумчивости, и казалось, что он не видит и не слышит, что творится кругом. [...]

Приведенные выше показания Ворожцова не дают, однако, еще ничего существенного. Они обрисовывают не столько личность Лобачевского, сколько представления о нем студентов, их взгляд на него. Но для биографии важны не представления, не взгляды, а прежде всего конкретные факты.

Несколько таких фактов и сообщает Ворожцов в своем дальнейшем рассказе.

«Я был сначала своекоштным, — говорил он, — и потому мало был знаком с жизнью других студентов. Жить мне приходилось исключительно уроками и, таким образом, всё время проходило в работе, почти без отдыха. Так пробился я два года, тяжело было... Стал думать, что не вынесу. Часто, сидя в художественном классе за рисунком, я крепко задумывался... Учитель рисования Крюков, очень полюбивший меня за пристрастие к рисованию, как-то раз спросил, почему я так задумчив, Спросил он так задушевно, что я ему откровенно рассказал о своем положении. Он стал склонять меня поступить в казеннокоштные студенты, но мысль связать себя подпиской шестилетней службы пугала меня. Я боялся, что зашлют бог знает куда...

«Через несколько дней после этого разговора вдруг, совершенно неожиданно, позвали меня к Лобачевскому. Принял он меня очень приветливо, стал участливо расспрашивать о моей жизни и между прочим спросил, почему я не поступаю в казенные студенты. Я ответил то же

самое, что и Крюкову, тут только поняв, что тот сообщил ректору о нашем разговоре. Лобачевский, выслушав меня, продолжал предлагать вопросы, делая возражения и на мои ответы; я, отвечая, также возражал на его замечания, но мало-помалу запас моих возражений истощился, и я почувствовал, что совершенно выбит из своей позиции и принужден признать, что все мои страхи и сомнения ничем не обоснованы. На мой последний аргумент, что я желал бы пробыть на факультете, в интересах лучшей подготовки, вместо 4-х лет 5, и что мне могут не позволить этого, если я буду казенным студентом, Лобачевский сказал: ,,Обещаю вам, что это будет устроено по вашему желанию; теперь же идите в правление, напишите там заявление и дайте подписку''. . .

«Я сейчас же пошел и сделал это уже без всяких дальнейших колебаний, так как пришел неожиданно для себя самого к твердому убеждению, что иного и лучшего выхода для меня нет».

Из этого рассказа Ворожцова не трудно видеть, что он, 16-летний неопытный юноша, *опасался* обязательств, налагаемых на казенных студентов, и, явившись в Казань с одним — по его словам — двугривенным в кармане, в два года совсем изнемог под тяжестью непосильной работы. Но все опасения его исчезли, как дым, после дружеского разговора с Лобачевским, причем последний ни в чем его, собственно, не убеждал, ничего ему не навязывал, а только предлагал вопросы, но притом в такой последовательности и с таким содержанием, что юноша-студент, давая ответы, сам неожиданно для самого себя пришел к твердому убеждению, что все его опасения совершенно неосновательны и что ему нет никакого другого выхода, как только поступить в казенные студенты. [...]

С особенной признательностью вспоминал Ворожцов, что Лобачевский не сразу окунул его, привыкшего к одиночеству, в гущу казенного студенчества.

«Лобачевский позволил мне, — рассказывал он, — поселиться временно в художественном классе, чтобы я мог привыкнуть к переходу от одиночества к жизни совместной с товарищами. Так прожил я несколько времени, посещаемый иногда товарищами, а потом поселился и вместе с ними».

Этот ничтожный по внешности эпизод представляется особенно характерным, даже глубоко трогательным: какою нежною рукою прикасался к душе юноши великий мыслитель, глубоко понимавший человеческую природу.

Не забыл Лобачевский и своего обещания. Ворожцов был оставлен на 2-й год в третьем курсе, в виду того, что, по окончании 4-го курса, его могли немедленно зачислить на службу.

«Я, однако, должен был сдавать экзамен. Понятно, я не готовился, но тем не менее получил переходные отметки, — рассказывал Ворожцов. — Сильно волновался я, шагая по темному коридору, перед дверью правления, когда совет решал там мою участь...

«После мне рассказывали, что, по ходатайству Лобачевского, изъявили свое согласие все члены, и только один Фогель, немец, совсем почти не знавший по-русски, не понял, в чем дело, и упорно сопротивлялся, считая нарушением справедливости мое оставление. Но когда Лобачевский объяснил ему, что это делается по моему собственному желанию, то и Фогель остался очень доволен моим намерением». [...]

«Никто лучше Лобачевского [говорит Ворожцов], не мог подействовать на студента, когда ему нужна была нравственная поддержка, когда нужно было поднять в нем падающий дух, произвести в нем нравственный перелом. Укажу на случай. Был у нас студент Хлебников, даровитый занимающийся семинарист, но большой охотник выпить. В пьяном виде он ничего не помнил и однажды даже бросился с ножом на студента Зальценберга, грозя „зарезать немца“. Немцев он терпеть не мог. С трудом удалось его обезоружить и угомонить. Много мер употребляли, чтобы отклонить его от пьянства, но ничто не помогало. Дело дошло до того, что его перевели в „казарму“, — так называлось помещение служителей в подвальном этаже,—и уже поговаривали, что его могут сдать в солдаты. Оставалась последняя мера, — Хлебникова позвали к Лобачевскому. Началась между ними продолжительная беседа. „Он не укорял меня, не ругал, но во время разговора, — рассказывал потом Хлебников, — я был просто вне себя, раза три меня в пот кидало“. Окончилась беседа тем, что Хлебников дал честное слово воздерживаться от пьянства».

Таков был результат логических диалогов, к которым прибегал с свойственным ему искусством Лобачевский. Поставить Хлебникова на рельсы ему было не особенно трудно: он твердо помнил и свои студенческие годы, когда живостью своего характера, своими проделками и выходками доводил университетскую администрацию до белого каления; он помнил, как сам сумел повернуть себя, когда вопрос о его поведении дошел до Петербурга, и над его головою нависли грозовые тучи.

Те же самые сократовские приемы выручали его, повидимому, и в университетском совете. Когда он замечал, что не удается склонить большинство следовать при решении какого-либо вопроса по направлению тех вех, которые он ставил в официальном заседании, то он, как рассказывал мне покойной В. К. Савельев, хранитель университетских преданий, предлагал сделать перерыв и перейти для отдыха из советской комнаты на его университетскую квартиру, и там за стаканами доброго пунша у гостеприимного ректора благополучно разрешались все сомнения и недоразумения к общему удовольствию и ректора и его коллег-профессоров.

При этом необходимо иметь в виду, что, направляя жизнь университета своими своеобразными приемами, оставляющими его лично как бы в тени, он не преследовал иных целей, кроме достойного процветания учреждения, и в результате, получив от эпохи Магницкого «разрушенную храмину», возвел Казанский университет на степень европейского учреждения,

перестроив его заново извне и обогатив видными научными силами и учреждениями внутри.

Чуждый честолюбия и заботящийся исключительно о прочной и нормальной организации, он вел дело так, что большинству казалось, что вся суть университетского строя заключается в инициативе самого университетского совета и попечителя Мусина-Пушкина. Поэтому большинство и придавало Лобачевскому только относительное значение. Время его деятельности многие называют эпохой Мусина-Пушкина. Сложилась даже поговорка, применительная к возведению и переустройству университетских зданий: «Никольский строит, Лобачевский направляет и отчищает, а Мусин-Пушкин лоск наводит».

Но были, очевидно, в Казани одиночки, которые смотрели на дело несколько и аче, придавая Лобачевскому более абсолютное значение. По крайней мере, от того времени сохранилась и еще одна поговорка, сообщенная мне также Савельевым и переносившая лавровый венок с головы Мусина-Пушкина исключительно на голову Лобачевского: «Мусин-Пушкин — это пушка: чем ее зарядит Лобачевский, тем она и выстрелит».

Грубоватая поговорка эта не лишена была, повидимому, и некоторого основания: когда Мусин-Пушкин переведен был попечителем в Петербург, то там, вдали от Лобачевского, деятельность его сделалась бесцветной. Но таких людей, которые понимали доминирующее значение Лобачевского, было во всяком случае очень немного, если не считать молодежи, инстинктивно угадывавшей его личность. Для большинства заурядных людей он с своими новыми научными теориями был только ученый чудак. Если они за ним и признавали авторитетность, то вовсе не потому, что он был научный гений и выдающийся администратор и педагог, а потому, что он был «генерал», единственный в то время в университете человек состоятельный, с аристократическими связями по жене и знакомый домами с Мусиным-Пушкиным. Лобачевский это, очевидно, понимал и сознавал, что с одной «несокрушимой логикой» ничего не поделаешь, не достигнешь и десятой доли того, что казалось ему необходимо для блага университета. Отсюда и проистекала его тактика в отношении к коллегии, стремление не выдвигать свою личность, его сократовские приемы при решении вопросов, улаживание недоразумений за стаканами пунша. Вообще он был не только гениальный мыслитель-ученый, но и великий тактик. Только в редких, исключительных случаях, когда не удавалось уже никакими другими способами привести коллегию к одному знаменателю, он, по словам В. К. Савельева, прибегал к формуле: «Господа — это воля попечителя». И тогда споры быстро утихали. Эта формула имела магическую силу, оказывалась выше даже «несокрушимой логики» гениального мыслителя. Не вполне, однако, понимали Лобачевского и студенты, при всем своем уважении и даже благоговении к нему.

Что это так — доказывает студенческая песенка, которая очень нра-

вилась студентам и часто распевалась в дружеской компании, хотя и была достаточно плоха по внешности и грубовата по содержанию.

Рукописный экземпляр ее подарил мне В. К. Савельев. Быть может, некоторые не знают ее, и потому я считаю уместным привести ее, как материал для биографии:

Немецкое гулянье. [1]

Раз ученому собранью
На немецком на гуляньи

Пирушка дана (2 раза).

За горами, за долами
Сидит Фогель [2] с пирогами,
С горячими.
Тут Грацинский Ванька [3] с басом,
С кислым квасом,
Да и Хламов [4]
Здесь же подоспел.
Суровцов [5], лубок известный,
Своим тенором прелестным
Песню затянул.
К удивленью всему миру
Взял Рыбков [6] лубочну лиру
Да и подтянул.

---

[1] «Немецкая Швейцария» в Казани.

[2] Фогель — проф.-медик, устроитель первой дачи в Нем. Швейцарии.

[3] Иван Грацинский — адъюнкт, потом директор гимназии.

[4] Хламов, профессор философии, из бурсаков. По словам Савельева, он перед лекцией всегда бродил по коридору и долбил логику Кизеветтера. Читал вяло. Раз Мусин-Пушкин заснул на его лекции. Хламов, заметив это, приостановился. — «Ты что же, братец, не продолжаешь?»— спросил попечитель, встрепенувшись от тишины. — «Боялся обеспокоить Ваше Превосходительство...» — «Ну, и хороши же должно быть твои лекции!» — укоризненно заметил Мусин-Пушкин. Жил Хламов по-бурсацки, любил особенно квас.

[5] Суровцов — проф. словесности. Студенты за лекции звали его лубком. Но раз он изумил их. Придя на лекцию в тот день, когда дошла до Казани весть о смерти Пушкина, он прослезился и сказал: «Закатилось солнце русской поэзии: умер Пушкин... Можем ли читать лекцию? Пойдемте в церковь и помолимся о нем...» [Более подробные сведения о самом Суровцове и о его отношении к Пушкину, с которым Суровцов лично познакомился в 1833 г., когда поэт был в Казани проездом в Оренбургскую губернию для сбора материалов о Е. И. Пугачеве, — см. в следующих источниках: «Полное собрание сочинений П. И. Мельникова», изд. М. О. Вольфа, т. I, 1897, стр. 56, статьи П. Усова; «Литературное наследство», № 16—18, стр. 698 и Николай Агафонов, «Заволжская Вивлиофика», I, Казань, 1887, стр. 56 — *Л. М.*]

[6] Рыбушкин — адъюнкт, издатель журнала «Заволжский Муравей», стихоплет, потом директор гимназии.

Н. И. Лобачевский. С портрета маслом неизвестного художника 1850-х годов.
(Актовый зал Казанского университета)

А Никольский старичишка,
Подобрав свой сюртучишко, [1]
Пошел трепака.
Тут Ерохов с обезьяной [2]
И Дунаев очень пьяный [3]
Припустились в пляс.
А Грацинский Мишка [4] с шишкой
И Рыбков с «Заволжской» книжкой [5]
Пошли трепака.
А наш ректор Лобачевский
Над всей [компанией] [6] студентской
Громко хохотал».

По смыслу последнего куплета песни выходило так, что будто бы Лобачевский пренебрежительно относился к некоторым своим коллегам, издевался над ними. Этого никогда не было и не могло быть. Это совсем не соответствовало его благородной натуре. Конечно, он не мог не знать слабых сторон некоторых своих сослуживцев, но, как человек широкого понимания жизни, мог только жалеть их, а не издеваться. Сделавшись ректором и получив в наследие от времени Магницкого целую плеяду его неудачных креатур, он оставался для них попрежнему благожелательным коллегой, не вносил в университет резкого разгрома, а умел направлять дело так, что эти креатуры незаметно сходили с университетской сцены или за выслугой, или получая назначение на другие места, напр. директоров гимназий, и заменялись постепенно новыми силами, более соответствовавшими его взглядам на значение университета. [7]

---

[1] Никольского, проф. математики, студенты очень любили за его чисто отеческую заботливость о них, но их очень забавлял его quasi-форменный сюртук, обладавший свойством моментальных превращений. Все зависело от жилета, к которому пришит был форменный воротник. Если надевался этот жилет, то Никольский превращался в чиновника; если под сюртук надевался другой жилет, то профессор становился простым гражданином.

[2] Проф. Ерохов был горбат. Озорники из студентов уверили уличных ребят, что он носит под сюртуком на спине обезьяну, и те проходу не давали профессору на улице, приставая к нему с криками: «Дяденька, покажи обезьяну».

[3] Проф. Дунаев был всегда под хмельком.

[4] Михаил Грацинский — адъюнкт, потом директор гимназии.

[5] «Заволжский Муравей» — первый местный журнал 30-х годов.

[6] Здесь в песне другое, очень грубое слово.

[7] В опубликованном А. П. Аристовым собрании студенческих песен с нотами приведенная выше песня дана в другой редакции. Так как в ней упоминается также и Н. И. Лобачевский, приводим ее полностью:

За горами, за долами
Стоит Фогель с пирогами,
Кричит: «горячо!» (bis)

Смех его был самый благодушный. Он смеялся потому, что ему было весело. Поглощенный заботами и наукой, он в общем был очень серьезен, задумчив. Но никогда не был угрюмым, мрачным аскетом. Отдыхая после трудов, он, под влиянием своей жизнерадостной натуры, был весел, любил товарищеские пирушки с их шумом, песнями и смехом и сам смеялся от души, вероятно, даже «громко хохотал», но без всякой мысли кого-нибудь обидеть, а просто потому, что ему было весело среди веселой компании, расположившейся на живописном бугре Немецкой Швейцарии, на даче первого по времени казанского дачника — проф. Фогеля.

В заключение еще два показания из моих записей.

На вопрос, обращенный мною ко всеми уважаемому маститому старцу профессору Петру Ивановичу Котельникову: чем особенно увлекались студенты в лекциях Лобачевского, я получил ответ: «Николай Иванович, как я слышал от его учеников, владел удивительной способностью излагать ясно и увлекательно; часто во время лекции, благодаря своим гениальным способностям, он создавал экспромтом совершенно новые способы решения математических вопросов».

Химик Клаус с пузырьками,
Ибрагимов со стихами
    Звонко распевал. (bis)
Лобачевский с важным тоном,
Запивая сельди ромом,
    Громко хохотал. (bis)
А Мистаки старичишка
В старом, драном сюртучишке
    Пошел трепака. (bis)
Вот Грацинский Мишка с шишкой
. . . .
. . . .

(См. «Песни казанских студентов 1840—1868». Собрал А. П. Аристов. Издано на средства императорского Казанского университета, СПб., 1904 (к столетнему юбилею императорского Казанского университета), стр. 26, № 7. Студенческим песням посвящена специальная работа покойного М. А. Васильева «Песни Казанского студенчества (1850—60-х гг.)» в «Ученых Записках Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина» (1930, кн. 5, Казань, стр. 839—860). Здесь опубликовано несколько новых песен из материалов Н. Я. Агафонова и среди них одна, неизвестного автора начала 60-х годов, в которой также упоминается имя Лобачевского:

Мгновенно годы пролетели,
И в вечность канул их и след:
Четыре важные потери
Понес ученый местный свет.
Нет Лобачевского на свете; и т. д.

(там же, стр. 850). — *Л. М.*

В. К. Савельев сообщил мне, что Лобачевский регулярно в праздничные дни посещал университетскую церковь. Он стоял в храме, погруженный обыкновенно в задумчивость и слегка покачиваясь.

Однажды я обратился к бывшему проф. богословия о. М. М. Зефирову с вопросом: как относился Лобачевский к религии? И получил ответ: «В отношении религии Н. И. был так же своеобычен, как и во всем другом; его воззрения не укладывались в рамки определенного вероисповедания; но могу сказать вполне искренно: христианина такой глубины я более не встречал в своей жизни»...

Из статьи П. А. Пономарева «К биографии Н. И. Лобачевского (по неизданному письму и записям со слов современников)», «Известия Физико-математического общества при имп. Казанском университете», вторая серия, т. XVII, Казань, 1913, и отд. оттиск, Казань, 1913, стр. 1—27.

3

В. М.

К биографии Н. И. Лобачевского

Деревня Слободка, принадлежавшая Н. И. Лобачевскому, находится в Чебоксарском уезде, на правом берегу Волги, на самом склоне его к Волге, верстах в пяти от границы Свияжского уезда. В печатных списках населенных мест она носит название «Беловолжской слободки». В конце 70-х годов к слободке переведены из-под деревни Козловки пароходные конторки; самая же пристань продолжает носить прежнее название: «Козловская».

Усадьба Н. И. Лобачевского была выше деревни Слободки, позади гумен. Барский дом в ней, видневшийся с Волги, был деревянный. В начале 70-х годов он куплен у сыновей Н. И. Лобачевского, Николая и Александра Николаевичей Лобачевских, проживавшим на Козловской базарной площади купцом Софроном Тимофеевичем Забродиным, для постоялого двора, и поставлен был первоначально на краю берега Волги, под базарной площадью, а потом перенесен на межу, отделяющую землю, принадлежащую С. Т. Забродину, от бывшего Комаровского винокуренного завода гг. Мясниковых; в нем в настоящее время живет сам С. Т. Забродин с своими сыновьями и внуками.

Пахотная земля, принадлежавшая Н. И. Лобачевскому, еще ранее продана была его сыновьями упомянутым заводовладельцам Мясниковым; к ним же перешел и фруктовый сад, разведенный Н. И. Лобачевским в усадьбе, в котором, между прочим, привлекали общее внимание сибирские кедры.

Кроме пахотной земли, Н. И. Лобачевскому принадлежали также сенные покосы. Покосы, как видно из имеющихся у меня бумаг вы-

мершего рода дворян г. Цивильска Завацких, были в чересполосном владении. В списке помещиков Чебоксарского уезда, имевших чересполосные владения, писанном рукой Степана Петровича Завацкого и изрезанном на выкройки, имя Н. И. Лобачевского упоминается в следующей записи: «... советник Николай Лобачевский, 9) флота лейтенант Карпека и 10) поручик, князь Александр Хованский».

К сожалению, следующая за этой записью графа с отметками обрезана; в ней читаются лишь следующие отрывочные слова: «...принадлеж... разделены... [раздель]ный Акт... мая в 183... не утвержд...» и т. д.

Несомненно, что Н. И. Лобачевскому предназначалось и нижеследующее письмо без подписи, сохранившееся в бумагах Завацких, неизвестно кем переписанное, но составленное С. П. Завацким, служившим недолгое время, по выбору дворянства, посредником Чебоксарского уезда по размежеванию чересполосных помещичьих земель.[1]

«Ваше превосходительство, милостивый государь, Николай Иванович! Государь император, в ознаменование отеческих своих попечений о благе подданных, соизволил явить новую милость дарованием высочайшего указа от 21 июня 1839 года, соизволил на полюбовный раздел владельцами общих чересполосных дач еще друхгодичный срок. Для достижения же больших способов к тому высочайше повелеть соизволил учредить в каждой губернии посредническую комиссию и в каждом уезде избрать из среды дворянства особого посредника. Вследствие чего, быв удостоен этой чести благородным дворянством Чебоксарского уезда, я, по званию посредника сего уезда и в силу данной мне инструкции губернской посреднической комиссии, обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшею моею просьбой приступить незамедлительно к миролюбивому разделу общих ваших чересполосных сенных покосов самим собою или при моем посредничестве. В случае обращения вашего к моему посредничеству я употреблю всевозможные способы споспешествовать в деле общественной пользы. При этом покорнейше прошу ваше превосходительство уведомить меня о намерениях своих относительно полюбовного размежевания, так и о самых к тому способах, которые благоугодно будет вам избрать, присовокупя вместе с тем сведение, необходимое для меня, о количестве сенных покосов, следующих вам по документам, дабы я мог с своей стороны донесть губернской посреднической комиссии, согласно ее требованию. — С истинным высокопочитанием и совершенною

[1] В 1842 г. С. П. Завацкий служил Цивильским окружным начальником, а в 1861 г. — Цивильским и Ядринским уездным предводителем дворянства. Отец его, титулярный советник Петр Тимофеевич Завацкий, получивший известность в Казанской педагогической литературе как противник учреждения школы в селе Буртас Цивильского уезда, в конце прошлого столетия в чине поручика служил в Цивильске уездным казначеем, а в начале текущего [столетия], по выбору дворянства, пять трехлетий Цивильским исправником.

преданностию имею честь быть вашего превосходительства, милостивый государь, — февраля (—) дня, 1840 г. Г. Цивильск.»

О дачной жизни Н. И. Лобачевского я имел случай беседовать в 60-х годах с проживавшим в селе Беловолжском казанским мещанином О. М. Крашенинниковым (из дворовых людей помещицы Анны Андреевны Невельской). Из этих бесед в памяти моей сохранилось лишь то, что вставал Н. И. Лобачевский по утрам рано, до 7-ми часов гулял по саду, в 8-м пил чай, затем уединялся в свой кабинет, где и занимался до 12-ти...

В Беловолжском приходе, несомненно, и по настоящее время есть лица, которые знали лично Н. И. Лобачевского, беседовали с ним и могут сообщить о жизни знаменитого ученого в деревне Слободке более интересные сведения.

«Волжский Вестник» 27 ноября (9 декабря) 1893, № 306, стр. 3.

4

Из статьи Н. Я. Агафонова «К столетнему юбилею Лобачевского».

В двадцатых годах Н. И. Лобачевский женился на казанской дворянке Варваре Алексеевне Моисеевой. Она была дочь помещика Алексея Федоровича Моисеева и второй жены его Надежды Сергеевны, урожденной княжны Болховской, бывшей в первом браке за генерал-майором Ермолаем Ивановичем Великопольским. За женою Лобачевский получил хорошее имение в Спасском уезде и большой каменный дом в Казани, на Проломной улице, недалеко от Богоявленской церкви (дом этот принадлежит теперь некоему Смоленцеву). По родству жены Николай Иванович стал своим человеком во всех гостиных казанского beau mond'а. Другая сестра Надежды Сергеевны Моисеевой, Авдотья Сергеевна Болховская, была за камергером Н. М. Мусиным-Пушкиным, следовательно, жена Лобачевского приходилась двоюродною сестрою столь известного казанского попечителя Михаила Николаевича Мусина-Пушкина, женатого на княжне А. С. Баратаевой, дочери бывшего казанского губернатора и чрезвычайно важного в городе магната, благодаря принадлежности к владетельному и незадолго перед тем расшатавшемуся дому царей Грузии. Дом Лобачевских был самым популярным центром собраний казанской аристократии, хотя сам хозяин этого дома принадлежал лично совершенно к иному миру — миру науки, и в этом смысле он был окружен ореолом всеобщего уважения со стороны местной интеллигенции. Но справедливость требует заметить, что в кабинете Лобачевского никогда не было той оживленности, какая господствовала в гостеприимном доме другого деятеля того же времени, доктора Фукса и жены его Александры Андреевны, известной казанской писательницы. Гостиная Фуксов была любимейшим средоточием бесед и собраний казанских литераторов и всех любителей и любительниц истории, словесности и изящных искусств.

Н. И. Лобачевский, по отзывам его современников и слушателей, держал себя несколько важно, хотя никогда не был человеком недоступным. Лекции его были образцовы по ясности, занимательности и тонкости анализа. Перед его аудиторией, которая была всегда одна и та же, называемая «Лобачевскою», — первая от входа, направо, — приготовлялся таз с умывальником и полотенце; выходя с лекции, он мыл руки от мела. Как ректор и потом помощник попечителя, он действовал всегда прямо, честно, за что снискал любовь и почтение как в высших сферах, так и среди многих поколений учащейся молодежи.

Скажем, в заключение, несколько слов о составе его семьи. Он имел двух сыновей и двух дочерей. Старший сын его, Николай Николаевич, женатый на Вере Николаевне Манассеиной, служил корнетом в кирасирском принца Петра Ольденбургского полку; младший, Алексей Николаевич, умер в юношеском возрасте (23 января 1852 г.), будучи студентом Казанского университета. Одна из дочерей Николая Ивановича — Софья — была в замужестве за казанским помещиком Нилом Дмитриевичем Казиным.

Николай Агафонов. Из Казанской истории, Казань, 1906, стр. 37—39; вся статья на стр. 30—39. Первоначально статья эта под псевдонимом Я. Посадского «К столетнему юбилею Лобачевского» напечатана в «Казанском Телеграфе», 1893, №№ 1 и 4.

К судьбе детей Н. И. Лобачевского

Редакции газеты *Новости* удалось собрать сведения о судьбе детей, оставшихся после Н. И. Лобачевского.

У Николая Ивановича Лобачевского было пятеро детей: трое сыновей и двое дочерей. Один из сыновей утонул в молодых годах в р. Казанке;[1] другой умер в прошлом году в Петербурге; третий сын живет в настоящее время в Сибири, разбитый параличом, и пробавляется скудным подаянием сестры. Из дочерей Лобачевского младшая умерла в молодых годах, а старшая Варвара Николаевна вышла очень рано замуж за отставного поручика Ахлопкова. После непродолжительной совместной супружеской жизни Ахлопковы разошлись, и В. Н. осталась с двумя мальчиками на руках. После смерти отца она с матерью переехала на жительство в Петербург, где они жили на очень скромную пенсию, получаемую вдовой Лобачевского. Когда же мать умерла, то В. Н. осталась одна, совершенно без всяких средств к жизни. Получивши довольно широкую домашнюю подготовку, но не имея никакого официального диплома, В. Н. не могла получить казенного места и принуждена была после разных мытарств взяться за содержание меблированных комнат. В настоя-

[1] Ошибка: утонул брат Лобачевского — А. И. Лобачевский. — *Л. М.*

щее время дочь Лобачевского содержит весьма плохие, дурно оплачиваемые меблированные комнаты и сама занимает наихудшую комнату, какую-то темную зловонную конуру. Она страдает ожирением сердца и близка к совершенной нищете. В. Н. весьма охотно рассказывает о своем покойном отце. Отношение Лобачевского к студентам, по словам его дочери, было в высшей степени теплое, гуманное, и они всегда обращались к своему любимому учителю в случае какой-либо беды. *За неимением средств* В. Н. не могла поехать в Казань на чествование юбилея своего отца.

«Волжский Вестник», 7 (19) ноября 1893, № 286, стр. 2.

6

Выписка из «Дворянской родословной книги Казанской губернии» о потомках Н. И. Лобачевского

По определению [Дворянского депутатского] собрания 19-го мая 1871 г. на основании метрических свидетельств Казанской духовной Консистории от 25-го июня 1870 г. за №№ 3092 и 3093 сопричислены к роду [Лобачевских] дети Николая Николаева, сын Давид и дочь Ольга. По определению собрания 21 июля 1883 г. сопричислен к роду сему сын Николая Николаевича Дмитрий, род. 22 ноября 1872 г. По определению собрания 30 июля 1883 г. сопричислена жена Александра Николаевича — Пелагея Ивановна, рожденная Карпова. Определением собрания 26 июля 1908 г. сопричислены к сему роду дети Давида Николаевича Лобачевского — сын Борис, род. 2 октября 1904 и дочь Татиана, род. 19 сентября 1903 г.

КРК, ч. III, л. 263 об. в Научной библиотеке Казанского государственного университета.

7

Н. Я. Агафонов

Из архивных дел Казанской гражданской палаты о духовном завещании Н. С. Моисеевой 1810 и 1812 гг. и о раздельном акте после ее смерти 1823 г.

Духовное завещание коллежской советницы Надежды Сергеевны Моисеевой по первому мужу Великопольской, урожденной княжны Болховской, умершей 9 апреля 1823 года:

«Во имя отца и сына и святого духа, аминь! Я, слушая слова во святом писании глаголавшия и научающия каждого человека, живущего в сем свете, как должно оной наивсегда блюстися и необходимому и неизвестно когда и в которой день душевной жизни окончания, а посему на случай смерти моей завременно и в целом уме и памяти делаю сие мое завещание.

Имею я у себя детей, рожденных от первого моего мужа, покойного генерал-майора Ермолая Ивановича *Великопольского*, сына Ивана, дочерей: Прасковью, Надежду и Фавсту, которым дочерям из недвижимого моего и родового имения разделяю законным порядком от крепостных дел в Казанской гражданской палате, а именно: *Прасковье*: Тверской губернии, Вышневолоцкого уезда, в деревне Павловой шестьдесят пять, Горяеве — тридцать две, всего девяносто семь; *Надежде*: Нижегородской губернии, Горбатовского уезда, в селе Дедкове — восемьдесят пять, в деревне Глотове — десять, всего девяносто пять, и *Фавсте*: той же Нижегородской губернии, Горбатовского уезда, в деревне Бабкине— девяносто пять душ, со всем их крестьянским имуществом; а сверх оного еще награждаю я в дополнение приобретенным и купленным мною имением от господина генерал-майора и кавалера Александра Андреевича *Растовского*, сего 1810 года ноября 7-го дня, Нижегородской губернии, Горбатовского уезда, в деревне Глотовой, ревизских сорок семь, в деревне Кипрове — восемь, Бабкине — тридцать пять; да Нижегородского уезда в деревне Изосимовой — тринадцать, а всего сто три души, из которого имения награждаю я: *Прасковье* Нижегородской губернии, Горбатовского уезда в деревн› Глотовой тридцать три; *Надежде* — из деревни Глотовой четырнадцать, Кипровой — восемь, Изосимовой — тринадцать; *Фавсте* — в деревне Бабкиной тридцать пять душ; — то и достается каждой, с раздельным имением, по сту по тридцати душ, а как меньшая моя дочь *Фавста* малолетняя, имеет от роду только десять лет, то сверх оного еще завещаю ей из движимого имения деньгами пятнадцать тысяч рублев, и таковым же числом и большие мои дочери денег уже получили; так же из покупного моего имения, 1795 года, генваря 17-го дня, от родной моей сестры надворной советницы Авдотьи Сергеевой дочери *Мусиной-Пушкиной*, Тверской губернии, Зубцовского уезда, в деревне Прасоловой, восьмидесяти четырех и Смоленской губернии, Сычевского уезда, в селе Можжарове сорока — итого сто двадцать четыре души — завещаю большему сыну моему *Ивану* со всем их крестьянским имуществом и с землею, что состоит при оных деревнях обмежеванных; но с таковым положением, что все оное приобретенное мною имение остается по жизнь мою в собственном моем владении и распоряжении, а в случае надобности властна я из назначенных мною деревень и переменить, но только число душ чтоб было в равном положении; но когда из дочерей моих при жизни моей выдет которая в замужество, то и должна я отдать сию назначенную мною часть в приданство в вечное уже и потомственное им детям и внучатам владение; а когда прекратится прежде сего жизнь моя, то сие мое завещание остается в полной уже силе, явить и утвердить от крепостных дел.

А законами повелено: соборного уложения 17-й главы 31 статьи: кто купленную свою вотчину кому продаст или заложит или даст кому безденежно и крепость кому на вотчину даст или после своего живота кому откажет и в духовную напишет и засвидетельствована духовная будет

неоспорима и детем его и внучатам и иным его рода датое вотчины не отдавать, а напоследок оного и 1785 года апреля 25 числа всемилостивейше пожалованной на права и вольности для благородного дворянства состоявшейся грамоты по 22 статьи благородному свободная власть и воля оставляется, быв первым приобретателем каковаго имения, благоприобретенное им имение дарить или завещать или в приданые или на прожиток отдаст, или передать, или продать кому заблагорассудит, наследственным же имением да не распоряжает инаково, как законами предписано.

То по самой сего силе и точности, содержание оных законов дозволяющих, имею я сходственную и полную власть свою, и соображая мои обстоятельства все оное движимое и недвижимое имение, мною приобретенное, завещаю детям моим в полное владение, как и выше сказано, по окончанию жизни моей благоприобретенным, а не родовым имением; касательно ж моей старшей дочери Любови Ермолаевой, то ей после смерти моей в мое имение, как в сие завещанное, так и в оставшее отнюдь не вступаться, ибо она при выдаче в замужество за господина генерал-майора *Растовского* точно таковою же частию движимым и недвижимым имением награждена, как и прочие мои дочери. Коллежская советница Надежда Сергеева дочь *Моисеева*. Что сие завещание коллежская советница Надежда Сергеева дочь *Моисеева* своеручно подписала в полном уме и разуме, в чем свидетельствуя подписуюсь статский советник и кавалер Николай Иванов сын *Обухов*. В том же свидетельствуя подписуюсь надворный советник Григорий Никифоров сын *Киселев*. В том же свидетельствуя подписуюсь надворный советник и кавалер Степан Кирилов сын *Мещеринов*. В том же свидетельствуя подписуюсь надворный советник Иван Федоров сын *Еремеев*.

Сверх сего моего завещания еще прибавляю я и завещаю, на основании вышесказанного закона: сыну моему большему Ивану Ермолаеву *Великопольскому* из купленного мною недвижимого имения сего 1812 года, генваря 13 дня от надворного советника Ивана Федорова сына *Еремеева* Тверской губернии, Старицкого уезда, в деревне Саначиной, сто двадцать семь, Владениковой — двадцати девяти, селе Колесовой — сорока, а всего ста девяноста шести душ с их женами, детьми со внучаты и приемыши и со всеми к ним принадлежащими обмежеванными землями, а всего с первым завещанием предоставляю сыну моему триста двадцать душ с таковым положением, что я не приемлю себе после покойного моего мужа а его отца, генерал-майора Ермолая Ивановича *Великопольского* на седьмую часть из его имения, состоящего по разным губерниям, ста шестидесяти трех душ, из которых я приняв себе на указную часть вдову Ульяну Федорову с детьми сыновьями Петром и Василием и дочерью девкою Аграфеною, которых и отдала во приданство большой моей дочери Любови Ермолаевой *Растовской*, но за все сие мною сыну подаренного имения, да еще предоставляю себе купленную землю покойным мужем моим, а его отцем, Казанской губернии, Лаишевского уезда, где поселены

мои купленные люди в сельце Надеждине и к ней принадлежащей пустоши Кишлеевской; но при жизни моей я властна всем сим и прочим имением распоряжать или переменить сие положение, а после смерти моей завещаю всем детям моим, как уже дочери мои все формально разделены, а сыновьям моим, рожденным от второго мужа коллежского советника Алексея Федоровича *Моисеева*, двум: Николаю и Василью, из родового недвижимого моего имения разделяю и уравниваю в доходах, чтоб один против другого не были обиженными, то большему сыну, сверх сего моего завещания, Тверской губернии, Старицкого уезда, при селе Чукавине с деревнями двести тридцать душ; а двум сыновьям: Николаю и Василью — Казанской губернии, Лаишевского уезда в селе Черемышеве и сельце Надеждине — триста девяносто душ. Коллежская советница Надежда Сергеева дочь *Моисеева*. Что сие завещание коллежская советница Надежда Сергеева дочь по муже *Моисеева* своеручно подписала в полном уме и памяти в том свидетельствуя подписуюсь надворный советник Иван Федоров сын *Еремеев*. У сего свидетельствую и подписуюсь действительный камергер и кавалер Николай Михайлов сын *Мусин-Пушкин*. В том же свидетельствуя подписуюсь коллежский советник и кавалер Федор Осипов сын *Кондратьев*».

(Из дела за № 812, началось 24 ноября 1823 г.)

Далее, из того же дела:

По титуле просят: коллеж. сов. Алексей Федоров сын *Моисеев* и служащий в Староингерманландском пехотном полку штабс-капитаном Иван Ермолаев сын *Великопольский* о нижеследующем: 1) Из нас просителей *Моисееву* жена, а *Великопольскому* мать Надежда Сергеева дочь, урожденная *княжна Болховская*, скончалась сего 1823 года апреля 9-го дня. После ее смерти оставшиеся разные принадлежащие ей письменные акты были хранимы мною *Моисеевым* без рассмотрения в ожидании старшего из наследников другого просителя *Великопольского*, ибо в отсутствие его я один ни к чему приступать не поставлял себя в праве. По прибытии же его в Казань, последовавшем минувшего сентября 27-го дня, при пересмотре означенных актов, находящихся в казанском умершей доме, между ними оказалось духовное завещание, писанное в жизнь покойницы, подписанное ею самою и свидетелями; но быв написано еще прежде рождения моей *Моисеева* с завещательницею дочери *Варвары*, сия последняя (то есть девица Варвара), равно как и я *Моисеев*, не упомянуты покойницею в распределении родового имения, на указную часть которого как я *Моисеев*, так и дочь наша Варвара, имеем законное право. Объясняя сие, представляем при сем в оригинале означенное завещание. 2) Все движимое имение покойной, состоящее в образах, двадцати четырех фунтах серебра, немногих перстнях, золотых табакерках и прочих вещах, с согласия другого просителя *Моисеева* и посредстве его со стороны малолетних разделено на четыре равные части между старшим наследником *Великопольским* и прочими тремя: Николаем, Василием и *Варварою*. Из значущегося же

по представляемому завещанию недвижимого родового покойницы имения 620 душ следует по закону мне *Моисееву* на 7-ю часть 90 душ, а дочери моей Варваре на 14-ю 45 душ; но я, *Моисеев*, от сей моей части добровольно отказываюсь, а с согласия и другого просителя *Великопольского* предоставляю себе взамен оной казанской доверительницы находящийся на Проломной улице каменный дом,[1] из крепостных же людей только девять человек, а именно: из села Черемышева Иринарха Данилова, Аполлона Дмитриева, Дмитрия Алексеева, Петра Тимофеева и Ивана Егорова; из Надеждина: Сергея Гордеева; из Чукавина: Якова Трофимова и Автонома Иванова и из деревни Прасоловой: Петра Ипатова. А я, *Великопольский*, с согласия другого просителя *Моисеева*, вместо следующих сестре моей Варваре на 14-ю часть 45 душ, отдаю ей доставшиеся мне по последней ревизии 73 души, состоящие Смоленской губернии, Сычевского уезда, в селе Можарове 31 и Тверской губернии, Зубцовского уезда, в деревнях Словиной 33 и Яйцове 9, с их женами, детьми, внучатами и приемышами и со всею обмежеванною к сим деревням землею, с тем, чтобы из родового завещательницы имения, достающегося по собственному ее распределению, как мне, так и братьям моим, ничего уже выделиваемо не было. Таким образом, приняв в расчет предоставленные *Варваре* завещательницею особенным актом и неупомянутые в духовной благоприобретенные 80 душ Казанской губернии, Спасского уезда, в деревне Полянках, *Варвара* будет иметь всего 153 души. — 3) Так как сим взаимносогласным назначением удовлетворяются совершенно законные на родовое имение права, как мои, *Моисеева*, так и девицы *Варвары*, и не предстоит более причин к изменению раздела родового имения, назначенного в представляемом завещании самою покойницею, то и без всякого помещательства оный раздел может получить всю полную свою действительность, и я, проситель *Великопольский*, будучи в совершенных уже летах, могу, на основании указа 1785 года, декабря 22 дня, получить беспрекословно всё следующее мне по завещанию имение, как благоприобретенное, так и родовое, и вступить в полное владение оного без посредства опеки. — По всему вышеприведенному оба мы, *Моисеев* и *Великопольский*, всеподданнейше просим, дабы высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было сие наше прошение принять, представляемую нами духовную по прибытии из нас *Великопольского* из отсутствия по службе к произведению в действие утвердить, выделив девице *Варваре* вместо 14 части добровольно ей предоставляемые во 2 пункте от просителя *Великопольского* из собственной части семьдесят три там означенные души, а за мною, *Моисеевым*, утвердить вместо 7-й части Казанский завещательницы каменный дом и во 2-м же пункте означенных людей; старшего же наследника,

---

[1] Дом Моисеевой на Проломной, против Богоявления, теперь мещ. Леонида Раскатова. — *Прим. Н. Я. Агафонова, 1890 г.*

другого просителя, *Великопольского*, совершенно отделить и по совершенству его лет утвердить ему всё следующее по завещанию, как благоприобретенное, так и родовое имение, в полное потомственное и непосредственное владение, с сего же прошения и с представляемого завещания списав копии за скрепою судейскою выдать оные нам, как *Моисееву*, так и *Великопольскому*. Всемилостивейший государь, просим Вашего императорского величества по сему нашему прошению решение учинить. Ноября 23 дня 1823 года. К подданию надлежит в Казанскую гражданскую палату. Прошение сочинял и набело переписывал г. отставного гвардии прапорщика *Осокина* служитель Степан *Поздеев*. К подлинному прошению по пунктам руки приложили тако: К сему прошению коллежский советник Алексей Федоров сын *Моисеев* руку приложил и доверяю подать второму просителю штабс-капитану *Великопольскому*. К сему прошению Староингерманландского пехотного полка штабс-капитан Иван Ермолаев сын *Великопольский* руку приложил. —

— Из свидетелей, подписавших духовное завещание, остались при подаче сего прошения в живых только гг. *Киселев* и *Мусин-Пушкин*, а прочие все умерли, как утверждает суд.

— Четвертый драгоман при императорской Константинопольской миссии, титулярный советник Василий Алексеев сын *Моисеев*, поданным 27 февраля 1833 года прошением просит о выдаче ему копий с двух донесений сей Палате Лаишевской дворянской опеке от 22 мая 1824 г. и от 14 янв. 1827 г., равно с просьбы, поданной в сию Палату 1823 года от родителя его, *Моисеева*, со старшим братом от 1-го брака Иваном *Великопольским* и подлинного духовного завещания. Опекунами над ним *Василием*, родным братом его *Николаем* и сестрою *Варварою*, вышедшею ныне (говорится в прошении 1833 года) замуж за г. коллежского советника Николая *Лобачевского*, — были — отец их *Моисеев* и коллежский ассесор *Колбецкий*. Все просимые копии, он, драгоман Василий *Моисеев*, под расписку 29 марта того же 1833 года получил. —

Выписки Н. Я. Агафонова, Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета, № 216, стр. 651—661.

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА РОДА Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО.

I

Максим

II

Иван ум. 1797 — р. 1773 Прасковья Александровна ум. 1840

III

Александр р. 1790 ум. 1807

р. 1792 Николай ум. 1856 — Варвара Алексеевна Моисеева р. 1812 ум. 1885

Алексей р. 1795 ум. 1870

IV

Алексей р. 1833 ум. 1852

Николай р. 1835 ум. 1900 — Вера Николаевна Манассеина р. 1841, ум

Надежда р. 1837 ум.

Варвара р. 1843 ум. — Николаи Николаевич Ахлопков

Надежда р. 1844 ум. 1846

Александр р. 1846 ум 1892 — Пелагея Ивановна Карпова жива 1926

София р. 1849 ум. 1871 — Нил Дмитриевич Казин

Алексей р. 1852 ум. 1883

V

Дмитрий р. 1872

Давид

Ольга — Федоров

VI

Борис р. 1904

Татьяна р. 1903

9

Список изданий сочинений Н. И. Лобачевского

1828—1945

1

«О резонансе или взаимном колебании воздушных столбов (извлечено из статьи г-на Уэтстона в «Quarterly Journal», 1828, стр. 175)», с подписью: «Н. Л.» и примечаниями Н. И. Лобачевского.

«Казанский Вестник, издаваемый при императорском Казанском университете», часть XXIV, книжка XI и XII, 1828, ноябрь и декабрь, стр. 213—224.

2

«О началах геометрии (Г. Лобачевского)».

«Казанский Вестник, издаваемый при императорском Казанском университете», часть XXV, книжка II и III, 1829, февраль и март, стр. 178—187; книжка IV, 1829, апрель, стр. 228—241; часть XXVII, книжка XI и XII, 1829, ноябрь и декабрь, стр. 227—243; часть XXVIII, книжка III и IV, 1830, март и апрель, стр. 251—283, часть XXIX, книжка VII и VIII, 1830, июль и август, стр. 571—636.

По указанию Н. П. Лихачева было сделано «особо» только 20 оттисков («Книговедение», стр. 23). Вошло в «Полное собрание сочинений», I, стр. 1—67 и 2 таблицы.

3

«О средней температуре воздуха и пошвы в некоторых местах Восточной России», с примечанием редакции: «Извлечено из описания путешествия Г. Купфера к Уральскому хребту в 1828 году», с примечаниями Н. И. Лобачевского за подписью «Н. Л.»

«Казанский Вестник, издаваемый при императорском Казанском университете», часть XXVI, книжка V и VI, 1829, май и июнь, стр. 67—82; книжка VII, 1829, июль, стр. 144—194. Примечания Н. И. Лобачевского на стр. 146, 148—150, 150—152, 152—154, 154—155, 155, 155—156, 157—158, 158, 159—160, 160, 161—162, 162, 164, 164—165, 165, 167—168, 173, 183, 186, 187, 187—188, 189, 189—190, 190, 192.

Доказательство принадлежности этих примечаний Н. И. Лобачевскому см. в статье Э. П. Файдель и К. И. Шафрановского: «К вопросу о литературном наследстве Н. И. Лобачевского» в «Вестнике Академии Наук СССР», 1943, № 11—12, стр. 105—107.

4

«Речь о важнейших предметах воспитания», с примечанием редакции: «произнесенная в торжественном собрании Университета ректором оного, о. профессором Лобачевским 1828 г., июля 5-го».

«Казанский Вестник, издаваемый при императорском Казанском университете», часть XXXV, книжка VIII, 1832, август, стр. 577—596.

Перепечатывается в настоящем сборнике на стр. 321—327.

5

«Алгебра или вычисление конечных. Сочинил *Н. Лобачевский*»; Казань. В Университетской типографии. 1834, X + 528 + 2 нен. стр.; 8°.

У Н. П. Лихачева был экземпляр с автографом Н. И. Лобачевского (см. Н. П. Лихачев. Книгопечатание в Казани за первое пятидесятилетие существования в этом городе типографий. Обстоятельный каталог книг и листов казанской печати из коллекции Н. Лихачева, выставленных на первой Всероссийской выставке печатного дела в С.-Петербурге», СПб., 1895, стр. 50, № 4). Местонахождение этого экземпляра в настоящее время неизвестно, и его нет в библиотеке Н. П. Лихачева, хранящейся в Институте истории Академии Наук СССР в Ленинграде.

6

«Предисловие» к «Ученым Запискам, издаваемым императорским Казанским университетом», с подписью *Н. Лобачевский*.

«Ученые Записки, издаваемые императорским Казанским университетом», 1834, книжка I, стр. I—VI.

Перепечатывается в настоящем сборнике на стр. 367—368.

7

«Понижение степени в двучленном уравнении, когда показатель без единицы делится на 8 (*Н. Лобачевского*)».

«Ученые Записки, издаваемые императорским Казанским университетом», 1834, книжка I, стр. 3—32.

Отд. оттиск: «Понижение степени в двучленном уравнении, когда показатель без единицы делится на 8. *Пр. Лобачевского*», Казань. В Университетской типографии, 1834, 32 стр., с пометой на обороте титульного листа: «*Перепечатано из Ученых Записок, на основании дозволения Высшего учебного начальства*».

8

«Об исчезании тригонометрических строк (*Н. Лобачевского*)».

«Ученые Записки, издаваемые императорским Казанским университетом», 1834, книжка II, стр. 167—226.

Отд. оттиск: «Об исчезании тригонометрических строк. *Пр. Лобачевского*», Казань. В Университетской типографии, 1834, 62 стр., с пометой на обороте титульного листа: «*Перепечатано из Ученых Записок, на основании дозволения Высшего учебного начальства*».

9

«Условные уравнения для движения и положения главных осей обращения в твердой системе». Профессора Лобачевского.

«Ученые Записки императорского Московского университета, 1835, февраль, № VIII, стр. 169—190.

10

«Воображаемая геометрия (*Н. Лобачевского*)».

«Ученые Записки, издаваемые императорским Казанским университетом». 1835, книжка I, стр. 3—88.

Вошло в «Полное собрание сочинений», I, стр. 69—120 и 1 таблица

11

«Способ уверяться в исчезании бесконечных строк и приближаться к значению функций от весьма больших чисел *(Н. Лобачевского)*».

«Ученые Записки, издаваемые императорским Казанским университетом», 1835. книжка II, стр. 211—342.

Отд. оттиск: «Способ уверяться в исчезании бесконечных строк и приближаться к значению функций от весьма больших чисел. *Проф. Лобачевского*», Казань. В Университетской типографии, 1835, 134 стр., с пометой на обороте титульного листа: «*Перепечатано из Ученых Записок, на основании дозволения Высшего учебного начальства*».

12

«Новые начала геометрии с полной теорией параллельных *(Н. Лобачевского)*».

«Ученые Записки, издаваемые императорским Казанским университетом», 1835, книжка III, стр. 3 — 48 (Вступление и глава I); 1836, книжка II, стр. 3—98 (главы II, III, IV и V); книжка III, стр. 3—50 (главы VI и VII); 1837, книжка I, стр. 3—97 (главы VIII, IX, X и XI); 1838, книжка I, стр. 3—124 (глава XII); книжка III, стр. 3—65 (глава XIII).

Вошло в «Полное собрание сочинений», I, стр. 247—486 и 10 таблиц.

13

«Применение воображаемой геометрии к некоторым интегралам *(Н. Лобачевского)*».

«Ученые Записки, издаваемые императорским Казанским университетом», 1836, книжка I, стр. 3—166.

Вошло в «Полное собрание сочинений», I, стр. 121—218 и 1 таблица.

14

«Géometrie imaginaire par Mr. N. Lobatschewsky, recteur de l'Université de Kazan».

«Journal für die reine und angewandte Mathematik», Band 17, Heft 4, Berlin, 1837, SS. 295—320.

Вошло в «Полное собрание сочинений», II, стр. 579—613 и 1 таблица.

15

«Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien von Nicolaus Lobatschewsky, Kaiserl. russ. wirkl. Staatsrathe und ord. Prof. der Mathematik bei der Universität Kasan», Berlin, 1840, In der G. Fincke, chen Buchhandlung, 2 нен. + 61 стр. + 2 таблицы.

Вошло в «Полное собрание сочинений», II, стр. 551—578 и 3 таблицы.

16

«Ueber die Convergenz der unendlichen Reihen».

Meteorologische Beobachtungen aus dem Lehrbezirk der Kaiserlich Russischen Universität Kasan. Auf Kosten der Universität herausgegeben von Ernst Knorr», Heft I, 1835—36, Kasan in der Universitäts-Buchdruckerei, 1841, приложение с отдельной пагинацией, стр. 1—48.

17

«Sur la probabilité des résultats moyens, tirés des observations répetées par Mr. Lobatchefsky, Recteur de l'Université de Cazan».

«Journal für die reine und angewandte Mathematik, Band 24, Heft 2, Berlin, 1842, SS 164—170.

18

«Полное затмение солнца в Пензе 26 июня 1842 года (Отчет орд. проф. Лобачевского)».

«Ученые Записки, издаваемые императорским Казанским университетом», 1842, книжка III, Казань, 1843, стр. 51—83.

То же с небольшими стилистическими изменениями редакции: «Журнал министерства народного просвещения», часть XXXIX, 1843, август, отд. II, стр. 65—96 (под заглавием: «Полное затмение солнца в Пензе 26 июня 1842 года. Отчет ордин. проф. Казанского унив. Лобачевского»).

Перепечатывается в настоящем сборнике на стр. 463—478.

19

«Подробный разбор рассуждения, представленного магистром [А. Ф.] Поповым под названием: «Об интегрировании уравнений гидродинамики, приведенных к линейному виду» на степень доктора математики и астрономии» с подписью: «Заслуженный профессор Лобачевский» и датой: «11 апреля 1845».

«Об интегрировании дифференциальных уравнений гидродинамики, приведенных к линейному виду. Рассуждение магистра Александра Попова на степень доктора математики и астрономии», Казань, 1845, прил., стр. 1—13.

20

«Значение некоторых определенных интегралов. Статья I. *Г. Лобачевского, заслуженного профессора*».

«Ученые Записки, издаваемые императорским Казанским университетом», 1852, книжка IV, Казань, 1853, стр. 1—26.

То же. Статья II, там же, стр. 27—34.

Отд. оттиск в обложке: «Значение некоторых определенных интегралов. Сочинение *Николая Лобачевского*, заслуженного профессора императорского Казанского университета», Казань. Напечатано в типографии Университета, 1853, стр. 1—34, с пометой в конце 34 страницы: «Перепечатано из 4-й книжки Ученых Записок за 1852 год».

То же, в переводе на немецкий язык: «Ueber den Werth einiger bestimmten Integrale. Nach dem Russischen von Herrn Lobatschefskji, Prof. emerit. zu Kazan» в издававшемся Георгом Адольфом Эрманом «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland», Berlin 1855, Band 14, SS. 232—272.

21

«Пангеометрия. Заслуж. профессора Н. И. Лобачевского».

«Ученые Записки, издаваемые императорским Казанским университетом», 1855, книжка I, Казань, 1856, стр. 1—76.

Вошло в «Полное собрание сочинений», I, стр. 487—550.

22

«Pangéométrie ou precis de géométrie fondée sur une théorie générale et rigoureuse des paralléles, par *N. Lobatcheffsky*, Professeur émérite de l'Université de Kasan et membre honoraire de l'Université de Moscou».

«Сборник ученых статей, написанных профессорами императорского Казанского университета, в память пятидесятилетнего его существования», том первый, Казань, 1856, стр. 277—340, с приложением листка «Errata».

Вошло в «Полное собрание сочинений», II, стр. 615—680.

23

«Полное собрание сочинений по геометрии Н. И. Лобачевского. Издание императорского Казанского университета». Том первый. Сочинения на русском языке, Казань, 1883.

То же. Том второй. Сочинения на французском и немецком языках. С портретом автора. Collection complète des oeuvres géométriques de N. J. Lobatcheffsky. Edition des l'Université Impériale de Kasan». Tome second. Ouvrages en langues française et allemande. Avec le portrait de l'auteur, Казань, 1886.

24

Н. И. Лобачевский. Геометрия, Казань, 1909, III + 67 стр.

Первое издание учебника геометрии Н. И. Лобачевского 1823 г., с предисловием А. В. Васильева.

То же: Казань, 1911, приложение к «Известиям физико-математического общества при императорском Казанском университете», 2 серия, т. XVII, 1911.

25

[Н. И. Лобачевский. Лекции по механике. Тетрадь 1. Механика. Тетрадь 3. Статика и гидростатика. По записям студента Н. Умова 1826—1827 гг.].

Известия Самарского Государственного университета, 1922, вып. 3, научный отдел, стр. 76—81.

26

Н. И. Лобачевский, Геометрические исследования по теории параллельных линий. Перевод, комментарии, вступительные статьи и примечания профессора В. Ф. Кагана, М. — Л., 1945.

27

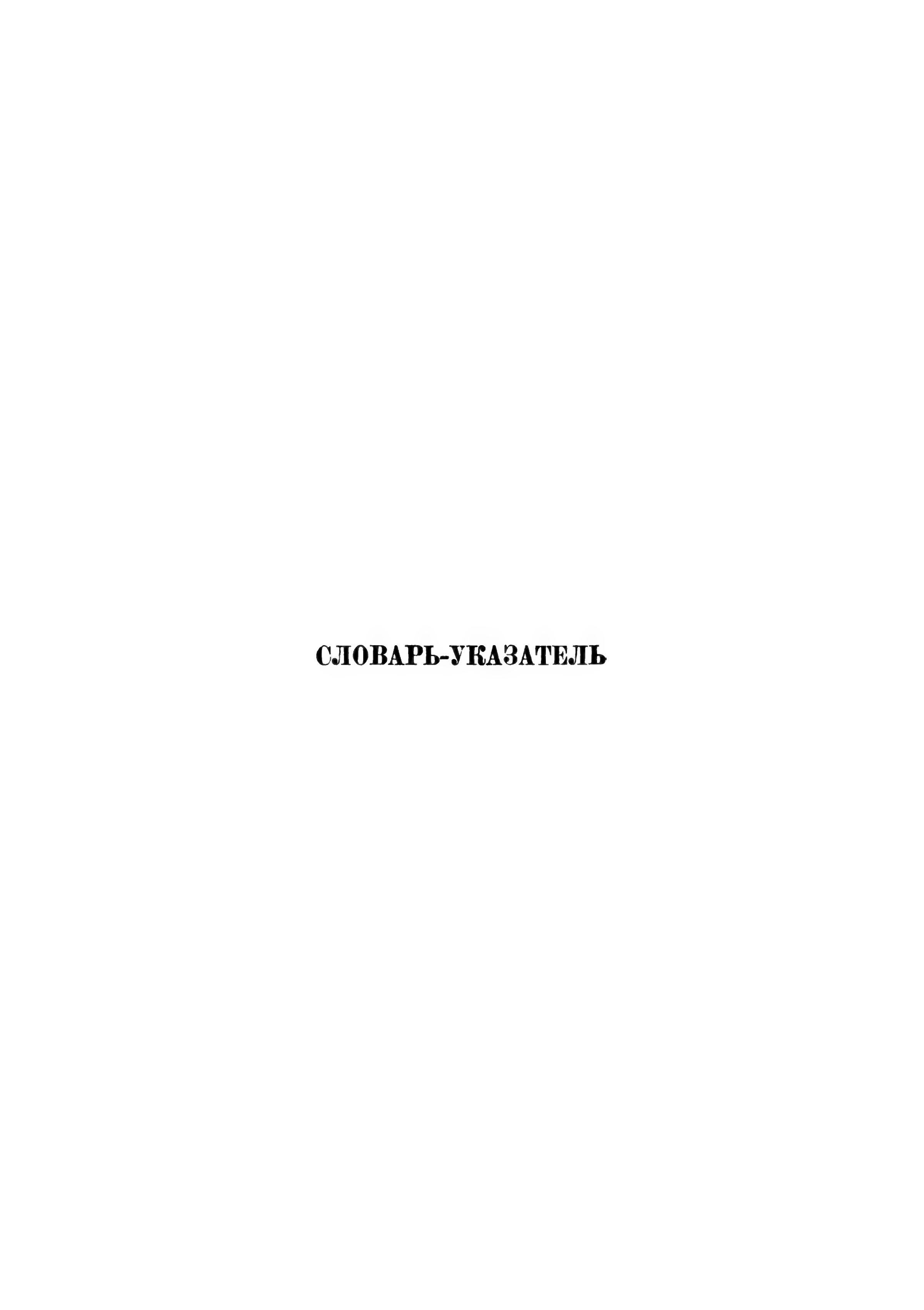
[Н. И. Лобачевский. Перевод с немецкого языка работы Ф. И. Эрдмана «Некоторые замечания, сделанные во время путешествия по берегам Камы и в Оренбургской губернии»].

Казанский Вестник, ч. XVII, 1826, июнь, стр. 140—173; Заволжский муравей, 1834, ч. I, стр. 76—89, 324—347; ч. II, стр. 157—165.

28

[Н. И. Лобачевский. Перевод с немецкого языка работы Э. А. Эверсмана «Описание чешуекрылых насекомых, находящихся между Волгою и Уральским хребтом»].

Казанский Вестник, 1831, апрель, стр. 281—299; май и июнь, стр. 100—138; июль и август, стр. 295—401 (надо 310); сентябрь и октябрь, стр. 91—101 (без окончания).



СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ

все погибли равновременною смертию» (стр. 372). Как известно, никто из трех упомянутых лиц не поступал в 1807 г. на военную службу, но все трое выдвинулись на научном поприще. Остается предположить здесь порчу текста при печатании книги, но искажение его во всех последующих изданиях воспоминаний Аксакова осталось неисправленным; последующие издания этих воспоминаний выходили уже после его смерти (ср. Загоскин, История, I, стр. 204—205; «Казанский литературный сборник 1878», Казань, 1878, стр. 335—336). 578, 615.

Алашеев, Павел Сергеевич, исправлял должность секретаря Правления Казанского университета с 18 декабря 1822, утвержден в должности с 4 апреля 1823; уволен 2 августа 1829 в отсутствие Н. И. Лобачевского (М, I, 1, стр. 211). 265.

Александр I (р. 12 декабря 1777, ум. 19 ноября 1825), император с 12 марта 1801. — Стр. 49, 50, 60, 73, 80, 89, 91—93, 97, 169, 170, 327, 571, 586.

Александр II (р. 17 апреля 1818, ум. 1 марта 1881), император; будучи наследником, совершая в 1837 г. путешествие по России, был 21 и 22 июня в Казани, когда посетил Казанский университет. Ему представлялся Н. И. Лобачевский как ректор университета. О проезде Александра II через Казань и, в частности, о посещении им университета в сопровождении В. А. Жуковского, А. А. Кавелина, К. И. Арсеньева, С. А. Юрьевича и др. сохранилось довольно много свидетельств современников; см. напр. СК, стр. 212—213; М. С. Рыбушкин. Краткая история города Казани, часть II, изд. 2, 1843, стр. 110; «Отчет за 17 лет», стр. 438—440; письмо С. А. Юрьевича к жене из Казани 22 июня 1837 (РА, 1887, кн. II, стр. 52—54); РБС; И. Баженов. Казанская история, ч. II, Казань, 1847, стр. 136; П. Ф. Вистенгоф. Из моих воспоминаний ИВ, 1884, № 5, стр. 348); П. И. Мельников-Печерский (ИВ, 1884, № 9, стр. 510—511); воспоминания А. Е. Лазарева о посещении Казанской гимназии (Владимиров, ч. 3, стр. 278—279); Второв, сентябрь, 148—149. — Стр. 390, 500—501, 551, 553, 561—568, 573, 575, 613, 660.

Александр Касимович, см. — Казембек.

Александр Невский (р. 30 мая 1220, ум. 14 ноября 1263), великий князь, знаменитый русский полководец, разбивший немецких псов-рыцарей на льду Чудского озера («Ледовое побоище») 5 апреля 1242 г. — Стр. 232.

Александра Кузминична, лицо неустановленное. 303, 328.

Александра Семеновна, см. — Мусина-Пушкина.

Александра Федоровна (р. 1(12) июля 1798, ум. 20 октября 1860), императрица, жена Николая I. — Стр. 488, 576.

Александров, Флегонт Александрович, см. — Рослов.

Алехин, Николай Михайлович (р. 1794, ум. 4 февраля 1819), адъюнкт Казанского университета по кафедре правоведения; студент университета с 10 июля 1807, курс которого окончил кандидатом 3 августа 1811; 10 июня 1812 — магистр; 1 сентября того же года — преподаватель; 19 июля 1815 был командирован в Петербург для дальнейших занятий правоведением, где пробыл до осени 1817; 3 февраля 1816 избран адъюнктом правоведения (М, I, 1, стр. 15, 29, 33, 34, 53, 56; Булич, I, стр. 525—526; Загоскин, Словарь. II, 5; Загоскин, История. II, 2, стр. 38—43; Венгеров, Источники, I, стр. 44). 40, 45, 48.

Альфонский, Аркадий Алексеевич (р. 8 февраля 1796, ум. 4 января 1869), профессор, ректор и почетный член Московского университета, известный в свое время хирург (МН, I, 29; Венгеров, Источники, I, стр. 52; Ш, I, стр. 1—3). 549.

Амвросий, архиепископ Казанский и Симбирский, в мире Алексей Иванович Протасов (р. 1762, ум. 1 июля 1831), уроженец г. Боровска, Московской губ.; образование получил в Московской духовной академии; из Тульских епископов 7 февраля 1816 назначен архиепископом Казанским и Симбирским; в ноябре 1826 переведен в Тверь архиепископом Тверским и Кашинским (Чернов, отд. X, стр. 91; РБС; РПН, стр. 26; Венгеров, Источники, I, стр. 56—57; «Воспоминания В. И. Панаева», ВЕ, 1867, т. IV, стр. 78). 131.

и другими профессорами Петербургского университета собраны в книге «С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности, 1819—1919», т. I, П., 1919, по указателю. 501, 614.

Артемьев, Александр Иванович (р. 24 октября 1820, ум. 29 сентября 1874), археолог, этнограф, географ и статистик, член Статистического совета при министерстве внутренних дел, член Археологического и Географического обществ; учился в Казанском университете с 1 сентября 1837, курс которого окончил 31 мая 1841 кандидатом с золотой медалью; с 10 января 1842 — пом. библиотекаря Казанского университета (М, I, 1, стр. 229, 263; I, 2, стр. 586); 20 декабря 1850 — секретарь Совета того же университета до 9 апреля 1852 (там же, стр. 574); с 1844 состоял редактором «Казанских губернских ведомостей», где напечатал множество статей по истории, археологии, географии, статистике; автор ряда статей по истории Библиотеки Казанского университета (ПН, I, 98; Венгеров, Источники, I, стр. 113—114; РБС). См. о нем в воспоминаниях В. Н. Назарьева «Жизнь и люди былого времени». II. «А. И. Артемьев» (ИВ, 1890, № 11, стр. 429—435). 507, 529.

Архип, крепостной человек И. Е. Великопольского. 401.

Арцыбашева, Анна Никитична, жена коллежского асессора, помещица Цивильского уезда Казанской губернии (1846). 509.

Аугуст, автор психрометра. 463, 479.

Ахлопкова, Варвара Николаевна (р. 1 июля 1843, ум. после 1896); дочь Н. И. Лобачевского; жена (с 1862 г.) отставного поручика Николая Николаевича Ахлопкова. Ее воспоминания об отце во многом малодостоверны: Н. И. Лобачевский умер, когда ей было всего неполных 13 лет. 1 сентября 1896 она присутствовала в Казани на торжественном открытии памятника Н. И. Лобачевскому (см. «Освящение памятника Лобачевскому в Казани» в ИВ, 1896, № 10, стр. 350; «Торжество открытия памятника Н. И. Лобачевскому в г. Казани 1 сентября 1896 г.», Казань, 1896, стр. 4) За год перед тем она пожертвовала во Французскую Академию наук портрет Н. И. Лобачевского, о чем сообщалось в газете «Гражданин», 1895, № 351, «Пожертвование Французской Академии»: «Госпожа Ахлопкова, дочь знаменитого геометра Н. И. Лобачевского, пожертвовала Парижской Академии наук портрет своего отца. Академия, приняв дар г-жи Ахлопковой, вместе с тем постановила в заседании 16 декабря (н. с.) препроводить в распоряжение жертвовательнице 500 фр.» Судьба этого портрета в настоящее время неизвестна. 561, 584—586, 589, 593—597, 640, 678, 679.

Ахлопковы, дети В. Н. Ахлопковой, 678.

Ахматов, Николай Степанович (р. 1799, жив в 1852), сын капитан-лейтенанта; с 4 ноября 1840 по 27 июля 1845 состоял инспектором студентов Казанского университета (М, I, 2, стр. 582); затем — цензор Петербургского цензурного комитета; в молодости был близок к будущему декабристу В. Ф. Раевскому, который напечатал послание, к нему обращенное и опубликованное в «Духе журналов», 1816, ч. 14, № 41. стр. 705. — Стр. 422, 487, 643.

Ахматов, Федор Николаевич, студент Казанского университета (с 18 августа 1843 по 5 мая 1847), который окончил с званием действительного студента; 28 февраля 1848 выбыл из университета (М, I, 1, стр. 286 и 338). 606—607.

Бабст, Иван Кондратьевич (р. 20 октября 1823, ум. 6 июля 1881), профессор политической экономии и статистики Казанского университета (РПН, 60; Загоскин, Словарь, II, стр. 6; Венгеров, II, стр. 5—15; Венгеров, Источники, I, стр. 136; «Словарь членов Общества любителей российской словесности, М., 1911, стр. 20; РБС). Воспоминания о нем: Боборыкин, стр. 63, 75; Корсаков, стр. 75—76; В. А. Лебедев (РС, 1908, № 9, стр. 591—592); А. М. Полиновский. Воспоминания старого казанского студента (ВВ, 1891, № 13, стр. 3). 660.

Баженов, Василий Яковлевич (р. 1787, ум. 25 января 1831), профессор всеобщей истории, географии и статистики Казанского университета; 1 сентября 1820 назначен

в университет адъюнктом исторических наук (Загоскин, Словарь, I, стр 31—32; Венгеров, II, стр. 33—34; Агафонов, I, стр. 60; РБС; Венгеров, Источники, I, стр. 140—141); с 3 августа 1826 по 1 марта 1831 состоял инспектором студентов Казанского университета (М, I, 1, стр. 214). Характеристику его см.: «Записки Н. И. Мамаева» (ИВ, 1901, №1, стр. 65). 112, 127, 137, 138, 140—142, 148, 155, 168, 169, 171, 190, 224, 236, 277, 355

Баженов, Николай Кириллович (р. 1804, ум. 25 июня 1848), образование получил в Московском университете; с 1844 — штаб-лекарь Казанского порохового завода; известен как автор «Казанской истории», вышедшей в Казани в 1847 г., в 3 частях; умер от холеры (Агафонов, I, стр. 60; Агафонов, II, стр. 41—56; Венгеров, II, стр. 35; Венгеров, Источники, I, стр. 141—142; РБС). В своей «Казанской истории», помимо приведенных упоминаний имени Н. И. Лобачевского выше, в тексте настоящей книги, Лобачевский упоминается еще дважды: при описании посещения Казани и Казанского университета Николаем I 20 августа 1836: «Особым милостивым вниманием осчастливлены были ректор университета Лобачевский, которого попечитель наименовал отличным чиновником» (ч. II, стр. 129); «При выходе из обсерватории государь император объявить изволил свою высочайшую благодарность попечителю и ректору университета за найденное устройство» (стр. 132); и при описании посещения Казани и Казанского университета наследником 21 июня 1837: «Государь наследник при выходе изъявил свое высокое удовольствие попечителю и ректору университета» (стр. 136). Всё опубликованное в книге Баженова о Лобачевском было хорошо известно последнему, так как он был подписчиком «Истории»: в приложении к III части среди «благоволивших подписаться на издание Казанской истории» значится: «В Казани [...] его превосходительство помощник попечителя учебного округа, действительный статский советник и кав. Николай Иванович Лобачевский.......1», т. е. подписавшийся на 1 экземпляр (стр. II). Большинство профессоров университета не пожелало подписаться на труд Баженова, что видно из подписного листа, в копии имеющегося в Записях Н. Я. Агафонова (№ 226, стр. 189—191). 524—525.

Бакон, см. — Бэкон.

Баннер, Петр Петрович, казначей Казанского университета с 1804 по 1 сентября 1814 (М, I, 1, стр. 42, 211). 53.

Баратаева, Александра Семеновна, княжна, см. — Мусина-Пушкина.

Баратынская, Анастасия Львовна (р. 26 октября 1804, ум. 15 марта 1860), дочь генерал-майора Льва Николаевича Энгельгардта (1766—1836), казанского помещика, автора известных «Записок» (М. 1867), жена поэта Е. А. Баратынского, с 9 июня 1826 (ПН, I, 260; ЛР, II, 431—432; Руммель, I, 160). 305.

Баратынский, Евгений Абрамович (р. 19 февраля 1800, ум. 29 июня 1844), поэт, друг А. А. Дельвига, П. А. Плетнева и др. поэтов пушкинской эпохи, часто бывавший и живший в 30-х гг. в Казани (ПН,I, 260; РБС; Руммель, I, 160; ЛР, II, 431—432). Об участии Е. А. Баратынского на литературных вечерах у К. Ф. и А. А. Фуксов (см.) см. в статье Е. А. Боброва «А. А. Фукс и казанские литераторы 30—40-х годов» (РС, 1904, № 6, стр. 509). О жизни в Казани — в книге П. П. Филипповича «Жизнь и творчество Е. А. Баратынского», Киев, 1917, стр. 119—120. — Стр. 303—305.

Баратынский, Ираклий Абрамович (р. 12 февраля 1802, ум. 22 апреля 1859), брат поэта, генерал-лейтенант, сенатор; с 14 марта 1846 г. состоял Казанским военным губернатором (ПН, I, 260; Пупарев; РБС); в Казань Баратынский прибыл 18 мая 1846 (см. записки И. Я. Чернобровина в Записях Н. Я. Агафонова, № 226, стр. 225). О нем вспоминает П. Д. Боборыкин, стр. 63. Его жена (Руммель, I, 160) Анна Давыдовна Баратынская, р. княжна Абамелек (р. 1814, ум. 13 февраля 1889), воспетая в 1832 г. Пушкиным, была в Казани попечительницей всех женских и детских заведений; ее сестра княжна С. Д. Абамелек выступала в любительских концертах в Казани как певица. Историк Казани Н. Баженов отмечал, что «музыкальный талант и пение княжны С. Д. Абамелек было новейшим блистательным явлением в области изящного»

(«Казанская история», ч. III, Казань, 1847, стр. 125; ср. стр. 121). 524, 533, 534, 542, 545, 547, 631.

Барсов, Федор Петрович, инспектор студентов Казанского университета с 5 сентября 1819 по 2 августа 1822 (М, I, 1, стр. 214). 143.

Бартельс, Мартин Федорович (р. 12 августа 1769, ум. 7 декабря 1836), выдающийся математик, доктор философии Иенского университета, учитель Н. И. Лобачевского, оказавший на него большое влияние; с 1805 — профессор Казанского университета по кафедре чистой математики; с 28 апреля 1806 — почетный член университета; утвержден профессором 1 декабря 1807; в Казань приехал 15 февраля 1808; 21 сентября 1820 перемещен профессором в Дерпт (Загоскин, Словарь, I, стр. 257—261; Загоскин, История, I, стр. 228—232; Булич, I, 226—256; Венгеров, Источники, I, 172—173; РБС; «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Юрьевского, бывш. Дерптского университета», под ред. Г.В. Левицкого, т. I, Юрьев, 1902, стр. 163—167, где говорится о Бартельсе как учителе Лобачевского; ср. Булич, I, 244—249). Отзыв С. Я. Румовского (1805 г.) — Сухомлинов, II, 90. В 1833 г., будучи в Дерпте, М. Ф. Бартельс вспоминал: «Im Juni 1807 erhielt ich die Bestätigung als Professor in Kasan; reisete aber erst im October mit meiner Familie dahin ab, und langte nach einer beschwerlichen und kostspieligen Reise im Anfange des folgenden Jahres daselbst an. Zu meiner grossen Freude fand ich ungeachtet der damals noch kleinen Zahl der Studierenden ungemein viel Sinn für das Studium der mathematischen Wissenschaften, so dass ich in meinen Vorlesungen über höhere Analysis auf wenigstens zwanzig Zuhörer rechnen durfte und sich allmählig eine kleine mathematische Schule bildete, aus welcher eine Menge geschichter mathematischer Lehrer für die Gymnasien und Universitäten Russlands, besonders des Kasanischen Lehrbezirks, hervorgegüngen sind, die nun schon seit zwanzig Jahren das Studium der mathematischen Wissenschaften noch mehr verbreitet haben» (Из «Vorrede» [с датой «Dorpat, den 21 Januer 1833] к сочинению: «Vorlesungen über mathematische Analysis mit Anwendungen auf Geometrie, Mechanik und Wahrscheinlichkeitslehre von Dr. J. M. C. Bartels», Erster Band, Dorpat, 1833, S. IX) В переводе: «В июне 1807 я получил назначение профессором в Казань; выехал туда, однако,лишь в октябре, с моей семьей и добрался туда после затруднительного и дорогостоящего путешествия в начале следующего года. К величайшей моей радости, я нашел в Казани, несмотря на незначительное число студентов, необыкновенно много любви к изучению математических наук. В моих лекциях о высшем анализе я мог рассчитывать по крайней мере на двадцать слушателей, понемногу составилась небольшая математическая школа, из которой вышло несколько дельных учителей математики для русских гимназий и университетов, особенно в Казанском учебном округе, которые двадцать лет как способствуют еще большему распространению математических наук в России». Этот отрывок был известен Н. И. Лобачевскому, который в одном из своих сочинений ссылается на книгу, в которой он опубликован. 46, 47, 50, 51, 54—56, 60, 62, 73, 74, 88, 92, 93, 97—99, 103, 110, 181, 196, 221—222, 350, 365, 578, 587, 615, 616, 633, 634, 665.

Бартолин, Фома (р. 1659, ум. 1690), автор капитального сочинения по древностям Севера: «Antiquitatum Danicarum libri tres» (Копенгаген, 1689). 232.

Баталин, Н., переводчик и поэт 30—40-х гг. XIX в., товарищ и приятель М. П. Погодина (см.). О нем: С. А. Венгеров, Источники, I, стр. 181. — Стр. 234.

Баум, Эрнест-Оттон Матвеевич, садовод; кандидат Казанского университета с 31 октября 1846 по 11 июня 1847 (М, I, 1, стр. 324); с 21 декабря 1838 по 1 января 1848 садовник того же университета (М, 1, 2, стр. 592). 515—516.

Бездна, главное селение в вотчине Мусиных-Пушкиных (Богородское тож), Спасского уезда, Казанской губернии, в 20 верстах от г. Спасска при речке Бездне. При имении Бездна было около 10 000 десятин земли. Село это было расположено вблизи родовой вотчины казанских помещиков Молоствовых — Трех озер и принадлежало затем казанским же помещикам Родионовым, из рода которых происходила основательница Казанского Родионовского института благородных девиц А. Н. Родионова

(см. М. П. Ватаци, Быль минувшего, ИВ, 1913, № 5, стр. 423 и № 7, стр. 37). Село Бездна получило впоследствии громкую известность движением крестьян во время проведения крестьянской реформы 1861. Несмотря на мирный характер, оно было жестоко подавлено: безоружная толпа крестьян расстреляна 12 апреля 1861 (см. ИВ, 1907, № 11, стр. 468—486, из воспоминаний Ф. А. П[оловцо]ва; «Колокол», 1 марта 1862, № 124, стр. 1035 с отзывом М. Н. Мусина-Пушкина; К, I, стр. 176—177 и др.). 292, 294—296, 409.

Беву, Стефан (р. 1730, ум. 1783), французский математик, член Французской Академии наук, автор «Курса математики» («Cours de mathématiques», Paris, 1764—1769, 1781—1782) и др. сочинений. 156.

Беков, Николай Андреевич, секретарь Казанской консистории (Месяцослов, 1856, I, стр. 111). 583.

Беловежская (Беловолская, Беловолжская) слободка, имение на берегу Волги, Чебоксарского уезда, в 1000 десятин земли с мельницей, приобретенное Н. И. Лобачевским в 1840 г. 17, 18, 23, 489, 504, 509, 526, 544, 545, 584, 586, 594, 595, 598, 599, 601, 602, 605, 609, 635, 640, 641, 675—677.

Белогородцев, Петр Григорьевич; с 9 декабря 1824 и. д. архивариуса Совета Казанского университета; утвержден в должности с 10 января 1825 и нес ее до 4 апреля 1828 (М, I, 1, стр. 205); вторично исполнял ту же должность с 1 июня 1828 по 13 июля 1829 (там же). 201, 244, 271, 310.

Бельский, Иоанн, протоиерей, приводивший в 1816 г. Н. И. Лобачевского к присяге на звание экстраординарного профессора. 76.

Беневоленский, Андрей Игнатьевич (р. 1808, ум. в феврале 1880), профессор Казанской духовной академии по кафедре церковной истории; в 1851 г. ему было поручено преподавание греческого языка; с 1853 по 1856 состоял профессором по кафедре священной герменевтики (РБС; Родосский, стр. 40—41; П. Знаменский, «История Казанской духовной академии», т. II, Казань, 1892, стр. 183, 280, 300 и 315). 595.

Бенкендорф, Александр Христофорович, граф (р. 1783, ум. 23 сентября 1844), генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии, сенатор, член Государственного Совета, шеф жандармов, организатор при Николае I политического сыска, один из приближенных к нему лиц свиты, сопровождавший его в его разъездах (РБС). 500.

Берви, Василий (Фридрих-Вильгельм) Федорович (р. 1793, ум. 20 марта 1859), профессор анатомии, физиологии и судебной медицины Казанского университета с 12 мая 1832; с 17 января 1833 по 1 ноября 1837 — врач студенческой больницы (М, 1, 2, стр. 589); 1 августа 1837 утвержден ординарным профессором по кафедре физиологии и общей паталогии. В начале 1858 г. вынужден был прекратить чтение лекций вследствие коллективного протеста слушателей с требованием выхода в отставку. Уволен 21 июля 1858 (Загоскин, Словарь, II, 128—129; РБС; Венгеров, Источники 214). Характеристики: П. Д. Боборыкин, стр. 61, Н. Фирсов (РС, 1889, № 3, стр. 564—568), А. И. Ильинский (РС, 1894, № 3, стр. 60—62); Д. А. Корсаков, стр. 47; Э. П. Янишевский, стр. 43—65. В. Ф. Берви был женат на Амалии Алексеевне Ланге (р. 1804, ум. 22 августа 1843; Агафонов I, 61), от которой имел 3 сыновей: 1) Владимира (Иоанна-Вольдемара) Васильевича (р. 4 октября 1826), учившегося в Казанском университете в 1843—1847 гг. (М, I, 1, стр. 286—338), 2) Василия (Вильгельма) Васильевича (р. 28 апреля 1829), известного политического деятеля, писавшего под псевдонимом Н. Флеровского, автора книг: «Положение рабочего класса в России», «Азбука социальных наук» и др., также учившегося в Казанском университете в 1845-1849 гг. (М, I, 1, стр. 313 и 36), оставившего интересные воспоминания («Три политические системы. Воспоминания Н. Флеровского», Лондон, 1897; перепечатаны в сокращении в «Голосе минувшего», 1915, №№ 2, 3, 4, 6, 7—8; 1916, №№ 1, 2, 5—6 и краткую автобиографию («Русская Мысль», 1905, № 5, стр. 138—150 второй пагинации). О нем см. книгу О. В. Аптекмана «Василий Васильевич Берви (Флеровский)», изд. «Колос», П., 1925; статью Л. М. Добровольского «Запрещенные и уничтоженные книги В. В.

(РС, 1894, № 1, стр. 62—71; № 3, стр. 51—52); А. М. Полиновского, «Воспоминания старого казанского студента» (ВВ, 1891, № 13, стр. 3). 418, 420, 660.

Блохин [Александр Алексеевич, купец (р. 1807, ум. 15 июня 1861; Агафонов, I, стр. 62)]. 503.

Боборыкин, Петр Дмитриевич (р. 15 августа 1836, ум. 12 августа 1921), известный писатель-беллетрист, автор воспоминаний «За полвека» и «Столицы мира», был студентом Казанского университета с 4 сентября 1853 г. и уволен по прошению, не кончив в нем курса, 25 октября 1855 г. Свою студенческую жизнь в Казани изобравил в одном из первых своих романов «В путь-дорогу» («Библиотека для чтения», 1863). В своих воспоминаниях «За полвека» Боборыкин дает характеристику многим профессорам Юридического факультета Казанского университета (см. издание под ред. Б. П. Козьмина, М. — Л., 1929). См. о нем: Венгеров, IV, 191—241; А. С. Гациский, Страничка из жизни пятидесятых годов («Казанский литературный сборник 1878», Казань, 1878, стр. 170—171); В. А. Лебедев, Учебные воспоминания (РС, 1908, № 9, стр. 600). 656, 658—659.

Бовдич (Боудич), Нафанаил (р. 26 ноября 1773, ум. 16 марта 1838), американский астроном, политический деятель, президент Бостонской Академии наук и искусств; перевел «Небесную механику» Лапласа (4 тома, Бостон, 1829—1839) с ценными примечаниями 471.

Боде, Иоганн-Элерт (р. 19 января 1747, ум. 1826), астроном, член Берлинской Академии наук, издавал «Берлинский астрономический ежегодник». 67.

Бокельман, Федор (Фридрих) Федорович, с 5 ноября 1814 по 24 февраля 1821 состоял фактором типографии Казанского университета (М, I, 1, стр. 219); отец студентов того же университета: Александра Федоровича, обучавшегося в нем с 1845 по 1846 гг. и бывшего затем врачом в г. Яранске, Казанской губ. (М, I, 1, стр. 309) и Федора Федоровича, состоявшего студентом с 9 июня 1841 и умершего 17 марта 1843 (М, I, 1, стр. 265). 75, 226—228, 307—309.

Болдырев, Иван Григорьевич (ум.24 апреля 1837); с 1 января 1830 по день смерти был переводчиком Университета (М, I, 1, стр. 213); и. д. кассира Казанского университета с 16 февраля по 26 марта 1836 (М, I, 1, стр. 212). 79.

Болиай, Вольфганг (р. 9 февраля 1775, ум. 21 ноября 1856), венгерский математик и поэт, профессор математики, физики и химии реформатской коллегии в Марош-Вашаргели, известен как автор ученых трудов, связанных с развитием неэвклидовой геометрии и разработкой теории параллельных линий. Основное сочинение его по этому вопросу опубликовано в 2 томах в 1832—1833 гг. под заглавием «Tentamen juventutem studiosam in elementa matheseos methodo intuitiva introducendi». Прибавление («Apendix») к нему написано его сыном Иоанном Болиай (р. 1802, ум. 1860) и содержит в себе изложение неэвклидовой геометрии (см. Каган, стр. 264—268). 486.

Болховская, Евдокия Сергеевна, княжна, см. — Мусина-Пушкина.

Болховская, Надежда Сергеевна, княжна, по первому браку Великопольская, см.— Моисеева.

Больцани, Иосиф Антонович (р. 6(18) сентября 1818, ум. 13 февраля 1876), ученик Н. И. Лобачевского, профессор по кафедре физики и физической географии Казанского университета; сын итальянца, получил лишь самое элементарное образование в городской школе в Берлине и начал рано служить в торговых конторах. По поручению торгового дома Дациаро (см.) будучи около двадцати лет, стал прикавчиком кочевавшей по России нотной и эстампной торговли, приписавшись к нижнегородскому мещанскому обществу. В качестве прикавчика Дациаро оказался в Казани, где обратил на себя внимание проф. А. Ф. Попова (см.) своими математическими способностями. Вместе с Н. И. Лобачевским Попов решил выдвинуть молодого человека на научную дорогу. Лобачевский стал руководить его занятиями, и, благодаря этому, уже в 1842 г. Больцани получил место надзирателя в 1 Казанской гимназии, а через два года он смог сдать экзамен за гимназический курс; 14 февраля 1845 г. он получает

от университета степень кандидата математических наук. Выдержав экзамен (1852), Больцани защитил диссертацию и 10 июня 1853 г. получил степень магистра математических наук;с 21 апреля 1854 г. — адъюнкт Казанского университета, но 30 июня 1855 г. был перемещен на кафедру физики; с 31 марта 1859 г. — э. профессор физики и с 1 июня 1860 г. — о. профессор физики, получив 12 декабря 1858 г. в Петербургском университете степень доктора физики и химии за диссертацию «Об электролизе солей». Больцани был своим человеком в доме Н. И. Лобачевского; последний принимал участие в его магистерском диспуте. В 1854—1855 гг. он читал в университете курс алгебраического анализа, пользуясь сочинениями Лобачевского (Агафонов, I, 62 с неверной датой смерти Больцани; Загоскин, Словарь, I, 269—271; Венгеров, Источники, I, 313; РБС, где говорится об отношении к нему Н. И. Лобачевского; ср. К, I, стр. 94, 111—112, 262—263). Воспоминания о нем см.: С. И. Сластников (PC, 1895, № 8, стр. 156—161); Н. П. Вагнер в книге «А. М. Бутлеров. Статьи по медиумизму», издал А. Н. Аксаков, СПб., 1889, стр. XXVIII—XXIX; Н. Фирсов (PC, 1889, № 6, стр. 634); А. И. Ильинский (PC, 1894, № 2, стр. 62—64); Д. А. Корсаков, стр. 97—98; Д. А. Клеменец. Из прошлого. Воспоминания, Л., 1925, стр. 110 и др. И. А. Больцани был женат первым браком на Марии Ивановне N. (ум. 11 марта 1862; Агафонов, I, 62) и от нее имел сына Евгения Осиповича, которому, по словам Н. Я. Агафонова, «наука не далась, и он сидит теперь приказчиком в магазине ружей и пистолетов Аумана». Вторым браком Больцани женат был на дочери университетского механика Августа Генкеля (Агафонов, Записи, № 217, стр. 647). 539, 543, 544, 595, 600, 607, 621, 627, 628, 661.

Боненбергер, Иоганн-Готлиб-Фридрих (р. 5 июня 1765, ум. 19 апреля 1831), немецкий астроном и математик. 315.

Бороздин, Константин Матвеевич (р. 14 мая 1781, ум. 10 мая 1848), археолог и историк, сенатор; в 1826—1833 попечитель Петербургского учебного округа, действительный член Российской Академии, поч. член Академии Наук по Отделению руского языка и словесности (РПН, 100; Венгеров, Источники, I, 327;РБС). О передаче им Казанскому университету вещей Г. Р. Державина упоминается в «Казанской истории» Н. Баженова: «Тайн. сов. Бороздин пожертвовал университету: стол, кресла и письменный прибор, принадлежавшие знаменитому поэту Гавриле Романовичу Державину» (ч. III, Казань, 1847, стр. 111, примечание). 507.

Брандорф, Александр Степанович (р. 1797, ум. 12 июня 1840), сын преподавателя в Школе практического земледелия (1803); в службе прапорщиком (1813) за отличие под Лейпцигом получил чин подпоручика (1814), майор Ямбургского уланского полка (1822), уволен со службы с чином подполковника в 1824 г. (Савелов, стр. 165; Крестовский. История 14-го уланского Ямбургского полка, СПб., 1873, стр. 720, № 272). 299.

Брандорф, Надежда Евдокимовна (р. 1809, ум. 16 декабря 1859), р. Купреянова, дочь генерал-майора, жена А. С. Брандорфа (см.), который имел от нее двух детей: генерал-лейтенанта Николая Александровича Брандорфа (р. 5 июня 1833, ум. 15 сентября 1906) и Василия Александровича Брандорфа (р. 8 января 1839). После смерти мужа вышла вторично замуж за казанского губернатора Степана Степановича Стрекалова (см.)— его вторая жена (см. Савелов, стр. 165; ПН, I, стр. 163 и 281). Об обстоятельствах выхода ее замуж за С. С. Стрекалова см. в воспоминаниях казанского старожила А. А. Малышева «В старые годы» (КВК, 5 января 1896, № 8, стр. 2) и Агафонов, Записи, № 216, стр. 880—881. — Стр. 297, 299.

Браун, Иван Осипович (р. в 1777 или 1778, ум. 8 января 1819), профессор анатомии, физиологии и судебной врачебной науки в Казанском университете (с 15 мая 1807); инспектор студентов (с 8 июля 1813 по 4 июля 1814); первый выборный ректор университета (с 4 сентября 1813, утв. 24 февраля 1814, по день смерти) (Булич, I, стр. 164—175; Загоскин, Словарь, II, 143—145; Загоскин, История, I, стр. 135—137). Был женат на вдове профессора К. А. Фойгта — Елизавете Карловне, рожд. Эйлер, внучке Леонарда Эйлера (см. Зав. Вив., стр. 56—57). Извещение о его смерти и описание

погребения помещены в «Казанских Известиях», 18 января 1819, № 6, стр. 21—23. Краткое известие о его смерти помещено там же, 15 февраля 1819, № 14, стр. 54. — Стр. 61—63, 65, 66, 68, 60—76, 233, 587, 600.

Брашман, Николай Дмитриевич (р. 14 июня 1796, ум. 13 мая 1866), адъюнкт математики и астрономии Казанского университета (с 11 марта 1825); 17 августа 1834 г. перемещен в Московский университет э. профессором прикладной математики; затем ординарный и заслуженный профессор этого университета; с 1855 г. — член-корреспондент Академии Наук (МН, I, 135; Загоскин, Словарь, I, 271—272; РБС; Венгеров, Источники, I, 342—343; Ш, I, стр. 99—102; Б. Л. Модзалевский, стр. 208). В 1828—1829 учебн. году, будучи адъюнктом астрономии, читал студентам механику по конспекту Н. И. Лобачевского. Обвинение Н. Д. Брашмана (см. в воспоминаниях И. И. Михайлова, стр. 616—617) в том, что он являлся автором рецензии, помещенной в «Сыне Отечества», 1834 г., № 41 на мемуар «О началах геометрии» Н.И. Лобачевского, ни на чем не основано. Новейшими данными устанавливается, что автором рецензии, повидимому, был известный реакционный журналист, издатель журнала «Маяк» С. О. Бурачек (см. К, II, стр. 50, а также в статье Э. П. Файдель и К. И. Шафрановского в «Вестнике Академии Наук СССР», 1944, № 3, стр. 128). Проф. В. Ф. Каган в своей биографии Н. И. Лобачевского («Лобачевский», М. — Л., 1944, стр. 188—189) выдвигает остроумную догадку, что авторами этой рецензии были С. О. Бурачек и С. И. Зеленой, которые подписали ее инициалами своих имен. Оба они были близки к акад. М. В. Остроградскому (см.); см. также «Биографию Н. Д. Брашмана, заслуженного профессора имп. Московского университета», со списком его трудов в «Математическом сборнике. С портретом Н. Д. Брашмана», М., 1866, стр. XI—XXVI; там же напечатаны и «Письма академика Остроградского к профессору Брашману» (5 писем исключительно математического содержания), стр. XXVII—XXXVIII. Характеристику Брашмана как профессора см. в воспоминаниях «Смоленского дворянина» в «Русской Старине», 1896, № 1, стр. 197—198 с ошибкой в имени (поправка там же, № 3, стр. 680). 13, 196, 222, 247, 274, 494, 616—617, 664.

Бреге (Брегет), Луи-Абраам (р. 1747, ум. 1823), известный французский механик и часовщик, усовершенствовавший хронометр, член Парижской Академии наук. 463, 479.

Брейтенбах, Филипп Леонтьевич (р. 24 сентября 1774, ум. 28 января 1847), профессор технологии Казанского университета, уволенный 5 августа 1819 при массовом увольнении профессоров М. Л. Магницким. Впоследствии директор Петербургского лесного института (1821—1837); вышел в отставку в 1839 г. (ПН, I, 287; Булич, II, стр. 642—653; Загоскин, Словарь, I, 272—273; Загоскин, История, I, 287—288; РБС). 60, 62, 63, 85, 93.

Броглио, графиня [Анна Петровна, генерал-майорша (1814)?]. 306.

Броневский, Николай Богданович (р. 9 мая 1788, ум. 1862), генерал-майор, командир Казанского 1-го гарнизонного батальона (1841), позже начальник 9-го округа внутренней стражи в Гродно. От брака с Ольгой Ивановной Шленговской (р. 1800, ум. 1875) имел несколько человек детей и среди них дочь Элеонору (Апполинарию) Николаевну (род. 23 июня 1828), которая известна была в Казани как певица, неоднократно выступавшая на любительских концертах; ей «присваивалось первенство в сравнении с некоторыми известными даже певицами», — говорит Н. Баженов в своей «Казанской истории» (ч. III, Казань, 1847, стр. 124—125); ср. Н. П. Загоскин, «Казанская старина» (ВВ, 4 апреля 1892, № 85, стр. 2). Брат его Семен Богданович Броневский (р. 1786, ум. 1858), генерал-лейтенант, генерал-губернатор Восточной Сибири, сенатор, автор «Записок», в 1837 г. покинул Сибирь и на обратном пути в Петербург посетил Казань (Биографические сведения о Броневских см. ЛР, I, 76; «Дворянское сословие Тульской губернии», т. VIII (XVII). Родословец добавочный. Составил В. И. Чернопятов, М., 1912, стр. 58 и 59; РБС). 390.

Броннер, Франц-Ксаверий, или Ксаверий Иванович (р. 23 (12) декабря 1758, ум.

11 августа (н. ст.) 1850), ординарный профессор теоретической и опытной физики Казанского университета, известен как поэт, автор идиллий; учитель Н. И. Лобачевского; швейцарец по происхождению, Броннер в молодости был монахом, а затем жил в Цюрихе, занимая одно время пост министра (?) юстиции; преподавал в 1804 г. в кантональной школе города Аарау математику. Через проф. М. Ф. Бартельса получил 1 сентября 1810 г. кафедру физики Казанского университета и прибыл в Казань в октябре того же года; с 28 мая 1812 г. — первый директор Педагогического института при университете; с 4 июня 1814 г. — инспектор студентов. Выехал в 1817 г. из Казани в отпуск, но более в Казань не возвращался и был по специальному представлению М. Л. Магницкого 11 мая 1820 г. уволен от службы. С 1818 г. снова преподавал математику в г. Аарау (Загоскин, Словарь, I, 273—276; Загоскин, История, I, 267—276). Жизни и трудам Ф. К. Броннера посвящена специальная монография проф. Д. И. Нагуевского «Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758—1850)», Казань, 1902. Много места уделено Броннеру также в книге Н. Н. Булича «Из первых лет», ч. II, стр. 185—276; ср. РБС. Характеристику Броннера, данную в 1831 г. М. Л. Магницким, см. в РС, 1899, № 3, стр. 609. С благодарностью вспоминает о нем бывший студент Н. В. Веригин (РС, 1892, № 10, стр. 49—50). Специально о Броннере как масоне и просветителе XVIII века и учителе Лобачевского см. в брошюре А. В. Васильева: «Лобачевский и Броннер. Два эпизода из жизни первых профессоров Казанского университета», Казань, 1894. — Стр. 46, 56—57, 60, 62—65, 71—78, 92, 93, 578, 587.

Брылкина, София Карловна (ум. 14 декабря 1878; Агафонов, I, стр. 63), дочь Карла Фед. Фукса (см.); вышла, по словам Н. Я. Агафонова, «так плачевно за Павла Александровича Брылкина, одного из членов клуба «червонных валетов». Он сослан в Сибирь, но успел спустить всё имение жены, в Чебоксарском уезде» (Агафонов, Записи, № 217, стр. 534—535); Н. И. Лобачевский у нее занял 4 000 р. — Стр. 599.

Брянцев, Андрей Михайлович (р. 1749, ум. 21 января 1821), о. профессор философии Московского университета, магистр философии и свободных наук (МН, I, 140; Ш, I, стр. 109—112; РБС; Венгеров, Источники, I, стр. 357). 67.

Буге (Бугер), Пьер (р. 16 февраля 1678, ум. 15 августа 1758), французский физик, математик, астроном, известный своей экспедицией в Перу для измерения градуса меридиана и своими трудами по оптике, по теории корабля и открытию фотометрии; член Французской Академии наук; автор сочинения «De la manière de determiner la figure de la terre par la mesure des degrés de latitude et de longitude» (Paris, 1736). Н. И. Лобачевский в своих лекциях руководствовался этим сочинением Буге. 115, 467.

Булгарис, Евгений (р. 21 августа 1715, ум. 27 мая 1806), греческий ученый монах, проповедник, переводчик, педагог, библиотекарь имп. Екатерины II, затем архиепископ Славянский и Херсонский. 230.

Булич, Николай Никитич (р. 3 февраля 1824, ум. 24 мая 1895); известный историк русской литературы, профессор русской словесности; воспитанник Казанской второй гимназии; студент Казанского университета с 9 июня 1841 г., курс которого окончил 1 июня 1845 г. со степенью кандидата с золотой медалью; магистр русской словесности с 13 октября 1849 г. (М, I, 1, стр. 265, 311, 359, 360 и др.), затем адъюнкт — с 4 января 1850 г. (по кафедре философии); 25 января 1853 г. получил кафедру русской словесности; доктор русской словесности — с 8 апреля 1854 г. и с 25 августа того же года — э. профессор; с 14 ноября 1857 г. — о. профессор, но уже 23 февраля 1860 г. приказом министра народного просвещения за «вредное» направление его лекций был причислен к министерству с увольнением от должности профессора. После длительных хлопот университета Булич вновь назначен был профессором университета 4 января 1861 г.; ректор университета (1862—1884 гг.); уволен в отставку в 1885 г.; затем заслуженный профессор и почетный член Университета (Загоскин, Словарь, I, 45—47). Автор ряда монографий по истории русской литературы, а также капитального исследования «Из первых лет Казанского университета» (т. I—II, Казань, 1887—1891), дающего

право называть его первым историком Казанского университета. О Н. Н. Буличе см. специальную статью Н. Я. Агафонова «К биографии Н. Н. Булича» в его книге «Из Казанской истории», Казань, 1906, стр. 49—53; Агафонов, I, 63; автобиографию см. у Венгерова, VI, 124—132 и в новейшей работе Н. К. Пиксанова и А. К. Булича «Николай Никитич Булич и современное ему Казанское общество» в «Ученых записках Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина», 1930, книга 5, стр. 907—939. О ранних годах семьи Булич см. в воспоминаниях его брата К. Н. Булича в ВЕ, 1903, № 8, стр. 743—763; Венгеров, Источники, I, 375. Характеристику Булича как человека и профессора см. у П. Д. Боборыкина, стр. 60, у Н. Фирсова (PC, 1889, № 4, стр. 97—102; Д. А. Корсакова, стр. 22, 50—52, 67—68, у А. Н. Овсянникова (PC, 1899, № 6, стр. 685—687).

Произнесенная в 1856 г. Н. Н. Буличем речь над гробом Н. И. Лобачевского вызвала неудовольствие в высших правительственных кругах; против Булича было выдвинуто обвинение в атеизме и политической неблагонадежности по доносу ректора духовной академии Агафангела; это видно из письма Булича, написанного 22 марта 1856 г. из Казани к академику А. В. Никитенку, который в это время состоял цензором Петербургского цензурного комитета. «До меня дошло известие из Петербурга (здесь мы ничего не знаем), — писал Н. Н. Булич, — о странном и необъяснимом обвинении меня в преступлении против цензуры и даже против нравственности!! Узнал я также, что Вы, по вечно памятной для меня доброте Вашей и на этот раз приняли во мне искреннее и живое участие. Позвольте принести Вам сердечную и горячую благодарность за эту постоянную любовь к человеку, глубоко Вам преданному, но удаленному от Вас в глушь и забвение. Вместе с тем осмеливаюсь доставить Вам три экземпляра речи, из-за которой началось дело. В печати не убавлено и не прибавлено ни одной иоты против сказанного и Вы беспристрастно можете видеть и указать другим: есть ли в этих кратких и случайных словах что-нибудь противузаконное, кроме правды по отношению к покойному, уважения к мысли и науке, столь естественного в наше время, и неизбежных реторических фигур, наследственных в школьном образовании. — Может быть Вы будете столько расположены ко мне, что обрадуете меня двумя-тремя успокоительными или объяснительными строчками» (ПД, архив А. В. Никитенка, № 18,440—CXXIб. 6). При этом письме сохранился один экземпляр речи в виде оттиска из «Казанских губернских ведомостей». Никаких упоминаний об этом деле в известном дневнике А. В. Никитенка нет, неизвестен и его ответ на это письмо, и надо думать, что Никитенку удалось рассеять излишнюю подозрительность правительственных сфер, так как произнесение речи о Лобачевском, кроме этого неприятного инцидента, никаких ближайших последствий для Н. Н. Булича на этот раз не имело. Сам Булич впоследствии так писал об этом инциденте в своем автобиографическом письме: «Представьте, что по доносу ректора духовной Академии Агафангела за пустую фразу [1] в ней я был обвинен в атеизме. Мне писали об этом вскоре из Петербурга. Донос доходил до высоких сфер, но как добрым и любящим меня людям удалось обелить меня и оставить донос без последствий, об этом они не хотели мне рассказать» (А. К. Булич. Николай Никитич Булич и современное ему казанское общество, с предисловием Н. К. Пиксанова, «Ученые записки Казанского Государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина», 1930, книга 5, Казань, стр. 924). 7, 21, 22, 27, 39, 42, 44—49, 56, 539, 543, 570—572, 587. 623, 651, 660.

Булыгин, Владимир Яковлевич (р. 1789, ум. 4 июля 1838), профессор российской истории Казанского университета; первоначальное образование получил в Пензенской гимназии; студент Казанского университета с 10 августа 1807 г., курс которого окончил 23 марта 1811 г.; магистр с 23 марта 1811 г.; вместе с А. И. и Н. И. Лобачевскими (М, I, 1, стр. 15, 25 и др.); с июля 1812 г. по июнь 1813 г. и с августа 1814 г. по октябрь

---

[1] «Подвиг мысли дороже нам всех других подвигов, ибо только наука, мысль и знание суть основы благосостояния общественного». — *Л. М.*

1817 г. состоял в должности помощника инспектора студентов; в апреле 1813 г был назначен помощником редактора «Казанских известий», а с февраля 1816 г. по июнь 1819 г. был их цензором; 7 июня избран и 18 июля 1817 г. утвержден в звании адъюнкта исторических наук и с 1818 г. читал лекции по русской географии, а в 1820—1821 гг. занимал кафедру истории, статистики и географии российского государства; кроме того, в 1819—1822 гг. преподавал дипломатику и политическую экономию в Отделении нравственно-политических наук; э. профессор — 25 февраля 1822 г. (утвержден 24 мая 1822), а 4 июля 1823 г. ординарный профессор (утвержден 11 августа) по кафедре российской истории. Во времена попечительства М. Л. Магницкого Булыгин сумел приноровиться к духу времени и пользовался поэтому расположением попечителя. На протяжении дальнейшей службы в университете Булыгин выполнял неоднократно разные административные обязанности (декана, синдика, секретаря и т. п.). См. Агафонов, I, 63; Загоскин, Словарь, I, стр. 47—49; Загоскин, История, II, стр. 49—51; Булич, I, стр. 450 и 519; Венгеров, Источники, I, 376. Характеристику его см. в «Записках Н. И. Мамаева» (ИВ, 1901, № 1, стр. 66, 75—77). 40, 45, 46, 48, 50, 86, 91, 96, 97, 127, 137, 138, 140—142, 155, 162 ,164, 188, 190, 191, 236, 245, 263, 264, 277, 340, 341, 350, 355, 370, 371, 611, 613.

Булыгин, Николай Дмитриевич, генерал-майор, действительный член и член Совета Казанского экономического общества (1841); председатель I Отделения этого общества (1850); в 1842—1845 гг. был Казанским губернским предводителем дворянства (Любимов, стр. 24). 534, 542.

Булыгина, Варвара Андреевна (р. 1766, ум. 21 июня 1834), вдова генерал-майора Дмитрия Александровича Булыгина (р. 1758, ум. 23 марта 1830) и мать Н. Д. Булыгина (см.). О ней и ее муже см. Агафонов, I, 63. — Стр. 307.

Буняковский, Виктор Яковлевич (р. 3 декабря 1804, ум. 30 ноября 1889), знаменитый русский математик, академик, вице-президент Академии Наук; как математик больше всего работал по теории чисел и теории вероятностей. Геометрических идей Лобачевского, однако, не понял и в своем сочинении «Параллельные линии» («Ученые записки имп. Академии Наук», т. II, в. 3), напечатанном в 1853 г., о знаменитых исследованиях Лобачевского вовсе не упоминает. В 1872 г., когда неэвклидова геометрия была признана широкими кругами европейских ученых, он написал о ней специальную статью, в которой резко осудил идеи Лобачевского (см. в книге Б. Г. Кузнецова «Очерки истории русской науки», М. — Л., 1940, стр. 57—59. О самом Буняковском см. ПН, I, 319; РБС; Венгеров, Источники, I, 382—383). 530, 531, 580.

Бутенопы, братья Николай (р. 26 июня 1807, ум. 18 января 1881) и Иоганн (МН, I, стр. 149), родом из Голштинии, приехавшие в Россию в 1832 г. и устроившие в Москве завод для изготовления земледельческих орудий и машин. Этот завод был принят Московским обществом сельского хозяйства под свое покровительство и изготовлял веялки нового устройства и молотилки, распространившиеся впоследствии повсюду в центральных губерниях России. Н. И. Лобачевский в 1837 г. имел дела с этой фирмой через проф. Д. М. Перевощикова (см.), повидимому, желая приобрести для себя какие-то сельскохозяйственные орудия. Завод бр. Бутенопов в 1874 г. был продан фирме Э. Липгарт и $К_о$. 389.

Бутлеров, Александр Михайлович (р. 25 августа 1828, ум. 5 августа 1886), знаменитый русский химик, основатель русской химической школы, профессор химии Казанского университета, академик; был студентом университета с 7 июня 1844 г., курс которого окончил 2 июня 1849 г. кандидатом (М, I, 1, стр. 299, 360 и др.); в университете учился химии у известных ученых К. К. Клауса и Н. Н. Зинина (Загоскин, Словарь, I, 278—286).

Семья Бутлеровых происходила из дворян Казанской губернии. Отец его Михаил Васильевич Бутлеров, поручик, переведен был из 5 егерского полка в л.-гв. Павловский полк; 17 января 1819 г. переведен был в 30 егерский полк майором (П. Воронов и В. Бутовский, История л.-гв. Павловского полка, СПб., 1875, прил. стр. 36, № 343) и женился на Софии Михайловне Стрелковой (мать А. М.). Сам А. М. Бутлеров женился

на Надежде Михайловне Глумилиной, происходившей из дворян Уфимской губернии и находившейся в родстве с С. Т. Аксаковым; сестра ее Юлия Михайловна была замужем за известным в то время спиритом Юмом (см. в статье Н. Я. Агафонова «Академик А. М. Бутлеров», в его книге «Из Казанской истории», Казань, 1906, стр. 58—64). Н. М. Бутлерова напечатала 8 заметок-переводов из иностранных журналов в ЗКЭО, год 2, ч. 3, кн. 3, ноябрь 1855, отд. IV, стр. 58 и др.; биографические сведения и список трудов Бутлерова см. в РБС; Венгеров, Источники, I, стр. 399—401. Д. Д. Языков, VI, стр. 29—32 и книгу «А. М. Бутлеров. 1828—1928» («Очерки по истории знаний», V), Л., 1929. См. также книгу М. А. Блоха «Хронология важнейших событий в области химии и смежных дисциплин и библиография по истории химии», М. — Л., 1940, стр. 406. Об отношении Н. И. Лобачевского к Бутлерову, см. К, I, стр. 90—91, 110, прим. 248; К, II, стр. 50 и в статье «Лобачевский и Бутлеров» в «Красной Татарии», 22 апреля 1929 г., № 93, стр. 4. Характеристику Бутлерова как человека и профессора см.: П. Д. Боборыкин, стр. 60, 74, 75 (и о Н. М. Бутлеровой); А. С. Гациский, Страничка из жизни пятидесятых годов, «Казанский литературный сборник 1878», Казань, 1878, стр. 169, 172; В. А. Лебедев, Учебные воспоминания (РС, 1908, № 9, стр. 598—600); В. Наварьев, Жизнь и люди былого времени (ИВ, 1890, № 11, стр. 424—428); А. М. Полиновский, Из прошлого (ВВ, 23 мая 1891, № 118, стр. 3). 27, 510—511, 532, 602, 631—632.

Бутурлин, генерал-майор, член Общего присутствия Провиантского департамента (1845). 504.

Бэкон, Френсис (р. 22 января 1561, ум. 9 апреля 1626), английский философ. 323.

Бюрман. 216.

Бюрне (Бюрнет), Томас (р. 1635, ум. 1715), английский теолог и философ. 229.

Бюрно, Николай Иванович (р. 13 апреля 1834), студент Казанского университета с 24 августа 1851 г. по 4 июня 1855 г., курс которого окончил с золотой медалью, со степенью кандидата; и. д. астронома-наблюдателя университета с 12 января 1856 г. до 6 сентября 1858 г., когда перешел на службу чиновником в Провиантский департамент (М, I, 1, стр. 387; I, 2, стр. 433, 441, 453 и 466), сын адъюнкта французского языка Ивана Ивановича Бюрно (р. 1798, ум. до 1852), преподававшего французский язык в Казанском университете с 7 мая 1824 г. по 31 августа 1839 г. (Загоскин, Словарь, I, 50; «Записки Н. И. Мамаева» в ИВ, 1901, № 1, стр. 70; П. И. Мельников-Печерский в ИВ, 1884, № 9, стр. 508). И. И. Бюрно женат был на Анне Алексеевне Булгаковой (р. 1812, вдова в 1852 г.), от которой имел, кроме сына Николая, второго сына Петра Ивановича (р. 1 апреля 1841) и дочь Любовь Ивановну (р. 30 октября 1831). Семья И. И. Бюрно в 1846 г. была внесена в III часть Дворянской родословной книги Казанской губернии (КРК, ч. III; Сиверс, стр. 132). Брат И. И. Бюрно — Карл Иванович, военный инженер, был другом Т. Г. Шевченка и упоминается в его дневнике (см. Т. Г. Шевченко, Дневник, под ред. С. П. Шестерикова, М. — Л., 1931, стр. 115, 278 и 332, где о нем биографические сведения). 607.

Бюффон, Жорж-Луи-Леклер, граф (р. 7 сентября 1707, ум. 16 апреля 1788), французский ученый-натуралист. 620.

Вагнер, Михаил Петрович (р. 2 апреля 1834), сын профессора П. И. Вагнера (см.); товарищ Н. Н. Лобачевского по Казанскому университету; студент с 10 августа 1851 по 27 января 1853, когда был уволен по прошению в военную службу, не кончив курса (М, I, 1, стр. 387); с 1854 г. служил в Ахтырском гусарском полку (МН, I, стр. 171, надгробие без дат; КРК, ч. III). 597.

Вагнер, Николай Петрович (р. 19 июля 1829, ум. 21 марта 1907), профессор по кафедре зоологии Казанского университета (ПН, I, 361; Загоскин, Словарь, I, стр. 286—289); известный писатель, автор сказок «Кота-Мурлыки»; воспитывался в Казанском университете с 2 июня 1845, который окончил кандидатом с золотой медалью 2 июня 1849 г.;

с 19 сентября того же года — учитель Нижегородского дворянского института (М, I, 1, стр. 313 и 360); с 11 марта по 28 июня 1851 г. — магистр Казанского университета, а с 3 декабря 1852 г. — адъюнкт-профессор того же университета, с 1871 г.— профессор зоологии Петербургского университета (там же, стр. 383 и 393; Венгеров, Источники, I, 469—471; БС, I, стр. 113—118). Характеристику его см. у В. А. Лебедева, Учебные воспоминания (РС, 1908, № 9, стр. 589, 598). Женат был на Екатерине Александровне Худяковой. 8, 16, 19, 22, 597, 600, 633—651.

Вагнер, Ольга Андреевна (ум. 5 июля 1885), р. Грубер (МН, I, 171), сестра проф. Казанского университета Э. А. Грубера, жена проф. П. С. Кондырева (см.), а во втором браке — проф. того же университета П. И. Вагнера, мать проф. Н. П. Вагнера (см.); ее дочь Евгения Петровна Вагнер вышла замуж за профессора М. Я. Киттары (см.), а дочь Юлия Петровна Вагнер была женою известного историка профессора Степана Васильевича Ешевского. 633, 634, 636, 637, 664.

Вагнер, Петр Иванович (р. 1799, ум. 3 августа 1876), заслуженный профессор Казанского университета по кафедре минералогии и геогнозии; занимался устройством минералогического кабинета Казанского университета и с этой целью в 1841 г. ездил в Москву, Петербург, Дерпт и Вильно; с 1853 по 1861 гг. ездил в экспедиции с геологическими целями (МН, I, 171; Загоскин, Словарь, I, 289—291; К, I; стр. 65; Венгеров, Источники, I, 471; КРК, ч. III, лл. 75—76). Характеристику его см. у Д. А. Корсакова, стр. 63 и у Э. П. Янишевского, стр. 32—33. — Стр. 415, 418, 420, 433, 510, 640, 642, 648, 649.

Варинька, см. — Лобачевская, В. А.

Васильев, Василий Павлович (р. 22 февраля 1818, ум. 27 апреля 1900); известный синолог, профессор китайского и маньчжурского языков в Казанском университете, академик; воспитывался в Казанском университете (с 1 сентября 1834) одновременно с писателем П. И. Мельниковым-Печерским; окончил курс 16 июня 1837 г. кандидатом с серебряной медалью (М, I, 1, стр. 186); почетный член Казанского университета (Загоскин, Словарь, I, 222—225). См. автобиографию Васильева, в которой он упоминает и Лобачевского как ректора во времена своего студенчества (Венгеров, IV, стр. 148—155); см. также: Венгеров, Источники, I, стр. 498; «Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии Наук», ч. I, Пг., 1915, стр. 139—143; БС, I, 125—129; И. И. Михайлов, «Казанская старина», РС, 1899, № 11, стр. 417.— Стр. 611.

Васильев, Демосфен Васильевич, гвардии ротмистр, муж (с 1834) С. Г. Осокиной (см.), домовладелец в г. Ярославле. 523.

Васильев, Иван Васильевич, диакон, причетник Казанской Крестовоздвиженской церкви при Казанском университете с 1 марта 1822 г. по 5 ноября 1839 г. (М, I, 1, стр. 221). 372, 382, 383,

Васильев, Петр Михайлович (р. 16 января 1785. ум. 9 июня 1866), образование получил в Витебской гимназии; с 1795 г. служил в Витебской Межевой конторе, переселился в Казань и с 27 ноября 1812 г. определился учителем русской, французской и немецкой каллиграфии в Казанскую гимназию, с 1818 г. и. д. учителя артиллерии и фортификации. 7 декабря 1819 определен преподавателем фортификации, артиллерии и гражданской архитектуры в Казанский университет, а 13 ноября 1820 г. был утвержден адъюнктом прикладной математики. Был уволен из Университета 1 августа 1837 и назначен директором училищ Пермской губернии, где служил до 1843 г. (Загоскин, Словарь, I, 295; Агафонов, I, 64). Был архитектором Казанского университета с 31 августа 1810 г. по 1 октября 1816 г. и с 1 декабря 1817 г. по 1 ноября 1818 г., а затем членом Строительного комитета с 30 сентября 1819 г. по 31 августа 1826 г. (М, I, 1 стр 221; Кондаков, стр. 303; Владимиров, ч. 2, отд. 2, стр. 55; там же характеристика его в воспоминаниях бывшего ученика А. Е. Лазарева (стр. 185—186); некролог его в КГВ, 1866, № 28; Венгеров, Источники, I, 503). Будучи инспектором гимназии (с 1827 г.), Васильев 10 марта 1829 г. был командирован в Петербург для осмотра всех лучших столичных учи-

лиц с целью» вникнуть в разные способы преподавания, а потом всё полезное ввести в училищах Казанского учебного округа». Возвратился в Казань через шесть месяцев и представил отчет о своей поездке (Владимиров, стр. 168). 109, 116, 118, 126, 155, 159, 169, 171, 192, 222, 223, 225, 266, 269.

Васильева, София Гавриловна (р. 22 июля 1810), дочь Г. И. Осокина (см.), племянница В. А. Лобачевской; жена (с 1834) Д. В. Васильева (см.); в 1845 г. жила в г. Ярославле. 523.

Ватто, Жан-Антуан (р. 1684, ум. 1721), французский живописец. 232.

Ваценко, Иван Зиновьевич (р. 1785, ум. 12 июня 1846), сенатор с 1 января 1833 г. (Мурзанов, стр. 11). 356.

Веймарн, Александр Федорович (р. 1784, ум. 12 апреля 1882), сенатор с 1 января 1845 (Мурзанов, стр. 11). 392.

Вейнер, Карл Эммануилович (ум. 20 сентября 1830), с 27 декабря 1826 г. по день смерти был фактором типографии Казанского университета (М, I, 1, стр. 219). С 20 июля по 1 декабря 1829 г. находился в Петербурге и на время его отсутствия его заменял в должности фактора Иван Михайлович Попов (см.). 270.

Великопольская, Любовь Ермолаевна, см. — Растовская.

Великопольская, Надежда Ермолаевна, см. — Колбецкая.

Великопольская, Надежда Ивановна, дочь И. Е. Великопольского, см. — Чаплина.

Великопольская, Надежда Сергеевна, р. княжна Болховская, жена Е. И. Великопольского, см. — Моисеева.

Великопольская, Прасковья Ермолаевна, см. — Осокина.

Великопольская, София Матвеевна (р. 23 августа 1815, ум. 7 апреля 1897; РПН, 142), дочь известного Московского врача профессора М. Я. Мудрова (см.) и его жены С. Х. Мудровой, р. Чеботаревой (см.); жена (с 13 ноября 1831) И. Е. Великопольского (см.), который имел от нее дочерей: Надежду Ивановну, по мужу Чаплину (см.) и Марию Ивановну (р. 18 сентября 1843). 301—307, 328—331, 379, 401, 402, 407, 409, 443, 489.

Великопольская, Фавста Ермолаевна, см. — Нератова.

Великопольский, Ермолай Иванович (р. 26 июля 1748, ум. 4 августа 1802), генерал-майор;[1] начал службу в 1760 г.; с 14 июля 1788 г.— полковник Пермского пехотного полка («Список воинскому департаменту... на 1792 год», СПб., стр. 113; Агафонов, I, 64; Агафонов, Записи, № 217, стр. 456). Был женат на княжне Надежде Сергеевне Болховской (р. 3 июня 1770, ум. 9 апреля 1823), вышедшей в 1805—1806 г. после смерти мужа за Алексея Федоровича Моисеева (см.). Сведения о роде Великопольских находятся в «Общем гербовнике», часть III, № 46, откуда перепечатаны в книге гр. А. Бобринского, «Дворянские роды, внесенные в общий гербовник всероссийской империи», ч. I, СПб., 1890, стр. 644; см. также в книге кн. П. В. Долгорукова, «Российская родословная книга», ч. IV, СПб., 1857, стр. 325. Род внесен в VI часть родословной книги Тверской губ. (Старицкий уезд) по определению, состоявшемуся 17 августа 1844 г. (Чернявский, л. 28 об., № 166; здесь дана родословная); в «Приложениях» к этой книге сказано: «№ 166. Великопольские. Герб. в 3 част., 1 отд. на 46 стр. „Фамилия Великопольских начало свое восприяла, как в представленной выписи из Польского гербовника показано, от выехавшего в Россию из Польши предка Великопольского, коего потомки многие Российскому престолу служили разныя дворянския службы и жалованы в 1595 и других годах поместьями". Род этот внесен в 6 часть родословной книги Казанской губ.» (л. 25); Л. М. Савелов, Родословные Записи, вып. 2, М., 1908, стр. 38—39. — Стр. 302, 378, 407, 677, 680, 681.

---

[1] Об его отце Иване Андреевиче Великопольском (р. 1694, ум. между 1755—1768 гг.) см. С. А. Панчулидзев, «Сборник биографий кавалергардов», т. I, 1724—1762, СПб., 1901, стр. 163—165.

Великопольский, Иван Ермолаевич (р. 27 декабря 1798, ум. 9 февраля 1868),[1] поэт, приятель А. С. Пушкина, помещик Казанской губернии, сын генерал-майора Е.И. Великопольского (см.), единоутробный брат В. А. Лобачевской (см.); образование получил в Казанском университете с 7 февраля 1812 по 19 октября 1814, который окончил с аттестатом на чин 14 класса (М, I, 1, стр. 30) Здесь, очевидно, и познакомился с Н. И. Лобачевским, дружеская связь с которым прервалась на многие годы, так как Великопольский уехал в Петербург и здесь в 1815 г. поступил в л.-гв. Семеновский полк. Вынужденный в 1820 г. покинуть Петербург и перейти в Староингерманландский пехотный полк, стоявший в г. Пскове и его окрестностях, Великопольский до своей отставки в 1828 г. побывал в Казани только один раз, в 1823 г. Следом его отношений с Лобачевским являются 2 стихотворения Великопольского, ему посвященные. После 1828 г. Великопольский мало бывал в Казани, проживая то в родовом своем имении — селе Чукавине, Старицкого уезда Тверской губ., то в Москве, то в Петербурге. В конце 1831 г. он привозил в Казань свою молодую жену (с 13 ноября 1831г.) Софию Матвеевну р. Мудрову (см.) и знакомил ее со своей многочисленной роднею, к которой уже тогда как бы причислялся Н. И. Лобачевский, бывший женихом сестры Великопольского В. А. Моисеевой (см.). В 1833 г. Великопольских посетила в Москве А. А. Фукс, которая описала свое посещение и обед у Великопольских в письме к мужу К. Ф. Фуксу (см. в статье Е. А. Боброва, «А. А. Фукс и казанские литераторы 30—40-х годов» в РС, 1904, № 6, стр. 509). С течением времени отношения между Великопольским и Лобачевским сделались несколько натянутыми, вследствие того, что Великопольский проиграл в карты занятые у В. А. Лобачевской деньги. Это обстоятельство расстроило денежные дела Лобачевских, и они вынуждены были заложить свое имение «Беловежскую Слободку». Оживленная с 30-х годов переписка Великопольского с Лобачевским к 40-м годам становится реже, а затем и вовсе прекращается, очевидно со стороны Н. И. Лобачевского. Жена его до конца сохранила с братом дружеские отношения, что видно из дошедших до нас писем ее к брату, относящихся к 60-м годам (хранятся в Геометрическом кабинете Казанского университета). Имя Великопольского известно теперь главным образом по приятельским отношениям его к А.С. Пушкину, но в 20—50-х годах Великопольский пользовался известностью в писательских кружках Петербурга и Москвы как поэт, театрал и драматург. Помимо Пушкина он был знаком и находился в литературных отношениях со многими крупными писателями: Н. В. Гоголем, В. Г. Белинским, семьей Аксаковых, Е. А. Баратынским и многими другими.

Наиболее полная биография И. Е. Великопольского, с приложением его портрета в старости, написана Б. Л. Модзалевским и опубликована им в сборнике «Памяти Л. Н. Майкова», СПб., 1902, стр. 335—445. Ценным дополнением к ней является статья П. И. Зиссермана «Пушкин и Великопольский», написанная на основании оставленных Б. Л. Модзалевским в стороне некоторых материалов архива Великопольского (ПС, вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 257—280). Некоторые материалы архива Великопольского опубликованы Б. Л. Модзалевским в его работе «Из архива И. Е. Великопольского» (РС, 1901, №№ 6, 7, и 8). См. также его же статьи: «Гоголь и И. Е. Великопольский (По поводу двух неизданных писем С. Т. Аксакова)», («Литературный Вестник», 1902, № 1, стр. 12—15) и «Два письма И. С. Аксакова к И. Е. Великопольскому» (РА, 1902, № 4, стр. 571—573).

Приложенный нами и публикуемый впервые неизвестный до сих пор портрет И. Е. Великопольского в военной форме Староингерманландского пехотного полка и датируемый 1823 г. любезно предоставлен для настоящего издания В. В. Егеревым. Оригинал портрета принадлежал В. В. Егереву (Казань), у которого хранится альбом В. И. Панаева, но выделенный из альбома портрет этот пропал. Под пор-

---

[1] По сведениям Чернявского, № 166, Великопольский родился 2 января 1798 г., а по сведениям некрополя (РПН, I, 142) — 27 января 1797 г.

третом, который, возможно, является автопортретом (ибо сверху есть карандашом надпись неизвестной рукой: «Великопольский собств. портрет»), находятся следующие стихи Великопольского, писанные его рукою и обращенные к В. И. Панаеву:

Я не хочу, в ряду с альбомными певцами,
Витиеватыми скучать тебе хвалами,
Стремяся ослеплять честолюбивый взор,
Они таланту яд, поэзии укор —
Их любит слабый лишь, муж мудрый презирает.
Пускай же лесть моих стихов не оскверняет!
Да чувств радушием и нрава чистотой
Питомца Геснера я сделаюсь достоин —
И нежить слух любя лир звучною игрой,
Всегда в словах моих останусь прям, как воин,
Но что же помещу на память в твой альбом?
Что на меня тебе со временем покажет?
Жрец недостойный муз, я с славой не знаком
И миру позднему ничто о мне не скажет.
Прими же в памятник сии мои черты.
Мы все, в чаду носясь обманчивой мечты,
Заключены в предел пожизненного круга.
Под прахом времени меня забудет свет, —
Тогда, в досужный час взглянув на мой портрет,
Со вздохом, может быть, промолвишь ты про друга:
Он был не лжив душой — хотя и был поэт.

1823-го г. Дек. 27 ч. Казань
И. В....й

Как видно по дате, эти стихи записаны в альбом В. И. Панаева через 2 дня после других стихов, посвященных «Н. И. Лобачевскому, приславшему мне при стихах в подарок альбом» (см. выше стр. 165—166). Из этого посвящения видно, что Н. И. Лобачевский в молодые годы сам занимался версификацией. Но его стихотворные опыты до нас не дошли. В альбоме В. И. Панаева сохраняется письмо к нему И. Е. Великопольского от 10 июня 1851 г., в котором есть такие строки: «Помню, что и у Вас в альбоме есть мой портрет и еще со стихами, лет 20 тому назад написанными. Хотел перечитать, но не отыскал. Воображаю, как похож теперь на меня портрет и что за стихи» (подлинник у В. В. Егерева в Казани). 9, 17, 163—168, 244, 285, 301—307, 328—331, 369, 378—379, 383, 400—402, 406—409, 442—443, 488—489, 528—529, 598, 680—684.

Велланский, Даниил Михайлович (р. 11 декабря 1774, ум. 15 марта 1847), русский философ-шеллингианец, физиолог, физик и натуралист, профессор анатомии и физиологии Медико-хирургической академии. В 1831 г. Велланский выпустил свой труд, представлявший результат его многолетних изысканий, под заглавием «Опытная, наблюдательная и умозрительная физика, излагающая природу в вещественных видах, деятельных силах и зиждущих началах неорганического мира, составляющая первую половину энциклопедии физических познаний», СПб., 1831, 900 страниц. Это сочинение проникнуто основной философской идеей о познании мироздания как целого, единого процесса, в котором отдельные явления рассматриваются как части мироздания. Велланский настолько волновался за успех пропаганды своих идей, что напечатал даже публикацию, обязуясь уплатить 1000 рублей тому, кто опровергнет хотя бы одно из положений его физики. Н. И. Лобачевский был хорошо осведомлен о работах Велланского; приводим заметку из «Прибавлений к Казанскому Вестнику» (5 марта 1830, № 10, стр. 78), которую Лобачевский

непременно должен был читать, как возглавлявший Издательский комитет университета. Она написана явно в ироническом плане и, очевидно, соответствовала тому отношению к Велланскому как ученому, которое установилось тогда в ученых кругах Казанского университета. «*Санкт-Петербург*. В Медико-хирургической академии общую физиологию преподает г. пр. Велланский. В конце прошедшего года читал он о двух остальных принадлежностях животной системы, т. е. о мышцах и нервах. Посетители его лекций слышали, что сердце — начальной образец мышц, а позвонок — костей; нервы — *организированный эфир в качестве напряженного его состояния или света*. Нервы в органическом микрокосме составляют *центральное солнце*, а кость — *периферическую планету*. Нервная масса двояка: центральная в костях, периферическая во внутренностях и коже. Подобно всему миру, животный организм устроен из 6 анатомических систем, из которых каждая с нервною составляет орган чувства: следовательно, всех чувств в человеке *шесть*. Наконец г. Велланский, изложив систему животного царства, заметил, что каждый класс образовался *в значении* какого-либо органа или системы, например: рыбы в значении костей; черви — кишек; насекомые — легких; раковины — ... и т. д.» О Велланском см. ПН, I, 404; Венгеров, Источники, I, 529; Венгеров, V, стр. 215—221 а также в новейшем исследовании Х. С. Коштоянца «Очерки по истории физиологии в России», М. — Л., 1946, стр. 45—63 и др. по указателю. О Велланском, его методе лечения при помощи магнетизма, о его трудах в этой области, а также о модной в 30-х гг. теме — магнетизме, в частности в Казани, см. у Е. А. Боброва, Пушкин в Казани (ПС, III, стр. 48—50). 297.

Вельяминова-Зернова, Анисья Федоровна, см. — Кологривова.

Веригин, Николай Викторович (р. 1796, ум. 6 марта 1872), образование получил в Казанской гимназии с 1805 г. по 1813 г., а затем в Казанском университете, где был студентом с 27 августа 1813 г. по 22 декабря 1815 г.; получив аттестат, он оставил университет и поступил на военную службу (М, I, 1, стр. 39), описанную в его интересных «Записках», опубликованных в РС в 1892—1893 гг. (1892, № 10, стр. 45—80; № 11, стр. 294—314; 1893, № 2, стр. 405—447; № 3, стр. 579—615; № 4, стр. 107—146; № 7, стр. 150—174). В них он описывает и время пребывания своего в гимназии, но Казанскому университету в них отведено мало места; Его брат Егор Викторович Веригин также был студентом этого университета с 10 июля 1816 г. по 13 сентября 1818 г., курс которого окончил с званием действительного студента (М, I, 1, стр. 59). 76—77.

Верме, наставник практической школы земледелия в Гофвиле. 480.

Веселаго, Федор Федорович, управляющий Казанским учебным округом с 23 мая по 12 ноября 1857 г. — Стр. 589.

Веселовский, Михаил Павлович (р. 7 октября 1828, ум. 12 июня 1893), сын Павла Алексеевича Веселовского, бывшего в конце 40-х гг. судьей Нижегородского совестного суда (Адрес-календарь, 1846, ч. II, стр. 115), сенатор, политико-эконом.; был студентом Казанского университета с 22 августа 1844 г., курс которого окончил 2 июня 1848 г. кандидатом по разряду общей словесности философского факультета; оставался в университете до 17 августа 1848 г. (М, I, 1, стр. 299 и 349); одновременно с ним в университете студентами были: И. И. Михайлов (см.), графы Н.Н. и Л.Н. Толстые, А. М. Бутлеров (см.) и др.; М. П. Веселовский участвовал в сборнике «Братчина» (СПб., 1859, ч. I), под ред. П. И. Мельникова-Печерского, где напечатал отрывок из путевых заметок «Неаполь» (стр. 129—206). Биографические сведения о нем и список печатных работ опубликованы в некрологе в ИВ, 1893, № 8, стр. 556—557, а затем у Д. Д. Языкова, вып. XIII, стр. 42—43; ПН, I, 422; Венгеров, Источники, I, 563. Воспоминания его, хранящиеся в архиве «Русской Старины» в Институте литературы (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР представляют большой интерес, но еще не опубликованы. 22, 630—631.

Виельгорский, Михаил Юрьевич, граф (р. 31 октября 1788, ум. 28 августа 1856), деятель музыкальной культуры, композитор-диллетант, организатор концертов, друг

Гоголя, Пушкина, Жуковского, Вяземского, Лермонтова и многих других писателей, музыкантов и художников. 390.

Виноградов, письмоводитель Казанской гимназии и Совета университета (1812). 53, 54, 56.

Виноградов, и. д. столоначальника Казанской консистории (1856). 583.

Виноградов, Николай Игнатьевич, студент Казанского университета с 28 августа 1847.; исключен был 11 января 1851 (М, I, 1, стр. 340). 655, 656.

Винтер, Гельмут Богданович (ум. от холеры 9 октября 1847), профессор политической экономии и дипломатики в Казанском университете с 8 января 1834 г. (утвержден 27 января); доктор прав. С 16 июня 1834 по 12 августа 1835 и с 17 ноября 1845 по день смерти был деканом нравственно-политического отделения, затем юридического факультета (М, I, 1, стр. 208 и 1, 2, стр. 577); освобожден от преподавания политической экономии и статистики в июне 1838 г., с назначением на эту кафедру И. Я. Горлова (Загоскин, Словарь, II, 13). Его характеристику см.: В. А. Лебедев, Учебные воспоминания (PC, 1908, № 10, стр. 261); И. И. Михайлов, Казанская старина (там же, 1899, № 10, стр. 103); В. Назарьев, Жизнь и люди былого времени (ИВ, 1890, № 12, стр. 711—713); Э. П. Янишевский, стр. 39—43, 89. — Стр, 417, 418, 420, 519, 614.

Вишневский, Викентий (Винцент-Карл) Карлович (р. 1781, ум. 1 июня 1855), астроном, профессор Петербургского университета, академик; с 1806 по 1815 гг. путешествовал по России для определения географических координат населенных пунктов и проездом был в Казани (ПН, I, 454; Загоскин, История, I, стр. 304, 306—307; Венгеров, Источники, I, 594). 47.

Вишневский, Виктор Петрович (р. 1804, ум. 30 декабря 1885), кафедральный протоиерей Казанской богоявленской церкви (Агафонов, I, стр. 65). 583.

Вишневский, Гавриил Федорович, инспектор студентов Казанского университета с 7 января 1823 г. по 3 августа 1826 г.; с 27 февраля по 30 сентября 1825 г. и. д. директора университета; с 28 мая 1823 г. по 23 августа того же года состоял директором Педагогического института при Казанском университете (М, I, 1, стр. 210, 214, 218), член Строительного комитета того же университета (Загоскин. История, т. IV, стр. 325 и др. Е. Н. Щепкина. Помещичье хозяйство декабристов, «Былое», 1925, № 3 (31), стр. 16—18). Женат был на Софии Михайловне Еропкиной, содержавшей в Казани пансион, имел сына Федора Гавриловича Вишневского (ум. 1863), лейтенанта гвардейского экипажа, за прикосновенность к декабристам (был членом Северного общества) осужденного по XI разряду и приговоренного к лишению чинов, «с написанием в солдаты, с выслугой»; в 1832 — мичмана, по выходе в отставку служившего в статской службе («Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Л., 1925, стр. 295). Его родственница — Прасковья Гавриловна Вишневская (ум. 24 мая 1833) была замужем за инженером путей сообщения, генерал-майором Владимиром Николаевичем Лермонтовым (р. 1 июля 1796, ум. 10 июня 1872), ветераном Отечественной войны 1812 г., дальним родственником поэта М. Ю. Лермонтова (ПС, в. XVII—XVIII, стр. 201; «Знакомые. Альбом М. И. Семевского», СПб, 1888, стр. 105). 188—189.

Владимир, архиепископ Казанский и Свияжский, в мире Василий Кононович Ужинский (р. 22 марта 1777, ум. 16 декабря 1855); переведен был в Казань из архиепископов Черниговских 19 сентября 1836 г. и управлял Казанской епархией (Чернов, отд. X, стр. 92; Венгеров, Источники, I, 598). 390, 524.

Владимирский, Александр Павлович (р. 1778, ум. 28 сентября 1846), профессор повивальн го искусства в Казанском университете; был первым по времени директором этого университета с 5 сентября 1819 по 28 октября 1822 (М, I, 1, стр. 210), креатура М. Л. Магницкого, а в должности директора «его правая рука в деле пресловутого „обновления“ университета и фактический проводник обскурантных начинаний попечителя» (Загоскин, Словарь, II, 154—155; Загоскин, История, II, стр. 15—16),

за что 28 февраля 1821 г. был избран даже почетным членом университета. После размолвки с Магницким впал у последнего в немилость и вскоре «по расстроенному здоровью» был уволен из университета (там же). См. о нем: Венгеров, Источники, I, 602 и в воспоминаниях В. И. Панаева (РС, 1893, № 5, стр. 323—344). 123, 124, 127, 128, 143, 145, 146, 153, 258, 263.

Владимирский, Александр Поликарпович (р. 1821, ум. после 1895), протоиерей, профессор богословия, логики и психологии в Казанском университете с 3 сентября 1850 г., а с 16 января 1851 г. — священник и настоятель Крестовоздвиженской церкви Казанского университета, производивший отпевание Н. И. Лобачевского 14 февраля 1856 г. 10 октября 1871 г. А. П. Владимирский оставил службу в университете, после того как 30 июля этого года был назначен ректором Казанской духовной академии; с 28 сентября 1871 г. — почетный член Казанского университета (Загоскин, Словарь, I, 1—2 и 60; М, I, 2, стр. 590; Венгеров, Источники, I, 602). Характеристику его см.: В. А. Лебедев, Учебные воспоминания (РС, 1908, № 8, стр. 245; № 9, стр. 583—584). 569.

Владимирский, Дмитрий Иванович, студент Казанского университета с 20 сентября 1847 г. по 4 марта 1853 г., окончил с званием лекаря; 28 мая 1853 г. назначен лекарем Отдельного Оренбургского корпуса (М, I, 1, стр. 340, 395). На его руках 23 января 1852 г. умер от туберкулеза сын Н. И. Лобачевского студент А. Н. Лобачевский. 605.

Власов, ревизор Казанского университета, своими бессмысленными придирками доставлявший много неприятностей Н. И. Лобачевскому как ректору университета. 251, 252, 258, 261, 266, 268.

Воецкая [Надежда Александровна (р. 1812, ум. 20 мая 1871), казанская дворянка (Агафонов, I, стр. 65)]. 384.

Вольта, Алессандро (р. 18 февраля 1745, ум. 5 марта 1827), итальянский физик. 102, 138, 218, 315.

Вольтер, Франсуа Мари Аруэ (р. 1694, ум. 30 мая 1778), французский философ. и писатель — виднейший французский просветитель XVIII в. 8, 82.

Ворожцов, Николай Федорович (р. 1814, ум. в 1900-х гг. в Томске), лекарь; окончил курс Вятского уездного училища и четырехклассную гимназию; с 4 сентября 1831 г. по 27 июня 1836 г. —слушатель Казанского университета, курс которого окончил со званием лекаря I отделения и серебряной медалью и 28 августа 1836 г. назначен был батальонным лекарем Тульского егерского полка (М, I, 1, стр. 160 и 200). В «Отчете по имп. Казанскому университету за 1834 год» среди «отличившихся хорошим поведением» показан: «Николай Ворожцов, купеческий сын, обучается в Отделении врачебных наук на казенном содержании. Успевает в науках хорошо и доказывает чрезвычайное прилежание» (стр. 65). Женат был (с 17 апреля 1854) Ворожцов на Надежде Николаевне, от которой имел трех детей: Николая (р. 26 января 1855), Павла (р. 20 октября 1856) и Надежду (р. 25 июня 1859); см. Савелов, стр. 290 и КРК, ч. III, л. 80. С его слов П. А. Пономарев записал некоторые рассказы о Н. И. Лобачевском. 667—670.

Воронцов-Дашков, Иван Илларионович, граф (р. 2 июня 1790, ум. 26 июня 1854), член Государственного Совета, обер-церемониймейстер. 348.

Воскресенский, Иоанн, протопоп, приводил в 1814 г. к присяге Н. И. Лобачевского на звание адъюнкта. 61.

Врангель, Егор (Георг-Густав) Васильевич, барон (р. 9 октября 1784, ум. 15 июня 1841), профессор Казанского университета по кафедре российского правоведения; в университет был определен адъюнктом правоведения 16 декабря 1809 г.; с 23 марта 1811 г. — э. профессор и с 27 марта 1815 г. — о. профессор, а 2 июня 1819 г. избран деканом нравственно-политического отделения. В 1810—1819 гг. состоял секретарем Совета и в 1814—1817 гг. был синдиком университета. Был уволен из университета 5 августа 1819 г. при массовом увольнении профессоров М. Л. Магницким; на его увольнение повлияла его близость к проф. И. Ф. Яковкину (см.), на дочери которого, Прасковье Ильиничне, он был женат с 15 октября 1811 г (РС, 1888, № 10, стр. 112). Впоследствии был

профессором Царскосельского лицея, Главного педагогического института и Петербургского университета (ПН, I, 497; Загоскин, Словарь, II, 15—17; Загоскин, История, I, стр. 254—256); характеристика Врангеля как профессора лицея дана академиком К. С. Веселовским в его воспоминаниях (РС, 1900, № 10, стр. 14). Некролог его напечатан в «Месяцослове на 1843 год», стр. 175. См. также «Сборник старинных бумаг П. И. Щукина», ч. VIII, стр. 342; Венгеров, Источники, I, 655. — Стр. 54, 56, 66, 86, 91—93, 663.

Врангель, Фердинанд Петрович, барон (р. 29 декабря 1796, ум. 25 мая 1870), вице-адмирал, известный кругосветный мореплаватель, в честь которого названа Земля Врангеля в Северном Ледовитом океане. Первое кругосветное плавание на Камчатку он совершил на шлюпе «Камчатка» в 1817—1819 гг. под командою капитана 2 ранга В. М. Головнина, автора известных «Записок флота капитана Головнина» (см. издание СПб., 1894, в 3 частях). Вторично, командуя шлюпом «Кроткий», совершил в 1825—1827 гг. кругосветное плавание также на Камчатку, за что 29 декабря 1827 г. был избран членом-корреспондентом Академии Наук по разряду географии и навигации (затем, в 1855 г. — почетный член Академии Наук). Будучи произведен в капитаны 1 ранга (12 марта 1829) с назначением главным правителем Российско-Американских владений с местопребыванием на о. Ситхе, проезжал к месту назначения через Казань, где и состоялась его встреча и знакомство с Н. И. Лобачевским. Описание своих путешествий, совершенных в 1820—1824 гг., издал в 1841 г. На о. Ситхе Врангель пробыл 5 лет и затем предпринял обратное путешествие в Петербург. В 1837 г. он издал «Очерки пути из Ситхи в С.-Петербург» (о нем см. ОМС, ч. VI, стр. 568—571; некролог в РА, 1872, столб. 1990—1991; Венгеров, Источники, стр. 655—656). Точная дата посещения Врангелем Казанского университета не установлена. 267—268.

Всеволодский, управляющий экспедициею ордена св. Анны, церемониймейстер (1836). 378.

Второв, Иван Алексеевич (р. 1 июня 1772, ум. 14 февраля 1844), один из просвещенных казанских деятелей, отец Н. И. Второва (см.). Его жизнь подробно освещена на основании веденного им дневника, М. Ф. де Пуле в его работе «Отец и сын», опубликованной в «Русском Вестнике», 1875, т. 116, 117, 118 и 119; «Некрология И. А. Второва» напечатана в «Прибавлениях к Казанским губернским ведомостям», 28 февраля 1844, № 9, столб. 129—135; ср. Агафонов I, стр. 66; Агафонов II, стр. 106; Венгеров, Источники, I, 659. — Стр. 22, 384, 663.

Второв, Николай Иванович (р. 9 сентября 1818, ум. 1 декабря 1865), сын И. А. Второва (см.), один из выдающихся деятелей Казанского и Воронежского края. Образование получил в Казанском университете с 23 июня 1834 г., где был товарищем П. И. Мельникова-Печерского (см.), который говорит, что «в университете Второв был общим любимцем всех своих товарищей; нежную, горячую, юношескую дружбу к ним он всецело сохранил до последнего часа и умер, окруженный ими»; курс окончил 16 июня 1837 г. со званием действительного студента и выбыл 17 сентября того же года (М, I, 1, стр. 186 и 228). С 1 декабря 1838 г. и. д. пом. библиотекаря Казанского университета (утвержден 26 января 1839) до 15 ноября 1843 г. (М, I, 2, стр. 586). По отзыву Мельникова, «он энергически принялся за дело, и обширная библиотека приведением в порядок и надлежащим устройством не мало ему обязана»; затем Второв перешел в губурнскую службу по ведомству министерства внутренних дел и принял на себя редактирование неофициальной части «Казанских губернских ведомостей»; к этому времени относится одна из первых статей его о казанском поэте Г. П. Каменеве, — «Гавриил Петрович Каменев», опубликованная Второвым в литературном сборнике, составленном гр. В. А. Соллогубом, «Вчера и сегодня» (кн. I, СПб., 1845, стр. 29—64); в 1844 г. Второв оставил Казань и перешел на службу столоначальником в департамент общих дел министерства внутренних дел; с 1849 г. в течение 8 лет он был советником Воронежского губернского правления и развил здесь энергичную деятельность по собиранию статистических сведений и разборке древних актов Воронежской губ.,

результатом чего было издание «Воронежских актов» (совместно с К. О. Александровым-Дольником); известен также его труд «Этнографическое обозрение Воронежской губернии». Незадолго до смерти издал (1863) два тома труда под заглавием «Этнографическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—1862 годах» «Городские поселения в Российской империи» и мн. др. Окончил Второв свою служебную деятельность в должности вице-директора хозяйственного департамента министерства внутренних дел. Его записки напечатаны в РС, 1891, № 4, стр. 1—22 и биография — в РА, 1877, кн. II, стр. 136—165, 327—353 и 426—469. О его библиотеке, подаренной им городу Казани для основания городской библиотеки, см. в статье Н. П. Загоскина «Казанская старина» (ВВ, 14 марта 1892, № 66, стр. 3.) Источники для его биографии: П. И. Мельников, Воспоминания о Н. И. Второве («Северная почта», 5(17) декабря 1865, № 266, стр. 106 3);М. Ф. де Пуле, Отец и сын («Русский Вестник», 1875, т. 116, 117, 118, и 119); ПН, I, 501; РС, 1904, № 7, стр. 21—22, где напечатан список трудов; РС, 1889, № 2, стр. 331 (некролог); РА, 1867, столб. 1169; Венгеров. Источники, I, 659. Характеристика в воспоминаниях И. И. Михайлова (РС, 1899, № 11, стр. 417—419); «Воспоминания гр. В. А. Соллогуба», под ред. С. П. Шестерикова. М. — Л., 1931, стр. 646—652. — Стр. 30, 31, 384, 450.

Вуверман, Филипп (р. 1619, ум. 1668), голландский живописец или его братья Питер (р. 1623, ум. 1682) и Ян (р. 1629, ум. 1666), также живописцы. 232.

Вулгар, Евгений, см. — Булгар.

Гавриил, архимандрит, в мире Василий Николаевич Воскресенский (р. 1795, ум. 10 мая 1868), автор «Истории философии», преподаватель богословия, церковного права и философии в Казанском университете с 1 августа 1837 г., до этого с 7 мая 1835 г. преподавал в университете церковное право; в университете пробыл до 30 июля 1840 г., когда был назначен ректором Симбирской духовной семинарии, будучи настоятелем Казанского Зилантова монастыря (с 15 августа 1829). Вновь определен преподавателем богословских наук в Казанском университете с 23 октября 1841 и оставался в университете до 8 марта 1850 г. Потом настоятель Спасского Муромского монастыря. Подробные биографические сведения о нем см. Загоскин, Словарь, I, 2—8 и 61; II, 17; РБС; РПН, 177; РА, 1897, кн. I, стр. 319—321; Агафонов, II, стр. 55; Венгеров, Источники, I, 678. Характеристику см. у П. Ф. Вистенгофа, «Из моих воспоминаний» (ИВ, 1884, № 5, стр. 341); И. И. Михайлов, Казанская Старина (РС, 1899, № 11, стр. 411); В. Назарьев, Жизнь и люди былого времени (ИВ, 1890, № 12, стр. 713—714); Э. П. Янишевский, стр. 35—37; А. М. Полиновский. Воспоминания старого казанского студента (ВВ, 1890, № 306, стр. 2; 1891, № 13, стр. 2). 382, 657.

Гавриил Иванович, см. — Оскин.

Гаевский, Павел Иванович (р. 16 августа 1797, ум. 12 декабря 1876), переводчик. директор департамента народного просвещения министерства народного просвещения (с 1843 по 1859). О нем: ПН, I, 522; Венгеров, Источники, I, 684; РБС.—Стр. 517, 537. 565.

Галилей, Галилео (р. 1564, ум. 1642), флорентийский ученый-математик. 616.

Галкин, Николай Алексеевич (ум. 15 декабря 1859), врач, надв. сов., директор 1 Казанской гимназии, владелец с. Полянки, Спасского уезда, Казанской губернии. где и погребен («Памятная книжка правоведов XX выпуска», СПб., 1894, стр. 48—52). близкий знакомый Н. И. и В. А. Лобачевских, бывших совладельцами имения Полянки. Образование Н. А. Галкин получил (с 1810) в Медико-хирургической академии со званием лекаря; лекарь Кронштадтского военного госпиталя (1814) и затем служил по морскому ведомству; в качестве врача с 1 июля 1819 г. по 16 августа 1821 г. плавал на шлюпе «Мирный», совершив одновременно с И. М. Симоновым (см.) кругосветное плавание. С 1822 г. состоял оператором Казанской врачебной управы; до 1825 г. был директором училищ Пензенской губернии, а затем в течение многих лет (с 13 июля 1826 по 2 июня 1851) был директором 1 Казанской гимназии. Имя Галкина как море-

плавателя позже было забыто, и в «Списке кораблей, участвовавших в кругосветных плаваниях», опубликованном в «Записках Гидрографического департамента» (т. VIII; перепечатан в «Северной Пчеле», 1851, №№ 106—108) было сказано, что «доктор Николай Галкин скончался на службе». По этому поводу в КГВ 1851 г. появилось опровержение, в котором указывалось, что директор 1 гимназии Галкин «даже не был и болен, пользуясь совершенным здоровьем, и в настоящую пору, по своей должности директора, ежедневно присутствует при испытаниях учеников VII-го класса» (11 июня 1851, № 24, стр. 227). Биографических сведений о Н. А. Галкине дошло очень мало; см.: Отчет за 17 лет, отд. II, стр. 13; Владимиров, ч. 2, отд. 2, стр. 139—143, 151 и ч. 3, стр. 275 (предписание ему Н. И. Лобачевского 28 июля 1837), 347—348, 392 и др. Имя Н. А. Галкина упоминается в воспоминаниях Н. П. Вагнера в книге А. М. Бутлерова «Статьи по медиумизму» (издал А. Н. Аксаков, СПб., 1889, стр. XI), где говорится, что у Галкина в Казани жил А. М. Бутлеров, будучи его родственником по отцу. Вагнер прибавляет, что Бутлеров к нему «сохранил до конца своей жизни глубокое уважение и искреннюю привязанность»; в воспоминаниях доктора А. И. Ильинского (РС, 1894, № 1, стр. 77, 93—94); в воспоминаниях А. Е. Лазарева (о Галкине как администраторе и человеке) в книге Владимирова, ч. 2, отд. 2, стр. 184—185. — Стр. 259, 269, 301, 311.

Галкина, Надежда Николаевна, рожд. Враская (ум. 21 августа 1879), дочь коллежского регистратора, жена Н. А. Галкина (см.), приходилась родственницей академику А. М. Бутлерову по его отцу (А. М. Бутлеров называл ее «сестрицей»); была хорошо знакома с В. А. и Н. И. Лобачевскими. В Казани она была известна как пианистка, выступавшая в любительских концертах (Н. Баженов, Казанская история, Казань, 1847, ч. III, стр. 124—125; Н. П. Загоскин, Казанская Старина — ВВ, 4 апреля 1892 г., № 85, стр. 2). От брака с Н. А. Галкиным имела трех сыновей: Петра, Михаила (р. 1834) и Николая (р. 15 июня 1839) Николаевичей, которые в 1870 г. получили фамилию Галкиных-Враских (см. гр. А. Бобринский, Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник всероссийской империи, ч. II, СПб., 1890, стр. 691: «Памятная книжка правоведов XX выпуска», СПб., 1894, стр. 48—52; Чернявский, л. 42 об., № 241 и «Приложения», л. 40, № 241). Из сыновей ее Петр и Михаил Галкины образование получили в Казанском университете (М, I, 1. стр. 275 и 363), а Михаил и Николай получили затем известность на государственной службе. 328.

Галлей, Эдмунд (р. 1656, ум. 1742), английский астроном, профессор математики в Оксфорде, с 1713 г.—секретарь Королевского общества, директор Гринвичской обсерватории; установил периодический характер кометы с 75-летним периодом оборота, носящей теперь его имя. 470, 471.

Гамалея, Платон Яковлевич (р. 18 ноября 1766, ум. 9 июля 1817), инспектор Морского корпуса, автор руководств по морским наукам; почетный член Академии Наук (1801), действительный член Российской Академии (1808). Известен был его труд по геометрии, на который ссылается Н. И. Фус: «Вышняя теория морского искусства», изданная в 4 частях дважды: в 1801—1804 и 1810—1813 гг.; в книгу вошли: «Алгебра и приложение оной к геометрии» (ч. I); «Начальные основания вышних вычислений (дифференциальное и интегральное исчисления), с приложением оных к высшей геометрии и навигации» (ч. II). См. ОМС, ч. III, стр. 346—349; РБС; Венгеров, Источники, I, 695; В. Л. Модзалевский, Малороссийский родословник, т. I, Киев, 1908, стр. 249—250. — Стр. 156.

Гамбей (Гамбе), французский мастер в Париже, изготовлявший точные приборы и астрономические инструменты (1821). 114, 463, 477, 479.

Ганеман, Самуэль (р. 1755, ум. 1843), основатель гомеопатии. Основы его учения изложены им в его сочинении «Organon», изданном в 1810 г. Вопросы гомеопатии дебатировались на страницах казанских журналов. Так, в 1834 г. появилась статья А. И. Арнгольда (см.) без заглавия в отделе «Медицина» журнала «Заволжский Муравей» (1834, № 18, сентябрь, стр. 111—132); она была написана в связи с появившейся

в «Библиотеке для чтения (1834, июнь) статьей под заглавием «Гг. Даль, Зейдлиц и Омеопатия». 296.

Гапонов, Александр Иванович, старший учитель Иркутской гимназии, затем — директор Симбирской гимназии (1829), и (до 1836) директор училищ Симбирской губернии (Месяцословы, 1830 и 1836 годов; Загоскин, История, III, стр. 115, 202, 236, 237). 254, 374, 375.

Гарталов, Александр Тарасович, студент Казанского университета с 12 сентября 1825 г. по 26 июня 1830 г., затем лекарь 2 отделения до 15 июля 1831 г., когда был назначен уездным врачом в г. Псков (М, I, 1, стр. 116 и 149); до этого назначения, как лекарь, был отправлен на борьбу с холерой. 281.

Гартман, Иван Андреевич (ум. 12 апреля 1832), с 10 апреля 1825 г. по день смерти состоял помощником архитектора Казанского университета (М, I, 1, стр. 222). 256, 282, 298, 499.

Гаусман, Иоганн-Фридрих-Людвиг (р. 22 февраля 1782, ум. 26 декабря 1859), немецкий минералог, профессор технологии и горных наук Геттингенского университета (с 1811 г.), королевский-ганноверский тайный надворный советник, член и секретарь Геттингенского королевского общества наук; действительный член Петербургского минералогического общества. В 1842 г. известил Н. И. Лобачевского письмом об избрании его членом-корреспондентом этого общества. 15, 451, 452, 454, 455.

Гаусс, Карл-Фридрих (р. 30 апреля 1777, ум. 23 февраля 1855), знаменитый немецкий математик, директор Геттингенской обсерватории и профессор Геттингенского университета. Собрание сочинений его издано Королевским ученым обществом в Геттингене в 7 томах в 1863—1871 гг. (Биография его в издании В. В. Бобынина «Физико-математические науки в их настоящем и прошедшем», т. VII, М., 1888, стр. 56—75, 132—152, 211—228, 309—344). Гаусс был единственным ученым (если не считать П. И. Котельникова), который понял новые идеи Лобачевского. По предложению К. Ф. Гаусса Н. И. Лобачевский избран был 23 ноября 1842 г. членом-корреспондентом Геттингенского королевского общества наук. О Лобачевском, Гауссе и других ученых в связи с новыми геометрическими идеями и воображаемой геометрией см. интересное письмо Н. Н. Страхова к Л. Н. Толстому 12 октября 1876 г., остающееся неизвестным специалистам-математикам («Толстовский Музей», т. II, Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым, 1870—1894, с пред. и примеч. Б. Л. Модзалевского, СПб., 1914, стр. 89—91; см. там же упоминания об этом и в других письмах, стр. 92—93, 105—106, 112, 127). 12, 15, 16, 51, 64, 180, 210, 241, 288, 365, 366, 415—416, 450—452, 454, 455, 482—486, 519—520, 527, 587, 618, 631.

Геблер, Федор Васильевич (р. 4 декабря 1782, ум. 9 марта 1850); с 1809 по 1816 гг. состоял врачом в Колывано-Воскресенском горном округе, а затем в Барнаульском госпитале; с 1818 г. был снова переведен в Барнаульский госпиталь после недолгого пребывания в Петербурге, а 3 июля 1820 г. был вновь назначен главным врачом Колывано-Воскресенского горного округа; 20 июля 1849 г. вышел в отставку и умер в Барнауле. Геблер известен, главным образом, как энтомолог (многие виды насекомых получили в его честь название gebleri) и сибирский исследователь-натуралист; 29 декабря 1833 г. он был избран членом-корреспондентом Академии Наук по разряду зоологии и анатомии; состоял также членом Русского географического общества и ряда иностранных ученых обществ (РБС, где опубликована его биография; Венгеров, Источники, I, 713). 296.

Гежелинский, Федор Федорович (р. 1789), служил (1820) в Канцелярии Комитета министров, затем — управляющий делами Комитета министров до 1830 г., когда был предан суду за должностное преступление (И. Н. Ельчанинов, Материалы для генеалогии Ярославского дворянства, II, Ярославль, 1913, стр. 510; Н. Н. Селифонтов. Суд над Ф. Ф. Гежелинским — РС, 1898, № 4. стр. 23—46. — Стр. 237, 278.

Гей-Люссак, Луи-Жозеф (р. 6 декабря 1778, ум. 1850), французский химик и физик и политический деятель; издавал совместно с Араго (см.) с 1815 по 1850 гг. жур-

нал «Annales de Chimie et de Physique», где главным образом помещал свои труды, которыми пользовался Н. И. Лобачевский в своей научной работе. 219, 468.

Гейм, Иван Андреевич (р. 1759, ум. 16 октября 1821), профессор всемирной истории, статистики и географии в Московском университете, ректор университета, автор многочисленных лингвистических словарей (МН, I, 260; Ш, I, 188—191; РБС; Венгеров, Источники, I, 718). 67.

Гельвеций, Клод-Адриан (р. 1715, ум. 1771), французский философ. 326.

Геркен, Иван Федорович (ум. 8 июня 1840), отст. подполковник, с 4 марта 1836 г. по день смерти был инспектором студентов Казанского университета (М, I, 1, стр. 214; I, 2, стр. 582). О его смерти сообщено в «Отчете о состоянии имп. Казанского университета за 1840—1841 академический год», сост. Н. Ивановым, стр. 5 (в книге «Обозрение преподаваний в имп. Казанском университете на 1841—1842 учебный год», Казань, 1841, в приложении). 413, 414, 500, 558.

Герлинг, Хр. Л. (р. 1788, ум. 1864), математик, ученик и корреспондент К. Ф. Гаусса. 452, 482—486.

Герман, Карл Федорович (р. 5 сентября 1767, ум. 19 декабря 1838), политикоэконом, статистик, профессор Петербургского университета, академик. В 1821 привлекался к дознанию по доносу Д. П. Рунича в связи с обвинением в неблагонадежности читавшихся им лекций по статистике в Петербургском университете и удален из университета с запрещением чтения лекций (ПН, I, 582; РБС, Венгеров, Источники, I, 740,). Документы и материалы, касающиеся суда по делу университетских профессоров, опубликованы в издании «С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности, 1819—1919, т. I, П., 1919», по указателю. К делу о рассмотрении тетрадей лекций К. Ф. Германа привлекался в 1821 г. М. Л. Магницким и Н. И. Лобачевский. 10, 113, 189, 390.

Герман, Мартин-Готфрид (р. 1755, ум. 16 декабря 1822), профессор латинского языка, литературы и древностей в Казанском университете с 26 апреля 1805 г. В Казань прибыл 31 июля 1805 г. Вел борьбу против самовластия И. Ф. Яковкина. При массовом увольнении профессоров М. Л. Магницким уволен был «по старости лет» 5 августа 1819 г. с пенсией; затем жил в Петербурге и умер в Саратове, где был проповедником (Загоскин, Словарь, I, стр. 61—64; Венгеров, Источники, I, стр. 740). 46.

Гермбштедт, собиратель естественно-научного музеума (1815). 64.

Герсдорф, издавал в Лейпциге в 1830—1840 гг. библиографический справочник с рецензиями на выходившие книги, под заглавием: «Repertorium der gesammten deutschen Literatur. Herausgegeben im Vereine mit mehreren Gelehrten von dr E. G. Gersdorf». В одном из номеров своего справочника поместил «глупую», по выражению К. Ф. Гаусса, рецензию на сочинение Н. И. Лобачевского. Об этом см. у В. Ф. Кагана, стр. 193 и «Nicolaj Iwanowitsch Lobatschefsky. Zwei geometrische Abhandlungen aus dem Russischen Uebersetzt, mit Anmerkungen und mit einer Biographie der verfassers von Friedrich Engel», Erste Theil, Leipzig, 1898, SS. 433—434.—Стр. 413, 415, 416, 484, 485.

Гершель, Вилльям (р. 1738, ум. 1822), английский астроном, основоположник звездной астрономии, конструктор самого большого в то время телескопа-рефлектора 39 футов длины. 468.

Гесс, Павел Семенович (р. 2 сентября 1818, ум. 9 марта 1863), образование получил в Академии Художеств (с 1827) и в 1839 г. ему дано звание художника XIV класса (Кондаков, стр. 315, где он назван Гессе). 3 декабря 1840 г. был определен архитектором Нижегородской казенной палаты, а затем (10 декабря 1845 г.) назначен архитектором Казанского учебного округа с включением в состав членов Строительного комитета при Казанском университете, с 27 апреля 1846 г. С 24 июня 1852 г. преподавал в университете архитектуру и состоял с того же времени по день смерти архитектором университета; с 7 сентября 1853 г. по день смерти и. д. э. профессора архитектуры (См. Загоскин, Словарь, I, 299; Агафонов, I, 66; М, I, 2, стр. 591). 522, 527.

Гечан-Гечевич, Викентий Иванович (р. 5 апреля 1770, ум. 19 марта 1840), сенатор, с 26 февраля 1831 (Мурзанов, стр. 14). 356.

Гильберт, Людвиг-Вильгельм (р. 1769, ум. 1824), немецкий физик, профессор физики Лейпцигского университета (с 1811). Главной заслугой его является редактирование им в течение 26 лет специального журнала, издававшегося под заглавием: «Annalen der Physik von Gilbert» (1798—1819), а затем «Gilbert's Annalen der Physik und der physikalischen Chemie» (1819—1824), в котором печатали свои труды выдающиеся деятели того времени (Гумбольдт, Пуассон, Хладни, Фурье, Араго, Соссюр и др.). Этим журналом пользовался Н. И. Лобачевский. 219.

Гирш, математик; по его таблицам Н. И. Лобачевский преподавал дифференциальное и интегральное исчисления (1823—1824). 158.

Глафира Петровна, лицо неустановленное. 502, 503.

Гоббс, Томас (р. 1588, ум. 1679), английский философ. 326.

Гогарт, Виллььям (р. 10 ноября 1697, ум. 26 октября 1764), английский художник, гравер и живописец. Его гравюры были изданы в 3 томах в Лондоне в 1820—1822 гг. с оригинальных досок. 232, 304.

Гоголь, Николай Васильевич (р. 1809, ум. 1852). Его произведения любил читать Н. И. Лобачевский. 641.

Голенищев-Кутузов, Павел Васильевич (р. 12 июня 1772, ум. 5 ноября 1843), граф с 8 ноября 1832 г., генерал-от-кавалерии, генерал-адъютант (с 1810), Петербургский губернатор, бывший в 1831 г. в Нижнем-Новгороде при открытии знаменитой Нижегородской ярмарки. 295, 299.

Голицын, Александр Николаевич, князь, (р. 8 декабря 1773, ум. 22 ноября 1844), министр духовных дел и народного просвещения (с 10 августа 1816 по 15 мая 1824), член Государственного Совета, известный ханжа и мракобес, насадитель религиозно-мистического направления в учебных заведениях страны. Верным и послушным проводником этого направления в Казанском университете был попечитель Казанского учебного округа М. Л. Магницкий (см.). 84, 89, 91—93, 97, 100, 109, 110, 113, 119, 125, 137, 139, 141, 154, 167—171, 242, 254, 260, 263, 348, 349, 377.

Головастиков, Алексей Васильевич (ум. 1842), сын машиниста Казанского университета В. А. Головастикова (см.); занимал то же место в университете после смерти отца до 1 января 1832 (М, I, 1, стр. 222); одно время был машинистом Казанского экономического общества. После смерти А. В. Головастикова в этой же должности утвержден был его брат — Павел Васильевич Головастиков, но последний уже в 1844 г. прекратил работу («Отчет Казанского экономического общества за 1842 год», стр. 10, то же за 1843—1844 год, стр. 22). 297.

Головастиков, Василий Алексеевич (р. 1785, ум. 9 августа 1830), машинист Казанского университета с 3 января 1830 г. по день смерти (М, I, 1, стр. 222; Агафонов, I, 67). 197, 282.

Горголи, Иван Саввич (р. 10 июня 1767, ум. 18 марта 1862), сенатор с 6 декабря 1826 г. (Мурзанов, стр. 16). 356.

Горемыкины, семья в Казани. Известны два брата: Иван Григорьевич (р. 1809, ум. 30 апреля 1875), бывший с 23 июня 1823 г. по 28 июня 1826 г. студентом Казанского университета и окончивший в нем курс кандидатом с золотой медалью (М, I, 1, стр.103). С 29 декабря 1827 г. он служил канцелярским чиновником в Департаменте министерства народного просвещения (там же, стр. 129; Агафонов I, 67), и Николай Григорьевич, также получивший образование в Казанском университете с 4 сентября 1833 г. по 16 июня 1837 г. с званием действительного студента (М, I, 1, стр. 176 и 228), с 7 октября 1840 г. по 10 января 1842 г. состоял пом. библиотекаря Казанского университета (М, I, 2, стр. 586). Один из братьев в 1841 г. был действительным членом Казанского экономического общества. 307.

Горленко, Павел Васильевич (ум. 30 марта 1832); поступил в Казанский университет студентом 23 августа 1830, но умер, не кончив курса (М, I, 1, стр. 152). 268.

Горлов, Иван Яковлевич (р. 1814, ум. 5 октября 1890), э. профессор Казанского университета по кафедре политической экономии и статистики с 30 июня 1838 г.; 1 июня 1840 г. избран и 26 июня того же года утвержден о. профессором по той же кафедре; 21 октября 1847 г. был перемещен на ту же кафедру в Петербургский университет; одно время был профессором в Александровском лицее и в училище Правоведения (ПН, I, 655; Загоскин, Словарь, II, стр. 17—18; БС, I, 203—204; Языков, в. X, стр. 24—25). 405, 417—419, 432, 434, 435, 439.

Городчанинов, Григорий Николаевич (р. 1772, ум. 22 декабря 1852), первый профессор Казанского университета по кафедре русской словесности, известный казанский поэт, сторонник архаических поэтических форм XVIII в. и враг новой, карамазинской школы; один из ревностных выполнителей воли М. Л. Магницкого во время его управления Казанским учебным округом. С 1 сентября 1806 г.—адъюнкт российской словесности; 3 марта 1808 г. вышел в отставку, но 31 декабря 1810 г. вновь определен в Казанский университет на ту же кафедру э. профессором; о. профессор — с 26 марта 1814 г. В 1816—1822 гг. был деканом словесного, а в 1822—1824 и 1826—1827 гг. — нравственно-политического отделений; с декабря 1826 г. состоял председателем Казанского общества любителей отечественной словесности. 9 марта 1829 г. вышел в отставку и весь долгий остаток жизни прожил в Казани, где и умер (Агафонов, I, 67; Загоскин, Словарь, I, 64—68; II, 18; Венгеров, Источники, II, 65; Н. П. Лихачев, Григорий Николаевич Городчанинов и его сочинения, Казань 1886; дополнение к этой книге в статье Н. П. Лихачева, «К библиографии сочинений Г. Н. Городчанинова», журн. «Книговедение», 1894. № 1, отд. «Библиография», стр. 1—5. Некролог его помещен в КГВ, 17 августа 1853 г., № 54, стр. 268—269 и 31 августа к 1853 г., № 56, стр. 284—285). См. о нем в «Семейной хронике и воспоминаниях С. Т. Аксакова», 8-е изд. М., 1895, стр. 355—357; в статье П. Головачева о деле о философии Круга по доносу проф. Я. М. Караблинова (см.) (РС, 1904, № 8, стр. 351—352), Е. А. Бобров «А. А. Фукс и казанские литераторы 30—40-х годов» (РС, 1904, № 7, стр. 11—14); Б. Н. Агафонов, Казанские поэты (ИВ, 1900, № 8, стр. 592—594; ср. там же, № 9, стр. 875—876). 58, 96, 97, 112, 124, 148, 155, 162, 164, 188, 224, 236, 263, 264, 350, 663.

Горталов, см. — Гарталов, А. Т.

Горталов, Гавриил Иванович (р. 29 июня 1819, ум. 20 июля 1885), сын подполковника Ивана Кузьмича Горталова (1771—1853)[1] и его жены (с 1818 г.) Прасковьи Гавриловны, р. Дедевой; известный в Казани филантроп и старожил, Казанский и Царевококшайский уездный предводитель дворянства; был студентом Казанского университета с 26 июня 1835 г. по 1 июня 1840 г., который окончил со званием действительного студента; уволен из университета 30 сентября того же года (М., I, 1, стр. 195 и 254). Биографические сведения: Агафонов, I, стр. 39 и 67; Никанор, стр. 11 и 34 и в статье Д. А. Корсакова «Из жизни русского дворянства прошлого времени» (ИВ, 1911, № 9, стр. 935—950, там же на стр. 928—935 об его отце И. К. Горталове). С его (Г. И. Горталова) слов некоторыми биографическими подробностями о поэте Г. Н. Городчанинове воспользовался Н. П. Лихачев в своей книге «Г. Н. Городчанинов и его сочинения», Казань, 1886, стр. 11. Рассказы его о Н. И. Лобачевском записал П. А. Пономарев. Следует отметить, что со стороны матери Г. И. Горталов приходился родственником казанскому поэту Г. П. Каменеву. Племянница же Г. И. Горталова (дочь его брата Петра Ивановича Горталова[2]) София Петровна была замужем за председателем Казанского окружного суда Николаем Ниловичем Казиным, сыном Нила Дмитриевича Казина и его жены Софии Николаевны, р. Лобачевской, дочери Н. И. Лобачевского

---

[1] Об И. К. Горталове см.: С. А. Панчулидзев. «Сборник биографий кавалергардов», т. II, 1762—1801, СПб., 1904, стр. 256.

[2] П. И. Горталов р. 2 августа 1821, ум. 18 октября 1866, надв. сов. (Агафонов, I, стр. 67). О нем и его сестре Пелагее Ивановне в названн. статье Д. А. Корсакова (ИВ, 1911, № 9, стр. 950—961).

(см.). В доме Г. И. Горталова в Казани жил Л. Н. Толстой (см. А. Вилькен, Казанская жизнь Толстого, сб. «Великой памяти Л. Н. Толстого — Казанский университет 1828—1928», Казань, 1928, стр. 76—85). 668.

Гравезанд, Вильгельм-Яков (р. 1688, ум. 1742), профессор в Лейдене, физик. 313.

Граздовский, Сергей Николаевич, студент Казанского университета, учившийся одновременно с Н. И. Лобачевским с 9 января 1807 г., курс окончил 23 августа 1811 г. кандидатом; 10 июня 1814 г. назначен учителем Нижегородской гимназии (М., I, 1, стр. 12, 29 и 39). 40, 45, 48.

Грацинский, Иван Фролович (р. 1804, ум. 1887), питомец Казанского университета, окончил кандидатом (М., I, 1, стр. 87 и др.). С 26 апреля 1825 г. состоял учителем латинского языка и логики в Казанской гимназии (Месяцослов, 1830 г., ч. I, стр. 467); впоследствии бы инспектором Симбирской и директором (с 1844) Пермской гимназии (до 1884). В течение многих лет состоял преподавателем Казанского университета, а в 1828—1829 гг. был репетитором всеобщей географии в том же университете, за что Совет Университета и выразил ему благодарность (Загоскин, Словарь, I, стр. 68). О нем см. Венгеров, Источники, II, 87; характеристику как педагога см.: Воспоминания А. Н. Овсянникова (РС, 1899, № 7, стр. 136); «Записки Н. И. Мамаева» (ИВ, 1901, № 1, стр. 66); Н. А. Фирсов, Воспоминания старого профессора Казанского университета о Камско-Волжском крае вообще и о Казанском университете в особенности (КВК, 16 февраля 1896, № 46, стр. 2); воспоминания Н. И. Второва (РА, 1877, кн. II, стр. 147—148, 153 и др.). 269, 672.

Грацинский, Михаил Фролович (р. 1800), брат И. Ф. Грацинского, профессор Казанского университета по кафедре греческой словесности; образование получил в Вятской духовной семинарии (1808), а затем (с 1817) в Главном педагогическом институте; 25 ноября 1819 г. назначен в Казанский университет преподавателем латинского, а с 1 октября 1820 г.—греческого языка; 26 мая избран и 8 июля 1823 г. утвержден адъюнктом греческой словесности и 2 февраля 1832 г. — э. профессор той же кафедры; 1 августа 1837 г. уволен из университета с назначением директором училищ Нижегородской губернии (Загоскин, Словарь, I, 68—69). См. о нем отзывы в «Воспоминаниях К. Н. Бестужева-Рюмина», СПб., 1900, стр. 17; в воспоминаниях Н. И. Второва (РА, 1877, кн. II, стр. 152); П. И. Мельникова-Печерского (ИВ, 1884, № 9, стр. 501). 162, 164, 169, 171, 341, 673, 674.

Греф, В. (W. Graeff), Петербургский книгопродавец (ум. 1840); в 1830 г. стал постоянным комиссионером Казанского университета; был утвержден комиссионером распоряжением министра народного просвещения 25 октября 1830 г., а договор, заключенный с ним университетом и состоящий из 12 пунктов, был подписан Н. И. Лобачевским 31 марта 1831 г. и В. Грефом 17 апреля 1831 г. (см. «Об утверждении Греффа комиссионером Казанского университета», КВ, 1832, март, стр. 99—106; там же (стр. 101—105) и текст договора. Об условиях, заключенных с ним университетом, см. также в «Отчете по имп. Казанскому университету за 1834 год», стр. 72). О его смерти сообщено в «Отчете о состоянии имп. Казанского университета за 1839—1840 академический год», сост. И. Горловым, Казань, 1840, стр. 47. — Стр. 107, 134, 135, 136, 140, 142, 143, 230, 266, 270.

Грибель, Иван (Иоганн-Герман) Иванович (ум. 20 февраля 1857), с 1 сентября 1831 г. исполнял должность бандажиста при Казанском университете, а с 24 ноября 1833 г. по день смерти работал в этой должности по заключенному с ним контракту (М., I, 1, стр. 220; I, 2, стр. 590); зубной врач в Казани; его сын Владимир Иванович Грибель (р. 1839, ум. 22 мая 1892) был также зубным врачом в Казани (Агафонов, I, 68). 297, 298, 300.

Гримальди, Франческо-Мария (р. 1613, ум. 1663) итальянский иезуит, занимавшийся математикой и физикой, преподаватель в иезуитской коллегии; один из первых описал явления диффракции света. 473, 475.

Гринам, Александр Самойлович, студент Казанского университета с 27 октября 1821 г.; уволен по прошению 29 января 1825 г. (М., I, 1, стр. 92). 152.

Гроссман, Отто, управляющий имением у Нератовых (см.), отец Рудольфа Оттовича Гроссмана, кандидата прав, действительного члена Казанского общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете с 31 октября 1878 г. (см. «Известия Общества», т. II, 1879, стр. 4), подарившего П. А. Пономареву автограф письма Н. И. Лобачевского к Ф. Е. Нератовой от 11 апреля 1845 г. (см.). 502.

Грубер, Ольга Андреевна, в первом браке Кондырева, см. — Вагнер.

Грубер, Эварест Андреевич (р. 1792, ум. 22 апреля 1859), сын казанского дворянина Андрея Егоровича Грубера (р. 14 ноября 1744, ум. 24 июня 1807; Агафонов, 1,68; Записи Агафонова, № 226, стр. 881) и его жены Феклы Степановны, р. Сушиной; адъюнкт правоведения Казанского университета, брат О. А. Вагнер, по первому браку Кондыревой, дядя проф. Н. П. Вагнера; образование получил (в числе первых студентов) в Казанском университете с 18 февраля 1805 г. по 3 июля 1807 г., курс которого окончил со свидетельством (М, I, 1, стр. 8). 31 января 1822 г был рекомендован М. Л. Магницким на кафедру правоведения и 15 апреля 1822 г. был избран адъюнктом (утвержден 2 июня), но фактически в должность не вступал (Загоскин, Словарь II, 19); впоследствии был попечителем Виленского учебного округа, и с 12 ноября 1857 г. по день смерти состоял попечителем Казанского учебного округа (Загоскин, Словарь, II, 404; Агафонов, I, 68; Никанор, стр. 13 и 29). Характеристику его как попечителя и его жены, которая занималась музыкой и участвовала в любительских спектаклях в Казани, см. у Д. А. Корсакова, стр. 45—47. — Стр. 95, 637, 638.

Груздев, подрядчик. 189.

Губицкий, Феликс Петрович, состоял провизором аптеки при Казанском университете с 15 апреля 1836 г. по 31 декабря 1849 г. (М., I, 1, стр. 220; I, 2, стр. 590). 401.

Гугенс, см. — Гюйгенс.

Гумбольдт, Александр, барон (р. 14 сентября 1769, ум. 6 мая 1859), немецкий ученый-естествоиспытатель, с которым в бытность его в Казани с 23 по 28 мая 1829 г. познакомился Н. И. Лобачевский. Приготовления Казанского университета к приему Гумбольдта начались еще с 10 мая, когда последовало предписание попечителя М. Н. Мусина-Пушкина на имя Лобачевского, как ректора университета, об изготовлении диплома на имя Гумбольдта на звание почетного члена университета и о подготовке к приему Гумбольдта всех кабинетов университета: физического, зоологического, минералогического и нумизматического, а также обсерватории и библиотеки (цитировано из дела попечителя № 164 в статье Е. А. Боброва в «Поволжье. Художественно-литературном издании», под ред. Б. Розова-Цветкова, вып. I, Нижний-Новгород, 1903, отд. пагинация, стр. 10. Там же подробный анализ пребывания Гумбольдта в Казани). О приезде Гумбольдта в Казань 23 мая 1829 г. в сопровождении берлинских профессоров Г. Эренберга и Г. Розе и чиновника Горного корпуса Меньшенина сообщалось в «Прибавлениях к Казанскому Вестнику» (25 мая 1829, № 21, стр. 161), там же говорится, что «того же числа сей ученейший муж с свойственным ему любопытством осматривал университетские заведения и отправился в село *Болгары* видеть находящиеся там древности». Описание татарского праздника *Сабан*, происходившего в Казани 24 мая «в особом месте за мыловаренными заводами», на котором присутствовал Гумбольдт, дано было в том же издании (1 июня 1829, № 22, стр. 169—170). Этому же празднику посвящена специальная статья Н. П. Загоскина «Казанская Старина» (ВВ, 2 мая 1892, № 109, стр. 2—3). Спутник Гумбольдта Густав Розе оставил подробное описание путешествия в Россию, изданное под заглавием: «Mineralogische Reise nach dem Ural, Altai und dem Kaspischen Meere, auf Befehl Sr. Majestät des Kaisers von Russland im Jahre 1829 ausgeführt von A. von Humboldt, G. Ehrenberg und G. Rose», t. I, Berlin, 1837. В этой книге Розе описывает и пребывание путешественников в Казани и, в частности, посещение ими Казанского университета: [4 июня 1829 г. нов. стиля] «*Университет*. Вскоре после этого [т. е. приезда в Казань в 4 часа утра] мы пошли в

университет. Г. Гумбольдт был встречен попечителем г. Мусиным-Пушкиным, ректором г. Лобачевским и прочими членами университета. В числе последних был также и профессор астрономии г. Симонов, который познакомился с г. Гумбольдтом уже в Париже, где он жил некоторое время на возвратном пути из своего путешествия кругом света с капитаном Беллинсгаузеном. В это время (зимою 1823—1824)[1] и там же познакомился и я с ним, и мне было очень приятно здесь встретить его» (перевод стр. 99—100 этой книги в статье «Иностранцы в Казани» в КГВ, 7 апреля 1847, № 15, столб. 197; вся статья напечатана в №№ 15—17). Сокращенный перевод книги Г. Розе, в частности без цитированного выше места, появился еще в 1837 г. под заглавием: «Путешествие барона Александра Гумбольдта, Эренберга и Розе, в 1829 году по Сибири и к Каспийскому морю. Перевел с подлинника И. Неронов», СПб., 1837. См. также СК, стр. 229—231 (о пребывании Гумбольдта и его спутников в Казани с 23 мая по 28 мая 1829 г., со слов Густава Розе). О поездке Гумбольдта в Россию и за Урал см. переписку его с министром финансов гр. Е. Ф. Канкриным в книге И. Н. Божерянова «Граф Егор Федорович Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления министерством финансов», СПб., 1897, гл. IV, стр. 149—153 и в издании: «Im Ural und Altai. Briefwechsel zwischen Alexander von Humboldt und Graf Georg von Cancrin aus den Jahren 1827—1832», Leipzig, 1869, SS. 67—68, где помещено письмо А. Гумбольдта из Казани 27 мая 1829 г. с кратким описанием посещения им Казанского университета (упоминаются М. Н. Мусин-Пушкин и профессора К. Ф. Фукс и И. М. Симонов). О самом Гумбольдте см. в книгах: «Александр Гумбольдт. Биографический очерк. Издание С. Ф. Лугинина», СПб., 1860 (о проезде через Казань и посещении развалин Болгар кратко упоминается на стр. 135); В. Сафонов, А. Гумбольдт, М., 1936, в серии «Жизнь замечательных людей», вып. 13—14 (85—86); здесь о посещении Гумбольдтом Казани также кратко упоминается на стр. 245 с цитатой из письма Гумбольдта к брату (взятой из издания: A. Humboldt, Briefe an seinem Bruder Wilhelm, 1880). — Стр. 264—266.

Гумбург, Август Карлович (ум. 22 февраля 1837), с 28 мая 1828 г. был прозектором клиники Казанского университета, в каковой должности оставался до своей смерти (М, I, 1, стр. 135 и 225). 250.

Гундоров, Андрей Александрович, князь (р. 1792), поэт, член Казанского Общества любителей российской словесности; был студентом Казанского университета с 10 июля 1807 г.; курс окончил 29 января 1808 г. со свидетельством (М, I, 1, стр. 16); в 1812 г. — прапорщик 2 пехотного полка Рязанского ополчения; затем с 24 августа 1818 г. по 3 октября 1819 г. — бухгалтер Казанского университета (М, I, 1, 212); был в дружеских отношениях с М. Л. Магницким, но написал на него эпиграмму:

Магницкий, право, в свете чудо,
Но поздно он родился для чудес
За тайной вечерью он, верно б, был Иуда,
А в директории — Сийес.

(См. о нем в книге С. В. Любимова «Опыт исторических родословий» Пгр., 1915, стр. 13, а также в книге Н. П. Лихачева «Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки», СПб., 1913, стр. 64—65, где приведено стихотворение Гундорова автобиографического характера). 38.

Гурьев, Семен Емельянович (р. 1766, ум. 11 декабря 1813), математик, профессор и инспектор училища корабельной архитектуры, академик (1798), член Российской Академии. В качестве учебных руководств по геометрии пользовались известностью его книги: «Опыт об усовершенствовании элементов геометрии» (СПб., 1798); «Основания трансцендентной геометрии кривых поверхностей» (1806, 2-е изд. 1811)

---

[1] Нужно читать: 1821—1822,— *Л. М.*

и «Основания геометрии» (1804—1807). О Гурьеве см. новейшее исследование А. П. Юшкевича «Академик С. Е. Гурьев и его роль в развитии русской науки» («Труды Института истории естествознания», т. I, М., 1947, стр. 219—268). 156.

Гюйгенс (Гугенс), Христиан (р. 1629, ум. 1695), знаменитый голландский математик и механик, астроном и физик, член Парижской Академии наук. 218, 473.

Д'аламбер, Жан (р. 1717, ум. 1783), французский философ, публицист, математик, член Парижской Академии наук и Французской Академии. 202.

Даниил, архимандрит, в мире Дмитрий Сивиллов (р. в октябре 1798, ум. 1871), синолог, профессор Казанского университета по кафедре китайского языка; 24 апреля 1819 г. назначен был в состав духовной миссии в Пекин и перед поездкой пострижен в монашество (14 сентября 1819). В Пекине пробыл до 1831 г., и, приехав в Россию в мае 1832 г., получил сан архимандрита Московского Златоустовского монастыря; 11 мая 1837 г. определен в Казанский университет и уволен из университета 8 апреля 1844 г.; автор ряда лингвистических и исторических сочинений по Китаю (Загоскин, Словарь, I, 228—229; РБС; И. И. Михайлов, Казанская Старина в РС, 1899, № 11, стр. 417; Венгеров, Источники, II, 200). 417—419, 433.

Данков, Игнатий Гаврилович, студент Казанского университета с 14 февраля 1809 г. по 14 января 1814 г., когда был исключен без аттестата (М, I, 1, стр. 19). 41.

Дациаро, Иосиф (р. 1806, ум. 1865), итальянец, петербургский купец 3 гильдии, владелец в Петербурге магазина картин и эстампов (ПН, II, 15; «Книга адресов всего Санктпетербургского купечества и иностранных гостей», СПб., 1858, столб. 96; «Адресная и справочная книга для купцов», СПб., 1861, стр. 136). 621.

Дашков, Дмитрий Васильевич (р. 25 декабря 1788, ум. 26 ноября 1839), министр юстиции, член Государственного Совета, литератор, дипломат, переводчик, один из основателей литературного общества «Арзамас»; министром юстиции был с 2 февраля 1832 г. (ПН, II, 16; РБС). 345, 399.

Девилье (Девильер), член Комитета для составления медалической истории со времени Петра Великого (1772). 233.

Декарт, Рене (Картезий) (р. 1596, ум. 1650), французский философ, математик и физик. 218, 323, 366, 473.

Деламбр, Жан-Батист (р. 1749, ум. 1822), французский астроном, геодезист, профессор Collège de France, член Французской Академии наук. Н. И. Лобачевский читал лекции, руководствуясь его сочинениями: «Traité d' Astronomie théorique et pratique» (3 тома, 1814); «Base du système metrique décimale», 3 тома, Париж. 1806, 1807 и 1810, и др. 96, 106, 115, 158, 172, 173, 241, 242, 288, 472.

Делассп, см. — Ласси, де.

Делиль, Жозеф-Николай (р. 4 апреля 1688, ум. 12 сентября 1768), астроном и географ, профессор астрономии в Collège de France, с 1725 г. по 1747 г. академик Петербургской Академии Наук; вернулся во Францию в 1747 г. и с этого времени почетный член Академии (Б. Модзалевский, стр. 11). Во время пребывания в России произвел много астрономических наблюдений и участвовал в 1740 г. в экспедиции Академии Наук, для наблюдения прохождения Меркурия перед диском Солнца, участвовал в составлении первого российского атласа 1745 г. и в создании Географического департамента Академии Наук СССР (см. П.П. Пекарский. Путешествие акад. Николая-Иосифа Делиля в Березов, в 1740 году, «Записки имп. Академии Наук», т. VI, прил. 3, 1865. В. Ф. Гнучева, Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках (Труды Архива, выпуск 4, М.—Л., 1940, по указат.). Л. С. Берг, Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1725—1742, М.—Л., 1946, по указат. В. Ф. Гнучева, Географический департамент Академии Наук XVIII века (Труды Архива Академии Наук СССР, выпуск 6, М.—Л. 1946, по указат.)— Стр. 471, 472.

Дельвиг, Антон Антонович, барон (р. 6 августа 1798, ум. 14 января 1831), поэт, друг Пушкина. Песни Дельвига пользовались большою популярностью, например:

«Ах ты, ночь ли, ноченька!..»; «Пела, пела пташечка и затихла...»; «Соловей, мой соловей...» и др. (см. тексты их в издании «Песни русских поэтов (XVIII — первая половина XIX в.)», под ред. И. Н. Розанова, Л., 1936, стр. 264—272; там же и статья редактора о песнях, стр. 259—263). И. Е. Великопольский был лично знаком с Дельвигом, которому посвятил в 1826 г. свое стихотворение «Барону Ант. Ант. Дельвигу при получении от него „Северных Цветов“ с подписью „милому поэту“ («Щукинский сборник», вып. X, М., 1912, стр. 358—359 и в статье Б. Л. Модзалевского в сборнике «Памяти Л. Н. Майкова», СПб., 1902, стр. 358—359). Хорошо знал Великопольский и его жену баронессу Софию Михайловну Дельвиг (1806—1888), дочь попечителя Казанского учебного округа М. А. Салтыкова (см.). Отзывы ее о Великопольском см. в книге Б. Л. Модзалевского «Пушкин» (Л., 1929, стр. 201—204). Она по Казани была знакома с его сестрой Ф. Е. Нератовой (см.), а также с Н. И. Лобачевским. Овдовев в 1831 г., С. М. Дельвиг вторично вышла замуж за брата поэта Е. А. Баратынского — Сергея Абрамовича Баратынского (1807—1866); другой его брат, Ираклий Абрамович Баратынский (см.), был Казанским губернатором и хорошо знал Н. И. Лобачевского по Казанскому экономическому обществу. 303.

Демидов, Павел Александрович, писец канцелярии Казанского университета (1840), затем и. д. столоначальника хозяйственного стола Правления того же университета с 3 мая 1851 г. по 7 октября 1859 г. (М, I, 2, стр. 582). 406, 408, 411, 414, 415, 417, 419, 427—429, 431, 448—450, 453, 456.

Демидова, вероятно Вера Егоровна (р. 11 декабря 1800, ум. в Липецке 26 июля 1870), рожд. Панина, жена генерал-майора Николая Петровича Демидова (ПН, II, стр. 29; ЛР, I, стр. 183; К. Головщиков. Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881, стр 242). 307.

Демонси, жена Александра Демонси (р. 1775, ум. 15 января 1835), повидимому, София Демонси (ум. 9 сентября 1838); эти сведения дает Казанский некрополь (Агафонов I, стр. 69), где упоминается еще Иосиф Демонси, умерший 18 октября 1838 г. Эта София Демонси, по всей вероятности, содержала в Казани модный магазин на Воскресенской ул., в доме Хворовой (Чернов, стр. 229). Сын их Карл Александрович Демонси (р. 1816, ум. 10 ноября 1867) принят был слушателем на медицинский факультет Казанского университета 2 сентября 1831 г., который окончил 27 июня 1836 г. с званием лекаря 1 отделения (М, I, 1, стр. 160); затем (с 1 июля 1837 г. по 5 апреля 1840 г.) врач студенческой больницы Казанского университета (там же, стр. 200 и I, 2, стр. 589); 11 августа 1839 г ему поручено было по ходатайству проф. Ф. О. Елачича преподавание в университете десмургии; уволен был 5 июня 1840 г. (Загоскин. Словарь, II, 182); впоследствии К. А. Демонси был профессором патологии и терапии Харьковского университета см. «Медицинский факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905)», под ред. И. П. Скворцова и Д. И. Багалея, Харьков 1905—1906, биографический словарь, стр. 122—123; РБС; Венгеров, Источники, II, 227. Характеристику его как профессора-педагога см. в «Воспоминаниях о Харьковском университете 1850—1855 гг.» И. В. Любарского (ИВ, 1891, № 8, стр. 382—383). 297.

Депрейс, Наталья Порфирьевна, р. Молоствова (р. 7 апреля 1803, ум. 1 мая 1879), сестра попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова (см.), жена Николая Исаевича Депрейса (см.,), который имел от нее 4 сыновей: Николая, Петра, Владимира и Сергея, а также дочерей: Марию (р. 1823, ум. 18 мая 1860), бывшую замужем за Петром Дмитриевичем Мертваго (р. 23 марта 1813), братом Екатерины Дмитриевны Загоскиной (Сиверс, стр. 5); Екатерину, Варвару (ум. в 1899 г., за И. В. Троицким) и Ольгу (за А. Н. Булыгиным). Старшие сыновья Николай и Петр Депрейсы участвовали в Севастопольской кампании; дочь Мария Николаевна была хорошо знакома с Л. Н. Толстым, который знал и всю семью Депрейсов; Екатерина Николаевна была поэтессой; стихи ее изданы были в 1905 г. отдельной книгой: «Стихотворения Екатерины Николаевны Депрейс», М., 1905. Л. Н. Толстой вел с ней переписку (ШТ

стр. 102—105). О Н. П. Депрейс и всей ее семье см. в воспоминаниях М. П. Ватаци, «Быль минувшего» (ИВ, 1913, № 5, стр. 412—431). 307.

Депрейс, Николай Исаевич (р. 1792, ум. 19 апреля 1854), отставной капитан (Агафонов I, стр. 69), Казанский губернский предводитель дворянства; в молодости служил в Лубенском гусарском полку и во время Отечественной войны 1812 г. некоторое время находился в отряде знаменитого партизана полковника Фигнера, участвовал в сражениях 1813 года; в 1816 г. вышел в отставку с чином капитана из Тираспольского конно-егерского полка, вследствие раны, полученной в сражении; был затем почетным смотрителем Мамадышского уездного училища, а с 1842 по 1851 г. — почетным попечителем Казанских гимназий; с 1851 г. по 1854 г. состоял Казанским губернским предводителем дворянства (Любимов, стр. 24). Был женат с 30 января 1822 г. на Наталье Порфирьевне Молоствовой (см.), сестре В. П. Молоствова (РА, 1877, кн. II, стр. 348; Лодыженский, стр. 17). Его некрологи см. в КГВ, 26 апреля 1854, № 17, стр. 112 и в «Северной Пчеле», 1854, № 108, стр. 482. Характеристику всей семьи Депрейсов см. в воспоминаниях М. П. Ватаци, «Быль минувшего» в ИВ, 1913, № 5, стр. 413, 414—418, 425—426 и др. и в ШТ, стр. 102—105. — Стр. 306, 506.

Державин, Гавриил Романович (р. 3 июля 1743, ум. 9 июля 1816), знаменитый поэт и государственный деятель, уроженец г. Казани (РПН, 247). Мысль о постановке памятника Державину в Казани возникла впервые у И.И. Лажечникова (см.) в 1825 г., когда он читал отчет об управлении им Казанской гимназией, опубликованный в «Славянине», 1827. В своей статье «Как я узнал М. Л. Магницкого» («Русский Вестник», т. 61, 1866, № 1, стр. 134—135) Лажечников вспоминал: «Горжусь, что я положил первый камень в основании этого памятника» (то же в «Сочинениях И. Лажечникова», т. XII, СПб., 1884, стр. 368—369 и в «Полном собрании сочинений И. И. Лажечникова», т. XII, СПб., 1900, стр. 320—321). Об открытии подписки на сооружение памятника сообщалось в ПКВ, 27 января 1832, № 4, стр. 25—26, а также в статье «О сооружении в Казани памятника Державину» в КВ, 1832, сентябрь, стр. 3—5 и в «Заволжском Муравье», 1832, № 10, май, стр. 571—572. Торжественная закладка памятника произошла лишь 15 сентября 1844 г. на университетском дворе в присутствии губернатора С. П. Шипова и Н. И. Лобачевского (ПКГВ, 2 октября 1844, № 40; Агафонов, II, 128). Через 3 года, 10 мая 1847 г., из Нижнего-Новгорода в Казань была доставлена водою «колоссальная статуя памятника Державину»; 15 мая она была выгружена при огромном стечении народа (КГВ, 19 мая 1847, № 21, столб. 267—268), а 26 мая там же (№ 22, столб. 286) сообщалось, что открытие памятника назначено было на 22 августа. Поднятие статуи на пьедестал произошло 16 июля 1847 г., и ход постройки памятника описан там же (21 июля 1847, № 30, столб. 375). Самое открытие в торжественной обстановке происходило 23 августа 1847 г. Описание открытия см. в «Воспоминаниях старого Казанского студента» А. М. Полиновского (ВВ, 1890, № 306, стр. 2); в «Моих заметках» А. Н. Пыпина, М., 1910, стр. 33—34; в «Записках о прошлом» П. П. Суворова, ч. I, М., 1899, стр. 9 и в статье Н. П. Загоскина «Казанская старина» (ВВ, 25 января 1892, № 24, стр. 2—3). См. также «Отчет о сооружении памятника Державину, читанный секретарем Общества любителей отечественной словесности Г. Суровцовым» («Ученые Записки, издаваемые имп. Казанским университетом», 1847, кн. III, стр. 129—139). Описание самого памятника можно найти в воспоминаниях П. Д. Боборыкина, стр. 57. Снимок с памятника и библиография сведений в печати об его открытии см. в «Сочинениях Г. Р. Державина», под ред. Я. К. Грота, т. VIII, СПб., 1880, стр. 1020—1021. Цитата из стихотворения Г. Р. Державина, находящаяся в речи Н. И. Лобачевского о воспитании, взята из известной оды «К первому соседу», 1780 г. (Сочинения Державина, под ред. Я. К. Грота, т. I, СПб., 1864, стр. 105). — 305, 324, 491, 507, 524.

Державина, Дарья Алексеевна, р. Дьякова (р. 1767, ум. 16 июня 1842), вдова поэта (РПН, 247; Долгоруков, IV, 400; Савелов, 521). В «Отчете о сооружении памятника Державину», опубликованном в «Ученых Записках, изд. имп. Казанским университетом»

(1847, кн. III, стр. 135, в примечении) говорится о том, что душеприказчик Д. А. Державиной сенатор К. М. Бороздин (см.) «прислал для хранения в университетской библиотеке кресло, стол, чернильницу и несколько черновых стихотворений руки незабвенного поэта»; то же сообщение находится и в «Казанской истории» Н. Баженова (ч. III, Казань, 1847, стр. 111, в примечании). Описание пожертвованных вдовою Державина вещей поэта дано впервые А. И. Артемьевым в его статье «Прогулка по Казани. VI, Университетская библиотека» (КГВ, 8 мая 1850, № 19, стр. 153—156). Здесь же сообщено, что рисунки всех вещей, исполненные б. студентом Вагнером, были помещены в одном из номеров «Иллюстрации», 1848 (ср. «Сочинения Г. Р. Державина», под ред. Я. К. Грота, т. VIII, СПб., 1880, стр. 1012, 1018—1019). В настоящее время стол, кресло и чернильница Г. Р. Державина хранятся в Государственном музее Татарской АССР в г. Казани. 507.

Дидо, братья, французская книжная фирма. 590.

Дирхсен, автор курса вариационного исчисления; им руководствовался Н. И. Лобачевский для своих лекций в 1834 г. 371.

Диттель, Франц, отец Вилльяма Францовича Диттеля (р. 1816, ум. 22 июля 1848), слушателя Казанского университета с 12 августа 1833 г. по 16 июня 1837 г., затем кандидата и магистра (1841—1846) того же университета (М., I, 1, стр. 178, 227, 253, 272, 309). В. Ф. Диттель 19 марта 1846 г. переведен был в Петербургский университет и. д. профессора по кафедре турецкого (османского) языка, но вскоре умер от холеры (В. В. Григорьев, Имп. С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования, СПб., 1870, стр. 262; Венгеров, Источники, II, стр. 257. Некролог его, написанный А. Артемьевым, см. в КГВ [26 июля 1848], № 30, стр. 246—248; Агафонов, I, 69; РБС. Франц Диттель, вероятно, владел домом в Казани и магазином галантерейных изделий. О его дочери Луизе Антоновне [sic!] Диттель, по мужу Подгорецкой, говорится в биографии Н. И. Второва (РА, 1877, кн. II, стр. 435). 299.

Дмитриевский, Иван Степанович (р. в 1803 или 1804, ум. 26 октября 1866), адъюнкт терапевтической клиники Казанского университета; с 29 ноября 1828 г. был ординатором университетской клиники. Одновременно состоял (с 7 мая 1827 по 13 ноября 1852) секретарем Врачебного отделения университета или Медицинского факультета (Загоскин, Словарь, II, 182—183; М., I, 1, стр. 135 и 209; Загоскин, История, IV, стр. 120—121; РБС). В 1854 г. был членом Комитета по истории Казанского университета. Во время холеры в Казани в 1830 г. Дмитриевский опубликовал специальную статью «О болезни, называемой холера, свирепствовавшей повально в городе Казани в сентябре и октябре месяцах 1830-го года» (КВ, 1831, май и июнь, стр. 70—79, здесь Дмитриевский назван штаб-лекарем). 254, 262, 284, 291, 295, 300, 543, 660.

Дмитрий, крепостной мальчик И. Е. Великопольского. 401.

Дмитрий Тихонович, лицо неустановленное. 502.

Добромыслов, Алексей Сергеевич (ум. 9 июля 1875), и. д. архивариуса Совета Казанского университета; утвержден в должности с 18 января 1838 т. и выполнял ее до своей смерти (М., I, 1, стр. 205, и I, 2, стр. 581). 522, 527.

Добронравов, Аркадий Гаврилович, студент-математик Казанского университета с 8 августа 1818 г.; окончил курс 2 июля 1821 г. с званием действительного студента (с 8 июля 1822); 10 ноября 1822 г.; поступил в Институт корпуса инженеров путей сообщения (М., I, 1, стр. 73 и 96), который окончил 15 июня 1823 г. с чином прапорщика; в 1824 г.— подпоручик; с 1825 г.—поручик (см. «Список лиц, окончивших курс наук в Институте инженеров путей сообщения... с 1811 по 1882 г.» СПб., 1883, прил., стр. 13); в 1840—1850-х гг. инженер-полковник, автор ряда печатных трудов по турбинам и паровым машинам (Венгеров, Источники, II, 278). 118.

Дондуков-Корсаков, Михаил Александрович, князь (р. 5 сентября 1794, ум. 29 августа 1869); вице-президент Академии Наук; с 1833 г. и. д. попечителя Петербургского учебного округа (РПН, 263; РБС). 447, 448.

Дорогов, Яков Иванович, с 1841 г.—непременный сектетарь и правитель дел Ка-

занского экономического общества (1853); автор «Письма к Н. И. Гречу», Казань, 1830. — Стр. 542.

Досик, мисс, вероятно гувернантка в доме М. Н. Мусина-Пушкина. 295.

Дрательская, лицо неустановленное. 300.

Дубенский, директор департамента (1830). 282.

Дунаев, Иван Иванович (р. 1788, ум. в 1840-х годах), профессор Казанского университета по кафедре химии и технологии; образование получил в Петербургском педагогическом институте; 27 февраля 1811 г. назначен в Казанский университет магистром; адъюнкт химии с 26 марта 1814 г.; э. профессор с 12 января 1817 г., но утвержден был лишь 24 августа 1821; 21 июля 1823 избран и 25 августа утвержден о. профессором технологии; уволен из университета 1 августа 1837 г. после упразднения кафедры технологии; в 1816—1820 гг. был редактором «Казанских Известий»; заведывал химической лабораторией Казанского университета (Загоскин, Словарь, I, 317—318; Загоскин, История, I, 278—279). С 7 октября 1822 г. по день увольнения состоял бессменным заседателем Правления университета (М., I, 1, стр. 210). 50, 58—60, 62, 87, 88, 92, 93, 112, 125, 126, 155, 162, 164, 171, 188, 190, 225, 236, 254, 277, 295, 298, 341, 355, 555, 668, 673.

Дюкло, Шарль-Пино (р. 1704, ум. 1773), французский литератор, начал свою деятельность скабрезными романами. История Людовика XI, изданная им в 4-х томах в 1745 г., и покровительство Вольтера доставили ему место непременного секретаря Французской Академии. Сочинение, которое цитирует Лобачевский в своей речи о воспитании, очевидно — «Considerations sur les moeurs de ce siècle» (1749); переведено на русский язык: «Рассуждение о нравах сего времени», СПб., 1813. Критика отметила ту любопытную особенность, что в этом сочинении, трактующем о нравах, только один раз встречается слово: женщина (Ср. А.В. Васильев, «Броннер и Лобачевский. Два эпизода из жизни первых профессоров Казанского университета», Казань, 1893, стр. 7). 326.

Дюма, Александр-отец (р. 1803, ум. 1870), французский романист; его сочинения любил читать Н. И. Лобачевский. 594.

Дюфей, Шарль-Франсуа (р. 1698, ум. 1739), французский геометр, астроном, механик, анатом, химик и ботаник, член Французской Академии наук, автор гипотезы (1733) о двух электрических токах. 314.

Евреинов, Алексей Петрович (р. 11 февраля 1801, ум. 18 марта 1886), студент Казанского университета с 31 августа 1816 г., который окончил кандидатом 4 июля 1819 г. и выбыл 11 июля того же года; действительный студент с 19 октября 1820 г. после второго экзамена, но 8 января 1821 г. вновь выбыл из университета (ПН, II, 114; М., I, 1, стр. 59, 79 и 86); по окончании университета служил в канцелярии Рязанского, Тульского, Орловского, Воронежского и Тамбовского генерал-губернатора (с 9 марта 1821); секретарь придворной конторы (1827), секретарь канцелярии Военного министерства (1832); в 1834 г. переведен был в Азиатский департамент. Дальнейшая деятельность его неизвестна (Затворницкий, стр. 160). 77.

Ейлер, см. — Эйлер.

Екатерина II, императрица. 233, 327.

Екклестон, живший 143 года. 325.

Елачич, Франц Осипович (ум. в апреле 1888), профессор Казанского университета по кафедре оперативной хирургии и окулистики (с 1 августа 1837), доктор медицины; заслуженный профессор (1859) и уволен со службы 10 апреля 1861 г.; с 1864 г.—почетный член университета; в Казани славился как выдающийся врач-практик (Загоскин, Словарь, II, 193—194). О нем см.: А. Г. Князев, Из воспоминаний о Казани (1849—1859 гг.). Посвящается памяти Ф. О. Елачича, «Литературный сборник к 100-летию имп. Казанского университета. Былое из университетской жизни», Казань, 1894, стр. 98—104. Характеристика у М. П. Ватаци, Быль минувшего (ИВ, 1913, № 7,

стр. 41); воспоминания А. И. Ильинского (РС, 1894, № 4, стр. 7—10); П. Д. Боборыкин, стр. 61; Э.П. Янишевский, стр. 48. Его жена Мария Карловна Елачич известна была в Казани как певица, выступавшая в любительских концертах (Н. Баженов, Казанская история, Казань, 1847, ч. III, стр. 124—125). 417, 418, 420, 600, 608, 609, 657.

Енгельгардт, см.— Энгельгардт.

Ердман, см.— Эрдман.

Еремеев, Иван Федорович, надворный советник, свидетель на завещании Н.С. Моисеевой 1810 г., отец П. И. Еремеева (см.); у И. Ф. Еремеева в 1812 г. Н. С. Моисеева купила имение Тверской губ., Старицкого уезда, перешедшее затем к И. Е. Великопольскому (Чернявский, л. 68 об., № 383). 681, 682.

Еремеев, Павел Иванович (р. 1786, ум. в марте 1855), артиллерии штабс-капитан, Казанский губернский предводитель дворянства, сын Ивана Федоровича Еремеева (см.) и его жены Марии Львовны, р. Молоствовой (р. 1757, ум. 20 апреля 1822), приходившейся теткой попечителю Казанского учебного округа В. П. Молоствову (Агафонов, I, 71; Лодыженский, стр. 13). С 1800 г. служил в артиллерии, участвовал в Казанском ополчении во время Отечественной войны 1812 г.и в заграничных походах; затем почетный смотритель Свияжского уездного училища (с 1822); с 1823 г. предводитель дворянства Царевококшайского уезда; с 1824 по 1830 гг. был Свияжским уездным предводителем дворянства, а с 1830 по 1842 гг. был Казанским губернским предводителем дворянства (Любимов, стр. 24); до 1855 г. был попечителем Казанского комитета о бедных и почетным попечителем Казанских гимназий. В 1850-х гг. П. И. Еремеев состоял председателем III Отделения Казанского экономического общества. Некролог П. И. Еремеева напечатан в КГВ, 4 апреля 1855, № 14, стр. 88—89.—Стр. 390, 393—395, 534, 541, 542, 547, 568.

Еремеева, Любовь Александровна, дочь Александра Марковича Полторацкого, жена Казанского губернского предводителя дворянства (1830—1842) штабс-капитана Павла Ивановича Еремеева (ЛР, II, 115). 292.

Ермолов, Алексей Петрович (р. 24 мая 1777, ум. 11 апреля 1861), генерал-от-инфантерии, автор воспоминаний (Александр Ермолов. Род Ермоловых, М., 1913, стр. 47—51). 655.

Ерохов, Иван Калинникович (р. 21 июня 1794; дата смерти неизвестна), профессор Казанского университета по кафедре ветеринарной медицины; уволен 1 августа 1837 г. при введении нового университетского устава (Загоскин, Словарь, II, 195). 155, 190, 201, 236, 243—245, 277, 281, 339—341, 391, 673.

Ефебовский, Павел Васильевич (р. 1811, ум. 1 января 1846), студент Казанского университета с 18 сентября 1826 г.; окончил кандидатом 26 июня 1830 г.; выбыл из университета 2 июня 1831 г. (М.,I,1, стр. 123, 150). Его отец Василий Архипович (р. 1795, ум. 8 мая 1853),[1] штаб-лекарь, ординатор, был женат на Александре Алексеевне Второвой (ум. 2 июня 1827), сестре известного Казанского просвещенного деятеля Ивана Алексеевича Второва (см.). О В. А. Ефебовском и его жене и о тяжелой семейной обстановке в их доме, сведшей А. А. Ефебовскую в раннюю могилу, подробно рассказывает М. Ф. Де-Пуле в своей известной работе «Отец и сын» (см. Второв, т. 118, 1875, № 8, стр. 583—589); здесь В.А. Ефебовский назван Василием Федоровичем с указанием, что он служил заседателем земского суда и имел трех детей: Любовь, Федора и Павла (см. Агафонов, I, 71). Просьба В. А. Ефебовского о принятии его сына в комнатные надзиратели при студентах Казанского университета, о чем упоминает Н. И. Лобачевский в своем письме к М. Н. Мусину-Пушкину 3 января 1829 г. (см. № 282), не была удовлетворена (см. ответ Мусина-Пушкина, 18 января 1829, № 286). Впоследствии П. В. Ефебовский стал известен как писатель, писавший под псевдонимом А. А. фон

---

[1] См. извещение о его смерти, в Казанском военном госпитале, в КГВ, 13 июля 1853, № 29, стр. 232 и 20 июля 1853, № 30, стр. 240.

Женихсберга (см. Г. Н. Геннади, Справочный словарь о русских писателях и ученых, т. I, Берлин, 1876, стр. 346 и Венгеров, Источники, II, 369). В 1842 г. за пропуск в печать некоторых мест повести Ефебовского «Гувернантка», напечатанной в «Сыне Отечества» (1840, № 8) проф. А. В. Никитенко, бывший тогда цензором, по распоряжению Николая I был посажен на ночь на гауптвахту (см. А. В. Никитенко, Записки и дневник, под ред. М.К. Лемке, т. I, СПб., 1904, стр. 329—333). Некролог П. В. Ефебовского в «Месяцослове», 1847, стр. 172. См. также: «Воспоминания гр. В. А. Соллогуба», под ред. С. П. Шестерикова, М.—Л., 1931, стр. 652; биографию Н. И. Второва в РА, 1877, кн. II, стр. 334, 427, 430. — Стр. 253, 259.

Ешевская, Александра Степановна, дочь историка, профессора Московского университета Степана Васильевича Ешевского (р. 1829, ум. 27 мая 1865) и его жены Юлии Петровны, р. Вагнер. А. С. Ешевская окончила Смольный институт в 1876 г. (Н. П. Черепнин. Имп. Воспитательное общество благородных девиц, 1764—1914, т. III, П., 1915, стр. 598, № 22) и известна как автор неизданных воспоминаний о Смольном институте 70-х гг. XIX в. и «Из семейной хроники», откуда извлечен в настоящий сборник отрывок ее воспоминаний о Н. И. Лобачевском и об его отношениях с П. С. Кондыревым (см.). Воспоминания ее хранятся в Государственном историческом музее в Москве (Фонд 312, № 13/48932). 22, 30, 38, 41, 664—665.

Жеванов, Иван Григорьевич (р. 1770, ум. 21 октября 1830), Казанский гражданский губернатор с 7 января 1829 г.; вступил в должность 2 марта, но уже 3 октября 1830 г. сдал ее по болезни вице-губернатору Е. В. Филиппову (см.) и более к должности не возвращался (Затворницкий, стр. 8; Агафонов, I, 71; Пупарев). Характеристика его личности дана в статье «Губернаторы доброго старого времени. Воспоминания старожила» (РС, 1907, № 7, стр. 188—190), где неверно указана дата его смерти (1832), а также в воспоминаниях А.А. Малышева «В старые годы. Из воспоминаний Казанского старожила» (КВК, 30 декабря 1895, № 3, стр. 2). В статье «Об учреждении в Казани ныне существующей гимназии» в «Заволжском Муравье», 1833 (№ 6, март, стр. 339) сообщается, что И. Г. Жеванов служил в 1798 г. в Казанской гимназии в должности казначея; поэтому он мог быть хорошо осведомлен о происходивших в то время событиях в жизни гимназии и дать нужную справку М. Н. Мусину-Пушкину по памяти. Об этом Н. И. Лобачевский, вероятно, узнал из бесед своих с И. Г. Жевановым. Н. М. Затворницкий (см. выше) сообщает, что казначеем Казанской гимназии Жеванов состоял с 12 июня 1798 г. по 15 декабря 1799 г. — Стр. 262, 264, 267, 282, 284.

Желдыбин, Василий Степанович, студент Казанского университета с 23 августа 1827 г. по 27 июня 1831 г., когда окончил курс с званием лекаря 1 отделения и с серебряной медалью. 9 ноября 1831 г. был назначен врачом 8 и 9 конно-артиллерийских рот Оренбургского казачьего войска (М., I, 1, стр. 131 и 157). В конце июля 1831 г., в сопровождении К. Ф. Фукса, был отправлен в Нижний-Новгород в распоряжение Петербургского военного губернатора генерал-адъютанта П. В. Голенищева-Кутузова (см.) на борьбу с холерою. 291, 292, 299.

Желтухин, Владимир Федорович (р. 1783, ум. 1848), брат П. Ф. Желтухина (см.), чиновник особых поручений при попечителе Казанского учебного округа (1827), затем Казанский губернский предводитель дворянства (1845—1848), действительный член Казанского экономического общества (1841), и его жена Татьяна Петровна (р. 1796, ум. 1856), дочь майора артиллерии Вешнякова, богатые помещики Казанской губернии, Лаишевского уезда (ЛР, I, 194 и 435), знавшие по Казани Л.Н. Толстого (ШТ, стр. 94—95). Подробную характеристику их см. в воспоминаниях Д. А. Корсакова. Из жизни русского дворянства прошлого времени (ИВ, 1911, № 8, стр. 472—474, 479—484 и др.); ср. также в воспоминаниях А. А. Малышева. В старые годы (КВК, 5 января 1896, № 8, стр. 2—3); «Отчет Казанского экономического общества за 1848 год», стр. 11 (о смерти В. Ф. Желтухина); Любимов, стр. 24. — Стр. 303, 506, 509.

Загайнов, Сергей Васильевич (ум. 28 января 1863), надв. сов.; слушатель Казанского университета с 5 августа 1838 г.; окончил университет 31 августа 1843 г. с званием лекаря 2 ст. (с 4 сентября 1843); до 1 мая 1844 г. и. д. прозектора Казанского университета; 16 мая 1844 г. — и. д. помощника прозектора того же университета; утвержден в этой должности 10 сентября 1845 г.; и. д. прозектора с 23 июля 1855 г.; прозектор с 16 февраля 1856 г.; 20 июля 1862 г. по прошению уволен (Агафонов, I, стр. 72; М., I, 1, стр. 236, 284, 294, 308; I, 2, стр. 429, 442, 527). 411.

Загин, коллежский регистратор. 79.

Загоскин, Михаил Николаевич (р. 14 июля 1789, ум. 23 июня 1852), писатель-романист и драматург, директор Московских театров и Московской оружейной палаты (МН, I, 456; РБС). Из своего романа «Аскольдова могила» (1833) он сделал либретто для оперы, музыку к которой написал композитор А. Н. Верстовский. Опера эта имела большой успех. О постановке ее в Казани см. у П. Д. Боборыкина, стр. 68 и в письме С. А. Юрьевича к жене из Казани 22 июня 1837 г. (РА, 1887, кн. II, стр. 54). 390.

Загоскина, Екатерина Дмитриевна (р. 1 октября 1806, ум. 6 мая 1885), дочь сенатора Дмитрия Борисовича Мертваго, автора известных «Записок» (1760—1824, М., 1867), и его жены Варвары Марковны, р. Полторацкой; 29 апреля 1831 г. Е.Д. Мертваго вышла замуж за инженер-полковника Николая Николаевича Загоскина, брата писателя М. Н. Загоскина; она была начальницей Родионовского института благородных девиц в Казани и хорошо знала Л. Н. Толстого по Казани, когда его сестра М. Н. Толстая училась в этом институте (ШТ, стр. 96, 99—101). О ней см. ПН, II, 175; Сиверс, 5; «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», в. XLVII, Тамбов, 1904, прил., стр. 61, 64—67, 85, 86, и в воспоминаниях Т. П. Пассек, «Из дальних лет», т. I, СПб., 1905, стр. 299—312 и др.; П. Д. Боборыкин, стр. 63—65; М. В. Ватаци. Быль минувшего (ИВ, 1913, № 4, стр. 39—40 и № 6, стр. 783—784); П. Баженов, Казанская история, (ч. III, Казань, 1847, стр. 121). 642.

Зальценберг, Федор Христианович, слушатель Казанского университета с 10 июля 1831 г. по 24 июня 1835 г., курс которого окончил с званием лекаря 2 отделения; 17 сентября того же года определен лекарем 10 Сибирского линейного баталиона (М., I, 1, стр. 160 и 193); товарищ Н. Ф. Ворожцова (см.). 670.

Замбони, Джувеппе (р. 1776, ум. 1846), итальянский физик, известный работами по электричеству. 315.

Запольский, Иван Ипатович (р. 1773, ум. 20 декабря 1810), учитель Н. И. Лобачевского, профессор Казанского университета по кафедре прикладной математики и опытной физики. С 19 января 1799 г. был учителем физики и математики Казанской гимназии, а с 23 января 1805 г.—адъюнкт Казанского университета по кафедре прикладной математики и физики; и. д. секретаря Совета Казанской гимназии с 21 апреля 1807 г. по 18 августа 1810 г. (М., I, 1, стр. 41); с 16 января 1810 г.—э. профессор (Загоскин, Словарь, I, стр. 336, Булич, I, стр. 79—80 и др. по указ.; Загоскин, История, I, стр. 46—47 и др.; Владимиров, ч. 2, стр. 36; Венгеров, Источники, II, 420). 36.

Званцов, Александр Петрович (р. 1782, ум. 18 сентября 1838), герольдмейстер Герольдии Правительствующего Сената. 356.

Звыгостев, см. — Злыгостев.

Зефиров, Михаил Михайлович (р. 6 января 1826, ум. 4 марта 1889), протоиерей, профессор богословия Казанского университета (Агафонов, I, 73; Загоскин, Словарь, I, стр. 8—11; Явыков, вып. IX, стр. 30; РБС; Венгеров, Источники, II, 439). 675.

Зимняков, С. В., петербургский купец (1818), библиотека которого поступила в библиотеку Казанского университета (КИ, 1819, № 63; А. И. Артемьев. Прогулка по Казани, VI, Университетская библиотека, КГВ, [17 апреля 1850], № 16, стр. 126—131; «Казанский литературный сборник 1878», Казань, 1878, стр. 393—394). 231.

Зинин, Николай Николаевич (р. 13 августа 1812, ум. 6 февраля 1880), знаменитый русский химик, академик, профессор Казанского университета по кафедре техно-

логии (ПН, II, 212); образование получил в Казанском университете с 26 ноября 1830 г., курс которого окончил 7 октября 1833 г. с золотой медалью кандидатом (М., I, 1, стр. 152 и др.) по математическому отделению Философского факультета, где на него обратили внимание Н. И. Лобачевский и И. М. Симонов, а также М. Н. Мусин-Пушкин, пригласивший его в свой дом для занятий с детьми (Загоскин, Словарь, I, 338—341; РБС; Венгеров, Источники, II, 440—441). См. о нем в воспоминаниях Н. П. Вагнера в книге «А. М. Бутлеров. Статьи по медиумизму». Издал А. Н. Аксаков, СПб., 1889, стр. X; П. Д. Боборыкин, стр. 118—120. — Стр. 27, 431, 452, 578, 613, 632.

Злыгостев, Михаил Федорович, действительный студент Казанского университета до 14 февраля 1829 г., когда был назначен комнатным надзирателем Казанской гимназии (М., I, 1, стр. 104, 122 и 143; Месяцослов на 1831 год, ч. I, стр. 456). 254.

Зоммер, Александр Христофорович (ум. 5 марта 1877), помощник инспектора студентов Казанского университета с 7 ноября 1845 г. по 25 января 1865 г.; неоднократно и. д. инспектора: с 19 июня 1842 г. по 2 августа 1842 г., с 27 июня по 22 августа 1844 г., с 30 марта 1845 г. по 21 сентября 1847 г. с 15 июля по 1 августа 1850 г. и др. годы (Агафонов, I, 73; М., I, 2, стр. 582—583). Характеристику его см. в воспоминаниях С. И. Сластникова (PC, 1895, № 8, стр. 161—162); «Воспоминания о пережитом доктора А. И. Ильинского» (PC, 1894, № 3, стр. 46); В. Назарьев, Жизнь и люди былого времени (ИВ, 1890, № 11, стр. 439); Э. П. Янишевский, стр. 6—9, 15—17; А. М. Полиновский, Воспоминания старого казанского студента (ВВ, 1890, № 310, стр. 2). А. X. Зоммер выведен П. Д. Боборыкиным в его романе «В путь-дорогу», книга III. Здесь передается разговор студента Телепнева с помощником инспектора студентов: «Ну, а меня-то вы не знаете, батюшка? Я старший помощник Иван Христофорович Винтер; теперь уже года мои ушли, да ведь разве заслуги ценятся! А еще не очень давно мы с Николаем Ивановичем [т. е. Лобачевским] управляли округом—и все шло как следует... — Телепнев не скоро бы освободился от старикашки, управлявшего с Николаем Ивановичем округом, но в эту минуту влетел другой помощник, провозглашая: попечитель идет!» («Библиотека для чтения», 1863, № 6, стр. 10). Эта сценка взята из жизни (см. в воспоминаниях Э. П. Янишевского в настоящем издании, стр. 653). 606, 653, 662.

Ибрагимов, Лев Николаевич, поэт, сын поэта Николая Мисаиловича Ибрагимова (род. ок. 1778, ум. 17 апреля 1818), адъюнкта Казанского университета по кафедре российской словесности (Агафонов, I, стр. 73; Загоскин, Словарь, I, 86—87); с 1 сентября 1833 г. по 16 июня 1837 г. был студентом Казанского университета, курс которого окончил с званием действительного студента (М., I, 1, стр. 176). Автор сборника «Стихотворений», Казань, 1841 (Венгеров, Источники, II, 457; Б. Н. Агафонов, Казанские поэты, ИВ, 1900, № 8, стр. 595—596). Особенной популярностью пользовалось его стихотворение «Ты душа ль моя, красна девица», положенная на музыку композиторами А.Ф. Львовым и Н. И. Бахметевым (А. П. Аристов, Песни казанских студентов 1840—1868, СПб., 1904, стр. 26). Текст этой песни вошел в сборник И. Н. Розанова, Песни русских поэтов (XVIII — первая половина XIX века), 1936, стр. 473; ср. стр. 580. — Стр. 674.

Иван Васильевич Грозный, царь. 232.

Иванов, Николай Алексеевич (р. 1811, ум. 30 марта 1869), историк, профессор русской и всеобщей истории и истории философии в Казанском университете. Образование получил в том же университете с 24 августа 1826 г. по 24 июня 1831 г., кандидат (до 1 мая 1833); профессорский стипендиат Дерптского университета для усовершенствования в исторических науках (М., I, 1, стр. 123, 159, 165); с 1839 по 1855 гг. — профессор Казанского университета, а с 1856 по 1859 гг. — Дерптского университета; как лектор пользовался среди студентов большой популярностью, хотя и был очень строгим экзаминатором (РА, 1871, столб. 487—488; РБС; Венгеров, Источники, II, 466; Загоскин,

Словарь, I, 87—90; «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Юрьевского, бывшего Дерптского университета», т. II, Юрьев, 1903, стр. 539—541). Как историк известен книгой «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. Ручная книга для русских всех сословий», СПб., 1835—1837, которая была издана под именем Ф. В. Булгарина, воспользовавшегося трудом молодого историка со спекулятивными целями (см. письмо Булгарина 1835 г. в «Старине и Новизне», кн. IX, СПб., 1905, стр. 324 и 388—389; РС, 1879, № 5, стр. 206; РА, 1882, кн. II, стр. 275, 277—278; РА, 1870, столб. 1267; «Полное собрание сочинений В. Г. Белинского», под ред. С. А. Венгерова, т. VI, СПб., 1903, стр. 584 и др.). Н. А. Иванову принадлежит также статья «Ученые собрания профессоров Казанского университета» с отчетами о докладах Н. И. Лобачевского (о наблюдениях солнечного затмения 1842 г.), И. М. Симонова (о его путешествии за границу), Ф. И. Эрдмана (об его исследовании пляски св. Витта), Э. А. Кнорра и др. (см. «Северная Пчела», 2 июня 1843, № 120, стр. 479—480; 3 июня 1843, № 121, стр. 483—484; 4 июня 1843, № 122, стр. 486—488 и 5 июня 1843, № 123; ср. К, I, стр. 103, примечание 123). Характеристику его как профессора, лектора и человека см: «Воспоминания К.Н. Бестужева-Рюмина», СПб., 1900, стр. 19; П. Д. Боборыкин, стр. 59—60; А. С. Гацисиий («Казанский литературный сборник 1878», Казань, 1878, стр. 168); «Воспоминания о пережитом доктора А. И. Ильинского» (РС, 1894, № 4, стр. 26); В. А. Лебедев, Учебные воспоминания (РС, 1908, № 8, стр. 244, 245, 254; № 9, стр. 587—589); А. М[артынов]. Отрывки из студенческих воспоминаний («Северная Пчела», 2 декабря 1860, № 269, стр. 1125—1126); И. И. Михайлов, Казанская старина (РС, 1899, № 10, стр. 108; № 11, стр. 410—411); В. Назарьев, Жизнь и люди былого времени (ИВ, 1890, № 11, стр. 433, 438—439); А. Н. Пыпин, Мои заметки, М., 1910, стр. 32; Э.П. Янишевский, стр. 22, 23, 46—47; А. М. Полиновский, Воспоминания старого казанского студента (ВВ, 1891, № 13, стр. 2). «Воспоминания бар. А. И. Дельвига», под ред. С. Я. Штрайха, т. II, М., 1930, стр. 21—22. — Стр. 20, 268, 270, 405, 418, 420, 422, 433, 434, 458—460, 486—487, 495, 515, 525, 530, 543, 561, 631, 636, 637, 652, 660.

Иванов, Николай Афанасьевич, вольноотпущенный (1847). 523.

Иванов, Петр, дьякон Казанской Богоявленской церкви. 538, 583.

Иванов, Федор Иванович, мастер моделей и машин при Казанском университете с 27 марта 1828 г. по 7 декабря 1829 г. (М., I, 1, стр. 222). 269.

Иванова, Александра (Алина) Сергеевна (р. 1817), дочь гр. С. В. Толстого (см.), жена (с 1840) проф. Казанского университета Н. А. Иванова (см.), который имел от нее сына и дочь; впоследствии оставила мужа и была классной дамой в девичьем отделении Московского воспитательного дома. О ней см. Руммель, т. II, стр. 513. Характеристику ее и ее брата гр. Н. С. Толстого см. в «Воспоминаниях барона А. И. Дельвига», под ред. С. Я. Штрайха, т. I, М., 1930, стр. 282—284, 289—292 и т. II, М., 1930, стр. 21—22. — Стр. 636.

Иконников, Флегонт Сергеевич (р. 15 марта 1799, ум. 14 июня 1849), студент Казанского университета с 31 августа 1816 г.; окончил кандидатом 4 июля 1819 г., выбыл 11 июля того же года; с 19 октября 1820 г. действительный студент по второму экзамену, но выбыл 31 декабря 1820 г. (ПН, II, 263; М., I, 1, стр. 60, 79 и 86). 77.

Ильинский, Александр Иванович (р. 1831, ум. после 1895), студент Казанского университета с 20 августа 1849 г. по 22 декабря 1853 г.; окончил со званием лекаря и серебряной медалью (из ускоренного выпуска военных врачей из студентов 5 курса); 14 марта 1854 г. назначен лекарем Подвижного запасного парка 1 Артиллерийской бригады в Динабурге (М., I, 1, стр. 364 и 407); впоследствии доктор медицины; автор воспоминаний «За полстолетия 1841—1892. Воспоминания о пережитом», опубликованных в «Русской Старине», 1894, №№ 1—11. В них он много места уделяет воспоминаниям о студенческих годах своей жизни в Казани (см. также Венгеров, II, 486). 657—658.

Ириней (р. 25 января 1783, ум. 18 мая 1864), епископ Пензенский и Саранский, в мире Иван Гаврилович Несторович, известен был как проповедник (РПН, 344; РБС; Венгеров, Источники, II, 502). Вероятно его имеет в виду под архиереем Н.И. Лобачевский в письме к М. Н. Мусину-Пушкину 10 сентября 1829 г. (см.). 269.

Ислер, бухгалтер Строительного комитета Казанского университета. 295.

Кавелин, Александр Александрович (р. 9 июня 1793, ум. 4 ноября 1850), генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, директор Пажеского корпуса; с 1834 г. состоял при наследнике Александре Николаевиче и с ним совершил в 1837 г. путешествие по России, побывав в июне этого года в Казани (ПН, II, 293; РБС). 501.

Казембек, Александр Касимович, мирза (р. 22 июля 1802, ум. 27 ноября 1870), профессор восточной словесности в Казанском университете (Загоскин, Словарь, I, 230—232, ПН, II, 300; РБС); с 29 декабря 1835 — член-корреспондент Академии Наук по разряду восточной литературы (Б. Модзалевский, стр. 191); 29 августа 1849 г. был перемещен на кафедру персидской словесности в Петербургский университет (В. В. Григорьев, Имп. С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования, СПб., 1870, стр. 256—261; БС, I, стр. 294). А. К. Казембек был одним из немногих близких Н. И. Лобачевскому профессоров Казанского университета. Когда состоялся его перевод в Петербургский университет, в доме Лобачевских 22 сентября 1849 г. были устроены ему торжественные проводы, описание которых сохранилось в статье проф. И.Н.Березина (см. № 551), а 26 октября того же года он избран был почетным членом Казанского университета («Известия и Ученые записки Казанского университета», 1866, вып. II, стр. 218, № 101 по списку почетных членов). Одно из своих первых ученых сочинений Казембек адресовал Лобачевскому в 1835 г. (см. «О взятии Астрахани в 1660 году. Письмо адъюнкта мирзы Казембека к ректору Казанского университета Лобачевскому» в «Ученых Записках, издаваемых имп. Казанским университетом», 1835, кн. I, Казань, стр.139—153). По предложению Лобачевского Совет университета в ноябре 1837 г. избрал Гаджи Казембека, сына Назира Мухаммед-хан Бека (отца А. К. Казембека), проживавшего в Дербенте, членом-корреспондентом университета, в связи с тем, что он мог доставлять университету рукописи на восточных языках и «сведения, какие в отношении к истории, литературе, статистике и географии собираются только на месте», с производством ему жалованья 100 р. в год. Одновременно Совет Университета постановил обратиться к главнокомандующему в Грузии с просьбой, чтобы все сношения университета с новым корреспондентом происходили беспрепятственно. Гаджи Казембек умер в 1839 г., о чем А. К. Казембек сообщил Совету университета в феврале этого года (см. К, I, стр. 120 и 147, примеч. 32). Наиболее полный список трудов А. К. Казембека опубликован его дочерью, невесткой поэта Е. А. Баратынского, О. А. Баратынской (РА, 1894, кн. I, стр. 280—284; см. также ее статьи об отце «Александр Касимович Казембек. К его биографии», там же, 1893, кн. III, стр. 209—226 и 537—555 и поправки к ней, с портретом, там же, 1894, кн. II, стр. 165—174 и заметку Е. Козубского, там же, стр. 414—415; см. также некролог А. К. Казембека со списком трудов в РА, 1872, столб. 2001—2003; Венгеров, Источники II, 552), см. также характеристику Казамбека в книге барона А. Гакстгаузена, посетившего Казанский университет в июне 1842 г. («Etudes sur la situation interieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie par le Baron Auguste de Haxthausen», edition française, premier volume, Hanovre 1847, pp. 449—450, где он назван Mourza Chassim Bey) и в воспоминаниях И. И. Михайлова, Казанская старина (РС, 1899, № 10, стр. 110; № 11, стр. 415—416). 18 февраля 1842 г. А. К. Казембек женился в Казани на дочери А. П. Костливцева (см.) Прасковье Александровне (р. 1 ноября 1815, ум. 25 ноября 1854). Казембек рассказывает о своей свадьбе в автобиографической записке, опубликованной в РА, 1893, кн. III, стр. 224—225 (ср. ПН, II, 300; Руммель, т. I, стр. 343—344). П. А. Казембек, как и ее муж,

была в дружественных отношениях с Н. И. и В. А. Лобачевскими. 270, 292, 328, 390, 417—419, 515, 519, 529—530, 613, 664.

Казина, София Николаевна (р. 8 октября 1849, ум. 15 июля 1871; Агафонов, I, стр.75), дочь Н. И. Лобачевского, вторая жена казанского помещика Нила Дмитриевича Казина (р. 1 июня 1824), который имел от нее сыновей: Николая Ниловича, председателя Казанского окружного суда, женатого на Софии Петровне Горталовой (Д. А. Корсаков, Из жизни русского дворянства прошлого времени, в ИВ, 1911, № 9, стр. 951), Федора Ниловича (р. 1858, ум. 2 марта 1915), члена Государственной думы от Казанской губернии («Нов. Время», 1915, № 14002), Петра Ниловича, военного инженера, Александра Ниловича, податного инспектора, женатого на казанской купчихе Марии Ивановне Печенкиной, и Нила Ниловича (ум. 20 октября 1872, 4 лет и 9 месяцев;Агафонов, I, 75). Все они являются родными внуками Н. И. Лобачевского (см. генеалогическую таблицу родства Лобачевского с Казиными в книге Н. П. Лихачева, Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки, СПб., 1913, стр. 16—17; РБС; Чернявский, л. 99 об., № 549). Петр Нилович Казин,женатый на княжне Марии Николаевне Кудашевой, имел трех детей — правнуков Н. И. Лобачевского — Юрия, Татьяну и Никиту Петровичей Казиных (Н. В. Шапошников. Heraldica, I, 1900, стр. 203). Никита Петрович Казин, женатый на княжне Александре Ивановне Звенигородской (Г. А. Власьев, Потомство Рюрика, т .I, ч. 1, СПб., 1906, стр.592—593 и «Известия Тамбовской ученой Архивной комиссии», в. 47, Тамбов, 1904, стр. 260) был последним владельцем оригинального портрета Н. И. Лобачевского, работы Л.Д. Крюкова, 1839 г.; история этого портрета изложена со слов двоюродного брата А. И. Казиной — Андрея Владимировича Звенигородского в справке о Л. Д. Крюкове (см.). 561, 584—586, 589, 629, 640, 678.

Кайсаров, Андрей Васильевич (р. 1787, ум. 16 июля 1854), адъюнкт физики Казанского университета; образование получил в числе первых студентов Казанского университета вместе с С. Т. Аксаковым, А. И. Лобачевским (старшим), И. И. Панаевым, В.М. и Д.М. Перевощиковыми и др. с 18 февраля 1805 г., курс которого окончил 14 февраля 1809 г. со степенью кандидата; с 23 марта 1811 г.—магистр физико-математических наук (М, I, 1,стр. 8, 25 и др.); 1 сентября избран и 1 октября 1820 г. утвержден в звании адъюнкта физики и в этом звании оставался до увольнения 1 августа 1837 г. В 1826, 1828, 1831, 1833 и 1835 годах избирался секретарем физико-математического факультета; с 29 ноября 1830 г. — инспектор студентов (до 1 мая 1831), а с 3 декабря 1830 г.— синдик университета (Загоскин, Словарь, I, 346—347; Загоскин, История, I, стр. 279—281). В 1828—1829 г. Кайсаров помогал Н. И. Лобачевскому при опытах на его лекциях физики. Некролог А. В. Кайсарова помещен в КГВ 2 августа 1854, № 31, стр. 178—181; ср. Агафонов, I, стр. 75; Венгеров, Источники, II, 555. См. о нем в «Семейной хронике и воспоминаниях С. Т. Аксакова», 8 изд., М., 1895, стр. 369 и др. — Стр. 50, 51, 92, 93, 99, 103, 117, 169, 171, 222, 274.

Калашников, коллежский советник, проживавший в Петербурге в 1843—1844 гг., пожелал открыть в Казани земледельческую школу по типу основанной в Гофвиле практической школы земледелия. 480.

Калашников, член Строительного комитета Казанского университета. 223.

Камбек, Логин Федорович (р. 6 января 1796, ум. 30 мая 1859), профессор Казанского университета по кафедре римского права, а затем общенародного правоведения и дипломатии (Загоскин, Словарь, II, 36—37; РБС; Венгеров, Источники, II, 565). Упоминается в «Воспоминаниях К. Н. Бестужева-Рюмина», СПб., 1900, стр. 12; П. Д. Боборыкина, стр. 61; в «Воспоминаниях о пережитом доктора А. И. Ильинского» (РС, 1894, № 2, стр. 60—62); В. А. Лебедева, Учебные воспоминания (РС, 1908, № 10, стр 262); И. И. Михайлова, Казанская старина (там же, 1899, № 10, стр. 103, 104); Э. П. Янишевского, стр. 45—46; А. М. Полиновского, Воспоминания старого Казанского студента (ВВ, 1891, № 13, стр. 3). 614.

Каменев, Иван Федотович, колл. ассессор, и. д. инспектора студентов Казанского университета с 15 мая по 1 декабря 1840 (М, I, 2, стр. 582). 408.

Кант, Иммануил (р. 1724, ум. 1804), немецкий философ. 204.

Канцеров, Иван, дьячок Казанской Богоявленской церкви. 538, 583.

Каньоли, Андрей (р. 1743, ум. 1816), итальянский астроном, профессор в Модене, автор одного из самых полных руководств по тригонометрии: «Trigonometria piana e sferica» (1786), выдержавших несколько изданий и переводов. Н. И. Лобачевский читал лекции, руководствуясь французским переводом этого сочинения: «Traité de Trigonometrie». 75, 77, 106, 207.

Каптерев, Григорий Александрович, студент Казанского университета с 9 августа 1832 г. по 16 ноября 1834 г., когда был назначен учителем Спасского уездного училища (М, I, 1, стр. 116). 618.

Караблинов, Яков Минич (р. 1789, ум. после 1837), профессор латинских древностей и языка и одновременно политической экономии и дипломатии в Казанском университете, где играл низкую роль политического доносчика, находясь в университете благодаря покровительству М. Л. Магницкого; после его падения Караблинов занялся интригами против некоторых профессоров университета, стараясь доказать, что преподавание ведется в университете не на должной высоте, а профессора распространяют «возмутительные» идеи и политически неблагонадежны. Так, например, известно возникшее в 1826 г. по доносу Караблинова дело по обвинению профессора П. С. Сергеева (см.) в распространении среди студентов философских идей Круга (его «Handbuch der Philosophie»). В этом деле пришлось участвовать и Н. И. Лобачевскому, так как бывший тогда ректором университета К. Ф. Фукс (см.) поручил ему и другим трем профессорам рассмотрение 1-ой части философии Круга и сличение ее с студенческими записями лекций П. С. Сергеева (см. П. Головачев, Дело о философии Круга, PC, 1904, № 8, стр. 340—352). Дело это, благодаря К. Ф. Фуксу, не имело серьезных последствий. При М. Н. Мусине-Пушкине и Н. И. Лобачевском Я. М. Караблинов уже не пользовался доверием. Новый попечитель округа, указывая на необходимость обновления профессорского состава университета, аттестовал Караблинова министру народного просвещения С. С. Уварову в своем докладе 7 августа 1835 г. следующим образом: «Мало обращает внимания на успехи учащихся. Он посвятил себя сельскому хозяйству. Это, а не преподавание, составляет главное его занятие. Полезно было бы его уволить» (см. биографию Караблинова в РБС в статье «Кораблинов»). Вскоре он подал в отставку и был уволен из университета 1 августа 1837 г. (см. Загоскин, Словарь, I, 93—94 и II, 38). Характеристику его см. в «Записках Н. И. Мамаева» (ИВ, 1901, № 1, стр. 62). 190, 201, 277, 297, 310, 341.

Кардан, Иероним (р. 1501, ум. 1576), итальянский математик, механик, философ и врач, профессор математики в Милане и Болонье. 366.

Карейша, Петр Степанович (ум. в 1830 г. от холеры); э. профессор Казанского университета по кафедре анатомии. В университет был определен адъюнктом 4 февраля 1820 г., а 17 марта 1824 г. был избран и (30 апреля) утвержден э. профессором (Загоскин, Словарь, II, 213). О столкновениях П. С. Карейши с Лобачевским см. Э.П. Янишевский, Историческая записка о жизни и деятельности Н. И. Лобачевского, Казань, 1868, стр. 48, ср. К, I, стр. 96—97. — Стр. 96, 112, 135, 148, 243, 277.

Карно, Лазарь (р. 1753, ум. 1823), французский политический деятель и инженер, ученый математик; автор ценных монографий по геометрии, среди них: «De la correlation des figures en géometrie», 1801; «Géometrie de position», 1803; издал ряд трудов по фортификации. 181.

Карпека, Александр Михайлович (р. 30 августа 1804, ум. 1848), сын Казанского почт-директора Михаила Александровича Карпеки (Месяцослов, 1804, ч. I, стр. 138; В. Л. Модзалевский, Малороссийский родословник, т. II, Киев, 1910, стр. 332 и 334, № 31), флота лейтенант; в 1816 г.—поступил в Морской корпус кадетом; 1 июня 1818 г. гардемарин; с 2 марта 1821 г.—мичман; в 1822—1823 гг. крейсеровал оба лета на фрегате «Автроил» в Балтийском море; в 1824 г. плавал на яхте «Селигер» между Кронштадтом

и Ораниенбаумом; 8 февраля 1828 г. уволен от службы с чином лейтенанта (ОМС, VII, стр. 218—219; Н. Н. Селифонтов, Родословие Селифонтовых и Румянцовых, СПб., 1890, стр. 31; Никанор, стр. 29), был действительным членом Казанского экономического общества («Отчет Казанского Экономического общества за 1848 год», стр. 11, где сообщается о его смерти); в 1841 — предводитель дворянства Чебоксарского уезда, Казанской губ. 504, 676.

Карпенко, владелец Беловежской Слободки, имения, купленного у него Н. И. Лобачевским. 598.

Карпова, Пелагея Ивановна, см.— Лобачевская.

Карташевский, Григорий Иванович (р. 18 сентября 1777, ум. 12 августа 1840), адъюнкт высшей математики Казанского университета (с 23 января 1805), первый его преподаватель, заложивший основы блестящего расцвета математических знаний в Казани, один из учителей С.Т. Аксакова, когда тот был казанским гимназистом и студентом; был (с 1817 г.) женат на сестре Аксакова — Надежде Тимофеевне (р. 18 мая 1794, ум. 5 августа 1887), по первому браку Мосоловой, овдовевшей в 1815 г. (Сиверс, стр. 93). Был также учителем Н. И. Лобачевского. Вследствие своего независимого характера и образа действий, направленных против самовластия в университете директора И. Ф. Яковкина (см.), Карташевский был им изгнан из университета в ноябре 1806 г. Впоследствии он сделал, однако, большую карьеру, поступив на службу в Комиссию составления законов, а затем был директором департамента иностранных исповеданий и попечителем Белорусского учебного округа, последним попечителем Виленского университета и сенатором с 28 июня 1839 г. (Загоскин, Словарь, I, 349—350; Булич, I, 75—78 и др.; РБС; ПН, II, 339—340; Загоскин, История, I, стр. 43—44 и др.; Владимиров, ч. 2, стр. 34—36; Венгеров, Источники, III, 19). Большие воспоминания о нем оставил С. Т. Аксаков (см. «Семейная хроника и воспоминания С. Т. Аксакова», 8 изд., М, 1895 стр. 321, 322, 324, 325, 327—329, 331, 337, 338, 340—349, 361 и др.). 36, 578.

Картнер, лицо неустановленное. 295, 297.

Кафтанников, лицо неустановленное (ср. Агафонов, I, 17—18 и 76; в «Заволжском Муравье», 1833, №№ 1—5 напечатана башкирская повесть Кафтанникова «Араслан-Бобр»). 300.

Каховский, Федор Алексеевич (р. 1803, ум. до 1875), богатый помещик Казанской и Саратовской губерний, служил в военной службе штабс-капитаном 5 карабинерного полка с прикомандированием к Казанским батальонам военных кантонистов (25 октября 1828); капитан с 7 сентября 1829; приказом 18 октября 1830 г. уволен от службы «за болезнию с награждением чина майора» (КРК). С 1840 г. Каховский состоял действительным членом Казанского экономического общества (ЗКЭО, год второй, ч. 1, кн. 1, январь 1855, отд. I, стр. 24). Был женат на дочери П. А. Перцова Аполлинарии Петровне, сестре автора воспоминаний о Лобачевском Петра Петровича Перцова (см. Архив АН, Разр. IV, оп. 1, № 971, стр. 93, 97—104 и в статье Е. А. Боброва в PC, 1904, №7, стр. 5). Мать Ф. А. Каховского — Александра Федоровна, р. Желтухина, была родною сестрою генерал-лейтенанта Петра Федоровича Желтухина (см.), ревизовавшего в 1826 г. деятельность М. Л. Магницкого (см.) по Казанскому учебному округу и по Казанскому университету, и Владимира Федоровича Желтухина (см.). Сын Ф. А. Каховского — Сергей Федорович Каховский (р. 1831), с 23 августа по 4 июня 1852 г. состоял студентом Казанского университета, который окончил кандидатом (с 4 июня по 29 октября 1852 г., когда выбыл из университета; М, I, 1, стр. 353 и 396). С. Ф. Каховский, также как и отец его, был членом Казанского экономического общества, с 7 августа 1854 г. (ЗКЭО, год первый, ч. 3, кн. 10, октябрь 1854, отд. I, стр. 7—8 и год второй, ч. 1, книга 1, январь 1855, отд. 1, стр. 24) и секретаем его с 1857 г. по 10 мая 1859 г. Таким образом, и отец и сын Каховские были постоянно связаны с Н. И. Лобачевским по общей работе в обществе. Указание Е. А. Боброва (см. выше) на родство Ф. А. Каховского с декабристом П. Г. Каховским («старшая дочь Перцова вышла впоследствии за бога-

того саратовского помещика Каховского, брата декабриста») не подтверждается известными нам документами и материалами. 466, 630.

Кеплер, Иоганн (р. 1571, ум. 1630), астроном 187, 471.

Кеппен, Петр Иванович (р. 19 февраля 1793, ум. 23 мая 1864), известный статистик, археолог, библиограф, академик, служил в министерстве государственных имуществ и неоднократно путешествовал по России, собирая преимущественно статистические и этнографические сведения и материалы и ведя дневники, которые еще не изданы (см. «Труды Архива Академии Наук СССР», под ред. Г. А. Князева и Л. Б. Модзалевского, вып. 1, Л., 1933, стр. 133—136; РБС; Венгеров, Источники, III, 56—57). Начало его биографии, написанной его сыном Ф. П. Кеппеном (см.), опубликовано в «Сборнике Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук», т. LXXXIX, № 5, СПб., 1911. — Стр. 243, 514—516.

Кеппен, Федор Петрович (р. 30 декабря 1833, ум. 24 мая 1908), сын академика П. И. Кеппена (ПН, II, 362), зоолог; с 29 декабря 1889 г. — член-корреспондент Академии Наук по разряду биологическому (Б. Модзалевский, стр. 271; «Труды Архива Академии Наук СССР», в. 1, Л., 1933, стр. 96—98; Венгеров, Источники, III, 57). Автор неоконченной биографии своего отца (см. выше). 514, 515.

Кизеветтер, Иоганн-Готфрид-Карл-Христиан (р. 1766, ум. 1819), популяризатор философии И. Канта (см.). Его учебник логики был переведен на русский язык и пользовался употреблением в духовных школах. 672.

Киндерев, Василий Семенович, в 1817—1820-х гг. секретарь Петербургской Палаты гражданского суда. 79.

Киселев, Григорий Никифорович, надворный советник, свидетель на завещании Н. С. Моисеевой 1810 г. 681, 684.

Киселев, Павел Дмитриевич, граф (р. 7 января 1788, ум. 14 ноября 1872), генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, министр государственных имуществ, русский посол в Париже (МН, II, 44; РБС); см. о нем: А. П. Заблоцкий-Десятовский, «Граф П. Д. Киселев и его время», 4 тома, СПб., 1882.— Стр. 501, 542.

Кисловский, Алексей Ефремович (р. 1813), сын Казанского губернского прокурора Ефрема Александровича Кисловского (1763—1823); в 1851 г.— начальник отделения департамента народного просвещения; в 1855 г.— вице-директор этого же департамента; в 1862—1863 гг.— член Совета Министерства внутренних дел (МН, II, 45; Руммель, I, стр. 379 и 380 и формулярный список). 549, 553, 577.

Китайцев, Павел Васильевич, секретарь Совета Казанского университета; и. д. с 18 февраля 1839 г., утвержден 7 февраля 1840 и занимал ее до 31 декабря 1850 (М, I, 2, стр. 574). 414, 420, 421, 434, 437, 454, 455, 512.

Киттары, Модест Яковлевич (р. 1824, ум. 28 марта 1880), профессор Казанского университета по кафедре технологии; был студентом университета с 21 августа 1840 г., курс которого окончил 30 мая 1844 г. кандидатом с золотой медалью; 21 июня того же года определен был лаборантом химической лаборатории университета (до 26 мая 1848); в 1845 г. защитил диссертацию на степень магистра зоологии (утвержден в 1846), а в 1848 г. защитил докторскую диссертацию и 26 мая того же года был утвержден адъюнктом естественных наук; читал химию и технологию, затем минералогию; профессор с 1850 г. (М, I, 1, стр. 256, 297, 295, 309, 323, 336, 348 и др.). Женат был на дочери П. И. Вагнера (см.) Евгении Петровне Вагнер, сестре проф. Н. П. Вагнера (см.). В Казани Киттары развил большую научную и административную деятельность и, в частности, оказал влияние на развитие фабрично-заводской промышленности; он был также деятельным организатором Казанского экономического общества и много сотрудничал в «Записках» этого общества (одно время был их редактором). В 1857 г. был перемещен в Московский университет; энергично участвовал в введении акцизной системы питейных сборов, работая в министерстве финансов (Загоскин, Словарь, I, 351—353; РБС; Затворницкий, стр. 599—600, 862—865; РА, 1906, кн. II, стр. 566—571, 576—587, биография; «Труды Пермской ученой архивной комиссии», вып. V, стр. 42—43; форму-

лярный список; Венгеров, Источники, III, 88). Ему посвящено стихотворение Н. А. Некрасова (см. «Стихотворения Н. А. Некрасова», т. IV, 1879, стр. 98). Характеристику его как человека и профессора см.: П. Д. Боборыкин, стр. 70, 71, 74; «Воспоминания о пережитом доктора А. И. Ильинского» (PC, 1894, № 3, стр. 53); Д. А. Корсаков, стр. 92—96; В. А. Лебедев, Учебные воспоминания (PC,1908, № 10, стр.245—248); Э. П. Янишевский, стр. 46 и 47. — Стр. 543, 545—547, 550, 568, 641, 660.

Клапье, Жан (р. 1670, ум. 1740), французский инженер, профессор математики в Монпелье; автор воспоминаний. 471.

Кларк, изобретатель воздушной постели. (1815). 64.

Клаус, Карл Карлович (р. 11 января 1796, ум. 12 марта 1864), знаменитый русский химик, открывший элемент рутений, профессор Казанского университета по кафедре фармации и химии. В 1821—1829 гг. содержал в Казани аптеку, а в 1831—1837 гг. был ассистентом при химическом кабинете Дерптского университета, где в 1835 г. получил степень кандидата философских наук, а в 1837 г. — степень магистра философии. В Казанский университет был определен 1 августа 1837 г. адъюнктом фармации, с 1839 г.— доктор философии, и в том же году избран э. профессором по кафедре химии. В 1851 г. покинул Казань и был переведен профессором на кафедру фармации Дерптского университета (Загоскин, Словарь, I, 353—354; II, 38; РБС; Венгеров, Источники, III, 92—93). С 15 декабря 1854 г. — почетный член университета («Известия и ученые записки Казанского университета», 1866, вып. II, стр. 219, № 114 по списку почетных членов). Свое знаменитое сочинение о рутении он посвятил Н. И. Лобачевскому. О Клаусе см. в воспоминаниях Н. П. Вагнера в книге А. М. Бутлерова, Статьи по медиумизму, издал А. Н. Аксаков, СПб., 1889, стр. VIII—X; «Воспоминания о пережитом доктора А. И. Ильинского» (PC, 1894, № 3, стр. 53); Э. П. Янишевский, стр. 33—35 и др.—Стр. 403—406, 418, 420, 421, 495, 508, 525, 674.

Клеменц, Дмитрий Александрович (р. 14 декабря 1848, ум. 8 января 1914), известный этнограф и революционный деятель; был студентом Казанского университета с 28 августа 1867, но курса в нем не кончил; 12 сентября 1869 был уволен в Петербургский университет (М, I, 2, стр. 635); автор воспоминаний «Из прошлого», впервые печатавшихся в «Русских Ведомостях» 1910—1911 гг. и вышедших в 1925 г. отдельным изданием. О Клеменце см. био-библиографические сведения в изданиях: «Русские Ведомости 1863—1913. Сборник статей», М., 1913, стр. 83 второй пагинации; «Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь, т. II. Семидесятые годы, вып. II. Ж—Л». Составлен А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой, М., 1930, столб. 576—579; Венгеров, Источники, III, 95. — Стр. 661.

Климентов, Петр Иванович, по прозвищу «Бобчинский», был помощником инспектора студентов Казанского университета с 28 сентября 1836 по 1 июля 1847 (М, I, 2, стр. 583). Характеристику его см.: А.М. Полиновский. Воспоминания старого казанского студента (ВВ, 1891, № 13, стр. 3). 655.

Климов, письмоводитель Казанского университета (1811). 48, 51.

Книгге, Адольф-Фридрих (р. 1752, ум. 1796), немецкий писатель, драматург, один из основателей иллюминанства; автор сочинений «Роман моей жизни» («Der Roman meines Lebens») и «Об обращении с людьми» («Ueber den Umgang mit den Menschen»); это сочинение переведено на русский язык Я. К. Лангеном (4 части, СПб. 1810—1823 и нов. изд.,СПб., 1830—1831). Подробная монография о нем написана Гёдике (Goedicke, «Adolf Friedrich von Knigge, sein Leben und Bliche in seine Zeit»). Об отношении Н. И. Лобачевского к А. Книгге см. в брошюре А. В. Васильева «Броннер и Лобачевский. Два эпизода из жизни первых профессоров Казанского университета», Казань, 1893, стр. 7. — Стр. 326.

Кнорр, Эрнест Августович (р. 23 (11) ноября 1805, ум. 30 мая 1879), профессор физики и физической географии в Казанском университете, автор многочисленных метеорологических наблюдений, организатором которых он является в бассейне р.Волги. С 1846 г. перешел в университет св.Владимира в Киеве;30 апреля того же года

избран был членом-корреспондентом Казанского университета; в 1858 г. вышел в отставку и поселился в Дрездене. В 1842 г. вместе с Н. И. Лобачевским ездил в Пензу для наблюдений над солнечным затмением. Биографические сведения о нем и список его трудов см.: Загоскин, Словарь, I, 355—357; В. С. Иконников. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. университета св. Владимира (1834—1884), Киев, 1884, стр. 262—264. Friedrich Engel, Nikolai Iwanowitsch Lobatschefskij, Leipzig, 1898, SS. 438—440. Говоря в одном из своих трудов 1849 г. о неэвклидовой геометрии Лобачевского, Кнорр, как и многие, не понял значения его новых идей. 370, 409, 410, 415—419, 433, 439, 441, 442, 444, 447, 448, 457, 459, 462—467, 472—474, 477—479, 496, 516, 530—532. 578, 688.

Княгницкий, Иван Петрович, доктор философии; инспектор Симбирской гимназии; уволен в 1836 г. (Месяцослов на 1836 год, ч. I, стр. 577). 375—377.

Княжевич, Александр Максимович (р. 11 октября 1792, ум. 2 марта 1872), министр финансов; один из первых студентов Казанского университета, одного выпуска с С. Т. Аксаковым (с 18 февраля 1805); студент на жалованье (с 1 сентября 1807); окончил курс со степенью кандидата 14 февраля 1809 г.; 9 февраля 1810 г. был переведен в Московский университет (М, I, 1, стр. 8, 15, 18 и 21).См. о нем в «Семейной хронике и воспоминаниях С. Т. Аксакова», 8 изд,. М., 1895, стр. 324, 326 и др.; РБС; Владимиров, ч. 2, отд. 2, стр. 238—240; ПН, II, 402 с эпитафией В. Г. Бенедиктова. 38, 524.

Князев, Александр Егорович (Георгиевич), полковник артиллерии; воспитывался в Казанском университете студентом с 20 августа 1849 г. по 5 июня 1853 г., который окончил кандидатом (с 4 июня по 10 октября 1853); и. д. хранителя музеев Казанского университета с 15 июня 1853 г. и утвержден в этой должности с 8 декабря 1853 г.; уволен 1 марта 1856 (М, I, 1, стр. 364, 405, 408 и I, 2, стр. 442). В университете учился одновременно с А. Н. Лобачевским (1833—1852). Автор воспоминаний, относящихся к 1903 г. и посвященных главным образом профессору Ф. О. Елачичу: «Из воспоминаний о Казани (1849—1859 гг.). Посвящается памяти Ф. О. Елачича» в «Литературном сборнике к 100-летию императорского Казанского университета. Былое из университетской жизни», Казань, 1904, стр. 98—104. — Стр. 602, 656—657.

Князев, Анисим Титович (р. 2 ноября 1722, ум. 4 сентября 1792), археолог, генеалог, член Межевой канцелярии в Москве; автор-составитель известного «Гербовника», изданного по рукописи, хранящейся в библиотеке Казанского университета, С. Н. Тройницким, под заглавием «Гербовник Анисима Титовича Князева», СПб., 1912 (см. РБС, в назв. издании С. Н. Тройницкого, стр. VI; Венгеров, Источники, III, 110). 233.

Ковалевский, Осип (Иосиф) Михайлович (р. 1800, ум. 26 октября 1878), известный монголист, профессор монгольской словесности Казанского университета, с 1837 г. член-корреспондент Академии Наук по разряду восточной литературы и древностей; 4 декабря 1847 был избран общим собранием Академии Наук ординарным академиком по тибетской и монгольской литературе, но не был утвержден по политическим соображениям (Б. Модзалевский, стр. 49 и 194). С 3 мая 1855 г. по 4 февраля 1860 г. был ректором Казанского университета (Загоскин, Словарь, I, 232—234; РБС; Венгеров, Источники, III, 118). Поляк по происхождению, питомец Виленского университета, О. М. Ковалевский 29 декабря 1824 г. за принадлежность к тайному обществу «филаретов и филоматов» был препровожден в Казанский университет для изучения восточных языков с отдачею под особый надзор и с причислением в звание кандидата к педагогическому институту; с 26 сентября 1825 г. состоял комнатным надзирателем при студентах, а с 4 июня 1827 г. по 28 апреля 1828 г. был помощником инспектора студентов (М, I, 1, стр. 215 и 216). О нем см. у П. Д. Боборыкина, стр. 76. Большая его характеристика дана в книге: «Etudes sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie par le Baron Auguste de Haxthausen», édition française. Premier volume, Hanovre, 1847, pp. 439—442 (А. Гакстгаузен посетил Казанский университет в июне 1842 г.). 250, 370, 371, 417—419, 522, 527, 543, 570, 613, 656. 660.

Ковальский, Мариан Альбертович (р. 3 августа 1821, ум. 28 мая 1884), астроном, профессор Казанского университета по кафедре астрономии; окончил Петербургский университет со степенью кандидата (1845); магистр астрономии — 10 марта 1847 и в том же году участвовал в качестве астронома в экспедиции Географического общества на Урал. По рекомендации акад. В. Я. Струве 2 августа 1850 получил назначение в Казанский университет адъюнктом астрономии. В 1851 г. участвовал в Казанской экспедиции на Азовском море для наблюдения солнечного затмения; 4 июня 1852 г. получил степень доктора математики и астрономии и тогда же избран э. профессором; с 15 декабря 1854 г.— о. профессор астрономии. С 1855 г. заведывал астрономической обсерваторией университета после М. В. Ляпунова (см.); с 1863 г. — член-корреспондент Академии Наук; с 1875 г. — заслуженный профессор (Загоскин, Словарь, I, 358—365; Агафонов I, стр. 77; РБС; Венгеров, Источники, III, 122; Д. Д. Языков, IV, стр. 45—47; Н. Я. Агафонов, «Мариан Альбертович Ковальский» в его книге «Из Казанской истории», Казань, 1906, стр. 71—73). Характеристика его дана в воспоминаниях С. И. Сластникова (РС, 1895, № 8, стр. 162—166). 537, 561, 578, 581, 602, 660.

Козлов, Гавриил Игнатьевич (р. 1738, ум. 22 мая 1791), адъюнкт-ректор Академии Художеств, академик исторической живописи (1765), профессор Академии Художеств (1771); состоял членом Комитета для составления медалической истории со времени Петра Великого (1772); впоследствии директор Шпалерной императорской мануфактуры (ПН, II, 423; РБС; Кондаков, 94). 233.

Козловский, поляк. 282.

Коковцов, Николай Николаевич (р. в конце 1790-х гг., ум. до 1856), с 1816 г.—корнет л.-гв. Гусарского полка; с 1823 г. — ротмистр; с 1824 г. — полковник (К. Манзей, История лейб-гвардии Гусарского его величества полка. 1775—1857, ч. III, СПб., стр. 81—82); муж (с 1840) В. Г. Осокиной, домовладелец в г. Ярославле (1847). 523.

Коковцова, Варвара Гавриловна, р. Осокина (р. 29 сентября 1815, ум. 30 апреля 1888), дочь Г. И. Осокина (см.), племянница В. А. Лобачевской, жена (с 1840 г.). Н. Н. Коковцова (см.); в 1845 г. жила в г. Ярославле (ПН, II, 427; по КРК родилась 21 октября 1815); вдова с 1856 г. 523.

Колбецкая, Надежда Ермолаевна (р. 17 июня 1794, ум. до 1843), р. Великопольская, дочь генерал-майора, жена Николая Васильевича Колбецкого (см.), который имел от нее 8 детей: сыновей Василия, Сергея, корнета (1850), Дмитрия (р. 7 июля 1825, о. юнкера, 1850) и дочерей: Надежду (см.), Александру, Анну, Наталью и Екатерину (КРК, ч. III, л. 245). Портрет Н. Е. Колбецкой работы К. В. Барду воспроизведен в издании «Выставка картин „Художественные сокровища Казани“», Пгр., 1916, между стр. 22—23, там же (стр. 21) указание на портрет Н. В. Колбецкого 1813 г., № 131); этот портрет впервые воспроизводится в настоящем сборнике. 9, 302—304, 306, 307, 378, 380.

Колбецкая, Надежда Николаевна (р. 1809), дочь Н. В. и Н. Е. Колбецких (см.), племянница В. А. Лобачевской. 304—305, 679, 680.

Колбецкий, Николай Васильевич (р. 25 ноября 1774), смотритель Цивильского уездного училища (1815), а ранее (1803) исправник Цивильского уездного суда, помещик Цивильского уезда, Казанской губернии, села Староселки и Спасского уезда, села Петропавловского (Кузнечихи), 271 крепостной («Санктпетербургские Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения», 25 июля 1842, № 59, стр. 1548, статья 14952 и 25 февраля 1850, № 16, стр. 490, статьи 3326—3329); муж Н. Е. Колбецкой, р. Великопольской (см.), опекун В. А. Лобачевской и ее братьев (о нем см.: Д. А. Корсаков, Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в., Казань, 1908, стр. 325). 9, 306, 379, 684.

Кологривов, Дмитрий Михайлович (р. 13 марта 1780, ум. 15 июля 1830), обер-церемониймейстер (ПН, II, стр. 438). 169.

Кологривова, Анисья Федоровна (р. 28 декабря 1788, ум. 25 марта 1876), р. Вельяминова-Зернова (МН, II, 67). 306.

утвержден был лишь 30 апреля 1830 г.; оставался на службе до 27 июня 1833 г. (М, I, 1, стр. 211). До перехода в Казанский университет состоял секретарем Корсуньского уездного земского суда (Месяцослов на 1829 год, ч. II, стр. 311). 265—266, 271, 299.

Корейша, Андрей Петрович (ум. 10 марта 1874); полковник, командир Казанского гарнизонного батальона (1850); затем генерал-майор (МН, II, 83); в 1848 г. руководил казнью двух казанских разбойников Быкова и Чайкина, о чем рассказывает П. П. Суворов в своих «Записках о прошлом» (ч. I, М., 1899, стр. 9—10). Его дочь Варвара Андреевна Корейша известна была в Казани как пианистка, выступавшая в публичных концертах (Н. Баженов, Казанская история, ч. III, Казань, 1847, стр. 124—125). 604, 605.

Коринфский, Михаил Петрович (р. 1788, ум. 10 июля 1851); архитектор и преподаватель архитектуры Казанского университета; окончил в 1811 г. курс Академии Художеств по классу архитектуры со званием художника; 16 сентября 1825 г. получил звание академика архитектуры за проект собора в г. Симбирске, где он в 1823—1832 гг. работал архитектором в пределах Симбирской губернии (Загоскин, Словарь, I, 371; Агафонов, I, стр. 78; Кондаков, 344); архитектор Казанского университета с 6 ноября 1832 г. по день смерти и в этой должности энергично содействовал Н. И. Лобачевскому в обширных постройках новых зданий университета, будучи с 1 мая 1829 г. по 1 августа 1842 г. членом Строительного комитета (М, I, 1, стр. 221 и 222; I, 2, стр. 591). С 1 августа 1837 г. был утвержден преподавателем архитектуры с окладом э. профессора. См. о нем биографию в РБС и особенно статью П. М. Дульского, «Михаил Петрович Коринфский 1788—1851 г. (очерк из истории провинциальной архитектуры первой половины XIX века)» в сборнике в честь профессора В. К. Мальмберга, М., 1916, стр. 107—122 и отд. отт., а также сборник Отдела по делам музеев и охраны памятников ТССР «Архитектор Михаил Петрович Коринфский, 1788—1851», Казань, 1928, с портретом, и книгу П. Е. Корнилова «Арзамасская школа живописи первой половины XIX века», М.-Л., 1947, стр. 88—93. Некролог М. П. Коринфского помещен в «Отчете о состоянии имп. Казанского университета в 1850—1851 академическом году, составленном и произнесенном секретарем Совета Александром Артемьевым на торжественном собрании университета, бывшем в присутствии его сиятельства господина министра народного просвещения 16 сентября 1851 года», Казань, 1851, стр. 20—21. Характеристику его см. у Э. П. Янишевского, стр. 37—38, 63. — Стр. 346, 373, 404, 414, 415, 422, 441, 461, 495, 499, 500, 522, 527, 653.

Коринфский, Петр Михайлович (р. 1831), врач, сын архитектора Казанского университета М. П. Коринфского (см.) и его жены Марии Сергеевны (ум. 17 августа 1884); был студентом Казанского университета с 25 августа 1850 г. по 23 марта 1855 г., курс которого окончил со званием лекаря; 15 июня 1855 г. назначен был военным лекарем в 6 рабочий экипаж в Кронштадте (М, I, 1, стр. 377 и I, 2, стр. 431; Венгеров, Источники, III, 180). Его воспоминания с характеристикой Н. И. Лобачевского полностью неизвестны, но были в руках биографа Н. И. Лобачевского проф. А. В. Васильева. 659.

Корнух-Троцкий, Петр Яковлевич (р. 1803, ум. 2 июля 1877), профессор Казанского университета по кафедре ботаники. Образование получил в Московском университете, курс которого окончил в 1837 г. со званием лекаря и 3 июля 1828 г. поступил в Дерптский профессорский институт. Дерптский университет присудил ему 11 августа 1832 г. степень доктора философии и магистра свободных наук. В 1833 г. ездил за границу и, вернувшись летом 1835 г. в Россию, был назначен преподавателем ботаники в Киевский университет св. Владимира. 4 мая 1836 г. избран и 9 июля утвержден о. профессором Казанского университета; уволен по болезни от службы 21 мая 1858 г. (Загоскин, Словарь, I, 371—372; Венгеров, Источники, III, 185—186; В.С. Иконников, Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Университета св. Владимира (1834—1884), Киев, 1884, стр. 282—283; Агафонов, I, стр.78; состоял действи-

тельным членом Казанского экономического общества (1841). Женат был на дочери проф. П. И. Котельникова (см.). Характеристику его см. в «Воспоминаниях доктора А.И. Ильинского» (РС, 1894, № 3, стр. 54); Э. П. Янишевский, стр. 31—32, 62—63, 93. — Стр. 417, 418, 420.

Корф, Модест Андреевич, барон (р. 11 сентября 1800, ум. 2 января 1876), статс-секретарь, член Государственного Совета, граф; в 1831—1834 гг. состоял управляющим делами Комитета министров (ПН, II, 485; РБС). 341.

Космынин, под такой фамилией в списках студентов Казанского университета в 1829—1830 гг. не значится (М, I, 1, стр. 132). 268.

Костливцев, Александр Петрович (р. 10 октября 1776, ум. 13 мая 1844), сын вице-адмирала, командира Таганрогского порта, отставной капитан 2 ранга, сослуживец И. Д. Мамаева (см.); образование получил в Морском кадетском корпусе; с 1790 г. — мичман; с 1794 г. — лейтенант; в 1798 г. — командирован в Англию и в 1798—1802 гг., находясь волонтером в английском флоте, участвовал в сражении с французской эскадрой у Тулона; с 1799 г. — капитан-лейтенант; в 1807 г. — уволен с чином капитана 2 ранга (ОМС, ч. IV, стр. 140—141 и V, стр. 435). По выходе в отставку Костливцев поселился в Казани и всецело посвятил себя филантропической деятельности, состоя с 1816 г. до самой смерти попечителем Казанского попечительного комитета о бедных, а затем был и председателем этого Комитета. С 1818 по 1824 гг. он был предводителем дворянства Лаишевского уезда; с 1841 г. был действительным членом Казанского экономического общества (см. некролог его, написанный А. Артемьевым, в ПКГВ, 29 мая 1844, № 22, столб. 332—337; перепечатан у Агафонова, II, стр. 115—117; см. также Агафонов, I, стр. 79). 489.

Костливцева, Прасковья Александровна, дочь А. П. Костливцева, см. — Казембек, А. К.

Котельников, Петр Иванович (р. 1809, ум. 28 мая 1879), профессор механики Казанского университета. Образование получил в Харьковском университете, окончил со степенью кандидата физико-математических наук в 1828 г. В 1833 (8 февраля) получил от Педагогического института степень доктора философии и магистра свободных наук, затем 2 года пробыл за границей и 7 августа 1835 г. был причислен к Казанскому университету, где читал аналитическую механику и статику. С 1 августа 1837 г. — э. профессор прикладной математики и определен преподавателем алгебры и дифференциального вычисления в помощь Н. И. Лобачевскому, а с 3 марта 1838 г. — о. профессор по кафедре прикладной математики. Котельников по свидетельству современников был выдающимся преподавателем и лектором; он нес ряд административных обязанностей: декана физико-математического факультета (с 29 июля 1839 по январь 1862), члена испытательного комитета, несколько раз исполнял должность ректора университета, члена Строительного комитета (с 1842) и члена Комитета по истории университета (с 25 июня 1853). 18 мая 1863 г. получил звание заслуженного профессора, а с 3 марта 1878 г.—почетного члена университета (Загоскин, Словарь, I, 375—378, Агафонов, I, стр. 80; РБС; Венгеров, Источники, III, 226). Состоял действительным членом Казанского экономического общества (1841). Котельников был выдающимся математиком и одним из немногих ученых, понявших значение геометрических идей Н.И. Лобачевского, о чем свидетельствует его актовая речь 1842 г. «О предубеждении против математики» (см. К, I, стр. 76, 107, примеч. 190). О нем см. воспоминания С. И. Сластникова в «Русской Старине», 1895, № 8, стр. 166—167; П.Д. Боборыкин, стр. 68 (о его публичных лекциях по механике); Я. П. Янишевский, стр. 92—94, 104 (здесь, между прочим, сообщается, что старшая дочь Котельникова вышла замуж за проф. П. Я. Корнух-Троцкого). 21, 395, 417—419, 440—442, 444. 452, 461, 500, 505, 519, 522, 527, 537, 543, 602, 618—619, 654, 656, 660, 662, 674.

Котицкий, Егор Михайлович, и. д. столоначальника полицейского стола в Казанском университете с 19 февраля по 5 марта 1829 г. и столоначальник того же стола с 1 июля по 1 сентября 1833 (М, I, 1, стр. 213). 145, 147, 153, 160.

Кошанский, Николай Федорович (р. 1781, ум. 22 декабря 1831), профессор Царскосельского лицея, учитель Пушкина, автор «Общей риторики» (1829; 2 изд. 1830). См. о нем: ПН, II, 503; Венгеров, Источники, III, 236—237; А. И. Малеин, «Н. Ф. Кошанский» («Сборник памяти Л. Н. Майкова», СПб., 1902); Н. К. Пиксанов, «Н. Ф. Кошанский» (в изд. соч. Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. I, СПб., 1907). 612.

Коши, Огюстен-Луи (р. 21 августа 1789, ум. 22 мая 1857), знаменитый математик, автор многочисленных работ по геометрии, анализу, механике, физике и астрономии. Его сочинением «Cours d'analyse algébrique» пользовался Н. И. Лобачевский, так же, как и его другими математическими работами, в частности по математической физике. Биография в издании В. В. Бобынина, «Физико-математические науки в их настоящем и прошедшем», т. III, год третий, 1887, М., 1888, стр. 79—96, 128—192 и др. — Стр. 175, 279, 280, 366, 474, 541, 543, 544, 578.

Краузе, Иван Федорович (р. около 1787, ум. после 1836 г.), адъюнкт французской словесности в Казанском университете (Загоскин, Словарь, I, стр. 112—114 и 247). 196.

Крашенинников, О. М., казанский мещанин. 677.

Крейцер, доктор, основатель водолечебного заведения в Москве (1855). 564.

Крелле, Август-Леопольд (р. 17 марта 1780, ум. 6 октября 1855), немецкий математик и архитектор, член Берлинской Академии наук; член-корреспондент Академии Наук в Петербурге (Б. Модзалевский, стр. 190), основатель (1828) математического журнала «Journal fur die reine und angewandte Mathematik», который до 1855 г. известен был как «Crelles Journal». По словам С. В. Ковалевской, опубликование ее математической работы в журнале Крелле являлось делом трудным, «так как этот журнал в то время считался самым серьезным математическим изданием в Германии. В нем тогда принимали участие лучшие научные силы, а в прежние времена в нем помещали свои труды такие ученые, как, например, Абель и Якоби» (С. В. Ковалевская, Воспоминания детства и автобиографические очерки, под ред. С. Я. Штрайха, М., 1945, стр. 127). В этом журнале были опубликованы две статьи Н. И. Лобачевского: «Géometrie imaginaire», 1837; «Sur la probabilité des resultats moyens, tirés de observations repetées», 1842. — Стр. 372, 403, 422, 482—486, 496—498, 531, 590, 688.

Криницын, Петр Карпович; студент Казанского университета с 24 августа 1851 г., официально был уволен по прошению 4 марта 1855 г., а на самом деле — исключен «за буйство», но благодаря заступничеству Н. И. Лобачевского вновь был принят в университет 9 апреля 1855 г. и окончил его действительным студентом 29 сентября того же года (М, I, 1, стр. 389 и I, 2, стр. 434); по университету был товарищем Н. Н. Лобачевского. История с брошенным в окно церкви камнем, рассказанная им, изложена также в воспоминаниях П. Ф. Вистенгофа, бывшего студентом-юристом (ИВ, 1884, № 5, стр. 348—351), но здесь руководящая роль в этой истории отведена студенту Петру Аристову. 594, 606.

Крупеников, Алексей, казанский мещанин (1854). 574.

Кручинин, Семен Васильевич (ум. 30 июля 1809); студент Казанского университета одновременно с Н. И. Лобачевским, — с 9 января 1807 г.; с 10 марта 1809 г. — студент на жалованье (М, I, 1, стр. 12 и 19). 40.

Крыжановский, Максим Константинович (р. 9 августа 1777, ум. 6 мая 1839), казначей Капитула орденов (1817—1839), генерал-лейтенант, позже — комендант Петербургской крепости, член Военного Совета (Н. М. Затворницкий, Память о членах Военного Совета, СПб., 1907 г., стр. 171—175): 170, 348, 377.

Крюков, Дмитрий Львович (р. 8 апреля 1810, ум. 5 марта 1845), сын художника Л. Д. Крюкова (см.), профессор классической филологии в Московском университете; образование получил в Казанском университете (1824—1826), который окончил со степенью кандидата (1826—1828; М, I, 1, стр. 103, 122, 129); затем доктор философии в Петербургском университете (МН, II, 115; РБС; Ш, ч. I, стр. 438—443; Венгеров, Источники, III, 307). 390.

решения на постройку в Казани магнитной обсерватории (27 октября 1827) Постройка началась в 1828 г. Но вскоре Купфер покинул Казань и переселился в Петербург, где вся его дальнейшая научная деятельность протекала в Академии Наук и в Главной физической обсерватории, основателем и первым директором которой он был с 1849 г. (ПН, II, 565; РБС; Загоскин, Словарь, I, 391—393; Венгеров, Источники, III, 340, а также обширная биография и история организованной Купфером сети магнитных обсерваторий в монографии академика М.А. Рыкачева «Исторический очерк Главной физической обсерватории за 50 лет ее деятельности 1849—1899», СПб., 1899, стр. 31—60 и список трудов Купфера в приложении № 2, стр. 6—16; там же о магнитной обсерватории в Казани, прил. № 13, стр. 92—93). А. Я. Купфер занимался в Казани наблюдениями над температурой почвы и после своего возвращения из поездки на Урал в 1828 г. опубликовал статью «О средней температуре воздуха и почвы в некоторых местах Восточной России» (КВ, 1829, май—июнь, стр. 67—82; июль, стр. 144—194). Первая глава этой работы посвящена температуре воздуха в Казани, вторая — температуре ее почвы. Весьма важное обстоятельство до последнего времени оставалось невыясненным — статья эта снабжена обширными примечаниями, подписанными инициалами «Н. Л.». Приняв во внимание, что Н. И. Лобачевский сам много лет занимался наблюдениями над температурой почвы в Казани и с этой целью устроил в университетском дворе колодец (см. стр. 496), Э. П. Файдель и К. И. Шафрановский установили бесспорную принадлежность этих примечаний перу Н. И. Лобачевского (см. их статью в «Вестнике Академии Наук СССР», 1943, № 11—12, стр. 105—107). 13, 154, 158, 196, 217, 222, 224, 236, 256, 262, 370, 494, 506, 686.

Куренков, см. — Курников.

Курников, Александр Петрович (ум. 11 мая 1829), студент Казанского университета с 12 сентября 1825 г., курс которого окончил 21 февраля 1829 г. с званием лекаря 2 отделения; 1 апреля того же года был определен лекарем в Отдельный Кавказский корпус, но «по тяжкой болезни, окончившейся смертью, не был отправляем к месту службы» (М, I, 1, стр. 116 и 142). 262.

Курочкина, Мария Андреевна, жена чиновника 6 класса, помещица Лаишевского уезда (1846). 509.

Кутузов, см. — Голенищев-Кутузов, П. В.

Лавров, Кондрат Лаврентьевич, ст. учитель рисования, чистописания и черчения в Симбирской гимназии в 1836 г. (Месяцослов на 1836 год, ч. I, стр. 577). 376.

Лавуазье, Антуан-Лоран (р. 26 августа 1743, ум. 8 мая 1794), французский химик. 218.

Лагранж, Жозеф-Луи (р. 1736, ум. 1813), крупнейший французский математик, член Берлинской Академии наук и ее президент, затем профессор школ Политехнической и Нормальной; автор многих трудов, из которых Н. И. Лобачевский пользовался для своих лекций дифференциального и интегрального исчисления следующими: «Théorie des fonctions analytiques»; «Traité de la resolution des équations numériques de tous les degrés»; «Leçons sur la calcul des fonctions». Статику и механику Н. И. Лобачевский читал, руководствуясь его знаменитой книгой «Mécanique analytique» (1788). 12. 47, 82, 100, 101, 106, 115, 186, 187, 202, 204, 213, 215, 216, 219, 224, 225, 241, 242, 246, 274, 293, 294, 318, 319, 356, 357, 366, 371, 579.

Лажечников, Иван Иванович (р. 14 сентября 1792, ум. 26 июня 1869), известный писатель-романист, автор «Последнего Новика», «Ледяного дома» и «Басурмана», директор училищ Пензенской губернии; был директором Казанской гимназии (Владимиров, ч. 2, отд. 2, стр. 130—133, 142) с января 1824 г. по 8 января 1826 г. и директором училищ Казанской губернии. В апреле 1825 г. просил об определении его адъюнктом русской истории Казанского университета; 30 сентября состоялось определение об избрании его в Совете университета в адъюнкты русской словесности, но утверждения его в этом звании не последовало (см. Загоскин, История, III, 396 и РС,

1904, № 10, стр. 130—139); вместо получения кафедры он с 27 сентября по 25 октября 1825 г. и. д. инспектора студентов Казанского университета (М, I, 1, стр. 214) и одновременно директора Педагогического при нем института (там же, стр. 218; Загоскин, Словарь, I, 119; см. его автобиографии в РС, 1893, № 4, стр. 58 и «Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольфа», 1899, № 9—10, стр. 1781—1784; МН, II, 141; Венгеров, Источники, III, 376—378; РБС; некролог со списком сочинений в РА, 1871, столб. 493—495; ср. К, I, 50). Будучи директором училищ Пензенской губернии, Лажечников с 1821 г. содержал пансион для подготовки учащихся к поступлению в гимназии, университеты и гвардию (ПКВ, 5 февраля 1822, № 5, стр. 29). 22, 581, 664.

Лазарев, Михаил Петрович (р. 3 ноября 1788, ум. 11 апреля 1851), известный адмирал, генерал-адъютант, кругосветный мореплаватель (РБС). 622, 648.

Лакруа (Лакроа), Сильвестр-Франсуа (р. 1765, ум. 1843), профессор парижских школ Нормальной и Политехнической, профессор Collège de France и член Французского института. Известен по составленному им курсу дифференциального и интегрального исчисления «Traité du calcul differentiel et intégral», по которому училось несколько поколений. Кроме того, известен его «Cours de mathématiques élémentaires»; «Essai sur l'enseignement des mathématiques»; «Traité du calcul des probabilités»; «Munuel d'arpentage»; «Introduction à la connaissance de la sphère» и др. 82, 83, 156, 171—173, 241, 242, 246, 371, 403, 423, 441, 462, 490, 579.

Лаланд, Жозеф-Жером-Франсуа (р. 1732, ум. 1807), французский астроном. 96.

Ланге, Василий Иванович, инспектор студентов Казанского университета с 19 июля 1847 г. по 8 октября 1857 г. (М, I, 2 стр. 583), имел прозвище «l'an gué». Выведен П. Д. Боборыкиным под именем Федора Ивановича Ранге в его романе «В путь-дорогу» (см. «Библиотека для чтения», 1863, № 5, стр. 19—20 и др.). См. о нем характеристики: «Воспоминания А. И. Ильинского» (РС, 1894, № 3, стр. 40—44, № 4, стр. 30—35), П. Д. Боборыкин, стр. 56—58; А. С. Гациский, Страничка из жизни пятидесятых годов («Казанский литературный сборник 1878», Казань, 1878, стр. 174—175); Н. Фирсов, Студенческие истории в Казанском университете (РС, 1889, № 3, стр. 558 в 563); Д. А. Корсаков, стр. 26—27 (о студенческих песнях); В. А. Лебедев, Учебные воспоминания (РС, 1908, № 8, стр. 245—251); Э. П. Янишевский, стр. 9—11; А. М. Полиновский. Воспоминания старого казанского студента (ВВ, 1890, № 310, стр. 2). 603, 606, 607, 656.

Ланген, Яков Карлович, с 1836 г. директор училищ Симбирской губ. (Месяцослов на 1837 год, ч. I, стр. 673). Известен как лингвист и переводчик первой половины XIX в. также Яков Карлович Ланген, автор многих грамматик и лингвистических руководств, но одно ли это лицо с директором училищ Симбирской губ. ввиду отсутствия его биографии сказать трудно (ср. Венгеров, Источники, III, 388). 374.

Ланской, Василий Сергеевич (р. 1754, ум. 1831), с 1825 по 1828 гг. — министр внутренних дел, сенатор; умер, повидимому, от холеры, в одно время со своею женою Варварою Матвеевною, р. Пашковою (РБС; ЛР, I, стр. 299). 292.

Лаплас, Пьер-Симон (р. 1749, ум. 1827), крупнейший французский математик-астроном, политический деятель, автор многих капитальных трудов во всех отделах чистой и прикладной математики. Н. И. Лобачевский читал лекции астрономии, руководствуясь его сочинениями: «Mécanique célèste» (5 томов, 1799—1825), «Exposition du système du monde»; «Sur la mésure les hauteurs par le baromètre»; «Sur la force capillaire» и др. 12, 52, 54—56, 102, 106, 116, 158, 185, 187, 219, 224, 225, 242, 318, 467, 587, 620.

Лапшин, Василий Федорович, чистопольский купец 3 гильдии. 528.

Ларошфуко, Франсуа, герцог (р. 1613, ум. 1680), французский писатель, автор сборника афоризмов «Maximes et reflexions morales», переведенного несколько раз на русский язык в начале XIX в. 326.

Ласси, де, Борис (Морис) Петрович (р. 1737, ум. 18 января 1820), генерал-от-ин-

фантерии; 13 декабря 1797 г. был назначен Казанским военным губернатором и в этой должности оставался до 1798 г., когда получил начальствование над войсками Оренбургской инспекции (см. «Сенатский Архив», I, Именные указы имп. Павла I, СПб., 1888, стр. 326; РБС и «Справочный энциклопедический словарь» А. Старчевского, т. VII, СПб., 1853, стр. 77). Вопрос с титулованием Казанской гимназии «императорской», вследствие запроса попечителя Казанского учебного округа в 1828 г. министру народного просвещения, был разрешен отрицательно, так как министр пришел к выводу, что имевшиеся документы не давали права именовать ее императорской. «Титул сей, сколько по делам известно, дан ей был от казанских гражданских губернаторов, как попечителей оной, что сохранилось до сего времени». Поэтому министр предписал попечителю Казанского учебного округа в начале января 1829 г. «сделать по сему надлежащее распоряжение, которое и исполнено 28 числа того же января 1829 года». С этого времени гимназия «императорской» более не называлась (В. Владимиров, Материалы для истории образования в Казанском учебном округе. Введение в историческую записку о 1-й Казанской гимназии, Казань, 1866, стр. 9—11). 262.

Лафонтен, Жан (р. 1621, ум. 1695), французский баснописец, басни которого любил читать Н. И. Лобачевский. 594.

Лебедев, Василий Александрович (р. 1 октября 1833, ум. 2 мая 1909), уроженец Нижнего-Новгорода (ПН, II, 623—624), заслуженный профессор Петербургского университета по кафедре финансового права (БС, I, стр. 380—384; автобиография в издании: «Знакомые. Альбом М. И. Семевского», 1888, стр. 93). Был студентом Казанского университета с 7 июня 1853 г. по 7 июня 1857 г., который окончил кандидатом (М, I, 1, стр. 412; I, 2, стр. 456); автор воспоминаний о гимназической и университетской жизни: «Учебные воспоминания. Казанский университет на рубеже второго пятидесятилетия своей жизни» (РС, 1908, №№ 7—12) и «Учебные воспоминания» (РС, 1907, №№ 6 и 7). Некролог В. А. Лебедева напечатан в «Новом Времени», 4 мая 1909, № 11904, стр. 4. Ср. в воспоминаниях П. Д. Боборыкина, стр. 18, 72. — Стр. 22, 659—660.

Левашев, Николай Федорович (р. 21 января 1817), подпоручик артиллерии (Руммель, I, стр. 535 и 549), муж (с 1846) А. Г. Осокиной (см.). 523.

Левашева, Анна Гавриловна (р. 7 января 1824), дочь Г. И. Осокина (см.), племянница В. А. Лобачевской; жена (с 1846) Н. Ф. Левашева (см.); жила в 1846 г. в г. Ярославле (Руммель, I, стр. 535 и 549). 523.

Левицкий, Алексей Федорович, студент Казанского университета с 11 августа 1814 г.; курс окончил кандидатом 4 марта 1818 г.; ученик Н. И. Лобачевского; 15 декабря 1821 г. назначен учителем математики Тамбовского главного народного училища (М,I, 1, стр. 50, 67 и 91). 88, 90.

Левицкий, Лев Семенович (р. 1772, ум. 24 января 1807), учитель Н. И. Лобачевского; с 19 января 1799 г. был учителем логики и нравоучения Казанской гимназии, а с 23 января 1805 г. — адъюнкт умозрительной и практической философии в Казанском университете (Загоскин, Словарь, 1, 120—121; Загоскин, История, I, 45—46 и др.; Венгеров, Источники, III, 420; Булич, I, 80—81). Был секретарем Казанской гимназии с 14 февраля 1805 г. по 24 января 1807 г. (М, I, 1, стр. 41). 36.

Левшины, знакомые С. М. Великопольской в Казани (1832). 303, 305.

Лежандр, Адриан-Мари (р. 1752, ум. 1833), французский математик, профессор Политехнической школы и член Парижской Академии наук. Автор классических трудов в области чистой математики: «Mémoire sur les transcendantes elliptiques» (1794); «Exercices de calcul intégral» (1811—1817, 3 т.); «Traité des fonctions elliptiques et des intégrales Eulériennes» (1825—1828, 3 т.) и «Théorie des nombres» (1830, 2 т.). 64, 115, 144, 156, 241, 530, 531.

Лейбниц, Готфрид-Вильгельм (р. 1646, ум. 1716), немецкий философ и математик. 446, 447.

Леклерк, Себастиан (р. 1637, ум. 1714), французский гравер. 232.

по разряду астрономии и геодезии (Б Модзалевский, стр. 171). В Казань приехал 13 марта 1810 г. и 31 марта получил официальное назначение профессора астрономии. Лучшими его учениками были И. М Симонов и Н. И. Лобачевский, которым он читал лекции по теоретической астрономии; устроитель Астрономической обсерватории в Казани; содержатель частного пансиона, открытого там же в 1814 году. Уволился в отставку 25 мая 1816 г., и 31 мая покинул Казань (Загоскин, Словарь, I, стр. 396—405; Загоскин, История, I, стр. 257—262; РБС; Венгеров, Источники, III, 486—487). Об отношении Литтрова к Н. И. Лобачевскому подробно рассказано в книге Н. Н. Булича (ч. II, стр. 125, 134—135; там же о самом И. А. Литтрове, ч. I, стр. 477—481, 484 и ч. II, стр. 110—114; 300, 311—315, 379). Литтров вел дневник, сохранившийся у внучки его в Вене. Из этого дневника видно, что Литтров давал Лобачевскому книги астрономического и геодезического характера, а также сочинения Лессинга и Дидро (сведения А. В. Васильева в книге Б. Г. Кузнецова, «Ломоносов, Лобачевский, Менделеев», М., 1945, стр. 112). После отъезда обратно в Вену Литтров сохранил к Лобачевскому самые лучшие отношения, что видно из писем Литтрова к И. М. Симонову, цитируемых нами в основном тексте книги. Отзыв о Литтрове С. Я. Румовского, 1809, см. у М. И. Сухомлинова, «История Российской Академии», т. II, стр. 90.—Стр. 42, 46, 49, 55, 56 60, 62, 67, 73, 74, 152, 189, 224, 337, 409—410, 578, 587, 616, 633.

Лобачевская, Варвара[1] Алексеевна (р. 27 декабря 1812, ум. 18 апреля 1885), р. Моисеева (ПН, II, 681), дочь А. Ф. Моисеева и его жены Надежды Сергеевны Великопольской, р. княжны Болховской, жена (с 16 октября 1832) Н. И. Лобачевского, который имел от нее, по сообщению его сына Н. Н. Лобачевского, 18 человек детей, а по свидетельству дочери В. Н. Ахлопковой — 15 человек. В приданое за женой Н. И. Лобачевский получил имение Полянки (см.), а также 47 крепостных крестьян в Старицком уезде, Тверской губернии и 39 крестьян в Сычевском уезде, Смоленской губ., а также каменный трехэтажный дом в Казани (сведения из формулярного списка Н. И. Лобачевского). Имения эти составляли, однако, раздельную от Н. И. Лобачевского собственность В. А. Лобачевской. 9, 17—19, 24, 31, 301—304, 329—331, 369, 382—384, 401, 402, 407, 409, 443, 478—479, 488—489, 492—493, 495, 498—499, 508—509, 520—521, 526, 528—529, 538, 544, 545, 561, 569, 572—577, 582—586, 589, 590, 593—595, 598—610, 622, 626—628, 635, 636, 638, 640, 645, 650, 671, 677—678, 682—684.

Лобачевская, Варвара Николаевна, дочь Н. И. Лобачевского, см. — Ахлопкова.

Лобачевская, Вера Николаевна (р. 8 марта 1841, ум. 18 марта 1913), р. Манассеина, дочь Николая Петровича Манассеина (ум. 7 февраля 1858) и его жены Прасковьи Алексеевны, р. Акимовой (р. 21 апреля 1819, ум. 12 декабря 1887) — см. А. А. Сиверс, Материалы к родословию Мухановых, СПб., 1909, стр. 353; Агафонов, I, стр. 24 и 26 (родословия Манассеиных); воспитывалась в Казанском Родионовском институте благородных девиц; жена Н. Н. Лобачевского (с 1862 г.?), который имел от нее четверых детей; Давида, Дмитрия, Ольгу и еще одну дочь, неизвестную по имени; В. Н. Лобачевская с 1893 г. жила в Самаре с младшей дочерью, где и умерла. (По надгробию в Иверском женском монастыре в Самаре она родилась 10 марта 1841.). 597, 601, 678.

Лобачевская, Надежда Николаевна (р. 1844, ум. 8 февраля 1846), дочь Н. И. Лобачевского; по другим сведениям она родилась в 1837 г. Так как у Лобачевского было много детей, умерших в детском возрасте, можно предполагать, что была раньше другая дочь Надежда, родившаяся в 1837 г. и умершая до 1844 г. 629, 678.

Лобачевская, Ольга Николаевна, дочь Н. Н. Лобачевского, см. — Федорова.

Лобачевская, Пелагея Ивановна (р. 1860, ум. после 1926 г.), рожд. Карпова, жена А. Н. Лобачевского (см.). 679.

Лобачевская, Прасковья Александровна (р. 1773, ум. 27 февраля 1840), коллежская регистраторша, жена И. М. Лобачевского (см.), который имел от нее детей: Александра (см.), Николая (геометра) и Алексея (см.) Ивановичей (О ней см.: Агафонов, I,

стр. 83.) О ее доме в Казани на Лядской ул. см.: Загоскин, История, II, стр. 435.— Стр. 35, 37, 53, 382, 383, 600, 629, 634, 666.

Лобачевская, Софья Николаевна, дочь Н. И. Лобачевского, см. — Казина.

Лобачевская, N Николаевна (р. 1879) дочь Н. Н. Лобачевского, жила в 1893 г. с матерью в Самаре. 601.

Лобачевские, семья и отдельные представители рода, родственные связи которых с семьей Н. И. Лобачевского установить не удалось:

1) Афанасий Иванович Лобачевский (р. 1801, жив в 1852), учитель рисования в г. Новгород-Северске. Женат на Евдокии Радовицкой (его аттестат со сведениями о прохождении службы хранится в Архиве Академии Наук СССР, Разряд IV, оп. 1, № 643, куда поступил от жены А. Н. Лобачевского, Пелагеи Ивановны, р. Карповой) и его дети: а) Иван Афанасьевич Лобачевский (р. 1828), учился в 1852 г. в университете св. Владимира в Киеве, б) Андрей Афаньсевич Лобачевский (р. 1837); в 1852 г. учился в Новгород-Северской гимназии, в) Николай Афанасьевич Лобачевский (р. 1844) и г) Василий Афанасьевич Лобачевский (р. 1847, ум. 1882), учился в Московском университете, изобретатель (его некролог в «Новом Времени», 1882, № 2207; Венгеров, Источники, III, 494); был женат на дочери полковника Екатерине Яковлевне Сегединой и имел сына Дмитрия Васильевича Лобачевского.

2) Лобачевская, Анна Ивановна, род. 7 сентября 1819, ум. 14 ноября 1872 МН, II, 179).

3) Лобачевский, Валериан Лукич, с 14 августа 1869 г. — кадет Новгородского гр. Аракчеева кадетского корпуса; курс окончил в 1875 г. и был выпущен в Михайловское артиллерийское училище; в 1878 г. — подпоручик 35 артиллерийской бригады (Карцов, Исторический очерк Новгородского гр. Аракчеева Кадетского корпуса и Нижегородской военной гимназии 1834—1884, СПб., 1884, стр. 403).

4) Лобачевский, Владимир Севастьянович (р. 20 апреля 1837), врач (Венгеров, Источники, III, 494).

5) Лобачевский, Иван Васильевич, был в 1850-х годах библиотекарем Медико-хирургической Академии и одержим был идеей о квадратуре круга; по предположению проф. Д. М. Синцова, достаточно надоедал акад. М. В. Остроградскому в связи с своими работами в этой области. Его «Геометрическая программа, содержащая ключ к квадратуре неравных луночек (3 : 4) (1 : 4) и сегмента, в составе полуравности оных находящегося» была опубликована автором в 1833 г. на русском и латинском языках (см. проф. Д. М. Синцов, «Н. И. Лобачевский (1793—1856)» в серии «Харьковская математическая библиотека, № 2—3» — «Николай Иванович Лобачевский. Новые начала геометрии с полной теорией параллельных. С приложением биографического очерка автора и примечаниями», Харьков, 1912, стр. XIX. То же в книге Д. М. Синцова, «Николай Иванович Лобачевский», Харьков, 1941, стр. 17). Об этом сочинении И. В. Лобачевского см. в «Северной Пчеле», 1834, № 55.

6) Лобачевский, Николай Петрович (ум. 4 декабря 1891, 41 г.; МН, II, 179).

7) Лобачевский, Осип Иванович, поручик Могилевского пехотного полка, убит под Клястицами 20 июня 1812 г. и погребен в Псковско-Печерском монастыре (РС, 1912, № 4, стр. 60).

8) Лобачевский, Патриций, в 1796 г. коморник в земле Ковенской (Месяцослов на 1796 год).

9) Лобачевский, Петр Лукич, очевидно брат Валериана (№ 3); с 8 августа 1874 г. — кадет Новгородского гр. Аракчеева кадетского корпуса; в 1882 г. был уволен по болезни гражданским чином (Карцов, назв. соч., стр. 414).

10) Лобачевский, Порфирий Степанович, секретарь Консистории и канцелярии архиепископа Никанора (упоминается в записках Никанора в РА, 1906, кн. II, стр. 354; кн. III, стр. 171).

11) Лобачевский, Савва Осипович, штаб-лекарь 25 Смоленского пехотного полка 12 мая 1822 г. из 20 егерского полка; 17 июля 1823 г. переведен в Рыльский пехотный

полк (кн. В. П. Максутов, Приложение к «Истории 25 пехотного Смоленского полка за 2 века его существования, 1700—1900», прил. VII, стр. 119, № 1200).

12) Лобачевский, Яков Федорович (р. 24 марта 1783, ум. 17 апреля 1871), в монашестве Иерофей, епископ Острожский, из дворян Волынской губернии, историк; издавал акты и документы, относящиеся к истории Западной России, был крупным лингвистом и любил заниматься естественными науками (РА, 1873, столб. 1493; «С.-Петербургские Ведомости», 1871, № 145»; РБС (Иерофей), Венгеров, Источники, II, 517). 15.

13) Лобачевский (неизвестный по имени), в 1824 г. студент Московского университета, упоминается в дневнике Н. И. Пирогова («Сочинения Н. И. Пирогова», под ред. С. Я. Штрайха, т. II, Киев, 1916, стр. 251, 254, 258 и 260).

Лобачевский, Александр Иванович (р. 1790, ум. 19 июля 1807), старший брат Н. И. Лобачевского; поступил в Казанскую гимназию 5 ноября 1802 г. на казенное содержание; 18 февраля 1805 г. по постановлению Совета значится в числе учеников, избранных для слушания «профессорских и адъюнктских лекций» (Д. Нагуевский, Казанская гимназия накануне основания Казанского университета (1804—1805 гг.), Казань, 1900, стр. 74; Владимиров, ч. 2, прил. к части 3, стр. 4 и 7); студент университета с 18 февраля 1805 г. по день смерти (М, I, 1, стр. 9); учился в университете вместе с С. Т. Аксаковым, В. И. Панаевым, В. М. и Д. М. Перевощиковыми, В. И. Тимьянским и др.; не кончил курса, утонув в р. Казанке во время купания (Агафонов, I, стр. 83; Булич, ч. I, стр. 248 в примечании; Загоскин, История I, стр. 302—303, 524—525). В архиве Университета сохраняется дело Канцелярии Совета «об избрании в помощники инспектору студентов кандидата Кондырева и о утопшем студенте Александре Лобачевском» (ЦГАТ, ф. 977, № 8430/20). В этом деле находится: 1) донесение профессора инспектора директора И. Ф. Яковкина от 20 июля 1807 г. о происшествии 19 июля 1807 (л. 4); 2) свидетельство на латинском языке проф. Карла Федоровича Фукса об осмотре трупа утонувшего 19 июля Александра Лобачевского, от 20 июля 1807 г. (л. 5) и 3) рапорт дежурного камерного студента Андрея Кайсарова от 20 июля 1807 г. о гибели студента Александра Лобачевского (л. 6). 35, 37, 594, 629, 666, 678.

Лобачевский, Александр Николаевич (р. 1 июня 1846, ум. 31 августа 1892), третий сын Н. И. Лобачевского, полковник; воспитывался в Павловском военном училище; прапорщик л.-гв. Гренадерского полка (1865—1867); судебный следователь в Казани (1867—1870), затем служил в Техническом комитете Главного интендантского управления; автор статей по военному хозяйству (ПН, II, 681; Венгеров, Источники, III, 494; Языков, в. XII, стр. 117; некрологи: «Новое Время», 1892, №№ 5930, 5941, 5970; «Всемирная Иллюстрация», 1892, т. XLVIII, № 231). Женат на Пелагее Ивановне, р. Карповой (р. 1860), обращавшейся в 1926 г. в Бюро секции научных работников с просьбой о материальной помощи (Архив Академии Наук СССР, Разряд IV, оп. 1, № 643). 561, 573, 575, 582, 584—586, 589, 601, 640, 675, 678, 679.

Лобачевский, Алексей Иванович (р. 12 февраля 1795, ум. 1 марта 1870), младший брат Н. И. Лобачевского, адъюнкт технологии Казанского университета; окончил Казанскую гимназию в 1807 г. с правом поступления в университет (Владимиров, ч. 3, прил., стр. 5); студент этого университета с 10 июля 1807 г.; с 5 ноября 1809 г. — студент на жалованье; с 23 марта 1811 г. — магистр физико-математических наук; адъюнкт по кафедре технологии — с 29 октября 1817 г.; в 1818—1820 гг. совершил путешествие по Сибири для обозрения и описания горных заводов. По возвращении в Казань его поездка была признана бесцельной. Не добившись звания профессора, Лобачевский подал прошение об увольнении и 13 января 1823 г. был уволен из университета (М, I, 1, стр. 16, 21, 25, 66; Загоскин, Словарь, I, 406—407; Загоскин, История, II, 51—55; Агафонов, I, 83; РБС; Булич, I, стр. 249—251, 518; II, стр. 14, 15). Выйдя в отставку с чином надворного советника, Лобачевский занимался частною техническою практикою в Казани; в 1827—1837 гг. заведывал Казанской суконной фабрикой Г. И. Осокина (см.), а в 1842—1846 гг. арендовал эту фабрику (Н. Я. Агафонов

(Я. Посадский). Как добились себе воли казанские суконщики, в издании: «Первый шаг. Провинциальный литературный сборник 1876», Казань, 1876, стр. 427—428; Н. О. Лернер, Рассказы о Пушкине, Л., 1929, стр. 170—171; первоначально в «Каторге и ссылке», кн. 35, М., 1927, стр. 83; «Санктпетербургские Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения», 1842, № 27, статья 7232; 1843, № 33, статья 9215; 1844, № 28, статья 6797; 1845, № 35, статья 7736; 1846, № 38, статья 8181). 35, 37, 41—43, 45, 46, 48, 50—53, 62, 64, 78, 81, 96, 97, 104, 105, 111, 112, 145, 146, 149—150, 153, 159, 190, 294, 298, 350, 383, 594, 600, 601, 629, 634, 666.

Лобачевский, Алексей Николаевич (р. 30 июня 1833, ум. 23 января 1852), старший сын Н. И. Лобачевского, умерший от туберкулеза; студент Казанского университета с 20 августа 1849 по день смерти (М, I, 1, стр. 364; Агафонов, I, 83, где ошибка в дате смерти; Агафонов, Записи, № 217, стр. 528, где та же ошибка). 18, 381—382, 391, 393, 394, 409, 594, 598, 599, 602—607, 609, 622, 627, 629, 640, 649, 678.

Лобачевский, Алексей Николаевич (р. 7 июля 1852, ум. 27 октября 1883), 4-й сын Н. И. Лобачевского (ПН, II, 681), страдавший умственным недоразвитием. 538, 561, 573, 575, 582—586, 589, 606, 640.

Лобачевский, Давид Николаевич, сын Н. Н. Лобачевского и внук Н. И. Лобачевского; с 1893 г. — сотник Оренбургского казачьего войска; с 1904 г. — ротмистр. Был женат (на Анне Ивановне N?, умершей в Москве 20 декабря 1930 г., о чем извещали дочь ее и внуки — см. «Известия ЦИК СССР», 21 декабря 1930, № 350/4197), и имел сына Бориса Давидовича (род. 2 октября 1904) и дочь Татьяну Давидовну (род. 19 сентября 1903), прямых правнуков Н. И. Лобачевского, судьба которых неизвестна. 601, 679.

Лобачевский, Дмитрий Николаевич (р. 22 ноября 1872), сын Н. Н. Лобачевского и внук Н. И. Лобачевского, в 1893 г.—телеграфист в Самаре; дальнейшая биография неизвестна. 601, 679.

Лобачевский, Иван Максимович (р. 1760, ум. 1797), коллежский регистратор, уездный землемер Нижегородского наместнического правления, отец Н. И. Лобачевского, племянник Е. А. Аверкиева (см.). 15, 23, 35, 586, 590, 593, 666.

Лобачевский, Николай Николаевич (р. 10 июля 1835, ум. 23 апреля 1900); второй сын Н. И. Лобачевского; студент Казанского университета с 24 августа 1851 г. по 4 июля 1853 г., когда по прошению был уволен, не кончив курса (М, I, 1, стр. 389); с 1854 г. служил в Стародубском кирасирском полку. По сведениям Н. Я. Агафонова (I, стр. 26—27) Лобачевский «служил затем частным приставом 2 части г. Казани (1870) и, наконец, в интендантстве. За растрату казенных денег был сослан в Сибирь, где содержался на средства, высылаемые Казанским университетом, в уважение ученых заслуг его знаменитого отца. Он жил в г. Мариинске, Томской губернии, но незадолго до смерти переведен в г. Тюмень, Тобольской губернии, где и умер». В Мариинске его случайно нашел один из бывших питомцев Казанского университета, который со слов Н. Н. Лобачевского записал его воспоминания об отце, опубликованные в ИВ, 1895, № 1, стр. 154—170 (текст их перепечатан в настоящем сборнике). Еще будучи офицером и приехав в Казань вместе с своим однополчанином князем Оболенским в 1856 г., Н. Н. Лобачевский вместе с ним участвовал в демонстрации против студентов, окончившейся 4 декабря этого года избиением их студентами. После этого громкого скандала Лобачевский, очевидно, уже не мог оставаться в полку и вынужден был выйти в отставку. Один из участников этого избиения, студент Н. М. Соковнин, рассказывая об этом происшествии и называя Н. И. Лобачевского «знаменитым математиком и благороднейшим человеком», о Н. Н. Лобачевском говорит, как о «сыне бывшего помощника попечителя, так далеко укатившемся от яблони» (РС, 1892, № 5, стр. 275—291; ср. К, I, стр. 159 и 198, прим. 20). История эта наделала много шума в Казани, и до нас дошло довольно много рассказов и воспоминаний о ней — см. воспоминания В. А. Лебедева (РС, 1908, № 8, стр. 251 и № 11, стр. 460); рассказ Д. А. Корсакова, стр. 32—38; А. С. Гациского в «Казанском литературном сборнике, 1878», Казань,

1878, стр. 173—174; Н. А. Фирсова (РС, 1889, № 3, стр. 560); в беллетристической форме о ней рассказано в романе П. Д. Боборыкина «В путь-дорогу», с изменением фамилий участников.

Одновременно с Н. Н. Лобачевским существовал другой Николай Лобачевский, которого не следует с ним смешивать. Этот Н. Лобачевский в 1855 г. окончил Петербургский университет по юридическому факультету, по разряду юридических наук кандидатом (В. В. Григорьев, Имп. СПб. университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка. СПб., 1870, прил., стр. С). В архиве Пушкинского Дома (ф. 234, оп. 3, № 383) оказалось письмо этого Лобачевского к ректору университета П. А. Плетневу; из письма выясняются некоторые биографические подробности, почему здесь и приводится из него выписка (письмо помечено 28 декабря 1855): «Находясь четыре года под Вашим начальством в С.-Петербургском университете, я постоянно пользовался Вашим благорасположением и снисхождением, и когда я окончил курс наук, Вы были так милостивы, сделали лестный обо мне отзыв барону фон Вольф; следствием этого отзыва было то, что я получил место при Лифляндском гражданском губернаторе. Так как этим я обязан исключительно Вашему превосходительству, то считаю священным долгом выразить Вам мою душевную благодарность и поздравить Вас с наступающим Новым годом». Дальнейшая его биография нам неизвестна. 8, 22, 28, 382—383, 393, 394, 409, 548, 561, 564, 584—586, 596—610, 627, 628, 640, 675, 678, 679.

Лопатин, Александр Николаевич; образование получил в Казанском университете с 2 сентября 1831 г. по 27 июня 1834 г., который окончил со степенью кандидата (М, I, 1, стр. 159, 184); 1 октября 1837 г. определен учителем 2 Казанской гимназии (М, I, 1, стр. 327). 371.

Лошкин, Петр Григорьевич, секретарь Нижегородской межевой конторы (1792), крестный отец Н. И. Лобачевского. 35.

Лубкин, Александр Степанович (р. в 1770 или 1771, ум. 31 августа 1815); профессор философии Казанского университета. Образование получил в семинарии и в Петербургской духовной академии. Приглашен был в Казанский университет адъюнктом по кафедре умозрительной и практической философии 3 февраля 1812 г.; с 26 марта 1814 г. — э. профессор; с апреля 1812 г. по январь 1815 г. состоял инспектором Казанской гимназии; избран Советом и 9 июня 1815 г. утвержден в звании о. профессора, но вскоре умер (Агафонов, I, 84; Загоскин, Словарь, I, стр. 122—123; Загоскин, История, I, стр. 289—291; РБС; Венгеров, Источники, IV, 14). Некролог его помещен в «Казанских Известиях» 4 сентября 1815, № 71, стр. 405—407. — Стр. 58, 66.

Лувиль, Жак-Эжен (р. 1671, ум. 1732), французский астроном. 471.

Лукашевский, Гилярий (Илярий) Яковлевич; преподаватель римской словесности Казанского университета; с 1828 по 1833 и с 1839 по 1845 гг. преподавал в университете римское право и историю (до 1838), латинский язык и римскую словесность (Загоскин, Словарь, I, 123 и II, 42; РБС). Его характеристику см.: П. Ф. Вистенгоф, Из моих воспоминаний (ИВ, 1884, № 5, стр. 340—341); Записки Н. И. Мамаева (ИВ, 1901, № 1, стр. 62—64, 70—73); В. Назарьев, Жизнь и люди былого времени (ИВ, 1890, № 12, стр. 714); А. Н. Овсянников, Из воспоминаний старого педагога (РС, 1899, № 6, стр. 692); А. М. Полиновский, Воспоминания старого казанского студента (ВВ, 1890, № 306, стр. 2). 649.

Львов, Михаил Николаевич (р. 1791, ум. 16 мая 1844), директор 2 Казанской гимназии; образование получил в училище корабельной архитектуры и в течение 12 лет служил в корпусе корабельных инженеров, выйдя в 1828 г. в отставку и перейдя на службу на должность директора училищ Казанской губернии; с 17 ноября 1842 г. — член Строительного комитета Казанского университета. Некролог Львова, написанный С. С. Немировым, помещен в ПКГВ, 12 июня 1844, № 24, столб. 364—366; перепечатан у Агафонова, II, стр. 121—122; см. также Агафонов, I, стр. 84. Характеристику его как директора гимназии см.: Э. П. Янишевский, Воспоминания бывшего

ученика 2-й Казанской гимназии сороковых годов, «Деятель», Казань, 1896, № 2, февраль, стр. 57. — Стр. 461, 489, 500, 655.

Любимов, Иван Матвеевич, исполнял должность кассира Казанского университета с 23 апреля 1829 г. и утвержден был в должности с 1 мая того же года; оставался на службе до 14 февраля 1836 г. (М, I, 1, стр. 212). 266.

Любовь Ермолаевна, см. — Растовская.

Любомиров, Трифон Егорович (ум. 14 января 1826), с 21 июля 1825 г. состоял директором Казанского университета (М, I, 1, стр. 210, где ошибка в фамилии: Миролюбов). 196—199.

Ляпунов, Василий Александрович (ум. 8 октября 1847), бухгалтер Правления Казанского университета с 10 апреля 1825 г. (М, I, 1, стр. 212) и синдик того же Правления с 1 августа 1837 г.; 4 октября 1846 г. был по прошению уволен (М, I, 2, стр. 580). 256, 372, 449, 461, 498, 514.

Ляпунов, Михаил Васильевич (р. 30 сентября 1820, ум. 20 ноября 1868), сын В. А. Ляпунова (см.), питомец Казанского университета, ученик Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова, затем преподаватель астрономии того же университета и астроном-наблюдатель (с 1840) его Астрономической обсерватории. В 1842 г. участвовал вместе с Н. И. Лобачевским в экспедиции в Пензу для наблюдения солнечного затмения (Загоскин, Словарь, I, 419—422; РБС; Д. А. Корсаков, Из жизни русского дворянства прошлого времени, ИВ, 1911, № 9, стр. 958—959); отец академиков А. М. и Б. М. Ляпуновых и композитора С. М. Ляпунова. Вся семья М. В. Ляпунова находится в ближайшем родстве с академиком А. Н. Крыловым, автором замечательных мемуаров, в которых говорится как о самом М. В. Ляпунове, так и о его знаменитых сыновьях (см. А. Н. Крылов, Мои воспоминания, М.—Л., 1942, стр. 28 и др.). Родственные связи М. В. Ляпунова с семьями И. М. Сеченова, А. М. Зайцева и А. Н. Крылова выяснены в генеалогической таблице, опубликованной в «Известиях Бюро по евгенике», 1925, № 3, стр. 78—79; ср. стр. 40 и 69. Учеником Н. И. Лобачевского и И. М. Симонова М. В. Ляпунов назван П. И. Котельниковым в его речи: «Судьбы астрономической географии России в благополучное царствование государя императора Николая I. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Казанского университета орд. проф. прикладной математики доктором философии Петром Котельниковым 16 сентября 1851 года», Казань, 1851, стр. 5. — Стр. 439, 441, 444, 447, 448, 457—459, 462—465, 470, 473, 477, 479, 496, 498—499.

Мабли, Габриэль-Бонно (р. 1709, ум. 1785), писатель, государствовед, историк. Из его работ известны «Начальные основания нравоучения» («Principes de morale», 1783) — трактат о нравственности. Очевидно, именно его имел в виду Лобачевский в своей речи о воспитании. 322.

Магзиг (Magsig), Эрнест Иванович, известный в свое время садовник в Пензе, бывший в 1842 г. директором Пензенского училища садоводства 2 разряда (Адрес-Календарь на 1843 год, ч. I, стр. 296). Акад. П. И. Кеппен, бывший в 1829 г. проездом в Пензе и подробно осматривавший «казенное училище садоводства», называет Э. И. Магзига «образованным садовником» и «усердно трудившимся к чести своей и к пользе России» (Ф. П. Кеппен, Биография П. И. Кеппена, в «Сборнике Отд. рус. яз. и словесности имп. Академии Наук», т. LXXXIX, № 5, СПб., 1911, стр. 146). 465, 466.

Магзиг, Эрнест (Карл-Иоганн) Эрнестович (р. 14 сентября 1823, ум. 15 ноября 1866), сын Э. И. Магзига, студент Казанского университета (с 17 августа 1840 по 30 мая 1844), окончивший кандидатом (с 30 мая по 1 сентября 1844) и затем бывший магистром с 21 мая по 25 июня 1846) и короткое время смотрителем физического кабинета (с 29 июня 1846; М, I 1, стр. 256, 297, 322 и 323). В университете Э. Э. Магзиг

обучался одновременно с М. Я. Киттары, будущим профессором Казанского университета, М. М. Мусиным-Пушкиным, сыном попечителя Казанского учебного округа, Н. И. Розовым, впоследствии управляющим Медицинским департаментом и хорошо знавшим Н. И. Лобачевского (см. в воспоминаниях В. Н. Ахлопковой, Н. П. Вагнера и Н. Н. Лобачевского). Э. Э. Магвиг в том же 1842 г. помогал проф. Э. А. Кнорру в ряде научных опытов, который говорит о его «похвальном усердии» и «большой проницательности» (см. статью Кнорра «О темных лучах света» в «Ученых Записках, изд. имп. Каз. унив.», 1842, кн. III, Казань, 1843, стр. 91, 96 и 97); впоследствии действительный статский советник (ПН, III, 3). 465, 466, 479.

Магницкий, Михаил Леонтьевич (р. 1778, ум. 21 ноября 1844), известный реакционный деятель, обскурант и мракобес, сблизившийся с М. М. Сперанским и благодаря ему сделавший карьеру; после падения Сперанского был сослан в Вологду на 4 года. С 1816 г. начал свою ультраханжескую деятельность; ревизор на правах попечителя Казанского учебного округа с 10 февраля 1819 г.; попечитель с 8 июня 1819 г.; уволен 6 мая 1826 г. (Загоскин, Словарь, II, 404); произвел разгром Казанского университета, предполагал даже совсем его ликвидировать, преследовал профессоров, занимаясь доносами и обвинениями их в неблагонадежности. После своего увольнения в 1826 г. был сослан в Ревель и умер в Одессе, всеми покинутый и забытый (РА, 1898, I, стр. 228—230). Мрачная деятельность Магницкого в Казанском университете освещена материалами у Загоскина, История, т. I—IV. Основная книга о нем Е. М. Феоктистова «Магницкий», СПб., 1865; остальная литература указана у Венгерова, Источники, IV, 75—76. — Стр. 6, 7, 10, 14, 29, 45, 83, 84, 89, 91—98, 100, 103—107, 109—113, 117, 119—129, 131—143, 145, 147, 149—151, 153—157, 159, 160, 163—170, 188—191, 193—196, 198—201, 236, 242, 263, 304, 600, 613, 642, 644, 653, 670, 673.

Майер, Тобиас (р. 1723, ум. 1762), известный немецкий астроном, профессор математики и астрономии в Гёттингене. Его сочинение «Theoria Lunae juxta systema Newtonianum» было напечатано в Лондоне после его смерти в 1767 г. Его сын Иоганн Майер (р. 1752, ум. 1830) также был профессором в Геттенгене и является автором сочинения «Practische Geometrie» (1795—1802), учебника физической астрономии (1805)и др. 471.

Максимович, Марфа Павловна, см. — Симонова.

Максутов, Петр Иванович, князь (р. 14 июня 1790, ум. 11 октября 1867); студент Казанского университета одновременно с Алексеем И. Лобачевским, с 10 августа 1807 г.; окончил курс кандидатом 23 августа 1811 г.; 8 октября 1815 г. был по прошению уволен (М, I, 1, стр. 16, 29 и 54; РПН, 516). 40, 45, 48.

Малаев, Василий Степанович, почетный смотритель Симбирского уездного училища в 1836 г. (Месяцослов на 1836 год, ч. I, стр. 577). Его сын Модест Васильевич Малаев был в это же время ст. учителем математических наук в высших классах Симбирской гимназии (там же); окончил Казанский университет действительным студентом (с 2 сентября 1831 по 27 июня 1834) и 16 октября 1834 г. был назначен учителем в эту гимназию (М, I, 1, стр. 159 и 185); по университету был товарищем В. Н. Колбецкого (там же), сына Н. В. и Н. Е Колбецких (см.). 376.

Малышев, Николай, сперва «дядька», а затем «управитель» у И. Е. Великопольского. 406.

Мамаев, Иван Данилович (р. 1781, ум. 30 марта 1846), с 30 мая 1827 г. по 11 апреля 1834 г. состоял членом Строительного комитета Казанского университета; одновременно с 8 февраля 1829 г. по 25 мая 1834 г. был членом Правления того же университета (М, I, 1, стр. 211 и 221). До поступления в университет он служил во флоте, где дослужился до чина капитан-лейтенанта и был сослуживцем А. П. Костливцева (см.), а затем 6 мая 1827 г. был определен советником в Казанскую адмиралтейскую контору (см. ОМС, ч. VI, СПб., 1892, стр. 140—141). В Казани он женился на Варваре Васильевне Мельгуновой (ум. в 1857) и имел 8 человек детей (см. в статье Д. А. Корсакова, ИВ, 1901,

№1, стр. 40). Второй его сын Николай Иванович Мамаев был в 1830—1833 гг. студентом Казанского университета и оставил живые воспоминания о своей казанской жизни; в них он подробно говорит о своем отце, о его службе во флоте и о работе в Казанском университете. «По уничтожении адмиралтейства, — пишет он, — если не ошибаюсь, в 1827 году, отец перешел на службу по Казанскому университету, членом Строительного комитета с правом присутствовать в Правлении университета в качестве непременного члена. За сбережение значительной экономии в расходовании сумм награжден орденом св. Анны 2-ой степени и, прослужа всего 35 лет, за что получил орден св. Владимира, в 1834 году вышел в отставку с полным пансионом. Остальное время отец жил, предаваясь своему любимому занятию — постройкам» (ИВ, 1901, № 1, стр. 48); отрывки воспоминаний Н. И. Мамаева (из ИВ, 1901, № 4) вошли в «Литературный сборник к 100-летию имп. Казанского университета. Былое из университетской жизни», Казань, 1904, стр. 39—49.—Стр. 266, 346, 404, 499.

Манассеин, Элпидифор Петрович (р. 1795, ум. 24 января 1833), студент Казанского университета одновременно с Алексеем И. Лобачевским, с 10 июля 1807 г.; окончил курс кандидатом 23 августа 1811 г.; магистр с 11 декабря 1814 г.; адъюнкт правоведения с 5 января 1817 (М, I, 1, стр. 16, 29, 49, 53, 58 и др.); в 1818—1819 гг. преподавал в Казанском университете философию положительного права и европейское народное право. Уволен из университета весною 1821 г., когда назначен был директором училищ и преподавателем русского языка и словесности в школах Кавказской губернии; в 1831 г. был управляющим Саратовскою удельною конторою (Загоскин, Словарь, II, 43—44; Загоскин, История, II, стр. 43—46; Булич, ч. II, стр. 15, 89, 95—96, 101—110; Агафонов, I, стр. 24; А. А. Сиверс, Материалы к родословию Мухановых, 1910, стр. 350—351). На дочери его старшего брата Николая Петровича Манассеина (также учившегося в Казанском университете в 1805—1807 гг., М. I, 1, стр. 9) — Вере Николаевне Манассеиной (см.) был женат сын Н. И. Лобачевского — Николай Николаевич Лобачевский (см.). Характеристику Э. П. Манассеина см. в «Записках Д. И. Кипиани» в РС, 1886, № 3, стр. 522—523. Портрет его воспроизведен в издании «Выставка картин „Художественные сокровища Казани“», П, 1916 г., стр. 21. — Стр. 40, 41, 45, 48, 92.

Манассеина, Вера Николаевна, см. — Лобачевская.

Мандрыка, Николай Яковлевич (р. 7 января 1777, ум. 6 июля 1853), генерал-лейтенант (Агафонов, I, 85; Агафонов, Записи, № 226, стр. 895; Никанор, стр. 11 и 43); в 1841 г. — генерал-майор, окружный генерал дежурства 4-го округа внутренней стражи г. Казани (Чернов, отд. III, стр. 126; биографические сведения: К. Манзей, История лейб-гвардии Гусарского его величества полка. 1775—1857, ч. III, СПб., 1859, стр. 28; В. Л. Модзалевский, Малороссийский родословник, т. III, Киев, 1912, стр. 362—363. «Сборник биографий кавалергардов», т. II, 1762—1801, СПб., 1904, стр. 296—298, с портретом. На его дочери Варваре Николаевне (р. 20 июля 1812, ум. 7 апреля 1891) был женат казанский литератор Э. П. Перцов (ум. 12 июля 1873), брат П. П. Перцова (см.). Она была приятельницею поэтессы А. А. Фукс (РС, 1904, № 7, стр. 5—8; РА, 1887, кн. II, стр. 51). 390.

Манстрит, лицо неустановленное. 300.

Маральди, Жак-Филипп (р. 1665, ум. 1729), французский астроном, автор многих астрономических наблюдений, печатавшихся в изданиях Парижской Академии наук. 471.

Мари, вдова архитектора И. А. Мари (см.); в 1840-х гг. жила в Казани на Старой Горшечной ул. в одном из самых высоких кварталов города; Э. П. Янишевский (см.) с братьями, будучи студентом Казанского университета, жил у нее в доме, снимая квартиру в отдельном флигеле. «Семейство хозяев, — говорит он, — состояло из старухи матери, очень толстой с огромным животом, которую постояльцы звали Морейшей, а чаще Брюховицей; сына — старого холостяка [Ивана Осиповича Мари, р. 1805, ум. 15 апреля 1865; Агафонов, I, стр. 85], его экономки и кухарки» (Э. П. Янишевский, стр. 81—82, 100). 199—201, 310.

Мари, Иосиф Антонович (р. 1755, ум. 17 марта 1819), итальянский дворянин, приехал в Россию и служил с 1784 г. в Смоленском драгунском полку; прапорщик — в 1793 г.; затем состоял архитектором и учителем гражданской архитектуры, гидравлики и механики в Казанской гимназии с 1796 г.; в 1807 г. перешел на службу архитектором в Казанскую адмиралтейскую контору, затем опять возвратился в гимназию архитектором (Владимиров, ч. 2, стр. 42—44); с 19 октября 1818 г. по день смерти был архитектором Казанского университета (М, I, 1, стр. 222). После его смерти осталась вдова (см.) и два сына, Александр и Иван. 199—201, 310.

Мариотт, Эдм (р. 1620, ум. 1684), французский физик, один из основателей и первых членов Парижской Академии наук, автор трудов по гидродинамике. 314.

Марков, Матвей Маркович, исполнял должность эконома Казанского университета с 31 января 1828 г. и, очевидно вследствие благоприятного отзыва Н. И. Лобачевского, был утвержден в этой должности 12 ноября 1829 г., но 30 января 1830 г. был уволен (М, I, 1, стр. 216). 266, 282.

Мартынов, Аркадий Иванович (р. 1801, ум. 2 мая 1850), лицеист, товарищ Пушкина; служил в департаменте народного просвещения, а затем (1846) — начальником Отделения Правительствующего Сената (ПН, III, 53; Н. Гастфрейнд, Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицею, т. II, СПб., 1912, стр. 410—418). 518.

Марфа Ивановна, княжна — лицо неустановленное. 283, 291, 295, 297.

Маслов, лицо неустановленное. 292.

Матоний (Матони), военнопленный француз, нижегородский мещанин, учитель фехтования; экзаменовался при Казанском университете в своем искусстве, за что получил свидетельство от университета, но в университет принят не был (Загоскин, История, II, стр. 82); в 1829 г. владел домом в Казани, где в этом году был устроен анатомический театр Казанского университета (Загоскин, История, III, 147 и IV, 204). 140.

Машкин, Петр Иванович, казначей Казанского экономического общества (1853). 542.

Медведев, Николай Андреевич (р. 1786, ум. 22 июня 1848); в 1837 г.— экзекутор и казначей департамента герольдии (ПН, III, стр. 77). 392, 393.

Мейер, Дмитрий Иванович (р. 1 сентября 1819, ум. 18 января 1856), один из первых выдающихся русских юристов-цивилистов, профессор гражданского права в Казанском университете. Образование получил в Главном педагогическом институте, два года пробыл за границей, в 1844 г. возвратился в Петербург и 15 февраля 1845 г. назначен был и. о. адъюнкта в Казанский университет; магистр с 18 мая 1846 г.; с 18 марта 1848 г.—доктор; 20 апреля того же года избран и 26 мая утвержден э. профессором; с 13 июля 1852 г.— о. профессор. 10 декабря 1855 г. назначен профессором Петербургского университета, но вскоре умер (Загоскин, Словарь, II, 44—49, Венгеров, Источники, IV, 241—242). Наиболее ценным источником для суждения о Мейере-профессоре и лекторе дают «Студенческие воспоминания о Дмитрие Ивановиче Мейере, профессоре университета» академика П. П. Пекарского, бывшего студента Казанского университета, напечатанные в изданном под редакцией П. И. Мельникова сборнике «Братчина», ч. I, СПб., 1859, стр. 207—242. См. также: «Воспоминания В. В. Берви» («Голос Минувшего», 1915, № 3, стр. 138); П. Д. Боборыкин, стр. 56, 59, 60; В. А. Лебедев, Учебные воспоминания (РС, 1908, № 8, стр. 243, 245, 254; № 10, стр. 262); В. Назарьев, Жизнь и люди былого времени (ИВ, 1890, № 12, стр. 716—721, 723, перепечатано в ВВ, 6 января 1891, № 5, стр. 2—3); А. Н. Пыпин, Мои заметки, М., 1910, стр. 31; «Воспоминания о Д. И. Мейере и др. (из статей проф. Загоскина и В. Н. Назарьева)» в «Литературном сборнике к 100-летию имп. Казанского университета, Былое из университетской жизни», Казань, 1904, стр. 61—75; А. М. Полиновский, Воспоминания старого казанского студента (ВВ, 1891, № 13, стр. 2); ср. РА 1869, столб. 042. — Стр. 613, 660.

Мейснер, сын тестя И. С. Дмитриевского (см.); в списке студентов Казанского университета в 1829 г. не значится, — очевидно, учился в это время еще в гимназии. Вероятно, он был внуком академика медальерного искусства Карла Ивановича Мейс-

нера и сын или Александра Карловича Мейснера, в 1817 г. принятого в Академию художеств и уволенного в 1820 г. «со свидетельством», или Карла Карловича Мейснера (род. в 1800), академика архитектуры (см. Кондаков, стр. 127, 263 и 358). 262.

Мельников, Герасим Семенович (р. 1786, ум. 31 декабря 1840), купец, домовладелец в Казани, где помещалась типография Казанского университета. Дом сгорел в 1842 г.; в 1833—1835 гг. был городским головою г. Казани; в 1840 г. — действительным членом Казанского экономического общества (Агафонов, I, 86; Агафонов, II, 137). 495, 498.

Мельников, Иван Иванович (р. 25 сентября 1788, ум. 1837), отец П. И. Мельникова (см.), служил в военной службе и участвовал в Отечественной войне 1812 г. в Каменец-Подольском гарнизоне, затем в Нижегородском гарнизонном батальоне в чине штабс-капитана. Женился (в январе 1818) на дочери Нижегородского исправника Павла Петровича Сергеева—Анне Павловне (матери П. И.), которая умерла в 1835 г. (ИВ, 1884, № 9, стр. 475—483). 612.

Мельников, Михаил Иванович (р. 1807, ум. 3 ноября 1885), адъюнкт чистой математики Казанского университета, ученик Н. И. Лобачевского; был студентом Казанского университета с 3 сентября 1823 г., курс которого окончил 28 июня 1826 г. со званием действительного студента; кандидат с 20 марта 1829 г.; с 1828 г.— преподаватель Казанской гимназии, а с 1835 г. — старший учитель 2-ой Казанской гимназии; одновременно преподавал алгебру в университете с 18 августа 1829 г. по 12 июля 1831 г.; с 12 августа 1832 г. преподавал в университете начертательную геометрию, с октября 1833 г.— теорию высших уравнений, а с 7 сентября 1834 г. — аналитическую и начертательную геометрию, теорию высших уравнений и дифференциальное исчисление; в 1838 г. ему поручено было чтение алгебраического анализа и теории чисел; в 1853 г. читал студентам курс алгебраического анализа, пользуясь сочинениями Лобачевского; 29 января 1840 г. — магистр за диссертацию «Об интегрировании уравнений с частными производными второго порядка»; на его диспуте были оппонентами Н. И. Лобачевский и П. И. Котельников; с 6 марта 1841 г.— адъюнкт чистой математики. В университете оставался до 1 мая 1854 г., когда был по прошению уволен и посвятил себя общественной деятельности: был поч. попечителем 2-ой Казанской гимназии и в Лаишевском уезде мировым посредником, председателем уездной земской управы, почетным мировым судьей и др. (М, I, 1, стр. 103, 122, 136, 141, 156, 164, 253, 261 и 417; Загоскин, Словарь, I, 430—431; Агафонов, I, стр. 86). Характеристику его как педагога см. у Э. П. Янишевского, стр. 17, 23—25, 54. — Стр. 20, 395, 541, 600, 618, 653, 654.

Мельников, Павел Иванович (р. 22 октября 1818, ум. 1 февраля 1883), известный писатель, писавший под псевдонимом «Андрей Печерский», автор романов «В лесах», «На горах» и др.; этнограф; специалист по расколу; был студентом Казанского университета с 1 января 1834 г. по 16 июня 1837 г., а затем — кандидатом до 16 августа 1838 г., когда был назначен учителем в Пермскую губернию (М, I, 1, стр. 187 и 227). Его воспоминания о студенческих годах жизни в Казани напечатаны в ИВ, 1884, № 9, стр. 473—511; вошли в «Полное собрание сочинений П. И. Мельникова (Андрея Печерского)», т. I, СПб., 1897; см. также: А.К. Кабанов, «П.И. Мельников как преподаватель Нижегородской гимназии», «Сборник Нижегородской ученой Архивной Комиссии в память П. И. Мельникова», т. IX, Н.-Н., 1910, где помещены документы и в том числе отрывок отзыва о Мельникове Н. И. Лобачевского как пом. попечителя Казанского учебного округа 1846 г. (стр. 258) и ряд других официальных бумаг за подписью Лобачевского о службе П. И. Мельникова (стр. 278—281) и в связи с его увольнением от должности учителя Нижегородской гимназии в 1846 г. (стр. 285); там же напечатано и свидетельство от 30 июня 1838 г. об окончании П. И. Мельниковым Казанского университета, за подписью Н. И. Лобачевского и др. (стр. 286—287). О П. И. Мельникове см. также его автобиографию в издании: «Знакомые. Альбом М. И. Семевского», СПб., 1888, стр. 28; Д. Д. Языков, вып. III, стр. 54—58; Венгеров, Источники,

IV, 255—257. Характеристика в «Воспоминаниях К. Н. Бестужева-Рюмина», СПб., 1900, стр. 16—17 и П. Д. Боборыкина, стр. 31, 63, 129 и 273.—Стр. 22, 611—614, 672.

Меркушев, Афиноген Филиппович, учился в Казанском университете одновременно с Ф. Я. Мобицем (см.) и Ф. И. Эндерсом (см.), с 4 марта 1827 г. по 27 июня 1831 г., окончил с званием лекаря 1 отделения; 9 ноября 1831 г. назначен был врачом 6 батальона Оренбургского линейного войска (М, I, 1, стр. 124 и 158). 291, 292.

Мертваго, Екатерина Дмитриевна, см. — Загоскина.

Мертваго, Петр Дмитриевич (р. 23 марта 1813, ум. 1879), адъютант Казанского генерал-губернатора С. С. Стрекалова, брат Е. Д. Загоскиной (см.), женатый (с 18 октября 1844) на Марии Николаевне Депрейс (р. 1823, ум. 1860). Их сын Александр Петрович (р. 1856, ум. 1915) — автор нескольких статей о Л. Н. Толстом. О П. Д. и М. Н. Мертваго см. ШТ, стр. 101—102; Сиверс, стр. 5; М. Ватаци, Быль минувшего (ИВ, 1913, № 4, стр. 40; № 5, стр. 418 и №№ 6—7). 642.

Месетников, Онисим Кириллович (р. 1789, ум. 7 февраля 1858), купец 1 гильдии, коммерции советник (Агафонов, I, стр. 86), в 1848—1850 гг.—казанский городской голова (Агафонов, II, стр. 137); казначей Казанского экономического общества (1854). 547.

Мешень, Пьер-Франсуа-Андре (р. 1744, ум. 1804), французский астроном, редактор астрономического календаря «Connaissance des Temps» (1788—1794). Труды его по градусному измерению изложены Деламбром (см.) в его «Base du système décimal». 472.

Мещеринов, Степан Кириллович, надворный советник, свидетель на завещании Н. С. Моисеевой 1810 г. 681.

Мещерский, Петр Сергеевич, князь (р. 1778, ум.31 декабря 1856),сенатор с 2 апреля 1833 г. (Мурзанов, стр. 31). 356.

Милорадович, Михаил Андреевич, граф (р. 1 октября 1771, ум. 15 декабря 1825), генерал-от-инфантерии, Петербургский генерал-губернатор, смертельно раненный декабристом П. Г. Каховским на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. (ПН, III, 128). 169.

Мистаки, Сергей Андреевич (р. 1781, ум. 24 января 1853), профессор греческого языка и словесности Казанского университета с 19 сентября 1823 г. Уволен из университета 26 мая 1839 г. (Загоскин, Словарь, I, 129—132; Агафонов, I, стр. 86). См. о его участии в деле о философии Круга в связи с доносом проф. Я. М. Караблинова (см.) на проф. П. С. Сергеева в статье П. Головачева (РС, 1904, № 8, стр. 351). Характеристику его см.: В. А. Лебедев, Учебные воспоминания (РС, 1908, № 10, стр. 261); П. Пономарев, К вопросу о женском образовании в Казани в начале XIX-го века (ВВ, 25 января 1897, № 23, стр. 2); в биографии Н. И. Второва (РА, 1877, кн. II, стр. 152—153). 236, 277, 341, 371, 674.

Михаил Николаевич. см. — Мусин-Пушкин.

Михайлов, Александр Михайлович, студент-математик Казанского университета с 23 августа 1820 г.; 30 ноября 1822 г. был по прошению уволен (М, I, 1, стр. 87); с 27 сентября 1823 г. вновь зачислен студентом и 28 июня 1826 г. окончил курс со званием действительного студента (там же, стр. 103); выбыл 16 декабря 1826 г., а свидетельство на звание действительного студента так и оставалось невыданным до 16 ноября 1831 г. (там же, стр. 122). 118.

Михайлов, Иван Иванович (р. 30 марта 1822, ум. 3 ноября 1897), астраханский этнограф; образование получил в Казанской гимназии и в Казанском университете (с 15 мая 1839), курс которого окончил 30 мая 1844 г. со званием действительного студента по философскому факультету; выбыл 17 января 1845 г. (М, I, 1, стр. 246 и 298); службу начал в том же году в штате Канцелярии Астраханского губернатора и затем был назначен помощником редактора «Астраханских губернских ведомостей» и исправлял должность редактора. С этого времени началась его литературная деятельность. Он собирал статистические и географические сведения по Астраханской губернии,

а затем, уже служа в Петербурге (1853) пом. редактора департамента сельского хозяйства министерства внутренних дел, где был сослуживцем академика К. С. Веселовского (см. его воспоминания в РС, 1901, № 10, стр. 34), помещал много статей по разным вопросам политической экономии и рыболовству в «Журнале министерства государственных имуществ»; сотрудничал в «Сыне Отечества», в «Библиотеке для чтения», «Русском мире» и др. журналах (см. биографические сведения в РС, 1899, № 10, стр. 99—100, с его портретом; С. А. Венгеров, IV, 367). Его воспоминания под заглавием «Казанская старина» были напечатаны в РС, 1899, № 10, стр. 99—113, № 11, стр. 399—419; сообщены С. Н. Кулябко. Первоначально в иной и сокращенной редакции «Воспоминания старого студента о Николае Ивановиче Лобачевском» Ив. Михайлова были помещены в ВВ, 27 октября 1893 г., № 275. Они были препровождены в редакцию газеты из Киева, при следующем письме: «Препровождаю статью о Лобачевском. Может быть я опоздал к юбилею, но внезапная болевнь была причиною замедления и, кроме того, я постоянно страдаю глазами, так что, когда и здоров, то принужден работать урывками, понемногу. Я настолько уважаю память Лобачевского, что не могу оставаться в молчании в виду торжества в честь его. Студент выпуска 1844 года Иван Михайлов» (там же, в примечании на стр. 1). 22, 614—623.

Михайлов, Николай Иванович, старший брат И. И. Михайлова (см.), студент Казанского университета с 26 июля 1829 г. по 7 октября 1833 г., курс которого окончил со степенью кандидата; 1 мая 1835 г.—учитель Астраханской гимназии (М, I, 1, стр. 145, 174 и 184). 618.

Мобиц, Федор Яковлевич, студент Казанского университета (с 5 октября 1826 по 27 июня 1831), курс которого окончил с званием лекаря 1 отделения; 9 ноября 1831 г назначен был врачом 1 батальона Оренбургского линейного войска (М, I, 1, стр. 124 и 158). В 1831 г. (до 6 ноября) был помощником и одно время и. д. провектора университетской клиники (там же, стр. 157). 291, 292, 296, 299.

Можарово, село (Моржарово, Мовжерово, Мошжарово), Сычевского уезда, Смоленской губернии, при речке Салите, принадлежавшее жене Н. И. Лобачевского В. А. Лобачевской, с 39 крепостными крестьянами. Это имение Н. И. Лобачевский получил как часть приданого жены, которой оно перешло в 1823 г. через И. Е. Великопольского по завещанию их матери Н. С. Моисеевой 1810 г. (см. приложение № 7, стр. 680); Н. С. Моисеева приобрела его у своей сестры Е. С. Мусиной-Пушкиной в 1795 г. 378, 401, 406, 408, 680, 683.

Моисеев, комиссионер 14 класса, член Строительного комитета Казанского университета (1834). 373, 499.

Моисеев, Алексей Федорович (р. 20 мая 1755, ум. 13 декабря 1833), сын надворной советницы Марии Степановны, р. Мастюниной (ум. 21 декабря 1804), помещик Казанской и Уфимской губ.; в 1794—1797 гг. был уездным предводителем дворянства Уфимского, Стерлитамакского, Троицкого и Челябинского уездов; в 1803—1806 гг.—Оренбургским губернским предводителем дворянства (В. А. Новиков, Сборник материалов для истории Уфимского дворянства, Уфа, 1879, стр. 103 и 110—111; Любимов, стр. 43; Агафонов, I, 87; Агафонов, Записи, № 217, стр. 456; «Памяти Л. Н. Майкова», СПб., 1902, стр. 337, 364, 381). Был женат (с 1805—1806) на Надежде Сергеевне Великопольской, вдове Е. И. Великопольского, р. княжне Болховской, от которой имел сыновей: Николая Алексеевича Моисеева (см.) и Василия Алексеевича (см.) и дочь Варвару Алексеевну, вышедшую замуж за Н. И. Лобачевского (см.). 9, 302, 328, 382, 626, 677, 682—684.

Моисеев, Василий Алексеевич (р. 4 декабря 1809, ум. 1 октября 1834), сын А. Ф. Моисеева (см.) и брат В. А. Лобачевской (см.), дипломат, драгоман в Персии (см. письмо М. П. Врончeнка к Н. А. Моисееву от 15 октября 1834 г. о его смерти, опубликованное Б. Л. Модзалевским в РС, 1901, № 6, стр. 634—637; «Памяти Л. Н. Майкова», СПб., 1902, стр. 337). 9, 682, 684.

Моисеев, Николай Алексеевич (р. 8 октября 1808, ум. в 1850 или в 1851), сын А. Ф.

Моисеева (см.), брат В. А. Лобачевской (см.); воспитывался в Казанском университете (с 28 августа 1824 по 28 июня 1827), который окончил кандидатом юридических наук и с серебряной медалью; с 2 ноября 1827 г. по 15июля 1832 г. состоял преподавателем (лектором) французского языка в том же университете (М,I, 1, стр.110,128, 129, 134,136, 141, 143, 148, 150, 156, 158 и 163; Загоскин, Словарь, 1, 249—250). 15 июля 1832 г. поступил на службу чиновником канцелярии попечителя Казанского учебного округа (М, I, 1, стр. 158 и 163); в 1841—1845 гг. состоял при Почтовом департаменте, затем вышел в отставку и жил в Казани (см. «Памяти Л. Н. Майкова», СПб., 1902, стр. 337 и 383). Был женат (с 25 января 1839) на дочери генерала Варваре Ивановне Аникеевой и имел от нее шесть детей, приходившихся племянниками Н. И. Лобачевскому: Ольгу (р. в Москве 3 декабря 1839), Федора (р. в Казани в мае 1842 и вскоре умершего), Надежду (р. в Казани 27 июля 1843), Бориса (р. там же 30 марта 1845), Софию (р. там же 1 августа 1850) и Сарру (р. там же 11 декабря 1846). Сарра Николаевна была замужем за Булыгиным, а другие две дочери — за Ильиным и Высоцким (Агафонов, Записи, № 216, стр. 882—884; КРК, ч. III, л. 307). Н. А. Моисеев был очень образованным человеком, и есть все основания считать, что он знал персидский язык и помещал в 1829—1830 гг. свои переводы прозою с персидского (с подписью «Николай Моисеев») в КВ. Так, в этом журнале были напечатаны с этой подписью переводы: «Негр и красавица (из Саади)», «Тядярв и Соловей (из Саади)»; две «Оды из Гафиза» (1829, июль, стр. 216—222); «Ода Джами» и «Ода Гафиза 1—4» (1830, февраль, стр. 185—190). В 1831 г. Моисеев вместе с Н. И. Лобачевским ездил к М. Н. Мусину-Пушкину в его имение Бездну и на обратном пути в Казань занимал Лобачевского чтением произведений Вальтер-Скотта (см.). О портрете В. И. Моисеевой работы Л. Д. Крюкова см. в статье П. М. Дульского в издании «Выставка картин „Художественные сокровища Казани“», П., 1916, стр. 22, № 143. О портретах супругов Н. А. и В. И. Моисеевых, работы Л. Д. Крюкова (см.) с описанием этих портретов см. в работе Б. П. Денике, «Л. Д. Крюков — первый казанский университетский живописец», Казань, 1916, стр. 9. Здесь же со слов Д. А. Корсакова сообщается, что Н. А. Моисеев преподавал французский язык студентам безвозмездно, «из любви к искусству» (стр. 9). О Моисееве см. также в «Записках Н. И. Мамаева», ИВ, 1901, № 1, стр. 70.—Стр. 9, 292, 294, 328, 329, 369, 378, 402, 409, 443, 487, 582, 601, 682, 684.

Моисеев, Федор Николаевич (р. в мае 1842, ум. младенцем), сын Н. А. Моисеева, племянник Н. И. и В. А. Лобачевских. 443.

Моисеева, Варвара Алексеевна, дочь А. Ф. Моисеева, см. — Лобачевская.

Моисеева, Надежда Сергеевна, р. княжна Болховская, по первому браку Великопольская (р. 3 июня 1770, ум. 9 апреля 1823), жена генерал-майора Е. И. Великопольского (см.), а с 1805—1806 г. — А. Ф. Моисеева (см.), мать В. А. Лобачевской (см.). Принадлежавший ей дом в Казани в ноябре 1806 г. был приобретен за 6.000 рублей для Казанской гимназии («Об учреждении в Казани ныне существующей гимназии», «Заволжский Муравей», 1833, № 8, апрель, стр. 454; Владимиров, ч. 2, отделение 2, стр. 223; Булич, ч. I, стр. 277—278; Загоскин, История, I, стр. 390, 391, 540; Г. А. Власьев, Потомство Рюрика, т. I, ч. 1, СПб., 1906, стр. 629, сестра № 14, пропущена). 24, 378, 677, 679—683.

Молоствов, Владимир Порфирьевич (р. 7 июня 1794, ум. 12 марта 1863), попечитель Казанского учебного округа, сенатор, генерал-лейтенант; в молодости служил в военной службе, участвовал в Отечественной войне 1812 г. и взятии Парижа; генерал-майор с 1831 г.; с 1839 г. командующий Оренбургским казачьим войском; с 1841 г.— наказный атаман Оренбургского казачьего войска и в том же году Воронежский гражданский губернатор, но через месяц уволен был в отставку; с 22 мая 1847 г. по 12 мая 1857 г. попечитель Казанского учебного округа; почетный член Казанского общества любителей отечественной словесности, действительный член Русского географического общества, почетный член Казанского университета (Лодыженский, стр. 15—17; Загоскин, Словарь, II, 404; Венгеров, Источники, IV, 400; М. Ватаци, Быль минувшего, ИВ, 1913,

№ 5, стр. 422—424 и др.). О семье Молоствовых см. ШТ, стр. 105—109. Многочисленные источники, характеризующие его деятельность как попечителя Казанского учебного округа, противоречивы (см.: Д.А. Корсаков, стр. 38—45; П. П. Суворов, Записки о прошлом, ч. I, М., 1898, стр. 12—15, где упоминается под вымышленной фамилией Молотилова; «Воспоминания В. В. Берви» («Голос минувшего», 1915, № 3, стр. 138); П. Д. Боборыкин, стр. 58, 64; Н. А. Фирсов (PC, 1889, № 3, стр. 563—564); «Воспоминания о пережитом доктора А. И. Ильинского» (PC, 1894, № 3, стр. 42); В. А. Лебедев, Учебные воспоминания (PC, 1908, № 8, стр. 254—255); И. И. Михайлов, Казанская старина (PC, 1899, № 11, стр. 416—417); Э. П. Янишевский, стр. 6). Описание его наружности и речь его к студентам Казанского университета воспроизведены П. Д. Боборыкиным в его раннем романе «В путь-дорогу», кн. III («Библиотека для чтения», 1863, № 6, стр. 11—12). 18, 19, 524, 530, 534—537, 539, 540, 546—549, 551—553, 559, 560, 562, 563, 565, 567—570, 573—574, 577, 582, 584, 599, 606, 607, 609, 621, 631, 638, 639, 645, 646, 653—655, 657, 660.

Молоствов, Христофор Львович (р. 3 мая 1757, ум. 11 мая 1842), отставной гвардии прапорщик; дядя попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова (см.); был женат с 1 июня 1789 г. на Екатерине Александровне Булыгиной (р. 23 ноября 1762, ум. 13 декабря 1826); умер в своем родовом имении селе Никольском, Казанского уезда, где и погребен (Лодыженский, стр. 12). 443.

Молоствова, Екатерина Андреевна (р. 25 июня 17.., ум. 14 сентября 1850), р. Нечаева, вторая жена (с 27 февраля 1793) казанского губернского предводителя дворянства (1806—1808) Порфирия Львовича Молоствова (р. 1760, ум. 1808) — Лодыженский, стр. 12—13.— Стр. 384.

Молоствова, Наталья Порфирьевна, сестра В. П. Молоствова, см. — Депрейс.

Молоствовы, семья в Казани, к которой принадлежал как попечитель Казанского учебного округа В. П. Молоствов (см.), так и его братья и сестры: Модест Порфирьевич Молоствов (р. 18 августа 1799, ум. 28 сентября 1845), поручик, с 1833 г. депутат от Казанского уезда в Казанском дворянском депутатском собрании и с 1836 г. Спасский уездный предводитель дворянства, женатый (с 10 мая 1825) на Варваре Ивановне Мергасовой (р. 11 декабря 1803, ум. 16 июня 1881); Орест Порфирьевич (р. 11 ноября 1801, ум. 25 апреля 1870), полковник в отставке (1842); Наталья Порфирьевна, по мужу Депрейс (см.) и София Порфирьевна (р. 6 ноября 1806, ум. 22 сентября 1847), бывшая замужем за Николаем Дмитриевичем Булыгиным (см.). В. А. и Н. И. Лобачевские знали эту семью Молоствовых по Казани в 30-х гг. еще до приезда в Казань В. П. Молоствова. С семьею же М. П. Молоствова был хорошо знаком Л. Н. Толстой (ШТ, стр. 105—109). См. Лодыженский, стр. 17—18, и 23—24. — Стр. 307.

Монж, Гаспар (р. 1746, ум. 1818), французский геометр, член Французской Академии наук, создатель начертательной геометрии, горячий сторонник и деятель французской революции, автор «Traité de statique» (П. 1788). Многочисленные мемуары Монжа помещались еще в «Journaux de l'Ecole Polytechnique et de l'Ecole Normale». Отдельно изданы: «Dictionnaire de Physique» (1793—1822); «Feuilles d'Analyse appliquée à la Géometrie» (1795); «Application de l'Analyse à la Géometrie», (1807), которой пользовался Н. И. Лобачевский для своих лекций; «Application de l'Algèbre à la Géometrie» (1805); «Théorie des ombres et de la perspective» (1819) и др. 82, 100, 101, 106, 144, 158, 171—173, 180, 211, 241, 242.

Морозов, Петр Михайлович, ученик Н. И. Лобачевского, студент-математик Казанского университета с 14 апреля 1819 г., курс которого окончил действительным студентом 8 июля 1822 г.; 13 февраля 1823 г. определен надзирателем при Казанской гимназии (М, I, 1, стр. 73 и 96); в 1836 г. — ст. учитель математики низших классов Симбирской гимназии (Месяцослов на 1836 год, ч. I, стр. 577). 118, 376, 377.

Мудров, Матвей Яковлевич (р. 23 марта 1776, ум. 8 июля 1831), выдающийся клиницист, отец русской терапевтической школы, профессор и ректор Московского университета, доктор медицины, ст. член Медицинского Совета, директор Кли-

нического института Московского университета; умер от холеры (ПН, III, 179; Ш, II, стр. 114—139; Венгеров, Источники, IV, 433; «Памяти Л. Н. Майкова», СПб., 1902, по указат.). См. о нем книгу проф. В. Н. Семенова: «Мудров. 1776—1831», в серии «Выдающиеся деятели медицины», М., 1947, с портретом. М. Я. Мудров был женат на дочери профессора Х. А. Чеботарева (см.) Софии Харитоновне Чеботаревой (см.), от которой имел дочь Софию Матвеевну—по мужу Великопольскую (см.). 305—306.

Мудрова, София Матвеевна, дочь М. Я. Мудрова, см. — Великопольская.

Мудрова, София Харитоновна (р. 1786, ум. 10 августа 1833), р. Чеботарева, дочь профессора и ректора Московского университета Х. А. Чеботарева (см.); жена врача-профессора М. Я. Мудрова (см.); мать С. М. Великопольской (см.). 302—307, 328, 330.

Мунийс, Искандер. 232.

Мусин-Пушкин (не граф), Михаил Николаевич (р. 25 ноября 1795, ум. 20 июня 1862); в молодости служил в военной службе и участвовал в походах 1812—1814 гг., попечитель Казанского учебного округа с 24 февраля 1827 г. (утвержден 16 марта 1829) по 15 апреля 1845 г. (Загоскин, Словарь, II, 404); затем — попечитель Петербургского учебного округа (до 1856); сенатор с 30 января 1849 (ПН, III, 188; Венгеров, Источники, IV, 454; И. Н. Ельчанинов, Материалы для генеалогии Ярославского дворянства, Ярославль, 1911, стр. 61; Долгоруков, II, 197—198). О переводе его в Петербург см. в письме П. А. Плетнева к В. А. Жуковскому 24 августа 1845 г. («Сочинения и переписка Плетнева», т. III, СПб., 1885, стр. 559). Прощание его со студентами Казанского университета происходило 22 апреля 1845 г. (см. описание в КГВ, 14 мая 1845, № 20, столб. 195—198 и в статье Н. П. Загоскина «Казанская старина», ВВ, 21 марта 1892, № 73, стр. 2). По многочисленным отзывам современников Мусин-Пушкин внешне был груб, часто кричал на своих подчиненных и студентов, но в сущности был человек добрый, неоднократно спасавший молодых людей от тяжелого наказания, полагавшегося им за их юношеские шалости и проделки (см.: автобиография В. П. Васильева (Венгеров, IV, стр. 151); П. Ф. Вистенгоф, Из моих воспоминаний (ИВ, 1884, № 5, стр. 338, 340, 342—344 и др.); И. И. Михайлов, Казанская старина (РС, 1899, № 10, стр. 107—112; № 11, стр. 409); В. Н. Назарьев, Жизнь и люди былого времени (ИВ, 1890, № 11, стр. 433; № 12, стр. 711, 715, 722, 730); Э. П. Янишевский, стр. 3—5; П. И. Мельников-Печерский (ИВ, 1884, № 9, стр. 500); А. Е. Лазарев (Владимиров, ч. 2, отд. 2, стр. 201—203); Н. И. Мамаев (ИВ, 1901, №, стр. 48); в биографии Н. И. Второва (РА, 1877, кн. II, стр. 146, 153—154 и др.) и др. Мусина-Пушкина знал Л. Н. Толстой, который бывал у него в доме в Казани; это знакомство отражено Толстым в его «Исповеди», глава I (ШТ, стр. 94). Деятельности Мусина-Пушкина с 1827 г. по 1844 г. в Казанском учебном округе посвящен специальный отчет проф. К.К. Фойгта (Отчет за 17 лет), который был напечатан перед отъездом Мусина-Пушкина в Петербург (отъезд этот совершился, однако, не в 1844 г., а в следующем, 1845 г.). На протяжении всего этого времени происходило общение Мусина-Пушкина с Н. И. Лобачевским и не только как с ректором университета. Как двоюродный брат В. А. Лобачевской (мать его Е. С. Мусина-Пушкина была родною сестрою ее матери Н. С. Моисеевой), М. Н. Мусин-Пушкин с 1832 г. (года женитьбы Н. И. Лобачевского на В. А. Моисеевой) таким образом стал в родственные отношения с самим Н. И. Лобачевским. Это обстоятельство, конечно, значительно укрепило их живые связи и дружеское взаимное расположение и доверие, начавшееся еще в 1827 г. Эти дружеские отношения в значительной мере способствовали долголетней, в течение 18 лет (из 19 лет нахождения Н. И. Лобачевского на посту ректора университета!) совместной служебной работе. Недаром, по свидетельству А. В. Васильева, «в университетских кругах говорили: Мусин-Пушкин — это пушка: чем ее зарядит Лобачевский, тем она и выстрелит» (РБС, стр. 547—548). Об этом красноречиво говорят и дошедшие до нас письма Лобачевского к своему начальнику. Тот же А.В. Васильев впервые указал на существование этой переписки: «Об отношениях Н. И. Лобачевского к М. Н. Мусину-Пушкину

мы можем составить себе более определенное понятие по сохранившимся в семье последнего двадцати одном письме Н. И. Лобачевского, переданным через меня г-жею Сверчковою Физико-математическому обществу при имп. Казанском университете» (там же). В настоящее время, однако, из указанных Васильевым 21 письма в наличии имеются лишь 19 писем: письма от 3 июля 1830 г. и 29 октября 1836 г. утеряны. По материалам Геометрического кабинета при Казанском университете видно, что существовало еще одно письмо Лобачевского к Мусину-Пушкину от 1 февраля 1829 г., взятое в 1930-х гг. автором К I и II для снятия фотокопии и не возвращенное в кабинет. С другой стороны, сверх указанных А. В. Васильевым в том же кабинете находятся еще 3 письма Лобачевского к тому же адресату от 31 января и 13 августа 1829 г. и 1 января 1831 г. Таким образом, всех писем Лобачевского было известно 25, а в настоящее время в наличии находится лишь 22 письма, которые и печатаются нами впервые в полном виде. (А. В. Васильев ограничил свое сообщение об этих письмах лишь кратким изложением их содержания и отдельными цитатами.) Из 3 указанных выше утраченных писем известно лишь содержание 2 писем. О первом из них 30 июля 1830 г. (с опечаткой, 30 июня) Васильев сообщает, что в нем «Лобачевский по поводу грубого обращения полиции с пьяным университетским чиновником просит „чтобы впредь полицейские чиновники не осмеливались поступать с университетскими, как с мещанами“»; в другом письме (от 29 октября 1836) Лобачевский сообщает подробно о своем представлении в Петербурге министру С. С. Уварову. Последний отдавал должную справедливость заслугам попечителя, «который поставил университет на такую степень совершенства, несмотря на ничтожество, в которое он был приведен мистицизмом прежнего попечителя» (РБС, стр. 548 в примечании). К публикуемым письмам Лобачевского присоединено несколько его писем к тому же адресату, извлеченных из дел архива попечителя Казанского учебного округа, хранящихся в ЦГАТ. Из ответных писем М. Н. Мусина-Пушкина дошло до нас лишь 2 письма, в черновиках, также из архива последнего и принадлежавших той же Сверчковой (А. В. Васильев о них не упоминает). Следует отметить, что большинство дошедших писем из их переписки относится к первому периоду ректорства Лобачевского (1827—1831); за последующие годы сохранилось лишь одно письмо 1838 г., если не считать утраченного письма 1836 г., о котором говорилось выше. Очевидно, или родственные связи, установившиеся в 1832 г. между семьями Лобачевского и Мусина-Пушкина сделали переписку ректора и попечителя излишней, или она приняла иной, более интимный характер, заставивший владелицу переписки Сверчкову в свое время задержать ее у себя. Важное значение для выяснения отношений обоих корреспондентов приобретает впервые печатаемое письмо В. А. Лобачевской к И. Е. Великопольскому от 18 июня 1844 г. (см. № 507), из которого видно, что Н. И. Лобачевский с перемещением М. Н. Мусина-Пушкина в Петербург предполагал оставить свою службу в университете и, выйдя в отставку, имел намерение поселиться в своем имении Беловежской Слободке и там «приготовить приют для постоянного пребывания». Это показывает, что без поддержки Мусина-Пушкина Лобачевский не мыслил свою дальнейшую работу в Казанском университете. Как показывают факты, Лобачевский оставался ректором университета лишь до 1846 г. и не смог осуществить своего намерения уйти от дел лишь потому, что обстоятельства с имением расстроились, его пришлось заложить, и материальные затруднения заставили Лобачевского продолжать службу по учебному округу уже при новом попечителе, В. П. Молоствове. 7, 9—10, 17, 18, 30, 228—230, 235, 237—240, 243, 244, 247—277, 281—283, 286—292, 294—301, 303—307, 309—311, 329, 338—340, 342—354, 362—364, 373—377, 379—381, 383, 386, 389, 390, 395, 399—400, 403—411, 413—434, 438, 439, 441, 443, 444, 447—450, 456, 458, 459, 461, 480, 489, 492, 493, 495, 500, 501, 505, 513, 521, 525, 541, 556—559, 587, 599, 612—615, 621, 629—632, 642—644, 646, 648, 653, 655, 671, 672, 677.

Мусин-Пушкин, Николай Михайлович (р. 1762, ум. в Казани 16 февраля 1830), камергер, отец М. Н. Мусина-Пушкина (Агафонов, I, стр. 88; Никанор, стр. 30). Некро-

лог его помещен в ПКВ, 5 марта 1830, № 10, стр. 77—78 — Стр. 677, 682, 684.

Мусина-Пушкина, Александра Семеновна (ум. в феврале 1865), дочь Казанского губернатора кн. Семена Михайловича Баратаева (Никанор, стр. 8 и 21) и жена попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина (ПН, III, 187), который имел от нее трех детей: сыновей Николая и Михаила и дочь Александру, умершую в младенческом возрасте. Старший из сыновей Николай Михайлович Мусин-Пушкин (р. 11 августа 1823, ум. 24 марта 1844) получил образование в Казанском университете (с 29 июля 1839 по 21 мая 1843), который окончил кандидатом с золотой медалью; выбыл из университета 13 июня 1843 г. (М, I, 1, стр. 246 и 285) и по приезде в Петербург скоро умер, 21 года (ПН, III, 188). Младший сын Михаил Михайлович Мусин-Пушкин (ум. в 1884) также учился в Казанском университете (с 10 сентября 1840 по 30 мая 1844) и окончил его кандидатом 31 мая 1844 г. (М, I, 1, стр. 256 и 297); он был женат на родственнице своей бабки по отцу княжне Анне Яковлевне Болховской, родившейся в 1829 г. (Г. А. Власьев, Потомство Рюрика, т. I, ч. 1, СПб., 1906, стр. 630. Родословная Мусиных-Пушкиных опубликована у Долгорукова, ч. II, стр. 198 и 199 и у Н. Н. Ельчанинова, Материалы для генеалогии Ярославского дворянства, Ярославль, 1911, стр. 61 и 62). Об обоих сыновьях М. Н. Мусина-Пушкина подробно говорит в своих воспоминаниях А. А. Малышев, В старые годы (КВК, 5 января 1896, № 8, стр. 3). Между прочим, характеризуя личность старшего сына, Николая Михайловича, Малышев сообщает, что он «был глубоким поклонником знаменитого математика, профессора и ректора Казанского университета Николая Ивановича Лобачевского, вследствие чего он поступил в этот университет по математическому факультету, на котором и окончил курс кандидатом». Умер он, утонув при выходе с парохода. 270, 283, 291, 292, 295—297, 299, 300, 408, 409, 677.

Мусина-Пушкина, Евдокия Сергеевна (р. 1771, ум. 5 января 1843), р. княжна Болховская (Никанор, стр. 8 и 30; Агафонов, I, стр. 88); жена Н. М. Мусина-Пушкина (см.) и мать попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина (см.) и баронессы Анны Николаевны Пирх; сестра Надежды Сергеевны Великопольской, р. княжны Болховской, бывшей во втором браке за Алексеем Федоровичем Моисеевым (см.), который имел от нее дочь Варвару Алексеевну, жену Н. И. Лобачевского. Некролог ее см. в ПКГВ, 1843, № 2; стр. 9 (ср. Агафонов, II, стр. 85; Г. А. Власьев, Потомство Рюрика, т. I, ч. 1, СПб., 1906, стр. 629). 302, 306, 442—443, 677, 680.

Мухачев, Семен Титович, студент Казанского университета с 10 июля 1816 г.; курс окончил 4 июля 1819 г. кандидатом; утвержден в степени без экзамена 19 октября 1820 г.; 4 октября 1819 г. определен учителем Вятской гимназии (М, I, 1, стр. 60 и 79); в 1822 г. — ст. учитель словесных наук той же гимназии (Месяцослов на 1822 год, ч. I, стр. 500). 76—77.

Мухин, лицо неустановленное. 266.

Мясниковы, владельцы Комаровского винокуренного завода; приобрели от сыновей Н. И. Лобачевского пахотную землю в его имении «Беловежская слободка». Среди владельцев завода, возможно, был купец 2 гильдии Гавриил Афанасьевич Мясников (ум. 23 августа 1863) — см. Агафонов, I, 89. — Стр. 675.

Мячиков, П. П. — см. Мячков, П. П.

Мячков, П. Петрович, очевидно, сын Петра Андреевича Мячкова (р. 1750, ум. 28 июля 1807; Агафонов, I, стр. 89), помещика Спасского уезда, и брат Надежды Петровны Мячковой, о неудачном романе которой с проф. К. Ф. Фуксом подробно рассказывается у Н. Н. Булича (ч. II, стр. 163—168; Загоскин, История, II, стр. 231, 453, 455—457, 459, 482). 292.

Надежда Евдокимовна, см. — Брандорф.

Надежда Ермолаевна, см. — Колбецкая.

Надежда Ивановна, лицо неустановленное. 502.

Нартов, Андрей Андреевич (р. 25 ноября 1737, ум. 2 апреля 1813), президент Российской Академии и Вольного экономического общества, писатель, драматург и переводчик; в 1772—1774 гг. состоял членом специального комитета «для составления медалической со времени государя императора Петра Великого истории» (ПН, III, 210; РБС; Венгеров, Источники, IV, 492—493). 233.

Наумов, Иван Евсигнеевич, студент-математик Казанского университета с 22 августа 1821 г.; курс окончил 2 июля 1824 г. со званием действительного студента; 8 февраля 1825 г. назначен учителем Вятской гимназии (М, I, 1, стр. 93 и 109). 118.

Неандер, бывший студент Дерптского университета. В списке студентов «Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat», Dorpat, 1889, указано несколько студентов с этой фамилией (см. по алфавиту в конце тома). 630.

Невельская, Анна Андреевна, казанская помещица. 677.

Невтон, см. — Ньютон.

Неелов (Неялов), Сергей Алексеевич (р. 1779, ум. 30 апреля 1852), о. гвардии корнет, помещик Казанской губернии, известный в свое время в Москве остряк и легкий стихотворец, от некоторых экспромтов которого приходил в восхищение Пушкин; проживал в Москве и Казани, где и познакомился с Н. И. Лобачевским (МН, II, 334; РБС; «Остафьевский архив князей Вяземских», под ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 498—499). Собрание его стихотворений издано М. О. Гершензоном («Русские Пропилеи», т. II, 1916, стр. 1—19). 378, 379.

Ней, Федор (Фридрих) Петрович (ум. 22 августа 1851), механик Казанского университета с 22 января 1830 г. (М, I, 1, стр. 222; I, 2, стр. 591); распоряжение министра народного просвещения от 8 января 1830г за №146 «Об определении Нея механиком при Казанском университете» опубликовано было в КВ 1830 г. (май и июнь, стр. 337—345). Здесь сообщалось, что до этого назначения Ней проживал в Мюнхене и рекомендован был на должность механика бывшим профессором Казанского университета и учителем Н. И. Лобачевского, а в это время директором Венской астрономической обсерватории И. А. Литтровым (см.) в письме его к И. М. Симонову. Нею было поручено изготовить в Мюнхене целый ряд инструментов для Астрономической обсерватории Казанского университета (приведен список этих инструментов). Несколько позже Ф. П. Нея в Россию приехал и его брат Карл Петрович Ней (р. 1805, ум. 28 апреля 1883) и, по выдержании при университете экзамена на звание учителя, 3 февраля 1845 был допущен к и. д. сверхштатного лектора немецкого языка, а 7 июня 1846 г. был утвержден в этой должности; уволен был по прошению 1 апреля 1861 (Загоскин, Словарь, I, 250; М, I, 1, стр. 321 и 2, стр. 510, 591; Агафонов, I, стр. 89). Преподавал немецкий язык во 2 Казанской гимназии (Э. П. Янишевский, Воспоминания бывшего ученика 2-й Казанской гимназии сороковых годов, «Деятель», Казань, 1896, №3, март, стр. 153). И. М. Симонов о Ф. П. Нее сообщает следующее: «Механик Ней, бывший учеником известного Рейхенбаха (см.) занимался, во-первых, в его инструментальном заведении в Минхене, потом в механическом заведении Венского политехнического института и вместе с тем слушал лекции как в Университете, так и в Политехническом институте в Вене. В 1829 году, по рекомендации директора Венской обсерватории фон Литтрова, выписан он был в Казань из Минхена, где куплены были в то же время на счет Университета инструменты, необходимые для его механического заведения, и в том числе делительная машина Эртеля в 2 фута в диаметре. По распоряжению начальства, в 1835 году Г. Ней ездил в Дерпт, чтобы рассмотреть на месте подвижную башню, по примеру которой устраивается башня Казанской обсерватории» (И. Симонов, Описание обсерватории имп. Казанского университета (ЖМНП, часть XIX, 1838, отд. II, стр. 9—10). 295, 297, 298, 300.

Непер, Джон, барон Мерчистон (р. 1550, ум. 1617), шотландский математик, обессмертивший свое имя изобретением логарифмов. Результаты его открытия были им изложены в сочинении, напечатанном в 1614 г. в Эдинбурге, под заглавием: «Mirifici

logarithmorum canonis descriptio...», в 2 книгах. Здесь Непер выводит некоторые основные формулы сферической тригонометрии, известные под названием «аналогии Непера». См. книгу Я. В. Успенского «Очерк истории логарифмов», П., 1923, с портретом Д. Непера. 118, 210.

Нератов, Александр Иванович (р. 3 февраля 1820), племянник В. А. Лобачевской; вольнослушатель (с 1 ноября 1834) и студент (с 5 сентября 1836 по 22 апреля 1839 и с 6 октября 1839 по 1 июня 1840) Казанского университета, курс которого окончил кандидатом с золотой медалью; выбыл 25 сентября 1840 г. (М, I, 1, стр. 189, 203, 254). Автор сочинения «Вычисление действия и описание гидравлических колес», Казань, 1841 (первоначально под заглавием: «Гидравлические колеса (студ. Александра Нератова)» в «Ученых Записках, издаваемых имп. Казанским университетом», 1841, кн. III, стр. 3—211, с многими чертежами в приложении). 501.

Нератов, Алексей Иванович (р. 8 июля 1822, ум. 8 октября 1853), племянник В. А. Лобачевской, вольнослушатель (с 1 ноября 1834) и студент (с 5 сентября 1836 по 6 июня 1839) Казанского университета, курс которого окончил кандидатом с серебряной медалью; выбыл 15 июля 1839 г. (М, I, 1, стр. 189, 203 и 242; МН, II, 328). 501.

Нератов, Анатолий Иванович (р. 14 августа 1830, ум. 28 января 1907), племянник В. А. Лобачевской; студент Казанского университета с 24 августа 1846 г. по 30 мая 1850 г., когда окончил кандидатом; выбыл 1 августа 1850 г. (М, I, 1, стр. 329 и 373; ПН, III, стр. 234); с 1850 г. состоял чиновником особых поручений при Казанском губернаторе; был уездным предводителем дворянства Чистопольского уезда (1854); впоследствии (1869) — Келецкий губернатор и с 9 июня 1882 г.—сенатор (см. его некролог в «С.-Петербургских Ведомостях», 1907, № 23). Был женат на Екатерине Модестовне Молоствовой (р. 15 декабря 1832, ум. 24 апреля 1874), племяннице попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова (см.). О ней см. в воспоминаниях М. П. Ватаци, Быль минувшего (ИВ, 1913, № 7, стр. 37). Ее брат Михаил Модестович Молоствов (1841—1882) был женат на внучатой племяннице И. Е. Великопольского Надежде Сергеевне Колбецкой (Лодыженский, стр. 24), а ее сестрою Зинаидой Модестовною Молоствовой (по мужу — Тиле, см.) увлекался Л. Н. Толстой, который хорошо знал и А. И. Нератова. 501, 503.

Нератов, Иван Александрович (р. 1775), в 1829 г. генерал-майор артиллерии («Список генералам... всей Российской армии на 1829 год», стр. 35; Месяцослов на 1830 г., ч. I, стр. 131); командир Ижевского оружейного завода; с 28 августа 1827 г. по 4 октября 1828 г. был командиром Казанского порохового завода; впоследствии генерал-лейтенант артиллерии. 501.

Нератова, Фавста Ермолаевна (р. 16 мая 1801, ум. 1862 ?) р. Великопольская, дочь генерал-майора; помещица Казанской губ., Чистопольского уезда в сельце Уратьме (Поповка), 273 крепостных («Санктпетербургские Сенатские Объявления о запрещениях на недвижимые имения», 2 декабря 1844, № 97, стр. 2443, статья 22210); жена артиллерии генерал-лейтенанта И. А. Нератова (см.), который имел от нее трех сыновей: Александра Ивановича (см.), Алексея Ивановича (см.) и Анатолия Ивановича (см.) Нератовых и трех дочерей: Надежду (р. 28 октября 1822), Софию (р. 16 февраля 1824) и Наталью (р. 19 июля 1829), бывшую впоследствии (с 10 февраля 1850) замужем за родственником Л. Н. Толстого Александром Иосифовичем Юшковым (р. 10 сентября 1824), помещиком Лаишевского уезда, Казанской губ. (Руммель, II, стр. 763; см. также КРК, ч. III, л. 348). 9, 303, 501—503, 538, 583, 680.

Нестор, летописец. 611, 613.

Нечаев, Александр Иванович (р. 1779, ум 3 января 1851), протоиерей, преподаватель богословия в Казанском университете с 7 мая 1820 г., уволен 1 августа 1837 г. (Загоскин, Словарь, I, 11—14 и 142; Агафонов, I, 89; РБС); с 7 мая 1820 г. непрерывно до конца жизни был настоятелем университетской церкви (М, I, 1, стр. 221; I, 2, стр. 590). Объявление о его смерти напечатано в КГВ, 1851, № 2, отд. I, стр. 13. Характеристика дана Н. Я. Агафоновым в Зав. Вив., стр. 46—48 и в «Записках

Н. И. Мамаева» (ИВ, 1901, № 1, стр. 64—65). 128, 243, 371, 382, 383, 500, 519, 582.

Нечаева, Екатерина Андреевна, см. — Молоствова.

Низами, Низамуддин Абу-Мухаммед Ильяс ибн-Юсуф ибн-Зеки-Муайяд (р. 1141, ум. 1203), азербайджанский поэт, автор «Хамсэ», пяти больших эпических поэм. Из них первая часть «Сокровищница тайн» (1179) — дидактическая поэма, затрагивающая в завуалированном виде вопросы бесправия угнетенных масс (в введенных в поэму притчах). Именно эту первую часть поэмы перевел профессор Казанского университета Ф. И. Эрдман на немецкий язык под заглавием «Магазин тайн». Отзыв об этом переводе дали Н. И. Лобачевский и К. Ф. Фукс. Перевод Эрдмана в печати не появлялся. 170.

Никитенко, Александр Васильевич (р. 12 марта 1805, ум. 21 июля 1877), профессор Петербургского университета, академик, писатель и литературный критик, цензор (ПН, III, 246; РБС). 369.

Никитин, Василий Никитич (р. 1737, ум. 13 января 1809), математик, преподаватель Морского кадетского корпуса, член Российской Академии с 1783 г. Автор вместе со своим сослуживцем и другом П. И. Суворовым (см.) перевода «Евклидовых стихий осьм книг, а именно: первая, вторая, третия, четвертая, пятая, шестая, одиннадцатая и двенадцатая. Переведены с греческого и поправлены», СПб., 1784; второе издание с прибавлением книг 13 и 14 вышло в 1789 г. (Б. Модзалевский, стр. 323; РБС; М. И. Сухомлинов, История Российской Академии, вып. V, СПб., 1880, стр. 14—27 и 299—307). 156.

Никодим, епископ Чебоксарский и Енисейский, в мире Никита Иванович Казанцев (р. 5 сентября 1803, ум. 11 июня 1874). В 1854 г. был назначен викарием Казанской епархии и, прибыв в Казань 21 февраля, поселился в Спасо-Преображенском монастыре. 14 февраля 1856 г. отпевал в Крестовоздвиженской церкви Казанского университета умершего Н. И. Лобачевского (РПН, 612; РБС). 570, 583.

Николаев, Иван Спиридонович, сын С. Н. Николаева (см.), студент Казанского университета с 10 июля 1807 г.; с 3 ноября 1815 г. — кандидат медицины, затем (с 2 октября 1818) — лекарь 2 отделения и 26 ноября того же года назначен в Казанский военный госпиталь (М, I, 1, стр. 16, 54, 59, 67 и 72). 41.

Николаев, Спиридон Николаевич, директор Казанского главного народного училища, и. д. ст. учителя исторических наук (Месяцослов на 1822 год, ч. I, стр. 496). 166.

Николай I (р. 25 июня 1796, ум. 18 февраля 1855), император с 14 декабря 1825. 21 августа 1836 г. посетил Казань в сопровождении гр. А. Х. Бенкендорфа, гр. В. Ф. Адлерберга, гр. А. Г. Строганова, гр. В. А. Перовского и др. и, в частности, Казанский университет, где ему представлялся Н. И. Лобачевский. Об этом сохранилось много рассказов современников; укажем на некоторые источники: СК, стр. 209—211; М.С. Рыбушкин, Краткая история города Казани, ч. II, 2-е изд. 1843, стр. 106; К. К. Фойгт, Отчет за 17 лет; Н. Баженов, Казанская история, ч. II, Казань, 1847, стр. 129; А. Е. Лебедев. Воспоминания о посещении Казанской гимназии (Владимиров, ч. 3, стр. 272—274); Второв, сентябрь, 142—143; П. Ф. Вистенгоф, Из моих воспоминаний (ИВ, 1884, № 5, стр. 344—347); И. И. Михайлов, Казанская старина (РС, 1899, № 10, стр. 99, 106, 109—113); П. И. Мельников-Печерский (ИВ, 1884, № 9, стр. 509—510) и др. 237, 238, 245, 260, 277—278, 281, 287, 301, 305, 311, 321, 327, 341—345, 347, 348, 355—356, 377, 392, 395—399, 410, 428, 429, 449, 487, 492, 493, 500, 505, 517, 518, 528, 552, 556, 559, 676.

Николай Алексеевич, см. — Моисеев.

Никольский, В., столоначальник Казанской консистории (1856). 583.

Никольский, Григорий Борисович (р. 11 ноября 1785, ум. 20 мая 1844), профессор прикладной математики Казанского университета; с 5 июня (утвержден 1 августа) 1820 г. по 1 июня 1823 г. состоял ректором того же университета и был доверенным лицом попечителя М. Л. Магницкого, который в письмах своих к нему называл его «келарем» (Загоскин, Словарь I, 445—446 и II, 406; Загоскин, История,

I, стр. 242—244). С 31 августа 1826 г. по 1 мая 1829 г. состоял председателем Строительного комитета Казанского университета, а затем членом этого комитета до 1 августа 1842 г. (М, I, 1, стр. 221) и в этой должности помогал Н. И. Лобачевскому по делам университета, главным образом связанным с огромным его хозяйством. См. «Воспоминание о профессоре Казанского университета Г. Б. Никольском (орд. проф. Скандовского)» в «Ученых Записках, издаваемых имп. Казанским университетом» (1855, кн. IV, Казань, 1856, стр. 129—141, где сказано, что он умер 21 мая 1844) и некролог его, написанный Г. С. Суровцовым в ПКГВ (14 августа 1844, № 33, столб. 487—489), перепечатанный у Агафонова, II, стр. 124—126, где сказано что «при погребении присутствовал попечитель, все его сослуживцы, студенты и чиновники университета и гимназий. Ректор [Н. И. Лобачевский] и профессоры несли из церкви гроб и до могилы проводили тело усопшего». В некрологе особо отмечено, что Никольский «с восторгом читал Мильтонов „Потерянный рай“ и Клопштокову „Мессиаду“». Г. Б. Никольский заменял Н. И. Лобачевского в должности ректора как проректор с 26 июля по 6 августа 1830 г. (М, I, 1, стр. 204). Характеристику Никольского см. в «Записках Н. И. Мамаева» (ИВ, 1901, № 1, стр. 59). 10, 14, 29, 58, 60, 62—66, 76—78, 87, 88, 92, 93, 95, 97, 99, 101—107, 109, 111, 112, 116, 118, 121—124, 127—133, 137—140, 143, 145, 147—151, 154, 157, 159, 162—168, 188, 190—196, 223, 240, 251, 253, 254, 265, 276, 277, 279, 281, 282, 294, 295, 298, 310, 340, 341, 346, 350, 373, 379—381, 404, 414, 422, 441, 489, 495, 499, 578, 587, 611, 617, 625, 673.

Нилов, Петр Андреевич (ум. 1839), сын приятеля Г. Р. Державина А. П. Нилова, Тамбовский, а затем Казанский гражданский губернатор (с 5 февраля 1820, но прибыл в Казань 7 мая 1820); 26 мая 1823 г. уехал в отпуск в Петербург, откуда более в Казань не возвращался (Пупарев, стр. 386). П. А. Нилова и его жену, Прасковью Михайловну (ум. 6 апреля 1853), р. Бакунину (МН, II, 342; Руммель, I, 103) знал Г. Р. Державин, посвятивший ей стихотворение «Параша» («Сочинения Державина», под ред. Я. К. Грота, т. II, стр. 184—186); она приходилась двоюродною сестрою Д. А. Державиной (см.). П. М. Нилова отличалась замечательной красотой, и поэт К. Н. Батюшков говорил о ней, что «ее опасно видеть» («Сочинения К. Н. Батюшкова», под ред. Л. Н. Майкова, т. III, стр. 70). 153.

Новиков, Василий Иванович, титулярный советник, домовладелец в Казани (1 части 1 квартала), в доме которого поселились Н. И. и А. И. Лобачевские в августе 1822 г. 145, 146, 153, 160.

Нордстрем, Христиан Андреевич, помощник прозектора клиники Казанского университета (с 19 октября 1835). 18 августа 1843 г. назначен городским врачом в г. Курмыш, Симбирской губернии (М, I, 1, стр. 192 и 282). 411, 461.

Норов, Авраам Сергеевич (р. 1 октября 1795, ум. 23 января 1869), писатель, член Государственного Совета, действительный тайный советник (ПН, III, 278), участник Отечественной войны 1812 года (см. его воспоминания в РА, 1881, кн. III, стр. 173—214); 7 апреля 1853 г. был назначен управляющим министерством народного просвещения, а с 11 апреля 1854 г. по 28 марта 1858 г. был министром народного просвещения (Загоскин, Словарь, II, 402). В Казань приехал 21 сентября 1855 г. (о чем сообщалось в КГВ 26 сентября, № 39, стр. 253), и здесь ему представлялся Н. И. Лобачевский, будучи уже совсем дряхлым и больным. На следующий же день приезда Норова попечитель Казанского учебного округа В. П. Молоствов представил министру докладную записку о тяжелой болезни и материальном положении Лобачевского, а 12 ноября по докладу Норова он был уволен от должности помощника попечителя с причислением на один год к министерству народного просвещения. На это решение Норова оказало несомненно большое влияние пребывание его в Казани, когда он лично убедился в том, что Н. И. Лобачевский по состоянию своего здоровья не мог более продолжать нести обязанности помощника попечителя округа. О пребывании А. С. Норова в Казани см. отклики современников: Корсаков, стр. 20; В. А. Лебедев, Учебные воспоминания (РС, 1908, № 11, стр. 463); И. И. Ми-

хайлов, Казанская старина (РС, 1899, № 11, стр. 411); А. Н. Овсянников, Из воспоминаний старого педагога (РС, 1899, № 5, стр. 430—431) и др. 18, 19, 547—553, 561—569, 572—573, 589, 600, 609, 621—622, 661.

Ньютон, Исаак (р. 5 января 1643, ум. 31 марта 1727), величайший английский математик и физик (см. С. И. Вавилов, «Исаак Ньютон», 2-ое изд., М.—Л., 1945). 166, 218, 365, 395, 472—474.

Обухов, Николай Иванович, статский советник, свидетель на завещании Н.С. Моисеевой 1810 г. 681.

Овсянников, Александр Николаевич, учился в Казанской гимназии, а с 22 августа 1862 г. по 28 мая 1869 г. был студентом Казанского университета, курс которого окончил со званием действительного студента с золотой медалью (М, I, 2, стр. 538). Автор воспоминаний, опубликованных в «Русской Старине» под заглавием «Из воспоминаний старого педагога» (1899, №№ 5, 6 и 7). 661.

Огнев, Иван Дмитриевич (р. 1776, ум. 13 января 1852), директор народных училищ Полтавской губернии, затем председатель Казанской казенной палаты (с 1836); Казанский вице-губернатор с 10 апреля 1836 г. по 1838 г.; в 1843 г. вышел в отставку и жил в г. Ромнах, Полтавской губ.; в Казани владел двумя домами, которые в 1845 г. продавались при участии Н. И. Лобачевского (РБС; ср. РА, 1877, кн. II, стр. 435). 507.

Олферьев, Николай Иванович (ум. 19 октября 1898), тайный советник; с 10 августа 1849 г. по 20 апреля 1858 г. был синдиком Правления Казанского университета (ПН, III, 307; М, I, 2, стр. 580), дилетант-актер, «хороший комик», по утверждению П. Д. Боборыкина (стр. 68); секретарь Казанского экономического общества (1850) и секретарь Комиссии по истории Казанского университета (1855). 534, 541—543.

Ольга Давыдовна, лицо неустановленное. 283.

Онуфриев, Яков, дворовый человек Н. И. Лобачевского. 574.

Осиповский, Тимофей Федорович (р. 22 января 1765, ум. 12 июня 1831), доктор философии, математик, профессор и ректор Харьковского университета (МН, II, 380), учитель академика М. В. Остроградского (см.). Автор известного в свое время «Курса математики», в 2-х томах, из коих 2-й том, содержащий «геометрию, прямолинейную и сферическую, тригонометрию и введение в криволинейную геометрию», вышел в 1801 г.; 1-й том, содержащий «общую и частную арифметику», появился в 1802 г. Этот курс математики получил широкое распространение, потребовавшее еще два издания, вышедшие в 1814 и около 1820 г. К третьему изданию была присоединена посвященная изложению теории анализа бесконечно малых первая часть приготовленного автором к печати третьего тома, излагающая дифференциальное, интегральное и вариационное исчисления (РБС; «Физико-математический факультет Харьковского университета», Харьков, 1908, стр. 1—8). 156.

Осокин, Александр Гаврилович (р. 20 ноября 1822, ум. 7 ноября 1864), сын Г. И. Осокина (см.), титулярный советник (МН, II, 380), племянник В. А. Лобачевской. Окончил Царскосельский лицей в 1842 г. и служил в Канцелярии военного министерства; уволен в отставку в 1859 г. («Памятная книжка лицеистов», СПб., 1911, стр. 31; Затворницкий, стр. 747). 522.

Осокин, Алексей Гаврилович (р. 15 марта 1818, ум. 2 ноября 1887), сын Г. И. Осокина (см.), племянник В. А. Лобачевской, камергер, д. ст. сов.; в 1846 г. — член Приказа общественного призрения в Казани; в 1871—1887 гг. Казанский губернский предводитель дворянства (Любимов, стр. 25). От брака с графинею Верою Михайловною Толстою (р. 21 июня 1821, ум. 21 ноября 1879) имел детей: Михаила Алексеевича (р. 27 мая 1846), Варвару Алексеевну (р. 5 марта 1850) и Надежду Алексеевну (р. 12 июля 1853). Сестра В. М. Осокиной графиня Любовь Михайловна Толстая (р. 23 июля 1823) была замужем за Петром Александровичем Костливцевым (ум. 1882).

сыном А. П. Костливцева (см.) (Руммель, II, 514; Агафонов, I, стр. 91; Никанор, стр. 9, 10, 23 и 24; КРК, л. 364). 515, 522, 601.

Осокин, Гавриил Иванович (р. 4 июня 1785, ум. 31 января 1869), сын купца, гвардии прапорщик в отставке (Агафонов, I, 91), владелец суконной фабрики в Казани (К. Ф. Фукс, «Суконная фабрика отставного гвардии прапорщика Г. И. Осокина», в его статье «Статистическое обозрение всех в Казанской губернии находящихся фабрик и заводов» в ПКВ, 16 февраля 1829, № 7, стр. 54—55. О суконной фабрике Осокина и о волнениях казанских суконщиков, добивавшихся свободы, см. также: Н. Агафонов (Я. Посадский), «Как добились себе воли казанские суконщики» в сборнике «Первый шаг. Казанский литературный сборник», Казань, 1876, стр. 415—438; Агафонов, I, 7. Казанскую фабрику Осокина в течение многих лет арендовал А. И. Лобачевский (см. «Первый шаг...», указ. соч., стр. 427—428). Г. И. Осокин владел в Оренбургской губ. Троицким заводом, проданным им к 1836 г. Женат был на Прасковье Ермолаевне Великопольской (см.). 378, 383, 409, 515, 522—523, 600, 601, 684.

Осокин, Евграф Григорьевич (р. 1819, ум. 17 марта 1880), из духовного звания, профессор Казанского университета по кафедре финансового права; окончил в 1841 г. Главный педагогический институт по философско-юридическому факультету и после заграничной командировки 13 апреля 1845 г. определен адъюнктом Казанского университета; магистр государственного права — 11 мая 1846 г. и затем (16 сентября того же года) избран и (12 июля 1847) утвержден в звании адъюнкта; 25 марта 1849 г. — доктор политических наук и 25 апреля того же года избран (утвержден 12 декабря) э. профессором; 16 ноября 1855 г. — о. профессор по кафедре законов о государственных повинностях и финансах; был деканом юридического факультета (1855—1863) и ректором университета (1863—1872 и 1876—1880). О нем.: Загоскин, Словарь, II, 60—61; Агафонов, I, стр. 91; РБС. Его характеристику см.: В. А. Лебедев, Учебные воспоминания (РС, 1908, № 9, стр. 593—596); А. М. Полиновский, Воспоминания старого казанского студента (ВВ, 1891, № 13, стр. 3). 660.

Осокин, Иван Гаврилович (р. 13 декабря 1816, ум. 24 июня 1873), сын Г. И. Осокина (см.), о. поручик (Агафонов, I, стр. 91); племянник В. А. Лобачевской, образование получил в Казанском университете в 1832—1834 гг. (М, I, 1, стр. 169 и 177). 522.

Осокин, Петр Гаврилович (р. 29 марта 1821, ум. 26 февраля 1898), сын Г. И. Осокина (см.), племянник В. А. Лобачевской, гвардии подпоручик (Агафонов, I, 91), впоследствии (1860—1871) Казанский губернский предводитель дворянства (Любимов, 25); крестил у Н. И. Лобачевского сына Алексея в 1852 г. Был женат на дочери В. П. Молоствова (см.) — Людмиле Владимировне (р. 14 января 1837, ум. 5 июня 1858), от которой имел дочь Людмилу Петровну, родившуюся 30 мая 1858 г. (Лодыженский, стр. 21; Агафонов I, 7 и 91). 522, 538, 583, 601, 645, 646.

Осокина, Анна Гавриловна, см. — Левашева.

Осокина, Варвара Гавриловна, см. — Коковцова.

Осокина, Елизавета Гавриловна, см. — Бестужева.

Осокина, Надежда Гавриловна (р. 16 июня 1813, ум. 13 апреля 1832), дочь Г. И. Осокина (см.), племянница В. А. Лобачевской. Похоронена в Казани (Агафонов, I, стр. 91; Агафонов, Записи, № 226, стр. 899; Никанор, стр. 24). 302—306.

Осокина, Прасковья Ермолаевна (р. 24 декабря 1792, ум. 1 октября 1842), р. Великопольская (ПН, III, 326, где дата рождения ее указана неверно: 26 июля 1794), дочь Е. И. Великопольского (см.), единоутробная сестра В. А. Лобачевской, жена Гавриила Ивановича Осокина (см.), который имел от нее следующих детей: Софию (см.), Елисавету (см.), Надежду (см.), Варвару (см.), Ивана (см.), Алексея (см.), Петра (см.), Александра (см.), Анну (см.) и Юлию (см.) Осокиных — племянниц и племянников В. А. Лобачевской. 285, 302, 305, 306, 383, 409, 522—523, 680.

Осокина, София Гавриловна, см. — Васильева.

Осокина, Юлия Гавриловна (р. 4 июня 1825), дочь Г. И. Осокина (см.), племянница В. А. Лобачевской. В 1847 г. Н. И. Лобачевский выступал в качестве ее доверенно-

63—64; РБС. 95—97, 100, 102, 105, 110, 112, 125, 127, 130, 132, 137, 138, 140—142, 147, 148, 162—164, 166, 167, 170, 350.

Панаев, Владимир Иванович (р. 6 ноября 1792, ум. 20 ноября 1859), известный поэт-идиллик; один из первых студентов Казанского университета с 18 февраля 1805 г., где был товарищем С. Т. Аксакова и старшего брата Н. И. Лобачевского — Александра Ивановича; окончил университет 15 мая 1807 г. (М., I, 1, стр. 9), затем кандидат с 23 августа 1811 г.; 13 октября 1815 г. был по прошению уволен (там же, стр. 29 и 54); член и основатель Казанского общества любителей отечественной словесности (см. о нем РБС; ПН, III, 353; Руммель, II, 243; Н. П. Лихачев, Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки, СПб., 1913, стр. 58—59 и др.). О годах своего студенчества Панаев оставил воспоминания, но в них имя Н. И. Лобачевского не упоминается; впрочем, воспоминания эти не были доведены до конца (ВЕ, т. III, 1867, отд. I, стр. 193—270 и т. IV, отд. I, стр. 72—181). Интересны также его воспоминания о М. Л. Магницком (РС, 1893, № 5, стр. 323—344). Женат был на дочери Казанского губернатора А. Я. Жмакина (см.) — Прасковье Александровне (р. 1804, ум. 8 мая 1877; МН, II, 395 и ВЕ, т. IV, стр. 78 и 95). 45, 48, 508, 524.

Панин, Виктор Никитич, граф (р. 28 марта 1801, ум. 1 апреля 1874), статс-секретарь, член Государственного Совета, министр юстиции, дипломат (ПН, III, 355; РБС). 346.

Панины — вероятно Никита Егорович Панин (р. 28 января 1801, ум. 4 апреля 1875), полковник Кавалергардского полка, вышедший в отставку в 1833 г. (С. А. Панчулидзев, «Сборник биографий кавалергардов», т. IV, стр. 36—37; МН, II, стр. 396); Лихвинский уездный предводитель дворянства (1839—1842) и его жена, неизвестная нам по имени; сестра Н. Е. Панина Варвара Егоровна (р. 7 июня 1814, ум. 21 апреля 1860) была женою министра народного просвещения А. С. Норова (см.), а другая сестра Вера Егоровна — за Николаем Петровичем Демидовым (см.). 259.

Панкратов, Гавриил Александрович, студент Казанского университета одновременно с Н. И. Лобачевским, с 9 января 1807 г.; курс окончил кандидатом 23 августа 1811 г.; 15 декабря 1813 г. определен учителем Астраханского Агабабовского училища (М, I, 1, стр. 12, 29 и 39). 40, 45, 48.

Панчулидзев, Александр Алексеевич (р. 1789, ум. 7 января 1867), Пензенский гражданский губернатор с 12 февраля 1831 г. по 14 августа 1859 г., когда вынужден был выйти в отставку после обнаружения сделанных им крупных злоупотреблений (РБС). Женат был вторым браком на Варваре Николаевне Загоскиной, по первому мужу Охлебининой, сестре писателя М. Н. Загоскина (см.). Родословие Загоскиных опубликовано в «Известиях Тамбовской ученой архивной комиссии» (вып. XLVII, содержащий «Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства», т. I, составил А. Н. Нарцов, Тамбов, 1904, прил., стр. 91—92); родословие Панчулидзевых — в «Записках Ф. Ф. Вигеля» (приложение к части. VII, М., 1893, стр. 71). 465, 466, 624.

Паули (Паоли), Христиан-Август (Федор) Францович (р. 1811, ум. 10 октября 1840), доктор медицины, хирургии и повивального искусства; прозектор анатомии Казанского университета с 31 мая 1838 г. по день смерти (М, I, 1, стр. 233 и 252; РБС). 411, 421.

Пейкер, Алексей Иванович, в 1846 г. — секретарь 1 департамента Правительствующего Сената (Месяцослов на 1846 год, ч. I, стр. 88). 518.

Пелатье, Франц Романович (р. 1798, ум. после 1828), адъюнкт химии и хирургии в Казанском университете; получил образование в Париже и Монпелье; 26 января 1820 г. получил степень доктора медицины, которую Казанский университет в 1828 г. не признавал. В Россию прибыл в августе 1822 г. и, вероятно, покровительствуемый М. Л. Магницким, 5 мая 1823 г. был назначен в Казанский университет без ведома и избрания Совета. Представленный к званию о. профессора, 17 марта 1824 г. оказался в Совете забаллотированным, и с весны 1825 г. в университете возникает тянувшееся

два года дело об увольнении Пелатье по его прошению об отставке и только после жалоб Пелатье попечителю и министру в конце 1827 г. состоялось его увольнение (Загоскин, Словарь, II, 289—290; РБС). 171.

Пелль, Петр Андреевич (р. 2 сентября 1807, ум. 19 декабря 1861), преподаватель агрономии в Казанском университете; получил степень доктора философии в Дерптском университете, находился для усовершенствования в науках за границей и по возвращении в Россию, 30 октября 1841 г., определен был в Казанский университет. С 15 апреля 1842 г. был отправлен в учено-агрономическое путешествие по губерниям Казанской, Симбирской, Нижегородской, Вятской и Оренбургской. В течение десяти лет (1844—1854) преподавал сельское хозяйство и ботанику на камеральном разряде юридического факультета; уволен из университета 31 марта 1859 г. В 1844—1848 гг. преподавал также сельское хозяйство в Казанской духовной Академии (Загоскин, Словарь, I, 452 и II, 67; РБС). Характеристику см.: П. Д. Боборыкин, стр. 59; В. А. Лебедев, Учебные воспоминания (РС, 1908, № 9, стр. 597—598). 431, 434.

Перевощиков, Василий Матвеевич (р. 1 апреля 1786, ум. 6 сентября 1851), профессор российской словесности в Казанском университете; образование получил в том же университете, где был один из первых студентов вместе с С. Т. Аксаковым, с 18 февраля 1805 г., курс окончил 27 сентября 1806 г. и был определен учителем философии и словесности в Пензенской гимназии (М, I, 1, стр. 9); магистр — с 24 февраля 1809 г.; перемещен в университет 5 июня того же года, где начал преподавание русской словесности; с 23 марта 1811 г. — адъюнкт российской словесности; с 26 марта 1814 г. — э. профессор; с 16 февраля 1820 г. — о. профессор российской истории, географии и статистики, но 26 октября того же года был переведен профессором в Дерптский университет (ПН, III, 382; Загоскин, Словарь, I, 147—148; Загоскин, История, I, стр. 244—245; РБС; «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Юрьевского, бывшего Дерптского университета», т. II, Юрьев, 1903, стр. 354—355); был одним из основателей Казанского общества любителей отечественной словесности; действительный член Российской Академии с 1835 г. (Б. Модзалевский, стр. 338 и 116; М. И. Сухомлинов, История Российской Академии, т. VII, стр. 474—475). 58, 60, 61, 66—68, 83, 96, 97, 101, 224, 350, 663.

Перевощиков, Дмитрий Матвеевич (р. 17 апреля 1788, ум. 3 сентября 1880), известный математик; профессор астрономии и математики Московского университета, академик; образование получил в Казанском университете вместе со своим братом В. М. Перевощиковым (см.), где был одним из первых студентов Казанского университета, одновременно с С. Т. Аксаковым, с 18 февраля 1805 г.; студент на жалованье с 1 сентября 1807 г. и 1 января 1809 г. определен учителем Симбирской гимназии; получил кандидатское удостоверение 29 июля того же года и утвержден в этом звании 3 августа 1809 г. (ПН, III, 382; М, I, 1, стр. 9, 15 и 18; РБС; Ш, II, 209—216; родословие в изд. «Двор. сословие Тульск. губ., т. VIII (XVII). Родословец добавочный. Составил В. И. Чернопятов», М., 1912, стр. 31. См. о нем в «Семейной хронике и воспоминаниях С. Т. Аксакова», 8 издание, М., 1895, стр. 332, 336, 346 и др. Н. И. Лобачевский, повидимому, был в переписке с Д. М. Перевощиковым и, в частности, в 1837 г. сносился с ним по вопросу о приобретении сельскохозяйственных орудий у Московской фирмы братьев Бутенопов (см.). 38, 41, 277, 337, 389, 401, 416.

Перовский, Василий Алексеевич, граф (р. 9 февраля 1795, ум. 8 декабря 1857), генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии, член Государственного Совета и Адмиралтейств-Совета; в 1836 г. сопровождал имп. Николая I во время его поездки в Казань (РБС). 500.

Перовский, Лев Алексеевич, граф (р. 9 сентября 1792, ум. 9 ноября 1856), брат В. А. Перовского, министр внутренних дел (1841) и министр уделов (1852). В 1829 г. состоял вице-президентом департамента уделов и ездил в Казань и далее в Саратов и Астрахань для принятия мер против распространения появившейся холеры (ПН, III, 386; РБС). В эту поездку посетил Казанский университет и познакомился с Н. И. Лоба-

чевским. Особый интерес, проявленный Перовским к собраниям Минералогического кабинета Казанского университета, объясняется его любовью к минералогии и особенно к археологии и предметам искусства. У себя он собрал значительные по тому времени коллекции картин, статуй, художественной бронзы, особую нумизматическую коллекцию в несколько тысяч медалей и монет (поступившую потом в Эрмитаж), а также приобрел целый минералогический кабинет у А. Шмакова (см. в воспоминаниях его сына И. А. Шмакова в РС. 1890, № 1, стр. 224). Л. А. Перовский состоял почетным членом Петербургского минералогического общества (Н. Васильев, Список членов имп. С.-Петербургского минералогического общества со дня основания общества по 1902 год, СПб., 1902, стр. 63). Хорошо знавший Перовского по департаменту уделов известный идиллик В. И. Панаев, один из первых питомцев Казанского университета, пишет в своих воспоминаниях, что «Перовский любил заниматься некоторыми науками, входящими в круг его служебных обязанностей, как-то: минералогией, ботаникой, археологией» (ВЕ, 1867, т. IV, отд. I, стр. 129). Перовский известен и как незаурядный археолог-любитель, производивший археологические разыскания в ряде губерний, приведших к интересным открытиям. За эти работы он был избран почетным членом Одесского общества истории и древностей, а 12 января 1855 г. одновременно с Н. И. Лобачевским он был избран почетным членом Московского университета, в стенах которого некогда получил свое образование (Н. П. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIII, СПб., 1899, стр. 344—345). 267, 549.

Перцов, Петр Петрович (р. 1824, ум. 1909), сын поручика Петра Алексеевича Перцова (ум. 1845), впоследствии земский деятель, автор воспоминаний о Н. И. Лобачевском. Образование получил в Казанском университете (с 3 мая 1842 по 5 июня 1846), курс которого окончил кандидатом и 27 сентября 1846 г. выбыл из университета (М, I, 1, стр. 276 и 325). Брат известного Казанского деятеля и писателя, приятеля Пушкина и Е. А. Баратынского, Эраста Петровича Перцова (1804—1873), а также сенатора Александра Петровича Перцова (1819—1896); их сестра Аполлинария Петровна была замужем за казанским помещиком Ф. А. Каховским (см.). 22, 623—630.

Перцов, Петр Петрович (р. в Казани 4 июня 1868 и проживает в настоящее время в Москве), сын П. П. Перцова, автора воспоминаний о Н. И. Лобачевском; известен как поэт, художественный критик, историк русской живописи, знаток западноевропейского искусства и мемуарист; в 1903—1904 гг. редактировал и издавал журнал «Новый Путь», где печатались поэты-символисты. Свои встречи с русскими писателями и художниками П. П. Перцов запечатлел на страницах своих интересных воспоминаний (П. П. Перцов, Литературные воспоминания 1890—1902 гг., предисловие Б. Ф. Поршнева, М. — Л., 1933). Биографические сведения о нем и список его статей и книг см. в издании: «Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века», т. I, под ред. Б. П. Козьмина, М., 1928, стр. 201. — Стр. 623—624, 629.

Петерман, Александра Петровна (р. 1820), дочь проф. П. С. Кондырева и его жены О. А. Кондыревой, р. Грубер, жена директора Астраханской гимназии А. Б. Петермана (Никанор, стр. 13); единоутробная сестра проф. Н. П. Вагнера. 634, 664.

Пети, Алексис-Терез (р. 1791, ум. 1820), французский физик, профессор Политехнической школы, автор ряда замечательных трудов по физике, прославивших его имя. Пети является автором (вместе с Дюлонгом) открытия закона теплоемкостей. 172, 173.

Петр I Алексеевич (р. 30 мая 1672, ум. 28 января 1725), император. 233, 327, 487.

Петров, ревизор Казанского университета (1829). 261.

Петровский, Степан Сергеевич (р. 1769, ум. 29 апреля 1819), адъюнкт артиллерии, фортификации и архитектуры в Казанском университете; образование получил в Московском университете; 19 января 1799 г. определен в Казанскую гимназию учителем артиллерии, фортификации и высшего арифметического класса; с 2 октября 1807 г. по 25 апреля 1812 г. — инспектор гимназии; 16 января 1810 г. утвержден адъюнктом университета для преподавания артиллерии и фортификации, а с 1812 г. преподавал

также гражданскую и военную архитектуру. В 1810—1812 гг. нес также обязанности смотрителя публичных курсов; в 1818 г. и. д. инспектора студентов; был уволен от службы по болезни 17 марта 1819 г. и вскоре умер (Загоскин, Словарь, I, 453; Загоскин, История, I, стр. 257; РБС). 60, 63.

Петровский, Фердинанд Карлович, кандидат философии, с 1 ноября 1828 г. был прикомандирован преподавателем Казанского университета по методу взаимного обучения в звании учителя Витебской гимназии, где преподавал польско-латинский язык; 14 марта 1829 г. возвратился к месту службы в Витебскую гимназию (М, I, 1, стр. 134 и 141); Месяцослов, 1829, ч. I, стр. 502; Загоскин, Словарь, I, 153). 252, 253, 259.

Петрушевский, Фома Иванович (р. 1785, ум. 13 февраля 1848), директор Петербургского института слепых, известный метролог, переводчик сочинений Эвклида и Архимеда, автор переводов следующих книг, с примечаниями: «Эвклидовых начал восемь книг, содержащие в себе основания геометрии» (СПб., 1819) и «Эвклидовых начал три книги, содержащие общую теорию чисел древних геометров» (СПб., 1833). За эти переводы Академия Наук присудила ему поощрительную половинную Демидовскую премию (ПН, III, 412; РБС). 156.

Пикторов, Николай Федорович; студент Казанского университета с 8 августа 1818 г.; окончил курс с званием действительного студента 8 июля 1822 г.; 14 августа 1823 г. определен учителем Пермской гимназии (М, I, 1, стр. 74 и 96). 100.

Пиранези, Иоганн-Батист (р. 1720, ум. 1778), известный итальянский гравер, издатель большого числа атласов с рисунками и видами, относящимися до архитектуры, древностей, топографии и т. под. Работы его вместе с сочинениями его сына Франческо Пиранези (р. 1748, ум. 1810) были изданы в 1836 г. фирмою F. Didot в 29 томах (РС, 1901, № 7, стр. 181). 232.

Пирх, Альберт Карлович, барон, генерал-майор, с 15 ноября 1830 г. был назначен и. д. Казанского гражданского губернатора, о чем сообщалось в ПКВ (10 декабря 1830, № 50, стр. 379); в этой должности оставался до 15 мая 1831 г., когда за болезнью передал ее вице-губернатору Е. В. Филиппову (см.), а 21 июля был уволен (Пупарев, стр. 387). С 1853 г. состоял председателем I отделения Казанского экономического общества. Женат был на сестре М. Н. Мусина-Пушкина — Анне Николаевне Мусиной-Пушкиной (р. 6 декабря 1802, ум. 14 марта 1831). Стихи на ее смерть поэта Ф. Рындовского (с подписью Ф. Р.) были напечатаны в ПКВ, 22 апреля 1831, № 16, стр. 122—124 (Агафонов, I, 93; Никанор, стр. 8 и 30; Агафонов, Записи, № 226, стр. 900). Их дочери: Аделаида Альбертовна Пирх вышла замуж за гр. Алексея Евграфовича Комаровского, брата Анны Евграфовны Шиповой (см.), а София Альбертовна (с 8 июля 1840) была женою казанского помещика, цензора Петербургского цензурного комитета Владимира Николаевича Бекетова (ЛР, I, 42; Долгоруков, ч. III, стр. 158). 384, 541.

Пифиев, Александр Васильевич, столоначальник хозяйственного стола Правления Казанского университета с 28 февраля 1824 г. по 1 апреля 1832 г. (М, I, 1, стр. 213); и. д. секретаря Правления с 25 мая 1826 г. по 4 января 1827 г. и с 2 марта 1828 г. по 29 сентября 1829 г. (там же, стр. 211). 263.

Плантад, Франсуа (р. 1670, ум. 1741), французский астроном, основатель и первый директор Королевского общества наук в Монпелье. Его труды помещены в сборнике Парижской Академии наук и Королевского общества в Монпелье. 471.

Плетнев, Петр Александрович (р. 10 августа 1792, ум. 29 декабря 1865), писатель, литературный критик, профессор и ректор Петербургского университета, академик, друг Пушкина, Жуковского и др. писателей (ПН, III, 429; РБС). 10, 415, 510, 525, 549.

Погодин, Михаил Петрович (р. 11 ноября 1800, ум. 8 декабря 1875), историк, проф. Московского университета, академик. В 1845 г. во время поездки в Казань познакомился с Н. И. Лобачевским и другими профессорами Казанского университета (Ш II, стр. 261). В своем письме из Нижнего-Новгорода 3 сентября 1845 г. к одному

тельного студента; 25 мая того же года был командирован в Монголию (М, I, 1, стр. 116 и 137), где пробыл до 1833 г., изучая монгольский язык. Выдержав по возвращении экзамен при Академии Наук, 25 июня 1833 г. был определен в Казанский университет адъюнктом монгольского языка и начал преподавание; с 1835 г. — э. профессор; с 23 июля 1846 г.—о. профессор; уволился из университета 9 октября 1853 г.; с 1855 г. — профессор Петербургского университета по кафедре калмыцкого языка и словесности; в 1860 г. был главным инспектором училищ Западной Сибири. Известен как автор монгольско-русского словаря, удостоенного в 1849 г. Академией Наук Демидовскою премией (Загоскин, I, 237—238; Агафонов, I, стр. 95; РБС; В. Назарьев, Жизнь и люди былого времени, ИВ, 1890, № 12, стр. 724). 503, 530.

Попов, Александр Федорович (р. 17 ноября 1815, ум. 1 января 1879), известный математик, ученик Н. И. Лобачевского и преемник его по кафедре чистой математики в Казанском университете; образование получил в Казанском университете (с 2 сентября 1831), курс которого окончил 24 июня 1835 г. кандидатом с серебряной медалью; 24 октября 1835 г. определен учителем математики Казанской гимназии (М, I, 1, стр. 160 и 194); в это время Н. И. Лобачевский дал свой одобрительный отзыв о его сочинении «Математическая теория русского змея», с чертежами (Владимиров, ч. 3, стр. 303); магистр с 12 февраля 1843 г., а 25 августа 1845 г. был утвержден в степени доктора математики и астрономии (М, I, 1, стр. 272, 283, 309 и др.). На его магистерском диспуте, происходившем 27 декабря 1842, выступали в качестве официальных оппонентов Н. И. Лобачевский, П. И. Котельников и Н. Н. Зинин; диссертация его посвящена была «Теории волнения каплеобразных жидкостей» (К, I, стр. 55, 76—77 и 103 в примечаниях; Агафонов, II, стр. 85). Докторская диссертация его на тему «Об интегрировании уравнений гидродинамики, приведенных к линейному виду» была также защищена им при участии Н. И. Лобачевского и П. И. Котельникова как оппонентов (см. отчет о диспуте в КГВ, 11 июня 1845, № 24), причем издание этой диссертации было сопровождено рецензией Н. И. Лобачевского, под заглавием «Подробный разбор рассуждения, представленного магистром А. Ф. Поповым под названием: „Об интегрировании дифференциальных уравнений гидродинамики, приведенных к линейному виду“ на степень доктора математики и астрономии», Казань, 1845, 13 стр. с датой: 11 апреля 1845. Как теперь впервые устанавливается из печатаемых документов, кандидатуру Попова на должность э. профессора чистой математики Н. И. Лобачевский выдвинул по собственному желанию в 1846 г., что и было принято министром народного просвещения С. С. Уваровым. 7 сентября 1849 г. А.Ф. Попов был избран о. профессором Казанского университета; должность эту он выполнял до 1866 г. (3 августа); за свои научные заслуги он был избран почетным членом Казанского университета (6 октября 1866) и членом-корреспондентом Академии Наук по математическому разряду в том же году (см. Загоскин, Словарь, I, 456—462; Агафонов, I, стр. 95; Никанор, стр. 13 и 48 — надгробие; РБС; Б. Модзалевский, 229). Воспоминания А. Ф. Попова о Лобачевском, которые воспроизводятся в настоящем сборнике, пользуются большой известностью. Они были переведены также на немецкий язык («Erman's Archiv für die wissenschaft. Kunde von Russland», 1858 и «Das Innland», 1858, № 9). И.А. Износков свидетельствует, что «имена математиков Лобачевского и Пуассона были особенно дороги Александру Федоровичу: первый был одним из наиболее почитаемых им профессоров, место которого он заступил, а второй — одним из наиболее любимых им авторов, исследованиями которого он пользовался во многих своих ученых работах» («Воспоминания о бывшем профессоре Казанского университета Александре Федоровиче Попове». Казань, 1883, стр. 3). Свидетельства современников о нем см. в «Воспоминаниях о пережитом доктора А. И. Ильинского» (РС, 1894, № 2, стр. 62); В. А. Лебедев, Учебные воспоминания (РС, 1908, № 8, стр. 244—245; № 11, стр. 454, студенческое четверостишие о нем); Э. П. Янишевский, стр. 89—92. — Стр. 9, 17, 20, 21, 395, 418, 420, 452, 504—505, 513—514, 521, 539, 561, 570, 578—579, 581, 586—589, 600, 602, 603, 608, 617, 621, 649, 653, 654, 656, 660, 667, 689.

Попов, Василий Алексеевич (ум. 18 ноября 1844), столоначальник полицейского стола Казанского университета с 5 марта 1829 г. по 27 июня 1833 г.; и. д. секретаря Правления Университета с 4 мая по 16 июля 1831 г., с 24 декабря 1831 г. по 16 февраля 1832 г. и с 22 мая по 1 июля 1832 г.; а также с 14 марта 1833 г., когда 27 июня того же года был утвержден в этой должности, которую выполнял до своей смерти (М, I, 1, стр. 211 и 213; М, I, 2, стр. 580). И. И. Михайлов, говоря о чиновнике Попове, о его злоупотреблениях и заступничестве Н. И. Лобачевского, несомненно имеет в виду этого В. А. Попова. 615.

Попов, Василий Михайлович (р. 1771, ум. 23 апреля 1842), бывший директор департамента народного просвещения, мистик, последователь секты Е. Ф. Татариновой, сосланный в 1837 г. в Зилантьев монастырь в Казани, где и умер (см. о нем в «Воспоминаниях В. И. Панаева», ВЕ, 1867, т. IV, стр. 85; РБС). 89, 110, 120, 390.

Попов, Иван Михайлович (ум. 19 марта 1832); исполнял должность помощника инспектора студентов с 26 мая 1825 г.; утвержден в этой должности 27 октября 1827 г. и занимал ее до своей смерти (М, I, 1, стр. 215). Попов был товарищем Н. И. Лобачевского по Казанскому университету, в котором обучался одновременно с ним с 9 января 1807 г. по 23 августа 1811 г., когда окончил университет кандидатом (до 16 мая 1816), а затем состоял учителем Астраханской гимназии (там же, стр. 13, 29, 34, 39, 49 и 54). Кандидатом Попов был одновременно с идилликом В. И. Панаевым (там же). 45, 48, 230 266.

Попов, Кузьма Данилович, с 21 января 1828 г. по 11 марта 1830 г. состоял надзирателем при больнице Казанского университета (М, I, 1, стр. 220). 262.

Попов, Николай Алексеевич, студент Казанского университета с 6 сентября 1827 г., курс которого окончил кандидатом 26 июня 1830 г.; 5 июня 1831 г. назначен учителем Оренбургской губ. (М, I, 1, стр. 131 и 150), затем ст. учитель исторических наук Симбирской гимназии в 1836 г. (Месяцослов на 1836 год, ч. I, стр. 577). 376.

Попов, Федор Яковлевич, директор Вятской гимназии, уволенный за плохое состояние гимназии (Месяцослов на 1830 год, ч. I, стр. 473). 282.

Потемкин Таврический, Григорий Александрович, князь (р. 13 сентября 1739, ум. 5 октября 1791), полководец, государственный деятель, фаворит Екатерины II. Его библиотека поступила в Казанский университет в 1800 г. (Загоскин, История, III, стр. 9—12; РБС; Владимиров, ч. 2, стр. 37—41). 230, 231, 663.

Пото, Мария, содержательница вместе со своим мужем Павлом Осиповичем Пото частного женского пансиона в Казани с 16 января 1802 г. (Загоскин, История, III, стр. 194). П. О. Пото — берейтор Казанской гимназии, затем частный пристав и владелец замечательной коллекции золотоордынских монет, купленной в 1827 г. Казанским университетом за 2.000 рублей; как нумизмат был известен академику X. Д. Френу, который издал описание этой коллекции (Загоскин, История, I, стр. 177, 183—186, 224, 225; Булич, I, стр. 203—204, 367—375). О пансионе М. Пото см.: П. Пономарев, К вопросу о женском образовании в Казани в начале XIX-го века (ВВ, 25 января 1897, № 23, стр. 3; здесь ее муж назван ошибочно Иваном Осиповичем Пото, который родился в 1799 г. и был майором в 1814 г.; см. «Тульский Родословец», часть III, стр. 119—120, где напечатана родословная). В Казани жила также и другая семья Пото: доктор Александр Федорович Пото (ум. 4 января 1850) и его жена Мария Игнатьевна Пото, дочь ст. сов. Игнатия Родионовича Андреевского (р. 30 сентября 1764, ум. 20 апреля 1854) и его жены Екатерины Ивановны (р. 21 ноября 1782, ум. 31 мая 1840), о которых см. у Агафонова, I, стр. 59 и 95; Н. Я. Агафонов, Записи, № 216, стр. 926 и № 217, стр. 589. — Стр. 128.

Прасковья Ермолаевна, см. — Осокина.

Ле-Прейнс (Лепренс), Жан (р. 1734, ум. 1781), французский живописец и гравер-аквафортист, несколько лет (1758—1762) работал в России; по возвращении в Париж работал преимущественно над сюжетами из русской жизни; в этой области оставил множество гравюр, исполненных особым способом. 232.

Прейс, столяр. 502.

Проворов, Николай Алексеевич (р. 1814, ум. 17 июня 1841), студент Казанского университета с 16 августа 1832 г.; окончил 27 июня 1836 г. с званием действительного студента (до 24 октября 1839); затем был письмоводителем Строительного комитета при университете, председателем которого был Н. И. Лобачевский (М, I, 1, стр. 167, 202 и 243; Агафонов, I, стр. 96). 621.

Протасов, Сергей Алексеевич (ум. 14 сентября 1830), профессор правоведения в Казанском университете; образование получил в том же университете (с 12 мая 1816), курс которого окончил со степенью кандидата 4 июля 1819 г. (утвержден был 19 октября 1820 по 2 экзамену) и затем служил комнатным надзирателем (1820—1823) и учителем латинского языка (1821—1823) в Казанской гимназии. 30 сентября 1821 г. ему поручено было преподавание в университете юридических наук, а в 1822—1826 гг. — российское гражданское право и судопроизводство и др. дисциплины; с 5 октября 1822 г. магистр юридических наук (М, I, 1, стр. 61, 79, 96 и др.); 12 июля 1824 г. избран (утвержден 12 сентября) адъюнктом, а 29 января 1830 г. — э. профессором; и. д. синдика Правления университета с 18 июня и утвержден в должности 16 августа 1829 г.; нес эти обязанности до своей смерти, последовавшей от холеры (там же, I, 1, стр. 211 и Загоскин, Словарь, II, 70). См. о нем в «Записках Н. И. Мамаева» (ИВ, 1901, № 1, стр. 61—62). 247, 277, 284.

Протопопов, Дмитрий Иванович (р. 1799, ум. 21 февраля 1857), профессор общей терапии, фармакологии, фармации, рецептуры и учения о минеральных водах в Казанском университете; с 10 декабря 1835 г. по 5 апреля 1836 г. и. д. инспектора студентов, а с 19 октября 1833 г. по 1 сентября 1836 г. был и. д. помощника инспектора студентов Казанского университета (М, I, 1, стр. 214 и 215; Загоскин, Словарь, II, 304—305; Агафонов, I, стр. 96; РБС; Загоскин, История, IV, стр. 121—122; некролог — Месяцослов, 1858, стр. 262). О нем см. в «Воспоминаниях о пережитом доктора А. И. Ильинского» (РС, 1894, № 4, стр. 3—5); «Записки Н. И. Мамаева» (ИВ, 1901, № 1, стр. 54—57, 78). 408, 417, 418, 420, 431, 519, 543, 660.

Пуассон, Симон-Дени (р. 1781, ум. 1840), крупнейший французский математик, механик и физик, член Французской Академии наук. Автор многих научных трудов. Н. И. Лобачевский читал лекции, руководствуясь его сочинением: «Traité de mécanique», являющимся классическим. Ученик Лобачевского А. Ф. Попов посвятил Пуассону специальную статью (см.: А. Ф. Попов, Об ученых заслугах Пуассона. Речь, произнесенная на собрании Казанского университета 5 июля 1849 года, в прил. к Отчету Казанского университета за 1849 г. и в «Журнале министерства народного просвещения», 1850, т. II). 12, 115, 158, 187, 219, 224, 225, 242, 246, 279, 280, 318, 371, 474, 479, 480, 622.

Пулье, Клод (р. 1791, ум. 1868), французский физик, профессор физики в Collège Bourbon, в Ecole Polytechnique и др. Пулье принадлежит определение количества тепла, получаемого от солнца поверхностью земли; автор капитального исследования «Traité de physique experimentale et metéorologie», выдержавшего много изданий. 463, 469, 479.

Путята, София Львовна (р. 31 марта 1811, ум. 26 октября 1884)), дочь генерал-майора Льва Николаевича Энгельгардта, казанского помещика, автора известных «Записок» (М. 1867), жена Николая Васильевича Путяты (р. 1802, ум. 29 октября 1877), сестра жены поэта Е. А. Баратынского (ЛР, II, 432; МН, II, 479), 305.

Пушкин, Александр Сергеевич (р. 26 мая 1799, ум. 29 января 1837). О знакомстве Н. И. Лобачевского во время пребывания поэта в Казани в 1833 г., к сожалению, нет никаких документальных свидетельств. Во всяком случае факт чтения И. Е. Великопольским в присутствии Лобачевского «мелких стихотворений Пушкина» (см. № 330) весьма замечателен. Дочь Лобачевского В. Н. Ахлопкова сообщает, что ее отец «любил очень сочинения Дюма и Пушкина, иногда декламируя последнего в семейном кругу своем» (см.). О пребывании Пушкина в Казани с 5 по 8 сентября 1833 и о знакомстве

его с семьею К. Ф. и А. А. Фуксов, Э. П. Перцовым и др. см. в следующих источниках: Н. Загоскин, «Пушкин в Казани (1833 год)», Казань, 1892 (из ВВ и ИВ, 1899, № 5, стр. 586—609); А. С. Архангельский, «Пушкин в Казани», Казань, 1899; Е. А. Бобров, «Пушкин в Казани» (ПС, в. III, СПб., 1905, стр. 23—67); Н. Калинин, «Пушкин в Казани», Казань, 1942; Н.О. Лернер «Пушкин и Казанские суконщики» («Каторга и ссылка», 1927, № 6, стр. 78—85); Пушкин, Письма, т. III, под ред. Л. Б. Модвалевского, Л., 1935, стр. 621—628; В. Л. Комарович в примечании к рассказу В. П. Бабина, «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», 4—5, М.—Л., 1939, стр. 19.— Стр. 8, 303, 594, 631, 672.

Пушкин, Михаил Николаевич, см. — Мусин-Пушкин.

Пыпин, Александр Николаевич (р. 25 марта 1833, ум. 26 ноября 1904), двоюродный брат и друг Н. Г. Чернышевского, академик, историк русской литературы, этнограф, славист (ПН, III, 530). После окончания Саратовской гимназии (1842—1849), с 20 августа 1849 г. по 28 июля 1850 г. был студентом Казанского университета, одновременно с старшим сыном Лобачевского, Алексеем Николаевичем, но курса не кончил, перейдя в Петербургский университет. Под конец жизни диктовал свои воспоминания о годах молодости дочери своей В. А. Ляцкой; они напечатаны были первоначально в ВЕ, 1905, а затем изданы отдельной книгой, «Мои заметки», М., 1910; в них содержится характеристика Н. И. Лобачевского (см. в настоящем сборнике, стр. 651—652). О самом Пыпине см. статьи Б. Б. Глинского (ИВ, 1904, № 12, стр. 264—307); Н. К. Пиксанова («Известия Отд. рус. яв. и слов. Акад. Наук», 1910, кн. 3 и отд. оттиск «Памяти А. Н. Пыпина», Пб., 1911); «Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии Наук», ч. II, М. — Я, П., 1917, стр. 72—121. — Стр. 22, 651—652.

Пыхачев, Аполлон, с 1829 или 1830 г. был вольнослушателем Казанского университета (М, I, 1, стр. 146). Н. И. Лобачевский называет его Пыкчевым. 268.

Пюассон, см. — Пуассон.

Пятницкий, Петр Гаврилович (р. 5 июня 1788, ум. после 1827), преподаватель гражданской архитектуры в Казанском университете; образование получил в Академии Художеств с 1798 по 1809 г., которую окончил с аттестатом 1 степени (Кодаков, стр. 377); служил в Петербурге по архитектурной части (1809—1820), получив 30 декабря 1812 г. звание архитектора; с 6 июля 1820 г. по 8 июля 1827 г. состоял архитектором Казанского университета и преподавателем гражданской архитектуры (М, I, 1, стр 222), строитель вданий университета в 1825 г.; после увольнения по прошению из университета поступил на службу в ведомство Петербургского воспитательного дома (Загоскин, Словарь, I, 466). 159, 171, 239, 499.

Пятов, Алексей Афанасьевич, студент Казанского универститета одновременно с Алексеем И. Лобачевским, с 10 июля 1807 г.; курс окончил с аттестатом 16 января 1811 г. (М, I, 1, стр. 16). 40.

Разумовский, Алексей Кириллович, граф (р. 12 сентября 1748, ум. 5 апреля 1822), член Государственного Совета; министр народного просвещения с 11 апреля 1810 г. по 10 августа 1816 г. (Загоскин, Словарь, II, 402; РБС). 47, 50—51, 59, 66—74, 78, 123, 278, 423, 554.

Раппо, Карл (р. 18 февраля 1801, ум. 18 ноября 1853), известный в то время силач (МН, III, стр. 6). Гастролировал в Казани в 1845 г. О представлении Раппо в свой бенефис в Петербургском Новом театре 30 октября 1831 г. появилась большая заметка в ПКВ (18 ноября 1831, № 46, стр. 358, в отделе «Смесь»); в ней отмечалась его необыкновенная сила. О его предстоящих выступлениях 5 октября 1845 г. сообщается в КГВ 1 октября 1845, № 40, столб. 384, 386—389, в отделе «Казанской хроники»; здесь говорится, что «лет семь тому назад г. Раппо уже посещал Казань и удивлял всех своею истинно геркулесовскою силою, невероятным и непостижимым уменьем играть ги-

рями и шарами, принимать их удары себе на грудь, на спину, на плечи», и сообщается о «его любимой игре» 48-фунтовыми гирями, продемонстрированной на представлениях 26 и 28 сентября 1845 г. К. Раппо приехал в это время не один, а с целою труппою и с своим сыном Францом Раппо, 17-летним юношей, также геркулесом (см. там же [15 октября 1845], № 42, столб. 393—395 в отделе «Казанская хроника»). По словам Н. П. Вагнера увлекался представлениями Раппо кроме Н. И. Лобачевского и академик А. М. Бутлеров, который «посещал чуть ли не каждое представление Раппо. Силой и ловкостью этого акробата, и в особенности его сына, занималось тогда всё казанское аристократическое общество» («Воспоминания Н. П. Вагнера о Бутлерове» в книге «А. М. Бутлеров. Статьи по медиумизму». Издал А. Н. Аксаков, СПб., 1889, стр. XIV). О Раппо см. также в книге М. А. Цявловского, Книга воспоминаний о Пушкине, М., 1931, стр. 42—43 и 45. —Стр. 619.

Раскатов, Леонид, мещанин, владелец в 1880—1890-х гг. дома на Проломной ул. в г. Казани, принадлежавшего ранее В. А. и Н. И. Лобачевским. На доме этом в 1893 г. была установлена мемориальная доска во время торжеств по поводу столетия со дня рождения Н. И. Лобачевского. Впоследствии дом этот был сломан, и на его месте выстроено новое здание, занятое в настоящее время Государственным банком (теперь на ул. Баумана). 683.

Растовская (Ростовская), Вера Васильевна (р. 1820, ум. 22 апреля 1842), р. Бестужева (Агафонов, I, стр. 97), жена А. А. Растовского (см.), который имел от нее сына. 443.

Растовская (Ростовская), Любовь Ермолаевна, р. Великопольская (р. 21 декабря 1791, ум. 24 марта 1849), старшая сестра И. Е. Великопольского и В. А. Лобачевской, жена генерал-майора А. А. Растовского (см.) (Агафонов, I, стр. 64 и 97). 9, 244, 285, 305—307, 331, 378, 402, 503, 582, 681.

Растовская (Ростовская), Надежда Александровна, дочь генерал-майора А. А. Растовского (см.), племянница И. Е. Великопольского; пианистка, неоднократно выступала в любительских концертах в Казани (Н. Баженов. Казанская история, ч. III, Казань, 1847, стр. 124—125; Н. П. Загоскин, Казанская старина (ВВ, 4 апреля 1892, № 85, стр. 2). 303, 306.

Растовский (Ростовский), Александр Андреевич (р. 12 февраля 1770, ум. 20 августа 1830), казанский помещик, генерал-майор, муж Л. Е. Великопольской (Агафонов, I, стр. 97; Агафонов, Записи, № 226, стр. 455), от которой имел сыновей; Андрея Александровича (см.), Владимира Александровича (см.) и Михаила Александровича (р. 16 декабря 1817, ум. 13 июня 1859), впоследствии камер-юнкера, служившего в Канцелярии военного министерства (Н. М. Затворницкий, стр. 192—193; ПН, III, 621; Н. Я. Агафонов, Записи, № 226, стр. 154 и 178) и дочерей: Надежду Александровну (см.), Наталью Александровну и Веру Александровну, по мужу прапорщицу Рычкову («Санктпетербургские Сенатские объявления о запрещении на имения», 1841, № 18, статьи 8937—8940 и 8947—8950). 307, 378, 582, 680, 681.

Растовский (Ростовский), Андрей Александрович (р. в ноябре 1810, ум. 8 мая 1871), сын генерал-майора А. А. Растовского (см.), племянник В. А. Лобачевской; воспитывался в Казанском университете, с 12 сентября 1825 г.; курс окончил с званием действительного студента 27 июня 1829 г.; выбыл 4 октября того же года (М, I, 1, стр. 117 и 114); из юнкеров л.-гв. Егерского полка—прапорщик этого полка с 25 июня 1831 г.; уволен от военной службы вследствие ранений штабс-капитаном с мундиром 23 января 1840 г. («История л.-гв. Егерского полка за сто лет, 1796—1896», СПб., 1896, прил., списки офицеров, стр. 54, № 422); директор 1 Казанской гимназии с 31 июня 1851 г. (В. Владимиров, ч. 3, стр. 398—442 с краткой его биографией на стр. 399; Н. Баженов, Казанская история, ч. III, Казань, 1847, стр. 124); с 1842 г. действительный член Казанского экономического общества (ЗКЭО, год второй, ч. 1, кн. 1, январь 1855, отд. I, стр. 24); 22 января 1855 г. избран председателем 5 отделения этого Общества (там же, 1855, март, кн. 3, отд. I, стр. 40); впоследствии д. ст. сов. и член Временного

общего присутствия Главного интендантского управления Военного министерства. Был прекрасным музыкантом, виртуозом на скрипке и неоднократно выступал на публичных концертах в Казани (см. Н. П. Загоскин, Казанская старина, ВВ, 4 апреля 1892, № 85, стр. 2). Автор ряда статей по сельскому хозяйству, напр. «О подковах Коваля (кузнеца Вятской земской конюшни)», ЗКЭО, год второй, ч. 1, кн. 5, май 1855, отд. II, стр. 48—51; ср. ч. 2, кн. 3, июль 1855, отд. I, стр. 26); «О мясном сухарном порошке» (там же, ч. 2, кн. 3, июль 1855, отд. II, стр. 153—155; ср. ч. 2, кн. 4, август 1855, отд. I, стр. 32) и год 3, ч. 1, кн. 1, генварь 1856, отд. 1, стр. 6—7, 11. Женат был первым браком (с 1840) на Вере Васильевне Бестужевой (см.), а вторым (с 1851), на Марии Федоровне Львовой, сестре автора царского гимна Алексея Федоровича Львова; она была известной детской писательницей, издавала журнал «Семейные вечера» и умерла 10 июня 1872 г. в Петербурге; о ней см. РБС; П. Д. Боборыкин, стр. 63; 64; воспоминания А. Н. Овсянникова (РС, 1899, № 5, стр. 425, 430); Руммель, т. I, стр. 579; ПН, III, 621. Положительная рецензия Н. Б[улича] на «Приключение Пóни, Эмского осла, сочинение М. Ростовской», СПб., 182 стр., помещена в КГВ, 9 июня 1852, стр. 273—274. — Стр. 409, 443.

Растовский (Ростовский), Владимир Александрович (р. 1817, ум. 8 января 1839); сын генерал-майора А. А. Растовского (см.), племянник В. А. Лобачевской, поэт; воспитывался в Казанском университете с 9 августа 1832; курс окончил со степенью кандидата 24 июня 1835; выбыл 6 октября того же года (М, I, 1, стр. 167 и 194; Агафонов, I, стр. 97); отличался большим дарованием в музыке и живописи. В «Отчете по имп. Казанскому университету за 1834 год» среди «отличившихся хорошим поведением» значится: «Владимир Ростовский, из дворян, обучается в Отделении нравственно-политических наук на своем содержании. В науках успевает хорошо» (стр. 65). Как поэт Растовский известен двумя стихотворениями: «Поэту-вольнодумцу» («Заволжский Муравей», 1834, № 2, генварь, стр. 74—75) и «Мечты» (там же, 1834, № 4, февраль, стр. 199—200, с подписью «Влад. Р.....ский»). 401, 402.

Ратовский, Николай Васильевич, адъюнкт правоведения в Казанском университете; воспитывался в Казанской гимназии и в Казанском университете, с 16 июня 1835 г.; курс окончил со степенью кандидата юридических наук с золотой медалью 6 июня 1839 г.; магистр уголовного законоведения 4 мая 1842 г., а с 12 марта 1843 г. — адъюнкт (утвержден 10 декабря того же года); в 1846—1849 гг. и. д. синдика Правления Казанского университета (М, I, 1, стр. 167, 196, 242, 272 и др.; I, 2, стр. 580; Загоскин. Словарь, II, 70—71). О его магистерском диспуте вспоминают: И. И. Михайлов, Казанская старина (РС, 1899, № 10, стр. 104—105); А. М. Полиновский, Воспоминания старого казанского студента (ВВ, 1891, № 13, стр. 3). 490, 614.

Раупах, Эрнст-Вениамин-Соломон (р. 21 мая 1784, ум. 18 марта 1852), профессор Петербургского университета, драматург; читал лекции по всеобщей истории. В 1821 г. был обвинен, по настоянию М. Л. Магницкого, в пропаганде неверия и уволен из университета вместе с профессорами К. Ф. Германом (см.), А. И. Галичем и К. И. Арсеньевым (см.). В 1822 г. Раупах уехал в Германию. К делу по обвинению Раупаха Магницким был привлечен Н. И. Лобачевский для сличения тетрадей его лекций (см. о нем в РБС и в издании «С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819—1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета», т. I, 1819—1835, под ред. С. В. Рождественского, собрали и издали И. Л. Маяковский и А. С. Николаев, П., 1919, по указателю). 10, 113, 189,

Рафаелев, Петр Кириллович, студент Казанского университета с 2 сентября 1831 г. по 27 июня 1834 г.; окончил кандидатом с серебряной медалью; выбыл 21 сентября 1834 г. и назначен был учителем в Пензенскую гимназию (М, I, 1, стр. 160 и 184), затем ст. учитель латинского языка высших классов Симбирской гимназии в 1836 г. (Месяцеслов на 1836 год, ч. I, стр. 577). 376, 377.

Резанов, Николай Федорович, см. — Рованов.

Рейнгард (Филипп-Христиан), Христиан Егорович (р. 1764, ум. 7 ноября 1812),

профессор Московского университета по кафедре философии и естественного права; издавал в 1805—1806 гг. ежемесячный журнал «Аврора» (совместно с Я. И. де СанглеTном). См. о нем: Ш, II, стр. 328—329 и РБС. 67.

Рейс 229.

Рейхенбах, Карл, барон (р. 1788, ум. 1869), немецкий естествоиспытатель и техник, известный открытием парафина и креовота; с 1844 г. увлекся фантастическими исследованиями открытой им таинственной всемирнораспространенной силы «од», близкой к «животному магнетизму» Месмера; автор ряда сочинений, посвященных этому вопросу. 42, 648.

Ренард, Осип (Иосиф) Христофорович (р. 14 марта 1781, ум. 6 октября 1817), адъюнкт фармации и врачебного веществословия в Казанском университете с 26 августа 1811 г.; с 1 апреля 1812 г. состоял смотрителем публичных курсов, а с 13 апреля 1814 г. по день смерти был секретарем Врачебного отделения Казанского университета (М, I, 1, стр. 44 и 209; Загоскин, Словарь, II, стр. 309; Загоскин, История, I, стр. 285—287; РБС). 52, 57, 68—70.

Реннер, Каспар Федорович (р. 1780, ум. 4 июня 1816), профессор прикладной математики в Казанском университете; воспитанник Гёттингенского университета, который в 1808 г. присудил ему степень доктора философии. По рекомендации проф. М. Ф. Бартельса (см.) 20 июля того же года определен в Казанский университет о. профессором (Загоскин, Словарь, I, стр. 466—467; Загоскин, История, I, стр. 239—240; РБС). Некролог его помещен в «Казанских Известиях», 14 июня 1816, № 48, стр. 240. — Стр. 60, 62, 63.

Реслейн, Мария Михайловна, вдова генерал-майора Федора Ивановича Реслейна (р. 1760, ум. 11 декабря 1838), состоявшего по артиллерии и бывшего одно время командиром Казанского порохового завода (ПКВ, 11 сентября 1821, № 36, стр. 272; Месяцослов на 1830 год, ч. I, стр. 129; Н. Я. Агафонов, Записи, № 226, стр. 48). В 1831 г. (в КВ, ноябрь и декабрь, стр. 117) был напечатан «Список чиновников и прочих лиц, опубликованных за противозаконные поступки в сем 1831 году», «в генварской трети», где сообщалось, что «Реслейн, генерал-майор, бывший командир Порохового завода и Облеухов, полковник, помощник его, и трое унтер-цейхвартеров, по указу Правительствующего Сената от 25 сентября прошлого 1830 года за № 54263, впредь ни к каким должностям не определяются» (его биография в РБС; Н. Н. Булич, I, 537—538; Агафонов, I, стр. 98 с опечаткой в фамилии: Рыслейн). У супругов Реслейнов было три дочери: Наталья, Мария и Елисавета Федоровны; из них Мария Федоровна была замужем за братом известного поэта М. Д. Деларю (1811—1868) — Александром Даниловичем Деларю (р. 1814), в 1855 г. состоявшим посредником Тетюшского и Свияжского уездов Казанской губ.; в 1836 г. М. Д. Деларю был в Казани и присутствовал на вечере у А. А. Фукс (см.), где читались его сочинения (Второв, сентябрь, стр. 139—140); сам Н. И. Второв был частым посетителем дома Ф. И. Реслейна (там же, июль, стр. 74); другая дочь его, Елисавета Федоровна, была замужем за поручиком Филипсоном («Санктпетербургские Сенатские объявления о запрещениях на имения», 14 сентября 1846, № 74, стр. 2484, статьи 17519—17521; ср. Н. Я. Агафонов, Записи, № 226, стр. 121). 502.

Ридер (Риддер), Николай Иванович; в 1841 г. — бухгалтер 1-й Казанской гимназии. 243, 281

Рис, madame, лицо неустановленное. 297.

Розанов (Резанов), Николай Федорович, в 1820-х гг. — ст. письмоводитель при попечителе Казанского учебного округа М. Л. Магницком, один из его преданных чиновников, который в полном смысле слова обоготворял его; был его тайным шпионом и выполнял его интимные поручения. 106, 111, 113, 122, 125.

Розен, ревизор Казанского университета; вряд ли речь идет о бароне Отто Федоровиче Розене (р. 1778, ум. 12 апреля 1828 г.), бывшем с 1 мая 1826 г. по день смерти Казанским гражданским губернатором (РБС). 258.

Розов, Николай Игнатьевич (р. в 1820-х гг., ум. 26 июня 1886), доктор медицины. Сын бедного священника, из Сибири пришел пешком и поступил при содействии Н. И. Лобачевского в Казанский университете 20 августа 1840 г., который окончил 1 мая 1845 г. с званием лекаря 1 ст. и медалью; ассистент с 23 августа 1845 г. по 4 декабря 1850 г., когда был назначен оператором Тульской врачебной управы (М, I, 1, стр. 257, 309, 310, 323, 336, 348, 359, 371); впоследствии тайный советник и управляющий Медицинским департаментом (РБС; Д. Д. Языков, в VI, стр. 109). Вице-губернатором в Казани с 8 апреля 1866 г. по 22 июля 1870 г. был другой Розов, Емельян Андреевич (Агафонов, I, стр. 97). 594—595, 602, 606, 641.

Ройев, столоначальник Канцелярии попечителя Казанского учебного округа (1857). 589.

Роман, крестьянин из деревни Полянки, принадлежавшей Лобачевским. 608.

Рослов (Александров), Флегонт Александрович (ум. 28 марта 1872); диакон Крестовоздвиженской церкви Казанского университета с 28 февраля 1828 г. по день смерти (М, I, 2, стр. 591), участвовавший в отпевании Н. И. Лобачевского 14 февраля 1856 г. 382, 383, 569, 582.

Роспини, Антон Андреевич, механик, физик и химик, действительный член Петербургского минералогического общества; читал в 1816, 1821, 1822 и 1825 гг. в Петербурге публичные лекции по физике; делал физические приборы для физических кабинетов Царскосельского лицея, Главного педагогического института, для обсерватории Дерптского университета и др. (РБС). У него были приобретены физические инструменты для Саратовской гимназии при попечителе Казанского учебного округа М. Л. Магницком. Об уплате денег за эти инструменты см. письмо директора училищ Саратовской губернии Я. А. Миллера к М. Л. Магницкому от 24 июля 1829 г., из которого видно, что над последним тяготела неправильная выдача Роспини 500 рублей задатка. В общей сумме Роспини за эти инструменты было выплачено 3655 р. + 500 р. = 4155 р. (см. «Девятнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым», кн. I, М., 1872, стр. 254—255). Об этих расчетах с Роспини упоминает М. Н. Мусин-Пушкин в письме Н. И. Лобачевскому 25 января 1829 г. (см.), который заказывал Роспини физические приборы для Казанского университета. 112—114, 260.

Ростовские, см. — Растовские

Ростовцов, Яков Иванович (р. 28 декабря 1803, ум. 6 февраля 1860), генерал-адъютант, начальник главного штаба по военно-учебным заведениям, граф (ПН, III, 623; РБС). 575.

Рошфуко, см. — Ларошфуко, Ф.

Румовский, Степан Яковлевич (р. 29 октября 1734, ум. 7 июля 1812), ученик М. В. Ломоносова, известный астроном, академик и вице-президент Академии Наук, действительный член Российской Академии; был назначен попечителем Казанского учебного округа 20 июня 1803 и в этой должности оставался до своей смерти (Загоскин, Словарь, II, 404; РБС; Сухомлинов, II, стр. 3—157; Загоскин. История, I. стр. 23—28 и др.). Его учебник математики относится к 1760 г.: «Сокращения математики часть первая, содержащая начальные основания арифметики, геометрии и тригонометрии, сочиненная Академии Наук адъюнктом Степаном Румовским. В Санкт-петербурге при имп. Акад. Наук, 1760 году» (Сухомлинов, II, стр. 47—51 и 420, прим. 71). 40, 42, 43, 47, 48, 50—51, 53, 54, 56, 156, 578, 579, 586.

Рупрехт, Франц Иванович (р. 4 (16) октября 1814, ум. 23 июля 1870), академик, ботаник (ПН, III, 636; РБС). Его путешествие в Архангельскую губернию, самоедскую тундру и на остров Колгуев, куда он был командирован министром народного просвещения, было осуществлено с мая по сентябрь 1841 г. Результатом этого путешествия были привезенные им богатые ботанические коллекции и вышедшее после сочинение, посвященное описанию флоры крайнего Севера Европейской России. 516.

Рыбушкин, Михаил Самсонович (р. 1792, ум. 20 марта 1849), известный казанский

поэт, издававший (совместно с М. В. Полиновским) в 1832—1834 гг. первый в Казани частный журнал «Заволжский Муравей»; образование получил в Казанской гимназии и в Казанском университете с 5 октября 1810 г., курс которого окончил 9 мая 1812 г. с назначением учителем Казанской гимназии (М, I, 1, стр. 25 и др.), где преподавал историю и географию; 4 августа избран и 17 сентября 1823 г. утвержден адъюнктом российской словесности Казанского университета, где нес также разнообразные административные обязанности, в том числе в 1825, 1826—1828 и 1830 гг. был секретарем словесного отделения университета (М, I, 1, стр. 207), в течение ряда лет был секретарем Издательного комитета по изданию «Казанского Вестника» (до 1833 г.; см. Н. П. Лихачев, Казанский Вестник (история издания и указатель содержания), журн. «Книговедение», 1894, в приложении); с 15 июля 1826 г. по 15 сентября 1828 г. и. д. директора училищ Казанской губернии; 28 февраля 1835 г. был уволен из университета с назначением директором училищ Астраханской губернии; впоследствии (с декабря 1843) был директором училищ Пензенской губернии, но в 1846 г. оставил службу; умер от горячки (Загоскин, Словарь, I, 157—158, со списком трудов). Литературная деятельность Рыбушкина была многообразна: он писал лирические стихотворения, трагедии, рассуждения о критике и поэзии, а также много статей по истории Казани. Наибольшей известностью пользовалась его «Краткая история города Казани» (Казань, 1834, 2-е изд. в 2 томах, Казань, 1848—1849). Этот труд в издании 1834 г. Рыбушкин послал Пушкину; он сохраняется в его библиотеке (Б. Л. Модзалевский, Библиотека Пушкина, СПб., 1910, стр. 90, № 339); Пушкин с своей стороны в 1835 г. послал Рыбушкину, через А. А. Фукс (см.), один экземпляр своей «Истории Пугачевского бунта» («Переписка Пушкина», под ред. В. И. Саитова, т. III, СПб., 1911, стр. 223). Подробные биографические сведения о нем см. в статье Н. Я. Агафонова (Зав. Вив. Ю., стр. 52—54), а также в РБС и в статье Е. А. Боброва, «А. А. Фукс и казанские литераторы 30—40-х годов» (РС, 1904, № 7, стр. 19—20). Характеристика его дана в «Записках Н. И. Мамаева» (ИВ, 1901, № 1, стр. 69). Сообщение о его смерти в Казани помещено в КГВ [11 апреля 1849], № 15, стр. 129), некролог, с подписью: И. Ч. . . . . ч», там же (№ 16 [18 апреля 1849], стр. 133—134. Много биографических сведений о нем помещено в статье «М. С. Рыбушкин и его история Казани» в КГВ, 7 апреля 1852, № 15, стр. 147—151; Агафонов, I, стр. 98. Нелестный отзыв Н. И. Лобачевского (см. № 284) о литературной продукции Рыбушкина объясняется невысокими художественными достоинствами его поэтических произведений. В ПКВ за 1829 год (5 января 1829, № 1, стр. 1—2) было помещено на первом месте стихотворение М. С. Рыбушкина «Песнь при наступлении Нового года» — «Юный гость, благий, желанный ...», с подписью «М. Р.» В «Краткой истории города Казани», часть II, 2-е изд., 1843 г. М. С. Рыбушкина есть несколько упоминаний имени Н. И. Лобачевского. Так, здесь кратко упоминается, что он издал «Алгебру» (стр. 61), и о совершенном им путешествии в Пензу в 1842 г. для наблюдения солнечного затмения (стр. 64). В связи с посещением Казанского университета Николаем I 21 августа 1836 г. говорится, что «его величество обратил особое благоволение к ректору университета д. с. с. Лобачевскому» (стр. 106). и «объявил свою высочайшую благодарность попечителю [М. Н. Мусину-Пушкину] и ректору университета [Н. И. Лобачевскому] за найденное устройство [при выходе из Обсерватории]» (стр. 108). В связи с описанием посещения университета наследником (будущим Александром II) 21 июня 1837 г. М. С. Рыбушкин отмечает, что наследник «при выходе изъявил свое высокое удовольствие попечителю и ректору университета» (стр. 110). 162—165, 169, 171, 188, 256, 263, 264, 353, 357, 497, 612, 672, 673.

Рылов, Василий Яковлевич (ум. 14 июня 1848); штабс-капитан; исполнял должность экзекутора Казанского университета с 15 апреля 1827 г., утвержден в должности 26 апреля того же года и занимал ее до своей смерти (М, I, 1, стр. 217 и 2, стр. 585); коммисионер и член Строительного комитета Казанского университета. 239, 283, 291, 372, 527.

Савельев, Александр Степанович (р. 27 мая 1820, ум. 6 мая 1860), профессор по кафедре физики и физической географии в Казанском университете (ПН, IV, 5), брат археолога-ориенталиста Павла Степановича Савельева; окончил Петербургский университет со степенью кандидата математических наук; участвовал в экспедиции 1841 г., снаряженной Академией Наук, сопровождая академика Ф. И. Рупрехта на Белое море и Ледовитый океан и занимаясь магнитными и географическими определениями; 14 июля 1845 г. получил степень магистра математических наук в Петербургском университете и 31 января 1846 г. определен был адъюнктом по кафедре физики и физической географии в Казанский университет (после Э. А. Кнорра); с 16 марта 1852 г.— доктор физики и химии (защита диссертации происходила при участии Н. И. Лобачевского); 21 мая 1854 г.— о. профессор, но не был утвержден и 13 марта 1855 г. перемещен в Москву, в Константиновский межевой институт; с 1857 г. преподавал в разных военно-учебных заведениях в Петербурге, где и умер (Загоскин, Словарь, I, 478—479; РБС; Э. П. Янишевский, стр. 25; из краткого отчета о заседании Казанского общества любителей отечественной словесности, происходившего 24 января 1850 г., на котором А. С. Савельев читал свой доклад «Остров Колгуев», видно, что это заседание посетил Н. И. Лобачевский как почетный член Общества (КГВ [30 января 1850], № 5, стр. 31). 516, 537, 539, 602, 603, 653.

Савельев, Виктор Константинович (р. 1 апреля 1810, ум. 27 марта 1882); известный нумизмат и археолог; и. д. казначея Правления Казанского университета с 1 мая по 1 июня 1864 г. и с 30 июня 1875 г.; утвержден в должности с 28 августа того же года и исполнял его по день своей смерти (М, 1, 2, стр. 581 и 1086). Одно время (с 1 мая 1866 по 28 августа 1875) был секретарем Правления того же университета (там же, стр. 1085). См. о нем: Агафонов, I, стр. 99; Зав. Вив., стр. 40; РБС; Д. Д. Языков, вып. II стр. 42.— Стр. 667, 670—672, 675.

Саккери, Иероним (ум. 1733), итальянский ученый, автор сочинения: «Euclides ab omni naevo vindicatus, sive conatus geometricus quo stabiliuntur prima, ipsa universae geometriae principia, Auctore Hieronimo Saccherio, Societate Jesu in Ticinensi Universitate Matheseos Professore», in 4°, XVI + 142 стр. О Саккери известно очень мало; он преподавал математику в Миланском университете с 1697 г. и умер в самый год издания своей книги, в которой он с «необыкновенною ясностию и простотою поставил основные вопросы теории параллельных линий», но не имел смелости Н. И. Лобачевского и пытался доказать Эвклидов постулат, основываясь на неверных соображениях о бесконечно малых величинах (см. А. В. Васильев, Иезуит Саккери — итальянский предшественник Лобачевского, Казань, 1893, 5 стр., а также Paul Stäckel, «Wolfgang und Johann Bolyai Geometrische Untersuchungen mit Unterstützung der Ungarischen Akademie der Wissenschaften», Erster Theil, Leipzig und Berlin, 1913, SS. 43, 47, 76, 220, 221, 234. Ср.: В. Ф. Каган, «Лобачевский», Л.—М., 1944, стр. 276—279). 531.

Салтыков, Михаил Александрович (р. 10 июня 1767, ум. 6 апреля 1851), сын и племянник вольтерианцев А. М. и Б. М. Салтыковых, в молодости член «Арзамаса»; сенатор; с 26 сентября 1812 г. по 4 августа 1818 г. состоял попечителем Казанского учебного округа (Загоскин, Словарь, II, 404); его детям Софии и Михаилу давал уроки Н. И. Лобачевский, который при содействии Салтыкова избран был в э. профессоры; дочь Салтыкова, София Михайловна, вышла впоследствии замуж за поэта бар. А. А. Дельвига (см.), а после его смерти (1831) за брата поэта Е. А. Баратынского — Сергея Абрамовича, которые были казанскими помещиками. О самом Салтыкове и его дочери см. МН, III, 70; Долгоруков, ч. II, стр. 79 и 80—81; РБС; Загоскин, История, I, стр. 407—412 и др.; Н. Н. Булич, т. II, 2-е, изд. СПб., 1904, стр. 615—635 и др.; Б. Л. Модзалевский, Роман декабриста Каховского, Л., 1926, стр. 8—15 (первоначально в «Былом», 1924, № 26, стр. 3—7 и др.) и в его же книге «Пушкин», Л., 1929, по указателю. 58, 59, 65—68, 71—73, 75, 76, 81, 82, 250, 663.

Салтыков (Щедрин), Михаил Евграфович (р. 15 января 1826, ум. 28 апреля 1889),

писатель-сатирик (ПН, IV, 20); в 1850—1856 гг. — советник Вятского губернского правления; 2 октября 1854 г. избран в члены-корреспонденты Казанского экономического общества в заседании под председательством Н. И. Лобачевского (ЗКЭО, год второй, ч. 1, кн. 1, январь 1855, отд. I, стр. 25); в статье М. Я. Киттары, «Вятская выставка сельских произведений в 1854 году» сообщается, что М. Е. Салтыков был членом Особого Комитета этой выставки и распорядителем выставки по назначению Комитета (там же, год второй, ч. 1, кн. 1, январь 1855, стр. 2). 20, 546.

Самсонов, Доримедонт Петрович (р. 1793, ум. 21 сентября 1822); образование получил в Казанский гимназии (1805—1807) и в Казанском университете, где был товарищем Н. И. Лобачевского, с 10 июля 1807 г.; курс окончил 23 августа 1811 г. со степенью магистра словесности (М, I, 1, стр. 16, 25); с 5 ноября 1812 г. по 17 сентября 1813 г. был учителем латинского гимназического класса; 17 сентября 1813 г. был командирован для усовершенствования в науках в Московский университет, откуда возвратился 14 июня 1815 г.; с 1817 г.— учитель латинского, а затем русского языков в Казанской гимназии, а в 1817—1818 г. — помощник инспектора студентов. Весною 1818 г. безуспешно домогался звания адъюнкта. 19 ноября 1820 г. был по прошению уволен из университета (там же, стр. 85; Загоскин, Словарь, I, 158—159; Загоскин, История, II стр. 62—66; Н. Н. Булич, I, стр. 520, 523—524). В «Московском Некрополе» (т. III, стр. 74) указан «Самсонов, Доримедонт Григорьевич, адъюнкт, ум. 21 сентября 1822, 32 л. (Ваганьково. — Сообщено Н. А. Скворцовым)». Вероятно это — Доримедонт Петрович Самсонов, даты жизни которого примерно совпадают с известными биографическими сведениями о нем. О Самсонове см. также в статье П. Пономарева «К вопросу о женском образовании в Казани в начале XIX века» (ВВ, 25 января 1897, 23, стр. 2). 40, 45, 46, 48, 50, 87, 88, 90.

Сапожников, Григорий Никитич, штатный смотритель Симбирского уездного училища в 1836 г. (Месяцослов на 1836 год, ч. I, стр. 578). 376.

Сарюс, математик. 580.

Сбоев, Василий Афанасьевич (р. 21 марта 1810, ум. 8 июня 1855), казанский этнограф; адъюнкт русской словесности в Казанском университете; окончил в 1829 г. Казанскую духовную семинарию, а затем Петербургскую духовную Академию со степенью кандидата и определился учителем церковной истории и греческого языка в Казанскую духовную семинарию (1833); с 17 сентября 1840 г. — учитель Симбирской гимназии; 20 февраля 1841 г. получил от Казанского университета степень магистра российской и славянской словесности и 31 декабря того же года по избранию Совета назначен был и. д. адъюнкта Казанского университета (утвержден 12 марта 1843). Уволился из университета по прошению 29 ноября 1850 г. (Загоскин, Словарь, I, 159—160). Биографические сведения и список трудов Сбоева см.: Н. Я. Агафонов, К биографии В. А. Сбоева в его книге «Из Казанской истории», Казань, 1906, стр. 205—208; Агафонов, I, стр. 43. Характеристика деятельности: А. М[артынов], Отрывки из студенческих воспоминаний («Северная Пчела», 2 декабря 1860, № 269, стр. 1126); Э. П. Янишевский, стр. 63—64.—Стр. 440—442, 460, 462, 522, 527.

Сведенцов Иван Семенович; состоял студентом Казанского университета с 21 августа 1824 г. до 28 июня 1827 г., который окончил с серебряной медалью кандидатом по словесному отделению и получил затем золотую медаль; кандидатом был до 2 марта 1828 г., когда назначен был учителем Нижегородской гимназии (М, I, 1, стр. 111 и 129); кандидатский стаж проходил одновременно с двумя братьями будущей жены Н. И. Лобачевского — В. А. и Н. А. Моисеевыми (там же, стр. 129). 229.

Свистунова, Мария (Магдалина) Алексеевна, р. Ржевская (р. 1778, ум. 1 сентября 1866), вдова камергера Николая Петровича Свистунова (р. 1770, ум. 1815), мать декабриста П. Н. Свистунова (ЛР, II, 194; Долгоруков, ч. IV, стр. 33; «Русский некрополь в чужих краях», в. I, П., 1915, стр. 79; Алфавит декабристов, под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, Л., 1925, стр. 393). Продала в 1822 г. за 30.000 р. ассигнациями собрание минералов для Минералогического кабинета Казанского универ-

ситета. Об истории этого собрания и о покупке его подробно рассказано в книге А. А. Штукенберга, Материалы для истории Минералогического и Геологического кабинетов имп. Казанского университета 1805—1865, Казань, 1901, стр. 17—30. Здесь указывается, что в приемке этого собрания Свистуновой принимал участие Н. И. Лобачевский (стр. 22), и напечатано его официальное письмо к К. Ф. Фуксу от 24 октября 1835 (стр. 28) и ответ его Н. И. Лобачевскому (стр. 28—29). 159, 161.

Сгравезант, см. — Гравезанд.

Сент-Флоран, петербургский книгопродавец. 107.

Сежур, автор работ по кометной астрономии. 472.

Сергеев, Петр Сергеевич (ум. 29 мая 1860), профессор законов государственного благоустройства и благочиния в Казанском университете, сын поручика С. И. Родванского от брака его с Любовью Ивановной Денисович, впоследствии расторгнутого, вследствие чего П. С. Сергееву была присвоена настоящая фамилия. Образование получил в Смоленской гимназии (1806) и в Главном педагогическом институте; по окончании его преподавал в благородном пансионе Петербургского университета и в Петербургской губернской гимназии. 16 апреля 1823 г. утвержден профессором Казанского университета по представлению М. Л. Магницкого и без избрания в Совете университета; с 24 октября того же года преподавал философию; с 13 февраля 1824 г. (до декабря 1824) — секретарь Совета; одновременно (1823 — 1825) состоял библиотекарем университета; с 31 мая 1824 г.—о. профессор философии с назначением (11 июля) адъюнктом правоведения, а 1 августа 1837 г. по новому уставу 1835 г. утвержден о. профессором по кафедре законов государственного благоустройства и благочиния. Был деканом юридического факультета с 18 июня 1829 г. по сентябрь 1834 г. и с 19 июня 1835 г. до своего увольнения, последовавшего в январе 1844 г. (Загоскин, Словарь, II, 71—72). О нем см. в статье П. Головачева «Дело о философии Круга» (к характеристике казанских профессоров эпохи Магницкого) в РС, 1904, № 8, стр. 340—341 (донесение П. С. Сергеева 7 ноября 1826), 351. В этом деле пришлось участвовать и Н. И. Лобачевскому как члену комитета по расмотрению 1 части «философии» Круга (там же, стр. 347—348); дело это возникло по доносу проф. Я. М. Караблинова (см.) на П. С. Сергеева. Женат был первым браком на дочери казанского полицмейстера Екатерине Андреевне Стан, а вторым браком на двоюродной сестре академика А. М. Бутлерова — Надежде Ивановне Бутлеровой. Подробные биографические сведения о Сергееве см. в Зав. Вив. Ю., стр. 48—50. Характеристику его профессорской деятельности см. в записках Н. И. Мамаева (ИВ, 1901, № 1, стр. 61 и 68). 233, 236, 238, 243, 244, 252, 268, 277, 341, 417—419, 494, 631.

Сидоров, Дмитрий Васильевич, студент Казанского университета с 14 февраля 1809 г., курс которого окончил со степенью кандидата 6 ноября 1813 г.; 13 ноября того же года по прошению был уволен из университета (М, I, 1, стр. 19 и 39). 45, 48.

Симбирский, Яков Андреевич, 1814 г. — канцелярист конторы Казанской гимназии; с 18 по 27 ноября 1818 и. д. кассира Казанского университета (М, I, 1, стр. 211), а с 14 ноября 1819 г. по 3 мая 1820 г. и. д. повытчика того же университета (там же, стр. 213). 59, 78, 81, 82, 86, 94.

Симмер. 314.

Симонов, Григорий Егорович, в 1807 г. — казанский полицмейстер. 42—43.

Симонов, Иван Михайлович (род. 20 июня 1794, ум. 10 января 1855), профессор Казанского университета по кафедре астрономии, ученик проф. И. А. Литтрова (см.). Первоначальное образование получил в Астраханской гимназии (1808), а затем в Казанской гимназии; в Казанский университет поступил 14 февраля 1809; окончил курс со степенью магистра 24 июня 1812 г. (М, I, 1, стр. 19); с 26 марта 1814 г.—адъюнкт физико-математических наук; с 7 июля 1816 г.— э. профессор; 25 февраля избран и 24 мая 1822 г. утвержден в звании о. профессора. Неоднократно нес административные обязанности: декана физико-математического факультета с 27 мая 1822 г. по май 1823 г.; с 21 августа 1825 г. по июль 1827 г. и с 7 июля 1828 г. по июнь 1830 г.; с 7 февраля 1831 г. по 31 июля

1833 г.; состоял инспектором студентов Казанского университета (М, I, 1, стр. 214); с 27 ноября 1846 г. (утвержден 21 января 1847)—ректор университета по день смерти; за выдающиеся научные труды по астрономии избран был 29 декабря 1829 г. членом-корреспондентом Академии Наук и впоследствии претендовал на звание академика. Жизнь Симонова, также как и Лобачевского, прошла полностью в стенах Казанского университета, начиная с учебных лет; он одновременно с Лобачевским продвигался по служебной лестнице, почему их имена очень часто одновременно упоминаются как в документах, так и в печати. Громкое ученое имя Симонов составил себе как путешественник, совершивший кругосветное плавание на шлюпе «Открытие» под командой известного адмирала Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева в 1819—1821 гг. По возвращении он произнес речь, выпущенную отдельным изданием, под заглавием: «Слово о успехах плавания шлюпов Востока и Мирного около света и особенно в Южном Ледовитом море, в 1819, 1820 и 1821 годах, произнесенное в торжественном собрании императорского Казанского университета июля 7 дня 1822-го года профессором и кавалером Симоновым», Казань, 1822, 59 стр. Затем Симонов неоднократно бывал за границей, где завязал научные связи с рядом выдающихся ученых Западной Европы; между прочим, последнее путешествие описано им в сочинении «Записки и воспоминания о путешествии по Англии, Франции, Бельгии и Германии в 1842 году», Казань, 1844. Биографические сведения о нем и список его научных трудов см.: Загоскин, Словарь I, 482—493; Загоскин, История, I, стр. 306—308 и РБС; Никанор, стр. 13 и 31; Агафонов. I, стр. 101; Агафонов, II, стр. 112—113. В отчете о заседании Казанского общества любителей отечественной словесности, происходившем 2 ноября 1848 г., на котором И. М. Симонов сделал доклад «Об успехах мореплавания вообще и преимущественно о кругосветных путешествиях, совершенных русскими», говорится, что это заседание «удостоено было присутствием гг. почетных членов Общества, попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова и помощника его Н. И. Лобачевского» (КГВ [22 ноября 1848], № 47, стр. 422). Об участии Симонова на вечерах А. А. Фукс см. в РС, 1904, № 6, стр. 505; № 7, стр. 14—18. Некрологи И. М. Симонова помещены: в КГВ, 17 января 1855, № 3, стр. 12; ЖМНП, 1855, № 4, апрель, отд. II. Разные известия; Месяцослов на 1856 год. Характеристику как человека и ректора см.: П. Д. Боборыкин, стр. 55, 58; «Etudes sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie par le Baron Auguste de Haxthausen»; édition française. Premier volume, Hanovre, 1847, p. 449, где Симонов назван Sémenow'ым (Гакстгаузен посетил Казанский университет в июне 1842 г.); «Воспоминания о пережитом доктора А. И. Ильинского» (РС, 1894, № 3, стр. 39—40); В. А. Лебедев, Учебные воспоминания (РС, 1908, № 7. стр. 26; 1908 № 11 стр. 463, о смерти Симонова); письмо С. А. Юрьевича к жене из Казани 22 июня 1837 (РА, 1887, кн. II, стр. 52; Э. П. Янишевский, стр. 26—28, 54, 94; о знакомстве Симонова с И. А. Второвым см. Второв, август, стр. 580—581. — Стр. 10, 13, 16, 17, 42, 47, 49—51, 54—56, 58—60, 62, 65—78, 78—80, 82—85, 93—95, 106, 109, 111, 113, 116—118, 121—144, 148—150, 152, 158, 159, 168, 189, 192, 195—196, 221—222, 224, 236, 242, 244, 245, 247, 250, 259, 264— 66, 277, 282, 289, 299, 304, 306, 307, 337, 340, 341, 354, 370, 371, 373, 374, 389, 390, 409—410, 416—420, 423—427, 430, 439, 441, 447, 448, 456, 463, 467, 469, 487, 493, 506, 508, 511—517, 519, 524, 527, 528, 537, 539—540, 549, 555, 578, 599, 600, 607, 613 621, 622, 626, 631, 632, 647, 648, 651, 656, 658, 664.

Симонова, Марфа Павловна, (р. 29 апреля 1809, ум. 2 февраля 1840), дочь Астраханского губернского предводителя дворянства (1828—1830) полковника Павла Ивановича Максимовича (С. Любимов, стр. 7), жена (с 1826) проф. И. М. Симонова (см)., который имел от нее четырех детей: сыновей Александра (р. 27 июня 1829) и Николая (р. 22 мая 1831) и дочерей Софию (р. 25 июля 1832) и Аглаиду (р. 10 апреля 1836). Из них София Ивановна Симонова училась в Казанском Родионовском институте благородных девиц вместе с сестрою Л. Н. Толстого графинею Марией Николаевной Толстой, и Л. Н. Толстой знал ее по Казани. С. И. Симонова впоследствии вышла замуж

за известного синолога, проф. Казанского университета и академика В. П. Васильева (см.), отца проф. А. В. Васильева, так много сделавшего для изучения жизни и деятельности Н. И. Лобачевского (см. Никанор, стр. 13). Аглаида (Адель) Ивановна Симонова (по мужу Гамазова) также была знакома с Л. Н. Толстым и состояла с ним в переписке (см. ШТ, стр. 100, примеч. 3). О М. П. Симоновой см.: Никанор, стр. 13 и 31, Агафонов, I, стр. 101; сведения о детях И. М. и М. П. Симоновых в КРК, ч. III. Портрет М. П. Симоновой работы Р. А. Ступина, 1838 г. см. в книге П. Е. Корнилова «Арзамасская школа живописи первой половины XIX века», Л.—М., 1947, стр. 72 (ср. стр. 76). 282, 306, 337, 649.

Скальницкий, Николай, понамарь Казанской Богоявленской церкви. 538, 583.

Скандовский, Никанор Алексеевич (р. 1798, ум. 20 августа 1867), профессор Казанского университета по кафедре терапевтической клиники, душевных болезней и патологической семиотики. Образование получил в Казанском университете с 22 августа 1821 г.; курс окончил со званием лекаря 1 отделения 14 сентября 1825 г. и 15 июля 1828 г. был командирован в Дерптский университет (М, I, 1, стр. 93, 114 и 129). После выдержания особого испытания при Академии Наук 30 ноября 1832 г. он получил степень доктора медицины от Дерптского университета; ездил для усовершенствования в науках за границу и 7 августа 1835 г. был определен в Казанский университет преподавателем медицины; 1 августа 1837 г. утвержден о. профессором; в 1838—1839 учебном году преподавал ветеринарную медицину, а в 1844—1845 учебном году — частную патологию и терапию; с 26 октября 1845 стал преподавать медицину в Казанской духовной семинарии. 1 апреля 1861 г. назначен директором терапевтической госпитальной клиники; с 27 декабря 1862 г.— заслуженный профессор; уволен от службы был 5 августа 1863 г.; в 1864 г. избран почетным членом университета (Загоскин, Словарь, II, 319—321; ср. Агафонов, I, стр. 101; Загоскин, История, IV, стр. 121). О нем см.: «Воспоминание о докторе Никаноре Алексеевиче Скандовском» в «Известиях по Казанской епархии» (1867, № 19, стр. 533—538), воспоминания Э. П. Янишевского (стр. 49—50), «Воспоминания о пережитом доктора А. И. Ильинского» (РС, 1894, № 4, стр. 11—13). Был женат на сестре поэта Л. Н. Ибрагимова (см.) (Н. Я. Агафонов, Записи, № 216, стр. 992). 239, 417, 418, 420, 500, 600, 609, 610.

Скворцов, Михаил Васильевич (р. 1791, дата смерти неизвестна), адъюнкт российской словесности Казанского университета. Первоначальное образование получил в Казанской духовной академии и затем был учителем русского и французского языков (1811 г.); студент Казанского университета с 29 октября 1813 г., курс которого окончил 27 октября 1815 г. со степенью кандидата российской словесности; 12 мая 1816 г. определен учителем Симбирской гимназии (М, I, 1, стр. 40 и 54), а 6 февраля 1820 г. — главным надзирателем Казанской гимназии и учителем высшего российского класса и логики. С 15 декабря 1820 г. — адъюнкт Казанского университета и 25 февраля 1822 г. избран э. профессором, но утвержден не был за незначительностью избирательных шаров; 23 апреля 1823 г. был перемещен адъюнктом философии, но уже 31 июля того же года был уволен из университета с определением на службу в Департамент народного просвещения (Загоскин, Словарь, I, 160). 127.

Скобелев, Иван Никитич (р. 2 июня 1782, ум. 19 февраля 1849), генерал-от-инфантерии, комендант Петропавловской крепости; писатель, автор политического доноса на А. С. Пушкина; в 1836 г. сопровождал Николая I при проезде его через Казань и посетил Казанский университет (ПН, IV, 90 и РБС). 500.

Скотт, Вальтер (р. 1771, ум. 1831), шотландский романист. В начале 1830-х годов исторические романы его получили широкое распространение; ими увлекался в эти годы и Пушкин. Авторитетный знаток творчества Вальтер Скотта, ныне покойный Д. П. Якубович, сообщает, например, что в России к июлю 1830 г. было уже 35 переводов из шотландского поэта, правда, «большею частью безобразных и чудовищных», по выражению В. Г. Белинского (см.: Д. П. Якубович, Предисловие к «Повестям Белкина» и повествовательные приемы Вальтер Скотта,

сб. статей «Пушкин в мировой литературе», Л., 1926, стр. 166, а также его же статью «Реминисценции из Вольтер Скотта в „Повестях Белкина“», в сборнике ПС, в. XXXVII, стр. 100, 103 и др.). Наиболее культурный читатель, владевший языками, знакомился с произведениями Вальтер Скотта в оригинале или в распространенных французских переводах, которые были и у русских читателей. Н. А. Моисеев (см.), сам преподававший французский язык в Казанском университете, несомненно следивший за новинками текущей западно-европейской литературы, читал Н. И. Лобачевскому на обратном пути из имения М. Н. Мусина-Пушкина, села Бездны (см.) один из романов В. Скотта (какой — сказать трудно) несомненно во французском издании. Интерес Н. А. Моисеева к творчеству В. Скотта свидетельствует о его незаурядных литературных вкусах и отчасти приоткрывает круг литературных интересов и самого Н. И. Лобачевского. 294.

Славянский, Михаил Иванович (р. 7 ноября 1823, ум. 9 мая 1873), адъюнкт Казанского университета по кафедре всеобщей истории; окончил Петербургскую губернскую гимназию и Главный педагогический институт; получил в Петербургском университете степень магистра русской истории и 22 мая 1847 г. определен был и. д. адъюнкта в Казанский университет (утвержден 27 июня того же года). 10 октября 1857 г. был уволен из университета и перешел на службу в Комиссариатский департамент (ПН, IV, 97; Загоскин, Словарь, I, 160—161). Характеристику его как адъюнкта см. у П. Д. Боборыкина, стр. 61 и Д. А. Корсакова, стр. 26—27 (о студенческих песнях). 577.

Сластников, Семен Иванович, студент-математик Казанского университета с 18 августа 1873 г. по 23 мая 1877 г., курс которого окончил со званием действительного студента; с 3 сентября 1877 г.—кандидат и с 14 октября того же года—учитель Сызранского реального училища (М, I, 2, стр. 771, 864 и 865); автор воспоминаний «Университетские старцы (из воспоминаний Казанского студента)», напечатанных в РС, 1895, № 8, стр. 157—167. Его неопубликованная характеристика, данная директором Вольского реального училища В. Можайским, куда Сластников был переведен учителем в 1882 г. из Сызрани, в копии у Н. Я. Агафонова (Записи, № 216, стр. 77—78). Из нее видно, что Сластников был корреспондентом «Нового Времени». 662.

Слободка, см. — Беловежская слободка.

Словцов, Петр Андреевич, сибирский историк, директор народных училищ Иркутской губернии и директор Иркутской гимназии (1816); в 1820 г. — визитатор Казанского учебного округа (РБС). 73.

Смирнов, купец (?), 503.

Смоленцев, домовладелец. 677.

Соймонов, Николай Александрович (р. 24 ноября 1828, ум. 5 декабря 1868), секретарь Казанского дворянства (ЛР, II, стр. 239). 583.

Соколов, надворный советник. 51.

Соколов, директор Казанской гимназии, разжалованный в солдаты 262.

Соколов, Александр, вольнослушатель Казанского университета с 27 августа 1831 (М, I, 1, стр. 161), товарищ Н. Ф. Ворожцова (см.). 667.

Солнцев, Гавриил Ильич (р. 22 марта 1786, ум. 29 ноября 1866), профессор Казанского университета по кафедре прав знатнейших древних и новых народов. Казанский губернский прокурор. Образование получил в Орловском народном училище и в Орловской духовной семинарии, слушал лекции в Московском университете и служил затем в Орловском губернском правлении (1807), а затем в канцелярии седьмого (Московского) департамента Правительствующего Сената. Будучи в Казани в 1814 г., возведен в степень магистра, а затем и доктора прав (2 декабря 1814) при Казанском университете; с 9 июня 1815 г. — э. профессор, а с 23 июля 1817 г. — о. профессор; с 3 июня 1818 г. по июнь 1819 г. — декан Отделения нравственно-политических наук; одно время исполнял обязанности проректора университета (с 30 декабря 1818 по октябрь 1819) и был ректором университета с 29 октября 1819 г.

С назначением М. Л. Магницкого попечителем университета у Солнцева возникли недоразумения в связи с преподаванием естественного права. Эти недоразумения окончились известным университетским судом над Г. И. Солнцевым (1821—1823) и увольнением его из университета весною 1823 г.; с лета 1824 г. Солнцев состоял (до половины 1844 г.) Казанским губернским прокурором (Загоскин, Словарь, II, 74—76; Агафонов, I, стр. 102 и особенно в статье Н. Я. Агафонова, «Гавриил Ильич Солнцев (из рукописи под заглавием „Старые люди Казани")» в его книге «Из Казанской истории», Казань, 1906, стр. 40—48 (первоначально в ВВ, 1 ноября 1890, № 268); архим. Гавриил, История философии, ч. VI, Казань, 1840, стр. 98—114; Загоскин, История, II, стр. 23—32; РБС). Характеристика как человека и профессора: П. П. Суворов, Записки о прошлом, ч. I, М., 1899, стр. 11—15 и др.; «Воспоминания В. В. Берви» в «Голосе минувшего», 1915, № 3, стр. 149—150; И. И. Михайлов, Казанская старина (РС, 1899, № 10, стр. 103—107, 112); в биографии Н. И. Второва (РА, 1877, кн. II, стр. 150). Специально об университетском деле Г. И. Солнцева, в котором некоторое участие по поручению М. Л. Магницкого принимал участие и Н. И. Лобачевский, см. в работе Н. Н. Булича, «Университетский суд над профессором Солнцевым во время попечительства Магницкого (Материалы для истории Казанского университета)» в «Ученых Записках имп. Казанского университета по Отделению историко-филологических и политико-юридических наук», 1864, Казань, 1866, стр. 267 — 288. Здесь, на основании документов архива Казанского университета, сообщается, что в заседании Совета университета 3 июля 1822 г. Н. И. Лобачевскому и трем адъюнктам, Булыгину, Баженову и Васильеву, было поручено сличить рукопись лекций Солнцева, вызвавших подозрение в их политической благонадежности, по мнению Г. Н. Городчанинова и В. И. Тимьянского (стр. 272—277), с тетрадями слушавших лекции Солнцева студентов и донести Совету о том, «ежели найдут какие-либо различия» (стр. 277). Комиссия выполнила возложенное на нее поручение и к следующему заседанию Совета 29 июля приготовила свое донесение, из которого оказалось, что рукопись, представленная Солнцевым, во многом была непохожа на тетради студентов, «различающиеся в свою очередь между собою большею или меньшею полнотою» (стр. 277—278). О суде над Солнцевым и об участии Н. И. Лобачевского в сличении его лекций см. также в работе проф. В. Ф. Залеского «К столетию императорского Казанского университета (1804—1904)» в ЖМНП, ч. CCCL, 1903, № 11, отд. 2, стр. 75, и др.; Загоскин, История, III, стр 506—541. — Стр. 10, 67, 68—72, 92—96, 101, 614, 663.

София Матвеевна (Соничка, Софинька), см. — Великопольская.

София Харитоновна, см.—Мудрова.

Сперанский, Михаил Михайлович, граф (р. 1 января 1772, ум. 11 февраля 1839), государственный деятель (ПН, IV, 148; РБС). Совершая путешествие в Сибирь, Сперанский проездом был 12 мая 1819 г. в Казани и посетил Казанский университет. На обратном пути он вторично побывал в университете 18 февраля 1821 г. Об этом посещении (18 февраля) Казанского университета официальное сообщение опубликовано в ПКВ (6 марта 1821, № 9, стр. 45—46). Сам Сперанский о первом посещении университета записал в своем дневнике 12 мая 1819 г. следующее: «Обозрение университета. Библиотека прекрасная, она составлена из остатков библиотеки князя Потемкина, в которую влилась прекрасная библиотека Евгения Болгара, из библиотеки, купленной у Франка, и небольшой библиотеки, подаренной помещиком [В. И.] Полянским, жившим долгое время во Франции и знакомым с Вольтером. Примечательнейшие суть: 1) книги греческие, в числе коих есть прекрасные оксфордские издания классиков; богословская часть довольно сильна, а особливо patres; 2) voyages pittoresques разных родов. Древностей нет, кроме Острожской Библии. Обыкновенные кабинеты недостаточны, кроме электрической машины с весьма обширными приборами, сделанной и подаренной Турчаниновым. Университет весьма поместителен. Обсерватория ничтожная. Профессор один: Фукс. Чудо! Проректор Солнцев говорит по-латыни, и изрядно!» («В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772—1839» [под ред. А. Ф. Бычкова],

СПб., 1872, стр. 10 — 11; то же: бар. М. А. Корф, Жизнь графа Сперанского, т. II, СПб., 1861, стр. 189 — 190). На следующий день (13 мая) Сперанский писал кн. А. Н. Голицину: «Вчера, по приглашению университетского здешнего начальства, осматривал я его заведения. Библиотека прекрасная и обильная, кабинеты недостаточны; но число профессоров еще недостаточнее. О достоинстве их судить не могу; но знаю, что профессор Фукс мог бы сделать собою честь и самому древнему университету. Впрочем, нельзя строго судить, строго и много требовать от заведений, кои и в других государствах возрастают и усовершенствуются веками» (там же, стр. 150—151); ср. еще запись в его дневнике на обратном пути из Сибири 18 февраля 1821 г.: «Посещение университета: Хозяйство в порядке. Учебная часть тоже. Недостаток учебных книг. Сильнейшая часть есть математика» (там же, стр. 93). Последний отзыв несомненно касается Н. И. Лобачевского. О посещении М. М. Сперанским университета см. еще в СК, стр. 229; Второв, июль, 73.—Стр. 663.

Срезневский, Иосиф (Осип) Евсеевич (р. 1780, ум. после 1828 г.), дядя академика И. И. Срезневского, профессор Казанского университета по кафедре философии и преподаватель естественного права. Окончил Петербургский главный педагогический институт и с 23 июня 1811 г. назначен кандидатом юридических наук. С 10 июля 1812 г. — магистр философии; с 28 июня 1815 г. (утвержден 23 июля) — адъюнкт философии; с 1 июня 1817 г. — профессор. Был уволен из университета 5 августа 1819 г. при массовом увольнении профессоров М. Л. Магницким и собирался перейти на кафедру русской истории, географии и статистики в Харьковский университет, но принят не был ввиду аттестации Магницкого. С 1820 г. по 1824 г. был преподавателем словесности в артиллерийском училище, а затем монастырским послушником и монахом одного из монастырей Калужской епархии (Загоскин, Словарь, I, 167—168 и II, 76; Загоскин, История, I, стр. 297—299; РБС). 83, 87, 88, 92.

Стежинский, Андрей, секретарь Казанской консистории (1836). 382, 383.

Степанов, Сергей Васильевич, член-корреспондент и сотрудник Казанского экономического общества с 1854 г. (ЗКЭО, год второй, ч. 1, кн. 1, январь 1855, отд. I, стр. 25). 546.

Стог, Алексей Данилович (р. 17 марта 1778, ум. 14 июля 1837), сенатор с 5 октября 1831 (Мурзанов, стр. 45). 356.

Столыпин, Александр Алексеевич (р. 1774), бывший адъютант генералиссимуса А. В. Суворова; в 1836 г. почетный смотритель Симбирской гимназии (Месяцослов на 1836 год, ч. I, стр. 577; Руммель, II, стр. 415), родной брат бабки М. Ю. Лермонтова — Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, р. Столыпиной (р. 1760, ум. 1845). 375.

Сторль, Максимилиан-Викентий-Людовик (р. 1761, ум. 27 января 1813), профессор греческого языка и словесности Казанского университета. Был первым библиотекарем университета с 8 ноября 1806 г. по день смерти (М, I, 1, стр. 44 и Загоскин, Словарь, I, 168—169; Загоскин, История I, стр. 110—112 и др.). 230, 233.

Страхов, Петр Иванович (р. 1757, ум. 12 февраля 1813), профессор физики Московского университета. В 1803—1804 гг. читал публичные лекции по опытной физике «с показанием новейших опытов над газами, гальванизмом и проч.» (Ш, ч. II, стр. 442 — 466; РБС). 306.

Стрекалов, Степан Степанович (р. 1782, ум. 25 ноября 1856), генерал-лейтенант, генерал-адъютант (с 14 декабря 1825); с 1828 г. был Тифлисским военным губернатором и управляющим гражданской частью в Грузии (ПН, III, 163), организатор политической слежки за А. С. Пушкиным в 1829 г. на Кавказе. 25 июля 1831 г. был переведен губернатором в Казань, сменив в этой должности барона А. К. Пирха (Пупарев стр. 387), но в Казань прибыл 13 марта 1832 г. (Н. Я. Агафонов, Записи, № 226, стр. 221). Казанским губернатором Стрекалов оставался до 15 декабря 1841, когда был назначен сенатором (Мурзанов, стр. 45). Характеристику его деятельности в Казани см.: «Воспоминания старожила» — «Губернатор доброго старого времени» (РС, 1907, № 7, стр. 190—196); А. А. Малышев. В старые годы. Из воспоминаний Казанского старо-

жила (КВК, 30 декабря 1895, № 3, стр. 2 и 5 января 1896, № 8, стр. 3). От брака с Екатериной Васильевной Давыдовой имел дочерей: Александру (замужем за гвардии штаб-ротмистром Н. М. Терениным), Елисавету (за Валерианом Николаевичем Дьяковым — Савелов, стр. 522), Марию (за богатым казанским помещиком Александром Евграфовичем Лебедевым — Д. А. Корсаков, стр. 30—32) и Екатерину (за Козловым — Н. Я. Агафонов, Записи, № 216, стр. 881 и 882). О Стрекалове и его семье см.: И. И. Михайлов, Казанская старина (PC, 1899, № 10, стр. 100—103); письмо С. А. Юрьевича к жене из Казани 22 июня 1837 г. (РА, 1887, кн. II, стр. 53). 291, 390, 541.

Стрекалова, Надежда Евдокимовна, р. Купреянова, вторая жена С. С. Стрекалова, см. — Брандорф.

Стрелков, Николай Николаевич (ум. 19 июля 1811); один из первых студентов Казанского университета, с 9 июля 1805 г.; с 1 мая 1808 г. — студент на жалованье по день смерти (М, I, 1, стр, 10, 19 и 25). 38—39.

Строганов, Александр Григорьевич, граф (р. 31 декабря, 1795, ум. 2 августа 1891) генерал-адъютант, член Государственного Совета; в 1836 г. сопровождал Николая I при проезде его через Казань и посетил Казанский университет (РБС, Прил. к Отчету Государственного Совета за 1891 год, стр. 25—28). 500.

Строганов, Григорий Александрович, граф (р. 13 сентября 1770, ум. 7 января 1857), дипломат, обер-шенк, обер-камергер, председатель Попечительного комитета детских приютов (ПН, т. IV, стр. 183, РБС). 487.

Струве, Василий Яковлевич (р. 4 (15) апреля 1793, ум. 11 ноября 1864), известный астроном, о. академик Академии Наук (с 18 января 1832), основатель и первый директор Пулковской обсерватории (с 1839); выбыл из Академии Наук 21 декабря 1861 и состоял затем почетным ее членом (Б. Модзалевский, стр. 40 и др.; РБС; ПН, IV, 187). 439, 458, 463, 511, 520.

Струве, Оттон Васильевич (р. 25 апреля 1819, ум. 1 апреля 1905), сын академика В. Я. Струве (см.), директор Пулковской обсерватории, академик с 1856 г. (Б. Модзалевский, стр. 51). Струве сообщил Энгелю об отрицательном отношении М. Ф. Бартельса к «остроумным спекуляциям» Лобачевского, как он называл в 1835 г. первые геометрические его сочинения (см. в книге Энгеля и в книге В. Ф. Кагана, стр. 275—276). 520.

Суворов, П.; в 1821—1823 гг. письмоводитель Совета Казанского университета. 111, 118, 130, 161.

Суворов, Прохор Игнатьевич (р. 27 июля 1750, ум. 17 января 1815), профессор высшей математики Московского университета и преподаватель Морского кадетского корпуса, член Российской Академии с 1783 г. Автор вместе с своим сослуживцем и другом В. Н. Никитиным (см.) перевода «Евклидовых стихий осьм книг, а именно: первая, вторая, третия, четвертая, пятая, шестая, одиннадцатая и двенадцатая. Переведены с греческого и поправлены», СПб., 1784; второе издание с прибавлением книг 13 и 14 вышло в 1789 г. (Б. Модзалевский, стр. 323; РБС; МН, III, 171 с эпитафией; М. И. Сухомлинов, История Российской Академии, вып. V, СПб., 1880, стр. 14—27, 299—307; Ш, ч. II, стр. 476—478). 156.

Суровцов, Григорий Степанович (р. 1786, ум. 1860), э. профессор российской словесности Казанского университета; о. профессором был избран 19 сентября 1829 г. (М, I, 1, стр. 140). С 27 августа 1824 г. по 16 сентября 1829 г. нес обязанности синдика Правления университета, по каковой должности, вероятно, был командирован в Ставрополь по делам университета (М, I, 1, стр. 211). В 1830 г. был командирован в Вятку для ревизии Вятской гимназии, директором которой состоял Федор Яковлевич Попов (см.), затем уволенный. О Суровцове см. Загоскин, Словарь, I, 174—175 и II, 81; РБС; Зав. Виз. Ю, стр. 54—56; записки Н. И. Мамаева (ИВ, 1901, № 1, стр. 67); воспоминания П. И. Мельникова (ИВ, 1884, № 9, стр. 505—507); в биографии Н. И. Второва (РА, 1877, II, стр. 151). Суровцов был секретарем Казанского общества любителей отечественной словесности. Женат был на Марии Михайловне Загур-

Тиле, Василий Леонтьевич (ум. в 1855), доктор медицины; в 1830 г. был инспектором Казанской врачебной управы (Месяцослов на 1830 год, ч. II, стр. 213); с 25 апреля 1836 г. по 21 января 1837 г. был преподавателем судебной медицины в Казанском университете (М, I, 1, стр. 199 и 225). 3 февраля 1837 г. оказался неизбранным при баллотировании в должность о. профессора медицинской полиции, гигиены, судебной медицины и токсикологии (Загоскин, Словарь, II, 542—543; Загоскин, История, III, 395); сотрудничал в «Заволжском Муравье» (1833). [1] Помещик Казанской губернии. С 1840 г. по 1855 г. состоял действительным членом Казанского экономического общества и является автором статьи «О заведении искусственных минеральных вод, открытом в Казани гг. Киттары и Грахе» (ЗКЭО, год второй, ч. 1, кн. 2, февраль, 1855, отд. III, стр. 102—105; ср. ч. 1, кн. 1, январь 1855, отд. I, стр. 25). Его сын от брака с Викторией Филипповной — Николай Васильевич Тиле (р. 1823, ум. 1893) — учился в Казанском университете (с 2 сентября 1839 по 25 мая 1842), который окончил с званием действительного студента и серебряной медалью; выбыл 23 октября 1842 г. (М, I, 1, стр. 236 и 274); затем (1848) состоял младшим чиновником особых поручений сверх штата при Казанском военном губернаторе И. А. Баратынском (см. Затворницкий, стр. 232) и в Казани же женился (в июле 1852) на племяннице попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова — Зинаиде Модестовне Молоствовой (р. 18 ноября 1828, ум. 10 февраля 1897), которою серьезно был увлечен во время своей жизни в Казани Л. Н. Толстой (Лодыженский, стр. 23; ШТ, стр. 110—123; ср. стр. 87; там же (стр. 120) говорится и об его отце В. Л. Тиле. О переводе В. Л. Тиле в Астрахань в 1831 г. сведений нет; возможно, что этот перевод был кратковременным. 292.

Тимьянский, Василий Ильич (р. 1791), профессор Казанского университета по кафедре естественной истории и ботаники; один из первых студентов этого университета вместе с С.Т. Аксаковым, который говорит о нем в своих знаменитых воспоминаниях («Семейная хроника и воспоминания С. Т. Аксакова», 8-е изд. М., 1895, стр. 367—369 и др.) — с 18 февраля 1805 г.; студент на жалованье с 21 октября 1808 г.; кандидат с 14 февраля 1809 г.; магистр физико-математических наук — с 29 марта 1811 г., а с 26 марта 1814 г. — адъюнкт естественной истории и ботаники (М, I, 1, стр. 9, 19, 24, 48); утвержден э. профессором 18 мая 1820 г., а 31 марта 1823 г. — о. профессором. Окончил свою профессорскую деятельность в начале 1824 г., так как назначен был в качестве естествоиспытателя на военный шлюп, который должен был в составе экспедиции отправиться в русские северо-американские владения; но эта экспедиция не состоялась, и шлюп «Смирный» вследствие бури дальше Норвегии не пошел. Тимьянский возвратился в Россию 17 мая 1825 г. и остался в Петербурге, выйдя в отставку (13 июля 1825); затем перешел на службу в строительный департамент морского министерства (Загоскин, Словарь, I, 509—511; Загоскин, История, I, стр. 281—283; РБС). В. И. Панаев, хорошо знавший В. И. Тимьянского, как своего товарища по университету, говорит в своих воспоминаниях, что именно вследствие этой неудачи с экспедицией «он оставил ученую службу» (ВЕ, 1867, т. IV, стр. 94). За время своей службы в Казанском университете он нес также и административные обязанности: с 7 ноября по 17 декабря 1820 г. и. д. секретаря Совета (М, I, 1, стр. 205) и с 13 мая 1814 г. по 20 октября 1821 г. был секретарем физико-математического отделения (там же, стр. 207); с 29 ноября 1820 г. по 12 октября 1822 г. — бессменный заседатель Правления университета (там же, стр. 211); одно время и. д. кассира (с 24 августа 1814 по 22 марта 1815) и был помощником инспектора с 26 ноября 1813 г. по 28 августа 1814 г. (там же, стр. 211 и 214). 58—60, 62, 63,

---

[1] Где поместил статью «Записка о причинах, по коим Казань принадлежит к городам, здоровью неблагоприятствующим» («Заволжский Муравей», 1833, № 19, октябрь, стр. 1077—1096 и № 20, октябрь, стр. 1130—1138).

Тресвятский, Сергей Андреевич, студент Казанского университета с 3 июля 1819 г.; курс окончил кандидатом 8 июля 1822 г. (М, I, 1, стр. 81) и 5 мая 1823 г. был по прошению уволен (там же, стр. 96); вновь принят кандидатом словесных наук 1 сентября 1825 г. (там же, стр.108) и в 1826—1827 учебном году «изъяснял» студентам латинских авторов (Загоскин, Словарь, I, стр. 177); 1 сентября 1827 г. назначен был штатным смотрителем Корсуньского уездного училища (М, I, 1, стр. 122). 198.

Трескин, судья в Казани (1821). 111.

Третьяков, Дмитрий Дмитриевич, студент Казанского университета с 14 августа 1819 г., окончил курс 6 июля 1823 г., со званием действительного студента; выбыл 25 октября 1823 г. (М, I, 1, стр. 81 и 102) и затем (с 1825) служил корнетом л.-гв. Уланского полка (В. Крестовский, История л.-гв. Уланского полка, прил. стр. 105); или Иван Андреевич Третьяков, также студент Казанского университета с 14 августа 1819 г., курс которого не окончил, и 6 июля 1822 г. был по прошению уволен (там же, стр. 81). Какой из них был студентом-математиком, сказать затруднительно. 118.

Трофимов, Виктор Петрович, в 1842 г. — учитель математики низших классов Пензенской гимназии (Адрес-календарь на 1843 год, ч. I, стр. 228). 466, 479.

Турнерелли (Turnerelli, Edward-Tracy-Alexander), Эдуард Петрович (р. 1 (13) октября 1813, дата смерти неизвестна), лектор английского языка в Казанском университете. Приехал в Россию из Англии в 1836 г.; определен лектором в университет 4 апреля 1837 г; приехал в Казань 20 июля того же года; из университета был по прошению уволен 13 сентября 1844 г. (М, I, 1, стр. 293), вынужденный покинуть университет из-за своей сенсационной книги (см. ниже) и столкновений с представителями местного казанского общества. В 1844 г. уехал в Ревель на курорт, а затем в Англию, и более в Россию не возвращался. Турнерелли известен как автор видов Казани, рисованных с натуры и изданных в Петербурге в 1839 г. Его наделавшая шуму книга «Казань и ее обитатели» издана в Петербурге в 1841 г. Отзыв о ней Н. И. Второва был напечатан в ПКГВ [16 октября 1843], № 42, стр. 243—247; [6 ноября 1843], № 45, стр. 270—274 и [20 ноября 1843], № 47, стр. 289—293. Этим отзывом Турнерелли был очень задет и 21 февраля 1844 г. подал на имя Н. И. Лобачевского прошение, в котором сообщал, что он представлял редактору «Ведомостей» Н. И. Второву ответ на появившуюся рецензию, но ответ этот Н. И. Второвым не был принят. Турнерелли просил Лобачевского потребовать от Второва объяснений и приложил к своему прошению копию этого своего ответа (от 15 февраля). На прошении Турнерелли Н. И. Лобачевский наложил следующую резолюцию: «Препроводив копию с письма на имя редактора, просить г. вице-губернатора, управляющего губернией, уведомить, по какой причине г. редактор отказывается поместить антикритику в «Губернских Ведомостях» и тем лишил сочинителя возможности оправдать себя перед казанским обществом. 21 февраля 1844 г. Ректор Лобачевский». Вице-губернатор М. Д. Завелейский ответил Лобачевскому официальным отношением от 29 февраля 1844 г. за № 102, в котором сообщил, что антикритика Турнерелли на критику Н. И. Второва не была напечатана «по причине личностей, которыми она исполнена, и неприличному тону, не могущему иметь места в официальном издании». По этому же поводу Н. И. Лобачевскому писал М. Н. Мусин-Пушкин 20 марта:

Милостивый государь
Николай Иванович!

Вверенного мне университета лектор английского языка Турнерелли в письме своем к г. министру народного просвещения жалуется на помещенную в «Казанских Губернских Ведомостях» редактором Второвым критику его сочинения «Casan et ses habitans» и отказ, сделанный им Турнерелли, напечатать в тех же «Ведомостях» ответ его на статью Второва.

Вследствие сего прошу Ваше превосходительство доставить мне подробные све-

дения о всех обстоятельствах этого дела, в самом непродолжительном времени для доклада г-ну министру народного просвещения.

С совершенным почтением быть честь имею Вашего превосходительства покорнейшим слугою М. Мусин-Пушкин».

Вследствие этого были сняты копии со всей переписки и согласно резолюции Н. И. Лобачевского посланы 31 марта 1844 г. за № 38 в Петербург к Мусину-Пушкину (Копии всего дела см. в Записях Н. Я. Агафонова, № 226, стр. 183—187). История с этой книгой подробно рассказана в статье Н. П. Загоскина, Казанская старина (ВВ, 28 марта 1892, № 79, стр. 2—3). В 1854 г. в Лондоне Турнерелли издал другую книгу — «Russia on the border of Asia», в которой также коснулся своего пребывания в Казани (биографические сведения о Турнерелли и список его работ см.: Загоскин, Словарь, I, стр. 252—253; «Э. П. Турнерелли. Очерк П. Дульского. Издание автора», Казань, 1924; И. Ардашев, Развалины Болгар и древние болгары по описанию англичанина Э. П. Турнерелли, Казань, 1901. Характеристика в воспоминаниях П. И. Мельникова-Печерского (ИВ, 1884, № 9, стр. 508—509). Имя его друга в Англии, к которому адресованы письма Турнерелли с описанием Казанского университета и его профессоров, — неизвестно. 424—425.

Уваров, Сергей Семенович (р. 15 августа 1786, ум. 4 сентября 1855), член Государственного Совета, сенатор, президент Академии Наук; в молодости член «Арзамаса», затем — виднейший деятель николаевской реакции, создатель знаменитой формулы «самодержавие, православие и народность»; с 1 июля 1846 г. — граф; с 20 марта 1833 г. был управляющим министерством народного просвещения и с 21 апреля 1834 г. по 25 октября 1849 г. — министр народного просвещения (Загоскин, Словарь, II, стр. 402). В 1836 г., будучи в Петербурге, Н. И. Лобачевский лично представлялся Уварову, о чем писал в письме своем (утраченном) к М. Н. Мусин-Пушкину от 29 октября 1836 г. (РБС, в биографии Н. И. Лобачевского, стр. 548). 13, 17, 30, 342—353, 362—364, 373—377, 381, 383—389, 403, 405, 406, 410, 413—416, 418, 421, 422, 424—426, 428—432, 441, 444, 445, 449, 450, 456, 457, 459, 461, 487, 492, 495, 505, 511—514, 516—518, 532—533, 556—559, 647.

Уилер. 314.

Уитстон, Чарльз (р. 1802, ум. 1875), английский физик, занимавшийся вопросами акустики. Извлечение из одной его статьи сделал Лобачевский под заглавием «О резонансе или взаимном колебании воздушных столбов», опубликованное в «Казанском Вестнике», 1828. — Стр. 249, 686.

Уллоа, Антонио (р. 1716, ум. 1795), испанский геодезист и астроном, член Лондонского королевского общества; производил в Атлантическом океане 24 июня 1778 г. наблюдение полного солнечного затмения. Описанию этого наблюдения посвящена его книга «El eclipse de sol con el anillo refractario de sus rayos» (Мадрид, 1779). 471, 476.

Ультрамарк, изобретатель печей его имени. 384.

Фавста Ермолаевна, см. — Нератова.

Фатер, Фридрих Иванович (р. 5 февраля 1810, ум. после 1855), профессор греческого языка и словесности в Казанском университете с 1840 г. по декабрь 1854 г. (указ об отставке — 7 декабря 1854); затем жил за границей. Женат был на дочери академика Х. Д. Френа (Загоскин, Словарь, I, 180—186; РБС). По свидетельству современника, начал еще в Казани «бредить припадками умопомешательства и однажды в этом припадке истребил большую и замечательную во многих отношениях библиотеку; за границей в припадке помешательства лишил себя жизни» (примечание редакции в «Северной Пчеле», 2 декабря 1860, № 269, стр. 1126). Характеристику его см.: «Воспоминания

Фишер-фон-Вальдгейм, Григорий Иванович (р. 3 (14) октября 1771, ум. 6 октября 1853), известный естествоиспытатель, заслуженный профессор Московского университета, основатель Московского общества испытателей природы, почетный член Академии Наук, Петербургской и Московской Медико-хирургических Академий (МН, III, 261; РБС; Ш, ч. II, стр. 520—528; Б. М. Житков, «Г. И. Фишер-фон-Вальдгейм», М, 1940). Под его «етнографией» Н. И. Лобачевский имеет в виду, несомненно, его знаменитое сочинение «Энтомография России», снискавшее ему европейскую известность. 296.

Фложерг, Оноре (р. 1755, ум. 1835), французский астроном и физик; открыл 25 мая 1811 г. и наблюдал комету, которой посвящено его сочинение: «Comète découverte le 25 Mai 1811» («Journ. phys.», 1811, тт. 72 и 73). 49, 471, 472, 475.

Флоренсов, Яков Сергеевич, в 1830—1831 гг. младший учитель арифметики Казанской гимназии (Месяцослов на 1831 г., ч. I, стр. 456). 395.

Фогель, Густав Львович (р. 1805, ум. после 1859), сын Л. Л. Фогеля (см.), профессор уголовных и полицейских законов в Казанском университете (Загоскин, Словарь, II, стр. 82—83). 418, 420, 614, 660.

Фогель, Людвиг (Лев) Лаврентьевич (р. 6 января 1771, ум. 3 сентября 1840), профессор врачебного веществословия, фармации и врачебной словесности Казанского университета (Загоскин, Словарь, ч. II, стр. 362—363; РБС). В Казани Фогель известен был как содержатель (с 1829) частного пансиона «для благородных детей мужского пола» (см. объявление об открытии этого пансиона в ПКВ, 6 апреля 1829, № 14, стр. 112; 20 апреля 1829, № 16, стр. 127—128 и 27 апреля 1829, № 17, стр. 136, где сказано, что пансион откроется «с будущего августа 1829 года»). 191, 236, 277, 297, 298, 300, 340, 341, 355, 670, 672—674.

Фойгт, Карл Карлович (р. 7 апреля 1808, ум. 30 октября 1873), сын проф. Казанского университета Карла Амвросиевича Фойгта (р. 1759, ум. 13 июня 1811; Загоскин, Словарь, I, стр. 188—189; Загоскин, История, I, стр. 233—235) и его жены Елизаветы Карловны р. Эйлер (внучки Л. Эйлера, р. 1780, умерла 8 февраля 1852), которая после смерти мужа вышла вторично замуж за проф. И. О. Брауна (см.) и, вновь овдовев в 1819 г., вышла в третий раз за проф. Ф. И. Эрдмана (см.), в доме которого К. К. Фойгт и провел свое детство и юношество (Агафонов, I, стр. 112; Зав. Вив., стр. 56—59); образование получил в Казанском университете (с 23 августа 1823 по 28 июня 1826), курс которого окончил действительным студентом, а затем был кандидатом до 13 декабря 1834 (М, I, 1, стр. 104, 122, 129, 136, 143, 150, 158, 165, 174, 185). С 5 мая 1828 г. по 22 марта 1835 г. состоял помощником библиотекаря, затем (с 23 марта 1835 по 13 апреля 1837) и. д. библиотекаря, а с 13 апреля 1837 г. до 24 января 1850 г. — библиотекарем Казанского университета (там же, I, 1, стр. 218 и I, 2, стр. 586); профессор того же университета по кафедре всеобщей литературы; позже ректор Харьковского университета (1852), и попечитель Харьковского ученого округа (1868). К. К. Фойгт как библиотекарь занимает почетное место в истории Казанского университета. Н. Я. Агафонов, на основании автобиографии Фойгта говорит, что он сделал свое имя историческим в летописях университетской библиотеки, составив «особый план ее расположения, с исторической запиской о главнейших библиографических системах, в разные времена предложенных учеными». Труд этот, по его словам, был одобрен Академией Наук и на его основании были составлены каталоги: документальный и систематический для главной библиотеки и каталоги: документальный, систематический и алфавитный по авторам — для «студентской» библиотеки (Зав. Вив., стр. 57). В 1844 г. Фойгт издал «Отчет» университета за 17 лет, за время управления Казанским учебным округом М. Н. Мусина-Пушкина (1827—1844); книга эта является одним из основных источников для истории университета за период деятельности Н. И. Лобачевского как ректора, которому в ней уделено не мало места. За свои труды К. К. Фойгт 22 декабря 1852 г. был избран почетным членом Казанского университета («Известия и ученые записки Казанского университата», 1866, вып. Ч,

стр. 218, № 103 по списку почетных членов). Ценным материалом для его биографии является его автобиография, напечатанная в книге В. Владимирова (ч. 3, прил., стр. 23—35); здесь (на стр. 26, 28 и 29) упоминается имя Н. И. Лобачевского; там же (ч. 2, отд. 2, стр. 103—109, 111—119, 149—151, 157, 176—180) напечатаны его воспоминания о Казанской гимназии (см. также ПН, IV, 373; Загоскин, Словарь, I, 186—187; РБС). Пользовался Фойгт заслуженной известностью и как профессор и лектор, о чем говорят бывшие его слушатели по Казанскому университету; см. Н. И. Мамаев, № 1, стр. 70; А. М[артынов], Отрывки из студенческих воспоминаний («Северная Пчела», 2 декабря 1860, № 269, стр. 1126); И. И. Михайлов, Казанская старина (РС, 1899, № 11, стр. 413—416); А. Н. Пыпин, Мои заметки, М., 1910, стр. 33; П. И. Мельников (ИВ, 1884, № 9, стр. 507—508); в биографии Н. И. Второва (РА, 1877, II, стр. 153). 31, 229, 246, 257, 274, 280, 293, 294, 319, 320, 356, 357, 371, 418, 420, 433, 434, 439, 450, 480, 490, 501, 613, 631.

Фойгт, Надежда Васильевна (р. 29 октября 1810, ум. 4 июня 1883), р. Глухова (ПН, IV, 373), дочь командира Казанского порохового завода, генерал-майора Василия Алексеевича Глухова (р. 1767, ум. 1 мая 1835; Агафонов, I, стр. 66), жена с 1835 г. профессора К. К. Фойгта (см.), который упоминает о ней в своей автобиографии (В. Владимиров, часть 3, прил., стр. 27). 503.

Фомин, Иван, переводчик. 233.

Фортень, французский мастер физических инструментов (1821). 114, 264, 265.

Франк (Иоганн-Петер), Иван Петрович (р. 19 марта 1745, ум 24 апреля 1821), знаменитый в то время врач, профессор-клиницист (РБС); с 1804 г. профессор в Вильне, а с 1805 г. — лейб-медик и был переведен в Петербург в Медико-хирургическую Академию; в 1808 г. оставил Россию и поселился в Вене. Его библиотека поступила в Библиотеку Казанского университета (см. А. Артемьев, Прогулки по Казани, VI, Университетская библиотека, КГВ [17 апреля 1850], № 16, стр. 126—131). 231.

Франклин, Вениамин (р. 1706, ум. 1790), американский физик и политический деятель. 218, 314.

Френ, Христиан Данилович (р. 23 мая (4 июня) 1782, ум. 16 августа 1851), выдающийся ориенталист, профессор Казанского университета, академик. Образование получил в Ростоке и Ростокским университетом ему была присуждена степень доктора философии и магистра свободных наук, а затем и доктора богословия; через попечителя Казанского учебного округа С. Я. Румовского 3 августа 1807 г. состоялось назначение Френа о. профессором Казанского университета по кафедре восточных языков. Френ является родоначальником казанских ориенталистов, главным образом в области нумизматики; в 1815—1816гг. Френ нес должность декана словесного отделения и 3 августа 1817 г. уволился из университета, вследствие перехода его на службу в Академию Наук, где в 1818 г. был открыт Азиатский музей. 24 сентября 1817 г. он избран был о. академиком по разряду восточных древностей (Б. Л. Модзалевский, стр. 36; Загоскин, Словарь, 1, 189—193; Загоскин, История, I, стр. 218—228; РБС). Его дочь была замужем за профессором Казанского университета Ф. И. Фатером (см.). 380—381, 515.

Френель, Огюст-Жан (р. 10 мая 1788, ум. 14 июля 1827), крупнейший французский физик, автор классических исследований по теории света и оптике. 158, 219, 224, 225, 242, 473, 474, 477.

Фролов, Петр Кузьмич (р. 16 января 1775, ум. 10 декабря 1839). Томский гражданский губернатор с 22 июня 1828 г. по 29 апреля 1830 г.; начальник Колывано-Воскресенских горных заводов; в 1830 г. вышел в отставку, но 6 декабря 1831 г. был назначен сенатором (ПН, IV, 396; РБС; Н. А. Мурзанов, стр. 50). В августе 1831 г., очевидно, проездом из Сибири в Петербург, был в Казани, где при осмотре Казанского университета и познакомился с Н. И. Лобачевским. 295, 296.

Фукс, Александра Андреевна (ум. 4 февраля 1853), р. Апехтина, писательница, поэтесса, автор исторических и этнографических статей и трудов о народах Приволжья, племянница казанского поэта Г. П. Каменева. В 1821 г. вышла замуж за профессора

К. Ф. Фукса (см.), который и увлек ее историко-этнографическими изучениями. Как поэтесса входила в круг казанских литераторов, была знакома с Е. А. Баратынским (см.), А.С. Пушкиным, которому напечатала «стихи на проезд» его через Казань, Н. М. Языковым и другими поэтами, с которыми вела переписку. В Казани ее дом был центром литературных вечеров, имевших большой успех. Извещение о ее смерти, в котором она названа «известной многими сочинениями в стихах и прозе», напечатано в КГВ (16 февраля 1853, № 8, стр. 59). О литературных вечерах ее и ее мужа (1836, 1843 и 1844 гг., см. Е. А. Бобров, «А. А. Фукс и казанские литераторы 30—40-х годов» (РС, 1904, № 6, стр. 502—506). О ней см. Агафонов, I, стр. 108; РБС; Пушкин, Письма, под ред. Л. Б. Модзалевского, т. III, Л., 1935, стр. 623—627 и др. по указателю; «Литературный Архив», I, Л., 1938, стр. 15—17. — Стр. 292, 303—305, 677.

Фукс, Карл Федорович (р. 6 сентября 1776, ум. 24 апреля 1846), выдающийся казанский деятель, профессор терапии, патологии и клиники (до 1818 — естественной истории и ботаники) Казанского университета и ректор его с 9 мая 1823 по 30 июля 1827 (Загоскин, Словарь, II, 406); одновременно с 19 апреля 1819 г. по 26 ноября 1829 г. был врачом больницы Казанского университета (М, I, 1, стр. 220). Образование получил в Геттингенском университете, а степень доктора медицины получил в 1798 г. от Марбургского университета; с 1800 г. — в Петербурге, как практикующий врач; назначен был в Казанский университет 4 сентября 1805 г. и нес неоднократно административные обязанности: декана врачебного отделения (1820—1823); библиотекаря университета (1821—1823). 6 мая 1833 г. получил звание заслуженного профессора и 1 июля того же года вышел в отставку. Дом Фукса и его жены А. А. Фукс (см.) в 30—40-х годах являлся центром культурной жизни Казани, куда стекались представители местной интеллигенции и приезжие ученые (например, М. М. Сперанский, бар. А. Гумбольдт, бар. Гакстгаузен, А. С. Пушкин, граф Е. Ф. Канкрин и др.), но Н. И. Лобачевский был далек от интересов Фукса и его жены и не посещал его известных вечеров. Фукс как практикующий врач и выдающийся знаток местного края и как автор ряда статей и исследований по истории, этнографии, статистике Казанского края пользовался широкой известностью не только в Казани, но и в Петербурге. Наиболее полная биография К. Ф. Фукса принадлежит К. В. Лаврскому и П. А. Пономареву: «Карл Федорович Фукс и его время» («Казанский литературный сборник, 1878», Казань, 1878, стр. 223—538); см. также: Н. П. Загоскин, «Карл Федорович Фукс» (КВК, 23 апреля 1896, № 103, стр. 2—3); Загоскин, Словарь, II, 367—369; Загоскин, История, I, стр. 113—118, и др.; Агафонов, I, стр. 108; Н. Н. Булич, I, стр. 110—123 и др.; РБС; С. Т. Аксаков, стр. 325, 327, 367—369 и др. Большая и интересная характеристика К. Ф. Фукса и его жены находится в книге: «Etudes sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie par le Baron Auguste de Haxthausen», édition française. Premier volume, Hanovre, 1847, pp. 437—450 (А. Гакстгаузен посетил Казанский университет в июне 1842 г.). Об участии К. Ф. Фукса как ректора университета в 1826 г. в деле о философии Круга см. в статье П. Головачева (РС, 1904, № 8, стр. 343—352; дело возникло по доносу проф. Я. М. Караблинова (см.) на проф. П. С. Сергеева). Во время холеры в 1830 г. в Казани К. Ф. Фукс энергично работал как врач и как писатель; укажем на его статью «О холере, свирепствовавшей в городе Казани в течение сентября и октября месяцов 1830 г.», с датой «Казань 27 октября 1830», напечатанную в КВ (1831, апрель, стр. 218—255). 14, 60, 63, 92, 93, 95, 97, 112, 142, 143, 148, 159, 165, 170, 193, 194, 233—236, 239, 264, 265, 267, 269, 276, 277, 282, 291, 292, 299, 303—307, 340, 341, 350, 390, 493, 541, 663, 664, 667.

Фукс, София Карловна, см. — Брылкина.

Фурье, Жан-Батист-Жозеф, барон (р. 21 марта 1768, ум. 16 марта 1830), французский математик, член Французской Академии наук; автор исследования «Théorie analytique de la chaleur» (1822); «Etudes sur la mécanique générale» и др. сочинений. Руководствуясь его сочинениями, Н. И. Лобачевский читал в 1830—1831 г. математиче-

скую физику студентам Казанского университета. 12, 172, 173, 187. 219, 224, 225, 242, 279, 280, 293, 294, 319, 366, 469.

Фус, Николай Иванович (р. 18 (29) января 1755, ум. 23 декабря 1825), математик, академик, непременный секретарь Академии Наук (ПН, IV, 400; РБС). В 1825 г. дал отрицательный отзыв об учебнике «Геометрии» Н. И. Лобачевского. 56, 155—157, 395.

Фус, Павел Николаевич (р. 21 мая 1798, ум. 10 января 1855), математик, сын Н. И. Фуса (см.), академик, непременный секретарь Академии Наук (ПН, IV, 400; РБС). 13, 320, 329, 333, 334, 381, 447, 457—458.

Хардин, Андрей Николаевич, студент Казанского университета с 22 августа 1821, курс которого окончил со званием действительного студента 14 сентября 1825 г.; 26 января 1826 г. выбыл из университета (М, I, 1, стр. 93 и 115); очевидно, его брат Николай Николаевич Хардин также учился в Казанском университете с 9 сентября 1820 г., но, не кончив курса, выбыл 9 июня 1821 г. (там же, стр. 88). 118.

Хватунов, Василий Петрович, в 1842 г. был старшим учителем математики Пензенской гимназии (Адрес-календарь на 1843 г., ч. I, стр. 228). 475, 479.

Херасков, Михаил Матвеевич (р. 25 октября 1733, ум. 27 сентября 1807), автор героической поэмы «Россиада», учитель Н. М. Карамзина, ставший под конец жизни поклонником и последователем школы своего ученика (МН, III, 273; РБС). В 1772 г. состоял членом Комитета для составления медалической истории со времени Петра Великого. 233.

Хладни, Эрнст-Флоренц-Фридрих (р. 30 ноября 1756, ум. 3 апреля 1827); выдающийся ученый, доктор философии и прав в Виттенберге, в Саксонии, прославившийся главным образом своими исследованиями в области акустики; состоял членом-корреспондентом Петербургской Академии Наук с 1794 г. (Б. Модзалевский, стр. 160). Автор «Traité d'acoustique» (Париж, 1809), по которому преподавал акустику Н. И. Лобачевский в Казанском университете. 158, 242.

Хламов, Андрей Филимонович (р. 1795; дата смерти неизвестна), адъюнкт философии и российской словесности в Казанском университете. Окончил Рязанскую духовную семинарию, затем Московскую духовную академию со степенью кандидата и в 1820 г. был инспектором и учителем философских наук в Оренбургской семинарии, а в 1823—1828 гг. служил в канцелярии Рязанского, Тульского, Орловского и Тамбовского генерал-губернатора. В Казанский университет был назначен адъюнктом 19 февраля 1829 г. и по преобразовании университета по новому уставу 1835 г., 1 августа 1837 г. был оставлен адъюнктом. Уволился из университета 21 апреля 1839 г. (Загоскин, Словарь, I, 197). Его характеристику см.: Зав. Вив. Ю., стр. 50—52; П. Ф. Вистенгоф, Из моих воспоминаний (ИВ, 1884, № 5, стр. 340); Н. И. Мамаев (№ 1, стр. 67—68). 672.

Хлебин, Алексей Михайлович, студент Казанского университета с 11 сентября 1831 г. по 24 июня 1835 г., курс которого окончил с званием лекаря 2 отделения; 17 сентября того же года — лекарь 15 Сибирского линейного баталиона (М, I, 1, стр. 160 и 193), товарищ Н. Ф. Ворожцова (см.). 670.

Хлебников, студент, см. — Хлебин.

Хованский, Александр, князь, поручик. 676.

Цейер, Франц Иванович (р. 1780, ум. после 1835), один из близких друзей М. М. Сперанского (см.), служил в Комиссии составления законов (РБС). Письма к нему М. М. Сперанского напечатаны в «Русском Архиве» (1870, столб. 174—200; ср. столб. 518); сопровождал Сперанского в его путешествии в Сибирь и посетил вместе с ним Казанский университет. 663.

Цёлльнер, Иоганн-Карл-Фридрих (р. 1834, ум. 1882), немецкий астрофизик, профессор физической астрономии в Лейпцигском университете, автор работ в области фотометрии и астрофизики. 632.

Цепелев, Иван Романович, ст. письмоводитель попечителя Казанского учебного округа, затем (1841—1846) правитель его канцелярии (Месяцослов на 1846 год, I, стр. 182), близкий к Н. И. Лобачевскому человек. 349, 353, 381, 406, 410, 414, 427, 429—431, 448—450, 456, 457, 492, 511, 535, 601.

Цеплин, Петр Андреевич (р. 1772, ум. 13 июля 1832), профессор всеобщей истории в Казанском университете, доктор философии Гёттингенского университета (1801); с 26 февраля 1804 г. — учитель всеобщей истории и статистики в Казанской гимназии, а затем получил и кафедру в Казанском университете, где выступил одним из ярых противников университетских порядков, установившихся при И. Ф. Яковкине (см.). Результатом этой борьбы было сперва (1806) удаление Цеплина от участия в Совете, а затем и вовсе из университета. В 1813 г. Цеплин был вновь определен в университет, но на этот раз на кафедру дипломатики и политической экономии. В течение ряда лет (с 17 октября 1814 по июнь 1818) он нес обязанности декана отделения нравственно-политических наук и вторично был уволен из университета М. Л. Магницким 5 августа 1819 г.; впоследствии до смерти служил библиотекарем Гидрографического депо морского министерства (Загоскин, Словарь, I, 197—198; II, 84; Загоскин, История, I, стр. 42—43; РБС). Жизни и трудам Цеплина посвящена специальная монография проф. Д.И. Нагуевского «Петр Цеплин. Первый профессор Казанского университета (1772—1832 гг.). Историко-литературный очерк», Казань, 1904. — Стр. 92.

Цыпков, Александр Михайлович (ум. 29 апреля 1828); студент Казанского университета с 21 сентября 1822 по 28 июня 1826; затем — кандидат до дня смерти (М, I, 1, стр. 98, 122 и 129). 229.

Цырков, Матвей, заседатель Петербургской Палаты гражданского суда (1817). 79.

Чаплина, Надежда Ивановна (р. 13 сентября 1832, ум. 20 января 1909), р. Великопольская, дочь И. Е. Великопольского, жена Николая Андреевича Чаплина (р. 2 марта 1815, ум. 15 августа 1866); оба погребены в родовом имении в с. Чукавине, Старицкого уезда, Тверской губ. (РПН, стр. 927). Н. А. Чаплин был подполковником, помещиком Ржевского, Зубцовского, Старицкого и Корчевского уездов (Руммель, т. II, стр. 652). Н. И. Чаплина владела архивом своего отца и в 1902 г. подарила его Б. Л. Модзалевскому, который, выделив из него 7 писем Н. И. Лобачевского к И. Е. Великопольскому, передал их Физико-математическому обществу при Казанском университете (они хранятся теперь в Геометрическом кабинете Казанского университета). Весь остальной архив И. Е. Великопольского Б. Л. Модзалевский впоследствии передал в Пушкинский Дом Академии Наук, откуда мы извлекли по возможности все упоминания о Н. И. Лобачевском в письмах родственников И. Е. Великопольского. 330, 331.

Часовников, Николай Алексеевич, с 17 июня 1820 г. по 1 мая 1822 г. исполнял должность столоначальника полицейского стола Казанского университета (М, I, 1, стр. 213) и был затем ст. письмоводителем Канцелярии попечителя Казанского учебного округа. 167.

Чеботарев, Харитон Андреевич (р. 1746, ум. 26 июля 1815), профессор истории, нравоучения и красноречия, первый ректор Московского университета (МН, III, 303; РБС; Ш, ч. II, стр. 543—551). 67, 306.

Чеботарева, София Харитоновна, дочь Х. А. Чеботарева, см. — Мудрова.

Чемесов, Николай Иванович, в 1848—1851 гг. Казанский губернский предводитель дворянства (Любимов, стр. 24). 292.

Черепанов, Никифор Евтропиевич (р. 1762, ум. 13 августа 1823), профессор всемирной истории, статистики и географии Московского университета (МН, III, 307—308, РБС; Ш, ч. II, стр. 553—554). 67.

Чернов, столоначальник Казанской консистории (1836). 382, 383.

Шаберт, механик (1855). 549—550.

Шабров, Александр Назарович; студент Казанского университета, одновременно

с Алексеем И. Лобачевским, с 10 июля 1807 г., курс которого окончил со степенью кандидата 23 августа 1811 г.; 25 апреля 1812 г. определен учителем Нижегородской гимназии (М, I, 1, стр. 16 и 29). 38, 45, 48.

Шарбе, Август Васильевич (р. 1790, ум. 10 октября 1868), профессор Казанского университета по кафедре римской словесности и древностей. Степень доктора философии получил в 1813 г. в Виттенбергском университете; профессором Казанского университета был избран 22 декабря 1832 г., но прибыл в Казань только 1 сентября 1833 г. Был уволен от службы 21 октября 1843 г. Два его сына Алкуин и Раймунд Августовичи преподавали позже также в Казанском университете (Загоскин, Словарь, I, 199—201; Агафонов, 1, стр. 110; РБС). 417—419.

Швейкарт, Фердинанд Львович (р. 22 февраля 1780, ум. 1857), юрист, профессор Марбургского, Гейдельбергского (по кафедре римского права, его истории и древностям) и Харьковского университетов (1811—1813), затем профессор Кёнигсбергского университета. Занимался неэвклидовой геометрией, которую назвал астральной геометрией (см. о нем: «Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905)», Харьков, 1908, стр. 165—166; РБС; Ф. П. Кеппен, Биография П. И. Кеппена, СПб., 1911, стр. 18—19). 482—483, 486, 519, 632.

Шебаршин, Сергей Степанович, землемер в 1792—1793 гг. в Нижнем-Новгороде, воспитатель Н.И. Лобачевского и его братьев Александра и Алексея. Предположение В. Богодина (см. его статью, стр. 666) о том, что Шебаршин был отцом Лобачевских, требует дополнительной проверки. Во всяком случае из того факта, что в формулярном списке Н. И. Лобачевского значится, что он происходит из обер-офицерских детей, а землемер Шебаршин «имел офицерское звание», как указывает Богодин (откуда это видно — неизвестно), никак нельзя делать вывода, что сам Лобачевский считал себя сыном Шебаршина; всякий землемер, из дворян, имел в те времена обер-офицерский чин, например И. М. Лобачевский—чин коллежского регистратора, т. е. первый классный чин гражданской службы, соответствовавший в XVIII в. чину подпоручика в военной службе (ср. В. Ф. Каган, стр. 10). 23, 666.

Шеллинг, Фридрих-Вильгельм-Иосиф (р. 1775, ум. 1854), немецкий философ-идеалист. 297.

Шиллинг-фон-Канштадт, Павел Львович, барон (р. 15 апреля 1786, ум. 25 июля 1837), изобретатель электромагнитного телеграфа, изолированных кабелей, инициатор введения в России литографии, синолог, этнограф, с 1827 г. член-корреспондент Академии Наук (ПН, IV, 542; Б. Л. Модзалевский, стр. 183; РБС; А. Ф. Коростин, Начало литографии в России, М., 1943, по указателю). 384.

Шипов, Сергей Павлович (р. 5 февраля 1789, ум. 25 июля 1876), генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, сенатор, член Военного Совета. С 29 декабря 1841 г. по 14 марта 1846 г. состоял Казанским военным губернатором (Пупарев). В Казань прибыл 1 марта 1842 г. (Н. Я. Агафонов, Записи, № 226, стр. 223); много лет был председателем Казанского экономического общества; автор воспоминаний (РА, 1878, кн. II, стр. 144—202); известен как строитель г. Казани после опустошительного пожара города в 1842 г. (Н. П. Загоскин, Казанская старина. Очерки города Казани и казанской жизни в 40-х годах, ВВ, 10 января 1892, № 9, 17 января 1892, № 16 и 25 января 1892, № 24; там же о Шипове как председателе Казанского экономического общества, 7 марта 1892, № 59 и о чествовании Шипова и его жены — 4 апреля 1892, № 85, стр. 2). О С. П. Шипове см.: МН, III, 357; РБС; «Память о членах Военного Совета», стр. 175—182; «Воспоминания барона А. И. Дельвига», под ред. С. Я. Штрайха, т. I, М. 1930, стр. 440—441 и др. (о назначении Шипова сенатором).—Стр. 480—481, 487, 491, 506, 549.

Шипова, Анна Евграфовна (р. 30 марта 1806, ум. 3 марта 1872), р. графиня Комаровская (МН, III, 356), жена С. П. Шипова (см.); попечительница Николаевского детского приюта в Казани. Ее интереснейший альбом с автографами многих замечательных писателей, в том числе А. С. Пушкина, хранится в Пушкинском Доме Академии Наук СССР и описан Б. Л. Модзалевским (ПС, в. XI, стр. 79—94). Вид города Казани

в 1845 г., исполненный архитектором И. П. Бессоновым (см.), из этого альбома воспроизводится впервые в настоящем сборнике. 487.

Ширинский-Шихматов, Платон Александрович, князь (р. 18 ноября 1790, ум. 5 мая 1853), член Российской Академии; академик Академии Наук, один из реакционных деятелей времен Николая I (ПН, IV, 546; РБС); был назначен министром народного просвещения 27 января 1850 (Загоскин, Словарь, II, 402) после отставки С. С. Уварова (см.). К Казанскому университету Ширинский-Шихматов имел отношение еще с 1825 г., когда был назначен (12 августа) на пост директора университета, но оставался в этой должности короткое время (до 30 сентября того же года) и в Казань не приезжал (М, I, 1, стр. 210; об этом рассказывает и В. И. Панаев в своих воспоминаниях в ВЕ, 1867, т. IV, стр. 94). Казань Ширинский-Шихматов посетил, как министр, с 13 сентября по 21 сентября 1851 г. Об этом событии в казанской жизни и в жизни университета имеется специальная статья А. И. Артемьева «О пребывании в Казани господина министра народного просвещения» (КГВ, 15 октября 1851, № 42, отд. I, стр. 525—529). 342, 349, 383, 389, 426, 429, 432, 456, 517, 518, 535—537, 539, 559, 560.

Шиц, секретарь и бухгалтер Строительного комитета Казанского университета (1834). 373, 499.

Шишков, Александр Семенович (р. 9 марта 1754, ум. 9 апреля 1841), адмирал, президент Российской Академии, реакционный государственный деятель и писатель, председатель Беседы любителей русского слова, поэт, переводчик, филолог и критик, литературный враг Н. М. Карамзина и его реформы русского языка. Был министром народного просвещения с 15 мая 1824 г. по 25 апреля 1828 г. (Загоскин, Словарь, II, стр. 402; ПН, IV, 551; РБС). 189, 190, 201, 223, 230, 235—237, 242—245, 493, 555.

Шлёцер, Август-Людвиг (р. 5 июля 1735, ум. 9 сентября 1809), академик, русский историк, издатель «Нестора», переведенного на русский язык Д. И. Языковым в 1809 — 1811 гг. под заглавием «Нестор, русские летописи на древлеславянском языке», 3 части (РБС). 613.

Шляхтин, частный пристав в Казани (1854). 574.

Шмидт, Александр Кириллович (р. 1783, дата смерти неизвестна), с 1788 г. воспитанник Академии Художеств, которую окончил в 1806 г. с званием архитектора и аттестатом 1 степени (Кондаков, стр. 413). В 1830 г. состоял архитектором Казанского губернского Правления (Месяцослов на 1830 год, ч. II, стр. 212). 282.

Шпехт, лицо неустановленное. 266.

Штелин, Яков Яковлевич, (р. 10 мая 1709, ум. 25 июня 1785), академик, друг Ломоносова, историк театра, автор «Анекдотов о Петре Великом», од, похвальных надписей и рисунков к медалям. В 1772 г. состоял членом Комитета для составления медалической истории со времени Петра Великого (РБС). В части его архива сохраняются материалы к этой работе («Архив Академии Наук СССР. Обозрение архивных материалов», под ред. Г. А. Князева и Л. Б. Модзалевского, Л., 1933, стр. 167). Н. И. Лобачевским неправильно назван Штелингом. 233.

Струве, см. — Струве.

Штурм, Шарль (р. 1803, ум. 1855), французский математик, профессор математики в Collège Rollin в Париже, член Парижской Академии наук; автор исследований в области приложения анализа к геометрии, автор теоремы, носящей его имя в теории алгебраических уравнений 366.

Шуйский, Василий Иванович, царь (р. 1552, ум. 1612). 232, 233.

Шулер, товарищ столяра Эренберга. 198.

Шумахер, Генрих-Христиан (р. 1780, ум. 28 декабря 1850), немецкий астроном; директор обсерватории в Маннгейме, профессор Копенгагенского университета, устроитель обсерватории в Альтоне; в 1822 г. основал астрономический журнал «Astronomische Nachrichten». Переписка его с К. Ф. Гауссом издана Петерсом (Альтона, 1860—1865 гг.), из которой впервые стало известно о признании Гауссом научного значения неэвклидовой геометрии Н. И. Лобачевского. 469, 519—520, 618, 631.

Щербатов, Михаил Михайлович, князь (р. 22 июля 1733, у. 12 декабря 1790), сенатор, писатель, публицист и историк (РПН, I, 978). В 1772 г. состоял членом комитета для составления медалической истории со времени Петра Великого (РБС). 233.

Эверс, Иоганн-Филипп-Густав (р. 4 июля 1781, ум. 8 ноября 1830), известный русский историк, профессор и ректор Дерптского университета; член-корреспондент и почетный член Академии Наук (РБС; Б. Модзалевский, стр. 89). 613.

Эверсман, Эдуард Александрович (р. 12 (23) января 1796, ум. 14 апреля 1860), профессор зоологии Казанского университета, член-корреспондент Академии Наук по зоологическому разряду с 29 декабря 1842. Образование получил в университетах Марбургском, Галльском, Берлинском и Дерптском; доктор философии и магистр свободных наук (9 августа 1814) Галльского и доктор медицины и акушерства (31 августа 1816) Дерптского университетов. Из Германии в 1816 г. переехал в Россию, где служил (1818—1820) врачом на Златоустовской оружейной фабрике. В январе 1828 г. приехал в Казань, где женился и поселился в своем имении при с. Спасском; 28 февраля 1828 г. был избран о. профессором ботаники и зоологии Казанского университета, где оставался на службе до своей смерти, получив в 1853 г. звание заслуженного профессора. Во время своей деятельности в университете неоднократно ездил за границу и совершал экспедиции внутри России, снискав себе большую известность как выдающийся путешественник-натуралист. В 1825 г. совершил путешествие в качестве натуралиста и врача в военной экспедиции, снаряженной по Каспийскому морю под начальством полковника Берга, а затем в Оренбург (Загоскин, Словарь, I, 533—543). В 1830 г. совершил другое путешествие, на Кавказ, но дальше Пятигорска не смог проехать в связи с холерой, вынудившей его вскоре же отказаться от дальнейшего следования. Возвращался в Казань он через Новочеркасск, Воронеж и Пензу и в эту поездку собрал мало материалов (Загоскин, Словарь I, 538—539). Биографические материалы о нем см.: В. Г. Гептнер, «Э. А. Эверсман — зоолог и путешественник (1794—1860)», М., 1940; РБС; характеристику см.: «Воспоминания о пережитом доктора А. И. Ильинского» (РС, 1894, № 3, стр. 53); И. И. Михайлов, Казанская старина (там же, 1899, № 10, стр. 110); Э. П. Янишевский, стр. 29—31, 62 и 63. — Стр. 266, 277, 283, 289, 290, 296, 297, 300, 310, 338, 341, 349, 417, 420, 433, 524, 690.

Эвклид (р. 315, ум. 255 до нашей эры), величайший математик древности. 156. 519, 531, 532, 580, 632.

Эйлер, Леонард (р. 15 апреля (н. с.) 1708, ум. 7 сентября 1783), знаменитый русский ученый, величайший математик, академик (ПН, IV, 636; РБС). См. о нем сборник статей и материалов к 150-летию со дня смерти: «Леонард Эйлер 1707—1783». Изд. Академии Наук СССР, Л., 1935. — Стр. 202, 218, 473, 579.

Эйхвальд, Эдуард Иванович (р. 4 июля 1795, ум. 4 ноября 1876), профессор повивального искусства и естественной истории в Казанском университете; с 29 декабря 1826 г. член-корреспондент Академии Наук по разряду зоологии и анатомии (Б. Модзалевский, стр. 179). В 1827 г. был переведен в Вильну профессором по кафедре зоологии и сравнительной анатомии Виленского университета, а в 1837 г. перешел в Петербург на ту же кафедру в Медико-хирургическую Академию (Загоскин, Словарь, I, 544—546 и II, 377; РБС). В 1825 г. путешествовал по Кавказу и к берегам Каспийского моря; возвратившись в Казань в сентябре того же года, привез с собою коллекции зоологических и ботанических предметов, поступивших в кабинет естественной истории Казанского университета (Загоскин, Словарь I, 545). 159—161, 163, 171, 236, 266, 664.

Энгельгардт, Анастасия Львовна, см. — Баратынская.

Энгельгардт, София Львовна, см. — Путята.

Эндерс, Федор (Николай) Иванович, студент Казанского университета с 26 июня 1826 г. по 27 июня 1831 г; окончил курс со званием лекаря 2 разряда; 9 ноября 1831 г. назначен был врачом 10 баталиона Оренбургского линейного войска (М, I, 1,

стр. 124 и 158). В конце июля 1831 г., в сопровождении К. Ф. Фукса, был отправлен в Нижний-Новгород в распоряжение Петербургского военного губернатора генерал-адъютанта П. В. Голенищева-Кутузова (см.) на борьбу с холерою. 291, 292, 299.

Энке, Иоганн-Франц (р. 1791, ум. 1865), немецкий астроном, ученик К.Ф. Гаусса, директор Берлинской обсерватории; известен своими обширными исследованиями движения кометы, открытой 26 ноября 1818 г. Понсом в Марселе и получившей название кометы Энке. 415—416, 470.

Эрдман, Франц (Федор) Иванович (р. 15 марта 1793, ум. 1863), профессор восточной словесности в Казанском университете. Образование закончил в Германии, где получил степень доктора философии от Ростокского университета; в Казанский университет о. профессором избран был по рекомендации проф. Х. Д. Френа (см.) 24 июля 1818 г. по кафедре восточных языков. В 1822—1827, 1828—1832 и 1835—1836 годах нес обязанности декана словесного отделения и другие административные обязанности, 11 мая 1845 г. выбыл из университета; в 1850 г. был директором училищ Новгородской губернии (Загоскин, Словарь, I, 240—242; РБС). Характеристика в воспоминаниях: И. И. Михайлова, Казанская старина (РС, 1899, № 11, стр. 415); П. И. Мельникова-Печерского (ИВ, 1884, № 9, стр. 502); в биографии Н. И. Второва (РА, 1877, кн. II, стр. 151.). Женат был на бароноссе Анне-Иоанне-Екатерине Карловне фон-Делен (ум. 1822), двоюродной сестре проф. К. К. Фойгта (см.), а затем вторично (с 1822 г.) на ее сестре Елизавете Карловне Браун, вдове проф. И. О. Брауна (р. Эйлер, в первом браке за проф. К. А. Фойгтом). 4 мая 1822 г. Г. Б. Никольский писал М. Л. Магницкому: «Эрдман женится на достаточной и пожилой, лет под сорок, бывшей за двумя уже покойными профессорами Фойгтом и Брауном вдове, по его уверению, в знак благодарности за ее попечение об оставшемся после первой жены малолетном его сыне. Помнится, что покойная жена Эрдмана была родная по матери племянница нынешней его невесте, в доме которой он и живет с того времени, как женился на ее племяннице» (Отд. рукоп. и редк. книг Научн. библ. Каз. унив., № 4019, л. 4 об. второй паг. каранд.; ср. в автобиографии К. К. Фойгта в книге Владимирова, ч. 3, прил., стр. 23—24; Зав. Вив. Ю., стр.56—59; Агафонов, I, стр. 112; Загоскин, История, I, стр. 235). Статья Эрдмана «Красавица замка», о которой упоминает Н. И. Лобачевский (стр. 256), не появлялась на страницах «Казанского Вестника» и в списке опубликованных работ Эрдмана не значится (Загоскин, Словарь, I, 241—242; Загоскин, История, II, стр 32—36). Цензором Азиатских изданий Казанского университета Эрдман был назначен 16 ноября 1828 г. (М, I, 1, стр. 219). Н. И. Лобачевский перевел с немецкого языка на русский отчет Эрдмана об его поездке в Елабугу, Уфу и Чистополь. Этот перевод был опубликован в «Казанском Вестнике», 1826, ч. XVII, стр. 140—173; и в «Заволжском Муравье» 1834, ч. I, стр. 76—89, 324—347; ч. II, стр. 157—165. См. Загоскин, История, IV, стр. 25 и II, стр. 35. — Стр. 62—63, 95, 124, 155, 161, 163, 169—171, 190, 191, 201, 224, 236, 238, 245, 256, 259, 268, 270, 276, 277, 294, 320, 340, 341, 355, 370, 371, 417, 419, 433, 525, 613, 664. 690.

Эренберг, столяр. 197, 198.

Эрих, Иван Иванович (р. 1775, дата смерти неизвестна), профессор Казанского университета по кафедре греческого языка и древностей. Образование получил в университетах Эрфуртском, Иенском и Геттингенском. В России службу начал с 1794 г. учителем Нижегородского главного народного училища, а затем (с 31 декабря 1799) Казанской гимназии, где преподавал латинский язык. С 1805 г. — адъюнкт Казанского университета; с 16 января 1810 г. э. профессор и с 26 марта 1814 г. — о. профессор. В 1817—1818 г. был деканом словесного отделения. Уволен был из университета 5 августа 1819 г. при массовом увольнении профессоров М. Л. Магницким (Загоскин, Словарь, I, 208—209). См. о нем у С. Т. Аксакова. стр. 367—368; РБС; Загоскин, История, I, стр. 44—45 и др.—Стр. 36, 58.

Эрнс. 229.

Южаков, ст. письмоводитель Канцелярии попечителя Казанского учебного округа (1821). 109.

Юнаков, Михаил Алексеевич (р. 1790, ум. 3 января 1820), адъюнкт исторических наук в Казанском университете. Образование получил в этом же университете с 9 января 1807 г., где учился одновременно с Н. И. Лобачевским; 5 ноября 1809 г. — студент на жалованье; 23 марта 1811 г. получил ученую степень магистра (М, I, 1, стр. 13, 21, 25) и 14 июня 1812 г. был определен на должность помощника инспектора студентов (до октября 1816); 13 мая 1814 г. избран секретарем отделения словесных наук и вновь избирался на эту должность в 1816 и 1818 гг.; 24 сентября 1815 г. утвержден в звании адъюнкта и в 1816—1817 г. помимо чтения лекций по русской истории, статистике и всеобщей географии, нес обязанности редактора «Казанских Известий», синдика Правления (1817) и члена училищного комитета (1818). 11 февраля 1819 г. был избран э. профессором, но вследствие начавшейся ревизии М. Л. Магницкого утвержден в этом звании не был; вскоре умер от нервной горячки (Загоскин, Словарь, I, 209; Загоскин, История, II, стр. 36—38; РБС). 40, 45, 46, 48, 50.

Юнг, Джон-Радфорд (р. 1799), английский математик, профессор математики в Бельфасте. 473.

Юргенс, Каспар-Эдуард (р. 1783, ум. 5 июля 1849), переплетчик в Казани (Агафонов, I, стр. 112). 134, 136.

Юрьев, Михайло, переводчик. 233.

Юферов, Николай Осипович (р. 1798, ум. 18 января 1864), сын О. Я. Юферова (см.), преподаватель математики в Казанском университете, ученик Н. И. Лобачевского; образование получил в том же университете, с 10 июля 1816 г. по 4 июля 1819 г.; окончил кандидатом и утвержден по второму экзамену 19 октября 1820 г. (М I, 1, стр. 62 и 79); с 14 сентября того же года состоял учителем Казанской гимназии, а с 7 сентября 1821 г. ему поручено было преподавание алгебры и геометрии в университете; с 1822 г. — магистр математики и физики. Свои лекции читал, руководствуясь курсами алгебры и геометрии Н. И. Лобачевского. Выбыл из университета 1 августа 1837 г. (Загоскин, Словарь II, 547; Агафонов, I, стр. 112; РБС). 20, 100, 116—118, 127, 219—221, 224, 225, 242, 246, 274, 279, 280, 293, 294, 316, 319, 320, 356, 357, 371, 395.

Юферов, Осип Яковлевич, секретарь конторы Казанской гимназии с 25 мая 1811 г. по 26 марта 1814 г. и секретарь временного комитета (с 3 июля 1813) при Казанском университете (М, I, 1, стр. 42 и 45), а затем Правления университета с 26 марта 1814 г. по 1 сентября 1823 г. (там же, стр. 211); одно время (с 11 июля по 24 августа 1814) и. д. казначея университета (там же, стр. 211), имел трех детей: Илью, Николая (см.) и дочь Прасковью (Н. Я. Агафонов, Записи, № 226, стр. 176). 53, 59, 136, 142, 143.

Юшков, владелец дома в Казани, в котором поселился в 1822 г. И.М. Симонов. 128.

Язвинский, Александр Феликсович, педагог; доктор Виленского университета, много путешествовавший по Европе, в 1835 г. прибыл в Петербург и определился преподавателем в Главный педагогический институт и во 2-ю гимназию; известен как автор изобретенного им мнемонического метода преподавания, в его время очень распространенного; издал в 1837 г. «Методу преподавания хронологической истории»; в 1840 г. — «Самоучитель французского языка»; «Синхронистические таблицы всеобщей истории»; в 1841 г. — «Хронологическое обозрение всемирной истории» и мн. др. (РБС; в биографии Н. И. Второва в РА, 1877, кн. II, стр. 430). О его новом методе преподавания хронологии появилась специальная статья в «Московских Ведомостях» 1836 г., прочитав которую, М. Н. Мусин-Пушкин командировал в Петербург учителя Казанской гимназии А. Е. Лазарева, который сообщает о преподавании А. Ф. Язвинского интересные подробности (см. Владимиров, ч. 3, стр. 265—267 и 278). 387.

Язвицкий, см. — Язвинский.

Языков, Дмитрий Иванович (р. 14 октября 1773, ум. 13 ноября 1845), переводчик, непременный секретарь Российской Академии; с 1817 г. состоял начальником отделения департамента народного просвещения, а с 1825 г. — директор этого департамента; с 1841 г. — академик Отделения русского языка и словесности Академии Наук (ПН, IV, стр. 672; РБС; Б. Модвалевский, стр. 45). 120, 273, 278, 338, 349.

Якоби, Карл-Густав-Якоб (р. 10 декабря 1804, ум. 18 февраля 1851), немецкий математик, брат академика Б. С. Якоби. См. о нем биографический очерк, составленный Лежэн-Дирихле, в переводе у В. В. Бобынина: «Физико-математические науки в их настоящем и прошедшем», т. II, год второй, 1886, М, 1894, стр. 265—270 и 349—369. Список сочинений там же, стр. 371—393. Подробная биография его принадлежит Leo Koenigsberger: «Carl Gustav Jacob Jacobi», Leipzig, 1904. — Стр. 579, 580.

Якобий, Иван Карлович, полковник, в 1841—1848 гг. действительный член Казанского экономического общества («Отчет» Общества, 1848, стр. 11); директор губернской выставки мануфактурных изделий в Казани (1845). 506.

Яковицкий, Р., автор записи воспоминаний В. Н. Ахлопковой. 593.

Яковкин, Илья Федорович (р. 12 июля 1764, ум. 26 марта 1836), профессор российской истории, географии и статистики Казанского университета, директор (с 1804 по 1813) Казанской гимназии, инспектор студентов и полновластный хозяин Казанской гимназии и университета в первые годы его существования (1798—1812). После увольнения из университета в 1819 г. жил в Царском Селе, но затем вновь переехал в Казань, где и умер (Загоскин, Словарь, I, 210—214; Загоскин, История, I, стр. 32—37 и др.; РБС; Никанор, стр. 12, 51; Агафонов, I, 112). Одна из пяти его дочерей (Прасковья) была замужем за проф. бар. Е. В. Врангелем (см.), а другая (Анна) за кн. Петром Ивановичем Максутовым, ум. в 1867 (Никанор, стр. 13). Много места уделяет Яковкину в своих воспоминаниях С. Т. Аксаков (стр. 279, 321, 322, 328 и др.); ср.: Владимиров, ч. 2, стр. 27—34; «Записки Н. В. Веригина» (РС, 1892, № 10, стр. 48). Из печатных работ Яковкина наибольшую известность получила его «История села Царского», ч. I—II, СПб., 1829.—Стр. 36—47, 50, 52—54, 56, 71—73, 571, 634, 664.

Янишевский, Николай Петрович, брат Э. П. Янишевского (см.), учившийся одновременно с ним во 2-й Казанской гимназии, а затем (с 24 августа 1846 по 30 мая 1850) в Казанском университете; окончил кандидатом и 1 августа 1850 выбыл из университета (М, I, 1, стр. 332 и 374). 652.

Янишевский, Эраст Петрович (р. 5 марта 1829, ум. в феврале 1906), заслуженный профессор чистой математики Казанского университета (Загоскин, Словарь I, 550—551); ученик Н. И. Лобачевского, окончил 2-ю Казанскую гимназию; с 24 августа 1846 г. — студент Казанского университета, курс которого окончил кандидатом с золотой медалью 30 мая 1850 г. а затем — магистр (1854) и доктор (1865) чистой математики; автор воспоминаний о гимназических и студенческих годах своей жизни «Воспоминания бывшего ученика 2-й Казанской гимназии сороковых годов» (в казанском журнале «Деятель», 1896) и «Из воспоминаний старого казанского студента» (в газете «Волжский Вестник», 1893, №№ 4, 11, 13, 17, 20, 25, 36, 52 и 94 и отдельно, Казань, 1893); в этих воспоминаниях Янишевский дает ценную характеристику Н. И. Лобачевскому как педагогу; ему же принадлежит одна из первых серьезных биографий Лобачевского под заглавием «Историческая записка о жизни и деятельности Н. И. Лобачевского. Речь, произнесенная в торжественном собрании университета 5 ноября 1866 г. Е. Янишевским», Казань, 1868. Она была переведена на французский язык А. Потоцким, под заглавием «Notice historique sur la vie et les travaux de Nicolas Ivanovitch Lobatchefsky. Discours prononcé dans la séance solennelle de l'Université Impériale de Kazan le 5/17 Novembre 1868» и издана в Риме в «Bulletino di bibliografia e di storia delle scienze matematiche e fisiche, publicato da B. Boncompagni, Bd. II, Roma, 1869, p. 223—262. В 1856—1857 гг. Э. П. Янишевский читал лекции алгебраического анализа, пользуясь сочинениями Н. И. Лобачевского. По отзыву шефа жандармов гр. П.А. Шувалова в письме 5 января 1872 г. к министру внутренних дел А. Е. Тима-

шеву, Э. П. Янишевский принадлежал «к так называемой передовой партии в Казанском университете» («Красный Архив», т. 100 (3), 1940, стр. 135). Краткий некролог Янишевского см. в ИВ, 1906, № 3, стр. 1096. — Стр. 7, 8, 20, 22, 37, 46, 66, 71, 73, 83, 85, 93, 223, 227, 236, 285, 577—578, 644—647, 652—655, 667.

Ярцов, Януарий Осипович (ум. 3 декабря 1861), востоковед; образование получил в Казанском университете с 14 февраля 1809 г. (с 5 ноября 1809 г. — студент на жалованье); с 9 января 1813 г. — кандидат; с 25 мая 1816 г. — магистр; 5 января 1817 г. был причислен к посольству в Персии (М. I, 1, стр. 19, 21, 34, 39, 54, 58; Булич, I, стр. 194—198; ПН, IV, 702). 10 июня 1818 г. избран адъюнктом Академии Наук по восточным языкам, но 23 августа 1819 г. выбыл из состава Академии по прошению (Б. Модзалевский, стр. 36); в 1861 г. — драгоман при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, действ. статск. сов. 41, 45, 48.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН[1]

---

[1] В Указатель вошли преимущественно имена авторов книг и статей, упоминаемые в предисловии, статье «От составителя» и в примечаниях, не вошедшие в словарь-указатель.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Агафонов — «Казань и казанцы. Николая Агафонова», I, Казань, 1906; то же, II, Казань, 1907.

Агафонов, Записи — Записи Н. Я. Агафонова в тетрадях, хранящихся под соответствующими номерами в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета.

Адрес-календарь — «Адрес-календарь или общий штат Российской империи».

Аксаков — С. Т. Аксаков, Семейная хроника и воспоминания, 8-е изд. М., 1895.

Архив АН — Архив Академии Наук СССР.

Боборыкин — П. Д. Боборыкин, За полвека (мои воспоминания), ред. Б. П. Козьмина, М.—Л., 1929.

БС — «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869—1894», т. I и II, СПб., 1896—1898.

Булич — Н. Н. Булич, Из первых лет Казанского университета (1805—1819). Рассказы по архивным документам, ч. I, Казань, 1887; ч. II, Казань, 1891. То же, 2-е изд., ч. I и II, СПб., 1904.

ВВ — «Волжский Вестник».

ВЕ — «Вестник Европы».

Венгеров — С. А. Венгеров, Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник), тт. I—VI, СПб., 1891—1904.

Венгеров, Источники — С. А. Венгеров, Источники словаря русских писателей, тт. I—IV, СПб., 1900—1917.

Владимиров — В. Владимиров, Историческая записка о 1-й Казанской гимназии, ч. 1—3, Казань, 1868.

Второв — М. Ф. Де-Пуле, Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники; написан на основании дневника И. А. Второва, ныне хранящегося в Центральном литературном архиве НКВД в Москве. Эта хроника печаталась в «Русском Вестнике», т. 116, 1875, апрель, стр. 494—544; т. 117, 1875, май, стр. 105—187; июнь, стр. 463—524; т. 118, 1875, июль, стр. 56—107; август, стр. 550—621; т. 119, 1875, сентябрь, стр. 121—181.

ГИМ — Государственный исторический музей в Москве.

Долгоруков — «Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым», чч. I—IV, СПб., 1854—1857.

ЖМНП — «Журнал министерства народного просвещения».

Зав. Вив. — «Заволжская Вивлиофика». I. Николая Агафонова, Казань, 1887.

Зав. Вив. Ю. — «Заволжская Вивлиофика». I. Николая Агафонова, Казань, 1887; статья Н. Юсупова (псевдоним Н. Я. Агафонова) «Памяти Андрея Печерского».

Загоскин, История — «История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования 1804—1904. Н. П. Загоскина, заслуженного профессора»; том I, введение и часть первая (1804—1814), Казань, 1902; то же, том второй, часть вторая (1814—1819), Казань, 1902; то же, том третий, окончание части второй и часть третья (1814—1819 и 1819—1827); Казань, 1903; то же, том четвертый, окончание части третьей (1819—1827), Казань, 1904.

Загоскин, Словарь — «Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета (1804—1904) в двух частях. Под редакциею заслуженного ординарного профессора Н. П. Загоскина. Часть первая: кафедра православного богословия, факультеты историко-филологический (с разрядом восточной словесности и лектурами) и физико-математический», Казань, 1904. То же, «Часть вторая: факультеты юридический и медицинский, преподаватели искусств и добавления справочного характера», Казань, 1904.

Затворницкий — Н. М. Затворницкий, Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чинов общего состава по Канцелярии Военного министерства с 1802 до 1902 г. включительно («Столетие Военного министерства. 1802—1902», т. III, отд. 5, СПб., 1909).

ЗКЭО — «Записки Казанского экономического общества».

ИВ — «Исторический Вестник».

ИКИ — Н. Я. Агафонов, Из Казанской истории, Казань, 1906.

К — «Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/5—1929/30», тт. I—II, изд. Казанского университета, 1930.

Каган — Профессор В. Ф. Каган, «Лобачевский». Издательство Академии Наук СССР, М.—Л., 1944.

КВ — «Казанский Вестник».

КВК — «Камско-Волжский край».

КГВ — «Казанские губернские Ведомости. Часть неофициальная».

КИ — «Казанские Известия».

Кондаков — «Список русских художников. К юбилейному справочнику императорской Академии Художеств». Составил С. Н. Кондаков, СПб., 1914.

Корсаков — Д. А. Корсаков, Былое из Казанской жизни 1856—1860 годов. Воспоминания о прошлом, Казань, 1898.

КРК — Дворянская родословная книга Казанской губернии. Рукопись в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета (сохранилась неполностью; в частности, нет самой интересной — VI части).

Лодыженский — И. Н. Лодыженский, Родословная Молоствовых, Казань, 1906.

ЛБ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве.

ЛР — Князь А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, тт. I—II, 2-е изд., СПб., 1895.

Любимов — [С. В.] Любимов. Предводители дворянства всех наместничеств, губерний и областей Российской империи. 1777—1910, СПб., 1911.

М, I, 1 — «Преподаватели, учившиеся и служившие в императорском Казанском университете (1804—1904 гг.). Материалы для истории Университета. Часть I. Выпуск 1 (1805—1854 гг.). Собрал А. И Михайловский, лектор английского языка при имп. Казанском университете», Казань, 1901.

М, I, 2 — То же, часть I, выпуск 2 (1855—1884 гг.) Казань, 1904.

Мамаев — «Записки Н. И. Мамаева» в «Историческом Вестнике», 1901, № 1, стр. 40—76; № 2, стр. 471—508; № 3, стр. 888—920; № 4, стр. 46—83; № 5, стр. 480—517; № 6, стр. 864—905; № 7, стр. 26—75; № 8, стр. 417—438; № 9, стр. 784—827; № 10, стр. 46—72; № 11, стр. 428—470; № 12, стр. 864—882.

Месяцеслов — «Месяцеслов и общий штат российской империи».

МН — Великий князь Николай Михайлович, Московский некрополь, тт. I—III, СПб., 1907—1908.

Б. Модзалевский — Б. Л. Модзалевский, Список членов императорской Академии Наук. 1725—1907, СПб., 1908.

Мурзанов — Н. А. Мурзанов, Правительствующий Сенат (Господа Сенат). Список сенаторов, СПб., 1911.

Никанор — «Кладбище Кизического монастыря. История его и описание». Составил епископ Никанор, Казань, 1892.

ОМС — «Общий морской список».

Отчет за 17 лет — «Отчет императорского Казанского университета и учебного округа за 17 лет, с 1827 по 1-е января 1844 года, по управлению тайного советника Мусина-Пушкина» [составил К. К. Фойгт], Казань, 1844.

ПД — Пушкинский Дом. Институт литературы Академии Наук СССР.

ПКВ — «Прибавление к Казанскому Вестнику».

ПКГВ — «Прибавление к Казанским губернским Ведомостям».

ПН — Великий князь Николай Михайлович, Петербургский некрополь, тт. I—IV, СПб., 1912—1913.

ПС — «Пушкин и его современники».

Пупарев — А. Пупарев, Казанские губернаторы, «Казанские губернские Ведомости», 26 ноября 1856, № 48, стр. 386—387.

РА — «Русский Архив».

РБС — «Русский биографический словарь»; вышло 25 ненумерованных томов в алфавитном порядке фамилий.

Родосский — «Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов С.-Петербургской духовной академии. 1814—1869 гг.», Составил Алексей Родосский (К 100-летию С.-Петербургской Духовной академии).

РПН — Великий князь Николай Михайлович, Русский провинциальный некрополь, т. I, М., 1914.

РС — «Русская Старина».

Руммель — В. В. Руммель и В. В. Голубцов, Родословный сборник русских дворянских фамилий, тт. I—II, СПб., 1886—1887.

Савелов — «Родословная книга дворянства Московской губернии», т. I, под ред. Л. М. Савелова, М., [1914].

Сиверс — А. А. Сиверс, Генеалогические разведки, в. I, СПб., 1913.

СК — «Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города», под ред. профессора Н. П. Загоскина. Казань, 1895.

Сухомлинов — М. И. Сухомлинов, История Российской Академии, тт. I—VIII, СПб., 1874—1888.

ЦГАТ — Центральный государственный архив Татарской АССР в Казани.

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

Чернов — И. Чернов, Указатель города Казани или памятная книжка для жителей Казанской губернии на 1841 год, Казань.

Чернявский — М. Чернявский, Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии 1787—1869 (Литографированное издание).

Ш — «Биографический словарь профессоров и преподавателей император-

ского Московского университета, за истекшее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку» [под ред. С. П. Шевырева], чч. I—II, М., 1855.

ШТ — К. С. Шохор-Троцкий, Казанские знакомства Толстого (по печатным и архивным источникам), сб. «Великой памяти Л. Н. Толстого — Казанский университет 1828—1928», Казань, 1928.

Языков — Д. Д. Языков. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей и писательниц, вып. I—XIII, СПб., 1885—1916 (о русских писателях, умерших в 1881—1893 гг.).

Янишевский — Э. П. Янишевский, Из воспоминаний старого казанского студента, Казань, 1893.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

II

Воспоминания о Н. И. Лобачевском

Приложения

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

Переплет *Н. Д. Полозова.*

РИСО АН СССР № 2474. Подп. к печ. 18 III 1948 г.
М.-00886. Печ. л. $51^3/_4$ + 24 вкл. Уч.-авт. л. 80.
Тираж 3.000. Зак. 845.

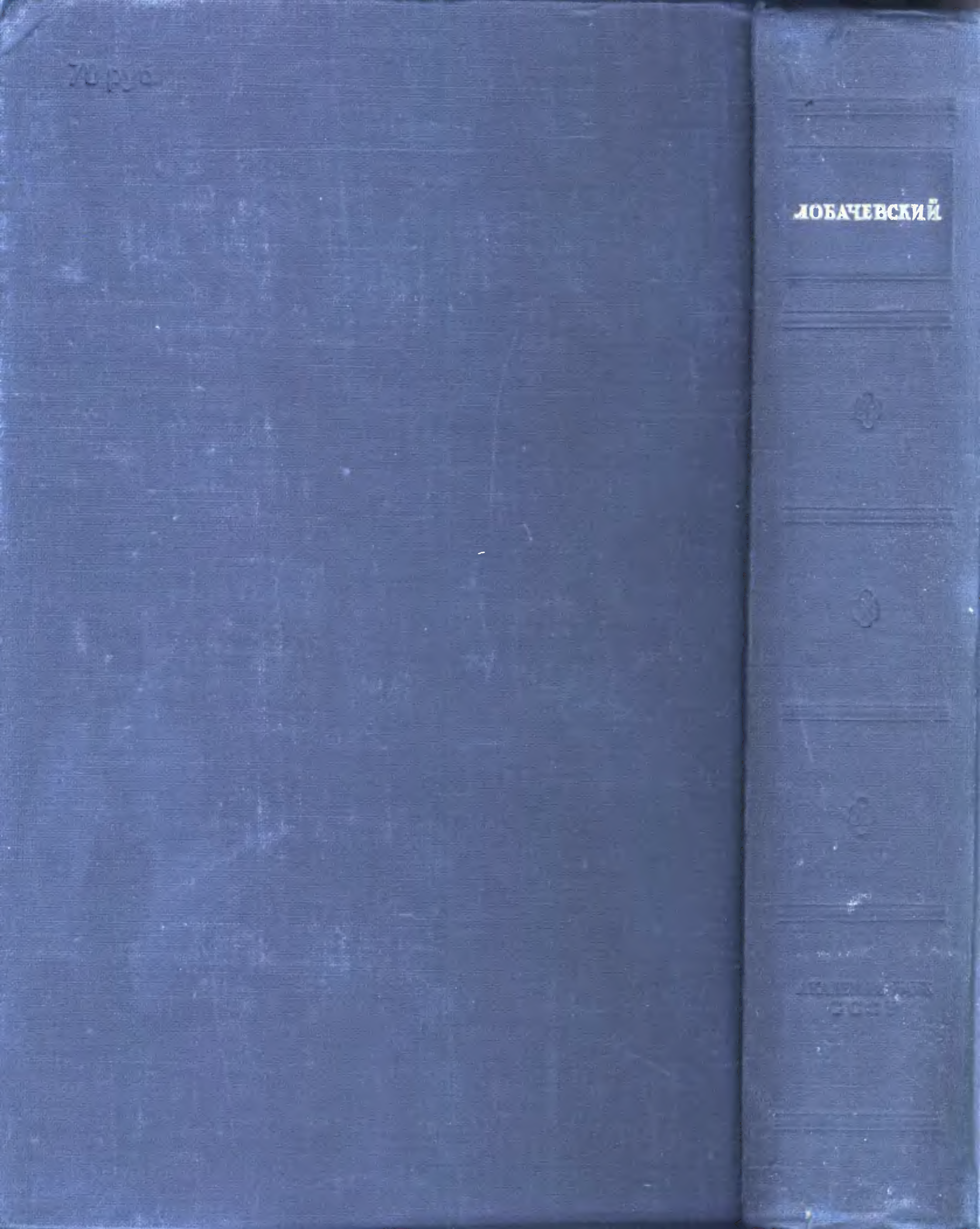
2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького
треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров
СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.

Отпечатано с готовых матриц
1-й Типографией Изд. Академии Наук СССР
Ленинград. В. О., 9 л., д. 12. Зак. 1225

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
13	8-я снизу	сочетании	сходимости
678	20-я „		5
685	Над таблицей	585	8
716	17-я снизу	Оскин	Осокин
732	1-я сверху	1892	1829

Материалы для биографии Н. И. Лобачевского.


ЛОБАЧЕВСКИЙ